

РУССКОЕ СЛОВО.

I.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО - УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1859.

ЯНВАРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГИМНАЗИИ И КОМП.

252882
PRINTED AND
PUBLISHED BY
S. S. S.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, было представлено въ ценсурный Комитетъ законченное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Января 1859.

Ценсоръ *И. Гончаровъ.*

Ценсоръ *А. Фрейтанъ.*

ПРОДАВА
ВЪ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ
ВЪ
КНИЖНОМЪ
МАГАЗИНѢ
С. С. С.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	СТРАН.	
Сны. Поэма <i>А. Н. Майкова</i>	1	✓
Кормилица, (очеркъ) <i>М. Михайлова</i>	21	
Утрата, стихотвореніе <i>Я. П. Полонскаго</i>	34	
Молитва, <i>Его же</i>	35	
Значеніе Парижскаго Университета <i>Г. Бла-</i> <i>госвятлова</i>	36	✓
Италія, стихотвореніе <i>А. Фета</i>	81	
На озерѣ, (изъ Гете) стихотвореніе. <i>Его же</i>	82	
Иньсма Гоголя къ Шрекоповичу	83	✓
Графиня Монтэваль, легенда <i>Л. Мея</i>	137	
Разсказъ вдовы, <i>О — ѳ</i>	143	✓
Сабина, стихотвореніе <i>А. Фета</i>	168	
Похороны, изъ Рюккерта <i>М. Михайлова</i>	174	
Газель Джелаледдина-Рюми, стих. <i>Его же</i>	175	
Хандра, стихотвореніе <i>Я. П.</i>	176	

ОТДѢЛЪ II.

Критика.

Взглядъ на Исторію Россіи, соч. <i>С. Соловье-</i> <i>ва. Аполл. Григорьева</i>	1	✓
Тысяча душъ, романъ въ 3-хъ частяхъ <i>А. Писем-</i> <i>скаго. Г. Эдельсона</i>	49	✓
Стихотворенія. <i>Л. Мея.</i>	66	
Замѣтки объ англійской исторической литературѣ	82	
Библиографія	125	

ОТДѢЛЪ III.

✓	Великій трагикъ. Разказъ изъ книги «Одиссея о послѣднемъ романтикѣ». <i>Аполл. Григорьева</i>	1
	Воспоминанія о путешествіи за границей. <i>К. Б.</i>	42
✓	Обязательный человѣкъ. <i>Мих. Михайловъ</i>	55
	Опера и ея новѣйшее направленіе въ Германіи. <i>А. Сьрова</i>	67
✓	Два образчика Старорусскаго эпоса. <i>Н. Бунакова</i>	87
	Общественная жизнь въ Петербургѣ. <i>Е. Моллера</i>	95
	Отъ Редакціи.	119
	Шахматный листокъ. <i>Виктора Михайлова</i>	

С П Ы.

Поэма въ IV пѣсняхъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Ужь въ зелени березъ есть вѣтки золотыя;
По небу рыхлыя, какъ комы снѣговые,

Отъ сѣвера плывутъ грядами облака;
Все ясно говорятъ, что осень ужь близка;

Выходятъ старшки, поля обозрѣвая,
И колось шелушатъ, про умолотъ смекая,

Пытаясь вынести изъ годовыхъ трудовъ
Крупицу опыта для будущихъ годовъ....

И въ жизни такъ пора проходить: разумъ строгій
Велитъ ужь подводить подъ прожитымъ итоги, —

И память повела его, какъ чародѣй
Въ волшебный лабиринтъ, среди темныхъ галлерей,

И рядъ картинъ предъ нимъ во мракѣ озаряетъ....
На все, что предо мной она разоблачаетъ,

Уже выраю я съ спокойною душой.
Ужь все такъ далеко, все кажется мечтой!

Фигуры движутся, какъ въ дымкѣ олимпіама,
Уже на все легла эпическая рама,

Отд. I.

1 а

И свѣтъ таинственный, и муза въ тишинѣ
Все взоромъ обняла и пѣсни шепчетъ мнѣ....

О сынъ мой, милый сынъ, какъ рѣзвый и живой
Малютка розовый, играешь ты со мной!

Тебѣ по вечерамъ я сказываю сказки,
И вдругъ ты тяжело дышать начнешь, и глазки

Блеснутъ слезинкою.... Задремлешь ли порой,
Задумываться я люблю передъ тобой,

И губокъ подвижныхъ въ измѣнчивомъ движеніи
Угадывать твои невинныя видѣнья....

И вотъ ты вырастешь.... Быть можетъ для тебя
Судьба не дастъ сказать мнѣ сказку про себя:

Вотъ *Сны* тебѣ мои.... въ нихъ все, что хладный опытъ
Открылъ мнѣ, проведя чрезъ слезы, скорбь и ропотъ.

Свидѣтель будешь ты уже поры иной:
Быть можетъ наши *Сны* сочтешь уже мечтой

И сказкой нашъ удѣлъ и нашихъ дней страданья....
Молю — да будетъ такъ!

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Есть домикъ — онъ теперь глядитъ ужь старцемъ сирымъ,
Но нѣкогда онъ мнѣ казался цѣлымъ міромъ!

Уютно онъ стоитъ между березъ и липъ;
У дома спускъ крутой, а тамъ рѣки изгибъ,

И за рѣкою лучъ, сквозь дождевую тучу,
Блеститъ на городкѣ, на домахъ, сбитыхъ въ кучу.

Веселый смѣхъ дѣтей, какъ въ роцѣ пѣнье птицъ,
Звучитъ въ томъ домикѣ; въ немъ нѣтъ угрюмыхъ лицъ

И видимо на всемъ благословенье Бога,
Хоть бѣдность не чужда была его порога;

За то тамъ былъ пріютъ простыхъ и добрыхъ чувствъ
И билися сердца при имени искусствъ.

Искусства труженникъ, безъ жажды славы лживой,
Отецъ мой тамъ обрелъ пріютъ себѣ счастливый.

Что въ жизни вынесъ онъ, какимъ достигъ путемъ,
Житейской мудрости — не знали мы с томъ....

Вокругъ его друзья немногіе собирались;
Всѣ вмѣстѣ старались.... лишь смертью разлучались....

Намъ свято имя ихъ: они учили насъ....
Но онъ, божественный, бывало, углубясь,

Какъ бы исполненный душевнаго видѣнья,
Онъ пишетъ въ мастерской святыхъ изображенья —

Все изъ саду къ нему заглядываемъ мы....
Все было чудно намъ средь влажной полутьмы

Въ пространной мастерской — болѣзненная дума
Въ лицѣ художника, творящаго безъ шума,

Въ самозабвеніи, статуи возлѣ стѣнъ,
Холодные какъ смерть, и подвижной манкень

Съ румяной маскою, съ горою кудрей жесткихъ,
Сѣдящій какъ пророкъ на плотничьихъ подмосткахъ.

Но бросилъ кисть отецъ, и «дѣти» крикнулъ намъ,
И мы со всѣхъ сторонъ бѣжимъ по цвѣтникамъ,

Всѣ, даже меньшіе, къ нему, привставъ на-цыпки,
Руками тянутся и ждуть его улыбки....

О, много я часовъ въ той мрачной мастерской,
Провелъ потомъ, носясь Богъ знаетъ гдѣ душой!...

Изъ братьевъ я хоть былъ всѣхъ старѣе годами,
Но разумъ спалъ во мнѣ какъ оземь подлѣ снѣгами....

Когда собирались мы въ кружокъ по вечерамъ,
И мать изъ Библии урокъ читала намъ,

Тяжелый сонъ меня одолевалъ при чтеньѣ....
Но помню, разъ она о первыхъ дняхъ творенья

Разсказывала намъ по книгѣ Бытія, —
Впервые изумленъ, внималъ прилежно я,

И послѣ чтенія, какъ братья шли ужь въ спальни,
Тихонько убѣжалъ я сада въ уголъ дальній

И, взоры устремивъ на звѣздный сводъ небесъ,
Казалось понялъ смыслъ прочитанныхъ чудесъ.

Съ тѣхъ поръ ума во мнѣ Господень перстъ коснулся,
И онъ отъ празднаго бездѣйствія очнулся.

И много лѣтъ потомъ я помнилъ этотъ мигъ,
И посвятилъ ему свой первый дѣтскій стихъ.

Когда же мать моя нашла его случайно,
Я, вспыхнувъ, убѣжалъ, стыдясь за трудъ свой тайный,

И плакалъ я, когда она меня нашла,
И кудри гладила, и съ лаской обняла,

Стараясь мнѣ взглянуть въ потупленные очи...
Я точно вышелъ вдругъ на свѣтъ изъ мрака ночи,

И въ чудномъ блескѣ мнѣ являются всегда
И отрочества дни, и школьные года,

Когда безопасно нѣлъ я солнце, моря волны,
Волною на песокъ закинутые челны,

И дѣвъ невидимыхъ, которыхъ посвящаль
Я въ красоты лѣсовъ, пустынь и дикихъ скалъ.

Но городъ, гдѣ я росъ, мой даръ считалъ юродствомъ.
Хоть люди въ немъ цвѣли отъ праздности дородствомъ,

Но праздность видѣли въ занятіяхъ моихъ
И кару — въ худобѣ моей за чтенье книгъ.

И лишь немногіе и близкіе знакомцы
Да бурсы городской смиренныя питомцы

Мои творенія читали — кто бранилъ,
Кто неумѣренной хвалою превозносилъ.

Но я почувствовалъ, что ихъ суда мнѣ мало.
Иное поприще мечта мнѣ открывала.

Къ намъ быстрая мозва за вѣстью вѣсть несла,
 Что въ мѣрѣ поднялась борьба добра и зла,

И каждое ловилъ я огненное слово,
 И жаждалъ пскуспть свой духъ въ борьбѣ суровой....

Такъ въ замкѣ, на скалѣ, на днѣ сырой тюрьмы.
 Вдругъ слышино узнику, среди глубокой тьмы.

Что съ моря выстрѣлы несутся боевые,
 Все ближе; вотъ дрожать граниты вѣковые.

Вотъ парусъ, какъ пятно, въ окнѣ его мелькнулъ
 И вѣтръ къ нему занесъ и дымъ, и криковъ гулъ;

Кругомъ шипятъ въ водѣ и бьютъ о камень ядры;
 Онъ слухомъ лишь слѣдитъ, какъ движутся эскадры.

И кинулся бѣ къ окну — да окна высоки!
 И проклиная цѣпь, онъ плачетъ отъ тоски....

И я рѣшилъ отцу открыть свои мученья,
 И на далекій путь просить благословенья.

Спокойно выслушалъ слова мои старпкъ,
 И, помню, просіялъ какъ юноша въ тотъ мнѣ.

«Тебѣ не мѣсто здѣсь», сказалъ онъ вдохновенный,
 И къ матери повелъ въ покой уединенный.

И говорилъ я ей, что гибну я въ глуши;
 Что даръ коснѣетъ мой въ бездѣйствіи души;

Что славное пришло для человѣка время;
 Что новое Господь на землю бросилъ сѣмя;

Что въ душу избранныхъ его Онъ насадилъ,
 И страждущимъ раздать велѣлъ, и — часъ пробилъ —

Сіяетъ и для нихъ надежды свѣтъ любезный,
 Какъ Ною радуга надъ безпредѣльной бездною;

Что зданья стараго дрожить уже скелеть,
 И въ трещины его ужъ новый блещетъ свѣтъ;

Что нѣкій мужъ, въ ночи являясь, мнѣ глаголетъ:
 «Гдѣ посохъ твой! вставай!» и въ путь идти неволитъ....

«Пусти, я умоляю, я буду утѣшать
«Надеждой скорбнаго и добрыхъ прославлять!»...

Все выслушавъ, она промолвила миѣ строго:
«Но гдѣ же знаменье, что это голосъ Бога?»

«Намъ сказано: не всѣ внушенья отъ небесъ —
«И образъ ангела пріемлетъ часто бѣсъ.»

А я: «нѣтъ, не земнымъ подвигнуть я внушеньемъ;
«Его провѣрилъ я молитвой и сомнѣньемъ.»

«Кто знаетъ? то, надъ чѣмъ и старецъ пзнемогъ,
«Нерѣдко лепетомъ младенца скажетъ Богъ!»

«О, не держи меня и дай благословенье,
«Да чистый шествую я ближнимъ во служенье.»

И голову склонилъ къ ся колѣнамъ я.
И взоръ то на отца стремя, то на меня,

Сказала дивная дрожащими устами:
«Тебѣ отвѣтствовать могу я лишь слезами!»

«Останешься ль у насъ — ты будешь тосковать,
«И скрытой скорбію миѣ душу надрывать!...

«Уйдешь.... о для чего тебя я породила!»...
Но больше говорить ей сила измѣнила,

И плакала она, склонясь ко миѣ головой,
И тихо молвила: «Иди! Господь съ тобой!»

Досель, о дивная, миѣ образъ твой сіяетъ!
Слеза безмолвная съ ресницы упадетъ....

Покорно говорятъ уста твои: «иди!»
А руки жмутъ меня къ взволнованной груди....

Но вотъ отецъ развелъ твои тихонько руки
И обнялъ онъ тебя, свои скрывая муки,

Миѣ подалъ знакъ уйти, а самъ тебѣ шепталъ
Слова святыхъ надеждъ и въ очи цѣловалъ....

И я оставилъ сѣнь отческаго дома.
И дни прошли въ пути. Душевная истома

Меня лишила силъ. Осенній вѣтеръ выль....
Впервые понялъ я, какъ домъ отцовскій милъ.

Я всюду видѣлъ мать: душа ея болѣла,
Все что-то высказать, казалось, мнѣ хотѣла....

Изъ сердца моего, Богъ вѣдаетъ куда,
Мечты умчался, какъ птички пзъ гнѣзда....

Я на горы взошелъ. Долины въ мглѣ тонули,
И звѣзды въ небесахъ холодныя блеснули....

И страшнымъ сномъ въ ту ночь мой духъ былъ возмущенъ.
То былъ пророческій, тревоги полный сонъ.

Онъ возвѣстилъ мнѣ все, что послѣ совершилось....
Но поздно мнѣ его значеніе раскрылось.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Мнѣ снилось, что я все въ горахъ еще бродилъ.
Всечасно на пути мой шагъ межъ плитъ скользилъ

Лопухъ, чертополохъ за платье мнѣ цѣплялись,
И точно духи, въ нихъ дремавшіе, взвивались

И били крыльями, какъ птицы. Грудь мою
Сжималъ пустыни страхъ. Вдругъ вижу, на краю

Обрыва горъ стоитъ почтенный странникъ, рѣзко
Рисуясь статуей на небѣ, полною блеска.

Я, радостно узрѣвъ живое существо,
Какъ младшій старшаго привѣтствовалъ его.

Онъ поднялъ голову, какъ будто съ неохотой
Прощаясь съ думою и тяжкою заботой.

«Куда стремишься ты?» спросилъ онъ. И въ отвѣтъ:
«Ищу я истины, иду туда, гдѣ свѣтъ».

Онъ на слова мои такъ горько улыбнулся,
Что я потушилъ взоръ и духомъ содрогнулся.

Но тотчасъ прежній видъ спокойствія принявъ,
Онъ молвилъ кротко мнѣ: «да, юноша, ты правъ.

«Иди за мной. Тебѣ я славный путь открою.»
Сказавъ, онъ до меня дотронулся рукою,

И полетѣли мы въ пространствѣ голубомъ,
Какъ два орла летятъ, не двигая крыломъ.

Воздушный сей полетъ мнѣ не казался страннымъ.
Долъ скрылся. Мѣсяцъ всплылъ надъ облакомъ туманнымъ,

Какъ будто снѣжную мятель въ немъ серебра,
И духъ мой весель былъ. Когда жъ зажглась заря,

Обширный увидалъ я городъ. Въ немъ, какъ ленты,
Шли уллицы. Кругомъ дворцы и монументы,

И башни, и мосты. Народъ вездѣ кишилъ,
Какъ въ муравейникѣ, и къ площади валилъ,

Гдѣ цѣльные быки на вертелехъ вращались,
Пылали маяки и знамена качались.

И сталъ я различать, спускаясь, звукъ трубы,
И стоишь, и вой, и крикъ, и частый трескъ пальбы.

У городскихъ воротъ спустились мы на землю,
И я едва успѣлъ опомниться, какъ внемлю,

Что по полю па, настъ толпа людей валитъ,
Какъ туча черная, и дико голоситъ.

Какъ пухъ во облакѣ поднятой вихремъ пыли,
Помчался съ ними я. Они въ крови всѣ были,

И я гляжу — на мнѣ одежды не мои!
Я тронулъ ихъ рукою — смотрю, рука въ крови;

Я крикнуть къ спутнику хотѣлъ, но вижу: краснымъ
Онъ машетъ колпакомъ и голосомъ ужаснымъ

Передъ толпой вопить, какъ звѣрь свирѣпъ, космать....
«То онъ ли?» думалъ я и страхомъ былъ объять.

Но онъ, схвативъ меня рукою — «бѣснуйся съ ними!
«Кричи! сказалъ, и — прочь съ сомнѣнными пустыми!»

Вбѣжали въ городъ мы. Дома одни горятъ,
Другіе грудю дымящейся лежатъ;

Повсюду битвы слѣдъ. Размощены дороги,
Объ мертвыхъ, что ни шагъ, то путаются ноги.

Тамъ съ шпагою въ рукѣ, патриціей молодой,
Лежитъ упавъ навзничъ съ разбитой головой.

Тамъ женщина: съ одеждъ струею кровь лѣтеть,
А на груди ея живой ребенокъ бьется;

За горло двое тамъ схватясь, разинувъ зѣвъ,
Валялись мертвые, въ борьбѣ окостенѣвъ.

Тамъ груды цѣлыя, и мы чрезъ нихъ неслися
И выбѣжали вдругъ на площадь, гдѣ стеклися

Несмѣтныя толпы и точно ждали насъ
Вокругъ большихъ костровъ, крича и веселясь.

И начали кидать въ костеръ сокровищъ груды.
Со звономъ лопали хрустальные сосуды.

Церковной утвари расплавленный металлъ
Съ костра горящими ручьями ниспадалъ.

На куклу вздѣвъ вѣнецъ и царскіе доспѣхи,
Ее повергли въ огонь при сатанинскомъ смѣхѣ.

«Воспой ихъ торжество!» мой спутникъ мнѣ вопилъ,
Но новый шумъ меня сильнѣй того смутилъ.

Я вижу — женщину везутъ на колесницѣ,
И честь ей воздаютъ, какъ слѣдуетъ царицѣ.

То полная была, румяная жена.
Чело въ вѣнкѣ изъ розъ, до чреслъ обнажена,

На клики и почетъ, что чернь ей расточала,
Ругательствомъ она и смѣхомъ отвѣчала.

Вокругъ танцовщицы шли, бубнами стуча,
Жрецы, и трубачи, и вѣстники, крича:

«Раздайтесь! се Любви богиня, Мать-Природа!»
Какъ змѣй ползеть въ нору, вся вереница хода

По лѣстницѣ во храмъ ушла. И я толпой
Туда же вдвинуть былъ. Тутъ духъ смутился мой

Инымъ позорищемъ. Весь храмъ сіялъ огнями.
Отъ верху до низу, какъ въ циркѣ, ступенями,

Шелъ помостъ, какъ цвѣтникъ, толпой мужей и женъ
Пестрѣя. Посреди былъ идолъ водружень —

Сатиръ, при хохотѣ вакханки богомерзкой,
Срывающій покровъ съ весталки лапой дерзкой.

У ногъ кумпра сонмъ жрецовъ стѣной стоялъ.
И въ пламенныхъ рѣчахъ собранью возглашалъ:

«Возрадуйте! конецъ насильству и работѣ:
«Мы міръ преобразить грядемъ во имя плоти!»

Въ отвѣтъ, при стукѣ чашъ, при кликахъ торжества,
Вокругъ раздался взрывъ хуленій божества,

И съ наглостью мужи и жены предъ собраньемъ
Являли свой восторгъ безстыднымъ лобызаньемъ.

Мой спутникъ тихо мнѣ: «сегодня конченъ бой.
«За власть на утро же подыметъ другой.

«Покуда — твой чередъ. Мгновеніе приспѣло,
«И слава — твой удѣлъ, лишь что скажу я, — дѣлай!»

Сказавъ, явился онъ въ кругу жрецовъ другихъ
Какъ ихъ верховный жрецъ въ одеждахъ дорогихъ.

Предъ голосомъ его ихъ крики были малы.
Такъ предъ рыканьемъ льва смолкаютъ вдругъ шакалы,

И хоръ болотныхъ жабъ, и крики птицъ ночныхъ,
И всякій звукъ въ степи замретъ на краткій мигъ.

Ругаясь надъ трудомъ, надъ трономъ, надъ святыней,
Онъ черпъ превозносилъ и, призывая пылъ

Ее къ великому свободы торжеству
И наглымъ образомъ уподобляя льву,

Который, цѣпь разбивъ и надышавшись волей,
Отъ гнѣва отдыхать улегся на престолѣ,

Воззвалъ ко мнѣ: «пѣвецъ! вотъ наше божество!
(На идолъ указавъ) «воспой же намъ его!»

И подавъ съ высоты мнѣ золотую лиру,
Но любострастному въ лицо взглянувъ сатиру,

Негодованія не могъ я превозмочь
И лиру срамную отбросилъ гнѣвно прочь.

«Свобода, я вскричалъ, не пиръ, не рабство крови,
«А духа торжество и благодать любви!

«Отъ сердца пѣснь моя; а сердцемъ чуждъ я вамъ,
«И гимна не спю разнузданнымъ страстямъ!»

Мой спутникъ съ высоты меня окинулъ взоромъ,
И взоръ его блеснулъ, какъ молнія, укоромъ.

Но я, трепещущій, далеко былъ. Въ тотъ мигъ
Видѣнья чистыя моихъ пустынь родныхъ

И профиль матери, предъ образомъ стоящей,
Мелькнули предо мной.... Такъ путникъ, весь дрожащій,

Въ грозу, при молніи увидить предъ собой
Вдругъ церковь бѣлую средь темноты густой.

Но то былъ мигъ одинъ. По храму гулъ промчался.
И, точно громъ въ горахъ, ужасный крикъ раздался:

«Въ огонь его, въ огонь поборника цѣпей!»
И все задвигалось. Жрецы отъ алтарей,

Съ подмостокъ вся толпа, какъ лютыхъ тигровъ стая,
Рванулась на меня, все на пути ломая....

Я схваченъ, поднять былъ и, слыша дикій вой,
На звѣрскихъ лицахъ вокругъ конецъ читая свой,

Я бился, выскользнуть стараясь на свободу,
Какъ угоръ пойманный скользить и рвется въ воду

Изъ рукъ дѣтей, въ весну, шумливую гурьбой
Пришедшихъ на расплѣсъ, оставленный рѣкой.

Но выбившись изъ силъ, уже я помню смутно,
Что съ хохотомъ слился народа ревъ безпутный,

И я надъ бездною туманною стою,
И подлѣ путникъ мой, личину снявъ свою,

Какъ прежде важенъ, тихъ, и съ кротостью благою
«Прощай, мнѣ говорить, мы встрѣтимся съ тобою.

«Но помни: океанъ, бушуя, плъ со дна
«Подъемлетъ, но потомъ уляжется волна,

«И берега цвѣтутъ отъ брошеннаго пла.»
Значенье этихъ словъ тогда мнѣ тайной было.

Отъ ужаса едва сознаніе храня,
Я смутно понималъ, что вождь мой спасъ меня.

И онъ исчезъ. И тутъ отъ скорби и смятенья
Я сталъ переходить въ холодное забвенье.

Лишь чувствовалъ, что мракъ вокругъ меня густѣлъ,
Сырой, ужасный мракъ.... и я летѣлъ, летѣлъ....

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Когда заблудшійся въ ночи, въ лѣсу густомъ,
Вдругъ слышитъ шопотъ струй и, слухомъ лишь ведомъ,

Приходитъ къ озеру, и вдругъ, на влагѣ сиящей,
Увидитъ — огонекъ плыветъ къ нему дрожащій;

Понявъ, что то ладьи вдоль берега кружатъ,
Что раковъ ловятъ тамъ иль сонныхъ щукъ багрятъ,

Онъ мыслить, что спасенъ отъ голода и звѣря:
И дышитъ радостно, въ свое спасенье вѣря,

Такъ жизни свѣтъ въ душѣ я снова ощутилъ.
Еще безъ голоса, но очи ужь открылъ,

И приходя въ себя, былъ радъ, что сердце билось,
И все понятнѣе кругомъ мнѣ становилось.

На лѣстницѣ дворца лежу я недвижимъ
Въ иномъ ужь городѣ. Патруль прошелъ. Но имъ

Я не замѣченъ былъ. Заря межъ тѣмъ вставала,
И блѣдная лазурь на небѣ оживала.

Я всталъ и въ путь пошелъ. Все тихо. Ни собакъ,
Ни запоздавшихъ по улицамъ гулякъ.

Вотъ зданье — все темно, но ужь надъ нимъ зарею
Сіяла статуя, держа вѣсы рукою.

Тамъ первые лучи занскрился вдругъ
На буквахъ золотыхъ. Прочелъ я: «Храмъ Наукъ.»

Я дальше. Вотъ чертогъ. Ужь оконъ верхній ярусъ
Горитъ какъ жаръ. Лѣсъ мачтъ, кой-гдѣ алѣвнѣй парусъ,

Меркурій и Нептунъ мнѣ дали разумѣть,
Что то торговли храмъ. Успѣлъ лишь оглядѣть

Его, какъ пантеонъ узрѣлъ я величавый
«Гражданскихъ доблестей и дѣлъ воинской славы.»

На солнцѣ онъ ужь весь сіялъ. Къ нему пути
Уставлены людьми, литыми изъ мѣди.

Съ гранитной лѣстницы, опершись о перила,
Смотрѣлъ я внизъ — и духъ мой радость окрылила.

Столбъ солнечныхъ лучей забрызгалъ по рѣкѣ;
Съ церковей понесся звонъ. Вблизи и вдалекѣ

Задвигался народъ; суда пошли, обозы...
«О, вотъ счастливый край!» воскликнулъ я сквозь слезы.

Тутъ двинулись полки, литаврами гремя.
Народъ въ какой-то храмъ бѣжалъ. За нимъ и я.

«Алтарь отечества» прочелъ я у фронтона.
Войска туда несли развитыя знамена.

Явился царь. Какъ левъ спокоенъ былъ онъ, тихъ;
Какъ солнцу онъ сіялъ средь подданныхъ своихъ,

Среди сподвижниковъ цвѣтущихъ и маститыхъ,
Широкой лентою черезъ плечо повитыхъ.

Съ явленіемъ его въ строю блестящихъ ротъ
Раздался звучный кликъ, и шапки снялъ народъ.

Мнѣ въ душу ясный ликъ царя запалъ глубоко,
И я для сей страны сталъ гимнъ слагать высокою.

Попарно ужь стихи рождались въ головѣ;
Виднѣлась бездна риѳъ, какъ по лугу, въ травѣ

Блестящіе цвѣты, и ими прихотливо
Сталъ мысль я убирать и стихъ ловить счастливою,

Какъ праздникъ кончился, и говора полна,
Отъ храма хлынула народная волна.

Я съ нею двинулся. Но духъ мой умиленный
Смущенъ картиною неожиданною мгновенно.

.....
.....
.....
.....

Вотъ городъ кончился, вотъ поле вокругъ глухое,
А все въ ушахъ «бѣги!» звенѣло роковое.

«Бѣги!» по скоро я упалъ, изнеможенъ,
Вцѣпяся въ спутника, но гнѣвно рвался онъ....

Такъ утопающій товарища хватаетъ,
Который самъ терять ужь силы начинаетъ,

И въ ужасѣ презрѣвъ несчастнаго мольбу,
Въ богопротивную вступасть съ нимъ борьбу....

Но мигъ — и вырвался вожатый мой и скрылся...
Широкий горизонтъ вокругъ мракомъ обложился...

Въ тупомъ безмыслии глядѣлъ я, какъ исчезъ
Послѣдній лоскутокъ лазуревыхъ небесъ,

И показалось мнѣ, что Богъ во глубь эфира
Уходитъ, отвратя лицо свое отъ міра,

А сумрачный Князь Тьмы, съ тиарой на челѣ,
Побѣдно шествуетъ владыкой по землѣ,

И съ нимъ его сыны, какъ псовъ голодныхъ своры,
Трибуны и жрецы, клеветники и воры....

И вотъ ужъ съ грохотомъ тяжелыхъ колесницъ
Все ближе визгъ и вой.... я пасть на землю ниць,

Слова младенческихъ молитвъ припомнить тѣшилъ,
И только «Отче нашъ» сказалъ и — пробудился.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Съ тѣхъ поръ прошли года.... Обмануть вѣрой страстной,
Я въ жизни изнемогъ.... Сбылся мой сонъ ужасный!...

Повсюду пламеннымъ мечтамъ моимъ въ отвѣтъ,
Въ судьбахъ народовъ я читалъ: «надежды нѣтъ!»

Съ презрѣніемъ въ душѣ къ бессилью человѣка,
Всѣ боли раздѣливъ обманутаго вѣка,

Равно я поражалъ насмѣшкою своею
И вѣру стариковъ, и страстный пылъ дѣтей.

Сомнѣнье стало мнѣ и гордостью, и мукой,
И имъ кичился я надъ чернью близорукой.

Лишь тотъ, кто слышалъ разъ, какъ падая стучитъ
Земля о хладный гробъ, гдѣ трупъ любезный скрытъ,

Пойметъ, какъ тяжело душѣ, въ порывѣ къ благу,
Съ горячей вѣрою терять на жизнь отвагу;

Пойметъ, какъ тяжело, стуча рукою въ грудь,
Въ отчаяньи стонать: «все тщетно! конченъ путь!»

«Нѣтъ! съ жизнью нѣчего мнѣ больше лицемѣрить,
«Въ ней нѣчего любить, и нѣ во что въ ней вѣрять!»

Болящею душой въ забвеньи потопуть
Хотѣлось мнѣ и вотъ, опять я вышелъ въ путь....

Дохнуть мнѣ воздухомъ пустынныхъ мѣстъ хотѣлось,
Гдѣ сладко нѣкогда мнѣ думалось и пѣлось....

Я шелъ — и каждый мигъ яснѣй мнѣ образъ былъ,
Какимъ я тотъ же путь когда то проходилъ.

Тотъ образъ точно шелъ теперь со мною рядомъ,
Какъ мальчикъ съ старцемъ, то допрашивая взглядомъ

Иль словомъ старика, то мчась за мотылькомъ,
То лепеча съ собой, Богъ вѣдаетъ о чемъ.

И, душу умилилъ, мнѣ спутникъ мой незримый,
Святымъ повѣденьемъ и вѣрою водимый.

Вонъ церковь вдалекѣ — и онъ свернулъ съ пути
Туда вечернія молитвы принести;

Колодезь — тамъ стоитъ крестьянка молодая,
Толпяся овцы вокругъ, у поила ожидая, —

Онъ дѣву мысленно Ревскою зоветъ.
Тамъ жатва; трудъ кипитъ, сверкаетъ серишь, и воть —

Изъ книги Руон стихъ, какъ рожь, благоуханный,
Твердитъ опъ, запахомъ колосевъ обаянный...

И воть на рубежѣ лѣсовъ и горъ родныхъ
Благословенный сонъ коснулся вѣждъ монахъ.

Мнѣ снилось: сквозь туманъ лицу я все дорогу.
Но воть густая мгла рѣдѣетъ по немногу;

Долина чудная открылась предо мной;
Сады цвѣтутъ вдоль горъ, алѣющихъ зарей;

Озера розовымъ вдали сіяютъ блескомъ,
И воды пѣжатъ слухъ, какъ арфы, звучнымъ плескомъ.

Прохладный вѣтерокъ на голову и грудь
Порхнулъ мнѣ, и едва я имъ успѣлъдохнуть,

Какъ вижу — предо мной та Муза, что слетала
Ко мнѣ въ тѣ дни, какъ мать намъ Библію читала,

И та же у нея звучала пѣснь въ устахъ,
И въ этой пѣснѣ все, какъ въ утреннихъ лучахъ

Дышало свѣжестью — святыхъ сердца грѣзы,
Молитвой тихою исторгнутыя слезы,

И счастья, и добра высокій идеаль....
И, слушая ее, я тихо зарыдалъ.

Она жь мнѣ ласково: «мечтатель одинокій!
«Какъ смертный, какъ слѣпецъ свершилъ ты путь далекій!

«Изъ жизни міра ты единый видѣлъ мигъ:
«Его не обнялъ ты и смысла не проникъ!

«Послѣдуй же туда, гдѣ смертныхъ судъ смокаетъ.»
И вотъ — Небесная мнѣ руку простираетъ,

И какъ двѣ горлицы, теряясь въ лучахъ
Златаго утра, мы помчались въ небесахъ.

Въ странахъ заоблачныхъ полетъ нашъ удержала
Она и молча внизъ рукой мнѣ указала.

Святая на землѣ царила тишина.
Я жадно узнавалъ, гдѣ городъ, гдѣ страна,

Въ которыхъ я бывалъ, гдѣ тщетно тратилъ силы,
Гдѣ лучшихъ сверстниковъ оплакивалъ могилы....

Но — чудо! города, которые кланя
Въ слезахъ отчаянья навѣкъ покинулъ я,

Въ которыхъ, думалъ я, все гибнетъ безъ возврата
Отъ беззаконія, слѣпотства и разврата —

Блстаютъ и цвѣтутъ! на всемъ печать труда!
Какъ чайки къ нимъ плывутъ крылатыя суда....

Вонъ слышны молотовъ удары, вздохи машинъ,
И рогъ пастушескій, и пѣснь съ луговъ и пашень,

И, изумленіемъ проникнуть, я спросилъ:
«Какой же это міръ? откуда столько силъ?

«Вотъ край. Онъ сдавленъ зломъ, но рвется жизнь отсюда,
«Какъ сочная трава сквозь каменную груду.

«А это что?... Смотри: тамъ люди строятъ храмъ....
«Ужель то зодчій ихъ?... Да, точно!... то онъ самъ!...

«Его я видѣлъ разъ.... онъ былъ тогда ужасенъ!...
«Какъ онъ задумался! Какъ силенъ! Какъ прекрасенъ!...»

Она жь: «На время духъ пылливый усьмири.
«Я трепещу сама. Всѣ силы собери,

«Какъ бы готовяся на подвигъ чрезвычайный....
«Я подыму покровъ теперь съ великой тайны.»

И вотъ — клубясь съ земли промчался ошшамъ.
Какъ въ арфѣ струнный гулъ, слышалося намъ,

Что звуки носятся по горнему чертогу.
И Муза: «То летять мольбы народовъ къ Богу!

«Внимай!» И трепеща, въ мольбахъ земныхъ племень,
Услышалъ я слова: «Отець! Ты совершенъ —

«Да будемъ, яко Ты, и мы всѣ совершенны!»
Тутъ точно съ глазъ моихъ покровъ совлекся тлѣнный,

Но Муза мнѣ: «молись отъ сердца полноты!
«Предъ челоуѣчествомъ глубоко грѣшенъ ты.

«Знай, къ свѣту жизнь его стремится шагомъ твердымъ.
«Въ ней страсти розныя звучать однимъ аккордомъ,

«И слышитъ полноту и мощь его лишь Богъ.
«Мысль не проходитъ миръ безъ жертвы и тревогъ,

«И зло въ рукѣ Творца есть жезлъ вождя желѣзный,
«Вамъ указующій на пропасти и бездны.

«Ты челоуѣчества таинственный удѣлъ
«Лишь жизнью смертнаго измѣрить захотѣлъ....

«Нѣтъ, поколѣнья въ немъ, событія и люди,
«Какъ цвѣтъ одинъ, какъ мысль, какъ вздохъ могучей груди!

«Идетъ оно впередъ, безмолвно какъ судьба,
«Ступаетъ на цвѣты, ступаетъ на гроба,

«Упадшихъ жертвъ въ средѣ своей не замѣчая,
«То руша, то твори и каждый мигъ мужая....

«Безумецъ, подыми въ веселіи чело!

«Въ самомъ въ немъ сила есть врачующая зло:

«Тамъ — грянетъ вдругъ она торжественнымъ ударомъ

«Войной и ужасомъ, и кровью, и пожаромъ;

«Здѣсь — всходитъ, какъ заря, въ предъизбранныхъ мужахъ

«Нерѣдко съ царскою порфирой на плечахъ....

«Ты плачешь.... То слеза любви и умиленья!...

«Но вижу я въ тебѣ еще одно сомнѣнье.

«Какъ созерцаемъ звѣздъ, ты мыслию одной

«О человѣчествѣ подавленъ и съ тоской

«Ты мыслишь: что же ты въ безгранномъ этомъ морѣ?

«Былинка, прахъ, ничто? что трудъ твой? слезы, горе?

«Изъ малыхъ капель слить могучій океанъ:

«Такъ съ человѣчествомъ, о смертный, ты сліянь!

«Ты — часть его, ты — лучъ единаго свѣтила!

«Твой жребій съ нимъ одинъ, въ тебѣ одна съ нимъ сила!

«Стремися лучшимъ быть, трудись, иди впередъ —

«И вѣруй: чистый трудъ во благо всѣхъ плетъ....

«И ты, пѣвецъ, — блаженъ блаженъ, что зналъ страданья!

«Ты утвердишь на нихъ души своей созданья!

«Терновый путь ведетъ пѣвца до высоты,

«Откуда ясенъ міръ — ея достигнулъ ты,

«И пусть изъ царства зорь, изъ міра благовоній,

«И вѣчной юности, и свѣта, и гармоній,

«На землю падаетъ святая пѣснь твоя,

«Какъ въ знойный день роса, свѣжащая поля,

«Какъ лучшей жизни вѣсть, какъ пѣнье вольной птицы

«Мелькнувшей узнику въ отверстіи темницы.

«Блаженствомъ чистыхъ слезъ смягчивъ сердца людей,

«Та пѣснь ихъ возродитъ для новыхъ, лучшихъ дней....»

О рѣчи чудныя!... и я впивалъ ихъ жадно,
Какъ нива въ засуху впиваетъ дождь отраднѣй....

Мой жребій просіялъ. Мгновенно новый свѣтъ
Мнѣ разомъ озарилъ событѣя многихъ лѣтъ....

Какъ шумъ незримыхъ водъ, въ грядущемъ, въ то мгновенье
Почуялъ я тоску и радость вдохновенья....

И полнъ восторга, въ путь я снова поднялся....
И вотъ — они шумятъ, родимые лѣса!

Вотъ старыхъ липъ верхи, и вотъ, меня встрѣчая,
Визжитъ домашнѣй песь.... Вотъ домъ, вотъ мастерская,

И у треножника сидитъ сѣдой старикъ;
И пишетъ, прослезясь, Скорбящей Дѣвы ликъ.

Знакомымъ голосомъ встревоженъ, кисть бросаетъ....
Вотъ съ воплемъ мать бѣжитъ, смѣется и рыдаетъ,

И къ сердцу жметъ меня, и шепчетъ въ тишинѣ:
«На горе ты рожденъ.... но тѣмъ и милъ ты мнѣ!»

Корветъ «Балнъ»

1856—1858.

А. Майковъ.

КОРМИЛИЦА.

ОЧЕРКЪ.

(посв. сестрѣ С.)

I.

Въ началѣ января 18... года мнѣ минуло пять лѣтъ. Мы жили тогда въ городѣ.

Очень живо помню я свою дѣтскую. Это была небольшая комната о трехъ маленькихъ и невысокихъ окнахъ, выходившихъ на дворъ. Свѣтло бывало здѣсь только по утрамъ въ солнечные дни. У одной стѣны стояла моя кроватка съ высокими, какъ у ящика, стѣнками; у противоположной стѣны, на двухъ большихъ сундукахъ, поставленныхъ рядомъ и покрытыхъ старымъ ковромъ, спала моя нянюшка Фіона. Худая, малорослая, немножко косая и добрая-предобрая, няня моя была вдова нашего повара Никиты. Ходила она по городскому, въ платьяхъ — всегда въ темненькихъ, съ платкомъ на головѣ. У Фіоны была доченька Лиза, годами двумя старше меня, хорошенькая, обстриженная въ кружокъ, съ глубокимъ рубцомъ на лбу. Она часто играла со мной. Самымъ любопытнымъ для меня предметомъ въ дѣтской былъ небольшой сундучекъ няни съ висячимъ гремучимъ замкомъ. Я очень любилъ смотрѣть, когда она отпирала его и шарилъ въ немъ. Ничего не хранилось въ сундучкѣ хорошаго, но занимала меня его разборка. На крышкѣ были налѣплены клейстеромъ и жеванымъ хлѣбомъ разныя картинки: пор-

треть какого-то генерала въ шляпѣ съ перомъ и десятка два изображеній румяныхъ барынь съ букетами въ рукахъ и въ токахъ въ родѣ круглыхъ пироговъ—съ конфетъ и съ синихъ помадныхъ банокъ. Поверхъ генерала былъ наклеенъ гербъ съ Московскихъ вѣдомостей. Съ правой стороны была въ сундукѣ узенькая перегородочка съ особенной крышечкой. Тутъ хранились у няни всѣ мелочи: куски черного воску, ножницы, обгрызки сахару, подсолнечныя семечки въ бумажкѣ, свернутой трубочкою, мѣдный наперстокъ, деревянный игольникъ, клубочки нитокъ на птичьихъ горлышкахъ, насыпанныхъ горохомъ.... Я любилъ побрякивать этими клубочками. На днѣ ящика, подъ разнымъ ситцевымъ и холщевымъ тряпьемъ, лежалъ коричневый шелковый мѣшечекъ, въ которомъ няня берегла всѣ свои деньги. Иногда она вынимала его и пересчитывала серебряную мелочь и мѣдные гроши; были у нея и двѣ синія ассигнаціи, завернутыя въ клочокъ исписанной, затасканной бумажки. Случалось, Фіона брала изъ кошелька своего полтинникъ или другую серебряную монету, показывала мнѣ и говорила: «А вотъ и твой полтинникъ! Помнишь? что маменька-то пожаловала тебѣ, чтобы далъ мнѣ на именные».

Особенно была мнѣ мила моя дѣтская, когда въ ея маленькія окна глядѣло радостное утреннее солнце. Если, проснувшись, я видѣлъ, что день ясный, солнечный, мнѣ было веселѣе вставать и вовсе не хотѣлось пѣжиться. Только раза два, бывало, закроюсь съ головой стеганымъ одѣяломъ и воображаю себѣ, что вотъ это ночь. Мѣста въ одѣялѣ, съ которыхъ сбилась вата, просвѣчивали, и я представлялъ ихъ себѣ звѣздами. Потомъ начну понемножку пропускать свѣтъ подъ одѣяло, и звѣзды начнутъ меркнуть; а какъ открою все лицо, такъ значитъ солнце взошло.

Нѣкоторое время меня очень смущала полоумная нищая Васюха, которая являлась почти каждое утро подъ окнами дѣтской, стучала въ окно своею длинною палкой и грубымъ басомъ кричала: «Копѣчку, Христа ради!» я громко взвизгивалъ, начиналъ дрожать всѣмъ тѣломъ и пряталъ голову подъ подушку. Отецъ велѣлъ гонять Васюху, чтобы не пугала ребенка; но за ней никакъ не могли углядѣть, и она

продолжала наводить тѣнь на ясныя солнечныя утра моего младенчества. Понятно, что я никогда не могъ отъ страха разсмотрѣть ее хорошенько; но она мнѣ представляется до сихъ поръ очень живо: долговязал, тощая, вся оборванная, грязная, глаза разбѣгаются, космы пыльныхъ волосъ нависли на лобъ и на щеки, руки длинныя, костлявыя, за спиной большой мѣшокъ. Однажды няня вздумала прогнать ее, и насилу спаслась отъ ея палки. Потомъ Васюха вдругъ перестала ходить, и нянюшка рассказала мнѣ, что она взбѣсилась, стала кусаться, какъ волкъ, и ее посадили на цѣпь. Послѣ этого извѣстія нельзя уже было, когда я начиналъ упрямиться и плакать, стращать меня, что отдадутъ плаксу Васюхѣ, и она унесетъ меня въ своемъ мѣшкѣ. Фіона выдумала тогда какого-то мужика съ бородой и съ желѣзными зубами, котораго называла Шарабаркой. «Плачь еще, плачь! говорила она: отдамъ тебя Шарабаркѣ на желѣзные зубы!»

Представляя восходъ солнца своимъ одѣяломъ, я вижу, бывало, что няня принесла уже ярко блестящій, круглый мѣдный тазъ и умывальникъ и вынимаетъ изъ комода бѣлое полотенце съ красными концами. Пора вставать! Я весь дрожу отъ холода, когда няня умываетъ меня, вытираетъ, одѣваетъ и потомъ чешетъ слегка намоченныя волосы мои бѣлымъ частымъ гребнемъ. Вотъ, наконецъ, я и совсѣмъ снарядился: на мнѣ голубая шерстяная рубашка, обшитая по краямъ золотымъ шнурочкомъ, подпоясанная тканымъ пояскомъ съ молитвой, и красныя сафьянныя сапожки. «Ну, иди къ тетушкѣ!»

Комната тетушки, рядомъ съ дѣтской, такая теплая, такая уютная! Тетушка Катерина Михайловна была родная сестра моего отца, старая дѣвица; ходила всегда въ бѣломъ чепцѣ съ узенькимъ кружевомъ, въ бѣломъ воротничкѣ, въ черномъ платьѣ, въ темной шали; на рукѣ мотался у нея бисерный четырехугольный мѣшокъ съ платкомъ и табакеркой. Тетушка была нехороша собой, и я почти всегда плакалъ, если кто-нибудь изъ домашнихъ или изъ постороннихъ говорилъ, что я похожъ на Катерину Михайловну. Когда я входилъ къ ней поутру, она заставляла меня мо-

лится предъ большимъ кіотомъ, въ которомъ стояло много «Божьяго благословенія». На вѣнчикахъ иконъ висѣли, на шелковыхъ ленточкахъ, стразовые и кипарисные крестики, круглыя финифтяныя образочки съ русскихъ мощей и, какъ теперь помню, одинъ костяной образокъ, въ видѣ сердечка, съ гроба Господня. Образокъ этотъ принесла тетушкѣ изъ Іерусалима одна старушка-паломница и рассказывала, что одинъ разъ въ годъ, на Святое Крещенье, приходитъ къ Іордану олень-единорогъ, какихъ на свѣтѣ ужъ нѣтъ, опускаетъ голову въ воды іорданскія, оставляетъ потомъ на пескѣ свой рогъ, и вотъ изъ этого-то рога сдѣланъ образочекъ. Эта же старушка, которая, по возвращеніи отъ святыхъ мѣстъ, поступила въ монастырь и ходила часто къ тетушкѣ монашенкой, подарила мнѣ поясокъ съ вытканными на немъ словами: «Господи, на Тя уповахомъ». На треугольномъ шкапчикѣ, служившемъ подиорой кіоту, стояла у тетушки хрустальная неугасимая лампадка, а по бокамъ ея крестъ изъ илецкой соли и такой же подсвѣчникъ, къ которому тетушка прилѣпляла восковыя свѣчки. За стеклами кіота, около иконъ, лежали сухія просвиры, кусочки пестраго артуса, бархатная шапочка съ мощей Святителя Митрофанія, прошлогоднее красное пасхальное яичко и стоялъ графинчикъ со святой водой; изъ-за средней иконы выглядывали концы пушистой вербы. Въ шкапчикѣ лежали у тетушки ея книги и нѣсколько фунтовъ церковныхъ свѣчъ въ бумажкѣ. Въ комнатѣ былъ всегда пріятный запахъ воска.

Я зналъ всего двѣ молитвы: «Богородице Дѣво, радуйся» и «Отче нашъ». Тетушка внимательно слѣдила за мной, когда я читалъ ихъ, останавливала меня, чтобы я не торопился, учила креститься, хорошенько. Окончивъ молитвы, я читалъ: «Господи помилуй папеньку, маменьку, тетушку, няню, меня грѣшнаго раба твоего и всѣхъ православныхъ христіанъ», потомъ клалъ три земные поклона и подходилъ здороваться къ тетушкѣ. Тетушка давала мнѣ цѣловать свою руку, на которой, помню, было черненькое колечко съ мощей великомученицы Варвары, цѣловала меня и, обдернувъ на мнѣ рубашку, посылала здороваться съ отцемъ и матерью.

Молодую и хорошенькую мать мою заставлялъ я въ столовой, за чайнымъ столомъ, передъ самоваромъ, въ бѣломъ утреннемъ капотѣ. Нянька стояла уже у стола, держась за спинку моего высокаго стула, съ моимъ фартучкомъ въ рукахъ. Отецъ, высокій, съ черными бакенбардами и небольшою лысиной, сидѣлъ у стола или ходилъ по комнатѣ. Я здоровался съ матерью и съ отцомъ. Отецъ, цѣлуя меня, обыкновенно спрашивалъ: колется ли у него борода? Иногда онъ сажалъ меня къ себѣ на плечо и проходилъ назадъ и впередъ по всѣмъ комнатамъ, пока мать наливала мнѣ чай въ круглую китайскую чашку, подаренную мнѣ тетушкой на именины. Усѣвшись за столъ, я дѣлалъ густую тюрю изъ хлѣба и выкладывалъ ее изъ чашки на блюдечко высокой кучей. Этой тюрѣ у меня было особенное названіе. У отца была какая-то дача, называвшаяся Горой-Маной; часто слышалъ я это имя въ разговорахъ его съ прикащикомъ, и прозвалъ свою хлѣбную тюрю Гора-Мана.

Послѣ чая мнѣ давали побѣгать по комнатамъ. Вообще, изъ всего нашего дома я хорошо помню только свою дѣтскую да тетушкинъ уголокъ; остальные комнаты какъ-то не сохранились у меня въ памяти. Знаю только, что въ гостиной, между двухъ изразцовыхъ печей, стоялъ большой диванъ изъ карельской березы, да въ спальнѣ матери было старинное грюмо. Одинъ темный сукъ въ деревѣ дивана, окруженный тонкими жилками, былъ похожъ на кошачью морду. Это очень меня занимало, такъ же, какъ и два деревянные позолоченные лебедя по бокамъ зеркала, внизу. Вниюсь, я много способствовалъ, чтобы позолота ихъ скорѣе облупилась.

Набѣгавшись, я приходилъ къ тетушкѣ, и она сажала меня на скамеечку у своихъ ногъ и заставляла учить азбуку. «А— арбузь, бе— бесѣдка, ве— ведро....» читала я, пока не начинала разбирать меня, зѣвота. «Ну, поди поиграй!» говорила мнѣ тогда тетушка.

До игрушекъ я былъ не охотникъ, и рѣдко бралъ въ руки купленныхъ мнѣ на ярмаркѣ оловянныхъ солдатиковъ и палитого свинцомъ ваньку-встаньку съ уморительной рожей.

Самымъ лучшимъ удовольствіемъ было для меня разсматривать картинки въ книгахъ. Чаще всего выпрашивалъ я

у тетушки большіе кіевскіе Святцы съ изображеніями святыхъ. И не умѣя читать, я зналъ по имени многихъ изъ этихъ уравненныхъ добродѣтелью царей и юродивыхъ, воеводъ и монаховъ. Любилъ я также, чтобы тетушка мнѣ рассказывала что-нибудь объ нихъ. Она охотно соглашалась на мои просьбы, и не разъ слышалъ я отъ нея исторію Екатерины великомученицы, ея 'ангела, и Алексѣя Человѣка Божія. Я чрезвычайно живо воображалъ себѣ маленькій клевушокъ, въ которомъ жилъ нищимъ Алексѣй Человѣкъ Божій около дома отца своего и пытался тутъ, не узнаваемый родителями, ихъ подаяніемъ. Часто прерывалъ я подобные рассказы своими теплыми слезами.

Такимъ образомъ большую часть дня, за исключеніемъ часа прогулки по двору съ Фіоной, проводилъ я съ тетушкой, въ ея комнатѣ. Отецъ по утрамъ бывалъ на службѣ и возвращался только къ самому обѣду. Послѣ обѣда и онъ, и мать отдыхали. Вечеромъ они или сами бывали въ гостяхъ, или у насъ были гости и играли на нѣсколькихъ столахъ въ вистъ и въ бостонъ. Мать часто ласкала меня, но никогда не занималась мною такъ, какъ тетушка. Она сидѣла съ работой у себя въ спальнѣ, и когда я приходилъ къ ней, всегда брала меня на колѣни и нѣжно цѣловала.

Почему-то болѣе другихъ памятно мнѣ тѣ вечера, когда мы съ тетушкой оставались одни дома. Съ этими вечерами связана у меня память о большей части рассказовъ тетушки. Насмотрѣвшись картинокъ, послушавшись святыхъ исторій, я наконецъ начиналъ зѣвать: меня кормили манной кашей, заставляли молиться и укладывали въ постель. Полусонный крестилъ я всѣ четыре стороны и цѣловалъ золотой свой крестикъ. Няня зажигала между-тѣмъ ночникъ.

Порой, словно во снѣ, мнѣ слышался ночью шелестъ шелковаго платья около моей постельки, я чувствовалъ легкое прикосновеніе мягкихъ локоновъ къ моей щецкѣ, и на лбу моемъ тихій поцѣлуй матери.

II.

Меня не мало удивляла работа, за которую я сталъ видѣть мать и тетушку.

Я приставалъ къ тетушкѣ съ вопросами, что выйдеть изъ этихъ длинныхъ и широкихъ тесемокъ, что она вяжетъ изъ бѣлой бумаги; но она отвѣчала только: «выйдетъ что-нибудь.»

Матери я говорилъ, что крохотныя рубашечки, которыя она шьетъ, будутъ мнѣ не въ пору.

— Да это я не тебѣ шью, отвѣчала мать.

— Кому же?

— Одному маленькому-маленькому ребеночку.

— Какому?

— Ты не знаешь.

— А гдѣ онъ?

— Теперь его у насъ нѣтъ, а скоро будетъ.

— Когда? Завтра?

— Нѣтъ.

— Послѣ-завтра?

— Нѣтъ, и не послѣ-завтра; а скоро.

— Онъ какой, мама?

— Маленькій-премаленькій... вотъ этакенкій... и ходить еще не умѣеть.

— А ползать умѣеть?

— Нѣтъ, и ползать не умѣеть.... Вотъ этакенкій.

И мать показывала, какой это будетъ крошечный ребенокъ.

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ прибытія этого гостя, о которомъ такъ заботились, что заранѣе шли на него съ утра до вечера.

Однажды вечеромъ, когда я сидѣлъ у тетушки въ комнатѣ и разбиралъ по обыкновенію Святцы, вошла Фіона съ извѣстіемъ, что изъ деревни мужики пріѣхали.

Тетушка спросила:

— А Марина пріѣхала?

— Пріѣхала, отвѣчала Фіона. Сейчасъ сюда прійдетъ.... дѣвочку свою кормить.

— Съ собой привезла?

— Какже, сударыня: жалко вѣдь.

Я спросилъ тетушку:

— Какая это Марина?

— Баба изъ деревни, отвѣчала мнѣ тетушка: — она здѣсь жить будетъ — у тебя въ дѣтской.

Это меня и удивило, и огорчило: мнѣ вообразилось, что Марина явилась на смѣну Фіонѣ, къ которой я такъ привыкъ.

— А какъ же няня-то? сказала я чуть не со слезами на глазахъ.

— И няня тамъ же останется.

— А гдѣ она спать будетъ — Марина-то?

— Ей кровать поставятъ.

— Лучше бы нянѣ кровать! возразилъ я съ нѣкоторой досадой, а та бы на сундукахъ спала.

— Няня ужъ такъ привыкла, отвѣчала тетушка.

— Да зачѣмъ же мнѣ еще другую? допрашивалъ я.

— Нужно, отвѣчала тетушка коротко и неясно.

Посмотримъ, что это за Марина! Признаюсь, я вовсе не радъ былъ новой жилищѣ въ дѣтской; а главное, боялся, не старая ли это брюзга какая.

Съ какимъ любопытствомъ кинулся я въ спальню матери. какъ узналъ, что туда пришла Марина! Къ великому изумленію моему, это была вовсе не старуха; напротивъ — молодая и очень красивая женщина, высокаго роста. Говорила она тихо и кротко — не похожа была на ворчунью.

Скоро могъ я познакомиться съ нею поближе: Марина пришла въ дѣтскую. Тутъ она сѣла къ Фіонѣ на сундукъ, и онѣ принялись разговаривать. Меня Марина приласкала — погладила по головѣ, разобрала мнѣ волосы и поцѣловала въ темячко. Я сталъ около и молча разсматривалъ ее. Она мнѣ очень понравилась: я еще никогда, казалось, не видалъ такихъ хорошенькихъ между крестьянскими бабами. Какіе были у нея добрые глаза! какія свѣжія и румяныя щеки! какіе бѣлые зубы! мнѣ было жаль, что она такъ бѣдно одѣта: рубашка толстая, синій полусушковый сарафанъ въ заплаткахъ.

Марина долго рассказывала нянюшкѣ разныя деревенскія новости. Наконецъ она встала, чтобы пойти къ своей дѣвочкѣ.

— Да принеси ее сюда! сказала нянюшка: — вѣдь она смирная у тебя никакъ? не кричитъ?

— Смирная, Фіонушка. И все была смирная, а теперь и совѣмъ не крикнетъ никогда.... словно чувствуетъ, что съ матерью пришлось расставаться.

Марина ушла; а я тотчасъ приступилъ къ нянѣ съ разспросами.

- Куда же, няня, дѣнуть эту дѣвочку?
- Назадъ въ деревню отвезуть.
- А у кого она тамъ жить будетъ?
- У отца да у бабушки.
- Да какъ же поѣдетъ-то? Вѣдь она маленькая.
- Съ бабушкой: бабушка тоже приѣхала.
- Сюда она не придетъ?
- Кто?
- Бабушка-то.
- Придѣтъ, придѣтъ....
- А какъ дѣвочку-то зовутъ, няня?
- Соломонидкой.

Марина долго не возвращалась. Я успѣлъ поужинать и попрощаться со всѣми; но раздѣться и лечь въ постель не соглашался, потому что мнѣ очень хотѣлось взглянуть на Маринину дочку.

Наконецъ пришла Марина — въ полушубкѣ, надѣтомъ на одну руку: въ полѣ его была завернута Соломонидка. Марина скинула полушубокъ и доставила мнѣ возможность посмотреть на свое дитя; впрочемъ, я все какъ-то сторонился, словно боялся, что дѣвочка меня укуситъ. Половина лба и уши ея были спрятаны подъ шапочкой изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ треугольничковъ; рубашенка была потоньше, чѣмъ у самой Марины, но грязная такая.

Дѣвочка сидѣла смиренно на рукахъ матери, хотя большіе глаза ея смотрѣли робко; но когда Марина поднесла ее ко мнѣ и сказала: «А вонъ баринъ малецкій! Смотри-ка!» Соломонидка задрожала, захныкала и стала отворачиваться.

Я замѣтилъ при этомъ, что у нея очень широкій ротъ.

— Ну, не надо! не надо! уговаривала Марина. Гляди-ка: бусенки-то! бусенки-то!

И она стала передергивать у себя на шеѣ стеклярусный борокъ.

Дѣвочка не унималась.

— Ну, постой, покормлю, сказала Марина, разстегивая дутую мѣдную пуговку своей рубашки: — спать хочеть, прибавила она въ видѣ объясненія.

Нянюшка рѣшила, что и миѣ пора въ постель.

Я нарочно положилъ подушку повыше, чтобы стѣнки кровати не мѣшали миѣ продолжать мои наблюденія надъ Мариной. Она сѣла на сундукъ, дала грудь дочекѣ и тихо запѣла; потомъ стала мѣрно качивать ребенка, все напѣвая также тихо свою заунывную пѣсню. Я уснулъ вѣрно въ одно время съ Соломонидкой.

III.

На слѣдующій день познакомился я и съ бабушкой дѣвочки. Это была маленькая сморщенная старушка, веселаго нрава. Она меня называла «баринушкой» и то и дѣло брала цѣловать мою руку. Тетушка меня научила всегда отнимать руку, когда у меня ее просили дворовые или крестьяне; но съ Купріяновной я не могъ сладить. Веселость ея составляла совершенную противоположность съ расположеніемъ Марины: Марина была все грустна и молчалива. У нихъ были и споры изъ-за этого.

— Чего ты носъ-то повѣсила? говорила старуха: — словно на-вѣкъ расстаешься! Господа добрые — жить будетъ ладно.

— Добрые-то добрые, отвѣчала Марина: — а все не свой домъ.

— Во-отъ! возражала Купріяновна: — больно, небось, далеко отъ дому-то? Нѣтъ-нѣтъ, и мужъ пріѣдетъ, и я. И ребятъ станемъ привозить: одинъ разъ одного, другой разъ другаго.

Марина на возраженія эти только печально качала головой.

У меня сердце надорвалось, когда, дня черезъ два, Купріяновна собралась въ деревню, и Маринѣ пришлось прощаться со своей доченькой. Она въ послѣдній разъ покормила ее своею грудью, вся обливаясь слезами. Дѣвочка потомъ заснула, и сошную взяла ее на руки бабушка; а Марина начала всхлипывать и причитать: «Дитятко ты мое милос! сиротинка моя горькая! на кого я тебя покинула?» Съ такими причитаньями провожала она Соломонидку до сапей. Я смотрѣлъ въ окно. Лошадь была уже заложена; вокругъ ходилъ, похло-

пывая рукавицами, Евстигней, братъ Марины, молодой парень съ русой бородкой. Купріяновна усѣлась въ санѣ. Марина бросилась цѣловать своего ребенка съ такимъ громкимъ плачемъ, что я могъ слышать его сквозь двойныя оконницы. Вѣрно этотъ плачь разбудилъ дѣвочку, потому что я видѣлъ какъ бабушка дала ей въ ротъ рожокъ съ соской. Евстигней торопилъ бабъ, чтобы прощались скорѣе. Марина обнялась и поцѣловалась съ мужемъ. Онъ сѣлъ на облучокъ, снялъ шапку, перекрестился и дернулъ возжами. Сани двинулись. Марина побѣжала за ними.

— Какъ плачетъ-то, бѣдная! замѣтила нянюшка: — словно хоронитъ дѣтище.

Только въ этотъ вечеръ окончательно поселилась въ дѣтской Марина. На другой день я увидалъ ее уже въ новомъ ситцевомъ сарафанѣ, въ тонкой бѣлой рубашкѣ, съ шелковымъ платкомъ на головѣ. Она стала еще красивѣе въ нарядѣ; только глаза у нея все были красны отъ частыхъ слезъ. Я сталъ разспрашивать ее, о чемъ она такъ горюетъ.

— Развѣ въ деревнѣ лучше, чѣмъ здѣсь?

— Нѣтъ, родимый, отвѣчала Марина: — хуже въ деревнѣ.... Избушки тамъ маленькія, улицы узкія, храмовъ Божіихъ нѣту.

— А вѣдь тебѣ хочется туда?

— Хочется, голубчикъ.

— Отчего же?

— У меня тамъ дѣточки, милый, одни одинехоньки — словно сироточки. Вонъ у тебя мама твоя съ тобой, а у нихъ нѣту.

— Они какіе?

— Махонькіе.... Вотъ Соломонидку ты видѣлъ; а то еще есть дѣвочка да мальчикъ: дѣвочка-то съ тебя, а мальчикъ годкомъ помоложе.

— Они что дѣлаютъ?

— Что дѣлать-то, голубчикъ? Играютъ.

— У нихъ игрушекъ много?

— Какія игрушки! Вѣдь мы не господа: неначто игрушки-то покупать. Вотъ Миколкѣ отецъ разъ съ базару дудочку привезъ — только и игрушекъ.

— Это какая-же дудочка, Марина?

— Такъ, дудочка.... утка глиняная, а въ ней дырочка: въ дырочку-то дунешь — она и пискнетъ.

Я немедленно присталъ къ Фіонѣ, чтобы она, какъ хочеть, достала мнѣ такую утку. Нянюшка въ первый же разъ, какъ пошла изъ дому, купила мнѣ дудку и я безъ жалости къ чужимъ ушамъ, принялся упражняться на ней.

— А какъ они еще играютъ? спрашивалъ я Марину про ея дѣтей.

— Лѣтомъ-то по двору бѣгаютъ — въ лошадки, а то въ горѣлышки.... Извѣстно, играютъ.

— А зимой?

— Зимой больше въ избѣ все.... На полатяхъ валяются, въ камешки какіе играютъ, али въ пуговки.

Всякая мелочь возбуждала мое любопытство, и я требовалъ во всемъ объясненія Марины. Скажи мнѣ, и что такое полати, и какъ это въ избѣ все, и сколько окошекъ, и сколько дверей. Мнѣ еще не случалось выѣзжать изъ городу, и по рассказамъ Марины, воображеніе мое создало какую-то сказочную деревню. Избушка Марины, клевушокъ Алексѣя Человѣка Божія, хатка лисы изъ няниныхъ сказокъ — все это какъ-то странно смѣшалось, и изъ всего этого составилъ одинъ образъ. Подробно спросилъ я Марину о деревенскихъ занятіяхъ, о томъ, что она дѣлаетъ, и мою сказочную избушку населилъ сказочною жизнью. Между прочимъ, Марина сказывала мнѣ, что ея изба съ краю деревни, что около деревни есть роща березовая, гдѣ лѣтомъ много грибовъ, а зимой волки воютъ, и что волки рѣжутъ и таскаютъ въ лѣсъ жеребятъ и телятъ.

И вотъ вообразилъ мнѣ темный и страшный лѣсъ. Деревья стоятъ точно огромные люди съ длинными руками, стоятъ и шепчутся. Къ нѣкоторымъ деревьямъ приткнуты избушки. Въ избушкахъ темно-темно; въ крошечныя оконца только рука проходитъ, а головы просунуть и не думай — непременно увязнетъ. Стѣны черныя: тропешь пальцемъ — на пальцѣ сажа. А полъ какой грязный! Это теленокъ патталъ своими копытами.... Толчется, мычитъ, толкаетъ маленькихъ ребятъ — и Миколку съ дудкой, и Соломо-

нидку въ ситцевомъ чепчикѣ, и другую дѣвочку.... И все-то: «му-му-му!» Тутъ и куры бродятъ и кудахчуть. Съ потолка каплетъ — точь-въ-точь какъ у насъ въ банѣ. Ай! теленокъ хочетъ забодать Соломонидку! Дѣвочка завела глаза подъ лобъ, закатилась — заплакала, и ротъ у нея до самыхъ ушей. А бабушка Купріяновна и не посмотритъ: загородила половицу избушки своею скамейкой и прялкой, щиплетъ-себѣ мочку да кружить веретенцо. Рядомъ умѣстился и мужъ Марины, большой мужикъ, въ полушубкѣ, плечи широкія, борода черная, голосъ грубый.... Чуть-ли и зубы у него не желѣзные, какъ у Шарабарки!... Чуть-ли не самъ онъ и Шарабарка!... И вдругъ завылъ въ лѣсу волкъ: «у! у!». Все ближе, ближе. Въ избушкѣ стало еще темнѣе; дѣти жмутся къ бабушкѣ, прячутся на полати; куры съ крикомъ взлетаютъ до потолка; изъ-за печки выскочила кошка, засверкала глазами, замыкала — хочетъ съѣсть курочекъ; теленокъ мычить, мечется изъ угла въ уголь и бьетъ по полу ногами какъ деревяшками.... А волкъ: «у! у! у!»

При одной мысли обо всемъ этомъ, становилось мнѣ страшно, и я отъ всей души желалъ уступить бѣднымъ жильцамъ избушки свою дѣтскую.

Мало-по-малу я проникался глубокою жалостью и теплою любовью къ Маринѣ. Разказы ея зароняли добрыя сѣмена въ дѣтское сердце.

IV.

Я только-что проснулся, и мнѣ очень хотѣлось понѣжиться въ постели, когда вошла въ дѣтскую нянюшка Фіона и стала горопить меня вставать.

— Скорѣе, екорѣе! говорила она: — братца тебѣ Богъ дасть. Вставай, да пойдѣмъ къ маменькѣ!

Тутъ явилась и Лиза съ улыбающимся лицомъ. Она юлила около меня и только и толковала:

— Блятець-то маленькій, малесенькій! Халесенькій блятець-то, маленькій!

Рубецъ у нея на лбу свѣтился, какъ масломъ вымазанный.

Кажется, никогда не вскакивалъ я, не умывался и не одѣвался такъ поспѣшно; даже помолился наскоро, потому что

тетушки, противъ обыкновенія, не было въ ея комнатѣ, и стремглавъ побѣжалъ въ спальню.

— Тише, тише топай! остановила меня въ дверяхъ тетушка: — маменька нездорова.

Я не подошелъ ни къ матери, лежавшей на постели подъ бѣлымъ, обшитымъ кружевами, покрываломъ, подъ бѣлымъ пологомъ, спускавшимся съ потолка широкими, пышными складками, ни къ отцу, стоявшему у изголовья; не поздоровался даже съ тетушкой, а прямо бросился къ Маринѣ, которая держала новорожденнаго въ розовомъ атласномъ одѣялѣ.

— Покажи, Марина, покажи! присталъ я къ ней.

И она наклонилась и развернула темнаго одѣяло.

Глядя на сморщеннаго, краснаго малютку съ плотно закрытыми глазами, съ голой головкой, я вдругъ вспомнилъ мѣщанина, который часто приносилъ намъ продавать дичь и между прочимъ, мерзлыхъ зайцевъ. Съ безпримѣрнымъ простодушіемъ воскликнулъ я:

— Маринна! онъ заяцъ?

Этотъ вопросъ произвелъ всеобщій смѣхъ; даже мать моя, какъ ни была слаба, весело улыбалась.

Мнѣ объяснили, что маленькій братецъ озябъ теперь, и оттого такой красный; но потомъ, какъ согрѣется, будетъ совсѣмъ молодецъ.

Вслѣдъ за этимъ объясненіемъ, я потребовалъ другаго.

— Откуда онъ взялся?

— Ворона на хвостѣ принесла, отвѣчала Марина.

— Какая ворона?

— Такая, какъ вошь летаютъ.

Съ этого времени всякій разъ, когда случалось мнѣ увидать изъ окна летящую надъ бѣлымъ снѣгомъ крякливую, черную ворону, внимательно разсматривалъ я, не несетъ-ли она кому-нибудь на хвостѣ такого же маленькаго братца, какого принесла мнѣ.

Въ тотъ день тетушка, заставляя меня вечеромъ молиться, сдѣлала прибавленіе къ моей молитвѣ.

— Теперь у тебя братецъ есть, сказала она: — ты ужъ вотъ какъ молишь: «Господи помилуй папеньку, маменьку, тетушку, братца, няню и меня, младенца Твоего!»

— А кормилицу?

— Ну, и кормилицу.

Я сталъ молиться и о Маринѣ.

V.

Малютку назвали Алексѣемъ. Въ дѣтской моей поставили ему качалку. Тутъ только я понялъ, для чего поселилась у насъ Марина.

Съ большимъ огорченіемъ смотрѣлъ я, какъ ребенокъ замѣтно страдалъ въ первое время: онъ громко кричалъ, и изгибался порою, какъ въ судорогахъ. И вдобавокъ его еще связывали такъ странно этими длинными и широкими тесьмами, что тетушка приготовила къ его прибытію. Хоть Марина и утѣшала меня, что это необходимо, что «братца целенають, чтобы у него ножки были применькія» — все же няѣ было его очень жаль.

Помню, большія были заботы у Маринны и у Фіоны о головкѣ Лели.

— Что это, матушки мои, головка-то у него какъ долго не держится?

Большой, далеко выдавшійся, затылокъ перекачивалъ ее назадъ.

— Вотъ, не поправили! говорила Марина: — затылокъ-то ковшичкомъ.

— Съ барышкомъ это головка-то, возражала Фіона: — умница, знать, будетъ.

Наконецъ стала головка держаться у Лели, глаза не мигали такъ часто, кончились и страданія нерваго развитія. Ребенку кричали: «а-гу!» и онъ улыбался.

Первая улыбка его была важнымъ событіемъ.

— Фіонушка! Фіонушка! звала Марина: — гляди-ка! усмѣхается.

Фіона отправилась съ извѣстіемъ къ тетушкѣ. Тетушка тотчасъ же пришла въ дѣтскую убѣдиться въ справедливости извѣстія; убѣдилась — и приказала нести младенца къ матери. Ждали не дождались, скоро ли возвратится отъ должности отецъ, чтобы сообщить ему радость. Только и слышно было въ этотъ день что «а-гу!» да «а-гу!»

Марина съ такой любовью, такъ горячо, такъ полно, всею душой отдавалась заботамъ о своемъ питомцѣ, какъ будто онъ ея собственный, у нея подъ сердцемъ бился.

Разъ я спросилъ ее:

— Ужь тебѣ Соломонидку не жалко?

— Теперь не такъ жалко, какъ прежде, отвѣчала она.

Иногда, однакожь, я сомнѣвался въ истинѣ этого признанья, когда Марина запѣвала грустную пѣсню надъ колыбелью Лели.... Если ей не жаль своей дочки, такъ отчего же заунывна ея пѣсня?

Я не зналъ еще, что такъ поютъ все эти люди, которыхъ великіе міра зовутъ простыми (какъ будто это не лучшее имя!), все эти кроткіе, которымъ обѣтовано наследовать землю, туждающіеся и обремененные, которымъ говоритъ Христосъ: «Я упокою васъ....» Годы невѣдѣнія! И вся громада человѣческой жизни не оглашается ли такими же звуками плача и скорби? Вырываясь безсознательно изъ груди младенца-народа, не рвутся ли они съ еще большею силой — силой сознанія изъ души прометеевъ искусства и тапталовъ науки? Не стоятъ ли они глухимъ стономъ надъ этою политой потомъ, слезами и кровью землей?... Годы невѣдѣнія! Не пропикала ль уже святая грусть и во все существо ребенка, чтобы воспитать его душу на суровую битву жизни?

Слушалъ я и слушалъ пѣсни Марины, и сердце у меня ныло, какъ еще не ныло никогда, даже при рассказахъ тетюшки, и словно изъ тумана какого возникала передо мною странная картина.

Кормилица пѣла:

«На горѣ, горѣ
Татарье стоятъ....»

И представлялась мнѣ гора — высокая, крутая, сѣрая; отъ нея вѣяло на меня страхомъ и холодомъ. На горѣ толпа злыхъ людей, буйная и шумная толпа. Все въ остроконечныхъ шапкахъ, въ пестрыхъ халатахъ съ алыми кушаками, и за кушаками топоры, а въ рукахъ длинныя копыя.... Глаза черные, сердитые, на выкатѣ; бѣлые зубы оскалились подъ черными усами....

«Татарье стоятъ:
Они дѣль дѣлятъ.
Что кому да что
Доставалоя:
Доставалая
Зятю тещенька.»

Марина звала Купріяновну тещей, — и миѣ воображалась бабушка Соломонидки, какъ ее тащатъ за обѣ руки и бранятъ и бьютъ злые Татары. Старуха то хочеть у нихъ вырваться, то вопить и молить ихъ; но понапрасно.... Свадился платокъ у нея съ головы; растрепались ея сѣдые косицы.

«Велить тещѣ зять
Дѣлатъ три дѣла:
Какъ одно дѣло —
Шолковъ поясъ шесть....»

Я вспомнилъ о своемъ пояскѣ съ молитвой. «Это вѣрно такой же былъ, только безъ молитвы: вѣдь Татары басурмапы.»

«А друго дѣло —
Лебедей пасти....»

Бѣлое стадо, шумящее широкими крыльями, заслоняло отъ меня и гору, и Татаръ, и старуху-полоняночку.

«А третье дѣло —
Дитя качать;
Дитя качать,
Убаюкивати....»

И кормилица качала колыбельку Лели, и все исчезало передо мной, и я видѣлъ только Марину, грустно пошкшную, слезно поющую:

«Баю-баю,
Мое дитятко,
Баю-баю,
Мое милое!
Ты по матушкѣ
Милъ внученочекъ.
А по батюшкѣ
Золъ татарченокъ.»

И слезы текли у меня по щекамъ, и странная дума какая-то беспокоила меня.... Отчего это она поеть: «золъ татарченокъ?» Вѣдь она баюкаетъ Лелю, брата моего, такого же русскаго, какъ я, какъ она; вѣдь у него на шейкѣ и крестъ

внестъ.... «Золь татарченкокъ....» «Золь татарченкокъ» долженъ быть похожъ на Соломонидку въ ситцевомъ чепчикѣ.... Но Марина и сама плачетъ, кажется?... Да, плачетъ.... О комъ же ей плакать, какъ не о маленькой дочкѣ?... Кто же тотъ «золь татарченкокъ?»

Тайно примѣняя къ себѣ слова старинной пѣсни, обливалась слезами Марина, и плакалъ я, не понимая ихъ горькаго смысла.

VI.

Съ каждымъ днемъ больше и больше привыкалъ я къ кормилицѣ, крѣпче и крѣпче любилъ ее; она стала въ сердцѣ моемъ наряду съ матерью и тетушкой: къ Фіонѣ я никогда не питалъ такого сильнаго чувства. И Марина со своей стороны очень любила меня. Просилъ ли я ее рассказать мнѣ что-нибудь, она никогда не отказывалась, хотѣлось ли мнѣ послушать ея пѣсни, она пѣла. Я подчасъ ощущалъ даже что-то въ родѣ гордости, что у братишки моего такая кормилица. Бывало, когда она надѣнетъ нарядный сарафанъ, алый штофный, обшитый золотымъ позументомъ, или голубой, тоже шелковый, съ вытканными по немъ серебряными цвѣтами, да повяжетъ голову парчевою кичкой, — всѣ засматриваются на нее; такая красавица! Мнѣ иногда становилось и на то досадно, зачѣмъ у нея не такія блестящія серьги, какъ у матери, и зачѣмъ у нея на шеѣ просто лантарный борокъ, а не жемчужное ожерелье съ большимъ изхотомъ, осыпаннымъ алмазами.

Бабушка Купріяновна не исполнила обѣщанія своего привозить по временамъ на свиданье съ Мариной ея ребятишекъ. Не видя родныхъ дѣтей, она съ большимъ увлеченіемъ отдавалась привязанности къ своему молочному сынку. Сколько нѣжныхъ именъ было у нея для Лели!... «Ахъ ты, мой сладкій! радостный ты мой! желанный! сердце мое!»

Леля сначала часто кричалъ и плакалъ; но потомъ мало-по-малу сталъ уговоняться: поуниѣлъ и похорошѣлъ. Нельзя было не любоваться имъ; мать безпокоилъ только затылокъ малютки, и объ немъ, помню, часто была рѣчь. Мнѣ не стужать передать, какъ постепенно и едва замѣтно развивался ребенокъ: какъ онъ сначала ко всему тянулся, но ни-

чего не могъ взять крѣпко стиснутымъ кулачкомъ, какъ потомъ все бралъ и все ронялъ, какъ наконецъ научился держать каждую вещь такъ крѣпко что насилу можно было взять ее у него изъ рукъ, какъ тютюшкали его разными прибаутками, какъ онъ началъ говорить «баба» и понимать, что значить «тпруа» и «бай.» Мнѣ особенно памятенъ Леля въ ту пору, какъ онъ сталъ уже понятливымъ мальчикомъ.

Бывало, только-что проснется поутру, крикнетъ потихоньку: «а—а!» Распахнуть положъ его постельки; а онъ сидитъ въ бѣлой рубашечкѣ, хлопаетъ рученками и улыбается.

Что ни день, выдумывалъ онъ что-нибудь новое; все онъ усвоивалъ, все повторялъ.

Его спрашивали:

— Скажи, батюшка, какъ пѣтушокъ кричитъ?

И онъ кричалъ:

— Ки-ки!

— А лошадка какъ?

— И-го-го!

— А коровка?

— Му!

— А собачка?

— Тяфъ! тяфъ!

— А киска?

— Мя-я!

Только когда былъ не въ духѣ, перемѣшивалъ Леля эти звуки и на вопросъ о лошадкѣ, кричалъ коровкой, а на вопросъ о собачкѣ, — пѣтушкомъ.

— А какъ тетя табачокъ нюхаетъ.

Леля складывалъ крошечныя пальчики и теръ себѣ подъ носомъ.

— А какъ мужички поютъ?

Онъ прикладывалъ руку къ щекѣ и мычалъ что-то.

— А какъ умныя дѣточки сидятъ?

Онъ скрещивалъ руки.

— А дурачки?

Онъ начиналъ кричать и размахивать рученками.

Сталъ и ползать Леля, и «дыбочки стоять». Тутъ была съ нимъ возня по цѣлымъ днямъ.

— Встань на ножки! встань на ножки!

И ребенокъ подымался. У всѣхъ при этомъ замирало сердце.

— Стань къ нему поближе, Марина! поближе! вскрикивали и мать и тетушка: — какъ бы не упалъ.

А Лея улыбался и глядѣлъ на всѣхъ такими веселыми глазенками, какъ будто хотѣлъ сказать: «Посмотрите, какой я молодецъ».

VII.

Прошла весна, прошла осень; и другая зима готовилась уже уступить мѣсто новой веснѣ, когда рѣшили отнять Лелю отъ груди. Испекли лепешечку на молокѣ кормилицы, и половину дали съѣсть ей, а половину ребенку, чтобы не тосковалъ.

Это былъ для всѣхъ темный день. Мать съ утра все о томъ только и говорила, не отложить ли исполненіе своего рѣшенія. «Скоро будетъ у него еще зубокъ рѣзаться.» Отецъ утѣшалъ ее и говорилъ: «Полно, мой другъ! всего какихъ-нибудь два дня». Съ утра былъ ребенокъ на рукахъ Фіоны, и его не вносили въ дѣтскую.

За то я не выходилъ оттуда, печально глядя на сборы Марины. Она укладывала свои новыя тонкія рубашки и нарядныя сарафаны къ себѣ въ сундучокъ, въ которомъ не было такого разнообразія, какъ въ няиномъ сундукѣ.

— Тебѣ насъ не жалко? спрашивалъ я.

— Когда же не жалко! отвѣчала Марина со слезами на глазахъ. — Поди ко мнѣ! дай, я тебѣ глазокъ поцѣлую!

— Дай другой!

Нерѣдко Фіона подходила съ плачущимъ Лелей къ дверямъ дѣтской. Марина пряталась тогда за дверь. Нянюшка показывала Лелѣ дѣтскую и говорила:

— Видишь? Тю-тю! никого нѣту.

Ребенокъ кричалъ во весь голосъ, перегибался дугой назадъ, и сжималъ кулачки съ видомъ отчаянія.... Впервые слышалась скорбь въ его плачѣ.

Когда Фіона опять удалялась, Марина, обтирая глаза платкомъ, лепетала:

— Болѣзненный мой! все сердечушко надорвалъ.

Въ обѣдъ пріѣхала Купріяновна и привезла Соломонидку. Дѣвочка не узнала матери и долго не шла къ ней. Она выросла и крѣпко уже стояла на ногахъ. Бабушка Купріяновна, казалось, стала еще бойче и веселѣе прежняго. Она пристала къ Маринѣ: покажи да покажи сарафаны! И она должна была опять выкладывать все изъ своего сундучка. Купріяновна одобрительно чмокала губами, и довольная улыбка не сходила съ ея лица. А я злился на нее въ душѣ.... «Чему рада?»

Леля послѣ долгаго плача заснула. Тетушка принесла въ дѣтскую чашку съ молокомъ для малютки, когда проснется, и велѣла Маринѣ уйти въ избу, чтобы и на глаза потомъ не попадаться Лелѣ.

Весь вечеръ ходилъ я какъ въ воду опущенный.

— У тебя знать головка болитъ? спрашивала меня Фіона.

— Да, отвѣчалъ я.

— Такъ пора тебѣ спать.

И меня уложили.

— А когда Марина поѣдетъ? спросилъ я няню уже въ постели.

— Завтра чѣмъ-свѣтъ.... ты еще спать будешь.

— Да какъ же.... началъ-было я, захлебываясь слезами.

— Она придетъ сейчасъ попрощаться съ тобой.

И пришла Марина.

Она распахнула пологъ Лелиной кровати и, долго всхлипывая, глядѣла на спящаго малютку; потомъ перекрестила его, опустила пологъ и подошла ко мнѣ.

— Прощай, мой родной! сказала она, наклоняясь надо мною, и слеза ея капнула мнѣ на щеку.

Я крѣпко обхватилъ ей шею руками и не могъ слова сказать отъ рыданій.

— Полно, мой сердечный!

Она отняла мои руки, поцѣловала меня въ губы и въ лобъ, тихо сказала: «Ну, почивай! Господь надъ тобой!» и неслышными шагами вышла изъ комнаты.

Я сироталъ лицо въ подушку и еще долго плакалъ. Казалось, часть сердца отрывалась у меня, чтобы слѣдовать за Мариной въ темную среду вѣчныхъ заботъ и нескончае-

мага труда, въ которую она возвращалась. Благодатная тоска! бессознательно указывала она на святой долгъ жизни... «Сотворите ли что единому отъ слухъ братій Моихъ меньшихъ, Миѣ сотворите!»

VIII.

Вчера ласточка залетѣла ко миѣ въ окно. «Къ покойнику», подумалъ я, и вечеромъ узналъ о смерти Марины.

— Помолись за нее, касатка, своею безгрѣшной, чистой иѣсенкой! Можетъ быть ты гостила у нея подъ кровлей и клевала зернушки, орошенная ею потомъ.

Мих. Михайловъ.

УТРАТА.

Когда предчувствіемъ разлуки
 Миѣ грустно голосъ вашъ звучалъ,
 Когда смѣясь я ваши руки
 Въ моихъ рукахъ отогрѣвалъ,
 Когда дорога яркой далью
 Меня манила изъ глуши,
 Я вашей тайною печалью
 Гордился въ глубинѣ души.

Передъ непризнанной любовью
 Я веселъ былъ въ прощальный часъ,
 Но, — Боже мой! съ какою болью
 Въ душѣ очнулся я безъ васъ!
 Какими тягостными снами
 Томить, смущая мой покой,
 Все недосказанное вами,
 И недослушанное мной!

Напрасно голосъ вашъ привѣтный
 Звучалъ мнѣ какъ призывный звонъ
 Изъ-за пучины — путь завѣтный
 Мнѣ къ вамъ навѣки прегражденъ —
 Забудь же сердце образъ блѣдный,
 Мелькнувшій въ памяти твоей
 И вновь у жизни чувствомъ бѣдной
 Ищи подобья' прежнихъ дней!

Я. И. Меленскій.

МОЛИТВА.

Отче нашъ! сына моленю внимли!
 Все проникающую,
 Все созидающую,
 Братскую дай намъ любовь на земли.

Сыне, распятый во имя любви,
 Ожесточаемое,
 Оскудѣваемое,
 Сердце ты въ насъ освѣжи, обнови!

Духъ святой! правды источникъ живей!
 Силы дай страждущему,
 Разуму жаждущему
 Ты вожделенные тайны открой.

Боже! спаси ты отъ всякихъ цѣпей
 Душу проснувшуюся,
 И ужаснувшуюся,
 Мрака и зла и неправды людей.

Вставшихъ на гласъ твой услыши мольбу,
 И цѣпенѣющую,
 Въ лѣни коснѣющую
 Жизнь разбуди на святую борьбу.

Я. И. Меленскій.

ЗНАЧЕНІЕ ПАРИЖСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

„Воспитатель, а не пушка съ-
временемъ будетъ посредникомъ
человѣческихъ судебъ.“

Лордъ Бругамъ.

«Франція потеряла свои нравы,» говорятъ одинъ изъ со-
временныхъ ея авторитетовъ. «Когда я выражаюсь, продол-
жаетъ онъ, что Франція утратила свои нравы, я разумѣю,
что она перестала вѣрять своимъ принципамъ. Она не имѣетъ
больше ни умственного, ни нравственного сознанія; она даже
не понимаетъ, что такое *нравы*.»

«Подъ вліяніемъ тлетворнаго сомнѣнія, французская нрав-
ственность поражена въ самомъ источникѣ. Все бито съ
толку; разрушеніе полное. Никакой мысли о справедливо-
сти, никакого уваженія къ свободѣ, ни одной прочной связи
между согражданами. Нѣтъ ни одного учрежденія, которое
бы чтли, ни одного начала крѣпкаго и святаго. Нѣтъ вла-
сти ни въ мірѣ духовномъ, ни свѣтскомъ; повсюду овладѣтъ
душей невѣжественный и пошлый эгоизмъ. Наша клятва по-
теряла значеніе; наше слово не имѣетъ вѣса. Съ уничто-
женіемъ нравственного смысла, кажется, самый инстинктъ
самосохраненія угасъ. Общее направленіе увлечено эмпиризмъ;
биржевая аристократія сосетъ общественное благо-
состояніе; средний классъ дряхлѣетъ среди тупой апатіи;
низшее сословіе прозябаетъ среди бѣдности и лицемѣрныхъ
утѣшеній. Женщина съ лихорадочной дрожью упивается рос-
кошью и мотовствомъ; юношество безстыдное; младенчество
слабое; наконецъ духовенство, жаждущее мести, безъ вѣры

въ себя, едва шевелить общественное безмолвіе. Вотъ профиль нашего вѣка! Съ какимъ ужасомъ Руйэ-Коларъ, взглянувъ на нашъ позоръ, повторилъ бы нѣкогда сказанныя имъ слова: *La société est en poussière*.

И надъ хаосомъ этой жизни, среди развалинъ прошедшаго и тревожныхъ предчувствій будущаго, отсюду раздаются мрачныя пророчества надъ прекрасной страной въ мірѣ. Одни предсказываютъ ей ту трагическую кончину, среди которой такъ мучительно разлагался древній Римъ; другіе, среди вялаго безсилія, равнодушно смотрятъ на роковое стеченіе обстоятельствъ, предоставивъ капризамъ судьбы править ходомъ корабля, потерявшаго пристань.

Но цѣтъ пророка въ отечествѣ. Отмѣривать, по теоріи, дни народу, преждевременно хоронить его или бесплодно плакать надъ его изнеможеніемъ такъ же недостойно серьезнаго мыслителя, какъ закрывать пустоцвѣтомъ хвалебныхъ панегириковъ его недостатки. Человѣкъ слишкомъ дорого кушилъ вѣру въ прогрессъ, чтобъ такъ легко отступиться отъ нея; въ самомъ отчаяніи и холодномъ сомнѣніи есть признаки новой жизни, ожидающей своего проявленія. Исторія даетъ много подобныхъ примѣровъ: когда, повидимому, все падаетъ, гнѣтъ и разрушается, изъ этого пепла незамѣтно восходитъ другая жизнь, тайна возрожденія народовъ — одинъ изъ величайшихъ актовъ провидѣнія. Кто могъ подумать въ половинѣ XV вѣка, что Европа такъ скоро расчлѣняется съ средними вѣками и такъ блистательно обновитъ свою исторію? Кто могъ предвидѣть наканунѣ 1789 года, что Франція такъ близко стоитъ передъ лицомъ ужасной революціи и, въ нѣсколько дней, такъ далеко оставитъ за собою прошедшее? Нашъ вѣкъ, по превосходству, вѣкъ реакцій, крутыхъ поворотовъ назадъ и постоянныхъ стремленій впередъ. Въ немъ рѣзко отдѣлились двѣ параллельныя жизни: жизнь наружная, оффиціальная, со всѣми условіями своей охраны, и жизнь внутренняя, затаенная въ массахъ, не успѣвшая развиться, но полная надеждъ и мощи. Первая давно присвоила себѣ характеръ санкціи, основанной на преданіяхъ; у нея есть много защиты; другая только возникаетъ и не имѣетъ дной обороны, кромѣ мысли и благородно-смѣлаго

слова. Эти двѣ жизни, подобно вѣсамъ, находятся въ обратномъ колебаніи: возвышеніе одной есть необходимое пониженіе другой. Отсюда происходитъ противорѣчіе въ нравственныхъ явленіяхъ настоящей эпохи, разрывъ между міромъ идей и фактовъ, борьба духа съ матеріальными преградами, измѣна убѣжденіямъ, позоръ перебѣжчиковъ отъ одного знамени къ другому и всеобщая тоска, — глубокая дума о чемъ-то далекомъ. «Современное общество», говоритъ А. Таквинъ, «испытываетъ болѣзненный припадокъ, источникомъ котораго служатъ два обстоятельства; одно — чисто-нравственное: въ умахъ совершается дѣятельность, не имѣющая исхода, присутствуетъ энергія, лишняя пищи и питающая общество, за неизмѣимъ другой добычи. Другое обстоятельство чисто-матеріальное: стѣсненіе ремесленныхъ сословій, у которыхъ нѣтъ ни работы, ни хлѣба; развращеніе ихъ начинается среди нищеты и оканчивается въ тюрьмѣ.» Это второй профиль нашего вѣка... При такомъ порядкѣ вещей реакціи неизбѣжны.

Въ девятнадцатомъ столѣтіи, конечно, ни одна страна не испытала ихъ въ такой мѣрѣ, какъ Франція. Въ теченіе полувѣка она прошла сквозь огонь двадцати-четырехъ гражданскихъ войнъ, видѣла поля Аустерлица и Ватерлоо, возвышеніе и паденіе колоссальной имперіи, созданной рукой гениальнаго солдата, перемену трехъ династій, іюльскіе и февральскіе дни, отозвавшіеся въ сердца всей Европы; однимъ словомъ, она начала радикальной республикой, продолжала мирной конституціонной монархіей и заключила новой имперіей. И при каждомъ волканическомъ взрывѣ она безъ пощады жертвовала жизнью и кровью своихъ лучшихъ дѣтей. Если бъ все эти потрясенія, до дна возмутившія ее, были даже логическимъ развитіемъ прогресса, и тогда они не могли пройти безъ глубокихъ слѣдовъ въ народномъ быту. Вліяніе ихъ прежде всего отразилось на политическихъ убѣжденіяхъ. Въ одномъ и томъ же обществѣ, въ одно и то же время встрѣчаются люди и цѣлыя поколѣнія самаго непримиримаго образа мыслей. Одинъ живетъ и дѣйствуетъ по убѣжденіямъ девяностыхъ годовъ, не желая отказать отъ ихъ богатаго наслѣдства; другой получилъ вос-

штани въ школѣ Наполеона I, и доселѣ мечтаетъ успѣхомъ счастливыхъ побѣдъ и національной славы; третій служилъ Бурбонамъ и, возвратившись съ ними въ Парижъ, послѣ долгаго изгнанія, поклялся не признавать кромѣ ихъ ни чьей власти на землѣ; четвертый выросъ подъ эгонистическимъ правленіемъ Людовика Филиппа и неизмѣнно полюбилъ Орлеанскую фамилію, — и такъ до безконечности. Эта разнохарактерная смѣсь мнѣній, чувствъ и направленій отнюдь не мѣшала бы общественному единству, если бъ Французъ, подобно Англичанину, умѣлъ ставить государство выше своихъ личныхъ расчетовъ, если бъ онъ заблаговременно разработалъ въ себѣ хоть сотую долю британской способности къ *Self-government*. Безъ развитія индивидуальной воли и самостоятельной личности, онъ способенъ творить чудеса подъ вліяніемъ энтузіазма и массой, но какъ отдѣльное существо, онъ равняется, въ серьезныхъ предпріятіяхъ, нулю. Поэтому, въ эпохи кризисовъ, послѣ минутнаго увлеченія, онъ всегда искалъ, какъ единственнаго спасенія, диктатуры, и чѣмъ крѣпче сжимала его посторонняя рука, тѣмъ онъ искреннѣе цѣловалъ ее... Отсюда, между прочимъ, вытекаетъ нетерпимость его къ чужимъ мнѣніямъ, поклоненіе авторитету, хладнокровіе къ истинно-народнымъ интересамъ и поразительное отсутствіе политическаго такта въ государственныхъ людяхъ Франціи. Кто губитъ первую имперію и поднимаетъ изъ праха бурбонскій престолъ? Великій сановникъ, Талейрапъ, олицетвореніе придворной интриги и личной ненависти къ сенскому герою. Кто опрокидываетъ тронъ Людовика-Филиппа? Гизо, странное соединеніе гордости съ саркастическимъ презрѣніемъ къ людямъ, человекъ, «который, по выраженію Прудона, очень низко нагнбался, когда говорилъ съ трибуны о королѣ, и вытягивался во весь ростъ, когда отвѣчалъ націи.» Кто становится въ головѣ временнаго правительства въ 1848 году? Одинъ изъ самыхъ невинныхъ, современныхъ поэтовъ, Ламартинь, «у котораго сердце италіянское, а душа французская», какъ онъ самъ недавно сказалъ о себѣ. Съ французскимъ мозгомъ и италіянскимъ сердцемъ трудно было вести путемъ здраваго разсудка тридцать шесть милліоновъ народа, ввѣрившаго свою участь

шести представителямъ. И что особенно замѣчательно, чѣмъ ближе мы подходимъ къ послѣдней развязкѣ, тѣмъ меньше видимъ прозорливости, энергіи и уваженія къ нравственнымъ правиламъ въ «вождяхъ перваго народа». Какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, все отдано на произволь случая.

«Эта нація не имѣетъ началъ», сказалъ Веллингтонъ въ 1815 году. Черезъ сорокъ лѣтъ, сами Французы увѣрились въ этой горькой истинѣ; они единодушно пришли къ одному убѣжденію, что не горсть образованныхъ людей, противопоставленная сотнямъ тысячъ обскурантовъ, а воспитаніе массъ, рѣшительный перевѣсъ свѣта надъ тьмой, необходимы для благотворныхъ и зрѣлыхъ реформъ. И это справедливо. Ни лезвіемъ меча, ни блескомъ слова, ни звукомъ пропаганды ничего нельзя сдѣлать тамъ, гдѣ нѣтъ внутренняго сознанія. До тѣхъ поръ, пока народъ не выработалъ результатовъ для своего перерожденія, не приготовилъ себя путемъ строгаго опыта и постепеннаго развитія, всѣ попытки его сбросить съ себя ветхую жизнь остаются безуспѣшны. Франція не одинъ разъ оправдала на себѣ эту государственную проблему. Ея внутренніе перевороты, всегда отмѣченные общечеловѣческимъ характеромъ, гораздо больше принесли пользы Бельгіи и Швейцаріи, чѣмъ ей самой. И это понятно: тамъ они находили положительную почву, заранѣе воздѣланную для принятія новыхъ общественныхъ элементовъ, а здѣсь, большей частью, разрѣшались праздными мечтами, за неимѣніемъ точки опоры. Другой отрицательный примѣръ представляетъ намъ исторія католической церкви. Пламя инквизиціи было брошено въ одно время (при Карлѣ V) и при одинаковыхъ обстоятельствахъ въ Испанію и Нидерланды. Въ первой странѣ оно быстро разлилось по всему полуострову, безъ всякаго сопротивленія со стороны народа, великій инквизиторъ былъ первымъ лицомъ послѣ монарха; сожженіе еретика на площади облечено было въ форму торжественнаго церемоніала и служило любимымъ праздникомъ для суевѣрной толпы. Иначе было въ Нидерландахъ. Счастливый ихъ обитатель XVI вѣка, развитый неизмѣримо выше Испанца и въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи, не могъ подчиниться жестокому мѣ-

рагъ религіознаго преслѣдованія. Ауто-да-фе встрѣтило здѣсь всеобщую оппозицію и, не смотря на всѣ усилія хитраго деспотизма, не привилось къ народному духу: «оно осталось, во выраженію Прескотта, больнымъ наростомъ на здоровомъ деревѣ». Испанія расточила и погубила себя инквизиціей; Нидерланды тѣмъ же орудіемъ возвратили свою независимость.

Такъ, историческіе опыты ясно убѣждаютъ насъ въ томъ, что для истиннаго прогресса народной жизни необходимы не однѣ великія истины, но и способность принять ихъ. Эту способность можно назвать народными *правами*, разумѣя подъ этимъ словомъ все, что составляетъ нравственную физиономію извѣстной страны и эпохи. Но въ развитіи народныхъ правовъ, нѣтъ сомнѣній, играетъ главную роль общественное воспитаніе, то есть, сумма тѣхъ общепринятыхъ понятій, которыя обращаются въ кругу народа. Лучшимъ проводникомъ ихъ служатъ молодыя поколѣнія и должна быть школа. Мы говоримъ должна быть, потому-что на самомъ дѣлѣ она далеко не отвѣчаетъ современнымъ условіямъ вѣка, и вездѣ расходится съ практическимъ направленіемъ общества. Въ то время, когда цивилизація съ каждымъ днемъ вызываетъ новыя потребности, силы и дѣятельность, школа, съ небольшимъ исключеніемъ, остается на средневѣковыхъ положеніяхъ. Нравственность, которой она учитъ, заключается въ мертвой буквѣ, принимаемой на вѣру; свободное и искреннее убѣжденіе, единственно полезное юношескому сердцу, замѣняется рутинной страха, суровой дисциплиной плп лестию; отъ воспитанника требуютъ безусловнаго повиновенія тому, противъ чего постоянно возмущаются его природныя инстинкты. «Вы не должны разсуждать, повторяетъ педагогъ; ваше дѣло исполнять мои приказанія.» Методы преподаванія ограничены формамп, напередъ и произвольно предписанными и наставнику и питомцу; истинное развитіе умственныхъ способностей заколдовано предразсудкомъ пли приписано на жертву постороннимъ цѣлямъ. Наконецъ большая часть учебныхъ заведеній закрыты, то есть, обращены въ фабрики жалкихъ идіотовъ. Эти рассадники гражданскаго крестниства отрываютъ дѣтей отъ семейства, отъ матери и

образуютъ пзъ нихъ какое-то особенное сословіе, похожее на скитъ, съ своимъ собственнымъ уставомъ. Мальчпкъ, переходя отъ семьи подъ холодный, нерѣдко грубый надзоръ паемной власти, естественно привыкаетъ къ стѣсненію и насилію; онъ никогда не будетъ уважать права, если его такъ рано обрекли быть свидѣтелемъ и участникомъ школьнаго рабства. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ теряетъ здѣсь навсегда личный характеръ и волю, безъ которыхъ можно быть слугой, чиновникомъ, матросомъ, но не человѣкомъ. Еще сокрушительнѣй дѣйствуютъ педагогическіе пріюты на дѣвушекъ. Замѣчено, что онѣ хуже развиваются здѣсь даже въ физическомъ отношеніи, и если выходятъ отсюда безъ чахотки, то, по крайней мѣрѣ, съ полнымъ отвращеніемъ къ ученію. Послѣ этого неудивительно, если для дѣтей садъ, поле составляютъ предметъ наслажденія, а школа равняется душевной темницѣ; балаганный фигляръ увлекаетъ ихъ любопытство и воображеніе, а учитель кажется чудовищемъ, тираномъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, природа человѣческая такъ зла, что ей суждено ошибаться въ самыхъ простыхъ вещахъ. Положимъ, что дѣти заблуждаются, какъ же мы согласимъ ежедневныя противорѣчія между ученымъ и практическимъ бытомъ? Примѣровъ вокругъ насъ много. Вотъ юноша, который на университетской скамьѣ горѣлъ самыми чистыми желаніями; едва поклонувъ ее, какъ изъ него является грязный взяточникъ, баринъ въ своей деревнѣ и раболѣпный слуга въ городѣ, въ передней своего начальника. Возьмемъ немного повыше: отчего иной профессоръ, столь щедрый на моральные уроки съ кафедръ, за порогомъ аудиторіи превзойдетъ могикана образомъ своихъ дѣйствій? Надо быть слишкомъ ничтожнымъ существомъ, чтобъ мѣнять мнѣнія вмѣстѣ съ мундиромъ, но ихъ мѣняютъ, и дилемма становится ясной: или общество ведетъ насъ другой дорогой, чѣмъ школа, или наука не даетъ солиднаго развитія. Кто наблюдалъ за своимъ воспитаніемъ, тотъ знаетъ, что есть періодъ въ нашемъ образованіи, когда истина такъ глубоко проникаетъ насъ, что мы невольно преклоняемся передъ ней. За предѣломъ этого развитія человѣкъ не въ состояніи уничтожиться до порока, какъ бы его ни нагибали къ тому виѣш-

нія обстоятельства. Его умъ, его воля нераздѣльны съ его жизнью, и еслибъ общество потребовало отъ него покорности своему разврату, онъ будетъ отвѣчать, какъ древній стоикъ: «ты можешь отнять у меня домъ, свободу, жизнь, но не возьмешь у меня моего убѣжденія». Если такое развитіе возможно въ нѣкоторыхъ личностяхъ, конечно очень рѣдкихъ, то почему же оно не передается большинству? Потому, что на такую нравственную высоту современный человѣкъ восходитъ послѣ необыкновенныхъ усилій, съ величайшимъ трудомъ; и этотъ трудъ вовсе не зависитъ отъ того, чтобъ мы были неспособны поднять его въ пятнадцать или пятьдесятъ лѣтъ, при тѣхъ или другихъ общественныхъ условіяхъ; нѣтъ, онъ дѣлается намъ не подъ силу вслѣдствіе вѣчнаго нашего врага — невѣжества; школа, въ настоящемъ своемъ устройствѣ, не столько облегчаетъ его, сколько обременяетъ своими собственными препятствіями. Единственная ея заслуга состоитъ въ томъ, что она учитъ насъ читать книги и раздаетъ дипломы на разныя званія. Какъ бы то ни было, но общественное воспитаніе составляетъ главный органъ въ развитіи народныхъ правовъ и, слѣдовательно, прогресса. Съ него должно начинаться всякое разумное преобразование; къ нему должны стремиться всѣ усилія законодателя, желающаго дѣйствовать не угрозой на совѣсть человѣка, а убѣжденіемъ; въ немъ, и только въ немъ, надо искать залоговъ гражданской силы и доброй воли, какъ настоящихъ, такъ и будущихъ поколѣній. «Дайте намъ хорошо воспитанное юношество, и мы создадимъ вамъ новое общество», говорили другъ за другомъ Бэконъ въ Англіи, Лейбницъ въ Германіи, Фенелонъ и Ж. Ж. Руссо во Франціи.

Мы намѣрены сказать нѣсколько словъ о французскомъ образованіи. Чтобы составить о немъ болѣе точное понятіе, надо ознакомиться съ Парижскимъ университетомъ, потому что онъ всегда стоялъ на первомъ планѣ французскихъ учебныхъ заведеній, долго управлялъ ими на правахъ монополіи и доселѣ сохранилъ надъ ними огромное вліяніе. Исторія его имѣетъ тотъ особенный интересъ, что она представляетъ много типическихъ сторонъ обще-европейской цивилизаціи

среднихъ вѣковъ; духъ ученія Парижскаго университета прицесенъ во всѣ концы западнаго міра; наконецъ, онъ былъ центромъ развитія схоластической философіи, пять вѣковъ державшей человѣческой умъ въ оковахъ. Джордани Бруно справедливо замѣтилъ, что «стагирскій философъ гораздо больше принялъ отъ парижскаго университета, чѣмъ могъ дать ему». (Nauréau. De la philosophie scolastique, t. 1, p. 99).

Ни одинъ европейскій университетъ не имѣлъ такого славнаго назначенія, не пользовался такими обширными правами, какъ Парижскій, но ни одинъ и не злоупотребилъ ими въ такой мѣрѣ, какъ онъ.

Французская школа обязана своимъ происхожденіемъ генію Карла Великаго и его учителя Алкуина. Любознательный король, кромѣ личнаго уваженія къ образованію, хотѣлъ употребить его орудіемъ своей власти. Онъ нашелъ въ Алкуинѣ достойнаго и ревностнаго исполнителя своихъ плановъ. Знаменитый ученикъ Беда, призванный въ Галлію изъ Йорка, организовалъ «ученныя братства» въ Турѣ, Парижѣ и при дворѣ Карла. Послѣдняя школа, названная *Палатинской*, находилась подъ непосредственнымъ руководствомъ Алкуина. Изъ нея вышло первое поколѣніе образованныхъ юношей и наставниковъ.

Преподаваніе въ школахъ, разумѣется, было направлено исключительно къ религіозной цѣли; такъ, грамматика изучалась для объясненія текста и перевода св. книгъ; музыка заключалась въ церковномъ пѣніи; риторика и діалектика служили для диспутовъ съ еретиками. Это было началомъ схоластики.

Ученіе, при всей его бѣдности и односторонности, скоро однакожь заявило свою несомнѣнную пользу. Папа Евгений II предписалъ буллою распространять школы и учителей. Изобрѣтатель пытки холодной водой, конечно, не предвидѣлъ, что свѣтъ, которому онъ покровительствовалъ, современемъ потушитъ священную лампу Ватикана.

По смерти Алкуина, дѣло, такъ удачно начатое, продолжалъ другой представитель средневѣковаго знанія, Жанъ-Скотъ (Эригенъ), «Спиноза девятаго вѣка», какъ называетъ его Кретье (Histoire de l'université de Paris, par Crevier, t. I, p. 220).

Съ него, съ этого благороднаго Ирландца и борца за свои ученныя убѣжденія, начинается рядъ мучениковъ науки, которыхъ сначала преслѣдовалъ духовный, а потомъ свѣтскій деспотизмъ. Папа Николай I обвинилъ его въ ереси и приговорилъ къ изгнанію изъ Франціи. Но семя, брошенное имъ на свѣжую почву, привилось. Черезъ двѣсти лѣтъ оно приноситъ роскошный плодъ подъ рукою Абельяра.

Абельяръ принадлежитъ къ числу тѣхъ замѣчательныхъ личностей, на которыхъ съ любовью останавливается взоръ изслѣдователя среднихъ вѣковъ. Судьба окружила жизнь этого смѣлаго мыслителя всеѣмъ, что вызываетъ къ себѣ уваженіе современниковъ и сочувствіе потомства: его трагическая любовь, его гоненія и несчастія бросаютъ тройной лучъ безсмертія на его имя. Абельяръ, выступивъ на поприще умственной дѣятельности, засталъ двѣ философскія школы, которыя раздѣляли область схоластическаго ученія: школу *реалистовъ* и *номиналистовъ*. Замѣтимъ, что зародыши этихъ двухъ, діаметрально-противоположныхъ направленій скрывались въ александрійской школѣ, въ которой слились все древнеклассическія системы, подъ вліяніемъ восточнаго преданія. Какимъ образомъ эти разнородные элементы сплывались въ одно тѣло и послужили основой христіанскаго міра, — это задача, доселѣ не разъясненная наукой, составляетъ единственное явленіе въ литературной исторіи. Впрочемъ греческая философія не вдругъ уступила новымъ понятіямъ, занесеннымъ въ Александрію съ береговъ Гангеса и Иордана; она триста лѣтъ боролась съ потокомъ чуждыхъ ей вѣрованій, часто наносила имъ смертные удары, и только тогда пала, когда, съ одной стороны, изсякли все жизненные ея силы, съ другой побѣда креста падъ язычествомъ охватила все общество. Дѣло въ томъ, что эту побѣду приготовилъ тотъ же Римъ, который хотѣлъ съ помощью казней и палачей задушить ее въ самомъ развитіи. Умы, недовольные дѣйствительностію, съ надорванными усиліями отрѣшиться отъ нея, бросались подъ защиту идеализма, доведеннаго Платономъ до мистическаго созерцанія. Соединеніе отвлеченныхъ идей Греціи съ суевѣріями Востока породили неоплатоническую школу, которую Платонъ возвелъ въ систематическое

знаніе. Главное назначеніе этой школы состояло въ томъ, чтобы одушевить мертвую религію и замиравшую цивилизацію. Символь идеи, аскетическое мышленіе, смѣшанное съ поэтическимъ экстазомъ, громадная эклектическая эрудиція, лишенная творческихъ силъ, смѣнили свѣтлую и живую дѣятельность древняго генія, какъ сумерки смѣняютъ ясный день. Не смотря, однакожь, на это сліяніе разнородныхъ ученій, мы всегда различаемъ ихъ въ произведеніяхъ александрійцевъ и ихъ послѣдователей: это двѣ параллельныя рѣки въ одномъ руслѣ, различныя по теченію и цвѣту водъ. Отсюда вытекаетъ дуализмъ среднихъ вѣковъ, вѣчная и непримиримая война философскихъ началъ. Съ одной стороны господствуетъ положительный догматъ и строгое подчиненіе разума откровенію, съ другой — стремленіе къ свободной мысли и пламенное желаніе защитить ее отъ притѣсненій. Реализмъ и номинализмъ, собственно, были выраженіемъ этихъ противоположныхъ направленій. Первый утверждалъ, что «разумъ постигаетъ только то, что существуетъ въ природѣ; дѣйствительность вещей совершенно тождественна понятіямъ нашего ума»; иначе говоря, умъ человѣческой — магическое зеркало, на которомъ природа отражаетъ свои виѣшнія формы съ дагеротипической вѣрностью. Очевидно, реализмъ исчезалъ въ облакахъ пантеизма и уничтожалъ личность индивидуальнаго существа: это самое безотрадное изъ философскихъ ученій по своимъ послѣдствіямъ. Иначе рассуждалъ номинализмъ: онъ допускалъ опытъ и анализъ, какъ единственное средство истиннаго знанія, то есть: «хотѣлъ дать свинцовыя крылья человѣческой мысли», по выраженію Бэкона. Реалисты принимали идеи, съ голоса Платона, за самостоятельныя существа (*ἄρτα*); номиналисты, слѣдуя Аристотелю, считали ихъ фантомами.

Такъ Платонъ и въ особенности Аристотель является верховнымъ диктаторомъ схоластики: они снова раздѣляютъ философію на два враждебныхъ стана, которые часто переходили отъ ученой полемики къ доносамъ, ябедѣ и клеветѣ другъ на друга. Впрочемъ, ни тотъ, ни другой изъ этихъ мыслителей не былъ понятъ; оригинальныя сочиненія ихъ едва были извѣстны, а переводы и коментарія больше запу-

тывали, чѣмъ объясняли дѣло. Платонъ былъ принятъ средними вѣками изъ рукъ александрійской школы, которая измѣнила его во многомъ, такъ точно, какъ Аристотель былъ взятъ отъ Арабовъ, въ многотомныхъ толкованіяхъ Аверроэса. Вслѣдствіе этого, между прочимъ, схоластика пустая и безтолковая по содержанію, исключительно занималась формой. Ея неуклюжій и тяжелый языкъ, приемы и метода составляютъ отличительный ея характеръ. Только этимъ можно объяснить ничтожность ея шумныхъ диспутовъ: рогоборцы (Cognificiens), готовы были поднять бурю несокончаемыхъ споровъ, изъ-за самыхъ мелочныхъ вопросовъ, надъ которыми теперь умное дитя не можетъ не улыбаться.

Въ такомъ состояніи Абельяръ засталъ умственное движеніе своей эпохи. Какъ ученикъ Росцеллина, главнаго вождя номиналистовъ, онъ сначала слѣдовалъ своему учителю; потомъ отдѣлился отъ него, избралъ свой собственный независимый путь. Онъ видѣлъ крайности двухъ несогласныхъ ученій, достигшихъ въ это время полного разгара въ полемикѣ, и рѣшился разрушить или ослабить ихъ; для этого онъ употребилъ способъ взаимнаго доказательства, т. е., реализмомъ опровергалъ номинализмъ и обратно. Собственная его система, названная Кузеномъ *) *концептуализмомъ*, стремилась примирить опытъ съ отвлеченной идеей и опредѣлить психологическую связь между внѣшними предметами и внутренней дѣятельностью нашего духа. Къ сожалѣнію, онъ не развилъ своей системы, потому что на половинѣ дороги былъ остановленъ. Кромѣ силы и оригинальности мышленія, Абельяръ обладалъ необыкновеннымъ даромъ діалектики; онъ положилъ начало скептицизму, столь благотворному въ эпоху фанатическаго ослѣпленія. Въ этомъ отношеніи, по замѣчанію Горео, «онъ заставляетъ предчувствовать Канта» (De la philos. scolast. par Haugéau, t. I). Но главная заслуга Абельяра заключается въ его изустномъ преподаваніи; мы не знаемъ въ средніе вѣка ни одного наставника, который бы съ такимъ рѣдкимъ успѣхомъ дѣйствовалъ на каѳедрѣ. Гдѣ бы онъ ни

*) В. Кузену первому принадлежитъ честь открытія манускриптовъ Абельяра и критической оцѣнки ихъ (Philosophie scolastique, par Cousin. 1840).

преподавалъ: въ городѣ, или въ пустынѣ, вездѣ окружали его многочисленные слушатели. Первая школа основана имъ близъ Парижа, на Сэнъ-Жерменской горѣ, съ которой онъ господствовалъ надъ современными умами; но послѣ известной катастрофы, разлучившей его съ Элоизой, онъ оставилъ столицу и уединился въ Сэнъ-Денискій монастырь. Распущенная и невѣжественная братія, съ которой трудно было ужиться человѣку и богѣ хладнокровному, чѣмъ Абеляръ, скоро принудила его искать защиты въ приорствѣ Месонсель, на землѣ графа Шампанскаго. Здѣсь снова Абеляръ, по просьбѣ своихъ учениковъ, открываетъ философскіе уроки, на которые, говорятъ, собралось до трехъ тысячъ юношей (Abélard, par Régnier. 1845, t. I, p. 104). Онъ разлученъ былъ съ учениками, пламенно его любившими, Суассонскимъ соборомъ, осудившимъ его, какъ еретика. Вслѣдствіе столь капитальнаго обвиненія, онъ былъ отведенъ плѣнникомъ въ Сэнъ-Медарское аббатство. Оскорбленный въ самыхъ дорогихъ убѣжденіяхъ, униженный врагами до безсильнаго ропота, до безнадежныхъ слезъ, Абеляръ тосковалъ, плакалъ и упалъ духомъ. Но страданія его еще только начинались. Не поладивъ съ Сэнъ-Медарскими монахами, которые, какъ змѣи, обвинили его завистью и лицемеріемъ, онъ убѣжалъ изъ монастыря, гдѣ грозили ему плетью, подъ покровительство своего стараго заступника, графа Шампани. Между тѣмъ слава гениальнаго учителя и философа прошла по всей Франціи и даже за предѣлами ея. Онъ обратилъ на себя вниманіе короля и его друга, аббата Сугерія. Благодаря имъ, Абеляръ получилъ разрѣшеніе и свободу. Желая закрыть себя отъ новыхъ ударовъ, онъ рѣшился вести совершенно отшельническую жизнь въ пустынѣ Ножана, на сѣверномъ берегу Сены. Здѣсь онъ устроилъ небольшую ораторію, подъ именемъ Пираклэ, и снова явился въ кругу своихъ слушателей. Со всѣхъ сторонъ стекались ученики къ Абеляру. Бѣдное и уединенное мѣстечко въ одинъ годъ обогатилось добровольными приношеніями. Новый успѣхъ, новая зависть и гоненія. На этотъ разъ врагомъ Абеляра является чело-вѣкъ мощный, съ репутаціей святаго мужа и съ непреклоннымъ характеромъ. Это былъ Сэнъ-Бернаръ. Кто видѣлъ

его портретъ въ Версальскихъ галереяхъ, тотъ, конечно, никогда не забудеть этой постной, прозрачно-блѣдной фигуры, подъ которой, какъ подъ вулканическимъ пепломъ, скрытно горѣли сильныя, заморенныя страсти. Чтобы обезоружить Сэнъ-Бернара, Абеляръ удаляется въ монастырь Сэнъ-Жильда, призванный занять въ немъ мѣсто игумна. Монастырь лежалъ на скалѣ, у самыхъ водъ Атлантическаго океана. Дикая, холодная и туманная природа навѣяла чувство глубокой грусти на поэтическую душу Абеяра; его письма къ Элоизѣ отзываются скорбной меланхолей. Къ этому присоединились новые происки монаховъ; недовольные строгимъ поведеніемъ Абеяра, его ѣдкой критикой надъ ихъ развращенными нравами, они раздражали, огорчали и покушались на самую его жизнь. Онъ переселился на другой конецъ Франціи, въ Бретань, но и здѣсь не дали ему покоя. Его призвали къ новому суду, собравшемуся въ Савсѣ, подъ предсѣдательствомъ самаго короля и Сэнъ-Бернара. Дѣло опять шло о ереси. Судьи даже не выслушали обвиненнаго, который долженъ былъ безмолвно принять ихъ приговоръ. Есть случаи такого неправосудія, когда ему какъ будто совѣстно или страшно встрѣчаться лицомъ къ лицу съ самой жертвой. Абеляръ былъ осужденъ. Иннокентій II приказалъ сожечь его книги въ Римѣ; школа его была закрыта навсегда, и Абеляръ не имѣлъ болѣе пріюта въ отечествѣ. Беранже, защитникъ его, пишетъ: «Лисицы имѣютъ свои норы, птицы небесныя свои гнѣзда, а Петръ не знаетъ, гдѣ преклонить голову.» (Abélard, Rémusat. t. I, p. 236). Такимъ образомъ кончилась карьера гениальнаго человѣка. Онъ умеръ въ 1142 году.

Мы остановились на этой личности дольше, чѣмъ слѣдовало намъ, потому что мы не можемъ безъ сочувствія проходить мимо могилъ, на которыхъ лежитъ двойной вѣнецъ славы науки и страданій за нея. При томъ Абеляръ служить доказательствомъ, какимъ неизмѣримымъ разстояніемъ иногда отдѣляется бодрая мысль отъ окружающаго дѣйствительнаго міра, и какой твердости, какихъ усилій она требуетъ отъ своего поборника, чтобы проникнуть въ массы. Абеляръ по уму стоялъ выше толпы, и его преслѣдовала зависть; его

правое слово, его живая идея увлекали за собой тысячи людей безпристрастныхъ, покорныхъ одной истинѣ; и наперекоръ этому общему влеченію, его лишаютъ кафедръ, заставляютъ молчать, поражаютъ проклятіемъ.... Съ побѣдой надъ Абеяромъ, реалисты и враги всякаго нововведенія одержали побѣду надъ всей школой номиналистовъ. Впродолженіе двухъ вѣковъ она не смѣла поднять голоса среди повсемѣстнаго насилія и невѣжества. Вскорѣ затѣмъ Суассонскій соборъ запретилъ чтеніе произведеній Аристотеля и осудилъ ихъ на сожженіе, какъ источникъ ересей (*Histoire et critique de la révolution Cartésienne par Boullier*, p. 3—10). Процессъ былъ проигранъ не однимъ Абеяромъ, но вмѣстѣ съ нимъ всѣмъ человѣчествомъ. Впрочемъ, идеи не умираютъ въ тюрьмѣ и не горятъ на кострѣ; запавшія въ душу народа, онѣ живутъ вѣчно, и невидимо переходятъ отъ одного поколѣнія къ другому. Не смотря на пораженіе, Абеяръ остался побѣдителемъ — это лучшая его апотеоза. Ученіе его пробудило любознательность въ слушателяхъ, проникло въ среду ихъ, и именно съ этого времени Парижская школа дѣлается центромъ умственнаго движенія средневѣковой Европы. «Отъ Сэнъ-Женевьевы до Нотръ-Дамъ, по всѣмъ улицамъ, на обоихъ берегахъ Сены и на мостахъ, болѣе или менѣе извѣстные профессора открыли свободное преподаваніе и приглашали, какъ мірянъ, такъ и духовныхъ, приходитъ слушать ихъ.... Когда на послѣднихъ границахъ Британніи, въ отдаленныхъ странахъ Калабріи, Испаніи, Германіи и Польши, молодой церковникъ обнаруживалъ наклонность къ высшему ученію и общалъ своимъ начальникамъ хорошаго логика, его тотчасъ посылали въ Парижъ. Онъ отправлялся одинъ, пѣшкомъ, переходя черезъ рѣки, горы, подъ защитой военныхъ людей и даже разбойниковъ, которыхъ онъ встрѣчалъ на дорогѣ. Монастырская кровля давала ему ночлегъ, хуторъ закрывалъ его отъ полуденнаго жара и чтобы быть ласково принятымъ, стоило только объявить имя школьника.... Школьникъ вездѣ и всегда имѣлъ право убѣжища.» (*Philos. scolast. Naugéau*, t. I, p. 22—34). Очевидно, любознательность юношества была необыкновенная, если мы вспомнимъ, что въ это время не всѣ цари и сановники умѣли читать и писать.

Отсутствіе библіотекъ, рѣдкость манускриптовъ, покупаемыхъ на вѣсь золота, недостатокъ учителей—все это вмѣстѣ должно было увеличить вліяніе школы, помимо которой не было никакихъ источниковъ образованія.

При такихъ условіяхъ является парижскій Университетъ. Ему была приготовлена обширная и ревностная аудиторія, у него были способные наставники, онъ принялъ заранѣе обработанныя философскія системы, наконецъ онъ приступаетъ къ дѣлу, при всеобщемъ ожиданіи прогресса, когда крестовые походы разбудили Европу отъ тяжелаго сна. Посмотримъ, какъ онъ воспользовался всѣмъ этимъ, какъ онъ отвѣчалъ надеждамъ своей эпохи?

Извѣстный живописецъ Гро нарисовалъ въ куполѣ Сэнъ-Женевьевскаго Пантеона знаменитую картину, въ которой Карлъ представленъ основателемъ Университета. Кисть художника, обманутая историкомъ Дюбулэ, утвердила этотъ ложный фактъ въ народномъ мнѣніи.

Первые слѣды парижскаго университета теряются въ свободномъ преподаваніи наукъ, которое, какъ мы видѣли, существовало во Франціи въ половинѣ XII вѣка. По мѣрѣ того, какъ церковь стягивала къ себѣ умственные интересы Западной Европы, университетъ, мало-по-малу, отдѣлялся отъ общаго состава учебныхъ заведеній, присвоивая себѣ свои собственныя права. Папы скоро замѣтили въ немъ своего помощника, и потому старались увеличить его нравственное значеніе. Королевская власть, отчасти по набожности, отчасти изъ угожденія намѣстникамъ Св. Петра, дарила его своими привилегіями. Въ 1200 году, мы встрѣчаемъ первое постановленіе, которымъ Филиппъ Августъ, по случаю кровопролитной драки, случившейся между студентами и мѣщанами, предоставилъ ученому сословію право собственнаго суда. Это было основаніемъ той будущей организаціи, вслѣдствіе которой университетъ образовалъ особенную корпорацію въ государствѣ, отдѣльную отъ народа и отъ правительства. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ освобожденъ былъ отъ общественныхъ податей. Черезъ три года, съ позволенія Папы, университетъ назначилъ себѣ Синдика, повѣреннаго по своимъ дѣламъ, ходатая передъ свѣтскимъ трибуналомъ, посредника

между своимъ сословіемъ и обществомъ. Около 1220 года, Иннокентій III скрѣпилъ статуты университета своимъ авторитетомъ, и тѣмъ окончательно упрочилъ за нимъ мѣсто особеннаго гражданскаго общества. Съ этихъ поръ и до первыхъ дней революціи девяностыхъ годовъ, университетъ. ничего не теряя изъ своихъ прежнихъ преимуществъ, постоянно приобрѣталъ новыя, такъ что къ концу XV вѣка онъ захватилъ все общественное образованіе Франціи. Безъ его инициативы невозможно было открыть ни королевскаго училища, ни частной школы. Онъ разсылалъ своихъ адентовъ въ провинціи, на вселенскіе соборы, продавалъ дипломы на ученые степени, принималъ участіе во всѣхъ государственныхъ реформахъ, пользовался правомъ отлученія отъ церкви и, во имя науки, могъ безусловно вязать и разрѣшать совѣсть народа (Hist. de l' Université de Paris, par Crevier, t. 1, p. 50—105) Ясно, что парижскій Университетъ, съ перваго же шага, сталъ въ самое ложное положеніе. Сложившись въ касту, подобно стаду египетскихъ жрецовъ, онъ разрывалъ навсегда всякую живую связь съ народною жизнью, свободному развитію которой всегда противорѣчитъ духъ корпорацій, въ какомъ бы видѣ она ни выражалась. Съ той минуты, когда Сорбона *) отдѣлила свои личные интересы отъ общественныхъ, нравственныя цѣли были для нея потеряны. Она тратила все свое вниманіе на расширеніе матеріальныхъ выгодъ, потому что съ ними соединялась ея сила, ея благоденствіе. Удовлетворивъ первой необходимости, она восходила выше, ограждала себя со стороны честолюбія, потворствовала эгоизму, и, если встрѣчала препятствія, употребляла хитрость или насиліе. Таковъ законъ всѣхъ партій, какъ бы ни было благородно ихъ первоначальное назначеніе. Притомъ, въ средніе вѣка, среди всеобщихъ злоупотребленій и животной жизни, каждая корпорація старалась какъ можно больше присвоить себѣ власти, и отъ угнѣтен-

*) Сорбона была основана въ 1253 году Роберомъ Сорбономъ, исповѣдникомъ Лудовика Св., съ цѣлью — облегчить бѣднымъ студентамъ доступъ къ полученію докторской степени. Впослѣдствіи ея лучшей теологической факультетъ соединился съ общимъ составомъ университета, который съ этого времени сталъ называться Сорбоной.

наго перейти, въ свою очередь, къ угнетателю. Это мы видимъ на монашескихъ орденахъ, которые начинали христіанскимъ смиреніемъ и оканчивали возмутительнымъ самоуправствомъ. Кто могъ вообразить, что Лойола, полубольной испанскій дворянинъ, подъ такимъ невпнимымъ предложомъ выведетъ на свѣтъ такое сильное и зловѣщее братство, какъ іезунты — эту раздающую боль новой исторіи. Парижскій университетъ подпалъ той же участи... Отстранившись отъ народа своимъ исключительнымъ, коллегіальнымъ устройствомъ, онъ лишился довѣрія и уваженія въ его глазахъ, потомъ сдѣлался для него предметомъ отвращенія. Между студентомъ и городскимъ жителемъ не было ничего общаго; первый отличался отъ второго костюмомъ, разговоромъ и поведеніемъ; Сорбонистъ, въ своемъ длинномъ платьѣ, съ тяжелыми сандалями на ногахъ, съ поднятымъ капюшономъ сзади и остроугольной шапкой на головѣ, походилъ на «соломенное чучело» между живыхъ существъ, какъ выразился Дюлоне. Притомъ, за отсутствіемъ всякаго нравственнаго воспитанія, которое сообщается не палкой, а убѣжденіемъ, студенты вели себя въ школы чрезвычайно дурно. Разсыпаясь шайками по городу, они заводили споры, по привычкѣ къ теологическимъ диспутамъ и среди открытаго дня безнаказанно совершали разбои. Столкновенія ихъ съ мирными гражданами почти всегда оканчивались самыми отвратительными сценами. Мы отчасти знаемъ это по Кіевскимъ бурсамъ XVII вѣка. Латинскій кварталъ, который досель не износилъ свой старыи типъ, былъ чѣмъ-то въ родѣ зачумленнаго карантинна, къ которому боялась подойти честная женщина и безоружный буржуа. Поэтому народъ, въ которомъ антипатія къ студентамъ обратилась въ какое-то наследственное чувство, при всѣхъ внутреннихъ смутахъ, становился противъ Сорбоны. Такъ въ исходѣ XIV вѣка, пѣкто Обріо преслѣдовалъ буйныхъ школьничковъ, загонялъ ихъ въ подвалы и за то, по настоянію университета, былъ осужденъ на вѣчное заключеніе въ тюрьмѣ. Черезъ годъ вспыхнулъ мятежъ, и народъ, освободивъ Обріо, избралъ его своимъ вождемъ. Съ своей стороны Сорбона жестоко мстила городу за оскор-

блеіе своего привилегированнаго сословія. Въ 1304 году, студентъ духовнаго званія, Пьеръ ле-Барбье, сознавшись въ убійствѣ, былъ схваченъ Парижскимъ превопомъ, осужденъ и повѣшенъ. Этотъ актъ, столь справедливой въ современномъ юридическомъ смыслѣ, возбудилъ всеобщее негодованіе въ университетѣ. Ректоръ тотъ-часъ же закрылъ класы; на другой день, въ соборѣ Сэнъ-Бартеlemi, собралось духовенство, вооружилось крестами, хоругвями, святой водой и отправилось къ дому превода. Осыпавъ градомъ каменей ворота и окна, оно произнесло слѣдующее заклинаніе: «выходи, выходи, проклятый сатана; возврати честь своей матери, святой церкви, которую ты оскорбилъ въ ея привилегіяхъ; если ты не раскаешься въ своемъ преступленіи, да пожретъ тебя бездна вмѣстѣ съ Дафаномъ и Авирономъ». Это заклинаніе, какъ обыкновенно, сопровождалось отлученіемъ виновнаго отъ церкви. Этого мало; духовенство, не зная мѣры своему гнѣву, потребовало смерти превода. Король принужденъ былъ вступить въ переговоры, желая спасти своего чиновника. Дѣло было улажено такъ: превотъ лишенъ былъ мѣста, долженъ былъ идти пѣшкомъ въ Авиньонъ просить прощенія у Папы, торжественно, съ зажженнымъ факеломъ въ рукѣ, босикомъ, извиниться передъ университетомъ, поцѣловать повѣшеннаго студента въ уста и проводить его до могилы. Послѣ такого компческаго обряда, Сорбона снова открыла свои аудиторіи. Подобными примѣрами лѣтописи университетскія очень богаты. (Hist. de Paris. Dulaure. Art. Sorbonne.) Они открываютъ картину варварства, тѣмъ болѣе печальнаго, что имъ руководить своекорыстное суевѣріе, во имя Неба.....

Съ тѣмъ же произволомъ университетъ дѣйствовалъ въ отношеніи къ свѣтской власти. Короли, принимая корону, подтверждали неприкосновенность его матеріальныхъ и нравственныхъ прерогативъ, и часто искали его благоволенія, особенно когда онъ дѣйствовалъ заодно съ парламентомъ. Конечно, для такой неравной борьбы надо было имѣть много силы: эта сила университета заключалась въ его религіозномъ характерѣ и въ фанатическомъ настроеніи умовъ. Какъ «помазанный сынъ» Папы, одинъ изъ его вѣрныхъ апостоловъ,

онъ гордо смотрѣлъ въ лицо монарха, который цѣловалъ туфлю римскаго владыки. Притомъ въ рукахъ Сорбона было острое орудіе — церковная трибуна, которой она располагала безусловно. Ея проповѣдь, за неимѣніемъ другихъ органовъ общественнаго мнѣнія, была единственнымъ будильникомъ народныхъ умовъ и вотъ Король склонился передъ евангельской истиной, которую невѣжество легко могло перетолковать въ свою пользу; и если онъ разнорѣчиль въ своихъ мнѣніяхъ съ докторами Сорбона, они дерзко преслѣдовали его своимъ словомъ. Такъ, противъ Генриха III они употребляли самыя оскорбительныя выраженія. Король жаловался парламенту; парламентъ протестовалъ, но напрасно. Въ 1589 году, совѣтъ *шестнадцати* сдѣлалъ запросъ Сорбонѣ: имѣютъ ли право Французы объявить войну Королю для обороны католической вѣры? Теологическій факультетъ, то есть восемь или десять пиваришекъ, по словамъ Лепираля, освободили всѣхъ подданныхъ отъ присяги Генриху Валуа, исключили его имя изъ церковныхъ молитвъ и провозгласили, что нисколько не противно совѣсти поднять оружіе противъ «ненавистнаго тирана». Еще больше озлобленія Сорбона обнаружила къ одному изъ самыхъ народныхъ властителей, къ Генриху IV. Университетъ не хотѣлъ признавать его Королемъ даже въ такомъ случаѣ, когда онъ обратится въ Католицизмъ. И дѣйствительно, когда онъ отступилъ отъ Протестантскаго догмата, Сорбона объявила обращеніе его комедіей. (Hist. de Paris. Dulaure. Sorb.) Точно также Сорбона противилась парламенту, когда онъ покушался на ограниченіе ея правъ или не уважалъ ея диктаторскихъ требованій. Обыкновенной угрозой ея, въ этомъ случаѣ, было закрытіе школъ, проповѣди и переселеніе изъ Парижа въ другое государство и это повторялось верѣдко.

Ришелье, поднявъ неограниченную монархію на развалинахъ феодальной власти, нанесъ первый ударъ независимости университета. Онъ благоволилъ Сорбонѣ, какъ своему сотруднику, подарилъ ей великолѣпную капеллу, награждалъ ея докторовъ, пользовался ихъ совѣтами, но держалъ ихъ, вмѣстѣ съ другими сословіями, въ полной покорности своему

деспотизму. Послѣ незабвеннаго Кардинала, государство было слишкомъ крѣпко и достаточно образовано, чтобъ бояться старыхъ привидѣній. Когда Лудовикъ XIV вошелъ въ парламентъ, съ хлыстикомъ въ рукѣ, и произнесъ: «L'état c'est moi,» Франція вѣжливо поклонилась, и Сорбона надолго замолчала....

Если парижскій Университетъ гордо и непріязненно стоялъ передъ народомъ и часто передъ королями, то совсѣмъ иначе онъ велъ себя передъ Папой. Папа былъ для него верховнымъ судьей; онъ одинъ могъ отлучать его отъ церкви, что равнялось нравственной смерти; онъ одинъ разрѣшалъ его споры съ верховной властью, онъ всегда могъ защитить его отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Университетъ скоро оцѣнилъ свою зависимость отъ Ватикана; и потому унижался до происковъ, чтобъ сохранить его расположеніе къ себѣ. Онъ льстилъ римскимъ легатамъ, посылалъ своихъ депутатовъ въ Римъ, чутко прислушивался къ его пожеланіямъ, внимательно изучалъ характеръ каждаго владыки, какъ куртизанъ изучалъ волю своего новаго повелителя. За такое усердіе, Папы платили щедрой монетой. Благодареніямъ ихъ, расточаемымъ на Сорбону, не было конца. Вотъ какъ, напримѣръ, Григорій IX отстаивалъ Университетъ въ одну изъ самыхъ критическихъ его минутъ. Въ началѣ XIII вѣка, во время карнавала, студенты, не заплативъ денегъ содержателю пивной лавки, были избиты жителями Марсельскаго предмѣстья. Не желая остаться въ долгу, они на другой день отправились гурьбой къ мѣсту своего побойща, атаковали лавку, разлили вино, перебили посуду, и, разбѣжавшись по городу, изранили многихъ женщинъ и дѣтей, ничѣмъ невиноватыхъ въ этомъ дѣлѣ. Весь Парижъ возмутился. Легатъ, Парижскій епископъ и превогъ, съ согласія Короля, послали отрядъ войска наказать буйныхъ студентовъ. Они были жестоко побиты. Наставники и ученики, оскорбленные въ своемъ достоинствѣ, покинули Парижъ и разсѣялись по разнымъ городамъ. Папа, узнавъ о закрытіи школы, принялъ ея сторону; онъ писалъ королю и королевѣ въ ея пользу; отвѣтомъ медлили. Между тѣмъ члены университета отпра-

вели къ Папѣ двухъ повѣренныхъ съ жалобой. Григорій IX, выслушавъ ихъ, грянулъ рядомъ буллъ и потребовалъ немедленнаго и блистательнаго удовлетворенія обиженной «матери наукъ». Противники ея смирились; университетъ былъ оправданъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Папа подтвердилъ его старыя привилегіи, далъ новыя, устроилъ внутреннюю его полицію, распредѣлилъ время занятій, вакацій, раздѣлилъ на факультеты и, что всего важнѣе, уполномочилъ своимъ позволеніемъ расходиться и впередъ, въ случаѣ обиды или притѣсненія со стороны свѣтскаго начальства. Вскорѣ за тѣмъ, Иннокентій III освободилъ его совершенно отъ юрисдикціи парижской церкви и ея епископа. Съ этой поры, университетъ призналъ надъ собой одну верховную волю Папы. Впрочемъ, когда положеніе Сорбонны было упрочено, когда она взяла все, что можно было взять отъ Римскихъ намѣстниковъ, она сдѣлалась менѣе уступчивой. Такъ, на констанскомъ соборѣ одинъ изъ ея представителей, Герсонъ прямо высказалъ, что «авторитетъ собора выше авторитета Папы». Въ томъ же году, парижскій Университетъ объявилъ себя открытымъ непріателемъ преемника Петра; онъ ободрилъ письмами Базельскую конклаву противиться Папѣ, выражаясь на его счетъ не совсѣмъ ласково. Чѣмъ дальше шла реформа и чѣмъ больше ударовъ принимала римская тіара, тѣмъ меньше Сорбона уважала ее.

Теперь посмотримъ, въ какой мѣрѣ парижскій Университетъ содѣйствовалъ общему образованію Франціи. Замѣтимъ напередъ, что передъ нимъ лежали два пути, — одинъ велъ къ прогрессу народной жизни, съ помощію истиннаго просвѣщенія; — другой къ омраченію ея, со всѣми его послѣдствіями, нищетой, рабствомъ и упадкомъ всѣхъ правственныхъ силъ. Эти два направленія, столь противоположныя между собой, шли рядомъ по всѣмъ среднимъ вѣткамъ; вы чувствуете ихъ въ политикѣ, наукѣ; религіи, во всѣхъ проявленіяхъ народнаго быта. Само собой разумѣется, что большинство голосовъ и матеріальная сила перевѣшивали на сторону послѣдняго; при всемъ томъ, въ этомъ полуживомъ трупѣ біеніе жизненнаго пульса, какъ онъ ни былъ слабъ, никогда не прекращалось. Иначе Гуссъ и Галилей,

Бэконъ и Декартъ не явились бы такъ рано. Они были послѣднимъ словомъ отжившей эпохи и предвѣстниками новой. Мы видѣли, что передъ самымъ основаніемъ парижскаго Университета, ясно обозначивался расколъ въ будущихъ судьбахъ науки и человѣчества. Вопросъ единственно состоялъ въ томъ, къ какому направленію примкнуть и въ какой степени его можно оправдать? Относительно послѣдняго пункта, университетъ находился при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Онъ воспитывалъ молодья поколѣнія, еще не успѣвшія очерствѣть среди предразсудковъ; онъ собиралъ въ свои аудиторіи юношей со всѣхъ сторонъ Европы; у него былъ огромный авторитетъ, хорошія финансовыя средства, у него были образованные люди. Послѣ этого оставалось только дѣйствовать на благо народовъ.

И за всѣмъ тѣмъ университетъ отвернулся отъ прогресса. Это мало. «Онъ старался, говоритъ Дюлоръ, остановить ходъ цивилизаціи и загасить возникавшій свѣтъ». (11. стр. 236....). Неудивительно; по самому устройству, какъ замѣчено выше, онъ не былъ способенъ выполнить своего благороднаго призванія. Не трудно доказать, что и по самому духу ученія онъ былъ далекъ отъ великихъ цѣлей.

Учебный курсъ университета въ продолженіе среднихъ вѣковъ дѣлился на четыре факультета — теологическій, философскій, правъ и искусствъ. Послѣдніе два не имѣли почти никакого значенія. Юриспруденція была ограничена преподаваніемъ одного каноническаго права; гражданскіе же законы были запрещены, въ 1220 году, Папой Гоноріемъ III за тѣмъ, какъ онъ сказалъ въ буллѣ, чтобъ воспитанники больше занимались богословіемъ. И только Людовикъ XIV, декретомъ отъ 1679 года, возстановилъ эту кафедру, столь важную для среднихъ вѣковъ, когда судья — практикъ, не робѣя, произносилъ самые жестокіе приговоры, по внутреню желудка, какъ замѣтилъ Беккарія. Что же касается до искусствъ (*les arts liberaux*), къ нимъ относились словесныя науки, грамматика, риторика и элементарная логика. Въ послѣдствіи діалектика, старшая изъ наукъ, вытѣснила краснорѣчіе, которое докторы считали врожденнымъ даромъ человѣка, и потому думали, что изучать его безпо-

лезно. Въѣстъ съ риторикой было отмѣнено чтеніе древнихъ писателей. Впрочемъ, къ концу XIV вѣка, она опять вводится университетомъ. Извѣстно, что Квинтиліанъ былъ единственнымъ образцомъ и учителемъ риторовъ. Онъ доселѣ не потерялъ рутиннаго значенія для Франціи: мы встрѣчаемъ его, къ крайнему нашему удивленію, въ программѣ одного изъ лучшихъ заведеній — нормальной школы. Первенствующимъ факультетомъ былъ, безъ сомнѣнія, теологическій, въ которомъ, собственно, сосредоточивалась вся ученость среднихъ вѣковъ. Аудиторія его была самая многочисленная: молодой человекъ, желавшій занять выгодное общественное положеніе, шелъ въ духовное званіе, какъ самое прибыточное; здѣсь ожидало его богатство, почести, спокойная, чтобъ не сказать лѣнивая, жизнь, и верхомъ его мечтаній была кардинальская шапка. Кромѣ того, теологія находила примѣненіе во всѣхъ главныхъ случаяхъ житейскаго быта; на основаніи ея предпринимались войны, производился судъ, искоренялась ересь; короче, во имя ея человекъ боялся своего прошедшаго, скорбѣлъ о настоящемъ и трепеталъ за будущее. Преподаваніе этой науки въ парижскомъ Университетѣ было болѣе схоластическимъ, чѣмъ гдѣ либо. Сначала оно состояло изъ отрывочныхъ компиляцій и сокращеній, изъ буквальнаго толкованія библіи и св. отцовъ. Поднять новый вопросъ, дозволить себѣ сомнѣніе было невозможно. Во время Абельяра границы этого ученія были раздвинуты шире. Авторъ книги *Opus clarum* ввелъ въ свое преподаваніе проблематическую методу, то есть, объясненіе текста *pro* и *contra*, но его метода была осуждена. Ее смѣнилъ строгій силлогизмъ — самый ржавый винтъ въ механизмѣ схоластики. Эта безопасная форма доказательствъ довела теологовъ до самыхъ негѣпныхъ результатовъ; она обезобразила ихъ языкъ, и безъ того бѣдный ясными понятіями и заковала мысль въ такія узкія рамы, что всякая новая идея, выходявшая изъ обыкновеннаго круга вѣрованій, казалась бунтомъ, покушеніемъ на жизнь всего человѣчества. Отсюда возникъ тотъ неподвижный квіетизмъ, въ которомъ, какъ въ стоячемъ болотѣ, все замирало и разрушалось. Если же теологъ покидалъ эту дикую почву,

онъ запутывался въ бесполезныхъ тонкостяхъ; за неимѣніемъ живаго духа, работалъ надъ словами и фразами, ломалъ и перетолковывалъ ихъ на разные лады и, послѣ всѣхъ трудовъ и фоліантовъ, оканчивалъ ничѣмъ. Бэконъ замѣтилъ, что истинной религіи въ средніе вѣка не существовало. Это справедливо; теологія искажала ея простой и общедоступный смыслъ; она обратила ее въ праздную игру школы, называя ей свои собственные умствованія, какъ плодъ келейнаго грубаго воображенія. А между тѣмъ, подъ предлогомъ чистоты ученія, наполняли темницы отступниками, уничтожали на кострахъ гениальныхъ людей, предпринимали альбигойскіе походы, праздновали варфоломеевскія ночи. Надо отдать справедливость человѣческому уму, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что противъ схоластическаго преподаванія теологіи постоянно возставали болѣе здоровые умы. Такъ, Жерсонъ въ концѣ XIV вѣка рѣзко обвинялъ методу богословскаго ученія, съ одной стороны за его метафизическую пустоту, съ другой за его діалектическія мелочи (*De reformatione theologiae*). Но реформа коснулась только нѣкоторыхъ частныхъ, общее же направленіе осталось въ прежнемъ видѣ.

Еще безплоднѣй было преподаваніе философіи, которая замыкалась въ одной діалектикѣ. Органонъ Аристотеля былъ единственнымъ руководствомъ, дозволеннымъ въ школахъ. Его метафизика и натуральная исторія находились подъ опалой католицизма. Всѣ вопросы схоластической философіи вертѣлись около разсужденія о *родахъ* и *видахъ*. Кто желаетъ подробно ознакомиться съ этимъ ученіемъ, впрочемъ въ высшей степени сухимъ и педантическимъ, тому рекомендуемъ прекрасный трудъ Горео. (*Histoire de la philosophie scolastique*, par Nauréau. 2 v. 1850). Торжествомъ средневѣковой діалектики были диспуты. Предметомъ ихъ служили, большей частью, теологическія тѣмы. Эти ученія состязанія имѣли дурное вліяніе на характеръ народа; они разжигали нетерпимость мнѣній, и безъ того слишкомъ вредную. Привычка спорить о предметахъ часто опасныхъ, говоритъ Дювернэ, не мало содѣйствовала распространенію въ націи строптиваго духа, который, замедляя воцареніе

истины, столько разъ возмущала общественное спокойствіе; онъ же вызвалъ множество заблужденій, для искорененія которыхъ неловкая и варварская полтика сочла себя въ правѣ ставить висѣлицы, рыть подземелья и изъ самаго кроткаго народа образовала племя каннибаловъ». (Hist. de la Sorbonne II т. р. 44 — 45. par Duvernet). И надо признаться, что первыми каннибалами были сановитые наставники Сорбоны, тѣ «ученые колпаки», надъ которыми такъ удачно глумился Вольтеръ. Соединяя съ фанатизмомъ науки презрѣніе къ дѣйствительной жизни, съ непопѣрымъ чванствомъ совершенную дикость, они самымъ образомъ жизни разоблачали ложь своего ученія. Даже теперь, безъ сердечнаго трепета, нельзя представить себѣ той жестокости, съ которой они гнали своихъ противниковъ.

Такъ парижскій Университетъ, вмѣсто того, чтобы быть другомъ и вождемъ прогресса, явился однимъ изъ самыхъ суровыхъ враговъ, на всѣхъ стезяхъ его развитія. «Надо ослѣплять народъ, чтобы обманывать его» — вотъ девизъ шестисотлѣтней дѣятельности Сорбоны. Мы не говоримъ, что она вездѣ поступала съ сознаниемъ; но разъ увлеченная ложными началами, она осталась вѣрна имъ навсегда.

Прежде всего вражда сія выразилась въ отношеніи къ самому просвѣщенію, котораго она была всемірнымъ представителемъ, если вспомнимъ, что изъ двадцати тысячъ студентовъ ея (при Генрихѣ II) третья часть была иностранцевъ. Сорбона преслѣдовала книгопечатаніе, прежде чѣмъ приняла его; она запрещала переводить священныя книги на языкъ народный; стѣсняла философію, когда она перешла изъ ея аудиторіи въ самое общество; жгла сочиненія, которыя теперь составляютъ національную славу Франціи; она выгнала Декарта изъ отечества, и онъ умеръ на чужой землѣ; да и кто изъ гениальныхъ писателей, истинныхъ друзей человѣчества, не былъ ея жертвой и мученикомъ? Она мѣшала каждому благотворному нововведенію; на ея совѣсти лежатъ кровавая память французской инквизиціи; одного этого пятна нельзя смыть никакими заслугами, если бъ они и оказались. И ни въ чемъ Сорбона не выказала такой непріязни прогрессу, какъ въ угнетеніи свободы совѣсти,

этого краеугольного камня всякой цивилизации, всякого разумного общества. После Испании, религиозная реформа нигдѣ не встрѣтила такого вѣроломства, иезуитизма въ своемъ гоненіи, какъ во Франціи. Университетъ прямо или косвенно участвовалъ во всѣхъ потрясающихъ драмахъ этихъ безчеловѣчныхъ бойнь, гдѣ тысячи людей, за различіе мнѣній, шли, подобно стадамъ, подъ топоръ палача. Правда, Сорбона сперва сама помогала появленію протестантизма; на констанскомъ и базельскомъ соборахъ она не щадила папскихъ злоупотребленій; но здѣсь дѣло шло только объ улучшеніи нравственной жизни духовенства и объ ограниченіи власти Римской іерархіи: иго ея чувствовала на себѣ сама Сорбона. Когда же народы потребовали болѣе полной независимости своихъ религиозныхъ убѣжденій, университетъ измѣнилъ тактику; изъ преобразователя обратился въ консерватора. Онъ началъ осужденіемъ Лютера, который впрочемъ глубоко презиралъ своихъ судей. Францискъ I учредилъ въ парламентѣ инквизиціонную комиссію, подъ названіемъ «огненной палаты,» докторы Сорборы были главными ея членами. Казни «еретиковъ» были повседневымъ зрѣлищемъ; одно неосторожное слово губило отца со всѣмъ его семействомъ, отнимало сына у матери, разлучало брата съ сестрой. Имя Гугенота сдѣлалось предметомъ народнаго ужаса. Осужденные подвергались самымъ свирѣпымъ истязаніямъ; прежде чѣмъ выводили ихъ изъ тюрьмы для выслушанія приговора, имъ отрѣзывали языкъ, чтобы они не бросили мимоходомъ слово ереси народу. Извѣстно, чего стоили Франціи избіенія послѣ амбуазскаго заговора, кровопролитіе Васси и ночь св. Варфоломея, и во всѣхъ этихъ случаяхъ Сорбона участвовала и совѣтомъ и дѣломъ. Она сравняла съ землей портъ-ройяльскій монастырь, въ которомъ воспитывались Леметръ и Расинъ; она перевозносила Людовика XIV за его нантскій эдиктъ; въ ея конференціяхъ составились тѣ уголовные законы, по которымъ Вольтеръ, Дидро и многіе другіе были лишены должнаго погребенія, и тысячи семействъ не имѣли никакихъ гражданскихъ правъ.

Невѣротерпимость составляетъ самую черную страницу

въ исторіи Сорбоны. И мы нисколько не преувеличимъ истины, если скажемъ, что все это было слѣдствіемъ средне-вѣковой схоластики. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему могло привести ученіе, котораго отличительными чертами были 1, отсутствіе умственнаго развитія и 2, отчужденіе отъ всѣхъ практическихъ цѣлей общества.

Капитальнымъ недостаткомъ парижскаго университета, какъ и всѣхъ средне-вѣковыхъ школъ, была односторонность ученія. Естественныя науки были гонимы вмѣстѣ съ магіей; чтеніе древнихъ писателей; преподаваніе математическихъ наукъ сводилось къ одной Арифметикѣ и первымъ проблемамъ Геометріи; логика изучалась по категоріямъ Аристотеля; для философскихъ разсужденій были свои непрелѣпныя формы, свои избитыя задачи; наконецъ студенты обязаны были употреблять латинскій говоръ, что уничтожало инстинкты ихъ материнскаго языка. И надъ всѣмъ этимъ тяготѣлъ авторитетъ доктрины: «такъ сказалъ божественный Аристотель», а дальше этого умъ человѣческій не смѣлъ идти. Отъ воспитанника требовалась не самостоятельная работа мысли, а запоминаніе цитатъ, текстовъ и безусловная вѣра тому, что сказано тѣмъ или другимъ учителемъ. Вслѣдствіе этой методы, изъ всѣхъ способностей души развивалась одна память, это огромное лукошко всякаго стараго хлама. Нельзя не изумляться, какой богатый запасъ эрудиціи былъ въ головахъ нѣкоторыхъ схоластиковъ, но эти головы походили на темный чуланъ съ книгами, изъ которыхъ хозяинъ не сумѣлъ сдѣлать никакого употребленія. При томъ самое устройство школъ сырыхъ и задыхлыхъ, варварское обращеніе съ юношами, недостатокъ книгъ, все это противорѣчило нормальному развитію умственныхъ силъ. Потому, не удивительно, если по выходѣ изъ школы надо было стараться забыть все, что было усвоено тамъ, а начать свое воспитаніе вновь. Декартъ именно такъ поступилъ. Въ разговорѣ о методѣ (*Discours de la méthode*) онъ рассказываетъ намъ, что на семнадцатомъ году возраста, когда онъ взвѣсилъ мѣру своихъ знаній, покраснѣлъ за свое невѣжество, и рѣшился перевоспитать себя. Необыкновенное терпѣніе побѣдило школьныя привычки и

предразсудки; сомнѣніе и зоркость ума привели его къ великимъ открытіямъ. Конечно, не одинъ Декартъ чувствовалъ на себѣ эти учебныя кандалы, но многіе ли могли послѣдовать за нимъ? Бэконъ также вынесъ изъ школы полное отвращеніе къ ней; сама же схоластика вооружила его противъ себя.

Такое ученіе не могло имѣть ничего общаго съ практической жизнью. Оно не обрабатывало ни воли, ни нравственнаго чувства, ни даже здраваго смысла. Между тѣмъ, что дѣлалось въ школѣ, и тѣмъ, что происходило за стѣнами ея, лежала непроходимая бездна. Студентъ, пробывшій десять или двѣнадцать лучшихъ своихъ лѣтъ подъ схоластической ферулой, какъ свекла подъ прессомъ, становился страннымъ особнякомъ въ обществѣ. Школа удаляла его отъ наблюденій дѣйствительнаго міра, и въ замѣнъ этого ничего не давала ему. Знанія своего онъ не могъ примѣнить къ самымъ обыкновеннымъ вещамъ. Оттого, между прочимъ, средніе вѣка были такъ бѣдны изобрѣтеніями, оттого наука не имѣла довѣрія въ глазахъ народа. Умный отецъ посылалъ своего сына въ университетъ не за тѣмъ, чтобы онъ надѣялся видѣть его дѣйствительно образованнымъ, нѣтъ, а за тѣмъ, чтобы исполнить форму, расквитаться съ общепринятымъ обычаемъ. И его сынъ возвращался домой тѣмъ педантомъ, котораго обезсмертилъ Мольеръ въ своихъ комедіяхъ. Тартюфы XVII вѣка были порожденіемъ Сорбонны.

Въ такомъ состояніи парижскій университетъ не могъ оставаться долго. Когда станокъ Гутенберга уничтожилъ монополію науки, открылъ ей двери въ самое общество, когда образованіе сдѣлалось возможнымъ внѣ школы, и реформація потрясла цѣпи умственнаго міра, Сорбона вдругъ падаетъ. Движеніе впередъ для нея было трудно, отступленіе назадъ невозможно. Потому со временъ Жерсона постоянно подаются проекты для преобразования ея. Мы остановимъ вниманіе читателя на одной реформѣ, какъ болѣе радикальной и поучительной. Эта реформа была предпринята, въ половинѣ XVI вѣка, Рамусомъ или Рамэ.

Рамэ вышелъ изъ послѣднихъ рядовъ народа; онъ былъ слугою Наварской коллегіи, изъ милости допущенный къ

урокамъ профессоровъ, потомъ самъ профессоръ, то жалуемый, то гонимый, то изгоняемый, то призываемый, всегда преслѣдуемый подозрѣніемъ, повсюду окруженный врагами, онъ наконецъ погибаетъ въ варфоломеевскую ночь, какъ протестантъ, и какъ защитникъ Платона.

Рамэ былъ старшимъ наставникомъ прельской школы и преподавателемъ во французской коллегіи, только-что основанной королемъ. Огромная зала этой коллегіи всегда была полна слушателей, когда Рамэ читалъ свои уроки. «Послѣ Абеяра, говоритъ Виддингтонъ, никогда не видѣли столь блистательнаго и выдержаннаго успѣха» (Ramus, par Waddington. 107.). Даровитый профессоръ занималъ кафедру по факультету искусствъ. Одаренный реформаціонными способностями, одушевленный благородными инстинктами своей эпохи, онъ рѣшился, говоритъ его біографъ, «освободить умъ человѣческій отъ ига Аристотеля и отъ схоластической тьмы, упростить изученіе наукъ, популяризировать ихъ, излагая на языкѣ пародномъ, позирить во Франціи занятіе математикой, освятить свободу мысли благороднымъ и полезнымъ напрямомъ, указать наконецъ философіи ея настоящей путь, предприсавъ ей наблюденіе человѣческой природы». (Ramus, par Waddington p. 399.) Изученіе Платона и собственные его опыты убѣждали Рамэ, что корень зла лежалъ въ схоластикѣ; поэтому онъ направилъ первый ударъ противъ Аристотеля и его перстолкованной логики. Но что значило въ эту пору возстать противъ Аристотеля? Значило объявить себя врагомъ среднихъ вѣковъ, всего ученаго сословія Европы, отдѣлиться отъ всѣхъ системъ, одному бороться съ тьмой всевозможныхъ тартюфовъ науки. Рамэ понималъ всю важность своего предпріятія. «Такъ какъ для пользы истины, писалъ онъ, мы завели борьбу съ софистами, то есть, врагами истины, то не только трудамъ и всѣмъ опасностямъ мы подвергаемъ себя, чтобъ до послѣдняго камня разрушить эти вертепы лжецовъ, но еслибъ было нужно, мы готовы принять неустрашимую и славную смерть». Пророчество его сбылось. Еще на двадцать первомъ году жизни, по случаю университетскаго диспута, онъ представилъ разсужденіе, въ которомъ хотѣлъ доказать, что «со-

чиненія Аристотеля подложны и что все, чему онъ учитъ — вздоръ.» Эта смѣлая и слишкомъ рѣзкая выходка молодого студента привела въ замѣшательство его наставниковъ. Дѣло было замято, но Рамэ не останавливаясь. Въ 1543 году вышли въ свѣтъ два лучшія его сочиненія (*Institutiones dialecticae* и *Animadversiones in dialecticam Aristotelis*), въ которыхъ онъ дальше развилъ свои прежнія положенія. Неумолимая критика схоластики разбудила Сорбону: доктора гвалтомъ поднялись противъ автора. Не только во Франціи, но и по ту сторону Альпъ и Пиреней явились противники Рамэ. Полемика приняла такой серьезный характеръ, что король счелъ нужнымъ нарядить особенную комиссію изъ пяти человекъ для рѣшенія ученаго спора; составленъ былъ протоколъ, по которому «покровитель наукъ» Францискъ I обвинилъ Рамуса и заставилъ его замолчать. Университетъ былъ недоволенъ рѣшеніемъ; онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, сослать на галеры бунтовщика. За всѣмъ тѣмъ, Сорбонисты неистово возрадовались своей побѣдѣ, «какъ будто, замѣчаетъ Паскъе, былъ завосванъ большой городъ»; вездѣ были прибиты афиши на латинскомъ и французскомъ языкахъ, для всеобщаго свѣдѣнія о пораженіи Рамэ; въ коллегіяхъ выставили его сочиненія на показъ и покрыли его оскорбительными насмѣшками; одинъ фанатикъ, если не ошибаемся, Данесъ, сжегъ обвиненныя книги передъ камбрейской школой, и человекъ, котораго имя съ уваженіемъ теперь произносятъ образованный Французъ, былъ окликанъ врагомъ религіи и общественнаго спокойствія. При всемъ томъ, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, Рамэ выигралъ свой процессъ; его поддержало своей горячей симпатіей молодое поколѣніе и помогли вышнія обстоятельства. Аристотель невозвратно упалъ въ общественномъ мнѣніи. И этому паденію особенно содѣйствовалъ Платонъ; изученіе греческаго языка, начатое въ Италіи, и знакомство съ философіей ученика Сократа, перенесенной изъ Константинополя *) въ великолѣпные сады Косьмы Медициса, нако-

*) Платонъ почти повсе не былъ извѣстенъ въ средніе вѣка на Западѣ; напротивъ на Востокѣ, въ византійской имперіи, онъ господствовалъ въ на-

нецъ общее настроеніе умовъ, жаждавшихъ живаго знанія, все это вмѣстѣ подорвало кредитъ перипатетика и его школы.

Такъ Сорбона встрѣтила одну изъ самыхъ благотворныхъ реформъ. Впослѣдствіи, съ тѣмъ же непостижимымъ упорствомъ, она старалась забить всѣ щели, чрезъ которыя проходилъ въ нее новый свѣтъ. Чрезъ восемьдесятъ лѣтъ послѣ Рамэ, она выхлопотала у парламента государственный декретъ, по которому, подъ угрозой смертной казни, было запрещено дотрогиваться до Аристотеля. (Idem p. 54.) Но законъ — пустой звукъ, если онъ идетъ наперекоръ потребностей народнаго духа. Авторитетъ Сорбоны — съ каждымъ днемъ больше и больше ослабѣвалъ, и голосъ ея часто вопіялъ въ пустынѣ.

Метода Рамэ была принята другими учебными заведеніями, которыя въ это время быстро распространялись и существовали независимо отъ университета. Иезуиты, уволенные папой Юліемъ III отъ университетскаго надзора, бросили свои тенеты изъ клермонской коллегіи по всей Франціи. Они употребили ученіе орудіемъ своей пропаганды, и потому не щадили никакихъ средствъ для привлеченія юношества; дѣйствуя на его фантазію и чувство, они нравились своимъ питомцамъ, которые охотно сосали медленный ядъ подъ розовой оболочкой. Въ то же время начала дѣйствовать Французская коллегія; она первая ввела методу Рамэ, и тому была обязана своимъ превосходствомъ надъ Сорбонной, которая остается за ней и до настоящей минуты.

Послѣ Рамэ и до конца прошлаго вѣка мы видимъ рядъ новыхъ попытокъ преобразовать ученіе парижскаго университета. Такъ, при Генрихѣ IV изданъ былъ особенный регламентъ, по которому введено было преподаваніе древнихъ классиковъ: Гомера, Гесіода, Пиндара, Платона и Демосоеца; при Роллапѣ, который былъ двадцать лѣтъ ректоромъ Сорбоны и подъ руководствомъ котораго учился нашъ «пінта» Тредьяковскій, былъ данъ толчекъ историческимъ наукамъ;

укѣ. Этой чертой, между прочимъ, опредѣляется различіе умственныхъ направленій того и другаго міра. Вліяніе Платона отразилось и на древней Русской литературѣ, для которой этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ.

въ 1712 году потребовали для университета *національнаго образованія*, которое бы отвѣчало условіямъ народной жизни. Ролланъ (Rolland) доказывалъ необходимость специальныхъ заведеній, морскихъ, коммерческихъ и ремесленныхъ школъ и равномернаго образованія во всѣхъ классахъ и сословіяхъ. Но всѣ эти улучшения и попытки или не осуществились или были такъ слабы, что самый духъ ученія остался неприкосновеннымъ. Впрочемъ это обыкновенный удѣлъ полумѣръ и частныхъ измѣненій, когда учебное заведеніе поставлено на ложномъ основаніи; сколько ни украшай и какъ ни перестройвай больницу, безъ лекарствъ и хорошихъ медиковъ она отсылаетъ прямо на кладбище....

Мы именно пришли къ кладбищу старой Франціи. Ураганъ революціи унесъ съ собою Сорбону и вмѣстѣ съ ней двадцать два другихъ Французскихъ университета. Отсюда начинается новый періодъ въ исторіи общественнаго образованія Франціи.

Эпоха девяностыхъ годовъ открыла доступъ обществу мнѣнію, и потому была богата и дѣятелями и идеями. Среди радикальнаго перелома въ государственномъ организмѣ, вопросъ о воспитаніи не могъ остаться незатронутымъ; онъ обратилъ на себя особенное вниманіе гораздо раньше,*) но съ 1790 года онъ получаетъ официальное значеніе. Со всѣмъ сторонъ раздались голоса въ его пользу. Первый и самый полный прозекъ, который обнималъ реформу отъ пншихъ школъ и до Французскаго института, былъ представленъ Талейраномъ. Будущій дипломатъ предлагалъ отдѣлнить гражданское образованіе отъ католической церкви и дать стройное развитіе всѣмъ силамъ человѣка-физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ. Вслѣдъ за Талейраномъ, Кондорсе предложилъ законодательному собранію новый планъ. Авторъ «Картины прогресса ума человѣческаго» (*Tableau des progrès de l'esprit humain*) вооружался

*) Изгнаніе іезуитовъ изъ Франціи, конфискація ихъ имѣній и закрытіе школъ, ими основанныхъ, составляетъ важную пережѣну въ исторіи Французскаго образованія, не только въ Парижскомъ Университетѣ, но вообще въ учебныхъ заведеніяхъ Франціи. (*Etudes sur l'instruction secondaire. Par Gasc.*)

противъ безполезнаго и слишкомъ долгаго изученія древнихъ языковъ, совѣтовала замѣнить ихъ иностранными и вообще предметами, болѣе полезными въ жизни. Впослѣдствіи эта теорія возбудила жаркіе споры въ педагогикѣ, и перешла въ знаменитую полемику романтиковъ съ классиками. Конвентъ потребовалъ отъ родителей спартацкой жертвы — воспитывать дѣтей до двѣнадцатилѣтняго возраста вмѣстѣ и на счетъ республики. Наконецъ Дону организовалъ національный институтъ, подалъ мнѣніе объ основаніи высшихъ школъ и защищалъ не только свободу домашняго и общественнаго воспитанія, но и свободу методъ. «Въ искусствѣ развивать умственныя способности, говорилъ онъ, есть бездна неуловимыхъ тайнъ, такихъ подробностей, которыя нельзя подвести ни подъ какія опредѣленныя правила. Притомъ нѣтъ надобности стѣснять частную дѣятельность опытныхъ преподавателей.»

Извѣстно, что отличительнымъ характеромъ этой эпохи было преобладаніе теоріи надъ практикой. Умы, раздраженные философіей XVIII вѣка, создали воображаемый міръ, которому они хотѣли дать, въ нѣсколько дней, дѣйствительную жизнь; но дѣйствительность не приняла его, и многіе замыслы, не смотря на свое прекрасное начало, остались праздными мечтами. Этотъ фактъ отразился и въ реформахъ воспитанія. Когда возникли центральныя школы, по одной въ каждомъ департаментѣ, математическія науки были поставлены на первомъ мѣстѣ въ преподаваніи; исторія была исключена, какъ масса предразсудковъ, вредныхъ юношеству; вознагражденіе учителей было увеличено, такъ что профессоръ центральной школы долженъ былъ получать наравнѣ съ управителемъ департамента; но когда дѣло дошло до осуществленія этого плана, онъ встрѣтилъ такъ много непобѣдимыхъ препятствій, что самъ собой рухнулъ. И послѣ всѣхъ бурь и разрушеній, сохранили свое существованіе только два заведенія, основанныя среди самаго разгара революціи — политехническая и нормальная школы.

Главная цѣль первой состояла въ томъ, чтобъ «образовать инженеровъ всѣхъ родовъ и возстановить преподаваніе

точныхъ наукъ», которыя прекратились вслѣдствіе общественныхъ бѣдствій. Эта школа блистательно начала свою карьеру. Стеченіе рѣдкихъ талантовъ на ея кафедрахъ, братскій союзъ учениковъ, доселѣ вѣрныхъ своимъ преданіямъ, возвелъ ея на степень образцоваго заведенія. Послѣ люневильскаго мира (въ 1801 г.), она была предметомъ общаго любопытства для иностранцевъ. Къ сожалѣнію, Наполеонъ скоро измѣнилъ ея устройство; въ 1804 году, онъ обратилъ ее въ военную и казарменную школу. Заведеніе надолго упало; въ немъ форма замѣнила духъ. За всѣмъ тѣмъ, оно оказало существенныя заслуги математическимъ наукамъ Франціи и разработкѣ ученыхъ методъ. (Hist. de l'école polytechn. par Fourcy.)

Еще блистательнѣй начала свою дѣятельность нормальная школа, получившая значеніе высшаго педагогическаго института. Пять сотъ воспитанниковъ, самыхъ способныхъ и испытанныхъ, были собраны въ нее со всѣхъ концовъ республики. Аудиторія ея была прославлена профессорами Лагранжемъ, Лапласомъ, Воллесомъ, Бертолемъ и Гира, которыми французская наука остается признательной до настоящей минуты. Впослѣдствіи, нормальная школа, заурядъ съ другими учрежденіями, ослабла и въ 1824 году была закрыта однимъ аббатомъ, возведеннымъ, за погашеніе французскаго образованія, въ званіе министра народнаго просвѣщенія. (Tableau histor. de l'instruction secondaire en France, par Kilian, p. 163.) Открытая вновь, она окончательно сложилась во время министерства Вильмэна, который далъ ей полное административное и учебное устройство. Такимъ образомъ она доселѣ сохранила свое педагогическое назначеніе, приготовляя наставниковъ по всѣмъ факультетамъ парижскаго университета. Курсъ ея дѣлится на два главные отдѣла — литературный (des lettres) и чисто-ученый (des sciences,)*) восходя постепенно отъ общихъ знаній къ строго спеціальнымъ. Эта спеціальность распределена слѣдующимъ образомъ: въ первомъ или низшемъ классѣ, (каждый огра-

*) Въ первомъ преподается литература, исторія и философія; во второмъ — математическія, физическія и естественныя науки.

ививается однимъ годомъ) воспитанники проходятъ, въ болѣе обширномъ объемѣ то, что они изучали въ школахъ втораго разряда, равныхъ нашимъ гимназіямъ. Въ слѣдующемъ классѣ преподается философія и литература въ историческомъ ихъ развитіи; древняя исторія смѣняется исторіей среднихъ и новыхъ временъ. Наконецъ третій годъ посвященъ однимъ специальнымъ предметамъ. Доселѣ ученики слѣдовали вмѣстѣ; теперь, сообразно своему призванію и успѣхамъ, они раздѣляются на двѣ группы, — одни идутъ по отдѣленію наукъ, другіе — по отдѣленію литературы. Профессоры, при изложеніи своихъ системъ, особенное вниманіе обращаютъ на методу и критическую оцѣнку знанія, воспитывая будущихъ себя преемниковъ.

Въ 1855 году, по декрету министра народнаго просвѣщенія, въ нормальной школѣ прибавлено два высшіе класса, предназначенныхъ, какъ говорится въ этомъ оффиціалномъ документѣ, «для образованія докторовъ литературы (*es lettres*) и наукъ (*es sciences*). Студенты избираются изъ того же самого заведенія, и ихъ можетъ быть не болѣе двѣнадцати. (*Réglement. 1855. §§ 1 и 6*).

Если разсматривать нормальную школу въ современномъ ея состояніи, она далеко не достигаетъ своего главнаго назначенія. Какъ единственное педагогическое учрежденіе Франціи, она даетъ ежегодно только двѣнадцать воспитанниковъ для занятія профессорскихъ кафедръ. Этого слишкомъ недостаточно для восьмидесяти тысячъ учащагося юношества. Конечно университетъ отчасти восполняетъ этотъ недостатокъ; но онъ не занимается педагогикой, и слѣдовательно отклоняетъ отъ себя всякую отвѣтственность въ приготовленіи способныхъ наставниковъ. Его дѣло учить, но не воспитывать. Послѣ этого понятно, почему въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, тамъ, гдѣ должны быть особенно опытные преподаватели, теперь большей частью находятся церковники, которымъ учительская карьера служитъ временнымъ переходомъ къ полученію приходскихъ должностей. Кромѣ того, самый составъ ученія нормальной школы поражаетъ насъ своей нескладницей. Такъ, напримеръ, при вступительномъ экзаменѣ требуется отъ уче-

ника, чтобы онъ написалъ латинскіе стихи въ присутствіи самой комиссіи. Писать стихи по заказу — это значитъ молиться Богу по приказанію. Притомъ, греческому и латинскому языку опредѣлены четыре часа въ недѣлю, а своему родному — одинъ; такъ, что бакалавръ литературы очень часто выходитъ изъ заведенія, не умѣя правильно писать по-французски. Наконецъ замѣтимъ, что нормальная, какъ и политическая школы — закрытыя, что, по выраженію Брума, равняется желѣзнымъ клѣткамъ съ ручными попугаями. Въ закрытой школѣ, если угодно, можно получить кой-какое научное образованіе, но никогда воспитанія; его дастъ только мать и общество; а безъ воспитанія самый мудрый педагогъ — не больше, какъ ловкій репетиторъ чужихъ мыслей и затверженныхъ страницъ.

Есть, впрочемъ, двѣ хорошія стороны въ нормальной школѣ, которыя уцѣлѣли отъ ея прошлыхъ лучшихъ дней. Такъ какъ иностранные языки не преподаются въ ней, то ученикамъ дана свобода собираться, въ досужное время, въ общій кружокъ и, подъ руководствомъ одного изъ своихъ товарищей, заниматься этими языками. Это пріучаетъ юношей къ самостоятельному труду и развиваетъ ихъ волю. Затѣмъ, воспитанникамъ предоставлено право, съ позволенія министра, предпринимать заграничныя путешествія для изслѣдованія и разработки избранныхъ ими тѣмъ. (Réglement. 1855. § 14). Но гдѣ зло превѣшиваетъ добро, тамъ хорошая сторона остается недѣйствительной.... Пошлите Платона въ нормальную школу, онъ не уживется здѣсь и одного дня; поставьте на его мѣсто городского сержанта, онъ непременно дослужится до пенсіи.

Мы коснулись этихъ двухъ заведеній, потому что они тѣсно связываются съ университетомъ. Нормальная школа — правая рука его. Возвратимся назадъ.

Съ паденіемъ центральныхъ школъ, консульское правленіе приступило къ новой реформѣ общественнаго воспитанія, сосредоточивъ особенное вниманіе на среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (*les écoles secondaires*), которыя и по-сую пору живутъ подъ вліяніемъ этихъ постановленій. Въ 1802 году, 1 мая, былъ изданъ законъ, по которому возникли 46

лицеевъ, 378 коммунальныхъ и 361 частная школа, — всего 785 заведеній второго разряда. Высшее управленіе надъ ними было ввѣрено тремъ генеральнымъ инспекторамъ. Главными предметами лицейскаго ученія были латинскій языкъ и математика. Изящная литература, воспитавшая Францію XVIII вѣка, была отодвинута на задній планъ; исторія и философія были совершенно отмѣнены. Мысль перваго консула, котораго только четыре года отдѣляли отъ императорской короны, ясно проглядывала въ этомъ планѣ. Ему нужны были прежде всего солдаты, а потомъ граждане.... Такимъ образомъ, по волѣ Наполеона; народное образованіе приняло строго — военный характеръ. «Въ лицейхъ, говорить Гаскъ, учили нравственности подъ барабанъ». (*Etudes sur l'instr. second., par Gasc. p. 36*). Въ основу ея, однакожь, авторъ «Конкордата» положилъ католическую религію, и снова допустилъ духовенство къ участию въ общественномъ воспитаніи.

Покорѣніе, образованное въ духѣ этихъ одностороннихъ школъ, всего меньше дало Франціи замѣчательныхъ людей, которыми былъ такъ богатъ періодъ консульства. Геніальный вождь собиралъ побѣдные лавры съ помощію питомцевъ Ж. Ж. Руссо и Даламбера, а выданъ былъ врагамъ его собственными учениками. Такова участь государственныхъ эгонстовъ!

Съ восшествіемъ на престоль, первой мыслью Наполеона было учрежденіе университета, который упалъ съ старой монархіей и поднялся съ новой имперіей. Собирая народныя силы въ одинъ центръ верховной власти, императоръ рѣшился возвратить университету его прежнее значеніе. Въ 1806 году, государственный совѣтъ, въ которомъ присутствовалъ самъ Наполеонъ, двумя параграфами опредѣлилъ цѣль и направленіе будущаго учрежденія. Декреты отъ 1808 — 1811 года окончательно устроили его. Университетъ образовалъ обширное и независимое сословіе, послѣ государства и церкви самое сильное, въ рукахъ котораго сосредоточились всѣ отдѣльныя отрасли общественнаго образованія и воспитанія. Ему же былъ ввѣренъ высшій контроль надъ умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ всѣхъ

учебныхъ заведеній; безъ предварительнаго дозволенія его нельзя было открыть ни одной школы; онъ назначалъ поставщиковъ и инспекторовъ, раздавалъ ученныя степени и награды, наблюдалъ за частными пансіонами, однимъ словомъ, безусловно распоряжался головой и сердцемъ Франціи. Такъ свобода воспитанія, дорого купленная предъидущей эпохой, исчезла. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ систему университетской администраціи закрадывается финансовое злоупотребленіе, которое со временемъ достигло колоссальныхъ размѣровъ и въ тридцатыхъ годахъ вызвало противъ себя негодованіе всей страны. Злоупотребленіе состояло въ установленіи денежной пошлины, которую получалъ университетъ отъ содержателей частныхъ школъ за право открытія ихъ, отъ воспитанниковъ за право образованія ихъ. (Les lois relatives à l'université. 1806 — 1811). Вся тяжесть этихъ произвольныхъ налоговъ, разумѣется, пала на бѣдныя сословія, которымъ особенно было необходимо просвѣщеніе, потому что для богача и аристократа оно составляетъ рѣскошь, для земледѣльца и ремесленника честный насущный кусокъ хлѣба. «Университетскій монополь, писалъ Гаскь въ 1844 году, поражаетъ всѣ учебныя заведенія и семейства; онъ душитъ всякое благородное соревнованіе подъ эгоистической и хищной рукой, которая достаетъ даже книгопечатаніе и книжную торговлю. Нарушая самыя святыя законы справедливости, онъ отнимаетъ всякое средство къ усовершенствованію у посредственныхъ состояній, образуя аристократію — денежную, прикрывая это имя пышнымъ названіемъ «аристократіи умственной».

Такимъ образомъ наполеоновскій университетъ сдѣлался въ одно и то же время учрежденіемъ деспотическимъ и продажнымъ. Его монополь не только загородилъ дорогу многимъ талантамъ, но онъ развратилъ сословіе самихъ профессоровъ. Желая извлечь большую выгоду изъ продажи дипломовъ, они обезпечивали свой годовой доходъ снисходительностью и потворствомъ на экзаменахъ, и тѣмъ обратили Сорбоду въ мастерскую докторскихъ и бакалаврскихъ пергаментовъ.

Чтобы явиться въ полномъ прежнемъ видѣ, съ фізіоно-

міей XV вѣка, университету не доставало одного — духовно-католическаго контроля. Реставрація не замедлила сравнять его съ старой Сорбоной и въ этомъ отношеніи.

За отреченіемъ Наполеона и завоеваніемъ Паризжа союзными войсками, настаетъ государственная реакція — эпоха колебаній, жалкихъ полумѣръ, страха, соединеннаго съ подозрѣніемъ и подозрѣніи, нечуждаго подлости. Общественное образованіе подпало общей участи. Доселѣ оно было орудіемъ военнаго деспотизма, теперь становится органомъ католической партіи.

Реформа началась уничтоженіемъ лицеевъ, обращенныхъ въ «королевскія коллегіи»; учрежденіемъ семнадцати новыхъ мѣстныхъ университетовъ, подчиненныхъ епископамъ; семинаріи освобождены отъ гражданской власти, нисшія школы отданы подъ непосредственный надзоръ духовныхъ лицъ, наконецъ высшее управленіе народнымъ образованіемъ ввѣрено аббату Фрайсину (Fraussinous), впоследствии епископу Гермополису. Фрайсину, іезуитъ въ душѣ, ловкій куртизанъ по наружности, человекъ, для котораго политика Макіавелли была бы слишкомъ слабымъ выраженіемъ вѣроломства, заподозрилъ науку, какъ врага вѣры. Онъ желалъ дать Франціи чисто-религіозное воспитаніе; съ этой цѣлью онъ уничтожилъ «нормальную школу», которую считалъ гнѣздомъ вреднаго либерализма, присоединилъ совѣтъ епископовъ къ университету, для наблюденія за направленіемъ учебныхъ заведеній, и возстановилъ прежнюю цензуру для литературы. Эта реформа уронила Францію въ ея собственномъ мнѣніи; въ десять лѣтъ, не больше, она отступила назадъ цѣлымъ вѣкомъ. Въ воспитаніи насталъ произволь необузданный; многіе достойные профессора лишились кафедръ; ихъ замѣнили церковники, не имѣвшіе даже обыкновенныхъ ученыхъ степеней; 1500 ланкастерскихъ училищъ (взаимнаго обученія), обязанныя своимъ развитіемъ частной предпримчивости, исчезли; іезуиты снова разсыпали по Франціи свои школы и миссіи; молодое поколѣніе съ жадностью искало однихъ чиновническихъ мѣстъ, забывъ серьезные интересы жизни. Система обскурантизма такъ далеко простиралась, что королевскому совѣту былъ представленъ проектъ,

въ силу котораго требовали: 1) высшаго образованія для однихъ аристократовъ, подъ руководствомъ церкви и 2) совершеннаго невѣжества низшихъ сословій. Франція стояла недалеко отъ того нравственнаго убійства, которымъ Австрійцы поразили Ломбардію въ наше время. (*Les lois relat. à l'univ. 1818 — 1828. Tableau hist. de l'instr. secon. par Kilian. p.80 — 119.*)

Но къ какимъ результатамъ привела эта реформа? Июльскіе дни 1830 года отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Когда Карлъ X плылъ къ берегамъ Англій, а Людовикъ Филиппъ всходилъ на ступени пошатнувшагося трона, Франція ввела новую конституцію, съ новой хартой.

Съ переменной правленія, естественно, должна была измѣниться и система общественнаго воспитанія. Трибуна, журналистика, народный голосъ и даже церковная кафедра возстали противъ старой учебной системы. Ее немедленно вырвали изъ рукъ католическаго духовенства и передали свѣтской власти королевскаго совѣта, въ которомъ засѣдали первые умы Франціи — Кювье и Тенаръ. Преобразование началось возстановленіемъ «нормальной школы», введеніемъ философскихъ и историческихъ наукъ, въ преподаваніи первыхъ латинскій языкъ замѣненъ французскимъ, и объявленіемъ свободы ученія.

Замѣтимъ, что господствующимъ направленіемъ въ литературѣ этого времени была школа Сэнъ-Симона. Возбудивъ соціальныя вопросы о собственности, трудѣ и отношеніи работника къ обществу, она обратила общее вниманіе на средніе и низшіе классы, воспитаніе которыхъ сдѣлалось главной задачей. Политическая экономія поставила аксіомой ту истину, что «увеличеніе народнаго богатства всегда идетъ въ прямомъ отношеніи съ развитіемъ умственныхъ силъ народа». Между тѣмъ, недостатокъ элементарнаго образованія среди ремесленныхъ сословій былъ такъ ощутителенъ, что ему приписывали всѣ несчастія государственныхъ кризисовъ. Въслѣдствіе того, дальнѣйшія реформы направлены были преимущественно къ распространенію и улучшенію народныхъ школъ.

Въ исторіи Французской монархіи не было ни одной

эпохи, столь благопріятной народному воспитанію, какъ правленіе Лудовика-Филиппа, если смотрѣть на него со стороны ви́шнихъ фактовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое рѣдкое стеченіе блестящихъ талантовъ на поприщѣ умственной дѣятельности. Отъ 1832—1848 года, министрами общественнаго образованія являются знаменитые ученые, писатели, извѣстные всей Европѣ: Гизо, Сальванди, Вильмэнъ, Кузенъ и снова Сальванди. Кто могъ подумать, что они обманутъ надежды народа, изъ среды котораго они вышли? Кто могъ сомнѣваться въ ихъ способности править дѣломъ, на которое они, кажется, были призваны природой, испытанной любовью къ наукѣ, всѣми нравственными инстинктами души. И между тѣмъ, если сдѣлаемъ нѣкоторое исключеніе въ пользу Сальванди, дѣятельность послѣднихъ равняется немногимъ больше, чѣмъ нулю. Гизо (1832—1837), совѣтуя королю употребить трудъ какъ самую прочную узду для народа, считалъ образованіе его не нужнымъ, и въ тоже время, по какому-то странному софизму, хотѣлъ привести его «въ гармонію съ прогрессомъ современнаго общества.» Онъ поступилъ въ этомъ случаѣ болѣе, чѣмъ эгоистъ. Потому всѣ его предположенія относительно организаціи низшихъ школъ и университетскаго ученія носятъ характеръ двойственности и противорѣчій (*Projet de loi sur l'instr. publ. 1853. февр.*). Неужели авторъ «Цивилизаціи Европы» могъ искренно думать, что невѣжество массъ можетъ быть когда либо полезно обществу? Не оно ли парализировало лучшія стремленія предыдущихъ вѣковъ! Не оно ли было источникомъ бѣдствій той страны, которая швейцарскому выходцу дала имя, славу и богатство? Неужели нужно было сдѣлаться министромъ вялаго короля, чтобъ измѣнить самымъ задушевнымъ убѣжденіямъ. Но Гизо былъ понятъ, и, конечно, никто и не падалъ такъ низко въ общественномъ мнѣніи, какъ онъ. Вильмэнъ (1839—1840) отличался столько же безпечностью, сколько недалекостью въ своей высокой обязанности. Все, что онъ могъ сдѣлать въ продолженіе одного года, — измѣнить нѣкоторые курсы, разграничить отдѣлы наукъ, выразить особенную симпатію къ классическому образованію, которое онъ полагалъ существенной формой національнаго воспитанія, и пере-

шесть «Нормальную школу» изъ одной улицы въ другую. Министерство его назвали *министерствомъ фразъ*; это названіе можно примѣнить и ко всей ученой дѣятельности Вильмэна. Изъ рукъ его былъ принятъ портфель В. Кузэнномъ. Воспитанникъ нѣмецкаго университета, ученикъ Гегеля, изучавшій различныя системы воспитанія въ Германіи и Бельгіи, оказался рѣшительнымъ противникомъ прогресса. Въ палатѣ перовъ онъ защищалъ университетъ, оправдывалъ его монополию и старыя ошпбки, называлъ Сорбону образомъ всей Франціи. Какъ профессоръ философіи, онъ хотѣлъ навязать свою эклектическую систему всеѣмъ коллегіямъ и увеличить курсъ ея въ университетѣ. Извѣстно, что эта философія, фантазмагорія всевозможныхъ ученій, перепутала послѣднія здравыя понятія въ юношескихъ головахъ. Кузэнъ былъ вдвойнѣ побѣжденъ и временемъ и критикой. Какъ ученый и какъ министръ, онъ никогда не поднимался выше чужихъ мнѣній (*Défense de l'univers. et de la philos. par Cousin, 1845*). Гораздо полезнѣй и оригинальнѣй была дѣятельность Сальванди (1837—1839). Ему обязано народное образованіе изученіемъ повѣйшихъ языковъ, которые доселѣ находились въ крайнемъ пренебреженіи, болѣе равномернымъ распредѣленіемъ казенныхъ суммъ между коллегіями, устройствомъ конкурсовъ, щедрой наградой даровитыхъ воспитанниковъ и личнымъ его покровительствомъ молодымъ талантамъ; а главное — горячей и благородной защитой свободы воспитанія (*Tableau histor. de l'inst. second, par Kilian. Min. de Salv.*)

Впрочемъ, во всеѣхъ этихъ преобразованіяхъ, университетъ былъ обойденъ. До его коренныхъ основъ не коснулся ни духъ времени, ни общественныя реформы. Не смотря на вопіющій протестъ, онъ удержалъ за собой привилегіи монополии до 1849 года; ихъ не уничтожили ни харта, ни послѣдующія министерства. Франція пріобрѣла, говоритъ французскій педагогъ, независимость промышленности, независимость книгопечатанія, независимость индивидуальную, свободу религіозную, но главную основную свободу общественнаго образованія забыла, — забыла первую національную свободу.... Она давно чувствовала въ Франціи, она составляетъ естественное и необходимое слѣдствіе всеѣхъ про-

чихъ политическихъ и религиозныхъ реформъ (Etudes hist. et crit. sur l'instr. second, par Gasc. p. 411).

Между тѣмъ, какъ духъ университетскаго ученія въ продолженіе сорока лѣтъ противился всѣмъ нововведеніемъ, или, справедливѣе сказать, отстаивалъ свою рутину изъ корыстныхъ расчетовъ, преподаваніе его было обременяемо различными формами, большей частью мелочными и безплодными; такъ, вводили новые приемы экзаменовъ, перемѣщали факультеты, сокращали или увеличивали курсы, предписывали методы, руководства и программы. Мы не говоримъ, чтобъ все это было бесполезно; напротивъ, чѣмъ подробнѣй опредѣляется учебная дѣятельность, тѣмъ правнлнѣй она идетъ; но заиматься формой исключительно и упускать изъ виду главныя и существенныя части заведенія — это значитъ не преобразовывать, а запутывать дѣло. Представьте себѣ умную мать, которая воспитываетъ своихъ дѣтей: она не составляетъ программъ, не назначаетъ курсовъ и уроковъ, а вліяніе ея на дѣтяхъ замѣтно во всемъ; ея взглядъ, слово, движеніе — все переходитъ въ нравственное существо дитяти, потому что между имъ и его матерью есть внутренняя связь, сила ума и воли. Въ образованіи, какъ въ религіи, всякое насліе, всякое стѣсненіе, ведетъ къ лицемерію и лжи. Въ этомъ убѣждаютъ насъ ежеминутныя педагогическіе опыты: самой плохой наставникъ, обыкновенно, бываетъ тотъ, который привязывается ко всѣмъ мелочамъ въ своемъ питомцѣ, и самый бездарный питомецъ тотъ, кто съ ослинымъ терпѣніемъ все это переноситъ. Парижскій Университетъ всегда обвиняли въ двухъ недостаткахъ: — въ однообразіи ученія его, не отвѣчающаго новымъ потребностямъ времени. Если студентъ не избираетъ медицинскаго или юридическаго факультета, онъ не выноситъ почти никакихъ познаній, приложимыхъ къ жизни. Въ этомъ, между прочимъ, скрывается зародышь празднаго пролетаріата. Другой недостатокъ, какъ слѣдствіе его долговременнаго монополя, меркантильный духъ профессоровъ, которые часто смотрятъ на кафедру, какъ на болѣе или менѣе выгодную аренду.

Въ такомъ видѣ, университетъ по слѣдамъ новой Имперіи

вошелъ въ общую систему министерства народнаго просвѣщенія. Правда, его освободили отъ постыднаго сбора налоговъ съ ума человѣческаго, но ему не дали новой жизни.

Мы застали его въ самомъ жалкомъ состояніи. Аудиторія, то есть, слушатели по прежнему любознательны. Въ этомъ случаѣ нельзя обвинять французское юношество; съ энтузіазмомъ, съ слезами на глазахъ, оно встрѣчаетъ всякую благородную мысль профессора; оно ободряетъ его труды полнымъ сочувствіемъ и громкими рукоплесканіями. Старикъ, отроки, женщины, люди всѣхъ состояній спѣшатъ въ залу хорошаго преподавателя. И объявите сегодня, что Мишлэ или Кине взойдетъ на кафедру Сорбонны, весь латинскій кварталъ соберется у дверей аудиторіи. Къ сожалѣнію, мы не видимъ теперь истинно даровитыхъ профессоровъ; они отказались отъ своихъ должностей изъ уваженія къ своему достоинству или удалены отъ нихъ, подъ разными предлогами. Молодые же преемники ихъ или стѣснены предупредительными условіями или, за неимѣніемъ солидныхъ знаній, ищутъ популярности на счетъ вѣшняго лоска, обращая аудиторію въ театръ пустыхъ звуковъ. Рядомъ съ ними стоятъ уцѣлѣвшіе старики, для которыхъ наука — жалованье, лекція — ремесло. Ихъ никто или рѣдко кто посѣщаетъ, но они продолжаютъ читать — по привычкѣ.

Парижскій Университетъ имѣетъ одно драгоценное качество — публичность ученія. Двери его, подобно храму, отворены всѣмъ безъ всякаго различія и ограниченія, но публичное ученіе, во всякомъ случаѣ благотѣльное, обладаетъ дѣйствительною силой только тогда, когда наставникъ дорожитъ честью науки и, образу общественное мнѣніе, самъ первый принимаетъ его судъ. Для успѣховъ этого ученія необходимъ и превосходный профессоръ и развитая публика; иначе одинъ будетъ лгать, а другой — его повторять.

Въ настоящемъ общественномъ образованіи Франціи, насколько это можно разсмотрѣть сквозь замаску официальныхъ документовъ, происходитъ поворотъ къ временамъ реставраціи. Число безграмотныхъ юношей въ послѣднее время увеличилось; воспитаніе въ женскихъ заведеніяхъ поч-

ти все перешло въ руки монахинь; питомицы Іезуитовъ готовятъ будущихъ матерей и женъ. Недавно Араскій епископъ предлагалъ не принимать въ школы дѣтей различныхъ вѣроисповѣданій (Presse 1866, 8 авг.), точно такъ, какъ въ «Нормальной школѣ» иногда отказываютъ юношамъ, не способнымъ служить въ строю. Вездѣ снова барабанъ сзываетъ въ классы, на молитву и ко сну. Снова Іезуитъ, во имя религіи, гонитъ свободу совѣсти и омрачаетъ мысль. Все это особенно прискорбно видѣть въ странѣ, измученной тяжкими опытами, въ Парижѣ, гдѣ есть женщина, но нѣтъ матери, гдѣ шестилѣтнихъ малютокъ отсылаютъ въ пансіоны, чтобъ избавиться отъ нихъ ради баловъ и визитовъ, гдѣ нравственные интересы подавлены грубо — матеріальной жизнью, гдѣ человѣкъ за рѣшеткой биржи не находитъ для себя ни вѣры, ни надеждъ, ни радости, ни горя.

Если эта система воспитанія продолжится двадцать лѣтъ, пройдетъ по двумъ поколѣніямъ, мы совершенно согласны съ тѣмъ, что Франція очутится въ положеніи Ирландіи и Испаніи: она не будетъ имѣть ни мыслителей, ни гражданъ. И что послѣдуетъ за тѣмъ?... Нѣтъ пророка въ отечествѣ, — заключимъ мы тѣмъ же, чѣмъ начали нашу статью.

Парижъ. 1868. 20 мая.

Г. Благосвѣтловъ.

ИТАЛІЯ.

Италія! ты сердцу солгала.
 Какъ долго я въ душѣ тебя лелѣялъ;
 Но не такой мечта тебя нашла,
 И не роднымъ мнѣ воздухъ твой повѣялъ.

Въ твоихъ степяхъ любимый образъ мой
 Не могъ, опять воскреснувши, не вырость,
 Сынъ сѣвера, люблю я шумъ лѣсной
 И зелени растительную сырость.

Твоихъ сыновъ паденье и позоръ
И нищету увидя, содрогаюсь,
Но иногда, суровый приговоръ
Забывъ, опять съ тобою примиряюсь.

Въ углахъ садовъ и старческихъ руинъ
Нерѣдко жаръ я чувствую мгновенный,
И слушаю — и кажется одинъ
Я слышу гимнъ свиллы вдохновенной

Въ подобный мигъ чужія небеса
Невѣдомой мнѣ въ душу вѣютъ силой,
И я люблю, увядшая краса,
Твой долгій взоръ надменный и унылый.

И ящеричъ мелькающихъ кругомъ,
И нѣгу ихъ на нестерпимомъ зноѣ,
И страстнаго кумира подъ плющемъ
Раскидистымъ увѣчье вѣковое.

А. Фетъ.

Н А О З Е Р Ъ.

(Изъ Гете).

И силу въ грудь и свѣжесть въ кровь
Дыханьемъ вольнымъ лью.
Какъ сладко, мать природа, вновь
Упасть на грудь твою.

Волна ладью въ размѣръ весла
Качаетъ и несетъ,
И вышнихъ горъ сырая мгла
На встрѣчу мнѣ плыветъ.

Взоръ, мой взоръ! зачѣмъ склоняться!
Или сны златые снятся!
Прочь ты, сонъ, хоть золотой! —
Здѣсь любовь и жизнь со мной.

На волнѣ сверкаютъ
Тысячи звѣздъ сотрясенныхъ,
Въ дымномъ небѣ таютъ
Призраки горъ отдаленныхъ,

Вѣтерокъ струится
Надъ равниною водъ,
И въ заливъ глядится
Дозрѣвающій плодъ.

А. Фетъ.

ПИСЬМА ГОГОЛЯ КЪ ПРОКОПОВИЧУ.

Публика отчасти уже знакома съ нѣкоторыми изъ этихъ писемъ по отрывкамъ, помѣщеннымъ въ статьяхъ: г. Анненкова — «Воспоминанія о Гоголѣ» (Библиотека для Чтенія, 1857, № 11) и моей — «Прокоповичъ и отношенія его къ Гоголю» (Современникъ, 1858, № 2). Здѣсь эта въ высшей степени интересная переписка помѣщается вполнѣ. Не говоря уже о томъ, что она содержитъ въ себѣ ключъ къ уразумѣнью многихъ жизненныхъ подробностей, не выговоренныхъ Гоголемъ передъ другими, и потому драгоцѣнныхъ, какъ матеріалъ для будущихъ его біографовъ, — она бросаетъ новый свѣтъ на нѣкоторыя стороны его житейскихъ отношеній къ старымъ друзьямъ и товарищамъ прошедшей молодости, и выставляетъ эти отношенія въ самомъ отрадномъ свѣтѣ. Печатаю эти письма, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о покойномъ Прокоповичѣ, для

уясненія отношеній его къ Гоголю. Не смотря на свою несомнѣнную даровитость, онъ никогда не пользовался извѣстностью въ публикѣ, какъ поэтъ, тогда какъ въ тѣсномъ кружкѣ его друзей-литераторовъ, въ главѣ которыхъ стоялъ Гоголь, въ немъ чтили талантливаго писателя и постоянно сѣтовали на то, что онъ печаталъ мало и неохотно. Но если публика мало знаетъ поэта Прокоповича, то хорошо знаетъ Прокоповича — друга Гоголя, имѣвшаго на автора «Ревизора» и «Тараса Бульбы» сильное и благотворное вліяніе, до 1843 года, когда Гоголь, въ слѣдствіе разныхъ причинъ, въ разбирательство которыхъ входитъ здѣсь не мѣсто, охладѣлъ къ своимъ старымъ друзьямъ, и нашелъ новыхъ въ князѣ Л—ѣ, графѣ В—ѣ, отцѣ Матвѣѣ, Ш—ой, В—ѣ и другихъ. Гоголь и Прокоповичъ были товарищи по Гимназій Высшихъ Наукъ Князя Безбородко (нынѣ Лицей). Здѣсь они сблизились и всю жизнь оставались друзьями. Ни о комъ Гоголь не отзывался впоследствии съ такимъ братскимъ чувствомъ, какъ объ этотъ товарищѣ его первыхъ игръ и свидѣтелѣ первыхъ усилій проложить себѣ дорогу въ жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ никто не зналъ такъ Гоголя-юноши, какъ Прокоповичъ. Замѣчательно, что Гоголь, находясь въ постоянной перепискѣ съ Прокоповичемъ, вдругъ пересталъ писать къ нему, послѣ своего несчастнаго *кравственнаго перерожденія*. И молчаніе это продолжалось вплоть до 1847 года, то есть до страшнаго переворота въ его жизни, послѣдовавшаго за неуспѣхомъ выданной имъ книги, когда измученная душа его снова ощутила потребность подѣлиться своими печальми съ другою любящей и преданной ему душою.

Всѣхъ писемъ Гоголя къ Прокоповичу — 33. Они занимаютъ пространство времени безъ малаго въ *девятнадцатилѣтнѣ* (съ 8-го іюля 1832 по 29-е марта 1851 года), писаны мелкимъ почеркомъ на бумагѣ разнаго достоинства и всевозможныхъ цвѣтовъ и форматовъ, начиная съ обыкновеннаго почтоваго листа и кончая клочкомъ сѣрой бумаги. Многія изъ нихъ сильно пострадали.

Подлинная переписка приобрѣтена была, по смерти Прокоповича, у его семейства графомъ Г. А. Купчелевымъ-Безбородко и, вмѣстѣ съ многими другими автографами Гоголя,

принесена имъ въ даръ Лицею князя Безбородко, какъ заведенію, воспитавшему знаменитаго автора «Мертвыхъ Душ».

Николай Гербель.

I.

Юля 8. Уѣздн. городокъ Подольскъ, 30 версть отъ Москвы (1832) (1).

Я думаю, ты уже слышалъ отъ Божко (2), что путь мой не слишкомъ былъ благополученъ. Въ Москвѣ я заболѣлъ и остался, и пробылъ полторы недѣли, въ чемъ, впрочемъ, не раскаиваюсь. За все я былъ вознагражденъ. Теперь я выѣхалъ и дожидаюсь на первой уже станціи лошадей, — дожидаюсь часовъ шесть, но и здѣсь видна providentia, и за это я долженъ благодарить судьбу. Можетъ быть, сѣмена падутъ не на каменную и бесплодную землю. Послушай (объ этомъ я хотѣлъ писать къ тебѣ изъ Москвы, но не успѣлъ) — я ѣду прямо на Полтаву, слѣдовательно не увижу Нѣжина. Ты долженъ... я тебя заклинаю всѣмъ (впрочемъ, ты самъ же и слово даже далъ) — немедленно пріѣхать съ братомъ ко мнѣ въ деревню *Васильевку*, въ простонародьи завоюю Яновщина. Что тебѣ въ Нѣжинѣ? Какія нибудь любовныя застарѣлыя дѣлишки? Но стыдно мужу, закаленному уже опытомъ, прошедшему всѣ мытарства, ребячиться такимъ образомъ. Пріѣзжай, если тебѣ я сколько нибудь дорогъ, потому что отъ твоего пріѣзда здоровье мое непременно поправится. Жизнь мы проведемъ самымъ эстетическимъ образомъ: спать будемъ въ волю, ѣсть тоже будемъ очень много; а главное, — что варварскій носъ твой, лишенный всякаго обонянія, прошибетъ запахъ настоящей деревни. Еще долженъ тебѣ сказать, что въ этомъ же мѣ-

(1) На этомъ письмѣ, какъ почти на всѣхъ письмахъ Гоголя, не выставлено года. Сверху, рукою Прокоповича, написано карандашомъ: *очень раннее, но не помню года*. Я выставилъ 1832 годъ на томъ основаніи, что въ «Сочиненіяхъ и Письмахъ Гоголя» (т. V, стр. 157) помѣщено подъ этимъ годомъ письмо къ М. П. Погодину, также изъ г. Подольска и притомъ отъ того же числа и мѣсяца, гдѣ авторъ жалуется на то, что онъ сидитъ на станціи и дожидается лошадей, какъ и въ письмѣ къ Прокоповичу.

(2) Андрей Андреевичъ Божко — школьный товарищъ Гоголя.

Прим. Н. Гербеля.

сяцѣ прибѣдетъ, если уже не прибылъ, Данилевскій (3) съ Кавказа. Нѣтъ, ты будешь совершенный лошадиный пометъ, если все это не подѣйствуетъ на твою вялую душу.....

Вотъ тебѣ маршрутъ: изъ Нѣжина въ Прилуки, изъ Прилукъ въ Пирятинъ, изъ Пирятина въ Лубны, изъ Лубенъ въ Миргородъ, изъ Миргорода на село Устивицу въ мѣстечко Ярески, а изъ Яресекъ всякій укажитъ тебѣ дорогу на Каменецкій мостъ въ деревню Васплевку или Яновщину. Прощай. Исполни то, что тебѣ слѣдуетъ исполнить.

Твой Гоголь.

II.

Май 24. Полтава (1835).

Пишу къ тебѣ изъ дому. Спужу дома на перепутьи около недѣли уже, не зная куда лучше ѣхать — на Кавказъ, или въ Крымъ, гдѣ нынѣ славятся минеральныя грязи и купальни въ морѣ. Изъ Москвы никакъ не могъ писать: было страшно захопотаиъ и при всемъ томъ многихъ не видѣлъ. Твоя піеса за день до моего пріѣзда только получена и еще до сихъ поръ не была въ рукахъ Совѣта. Я поручилъ Погоди (пу) сей же часъ увѣдомить тебя, и далъ ему твой адрессъ. Получилъ ли ты отъ него отзывъ, или нѣтъ? Ну, что слышно у васъ въ Петербургѣ, и что тамъ дѣлается теперь? Мнѣ кажется, какъ будто я уже годъ его не видѣлъ. Да, пожалуста, — я къ тебѣ съ просьбою: сдѣлай милость ступай на мою квартиру и адрессуйся къ Матренѣ, чтобы она тебѣ дозволила входъ къ книгамъ и возьми тамъ «Исторію Англіи» Абата де Тоараса, на русскомъ, одинъ томъ, содержащій 1 и 2 части (онъ въ кожанномъ переплетѣ)—и пришли мнѣ, пожалуста, какъ можно его поскорѣе. Крайняя въ немъ нужда. Если же, пожалуй, такъ, какъ нибудь, не отыщется, то возьми у Смирдина и пришли мнѣ немедленно. Еще: сходи

(3) Александръ Семеновичъ Данилевскій — товарищъ Гоголи и Прокоповича по Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко; нынѣ директоръ Училища Полтавской Губерніи. Онъ находился въ постоянной перепискѣ съ Гоголемъ (см. «Сочиненія и Письма Гоголя», т. V и VI) и былъ, вмѣстѣ съ Прокоповичемъ, лучшимъ его другомъ.

Прим. П. Гербеля.

къ Росини и купи у него три термометра (2 для комнаты, и одинъ долженствующій быть на дворѣ) обыкновенныхъ, простыхъ, которые я у него бралъ по три рубля каждый, и того составитъ 9 рублей. Переложн ихъ хлопчатую бумагою въ деревянномъ ящикѣ и пришли мнѣ вмѣстѣ съ книгою. Всѣ издержки съ благодарностью возвращу. Или — нѣтъ: два термометра ты можешь снять съ крючковъ у меня въ комнату; только одинъ, стало быть, тебѣ пужно купить. Обнимаю и цѣлую тебя и прощаюсь да скорого времени. Напиши, пожалуста, что дѣлаешь и что такое писатоночки (?) и какъ (4) Ге, Гусь, Гюго. и проч. и проч.

Твой Гоголь.

Адресъ мой: въ Полтаву, а оттуда въ д. Васильевку.

III.

Женева, 27 сентября (1836).

Что вы дѣлаете мои краснотоночки (?). Не грѣхъ ли вамъ не писать ко мнѣ, а я по тебѣ соскучалъ страшно. Пожалуста пиши. Пишетъ ли къ тебѣ Данилевскій? Я три мѣсяца, какъ разстался съ нимъ и не получаю отъ него ни строчки и не знаю даже гдѣ онъ теперь. Увѣдоми меня и пришли его адрессъ, если имѣешь. Здоровы ли вы всѣ? какъ живете? Меня очень обрадуешь хотя письменнымъ рассказомъ, а я не знаю, что я напишу. Мнѣ кажется здѣсь нѣтъ ничего такого, чтобы удивило васъ. Можетъ быть, если бы это путешествіе мое предиринялъ я годами шестью ранѣе, можетъ быть я бы тогда болѣе нашель для меня новаго. Мои чувства были тогда живѣе и мое описаніе, можетъ быть, было бы тогда интереснѣе для васъ. Но теперь только ледяные богатыри Альпъ, да старыя готическія церкви меня поразили. Они только заставили меня подумать, что еще есть что-то новое для меня. Но можетъ быть я и къ нимъ привыкну.

(4) Точки означаютъ мѣста, которыхъ нельзя было разобрать.

Прим. И. Гербеля.

Увы! мы приближаемся къ тѣмъ лѣтамъ, когда наши мысли и чувства поворачиваютъ къ старому, къ прежнему, а не къ будущему. Какъ быть! но прекрасно старое. Когда когда-нибудь мы соберемся вмѣстѣ — и вспомнимъ и Нѣжинъ, и Петербургъ, и молодость. Весела и грустна будетъ наша пирушка.... Что, какъ идутъ учительскія дѣла твои? Нахватали ли ты новыхъ часовъ, или нѣтъ — и думаешь дать тягу изъ Петербурга? Теперь я, какъ подумалъ хорошенько, не знаю, хорошо ли будетъ для тебя его оставить. Въ Петербургѣ все можно сдѣлать, все подъ рукою: не нравится служба — переѣдн и бери другую. Притомъ, какъ бы то ни было, — ближе къ людямъ, ближе къ міру литературному и крещеному. Въ провинціи этого нельзя сдѣлать. Захочешь писатючки (?) — есть типографія и книгопродавцы, все передъ глазами. Я ужь и не говорю о многихъ другихъ удобствахъ и о томъ, что жаль оставить Петербургъ. И для меня теперь Петербургъ остался чѣмъ то такимъ пріятнымъ. Впрочемъ, какъ требуютъ твои выгоды. Во всякомъ случаѣ, извѣсти меня подробнѣйшимъ образомъ о всѣхъ своихъ планахъ, намѣреніяхъ и распоряженіяхъ. Письма адресуй ко мнѣ на *Лозану*; подписывай внизу: *reste restante*. Что тебѣ сказать о Швейцаріи. Все виды да виды, такі(е), что мнѣ уже отъ нихъ наконецъ станвится тошно, и если бы мнѣ попало теперь наше подлое и плоское русское мѣстоположеніе, съ бревенчатою избою и сѣринькимъ небомъ, то я бы въ состояніи имъ восхищаться, какъ новымъ. Я не пишу тебѣ о всѣхъ городахъ и земляхъ, которые я проѣхалъ, во первыхъ потому, что о половинѣ ихъ писалъ къ тебѣ Данилевскій, котораго перо и взглядъ можетъ быть живѣе моихъ, а во вторыхъ потому, что право нечего объ нихъ писать. Изъ всѣхъ воспоминаній моихъ осталось только воспоминаніе о безконечныхъ обѣдахъ, которыми преслѣдуетъ меня обжорливая Европа, и то потому, что ихъ хранить желудокъ а не голова. Охъ, мнѣ эти обѣды! Проклятое обыкновеніе! Я ѣмъ черезъ одно блюдо, по капли, но чувствую въ своемъ желудкѣ страшную дрянь. Какъ будто бы кто загналъ туда цѣлый табунъ рогатой скотины. Жалѣю очень, что не взялъ водъ. На слѣдующую

весну, или—бишь—лѣто перечищу его всего начисто. Европа поражаетъ съ перваго разу, когда въѣдешь въ ворота, въ первый городъ. Живописные домики, котор(ые) то подъ ногами, то надъ головою, синія горы, развѣсис(тыя) липы, плещь, устилающій, вмѣстѣ съ виноградо(мъ), стѣны и ограды — все это хорошо, и нравится, и ново, потому что все пространство Руси нашей не имѣетъ этого, но послѣ, какъ увидишь далѣе тоже да тоже, привыкнешь и позабудешь, что это хорошо. Изъ городовъ нѣмецкихъ, послѣ Гамбурга, лучше другихъ — Франкфуртъ. Это городокъ-щеголь. Престнѣйшій садъ окружаетъ весь городъ и служить ему стѣною. Говорятъ въ немъ жить весело, особенно зимою; но я имѣю антипатію къ жидовскимъ городамъ. Вселѣе всѣхъ другихъ, въ продолженіи лѣта, Баденъ-Баденъ. Это — дача всей Европы. Изъ Парижа, изъ Англии, изъ Испаніи, изъ Петербурга наѣзжаетъ сюда народъ на лѣто вовсе не для того, чтобы лѣчиться, но чтобы сколько нибудь веселѣе прожить время. Его мѣстоположеніе такъ картинно, что можно только кистью а не перомъ нацарапать. Городъ между горами, раскинутъ на уступѣ одной изъ нихъ. Магазины, театръ, зала для баловъ — все въ саду, все вмѣстѣ. Я прожилъ почти мѣсяцъ въ Баденѣ довольно весело, потому что встрѣтилъ много знакомыхъ. Города Швейцаріи мало для меня были занимательны. Ни Базель, ни Бернъ, ни Лозана не поразили. Женева лучше и огромнѣе ихъ, и остановила меня тѣмъ, что (въ ней) есть что-то столично-европейское. Почти каждый домъ облѣпленъ афишами и объявленіями о книгахъ, печатанными въ Парижѣ, на желтой бумагѣ, буквами страшной величины: каждая буква больше Данченка. Ощутительна близость къ Франціи. Женева надъ самымъ Женевскимъ озеромъ, которое почти какъ море. Боковыя кулсы занимаютъ съ одной стороны сине-фіолетовыя горы Савойскія, а изъ за нихъ Монбланъ вытыкаетъ снѣжную свою вершину; съ другой стороны — синія цѣпь горъ, называемыхъ Юра, которыя принадлежатъ Франціи. Въ Женевѣ я прожилъ больше мѣсяца, но наконецъ не стало мочи отъ здѣшняго глупаго климата. Вѣтры здѣсь грозятъ Петербургскихъ. Совершенный Тобольскъ. Буду теперь въ маленькій

городокъ Веве, который находится на этомъ же озерѣ, недалеко отъ извѣстнаго тебѣ замка Шиліона. Тамъ климатъ совершенно другой, потому что съ сѣвера заслоняетъ гора. Сегодня поутру посѣтилъ я старика Волтера: былъ въ Фернеѣ. Старикъ хорошо жилъ. Къ нему идетъ длинная, прекрасная аллея: въ три ряда каштаны. Домъ въ два этажа изъ сѣренькаго камня, еще довольно крѣпокъ. Я. (5) въ его залъ, гдѣ онъ обѣдалъ и принималъ; все въ томъ же порядкѣ, тѣ же картины висятъ. Изъ залы дверь въ его спальню, которая была вмѣстѣ и кабинетомъ его. На стѣнѣ портреты всѣхъ его пріятелей: Дидеро, Фридриха, Екатерины. Постель. одѣяло старинное кисейное, едва держится, и мнѣ такъ и представлялось, что вотъ-вотъ отворятъ дверь и войдетъ старикъ въ знакомомъ парикѣ, съ отстегнутымъ бантомъ, какъ старый Крамида и спроситъ: что вамъ угодно? Садъ очень хорошъ и великъ. Старикъ зналъ, какъ его сдѣлать. Нѣсколько аллей сплелись въ непроницаемый сводъ, искусно простриженный, другія вьются не регулярно, и во всю длину одной стороны сада сдѣлана стѣна изъ подстриженныхъ деревьевъ въ видѣ аркадъ, и сквозь эти арки видна внизу другая аллея въ лѣсъ, и вдали виднѣтъ Монбланъ. Я вздохнулъ и нацарапалъ русскими буквами мое имя, самъ не отдавши себѣ отчета для чего.

Получилъ ли ты письмо Данилевскаго, писанное изъ Гамбурга, при которомъ была моя приписочка. Помнишь ли ты мою просьбу насчетъ портрета и насчетъ аккуратнаго сбереженія оставленныхъ мною тебѣ рукописныхъ книгъ и бумагъ. Пиши ко мнѣ, пожалуста пиши почаще. Ты знаешь, какъ много значитъ здѣсь получить русское письмо, да притомъ еще отъ тебя. Кланяйся всѣмъ нашимъ отъ меня: Жюлю (6), Паценку (7) и проч. и если у нихъ руки еще

(5) Точки означаютъ прожженные или непрочитанныя мѣста.

(6) Такъ называлъ Гоголь Павла Васильевича Анненкова (издателя «Сочиненій Пушкина»). «Надо сказать», говоритъ г. Анненковъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Гоголѣ» (Библ. для Чтен. 1858, N 2, отд. II, стр. 121), «что около 1832 года, когда я впервые познакомился съ Гоголемъ, онъ далъ всѣмъ своимъ товарищамъ по Нѣжинскому Лицею и ихъ пріятелямъ прозвища, украсивъ ихъ именами знаменитыхъ французскихъ писателей, которыми тогда восхи-

держатся, то пусть напишутъ сколько достанетъ терпѣнія. Не забудь адресовать письма въ *Лозану*. Прощайте мол. Обнимаю васъ.

Марья Никифоровна поклонъ.

IV.

Парижъ. 25 январь 1837.

Я давно не писалъ къ тебѣ. Я хотѣлъ получить прежде твое письмо, о которомъ я зналъ, что оно лежитъ въ *Лозанѣ*, и которое пришло ко мнѣ довольно поздно. Прежде всего нужно тебя поздравить съ новымъ годомъ. Желаю одного, чтобы онъ былъ плодороднѣе для тебя прочихъ; чтобы ты наконецъ припаялся за дѣло. Тебѣ нужно испытать горькое и пріятное нашего ремесла. Жизнь твоя не полна: ты теперь долженъ иногда чувствовать пустоту ея. Пора, братъ, пора! Вотъ тебѣ и желаніе мое и упрекъ вмѣстѣ. Изъ письма Данилевскаго ты, я думаю, уже узналъ о моемъ пребываніи здѣсь. Я попалъ въ Парижъ почти нечаянно. Въ *Италіи* холера, въ *Швейцаріи* холодно. На меня напала хандра, да притомъ и докторъ требовалъ для моей болѣзни перемѣны мѣста. Я получилъ письмо отъ Данилевскаго, что онъ скучаетъ въ Парижѣ, и рѣшился ѣхать раздѣлить его скуку. Парижъ городъ хорош(ій) для того, кто именно ѣдетъ для Парижа, чтобы погрузиться во всю его жизнь. Но для такихъ людей, какъ мы съ тобою, — не думаю, развѣ нужно склнуть съ каждаго изъ насъ по 8 лѣтъ. Къ удобствамъ здѣшнимъ приглядишься, тѣмъ болѣе, что ихъ болѣе нежели сколько нужно; люди легки, а природы, въ которой всегда находишь ресурсъ и утѣшеніе, когда все пріѣтся, — нѣтъ: и такъ нѣтъ того, что бы могло привязать къ нему мою жизнь. Жизнь политическая, жизнь вовсе противоположная смиренной художнической, не можетъ понравиться такимъ счастливымъ празднымъ, какъ мы съ тобою. Здѣсь все политп-

щался весь Петербургъ.... Не знаю почему я получилъ титулъ *Жюль-Жазена*, подъ которымъ и состоялъ до конца.

(7) Иванъ Григорьевичъ Пащенко (нынѣ покойникъ), товарищъ Гоголя и Прокоповича по Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко. Служилъ въ Министерствѣ Юстиціи.

Прим. Н. Гербеля.

ка, въ каждомъ переулкѣ и переулочкѣ Библиотека съ журналами. Остановишься на улицѣ чистить сапоги, тебѣ суютъ въ руки журналъ; въ н..... даютъ журналъ. Обѣ дѣлахъ Испаніи больше всякой хлопочеть, нежели о своихъ собственныхъ. Только въ одну жизнь театральную я иногда вступаю: итальянская опера здѣсь чудная! Гризи, Тамбурини, Рубини, Лаблашъ — это такая четверня, что даже странно, что они собрались вмѣстѣ. На свѣтѣ большею частію бываетъ такъ, что одна вещь находится въ одномъ углу, а другая, которой бы слѣдовало быть возлѣ нее, въ другомъ. Не приведи Богъ принести сюда Пашенка. Бѣда была бы нашимъ ушамъ. Онъ бы напѣвалъ, я думаю, ежедневно и ежеминутно. Я былъ не такъ давно въ Théâtre Français, гдѣ торжествовали день рожденія Мольера. Давали его піэсы «Тартюфъ» и «Мнимый Больной». Обѣ были очень хорошо играны, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ тѣмъ, какъ играютъ они у насъ. Каждый годъ Théâtre Français торжествуетъ день рожденія Мольера. Въ этомъ было что-то трогательное. По окончаніи піэсы подняли занавѣсъ: явился бюстъ Мольера. Всѣ актеры этого театра попарно подъ музыку подходили вѣнчать бюстъ. Куча вѣнковъ вознеслась на головѣ его. Меня обняло какое-то странное чувство. Слышитъ ли онъ, и гдѣ онъ слышитъ это? Видѣлъ въ трехъ піэсахъ M-elle Mars. Ей 60 лѣтъ. Въ одной піэсѣ играла она 18-лѣтнюю дѣвцу. Немножко смѣшно было сначала, но потомъ въ другихъ дѣйствіяхъ, когда дѣвица становится замужней женщиной, ей прощаешь лишніе годы. Голосъ ея до сихъ поръ гармоническій и, зажмуривши глаза, можно вообразить живо предъ собою 18-лѣтнюю. Все просто, живо; очищенная натура въ мѣстахъ патетическихъ; слова исходятъ прямо изъ глубоко-тронутой души; ничего дикаго, ни одной фальшивой или искусственной ноты. На русскомъ нашемъ театрѣ далеко недостаетъ до Mars. Актеровъ много, очень много хорошихъ. На каждомъ театрѣ есть два или три своихъ корифея. Видѣлъ наследника Тальмы — Ligier. Средняго росту, пожилыхъ лѣтъ человекъ, бѣгаетъ по сценѣ довольно свободно, какъ дома, не складываетъ рукъ крестомъ и не глядитъ изъ за плеча. Піэсъ, гдѣ герой является идеаломъ физическихъ силъ,

онъ, какъ кажется, избѣгаетъ. Я его не видѣлъ, по крайней мѣрѣ никогда ни въ старыхъ трагедіяхъ, ни въ новыхъ драмахъ, гдѣ герои сильно страдаютъ и много бѣснуются. Игралъ онъ Людовика XI въ піесѣ Делавиня и, кажется, врядь-ли Делавиню такъ написать, какъ Ligier игралъ. Онъ былъ даже смѣшенъ—до такой степени хорошъ. Король, раскорякающійся очень коварно и плутовски и между тѣмъ дающій всему этому видъ необходимости, имъ же самимъ наложенной, былъ очень занимателенъ для зрителя. Въ піесахъ Мольера старики, дяди, опекуны и отцы играютъ очень хорошо, плуты-слуги тоже прекрасно. Если бы собрать, съ каждаго изъ здѣшнихъ театровъ, по три первыхъ персонажа, то можно бы такимъ образомъ обставить піесу, какъ только можетъ себѣ составить идею одинъ комикъ или трагикъ. Театры всѣ устроены прекрасно. Они не имѣютъ великолѣпныхъ наружныхъ фасадовъ, но внутри все какъ слѣдуетъ. Отъ перваго до послѣдняго слова слышно и видно всѣмъ. Балеты ставятся съ такою роскошью, какъ въ сказкахъ; особливо костюмы необыкновенно хороши, съ страшною историческою точностію. Сколько прежде французы глядѣли мало на духъ вѣка, столько теперь приглядываются на мелочи; само собою, что при этомъ ускользаетъ много крупнаго. Золота, атласу и бархату на сценѣ много. Какъ у насъ одѣваются на сценѣ первыя танцовщицы, такъ здѣсь всѣ до одной фигурантки. Далеко — Г..... до Петрова дня, хотя ему и значительно помогаетъ въ украшеніи декораций Федоръ Андреевичъ. Тальони — воздухъ! Воздушнѣе еще ничего не бывало на сценѣ. Впрочемъ здѣсь около десяти есть такихъ танцовщицъ, или солистокъ, передъ которыми Пейсаръ — Пашенко. Скажи Ж.....: какъ право не совѣстно ему жить съ мамзель Жоржъ. Вѣдь ей 67 лѣтъ. Да притомъ видно, что она только красотой своей брала. Игра ея очень монотонна и часто напыщена. Впрочемъ, говорятъ, что ее нужно видѣть въ старыхъ трагедіяхъ, которыхъ однакожь не играютъ вовсе на томъ театрѣ, гдѣ она теперь находится. Играетъ она въ театрѣ Porte St. Martin, гдѣ играютъ только однѣ новыя драмы и мелодрамы, и гдѣ зрители шумятъ больше, нежели на всѣхъ другихъ театрахъ. Всякой

почти разъ въ партерѣ произойдетъ какая-нибудь комедія или даже и водевиль, если у зрителей хорошъ голосъ. Тогда актеры дѣлаются зрителями: сначала слушаютъ, а потомъ уходятъ со сцены, занавѣсъ опускается, музыка начинаеть играть и пїесу начинаютъ снова. Народъ очень любитъ драмы и особенно партія республиканская. Это народъ сумрачный, аплодируетъ рѣдко. Прочіе ходятъ, въ особенности среднее сословіе, въ театръ Variété, или въ театръ Палерояля (лучшіе водевильные театры). Знать, какъ бываетъ всегда, корчить меломановъ и ходить въ Итальянскую или въ Большую оперу (на французскомъ діалектѣ), гдѣ конопатятъ до сихъ поръ еще «Гугенотовъ» и «Роберта», ударяя въ мѣдные горшки и тазы сколько есть духу; или иногда въ Орѣга Comique (французскую оперу). Но Богъ съ ними, со всѣми этими операми, водевилями и комедіями! Поговоримъ теперь о тебѣ. Что ты подѣливаешь теперь? Тамъ же ли ты, гдѣ и прежде, на той ли самой квартирѣ? Такъ же ли походишь по комнатѣ съ трубочкою, въ томъ ли самомъ халатѣ, нѣсколько поизношенномъ, какъ бываетъ у всѣхъ порядочныхъ людей? Ты ничего мнѣ не пишешь объ этомъ. Можетъ быть, ты квартиру свою перемѣнилъ и письмо мое долго будетъ таскаться изъ дома въ домъ, а можетъ быть не попадетъ даже въ руки къ тебѣ. Это, признаюсь, было бы мнѣ страшно неприятно. Я все имѣю надежду на скорый твой отвѣтъ, который для меня теперь почти такое же заключаетъ въ себѣ наслажденіе, какъ чтеніе прекрасной поэмы. Душенька, пиши ко мнѣ! Ты долженъ это дѣлать чаще моего потому, что твое письмо доставляетъ мнѣ теперь больше удовольствія, нежели мое тебѣ. Тоци ваши петербургскія литературныя новости. Да скажи, пожалуста, съ какой стати пишете вы всѣ про «Ревизора»? Въ твоёмъ письмѣ и въ письмѣ Пашенка, которое вчера получилъ Данилевскій, говорится, что «Ревизора» играютъ каждую недѣлю, театръ полонъ и проч.... и что бы это было доведено до моего свѣдѣнія. Что это за комедія? Я право ни какъ не понимаю этой загадки. Во-первыхъ я на «Ревизора» — плевать, а во-вторыхъ — къ чему это? Если бы это была правда, то хуже на Руси мнѣ никто бы не могъ нагадить. Но, слава Богу,

это ложь: я вижу черезъ каждыя три дни русскія газеты. Не хотите ли вы изъ этого сдѣлать что-то въ родѣ побрякушки и тѣшить меня ею, какъ ребенка? И ты!... Стыдно тебѣ! — ты предполагалъ во мнѣ столько мелочнаго честолюбія! Если и было во мнѣ что нибудь такое, что могло показаться, легко меня знавшему, тщеславіемъ, то его уже нѣтъ. Пространства, которыя раздѣляютъ меня съ тобою, поглотили *все* тѣ, за что поэтъ слышитъ упреки во глубинѣ души своей. Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараняхъ. Они въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ. Забвенья, долгаго забвенья проситъ душа. И если бы появилась такая моль, которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры «Ревизора», а съ ними «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху, и обо мнѣ, въ теченіи долгаго времени, ни печатно, ни изустно не произносилъ никто ни слова — я бы благодарилъ судьбу. Одна только слава по смерти (для которой, увы! не сдѣлалъ я, до сихъ поръ, ничего) знакома душѣ неподдѣльнаго поэта. А современная слава не стоитъ копейки. Но ты долженъ узнать её. Ты долженъ начать съ нее непремѣнно, вкуспть и горькіе и сладкіе плоды, покамѣстъ безотчетныя лирическія чувства объемлютъ душу, и не требовалъ тебя на судъ твой внутренній грозный судья. Мощь голосомъ, который теперь долженъ имѣть надъ тобою двойную силу и власть, я заклинаю тебя стряхнуть лѣнь. Не принимайся за большое дѣло: примись сначала за малое; пиши повѣсти, все, что угодно, но только пиши непремѣнно, рядись на всѣ журналы, помѣщай и бери деньги. У тебя есть языкъ, но (онъ) еще не разболтался. Годъ или два употреби непремѣнно, чтобы расписаться, и тогда... нечего говорить: ты самъ узнаешь и постигнешь тогда свое назначеніе и рѣшишь — за что и какъ нужно взяться. Кстати о литературныхъ новостяхъ. Они однакожь не тощи. Гдѣ выберется у насъ полугодіе, въ теченіе котораго явились бы разомъ двѣ такія вещи, каковы «Полководецъ» и «Капитанская Дочь». Видана ли была гдѣ нубудъ такая прелесть! Я радъ, что «Капитанская Дочь» произвела всеобщій эффектъ. Даже Иванъ Григорьевичъ (8) пишетъ, что чудная вещь. Ко-

(8) Пашченко.

Прим. Н. Гербеля.

гда эта музыкальная душа признала ея достоинство, то что же, я думаю, говорят прочіе. Что ты ничего не пишешь обстоятельнѣй о тѣхъ литературныхъ новостяхъ, которыя хотя и не такъ сильно выглядываютъ, но дороги намъ потому, что творцы ихъ или кумовья, или другіе близкіе намъ родственники, напримѣръ: Кукольникъ (9), Базили (10). Ты очень легко упомянулъ о «Художественной Газетѣ». Можно бы даже привести отрывочекъ. Это было бы пріятно. Также о «Босфорѣ»... Нѣтъ ли тамъ еще какого-нибудь реверанса? Не дурно также бы упомянуть нѣсколько и объ ихъ частной жизни, о новыхъ подвигахъ ихъ на пользу отечества, а также и на собственную пользу, которая, безъ сомнѣнія, ни въ какомъ случаѣ не забывается. Въ какомъ салонѣ видѣнъ теперь Базили, и какую имѣетъ моральную «физиономію»? А другой Базили — съ кистью, вмѣсто пера, художникъ Мокрицкій? (11) Это тоже лицо не бездѣльное. Обо всемъ этомъ непремѣнно нужно говорить; все это родственники, которые будутъ интересовать насъ въ продолженіе всей нашей жизни. Второстепенныя лица въ этомъ романѣ также необходимы, и потому, отъ времени до времени, непремѣнно нужно будетъ говорить о философѣ Данченкѣ и объ меньшихъ братцахъ. Само-собою, что сюда должны войти и кумовья, какъ-то: Жюль, Комаровъ и всѣ, которыхъ мы близко и коротко знаемъ. Всѣмъ имъ поклонъ мой. Жюля особенно попроси, чтобы написалъ ко мнѣ. Ему есть о чемъ писать. Вѣрно въ канцеляріи случился какой-нибудь анекдотъ. Если дѣйствующія лица выше надворныхъ совѣтниковъ, то, пожалуй, онъ можетъ поставить вымышленныя названія, или господинъ N.N. Скажи ему, что если онъ меня сколько-ни-

(9) Несторъ Васильевичъ Кукольникъ — известный писатель. Товарищъ Гоголя по Лицею.

(10) Константинъ Михайловичъ Базили, авторъ «Очерковъ Константинополя», «Архипелага и Греціи», «Босфора» и другихъ сочиненій, приобрѣтшихъ заслуженную извѣстность; также школьный товарищъ Гоголя. Нынѣ полномочный императорскій комиссаръ въ Княжествахъ Валахіи и Молдавіи.

(11) Апположъ Ивановичъ Мокрицкій, также школьный товарищъ Гоголя. Нынѣ академикъ Императорской Академіи Художествъ и преподаватель въ Училищѣ Живописи и Ваянія Московскаго Художественнаго Общества.

Прим. Н. Гербеля.

будь любить, пусть непременно напишетъ тоже повѣсть, напечатаетъ и пришлетъ мнѣ. Я читалъ одну изъ старыхъ его повѣстей, которая длинна и растянута, но въ ней много есть такого, что говоритъ, что вторая будетъ лучше, а третья еще лучше. Извѣсти меня, что это такое «Литературныя Прибавленія», которыя издаетъ Краевскій и о которыхъ пишетъ Пащенко? и отъ чего мое бѣдное имя туда заѣхало? или ему суждено валяться, какъ векселю несостоявшагося банкрота, отъ котораго хотя не ждуть никакой пользы, но не раздражаютъ его потому только, что когда-то онъ стоялъ денегъ. Впрочемъ мнѣ это неприятно; и только въ нашемъ литературномъ мѣрѣ могутъ случаться такія самоуправства. Я не желалъ бы, очень не желалъ, чтобы мое имя упоминалось въ печати. Прощай, душа моя! Не забывай же, пиши ко мнѣ. Ты еще можешь одинъ разъ писать ко мнѣ въ Парижъ потому, что я не раньше, какъ черезъ мѣсяцъ ѣду въ Италию. Мой усердный поклонъ Марьѣ Никифоровнѣ. Здоровъ ли сынъ твой Николай — мой имѣвшійся быть крестникъ? о чемъ я безпрестано сожалею. И что такое онъ теперь болтаетъ? И есть ли какое приумноженіе въ семействѣ; а если есть, то что такое Богъ послалъ, сына или дочь? и какъ идутъ дѣла корпусныя твои? что дѣлаетъ Кушакевичъ, Стефанъ и прочіе? и гдѣ ты теперь разглагольствуешь? Все то, что кажется тебѣ не занимательно, все то занимательно для меня, особливо если оно касается тебя. Да что дѣлаетъ Лукашевичъ? Уѣхалъ ли онъ за границу, или нѣтъ? и если не уѣхалъ, то почему? что дѣлаетъ онъ теперь? Пожалуста, передай ему мой поклонъ и скажи ему, что я надѣюсь съ нимъ увидѣться. Получили (ли) вы куплеты: *Да здравствуетъ лѣвская бурса!* (12), которые Данилевскій послалъ въ письмѣ:

(12) Стихотвореніе это найдено въ бумагахъ покойнаго Прокоповича, подлѣ слѣдующимъ заглавіемъ:

Неоконченныя стихи Гоголя и Данилевскаго, присланныя изъ Парижа.

Да здравствуетъ лѣвская бурса!

Северюгинъ а), Бѣлевичъ б) и Урсо с),

-
- а) Учитель музыки и танцованія въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко.
 б) Старшій профессоръ политическихъ наукъ, того же заведенія.
 с) Учитель фехтованья (тамъ же).

Отд. I.

7

къ Пашценку. Увѣдоми, часто ли ты видишься съ Плетневымъ и кто теперь у него бываетъ? о чемъ говорятъ? Кланяйся ему и скажи, что деньги получены мною съ невѣроятною исправностію.

Студенты перваго курса,
И прочіе курсы всѣ также!
Безъ нихъ обойтись какже?
Не всѣ они теперь въ Петербургѣ:
Въ каретѣ въ Стамбулѣ уѣхалъ одинъ d), другой въ Оренбургѣ;
А тѣ же е), что прочіихъ здоровьемъ пожиже,
Все лѣто водами лечились, а зиму проводятъ въ Парижѣ;
Женились одни — и въ сладкомъ дремлютъ покоѣ;
Учители въ корпусѣ двое f);
Извѣстный лгунышка бумаги въ Юстиціи пишетъ g). —
Чортъ его кольшетъ!
Артистовъ, поэтовъ межъ нихъ есть довольно,
Читаешь — сердцу становится больно.
А тѣ, что въ гусарахъ — не храбраго люди десятку —
Коней объѣзжаютъ въ манежѣ, гнутъ короля и десятку... h)

d) К. М. Базили.

e) Сами сочинители.

f) Покойный Прокоповичъ и братъ его Василій Яковлевичъ, нынѣ также покойникъ.

g) Покойный И. Г. П.—о, въ честь котораго и написано приводимое здѣсь стихотвореніе.

h) Эти шуточные стихи, нарочно написанные безъ мѣры, я провѣрилъ по письму А. С. Данилевскаго къ покойному Прокоповичу и Пашценку (отъ 5-го декабря 1836 года, изъ Парижа), и потому за вѣрность ихъ ручаюсь. Кстати помѣщаю здѣсь отрывокъ изъ этого письма, касающійся сочиненія помянутыхъ стиховъ. Вотъ онъ: «Вчера, едва мы, я и Гоголь, сѣли за чайный столикъ, какъ явился нашъ portier (человѣкъ весьма интересный: отставной воинъ и карлистъ) и положилъ письмо на столъ, съ надписью на мое имя. Окончивъ чай, и закуривъ сигару, я расположился въ креслахъ; Гоголь сталъ позади меня. «Распечатать письмо, я вытащилъ во-первыхъ твои каракули, а потомъ листокъ съ красивымъ почеркомъ Ивана Григорьевича (Пашценко). Да, мой милый Николай, ты нехотя, предаваясь воспоминаніямъ, написалъ нѣчто въ родѣ элегій, глубокой, траурной элегій въ прозѣ, нѣчто, имѣющее для меня образъ осенняго, желтаго листа, изъ котораго, будь я поэтъ, выкроилъ бы двадцать элегій по формѣ. Ты, Иванъ Григорьевичъ, написалъ не элегію — скорѣе что-то въ родѣ куплетовъ; по крайней мѣрѣ письмо твое навело насъ на куплеты еще весьма неоконченные, плохіе покажѣсь, но обещающіе впереди много. Вотъ ихъ начало: (слѣдуютъ стихи). Можетъ быть, мы продолжали бы куплеты еще и далѣе, но сегодня пріѣхалъ Симановскій (ихъ товарищъ по Лицею), и вдохновеніе, какъ робкая птица, улетѣло.»

Прим. Н. Гербеля.

Адрессъ мой: Place de la bourse. 12. Пиши фамилію мою правильноѣ, иначе проѣхаютъ на почтѣ недоразумѣнія. Пиши просто, какъ произносится: Gogol.

V.

Марта 30. Римъ (1837).

Я не дождался письма твоего. Не знаю когда получу его изъ Парижа (если оно только было писано и послано). Мнѣ очень скучно безъ твоего письма. Ты давно не писалъ ко мнѣ. Да притомъ, кажется, ты всего только одинъ разъ и писалъ ко мнѣ. Отъ вашихъ хладныхъ береговъ такія грустныя несутся вѣсти. Великаго не стало. Вся жизнь моя теперь отравлена. Пиши ко мнѣ, Бога ради! Напомниай мнѣ чаще, что еще не все умерло для меня на Руси, которая уже начинаетъ казаться могилою, безжалостно похитившею все, что есть драгоценнаго для сердца. Ты знаешь и чувствуешь великость моей утраты. Что ты дѣлаешь теперь? Я ничего не знаю, а мнѣ хотѣлось бы все знать, даже, какъ ты скучаешь. Зайди къ Плетневу и узнай, послалъ ли онъ ко мнѣ деньги, о которыхъ я писалъ къ нему изъ Рима? Если посланы, то — когда и на имя какого банкира они адресованы? Я въ нихъ нуждаюсь. Что тебѣ сказать объ Италіи. Она прекрасна. Она менѣе поразитъ съ перваго раза нежели послѣ. Только осматриваясь болѣе и болѣе видишь и чувствуешь ея тайную прелесть. Въ небѣ и облакахъ видѣнъ какой-то серебряный блескъ. Солнечный свѣтъ далѣе объемлетъ горизонтъ. А ночи?... прекрасны. Звѣзды блещутъ сильнѣе нежели у насъ и по виду кажутся больше нашихъ, какъ планеты. А воздухъ! — онъ такъ чистъ, что дальніе предметы кажутся близкими. О туманѣ и неслышно. Я бы болѣе упивался ею, еслибы былъ совершенно здоровъ; но чувствую хворость въ самой благородной части тѣла — въ желудкѣ. Онъ, бестія, почти неваритъ вовсе и запоры такіе упорныя, что никакъ не знаю что дѣлать. Все надѣла(ль) гадкій парижскій климатъ, который, не смотря что не имѣетъ зимы, но ничѣмъ не лучше петербургскаго. Ничего не хочу больше писать потому, что ожидаю ежеминутно твоего письма изъ Парижа, которое ты вѣрно писалъ, и на которое

7*

миѣ хочется отвѣчать; но ты, пожалуйста, напиши миѣ отвѣтъ на это поскорѣе, хотя не много, хотя столько строкъ, сколько придетъ въ твою лѣнливую память. Цѣлую тебя безсчетно. Мой адрессъ: Roma, via di Ssidoro, casa Giovanni, Massuci 17. (Vicino alla piarra banbierini). Данилевскій обѣщался недѣлю послѣ меня быть въ Римъ, но до сихъ поръ его не вижу.

P. S. Впрочемъ адрессуй лучше въ Poste restante, потому что, можетъ быть, случится къ тому времени перемѣнить квартиру.

VI.

Римъ. Юля 3. (1837).

Наконецъ я дождался отъ тебя письма; хотя коротенькое, но спасибо и за это. Славу Богу, ты здоровъ, моя радость. Не скучай и не негодуй на пространство, которое насъ разделяетъ. Конечно, лучше лежать вмѣстѣ на диванчикѣ твоей постоянной квартиру у Б. Врангеля, — ты въ халатѣ, съ трубочкой, я — въ старомъ сертукѣ, и толковать о всякомъ вздорѣ. Признаюсь, часто, когда вспомню Ваньку, тащащаго меня на тряскихъ дрожжахъ въ Свѣчной переулокъ, то очень бы хотѣлось миѣ въ Петербургъ. Но чтожь дѣлать? Будемъ покорны нашей судьбѣ. Я тебя такъ живо вижу; ты, вѣрно, тоже воображаешь часто меня передъ собою. Притомъ мы любимъ другъ въ другѣ то, что не обнимается чувствами виѣшними. И такъ, да будетъ между нами Римъ близокъ отъ Петербурга. Данилевскій теперь тоже здѣсь. Онъ думаетъ на зиму возвратиться въ Петербургъ, и расскажетъ тебѣ все. Да, кстати, чтобы не позабыть: пожалуйста, выбрани хорошенько Пашенка за эту достойную его догадку, что мы поссорились, и потому ѣздимъ не вмѣстѣ. Что мы не ѣздимъ всегда вмѣстѣ, это зависить, кромѣ того, что иногда пріятно разлучиться для того, чтобы скоро увидѣться, — это зависить отъ разности въ образѣ возрѣнія, которою разнообразно исполнены наши людскіе умы. Полковникъ больше человекъ современный, воспитанный на современной литературѣ и жизни; я больше люблю старое. Его тянетъ въ Парижъ, меня гнететъ въ Римъ. Но,

порыскавши, мы всегда сходимся, и приготовляемъ такимъ-образомъ другъ для друга запасъ для разговоровъ. Я бы хотѣлъ съ тобою теперь поговорить о Римѣ; но это такое бездонное море, что не знаешь, откуда, съ котораго конца пачать, и о чемъ говорить. Я живу скоро три мѣсяца, всякой день смотрю что-нибудь новое; и все еще бездна остается смотрѣть. Тутъ только узнаешь, что такое искусство. (А природа? Она — италіанская красавица, больше я ни съ чѣмъ не могу ея сравнить, — италіанская пейзажка, смуглая, сверкающая, съ черными, большими-большими глазами, въ платьѣ алаго, нестерпимаго для глазъ цвѣта, въ бѣломъ, какъ снѣгъ, покрывалѣ.) Тутъ только можно узнать, что такое Рафаэль, котораго имя привыкли мы произносить, и который для насъ, небывшихъ здѣсь, существо идеальное и мнѣ высококаго искусства. Но къ чему говорить и толковать объ этомъ?

«Другъ попечительный, больного

Въ дремотѣ сладкой не тревожь!»

сказалъ, кажется, гдѣ-то Баратынскій; впрочемъ, этотъ же самый стихъ можно иногда обратить и ко мнѣ. Я теперь намѣренъ тебя прежде всего навьючить страшнымъ множествомъ порученій, которыя всѣ ты долженъ выполнить. Первое и самое главное, узнай отъ Плетнева, или попроси, чтобы Плетневъ узналъ, получилъ ли Жуковскій мое письмо, и какой имѣло успѣхъ письмо мое къ Государю. Отъ него зависить моя судьба. Потомъ мелкое дѣло. Весь ли вексель Смирдина послалъ ко мнѣ Плетневъ, или нѣтъ? Мнѣ кажется, что онъ былъ на тысячу двѣсти. Впрочемъ, можетъ быть, что я и ошибаюсь; если же есть остатокъ, то скажи ему, что я просилъ его назначить эти деньги для сестеръ, поручивши ихъ въ Институтѣ какой-нибудь дамѣ. Я думаю, что у нихъ не заплачено ни за музыку (sic) ничего. 3-е, у него же, Плетнева, узнай, получилъ ли онъ отъ Жуковскаго что-нибудь, что мнѣ слѣдовало отъ Государыни за поднесеніе экземпляра моей комедіи. Жуковскій мнѣ сказалъ передъ выѣздомъ, чтобы я не имѣлъ объ этомъ никакого сомнѣнія, что онъ и по отъѣздѣ моемъ будетъ стараться. Это все, что нужно узнать отъ Плетнева. И такъ, три вещи. Те-

перь — нужно тебѣ всѣ рукописныя мои книги, которыя находятся въ моей библиотекѣ въ связкахъ, сложить въ ящикъ, запаковать, и отправить ко мнѣ. Мнѣ очень нужны они, и безъ нихъ я, какъ безъ рукъ. Тамъ у меня выписки и матеріалы всего. Теперь же принимаюсь не наштутку за важное дѣло. Сдѣлать это вотъ какимъ образомъ: узнать, какой изъ иностранныхъ кораблей идетъ прямо въ Ливорно, адресоваться къ капитану его, и заплатить за доставку деньги, которыхъ придется немного, потому-что перевозка очень не дорога. Но во всякомъ случаѣ, что бы ни потребовали, нужно заплатить, потому-что мнѣ нужны эти книги и тетради. На выюкѣ, выставивши мое имя, адресовать на имя нашего Консула въ Ливорно, съ просьбою тутъ же, на выюкѣ, чтобы оно дождалось (sic) у него моего приѣзда въ Ливорно. 2-е, пришли вышедшую первую книжку «Современника» на этотъ годъ. Его можешь взять у Плетнева; соедини къ этому «Ундину» и еще если вышло что-нибудь замѣчательнаго. Это можеть взять у Смирдина, на мое имя. Пусть поставитъ его (sic) на мой счетъ. Послать же это ты можешь вотъ какимъ образомъ: завернуть книгу въ пакетъ, одинъ или два-три, какъ хочешь, и надписать: въ Вѣну, въ русское посольство, Г. Г., а оттуда въ Римъ, на имя К. нашего *chargé d'affaires* въ Римѣ, и больше ничего; но подъ этимъ верхнимъ конвертомъ долженъ быть другой конвертъ на мое имя, и больше ничего. Эти пакеты ты долженъ отдать въ канцелярію Иностранной Коллегии, прося ихъ отправить къ К. прямо, что книги-де слѣдуютъ ему, не платя за это ничего. И будетъ сдѣлано. И такъ, вотъ тебѣ порученія. Смотри же, пожалуйста, не забудь. Ты имѣешь обыкновеніе въ письмѣ твоемъ не отвѣчать ни слова на мои запросы, такъ, какъ бы ихъ совершенно не было. Но теперь, пожалуйста, какъ будешь писать ко мнѣ, держи передъ своими глазами мое письмо, и отвѣчай на каждый пунктъ. Прежде всего узнай отъ Плетнева на счетъ письма къ Государю, а потомъ все прочее. Право, даже досадно, какъ ты мало объявляешь о себѣ. Хоть бы строчку о томъ, что пишешь, что читаешь; даже ничего о томъ, въ какіе корпуса ходишь. Ей, пора тебѣ. Берись за перо; не то будетъ поздно.

Пиши повѣсточки или стишоночки, если стишоночки, то пришли ихъ въ твоёмъ письмѣ кусочками. На меня пришла теперь особенная жажда читать твои стихи. Послѣ итальянскихъ звуковъ, послѣ Тасса и Данта, духъ (?) жаждетъ послушать русскаго. Да еще одно: чтобы не позабыть тебѣ. Пожалуста, побывай въ Институтѣ. Навѣдайся къ моимъ сестрамъ, къ которымъ влагаю при этомъ письмо, и узнай, не нуждаются ли они въ чемъ, и отъ нихъ возьми письмо ко мнѣ. Если они въ чемъ имѣютъ нужду истинную, и у нихъ не хватить денегъ, то купи на свои; я тебѣ все возвращу при первомъ удобномъ случаѣ. Если ты можешь побывать у нихъ въ каждыя двѣ недѣли по разу, то этимъ обяжешь меня. Они, бѣдненькія, я думаю, скучаютъ. Если бы ты постарался достать себѣ мѣсто въ этомъ Институтѣ, то бы это было очень хорошо. Еще: узнай, гдѣ теперь Демидовъ, Павелъ Николаевичъ. Его домъ въ Большой Миліонной. Еще: хотя ты въ первый разъ и не отвѣчалъ, и во второй тоже, но я еще спрошу, гдѣ Лукашевичъ, Платонъ Якимовичъ, уѣхалъ ли онъ, или нѣтъ, за границу? Теперь, кажется, совершенно всѣ запросы. На тѣ, которые нужнѣе, отвѣчай скорѣе; на другіе же распишись только, что приняты, — чтобы я не думалъ, что они капули мимо ушей. Прощай, мой жизненочекъ. Цѣлую тебя миліонъ миліоновъ разъ. Ты старый, вѣрный спутникъ отъ незапамятной юности. Будь здоровъ и весель мыслью, что хотя немногочуденъ кругъ нашъ, состоящій можетъ быть изъ трехъ (13) только лицъ; но тѣсна связь его, и будетъ продолжаться даже тогда, когда даже ни одного изъ насъ не будетъ на свѣтѣ. Прощай до слѣдующаго письма.

Притиска съ боку. Другое письмо, которое при семъ прилагается, постарайся отдать лично М. Мелентевой, классной дамѣ въ Институтѣ. Она очень добрая и ми(лая).

VII.

Бадень - Бадень. Юль (21) 9 (1837).

Къ тебѣ съ просьбой! съ убѣдительною просьбой! Возьми изъ Банка полторы тысячи и пришли ихъ мнѣ. Черезъ пол-

(13) Гоголь, Прокоповичъ и Данилевскій.

Прим. Н. Гербала.

года надѣюсь тебѣ непременно возвратить ихъ. Я посылаю въ началѣ слѣдующаго года печатать мою крупную вещь, которая, думаю, вознаградитъ мои труды и заботы о ней. Пришли, пожалуста, скорѣе; я совсѣмъ прожился. Я думалъ, что я успѣю гораздо раньше окончить мое сочиненіе, не тутъ-то было. Я сижу теперь на водахъ, лѣчусь. Взявши деньги, ты отправься тотчасъ къ Штиглицу, въ контору его, что на Англійской набережной и скажи ему, чтобы векселя были доставлены во Франкфуртъ на имя Русскаго Посольства, съ извѣщеніемъ, чтобы тотчасъ же были доставлены мнѣ. Объ этомъ ты, между прочемъ, мнѣ самъ дай знать, чрезъ *poste restante*, во Франкфуртъ. Получилъ ли ты письмо мое изъ Рима? Въ немъ были, между прочимъ, два письма въ Институтъ. Если ты ихъ не отдавалъ туда, то и не отдавай. Пусть останутся у тебя. Прощай. Спѣшу кончить. Какое гадкое, какое ужасное время! Дождь, слякоть. Сердце мое тоскуетъ по Римѣ и по моей Италіи! И недождусь покамѣстъ пройдетъ мѣсяць, который мнѣ нужно убить на здѣшнихъ водахъ.

Твой Гоголь.

VIII.

Женева. Сентября 19 (1837).

Я не получилъ отъ тебя ни какого отвѣта на письмо, писанное изъ Бадена. И опять повторяю тебѣ прежнюю просьбу. Если у тебя неслучится теперь 1500 рублей, а изъ Банка нельзя будетъ взять скоро, то продай мою бібліотеку. Кажется Одоевскій хотѣлъ у меня купить. Предложи ему. Она мнѣ стоила до 3000, но если можно за неѣ выручить половину, то слава Богу. Мнѣ бы нехотѣлось ее сбывать, хотя я и небуду имѣть случая ею пользоваться, но я знаю, что многія книги полезны тебѣ и мнѣ пріятно воображать, что ты роешься, вмѣсто меня, въ нихъ. Но я въ большой крайности. Я получилъ 1000 рублей отъ Плетнева назадъ тому двѣ недѣли; уплатилъ нѣкоторые долги и сдѣлалъ себѣ платѣе все (съ) изнова потому, что старое разлѣзлось въ куски — послѣдній продуктъ моей отчизны. Холера, опустошающая теперь Римъ, растроила теперь всѣ мои

планы и предположенія. Я уже такъ было устроился и распорядилъ дѣла свои, что могъ жить въ немъ, какъ у себѣ дома. Куда дешевле того, какъ жилъ въ Петербургѣ. Теперь я таскаюсь безпріютно. Въ Швейцаріи все вдвое дороже противъ римскаго. Къ тому же расположеніе моей болѣзни таково, что я немогу теперь забраться въ совершенную глушь и противъ воли долженъ искать развлечения: я боюсь инохондріи, которая гошится за мной по пятамъ. Смерть Пушкина, кажется, какъ будто отняла отъ всего на что погляжу, половину того, что могло бы меня развлекать. Желудокъ мой гадокъ до невозможной степени и отказывается рѣшительно варить, хотя я ѣмъ теперь очень умѣренно.....

въ продолженіи всего дня чувствую, что на мозгъ мой, какъ будто бы надвинулся какой то колпакъ, который препятствуетъ мнѣ думать и туманить мои мысли. Воды мнѣ ничего не помогли, и я теперь вижу, что они ужасная дрянь; только чувствую себя хуже: легкость въ карманахъ и тяжесть въ желудкѣ. Мысль о тебѣ да о двухъ-трехъ дорогихъ для сердца душахъ, пребывающихъ въ Петербургѣ, иногда согрѣваетъ меня, но уже не такъ какъ прежде, отъ того, что я слишкомъ часто и неумѣренно предаюсь ей. Я отъ тебя давно не получалъ писемъ. Что ты подѣлываешь, жизнь и душа моя? Здоровъ? Весель? Работаешь? Пишешь? Читаешь? Напиши, пожалуйста. Ты такъ мало говоришь о себя. И нѣтъ ли у васъ какойнибудь скольконибудь радостной новости?

Узнай отъ Плетнева, правда ли это что говорятъ, что будто на слѣдующій годъ ѣдитъ Наслѣдникъ, а съ нимъ безъ сомнѣнія и Жуковскій, а можетъ быть и Плетневъ, въ Италию. Какъ бы я желалъ, чтобы это была правда. Я соскучилъ страшно безъ Рима. Тамъ только я былъ совершенно спокоенъ, здоровъ и могъ предаться моимъ занятіямъ. Мутно и туманно все кажется послѣ Италіи. Прежнія синія горы теперь кажутся сѣрыми, все пахнетъ сѣверомъ послѣ нее. И какъ вспомню, что я долженъ буду прожить мѣсяцъ, а можетъ быть и болѣе вдали отъ нее (холера по всѣмъ вѣроятіямъ не оставитъ Рима раньше мѣсяца), то, мнѣ кажется,

я заживо вижу передъ собою вѣчность. Прощай, моя жизнь! не забудь моей просьбы.

Когда добудешь деньги, то не медля, ту же минуту носи ихъ къ Штиглицу. Чтобы онъ взялъ изъ нихъ 600 франковъ и отослалъ въ *Rastatt*, что въ Баденскомъ Великомъ Герцогствѣ, къ тамошнему банкиру, который называется: François Simon Meyer, извѣстивши его, что это слѣдующія ему отъ меня занятія у него деньги, а на остальные же деньги, 1000 франковъ, или около, чтобы Штиглицъ прислалъ мнѣ вексель въ Женеву. Адрессуй мнѣ въ *Poste restante* или въ мою квартиру: *Rue Croix d'or. N° 25. Au deuxième porte gauche, chez M-me Buestoz.*

IX.

(1837) 14 *).

Ну братъ, я рѣшительно ничего не могу понять изъ твоего молчанія. Живъ ли ты, здоровъ ли ты? Хоть бы слово на мое письмо, хоть бы строчку въ отвѣтъ! Не совѣстно ли тебѣ и не стыдно ли. Ты знаешь самъ очень хорошо, что я тебѣ и что ты мнѣ, и послѣ всего этого молчишь. Я писалъ къ тебѣ изъ Рима, изъ Франкфурта, изъ Бадена — хоть бы одно слово. Ради Бога, выведи меня скорѣе изъ неизвѣстности о себѣ. Пиши и адрессуй въ Римъ: *Strada Felice, N 126, ultimo piano.* Я тебя просилъ выслать мнѣ мои рукописи — всѣ совер(шенно), безъ исключенія. Пожалуйста не позабудь этого исполнить. Они мнѣ совершенно всѣ нужны, въ томъ числѣ, вмѣстѣ съ ними, есть и печатные экстракты изъ дѣлъ и докладныя записки, и малороспѣсни; все это перешли. Если достанешь еще какіе нибудь дѣла — попроси отъ меня Пащенко, Ивана Гр. Онъ можетъ похитить изъ своей юстиціи. Можетъ быть Анненковъ еще что нибудь досталъ? Все это запакуй вмѣстѣ и перешли мнѣ. А переслать вотъ какимъ образомъ: отнеси все это къ *M-g Pondis*, а гдѣ онъ живетъ, объ этомъ можно узнать у Шти-

(14) Письмо это не имѣетъ даты. Оно написано на лоскуткѣ почтовой бумаги самымъ мелкимъ почеркомъ, и было вложено въ письмо къ г. Плетневу, что видно изъ слѣдующаго письма Гоголя. Вверху стоитъ отмѣтка Прокоповича: 1837 г.

Прим. Н. Гербелл.

лица. Къ Pondis уже объ этомъ писано. Онъ отиравить ящикъ въ Ливорно къ тамошнему консулу. Спроси его — нужно ли ему въ Петербургѣ заплатить за пересылку, или на мѣстѣ? Если въ Петербургѣ, то пожалуста заплати ему за меня: это стоитъ бездѣлица. Я тебѣ все это возвращу при первомъ случаѣ. Я радъ, что у тебя не отнялъ денегъ, которыя можетъ быть тебѣ нужны самому и которыя я просилъ у тебя въ займы. Я получилъ отъ Государя (спасибо Ему) пять неожиданно и теперъ не нуждаюсь. Если что нибудь вышло по части Русской Исто(ріи), изданія Нестора, или Кіевской Лѣтописи, Ипатьевской, или Хлѣбниковскаго списка — пожалуста пришли. Если вышелъ переводъ Славянской Исторіи Шафарика, или что нибудь относя(щеся) Славянъ или Миѳол. Слав. Также какіе нибудь акты къ древней Русск. Исторіи, или хорошее изданіе Русскихъ пѣсенъ или Малоросс. пѣсенъ. Все это возьми у Смирдина. Пусть поставитъ на мой счетъ. Также, если есть что новое на счетъ раскольничьихъ сектъ. Если вышло Снегирева описаніе праздниковъ и обрядовъ — пришли. Или другаго какого нибудь. Да ради Бога пиши. Я къ тебѣ ничего не пишу — ни (о) моей жизни, ни трудахъ, потому что не увѣренъ, будешь ли ты и на это отвѣчать. Какъ получу — напишу.

X.

Римъ. Апрѣля 15. 1838.

Вообрази что я теперъ только получилъ письмо твое съ векселями, говорю — съ векселями, потому что въ это же самое время получилъ и отъ Симона Мейера твой вексель, ибо ему деньги уже давно мною уплочены. Причины всей этой путаницѣ тѣ, что Римское правительство вздумало сдѣлать разныя преобразованія почтѣ, которая, въ продолженіе холеры и прочихъ несчастныхъ обстоятель(ствъ), пришла въ весьма жалкое положеніе съ тѣхъ поръ, какъ сдѣланы эти преобразован(ія). Пропало уже два письма, которыя я писалъ къ нѣкоторымъ моимъ знакомымъ, а ко мнѣ, я думаю множество, потому что я болѣе полугода рѣшительное, получ(аю) писемъ. Твои же письма, вмѣстѣ съ векселями, были присланы къ здѣшнему банкиру Валентини, который теперъ

только меня извѣстили объ этомъ, хотя, я думаю, они у него лежали очень долго. Миѣ очень жаль, что я нанесъ тебѣ столько хлопотъ и безпокойствъ, мой добрый, мой милый... я хотѣлъ было сказать по старому — *красенькій*, да вспомнилъ, что мы оба уже устарѣли, и что, можетъ, твои педагогическія заботы извели твою краску, которую такъ пріятно было моему сердцу зрѣть на твоихъ щекахъ. Но все же въ именахъ, данныхъ во время нашей юности, есть сладость, отъ которой не хочется отказаться. И такъ миѣ очень было жаль нанести тебѣ заботы. Извѣщеніе твое, что ты долженъ былъ прибѣгнуть къ займу для того, чтобы доставить миѣ эту сумму, меня смутило. Миѣ представилось, что ты терпишь, или нуждаешься въ чемъ нибудь (изъ) за меня, и миѣ досадно, что письмо твое такъ долго не попало въ мои руки, и что я не могъ тебѣ выслать раньше этой суммы. По крайней мѣрѣ теперь ее пересылаю тебѣ черезъ Штиглица; 1660 франковъ, ты явившись къ нему, имѣешь получить. Получилъ ли ты мою маленькую записочку, которую я вложилъ въ письмо къ Плетневу и въ которой я просилъ тебя выслать миѣ всѣ мои рукописи и къ тому числу присокупить нѣсколько новыхъ замѣчательныхъ книгъ, и «Современникъ» и прочее, что ты найдешь достойнымъ, которыя взять отъ имени моего у Смирдина съ тѣмъ, чтобы онъ поставилъ миѣ ихъ на счетъ, особенно книгъ относит. Ист. Славянской и Русской, русскихъ обрядо(въ), праздниковъ и раскольникыихъ сектъ, и попросить у Пащенко, Ивана Григорьевича, очень пріятнаго, полезнаго и хорошаго человѣка, чтобы онъ совершилъ небольшого роду похищеніе какихъ нибудь казусныхъ дѣлъ. Поклонись ему отъ меня по ниже и назови его помѣщикомъ, красавцемъ и всѣмъ, что есть для него пріятнаго. Все это, какъ я тебѣ говорилъ, ты препроводи къ М-г Pondis. Гдѣ живетъ этотъ Pondis ты узнаешь у Штиглица. Скажи ему только, чтобы онъ доставилъ въ Римъ, или на мое имя, или, еще лучше, на имя княгини Зинаиды Волконской. Еще, прилагаемое письмо отнеси, пожалуйста, сестрамъ въ Институтъ, и возьми отъ нихъ отвѣтъ, который перешли ко миѣ. Нѣкоторыя слова въ письмѣ твоёмъ меня смутили. Ты пишешь, что ты такъ занятъ своей

должностью и такое нашелъ въ ней забвенье всего, что даже мысль ни о чемъ другомъ не тревожить. Нѣтъ, изъ жалости не бросай такъ равнодушно этихъ лѣтъ. Они не возвратятся и никогда не возвратятся съ ними та дѣятельность воображенія, которую поднимають свѣжія силы молодости. Жизнь моя была бы самая поэтическая въ мірѣ, если бы не виѣшалась въ нее горсть самой негодной прозы, эта проза — мое гадкое здоровье. Жду съ нетерпѣніемъ лѣта. Зима была здѣсь чудная. Я ни одинъ разъ не топилъ въ комнатѣ, да и печи нѣтъ. Солнце — и дни безъ облака; но весна принесла и холодъ и дожди; а Римъ безъ солнца — вслѣпшая красавица. Былъ я на дняхъ на академическомъ собраніи по случаю построения города Рима Ромуломъ. Въ Римѣ есть что-то чудное. Когда я услышалъ произнесенный 2581-й годъ, душа во мнѣ невольно всшелохнулась. Недавно получилъ письмо отъ Данилевскаго изъ Парижа. Онъ все также бредитъ Парижемъ и мыслить о Гризп, но кажется ему бѣдному тамъ немного прискучилось. Я уже давно не видался съ нимъ и хотѣлъ бы поглядѣть (на него). Обними всѣхъ нашихъ, Пащенко особенно, хотя онъ на меня и сердится, кажется.....

Поклонись отъ меня Бѣлоусову, ежели увидишь его, и скажи ему, что мнѣ очень жаль, что не удалось съ нимъ увидаться въ Петербургѣ.

Что дѣлаетъ Жюль? и бываетъ ли кто у тебя? и какой день — среда или четвергъ, во время котораго исчезаетъ у тебя прозаическая мысль о завтра и ты предаешься весь себѣ (и кружку) своихъ товарищей? Поклонъ Марьѣ Никифоровнѣ и поцѣлуй сына Яна въ самый разумный лобъ за то, что произноситъ мое имя.

XI.

Римъ. Юля 2 (1838).

Не совѣстно ли тебѣ, мой милый, не писать ко мнѣ, позыбуть меня. Не совѣстно ли тебѣ лѣниться. А я о тебѣ думаю часто, всегда. И ни роскошь этихъ странъ, гдѣ я живу теперь, ни югъ, ни чудныя небеса, ничто не въ силахъ возмѣшать мнѣ думать о тебѣ, съ кѣмъ начался союзъ нашъ

подъ аллеями липъ Нѣжинскаго сада, во второмъ музеѣ, на маленькой сценѣ нашего домашняго театра и крѣпился, стянутый стужей петербургскаго климата, чрезъ всѣ дни нашего пребыванія вмѣстѣ. Не совѣстно ли тебѣ! Ты мнѣ не написалъ даже отвѣта на письмо мое, пущенное къ тебѣ вмѣстѣ съ деньгами, которыя я возвратилъ тебѣ посредствомъ здѣшняго банкира Валентина къ вашему Штиглицу. Ты меня не извѣстилъ, получилъ ли ты деньги въ исправнос(ти). Теперь ты радъ: Данилевскій съ тобою. Ты вкусилъ минуту свиданія послѣ такой длинной разлуки. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами. Но я уже почти отказался отъ этой сладкой мысли. Пожалуста не забывайте меня. Отправилъ ли ты книги и рукописи чрезъ Pondis, какъ я къ тебѣ писалъ? Я ничего не получалъ, и не знаю, гдѣ и какъ мнѣ о нихъ освѣдомиться, не имѣя совершенно никакого объ этомъ отъ тебя извѣстiя. Извѣсти меня о своей жизни обстоятельно. Безъ сомнѣнiя ты уже учишь грамотѣ сына Яна, котораго ты несправедливо назвалъ Николаемъ и глядя на котораго всегда у меня рождалась досада и сожалѣнiе, что не я крестилъ его. И какого рода есть у тебя новыя прибавленiя? Прибавь сколько нибудь словъ о гостяхъ своихъ, о нашихъ старыхъ, которымъ всѣмъ по поклону, — Жюлю, Паценку и прочимъ. Пиши, пожалуста, пиши. Я не могу къ тебѣ писать много потому, что спѣшу. Данилевскій вѣрно ожидаетъ моего письма, которое ему нужно и которое ты ему вручишь. Черезъ три или четыре дня ѣду въ Неаполь, гдѣ пробуду полтора мѣсяца и потому до половины августа пиши ко мнѣ въ Неаполь. По истеченiи же этого срока — въ Римъ въ *poste restante*.

Доставь поклонъ мой Марьѣ Никифоровнѣ.

ХII.

Ноября 25 (1841, изъ Москвы).

Пишу къ тебѣ послѣ долгой болѣзни, которая было меня одолѣла и которой начало уже получилъ я въ Петербургѣ. Теперь, слава Богу, мнѣ гораздо лучше, хотя я исхудалъ сильно. Здоровъ ли ты? Напиши мнѣ слова два о себѣ. Я сильно безпокоился о тебѣ. Тутъ пронесли(сь) было слухи,

что въ Петербургѣ было что-то въ родѣ небольшого наводненія, и вода показала на Васильевскомъ Островѣ. Я боялся за твой домишко и за житье твое въ нижнемъ этажѣ. Увѣдомь меня, пожалуйста, не повредило ли у тебя чего? Дѣло мое, по причинѣ болѣзни, почти не начиналось. Теперь твѣ(ко) началась переписываться рукопись. Пришли, если готовы, мои манишки, да, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мои резинныя галюны, которыя я приказалъ Платошѣ взять въ дилижансѣ, но онъ и не дума(лъ) туда положить ихъ. Въ дилижансѣ все перерыли и не нашли ихъ. А такихъ галошъ я теперь ни гдѣ не могу достать.

Будь здоровъ! мужайся духомъ (будущность твоя будетъ хороша) и напиши мнѣ поскорѣе два слова. Прощай!

Твой Гоголь.

Адрессуй по прежнему въ Москву, на имя Погодина, въ Университетъ.

XIII.

(1842, изъ Москвы.)

Я не писалъ къ тебѣ, милый Николай, потому что не былъ въ силахъ, такъ усталъ отъ писемъ и всякихъ тревогъ душевныхъ и тѣлесныхъ и отъ болѣзни моей, которой привѣдки были теперь сильнѣе, нежели когда нибудь, что руки не поднимаются. Цѣлую тебя горячо и сильно нѣсколько разъ. Ты слышалъ, я думаю, уже обо всемъ. Навѣдайся къ Плетневу и узнай отъ него, что и какъ рукопись моя, и чтобы они мнѣ присылали ее какъ можно скорѣе, если дѣло сдѣлано: и типографія и бумага ожидаютъ. Увѣдоми меня хотя строчкой. Ни кто ко мнѣ не пишетъ, или Бѣлинск(кій) не вѣрный человекъ и не передалъ имъ вовремя писемъ и тетради. Я писалъ къ нему и Одоевск(ому).

XIV.

Москва. Февраль 14 (1842).

Я получилъ твое увѣдомленіе, но такое же самое, назадъ тому полторы недѣли, я получилъ уже отъ Плетнева, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, было сказано, чтобы я готовился къ печати, что на дняхъ мнѣ пришлется рукопись; а между тѣмъ уже

двѣ недѣли прошло (а ея нѣтъ). Не затѣялась ли опять какая нибудь умная исторія? Пожалуйста, зайдя къ Плетневу и развѣдай. И попроси его, чтобы онъ былъ такъ добръ и заѣхалъ бы самъ къ Уварову 15) и князю Дондукову-Корсакову 16). Послѣдній былъ когда-то благосклоненъ ко мнѣ. Пусть онъ объяснитъ имъ, что все мое имущество, всѣ средства моего существованія) заключаются въ этомъ, что я прошу ихъ во имя справедливости и человѣчества, потому что я и безъ того уже много терпѣлъ и терплю, (что) меня слишкомъ истомили, измучили этой исторіей, и что я теряю много уже чрезъ однѣ проволочки, давно лишенный всякихъ необходимыхъ (средствъ существованія). Словомъ, пусть онъ объяснитъ имъ это. (Неужели) они будутъ такъ безчувственны.... Здоровье мое идетъ пополамъ: иногда лучше, иногда хуже. Но я упала крѣпко всѣми силами и, что всего хуже, не могу совсѣмъ работать. Чувствую, что мнѣ нужно быть подальше отъ всего житейскаго дразгу: онъ меня томить. Прощай. Цѣлую тебя.

Твой Г.

XV.

13 марта (1842, изъ Москвы).

Вотъ уже недѣля прошла со времени полученья твоего писъма и почти двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ оно тобою написано, а между тѣмъ я до сихъ поръ не получаю моей рукописи. Я не предчувствовалъ ни мало скорого разрѣшенія и, читая твое писъмо, я и не думалъ предаваться такой надеждѣ. Мнѣ было только нѣсколько жалко, что ты уже праздновалъ и простодушно предавался мысли, что все

(15) Въ первоначальномъ его видѣ, какъ онъ нынѣ напечатанъ въ «Сочиненіяхъ и Писъмахъ Гоголя» (т. VI, стр. 548), по доставленному мной списку, который я сдѣлалъ съ подлинной рукописи перваго тома «Мертвыхъ Душъ», подаренной самимъ Гоголемъ покойному Прокоповичу. Въ настоящее время поминутая рукопись, вмѣстѣ съ другими рукописями Гоголя, какъ-то: «Тараса Бульбы», «Портрета», (обѣ въ исправленномъ видѣ), «Игроковъ», «Тяжбы», «Лакейской» и «Театральнаго Разъѣзда», съ приобщеніемъ 32 писемъ Гоголя къ Прокоповичу, приобрѣтены Графомъ Г. А. Кушелевымъ-Безбородко у семейства Прокоповича, и принесены въ даръ Лицею Князя Безбородко, котораго онъ почетный попечитель.

(16) День именинъ Гоголя.

Прим. Н. Гербеля.

уже кончено, тогда какъ я чувствовалъ, что еще не все кончено. А время между прочимъ все уходитъ и становится невозможнымъ ея печатаніе. И такъ, ты видишь, что и въ Петербургѣ можетъ завариться путаница изъ простаго дѣла. Но что бы ни было — ничѣмъ я немогу смутиться и ни что не въ силѣ поколебать меня, и также далеко я отъ отчаянія, какъ далеко отъ радости. Узнай о причинѣ всего и увѣдомь меня. Въ «Москвитянинѣ» не повѣсть моя, а небольшой отрывокъ. Я велѣлъ набрать десятокъ экземпляровъ — и ты получишь свой отъ Плетнева. Это единственная вещь, которая у меня была годная для журнала. Погодину я долженъ былъ дать что нибудь, потому что онъ для меня много дѣлалъ. Плетневу я тоже долженъ, хотя досихъ-поръ еще не выполнилъ. Прощай. Обнимаю тебя. Перецѣлуй за меня жену и всѣхъ дѣтей своихъ. И будь здоровъ!

Твой Гоголь.

XVI.

Марта 25 (1842, изъ Москвы).

Не могу рѣшительно постичь, что сдѣлалось и что могло сдѣлать(ся) съ моей рукописью. Если бы (случилось) вновь какое препятствіе — объ этомъ дали бы мнѣ знать письмомъ. Ты бы первый, вѣроятно, увѣдомилъ меня; но вотъ уже почти мѣсяцъ отъ числа, въ которое было пущено твое послѣднее письмо... Уже четвертая недѣля поста къ концу: уже нѣтъ никакой возможности приступить къ печатанью. Боже, какая стран(ая), непостижимая судьба! И я сижу безъ всего, безъ всякихъ средствъ, и нѣтъ впереди тоже никакихъ средствъ, даже надежды. Что же съ нею сдѣлалось? Развѣ пронала на почтѣ? Ради Бога, не мучь меня хотя ты, и дай мнѣ какой нибудь отвѣтъ. Все оно будетъ лучше, чѣмъ совершенная неизвѣстность.

Твой Гоголь.

XVII.

Марта 30 (1842, изъ Москвы).

Послѣ полученія письма твоего, я недѣлю еще прождалъ, думая, не получу ли какъ нибудь увѣдомленія объ этомъ не-

изъяснимомъ для меня происшествiи, и наконецъ пишу къ тебѣ. Вотъ уже 30 марта, а рукописи все нѣтъ какъ (нѣтъ). Всякой день я посылаю развѣдывать на почту, и все безплодно. Что со мною дѣлають... такъ пусть ихъ Богъ за это простить. Тебѣ легко произноси(ть) подобное утѣшенiе: рукописи-де моей все равно хоть въ iюнѣ выдти: она равно разойдется. Она конечно разойдется больше, чѣмъ всякая иная книга. Но я беру расходъ ея не въ сравненiи съ другими книгами, а въ сравненiи, или въ отношенiи къ ней же самой. Выйди она зимой — мнѣ бы оставалось четыре, или пять мѣсяцевъ продажи, время, въ которое, по моему расчету, успѣло бы выпродаться все первое изданiе, и могло бы къ маю мѣсяцу накопиться денегъ сколько мнѣ нужно на дорогу. А теперь развѣ только къ зимѣ можетъ что нибудь набраться, да и это все должно пойти въ уплату прошедшаго времени. Потому что все же таки воздухомъ нельзя жить, и я долженъ теперь издерживать грядущiе прибитки. Притомъ, неужели ты до сихъ (поръ) не можешь понять всю разницу зимняго времени отъ лѣтняго. Какъ можно сказать: пора на такое-то сочиненiе не существуетъ. Пора существуетъ на все. Что такое-то сочиненiе разошлось много лѣтомъ, — это не говорить въ пользу твоего мнѣнiя; это значить только, что зимою разошло(сь) бы его вдвое болѣе. Подумай только, что размѣнъ мыслей, новостей и впечатлѣнiй у насъ производится только зимою. Зимой все соединяется въ общества въ городѣ. Все расходится быстро, все узнается всѣми до послѣдней мелкой сплетни. Лѣтомъ все гаснетъ и дремлетъ; сообщенiя людей исчезаютъ: одинъ на Кавказѣ, другой за границей, третiй зарылся въ деревенско(мъ) захолустѣ. Слухи движутся лѣниво, новости и вѣсти едва едва доносятся; шумъ и крики, способствующiе огласкѣ, умолкають (во)все. Сообщенiя нѣтъ; все разъеди(не)но. Какъ же ты хочешь, чтобы могли быть эти два противоположныя времени (года) равно благопрiятны расходу книги какой бы то ни было. Разница видна — и тебѣ пора это знать, потому что тебѣ предстоитъ дѣятельность по этой части, а какимъ образомъ и какъ, — мы объ этомъ поговоримъ серьезно. Но, клянусь, это непостижимо, что дѣлается

съ моею рукописью. Это во всѣхъ отношеніяхъ — чудеса, и всякой другой могъ бы давно сойти съ ума. Я самъ швлюсь, какъ у меня не переверотилось въ головѣ. Если бы я зналъ по крайней мѣрѣ, гдѣ она, въ какихъ рукахъ, все бы это было бы хотя сколько нибудь утѣшительнѣй. И ты самъ сказалъ такъ не ясно: Плетневъ велѣлъ сказать, что она отправлена въ среду на первой недѣлѣ поста, по какому образомъ, имъ ли самимъ, или отъ Ценсурнаго Комитета, и какъ отправлена, по почтѣ, или съ оказіей—ничего этого не сказалъ. Если выйдетъ какой нибудь случай, что я не успѣю извернуться въ обстоятельствахъ своихъ, то приготовь мнѣ около пяти тысячъ денегъ. Мы сдѣлаемся въ Петербургѣ. Ты въ октябрѣ всѣ ихъ получишь. Тамъ я тебѣ расскажу обстоятельно, какую обдѣлалъ я для тебя жизненную вѣрную дорогу. Не покупай дома и береги деньги: ты будешь получать двадцатый, если не тридцатый процентъ вѣрно.

XVIII.

9 Апрѣля (1842, изъ Москвы).

Рукопись получена 5 апрѣля. Задержка произошла не на почтѣ,
 Передѣлалъ его
 и посылаю его къ Плетневу для передачи. Пожалуста навѣдайся къ нему и узнай. Больше всего для меня опасна проволочка. Рукопись начата печататься, и потому задержка мнѣ весьма повредитъ. Мнѣ страшно, что ты не получилъ экземпляра «Рима», тогда какъ Плетневъ прежде всего долженъ былъ доставить тебѣ, потому что ты виновникъ былъ того, что и другимъ досталось по экземпляру. Изъ за тебя я велѣлъ отпечатать пятнадцать брошюръ отдѣльно. Да что же ты меня не увѣдомишь и не расскажешь о слухахъ и толкахъ. Ты хотя и уединенно живешь, но все же до тебя доходитъ кое что. Теперь рукопись моя, вѣроятно, таскалась по рукамъ многихъ, стало быть о ней говорятъ. Я же страхъ люблю слышать всѣ толки, особенно женскіе толки и взгляды съ неблагоклонныхъ сторонъ. Они мнѣ теперь всѣ нужны до послѣдняго. Прощай, душа моя! Цѣлую тебя;

жду съ нетерпѣньемъ времени свиданья и встрѣчи, чтобъ о многомъ поговорить съ тобой.

Твой Гоголь.

XIX.

Апрѣля 15 (1842, изъ Москвы).

Что же ты замолчалъ? Теперь переписка завязалась между нами, и потому не должна уже прерываться никогда. Она обратилась въ дѣльную, а это ручательство за ея долговременность и аккуратность. Прежде всего: къ Плетневу о «Копѣйкинѣ». Я боюсь, что бы не затянулось... а безъ «Копѣйкина» я не могу и подумать выпустить рукопись.

.....
 Теперь второе: рукопись моя, безъ сомнѣнiя, уже побывала во многихъ рукахъ въ Петербургѣ, стало быть о ней посятся толки. Пожалуста развѣдай, какъ и что говорить о ней, и, если можно, перескажи мнѣ съ сохраненiемъ самой физиогномiи замѣчаний. Это мнѣ очень нужно и полезно. Наконецъ, третье: навести тебя на движенiе и на дѣятельную работу могу только одинъ я, а какимъ образомъ, — объ этомъ поговоримъ при встрѣчѣ, и ты почувствуешь истину словъ моихъ. Печатанье мое шло бы успѣшно, но праздники помѣшаютъ въ продолженiи почти полторы недѣли. Нельзя никакими силами заставить здѣсь наборщиковъ работать. Прощай. Цѣлую тебя. Пиши и не лѣнись. Ты видишь, что теперь письма пишутся почти сами собою.

XX.

Москва. Мая 11 (1842).

Ты удивляешься, я думаю, что до сихъ поръ не выходятъ «Мертвыя Души». Всѣ дѣло задержалъ Н. Какой нелѣпый (пый) человекъ! Болѣе полутора мѣсяца онъ держитъ у себя листки «Копѣйкина» и хоть бы увѣдомилъ меня однимъ словомъ, а между тѣмъ всѣ листы набраны уже недѣлю тому назадъ, и типографiя стоитъ, а время это мнѣ слишкомъ дорого. Но Богъ съ ними со всѣми! Вся эта исторiя есть пробный камень, на которомъ я долженъ испытать, въ какомъ отношенiи ко мнѣ находятся многiе люди.
 Не пишу

къ тебѣ ни о чемъ, потому (что) чрезъ недѣли двѣ буду, можетъ быть, самъ у тебя, и мы поговоримъ обо всемъ, и о дѣлѣ, отъ котораго, какъ самъ увидишь, много будетъ зависѣть твое положеніе и твоя дѣятельность. Я получилъ письмо отъ Бѣлин(скаго). Поблагодари его. Я не пишу къ нему потому, что минуты не имѣю времени, и потому что, какъ самъ онъ знаетъ, обо всемъ этомъ нужно потратовать и поговорить лично, что мы и сдѣлаемъ въ нынѣшній проѣздъ мой чрезъ Петербургъ. Прощай. Будь здоровъ, твердъ и крѣпокъ духомъ, и надѣйся на будущее, которое будетъ у тебя хорошо, если только ты вѣришь мнѣ, дружбѣ и мудрости, которая не даромъ дается человѣку.

Твой Гоголь.

XXI.

15 Мая (1842, изъ Москвы).

Благодарю тебя именно за то, что ты въ день 9 мая (17) написалъ письмо ко мнѣ. Это было движеніе сердечное; оно сквозитъ и слышно въ твоихъ строкахъ. Я хорошо провелъ день сей, и не можетъ быть иначе: съ каждымъ годомъ торжественнѣй и торжественнѣй онъ для меня становится. Нѣтъ нужды, что не сидятъ за пиромъ пировавшіе прежде: они присутствуютъ со мной неотразимо, и много присутствуетъ съ нами другихъ, дотошъ небывавшихъ на пирѣ. Ничтожна грусть твоя, которая на мгновеніе осѣнила тебя въ сей день; она была поддѣльная, ложная грусть: ибо ничего кромѣ просвѣтлѣнья мыслей и предчувствій чудснаго грядущаго, не долженъ заключать сей день для всѣхъ, близкихъ моему сердцу. Обманула тебя, какъ ребенка, мысль, что веселье твое уже смѣнилось весельемъ новаго поколѣнья. Веселье твое еще и не начиналось. Запечатлѣй же въ сердцѣ сіи слова: ты узнаешь и молодость, и крѣпкое, разумное мужество, и мудрую старость. Узнаешь ихъ прекрасно, постепенно, торжественно - спокойно, какъ, непостижимой Божьей властью, я чувствую отнынѣ всѣхъ ихъ разомъ въ моемъ сердцѣ. Девятаго же мая я получилъ письмо отъ Даннлевскаго. Оно

(17) День именинъ Гоголя.

Прим. Н. Гербеля.

меня утѣшило. Я за него спокоенъ. Три-четыре слова, посланные мною еще изъ Рима, низвели свѣжесть въ его душу. Я и не сомнѣвался въ томъ, чтобы не настало, наконецъ, для него время силы и дѣятельности. Онъ свѣтло и твердо стоитъ теперь на жизненной дорогѣ. Очередь твоя. Имѣй въ меня каплю вѣры, — и живящая сила отдѣлится въ твою душу. Я увижу тебя скоро, можетъ быть черезъ двѣ недѣли. Книга тоже выйдетъ къ тому времени; все почти готово. Прощай. До свиданья.

Твой Г.

Внизу приписка: О книгѣ можно объявить. Постарайся объ этомъ. Попроси Бѣлинскаго, чтобы сказалъ что нибудь о ней въ немногихъ словахъ, какъ можетъ сказать не читавшій ея. Отправься также къ Сенковскому и попроси отъ меня помѣстить въ литератур(ныхъ) новостяхъ извѣстie, что скоро выйдетъ такая-то книга, такого-то, и больше ничего. Въ этомъ, кажется, никто изъ нихъ не имѣетъ граво отказать. Я думаю всѣ экземпляры, назначенные въ Петербургъ, отправить къ тебѣ, — и потому ты объяви это заранѣе книгопродавцамъ, чтобы они говорили заранѣе сколько каждому нужно экземпляровъ. На комиссію я никогда не отдавалъ своихъ книгъ и потому ты можешь (объявить), что деньги они должны будутъ тебѣ внести въ минуту полученія книгъ, безъ чего они не будутъ имъ выданы. Прощай!

XXII.

Гастейнгъ. Юль 27 (15) (1842). 18).

Я къ тебѣ еще не посылалъ остальныхъ двухъ лоскутковъ, потому что многое нужно переправить, особливо въ «*Тетральномъ разъздѣ послѣ представленія новой пьесы*». Она написана сторяча, скоро послѣ представленія «Ревизора» и потому немножко не скромна въ отношеніи къ автору. Ее

(18) Подъ вліяніемъ занимавшей его мысли о близкомъ появленіи въ свѣтъ «Мертвыхъ душъ» Гоголь задумалъ кстати выдать новое изданіе своихъ сочиненій, но уже въ Петербургѣ, и притомъ не лично, не подъ своимъ наблюденіемъ, потому что онъ хотѣлъ, по отпечатаньи своей поэмы, уѣхать за границу. Слѣдовательно, нужно было найти человѣка, кто бы и могъ и хотѣлъ взять на себя довольно сложную, хлопотливую, но всежѣ не блестящую и нисколько не вдохновенную работу — печатанья и изданія чужихъ сочиненій.

нужно сдѣлать нѣсколько идеальнѣй, т. е. чтобы ее примѣнить можно было ко всякой пѣсѣ, задирающей общественныя злоупотребленія, а потому я прошу тебя не намекать и не выдавать ее, какъ написанную по случаю «Ревизора».

При корректурѣ втораго тома, прошу тебя дѣйствовать какъ можно самоуправнѣй и полновластнѣй: въ «*Тарасъ Бульба*» много есть погрѣшностей писца. Онъ часто любитъ букву *и*; гдѣ она не у мѣста, тамъ ее выбрось; въ двухъ-трехъ мѣстахъ я замѣтилъ плохую грамматику и почти отсутствіе смысла. Пожалуста, поправь вездѣ съ такою же свободою, какъ ты переправляешь тетради своихъ учениковъ. Если гдѣ частое повтореніе одного и того же оборота періодовъ, дай имъ другой, и никакъ не сомнѣвайся и не задумывайся, будетъ ли хорошо, — все будетъ хорошо. Да вотъ что самое глупое: въ нынѣшнемъ спискѣ слово: слышу, произнесенное Тарасомъ предъ казнью Остапа, замѣнено словомъ: чую. Нужно оставить по прежнему, т. е. *Батько, гдѣ ты?* Слышишь ли ты *это*? Слышу. Я упустилъ изъ виду, что къ этому слову уже привыкли читатели и потому будутъ недовольны переменною, хотя бы она была и лучше. Да, пожалуста, попроси Бѣлинскаго отпечатать для меня особенно листки критики «Мертвыхъ Душъ», если она будетъ въ «Отечест. Запис.» на бумагѣ, если можно, потонѣе, чтобы можно было прислать мнѣ ее прямо въ письмѣ, и присылай мнѣ по листамъ, по мѣрѣ того какъ будетъ выходить. Еще: я совсѣмъ позабылъ, что «Ревизоръ» безъ конца. Писецъ не разобралъ примѣчаній объ нѣмой сценѣ и оставилъ чистое мѣсто. Вотъ конецъ:

(Слѣдуетъ заключительная сцена изъ «Ревизора».)

Всѣ эти слова, само собою разумѣется, надобно напечатать курсивомъ.

Гоголь не долго колебался. Кто, кромѣ Прокоповича, чья преданная и нелицебная дружба не знала предѣловъ, могъ согласиться на такое самоотверженіе? И вотъ Гоголь, въ концѣ мая 1842 года, приѣзжаетъ въ Петербургъ, видится съ Прокоповичемъ, уговариваетъ его принять на себя изданіе сочиненій его, и въ первыхъ числахъ іюня уѣзжаетъ за границу, — и вотъ между друзьями скоро возникаетъ *дольная* переписка.

Прим. Н. Гербеля.

Еще къ статьѣ «Характеры и костюмы», которая предшествуетъ комедіи, нужно прибавить на концѣ слѣдующее: (Слѣдуетъ заключительный періодъ «Замѣчаній для господъ актеровъ».)

Прощай. Цѣлую тебя и обнимаю нѣсколько разъ. Пиши, хотя по нѣскольку строкъ, но пиши. Адрессуй первое письмо въ Венецію, *Poste restante*, слѣдующія — въ Римъ. Въ Венеціи я пробуду до 1-хъ чиселъ сентября.

Твой Гоголь.

XXIII.

Гастейнъ, 10 сентяб. (29 августа) (1842).

Не получая отъ тебя никакого до сихъ поръ письма, я полагаю что дѣла наши идутъ безостановочно и въ подлежащемъ порядкѣ. Я немного замедлилъ отсылкою остальныхъ статей. Но нельзя было ни какъ, столько нужно было сдѣлать разныхъ поправокъ. Посылаемую нынѣ (піэсу) «Игроки» насилу собралъ. Черновые листы такъ были уже давно и не разборчиво написаны, что дали мнѣ работу страшную разбирать. Но болѣе всего хлопотъ было мнѣ съ остальною піэсою: «Театральный Разъѣздъ». Въ ней столько нужно было передѣлывать, что, клянусь, легче бы мнѣ написать двѣ новыхъ. Но она заключительная статья всего «Собранія Сочиненій» и потому очень важна и требовала тщательной отдѣлки. Я очень радъ, что не трогалъ ее въ Петербургѣ, и не спѣшилъ съ нею. Она была бы очень далека отъ значенія нынѣшняго. А это было бы совсѣмъ не хорошо. Переписка ея еще не кончена. Не сердись; ты не понимаешь, какъ трудно переписывать и стараться быть четкимъ въ такомъ мелкомъ штрифтѣ. Порядокъ статей послѣдняго тома ты, я думаю, (знаешь): «Ревизоръ», потомъ «Женидьба» и подъ нею написать въ скобкахъ: (писана въ 1833 году), потомъ, на одномъ бѣломъ листѣ: Драматическія отрывки и отдѣльныя сцены, съ 1832 по 1837 годъ, а на другомъ, вслѣдъ за нимъ: «Игроки», съ эпиграфомъ, потомъ всякая піэса съ своимъ заглавнымъ листомъ: «Утро дѣловаго человѣка», «Тяжба», «Лакейская», «Сцены изъ свѣтской жизни», «Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи». Полу-

члѣ ли хвостъ «Ревизора», посланный мною три недѣли тому назадъ? Увѣдоми обо всемъ. Все лучше знать, чѣмъ не знать. И будь еще такъ добръ: вѣрно ходятъ какіе нибудь толки о «Мертв. Душахъ». Ради дружбы нашей, доведи ихъ до моего свѣдѣнія, каковы бы они ни были и отъ кого бы ни были. Мнѣ всѣ они равно нужны. Ты не можешь тебѣ представить, какъ они мнѣ нужны. Не дурно также означить изъ чьихъ устъ вышли они. Самому тебѣ, понятно, не удастся много ухмылять, но ты можешь поручить кое-кому изъ тѣхъ, которые болѣе обращаются съ людьми и бываютъ въ какомъ бы ни было свѣтѣ. Прощай! обнимаю тебя и цѣлую сильно. Адрессуй прямо въ Римъ (Poste restante). Черезъ двѣ недѣли я уже буду въ Римѣ. Будь здоровъ и да присутствуетъ въ твоемъ духѣ вѣчная свѣтлость! а, вслучаѣ недостатка ея, обратись мыслию ко мнѣ, и ты просвѣтлѣешь непременно, ибо души сообщаются и вѣра, живущая въ одной, переходитъ невидимо въ другую. Прощай.

Твой Гоголь.

(Слѣдуетъ окончаніе «Игроковъ».)

NB. Само собою разумѣется, что переписать все это нужно писцу по примѣру прочихъ, разгонисто и чотко, чтобы цензоръ могъ прочесть удобнѣе.

XXIV.

Римъ. Октября 22 (10) (1842).

(Болѣзнь моя была причиною, что до сихъ поръ не выслалъ тебѣ (зак)лючительной піэсы, которую теперь посылаю. Едва справляюсь... (19) могъ кое-какъ переписать её. Хотя она все еще вовсе не въ томъ (видѣ въ) какомъ бы желалъ, и хотя многое слѣдовало бы выправить и (дополнить). Но такъ и быть. Авось либо простятъ и припишутъ времени... и молодости автора, какъ оно дѣйствительно и есть, ибо писана давно. (Если) мое замедленіе и молчаніе повергло тебя въ изумленіе и (недоумѣніе), то, съ другой стороны, твое молчаніе мнѣ кажется также (непост)ижимо. Ну чтобы увѣ-

(19) Точки означаютъ оторванныя мѣста, которыхъ нельзя было замѣнить по смыслу, а скобки — слова, долженствовавшіе находиться тутъ, судя по смыслу фразы.

Прим. Н. Гербеля.

домить меня хотя одною строчкой, какъ идетъ дѣло и печатанье. Я послалъ тебѣ три письма и ни на одно (ни) строчки отвѣта. Въ одномъ письмѣ я тебѣ послалъ конецъ («Ре)визора», въ другомъ письмѣ «Игроковъ»; написалъ тебѣ порядокъ въ какомъ должно быть и слѣдовать одно за другимъ. Писалъ чтобы въ «Тарасѣ Бульбѣ» удержатъ по прежнему: слышу, вмѣсто — чую. Подъ комедіей «Женидьба» выставить годъ, въ который писано (1833). За нею особенный листъ съ титуломъ: Отдѣльныя сцены и драматическіе отрывки. (Съ 1832 по 1837 годъ). Потомъ такой порядокъ: «Игроки», «Утро дѣловаго человѣка», «Тяжба», «Лакейская», «Сцена изъ свѣтской жизни», «Театральный разъѣздъ». Всякая съ особымъ передовымъ листомъ. Сдѣлай милость, уведоми меня обо всемъ. Теперь, кажется, никакой нѣтъ ужъ помѣхи, а потому благословляю оканчивать печатанье, да и пускать книгу въ продажу. Если печатанье взяло много издерже(къ) и книга вышла толще нежели предполагалось, то можно пустить по 30 рублей. Первые экземпляры сей же часъ послать въ Москву: одинъ Шевыреву, другой Сергѣю Тимофѣевичу Аксакову, третій Хомякову, четвертый Погодину. Всѣ можно адресовать на имя Шевырева, съ просьбой, чтобы онъ поскорѣ вручилъ имъ. Въ Петерб(ур)гѣ первые экземпляры: гр. Вельгорскому (живетъ возлѣ Михайлов. Театра), Александрѣ Осиповнѣ Смирновой (на Мойкѣ, въ собственномъ домѣ, за Синимъ мостомъ, за домомъ Ам. компаніи), Плетневу, само по себѣ разумѣется, Вяземскому. Нужно распорядиться такъ, чтобы «Ревизоръ» и «Женидьба» отданы были вскорѣ послѣ отпечатанья въ театральную цензуру, чтобы не были тамъ задержаны долго, ибо нужно, что бы все это поспѣ(ло) къ бенефису Щепкина и Сосницкаго. Не дурно (буд)етъ тебѣ съѣздить потомъ (къ Сос)ницкому (и сказ)ать ему, что мое желанье таково, чтобы ихъ бенефисы пришлись (въ одинъ) день. Чтобы «Женидьба» была представлена въ одинъ день и въ (Москвѣ) и въ Петербургѣ. Что такимъ образомъ, какъ ему извѣстно, я хотѣлъ (и пре)жде. И потому, чтобы онъ съ своей стороны постарался тоже (о уст)раненіи всякаго рода препятствій. Если театральная цензура

детъ вычеркивать кое-какія выраженія, то обратись (къ Вельегорскому и скажи ему, что я очень просилъ его сказать цензору... слова два, особливо если цензоръ — Геденовъ, котораго Вельегорскій знаетъ... объ этомъ очень просилъ. На счетъ этого не дурно бѣ также (посоветъ)говаться съ К.....

..... Я напишу отъ себя письмоцо къ Никитенкѣ, которому поклонись отъ меня (усердно. И, пожалуйста, сіюже минуту по полученіи этого письма увѣдоми (меня). Адрессуя мнѣ: Via Felice, N 126. З ріано. Будь здоровъ. Цѣлую тебя сто разъ. (Люби меня) по прежнему, люби такъ, какъ я тебя люблю. Бѣ слѣдующемъ письмѣ поговоримъ... обо всемъ, и о тебѣ и о мнѣ. Спѣшу отправить на почту. Перецѣлую за меня всѣхъ.... Пожалуйста не замедли извѣщеніемъ обо всемъ. Кланяйся всѣмъ помнящимъ меня... Бѣлинскому, Комарову.

Твой Г.

XXV.

Римъ. Ноябрь 26 (14) (1842).

Вчера получилъ твое письмо. Благодарю тебя за него и за всѣ старанья и хлопоты. Ты, я думаю, уже давно получилъ «Разѣздъ». Онъ больше мѣсяца, какъ посланъ къ тебѣ. Насчетъ намѣренія твоего назвать «Свѣтскую сцену» просто «Отрывкомъ», я совершенно согласенъ, тѣмъ болѣе, что прежнее названіе было вставлено такъ только, въ ожиданіи другаго. Насчетъ разныхъ корсарствъ въ мои владѣнія, о которыхъ, признаюсь, мнѣ непріятнѣе всего было слышать, я пишу письмо къ Плетневу, чтобъ онъ переговорилъ лично съ Г..... обо всемъ этомъ. А между тѣмъ объяви всѣмъ и распространи слухъ, что я слишкомъ задѣтъ наглостью передѣльвателей и намѣренъ искать законнымъ порядкомъ на нихъ управы, что дескать сочиняю закатистую просьбу къ какому то важному лицу. Это нѣсколько утешитъ заблаговременно охотниковъ. Всѣ драматическія сцены, составляющія четвертую часть, принадлежатъ всѣ Щепкину. Это нужно разслать и распространить тоже, чтобы меня не беспокоили и не тревожили другіе актеры какимп нибудь

письмами и просьбами. На всякую просьбу Щепкина снисходи и постарайся, чтобъ сдѣлано было все, что онъ просить. Половина драматическихъ отрывковъ должна остаться ему для будущаго бенефиса въ будущемъ году, потому что для театра вѣроятно я ничего не произведу никогда. Не дурно распространить и сдѣлать предметомъ разговора, что ни въ одномъ образованномъ государствѣ не можетъ никакой антрепренеръ перетащить на сцену сочиненія, не спрося согласія автора, и что если авторъ найдетъ три строки, взятая цѣликомъ изъ его произведенія и не приведенныя въ смыслѣ цитаты, то имѣетъ право производить судовымъ порядкомъ искъ

..... Этому постановленію нужно дать гласность и чтобъ о немъ всѣ говорили. Въ моемъ дѣлѣ больше значить общій голосъ чѣмъ частныя хлопоты. Ты это самъ поймешь.

Въ «Женидбѣ», я вспомнилъ, вкралась важная ошибка, сдѣланная отчасти писцомъ: Кочкаревъ говоритъ, что ему плевали нѣсколько разъ, тогда какъ онъ это говоритъ о другомъ. Эта бездѣлица можетъ дать ему совершенно другой характеръ. Монологъ этотъ долженъ начинаться вотъ какъ:

«Да что жъ за бѣда? Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ, ей Богу! Я знаю тоже одного: прекраснѣйшій собой мужчина, румянецъ во всю щеку; до тѣхъ поръ егозилъ и надѣдалъ своему начальнику о прибавкѣ жалованья, что тотъ наконецъ не вынесъ: плюнулъ въ самое лицо, ей Богу. «Вотъ тебѣ, говоритъ, твоя прибавка; отвяжись сатана!» и проч. и проч.

Если уже набрана и напечатана эта страница, вели перепечатать. На заглавномъ листкѣ къ «Женидбѣ» вставлешь не весь титулъ. Должно вотъ какъ:

Женидба.

Совершенно невѣроятное событіе,
въ двухъ дѣйствіяхъ.

И потому прибавь это. Также въ «Игрокахъ» пропущено одно выраженіе, довольно значительное. Именно, когда Утѣшительный мечетъ банкъ и говоритъ: «На, нѣмецъ, возьми,

сѣшь свою семерку!» Послѣ этихъ словъ слѣдуетъ прибавить: «Руте! рѣшительно руте! просто карта-фоска!» Эту фразу включи непременно. Она настоящая армейская и въ своемъ родѣ не безъ достоинства. Благодарю тебя за передачу коекакихъ мнѣній и сужденій о М. Д. («Мертвыхъ Дуцахъ»). Продолжай и впредь. Это будетъ мнѣ всегда лакомымъ подаркомъ. Цѣлую тебя отъ всей души и жду непременно письма.

Твой Г.

XXVI.

Марта 28 (16). Римъ. (1849). ●

Письмо твое и билетъ на 550 получилъ. Благодарю тебя много за все и въ теперешнюю минуту болѣе всего за письмо, какъ оно ни коротко и ни послѣшно. Я уже нѣсколько мѣсяцовъ безъ писемъ. Точно, какъ будто, вдругъ все сговорились не писать ко мнѣ. Ради Бога, не пропускай писать. Мнѣ не нужно длинныхъ писемъ. Пиши въ поныхъ, на скоро и никакъ не ожидай расположенія, или свободной минуты. Двухъ строкъ самыхъ пустыхъ мнѣ иногда бываетъ достаточно. Теперь, въ минуты моихъ трудовъ, скитанія по свѣту и всякихъ суровыхъ внутреннихъ воспитаній, мнѣ нужнѣй, чѣмъ когда либо, слова близкихъ душъ моей, о чемъ бы они не были и какія бы не были, они равно мнѣ живительны. Поблагодари отъ души всѣхъ принимавшихъ участіе относительно дѣлъ моихъ, начиная съ добраго цензора моего Никитенка. Краевского и Бѣлинскаго поблагодари тоже много, и не забудь увѣдомить меня о толкахъ, какіе ходятъ во всякаго рода публичкахъ, касательно моихъ сочиненій. Прощай! Цѣлую и обнимаю тебя. Отвѣтъ на это письмо можешь адресовать мнѣ уже въ Гастейнъ, въ Тиролѣ, гдѣ я буду (около) 1-хъ чиселъ мая, ибо въ апрѣлѣ, послѣднихъ чиселъ, подымусь изъ Рима. Обними за меня жену и дѣтей.

Твой Г.

На экземпляры не скупись и раздавай, если окажется нужно; по востребованію Плетнева или Шевырева отпущай сколько ни скажутъ.

XXVII.

Римъ 17 апрѣля (1848).

Въ прибавленіе къ письму моему, пущенному недѣлю назадъ, пишу другое болѣе дѣловое, потому, что тогда я не могъ писать о дѣлахъ, будучи внутренно разстроены болѣе моимъ болѣзненнымъ припадкомъ. Высылаю другихъ 500 франковъ повремени; впрочемъ ты, я думаю, и безъ того это сдѣлаешь, вникнувши, что по такимъ мѣлочамъ мнѣ не можетъ быть полезна присылка, кромѣ того, что хлопотлива съ обоихъ сторонъ. Шевыревъ, эта рѣдкая душа, онъ прислалъ мнѣ четыре тысячи изъ своихъ. Въ Москву дошли слухи, что я сижу уже болѣе шести мѣсяцевъ безъ копѣйки денегъ. Я, признаюсь, ихъ обманулъ: предъ выѣздомъ я сказалъ, что мнѣ деньги не нужны, что у тебя есть деньги и я возьму въ счетъ печатающих(ся) экземпляровъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы скорѣй какъ можно выплатилась хотя половина моихъ долговъ изъ продажи М. Д., и чтобы не брать оттуда для себя ни копѣйки до того времени. Тѣмъ болѣе, что я видѣлъ собственными глазами, какъ нуждались во многомъ великодушно ссудившіе меня. Не могу до сихъ (поръ) вспомнить безъ глубокаго душевнаго умиленія о той помощи и о тѣхъ нѣжныхъ участіяхъ, которые шли ко мнѣ всегда изъ Москвы. Петербургу просто нѣкогда подумать обо мнѣ. Кому, напрямѣръ, придетъ въ голову сдѣлать вопросъ: этотъ человѣкъ ни откуда не получаетъ ни копѣйки дохода, ничего не печатаетъ въ теченіе шести лѣтъ, — чѣмъ онъ живетъ въ это время, при разстроеномъ здоровьѣ, при частыхъ и необходимыхъ для него переѣздахъ изъ климата въ климатъ, изъ земли въ землю? Два раза я могъ бы просто умереть отъ нужды и голода и обо мнѣ составила бы, можетъ быть, довольно трогательная исторія, какъ о многихъ талантахъ оконченѣвшихъ во время окружавшихъ призраковъ славы и прочаго; но великодушные друзья мои умѣли проникнуть то, что можетъ только проникнуть одно нѣжное участіе, умѣли предложить мнѣ такимъ образомъ, чтобы я даже и подумать не могъ, что это съ ихъ стороны какое нибудь одолженіе, и сдѣлали это большею частію тѣ, которые меньше всего имѣли средствъ помочь. И такъ, если я тебѣ дорогъ

и душѣ твоей радостно, что я живу еще на свѣтѣ, то этимъ ты обязанъ имъ. Но это нѣсколько отдалило насъ отъ дѣла. И такъ—приступимъ къ нимъ. Ты, я думаю, очень удивляешься моею безпечности, что я до-сихъ-поръ тебѣ не даю никакой инструкціи относительно распредѣленія денегъ и прочаго. Но я былъ слишкомъ занятъ прежде всего скорѣйшимъ окончаніемъ и появленіемъ книгъ въ свѣтъ; и, признаюсь, вообще мнѣ тяжело хлопотать о моихъ дѣлахъ: это меня утомляетъ страхъ. Впрочемъ ты, какъ видно, тоже захлопочаешь. Ты не написалъ мнѣ даже въ письмѣ своемъ — выслалъ ли ты Шевыреву тысячу экземпляровъ, какъ я писалъ тебѣ. Эти экземпляры непременно тамъ нужны (чтобъ быть) подъ бокомъ, для уплаты остальныхъ долговъ моихъ и удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей матери и сестеръ моихъ, которыя находятся теперь не въ очень завидномъ состояніи. Такъ какъ уже мнѣ много приходилось терпѣть по причинѣ невысылокъ своевременныхъ денегъ. Это вещь слишкомъ для меня теперь серьезная и важная. Отъ этого у меня много пропадаетъ времени. Когда мнѣ нужно вдругъ сорваться съ мѣста и ѣхать въ другую землю, тогда это нужно сдѣлать вдругъ. Съ этимъ слишкомъ связана творческая моя способность, обновленіе, освѣженіе и та неизяснимая мнѣ самому потребность, неудовлетвореніе которой окапчивалось тяжкимъ состояніемъ и наконецъ просто моральною и физическою болѣзнию. И такъ, я рѣшился разъ навсегда устано(вить) постоянныя сроки (два раза въ годъ), къ которымъ непременно были бы деньги и дожидали бы меня въ городѣ и мѣсяцѣ, которыя, я назначу? До-сихъ-поръ Шевыревъ, какъ я вижу, точнѣй и аккуратнѣй всѣхъ. Для него нѣтъ задержекъ: не наберутся деньги, онъ займетъ, а къ сроку доставитъ. Я рѣшился расположить дѣло вотъ какъ: половина дѣла моихъ — въ Петербургѣ а половина — въ Москвѣ. Сроки: одинъ къ первому маю европейскаго стilia, другой къ 1-му октября европейскаго стilia. Нѣсколькими днями раньше лучше. Всякая половина состоитъ изъ трехъ тысячъ рублей. Деньги будутъ высылаемы тобою и Шевыревымъ. За два мѣсяца до срока, или за мѣсяць вы должны увѣдомлять другъ друга о томъ, накопилось ли достаточное

количество денегъ. Если Шевыревъ тебѣ напишетъ, что деньги есть и можетъ выслать онъ, тогда ты долженъ придержать ихъ для другихъ распределеній. А эти распределенія покажь воть какія: Жуковскому послать въ Дюсельдорфъ, въ число моего долга, 4-ре тысячи рублей. У Дашлеевского спросить, заплатила(ли) ему маминька тѣ деньги, которыя онъ ей предложилъ? Если нѣтъ, то выслать ему немедленно. Эти деньги, я знаю, у него были послѣднія. Одна только великодушная душа его могла сдѣлать такой поступокъ и такъ жестоко лишиться себя. Если Шевыревъ напишетъ тебѣ, что онъ занялъ, или выслалъ свои, то естественно тогда накопленные деньги должны поступить въ уплату Шевыреву. Воть покажь тебѣ распоряженіе. Напиши пожалуста Шевыреву отчетъ по книгѣ и (обо) всемъ, относящемся къ этой части, чтобы они тебя не винили въ томъ, что я шесть мѣсяцевъ сидѣлъ безъ денегъ, въ чемъ ты не виноватъ ни сколько; но, такъ какъ самъ ты знаешь, на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей и охотниковъ сочинять всякіе слухи! А Москва отъ Петербурга далеко, то я почти увѣренъ, что есть уже какіе нибудь рассказы. А потому лучше всего, если ты въ немногихъ, отчетливыхъ словахъ представишь ему всю ясность дѣла. Затѣмъ, обнимая тебя всей силою любви и дружбы и всю твою семью отъ малыхъ до большихъ, поздравляю васъ всѣхъ съ праздникомъ и напоминаю тебѣ вновь о прежней просьбѣ моей — писать, хотя бы вовсе небыло о чемъ писать. Двухъ самыхъ ничтожныхъ строчекъ уже будетъ съ меня довольно. Еще разъ повторяю: для меня слишкомъ теперь значительны письма близкихъ душъ моей. Нельзя ли такъ завести, чтобы (писать) 1-го числа всякаго мѣсяца? Это число трудно забыть, потому (что вы) всѣ, сколько мнѣ помнится, въ этотъ день получаете казенное жалованье. Прощай. Отвѣтъ адресуй въ *Гастейнъ*, что въ Тиролю. Поклонись и обними всѣхъ любящихъ меня.

XXVIII.

Римъ. 19 апрѣля. (1843).

Едва отправилъ я вчера къ тебѣ письмо, какъ получилъ твое, со вложеніемъ 300 р. серебр. Благодарю тебя не столь-

ко за присылку, сколько за готовность. Я уже уведомилъ тебя въ предыдущемъ письмѣ, что получилъ изъ Москвы деньги на франки безъ малаго 4000, а на рубли 3500. И потому ты сдѣлай запросъ Шевыреву — надобно ли тебѣ выслать имъ эту сумму изъ твоихъ экземп., или они надѣются уплатить ее изъ находящихся у нихъ экземпляровъ? объяснивши, имъ что у тебя предстоятъ уплаты Жуковскому и Данилевскому. Прежде всего, натурально, ты пополни себя, иначе будетъ безпорядокъ. Распоряженія твоя всё хороши. Относительно цѣны за книгу, какъ Плетневъ, такъ и ты, совершенно правы: болѣе 25 р. никакъ нельзя пустить, хотя Москва и подумаетъ, что дешево. Но лучше пусть покупатель похвалитъ за дешевизну, чѣмъ побранитъ за дороговизну. Пожалуста пришли мнѣ экземпляръ черезъ Моллера, вмѣстѣ съ листками критики бывшей въ Отечест. З., какъ на М. Д., такъ и на «Сочиненія»; и прикажи писцу непременно списать для меня критики Сенковского и Полеваго на то и на другое. Это мнѣ необходимо нужно. Присовокупи также къ этому «Статистику Россіи» Булгарина, въ 4 частяхъ, а если вышла и Географія его, то и Географію его. Все это Моллеръ не откажется взять, я знаю. Онъ мнѣ привезетъ это въ Дюсельдорфъ въ концѣ іюня или началѣ іюля. Да зайдѣ въ Топографическое наше Депо и купи для меня карту Россіи. У меня слишкомъ громоздка и неудобна къ тасканію, да и стара. Купи ихъ подклеенными и готовыми: Европейскую Россію особенно, а Азіятскую тоже особенно, разумѣется новѣйшія, какія есть, съ подробностями; но величиной, чтобы была не больше того, сколько нужно для покрытія двухъ ломберныхъ столовъ, сдвинутыхъ вмѣстѣ, даже меньше, словомъ, чтобы была емка. Азіятскую сколько можно по меньше. Прощай. Обнимаю тебя.

Не дурно бы послать одинъ экземпляръ моихъ сочиненій въ Харьковъ Преосвященному Инокентію, приложивши отъ себя записочку, что, по порученію моему, ты посылаешь ему экземпляръ.

XXIX.

Мюнхенъ. Мая 28 (1843).

Твое письмо меня еще болѣе удивило, чѣмъ, вѣроятно, удивило мое тебя. Откуда и кто распускаетъ всякіе слухи

обо мнѣ? Говорилъ ли я когда нибудь тебѣ, что буду самъ лѣтомъ въ Петербургѣ? или, что буду печатать 2 томъ въ этомъ году? и что значать твои слова: *не хочу тебя обижать подозрѣнiемъ въ лнности до такой степени, что будто ты не приотвилъ 2-го тома М. Д. къ печати?* Точно М. Д. блинъ, который можно вдругъ испечь. Загляни въ жизнеописанiе сколько нибудь знаменитаго автора или даже хотя замѣчательнаго. Что ему стоила большая обдуманная вещь, которой онъ отдалъ всего себя и сколько времени заняла? — Всю жизнь, ни больше, ни меньше. Гдѣ жъ ты видѣлъ, что бы произведшій эпопею, произвелъ сверхъ того пять-шесть другихъ. Стыдно тебѣ быть такимъ ребенкомъ и не знать этого. Отъ меня менѣе всего можно требовать скорости тому, кто сколько нибудь меня знаетъ. Во-первыхъ уже потому, что я терпѣливѣе, склоненъ къ строгому обдумыванью и притомъ еще во многомъ терплю всякiя помѣшатель(ства) отъ всякихъ болѣзненныхъ припадковъ. М. Д. не только не приготовленъ 2-ой томъ къ печати, но даже и не написанъ, и раньше двухъ лѣтъ (если только мои силы будутъ постоянно свѣжи въ это время) не можетъ выдти въ свѣтъ. А что публика желаетъ и требуетъ 2-го тома — это не резонъ: публика можетъ быть умна и справедлива когда пмѣетъ уже въ рукахъ, что надобно разсудить и (надъ чѣмъ) поумничать; а въ желанiяхъ публика всегда дура, потому что руководствуется только мгновенною минутною потребностью. Да и почему знаетъ она, что такое будетъ во 2 томѣ? можетъ быть тѣ, о чемъ даже ей не слѣдуетъ и знать и читать въ теперешнюю минуту, и ни я, ни она не готовы для 2 тома. Тебѣ тоже слѣдуетъ подумать и то, что мои сочиненiя не должны играть роли журнальныхъ статей и что ими не нужно торопиться всякую мишуту, какъ только замѣчаешь, что у публики есть апетитъ. Они писаны долго, въ обдумыванiи многихъ изъ нихъ прошли годы, а потому неудобноли читателямъ моимъ тоже подумать о нихъ на досугѣ и всмотрѣться пристальнѣй. Умный резонъ: потому что въ продолженiи одного года я выдалъ вдругъ слишкомъ много, такъ подавай еще столько же. Чѣмъ же я виноватъ, что у публики глупа голова и что въ глазахъ ея я тоже самое, что Поль-де-Кокъ: Поль-де-Кокъ пишетъ

по роману въ годъ, такъ почему жъ и мнѣ тоже не написать; вѣдь это тоже моля романъ, а только для шутки названъ поэмою. Твои причины о пользѣ выхода 2 тома для прежнихъ, и для расхода успѣшнѣйшаго вообще моихъ сочиній справедливы совершенно, и все это мнѣ весьма знакомо. Но нужно предположить иногда и то, что я могу кое что знать еще съ моей стороны и что человѣкъ, который отошелъ отъ дѣлъ и сталъ въ сторонѣ, тоже что, на якорѣ, и дагѣ можетъ оглянуть море, чѣмъ тѣ, которые носятя среди его и заняты безпрестанной работой съ крутящимися вокругъ ихъ всякими волнами. По моимъ соображеніямъ сочиненія мои должны были туго идти, и объ этомъ я писалъ въ Москву еще за мѣсяць до выхода ихъ въ свѣтъ на ихъ предположеніе о большемъ ихъ успѣхѣ. Въ слѣдствіе этихъ же моихъ соображеній, я знаю тоже хорошо, что эти же сочиненія мои пойдутъ быстрѣе и быстрота ихъ расхода будетъ увеличиваться по мѣрѣ какъ будетъ исчерпываться изданіе, хотя это совершенно въ противность законамъ книжной торговли. Ты подумай между прочимъ и то, что еще не заговори(ли) журналы о нихъ серьезно. Еще не успѣла о нихъ явить(ся) ни одна дѣльная статья. А вотъ надосугѣ, когда имъ нечего будетъ дѣлать, они примутся за меня, и тогда только слухъ о нихъ обойдетъ всю Россію. Представь себѣ еще то, что половина Россіи увѣрена, что это больше ничего, какъ только собраніе всѣхъ сочиненій моихъ, уже напечатанныхъ и поваго между ними нѣтъ, или очень мало. О моихъ соображеніяхъ я уже не говорю. Это потребовало бы мѣста и времени, да и страхъ скучно. А ты, между прочимъ, выручаемыми деньгами прежде всего удовлетвори себя такъ, что бы я тебѣ ни копѣйки не былъ долженъ; а деньги свои приберегай. Въ предпріятіе ни въ какое не пускайся, но когда будетъ время — наблюдай лишь внимательно за ходомъ всего. Ты изумишься потомъ, сколько у насъ есть путей для изворотливаго ума обогатиться, принеся пользу и себѣ и другимъ. Но объ этомъ послѣ. А все таки хорошо, что ты набрался опыту и въ книжномъ дѣлѣ. Увѣдоми меня сколько ты выслалъ (экземпляровъ) Шевыреву, и сколько ихъ осталось у тебя, и всѣ ли они налицо, и гдѣ хранятся?

Шевыреву нужно будетъ высылать по всякому востребованію столько экземпляровъ сколько потребуютъ мои дѣла въ Москвѣ: уплата долговъ и всякихъ... Прощай. Будь здоровъ. Не забывай писать ко мнѣ и адресуй въ Дюссельдорфъ, poste restante. Съ нетерпѣніемъ жду Моллера, съ тѣмъ чтобы получить отъ него экземпляръ, который ты обѣщаль прислать мнѣ съ нимъ.

XXX.

Дюссельдорфъ. Сентября 24. (1843).

Книги я получилъ, посланныя съ Моллеромъ, за которыя благодарю тебя. Критики я прочелъ также всѣ съ большимъ аппетитомъ. Жаль только, что ты не исполнилъ вполнѣ моей просьбы и не прислалъ ихъ всѣхъ. Зачѣмъ ты не велѣлъ скорописцу списать критикъ Сенковскаго? Ихъ бы можно было уписистымъ почеркомъ вмѣстить на двухъ-трехъ листахъ почтовой бумаги и прислать прямо по почтѣ. Намъ слѣдуетъ все знать, что ни говорятъ о насъ, и не пренебрегать никакими мнѣніями, какія бы причины ихъ не внушали. Кто этого не дѣлаеть, тотъ просто глупъ и никогда ни будетъ умнымъ человѣкомъ. Мы люди вообще подлецы и не любимъ, или позабываемъ оглядываться на себя. Изданіе сочиненій моихъ вышло не въ томъ вполнѣ видѣ, какъ я думалъ, и виною, разумѣется, этому я, не распорядившись аккуратноѣе. Книги, я воображалъ, выйдутъ благородной толщины, а, вмѣсто того, онѣ такія тоненькія. Типографщикъ далъ мерзкую бумагу; она такъ топка, что сквозить, и цѣна 25 рублей даже кажется теперь большою, въ сравненіи съ маленькими томиками. Издано вообще довольно исправно и старательно. Вкрались ошибки, но, я думаю, они произошли отъ неправильнаго оригинала и принадлежатъ писцу или даже мнѣ. Все, что отъ издателя — то хорошо, что отъ типографіи — то мерзко. Буквы тоже подлыя. Я виновать сильно во всемъ. Во-первыхъ, виновать тѣмъ — ввелъ тебя въ хлопоты, хотя тайный умыселъ мой былъ добрый. Мнѣ хотѣлось пробудить тебя изъ недвижности и придвинуть къ дѣятельности книжной; но вижу, что еще рано. Много еще всякихъ дразговъ, и до тѣхъ поръ, пока я не переѣду

совершенно на Русь, нельзя начинать многого. Самъ я теперь бѣгу отъ всякаго дѣла. Не хотѣлъ бы и слышать ни о чемъ, а между тѣмъ вижу, что никакъ нельзя увильнуть самому отъ того, чтобы не впутаться въ свои дѣла. Увѣдомь меня поскорѣе, въ короткихъ словахъ: 1-е — сколько продано экземпляровъ? 2-е — сколько послано въ Москву? 3-е — сколько осталось на лицѣ? Ты еще меня не увѣдомилъ до сихъ поръ. Отъ Шевырева я уже имѣю подробный отчетъ. Отъ тебя еще ни слова. Я также на тебя еще долженъ сердиться за то, что ты не сказалъ мнѣ прежде ни слова о типографіи и таялъ отъ меня долго. И потому ради Бога отвѣчай мнѣ поскорѣе. Раздѣлался ли ты совершенно съ типографіею, то-есть я разумѣю не о платежѣ твоими деньгами, а монни? и потомъ на всѣ три упомянутые запроса: 1) сколько продано экземпляровъ? 2) сколько послано въ Москву? и 3) сколько на лицо? Все это мнѣ нужно знать сильно, дабы распорядиться и предотвратить заранѣе все, то-есть предпринять другія мѣры въ случаѣ недостатка денегъ. Боюсь я сильно, что(бы) мнѣ не досталось бѣдствовать гдѣ нибудь на дорогѣ, тогда какъ я расположилъ сроки и соображуюсь во всемъ съ ними. Получаю я деньги, какъ я уже тебѣ писалъ, два раза въ годъ. Три тысячи мнѣ должны высылаться къ 1-му октября, а 3-къ 1 мая, и потому вы, за мѣсяцъ до срока, должны увѣдомить другъ друга, Шевыревъ тебя, а ты Шевырева, въ какомъ положеніи ваши дѣла и деньги. Шевыревъ написалъ мнѣ, что онъ уже увѣдомилъ тебя, но отъ тебя еще отвѣта не имѣеть. А между тѣмъ еще въ Москвѣ не уплачена часть долговъ моихъ, которая меня очень беспокоитъ. Отошли теперь же Шевыреву тысячу экземпляровъ въ Москву сверхъ высланныхъ прежде. Онъ съ ними сдѣлается, извернется и не потеряетъ копѣйки. Я не знаю въ точности никого ему равнаго. Съ «Мертвыми Душами» и съ посланными ему экземплярами отъ тебя онъ распорядился прекрасно и во всемъ до послѣдняго нуля прислалъ отчетъ. Теперь, сообразя всѣ мои грядущіе доходы, я вижу, что большое сдѣлалъ неблагоразуміе, затѣявъ изданіе въ Петербургѣ. Восемь тысячъ я потерялъ изъ собственнаго камана. Самъ отнял у себя. Напечатаніе тома «Мер-

твѣхъ Душъ» мнѣ стало 2 тысячи. Четыре подобныхъ тома составили бы 8 тысячъ, а въ Петербургѣ изданіе этихъ томовъ обошлось ровно вдвое больше. Обо всемъ этомъ я помышлялъ уже въ Петербургѣ и мнѣ хотѣлось перенести изданіе въ Москву, но манила скорость печати и желаніе видѣть прежде напечатанными въ собраніи тѣ пьесы, которымъ должно было играть на театрѣ. Причину сего отчасти ты поймешь и самъ; но все пошло на выворотъ. Какъ бы то ни было, но что случилось, то случилось, а что случилось, то вѣрно случилось для того, чтобы былъ человекъ умнѣе и узналъ бы кое-что, чего не зналъ. На меня не сердись за это бремя, можетъ быть тяжкое. Какъ бы ни тяжело оно было, и какъ бы ни потерпѣлъ ты чрезъ это, все будетъ вознаграждено. У меня все стоитъ въ счету, и какъ я ни бѣденъ теперь, какъ ни немощенъ, но возмогу потомъ много такого, что кажется теперь совсѣмъ невозможно. Затѣмъ цалую тебя; исполни пунктуаль(но) всѣ мои просьбы до одной, какъ необходимый законъ, и прощай до слѣдующаго письма.

Твой Гоголь.

Адрессуй въ Дюсельдорфъ (Dusseldorf en Prusse, poste restante). Скорѣе, сколько возможно.

XXXI.

Неаполь. Апрѣля 28 (1847).

Давно уже я не писалъ къ тебѣ. Ты также давно не писалъ ко мнѣ. Если ты думаешь (особенно послѣ прочтенія моей книги (20), что я перемѣнился, или сталъ не тотъ, что былъ прежде, то скажу тебѣ, что я все тотъ же и почти тоже самое люблю, что любилъ въ юности моей, хотя и не открывалъ никому многихъ сокровенныхъ чувствъ; разница вся въ томъ, что теперь многое во мнѣ стало проще (по книгѣ не суди), и что я больше чѣмъ когда либо люблю старинныя мои связи и прежнихъ друзей моихъ, особенно тѣхъ, съ которыми отъ незабвеннаго Нѣжина началась моя дружба. А потому напиши мнѣ хоть нѣсколько словечекъ о себѣ: что ты теперь дѣлаешь? что приходятъ тебѣ на

(20) «Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями», которыя вышли въ свѣтъ въ началѣ 1847 года.

Прим. Н. Гербеля.

мысль? какъ тебѣ живется и какъ все, что составляетъ домашній кругъ твой и все что вокругъ тебя? Этимъ ты меня очень порадуешь, если тебѣ пріятно меня порадовать. Письмо адрессуй на имя Жуковскаго во Франкфуртъ. Отъ Данилевскаго я получилъ письмо, который также о тебѣ спрашиваетъ. Онъ также о тебѣ не знаетъ ничего. Увѣдоми меня также о всѣхъ изустныхъ толкахъ, какіе тебѣ случается слышать о моей книгѣ. Я бы очень желалъ знать, что говорятъ о ней разные чиновники средней руки, всѣхъ сортовъ учителя, равно какъ и люди намъ обоимъ съ тобой знакомые. Прощай! Болѣе не распространяюсь, потому что пишу на угадъ, незная попрежнему ли ты живешь въ 9 линіи и придетъ ли къ тебѣ въ руки письмо мое. Не попустишь и пиши по больше. Обнимаю тебя.

Твой Г.

- XXXII.

Д. Василевка 1848. Іюнь 20.

Увѣдоми меня хотя двумя словечками о себѣ, живъ ли ты, здоровъ и какъ идетъ твое (житье-) бытѣе. Я думалъ было пріѣхать на прямикъ въ Петербургъ, и потому не писалъ къ тебѣ, но дѣло поворотилось не такъ: мнѣ придется еще съ мѣсяцъ прожить въ деревнѣ, потомъ въ Москву. Въ концѣ августа только надѣюсь заглянуть въ Петербургъ. Я, славу Богу, кое какъ еще держусь на свѣтѣ, не смотря на болѣзни и холеры вокругъ, хотя и не такъ свѣжъ и бодръ, какъ во время путешествія по Востоку и даже во время дороги въ Россію. О прочемъ всемъ переговоримъ лично. Въ письмѣ не знаешь съ котораго конца начать. Передай мой задушевный поклонъ супругѣ и погладь по головкѣ дѣтокъ. Жду отклика нетерпѣливо.

Твой Н. Гоголь.

Между прочимъ просьба:

Подпишись за меня на журналъ Башуцкаго «Иллюстрацію» за текущій 1848 годъ, съ пересылкою въ Полтаву на имя Марьи Ивановны Гоголь. Первые нумера, вышедшіе доселѣ отъ 1-го января, до сего мѣсяца, чтобы высланы были всѣ разомъ, а прочіе исправно всякую недѣлю.

Мой адрессъ: въ Полтаву.

XXXIII.

Мартъ 29. Москва (1851) (21).

На твое письмо не отвѣчалъ, въ ожиданіи лучшаго расположенія духа. Съ новаго года напали на меня всякаго рода недуги. Все болѣю и болѣю: климатъ допекаетъ. Куда убѣжать отъ него, еще не знаю; пока не рѣшился ни на что. Радъ, что ты здоровъ и твое семейство также. По настоящему слѣдуетъ позабыть свою хандру, когда видишь, что друзья и близкіе еще, славу Богу, здравствуютъ. Впрочемъ, и то сказать: надобно знать честь. Мы съ тобой, славу Богу, перешли сорокъ лѣтъ, и во все это время ничего не знали кромѣ хорошаго, тогда какъ иныхъ вся жизнь одно страданіе. Да будетъ же прежде всего на устахъ нашихъ благодарность. Болѣзни приостановили мои занятія) «Мертвыми душам(и)», которы(я) пошли было хорошо. Можетъ быть болѣзнь, а можетъ быть и то, что какъ поглядишь, какіе глупые настаютъ читатели, какіе безтолковые цѣнители, какое отсутствіе вкуса... просто не поднимаются руки. Странное дѣло, хоть и знаешь, что трудъ твой не для какого нибудь переходнаго современной минуты, а все таки современное нестройство отнимаетъ нужное для него спокойствіе. Увѣдоми меня о себѣ. Все же и въ твоей жизни, какъ дни ея повидимому ни пох(одятъ) одинъ на другой, случится что нибудь не ежедневное: или прочтется что нибудь, или услышится, или сама собой, какъ подарокъ съ неба, почувствуется такая минута, что хотѣлъ бы благодарить за нее долго, и быть вѣчно свѣжимъ и новымъ въ своей благодарности. Адрессуй по прежнему: въ домъ Талызина, на Никитскомъ бульварѣ. Супругу и дѣтокъ обними.

Твой весь Н. Гоголь.

(21) На этомъ письмѣ стоитъ отмѣтка Прокоповича: «последнее».

Прим. Н. Гербеля.

Графиня Монтэваль.

(Легенда.)

Стала зима.... зашумѣли дожди.... Въ Ардіэрской долинь
Мутный потокъ по наклонному руслу змѣей извивался,
Жадно глотая дорогой деревья, vorочая камни;
Съ высей окружныхъ за нимъ, какъ змѣята, сползали
Тонкія струи и въ злобѣ безсиьной шишѣли,
Твердыя перси гранита, одну за другой, уязвляя.
Городъ Божё былъ затопленъ; лачужки и ветхія зданья,
Словно въ испугѣ, къ подошвѣ обрыва скалистаго жались.
Вѣтеръ по улицѣ вылъ и шатался, какъ пестъ отоцалый;
Къ ночи сильнѣй холодало, а снѣжныя хлопки крутились,
Прялися въ сѣтку, спускалися бѣлой, сплошной занавѣской,
Такъ что и замка Божё, и скалы его не было видно....
Только кой-гдѣ просверкнетъ и погаснетъ, какъ искра, окошко.

Въ эту-то пору, въ декабрьскій, холодный и пасмурный вечеръ,
Съ поздней работы домой возвращался усталый могильщикъ.
Въ дверь постучался; — ему отворили.... Худая — худая
Дѣвочка лѣтъ девяти на порогѣ обитомъ стояла,
Слабый ночникъ закрывая отъ вѣтра продрогшей рукою,
— «Батюшка!» вскрикнула, «ждали давно мы тебя, — не дождались.
Радость Господь посылаетъ намъ: маленькій братецъ родился....
Матушка крѣпко кричала, да бабушка съ ней.... не отходить....
Такъ-что мы обѣ съ утра не видали ни крошечки хлѣба....
Ты вѣдь принесть намъ, не правдами?.... Я голодна какъ котё-
вокъ....»

Молча-нахмуясь, ступилъ за порогъ своей двери могильщикъ....
 Молча-рыдая, склонился надъ бѣдной и дряхлой постелью,
 Молча-рыдая, крестилъ, цѣловалъ онъ и мать, и ребенка,
 Молча сѣлъ за-столъ.... На руку сама голова опустилась;
 Самп собой заропился въ ней неотвязныя думы.

Думалъ онъ:

«Господи! вотъ умерла и графиня Сусанна,
 Мать сердобольная спрыхъ и бѣдныхъ.... ее хоронили,
 Какъ подобаетъ графинѣ.... И графъ Монтэваль неутѣшенъ....
 Истинно горько.... И намъ, бѣднякамъ, помогли-бы навѣрно....
 Съ мертвой что взять?....»

И задумался накрѣпко бѣдный мо-
 гильщикъ....

Было надъ чѣмъ:

Монтэвали въ супружествѣ два года жили
 Такъ, что кругомъ себя Божьяго міра, глядя, не видали:
 Точно-какъ голубь съ голубкой гнѣздо потаенное виш....
 Но.... захворала графиня какимъ-то особымъ недугомъ:
 Прежде безсонница, слабость; по тѣлу какъ-будто мурашки;
 Послѣ за сердце хватило.... и вдругъ ее грянуло объ-поль....
 Графъ испугался.... Врачи, какъ грачи, налетѣли всею стаей....
 Стали усердно графиню лечить, но все чаще-и-чаще
 Обморокъ съ нею случался, и жаркая жизнь застывала
 Съ часу-на-часъ въ молодомъ и изнѣженномъ тѣлѣ....
 Ночью однажды она приподнявшись тревожно въ постелѣ,
 Крикнула: «дайте воды мнѣ, воды!» опрокинулась навзничъ,
 И.....
 Трехъ минутъ не прошло — какъ врачи изступленному графу
 Тщетно шептали: «Молитесь Господу, графъ: отстрадала!»
 Въ прежніе старые годы смотрѣли на смерть христіански:
 День похоронный въ тѣ годы, считался кануномъ воскреснымъ;
 Какъ подъ вѣнецъ убирали покойныхъ и въ гробы ихъ клали —
 Съ радостной мыслию встрѣтить ихъ на небѣ въ брачномъ нарядѣ.
 Вѣренъ былъ церкви и графъ: оградившись крестомъ живот-
 ворнымъ,
 Мощно сдвигилъ онъ змію подсердечную, слезы и горе —
 Все позабылъ для великаго часа святаго обряда,
 И приказалъ — совершать надъ усопшей обычныя требы....

Тѣло графини обмыли; одѣли въ богатое платье;
 Свѣжимъ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ бѣло-мраморный лобъ ей обвили;
 Перстни на пальцы надѣли, — всѣ лучшіе перстни покойной...
 Два дня спустя, по скалистой и узкой дорогѣ, изъ замка
 Поѣздъ печальный тянулся торжественно къ церкви Божейской:
 Тамъ, подѣ церковными хорами, въ пращурномъ склепѣ семейномъ,
 Были должны упокоиться юной графини останки...
 Всѣ обыватели были на скорбной ея панихидѣ,
 И съ внѣшномъ кадила молитвы ихъ къ небу неслися,
 За упокой ея духа въ небесныхъ селеніяхъ съ миромъ....
 Вотъ литію ужъ пропѣли, и вотъ отошла панихида,
 Вотъ по ступенькамъ и гробъ незаклепанный сносятъ монахи,
 Вотъ онъ и скрылся... Тогда-то раздалось по церкви рыданье.
 Графъ зарыдалъ и шатнулся: сломилась желѣзная воля, —
 И на рукахъ домочадцы снесли его замертво въ замокъ.

— «Съ мертвой что взять?....» Думалъ Жакъ....

И невольно предъ нимъ появился
 Образъ усопшей графини, въ вѣнкѣ на челѣ поблѣднѣломъ,
 Въ платьѣ богатомъ.... На зѣмершихъ персяхъ скрещенныя руки
 Золотомъ, жемчугомъ, свѣтлыми камнями перстней сіяли...
 Всталъ онъ.... фонарь снялъ съ ржаваго гвоздика.... — «ждите!»
 промолвилъ.

«Буду я скоро....» И вышелъ....

Ненастье и было ненастьемъ,
 Только ни снѣга, ни слякоти ѣдкой встревоженный Жакъ не
 замѣтилъ.

Грудь на распашку, безъ шапки, зажженный фонарь подѣ полою,
 Словно горячечный, шелъ онъ къ собору старинному прямо....
 Встрѣчные граждане всѣ отъ него сторонились; по рынку,
 Словно чума, онъ прошелъ — испугались даже торговки:
 Такъ онъ былъ страшенъ и блѣденъ, и тайною мыслью встре-
 воженъ....

Думали: «знать не за добрымъ пришлось челоуѣку изъ дому
 Выйдти, что вышелъ онъ къ ночи въ глухую ненастную пору.»
 Думали такъ, а кто вздрислся: «Э! да вѣдь это могильщикъ....
 Имъ и Господь приказалъ полуночничать: видно, что церковь
 Надо ему отпереть — потому и торопится бѣдный....»

Темной и сонной, но чутко уснувшей каменной грудой
 На небѣ облачною еле-види́лась громада собора;
 Южныя двери сомкнулися въ дрѣмѣ.... Когдаже могильщикъ
 Къ нимъ подходилъ, показалось ему, будто крѣпкіе створы
 Медленно, словно покойника тяжкія вѣки, раскрылись,
 Будто ресницы моргаютъ и холодомъ на-сердце пашутъ,
 Будто глядитъ на него провалившійся глазъ изъ-за двери....

Скрипнули петли.... Пронесся подъ сводомъ глухой отголо-
 сокъ....

Звучными хорами Жакъ къ алтарю перешелъ торопливо;
 Сзади престола-свѣтильника, приподнялъ дверь онускную,
 И въ погребальныя склепы по лѣстницѣ узкой спустился.
 Было въ нихъ мрачно и сыро, и затхло, и вѣяло смертью;
 Кой-гдѣ туманною звѣздкой мерцала во мракѣ лампада;
 Справа и слѣва, стояли, надмѣнно красуясь гербами,
 Доблестныхъ графовъ, графинь, баронессъ и бароновъ гробницы:
 Лилии, бердыши, копыя, шелома, мечи и знамена
 Вдоль по стѣнамъ, обомшившимся плѣсенью сѣрой, тянулись;
 На горностаевыхъ мантияхъ громко гласили девизы
 О пресловутыхъ дѣяннѣяхъ усопшихъ.... Изъ каждой гробницы
 Слышалось вѣщее слово евангеля: «*Во время оно....*»

Гробъ Монтэваль, по обряду, одѣтъ былъ парчевымъ по-
 кровомъ;

Подлѣ лежала плита положеннаго чернаго камня:
 Ею за утро останки усопшей графини Сусанны
 Были должны отдѣлиться на вѣки отъ дольнаго міра....
 Сдернулъ парчу золотую привычной рукою могильщикъ;
 Смѣло ножомъ отвинтилъ заколоченный гробъ и небрежно
 Сбросилъ тяжелую крышу на старыя плиты помоста,
 Такъ-что на трупъ покойницы вся пелена колыхнулась
 И лепестки у нея задрожали въ вѣнкѣ погребальномъ....
 Жакъ ничего не выдавъ, пелену торопливо откинулъ,
 И съ охладѣлой руки сталъ снимать драгоценныя перстни....
 А хорошо снарядилась въ гробъ молодая графиня,
 словно какъ вспрыснулась мертвой водой, и живой поджидала.
 Синяя тѣнь окружила потухшія синія очи;
 Синяя тѣнь между губъ горделивой улыбкой застыла;
 Кудри, какъ травка, спаленная лѣтней грозой, золотились;

Строго нахмурились брови, какъ будто на бой одиночный
Самую смерть вызывала съ презрѣньемъ графиня Сусанна.
Жакъ ничего не видалъ....

Не снимались упрямые перстни
Съ пальцевъ покойной графини.... И выступилъ потомъ холоднымъ
Ужасъ на блѣдномъ челѣ у могильщика....

Еслибъ не мысли

О захворавшей женѣ и о дѣтяхъ, навѣрно-бы кинулъ
Жакъ свой фонарь и свой ножъ, и бѣжалъ безъ оглядки изъ
склепа;

Но передъ нимъ ночникомъ изъ окошка моргала лачужка,
Гдѣ умирали отъ голода дѣти и мать ихъ больная....

«Нѣтъ, не погибнуть!» подумалъ онъ. «Что ей въ запястьяхъ и
перстняхъ?

Развѣ за золото-камни покойникамъ рай отворяютъ?
Память тебѣ вѣковѣчная.... Только прости мнѣ, графиня!
Жакъ не себя, а свою безпомощную семью спасаетъ!»
Крѣпко схватилъ ее за руку онъ.... И ему показалось,
Будто въ отвѣтъ ему руку легонько графиня пожала,
И содрогнулась въ немъ каждая жилка, и чуть онъ не вскрик-
нулъ....

Но — пролетѣло мгновенье — онъ снова взялъ мертвую руку,
Ножъ приловчился и глубоко надрѣзалъ всю кисть у покойной....
«Охъ, какъ мнѣ больно!» покойница крикнула....

Ножъ такъ и выпалъ

Изъ пораженной, какъ громомъ небеснымъ, руки святотатца....
Но оглянулся Господь милосердый на бѣднаго Жака,
На нищету и любовь, искусившую честное сердце:
Не обезумѣлъ несчастный могильщикъ отъ смертнаго страха,
Не завершилъ преступленьемъ кровавымъ проступка, а прямо
Бросился въ замокъ Божѣйскій....

Его неутѣшный владѣлецъ

Спать не ложился: въ молельнѣ, при свѣтѣ полночной лампы,
Онъ на колѣняхъ стоялъ и ломалъ себѣ руки, рыдая
Передъ Распятъемъ....

Могильщика еле впустили,

Какъ ни кричалъ и не клялся онъ всѣми святыми, что графа
Долженъ немедленно видѣть.

Давно уже за-полночь было,

И пѣтухи ужъ пропѣли, когда опустили для Жака
Цѣпи подземнаго моста....

Но какъ покаянно признался
 Жакъ въ своемъ умыслѣ графу, то знали Божѣйскія стѣны,
 Да развалились онѣ, поросли лопухомъ и крапивой
 И ничего не расскажутъ....

А старые люди слышали,
 Что ужь не въ склепѣ графиню нашли — на ступенькахъ алтарныхъ
 (Вѣрно, очнувшись, на свѣтъ фонаря, добралася до церкви).
 Что воспріемникомъ былъ отъ купели у Жакова сына
 Графъ Монтэваль, а графиня Сусанна лежала съ недѣлю,
 Или съ другую, да послѣ и встала на долгіе годы,
 И никогда своей милостью графской семьи умножавшейся Жака
 Не оставляла....

Должно-быть, Господь испытуетъ и смертью
 Только за тѣмъ, чтобы въ вѣчность увѣровалъ смертный....

Должно быть....

Божьи пути намъ невѣдомы....

А рассказали мы правду.

Л. Мей.

26 Янв. 1858 г.

РАЗСКАЗЪ ВДОВЫ.

Эта вдова была очень странная, молоденькая дама. — Я постоянно встрѣчалъ её въ траурѣ. Встрѣтиться съ ней было не трудно, потому что она не чуждалась общества; по гдѣ бы она ни была, какъ бы ярко ни горѣли свѣчи, какъ бы радостно ни звучали клавиши подъ пальцами заѣзжаго артиста, какъ бы горячо ни спорили при ней молодые люди, рѣдко измѣнялось выраженіе лица ея, тихо-грустное и глубоко-сосредоточенное. — У блондинокъ съ свѣтлыми глазами, и съ волосами мягкими какъ пухъ, никогда не видалъ я строгаго лица — а у ней лице было до такой степени честное, что казалось строгимъ; — лобъ у ней былъ не высокъ, не широкъ и не узокъ — это былъ очень стройный лобъ, съ выпуклостями надъ бровями, которыя едва замѣтно и отгѣпняли ихъ; голубыя жилки сквозили на вискахъ; на ея блѣдныхъ, античныхъ, губкахъ, какъ на устахъ Минервы изрѣдка появлялась горкая улыбка. Я любилъ наблюдать за ней издали: когда бывало въ сумерки, или гдѣ нибудь въ уголкѣ, сидитъ она одна и свѣситъ голову, я замѣчалъ, губы ея слегка шевелились; но — молчалась она или бесѣдовала сама съ собой — Господь ея вѣдаетъ! Никогда не жаловалась она на скуку, и никому не навязывала своихъ воспоминаній. — Сначала пробовали ея разсѣять, потомъ оставила её въ покоѣ — у ней не было ни отца, ни матери, за то было безчисленное множество родныхъ, принадлежащихъ къ фамиліямъ Московскихъ аристократовъ. Одна изъ ея родственницъ, пожилая, разбитная, свѣтская дама, совѣтывала мнѣ повочиться за интересной вдовушкой. Я отвѣчалъ, что этого

никогда не будетъ; а между тѣмъ, признаюсь, давно уже не замѣтно для другихъ, за ней ухаживаль. Сначала мнѣ хотѣлось, какъ нибудь, чѣмъ нибудь размѣшнить её — не удалось: галантерейный вздоръ ея не трогаль. Сталь я говорить о природѣ, объ искусствѣ, вообще о такихъ предметахъ, на которыхъ не трудно практиковаться въ краснорѣчїи, озадачивать своимъ, или чужимъ умомъ, увлекаться и увлекать. Она молча слушала меня, даже, смѣю сказать, вслушивалась въ мои слова; но становилась еще серьезнее, или закрываясь платкомъ, начинала зевать. Я усумнился въ ея умъ, и сталь рассчитывать исключительно на ся сердце.

Одно лѣто, вмѣстѣ съ тетушкой, съ дядюшкой и кузинами, пожилыми дѣвами, проводила она близъ Москвы, а именно, въ Сокольникахъ. Тамъ, въ тѣ блаженные дни моей юности, я часто бываль у нихъ. Дядя ея широколицый, лысый, приземистый старичекъ рѣдко былъ внѣ своего халата; страстно любилъ пѣвчихъ птицъ, держать соловьевъ; по утрамъ самъ чистилъ клѣтки и насыпаль кормъ; и такъ какъ на дворѣ была голубятня, то и голуби пользовались благосклонностїю его превосходительства (онъ былъ Дѣйствительный Статскїй въ отставкѣ) носилъ очки и когда глядѣлъ на клѣтку или слѣдилъ за полетомъ голубя, стоялъ раскрывши ротъ и заложа одну руку за пазуху. Облекаясь въ скюртку или фракъ, онъ украшался всѣми имѣющимися у него орденами, былъ гостепріимень, не читаль новыхъ книгъ, и любилъ толковать о политикѣ. Жена его была похожа на него до безобразія, также носила очки и также раскрывала ротъ, когда къ ней въ гостиную входили гости. Дочки были большія хозяйки или лучше сказать руководѣльницы что нисколько не мѣшало имъ выѣзжать въ большій свѣтъ, любить цвѣты, читать Филарета и слыть богатыми невѣстами. Вся семья была необычайно строгихъ правилъ, набожная, простая и неперемонная. У ихъ племянницы, Марьи Игнатьевны (вдову звали Марьей Игнатьевной), была своя комната на верху, куда ни кто не входилъ не постучавшись сначала въ дверь. Я никогда не былъ въ ея комнатѣ, видѣлъ только лѣсенку на верхъ, да лампадку, которая всю ночь бывало свѣтилась въ ея маленькомъ окошечкѣ.

Однажды вечеромъ, около семи или осьми часовъ, я застава въ Марью Игнатьевну на томъ же мѣстѣ, гдѣ я всего чаще встрѣчалъ её одну, а именно, въ роцѣ, на скамейкѣ, не подалеку отъ землянаго вала, изъ за котораго видна была крыша ея свѣтѣлки и уголь голубятни. По черному платью, бѣлымъ рукавчикамъ, блѣдному личику, я всегда издали узнавалъ её. На этотъ разъ я подошелъ къ ней не безъ сердечнаго трепета.

Я не мѣшаю вашимъ размышленьямъ, сказалъ я, какъ Донъ-Жуанъ, въ Каменномъ гостѣ Пушкина, или вамъ все равно быть въ обществѣ или безъ общества.

— Это правда, мнѣ все равно, отвѣчала она своимъ дѣтскимъ голосомъ.

— Знаете ли что мнѣ странно въ васъ, вы все о чемъ то думаете; а между тѣмъ, вы вовсе не разсѣянны — О! вы всегда слышите всё что говорятъ.

— А развѣ вы думали, что я глухая?

Нѣтъ.... я этого вовсе не думаю, хоть вы и не отвѣчали мнѣ на одинъ вопросъ.

— На какой?... А, да!... — и она задумалась.

— Помните? я спросилъ васъ....

Да.... вы спросили меня; буду ли я любить васъ, если вы меня полюбите.

Я покраснѣлъ какъ красная дѣвушка; я никакъ не ожидалъ отъ нея такого спокойнаго повторенія словъ моихъ; никакъ не воображалъ себѣ, чтобы она могла произнести ихъ безъ всякаго даже скрытаго волненія; даже румянца не выступило на щекахъ, даже ресницы не опустились; выраженіе лица ея осталось по прежнему спокойно задумчивымъ.

Меня всё бранять, сказала она, что я до сихъ поръ не скидаю чернаго платья; неужели вы думаете, что это я дѣлаю изъ кокетства?

— Нѣтъ.

— Ну, быть можетъ вы полагаете, — изъ экономіи чтобъ не шить лишнихъ платьевъ?

— Нѣтъ — я и этого вовсе не думаю.

Чтожъ вы думаете?...

— Я хотѣлъ что-то сказать, но нашелъ это «что-то» неумѣстнымъ, и промолчалъ.

— Если я не скидаю траура, значить, помню того, по комъ я ношу его, значить я еще люблю. Пусть даже это будетъ тѣнь — призракъ — мечта.

Послѣднія слова произнесла она такъ, какъ будто я уже возражаю ей, не безъ раздраженія въ голосѣ; руки приподнялись, въ глазахъ пробѣжала искра.

— Вашъ призракъ, сказалъ я не безъ горечи, и не пойметъ васъ и не будетъ вамъ сочувствовать; а любить мечту — это даже преступленіе. Вправѣ ли вы такъ рано похоронить ваше сердце?

— Самъ себя никто не хоронитъ: хоронятъ другіе.

Отвѣтъ не глупъ, подумалъ я про себя, и заговорилъ, слегка дотронувшись до ея нѣжной и худой руки, ну такъ воскресните! встрепенитесь! оживите!

Она молчала. Я ждалъ....

— А какъ вы думаете, мужъ мой слышитъ теперь нашъ разговоръ или нѣтъ? спросила она, потупившись.

— Я увѣренъ что нѣтъ; отвѣчалъ я засмѣявшись. Мнѣ показалось въ эту минуту что она шутить.

А почему вы такъ увѣрены? спросила она посмотрѣвши мнѣ въ глаза съ вопрошающимъ недоумѣніемъ.

— Неужели вы не шутя думаете, что тѣнь или душа вашего мужа ревнуетъ къ вамъ. Оставьте живое живымъ....

— Я знаю, что онъ не ревнуетъ.... Я не этого хочу. Чего она, глупая, хочетъ? подумалъ я.

Думайте, что я глупа, продолжала она спокойно. Можете даже подумать, что я немножко помѣшана.

Меня ошеломила эта пронизательность, невольно пришло мнѣ въ голову замѣчаніе какого-то доктора, что сумасшедшіе отлѣчаются иногда необыкновенной пронизательностію.

— Когда мужъ мой былъ живъ, сказала Марья Игнатьевна, онъ ни чему и ни кому не вѣрилъ; я хочу чтобъ онъ хоть теперь чему нибудь да повѣрилъ. Понимаете?

— Не понимаю....

— Развѣ вы не знаете что....

— Что?

— Вы не вѣрите.... ну, хоть вертящимся столамъ?

— Что они вертятся, это я вижу, а отъ чего вертятся этого я еще не знаю. Когда нибудь узнаю, потому что въ этомъ нѣтъ ничего сверхъ-естественнаго, — ничего сверхъ-естественнаго и нѣтъ въ естествѣ, т. е. въ природѣ.

— Я и сама не вижу въ этомъ ничего сверхъ-естественнаго. Сообщеніе душъ, это вѣроятно въ законахъ природы, которой мы также не знаемъ....

— А! я и не-зналъ, что вы такой мистикъ?

— А вотъ видите, надо прежде узнать и уже потомъ любить, проговорила она съ живостью, положила указательный палецъ правой руки на ладонь лѣвой. Въ томъ-то наша и бѣда, что мы не зная, любимъ.

Помилуйте, сказалъ я, что жъ это за любовь, которая всё видитъ и всё знаетъ. Я могу любить васъ со всѣми слабостями и даже дурными сторонами вашего характера, тѣмъ болѣе что любовь не только не отталкиваетъ нѣкоторыхъ нашихъ странностей, а напротивъ, охотно уживается съ ними, любить ихъ прощать и проч. и проч.

Она задумалась....

Быть можетъ вы и правы, начала она медленно, какъ бы не рѣшаясь сознаться, что я правъ; разъ ужъ я была наказана такою любовью. Только мѣсяцъ была я замужемъ — мѣсяцъ страданій! и я готова не только простить, рада воротить этотъ страшный мѣсяцъ.... Я зналъ, что она была замужемъ не болѣе пяти недѣль.... но заинтересованный разговоромъ меланхолической вдовушки, мнѣ захотѣлось мало по малу заставить её рассказать мнѣ исторію любви своей. Женщины, рассказывая о давно потухшей страсти или о слезахъ, пролитыхъ ими надъ прахомъ ихъ возлюбленныхъ, такъ иногда странно настраиваютъ свою душу, что готовы полюбить вторично и именно того, кому онѣ все это рассказываютъ. Марья Игнатъевна была исключеніемъ; но вѣдь кто жъ это зналъ, что я наткнулся на исключеніе. Я началъ съ того, что воскликнулъ съ самымъ наивнымъ изумленіемъ.

— Неужели только мѣсяцъ!

— Да....

— Одинъ только медовый мѣсяцъ! Скажите, васъ принудили выдти замужъ или вы сами вышли?

Такими вопросами мало по малу я довелъ её до разсказа, который въ краткихъ словахъ и передаю вамъ, но врядъ ли передамъ вамъ эту мягкость ея голоса, эту живую непоследовательность рѣчи. Сначала она только отвѣчала мнѣ и то не совсѣмъ охотно, подъ конецъ говорила такъ, какъ будто меня тутъ вовсе не было, говорила, глядя на красныя вечернія облака, которыя сквозили, въ глубину темной сосновой рощи, которая съ каждымъ часомъ становилась гуще и безлюднѣе. Признаюсь вамъ, я никогда не думалъ, чтобъ женщина, въ здоровомъ умѣ, могла что либо разсказывать, забывая слушателя.

Такъ говорила она между прочимъ:

«По принужденію? — нѣтъ! Я не могла выдти по принужденію. Меня любили, баловали, глядѣли на меня какъ на родную дочь. Ахъ какъ меня баловали! — Я сама захотѣла — и меня послушались. Моего жениха никто не зналъ, онъ свалился какъ съ неба; родные, у которыхъ я жила, конечно старались, прежде чѣмъ дали слово, узнать что это за человѣкъ; но въ Москвѣ его также никто не зналъ. Все послѣднее время онъ былъ за границей, учился и разъѣзжалъ. Онъ былъ далеко не бѣденъ, у него было даже порядочное состояніе и большія связи въ тѣхъ кружкахъ, куда мы очень рѣдко ѣздили. Графиня К. была его теткой. Богачи Инатовы были также ему сродни. Онъ готовился быть профессоромъ, но былъ человѣкомъ свѣтскимъ, велъ разсѣянную жизнь, такую, знаете, какую ведутъ артисты. Одна наша знакомая была съ нимъ очень дружна и приходила въ восторгъ отъ его заграничныхъ писемъ. Кузень мой, Саша Л ъ, былъ также отъ него безъ ума; онъ-то и ввелъ его въ нашъ патріархальный кругъ. Когда онъ былъ у насъ въ первый разъ... не знаю, что и сказать вамъ! это было наканунѣ глѣтняго Николаы — мы тогда жили на Арбатѣ — онъ пріѣхалъ къ намъ послѣ всенощной; я ничего не знала и спокойно разливала чай въ сосѣдней комнатѣ; въ гостиной были гости — я услышала новый, незнакомый въ нашемъ домѣ, голосъ, и сама не знаю.... чего я испугалась, сердце мое такъ заби-

лась, такъ сильно забилось! Я отвернула кранъ самовара и стала вслушиваться. Переполнила чайникъ и чуть не обварила себѣ пальцевъ. Потомъ я вошла въ гостиную, присѣла и отошла въ уголокъ. Петя подзвалъ меня и упросилъ меня сѣсть къ нимъ поближе. Въ голосѣ гостя была какая-то дивно пѣвучая струна, отъ которой все лице мое горѣло. Я почувствовала неловкость.... мнѣ и уйти хотѣлось и хотѣлось остаться. Всѣ съ жадностью слушали его, такъ говорилъ онъ умно, такъ былъ остеръ и милъ, блѣдное, истомленное лице его казалось мнѣ самымъ живымъ лицомъ изъ тысячи лицъ, которыя я видѣла, и улыбка у него была волшебная, и блескъ его темныхъ глазъ казался такимъ золотымъ, такимъ добрымъ и ласковымъ! Онъ сталъ чаще ѣздить къ намъ, и я скоро съ нимъ познакомилась. Сначала я дичилась. Мнѣ казалось, что онъ смѣется надъ мной. Думала, Боже мой!—все меня обманываетъ, все, и его голосъ обманываетъ, и слова, и каждый взглядъ!... Я не только никого не любила, я даже не понимала романовъ, гдѣ описывались страсти; въ домѣ шутя звали меня монашенкой; у меня была мечта въ какой нибудь пустынѣ кончить мою молодость. Какъ же это такъ могло случиться, что я влюбилась. Мы, разговаривая, постепенно и незамѣтно признавались другъ другу. Онъ сталъ склонять меня на тайное свиданіе въ саду... я пришла въ ужасъ; помню, отошла отъ него къ дверямъ, остановилась на порогѣ и отрицательно покачала головой. Всю ночь, однакожь, снилось мнѣ, что я иду къ нему въ садъ.... нѣсколько разъ просыпалась и опять засыпала, и опять мнѣ чудилось, что я иду къ нему.... На другой день вечеромъ я узнала, что онъ у дяди просилъ руки моей. О, какъ глубока, какъ искренна была моя радость! Всѣ узнали, что я влюблена, и повѣсили голову. Домашнимъ стало жаль со мной растаться; стариковъ пугала неизвѣстность. Хотѣли на цѣлый годъ отсрочить свадьбу. Но Алтаевъ не хотѣлъ ни денегъ, ни приданаго, это всѣмъ понравилось, всѣхъ убѣдило — и недѣли черезъ три рѣшили: быть нашей свадьбѣ. Странны казались мнѣ иногда слова моего милаго; но тогда я мало вникала въ ихъ значеніе: такъ, разъ говорилъ онъ: не могу надивиться живучести моего сердца; от-

куда вдругъ — опять — любовь! Я люблю васъ глубоко и свято, и боюсь — эта свадьба, эта брачная жизнь помѣшаетъ мнѣ любить васъ.... Я приписывала это той невольной застѣнчивости, въ которой мужчины рѣдко признаются. Къ браку я готовилась какъ къ великому таинству; онъ былъ грустенъ и мраченъ наканунѣ свадьбы. Ну вотъ, господа, говорилъ онъ своимъ старымъ товарищамъ: «я я, какъ отравленный Сократъ, приношу жертву Ескулапу.» Въ церкви, когда кончилось вѣнчаніе, подошла къ нему съ поздравленіемъ крестная мать его, какая-то очень пожилая сутуловатая дама съ сѣдыми пуклями. Надѣюсь, мой милый, сказала она, ты теперь не станешь дѣлать глупостей. — Охъ! да, отвѣчалъ онъ, держа меня за руку, это моя послѣдняя, самая непростительная глупость! Я съ испугомъ взглянула ему въ лице. Но онъ былъ веселъ, шутилъ, острилъ, смѣялся, и я успокоилась. Я все до мельчайшихъ подробностей помню, что было въ этотъ вечеръ, какъ мы пріѣхали на его квартиру, какъ пили шампанское и съ какими лицами мои старики прощались со мной въ передней, какъ потомъ Александръ, женихъ мой, часу въ десятомъ, куда-то уѣхалъ съ шаферомъ. Я осталась одна съ Лизаветой, съ женой нашего дворецкаго; она должна была раздѣть меня.... Новость комнатъ, убранство спальни, все это меня и радовало и пугало и волновало.... Я переодѣлась, сняла съ головы подвѣнечные бѣлые цвѣты, сѣла въ кресла, складывала охолодѣвшіе пальцы, разсматривала вѣнчальное кольцо мое, какъ бы недоумѣвая точно ли я замужемъ, не сонъ ли это, и какъ это могло случиться? Ждала его, боялась что онъ пріѣдетъ, и опять ждала. Пришла полночь, я дремала отъ усталости, просыпалась въ испугѣ, вставала и съ лихорадкой въ сердцѣ, ходила по комнатѣ. Лизавета отворяла дверь, дивилась, ахала, куда пропалъ женихъ мой, даже начинала бранить его.... уговаривала меня лечь спать, а я Христомъ Богомъ умоляла ее оставить меня въ покоѣ. Около двухъ часовъ по полуночи, я вздрогнула; прогремѣлъ экипажъ и раздался звонокъ. Веселый, во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ, вошелъ онъ въ спальню. Ахъ Мари! сказалъ онъ, цѣлуя меня, какъ тебѣ не грѣхъ безпокоиться и ожидать меня.... поступай всегда такъ, какъ ты поступала и прежде.

— Прежде мнѣ некого было ждать, отвѣчала я.

А я, вообрази, вздумалъ играть на бильярдѣ и заигрался. Признаюсь вамъ, я вспыхнула и надула губы.... Какъ! думала я, въ такой день играть до двухъ часовъ ночи на бильярдѣ, забыть невѣсту, все забыть! О, еслибъ онъ вздумалъ оправдываться, я бы расплакалась... но славу Богу онъ даже и не извинился. Я только хотѣла сказать ему: «не вы ли сказали въ церкви, что бракъ—это ваша послѣдняя глупость,—зачѣмъ же вы ихъ продолжаете дѣлать? но у меня и на это не достало духу;» я только закрыла лице обѣими руками, и потомъ, когда онъ отвелъ ихъ, посмотрѣла на него съ упрекомъ, онъ понялъ взглядъ мой и сталъ мнѣ говорить о безконечности, объ искренности и глубинѣ любви своей. О! какъ чудно сладко звучалъ его голосъ. Я всему повѣрила и все забыла, мы сидѣли почти до разсвѣта; мои пальцы блуждали въ завиткахъ волосъ его, когда ко мнѣ на грудь склонялъ онъ свою темно-курчавую голову. Былъ уже день, когда онъ заснулъ у себя въ кабинетѣ, на диванѣ, утащивши съ кровати одну подушку. Я также спала крѣпко и невозмутимо и встала очень поздно. Въ это утро пріѣзжалъ ко мнѣ дядя мой съ подаркомъ; глупая Лизавета въ снѣгахъ рассказала ему все. Игратъ на бильярдѣ, въ такую ночь, показалось старику превосходящимъ мѣру всякаго вѣроятія. Мужъ мой вдругъ представился воображенію его негодяемъ, мерзавцемъ первой степени; какъ убитый воротился онъ въ семью свою. Погубили мы нашу Машу, сказалъ онъ. Въ этотъ же день, послѣ обѣда, утирая потъ, онъ подступилъ къ мужу моему съ легкимъ выговоромъ, его ободрило уже и то обстоятельство, что мужъ мой за семейнымъ столомъ не напился пьянъ, былъ со всѣми любезенъ, словомъ, велъ себя какъ всегда.

Александръ нахмурился и отвѣчалъ: А! это мое дѣло! не осудите и не осудимы будете!—Бѣдный дядя совершенно сконфузился; но, тотъ вдругъ захохоталъ, дружески положилъ ему на плечо руки, и сказалъ: а помните, милый Иванъ Петровичъ, вы рассказывали, какъ вы однажды, съ какой-то барыней, до трехъ часовъ ночи въ дурачки играли, А?...

Да вѣдь это не первую же ночь?

А чѣмъ первая хуже или лучше десятой!

Эхъ, молодое поколѣніе! сказалъ старикъ усмѣхаясь и отошелъ, шевеля на лбу своемъ, не совсѣмъ еще довольными морщинами.

Къ вечеру и дядя и тетя были о мужѣ моемъ опять самага високаго мнѣнія; а онъ весь вечеръ пресерьезно надъ ними тѣшилъ, браня неопытную молодежь, и куря оиміамъ осторожной и благоразумной старости. О! кто зналъ моего Александра, тотъ зналъ и то, что многіе люди въ рукахъ его были воскъ, изъ котораго онъ лѣпилъ все что ему угодно. Не отъ того ли всѣ искали его дружбы, даже тѣ, которые не могли его терпѣть и бранили его за глаза.... Доктора въ особенности его любили. А за что?... Богъ его знаетъ! Странно,—если лекарь поспорить съ лекаремъ, того и гляди что побранятся или возненавидятъ другъ друга на смерть, а онъ, бывало, и спорить и горячиться и —ничего! или всѣ эти лекаря знали, что ему не долго жить. Бѣдный, бѣдный мой Александръ!...

Прошелъ одинъ безпокойный день, пришла ночь. Рано утромъ, когда загорѣлась заря и засвѣтились узорныя гардины въ окнахъ, я проснулась и отвела рукой пологъ, чтобъ еще посмотрѣть на него при свѣтѣ ранняго утра. Боже мой! какъ я испугалась;—я хотѣла закричать и не могла; дыханіе сперлось въ груди моей. Возлѣ меня, на подушкахъ лежалъ мертвецъ да.... совсѣмъ мертвецъ. Неживая блѣдность покрывала лице его; черными полукружіями лежали длинныя ресницы на двухъ потемнѣвшихъ впадинахъ. Я ухватила за его руку; рука показалась мнѣ холодною! Я вскочила какъ безумная, я хотѣла кричать на весь домъ; надѣвала туфли и искала колокольчика.... Потомъ я бросилась къ нему, приподняла его голову, и громко, съ подавленнымъ крикомъ стала звать его. Онъ проснулся, развелъ руки и спросилъ меня, что съ тобой, Мари? Я долго не могла придти въ себя, долго еще сердце мое волновалось и я тяжело дышала: Что съ тобою, Александръ? ты боленъ?—Нѣтъ. —Отъ чего же это?—Что? я не чувствую себя ни хуже ни лучше, а ты спала?—Да, я спала.—Я не хотѣла пугать его; онъ припалъ къ моему плечу и опять заснулъ; я опять опустила занавѣсъ. Онъ спалъ, но я уже не могла заснуть; когда я закрывала глаза

мнѣ все мерещилось мертвое выраженіе лица его. Я смутно поняла, я угадала женскимъ сердцемъ, какъ много онъ жилъ, какъ много страдалъ и наслаждался, какъ много прожито, и какъ мало осталось на долю моего бѣднаго сердца. Что-то подсказывало мнѣ, что ему не долго жить. Блѣдная, шатаясь, встала я съ постели часу въ десятомъ утра; по мостовой уже стучали экипажи. Сѣла я за туалетный столикъ, и не помню, видѣла ли я на этотъ разъ въ зеркалъ свое лице, когда дѣвушка убирала мои волосы. Потомъ вдругъ пріѣхали ко мнѣ кузины съ великолѣпными букетами. Чудныя были розы — гдѣ вы теперь!... Помню, мы принялись раставлять ихъ въ моей уборной. Совѣстно признаться, я была не очень рада гостямъ моимъ, хоть я и цѣловала ихъ, хоть они и не мѣшали мнѣ одѣваться; когда они уѣхали, я накинула на плеча мантилью, надѣла лучшія браслеты и вошла въ кабинетъ Александра. Онъ читалъ какую-то книгу; мы поздоровались; щура глаза, онъ спросилъ: о чемъ мы такъ смѣялись? Я, хотѣла поцѣловать его, бросилась къ нему на шею и горько заплакала. Долго я рыдала; горячія слезы, какъ ручьи заливали грудь его. Съ участіемъ, съ изумленіемъ, почти съ испугомъ, онъ сталъ спрашивать: что значуть эти слезы? я не могла открыть того, что какъ свинецъ легло мнѣ на сердце; нѣтъ, нѣтъ, не могла! это было бы свыше силъ моихъ, да и что я могла бы сказать ему. Внутренній голосъ развѣ говоритъ тѣмъ языкомъ, который всѣмъ понятенъ? Слезы мои приписалъ онъ разстройству нервъ; я скоро поддавалась обаянію его ласкающаго голоса. Онъ, — да, онъ былъ увлекателенъ въ минуты искренней глубокой нѣжности; къ чувствамъ его всегда почти примѣшивалась какая-то поэтическая мысль или грусть, хоть это и недолго продолжалось: онъ вспыхивалъ и потухалъ. Первые дни прошли, и я была довольно счастлива. Мы переѣхали на дачу; наняли большую избу, около Воынкава, убрали ее со вкусомъ и такъ были рады воздуху, солнцу, зелени и нашей широкой деревянной терассѣ, выходящей на небольшой лужокъ, покрытый кусточками.

Ну вотъ, мы такъ и зажили на вольномъ воздухѣ! И кажется все было такъ хорошо! — Я давно хотѣлъ уединиться, говорилъ мой бѣдный мужъ, надоѣли мнѣ эти родственники,...

надоѣли обѣды, надоѣли просвирни, московскіе умники и восторженныя литераторши! Неужели здѣсь ктонибудь найдеть меня?» И вотъ, мужъ мой принялся курить, читать и писать свою «исторію Венеціи». Но видѣо уединеніе, слишкомъ долгое, было не въ его характерѣ. Поѣхалъ онъ въ Москву и привезъ къ себѣ на вечеръ съ полдюжины пріятелей. Ночью, при лунномъ свѣтѣ, затѣялась сженка; пили и громко смѣялись. Половина гостей ночевали въ сѣнномъ сараѣ. Такъ скоро узнали всѣ, гдѣ мы живемъ и стали навѣщать насъ. Помню, какой-то Дусовъ, преуморительный! пѣшкомъ, безъ перчатокъ, приходилъ къ намъ обѣдать. Это былъ маленькій, общипанный молодой человекъ, съ измятой шляпой, въ форменномъ фракѣ и коротенькихъ брюкахъ. Онъ былъ очень бѣденъ и очень уменъ; память у него была большая. Александръ любилъ его за цинизмъ откровенности. Дусовъ часто заливалъ себѣ за галстухъ и едва держался на службѣ; помню, какъ самъ онъ рассказывалъ про себя, какъ нашли его ночью на улицѣ и подняли, какъ потомъ онъ очнулся утромъ за рѣшеткой, въ полицейскомъ домѣ, какъ его оттуда съ какой-то пьяной бабой повели къ допросу передъ зеркало, какъ хотѣли привязать его на веревочку и отвести домой какъ собаченку, какъ онъ умиловитивилъ пристава, и какое тотъ ему прочелъ родительское наставленіе... Все это рассказывалъ онъ безъ всякой желчи, какъ о самомъ пріятномъ событіи въ жизни. Помню, какъ я его стыдила и какъ онъ пилъ хересь за мое здоровье. Знакомые мужа моего были всѣ большіе чудаки и всякой по своему за мной ухаживалъ. Такъ прошли первые дни. О, кто воротить мнѣ эти дни безмолвныхъ, но жгучихъ радостей и тайныхъ тревогъ! Были минуты, когда я была такъ несчастна, такъ глубоко взволнована, какъ будто туманъ колыхался вокругъ меня, а въ этомъ туманѣ выли дикіе звѣри. Клянусь, я не слыхала отъ мужа ни одного рѣзкаго слова, и клянусь, я предпочла бы брань и даже побои.... лишь бы... Я... знаете, я не понимала ни его, ни тѣхъ, кто приходилъ къ нему; а мнѣ хотѣлось понимать.... Разговоры ихъ были слишкомъ для меня мудреные; случалось издали слышать мнѣ и такія восклицанія: «добродѣтельная женщина! Что можетъ

быть хуже добродѣтельной женщины?» Я не умѣла спорить; но помню, что и я спорила. Мужъ далъ мнѣ, *pour la bonne bouche*, читать романъ «Лукреція Флоріани». Онъ защищалъ эту жалкую женщину; я сердилась, нападала и на него и на Лукрецію. Такъ прошло дней восемь, десять, быть можетъ больше, быть можетъ меньше; я дней не считала, замѣчала только, какъ эти дни сгоняли свѣтъ и улыбку съ лица моего мужа. Онъ, кажется, постоянно внутренно сердился на то, что женатъ, хотя можетъ быть и горячо любилъ меня. Люди, говорилъ онъ, сами налагаютъ на себя цѣпи; кто ихъ не чувствуетъ, тотъ ихъ и не носитъ, онъ старался ихъ не чувствовать, онъ хотѣлъ глядѣть на меня только какъ на свою возлюбленную.

Я хорошо бы сдѣлала, еслибъ съумѣла не казаться женой его; но я его не понимала; онъ былъ страненъ, я была молода.

Разъ, утромъ послѣ завтрака, легъ онъ на диванъ и ко мнѣ на колѣни положилъ свою голову; я, вотъ этими руками, поддерживала эту драгоценную, эту милую для меня ношу! Онъ обернулъ ко мнѣ скучное лицо. Я хотѣла наклониться чтобъ поцѣловать его, но... онъ скрестилъ пальцы и сталъ читать плачевно протяжнымъ голосомъ!

И глаза ея все тѣ же,
 Что пріятно такъ глядѣли,
 И уста ея все тѣ же,
 Что любовью пламенѣли.

Ахъ! я ужъ и не помню этихъ проклятыхъ стиховъ...

Отъ чего жъ въ ея объятяхъ
 Мнѣ такъ нестерпимо скучно...

Такъ, кажется, онъ кончилъ—да... кажется такъ!... только я очень хорошо помню, что было слово *нестерпимо*.

Неужели онъ думалъ, что я не пойму, что въ эту минуту проходило по душѣ его. Давно ли такая любовь — и уже нестерпимо! Боже мой! я хотѣла встать и уйти... мнѣ стало жаль его, стало горько и больно за себя. Я только откинулась на спинку дивана и глубоко задумалась. Долго мы молчали, наконецъ я спросила: чьи это стихи?

— Гейне. Это мой переводъ; я когда-то, во дни юности, упражнялся въ поэзіи. А знаешь ты, что это за птица, Гейне?

— Нѣтъ, отвѣчала я, глядя въ окно.

— Жаль, слушай я еще прочту тебѣ:

И онъ по-нѣмецки прочиталъ нѣсколько стихотвореній, одно другаго тоскливѣе и тяжелѣе.

— Неужели, рѣшилась я спросить, ты... тебѣ скучно со мной?

— Не знаю, можетъ быть безъ тебя, мнѣ было бы еще скучнѣе.

— Если скучно, ступай отъ меня прочь, или пиши свою исторію.

— Если я и напишу ее, напечатать будетъ нельзя. Для кого жъ, моя милая, писать ее? Вѣдь не для того же, чтобъ твои будущія дѣти, изъ листовъ моей тетради вырѣзали себѣ лошадокъ.

Завязался длинный разговоръ...

Горячѣе и дольше чѣмъ когда нибудь, послѣ этого разговора, я, отходя ко сну, молилась Богу. Горѣла лампадка передъ благословеннымъ образомъ; я стояла на колѣняхъ. Какъ тѣнь, незамѣтно, вошелъ онъ въ комнату, раздѣлся и легъ. Я просила Бога продлить любовь его, научить меня, что дѣлать, чтобъ угодить ему.

Пока я молилась, облокотясь на подушку, онъ не сводилъ съ меня глазъ — онъ наблюдалъ за мной.

— Мари? сказалъ онъ наконецъ, о чемъ ты молишься?

И вотъ, сидя на постели, какъ бы размышляя самъ съ собой, худой и блѣдный, сталъ онъ говорить, говорить, говорить.... Впервые такія рѣчи коснулись ушей моихъ. Безсмысленно оглядѣла я комнату и встала. Нѣчто похожее на отчаяніе шевельнулось въ груди моей.

Когда я легла, долго не могла заснуть: огненная рука давила мозгъ мой. Онъ молчалъ. Моя лампадка горѣла тускло.

Добрый, простой, часто любезный, безъ выговоровъ, безъ упрековъ, онъ терзалъ меня; я страдала за него, за его сердце, за его душу, за все брѣнное существо его.

— Вѣрь, говорила я, что я буду вѣчно любить тебя, потому, что должна любить.

— Кто навязалъ на тебя такой долгъ? и что есть вѣчно-ваго? Развѣ не можетъ случиться, что ты полюбишь другаго.

— Нѣтъ, — не можетъ.

— А если это случится.

— Никогда, сказала я вставая, никогда этого не можетъ случиться. Постой! неужели ты способенъ еще полюбить другую, больше, сильнѣе чѣмъ законную жену твою.

— Не сердись, законная жена! и не ревнуй къ будущему. Вѣдь я еще самъ не знаю, буду ли я любить когонибудь, это только можетъ быть, а что можетъ быть, за то я не отвѣчаю.

— А кто же отвѣчаетъ? — Кто?

— Природа, которая такъ создала насъ, или—никто.

— Что же послѣ этого.... любовь.... и это кольцо.

— Все это ничего, проговорилъ онъ съ небрежной мимикой, не подозрѣвая, какой ударъ наноситъ онъ моему спокойствію; вся моя будущность предстала мнѣ въ видѣ хаоса безъ основанія, безъ цѣли, безъ утѣшенія, безъ надежды здѣсь, безъ надежды—тамъ. О! сколько разъ мнѣ хотѣлось плакать, хотѣлось увѣрить себя, что мужъ мой шутитъ. Безъ нарушенія наружнаго согласія, между нами завязалась тайная борьба, отъ которой, безсильная, я падала передъ нимъ, такимъ же беспильнымъ какъ и я, но спокойнымъ и увѣреннымъ въ своихъ непонятныхъ мнѣ теоріяхъ. Пустой звукъ дѣлалъ онъ изъ любви, хаосъ изъ жизни, — новая жизнь еще не создалась, говорилъ онъ, отъ того и мракъ и хаосъ.... Разъ вздумалъ онъ мнѣ пресерьезно доказывать, что я все не люблю его, что это просто магнетизмъ и электричество. Я уже и возражать перестала, мнѣ даже казалось, что я начинаю вѣрить всему, каждому его слову. Я уже готова была отказаться отъ всѣхъ, дорогихъ мнѣ убѣжденій, лишь бы сохранить любовь его. Что, кромѣ любви, могло быть между нами общаго! что иное могло на долго, шаб не навсегда, связать насъ? Какъ утопающая, я хваталась за каждую соломенку; то боялась слишкомъ отъ него

удалиться, то боялась излишнимъ усердіемъ надоѣсть ему. Видитъ Богъ, какіе страшные прожила я дни и ночи.

Когда онъ былъ не въ духѣ, хмурилъ брови или казался такимъ сердитымъ, я не могла быть веселой и стало быть ничѣмъ не могла развеселить его. Когда онъ былъ очень веселъ, ему хотѣлось шума, друзей, остротъ и разказовъ, можетъ быть и забавныхъ, но не всегда для меня пріятныхъ, и право, еслибъ была возможность, въ эти минуты, онъ занималъ бы музыку. Однажды утромъ, я нашла его въ такой тревогѣ, что испугалась. Онъ сказалъ, что видѣлъ дурной сонъ, я ему не повѣрила, потому что дурнымъ снамъ, такъ же какъ и дурнымъ примѣтамъ, онъ не вѣрилъ. Онъ сказалъ что поѣдетъ въ Москву. Я сказала поѣзжай. Пошли узнать, нѣтъ ли порожняго извозчика. Я послала и черезъ полчаса привели намъ дрожки. Жди меня, моя милая, къ обѣду, сказалъ онъ и уѣхалъ, — зачѣмъ? я его не спросила, а самой себѣ я задавала этотъ вопросъ цѣлый день.... Къ обѣду (мы всегда обѣдали около четырехъ часовъ) явился Дусовъ. До шести часовъ, мы не сѣли за столъ. Дусовъ былъ голоденъ какъ собака; я напоила его кофе, за обѣдомъ я почти ничего не ѣла — мужъ не являлся; я не знала что съ нимъ, и стала вѣрить, что не къ добру былъ сонъ его. Какъ вы думаете, спросила я Дусова, отчего не ѣдетъ мужъ мой?

— А могутъ быть разныя причины, Марья Игнатьевна, отвѣчалъ онъ, согнувшись какъ котенокъ, и подъ столомъ потирая руки.

— Какія же причины?

— Да разныя бываютъ причины. Онъ могъ встрѣтиться съ предметомъ какойнибудь потухшей страсти и увлечься.

— Увлечься! чѣмъ? спросила я,

— Ну, чѣмъ? — воспоминаніемъ, конечно!

И онъ такъ засмѣялся, что въ эту минуту мнѣ хотѣлось прибить его.

— А можетъ быть и то, продолжалъ онъ, что пригласили его старые пріятели въ какойнибудь Троицкой или Печкинъ, закусить того — другаго, ну, совѣстно же отказываться.

— Ну-съ, а еще что можетъ быть? Все говорите.

— О, да мало ли что, Марья Игнатьевна, онъ могъ въ это время броситься въ Москву-рѣку, чтобъ спасти утопающаго и теперь, очень можетъ быть, сушитъ платъе передъ печкой у какой нибудь калашницы.

— Полноте, сказала я съ досадой, неужели, вы думаете, мужъ мой бросится спасать утопающихъ.

— А вы думаете, нѣтъ? — непременно бросится.

— Неправда, онъ ради меня побережетъ себя и не захочетъ потонуть, спасая Богъ знаетъ кого.

— Какъ, Богъ знаетъ кого! сказалъ онъ, — что вы? человѣкъ, хоть и свинья подъ часъ, а все таки человѣкъ.... Видите-съ, Марья Игнатьевна, мужъ-то вашъ добрѣе чѣмъ вы, для него всѣ люди суть люди, даже и я человѣкъ, а ужъ кажись, на что пьяница.

— Да, ... я желаю, чтобъ онъ былъ добрѣе.

— А не желаете, чтобъ онъ за брата душу свою поюжилъ.

— Послушайте, сказала я блѣднѣя, если съ мужемъ случилось несчастье и вы не хотите....

Я вдругъ вообразила, что Дусовъ хочетъ постепенно приготовить меня къ удару. Если бы онъ не расхохотался и не подавился бы вдобавокъ, я бъ упала въ обморокъ.

Онъ скомканнымъ платкомъ утеръ свое крошечное лице и проговорилъ наконецъ, что до сихъ поръ ни о какомъ несчастіи до него свѣдѣній не дошло.

— Вѣдь я и сама не рада, сказала я, вставая изъ-за стола, что меня такъ беспокоитъ его отсутствіе.

— Я это очень понимаю, сказалъ Дусовъ: я самъ нынче всталъ не въ духѣ и очень беспокоился; вчера потерялъ манишку, — думаю себѣ: ну, въ присутствіе, — куда ни шло, застегнусь, — а вотъ, какъ же я пойду обѣдать? — и проч.

Все это, всѣ эти разговоры я очень помню, потому что душой и сердцемъ принимала въ нихъ участіе. Я люблю также рыться въ моихъ воспоминаніяхъ, какъ другіе любятъ читать рассказы. Изъ той атмосферы, которой я дышала до моего замужества, я вдругъ перешла въ другую жизнь, въ міръ такихъ словъ и поступковъ, къ которымъ

надо привыкать, чтобъ они не казались преувеличенно странными. Да простить мнѣ Богъ, если я ошибаюсь!... Вечеромъ, я и Дусовъ пошли къ часовнѣ, откуда видна была проселочная дорога изъ Москвы. Только что мы вышли, вдругъ, идетъ къ намъ на встрѣчу высокая, очень красивая дама. На ней была турецкая шаль, соломенная шляпка, голубыя перчатки, браслеты, и ужъ я не знаю, чего на ней не было. — Изъ подъ шляпки выбивались два густыхъ черныхъ локона, черные глаза щурились отъ солнца. Въ лучахъ вечера, она была блистательна. Не знаете ли, спросила она по французски, гдѣ живетъ Александръ Алтаевъ?

— Мой мужъ? вотъ гдѣ онъ живетъ, отвѣчала я, указывая пальцемъ на домикъ нашъ.

— Ахъ! вы жена его! я очень рада случаю съ вами познакомиться, проговорила она, осматривая меня съ ногъ до головы. Я давно знакома съ вашимъ мужемъ, онъ былъ всегда однимъ изъ первыхъ друзей моихъ. Могу ли я его теперь видѣть? и проч. и проч.

— Нѣтъ, его нѣтъ дома: отвѣчала я холодно.

— Когда же я могу.... продолжала она, смотря мнѣ прямо въ глаза.

— Онъ вѣрно всегда будетъ очень радъ васъ видѣть. Онъ теперь въ Москвѣ, говорила я, теряясь.

— Какъ вы любезны! сказала дама. Скажите ему.... что у него былъ одинъ старинный другъ, а именно Лизавета Сергѣевна Ф...., и скажите.... что я, — если только я не помѣшаю вамъ—на дняхъ же постараюсь увидать его, — прощайте.

Она пошла своей дорогой, мы своей.

— Вы не знаете, спросила я Дусова, кто эта женщина. Онъ отозвался, что не знаетъ. Ея появленіе меня заинтриговало. Я не знала, какъ понять слова: «неизмѣнный другъ» въ устахъ посторонней женщины. Да и кто, думала я, смѣетъ быть неизмѣннымъ другомъ моего мужа, кромѣ жены.

Издали узнала я моего Александра, его сѣрое, лѣтнее пальто, его шляпу. — Издали, пока онъ ѣхалъ, стоя на дороге, я махала ему платкомъ. — Когда у часовни онъ сошелъ съ дрожекъ, я бросилась обнимать его. Клянусь, я была такъ

рада, такъ рада, что все забыла, даже забыла эту ненавистную Лизавету Ф. Онъ улыбался очень любезно; но... что говорить! Я почти убѣдилась, что онъ разлюбилъ меня. Молча шла я домой съ нимъ подъ руку. Онъ уговаривалъ Дусова догнать извозчика и давалъ ему рубль на дорогу. Бѣдный Дусовъ не согласился взять рубля, хоть это ему и очень хотѣлось. Нѣтъ, говорилъ онъ, я люблю ночью пѣшкомъ ходить. — А кладбище? сказалъ мужъ. — А что мнѣ кладбище! сказалъ Дусовъ. — Если я умру, придешь ли ты ко мнѣ ночью на могилу, спросилъ мужъ. — Приду со штофомъ водки и напьюсь, отвѣчалъ Дусовъ. — Хорошо, сказалъ мужъ. Чтобъ прекратить этотъ разговоръ, я сказала Александру, что его искала какая-то женщина, Елизавета Ф. Неужели! Боже мой! Какая досада, что я не видалъ ее? Какъ я радъ, какъ я радъ, что она въ Москвѣ, началъ радоваться мужъ мой. Да, я видѣла, какъ онъ радовался и горько стало мнѣ, что, не видавшись цѣлый день, онъ не обрадовался женѣ своей. Дусовъ ушелъ въ Москву пѣшкомъ. Мы пришли домой часу въ девятомъ вечера. Въ рождѣ пѣли соловьи; мы при свѣтѣ мѣсяца сѣли на терассѣ слушать ихъ. Но не соловьиныя пѣсни звучали въ душѣ моей. По обыкновенію, умно и просто говорилъ онъ со мной до поздней ночи, говорилъ много о зданіи всей природы, о чудесахъ неба и земли, о безконечности вселенной, объ отдаленности звѣздъ... но что мнѣ было за дѣло до его ума: умъ его не грѣлъ меня; отъ него я чувствовала легкую дрожь, и только. Я говорила ему: да.... да.... ты правъ.... или молча глядѣла на звѣзды; а на глазахъ у меня были слезы. Помню я ночи, говорилъ Александръ слабѣющимъ голосомъ:—ночи на озерѣ Четырехъ кантоновъ; Лизавета Сергѣевна тогда была со мной, была моложе, а стало быть и лучше и чище сердцемъ. Мы плыли въ лодкѣ въ тѣни лѣсной, мрачной скалы и видѣли вдали огоньки и серебряныя, легкія облака надъ темной массой прибрежныхъ садовъ и проч. и проч. Помню, Лизавета Сергѣевна пѣла, такъ пѣла, какъ никогда не пѣла и проч. и проч.; я не могу вамъ передать тѣхъ картинъ, которыя, какъ будто на зло мнѣ, такъ ярко рисовались въ его памяти.... Тутъ онъ простодушно рассказалъ мнѣ исторію, всю

жизнь этой Лизаветы Сергѣевны. Она была нѣчто въ родѣ Лукреціи Флоріани.... И эта женщина, думала я, смѣетъ называться другомъ моего Александра!

— Она, сказала я, нерѣшительно, — она говоритъ, что ты одинъ изъ первыхъ друзей ея.

— Правда, сказалъ онъ, это правда! — О, это рѣдкая женщина! душа, какихъ немного.... Изъ тонкихъ и чуткихъ нервъ соткала ее природа. Я давно не видалъ ее. Очень можетъ быть, что и она ужъ взвизгиваетъ, а не поетъ. Я ее очень люблю и очень буду радъ ей.

— Ты ее очень любишь? спросила я, помолчавъ.

— Вѣдь я сказалъ тебѣ, что очень, — произнесъ онъ, возвысивъ голосъ, и посмотрѣлъ на меня такъ, какъ будто вдругъ, разомъ отгадалъ мои мысли.

— Не пора ли спать, сказала я — и вышла.

Онъ остался на галереѣ (кажется, эту галерею я назвала террасой, но это была вовсе не терраса, а просто деревянный, широкій балконъ, съ двумя или тремя ступеньками внизъ.)

Опять горячо и долго молилась я въ спальнѣ, прежде чѣмъ легла и задула свѣчку, и опять не могла заснуть. Неровными шагами ходилъ по балкону мужъ мой. Я ждала — и слушала шаги его. Прошелъ часъ, прошло два и не знаю сколько прошло времени, я не могла спать, я все ждала его. Я хотѣла у самаго біенія сердца его дѣро-ситься тайны, любить онъ меня или ужъ не любить. Мое ожиданіе наконецъ перешло въ лихорадочное безнокойство, хоть я и слышала близко, подъ самымъ окномъ, шаги его. Я ошупью на спальномъ столикѣ нашла часы и подавила пружинку — прозвенѣло часъ и три четверти. Ахъ, какъ еще не поздно и какая длинная ночь!... Я тихо встала; въ темнотѣ, надѣла пеленаръ, нашла свои туфли, накинула на голову платокъ, тихонько отворила дверь, и вышла въ сѣни — вышла въ сѣни, и отворила другую дверь.... Что именно я хотѣла сказать ему, не помню; но мнѣ такъ хотѣлось что-то сказать ему — а его ужъ не было! Все было пусто и тихо въ мѣсячныхъ лучахъ. О, знаете ли вы, какое мученіе любить! Я бы дала полжизни, чтобъ въ эту ми-

нута онъ былъ со мной—а зачѣмъ? почему именно въ эту минуту! кто пойметъ, кто рѣшитъ капризы женскаго сердца!... Я облокотилась на деревянную рѣшетку; прохладный воздухъ не освѣжалъ меня; на сосѣдномъ дворѣ выла сабака; роса тускло бѣлилась на травѣ; роса выходила изъ какого-то мутнаго облака.... И онъ ушелъ въ такую сырую ночь, по такой мокрой травѣ, и такъ легко одѣтый! онъ, который на ночь такъ рѣдко забывалъ опускать окошки!... Куда же онъ ушелъ! зачѣмъ? неужели я такъ страшна, что онъ бѣжитъ отъ меня даже ночью. Ужь не Лизавета ли Ф . . . назначила ему въ эту ночь свиданіе! Мои фантазіи до того разыгрались, приходили въ голову такія грустныя мысли, что слезы сами собой текли по щекамъ. Я плакала и ждала—ждала и тихо плакала. Не раньше, какъ показалась бѣлая заря и зачиликали воробьи въ кустахъ, а туманъ потянулся къ небу, съ распухшими глазами я покинула балконъ и ничкомъ бросилась на мягкую постель. Наконецъ, Богъ послалъ мнѣ силы — я рѣшилась: пусть, думаю, онъ дѣлаетъ что хочетъ, не любитъ, скучаетъ или не вѣритъ мнѣ; я поклялась быть его женой и буду молча любить.... молча помогать ему, а когда умру—я была увѣрена, что умру скоро—такая боль была у меня въ груди—пусть онъ почувствуетъ, что ему недостаетъ кого-то и проч. и проч.

Утромъ часу въ девятомъ явился онъ домой; я была уже одѣта и сидѣла за самоваромъ. Гдѣ онъ былъ, я его не спросила. Я даже съ притворнымъ равнодушіемъ посмотрѣла на измятое, блѣдное лице его, безпорядокъ его волосъ, и спросила: не хочетъ ли онъ чаю.—Очень радъ, дай! сказалъ онъ и протянулъ мнѣ руку. — Переменн сапоги, они сыры, ты можешь простудиться.— Степанъ! закричалъ онъ человѣку, дай другіе сапоги, — и ушелъ въ свою комнату. Навившись чаю, онъ вздумалъ раздѣться и лечь въ постель. Жаркій сонъ въ одну минуту охватилъ его — лице опять приняло такой изнеможенный, усталый видъ, что стало страшно. Я взяла его за руку и пощупала пульсъ—пульсъ бился сильно и неровно. Бѣдный, онъ не спалъ всю ночь, думала я. Что вздумалось ему вдругъ уйдти съ балкона и гдѣ онъ былъ? и зачѣмъ не приходилъ домой, если онъ недалеко

былъ. Неподвижно часа два или три сидѣла я въ креслахъ. День былъ сѣрый; тучи покрывали все небо. Былъ уже третій часъ, когда я оглянулась на постель; глаза его смотрѣли на меня; я испугалась ихъ выраженія: въ нихъ была и тоска, и любовь, и смерть, и я не знаю что. — Не хочешь ли ты чегонибудь, спросила я, не болѣнъ ли ты, милый? — у тебя такія горячія руки. — Мари, сказалъ онъ слабымъ голосомъ, ты ни разу не спросила меня, гдѣ я былъ ночью.

— Ахъ! кажется я забыла тебя спросить объ этомъ.

— Боже мой! какъ хитры самыя простыя женщины, сказалъ онъ съ досадой, вѣдь я знаю, тебя цѣлый день мучилъ этотъ вопросъ. Не правда ли?

— Ты знаешь все, зачѣмъ же ты спрашиваешь?

— Я очень радъ, что ты меня не спросила. Еслибъ ты стала меня спрашивать, я бы не сказалъ тебѣ.

— Какъ хочешь? Я не имѣю права.

— Я былъ въ Москвѣ.

— Въ Москвѣ?

— Да; и знаешь-ли что? Въ эту ночь у меня родился сынъ. Я ужасно усталъ и душой и тѣломъ.

Я такъ была поражена, что не могла бы встать, еслибъ вздумала встать; не могла бы говорить, еслибъ вздумала говорить. Думаю, что я страшно поблѣднѣла, потому что онъ хотѣлъ продолжать, но посмотрѣлъ на меня и остановился.

Мари, сказалъ онъ наконецъ, лежа на спинѣ и оглядывая потолокъ, неужели такія простыя, обыкновенныя вещи могутъ ужасать тебя!... Я отвѣчала, что меня ужасаетъ все безнравственное. — Стало быть я не могу тебя ужасать. Видишь, сказалъ онъ, мнѣ вдругъ въ эту ночь пришло въ голову, что тамъ въ городѣ, быть-можетъ, нужна моя забота, быть-можетъ даже помощь, и я, усталый, опять туда отправился. Мое сердце ни чему не покоряется, но я ему покоряюсь. Если оно ошиблось и вынудило меня сдѣлать тебя женой моей, какъ я ни боролся, а все-таки уступилъ ему.... Если я и виноватъ, то не передъ тобой, душа моя, Мари, а виноватъ передъ той женщиной, которая такъ страдала. Любить ее больше я не могу, но заботиться о

ней обязанъ до тѣхъ поръ, пока она мнѣ сама не скажетъ, что ей заботъ моихъ не нужно.

Я сказала на это, что презираю женщину, которая принимаетъ помощь отъ такого человѣка, который уже разлюбилъ ее.

Я пять мѣсяцевъ ее не видалъ, Мари; она очень хорошо знаетъ, что я ее разлюбилъ, знаетъ, что я женатъ; но ты не можешь себѣ представить, какъ она была рада, что я ее вспомнилъ, что я не забылъ ее, и право, она бы умерла въ эту ночь, еслибъ я не похлопоталъ отыскать ей доктора. — Не говори мнѣ ничего, ради Христа! силлася я сказать. Онъ закрылъ глаза и казался спящимъ. Я ожила только къ вечеру, когда мой мужъ, собравшись ѣхать въ Москву, сѣлъ на диванъ, въ ожиданіи извозчика. Я увидала, что онъ въ жару, что глаза его мутны, что онъ болѣтъ, совсѣмъ болѣтъ. Я все забыла, стала передъ нимъ на колѣни и упросила его не ѣхать въ городъ. Ты еще любишь меня? спросилъ онъ съ нѣжностію. О! я помню какъ онъ обнялъ мою шею, какъ онъ къ головѣ моей приложилъ свою горячую щеку, и остался. Всю ночь онъ былъ въ жару безъ памяти и бредилъ. Я послала за докторомъ. Докторъ З. сказалъ мнѣ, что это ничего, простуда, растройство нервовъ, и прописалъ лекарство, но видъ его былъ очень озабоченъ, когда онъ держалъ его за руку. Я почти что не спала всю ночь; утромъ головѣ его стало свѣжѣе. Онъ призвалъ Степана, спросилъ бумаги, пера и книгу, на колѣнахъ написалъ онъ какую-то записочку и велѣлъ отнести ее въ городъ по адресу. Я не спрашивала его, къ кому онъ такъ долго пишетъ, я только читала въ чертахъ лица его скорбь невыразимую. Когда Степанъ вышелъ изъ комнаты, я была уже въ сѣняхъ и сказала ему: сходи, пожалуйста, прежде чѣмъ поѣдешь въ городъ, и купи мнѣ кринку сливокъ, а записку дай мнѣ, а то ты ее потеряешь. Когда принесешь молоко, тогда я тебѣ отдамъ ее и ты получишь на извозчика. Оставшись одна я прочла адресъ; записка была адресована къ Елизаветѣ Сергѣевнѣ Ф. Какими судьбами мужъ мой узналъ ея адресъ и отъ кого? и, думала я, неужели въ прошедшую ночь онъ уже успѣлъ отыскать ее? Я откленила облатку, сердце мое сильно тре-

летало и билось, какъ будто я рѣшалась на великое преступленіе; записка была по-французски: я пробѣжала ее въ одну минуту и всѣ фразы мигомъ спутались въ головѣ моей. Милый другъ, Лизавета Сергѣевна, писалъ мужъ мой, на-дняхъ я умру. Этого я не говорю жепѣ моей, потому что она ребенокъ. Я такъ ее люблю, что боюсь тревожить ее прежде времени. Пожалуйста, когда меня не будетъ, навестите мать моего ребенка и проч. и проч.

Помню, что я, читая, ничего не помнила; дальше говорилось о какихъ-то деньгахъ, но что, какъ, почему и отчего? я не могла понять. Запечатавши записку облаткой того же цвѣта, я пошла сама на встрѣчу Степану, который сливокъ не нашель, дала ему денегъ, велѣла ему съ запиской ѣхать въ городъ, а обратно на дорогѣ непременно захватить того же доктора. Мужъ мой сидѣлъ на постелѣ, когда я вошла; голова его свѣсилась на грудь, курчавые волосы торчали. Я слышала какъ онъ два раза глухо повторилъ: безсмертіе! безсмертіе! Онъ былъ еще въ памяти; я боялась заплакать,—онъ бы догадался, что я прочла письмо его. Онъ позвалъ меня, но я убѣжала въ кухню, сѣла на лавку и стала всхлипывать. Нѣтъ! быть не можетъ, утѣшала я сама себя,—кто сказалъ, что онъ умретъ! какъ могъ онъ писать? И въ то же время, сама не знаю почему, внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что онъ правъ и что не обманывало меня мое предчувствіе. Стараясь быть бодрой и спокойной, я провела ужасный день. Ночь была еще ужаснѣе: Александръ все время разговаривалъ съ какимъ-то невидимымъ старикомъ и спрашивалъ меня: Мари! слышишь-ли ты, что онъ говоритъ? онъ увѣряетъ меня, что моя душа явится къ тебѣ когда я умру. Мари! ради Бога ты его не слушай! Такъ бредилъ онъ. Была уже глубокая полночь, когда вдругъ отворилась дверь и — вошла....

— Марья Игнатьевна! а Марья Игнатьевна! гдѣ вы? послышался въ пяти шагахъ отъ насъ пискливый голосъ горничной. Меня послали за вами, ждуть васъ давно.

— Марья Игнатьевна, какъ бы очнувшись отъ своего разказа, вдругъ замолчала. А! сказала она, меня ждуть, неужели такъ поздно!

— Да ужь десятый часъ, ужь всѣ и пріѣхали давно отъ всенощной и ужь чай давно.

— Я сейчасъ иду, торопливо отвѣчала бѣдная вдова и встала. Ахъ! какъ этотъ разговоръ утомилъ меня! Какъ это вышло, что я такъ подробно рассказала вамъ медовый мой мѣсяцъ. Вотъ, говорятъ, стоитъ начать. Я увлеклась. Богъ мнѣ далъ большую память....

— Проводите меня и, если хотите, зайдите къ намъ.

Мнѣ досадно было, что эта глупая горничная помѣшала мнѣ дослушать конецъ разсказа Марьи Игнатьевны. Когда я велъ ее подъ руку, я пытался возобновить его. — Кто же это, спросилъ я, вошелъ къ вамъ въ полночь?

— Прошу васъ не возвращаться къ моему разсказу ни теперь, ни послѣ, я не должна была бы вамъ и того говорить.

— Почему же?

— Если бъ однажды.... вы однимъ вашимъ сужденіемъ не напомнили мнѣ моего Александра, я бы вѣрила вамъ больше чѣмъ.... чѣмъ теперь вамъ вѣрю. Я его такъ любила, такъ любила!... Я теперь не могу такъ любить безъ вѣры.... не могу любить.... Вы не хотите зайти къ намъ? и не заходите. Теперь ужь поздно и вѣроятно всѣ устали....

Я поцѣловалъ у ней ручку и воротился домой совершенно поглощенный разсказомъ Марьи Игнатьевны, хоть въ немъ и нѣтъ ничего особенно интереснаго. Я думалъ, но.... о чемъ я думалъ — зачѣмъ вамъ знать.

• — •.

САБИНА.

Надъ міромъ царствовала Неронъ,
И шумный дворъ его шатался,
Когда въ раздумьи мрачномъ онъ
Въ своемъ дворцѣ уединялся.
Тамъ, сочинялъ ли онъ стихи,
Иль новыхъ ужасовъ затѣи —
Но мѣрно слышались шаги
Его вдоль узкой галереи.
Какъ передъ бурей затихалъ
Въ подобный часъ дворецъ просторный
И каждый молча ожидалъ
Судьбы, склоняя взоръ покорной.
Шумѣлъ лишь Римъ. — Въ пяти шагахъ
Граждане въ праздничной одеждѣ,
Позабывая вѣщій страхъ,
Кричатъ пронзительнѣй чѣмъ прежде.
Все льститъ ихъ взорамъ и ушамъ,
Все пища для страстей мгновенныхъ:
Тамъ торжество и новый храмъ,
Здѣсь судъ царей поработенныхъ.
Народъ шумитъ. Давно привыкъ
Онъ къ торжеству своей гордыни,
Онъ всѣмъ народамъ шлетъ владыкъ
И въ Римъ увозитъ ихъ святыни.
Какъ прежде, плѣнные цари
Влачатъ по Форуму оковы,
И рядомъ стапн олтари
И Озириса и Еговы.
Минутнымъ жаромъ увлеченъ
Всегда кипучій духъ народа,

Сегодня богъ ему Неронъ,
 А завтра богъ ему свобода,
 Онъ также рвался и кричалъ,
 Иль также отступалъ нѣмѣя,
 Когда у статуи Помпея
 Брутъ окровавилъ свой кинжалъ.

I.

Давно собрали виноградъ,
 Сѣрѣй туманъ на Апеннинахъ,
 И въ Римъ, пестрѣя на долинахъ,
 Тибура жители спѣшатъ.
 Лишь юный Мундъ не ѣдетъ въ Римъ,
 Его столица не плѣняетъ
 И онъ на все друзьямъ своимъ
 Однимъ молчаньемъ отвѣчаетъ.
 Какъ быстро лѣто передъ нимъ
 Крылатые промчались Оры,
 Какимъ сияньемъ голубымъ
 Все время покрывались горы,
 Какъ сельскій бытъ онъ полюбилъ,
 Забывъ о купленномъ весельи,
 И въ этомъ замкнутомъ ущельи
 Элизій полный находилъ.
 По цѣлымъ онъ сидѣлъ ночамъ,
 Кидая взоры за ограду
 Пока заря свою лампаду,
 Внесетъ къ Тибурскимъ высотамъ,
 И какъ оltарь любви живой
 За дымомъ скроется долина
 Бытъ можетъ снова въ садикъ свой
 Пройдетъ надменная Сабина.
 Не подымая глазъ своихъ,
 Пройдетъ въ величїи суровомъ,
 Но онъ любви крылатымъ словомъ
 Ее смутитъ хотя на мигъ,
 Иль безъ свидѣтелей опять
 Ее принудитъ онъ отвѣтить,
 Чтобъ только взоръ блестящїй встрѣтитъ

Или насмѣшку услыхать.
 Онъ зналъ давно, что ни чему
 Не внемлетъ строгая Сабина,
 Что равнодушіе къ нему
 Хранитъ супруга Сатурнина.
 Недавно прибылъ Сатурнинъ
 Изъ знойной Сиріи съ женою;
 Тамъ долго, полный властелинъ,
 Богатой правилъ онъ странюю.
 Сабина властью красоты
 И саномъ мужнинымъ хранима,
 Смотрѣть привыкла съ высоты
 На юныхъ вѣтренниковъ Рима.
 Коней, гетеръ, ночныхъ пировъ,
 Она въ душѣ имъ не прощала,
 И въ тайнѣ на однихъ боговъ
 Порывы сердца обращала.
 Какъ чистъ молитвы ейміамъ!
 Какъ гаситъ онъ огонь преступной!
 Сабина покидала храмъ
 Подобно Герѣ недоступной.
 Когда же Мундъ, пробравшись въ садъ,
 Ее смущалъ любви привѣтомъ,
 Живой упрекъ и гордый взглядъ
 Бывали дерзкому отвѣтомъ.
 Но въ Мундѣ блескъ ея очей
 Лишь распалъ любви желанья,
 Онъ тосковалъ, не спалъ ночей
 И жаждалъ новаго свиданья.
 Сегодня Мундъ стоитъ одинъ,
 Глядя въ раздумьи на долину,
 Вчера уѣхалъ Сатурнинъ
 И въ Римъ увезъ свою Сабину.
 «Что дѣлать? часто Мундъ твердитъ,
 Бесплодно дни промчались лѣта!»
 «Что дѣлать» эхо говоритъ
 Сто разъ, и не даетъ отвѣта.
 А тамъ, врываясь въ нѣдра скалъ,
 Какъ бы живой упрекъ безсилью,
 Кипучій Аніо ропталъ,
 И разсыпался тонкой пылью,

Да разгоняя горный дымъ,
 Какъ и вчера передъ разлукой,
 И пынь Фебъ золотоукой
 Три кинулъ радуги надъ нимъ.

II.

Сабина въ Римѣ. Но и тамъ
 Живетъ по прежнему Сабина
 Въ дому лелѣетъ Сатурнина
 И въ храмахъ жертвуетъ богамъ
 Молиться чуждымъ какъ своимъ,
 Обучена чужой страной,
 Она и въ Римѣ жертвы пмъ
 Несетъ съ покорною душою,
 И въ дѣлѣ вѣры и добра,
 Послушна сладостнымъ влеченьямъ,
 Она проводитъ вечера
 Жрецовъ внимая поученьямъ.
 Но чаще всѣхъ съ недавнихъ поръ
 Къ ней жрецъ Анубиса приходитъ,
 Заводитъ жаркій разговоръ
 И зоркихъ глазъ съ нея не сводитъ.
 Награду темную сузить
 И сердца слушаетъ тревогу.
 Влечетъ къ таинственному богу
 И наконецъ ей говоритъ:
 Не даромъ ты у алтарей
 Съ мольбами жертвы приносила,
 Сабина! вѣрой ты своей
 И жизнью небу угодила
 Твои молитвы сочтены,
 Но никогда непосвѣщенный
 Не приподыметъ пелены
 На ликъ Изиды опущенной
 Мужайся: — шагъ еще и ты
 Войдешь въ блаженные чертоги,
 Гдѣ блескомъ вѣчной красоты
 Сіяютъ праведные боги,
 Тебя я въ тайну посвѣщу,

Но вѣчной истины ревнитель
 Я самъ Анубиса служитель
 О ней повѣдать трепещу,
 Богамъ отъ юности служилъ
 Я и молился ежечастно,
 Но никогда такъ громогласно,
 Со мною богъ не говорилъ.
 Вчера, стою у олтара,
 И вдругъ оракулъ мнѣ вѣщаетъ,
 Что страстью пламенной горя,
 Тебя Анубисъ избираетъ.
 Всю ночь очей я не смыкалъ,
 Молясь въ смятеніи великомъ,
 И пологъ брачный разостлалъ
 Передъ Анубисовымъ ликомъ.
 А нынѣ самъ почтѣть готовъ
 Тебя колѣнопреклоненъемъ:
 Внимать велѣнію боговъ
 Намъ подобаетъ со смиренъемъ.
 Сегодня съ вечера луна
 Не озираетъ стогновъ Рима,
 Ты какъ богиня убрана
 Ко храму приходи незрима.
 Служанокъ бойся пробудить,
 Пусть дремлетъ мужъ твой утомленный;
 Чтобы не могъ непосвѣщенный
 Тебя и взоромъ осквернить.
 Тебя я на ступеняхъ жду;
 Иди, давай мнѣ руку смѣло....
 Придешь ли, новая Семела,
 Во храмъ Анубиса? — «Приду».

III.

Давно звѣздами ночь блеститъ
 Смолкаетъ шумная столица,
 Порой лишь громко колесница
 Веселыхъ юношей промчитъ.
 Одна подъ сѣнію ночной
 Сабина бережно ступаетъ,

За нею сладкою струей
Спрійскій нардь благоухаетъ.
Какъ долго прождала она,
Чтобъ сонъ низшелъ на Сатурнина!
Пора! сейчасъ блеснетъ луна
Надъ темной грудой Эскилина,
Нѣтъ, этой позднею порой
Никто не могъ ея замѣтить.
Лишь только бѣ оргіи ночной
Да яркихъ факеловъ не встрѣтитъ!
Какой-то духъ ее несетъ,
Неотразимо и упрямо
Все дальше. — Вотъ она у храма
И жрецъ ей руку подаетъ.
«Молчи, мнѣ все повѣдалъ богъ:
Ты опоздала поневолѣ,
Вступи одна черезъ порогъ,
Анубисъ ждетъ — не медли болѣ».
Какъ мавзолей безмолвенъ храмъ.
Лишь ходитъ облакомъ куренье,
И ногъ ея прикосновенье
Звучитъ по мраморнымъ плитамъ,
Кумировъ глазъ не различаетъ,
Повсюду мракъ. — Едва, едва
Небесъ полночныхъ сплыва
Средпну храма озаряетъ.
О ночь блаженства и тревогъ!
Сомнѣньемъ слабый духъ мятется:
Какое тѣло приметъ богъ,
Въ какой онъ образъ облечется?
Но вотъ луна лучемъ своимъ
Посеребрила изваянья,
Сильнѣй заволновался дымъ
И облака благоуханья,
Шаги! такъ точно! — различилъ
Ихъ слухъ Сабини безпокойный
И кто-то трепетный и стройный
Ее въ объятія заключилъ.
Благоуханьемъ окружень,
Незримый сердцу онъ дороже,
О! что за чудный, страстный сонъ

И храмъ и дымъ и это ложе!
 Какъ будто нѣтъ уже земли,
 Она исчезла закрываясь,
 И въ лунномъ свѣтѣ развиваясь,
 Ихъ въ небѣ тучи понесли,
 Сильнѣе свѣтъ дрожить въ очахъ,
 Сильнѣе ароматъ разлился
 И ликъ Анубиса въ лучахъ,
 Улыбкой Мунда озарился.

Угрюмъ, безмолвенъ Сатурнинъ,
 Онъ промолчалъ передъ закономъ;
 Но не повѣдалъ ли одинъ
 Онъ грустной тайны предъ Нерономъ.
 Старикъ испытанный въ бояхъ,
 Какъ мальчикъ, не былъ малодушенъ,
 Но храмъ Анубиса во прахъ
 По волѣ Цезаря разрушенъ.
 Толпа ругалась надъ жрецомъ,
 Онъ брошенъ лвамъ на растерзанье
 И долго, долго Мундъ потомъ
 Вдали влечилъ свое изгнанье.

А. Фетъ.

Похороны.

(Изъ Рюккерта).

Какъ се любили!
 Какъ похоронили!
 Вѣтерокъ надъ гробомъ
 Проносился стономъ;
 Майскій колокольчикъ
 Вторилъ грустнымъ звономъ.
 Съ яркими свѣчами
 Свѣтляки летѣли,
 И на нихъ ревниво
 Звѣздочки глядѣли.

Въ черноѣмъ одѣяньѣ
 Ночь, поникши взоромъ,
 Тихо шла съ тѣнями,
 Молчаливымъ хромъ.

Много слезъ уронитъ
 Утро молодое;
 Освятитъ могилу
 Солнце золотое.

Какъ ее любили!
 Какъ похоронили!

Мих. Михайловъ.

ГАЗЕЛЬ ДЖЕЛАЛЕДИНА РУМИ.

Я — дикій виноградъ; мнѣ яворомъ ты будь,
 Чтобъ могъ своей лозой я станъ твой обогнуть!

Я — плющъ; мнѣ кедромъ будь, подъ бурями созрѣлымъ,
 Чтобъ слабой зеленью ко праху мнѣ не лгнуть!

Я — птица робкая; ты мнѣ крыломъ будь смѣлымъ,
 Чтобъ могъ я въ синевѣ твоихъ небесъ тонуть!

Я — утомленный конь; будь шпорой мнѣ колючей,
 Да быстро къ цѣли мчусь, куда твой ляжетъ путь!

Я — черная гряда; въ ней розой будь пахучей,
 Чтобъ корни дикихъ травъ ей не сушили грудь!

Я — сумрачный востокъ; взойди надъ темной бездною
 Ты солнцемъ пламеннымъ — туманы распахнуть!

Я — ночь безлунная; о! будь ей ризой звѣздной,
 Чтобы, отринувъ страхъ, я могъ вольнѣй вздохнуть!

Мих. Михайловъ.

ХАНДРА.

На старѣй онъ диванъ ничкомъ
 Ложился, протянувши ноги,
 И говорилъ, дыша съ трудомъ,
 Такіе монологи!

—
 «Какая жизнь! о Боже мой!
 Какіе страшные пигмеи!
 Добро-бъ глупцы — добро-бъ злодѣи
 Неотразимою враждой
 Меня терзали, — нѣтъ, съ глупцами
 Я бъ тратить словъ не сталъ, съ врагами,
 Я бъ вышелъ на открытый бой.
 Кто безкорыстно правдѣ служить,
 Кто за себя стоитъ — не тужить.
 Но какъ бороться съ пустотой
 Полу-слѣпой, полу-глухой,
 Которая мутитъ и кружитъ! —
 Бороться — радъ-бы — силы нѣтъ.
 Подъ тяжестью бесплодныхъ лѣтъ,
 Изнылъ мой духъ, увяла радость,
 И весь я сталъ ни то, ни сѣ,
 И жизнь подчасъ такая гадость,
 Что не глядѣлъ бы на нее!
 Я только вздоръ одинъ предвижу,
 Какая-то галиматья
 Выходитъ изъ того, что я
 Вседневно слышу или вижу!
 Не только нѣкого любить,
 Мнѣ даже нѣкого сердить,
 Мнѣ даже глупо ненавидѣть!
 Я точно личность — безъ лица.
 Такого даже нѣтъ глупца,
 Кто бъ захотѣлъ меня обидѣть!
 Я вѣчно ною отъ занозъ,
 А разомъ вспыхнуть не умѣю,
 Когда я плачу — стыдно слезъ,
 Когда смѣюсь — за смѣхъ краснѣю,
 Какая жизнь! какой хаосъ!...

Я. П.

К Р И Т И К А.

ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРИЮ РОССИИ СОЧ. С. СОЛОВЬЕВА.

І.

Исторія Россіи г. Соловьева доведена теперь до вступленія на престолъ Михаила Федоровича Романова — слѣдовательно представляетъ уже отдѣлъ, нѣкоторымъ образомъ, законченный и замкнутый, цѣлость, о которой можно уже произнести судъ, въ которой выразился уже съ достаточною полнотою и ясностью историческія воззрѣнія и основныя начала почтеннаго автора. Нѣсколько лѣтъ сряду появлявшіеся одинъ за другимъ томы этого важнаго труда возбуждали споры ученыхъ и многообразныя толки читателей — ибо къ чести нашего времени, особенно послѣдняго десятилѣтія, мы должны засвидѣтельствовать то утѣшительное явленіе, что книги, содержащія важнаго, требующія чтенія внимательнаго и мыслящаго — къ какой бы области человѣческаго вѣдѣнія онѣ ни относились, приобретали обширный кругъ читателей, будили болѣе или менѣе дѣльные вопросы и вслѣдствіе этого расходились съ необычайною быстротою... О нихъ составлялись мнѣнія не только въ кружкахъ ученыхъ знатоковъ дѣла — но во всей читающей массѣ — и мнѣнія эти, болѣе или менѣе вѣрныя, во всякомъ случаѣ свидѣтельствовали о томъ, какъ незамѣтно и неожиданно быстро шагнуло впередъ умственное развитіе общества, какъ идея видимо перестала быть отвлеченнымъ, а перешла въ плоть и кровь.

Въ особенности это можно замѣтить въ отношеніи къ трудамъ историческимъ, можетъ быть потому, что исторія стоитъ нѣкоторымъ образомъ на грани между наукою и художествомъ, что въ лучшихъ своихъ выраженіяхъ прямо переходитъ въ область послѣдняго. Она требуетъ не одного ума, не одного дара критической проницательности — но живаго таланта, чисто художнической способности видѣть въ минувшемъ жизнь и передавать ее съ ея запахомъ и цвѣтомъ. Критическія изслѣдованія, хотя бы на нихъ лежала печать Шлецеровской гениальности, не составляютъ исторіи а только готовятъ ее. Или, разрушая первоначальную форму ея, способствуютъ къ появленію новой. Такъ труды Шлецеровъ, Болтинныхъ и другихъ изслѣдователей разбили Татищевскія и Щербатовскія формы нашей исторіи и подготовили художественную Карамзинскую картину. Такъ въ продолженіе 25 или 30 лѣтъ мы ничего иного не дѣлали, какъ разбивали Карамзинскую форму — и покамѣстъ все-таки не создали новой, которая имѣла бы полноту и цѣльность.

Ясно, что эта разрушительная работа была въ высочайшей степени необходима. Съ каждымъ днемъ открывались новыя или, по крайней мѣрѣ, прежде мало доступныя источники исторической жизни, измѣнялись вслѣдствіе этого точки зрѣнія на самую сущность и нравственную физиономію народа, поелику эта сущность и физиономія обозначались яснѣе и рѣзче въ памятникахъ и слѣдахъ историческаго процесса. вмѣстѣ съ этимъ росло и пониманіе исторіи вообще, уяснялось разумѣніе ея прежде совершенно таинственныхъ законовъ, — мысль стремилась уяснить законы въ видимой случайности событій и, гордая своими торжествами, можетъ быть слишкомъ увлеклась приложеніемъ логики къ явленіямъ жизни. То въ типахъ и расахъ, то въ постепенномъ и постоянномъ развитіи отвлеченнаго и общаго существа человечества искала она себѣ опоръ и, во всякомъ случаѣ, сильно дѣйствовала на мыслящихъ читателей своими искаженіями.

Карамзинъ былъ чуждъ этихъ искаженій, какъ была чужда ихъ вся его эпоха. Великія, но еще неопредѣленные идеи Гердера прошли мимо его, его не коснувшись. Народности,

которыхъ чутье было въ такой степени дано великому германскому мыслителю, сливались для Карамзина, ученика французской образованности, въ совершенно тусклые образы — и въ чертахъ нравственной физиономіи своего народа, искалъ онъ не личныхъ чертъ, а общихъ классическихъ, по которымъ уже прошелъ уровень ложно-античнаго взгляда. Все это такъ — все это имѣемъ уже мы право сказать, сохраняя глубокое уваженіе къ безсмертному въ исторіи нашей мужу — все это нисколько даже не ново. Ревностнѣйшіе изъ его послѣдователей, вооружавшіеся нѣкогда съ яростью за малѣйшую замѣтку противъ кумира ихъ, стали невольно служить новымъ идеямъ, проводить новыя воззрѣнія, искали личныхъ, народныхъ чертъ. Всѣ же — послѣдователи и противники дѣлали въ сущности одно дѣло, разбивали классическую форму — всѣ, съ большимъ или меньшимъ талантомъ, съ огромною или только наскоро нахватанною ученостью — дѣлали честное и хорошее дѣло, — всѣ, отъ скептиковъ, часто дѣтскими возраженіями заподозривавшихъ бытіе Новагорода, до Полеваго, которому много должно быть прощено за то, что онъ первый вздумалъ писать исторію народа, и до Погодина — историческими отрывками и сценами въ лицахъ, пытавшася свести съ ходуль классическіе образы и передать свое простое пониманіе ихъ дружинъ и дѣйствій. Обо всѣхъ этихъ борцахъ можно сказать извѣстныя слова, которыми Ламартинъ кончаетъ одно изъ своихъ историческихъ сочиненій: «Всѣмъ имъ расчищена дорога новому пониманію дѣла».

Я имѣлъ честь въ одной чисто-эстетической статьѣ выразить свое мнѣніе или, лучше сказать, свое вѣрованіе, что за отвлеченные, головные вопросы нельзя бороться всею полнотою силъ, что, подъ отвлеченными вопросами науки, часто сокрыты плоть и кровъ наши. Нигдѣ, можетъ быть, это вѣрованіе, по крайней мѣрѣ для насъ Русскихъ, такъ не подтверждается, какъ на вопросахъ нашей исторіи. Въ вышеозначенную борьбу вносилось, на примѣръ, столько страстного увлеченія, столько энергіи со стороны борцовъ мысли, что это увлеченіе и эта энергія указываютъ на чрезвычайно глубокіе источники. Стоитъ только припомнить яростную, по тону даже въ высшей степени неприличную статью, которой

разразился Московскій Вѣстникъ при появленіи исторіи Полеваго, — странныя и до какого-то цинизма наглыя статьи, такъ называемаго скептическаго направленія, — Донкихотское посвященіе Полевымъ труда своего Нибуру, чтобы понять, какъ недешево доставались борцамъ ихъ отчаянныя вылазки. Всюду, вездѣ стремились они разъяснить свое пониманіе народной фізіономіи: съ этими цѣлями Полевой, въ блестящую пору своей дѣятельности, писалъ свои историческіе романы и повѣсти. Эти попытки, какъ и его исторія, были съ его стороны стремленіемъ исправить то, что, было, по его мнѣнію, неправильно понято, какъ напримѣръ личность Дмитрія Шемяки, и вообще протестомъ противъ неправильнаго пониманія чертъ народной фізіономіи. Погодинъ также писалъ драмы и повѣсти — а отчаянное невѣріе въ исторію скептиковъ было чувство столь глубокое, что оно же, только уже не въ дѣтскихъ формахъ своихъ, явилось въ школѣ такъ называемаго родоваго быта. Скольکو разубѣжденій, разочарованій и ипогда пламенныхъ вѣрованій посажено во всю эту, пынѣ многими забытую, полемику. — Скольکو до сихъ поръ еще не угомонилось, можетъ-быть, ненавистей; но только съ ограниченностью воззрѣнія можно бросить въ эти ненависти камень, ибо онѣ не были личныя.

«Исторія есть священная книга народа, главная, необходимая», — такъ начинается пашъ Карамзинъ свое предисловіе, — мудро ли, что за пониманіе и толкованіе этой книги люди борятся; мудро ли, что они вносятъ въ эту борьбу и надежды свои, и порою свое горькое отчаяніе?...

Въ сущности говоря, два воззрѣнія раздѣляли и раздѣляютъ постоянно нашихъ историковъ. Они ярко выставились въ послѣднее время въ *родъ* и *общинѣ*, какъ послѣднихъ выраженійхъ существенныхъ противорѣчій; можетъ быть еще и эти формулы недовольно ясны, можетъ быть *централизація* и *племенные начала* выразить точнѣе смыслъ ученой борьбы. На языкѣ прежней полемики это былъ споръ о Варягахъ-Славяпахъ и Варягахъ-Норманнахъ, — нѣсколько ближе къ нашимъ временамъ, — споръ послѣдователей Карамзина съ скептиками. Въ сущности всѣ эти споры — одно и то же, и несколько не прекратились. Завтра, постѣ-

завтра можетъ явиться новый Венелинъ, новый Морошкинъ и снова подниметь вопросъ о славянизмѣ Варяговъ, равно какъ возможно и появленіе новаго Каченовскаго. Дѣло тутъ въ вѣрѣ въ Славянизмъ, какъ въ самобытно развивающійся и способный къ развитію элементъ, или въ невѣрїи въ него, въ томъ отчаяніи, которое чисто отрицательныя стороны славянскаго духа поселяютъ въ ученыхъ, требующихъ отъ этого совершенно новаго духа тѣхъ же формъ и типовъ, какія даны развитіемъ духа германскаго.

Въ послѣднее время начало едва, впрочемъ, замѣтно показываться еще новое направленіе. Среднее ли оно и припрямляющее, или враждебное тому и другому — мы еще не знаемъ, ибо оно недостаточно обозначилось. Оно ни германское, ни славянское, — но исключительно великорусское. Оно породило въ послѣднія времена жаркій споръ Максимо-вьяча и Погодина и заявило на первый разъ гипотезу столь блестящую, что никакія филологическія возраженія не могутъ отнять у нея силы и дѣйствія на массу читателей. Предполагая, что тѣ изъ читателей, которые не интересуются современными вопросами русской исторіи, не станутъ и читать нашей статьи, ибо она вся по необходимости должна состоять изъ намековъ, — или иначе разрослась бы въ обширное изслѣдованіе, — я не распространяюсь на счетъ этой гипотезы объ исключительномъ обладаніи великорусскаго элемента и великорусской рѣчи въ древней нашей исторіи. Во всякомъ случаѣ пѣта, до гениальности смѣлая гипотеза не простой ученый вопросъ, а плоть и кровь. Въ ней сказалось цѣлое, еще невыразившееся, еще носящееся въ воздухѣ направленіе, которое только въ великорусскомъ племени видитъ положительныя стороны славянскаго духа, крѣпкіе задатки общественнаго развитія и наибольшее отсутствіе противуобщественныхъ элементовъ. Есть многіе мыслители, которые, приведенные въ отчаяніе отрицательными сторонами славянскаго духа, готовы даже считать, впрочемъ, безъ доказательствъ, великорусское племя какимъ-то особеннымъ, даже вовсе не славянскимъ племенемъ. Пока выражается это мнѣніе еще въ видѣ прони, легкой шутки, во и для него найдутся вѣроятно ученые поборники.

Таковъ *statu quo* направлений, или уже рѣзко обозначившихся, или еще сокрытыхъ въ будущемъ. Имѣя цѣлю въ статьѣ нашей только свидѣлствовать факты, мы не хотимъ и не должны стать на сторону того, другаго или третьяго. Мы масса, читатели и съ точки ихъ зрѣнія будемъ смотрѣть на явленіе. Въ этомъ только и будетъ заключаться значеніе нашей статьи.

II.

Особенное свойство формулы, *родоваго* и *общиннаго* быта — то, что эта формула, какъ болѣе определенная, есть уже полная теорія, съ которой, какъ съ готовымъ даннымъ, мы приступаемъ къ явленіямъ жизни, ради которой мы не щадимъ нисколько ни самыхъ явленій, ни своего къ нимъ простаго, первоначальнаго, непосредственнаго отношенія. Это общее положеніе тотчасъ же будетъ осязательно-понятно для читателей, если мы укажемъ, напримѣръ, на отношеніе хоть къ личности Ивана Грознаго нашей эпохи, въ сравненіи съ отношеніемъ эпохи Карамзинской или ей предшествовавшей, на различіе сочувствій къ судьбѣ Новагорода Карамзина и Соловьева, и т. п. Мы хотимъ сказать однимъ словомъ, что теоріи нашего времени гораздо болѣе деспотически распоряжаются съ историческими событіями, нежели классическіе идеалы, существовавшіе въ душѣ Карамзина. Подъ влияніемъ нѣкотораго фатализма, къ которому приведена была мысль наблюденіями надъ необходимостью историческихъ явленій, мы постоянно насилуемъ свое чувство, приносимъ его въ жертву общей преемственной связи событій. *Родовики* или *общинники* (позволяемъ себѣ употребить эти ходячія въ публикѣ названія ученыхъ партій), мы всѣ одинаково виноваты въ этомъ грѣхѣ, если можно назвать грѣхомъ желаніе постигнуть тайны жизненныхъ процессовъ, и съ вершины ихъ смотрѣть на всѣ частности.

Этимъ деспотизмомъ теоріи проникнуть и трудъ г. Соловьева, какъ произведеніе нашей эпохи. Во все продолженіе восьми доселѣ напечатанныхъ томовъ, мы постоянно имѣемъ дѣло съ теоріею, постоянно съ нею встрѣчаемся, нигдѣ не видимъ свободнаго отношенія автора къ предмету. Въ этомъ

заключается и сила сочиненія и причина его огромнаго успѣха, — въ этомъ же и его слабость и причины ожесточенныхъ на него нападеній.

Ибо нападенія на трудъ г. Соловьева часто носили и доселѣ носятъ характеръ ожесточенія — и это мы считаемъ долгомъ заявить прежде всего, не смотря на разногласіе наше во многомъ съ почтеннымъ историкомъ Россіи. Не говоримъ о тѣхъ изъ противниковъ г. Соловьева, которые оспаривали названіе исторіи у его труда, — дѣйствительно представляющаго собою какую-то постоянную диссертацию; не говоримъ и о тѣхъ, которые его толкованіе историческихъ фактовъ опровергали своимъ толкованіемъ, — но о тѣхъ, которые вовсе не хотятъ придавать значенія его труду, не хотятъ видѣть того все-таки огромнаго шага, который сдѣлашъ здѣсь наукою исторіи русской, желаютъ представить этотъ трудъ чѣмъ-то совершенно бесплоднымъ. Они вѣроятно и эти строки, внушенныя единственно чувствомъ справедливости, сочтутъ пристрастными; но если пора отдать честь стремленіямъ Полеваго, если пора перестать ребячески считать дерзкими попытки, отыскать нныя формы, кромѣ формъ Карамзинскихъ, то будетъ ли послѣдовательно отказать въ сочувствіи и глубокомъ уваженіи сочиненію, въ которомъ сведены въ цѣлость и совокупность современныя стремленія къ объясненію нашего быта, — хотя бы самыя объясненія расходились съ нашими.

Прежде всего — новый историкъ Россіи — человекъ съ дѣйствительнымъ, историческимъ, т. е. художественнымъ талантомъ, хотя этотъ замѣчательный талантъ принесенъ имъ въ жертву его служенію теоріямъ, и по этому самому обнаруживается не въ цѣлости, а разбросался въ яркихъ частностяхъ. Изложеніе г. Соловьева, какъ постоянно что-либо доказывающее, что-либо адвокатски защищающее, или прокурорски-обвиняющее, часто небрежно, запутано, сбивчиво, и постоянно имѣя въ виду внѣшнія цѣли, не носятъ на себѣ печати художественной стройности и спокойствія; но, можетъ-быть, по этому самому производитъ сильное впечатлѣніе. Надобно сказать и то, что лишенное желаній внѣшняго драматизма и стремленій къ эффекту, это изложеніе дѣйствуетъ

на читателя своимъ простымъ и суровымъ тономъ, необыкновенно сильно вездѣ, гдѣ авторъ менѣе заботится о доказательствахъ своихъ мнѣній: не поддѣлываясь подъ лѣтописъ, но часто сплошь и на-скоро (особенно въ VIII томѣ, во второй его половинѣ) переводя лѣтописи и граматы, оно внушаетъ какое-то довѣріе... Говоря о таковыхъ же качествахъ изложенія Татищевского и даже Щербатовскаго, нельзя говорить много о талантѣ этихъ писателей: они и взрѣніемъ и языкомъ были очень не далеки отъ эпохъ, ими описываемыхъ; но въ г. Соловьевѣ — совершенно свободный выборъ такого тона свидѣлствуетъ о талантѣ несомнѣнномъ. Прибавьте къ этому, что простота тона не переходитъ у него въ грубость и неопрятную обрывчатость: тамъ даже, гдѣ Самозванецъ, напримѣръ, «даетъ» у него «въ зубы» оскорбившему его Поляку — вы не поражаетесь этимъ выраженіемъ — явный признакъ, что авторъ поставилъ его не для эффекта, не съ претензіями на особенную народность.

Но самая блестящая сторона таланта нашего историка въ томъ художническомъ чутьѣ личностей, мѣстностей, народностей, которое проглядываетъ у него въ безчисленномъ множествѣ частныхъ. За нимъ навсегда останется та заслуга, что онъ сумѣлъ первый вѣрными, характеристическими, прямо изъ лѣтописи вырванными чертами, — иногда однимъ какимъ-либо живымъ и мѣткимъ эпитетомъ обозначить множество личностей, до него представлявшихся намъ необычайно смутно и тускло, — и въ этомъ отношеніи особенно замѣчательнъ его такъ называемый удѣльный періодъ, не смотря на то, что спутаннѣе и сбивчивѣе развитія ткани событій, именно этаго отдѣла его исторіи, трудно себѣ что-либо представить. Пусть многія изъ личностей этой, можетъ-быть, самой блестящей эпохи нашей до-петровской исторіи, представлены въ ложномъ свѣтѣ, нѣкоторыя (какъ, напримѣръ, Константинъ Всеволодовичъ) намѣренно обойдены; нѣкоторымъ (какъ Ростиславу Мстиславичу) не воздано подобающей чести, живыя черты Мономаха, Олега, Изяслава Мстиславича, дяди Юрья Андрея Боголюбскаго, Мстиславовъ — остаются несомнѣнными заслугами нашего историка. Простое и глубокое пониманіе отношеній Московскихъ князей къ Татарамъ, ихъ усо-

бищъ, столь отличныхъ отъ усобищъ князей первой эпохи, простота, съ которою переданы домашнія ихъ отношенія (исторія, напримѣръ, за поясъ Софьи Витолдовны съ сыновьями Юрія Дмитрича) — все это уже не качества диссертациі, а качества истиннаго историческаго сочиненія.

Наконецъ, проникательность историческая является у г. Соловьева въ полномъ блескѣ тамъ, гдѣ его покидаютъ любимыя его теоріи. Съ самой яркой стороны проникательность эта является въ разсказѣ о дѣлѣ убіенія царевича Дмитрія и въ объясненіи интригъ, создавшихъ перваго самозванца. Вообще исторія междоусобія самый полный и сравнительно художественно отдѣланный эпизодъ его труда, хотя, можетъ-быть, и здѣсь теоретическая ненависть къ тому, что называетъ онъ противуобщественными началами, завлекаетъ его слишкомъ далеко. Истинный историкъ, — употребимъ здѣсь народное выраженіе — умѣя говорить противъ волка, долженъ умѣть говорить и по волку.

Мы старались схватить въ общемъ очеркѣ существенныя достоинства и существенныя недостатки г. Соловьева. Достоинства явнымъ образомъ заключаются въ значительной степени таланта: недостатки всѣ происходятъ отъ подчиненія таланта теоріи.

Нигдѣ такъ сильно не выказывается это подчиненіе, какъ въ исторіи Новагорода, а, между-тѣмъ, таковымъ подчиненіемъ г. Соловьевъ началъ свою научно-историческую дѣятельность, ибо читателямъ, вѣроятно, извѣстно, что первое сочиненіе, познакомившее съ нимъ публику, была его магистерская диссертациія: «объ отношеніяхъ Новагорода къ великимъ князьямъ», сочиненіе блестящее, полное опять-таки яркоподмѣченныхъ частныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ общемъ своемъ содержаніи, проникнутое насквозь историческимъ фатализмомъ. Здѣсь впервые завязалась у него борьба съ тѣмъ, что онъ называетъ противуобщественными началами, и этой враждѣ жертвуется имъ съ фаталистическимъ крикомъ: *Vae victis!* его предметъ.

Попущеніе божіе смѣшивается съ соизволеніемъ.

То страшно трагическое, что было въ судьбѣ Новагорода, поставленнаго въ необходимость пасть передъ Москвою

за отсутствіемъ опоръ, понято г. Соловьевымъ удивительно: всѣ фазисы неминуемой катастрофы — паденіе стараго наряда, старой Руси, потомъ паденіе Твери и наконецъ совершенное обособленіе Новагорода представлены имъ превосходно, но заключительные выводы столь же случайны, какъ случайно было паденіе стараго наряда. И вотъ, тамъ, гдѣ Карамзинъ глубоко сочувствуетъ, г. Соловьевъ — враждуетъ. За симъ теорія идетъ уже безтрепетно и послѣдовательно. Въ слѣдующей же за тѣмъ книгѣ, въ своей докторской диссертаци: «Объ отношеніяхъ князей между собою», г. Соловьевъ приносить въ жертву теоріи — все то доблестное и, какъ пышный цвѣтъ, распускавшееся, что было въ дотатарской Руси, князей, охранниковъ стараго наряда, городовую и общинную жизнь, столь сильную, что она и въ новыхъ пригородахъ отзывалась началами старыхъ городовъ. Мѣшаетъ ему Монгольскій періодъ и — Монгольскій періодъ не существуетъ по маповенію теоріи. Вся земля русская представляется историку съ точки его теоріи, въ состояніи какого-то кочеванія и броженія: одно духовенство является сплывающимъ цементомъ; — проще сказать, одна общая, централизирующая идея существуетъ для него: все народное, мѣстное, личное отходитъ въ область звѣрскихъ, противупообщественныхъ элементовъ; все, отъ мнѣнческихъ предашій до земскихъ отношеній, отъ элементовъ здорово и могуче развивавшихся въ XII вѣкѣ до элементовъ болѣзненно и напряженно отпрыгнувшихъ въ началѣ XVI вѣка.

Печальная теорія и еще болѣе печальная жертва, приписываемая историку теоріи! Мрачная картина, на которой Татары должны были бы играть самую благодѣтельную роль, еслибъ вліянія ихъ не отвергла теорія, не смотря на свою беспощадную послѣдовательность. Вѣроятно, она и отвергла ихъ только во избѣжаніе соблазна.

Что же это за теорія, обливающая мрачнымъ колоритомъ всю жизнь старой Руси? Ее такъ долго звали *родовою* или теоріею *родоваго быта*, что намъ бы слѣдовало не запутывая дѣла, продолжать называть ее такъ же; но намъ кажется, что именно это неправильное названіе путаетъ очень простое дѣло, что послѣдніе отпрыски этой теоріи въ даровитыхъ

статьяхъ г. Чячерина — раздвинули границы вопроса далеко за предѣлы старой формулы.

Формула должна назваться иначе по весьма многимъ причинамъ.

III.

Мы уже назвали съ самаго начала нашей статьи новую формулу формулой *централизации* — но совершенно понятною станетъ она для читателей только тогда, когда выведется изъ дѣлаго обзора историческаго труда г. Соловьева, къ которому мы теперь и приступаемъ.

Полагая, что тѣмъ изъ читателей, которые будутъ читать нашу статью, совершенно извѣстно сочиненіе, о которомъ идетъ дѣло, мы не позволимъ себѣ большихъ изъ онаго выписокъ, а будемъ ограничиваться болѣе указаніями.

Въ самомъ предисловіи довольно ясно высказаны основныя идеи автора: онъ начинается съ того, что совершенно отвергаетъ такъ называемый Норманскій періодъ — т. е. вліяніе общественнаго быта Нормановъ на бытъ Славянскій, — между тѣмъ, говоритъ о борьбѣ съ новыми правительственными началами быта, который онъ называетъ родовымъ или племеннымъ. Этому родовому, племенному быту онъ приписываетъ такую силу, что онъ будто бы дѣйствовалъ въ свою очередь на измѣнившія его начала, до того что семья Рюриковичей подверглась вліянію родовыхъ отношеній. Завязавшіяся и установившіяся родовыя отношенія, въ свою очередь могущественно дѣйствуютъ на весь общественный бытъ древней Руси — стало бытъ дѣйствуютъ уже, такъ сказать, вторично, — дѣйствуютъ на то, изъ чего они произошли. Явно, что вся эта путаница взаимодѣйствія происходитъ отъ несчастнаго слова: родовыя начала, а самый узелъ путаницы находится въ старомъ неразрѣшимомъ вопросѣ призванія Варяговъ. Г. Соловьевъ тутъ же и притомъ съ удивительною ясностью видитъ всю огромную разницу отношеній князей перваго, до-татарскаго наряда къ общественному быту съ отношеніями къ нему князей послѣд-татарскаго наряда — видитъ такъ же какъ узелъ послѣдующихъ сѣверо-восточныхъ отношеній — отношеній обособленія удѣловъ и *примысловъ* къ нимъ, отношеній князей —

вотчинниковъ, — въ послѣдующемъ изложеніи своемъ, онъ слѣдитъ внимательно кровавую борьбу, завязывающуюся между старымъ нарядомъ и новыми вотчинными отношеніями, борьбу, которой предѣлъ полагаетъ битва на Калкѣ, гдѣ по Божію попущенію гибнетъ все доблестное стараго наряда — послѣ чего сей послѣдній, лишенный всякихъ опоръ, продолжаетъ свое бытіе въ одномъ только трагически-бессоюзномъ Новѣгородѣ великомъ — по ему непремѣнно хочется, чтобы старый нарядъ погибъ по силѣ необходимости, лежавшей въ немъ самомъ — и вотъ почему отвергается монгольскій періодъ — на основаніи того только, что Татары жили вдалекѣ. Снявши разомъ тяжкое бремя Татарскаго ига — гораздо рѣшительнѣе чѣмъ Дмитрій Донской Куликовскою битвою — историкъ весьма легко и удобно обращаетъ потомъ всѣ начала стараго наряда въ начала противуполитическія, мѣшающія общественному развитію — и на этомъ основаніи казнитъ ихъ до самаго междуцарствія включительно. Дѣло совершенно ясное и запутывать его несостоятельной теоріей родовыхъ отношеній нечего — да ужъ и не лучше ли будетъ слово *родовой бытъ*, какъ мы увидимъ впоследствии, передать на сторону противоположную, на сторону Варяговъ. Дѣло тутъ не въ родовыхъ отношеніяхъ, а въ силѣ централизующей, которая борется съ силами еще живыми, личными, мѣстными, племенными. Г. К. Алексаковъ въ одной блестящей статьѣ, напечатанной въ третьемъ Московскомъ Сборникѣ, доказалъ ясно, какъ дважды два — четыре, что соединеніе словъ *бытъ семейный* и *бытъ родовой* есть чистый nonsense, что гдѣ семья, тамъ о *родѣ*, рѣчи бытъ не можетъ, что *родъ* есть gens, кланъ — явленіе, господствующее большею частію въ странахъ сжатыхъ горами, однимъ словомъ — прибавляемъ отъ себя — допотопная кристаллизація. Но едва ли же не такой nonsense есть соединеніе словъ *бытъ родовой* и *бытъ племенной* — и это только на первый разъ покажется парадоксомъ. Если племя есть дѣйствительно племя, т. е. будущая народность, извѣстная краска въ общей картинѣ мірозданія, извѣстный живой типъ съ живою же, т. е. способной къ выраженію, измѣненію (въ своихъ разумѣется пачалахъ), къ развитію физиономіей — то

родовой, однообразный бытъ не можетъ остаться въ немъ на долго, ибо живое не можетъ остаться допотопнымъ мастадономъ. Родовой бытъ въ такихъ племенахъ есть нѣчто совершенно донсторическое, нѣчто такое, что не уловишь даже какъ опредѣленный моментъ въ исторіи — а гдѣ онъ существуетъ, тамъ онъ представляетъ явленіе застывшее, окаменѣлое, и такое племя годится не въ жизнь а въ кунсткамеру. Бытъ племенной есть просто бытъ стихій однородныхъ, но разнообразныхъ. Каждая изъ нихъ хочетъ довести свою краску свою особенность до извѣстной степени густоты и яркости, выставляетъ ее, смотря по силамъ ей даннымъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ — до тѣхъ поръ, пока время, столкновения, сліянія не образуютъ для разнообразнаго, но однороднаго — извѣстнаго центра общей жизни. Вопросъ въ томъ только — самъ ли собою образовался этотъ центръ, т. е. родился изъ переброженія стихій или наложенъ извнѣ. Если онъ *внутренно* образовался — то всѣ стихіи уцѣлѣли и каждая получила опредѣленное мѣсто, и если не краску, то извѣстный отливъ въ общей картинѣ. Если онъ положенъ извнѣ, то укореняется не иначе какъ насильственно, съ кровавою борьбою, въ которой впрочемъ стихіи какъ нѣчто живое, вѣчное, только придавливаются, а не уничтожаются и рано или поздно отпрыгаются въ новыхъ формахъ — и разумѣется отпрыгаются болѣзненно, напряженно, какъ то было, напри- мѣръ, въ нашемъ междуцарствіи.

Г. Соловьеву, повторяемъ, хочется во что бы то ни стало все стихійное, племенное представить только съ одной его стороны, со стороны отнора общественному развитію. Дѣйствительно у стихійнаго есть своего рода консервативность — но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы оно не допускало сліяній естественныхъ. Историкъ нашъ съ какой-то любовью останавливается на разныхъ лѣтописныхъ выраженіяхъ, въ которыхъ запечатлѣлись племенные вражды — и надобно отдать ему справедливость, онъ первый выставилъ на видъ эти густыя краски вообще строгаго изложенія лѣтописцевъ (прозвища Володимерцевъ, Новгородцевъ, Рязанцевъ — «людища аки чуднища» и проч.), но онъ не видитъ того только, что, отмѣченный такимъ образомъ характеръ того или другаго

племенн можетъ бытъ на практикѣ повѣряемъ еще доселѣ, стало бытъ уцѣлѣлъ, могъ и долженъ былъ уцѣлѣтъ какъ особенность типа — что стихійное вовсе еще не уничтожилось.

Была мнута, когда все это, до сихъ поръ еще старой задержавшеюся жизнью живущее стихійное — развивалось само изъ себя — мучительными, но блестящими борьбами выработывало изъ себя и для себя свой центръ. Эта минута есть XII вѣкъ и начало XIII; — 1224 годъ полагаетъ по волѣ судьбы предѣлъ этому раннему развитію. Татарская туча заволакиваетъ небосклонъ — и все живое кладется подъ спудъ. Великое, дѣйствительно великое дѣло начинается совершаться на Сѣверо-Востокѣ собирателями земли русской, дѣло съ одной стороны отрицательное, съ другой стороны хранительное. Уничтожая несвоевременныя проявленія того, что по волѣ судьбы стало сокрыто подъ спудомъ, они, сплачивая землю русскую, берегутъ ея же особенную физиономію со всѣми многоразличными отливами. Потому — что и они сами, эти сѣверо-восточные собиратели, заступившіе мѣсто приднѣпровскихъ охранниковъ и нарядниковъ — созданы тою же самою землею — только роль ихъ перемѣнилась. Нѣкогда они въ лицѣ Андрея и Всеволода — выдѣлялись сами изъ общаго — потомъ они же въ лицѣ трехъ Ивановъ сплачиваютъ новое общее, новый нарядъ и естественно борются съ остатками стараго общаго, стараго наряда. Старый нарядъ падаетъ въ этой борьбѣ — потому что у него не осталось никакихъ опоръ, но изъ этаго не слѣдуетъ, чтобы въ немъ не было живыхъ началъ, чтобы онъ былъ неспособенъ жить. Новому наряду помогаетъ внѣшняя сила — отношеніе къ Татарамъ. — Ихъ-то именно, эти отношенія, новый историкъ Россіи желалъ бы совершенно забыть — хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, по высокой даровитости, мастерски умѣетъ изображать ихъ — а между тѣмъ на всѣ его отрицанія монгольскаго періода — есть возраженіе весьма простое. Куликовская битва первый шагъ освобожденія — одна, въ числѣ весьма немногихъ событій уцѣлѣла въ памяти народа, перешла въ сказаніе, и доселѣ крещеная Русь читаетъ это сказаніе, наравнѣ съ благочестивыми книгами. Память народа

о бордахъ свидѣтельствуемъ о важности борьбы. Солоно досталась русской землѣ Татары да Литва, до того солоно, что доселѣ только пхъ она и помнитъ изъ всего своего стараго прожитаго. Оши-то и перервали связь ея съ ея до-татарской жизнью, укоротили память русскаго человѣка. Но забывши имена — русская земля не забыла того, чего имена были представителями — и доселѣ еще чуетъ она свое сердце, свою жизнь въ старомъ сказаніи, въ пѣснѣхъ и сказкѣхъ и доселѣ еще живетъ тою же самою жизнію XII вѣка.

Есть глубокознаменательный фактъ въ литературѣ послѣднихъ лѣтъ. — Это книга смпреннаго инока горы Аѳонской отца Парѳенія. Ее прочла вся Русь отъ мала до велика — а странствованіе инока XIX вѣка ничѣмъ не разнится отъ хожденія Данила, игумена XII столѣтія. Есть еще фактъ столько же знаменательный — что нѣкоторые литературныя произведенія послѣдняго десятилѣтія стали намъ пояснять типы стародавней жизни, стали для нея ключемъ разумѣнія.

Вотъ этого-то типоваго единства и не хочетъ постоянно видѣть нашъ историкъ, увлеченный своею теоріей—хотя, еще разъ повторимъ, владѣетъ всѣмъ чутьемъ таланта на пониманіе и даже порою на художественное представленіе частностей типоваго.

IV.

Въ исторіи до-петровской Руси — два момента въ особенности важны, какъ выраженіе всего *типоваго* въ ея жизни, всего кореннаго въ ея стремленіяхъ. Эти моменты—XII вѣкъ съ одной стороны и эпоха междоцарствія съ другой. Различіе между этими моментами, какъ мы уже сказали такое, какъ между здоровымъ и больнымъ, напряженнымъ развитіемъ — сходство въ томъ, что только въ эти два момента *типовое* и *коренное* являются во всей полнотѣ своихъ чертъ, отстаивая ихъ борьбою, отстаивая нарядъ, обороняя его.

Въ старинѣ нашей — той глубокой старинѣ, связь съ которою разорвала для насъ татарщина и къ которой близкое отношеніе мы должны уже возстановлять изученіемъ — есть два типа, въ которыхъ охранное, оборонительное на-

чало окружено великолѣпнѣйшею поэзіею для всякаго, кто умѣетъ чувствовать поэзію.

Я говорю о Владимірѣ Мономахѣ и о Мстиславѣ Мстиславичѣ Торопецкомѣ, Новгородскомѣ, Галицкомѣ.

Володимерь Мономахъ — это статуя еще стоящая на крѣпкомѣ, не подрытомѣ пьедесталѣ — спокойный, величественный и именно спокойствіемъ величественный, первый слуга *земскихъ* началъ, кореннаго наряда еще не нарушеннаго ничѣмъ внѣшнимъ и *проходическимъ*, еще считаемаго за то, что есть и что должно быть, такаго наряда, кромѣ котораго еще ничего нѣтъ. Мономахъ — охранникъ наряда, судья-миротворецъ забывающій для земскаго порядка свои личные интересы. Онъ весь цѣльный, какъ бы литой и вмѣстѣ съ тѣмъ живой стоитъ передъ нами въ простодушномъ разсказѣ лѣтописца. Вотъ онъ когда «вложи» ему «Богъ» въ сердце и нача глаголати брату его Святополку, понужая его на поганья на весну». — Князья «срѣтостася на Долобьскѣ и сѣдоша въ единомѣ шатрѣ»; ибо Святополкъ, по имени все-таки великій князь, весьма справедливо, на основаніи общихъ началъ, сказалъ ему «да быхомъ ся сняли и о томъ подумали съ дружиною.» И вотъ: «бывшую молчанью (какая это тонкая, живая и притомъ совершенно великорусская черта въ лѣтописи!) рече Володиміръ: брате, ты еси старѣй, почни глаголати, како быхомъ промыслили о Руськой земли.» Только тогда начинаетъ онъ говорить, онъ — охранникъ всякаго порядка внѣшняго и внутренняго, когда Святополкъ самъ уступаетъ ему первое слово; «брате, ты почни!» Помните ли вы хорошо рѣчь кошеваго въ Тарасѣ Бульбѣ, рѣчь въ которой великій поэтъ Малороссіи совмѣстилъ все существенно-хохлацкое, что носилъ онъ, можетъ быть, внутри самого себя, носилъ часто смѣясь, издѣваясь, казня, и что можетъ быть стояло всегда между нимъ и понимаемъ великорусскаго быта. Помните этотъ хитрый пріемъ говорить повидимому противъ дѣла и между тѣмъ возбуждать къ дѣлу; — помните эту раздвоенность въ натурѣ, способность быть и сознавать себя на *радѣ* инымъ чѣмъ въ походѣ, раздвоенность, которою обусловлено самое юрество запорожскаго лыцарства — способность видѣть впереди одну

дѣль, а къ средствамъ относиться совершенно равнодушно, совершенно сверху... Ничего подобнаго не представляетъ въ эту минуту ни натура Володимира, ни рѣчь. Его отпѣкиваніе начать рѣчь — не есть искусственное, *дѣланное* смиреніе кошеваго а простое уваженіе къ порядку. Въ его рѣчи есть тоже своего рода ловкій приѣмъ, но вовсе не скрытый, а совершенно прямой и дѣйствующій на убѣжденіе прямымъ дѣломъ. «Како я хочю молвити — говорить онъ—а на мя хотять молвити твоя дружина и моя ркуще; «хощете погубити смерды и ролью смердомъ? но се дивно «ми брате, еже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сего не «помышляюще, оже на весну начнетъ смердъ тотъ орати «лошадью тою и приѣхавъ Половчинъ ударитъ смерда стрѣ- «люю и поиметъ лошадь ту — и жону его и дѣти его и гум- «но его зазжетъ, — то о семъ чему не мыслите?» (Кіевская лѣт. 6619 годъ).

Есть нѣчто совершенно эпическое, совершенно ваятельное, въ этомъ величавомъ и вмѣстѣ простомъ образѣ—хотя сей часъ мы слышали его живую рѣчь, до того живую что и въ голову не придетъ, да и придти не можетъ, чтобы она была *дѣланная*, сочиненная лѣтописцемъ, т. е. въ голову не придетъ, чтобы жизненный взглядъ и выраженіе лѣтописца раздвоились съ жизненнымъ взглядомъ и выраженіемъ его героя.

Это эпическое еще осязательнѣе въ разсказѣ о битвѣ у Клязьмы сына Володимірова, Мстислава съ Олегомъ, когда «вдасть Мстиславъ стягъ Володимеръ Половчину, именемъ, «Кунуй» «вдавъ ему пѣшыцѣ и постави и на правомъ кри- «лѣ и заведѣ Кунуй пѣшыцѣ *наля стягъ Володимеръ и узрь «Олегъ стягъ Володимеръ и убося и ушедъ нападе на нь и на «вою его»* (Суд. 6604 л.), вѣроятно читатели такъ же могутъ почувствовать, что есть эпическаго въ этомъ стягѣ, въ этой тѣни великаго нарядника носящейся надъ битвою.

Этотъ какъ бы изваянный образъ не теряетъ своего спокойнаго величія отъ того, что въ завѣщаніи своемъ герой смиренно повѣствуетъ о своихъ подвигахъ, о своей службѣ землѣ, за которую «утерь онъ много пота» и въ эту минуту, когда онъ пишетъ завѣщаніе, стоитъ онъ на высокомъ под-

ножи, на которомъ не всякій стоять можетъ. То — минута великой скорби и великаго смиренія передъ врагомъ, нанесшимъ скорбь.

Но вопросъ и вопросъ весьма естественный: что если бы Мономахъ поставленъ былъ не въ эту эпоху, а въ эпоху своихъ внуковъ отъ сына Юрья? Статуя охранника и нарядника должна была бы сойти съ величаваго подножія и ринуться въ битву съ тѣмъ, что подрываетъ или сокрушаетъ это подножіе стараго наряда. Приходитъ время, когда не только «судить по праву и рядить по ряду» надобно, но отстаивать судъ и рядъ по старинѣ противъ новаго Суздальско-Володимірскаго суда и ряда? Что сдѣлалъ бы Володиміръ Мономахъ, если бы Святополкъ, напимѣръ, прислалъ къ нему такого же посла и съ такими же рѣчами, какого посла, и съ какими рѣчами прислалъ къ Ростиславичамъ, старшей вѣтви его внуковъ, Андрей Суздальскій, младшій его внукъ? То же, что сдѣлали Ростиславичи, т. е. велѣлъ бы: «Андреева посла емъше постричи голову передъ собою «и бороду», какъ они же, какъ Мстиславъ Ростиславичъ отецъ удалаго Мстислава, выучившагося у отца, «отъ уности не уполошится никого же, но токмо Бога единаго блюстися» — сказалъ бы; «идите къ князю своему и рди ему; мы тя «до сихъ мѣсть, акы отца имѣли по любви — а еже еси съ «сякими рѣчами прислалъ, не акы къ князю, но акы къ «подручнику и просту чловѣку, и что умыслилъ еси а «то дѣй, а Богъ за всѣхъ.»

И вотъ такая-то статуя, сошедшая съ пьедестала и ринувшаяся или лучше сказать ринутая въ вѣчную битву за нарядъ, за свое подножіе — послѣдній самый великій изъ Мстиславичей, старыхъ охранниковъ, Мстиславъ Мстиславичъ Удалой Торопецкій, Новгородскій, Галицкій. Отецъ его кратковременнымъ, но яркимъ свѣтиломъ пронесся по русской землѣ, кротость и любовь наслѣдовавшій отъ отца Ростислава, стягъ и мечъ отъ прадѣда Мономаха, почившій въ Новѣгородѣ великомъ, гдѣ немного князей почили, но, которые почили, такъ ужь тѣ были совѣмъ по Новугороду — послѣднему и главному подножію стараго идеала жизни, суда и ряда....

Никто изъ историковъ нашихъ не изобразилъ блестящей участи Мстислава Удалага такими широкими и смѣлыми чертами, какъ Погодинъ въ своей небольшой, по количеству страницъ, статьѣ о немъ: онъ указалъ глубоко на то трагическое, что есть въ противоположности этой, полной славныхъ, честныхъ подвиговъ жизни, съ безславнымъ, безвѣстнымъ концемъ посреди крамоль и каверзъ галицкаго боярства. Новгородское вѣче, значеніе нарядника и охранника земли русской, постоянная охрана наряда этой земли—столь любимой Мстиславомъ, что даже и тамъ, гдѣ онъ былъ совершенно на мѣстѣ, такъ сказать въ истинномъ своемъ центрѣ, въ Новгородѣ — не могъ онъ усидѣть покойно и говаривалъ: «суть ми орудія въ Руси» т. е. мое дѣло настоящее, мое настоящее значеніе тамъ — и потомъ далекій Галичъ, все болѣе и болѣе отторгавшійся отъ русскаго единства — куда пошелъ онъ тоже за своимъ дѣломъ, пошелъ поддержать и возстановить нарядъ — и который растлилъ можетъ быть его мужественную, самоотверженную природу — и какъ бы въ кару за это растлѣніе — несчастіе битвы на Калкѣ, гдѣ внѣшняя, чуждая сила лишила старыи нарядъ всѣхъ его средствъ, всей обороны, гдѣ погибла Русь, т. е. Кіевскій нарядъ въ лицѣ всего своего доблестнаго: несчастіе еще болѣе горькое — быть вынужденнымъ бѣжать съ поля этой битвы и сознавать что самъ онъ виноватъ въ ея неудачѣ и наконецъ, самое горькое несчастіе доживать свой вѣкъ въ далекомъ захолустьи, и утративши значеніе охранника и нарядника праваго дѣла, ослабѣтъ духомъ и тѣломъ. Да! это участь трагическая, но трагизмъ здѣсь не въ фатализмѣ, къ которому — (да простить здѣсь учителю одному изъ своихъ учениковъ) — приходитъ Погодинъ, размышляя о Мстиславѣ и — весьма недавно размышляя о Новгородѣ, — трагическое здѣсь въ самой личности Мстислава и въ винѣ этой личности.

Время переѣнилось. Другой идеаль, другой нарядъ поднялся съ сѣверо-востока. Но сказать, что идеаль или нарядъ Суздальскій былъ правъ, а идеаль Кіевскій виноватъ, значить вдаваться въ историческій фатализмъ, въ которомъ — по странной игрѣ судьбы — сталкиваются и г. Соловьевъ и

Погодинъ. Но, милостивые государи, (позволяю себѣ обратиться съ одною рѣчью и къ глубоко уважаемому мною наставнику и къ старому другу молодости, обратиться не какъ спеціалистъ, а какъ критикъ т. е. какъ представитель мнѣнія известной части публики) — вы все забываете 1224 годъ и битву на Калкѣ, скосившую лучшій цвѣтъ стараго наряда, вы забываете о Руси, вызженной потомъ полчищами Батгя, о перерванности развитія, о попущеніи Божіемъ. Сказать что Мстиславъ Мстиславичъ боролся за *неправо* — значитъ свалить все трагическое его судьбы на тотъ нарядъ, котораго онъ былъ послѣдней великой личностью и забывать что великій нарядникъ Липецкой битвы, отправившись въ Галичь для возстановленія наряда, т. е. идеала общественнаго — нравственно упалъ тамъ, растлился и занялся исключительно интересами личными.

Позволю себѣ гипотезу, — психологически впрочемъ вѣрную, что сверхестественныя силы нужно имѣть для того, чтобы послѣ долгой, даже успѣшной борьбы съ чѣмъ либо *живымъ*, т. е. имѣющимъ силы жить и бороться, — не принять въ себя нѣкоторымъ образомъ соковъ того, съ чѣмъ борешься. Мстиславу въ Галичь предательски улыбнулась Суздальская мысль обособленія и усиленія въ замкнутомъ міру. Но, ни Мстиславъ не былъ Андреемъ, ни растлѣнный Поляками, Венграми и боярами Галичь не походилъ на дѣвственную почву сѣверо-восточной стороны. Сыщъ страстнаго и прямаго Мстислава, внука того Ростислава, который способенъ былъ преимущественно на героизмъ самопожертвованія, который безъ боя «уступилъ дядѣ старѣйшему» какъ только тотъ изъявилъ притязанія на Кіевъ, — Мстиславъ Мстиславичъ былъ слишкомъ чистъ, чтобы, имѣя въ виду цѣль, не разбирать средствъ. И — по вѣчной ироніи судьбы — излишняя душевная чистота и излишняя душевная сила, потерявшія свои опоры: вѣру въ нарядъ и самоотверженіе ради его — обратились въ слабость, растлились. Вотъ что трагично въ участи Мстислава, а вовсе не то, что онъ былъ защитникомъ устарѣлаго и долженствовавшего пасть наряда. Дѣло въ томъ, что *попущеніемъ*, а не *соизволеніемъ* Божіимъ погибъ нарядъ, которому честно слу-

жилъ нѣкогда доблестный князь. Но, попущеніемъ *собственными*, одолѣвши неправду на Липецкой битвѣ, онъ принялъ въ себя нѣсколько капель ея, для него ядовитаго напитка. Въ Галичѣ уже не тотъ Мстиславъ, которому «суть орудія въ Руси.»

Оно признаться и трудно было удержаться на той правственной высотѣ, на которой является намъ онъ, трикраты проносящійся съ топоромъ своимъ по рядамъ враговъ, на Липецкой битвѣ. Все, что есть поэтическаго и великаго въ образѣ нашихъ богатырей, въ образѣ прадѣда его Мономаха, въ образѣ честнаго и самоотверженнаго дѣда его Ростислава — все сливается въ немъ въ эту торжественную мпунту его жизни.

Въ высшей степени замѣчательно то обстоятельство, что всѣ геронческія черты Мстиславова образа уцѣлѣли для насъ преимущественно въ лѣтописяхъ Новгородскихъ. Эпопея о немъ — ибо это именно есть эпопея — разсѣяна преимущественно въ I-й и IV-й (въ сей послѣдней — липецкая битва) Новгородскихъ лѣтописяхъ. Лѣтопись Кіевская знаетъ его хорошо, только съ слабыхъ, съ Галицкихъ его сторонъ. Суздальская сухо и бѣгло говоритъ, что «окаянный врагъ діаволь вложи нѣкую *котору* злу межн князи, сыны «Всеволожи...» и бишася у Юрьева и одолѣ Костянтинъ.» Есть даже какое-то какъ будто намѣренное умолчаніе о всѣхъ тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ съ блестящей стороны является Мстиславъ Мстиславичъ и какъ будто намѣренное же упоминаніе о неудачахъ его. По Суздальской лѣтописи, мы бы только и знали о Мстиславѣ Мстиславичѣ, что онъ, напримѣръ, *затворился* въ Торопцѣ отъ Всеволода Чермнаго и потомъ «не мога терпѣти въ градѣ, цѣлова къ нему (Всеволоду) крестъ на его воли;» что въ лѣто 6717 зимою «великій князь Всеволодъ посла сыны своя Костянтина съ братьею его па Мстислава Мстиславича на Торжекъ Мстиславъ же слышавъ, еже идетъ нань рать изиде изъ Торжку Новугороду и оттуда иде въ Торопецъ, въ «свою волость» — что, (между прочими событіями лѣта 6724) «того же лѣта Новгородци *выгнаша* отъ себѣ Мстислава Мстиславича и Ярослава Всеволодовича приведоша къ се-

«бѣ на столѣ.» И — ни слова о событіяхъ 1206 года, ни слова объ участи Мстислава Мстиславича какъ нарядника въ дѣлѣ между Константиномъ Всеволодовичемъ и его братьями.

Въ Новгородскихъ же лѣтописяхъ, напротивъ, о неудачахъ Мстислава ни помину, о размолвкахъ его съ Новымъ городомъ упоминается вскользь: подъ лѣтомъ же 6724 (по 1-й Новг. подъ 6723) какъ будто съ желаніемъ скрыть что-то, — сказано: «Поиде князь Мстиславъ *по своей воли* Къеву и «створи вѣще на Ярославли дворѣ и рече Новгородьцемъ: «суть ми орудія въ Руси *а вы волиши въ князехъ.*»

Что же это значить? Значить просто что *нарядъ* разный стоитъ передъ мыслью лѣтописца Суздальскаго и передъ мыслью лѣтописцевъ Новгородскихъ. Извѣстіе Володимира Мономаха одинаково лѣпится и южными и суздальскими и новгородскими писателями — только послѣдними вкратцѣ, болѣе какъ статуя отца Мстислава Великаго, который «заложи Новгородъ болѣе перваго». Нарядъ еще одинъ, стало быть и представленіе о нарядникѣ одно, цѣльное, не разбитое.

А Мстиславъ Мстиславичъ уже борецъ за одинъ нарядъ противъ другаго наряда. Еще объ отцѣ его, обрившемъ голову и бороду Андрееву послу, уцѣлѣло героическое представленіе, да и то не въ сѣверовосточной лѣтописи; а въ Кіевской: подъ этими годами еще несравненно менѣе сглажена память о томъ нарядѣ, во имя котораго онъ дѣйствовалъ или, лучше сказать, не такъ еще ярко вызначился, не отделился къ формы, черты новаго наряда. Но отъ лѣта 6682 до лѣта 6724, много воды утекло.

На крови Андрея, на крови мученика выросъ новый нарядъ, сталъ *правдой*, которую отстаивали «мезинніи Володимерцы» въ дѣлѣ со старѣйшими городами, — сложился въ цѣльный, законченный образъ Всеволода Георгіевича, въ типъ любезный Володимерцамъ, противный Новгородцамъ, но столь же русскій, какъ и типъ прежній, рожденный только уже другими, чисто великорусскими стихіями славянскаго духа.

Трагическое въ образѣ Мстислава, это то, что онъ — Владиміръ Мономахъ, которому остается рядить только въ

Новгородъ и который все по старому думается что нарядъ одинъ и что «суть» ему «орудія въ Русь» когда Русь уже распалась на Владиміръ и Новгородъ..... Такъ какъ никакая жизнь не умираетъ, не давши отъ себя возможныхъ отпрысковъ, а старый нарядъ вовсе и не собирался даже умирать — то ничего нѣтъ удивительнаго и въ томъ, что въ семьѣ Всеволода Владимірскаго есть Константинъ, въ которомъ олицетворяется противленіе новому въ тѣхъ самыхъ стихіяхъ, изъ которыхъ новое сложилось, Константинъ съ его любовью къ книжному ученію и вмѣстѣ къ старымъ городамъ, къ наряду старому, чтимому имъ религіозно, — Константинъ, *судья* Новгородскій — высокое, чистое и какъ все слишкомъ чистое — кратковременное существованіе — несправедливость къ которому г. Соловьева, какъ будто обходящаго его, слишкомъ очевидна — и еще болѣе дѣлается очевидною, если читатели знакомы съ превосходной статьей объ этомъ князѣ г. И. Д. Бѣляева.

По старинной и вѣчной ироніи судьбы, новый нарядъ пошелъ отъ человѣка, который всю жизнь свою добивался чести былъ нарядникомъ стараго наряда и всю жизнь свою плакался, что ему и его дѣтямъ «нѣтъ» части въ русской землѣ» отъ Юрья Владиміровича Долгорукаго!...

По той же самой причинѣ, Юрій Владиміровичъ основалъ или, лучше, *открылъ* Москву, послѣдній и самый прочный окладъ того образа, который новый нарядъ искалъ утвердить въ Суздали, Владимірѣ, Боголюбовѣ.

V.

Цѣльный типъ личности Владиміра Мономаха распадается въ сыновьяхъ его и внукахъ. Въ числѣ этихъ распаденій и отпаденій является одно лице, полное глубоко-комическаго содержанія. Это — вѣчный *дядя* Вячеславъ, именно вѣчный *дядя*, на котораго наконецъ возложили честь «яко на стрія старѣйшаго» племянники Изяславъ Мстиславичъ и Ростиславъ Мстиславичъ, который какъ Половчинъ бѣгаетъ по русской землѣ, посидитъ то тамъ, то сямъ и нигдѣ усидѣться не можетъ, потому что въ княжескомъ дѣлѣ видитъ онъ только вѣшнюю его сторону: пированье съ дру-

жиною и удобства жизни — лице, котораго сущность выражена юмористически народомъ извѣстнымъ присловіемъ о Титѣ (Тить, ступай молотить! Животъ болитъ. — Тить ступай кашу ѣсть — гдѣ моя большая-то ложка?) — забывающій всегда о дѣлѣ и долгѣ наряда, но напоминающій всегда самъ и твердо помнящій основныя положенія наряда, великій князь только по имени, но чрезвычайно довольный великимъ княженіемъ: въ сущности весьма добродушный и даже способный къ сознанию своего нравственнаго ничтожества, при смерти доблестнаго племянника. Это комическое лице носить однако въ себѣ стихіи, которыя создаютъ потомъ могучій, грозный и величественный типъ Андрея. Исканіе удобствъ княжеской жизни вырастаетъ въ сознательную мысль обособленія. Разъединеніе съ общими интересами южной Руси воспитывается въ возвышенной природѣ Андрея не своекорыстіемъ, а негодованіемъ на дѣйствія отца Юрія, готоваго добывать часть въ Руси себѣ и своимъ дѣтямъ всякими средствами, честными и нечестными. Андрей съ презрѣніемъ отворачивается отъ этихъ интересовъ, съ дѣтства развѣчанныхъ для него мелочностью обстановки, съ презрѣніемъ отдаетъ Кіевъ кому попало, впервые взявши вѣчанный городъ на копье и уединяется туда, гдѣ дышать ему свободно, на сѣверо-востокъ. Но и здѣсь познаетъ онъ подъ конецъ, что старый нарядъ есть еще нѣчто живое, всюду раснутившее свои корни и гибнетъ героическою жертвою обособленія. Послѣ его смерти, «мезиніи Володимерци» въ борьбѣ съ старыми Ростовцами, въ сущности выговариваютъ только себѣ право на равное участіе въ общемъ, т. е. пока еще старомъ нарядѣ, но помимо воли и желанія, строятъ подножіе новому Андреевскому наряду.

На подножіе твердо становится новая статуя — Всеволодъ Георгіевичъ, прадѣдъ Калиты и Ивана III, типъ вотчинника, типъ такъ же точно рожденный изъ утробы народной сущности какъ и типъ нарядника Мономаха, типъ пріобрѣтателя, государственнаго промышленника, типъ сѣверо-восточный, поволжскій — болѣе выдержанный, чѣмъ порывистый, хоть и не менѣе перваго страстный, иногда и

благодушный, но благодушный съ умомъ и расчетомъ, а не безразсечно великодушный, какъ Мстиславъ Мстиславичъ въ Галичѣ съ Судиславомъ (Кіевск. лѣт. 6727.).

Но этотъ новый типъ, покамѣсть еще оставимъ въ сторонѣ. Я коснулся его только для того, чтобы пояснить типъ Мстислава Мстиславича, и дабы сказать съ другой стороны, что какъ тотъ, такъ и другой типъ равно созданы соками народной жизни и стало быть оба равно имѣютъ право и на сочувствіе и на безпристрастный судъ. По неисповѣдимымъ судьбамъ промысла, типъ Мстислава заслоняется на время сѣверо-восточнымъ типомъ — но возстаетъ впоследствии во всей красотѣ и трагическомъ величіи въ лицѣ Рязанца Липунова — сдавая потомъ мѣсто третьему типу — выборнаго отъ всея земли посадскаго челоувѣка Козьмы Минина.

Какъ раздвоился типъ греческой жизни на Одиссея и Ахилла, такъ съ давнихъ поръ раздвоился нашъ народный типъ. Онъ раздвоенъ уже въ первоначальныхъ сказаніяхъ, въ богатырскихъ сказкахъ и только насильственно можно сливать этотъ типъ въ одинъ и отрицать двойственность. Должно принять какъ равно живыя стихіи — и Добрыню Никитича и Алешу Поповича съ Чурилой Пленковичемъ. Въ въ этихъ типахъ, съ самаго появленія ихъ въ простыхъ и нѣсколько грубоватыхъ изображеніяхъ, замѣтно уже много сметки и того юмора, который составляетъ часто, выкупающую сторону русскаго челоувѣка въ отношеніи ко многимъ темнымъ его сторонамъ. Типъ же Ильи Муромца, которымъ однимъ хотятъ многіе замѣнить два этихъ разнородныхъ жизненныхъ типа, — есть уже исключительное, героическое, уже не просто народное а просвѣтленное христіанствомъ — хотя и правда то, что можетъ быть ни чье народное не представляетъ стихійныхъ началъ, столь доступныхъ просвѣтленію или лучше сказать ни чье народное не представляетъ такой мягкости, такаго отсутствія темныхъ стихійныхъ началъ, противоборствующихъ просвѣтленію, такого отсутствія гордости, жесткости, злопамятности, порывистой страстности. Это отсутствіе только въ своемъ просвѣтленіи становится смпреніемъ, незлобіемъ, великодушіемъ, само-

отверженіемъ — но предоставленное самому себѣ, становится чисто отрицательнымъ свойствомъ, можетъ перейти въ постыдное равнодушіе, «тлетворную» ложь, хамство Фамусова и добродушно смиренное взяточничество Юсова, въ китайскій застой, мертвящую лѣнь, постыдную и унижающую человѣка запущенность жизни. Грань отдѣляющая степень этихъ отрицательныхъ свойствъ, на которой они — пороки отъ степени, на которой они просвѣтляются въ добродѣтели, т. е. на которой они очищаютъ въ насъ поле всему доброду, такъ мало рѣзка, что въ нашихъ душевныхъ отношеніяхъ къ ней, нужна великая осмотрительность. Съ другой стороны, жизнь этихъ отрицательныхъ свойствъ нашей природы такъ сильна и крѣпка, что вѣчно въ насъ сказывается, то отпоромъ, то сочувствіемъ, то наконецъ нашимъ критическимъ чувствомъ, ибо эти же отрицательныя, т. е. умѣряющія все жесткое, начала, борются въ нашей душѣ со всѣмъ рѣзкимъ, смѣются надъ нимъ въ насъ самихъ и въ другихъ народахъ, порождаютъ недоумѣніе и иронію, сѣдаютъ какъ ржавчина все фальшиво-героическое.

По закону рефлексіи и вслѣдствіе борьбы, начала эти сами должны сосредоточиться, въ героическій типъ. И такое сосредоточеніе, точно такъ же какъ и все, встрѣчается въ общемъ узлѣ нашей исторіи, въ XII вѣкѣ, завершается въ смиренно-героическомъ образѣ Ростислава Мстиславича, внука Владиміра Мономаха.

Все героическое этого типа заключается въ сознаніи законности, въ уступкѣ ей, въ томъ, что онъ, по благодушію врожденному и по влеченію сердца «взложи честь на стрія старѣйшаго» когда братъ его Изяславъ сдѣлалъ это только вышужденный обстоятельствами, — да въ его возвышенной и тихо-покорной кончинѣ, точно такой же, какъ кончины многихъ безвѣстныхъ героев Севастополя и Кавказа, которыя открылъ для свѣта въ наше время графъ Л. Толстой.

Все то, что въ образѣ Мономаха есть кроткаго, миротворящаго, благодушнаго, исключительно сосредоточилось въ этомъ его внукѣ, когда, напротивъ, все исключительно энергическое пошло въ наслѣдство Изяславу. Но это благоду-

ніе, этотъ миротворящій характеръ переходили часто у Ростислава въ ту распущенность добродушія, совершенно нашу русскую, которая символически выражается въ народномъ сказочномъ образѣ царя Додона — лица любезнаго и вмѣстѣ комическаго. Покорность и смиреніе — существенныя стороны этаго типа, суть, повторяю опять, свойства только отрицательныя, только отсутствіе *буйства* силъ и жесткой гордости застоя. Ростиславъ стоитъ на срединѣ между буйствомъ дяди Юрія и жесткой гордостью Изяслава.

Типъ Юрія есть первый трагическій отсадокъ буйныхъ недовольныхъ, кочующихъ, промышленяющихъ или промышленныхъ силъ стараго типа, цѣльнаго въ изваяніи Мономаха, а въ борьбѣ, въ драмѣ жизни разложившагося на двѣ стихіи; первый трагическій, ибо комическая несообразность, зародышная неуклюжесть этихъ стихій отразилась въ фигурѣ дяди Вячеслава.

По духу трагической ироніи жизни, Юрій Владиміровичъ, весь, по даннымъ природы, сѣверо-восточный человекъ, родоначальникъ князей промышленителей, основатель новаго будущаго (Москва), строитель сѣвера (Галичь) есть родоначальникъ, основатель и промышленитель совершенно безсознательный. Цѣлую жизнь, онъ, не имѣя ни доблестей, ни прямоты, ни безкорыстія, образующихъ идеаль князя нарядника, а обладая, напротивъ, совершенно другими свойствами, годными для образованія другаго идеала, — бьется изъ того, чтобы быть верховнымъ нарядникомъ, — всю жизнь плачется на то, что ему и его дѣтямъ «нѣтъ части въ Руси» и наконецъ достигаетъ цѣли. Ростиславъ — (положимъ, что уступчивость его объясняется обстоятельствами, опасностью имѣть двухъ враговъ, вмѣсто одного Изяслава Давидовича, — но вѣдь Изяславъ Мстиславичъ не уступилъ бы такъ скоро, тѣмъ болѣе, что Кіевляне предвидѣли рать съ Юріемъ а Изяслава Давидовича впустили только по необходимости) Ростиславъ сказалъ дядѣ Юрью: «клапяются, стрый ми еси, яко отецъ» Юрій «благодаря Бога вниде въ Кіевъ.» Все, кажется, сдѣлалось какъ слѣдуетъ. Въ лицѣ его восторжествовало начало стараго наряда: всѣ формы стараго наряда соблюдены «п выйде противу ему множество народа

«сѣде на столѣ отецъ своихъ и дѣдъ и прія съ радостью вся земля руская.» И стать онъ *представлять* Мономаха, отца своего: раздавать волости дѣтямъ или тѣмъ, кому онъ сталъ «въ отца мѣсто» — да уже въ немъ - то самомъ не живетъ болѣе духъ Владиміра Мономаха; въ немъ уже расчетливость заступила мѣсто доблести, (дѣло Ивана Ростиславича Берладника) своекорыстіе — мѣсто служенія наряду. Съ нимъ уже пришло въ Кіевъ новое Суздальское начало, и, когда онъ умираетъ («пшвъ у Петрила») то «много зла створися въ тѣ день: разграбиша дворъ его красный и другый дворъ его за Диѣпромъ разграбиша, его же зваше «тѣ самъ раемъ и Васильковъ дворъ сына его разграбиша «въ городѣ: избивахуть Суждальци по городомъ и по селомъ и товаръ ихъ грабаче» (Кіевск. л.). Въ высшей степени замѣчательно опять, что Суздальская (Лавр.) глѣтопись умалчиваетъ объ этихъ событіяхъ.

Кіевскому наряду дядя Юрій былъ гораздо болѣе *не ко двору*, чѣмъ дядя Вячеславъ.

Юрій есть лице совершенно прощеское, т. е. двойственное. Съ одной стороны всѣ черты новаго, сѣверо-восточнаго, промышленяющаго типа, съ другой — упорная борьба за старое... Поразительное и какое-то таинственное сходство имѣетъ этотъ дядя Юрій съ другимъ дядею же Юріемъ, сыномъ Московскаго Мономаха Дмитрія Ивановича Донскаго, съ этимъ Юрьемъ Дмитричемъ дальняго сѣвера, т. е. Костромы и Галича (а Галичъ — созданье стараго дяди Юрія!) отыскивающимъ такъ же упорно Москвы, какъ старый Юрій отыскивалъ Кіева, торжествующимъ какъ сей же и такъ же мало соотвѣтствующимъ идеалу Московскаго вотчпинника, какъ мало соотвѣтствовалъ Юрій Долгорукій идеалу Кіевскаго нарядника.

Я съ намѣреніемъ остановился на типѣ дяди Юрія, ибо самого Ростислава нельзя объяснить, не объяснивши Юрья, на котораго онъ «взложилъ честь», какъ «на стрія старѣйшаго».

Уступчивость передъ всѣмъ, что законно, покорность всему, что идеально-право, будетъ ли это дядя Вячеславъ, т. е. чистая пошлость жизни, будетъ ли это дядя Юрій, будетъ ли

это, наконецъ, смерть: покорность, т. е. исполненіе долга безропотное, смиренное, — вотъ характеристическая черта этого образа, черта, которая, въ торжественную минуту смерти, возвышается до героическаго, но которой все значеніе не въ ней самой, а въ томъ, чему она служитъ.

На этой смерти и послѣднихъ дняхъ Ростислава, трогательно и высоко-поэтически изображенныхъ въ «Кіевской Лѣтописи», я позволяю себѣ особенно остановиться, потому-что эти двѣ страницы лѣтописи — ключъ къ разумѣнію сущности того *эпического* и *героическаго*, что есть въ этомъ типѣ.

Не думая нисколько о художественности постройки, лѣтописецъ въ этомъ описаніи, лѣта отъ созданія міра 6676, является великимъ художникомъ.

Благодушный нарядникъ земли, нарядникъ по всему уже праву, какъ имъ самимъ такъ и всѣми сознаваемому «посла къ братьи своей и къ сыномъ своимъ, веля имъ вси мѣ съ вкупитися у себе съ всеми полкъ». И вотъ, въ послѣдній разъ, торжественно, около послѣдняго законнаго, послѣдняго всѣми чтимаго «въ отца мѣсто», послѣдняго достойнаго сана Великаго Нарядника, собираются всѣ Мономаховичи, всѣ — даже поколѣнія Юрьева (кромѣ, разумѣется, Андрея, въ которомъ растеть мысль новаго наряда) «и приде Мьстиславъ изъ Володимира, Ярославъ, братъ его, изъ Лучьска, Ярополкъ изъ Бужьска, Володиміръ Андреевичъ, Володиміръ Мьстиславичъ, Глѣбъ Гюргевичъ, Рюрикъ, Давыдъ, Мьстиславъ, Глѣбъ Городеньскій, Иванъ Юрьевичъ сынъ и Галицкая помочъ и стояша у Канева долого время... и оттолѣ возвратишася въ свояси». Въ послѣдній разъ образъ стараго Мономаха возстаетъ въ своей цѣльности, и, художество ли то лѣтописи или высшее художество самыхъ событій, въ послѣдній разъ исправляетъ всѣ обязанности охранника противъ Половцевъ, на которыхъ, подъ крылья его, подъ великій стягъ Мономаховъ, собрались орлята — нарядника и судьи праведнаго, судьи, котораго слушаетъ и Новгородъ, ибо онъ «рядитъ по ряду и судитъ судъ правый». Все въ этомъ разсказѣ носитъ типическій характеръ: пиръ съ Олегомъ Черниговскимъ, поднесеніе даровъ, встрѣча въ Смоленскѣ внуками, сыномъ Романомъ, епископомъ, «и мало

не весь градъ изыде противу ему», — отношенія къ Новгородцамъ, которые клянутся разлучиться съ княземъ только смертью (а смерть-то такъ близка!), желаніе князя лечь въ Кіевъ и, вставка о прежнемъ желаніи его, постричься, «еда приде ему вѣсть изъ Чернигова о Святослави смерти Ольговича, «о любви его къ чернѣцамъ и братьи и объ увѣщаніи ему игумена Поликарпа, наконецъ повѣствованіе о смиренной кончинѣ... Повторяю опять: художество ли это лѣтописи или высшее художество событій — но всѣ идеальныя черты охранника и нарядника совокупились въ образѣ Ростислава¹, въ эту торжественнѣйшую минуту его жизни, — но увы! торжественнѣйшая минута есть въ то же время и смерть. Достоинъ замѣчанія то обстоятельство, что всѣ подробности торжественнаго шествія послѣдняго, всѣми признаваемого Кіевскаго нарядника и судьи (ибо вскорѣ за сѣмъ Кіевъ впервые взятъ на копье и развѣчанъ), а равно и его смерти, подробности, въ которыхъ, не смотря на быстроту прохожденія ихъ передъ читателемъ, не опущена ни единая черта изъ идеала стараго наряда, въ которыхъ то слышится, что «было пированье почестный пиръ», то отзывается семейное начало, то звучать завѣтныя слова договоровъ Новагорода Великаго съ князьями, — и клятва Новгородцевъ: «оли съ нимъ смертью разлучити», вѣющая чѣмъ-то грустно проницескимъ, ибо смерть у князя за плечами, въ которыхъ, наконецъ, къ типу народному присоединяется образъ еще болѣе возвышенный и просвѣтленный жаждою пустыни, завры печерской, — всѣ эти подробности, записанныя лѣтописью стараго наряда, лѣтописью кіевской, не существуютъ въ лѣтописи новаго наряда, въ суздальской. Только уже въ Московской лѣтописи, въ которой, стерты всѣ старыя сочувствія и всѣ старыя вражды, — Ростиславу Мстиславичу возвращенъ его типическій ликъ, хотя значительно потускнѣвшій и поблѣднѣвшій отъ сокращеній.

Ростиславъ, это типъ простаго, чисто-отрпцательными, но до просвѣтленія возвысившимися свойствами обладающаго человѣка, типъ высокаго смиренія и покорности наряду, умиляющій душу и сіяющій тѣмъ слезами, которыя одинаково сохранили, какъ существенно-типическое, и Кіевская и Мос-

ковская летопись: «И бѣ видѣти слезы его, лежащи на скра-
нью его, яко женчюжная зерна свѣтлая; и тако отирая сле-
зы убрुцемъ успе». Но этотъ типъ — не Мономахъ, не
борецъ за коренныя, народныя начала. Этотъ типъ есть
идеально-правый и свѣтлый только тогда, когда нѣтъ героя,
нѣтъ Мономаха, когда онъ одинъ между гордыми и свое-
корыстными бойцами. Вотъ въ чемъ его правота, въ чемъ
его значеніе. Придавать ему большее, значить идти слиш-
комъ далеко.

Изложеніемъ нашего собственнаго взгляда на одинъ изъ
двухъ главныхъ узловъ нашей исторіи, мы старались —
удачно ль, нѣтъ ли, судить, конечно, не намъ, указать — на
важность *типоваго*, вѣчнаго, кореннаго въ нашей исторіи.
Связи съ этимъ типовымъ и кореннымъ, никогда, конечно,
внутренне непрерывавшіяся, но на время, какъ-будто засло-
ненныя, въ послѣднее время стали выступать съ удивитель-
ною яркостью и свѣжестью. Этому содѣйствовали, какъ тру-
ды ученые и историческіе, такъ и русское искусство. По-
годить въ статьѣ своей, напечатанной въ Атенеѣ, — уже
замѣтилъ глубокомысленно это явленіе. Многое въ старой
нашей жизни уже пояснили намъ — и «семейная хроника» и
«книга странника Пароенія», и «драмы Островскаго», и даже
«очерки Толстаго», какъ мы уже замѣтили. Еще больше,
нѣтъ сомнѣнія, уяснится для насъ наше прошедшее и преем-
ственная связь его коренныхъ типовъ съ типами нашего вре-
мени, не смотря на все внѣшнее ихъ между собою различіе.

Вотъ этой-то вѣры въ преемственное единство кореннаго
и типоваго, недостаетъ новому историку Россіи, чтобы быть
историкомъ-художникомъ, — отъ недостатка ея происходятъ
всѣ другіе недостатки его труда, ощутительные въ особен-
ности въ разсказѣ о двухъ узлахъ нашей старой жизни.
Не смотря на весь талантъ и на все чутье таланта нашего
историка, — онъ, смотря на все съ точки своей теоріи, не
можетъ войти душою въ строй событій. У него нѣтъ, од-
нимъ словомъ, той вѣры въ жизнь своего народа, за кото-
рую читатель прощаетъ, напримѣръ, Мишле, его Донкихот-
скія уклоненія, — Августину Тьерри — его фатализмъ.

VI.

Искусственныя, сочиненныя, теоретическія сочувствія, которыми историкъ нашъ замѣнилъ для себя вѣру въ живыя, народныя начала жизни, — сводятся всѣ къ одному знаменателю, къ тому, что мы съ самаго начала обозначили подъ именемъ *централизаціи*.

Намъ слѣдуетъ прослѣдить жертвы, которыя авторъ разсматриваемаго нами труда приносить своему цдлу, — что и будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, бѣглымъ обзоромъ всего сочиненія. Позволимъ себѣ повторить опять, что мы пишемъ не спеціальную, ученую, а чисто-критическую статью, болѣе съ художественной, чѣмъ съ научной точки зрѣнія видимъ въ произведеніи нѣчто живое, плоть и кровь имѣющее, — и, стало быть, всѣмъ, болѣе или менѣе, принадлежащее.

Прежде всего первая глава — «о природѣ русской государственной области и ея вліянія на исторію», поражаетъ не только тѣмъ фатализмомъ, которымъ она проникнута — но явною непослѣдовательностью фатализма. Такъ много значенія придавать географическимъ очертаніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ мало придавать значенія племеннымъ различіямъ, можно только съ условною, заранѣе поставленною теоріею. Кромѣ того, отъ всей главы вѣдетъ однимъ ученымъ, однимъ кабинетнымъ созерцаемъ, — она писана по картѣ, безъ истиннаго и живаго знанія мѣстностей и ихъ существенныхъ отличій, — слишкомъ видно, что авторъ мало знакомъ на дѣлѣ съ мѣстностями своего отечества; иначе онъ сумѣлъ бы оживить, расцвѣтить свою картину и тогда — выводы его во многомъ, вѣроятно, лишились бы своей рѣзкости, потеряли бы сухой характеръ системы, на нихъ лежащій. Позволимъ себѣ одну выписку изъ заключенія этой главы. «Природа страны», говоритъ авторъ, «имѣетъ важное значеніе въ исторіи по тому вліянію, которое она оказываетъ на характеръ народный. Природа роскошная, съ лихвою вознаграждающая и слабый трудъ человѣка, усыпляетъ дѣятельность послѣдняго, какъ тѣлесную, такъ и умственную. Пробужденный разъ вспышкой страсти, онъ можетъ оказать чудеса, особенно въ подвигахъ силы физической, но такое напряженіе силъ не бываетъ продолжительно. Прп-

рода, болѣе скупая на свои дары, требующая постояннаго и не легкаго труда со стороны человѣка, держитъ послѣдствія всегда въ возбужденномъ состояніи: его дѣятельность все порывиста, не постоянна; постоянно работаетъ онъ умомъ, «неуклонно стремится къ своей цѣли; понятно, что народонаселеніе съ такимъ характеромъ въ высшей степени способно положить среди себя крѣпкія основы государственнаго быта, подчинить своему вліянію племена съ характеромъ противоположнымъ. Съ другой стороны роскошная, щедрая природа, богатая растительность, пріятный климатъ развиваютъ въ народѣ чувство красоты, стремленіе къ искусствамъ, къ поэзіи, къ общественнымъ увеселеніямъ, что существенно дѣйствуетъ на отношенія двухъ половъ: въ природѣ, въ которомъ развито чувство красоты, господствуетъ стремленіе къ искусству, общественнымъ увеселеніямъ, въ такомъ народѣ женщина не можетъ быть исключена изъ общества мужчинъ. Но среди природы, относительно не богатой, однообразной и потому не веселой; въ климатѣ, относительно суровомъ, среди народа, постоянно дѣятельнаго, занятаго, практическаго, — чувство изящнаго не можетъ развиваться съ успѣхомъ; при такихъ обстоятельствахъ характеръ народа является болѣе суровымъ, склоннымъ болѣе къ полезному, чѣмъ къ пріятному; стремленіе къ искусству, къ украшенію жизни слабѣе, общественныя удовольствія матеріальнѣе, а все это вмѣстѣ, безъ другихъ постороннихъ вліяній дѣйствуетъ на исключеніе женщинъ изъ общества мужчинъ, что, разумѣется, приводитъ въ свою очередь еще къ большей суровости нравовъ. Все сказанное прилагается въ известной мѣрѣ къ историческому различію въ характерѣ южнаго и сѣвернаго народонаселенія Руси.»

Во всѣхъ этихъ общихъ мѣстахъ Гегелевской исторической философіи — много дѣйствительно вѣрнаго, завоеваннаго человѣческимъ мышленіемъ — но завоеванное въ свою очередь подвергается завоеваніямъ и остается только въ известной мѣрѣ и степени. Это рабское подчиненіе человѣческаго духа географическимъ очертаніямъ было бы возможно только тогда, когда бы въ расахъ человѣческихъ не лежало великой силы, предназначенной къ торжеству надъ ма-

теріальними умовами. Примѣръ Англіи, выработавшей изъ себя самой великое искусство, великую общественную жизнь — не только госвдарственную, но общественную, съ высокимъ положеніемъ женщины, съ веселою жизнію этой «old England» «старой Англіи», жизнію столь могучей что она отринула отъ себя даже и сильный пуританизмъ какъ исключительный элементъ — всегда какъ фактъ вопіющій представляется противъ фаталистическихъ выводовъ. Съ другой стороны — примѣръ Индіи, давшей, правда, нѣкогда великіе задатки искусства, но никогда не выработавшей общности — такъ же вопіеть противъ благопріятствованія роскошной природы человѣческому развитію.

Но это, положимъ, дѣло еще спорное, дѣло системъ — историкъ нашъ Гегелистъ, рецензентъ его Шеллингистъ (если Шеллингизмъ можно назвать системою). Но что совершенно не спорно, такъ это то — что въ особенности исторію Россіи надобно начинать съ опредѣленія племенъ, а не съ опредѣленія географическихъ очертаній. Мы не лопари и не финны, мы не родились въ этомъ суровомъ климатѣ, родина наша на Дунаѣ. Племя страстное, сильное, по тайной волѣ провидѣнія послано работать въ эту дикую мѣстность, въ борьбѣ и работѣ сказать міру свое слово. Можно сказать что лучшіе соки славянства, лучшія зерна его отсѣвались все дальше на сѣверъ и сѣверо-востокъ.

Явно, что авторъ своими общими мѣстами хочетъ что-то доказать — что общія мѣста имѣютъ характеръ чисто *аллегорическій*. А что именно онъ хочетъ доказать — догадаться не трудно, зная его теорію: 1) Неразвитіе и не возможность развитія въ сѣверномъ племени общности *изъ него самого*, ибо климатъ *безъ другихъ постороннихъ вліяній* исключаетъ и общность и женщину. Надъ *другими посторонними вліяніями* естественно должно разумѣть Татаръ. 2) Бѣольшую даровитость въ отношеніи къ искусству, общности и проч. племени южнаго передъ племенемъ сѣвернымъ. То и другое положеніе равномерно принадлежать къ числу идоложертвенныхъ требъ, приносимыхъ теоріи — то и другое равно обличаютъ кабинетное пониманіе племенъ. Общность жизни, широта ея — подъ вліяніемъ обстоя-

тельность совершенно внѣшнихъ часто переходящая края—развиты были и суть на сѣверѣ и сѣверовостокѣ Руси и на поволжѣ гораздо болѣе, чѣмъ на югѣ. Женщина досрала до политическаго даже значенія — единственный фактъ всей Русской исторіи — въ одномъ только Новѣгородѣ, который ужъ вовсе не Италія по климату. Поэзія и искусство вообще.... но мы всегда готовы сказать съ покойнымъ Надеждинымъ: «гдѣ жизнь тамъ и поэзія». Народная *растительная* поэзія сѣвера и поволжья даже шире поэзіи придибровья. Даровитости сѣвернаго племени нисколько не препятствуетъ его практичность—а кто имѣетъ хотя смутное понятіе объ особенностяхъ жизни въ сселеніяхъ Архангельской губерніи и въ богатыхъ фабричныхъ селеніяхъ поволжья — этихъ истинныхъ остаткахъ нашихъ старыхъ городовъ — тотъ вѣроятно признаетъ въ нихъ зародыши обществѣнности несравненно болѣе широкой, чѣмъ обществѣнность придибровья: въ старыхъ и вѣчно новыхъ пѣсняхъ этой стороны, къ сожалѣнію весьма мало знакомыхъ нашему историку, женщина является лицомъ часто даже слишкомъ свободнымъ — и только на сѣверѣ родились хороводы. Это различіе въ характерѣ пѣсни сѣверянина и южанина, т. е. различіе въ племенномъ характерѣ вообще — глубоко и поэтически понималъ покойный Венелингъ, котораго великое сердце равною любовью обнимало всѣ славянскія народности и всякой давало цѣну.

Да не подумаетъ почтенный авторъ исторіи Россіи, чтобы мы вовсе хотѣли отвергнуть вліяніе природы на племенное развитіе. Мы защищаемъ только *свободу* челоѣческаго духа, его силу, энергію. Мы хотѣли бы, чтобы историкъ Россіи прежде всего опредѣлялъ намъ черты различныхъ народностей славянскихъ, различныхъ подраздѣленій или вѣтвей нашей русской народности — опредѣлялъ однимъ словомъ *дѣятелей* этого огромнаго географическаго пространства, а подчиненность климату оставилъ бы на долю финновъ и лопарей.

Глубже и вмѣстѣ проще смотритъ на это дѣло другой почтенный изслѣдователь нашей древности И. Д. Бѣляевъ, въ различныхъ статьяхъ своихъ, которыя пожалуй такъ же

могутъ быть названы исторіею Россіи, какъ и главы исторіи г. Соловьева. Увлекаясь часто въ сторону, не обладая сжатостію изложенія, не имѣя тона и къ сожалѣнію не заботясь о немъ, съ выводами совершенно вѣрными ставя часто выводы, можетъ быть и справедливые, но невольно поражающіе своей странностью — авторъ статей: «Русская земля до прибытія Варяговъ» «Призваніе Рюрика» «Объ отношеніяхъ князей придиѣпровья къ городамъ» «о городахъ старой Руси» и т. д. имѣетъ то высокое достоинство, что при всей своей огромной начитанности — онъ смотритъ на русскую исторію и жизнь не съ одной кабинетной точки зрѣнія и не гнетъ русскаго развитія ни подъ какую теорію. Отъ этого, его изслѣдованія — богатая руда для будущаго и о нихъ нельзя не упомянуть, какъ только начнешь говорить о *земль и племена*.

Теорія ведетъ г. Соловьева по картѣ Россіи, отъ пункта къ пункту и только недостатокъ послѣдовательности препятствуетъ ему отмѣтить самый послѣдній централизаціонный пунктъ. Во всемъ томъ что онъ говоритъ о различныхъ мѣстностяхъ Россіи, мы слышимъ только книгу: ни одна изъ нихъ не заклеяена какимъ нибудь живымъ словомъ, какимъ онъ умѣетъ иногда отмѣчать личности.

Здѣсь мѣсто высказать и то наше мнѣніе, что историкъ, кромѣ таланта, въ г. Соловьевѣ очень яркаго, кромѣ трудолюбія — въ немъ по всей видимости гигантскаго, кромѣ учености, въ историкѣ нашемъ тоже несомнѣнной — нуженъ еще воздухъ жизни, биеніе пульса, въ одинъ тактъ съ пульсомъ народнаго быта и народнаго развитія. Когда тотъ же Мишле, о коемъ мы уже упоминали — но да не подумають чтобы мы считали его идеаломъ историка — говорить о различныхъ народностяхъ, изъ конхъ спланивалось національное единство Франціи, мы слышимъ живыя отмѣтки, видимъ цвѣта, чувствуемъ свѣжій запахъ жизни. Нашъ русскій историкъ-художникъ, идеаль разумѣется, долженъ соединить въ себѣ гений Карамзина, критику и трудъ Погодина, сердце и чутье Венелина, опытъ Ходаковскаго и всю глубокую начитанность Бѣллева.

VII.

Глава вторая и третья посвящена историкомъ всему тому что школа, къ которой принадлежит онъ привыкла звать *доисторическимъ*, т. е. быту и судьбѣ 1) народовъ, населявшихъ нынѣшнюю русскую государственную область до *яствемлага* появленія въ ней племенъ Славянскихъ и 2) Славянъ и другихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ русскаго государства до половины IX вѣка. Шаткость приѣма обличается здѣсь съ перваго разу; но въ этомъ случаѣ должно сказать правду, виновать не самъ историкъ, а вся наша эпоха по отношенію къ этому вопросу. По пути, который гениально чужая Венелинымъ, который смѣло и прочно проложилъ Шафарикъ своимъ колоссальнымъ сочиненіемъ — по этому пути пошли весьма не многіе — да и тѣ, которые пошли, не обладали тѣмъ критическимъ духомъ, который выручаетъ всю смѣлость соображеній и наведеній Шафарика: развѣ только на сочиненіе Черткова можно указать въ этомъ случаѣ какъ на попытку подвинуть дальше розысканія Шафарика. Для того чтобы двинуть этотъ вопросъ далѣе, чтобы сломить вѣковое невѣріе, разбить множество предубѣжденій — нужно имѣть не одну ученость и начитанность Шафарика, но умъ и талантъ его. Въ настоящую минуту — *lis sub judice est* т. е. дѣло представляетъ вопросъ еще спорный: — завоеванія, сдѣланныя Шафарикомъ, ни болѣе, ни менѣе какъ на мѣтки граней и требуютъ еще слѣпой вѣры а не перешли въ спокойное владѣніе. Не упрекая поэтому Историка нашего въ томъ, что онъ не подвинулъ этого вопроса, сознавая всю трудность его положенія сравнительно съ Карамзинымъ, для котораго существовали извѣстные, всѣми признанные грани, мы можемъ упрекнуть его только въ томъ, что онъ безпристрастіемъ считаетъ колебаніе, что мы не слышимъ въ его рѣчи *сердечныхъ* его убѣжденій, что онъ искусственно и слишкомъ замѣтно пробирается между двумя подводными камнями, иногда даже не совсѣмъ добросовѣстно, иногда забывая логическія завоеванія критики Шафарика «Мы не можемъ, — говоритъ онъ на примѣръ, — позволить себѣ «даваться въ вопросы о происхожденіи Скивовъ, Сарма-

«товъ и другихъ сосѣднихъ имъ народовъ, не имѣя достаточнаго количества данныхъ къ извѣстіяхъ древнихъ писателей: чѣмъ ближе народы къ первоначальному быту, тѣмъ «сходнѣе другъ съ другомъ въ обычаяхъ, нравахъ, понятіяхъ; отсюда легкость, съ какою можно всякой младенствующій народъ, по некоторымъ чертамъ нравовъ, обычаевъ и вѣрованій, причислить къ какому угодно племени. Нѣсколько «словъ, оставшихся намъ отъ языка этого народа, не могутъ «вести также къ твердымъ выводамъ.» (Отъ чего же не могутъ, когда слова эти такія, какія приводитъ Шафарикъ и ведутъ къ такимъ неотразимымъ, какъ у Шафарика, послышамъ и заключеніямъ?) «для выраженія нѣкоторыхъ предметовъ у всѣхъ племенъ найдутся общіе звуки» (а для выраженія другихъ найдутся разные?) Что нибудь одно — спрашиваете вы невольно — вѣрить или не вѣрить авторъ во первыхъ въ значеніе труда Шафарика и во вторыхъ, главнымъ образомъ — въ неотразимость филологическихъ выводовъ въ отношеніи къ историческимъ даннымъ? — и отвѣта на вашъ вопросъ вы изъ его изложенія не получите. У него въ этомъ случаѣ нѣтъ *живыхъ* основъ, а замѣняются таковыя опять-таки искусственными началами системы, фразами о тождествѣ *младенствующиыхъ* народовъ, теорією развитія, не признающею организма живымъ, отдѣльнымъ организмомъ до минуты его соприкосновенія съ другими отдѣльными организмами, скрадывающею очень ловко тотъ моментъ міровой и народной жизни — когда племя какъ особенное, какъ назвавшее *своего* Бога *своимъ* именемъ — вышло изъ чрева матери, изъ безразличнаго доисторическаго единства.

Но шаткость и колебаніе, столь ощутительныя въ отношеніи къ этому моменту — становятся уже совершенно неизвинительными въ отношеніи къ второму, къ быту племенъ Славянскихъ подъ собственными ихъ именами и прозвищами. Прежде всего, авторъ и здѣсь бьется главнымъ образомъ впасть въ какое-либо *живое* вѣрованіе, и причины такой боязни могутъ быть пояснены только тѣми крайностями, въ которыя впадаютъ иногда люди вѣрующіе. — И. Д. Бѣляевъ, о почтенныхъ изслѣдованіяхъ котораго мы уже упоминали, наивно напимѣръ готовъ доказывать и доказы-

ваетъ, что Руссы торговавшіе на каспійскомъ морѣ, о которыхъ свидѣлствуютъ восточные историки, были не только Славяне и притомъ *наши* Славяне, въ чемъ всякой, вѣроятно, готовъ съ нимъ согласиться, но что они были именно *Съверяне*; это, можетъ быть, и правда, но возбуждаетъ невольное недоверіе въ читателѣ — а отъ этого недоверія пропадаютъ сила и дѣйствіе многихъ глубокихъ и совершенно *живыхъ* замѣтокъ о нравахъ и обычаяхъ племенъ славянскихъ, множество идей, поразительно вѣрныхъ и важныхъ, какъ идея, напримѣръ, о колонизаціи сѣверо-востока Новгородскими ушкуйниками, т. е. идея о Новгородскомъ происхожденіи великорусскаго племени.

Но историкъ нашъ не только боится впаденія въ излишнюю довѣрчивость, — онъ — и вотъ въ чемъ главнѣйшій его недостатокъ — продолжаетъ смотрѣть и на второй моментъ жизни Славянства, какъ на моментъ *доисторическій*; онъ не видитъ, да и видѣть не хочетъ, что *черты* этого, по его мнѣнію доисторическаго момента, суть черты фizioномическія, — они ему не дороги: онъ снѣшить помимо язычества, преданій и проч. къ одной извѣстной цѣли: къ сложенію *государственнаго* тѣла. Народное у него явно только переходный моментъ: онъ имъ не дорожитъ онъ видитъ всюду только дѣйствіе силъ высшихъ, извнѣ пришедшихъ — *государства*, съ одной стороны торжествующаго надъ тѣмъ, что названо имъ *родовымъ* бытомъ и съ другой стороны *церкви*, уничтожающей всѣ слѣды язычества, по его мнѣнію даже и безслѣднаго.

Теорія *родоваго* быта явно требуетъ перевода на другой языкъ, переходитъ въ дилемму *централизаціи* и *племеннаго* начала. Слишкомъ благоразумный и осторожный для того, чтобы впасть въ крайности, наученный уже яростнѣйшими изъ своихъ послѣдователей сколь смѣшны могутъ быть крайности теоріи родоваго быта, нашъ историкъ, одинъ изъ отцовъ этой теоріи и здѣсь уже хромаетъ нѣсколько на обѣ ноги. Онъ понимаетъ, что отвлеченное понятіе о родѣ вообще, о *gens* или *кланѣ*, не прилагается никакъ къ славянскому быту, и хоть говорить, что предки наши не знали *семьи* (?) но опять же лезетъ прощлеть между Сциллою и Харибдою. Плаваніе это

столь назидательно, что мы опять позволяем себѣ довольно длинную выписку.

«Существуютъ — говоритъ нашъ историкъ — различные взгляды на родовой бытъ. (То-то и дѣло, что нѣтъ: на *родовой* бытъ можетъ быть одинъ только взглядъ а на бытъ *родовой и семейный* — точно разные.) «Одни представляютъ его въ «идиллическомъ видѣ, предполагаютъ въ немъ исключительное господство нѣжныхъ, родственныхъ отношеній; другіе, «напротивъ, смотрятъ на него съ противоположной стороны, предполагаютъ суровость отношеній между отцомъ и дѣтьми, между родоначальникомъ и родичами, подавленіе «родственныхъ отношеній правительственными, при чемъ при- «водятъ въ примѣръ семью Римскую и Германскую, гдѣ отецъ «имѣлъ право осуждать своихъ дѣтей на рабство и смерть. «Мы замѣтимъ, что нельзя представлять себѣ родоваго бы- «та идилически, *нельзя забыть о первоначальномъ, младенче- «скомъ состояніи народа*, котораго страсти мало чѣмъ обуз- «дываются; не надобно забывать, что и у просвѣщенныхъ «народовъ родств. енные отношенія не исключаютъ вражды, что «вражда между родичами считается самою сильною, что ро- «довой бытъ, по самому существу своему, условливаетъ не «опредѣленность, случайности. Но, съ другой стороны, мы «не можемъ раздѣлять и противоположнаго взгляда: правда, «что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и пра- «витель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти; *но не знаемъ, «въ правъ ли мы будемъ допустить* совершенное подавленіе «родственныхъ отношеній правительственными, особенно при «отсутствіи всякихъ опредѣленій?» (Нѣтъ ужъ! отъ чего же не допустить, если бытъ точно былъ родовой?) «*не имѣемъ «ли мы права предположить*, что родственныя отношенія, въ «свою очередь, смягчали отношенія правительственныя?» Род- «ственныя? — стало быть уже не родовыя? стало быть у Сла- «вянъ были иныя отношенія кромѣ родовыхъ, а авторъ объя- «вилъ прежде всего, что у Славянъ не было семьи! — вотъ къ чему ведетъ идолослуженіе теоріи!!) «*Какимъ образомъ «осудить ихъ на совершенное бездѣйствіе даже въ быту са- «момъ грубомъ?* (Читатели согласятся, что этотъ вопросъ уже просто наивенъ со стороны теоретика, именно осудив-

шаго ихъ на такое бездѣйствіе!) «Владиміръ имѣетъ право «казнить жену, замышлявшую преступленіе, и хочетъ воспользоваться своимъ правомъ; но входитъ малютка сынъ «и мечъ выпадаетъ изъ рукъ отцовскихъ. Здѣсь главный «вопросъ не въ томъ, подавлялись ли родственныя отноше- «нія правительственными; но въ томъ, какъ выражались са- «мыя родственныя отношенія?...»

Останавливаемся на минуточку. Во всемъ этомъ много- глаголаніи не очевидно ли желаніе какъ нибудь половчѣе вы- путаться изъ теоріи неприменимаго къ славянству родова- го быта и вмѣстѣ съ тѣмъ удержать слово, — ибо въ за- ключеніе, какъ мы сей часъ увидимъ, кромѣ слова ничего уже и не остается. Родовой бытъ все смягчается и смяг- чается авторомъ до полного сглаженія:

«Мы не должны — продолжаетъ онъ — только по сво- «имъ христіанскимъ понятіямъ судить въ поступкахъ языче- «скихъ грубыхъ народовъ; такъ напримѣръ отецъ въ семьѣ «Германской и Литовской осуждалъ на гибель новорожден- «ныхъ дѣтей, если семья была уже многочисленна, или, если «новорожденные были слабы, увѣчны; по такое поведеніе «отцовъ, приводящее насъ въ ужасъ, проистекало у языч- «никовъ изъ грубыхъ понятій о родственномъ состраданіи, «а не изъ понятій о деспотической власти отца надъ дѣтьми; (что-то мудрено настоящее *jus vitae et necis* объяснить род- «ственнымъ состраданіемъ!) «язычники смотрѣли на жизнь «человѣка съ чисто матеріальной стороны; при господствѣ «физической силы человѣкъ слабый былъ существомъ самымъ «несчастливымъ и отнять жизнь у такого существа считалось «подвигомъ состраданія; доказательствомъ тому служить обя- «занность дѣтей у Германцевъ и Литовцевъ, убивать сво- «ихъ престарѣлыхъ, лишенныхъ силъ родителей. (Все это «есть толкъ не о настоящемъ, родовомъ *jus vitae et necis*). Эти «обычаи велись преимущественно у племенъ воинственныхъ, «которые не терпѣли среди себя людей лишнихъ, слабыхъ и «увѣчныхъ, не могшихъ оказывать помощи на войнѣ, защи- «щать родичей, мстить ихъ обиды; у племенъ, жившихъ въ «странѣ скудной, стремленіе предохранить отъ голодной смер- «ти взрослыхъ заставляло жертвовать младенцами. Но у

«народа относительно болѣе мирнаго, земледѣльческаго, живущаго въ странѣ обильной, мы не встрѣтимъ подобныхъ обычаевъ; такъ не острѣчаемъ ихъ у нашихъ восточныхъ Славянъ: «лѣтописецъ, говоря о черной сторонѣ языческаго быта послѣднихъ, не упоминаетъ объ означенныхъ обычаяхъ; даже «у Славянъ Померанскихъ, которые по воинственному характеру своему и по сосѣдству съ племенами Германскими и «Литовскими, являются болѣе похожими на послѣднихъ, да-же и у этихъ Славянъ съ престарѣлыми родителями и родственниками обходились совершенно иначе, чѣмъ у Литовцевъ и Германцевъ. (А какъ именно обходились по свидѣтельству Гельмольда, автору угодно было отнести только въ примѣчанія.) «Вообще же должно остерегаться дѣлать «точные опредѣленія первоначальному, родовому обществу въ томъ или другомъ смыслѣ.»

Что же осталось послѣ всего этого отъ родовыхъ отношеній у племенъ славянскихъ? Да ровно уже ничего, кромѣ семейнаго, которое отвергается у Славянъ нашимъ историкомъ.

Ясно, что испуганный самъ послѣдствіями, выведенными изъ брошеннаго имъ въ публику слова: *родовыя* отношенія, слишкомъ добросовѣстный чтобы быть послѣдовательнымъ и признать общество въ состояніи родоваго быта до времени Петра Великаго, — одинъ изъ родителей теоріи путается здѣсь передъ публикой въ различныхъ уступкахъ.

Ясно, что дѣло идетъ не о *родѣ*, и не о *племенѣ*, а просто о противоположности началъ племенныхъ извнѣ пришедшимъ началамъ централизационнымъ. Вѣдь ужъ если толковать о началахъ родоваго быта, по которымъ старшій братъ заступаетъ мѣсто отца для младшихъ, равно какъ и дядя для племянниковъ, — то родовыя отношенія надобно приписать Варягамъ а не Славянамъ, — а чисто славянскою является борьба старшихъ племянниковъ съ младшими дядями, — борьба, на сценѣ которой стоятъ почти всегда старые города!

Племенные, т. е. народныя начала быта до того враждебны идеямъ автора, до того являются у него переходнымъ моментомъ, что онъ съ удивительною быстротою и легкостью скользитъ по всему до-христіанскому быту славянства. Для него какъ будто не существуетъ тотъ глубоко-

знаменательный фактъ, что свѣтъ ученія Христова совершенно иными путями распространялся въ славянскихъ земляхъ, чѣмъ на западѣ. Конечно мы имѣли великое счастье получить этотъ свѣтъ съ востока, въ чистомъ его отраженіи, — конечно и церковь восточная по самому духу ученія дѣйствовала на жизнь иными мѣрами, нежели церковь западная, не разрушая мечемъ и огнемъ, не поливая кровью — но скорость принятія христіанства, но мирное слияніе его со многимъ невиннымъ, что было въ язычествѣ, существованіе многихъ языческихъ обычаевъ, хотя уже утратившихъ свой языческій смыслъ до позднѣйшихъ временъ — все это указываетъ на особенный характеръ нашего язычества и на особенный же характеръ славянскаго племени. Этого явленія нельзя приписать одной только слабости или неясности, затерянности языческихъ представленій: извѣстная степень силы ихъ свидѣлствуется многими доселѣ еще уцѣлѣвшими, хотя и утратившими смыслъ обрядами. Наши читатели, вѣроятно, знакомы съ замѣчательными сочиненіями И. М. Снегирева по этой части, и для подтвержденія мысли нашей мы должны сослаться только на нихъ — ибо дальнѣйшія изслѣдованія по этой части, приводившія г., Афанасьева и иныхъ къ богамъ кочерги и ухвата, были порожденіемъ слова: *родовой бытъ* и неудачнымъ приложеніемъ нѣмецкой міеологіи Гримма (да и той дурно понятой) къ славянству. Для г. Соловьева труды Снегирева существуютъ только по столько, по сколько они могутъ служить подтвержденіемъ его *родовыхъ* мечтаній. Язычество славянское представляется ему въ двухъ формахъ 1) какъ поклоненіе стихіямъ и 2) какъ поклоненіе геніямъ и душамъ усопшихъ. Что касается до первой формы, — то не было еще *родовой* міеологіи, которая обоготворила бы стихіи, а во *второй* обоготворялись *силы*: стало быть, по общему закону логическому и въ растерянныхъ, разбросанныхъ слѣдахъ *родовой* міеологіи должно отыскивать того же. Что же касается до второй формы, то выводы о поклоненіи геніямъ и душамъ умершихъ необыкновенно натянуты и у г. Соловьева, и у его послѣдователей — хотя имѣютъ и извѣстную степень правдивости.

Дѣло въ томъ, что коренное наше язычество, уцѣлѣвшее въ разбросанныхъ членахъ, въ какихъ-то смутныхъ и темныхъ божествахъ Ярилы, Костромы и т. д. — закрыто отъ насъ язычествомъ официальнымъ, — язычествомъ, богамъ котораго поставлены были кумпры передъ самымъ введеніемъ христіанства. О нихъ, какъ официальныхъ, записалъ лѣтописецъ — а настоящіе разсѣялись по преданіямъ, пѣснямъ, сказкамъ, праздникамъ, закрылись въ нихъ и даже, можетъ быть, уцѣлѣли въ темныхъ и странныхъ образахъ. Съ другой стороны *суевѣрія* не должны быть никогда смѣшиваемы съ *миѳами*; а къ сожалѣнію только *суевѣрія* остались намъ отъ нашего язычества — и можетъ быть уже въ эпоху введенія христіанства отъ долгаго язычества оставались въ жизни только суевѣрія. Миѳы утратили уже свое грозное значеніе, принесенныя издалека, изъ первобытной родины племени: обряды служенія перешли въ чисто-народныя игрища и только вѣяніе суевѣрія уцѣлѣло въ какомъ-то странномъ фантастическомъ мірѣ, до сихъ поръ еще окружающемъ наши села и деревни, до сихъ поръ еще вѣющимъ надъ колыбелью cadaго русскаго человѣка.

Вотъ причина, по которой церковь, почти даже и убѣжденіемъ не боролась, или очень мало боролась, съ этимъ, совершенно безвреднымъ міромъ. Этотъ міръ язычества пересталъ быть *религиознымъ* и перешелъ въ пѣчто племенное, народное, физиологическое. Больше еще, мудрая Восточная церковь на *слѣдахъ* язычества строила свое зданіе, терпѣла невинныя языческіе обряды въ соединеніи съ празднистами. Слѣды всего этого уцѣлѣли доселѣ въ жизни народа и — образовали для царства духа такую твердую и прочную подкладку, которой тщетно стали бы мы искать на Западѣ. Отрицательныя свойства славянства, очищающія путь духовному просвѣтленію, должны были отразиться и въ самомъ славянскомъ язычествѣ.

Г. Соловьевъ мало обратилъ вниманіе на различіе цвѣта нашего языческаго міра отъ цвѣта міра финскаго — и здѣсь опять мы должны припомнить читателямъ изслѣдованія И. Д. Бѣляева, который эту разницу представляетъ осязательно и показываетъ ясно, что все противоборство

христіанству шло съ финскаго сѣвера, со стороны черныхъ, крылатыхъ и хвостатыхъ боговъ, сидящихъ въ безднѣ.

Въ своей враждѣ къ племеннымъ началамъ, авторъ исторіи Россіи такъ мало останавливается на ихъ проявленіяхъ въ пѣсняхъ, сказкахъ и мірѣ преданій, что невольно заподозриваешь самое знакомство историка со всѣми этими проявленіями, но крайней мѣрѣ знакомство живое, не книжное. Между тѣмъ, въ изслѣдованіяхъ о первоначальномъ нашемъ бытѣ, они самые важные источники и опять несть въ этомъ случаѣ чутью, хотя не всегда осторожному. И. Д. Бѣляева, который смѣло чертитъ типъ Новгородскаго ушкуйника по Васкѣ Буслаеву и Акундину Акундичу. Разумѣется, съ этими источниками надобно обращаться въ высочайшей степени осмотрительно и, главное — безпристрастно, не брать ихъ въ услуженіе никакой заранѣе задашней теоріи. Возсоздавать по сказкамъ, преданіямъ, пѣснямъ, отжившимъ или еще доселѣ живущимъ бытѣ нашего племени — и можно и должно — но ужь надобно брать во всей полнотѣ ихъ народное созерцаніе — а до сихъ поръ такъ еще не дѣлалось. Г. Соловьевъ, напрімѣръ, беретъ изъ міра преданій, обрядовъ, пѣсень и проч. только то, что доказываетъ неразвитость, грубость, переходность быта; а г. Филиповъ съ другой стороны чертитъ цѣлую теорію на жизненномъ взглядѣ одной пѣсни, взглядѣ, по справедливости сказать, совершенно лномъ во множествѣ другихъ пѣсень. Г. Соловьеву хочется сказать и доказать, что все наше народное само по себѣ грубо: г. Филиповъ хочетъ увѣрить публику, что наше народное созерцаніе тождественно съ совершенно просвѣтленнымъ, и оба кладутъ народное на Прокрустово ложе, урѣзывая его по своему произволению. Оба воззрѣнія совершаютъ такимъ образомъ идольскую потребу теоріи.

VIII.

Мы не ищемъ специально-критической статьи о трудѣ г. Соловьева — и потому не будемъ входить въ подробный разборъ каждой части этого труда. Наша точка зрѣнія есть художественная въ томъ смыслѣ художественнаго, который придается этому слову критикою, названною нами

критикой органической въ статьѣ: «О современной критикѣ искусства». Для насъ достаточно указать на главный существенный порокъ «Исторіи Россіи» и прослѣдить вліяніе этого порока на различныя части замѣчательнаго сочиненія г. Соловьева. То, что мы преслѣдуемъ — какъ уже видятъ конечно читатели — есть деспотизмъ теоріи, деспотизмъ заранѣе поставленныхъ и потому самому несостоятельныхъ началъ.

Исторія XII вѣка первая подверглась этому пагубному вліянію — и между тѣмъ въ этомъ же отдѣлѣ является впервые съ блистательной стороны талантъ историка. Въ первый разъ по лѣтописи и большею частію въ тонѣ лѣтописи очеркиваются здѣсь великіе образы Мономаха, Мстислава Великаго, Изяслава Мстиславича, Юрія Долгорукаго — и въ особенности Андрея Юрьевича, въ особенности потому, что историкъ глубоко сочувствуетъ стремленіямъ этой, уже сѣверно-восточной личности — съ удивительною цѣльностью и жизненностью, и стало быть художественностью и притомъ совершенно соотвѣтствующими предмету трагическими чертами обрисовываетъ онъ этотъ обособляющійся образъ. Къ сожалѣнію нельзя того же сказать о типѣ Всеволода Георгиевича; не смотря на то, что типъ этотъ въ лѣтописяхъ полнѣе и цѣльнѣе — и виною неполноты изображенія, кажется намъ, было здѣсь то исключительное кабинетное воззрѣніе, которымъ руководится авторъ, мало знакомый съ живою жизнью народа и живыми типами. Всеволодъ есть первый полный очеркъ сѣверовосточнаго вотчинника со всѣми далеко уже не величавыми, а чисто промышленными сторонами, со всею ловкостью ума, которому суждено впоследствии, въ его преемникахъ и въ лицѣ бояръ московскаго государства ловить рыбу въ мутной водѣ удѣльщины и татарскаго ига. Натура сѣверная, т. е. соединеніе величайшей страстности съ невозмутимымъ и ни передъ чѣмъ не останавливающимся хладнокровіемъ, тонкой расчетливости и притворства съ страшною широтою природы въ добрѣ и злѣ, благодушія, но не такого, какое сгубило Мстислава Мстиславича въ Галичѣ, а благодушія, происходящаго отъ широты же умственнаго захвата съ неумолною мститель-

ностию, натура котораго явится потомъ и Георгіемъ Даниловичемъ и Димитріемъ Донскимъ — двумя рѣзкими отраженіями ея двойственной сущности!

Великая ошибка историка въ представленіи этого сѣверовосточнаго типа, смѣниваго типъ Новгородскій, или что то же, Кіевскій въ томъ, что онъ хочетъ смотрѣть на него какъ на продолженіе того же самаго типа, что онъ не понимаетъ единства великорусскаго начала въ сторонахъ, впоследствии между собою борющихся, не слѣдитъ одинаковости фзіологическихъ чертъ въ борцахъ. Старый типъ гибнетъ въ послѣднихъ Тверскихъ князьяхъ и отторгается отъ Московскаго единства въ бытіи Новагорода, и эта то борьба есть по истинѣ трагическая. Великое сердце Карамзина ей глубоко сочувствовало: теорія заставляетъ г. Соловьева видѣть въ ней одну только борьбу противообщественныхъ стихій съ стихіями общественными. А дѣло тутъ проще: это — стихія инаго общества, застигнутаго въ располхъ въ своемъ развитіи татарскимъ нашествіемъ. Пора намъ, помня подвиги нашихъ московскихъ предковъ съ любовью и почтеніемъ, съ одинаковыми же любовью и почтеніемъ отнестись и къ тому слою, который лежитъ подъ слоємъ ихъ жизни. Г. Соловьевъ искусственно проводитъ связь между этими стихіями и тѣми, которыя въ Московскомъ государствѣ гибнутъ въ послѣднихъ Московскихъ удѣльныхъ при Иванѣ III, безобразно бушуютъ въ правленіе Елены и малолѣтство Ивана IV, казнятся грознымъ вѣнценосцемъ и поднимаютъ сто головъ своихъ въ междуцарствіи. Связь тутъ только внѣшняя о внутренней связи, родственной больше между борющимися стихіями сѣверовосточнаго типа: бояре-хранители государства въ малолѣтство Димитрія, — бояре, ловкіе стряпчіе Московскаго дѣла передъ ханами въ началѣ княженія Василья Темнаго, бояре, сваливающіе вины свои при Иванѣ на прирожденное имъ якобы *тупоуміе* и *слабоуміе* — все это только стороны сѣверовосточнаго типа — стороны образовавшіяся подъ вліяніемъ татарщины, непризнаваемой г. Соловьевымъ, — изворотливость и кривоудшіе, соединенныя съ какимъ-то юморомъ въ Еришѣ Ершовичѣ — этомъ народномъ представленіи сѣверовосточнаго

типа съ одной его комической стороны — и вмѣстѣ съ тѣмъ неборимая страстность въ достиженіи цѣлей — черты совершенно сѣверовосточныя, ничего общаго не имѣющія съ чертами Новгородско-Кіевскаго типа. На сѣверовостоки старій типъ, сначала столь живой, что онъ живетъ даже въ пригородахъ, даже въ «Мезиннѣхъ» Володимерцахъ, — блистательно, но на краткій срокъ сіяющей въ лицѣ Константина Всеволодовича, — остался безъ опоръ и палъ окончательно въ княженіе Донскаго. Мѣсто его заступилъ новый и въ новомъ тоже началось необходимое разложеніе двухъ его сторонъ. Въ Иванѣ Грозномъ сливаются всецѣло, но болѣзненно напряженно обѣ стороны — страстность и софистическій юморъ, столь ясно видимый въ его посланіяхъ. Между тѣмъ у г. Соловьева самъ Иванъ Грозный, не смотря на замѣчательнѣйшую даровитость въ его изображеніи, мало виденъ съ своихъ юмористическихъ сторонъ и слишкомъ оправданъ въ своихъ трагическихъ.

Общая односторонность пониманія отразилась у историка нашего и въ исторіи междуцарствія. Отдавши полную честь его огромнымъ заслугамъ въ глубокомъ объислѣдованіи пружинъ этой эпохи, мы имѣемъ право замѣтить, что и здѣсь теорія о борьбѣ противообщественныхъ стихій повредила полнотѣ изображенія. Мы не видимъ личностей, чертъ, типовъ, или видимъ ихъ столько же мало, какъ и въ драматическомъ представленіи этого момента въ сочиненіи г. К. Аксакова. Какъ ученому историкѣ, такъ и ученому драматургу равномѣрно повредили въ этомъ отношеніи теоріи, а между тѣмъ какъ тотъ, такъ и другой сдѣлали огромный шагъ въ пониманіи эпохи, которая составляетъ второй главный узелъ нашего народнаго развитія. Одинъ увлекся своимъ пристрастіемъ къ централизаци, другой своею глубокою и пламенною любовью къ *коренному* народному. Личности, типы исчезли для того и другаго и — страннымъ образомъ — явились гораздо полнѣе въ сухой по изложенію, весьма необширной, но исполненной удивительно вѣрныхъ намековъ диссертаци г. Павлова.

Аполлонъ Григорьевъ.

ТЫСЯЧА ДУШЪ.

Романъ въ четырехъ частяхъ Алексѣя Писемскаго.
С. ПЕТЕРБУРГЪ 1858. Изданіе Д. Е. Кожанчикова. *)

Художественная критика, еще недавно игравшая столь важную роль въ нашей литературѣ, почти совсѣмъ замолкла въ послѣднее время. Изрѣдка, и то робко, возвыситъ она свой голосъ, чтобы напомнить слишкомъ уже разгулявшимся, подъ покровомъ гласности, смѣльчакамъ, что произведенія, принимающія извѣстную, изящно-литературную форму, должны удовлетворять весьма многимъ и строгимъ требованіямъ, что одной горячности, и нѣкотораго, относительно благороднаго образа мыслей еще недостаточно для того, чтобы

(*) Открывая въ нашемъ журналѣ мѣсто различнымъ художественнымъ и научнымъ воззрѣніямъ, лишь бы только эти воззрѣнія не расходились съ нашими въ главныхъ и коренныхъ началахъ, мы съ удовольствіемъ печатаемъ статью московскаго критика, хотя во многомъ съ нею не согласны. Мы надѣемся, по возможности полно, высказать нашъ взглядъ на значеніе, какъ вообще таланта г. Писемскаго, такъ и его послѣдняго произведенія въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего журнала. Покажѣте же ограничимся только замѣткою, что: 1) раздѣляя съ г. Эдельсономъ его оцѣнку превосходныхъ частныхъ романа и даже упрекая его за то, что онъ указалъ только на немногія, мы вовсе не видимъ въ цѣлости постройки той гармоніи, которую видитъ въ ней рецензентъ и находимъ, напротивъ, въ этой постройкѣ нѣкоторую сухость и искусственность; 2) что въ лицѣ Калиновича мы не можемъ признавать героя нашего времени; 3) наконецъ, что чувствуя, какъ и авторъ статьи, всѣ преимущества произведеній чисто художественныхъ передъ произведеніями литературы обличительной, мы не упрекаемъ ни обличительной, ни натуральной школы въ томъ, что какъ та, такъ и другая нападали на идею, а не на лица, въ сословіи чиновничества, а считаемъ такое ихъ стремленіе чисто историческою необходимостью.

Ред.

сдѣлаться учителемъ народа, что, наконецъ сама цивилизація вправѣ ожидать отъ поэтическихъ произведеній чего нибудь болѣе вѣчнаго нежели обличеніе мелкихъ злоупотребленій и чиновничьихъ плутней.

Такое молчаніе художественной критики объясняется, конечно, отчасти бѣдностью нашей поэтической дѣятельности въ послѣднее время; но главная причина его и поблажки безпрестаннымъ злоупотребленіямъ поэтическихъ формъ заключается, по нашему мнѣнію, въ ложной мысли, будто теперь, когда возникло въ литературѣ столько важныхъ общественныхъ вопросовъ, когда всѣ умы заняты великими, совершающимися реформами, какъ чисто поэтическая дѣятельность, такъ и серьезная художественная критика сдѣлались несовременными. Конечно, если понимать подъ чисто поэтическою дѣятельностію посланія къ ней, къ лунѣ, или натянутыя описанія тонкихъ и цвѣтотныхъ ощущеній, а подъ художественною критикою педантическія примѣненія сухой нормы къ каждому роду произведеній, то время той и другой давно прошло безвозвратно. Но, сколько извѣстно, истинная поэтическая дѣятельность никогда не остается чуждою *важнѣйшимъ* вопросамъ вѣка и общества и, если мы не ошибаемся сильно, истинно поэтическіе дѣятели суть всегда передовые люди, конечно не въ специальныхъ вопросахъ и нуждахъ общественныхъ, но по крайней мѣрѣ въ общемъ дѣлѣ цивилизаціи. Съ своей стороны настоящая художественная критика далеко не ограничивается разборомъ достоинствъ или недостатковъ формы, а старается извлечь изъ художественнаго произведенія все, что сознательно, или даже бессознательно вложилъ въ него авторъ; старается добраться до всего его міросозерцанія, и все это вмѣстѣ, съ возбужденными по этому случаю вопросами, дѣлаетъ прямымъ и сознательнымъ достояніемъ публики. И такъ помощь художественной критики дѣлу цивилизаціи также несомнѣнна.

Новый романъ г. Писемскаго — «Тысяча душъ,» рѣзко отличаясь своимъ чисто художественными достоинствами отъ массы произведеній, наводнившихъ въ послѣднее время нашу литературу, представляетъ въ то же время прекрасный образецъ того важнаго общественнаго значенія, какое мо-

жетъ и должно имѣть поэтическое произведеніе, не отрекаясь отъ своего истиннаго и прямаго призванія.

Художественная критика наша, безъ сомнѣнія, воспользуется его появленіемъ, чтобы заявить снова свои права въ литературѣ и возстановить, по возможности, упавшій въ глазахъ большинства, авторитетъ поэзіи. Съ своей стороны мы считаемъ долгомъ отнестись къ новому роману не вскользь и не съ высока, но серьезно, какъ къ дѣлу, имѣющему высокій интересъ для всякаго образованнаго человѣка. Дѣло въ томъ, что новый романъ г. Писемскаго стоитъ серьезнаго разбора, какъ по задачѣ, такъ и по исполненію. Авторъ, очевидно, хотѣлъ схватить и выразить въ немъ одну изъ сильнѣйшихъ современныхъ болѣзней общества и въ то же время, при помощи искусно задуманной интриги, умѣлъ съ рѣдкимъ мастерствомъ показать намъ съ своей точки зрѣнія, почти всѣ слонъ русскаго общества. Однимъ словомъ, въ новомъ романѣ г. Писемскаго мы имѣемъ дѣло съ ясно выразившимся міросозерцаніемъ и въ то же время съ яркою поэтической картиною разныхъ сторонъ русской жизни. Но считаемъ нужнымъ напомнить предварительно читателямъ въ краткихъ словахъ самую интригу романа.

Въ уѣздный городъ Энс—къ, на мѣсто старика штатнаго зрителя, Годнева, опредѣляется кандидатъ московскаго университета — Калиновичъ. Новый зритель оказывается съ разу человѣкомъ иного покроя, чѣмъ — добродушный образчикъ лучшихъ людей стараго вѣка — Годневъ. На первыхъ же шагахъ вы узнаете въ немъ энергическаго представителя того молодого чиновничьяго поколѣнія, которому суждено смѣнить отжившее поколѣніе взяточниковъ. Однимъ словомъ Калиновичъ, несмотря на нѣкоторыя чисто личныя черты характера, есть лице вполне типическое и это обстоятельство съ разу придаетъ роману широкое общественное значеніе, такъ какъ все, относящееся къ Калиновичу, можно примѣнять до извѣстной степени и къ цѣлому молодому поколѣнію, котораго онъ служитъ представителемъ. У старика Годнева есть взрослая дочь Настенька, дѣвушка умная, добрая и энергическая, но которой все воспитаніе ограничилось чтеніемъ романовъ и журнальныхъ статей 40-выхъ

годовъ, что все, конечно, много способствовало ея умственному и нравственному развитію, но не дало ей нисколько знанія жизни и людей. Сближеніе между молодыми людьми вождствіе добродушія старика Годнева, отсутствія въ городѣ всякаго другаго общества и, наконецъ, сочувствія Настеньки къ рѣзкому и благородному образу мыслей молодаго кандидата, произошло весьма скоро. Любовь эта не замедлила перейти въ близкую связь, которая, со стороны Настеньки, была слѣдствіемъ безавѣтной вѣры въ любимаго человѣка, со стороны Калиновича слѣдствіемъ необдуманнаго увлеченія и самозабвенія въ пылу первой страсти. Скоро однако въ немъ проснулись съ новою силой его истинные инстинкты. Сперва литературный успѣхъ, потомъ сближеніе съ домами богатой генеральши Шеваловой и семействомъ блестящаго князя Ивана, мало по малу открыло предъ нимъ болѣе широкую перспективу жизни, нежели простое семейное счастье среди полубѣдности, въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, съ полуобразованной и вовсе уже не блестящей женой. Поставленный въ необходимость выбирать одно изъ двухъ пли сдѣлать низкій поступокъ, покинувъ оболыщенную и еще любимую дѣвушку, пли отказаться навсегда отъ честолюбивыхъ замысловъ и всѣхъ наслажденій, какими манила его широкая перспектива жизни, Калиновичъ не выдержалъ этой борьбы и рѣшился, хотя съ жестокими мученіями совѣсти, принести въ жертву Настеньку. Подъ пустымъ предлогомъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы не возвращаться болѣе въ Энс—къ.

Петербургъ не побаловалъ Калиновича. На первыхъ же порахъ разсѣялись здѣсь его честолюбивыя мечты объ авторской славѣ и возможности жить литературой; служба также не далась ему безъ связей и протекціи. Измученный, больной, безъ всякихъ средствъ къ жизни, онъ вспомнилъ съ тоскою о когда-то дававшемся ему, хотя тихомъ и немного пошломъ счастьи съ Настенькой и написалъ къ ней письмо искреннее и горячее. Не думая ни минуты, Настенька заложила имѣніе, покинула больнаго отца, обманувъ его, и явилась къ Калиновичу въ Петербургъ. Снова наступили для Калиновича минуты счастья и отъ него самого зависѣло сдѣлать это

счастіе прочнымъ. Но честолюбивая, гордая натура его опять не могла помириться на этомъ тихомъ счастіи. Ему нужно было блеску, роскоши, власти... Но здѣсь мы должны воротиться нѣсколько назадъ. У генеральши Шеваловой, жившей въ Энс—кѣ, была дочь Полина, дѣвушка уродливая, болѣзненная, но умная и богатая. Скучая въ уѣздномъ городѣ, лишенная, по скупости своей матери, всѣхъ развлеченій, не видя другаго средства выдти изъ подъ тяжелой опеки, кромѣ замужества, она обратила свое вниманіе на Калиновича, какъ на единственно приличнаго въ городѣ жениха и даже полюбила его. Князь Иванъ, близкій родственникъ Полины и повѣренный всѣхъ ея тайнъ, еще въ Энс—кѣ намекалъ Калиновичу на возможность брака съ Полиной и на всю блестящую сторону этого брака. Калиновичъ съ негодованіемъ отвергъ тогда эту постыдную сдѣлку — жизнь еще раскидывалась передъ нимъ блестящею перспективой, тяжелый проступокъ передъ Настенькой еще лежалъ всею свѣжею болью на его душѣ. Теперь въ Петербургѣ, разочарованный во всѣхъ своихъ честолюбивыхъ надеждахъ, и въ то же время съ усиленною, подъ вліяніемъ блестящей столичной жизни, жаждою почестей и богатства, онъ вспомнилъ о нѣкогда открывавшейся ему блестящей перспективѣ и рѣшился окончательно пожертвовать Настенькой и собой для блестящей карьеры. При помощи того же князя Ивана, продавшаго ему теперь за деньги свое посредничество, онъ вновь сблизился съ Полиной, которая, лишившись матери, владѣла тысячью душъ и огромнымъ богатствомъ. Дѣло, само собой разумѣется, кончилось бракомъ. Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что такое глубокое правственное паденіе обошлось не дешево Калиновичу. Онъ вытерпѣлъ желчную горячку, рѣшаясь на этотъ противный бракъ, покидая еще разъ, все ему принесшую въ жертву, Настеньку — но все-таки не отступилъ назадъ передъ блестящею карьерой.

Какъ будто по волшебству — всѣ до сихъ поръ недоступные пути открылись передъ Калиновичемъ. Аристократическія знакомства, связи, блестящая служба, все принеслось ему мгновенно, какъ подобающая дань богатству. Въ короткое время онъ такъ подвинулся по службѣ, что былъ

назначенъ вице-губернаторомъ въ ту самую губернію, гдѣ мы застали его штатнымъ смотрителемъ въ началѣ романа.

До сихъ поръ мы видѣли Калиновича по большой части съ его темныхъ сторонъ. Много тяжелыхъ и безчестныхъ жертвъ принесъ онъ, пролагая себѣ путь въ жизни. Но достигнувъ вершины, добившись богатства и почета, онъ не успокоился, не облѣнился, не предался сибаритству, какъ сдѣлали бы многіе другіе. Здѣсь-то, напротивъ, и началась его настоящая, благородная дѣятельность, здѣсь-то открылась въ немъ другая, лучшая сторона его природы, сторона, вызывающая невольное сочувствіе и отчасти оправдывающая тѣ неумолкаемыя честолюбивыя стремленія, которымъ онъ принесъ такъ много въ жертву. Немедленно по прибытіи на мѣсто службы, Калиновичъ вступаетъ въ открытую и непримиримую вражду со всѣми служебными злоупотребленіями. Честно и неутомимо, одинокій, среди враждебныхъ ему лицъ, борется онъ съ безчисленными плутнями. — Пока связи его въ Петербургѣ сильны и крѣпки, все идетъ счастливо. Противники новаго вице-губернатора падаютъ одинъ за другимъ. Уже губернаторъ смѣненъ за противузаконныя дѣйствія и Калиновичъ назначенъ на его мѣсто. Но вдругъ обстоятельства переменяются. Калиновичъ ловитъ, между прочимъ, князя Ивана съ фальшивымъ документомъ и сажаетъ его въ острогъ. Идетъ слѣдствіе. Весь городъ за князя. Полина, еще до замужества бывшая въ связи съ нимъ и не нашедшая, конечно, ничего, кромѣ горя и оскорбленій въ своемъ бракѣ съ Калиновичемъ, теперь вдругъ возвращается къ своей старой привязанности и тайно отъ мужа уѣзжаетъ въ Петербургъ хлопотать о своемъ бывшемъ любовникѣ. Деньгами и связями она скоро достигаетъ своей цѣли. Калиновичъ отставленъ отъ должности съ преданіемъ суду, князь Иванъ освобожденъ. Въ эту горькую минуту Настенька, уже актриса, опять является ангеломъ-утѣшителемъ Калиновича и они уже не расстаются болѣе. Полина вскорѣ умираетъ и Калиновичъ женится на Настенькѣ.

Мы рассказали, въ самыхъ общихъ чертахъ, содержаніе новаго романа г. Писемскаго. Но это сухое извлеченіе не дастъ, разумѣется, почти никакого понятія о самомъ романѣ.

Въ истинно-художественномъ произведеніи главное дѣло самое изложеніе, тѣ мелкія подробности, психологическія и другія, которыми всякое событіе, всякой переломъ въ жизни героя доводится до той степени ясности и осязательности, что представляется какъ бы совершающпмся передъ глазами въ дѣйствительности, что мы какъ бы сами на себѣ испытываемъ ту силу вещей, которая заставляетъ героя погнуться въ ту или другую сторону и направляетъ ходъ его судьбы. Въ этомъ отношеніи все въ романѣ г. Писемскаго дышетъ поразительною правдой. Съ другой стороны, въ нашемъ краткомъ изложеніи содержанія романа мы вовсе не имѣли возможности коснуться той широкой и мастерской картины Русской жизни, которая составляетъ какъ бы обстановку главному герою, но въ сущности есть сама одна изъ главныхъ задачъ и вмѣстѣ достоинствъ романа, ибо даетъ намъ ясный и твердо выработанный взглядъ автора на множество сторонъ общественной жизни нашего отечества. Мы не можемъ удержаться, чтобы не выставить нѣсколько подробнѣе на видъ эту сторону романа г. Писемскаго.

Еще очень многіе у насъ думаютъ, что мастерское изображеніе жизненныхъ подробностей не важность въ литературномъ произведеніи, что главное дѣло здѣсь въ мысли, которая собственно и подлежитъ критикѣ, т. е. одобренію или порицанію, а житейскія картины подсказываются просто памятью и не могутъ быть поставлены въ большую заслугу автору. Но во-первыхъ—житейскія подробности обыкновенно изобрѣтаются авторомъ, а не списываются съ дѣйствительности, во-вторыхъ—даже въ дѣйствительности, каждое явленіе можетъ быть видимо подъ весьма различными углами зрѣнія, которые зависятъ отъ нравственнаго, умственнаго, личнаго и др. настроеній зрителя. Въ художественномъ произведеніи, гдѣ все изобрѣтено помощію общей игры всѣхъ душевныхъ силъ автора, въ каждой жизненной картинѣ сказывается, разумѣется, весь авторъ. Кромѣ того, необходимо отличать такіа черты, которыя приходятъ на память автору лишь мимоходомъ, какъ яркая и картинная подробность, подсказанная воображеніемъ, отъ такихъ, которыя создаются умышленно и сознательно и составляютъ

прямую задачу автора. Романъ г. Писемскаго полонъ именно такихъ подробностей, обстановка въ немъ не случайная или безцвѣтная, но столько же, какъ и сама интрига, назначенная разъяснить намъ его міросозерцаніе. Оттого-то считаемъ мы себя обязанными остановиться на нихъ со вниманіемъ.

Въ самомъ началѣ романа рисуется передъ нами мирная картина отжившаго, стараго быта въ уѣздномъ городѣ, съ его хорошими и дурными сторонами. Къ удовольствію нашему г. Писемскій не принадлежитъ къ числу непримиримыхъ враговъ всего прошлаго, къ тѣмъ живописцамъ, на палитрѣ которыхъ нѣтъ свѣтлыхъ красокъ для стараго. Не обнаруживая нисколько стремленій къ возвращенію отжившаго, онъ счумѣлъ однако найти въ немъ, не прибавя ни одного штриха изъ новой жизни, такую свѣтлую и отрадную личность, какъ старикъ Годневъ, при воспоминаніи о которомъ слезы умиленія невольно навертываются на глаза и какъ-то спокойнѣе становится за Русскаго человѣка. Мы не можемъ достаточно благодарить г. Писемскаго за созданіе этого лица или правильнѣе за тѣ прекрасныя побужденія, которыя руководили его при этомъ созданіи. Свѣтлою и почти одинокою личностію стоитъ этотъ старикъ Годневъ, среди сотенъ изверговъ, плутовъ и т. п., которыми старается наполнить наша современная литература всю прошлую жизнь Россіи.

Подробности любви Калиновича и Настеньки, это столкновеніе двухъ сильныхъ характеровъ, въ которомъ на долю бѣльшей любви и самоотрѣченія достаются всѣ жертвы, всѣ эти мелкіе раздоры и примиренія любовниковъ, самая особенность этой любви, съ разу тяжелой и полной непріятностей для обоихъ влюбленныхъ—все это дышетъ поразительной правдой. Ни одной фальшивой, закрашивающей тѣни не пустилъ авторъ на картину этой любви и отъ того-то такъ сильно дѣйствуетъ она на читателя, такія ясныя чувства антипатіи или симпатіи возбуждаютъ въ насъ участвующіе въ ней лица.

А жизнь князя Ивана въ деревнѣ. Сельскій праздникъ, на которомъ разыгрывается какая-то комедія съ собранны-

ми на дворѣ крестьянами, между тѣмъ какъ въ самомъ семействѣ князя идетъ своя маленькая драма. Неужели это просто картина, подсказанная Писемскому его знаніемъ жизни? Неужели вы не видите, что это картина съ толкованіемъ и притомъ самымъ яснымъ, которое, конечно, г. Писемскій, какъ настоящій художникъ, не выразилъ прямо словами, но которое отъ того еще, можетъ быть, сильнѣе запечатлѣвается въ душѣ читателя.

А домъ генеральши, этотъ гробъ повалѣнный, гдѣ все прилично и важно съ наружи и гдѣ внутри одинъ развратъ, скаредность, нечеловѣческія отношенія! Пропускаемъ дорожныя впечатлѣнія Калиновича, типической вѣрности которыхъ нельзя однако не подивиться, — все какъ будто давно знакомо вамъ: и этотъ спутникъ купецъ, упорно смотрящій вдаль и даже тотъ порядокъ, въ какомъ смѣняются ящики, представляя различные типы этого сословія, — пропускаемъ и желѣзную дорогу, съ характеристическими встрѣчами, и переносимся прямо въ Петербургъ. Каждый шагъ въ жизни Калиновича доставляетъ здѣсь автору случай представить съ своей точки зрѣнія ту или другую сторону общественнаго быта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ даже прямо влагаетъ свои мысли въ уста дѣйствующихъ лицъ. Таковы разсужденія Бѣлавина въ театрѣ о сценическомъ искусствѣ, его же разсужденія о романтизмѣ. Нельзя не согласиться, что воображеніе автора во всѣхъ этихъ описаніяхъ сильно и правильно. Русская дѣйствительность, во всѣхъ выведенныхъ въ романѣ подробностяхъ, отразилась въ немъ съ поразительною точностію и вѣрностію. Впрочемъ, это совсѣмъ не новость для насъ въ талантѣ г. Писемскаго. Уже было замѣчено и прежде однимъ критикомъ, что г. Писемскому можно вѣрить во всемъ, что онъ рассказываетъ. Дѣйствительно, его представленія о жизни не капризны, не носятъ на себѣ слѣда напередъ заданной мысли, онъ, наконецъ, не принадлежитъ къ тѣмъ узкимъ сатирикамъ, которые умышленно лгутъ на жизнь, превращая поэзію въ ораторское искусство. Прочитавъ романъ г. Писемскаго вы можете быть увѣрены, что дѣйствительно узнали жизнь съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ онъ успѣлъ показать вамъ ее. Вы

можете смѣло дѣлать выводы на основаніи полученныхъ отъ него данныхъ.

Какъ на образчики мастерскихъ и полныхъ правды картинъ изъ Петербургской жизни Калиновича, мы можемъ указать на знакомство его съ редакторомъ журнала, на представленіе его директору департамента, наконецъ, на Петербургскій балъ, который служитъ только удобнымъ и благовиднымъ поводомъ для интригъ всякаго рода.

Мы переходимъ теперь едва ли не къ самой блестящей части романа, къ служебной дѣятельности Калиновича въ званіи вице-губернатора и потомъ исправляющаго должность губернатора въ губернскомъ городѣ. Сколько мы помнимъ, въ литературѣ нашей еще не было примѣра, чтобы настоящая служебная дѣятельность, энергическая борьба дѣйствительнаго, а не вымышленнаго чиновника съ административными злоупотребленіями, была представлена съ такою правдою, съ такимъ знаніемъ дѣла, наконецъ, съ такимъ истиннымъ драматизмомъ, какъ въ романѣ г. Писемскаго. До сихъ поръ писатели наши относились къ чиновничьему міру двоякимъ образомъ: или презрительно, представляя все это сословіе въ самомъ мрачномъ и грязномъ видѣ, собирая ходячіе издавна анекдоты о различныхъ чиновничьихъ плутняхъ и облекая эти анекдоты въ первую попавшуюся литературную форму, или выдумывали какихъ-то идеально-бесцвѣтныхъ героевъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ дѣйствительнымъ потребностямъ времени и жизни. И то и другое направленіе, кажется, порядочно уже надоѣло дѣловой части русской публики. Г. Писемскій первый взялся за дѣло съ его серьезной, положительной стороны. Въ своемъ Калиновичѣ онъ представилъ намъ не идеальнаго чиновника и не пасквиль на чиновниковъ, но чиновника настоящаго, котораго благороднымъ стремленіямъ на этомъ полѣ дѣятельности, самой даже горячности его, вы не можете не сочувствовать, какого бы мнѣнія ни были о немъ, какъ о человѣкѣ. Конечно, опытность и знаніе дѣла много помогли г. Писемскому въ исполненіи этой трудной задачи, но главное здѣсь безъ сомнѣнія вѣрный, практически-разумный взглядъ автора на жизнь, который, по нашему мнѣнію, со-

ставляетъ сущность всего его міросозерцанія и котораго недостаетъ весьма многимъ изъ нашихъ писателей.

Большая часть нашихъ современныхъ сатириковъ, повидному, совсѣмъ забываетъ, что чиновничество у насъ въ Россіи нельзя истребить или замѣнить чѣмъ нибудь другимъ, что это есть сословіе все-таки необходимое и полезное, въ отношеніи къ которому, какъ ни много въ немъ застарѣлыхъ золъ, литература не имѣетъ права ограничиваться однимъ порицаніемъ; увлеченные своимъ, конечно, благороднымъ негодованіемъ противъ различныхъ административныхъ злоупотребленій, упоенные свѣжимъ воздухомъ гласности, наши современные сатирики дошли наконецъ до того, что можно подумать, будто они во всемъ чиновничествѣ видятъ какое-то зло, требующее не измѣненій и исправленій, — съ чѣмъ, конечно, согласится всякой, — но совершеннаго искорененія. Вступаясь за чиновниковъ, мы, конечно, не думаемъ нисколько отстаивать какія бы то ни было злоупотребленія; но согласитесь, что странно же положеніе цѣлаго сословія, въ которомъ, безъ сомнѣнія, есть люди честные и благонамѣренные, которое продолжаетъ жить и дѣйствовать въ полной силѣ, безъ котораго даже нельзя обойтись и которое, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, встрѣчаетъ со стороны литературы одиѣ насмѣшки и оскорбленія и ни одного слова сочувствія къ лучшимъ стремленіямъ, живущимъ же хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Мы не говоримъ о жалкихъ попыткахъ вывести въ литературѣ и на сценѣ идеальныхъ чиновниковъ, которые осуждены уже строгимъ судомъ. Не такъ должно относиться къ этому дѣлу истинное творчество, если уже коснется его по своей задачѣ. Выразить положительно эти лучшія стремленія, выставить ихъ въ живомъ лицѣ на полную драматизма борьбу съ мракомъ и зломъ, привлечь на ихъ сторону всеобщее разумное сочувствіе, — вотъ художественная задача, которую г. Писемскій нашель гораздо болѣе достойною и своего таланта и самаго предмета, нежели простое порицаніе различныхъ, уже всѣмъ извѣстныхъ, злоупотребленій. Нѣтъ, кажется, надобности объяснять какое важное начало успѣлъ положить авторъ счастливымъ исполненіемъ своей задачи. Во всѣхъ литературахъ поло-

жительно нравственные черты господствуют въ общей массѣ изящно литературныхъ произведеній. Всякой, въ какомъ бы положеніи, на какой бы ступени общественной ни находился, встрѣчаетъ тамъ въ литературѣ поддержку и указанія, видитъ, что благородной борьбѣ, имъ предпринимаемой, тяжелому подъ часъ исполненію долга, сочувствовали лучшіе умы, какъ представители высшихъ стремленій цѣлаго народа. Мы, напротивъ, прячемъ, какъ будто со стыдомъ, всѣ наши горячія, идеальныя стремленія и какъ нарочно, сваливаемъ въ изящную литературу все грязное и нечистое, что удастся подмѣтнуть въ обществѣ, благо это дѣло легкое и безошибочное.

Мы очень хорошо знаемъ, что идеалы во многихъ европейскихъ литературахъ доведены уже во многомъ до страшной національной узости или до приторной сладости и, сохрани насъ Боже, рекомендовать нашимъ писателямъ погоню за такими идеалами. Но пора же наконецъ нѣсколько прочистить литературную атмосферу и дать въ ней хоть немного простора тѣмъ задушевымъ мечтамъ русскаго человѣка, тѣмъ благороднымъ порывамъ, тѣмъ святымъ помысламъ, безъ которыхъ не можетъ же жить цѣлый народъ и которыя всѣ мы держимъ, конечно, для своего домашняго употребленія, но тщательно скрываемъ отъ печатнаго оглашенія, какъ будто всѣ мы присягнули быть въ литературѣ обличителями и ничѣмъ болѣе.

Но обратимся къ роману г. Писемскаго. Не можемъ удержаться, оставляя изложеніе его подробностей, чтобы не указать на одно изъ лучшихъ мѣстъ его, именно свиданіе Калиновича съ Настенькой въ театрѣ и потомъ у ней на квартирѣ. Передъ кѣмъ изъ читавшихъ романъ не стоитъ, какъ живая, вся сцена представленія «ненависти къ людямъ или раскаянія», въ которой истинный смыслъ каждаго произнесеннаго актрисой слова понятенъ вполнѣ только двумъ лицамъ, а между тѣмъ даже и безъ этого особаго смысла вся губернская публика плачетъ на взрыдъ подъ обаятельной силой сценической правды. Что же должны были чувствовать Калиновичъ и Настенька? Въ ту минуту, когда губернаторъ, сдерживая всю силу чувства, пробирается по

немногу къ Настенькѣ на сцену и имѣеть еще силы сказать нѣсколько комплиментовъ содержателю театра и какой-то попавшейся актрисѣ, онъ истинный герой, не вымышленный, конечно, не средневѣковой, по настоящій герой нашего вѣка, котораго внутреннимъ движеніямъ вы не можете не почувствовать, которому въ эту минуту вы готовы простить многое, если не все. Поболѣе намъ такихъ драматическихъ сценъ изъ дѣйствительной современной жизни, поболѣе такихъ положеній, дышащихъ всею жизненною правдою и изящная литература наша станетъ не однимъ дѣломъ роскоши или забавы, какъ теперь, но насущною, душевною потребностію каждаго; въ ней будетъ находить каждый знакомя страданія, знакомую борьбу, однимъ словомъ, весь свой внутренній душевный міръ. Публичное, страшное, хотя и никому изъ театральной публики непонятное объясненіе между Калиновичемъ и Настенькой уже сдѣлано въ театрѣ. Не удивительно, что послѣдовавшее за тѣмъ свиданіе ихъ на квартирѣ Настеньки, полно тихаго счастья, помрачаемаго по временамъ лишь трудными губернаторскими заботами и ревнивымъ движеніемъ Калиновича. Не удивительно, что они видятся, какъ будто послѣ недолгой, случайной разлуки, что они умѣютъ цѣнить счастье, посланное имъ, наконецъ, послѣ долгихъ страданій и труднаго житейскаго опыта и, какъ люди искушенные уже, не стараются смутить его горькими объясненіями. Но и здѣсь опять-таки, въ эти минуты полного взаимнаго счастья, авторъ не забывается ни на минуту и вы ясно чувствуете всю бездну, отдѣляющую высокій характеръ Настеньки отъ вѣчно недовѣрчиваго, себялюбиваго и желчнаго Калиновича. Вся эта сцена есть образчикъ высокаго мастерства автора.

Вообще все, что касается подробностей и картинъ русскаго быта въ различныхъ слояхъ общества, мы находимъ безукоризненнымъ въ повомъ романѣ г. Писемскаго. Художественный талантъ его въ описаніяхъ и изображеніяхъ явился здѣсь въ полномъ блескѣ и силѣ. Все кажется списаннымъ съ натуры, даже когда-то лично видѣннымъ или испытаннымъ: сила впечатлѣній, производимая нѣкоторыми его описаніями, доходитъ до очарованія; такова, напримѣръ,

всенощная въ монастырѣ, во 2-й части. Точка зрѣнія его на всѣ описываемыя явленія благородная и современная. Болѣе, кажется, нечего сказать въ похвалу быто-описательному роману.

Переходимъ теперь къ внутреннему содержанію романа, къ той нравственной и общественной задачѣ, которую ставить и разрѣшаетъ въ немъ авторъ, къ тѣмъ внутреннимъ побужденіямъ, которыя вызвали на свѣтъ романъ именно такого содержанія.

Нельзя не сочувствовать почтенному автору въ удачномъ выборѣ основной страсти, двигающей всѣми пружинами романа. Дѣйствительно страсть къ деньгамъ, къ комфорту, къ значенію и блестящему положенію въ свѣтѣ стала давно уже у насъ господствующею страстію, которую, какъ закулисный двигатель, легко усмотрѣть за всѣми почти поступками и стремленіями. Времена грубыхъ порывовъ, необузданной воли, бѣшеныхъ страстей и тому подобныхъ остатковъ суровой старины, давно миновались и подобныя явленія крайне рѣдко, и то развѣ въ низшихъ классахъ, завязываютъ теперь въ дѣйствительной жизни драму. Внѣшній, приличный лоскъ давно уже покрылъ верхніе слои нашего общества. На видъ мы цивилизованные европейцы; но за то подъ этимъ поверхностнымъ лоскомъ тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ, подъ новою формою, тѣ же грубые, лишь прикрываемые приличіемъ, инстинкты. Страсть къ деньгамъ, къ чинамъ, къ отличіямъ, какими бы путями ни пришлось достигнуть ихъ, вотъ новыя формы старой грубости нравовъ.

И такъ г. Писемскій попалъ дѣйствительно въ больное мѣсто русскаго общества: герой его страдаетъ вполне современною болѣзнію. Но въ Калиновичѣ живетъ и другое начало: онъ также олицетворяетъ въ себѣ другую лучшую сторону нашей цивилизаціи; однимъ словомъ, онъ энергичскій представитель честнаго поколѣнія чиновниковъ, выступающаго теперь на смѣну и на борьбу съ добродушнымъ и невѣжественнымъ взяточничествомъ, казнокрадствомъ и т. п. Почему авторъ счелъ за нужное соединить въ своемъ героѣ эти два противоположныя начала, это понятно. Задача его была изобразить не героя добродѣтели, но современнаго человѣка, со

всѣмъ его достоинствами и недостатками. Къ сожалѣнію нельзя не согласиться, что въ своемъ изображеніи авторъ остался вѣренъ истинѣ. Таково именно теперь молодое поколѣніе, выступающее на сцѣну стараго. Этимъ мы, конечно, не хотимъ сказать, чтобы каждый, принадлежащій къ молодому, служащему поколѣнію способенъ былъ сдѣлать все то, что сдѣлалъ дурнаго Калиновичъ въ своей жизни. Но это уже случайныя обстоятельства, выдуманная авторомъ для лучшаго разъясненія своей мысли; родовыя же черты Калиновича, безъ сомнѣнія, общи всему поколѣнію. Начиная съ холоднаго и гордаго обращенія съ подчиненными, на которыхъ Калиновичъ смотритъ, какъ на людей другой породы—мы узнаемъ въ немъ все знакомыя, безпрестанно встрѣчаемыя въ жизни черты: тщеславіе, раздражительное въ высшей степени самолюбіе, сухость сердца, презрѣніе ко всякому увлеченію, вѣчную натянутость отношеній, исключительное служеніе матеріальнымъ благамъ жизни, суетную гордость новымъ благороднымъ началами, хотя бы они не успѣли еще выдержать ни какого жизненнаго искуса. Такія именно черты, выѣстъ съ пробужденіемъ общественной чести и благонамѣренности выработались у насъ пока, взамѣну цѣльной и круглой староі жизни. Состояніе, очевидно, переходное.

Искушенія, представляющіяся въ жизни Калиновичу, также не выдуманы авторомъ. Общество, какимъ справедливо его изобразилъ г. Писемскій, въ которомъ господствуетъ исключительное развитіе страшныхъ эгоистическихъ инстинктовъ, въ которомъ почти нѣтъ поддержки и сочувствія дарованіямъ и энергіи, разумѣется, не можетъ ничего дать молодому человѣку кромѣ искушенія.

Если справедливо такое изображеніе новаго поколѣнія и современнаго ему общества, то безъ сомнѣнія Калиновичъ есть истинный герой нашего времени. Онъ послѣдовательнѣе, по крайней мѣрѣ, въ развитіи лежащихъ въ немъ началъ добра и зла, онъ энергичнѣе, нежели тысячи людей, готовыхъ на все для составленія себѣ карьеры, и, которые, по робости и недостатку характера, дѣлаютъ весь вѣкъ лишь мелкія подлости и ничего хорошаго. Большая часть молодыхъ людей нашего времени смотрятъ именно такъ, какъ

Калиновичъ на свою первую, неразумную, какъ говорятъ, или правильнѣе нерасчетливую любовь, но у немногихъ достаетъ силы раздѣлаться такъ рѣшительно, съ такими страданіями, прямо взявъ на свою душу тяжелый грѣхъ, какъ сдѣлалъ Калиновичъ; почти всѣ видятъ въ бракѣ лишь выгодную партію, но не у многихъ достанетъ духу рѣшиться на такой бракъ и именно при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ сдѣлалъ это Калиновичъ. Но если Калиновичъ рѣшительнѣе во злѣ, нежели большая часть людей его поколѣнія, онъ рѣшительнѣе ихъ и въ добрѣ. Какъ въ первой половинѣ своей жизни онъ не ограничился, какъ многіе, замазываніемъ своихъ проступковъ, легкими сдѣлками съ жизнью и совѣстью, которыя всегда потомъ отзываются тяжело въ жизни; но прямо и смѣло, глядя въ лице всей тяжести проступка, бралъ его на свою совѣсть; такъ точно потомъ, понавъ въ свою настоящую сферу, достигнувъ твердо поставленной себѣ цѣли въ жизни, явившись важнымъ общественнымъ дѣятелемъ, онъ не вступилъ ни въ какія сдѣлки съ совѣстью и жизнью; но всего себя безраздѣльно отдалъ борьбѣ со зломъ и, наконецъ, палъ въ этой борьбѣ, не одолевъ всей, возставшей на него, силы зла.

Съ этой точки зрѣнія мы совершенно понимаемъ и оправдываемъ очевидное сочувствіе автора къ своему герою. Признавъ за Калиновичемъ нѣкоторыя, и довольно сильныя, права на наше сочувствіе, мы, конечно, не станемъ осуждать г. Писемскаго и за тѣ художественныя уловки, которыми онъ старался возбудить въ насъ это сочувствіе. Мы даже не совѣмъ справедливо назвали уловками всѣ средства, употребленныя авторомъ для этой цѣли. Одни изъ нихъ совершенно законны, безъ нихъ романъ не имѣлъ бы художественной правды и интереса. Они всегда употреблялись и будутъ употребляться въ поэзіи, они составляютъ даже одно изъ сильнѣйшихъ ея орудій. Мы разумѣемъ здѣсь тотъ глубокій анализъ человѣческаго сердца и съ другой стороны то яркое, ослепительное изображеніе гнетущей силы вещей, которыя призываетъ на помощь г. Писемскій при всякомъ паденіи своего героя и которыми ослабляетъ всякой разъ возникающее въ насъ негодованіе противъ его дурнаго

поступка. Именно эти художественные приемы и дѣлаютъ изъ Калиновича не отвлеченнаго злодѣя, по брата нашего, человѣка, которому мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ отказать въ сочувствіи. Но есть въ романѣ г. Писемскаго одна дѣйствительная уловка въ пользу своего героя, которая по тому самому сдѣлалась тотчасъ же и художественною ошибкою, ярко отличающеюся отъ общей правды всего остальнаго.

Желая полнѣе и яснѣе выразить свой взглядъ на дѣло, авторъ вывелъ въ рендантъ въ Калиновичу и Бѣлавина, богача, аристократа по рожденію, человѣка съ свѣтлымъ и образованнымъ умомъ, съ тонкимъ художественнымъ тактомъ, но въ то же время нѣсколько лѣниваго, не принимающаго живаго и дѣятельнаго участія въ добрѣ и злѣ, которыя борются въ дѣйствительности, человѣка, наконецъ, который сохранилъ свою нравственную чистоту, пожалуй потому, что не жилъ полною жизнью, не боролся, не страдалъ, не пробивалъ себѣ пути, но все-таки сохранилъ эту чистоту и этою чертою рѣзко отличается отъ Калиновича. Ограничась авторъ этимъ изображеніемъ Бѣлавина, прибавь, пожалуй, къ этому нѣкоторую лѣность и сухость сердца, заставившую его испугаться любви Настеньки, какъ тяжелой обязанности, налагаемой на свою свободную жизнь,—мысль автора была бы вполне ясна. Эта побочная личность Бѣлавина помогла бы автору привлечь еще нѣкоторую долю сочувствія на труженическую, полную борьбы и страданій, благородно заключенную дѣятельность Калиновича, но въ то же время художественная правда была бы соблюдена и нравственное чувство читателя направлено авторомъ совершенно правильно. Но по какому-то странному капризу, г. Писемскій вдругъ вздумалъ замарать Бѣлавина, выдумавъ про него двѣ грязныя черты, совсѣмъ къ нему не идущія, и забывъ, что Бѣлавинъ не живое лицо, а его же собственное художественное созданіе, распорядиться которымъ по призыву авторъ самъ неволенъ, давъ ему однажды твердыя очертанія; г. Писемскій не удовольствовался, однимъ словомъ, тѣми нравственными впечатлѣніями, какія должно было произвесть художественное изложеніе дѣла; онъ вздумалъ

распорядиться мнѣніемъ и впечатлѣніемъ читателя и впалъ въ двойную ошибку. Къ счастью, это единственный серьезный упрекъ, который мы можемъ и должны сдѣлать почтенному автору.

Съ сожалѣніемъ расстаемся мы съ прекраснымъ романомъ г. Писемскаго, составляющимъ, безъ всякаго сомнѣнія, одно изъ лучшихъ украшеній нашей изящной литературы въ истекшемъ году. Важное художественное общественное значеніе этого романа будетъ, безъ сомнѣнія, оцѣнено всею образованною русскою публикою. Мы лично не можемъ не поблагодарить почтеннаго автора за то, что въ своемъ романѣ онъ остался вѣренъ лучшимъ литературнымъ предашямъ, которыя, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе забываются у насъ, подъ влияніемъ дѣловаго, но уже слишкомъ промышленнаго направленія.

Е. Эдельсонъ.

Москва

1858 г. декабря 5.

СТИХОТВОРЕНІЯ МЯ.

«Написать два, три, четыре превосходныхъ стихотворенія уже значить быть поэтомъ», съ рѣшительнымъ видомъ говорилъ мнѣ когда-то одинъ изъ числа такихъ пріятелей, въ умѣ которыхъ я никогда не сомнѣвался. Онъ самъ когда-то стихи писалъ, и я помню, одно изъ его стихотвореній было такъ хорошо, до такой степени звучно, стройно, горячо и художественно, что я не шутя сравнивалъ его съ однимъ изъ лучшихъ стихотвореній Пушкина. Еслибы оно когда-нибудь, гдѣ-нибудь, случайно было напечатано, я увѣренъ, оно попало-бы въ сборникъ лучшихъ произведеній русской поэзіи г. Щербины. Г. Щербина, замѣчали мнѣ нѣкоторые, многихъ еще упустилъ изъ виду, составляя сборникъ свой; а между тѣмъ около шестидесяти имѣтъ

красуются на его страницахъ! — Кто не изумится, а главное, кто повѣритъ, чтобы на русской почвѣ, въ одинъ вѣкъ, поднялось, созрѣло и просіяло шестьдесятъ поэтовъ! Какой народъ въ мирѣ можетъ превзойти насъ, если это правда!... Но Щербина сборникъ свой и не называетъ собраніемъ лучшихъ произведеній русскихъ поэтовъ; онъ просто говоритъ: произведеній *русской поэзіи*, и не ошибается. И «Отоманская пѣсня» Вельмана — и «Машенька» Коренева — и «Гондольеръ» Ө. Кони, носятъ на себѣ печать неподдѣльной поэзіи. Въ этомъ даже и публика не сомнѣвается; но отчего же она первая засмѣется вамъ въ глаза, если вы вздумаете увѣрять ее, что у насъ на святой Руси шестьдесятъ поэтовъ. Не отъ того ли, что написать истинно-поэтическое стихотвореніе и быть истиннымъ поэтомъ далеко не одно и то же.

Поэзія всѣмъ доступна. Всѣмъ понятно и всѣхъ увлекаетъ истинное, вдохновенное творчество, потому что это творчество есть общее достояніе всѣхъ и каждого, есть одно изъ такихъ же положительныхъ свойствъ души человѣческой, какъ умъ, совѣсть, воображеніе, чувство и проч. и проч.

Юность въ особенности богата поэтическими минутами: кто овладѣлъ механизмомъ стиха, тому, конечно, можетъ быть и удастся поймать одну изъ такихъ свѣтлыхъ минутъ и создать нешутя поэтическое стихотвореніе. За этой старой истиной слѣдуетъ другая, не менѣе старая истина, а именно та, что поэтовъ и творцовъ немного. Чтобъ творить, надо обладать творчествомъ почти въ такой же степени, въ какой избранные, обладая любовью, раздавали нищимъ все свое состояніе. Только такая степень вѣры и любви творила чудеса, вызывая людей на необычайные подвиги, и только такая степень творчества создаетъ чудеса искусства. Человѣкъ, въ которомъ не осталось ни единой капли любви, ни единой искры творчества, не поклонится ни единому поэту, пройдетъ равнодушно передъ созданіемъ искусства и не повѣритъ всему тому, что будутъ говорить ему о ихъ глубокомъ значеніи. Такъ, увлекаться поэтомъ значитъ носить въ себѣ хоть тысячную долю того же творчества, хоть и бесплоднаго, по своему крайнему безсилію.

Степени творчества такъ же безконечны, какъ безконечны степени ума. У кого его нѣтъ? — Даже и тотъ имъ обладаетъ, кого мы всѣ называемъ дуракомъ набитымъ; мы называемъ его такъ потому только, что не съ разу видимъ умъ его, что это первая, самая низкая его ступень, та ступень, на которой стоятъ толпы людей и на которую иной ребенокъ шести лѣтъ уже заноситъ ногу, потому наконецъ, что видали мы и постоянно видимъ умъ человѣческій восходящимъ на такую высокую ступень, что и въ тысячу лѣтъ мы не можемъ отойти отъ него на такое пространство, чтобы высота его скрылась за горизонтъ и перестала свѣтить намъ.

Часто случается, что и не дальняго ума человѣкъ можетъ иногда подать умный совѣтъ, сказать или сдѣлать умное замѣчаніе. Вотъ почему иногда и не поэтъ можетъ написать поэтическое стихотвореніе.

Потому мало истинныхъ поэтовъ, что трудно творчеству стать свойствомъ преобладающимъ. То умъ его пересилитъ и, подчинивъ его своей логикѣ, перехитритъ или охладитъ его, то житейскія нужды, борьба съ людьми и свѣтомъ, проза жизни покачнуть его, прежде чѣмъ оно успѣло пустить глубокіе корни въ душѣ человѣческой, то лѣнь, то безхарактерность или слабость воли не дадутъ ему созрѣть, то недостатокъ памяти или недостатокъ ума, какъ слишкомъ ничтожное количество ему необходимой почвы заставитъ его поневолѣ бесплодно увянуть раньше времени. Удивительное, математически рассчитанное соотношеніе всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ въ человѣкѣ должно быть для того, чтобы твердо укоренялось и росло въ немъ творчество; чуть чего нибудь больше или меньше чѣмъ слѣдуетъ, и творчество исчезаетъ, конечно въ томъ только смыслѣ исчезаетъ, что перестаетъ быть силою производительной. Вотъ почему поэтовъ такъ же мало, какъ мало великихъ мыслителей, великихъ полководцевъ и проч.; но, замѣтятъ мнѣ, великихъ, такъ, — ну, а просто поэтовъ, т. е. не великихъ, отъ чего же ихъ не можетъ быть многое множество? а развѣ много просто мыслителей, т. е. философовъ, даже и не великихъ? развѣ много полководцевъ, даже не великихъ? Мнѣ на это скажутъ: для того, чтобы быть

даже просто замѣчательнымъ полководцемъ, нужна война; а война не часто бываетъ. Ну, а чтобы быть поэтомъ, нужна не только другая война, но и побѣды, а именно побѣды разумныхъ началъ общества надъ его темными или злыми началами, что также бываетъ не часто.

Кромѣ этого еще скажу вамъ, если мы допустили степени ума и творчества, почему не допустить намъ степени того, что мы называемъ великимъ. «Я признаю великимъ того челоуѣка,» говоритъ Эмерсонъ, одинъ изъ Американскихъ мыслителей, «чья мысль способна обитать въ такихъ сферахъ, до которыхъ другіе добираются не безъ труда и не безъ усилій, которымъ стоитъ только глаза открыть, чтобы увидѣть вещи въ ихъ настоящемъ, истинномъ свѣтѣ и проч.» Если это хоть сколько нибудь справедливо, спрашиваю: какой поэтъ не обладалъ этими двумя качествами, если только онъ былъ поэтъ дѣйствительный, и нужно ли ему непременно быть всемірнымъ гениемъ, чтобы быть великимъ? Нѣтъ! если слова Эмерсона справедливы, то каждый поэтъ, на какой бы степени творчества онъ ни стоялъ, долженъ быть великъ, т. е. по идеямъ своимъ стоять тамъ, куда другіе съ трудомъ добираются, и видѣть все въ истинномъ свѣтѣ, все, отъ едва замѣтнаго ощущенія въ душѣ до самой сильной страсти, отъ легчайшаго дуновенія ночи до страшныхъ бурь и урагановъ. Безъ этихъ двухъ качествъ великаго, я такъ же не могу вообразить себѣ поэта, какъ не могу вообразить себѣ красавицу безъ красоты; безъ этихъ качествъ въ челоуѣкѣ я никакъ не пойму, почему вокругъ него собираются поклонники, почему толпа слушаетъ его сначала съ завистию, потомъ съ благоговѣніемъ, почему наконецъ, всякій поэтъ, если только онъ поэтъ, есть *учитель взрослыхъ*.

Всѣ споры, поднятые нашими журналами о томъ, должно ли искусство быть орудіемъ въ рукахъ поэта, для того, чтобы биться имъ во имя тѣхъ или другихъ общественныхъ началъ, или оно само себѣ цѣль и внѣшней цѣли имѣть не можетъ? Вопросъ этотъ еще не совсѣмъ рѣшенъ нашими журналами, еще каждый остался при своемъ убѣжденіи; уже жлого ума и чернилъ пошло на доказательство того и другаго, а между тѣмъ никто не замѣчаетъ, что существованіе

истинной поэзии не зависитъ отъ рѣшенія тѣхъ или другихъ о ней вопросовъ, точно такъ же, какъ явленія природы не зависятъ отъ спора ученыхъ. Того порабощенія искусства теоріямъ, о которомъ такъ горячо и съ такимъ благороднымъ негодованіемъ писалъ Г-нъ Аршерумовъ, по нашему мнѣнію, никогда и не было. Если эта теорія не совратила съ пути ни Фета, ни Майкова, ни Тютчева, повѣрьте, надъ великимъ и многостороннимъ поэтическимъ талантомъ всѣ эти теоріи прошли бы еще незамѣтнѣе. Нельзя, конечно, не согласиться съ тѣмъ, что поэтъ, какъ существо свободно-разумное, можетъ, если захочетъ, поставить для себя ту или другую цѣль, казнить порокъ, хлестать взяточниковъ, быть непремѣнно выразителемъ общественныхъ стремленій, органомъ той или другой партіи и проч.; но — если онъ и не захочетъ всего этого, не найдя въ свойствѣ таланта своего такой гибкой способности подчиняться времени или чужимъ теоріямъ, онъ все-таки не перестанетъ быть поэтомъ, обладая талантомъ, точно такъ же, какъ женщина не перестанетъ быть красавицей, не утративши красоты своей. Поэзія есть истина въ красотѣ и красота въ истинѣ; но не всякая истина поэтична и не всякая красота истинна.

Желая вымолвить наше сильное мнѣніе о стихотвореніяхъ г-на Мея, мы приступаемъ къ разбору ихъ, невольно становясь на высоту убѣжденій, только что нами высказанныхъ. Мы приступаемъ къ нимъ съ однимъ вопросомъ: поэтъ ли г-нъ Мей въ томъ смыслѣ слова, въ какомъ мы его понимаемъ? т. е. можетъ ли онъ быть моимъ и вашимъ учителемъ; на такой ли высотѣ стоитъ его мысль, чтобы мы сознательно или бессознательно, признали поэтическую личность его стоящую на одной изъ ступеней великаго? Чтобы рѣшить такой вопросъ честно и добросовѣстно, что должны мы сдѣлать? просить самого автора помочь намъ понять его, и если онъ поэтъ, какая его особенность, какой характеръ, какой голосъ, какова поступь?

Незнакомыхъ мы не только не сажаемъ съ собой за нашъ семейный столъ, мы имъ даже не кланяемся; какъ же станемъ мы кланяться, и подъ нашъ домашній, семейный кровъ приглашать поэта, если мы не знаемъ его въ лице. Чтобы

узнать его, конечно надо познакомиться; а кто жъ пной можетъ насъ и познакомить съ нимъ, какъ не его же Муза, проще сказать, его произведенія. Мы отъ роду не видали Гейне, а образъ его намъ знакомъ; мы даже привыкли къ нему; узнаемъ его по звуку голоса, и намъ легко съ нимъ, какъ съ старымъ, неизмѣннымъ, хотъ и желчнымъ другомъ; мы никогда и въ глаза не видали Полежаева, даже его портрета ни разу не имѣли въ рукахъ; но знаемъ, что это за лице, подходитъ съ довѣріемъ къ его душевнымъ ранамъ, и намъ тяжело за него и больно, какъ будто родной братъ погибаетъ... Его давно уже нѣтъ, а образъ его носится, хотъ онъ и не былъ поэтомъ великимъ или гениемъ.

Не только такіе лирическіе поэты какъ Байронъ, Гете и Шиллеръ, но и второстепенные поэты, поднимающіеся не слишкомъ высоко въ область истинно-великаго, имѣли и имѣютъ свою нравственную фізіономію. Ни Веневитиновъ, какъ Гамлетъ, надъ могилой гадающій о тайнахъ жизни, ни Кольцовъ, какъ простая русская душа, почуявшая Божій свѣтъ, да съ тоски по немъ и затапущая пѣсню, не лишены этой нравственной фізіономіи. То же можемъ мы сказать и о Некрасовѣ. Всѣ они поэтическія личности, т. е. образы, ясно мелькающіе сквозь призму ими созданныхъ, живыхъ, поэтическихъ образовъ. У всѣхъ у нихъ, отъ великаго до малаго, одно: истина въ красотѣ и красота въ истинѣ. Поэзія такихъ людей увлекаетъ насъ какъ красота и поучаетъ насъ какъ истина. И такъ, чтобы ближе познакомиться съ личностію г-на Мей, какъ поэта, перечитавши всѣ его стихотворенія, мы обратились къ тѣмъ изъ нихъ, въ которыхъ говоритъ онъ отъ себя, отъ своего лица, стало быть къ такимъ стихотвореніямъ, гдѣ лирическое сливается съ личнымъ, съ образомъ нравственныхъ убѣжденій, душевныхъ страстей, затаенныхъ стремленій и проч., и не мало были изумлены мы малымъ количествомъ именно такого рода стихотвореній; ихъ не болѣе осьми, тогда какъ всѣхъ стихотвореній около семидесяти. Мало, слишкомъ мало средствъ или матеріаловъ даетъ намъ г-нъ Мей, чтобы узнать его, какъ лирика, чтобы познакомиться съ его поэтической личностію. Конечно, количество еще ничего не значитъ, осьми стихотво-

реній Полежаева, или Лермонтова, или Некрасова уже достаточно, чтобы намъ узнать ихъ направленіе, звукъ и силу ихъ голоса.

По нѣсколько разъ перечли мы эти личныя (чисто субъективныя) стихотворенія г-на Мея и пришли наконецъ къ тому, что изъ нихъ нельзя извлечь о лицѣ автора никакого цѣльнаго понятія; что авторъ, какъ лирическій поэтъ, не даетъ намъ никакого образа, никакой опредѣленной физиономіи, что нѣтъ ни одного стихотворенія, котораго бы звучный стихъ *ударилъ по сердцамъ съ невидимомъ силой*. Что этой силы нѣтъ ни въ мысли, ни въ чувствахъ и что наконецъ каждое стихотвореніе невольно вызываетъ насъ на споръ съ авторомъ, что было бы невозможно, если бы онъ былъ поэтъ, никто не вправѣ вѣрить намъ, если мы не докажемъ этого анализомъ хотя нѣкоторыхъ его стихотвореній. Когда мы читаемъ личныя (субъективныя) стихотворенія Пушкина, мы не только вѣрнемъ въ глубину его чувства, не только приходимъ въ восторгъ отъ его анализа, потому что анализъ такихъ стиховъ, какъ наприм. *«Я васъ люблю, любовь моя быть можетъ»* раскрываетъ намъ такую бездну разнородныхъ свойствъ истишной любви, что рассказать ихъ въ прозѣ, значитъ написать цѣлую статью психологическаго содержанія. Читая подобные стихи, мы не только увлекаемся красотой формы, но боимся за личность поэта; кажется, каждый моментъ, имъ выражаемый, есть или вѣрный рѣшительный шагъ въ его жизни, или такая потрясающая минута, отъ которой зависитъ вся будущая жизнь, и судьба, и дѣятельность; каждое стихотвореніе его кажется намъ выраженіемъ такой минуты, что въ жизни человѣческой она уже не можетъ, не въ силахъ повториться. Можетъ ли, напримѣръ, повториться минута, когда *она явилась* поэту, *какъ мимолетное видѣнне, какъ гений чистой красоты*? Можетъ ли повториться минута, когда его *«хладящія руки, ее старались удержатъ»*. Все это кажется намъ именно отъ той страшной силы чувства, которая лежитъ въ основѣ творчества. То же самое можемъ мы сказать о многихъ личныхъ, лирическихъ стихотвореніяхъ Полежаева, Лермонтова, Кольцова и Некрасова, и ничего подобнаго нельзя

сказать о личных стихотвореніяхъ г-на Мея. Не знаю — говорить онъ въ одномъ стихотвореніи :

Не знаю, отчего такъ грустно мнѣ при ней?
 Я не влюбленъ въ неѣ: кто любитъ, тотъ тоскуетъ,
 Онъ боленъ, изнуренъ любовію своею,
 Онъ день и ночь въ огнѣ — онъ плачетъ и ревнуетъ...
 Я не влюбленъ.... при ней бываетъ грустно мнѣ —
 И только.... Отчего — не знаю. Оттого ли,
 Что дума и у ней такой же просить воли,
 Что сердце и у ней въ такомъ жѣ дремлетъ снѣ?
 Нѣтъ отъ предчувствія, что нѣкогда напрасно,
 Но пылко мнѣ ее придется полюбить?
Богъ вѣсть! а полюбить я не хотѣлъ бы страстно.

Когда Лермонтовъ говорить: «мнѣ грустно оттого, что я тебя люблю», прочитавши все стихотвореніе, мы понимаемъ, отчего ему грустно. Здѣсь же причина темна и неизвѣстна самому автору, въ чемъ онъ самъ откровенно и сознается: *«не знаю, отчего такъ грустно мнѣ при ней»*. Еще непонятнѣе, чего онъ боится, почему не хочется ему полюбить, какая причина? Богъ вѣсть! И не странно ли? Непонятная боязнь любви — единственное чувство, которое проходитъ по всѣмъ его личнымъ стихотвореніямъ, — чувство, далеко не поэтическое, въ особенности, если истинность его не оправдывается горькимъ разочарованіемъ, но и этого оправданія не слышится въ стихахъ г-на Мея.

Въ стихотвореніи *Октавы* (на стр. 133) г-нъ Мей такъ же какъ будто боится, чтобы стихи его не приняли за *чистое любовное признаніе*; но нигдѣ эта боязнь любви не высказалась такъ звучно и громко, какъ въ стихотвореніи «*Бѣги ея!*» — Вотъ оно: будемъ его читать и останавливаться:

Бѣги ея, чего ты ждешь отъ ней?
 Участвія, сочувствія, быть можетъ?
 Зачѣмъ же мысль о ней тебя тревожить?
 Зачѣмъ съ нея не сводишь ты очей?

Зачѣмъ? понятно зачѣмъ, — онъ ждетъ участія, сочувствія. Вѣдь это не простое ухаживаніе потому, что мысль о ней его тревожить.

Любви ты ждешь, хоть самъ еще не любишь
 Неправда ли?....

Какъ! онъ еще не любить? Если такъ, стоитъ ли такой господинъ, который не любя ждетъ сочувствія и даже участія, стиховъ поэта — если только эти стихи въ устахъ его не дышутъ явнымъ негодованіемъ.

Но знаешь, можетъ быть
Тебѣ придется страстно полюбить —
Тогда себя погубишь ты — погубишь.

Это почему? — для людей сильныхъ сердцемъ даже и несчастная любовь приноситъ свою пользу. Что за бѣда пострадать! — Да и почему авторъ увѣренъ, что полюбить ее то же, что погибнуть.

Взгляни, какъ эта ручка холодна,
Какъ сжаты эти губы, что за горе
Искусно скрыто въ этомъ свѣтломъ взорѣ....
Ты видишь, какъ грустна она, блѣдна....
Бѣги ея: она любила страстно
И любить страстно — самое-себя
И, какъ Нарциссъ, терзается напрасно
И, какъ Нарциссъ, увянетъ, *все* любя.

Что значить это «*все любя*» это «*все*» послѣ того, какъ мы уже знаемъ — что она любитъ только себя? и почему Нарциссъ, *терзается напрасно*? Посмотрите хоть на картину Брюлова: Нарциссъ, наклонившійся надъ водой и любующійся отраженіемъ красоты своей. — Кто собой доволенъ, себя любить, и собой любитъ, тотъ меньше всѣхъ способенъ терзаться.

Не осуждай: давно, почти дитятей,
Она душой и мыслью стала жить;
Она искала родственныхъ объятій;
Хотѣлось ей кого нибудь любить....
Но не съ кѣмъ было сердцемъ породниться,
Но не съ кѣмъ было чувствомъ подѣлиться,
Но некому надежды передать,
Дѣвичьи сны и грезы рассказать.
И показалось ей, что нѣтъ на свѣтѣ
Любви — одно притворство; нѣтъ людей —
Все — дѣти, всё — безсмысленныя дѣти,
Безъ сердца, безъ возвышенныхъ страстей.

И помяла она, что безъ привѣта
 Увянуть ей, какъ ландышу въ глуши,
 И что на голосъ пламенной души
 Ни отъ кого не будетъ ей отвѣта.

Боже мой! какая чудная, богатая дарами неба душа! Кого же и любить, если не подобныхъ женщинъ? естественно ли, понятно ли со стороны поэта, изъ одного предположенія, что она полюбитъ такую женщину, совѣтовать ему, бѣжать ей? Не отъ того ли и увяла она сердцемъ и не отъ того ли.

... Богу только вѣдомо, какъ ей
 Подъ часъ бывало тяжело и больно....
 И стала презирать она людей
 И вѣру въ нихъ утрачивать неволью,

Но какая же женщина не утратитъ вѣры въ людей, если даже и поэты будутъ давать эгонистическіе совѣты мушкетерамъ бѣжать любви!

Еще несправедливѣе, еще невозможнѣе показался намъ такой совѣтъ послѣ слѣдующихъ стиховъ:

Но съ каждымъ днемъ въ душѣ ея сильнѣй
 И доброты, и правой злобы битва....

Какъ! Еще продолжается борьба въ душѣ этой женщины! еще есть добро, которое борется со зломъ! Еще есть время спасти ее, полюбивъ ее глубоко и самоотверженно! но нѣтъ ей спасенія! авторъ говоритъ, заключая стихи свои:

Бѣги ея, но.... пожалѣй объ ней.

Спрашиваю, на сколько истины въ этомъ смѣшномъ, бесплодномъ сожалѣніи! и если это истина, есть ли въ ней красота? нѣтъ, это уродливая истина, принарядившаяся въ звучный и блестящій стихъ — вотъ почему мы и не видимъ въ ней поэзіи.

Такою же неопредѣленностію чувства отличается стихотвореніе: *«Когда ты склонялся надъ ролею»*. — Здѣсь авторъ не только груститъ отъ того, что ей весело; но ему жаль ее уже потому, что *ей будетъ весело*.

И быстро забываютъ руки,
 И звуковъ веселыя волны
 Полюются, мелодіи полны —
 Мнѣ жаль, что такъ веселы звуки.

Такъ, въ немногихъ личныхъ стихотвореніяхъ Мейя не нашли мы ни очарованія, ни разочарованія, ни любви, ни холода, ни тоски, ни радости, ни страстныхъ увлеченій, ни мудрыхъ совѣтовъ, никакого яснаго взгляда на жизнь, ничего такого, изъ чего бы сложился передъ нами тотъ образъ, который мы называемъ поэтическимъ образомъ.

Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ судей, которые съ пренебреженіемъ отворачиваются отъ такихъ стихотвореній, гдѣ главную роль играетъ любовь (чувство, по ихъ мнѣнію, далеко не современное); нѣтъ, мы съ такимъ же восторгомъ готовы привѣтствовать стихи «Къ ней» «Къ лунѣ» и проч., если только въ нихъ будетъ истинная поэзія. Насъ не испугаютъ эти вышедшія изъ моды, эти устарѣлыя заглавія; мы знаемъ—гдѣ есть поэзія, тамъ непременно таятся для насъ нѣчто новое, дышущее силой и свѣжестью; мы знаемъ, что поэзія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ никогда не исчерпаетъ всей глубины этого безконечнаго чувства—любви, чувства, вѣчно для всѣхъ современнаго. Не въ томъ вопросъ: зачѣмъ поэтъ избираетъ любовь предметомъ своихъ вдохновеній, вопросъ въ томъ: любить ли онъ такъ, какъ немногіе способны любить, а главное, любить ли онъ совершенно по своему. Но, что такое любить по своему? Любить по своему, примѣняя слова эти къ творчеству, значитъ находить въ сердцѣ своемъ такія струны, которыя никѣмъ еще не были затронуты, находить въ любви такіе новые мотивы, отъ которыхъ стихотвореніе кажется вполне своеобразнымъ. Любить по своему, для поэта, значитъ любить сообразно съ характеромъ своей поэтической личности. Такъ ли, на примѣръ, Гете ожидаетъ свою возлюбленную, какъ ожидаетъ ее Шиллеръ? Такъ ли прощается и разстается Пушкинъ съ любимой имъ женщиной, какъ разстается Лермонтовъ? Еще рѣзче окажется разница этихъ особенностей, если мы будемъ сравнивать поэтовъ разныхъ историческихъ эпохъ, хотя эта разница нисколько не мѣшаетъ истинѣ. Петрарка такъ же истиненъ и понятенъ сердцу, какъ и Байронъ. Въ истинномъ поэтѣ, не только глубокія идеи или сильныя душевныя движенія, но и едва уловимыя ощущенія могутъ стать достойнымъ матеріаломъ для иску-

ства; ибо для него открыта та область, гдѣ все зародившееся въ тайникахъ души его претворяется въ «*перль созданія*». Но и для поэта, какъ бы великъ онъ ни былъ, такъ же какъ и у всѣхъ вообще смертныхъ, не всякое чувство и не всякая мысль претворяется въ чувство поэтическое или въ поэтическую мысль. Есть миллионъ душевныхъ побужденій, разнаго рода фантазій и даже нравственныхъ побужденій, которыя по природѣ своей, въ какіе бы стихи вы ихъ ни облекали, не способны подняться въ область истинной поэзіи; или они слишкомъ мелки, эгоистичны, или тяжелы, или, наконецъ, по самой сущности своей, до такой степени вялы, хрупки, гнилы или мягки, что не выдержатъ художественной отдѣлки, точно такъ же, какъ кирпичъ скорѣе изотрется, чѣмъ приметъ полировку, а гнилое дерево будетъ безпрестанно ломаться при тонкой рѣзной работѣ. Душа такой же матеріалъ для лирическаго поэта, какъ для скульптора мраморъ, и достоинство стиховъ его зависитъ на столько же отъ внѣшней отдѣлки, на сколько и отъ крѣпости матеріала. Такъ, еслибъ г-нъ Мей довелъ до *per plus ultra* совершенство формы въ стихотвореніи «Бѣги ея», содержаніе этого стихотворенія по прежнему осталось бы матеріаломъ неблагоприятнымъ, нестоющимъ труда; ибо его нѣтъ возможности перенести въ ту область, гдѣ истина становится красотой, а красота истиной, то есть въ область поэзіи. Что такое — отдѣлывать лирическое стихотвореніе, или, поправляя стихъ за стихомъ, доводить форму до возможнаго для нея изящества? Это, повѣрьте, ничто иное, какъ отдѣлывать и доводить до возможнаго въ человѣческой природѣ изящества, свое собственное, то или другое чувство; ибо чувство для поэта, какъ и всякій другой матеріалъ, нуждается въ отдѣлкѣ. Трудиться надъ стихомъ — для поэта то же, что трудиться надъ душой своей. Только согласившись съ этимъ, можно доказать и вліяніе поэзіи и понять, въ какомъ смыслѣ всякій истинный поэтъ есть учитель взрослыхъ.

Кто смотритъ на значеніе поэта и поэзіи иначе чѣмъ мы, тотъ, быть можетъ, и найдетъ нѣчто истинно поэтическое въ той части стихотвореній г-на Мей, съ которой мы приступили къ разбору ихъ. Кто же смотритъ на поэзію съ

нашей точки зрѣнія, тотъ, конечно, не упрекнетъ насъ въ несправедливости; ибо едва-ли лучше насъ, сквозь призму стихотвореній г-на Мея, разглядить образъ его поэтической личности. Но несправедливы были бы и мы, еслибъ только на этомъ порѣшили все дѣло; мы и теперь не взялись бы за перо, еслибъ принуждены были говорить только о томъ, о чемъ и говорить не стоитъ, т. е. еслибъ въ дарованіи г-на Мея не было другой, болѣе широкой и свѣтлой стороны. Г-нъ Мей не даромъ имѣетъ въ публикѣ и между журналистами поклонниковъ, уже потому неліцемерныхъ, что въ наше время въ литературномъ мірѣ едва ли возможно имѣть лицемѣрныхъ поклонниковъ. Все, что нужно для внѣшней отдѣлки стиха, все это есть у г-на Мея — и удивительное знаніе русскаго языка, и власть надъ нимъ; онъ лепитъ изъ него все, что хочетъ; рифмы ему ни по чемъ, самые трудные прихотливые размѣры удаются ему такъ, какъ рѣдко удаются они поэтамъ въ полномъ смыслѣ этого слова, — начитанность и изученіе поэтовъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, даютъ ему огромное преимущество передъ массою нашихъ доморощенныхъ стихотворцевъ, — имъ же нѣсть числа. Г-нъ Мей не зарылъ въ землю своего половиннаго дарованія, — онъ бросился съ нимъ искать себѣ почвы, гдѣ бы то ни было, ибо инстинктивно понялъ, что этой почвы внутри его недостаетъ ему. Міръ славянскихъ и русскихъ пѣсень, преданія, священныя книги востока, Греческій парнасъ открыли широкую арену для его стихотворной дѣятельности — онъ подслушалъ мотивы и у русской пѣсни, и у израильскаго царя, и у греческой лиры, и какъ виртуозъ разыгралъ на эти мотивы блистательныя варіаціи — Руснацкія пѣсни, «Что это не слышно Наны голосочка», «У сосѣдки сынъ молодчикъ», «Моравскія пѣсни», — «Запѣвка», «Снаряжай скорѣй матушка родимая», «Колыбельная пѣсня», «Хозяинъ», «Подражаніе восточнымъ», «Храни поученія отцово» и, наконецъ, «Сплю, но сердце мое чуткое не спитъ»; все это такія стихотворенія, которыя или вѣютъ на васъ всюю свѣжестію и простотой истинной поэзіи, или поражаютъ васъ огнемъ и блескомъ своей формы. Читая ихъ, досадуешь на одно только, что создала ихъ поэзія, а не поэтъ.

Стихотворенія «Отойди отъ меня сатана» и «Слѣпорожденный», несмотря на блескъ стиховъ своихъ, холодны. Это слишкомъ длинная варіація на такія краткія и простыя изложенія евангелія; они кажутся въ стихахъ на столько искусственны, что теряютъ свою цѣну, и, несмотря на роскошь описаній, душѣ говорятъ несравненно менѣе, чѣмъ первообразы. Или уже это общая участь всѣхъ подражаній или заимствованій, паче же всего заимствованій изъ книгъ священнаго писанія; эти заимствованія, чтобы казаться новыми, непремѣнно должны носить на себѣ печать поэтической личности, какъ носятъ ее «Еврейскія мелодіи» Байрона, стихотвореніе «Грѣшница» Полежаева, или стихотвореніе Пушкина: «Отцы пустынники и дѣвы непорочны». Этой печати нѣтъ у г-на Мея и мы не вправѣ даже за это упрекать его. Разбирая стихи его, мы имѣемъ только въ виду ознакомить нашихъ будущихъ читателей, паче же всего сотрудниковъ, съ нашимъ взглядомъ на поэзію вообще, и на поэта въ особенности. Такъ, на примѣръ, кто не согласится съ нами, что стройность цѣлаго, или гармонія всѣхъ частей, есть одно изъ условій всякаго созданія? Для поэта стихотвореніе то же, что для математика алгебраическая формула; въ немъ все должно быть строй и ничего не можетъ быть лишняго; что же именно даетъ этотъ строй? душа поэта, или его личность. Все внѣшнее, не пройдя сквозь огонь этой души, огонь, Прометеемъ у Зевеса похищенный, не смотря на самую изящнѣйшую отдѣлку, всегда будетъ казаться намъ чѣмъ-то внѣшнимъ, т. е. не живымъ для насъ; механизмъ работы будетъ видѣнъ и помѣшаетъ намъ наслаждаться произведеніемъ. Что можетъ быть лучше по отдѣлкѣ стиха, по гармоніи рифмы, по блеску картиць, какъ не эти два стихотворенія г-на Мея, изъ которыхъ одно «Юдифъ», другое «Цвѣты», и оба не оставляютъ по себѣ никакого глубокаго впечатлѣнія; каждая часть удивительна по стиху и картинамъ, но, увы! — слишкомъ широка и многорѣчива для идеи цѣлаго; и это цѣлое кажется маленькимъ туловищемъ съ руками и ногами гиганта. Не всякое эстетическое чувство примирится съ такою нестройностію. «Юдифъ» и «Цвѣты» были бы прекраснѣе,

если бы въ нихъ было меньше ненужныхъ красотъ. Для поэтической путки Нерона, засыпающаго цвѣтами гостей своихъ, мы увѣрены, Пушкинъ не нашелъ бы въ головѣ своей больше стиховъ, чѣмъ ихъ есть въ его Египетскихъ ночахъ — «Чертогъ сіялъ, гремѣли хоромъ»; Что, если бы въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ, своимъ превосходнымъ стихомъ, рассказалъ намъ, что дѣлала Клеопатра утромъ, какъ она каталась въ золотой гондолѣ по Нилу, какъ, съ помощію смуглыхъ рабынь, наряжалась на пиръ и по какому случаю дала этотъ пиръ — что было бы? было бы то же, что Мей сдѣлалъ изъ своего разсказа «Цвѣты», т. е. были бы цвѣты поэзіи; но не цвѣтокъ, выросшій на почвѣ поэтической личности. Что такое и міросозерцаніе поэта, какъ не его взглядъ на природу, на людей, на самого себя, на все имъ видимое или угадываемое сердцемъ? Однимъ изъ качествъ его, сказали мы, есть ясность взгляда; въ чемъ же эта ясность? не въ томъ ли, что онъ видитъ истину въ бѣльшей наготѣ и въ лучшемъ свѣтѣ, нежели кто нибудь? Для поэта не всякая истина есть истина поэтическая, точно такъ же, какъ для историка не всякій фактъ, записанный въ лѣтописи, необходимъ для его исторіи; онъ выбираетъ изъ нихъ только тѣ, которые служатъ ему какъ проводники къ разузнанію той или другой эпохи, какъ краски для его исторической картины, или какъ такія данныя, которыя подтверждаютъ мысль его.

Въ мірѣ преданій каждый поэтъ избираетъ себѣ родное, и то, что годилось Мицкевичу, не будетъ годнымъ для Гете или для Байрона; но есть и такія повѣрья, которыя ни для кого годными и быть не могутъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, прочтите стихотвореніе г-на Мея «Жницы». Когда читаешь его, больно, что г-нъ Мей, растративъ на него такъ много искусства, старался довести до совершенства отдѣлку формы, ради такого содержанія, которое ни отъ какой формы не покажется намъ истиной. Я совершенно увѣренъ, что преданіе о Жницѣ, умершей отъ того, что она серпомъ *ранила до крови пыльный столбъ вихря* — дѣйствительно существуетъ; но это преданіе скорѣй годится въ кунсткамеру, какъ нѣчто недозрѣлое и неосмысленное, чѣмъ въ студию художника.

Г-нъ Мей превосходный переводчикъ. Смѣло можемъ сказать, что его переводы, въ особенности съ нѣмецкаго, не уступаютъ подлинникамъ.

Одна только возможность и есть похвалить переводныя ~~свертыванія~~ еще сильнѣе, это сказать что многія изъ нихъ даже лучше подлинниковъ; но если бы мы даже и это сдѣлали, все-таки собраніе поэтическихъ переводовъ г-на Мея, не только не уничтожаетъ въ насъ составившагося и уже нами высказаннаго мнѣнія о его поэтической безличности, а, напротивъ, подтверждаетъ это мнѣніе. Для г-на Мея все равно, что бѣ ни переводить, лишь бы переводъ былъ хорошъ: онъ переводитъ, и Анакреона, и Шиллера и Славянскія пѣсни, и Виктора Гюго, и Мицкевича, и Беранже, и онъ переводитъ ихъ лучше многихъ знаменитыхъ его предшественниковъ; но ему все равно какого направленія поэтъ имъ переводимый, потому что у него самого нѣтъ никакого направленія. Еслибъ покойный Лермантовъ перевелъ «Ожиданіе» Шиллера — онъ бы озадачилъ насъ; если бѣ Курочкинъ сталъ переводить Гейне, мы бы сказали — какъ ему не грѣхъ измѣнять старику Беранже; Еслибъ Майковъ вздумалъ переводить Беранже — мы бы подумали, что Беранже вовсе не въ томъ его поэтѣ; и что бы ни перевелъ г-нъ Мей, мы несколько не удивлены; даже вопроса, зачѣмъ и почему онъ перевелъ то или другое, никому не придетъ въ голову. Всѣ поэты ему сродни; но у кого всѣ родные, у того-то именно и нѣтъ родныхъ. Вотъ почему и кажется намъ, что поэта роднаго по духу или направленію нѣтъ у г-на Мея да и быть не можетъ, до тѣхъ поръ, пока изъ цѣлой массы будущихъ его произведеній мы не познакомимся съ его поэтической личностью. Этой надежды мы себя не лишаемъ; смѣло будемъ печатать на страницахъ своего журнала тѣ изъ его стихотвореній, въ основѣ которыхъ — умышленно или неумышленно, ляжетъ истина, и добавляемъ, не историческая, не научная просто — поэтическая истина. Этимъ заключаемъ мы нашу статью и предворяемъ всѣхъ читателей таланта г-на Мея, что будемъ рады всякому въ его волю дѣльному противъ насъ возраженію.

ЗАМѢТКИ ОБЪ АНГЛІЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Реальное направленіе, внесенное въ науку Бэкономъ, живетъ въ ней и крѣпнеть по мѣрѣ того, какъ быстрое время все далѣе и далѣе уноситъ его въ прошлое. Въ два съ половиною столѣтія, протекшія со времени появленія *Novum Organum*, умъ человѣческой сдѣлалъ такіе исполнскіе успѣхи, какихъ не предвидѣлъ ни самъ Бэконъ, ни самые смѣлые изъ его послѣдователей. Освобожденная отъ оковъ схоластицизма, наука, бывшая достояніемъ почти ничтожнаго меньшинства, занимавшаяся рѣшеніемъ вопросовъ, правда, запутанныхъ, но немѣвшихъ никакого отношенія къ жизни, парившая въ сферахъ надоблачныхъ, спускается на землю и избираетъ своимъ содержаніемъ вопросы жизни, наблюденіе и критику своими орудіями.

Но ни XVII вѣкъ, задача котораго состояла въ воспріятіи новыхъ идей, внесенныхъ Бэкономъ, ни XVIII, своей всеильной критикой подорвавшей основы тогдашняго общества, не осуществили и конечно не могли осуществить ожиданій великаго мыслителя въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, какъ XIX. Обративъ свой критическій взглядъ на природу, умъ человѣческой нашелъ средства подчинить себѣ тѣ силы ея, которыя представлялись ему враждебными, и извлечь изъ нихъ несмѣтный сокровища. Безъ сомнѣнія, развитіе естественныхъ наукъ, выводы которыхъ клонятся не только къ постоянному *улучшенію быта человека*, какъ выражался Бэконъ, но и къ очищенію нашего ума отъ безчисленныхъ заблужденій, принятыхъ, такъ сказать, на слово и съ теченіемъ времени пріобрѣтшихъ видъ истины, не вмѣщаетъ въ себѣ всей задачи умственной дѣятельности человѣка. Остается еще одна область — самая жизнь, которая, какъ все въ мірѣ, совершается по неизмѣннымъ законамъ.

Раскрытие этихъ законовъ требуетъ столь же точныхъ наблюдений и столь же строгой критики, какъ раскрытіе законовъ, дѣйствующихъ въ мірѣ физическомъ. Но первая задача неизмѣримо труднѣе послѣдней, потому что здѣсь человѣкъ является и дѣйствователемъ и наблюдателемъ. Ему трудно стать внѣ самого себя, отрѣшиться отъ своихъ частныхъ интересовъ, выдѣлиться изъ среды, въ которой ему предназначено дѣйствовать; — оттого-то стремленія его на этомъ поприщѣ не увѣнчались еще такими успѣхами, которые могли бы удовлетворить его нравственныя требованія. Между тѣмъ жизнь течетъ и каждый новый фактъ въ ней задаетъ новый вопросъ. «Настоящее,» говоритъ Карлейль, «младшее дитя вѣчности, дитя и наследникъ всего прошедшаго, со всѣмъ его зломъ и добромъ, родитель всего будущаго, есть всегда новая эра для мыслящаго существа, и является съ новыми вопросами и значеніемъ: знать его и знать, что оно велитъ намъ дѣлать — въ этомъ заключается все, что всѣмъ намъ должно узнать». Но этотъ новый пришлецъ несетъ на себѣ черты своего родителя; зло и добро, перешедшее къ нему, накоплено прежде него; вопросы, которые онъ задаетъ, выработались въ прошломъ. Отсюда — высокое значеніе исторіи, знакомящей насъ съ нашимъ настоящимъ: она уясняетъ это настоящее прошлымъ и такимъ образомъ приближаетъ насъ къ открытію общихъ законовъ, управляющихъ теченіемъ нашей жизни и развитіемъ нашего духа.

Глубокое сознаніе такого значенія исторіи обнаруживается въ богатствѣ историческихъ изслѣдованій и въ томъ, что ей отдано одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ ряду произведеній умственной дѣятельности человѣка.

Переходя собственно къ англійской литературѣ, мы можемъ сказать, что она вполнѣ оправдываетъ наше замѣчаніе. Въ ней находимъ огромное богатство историческихъ изслѣдованій; ни одна почти эпоха, имѣвшая значеніе въ развитіи человѣчества, не оставлена безъ вниманія. Этому дѣлу посвящаютъ свои труды лучшіе люди Англии.

Съ 1848 года прошло уже десять лѣтъ. Событія, потрясавшія всю Европу, принадлежать уже исторіи; десять лѣтъ—кажется, слишкомъ достаточно, чтобы страсти, вызвавшія эти событія и вызванныя ими, могли, если не исчезнуть, то по крайней мѣрѣ утихнуть и уступить мѣсто спокойному, безпристрастному взгляду на недавнее прошлое. И дѣйствительно, сами политическіе дѣятели, участвовавшіе въ этихъ событіяхъ, являются теперь ихъ историками и критиками. И ни одна литература, быть можетъ, не обогатилась столькими капитальными изданіями, которыя для будущаго историка нашего времени должны послужить матеріалами, какъ англійская.

Во главѣ всѣхъ этихъ изданій, уясняющихъ событія 1848 и послѣдующихъ годовъ, безспорно, должно быть поставлено изданіе, подъ заглавіемъ *Correspondence respecting the Affairs of Italy, 1848 and 1849*, три части, представленныя англійскимъ министерствомъ обѣимъ палатамъ парламента; потомъ сочиненіе — *Non Intervention; N 1 of the Tracts of the Society of the Friends of Italy*, наконецъ *Memoirs of Orsini*. Чтобы познакомить читателя съ содержаніемъ и характеромъ этихъ изданій, мы ничего лучшаго не можемъ сдѣлать, какъ представить въ изложеніи статью Вестминстерскаго журнала, вызванную появленіемъ въ свѣтъ исчисленныхъ книгъ, бросающую яркій взглядъ на состояніе Италіи и ея стремленія въ время послѣдней революціи.

Когда возстаніе Венгерцевъ, благодаря участію Россіи, было подавлено Австріею, люди проникательные, знакомые съ положеніемъ дѣлъ послѣдней и ея отношеніями къ итальянскимъ владѣніямъ, предсказывали, что въ такую же борьбу она рано или поздно будетъ вовлечена Ломбардцами. Австрія въ Италіи представляетъ собою преобладаніе силы надъ правомъ. Папа въ Римѣ представляетъ непогрѣзительный нравственный авторитетъ, поддерживаемый политикою Англій, которая, въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, обливаясь кровью, объявила полную неограниченную свободу религіи.

«Но Англія, «пишетъ одинъ изъ защитниковъ Италіи,» этого не понимаетъ: она не понимаетъ, что этотъ крикъ, выр-

вавилійся изъ сердцакаждаго италинца въ виду Ватикана, былъ возвышенный, патетическій крикъ—требованіе свободы совѣсти; она не чувствовала, что борьба въ Римѣ должна была разсѣчь Гордіевъ узелъ нравственной зависимости, которой она въ теченіе столь долгаго времени противопоставляла свои библейскія общества, свои христіанскіе и евангельскіе союзы, и что здѣсь, еслибъ она подала братскую помощь, открылось бы величественное поприще для духа человѣческаго. Она не понимала, что одно слово уваженія къ свободѣ духа, противопоставленное нерѣшительной политикѣ Франціи, было бы достаточно, чтобы дать Италіи новую жизнь».

«Но если Англія не понимала религіозной стороны вопроса, она, равно какъ и остальная Европа, еще менѣе понимала его политическую сторону. Итальянскій вопросъ никогда, нигдѣ не былъ представленъ весь въ совершенномъ единствѣ. Журналы прошлаго десятилѣтія полны разсужденіями о Сицилійскомъ вопросѣ, о вопросѣ Австрійско-Ломбардскомъ, о религіозномъ, Сардинскомъ и другихъ частныхъ вопросахъ; но нигдѣ не было замѣчено то, что обнимаетъ всѣ эти вопросы и дѣлаетъ изъ нихъ одинъ общій итальянскій вопросъ. Поименованныя изданія и десятилѣтняя давность событій даютъ возможность бросить общій взглядъ на этотъ вопросъ.

«Итальянскій вопросъ есть вопросъ національности и совмѣщаетъ въ себѣ долгъ каждаго народа, ибо, по нашему мнѣнію, каждый народъ долженъ дорожить своею независимостію, защищать свою національную жизнь.

Что же такое національность?

«Нація есть большее или меньшее число людей, соединенныхъ въ одно органическое цѣлое такими особенностями, какъ раса, языкъ, фізіономія, историческія преданія, характеръ умственныхъ способностей и наклонностей. Такимъ образомъ *Русскіе* составляютъ націю — потому что представляютъ общество людей, связанныхъ извѣстнымъ числомъ особенностей, выражающихся въ ихъ имени — *Русскій*. Такъ точно *Французы*, *Англичане*, *Испанцы* составляютъ отдѣльныя націи: съ каждымъ изъ этихъ именъ связывается понятіе

о характеристическихъ отличіяхъ, самой природой впечатлен-ныхъ въ типѣ каждой изъ этихъ породъ. Провидѣніе, ка-жется, опредѣлило, чтобы общія цѣли міра достигались сред-ствами, свойственными каждой націи въ отдѣльности, дѣя-тельностью каждой изъ нихъ, сообразно своему характеру. Отсюда вытекаетъ глубокое значеніе національности». Такъ опредѣляется національность въ первомъ № Non-Intervention.

«Между тѣмъ политика Европы, основанная на Вѣнскомъ трактатѣ 1815 года, стремящаяся вслѣдствіе того къ со-храненію равновѣсія Европы, даже при самыхъ неблаго-приятныхъ условіяхъ, постоянно противорѣчитъ этому про-стому и здравому опредѣленію. Важнѣйшая ошибка, сдѣ-ланная дипломатами, составлявшими этотъ трактатъ, заклю-чается въ томъ, что не были приняты въ соображеніе ни географическое положеніе народовъ, ни различіе ихъ въ вѣрѣ, въ обычаяхъ, языкѣ, историческихъ преданіяхъ. Кон-грессъ поставилъ себѣ задачей осуществить идею политиче-скаго равновѣсія, и, раздѣляя территоріи на мелкія части, не заботился о нравственныхъ потребностяхъ милліоновъ людей.

И неудивительно. Европа, изнуренная, истощенная про-должительною и непрерывною войною, жаждала мира во чтобы то ни стало, и кабинеты заключили трактатъ, кото-рымъ надѣялись упрочить миръ и предупредить возвышеніе господствующихъ династій. Дѣйствительный и вѣчный миръ можно было бы заключить только въ томъ случаѣ, еслибъ его условіями были приняты жизненные интересы націй и ихъ развитіе.

Эта мысль о неосновательности и ошибочности Вѣнскаго трактата высказывается не въ первый разъ. Въ этомъ же самомъ Вестминстерскомъ обзорѣніи, въ 1852 году, была по-мѣщена статья о настоящемъ положеніи и будущности Евро-пы, гдѣ, между прочимъ, находимъ слѣдующія строки:

«Возьмите карту Европы. Изучите ея географическое строеніе, рассмотрите направленіе рѣкъ и горъ, и симметри-ческое расположеніе ея частей. Сравните результаты, вы-веденные вами изъ этого изученія, съ дѣйствительнымъ рас-предѣленіемъ главнѣйшихъ народовъ, обитающихъ на нашемъ

континентѣ... Потомъ разсмотрите политическую карту Европы, утвержденную Вѣнскимъ конгрессомъ 1815 года. Въ контрастѣ, который необходимо бросится вамъ въ глаза, вы найдете совершенно точное объясненіе нашей дипломатіи. Въ немъ кроется тайна заговоровъ и возмущеній, которые она старается подавить; въ немъ кроется будущая судьба Европы»....

«Трактатъ 1815 года былъ тягостенъ для всѣхъ народовъ Европы; но ни чьи интересы, именно тѣ священные національные интересы, не пострадали такъ много, какъ интересы Италіи. Вся Ломбардія съ Венеціей (почти четвертая часть народонаселенія Италіи) была отдѣлена къ Австріи; остальная часть полуострова раздѣлена на мелкія владѣнія: Неаполь и Сицилія отданы славной династіи испанскихъ Бурбоновъ, такъ достойно представляемой королемъ Фердинандомъ II; Тоскана — Эрцгерцогу Фердинанду Австрійскому; возстановлено герцогство Моденское и отдано также австрійскому принцу — Фердинанду ди Лорена; герцогства Парма, Пiacенція и Гуасталла — императрицѣ Маріи Луизѣ; Равенна, Болонья и Феррара, вмѣстѣ съ Анконой, Беневенто и Понте-Корво возвращены папѣ.

«Не говоря уже о интересахъ народныхъ, въ этомъ раздѣленіи страны не видно даже обыкновенной идеи пользы, потому что оно уничтожаетъ возможность торговли, возможность защиты предѣловъ. Такимъ образомъ Тосканцу, желающему достигнуть границы своей территоріи, необходимо было пройти герцогство Лукку; жителю Модены, чтобъ переѣхать въ Массу или Каррару, составлявшія часть новаго герцогства, приходилось пересѣкать Тоскану; Кастильоне и Галликано, лежащія внутри Модены, принадлежали Луккѣ; Бенвенуто и Понте-Корво, принадлежащія папѣ, лежатъ въ королевствѣ Неаполитанскомъ. Пиемонтское королевство не получило возлѣжащаго острова Корсики, а Сардинію; за Сициліей оставлены незначительные острова: Лампедуза, Лимоза и Пантеллерія, лежащія у африканскаго берега, между тѣмъ какъ Мальта и Гозцо, которые по своему положенію должны были бы принадлежать Сициліи, отмежеваны Англіи. Единственное государство, сохранившее свои естественные

предѣлы — Ломбардо-Венеціанское, но и то принадлежить Австріи, которая никогда не забываетъ своихъ интересовъ. Пользуясь защитой Тичино и По, имѣя сосѣдями Модену и Парму, слабыя, зависимыя державы, Австріи, огражденной Альпами, нечего было бояться. За рѣкою По, въ Феррарѣ, занятой сильнымъ гарнизономъ, Австрія угрожаетъ Романіи; если бы она вздумала начать наступательныя дѣйствія, она безъ малѣйшаго труда проникла бы въ Тоскану; въ случаѣ оборонительныхъ дѣйствій, она могла бы укрѣпиться на По и Тичино, потомъ на Адда, Минціо, наконецъ на Адигѣ и всегда имѣла бы сильную оборонительную линію. Мы полагаемъ, что этотъ бѣглый очеркъ уже доказываетъ, что величайшимъ врагомъ италіянскаго единства и развитія есть Австрія. Вся Ломбардія и Тоскана, управляемая Австрійскимъ эрцгерцогомъ, находятся въ ея рукахъ; единственное укрѣпленное мѣсто въ герцогствѣ Пармскомъ — Пиаченца, въ силу трактата, занята австрійскимъ гарнизономъ, точно такъ же, какъ Болонья, Анкона и Феррара въ Папскихъ владѣніяхъ. Вслѣдствіе этого, вся Италія, исключая Неаполя и Сардинію, управляется Австріей.

«Но духъ прогресса, могущественнѣе всѣхъ дипломатическихъ распредѣленій». Наперекоръ всѣмъ политическимъ картамъ, Ломбардцы, Романцы, Тосканцы, Неаполитанцы и Сицилійцы чувствуютъ, что составляютъ нераздѣльную часть одного цѣлаго — Италіянскаго народа. Пророчества Данте, Петрарки, Макиавелли, они чувствуютъ, будутъ осуществлены, ибо идея, брошенная народнымъ поэтомъ, живетъ въ сердцахъ двадцати шести Италіянцевъ, страждущихъ подъ общимъ игомъ, которое еще болѣе ихъ сближаетъ. Они домогаются единства, и нѣтъ сомнѣнія, когда нибудь соединятся въ одно неразрывное цѣлое и всей своей тяжестью обрушатся на вѣсы Европы. Наполеонъ Великій понималъ стремленія народовъ и предвидѣлъ этотъ исходъ. На островѣ Св. Елены онъ писалъ: *«единство обычаевъ, языка, литературы рано или поздно должно возстановить тамъ единство правленія»* *).

Последніе перевороты въ Италіи не оставляютъ никако-

*) Memoires, vol. III.

го сомнѣнія во всеобщности одушевленія мыслию о единствѣ. Никакія мѣстныя средства, никакія частныя улучшенія или реформы не принесутъ никакой пользы, потому что народное движеніе вызвано идеею. Не понимая этой идеи, мы вообще воображаемъ, что Италія раздѣлена на множество различныхъ партій; но Италіяны знаютъ только двѣ партіи — партію дѣйствующую или *національную* и *умѣренную*. Изъ двухъ этихъ партій, въ которыхъ всѣ остальные мнѣнія сливаются, національная справедливо называется дѣйствующей партіей; она по преимуществу *народная* партія; между тѣмъ какъ умѣренная состоитъ изъ людей, сомнѣвающихся въ возможности достигнуть независимости собственными средствами и ожидающихъ ея отъ европейскихъ правительствъ; средства для достиженія этой цѣли — рядъ административныхъ реформъ и медленное, постепенное обезсиленіе враговъ.

Вообще думаютъ, что италіанская революція 1848 г. была отголоскомъ французскаго февральскаго переворота. Это мнѣніе совершенно безосновательно. Италіанская революція началась въ Сициліи еще въ 1847 году и волненіе задолго передъ тѣмъ приняло національный характеръ.

Народъ, въ разныхъ мѣстахъ полуострова, даже не подвластныхъ Австріи, явно обнаружилъ сознаніе, что Австрія самый опасный врагъ единства Италіи; народное одушевленіе всюду выражалось криками: *Guerra all' Austria!*

«Въ 1846 году въ Форли представлено было прошеніе папскому легату, заключающееся прямымъ объявленіемъ, что административныя злоупотребленія составляютъ второстепенный вопросъ для жителей провинцій; что Италіанскій вопросъ для нихъ важнѣе и что самый тяжелый грѣхъ папскаго кабинета состоитъ въ томъ, что онъ былъ вассаломъ Австріи.

«Въ Анконѣ, въ Папскихъ Владѣніяхъ, также въ 1846 году, послѣ папской амнистіи, народъ окружилъ домъ Австрійскаго агента, съ криками: *прочъ иностранцевъ*.

«Въ ноябрѣ 1847 года, когда король посѣтилъ Геную, сорокъ тысячъ людей шли передъ нимъ съ отнятыми въ 1846

году отъ Австрійцевъ знаменами, выражая такимъ образомъ свое нерасположеніе къ Австріи.»

Та же идея обнаружилась въ Сицилійской революціи 1847 года. Сицилійцы, не искавшіе для себя ничего, кромѣ возстановленія конституціи 1812 года, прибавили къ идеѣ независимости и конституціи господствующую идею Италіянскаго единства. Въ это время мною реформы и Италіянскаго союза былъ Пій IX. Да здравствуетъ конституція 1812 года! да здравствуетъ Италія! да здравствуетъ Пій IX! — вотъ единственные крики, слышавшіеся по всему Неаполитанскому королевству въ 1847 году. Чтобъ заглушить эти крики, Фердинандъ усилилъ дѣятельность своей полиціи; тогда Сицилійцы прибѣгли къ заговорамъ. Въ первый разъ кровь была пролита въ Мессинѣ, 1-го сентября 1847 года, когда горсть храбрецовъ, презирая легионы королевскаго войска и грозную цитадель, рѣшилась силою осуществить свои надежды; но судьба покровительствовала Бурбонамъ. Народъ увидѣлъ необходимость усилить свои ряды, вступая второй разъ въ открытую борьбу. Послѣдовала новая демонстрація; прошенія въ Палермо; женщины кричали въ театрѣ: да здравствуетъ король и реформа! граждане записывались въ національную гвардію; но напрасно. На все это имъ отвѣчали презрѣніемъ. Наконецъ, въ исходѣ декабря, патріоты напечатали и прибили къ стѣнамъ свой *ультиматумъ*. Они просили короля снизойти къ уступкамъ, назначили срокъ до 12 января, послѣ котораго они вынуждены будутъ вытребовать эти уступки оружіемъ. Едва ли исторія представляетъ другой примѣръ подобнаго требованія.

Мы не станемъ входить въ подробности Сицилійской революціи; замѣтимъ только многозначительный фактъ, что народъ назвалъ свою наибольшую пушку *Піо IX*, въ честь человека, который, по его понятіямъ, былъ то, что одинъ изъ историковъ этого времени называетъ мною реформы и Италіянскаго единства.

Предводители Сицилійскаго возстанія находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ начальниками революціонной партіи въ Тосканѣ, въ Римѣ и проч. и дали торжественный залогъ

будущаго единства ихъ отечества, 15 ноября 1847 года, при учрежденіи Consulta Римскаго государства. Сицилійцы, желая выразить свою симпатію къ своимъ Римскимъ братьямъ, получившимъ отъ папы обѣщаніе реформъ, предложили своимъ резидентамъ въ Римѣ участвовать въ торжественной процессіи Римскаго Consultari di stato. Точно также Римскія градскія власти и граждане отпраздновали 3 февраля, день, когда Фердинандъ даровалъ конституцію Сицилійцамъ. Въ этотъ день знамя, присланное изъ Неаполя, было вложено въ руку бронзовой статуи Марка Аврелія въ Капитолин.

Конечно Меттернихъ не могъ не понять значенія Итальянской демонстраціи даже въ это время. 2 августа 1847 года онъ писалъ къ графу Дитрихштейну:

«Возмутители помышляютъ о такомъ предпріятіи, которое не можетъ ограничиться предѣлами Папскихъ Владѣній или какого нибудь изъ государствъ, составляющихъ Итальянскій полуостровъ. Они стремятся къ тому, чтобы слить всѣ эти государства въ одно политическое цѣлое, или по крайней мѣрѣ, образовать конфедерацію независимыхъ государствъ, подчиненныхъ одной центральной верховной власти.»

Ломбардское возстаніе противъ Австріи, въ мартѣ 1848 года, было столь же единодушно. Извѣстіе о немъ было принято вездѣ съ энтузіазмомъ и оно-то въ дѣйствительности было сигналомъ къ возстанію во всѣхъ концахъ Италіи. «Генуэзскіе волонтеры,» «первые доказали непріятелю, что вся Италія связана съ Ломбардцами узами братства.»

Аберкромби доносилъ тогда лорду Пальмерстону, что «въ Генуѣ народъ требовалъ отъ губернатора города, чтобы въ Ломбардію послано было подкрѣпленіе, и получилъ обѣщаніе, что часть гарнизона будетъ отправлена туда.*)

При первомъ извѣстіи о возстаніи, въ Миланѣ собралось 2000 милиціи, въ Пизѣ вооружились студенты, во Флоренціи явилось не малое число волонтеровъ и милиціонеровъ; спустя нѣсколько дней великій герцогъ нашелся вынужденнымъ обѣщать войну съ Австріею.

Въ Римѣ народъ, милиція, карабинеры публично сорвали

*) Corresp. respecting the affairs of Italy; Part II.

Австрійскій гербъ съ дона посольства и на его мѣстѣ прибили надпись — домъ Италіянскаго сейма. *) Вдругъ появились толпы волонтеровъ; нѣкоторые были уже на дорогѣ въ Ломбардію, а къ концу марта — на берегахъ По 10,000 Римлянъ и 7000 Тосканцевъ, готовыхъ перейти рѣку въ Лаго Скура. Въ Неаполѣ народъ сжегъ Австрійское знамя, открылъ конскрипцію и даже король принужденъ былъ уступить общему энтузіазму.

Съ необыкновенною быстротою образовался Италіянскій легіонъ изъ работниковъ, находившихся въ Лондонѣ и въ Парижѣ и, подъ командою Антонелли, посѣпшилъ, къ своимъ соотечественникамъ и, не смотря на всѣ трудности пути, достигъ Ломбардіи. Море и Альпы были заняты непріателемъ. 1-го апрѣля въ Миланѣ открылась подписка на текущіе расходы временнаго правительства и 3 апрѣля собранная сумма доходила до 750,000 Австрійскихъ ливровъ; нашлись капиталисты, которые предложили правительству въ заемъ 20 милліоновъ франковъ безъ процентовъ по первому востребованію. Мужчины тѣснились въ ряды національной гвардіи и милиціи; женщины обнаруживали подобный же энтузіазмъ; онѣ приготавливали картечные картузы, собирали по домамъ подписку, ходили за ранеными. Энтузіазмъ Италіянцевъ равнялся унынію Австрійцевъ, которые отступали на всѣхъ пунктахъ и приходили въ смятеніе при первомъ натискѣ волонтеровъ. **) Италіянцы, находившіеся въ Австрійской службѣ дезертировали; цѣлые баталіоны, эскадроны переходили на сторону Италіянцевъ. Австрійскій фрегатъ, находившійся въ Неаполитанскомъ заливѣ и два военные брига, въ Адриатическомъ морѣ, подняли Италіянскій флагъ и предалися Венеціанской республикѣ. ***) Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ послѣ перваго возстанія въ Миланѣ, Австрія лишилась 35,000 человекъ, значительную часть которыхъ составляли Италіянцы, оставившіе Австрійскую службу.

*) Письмо Вилліама Питера къ сэру Д. Гамильтону тамъ же.

**) Письма Кемпбеля и Непира къ Пальмерстону; Part II.

***) Донесеніе Радецкаго Австр. прав. и письмо генеральнаго консула въ Неаполѣ Дуккина къ Пальмерстону; тамъ же.

Этихъ фактовъ, кажется, достаточно, чтобы убѣдиться, что Италіянская революція была дѣломъ не какой-либо партіи, предводимой нѣсколькими горячими, буйными вольнодумцами, а дѣломъ цѣлаго народа Италіянскаго, возставшаго противъ иноземнаго владычества. Мы сказали также, что возстаніе это было единодушное и побѣдоносное. Какъ же случилось, что революція не достигла своей цѣли, что Австрія снова пріобрѣла вліяніе на Ломбардію и что Италія возвратилась къ прежнему состоянію или, быть можетъ, еще худшему? Чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ, обращаемся къ парламентской корреспонденціи, которая одна можетъ бросить свѣтъ на этотъ темный, запутанный вопросъ.

Сказано было, что въ Италіи существовали двѣ партіи, — національная и умѣренная. Теперь необходимо изложить стремленія и дѣйствія этихъ партій.

Пармія 1821 года была аристократическая и пала, потому что была исключительно аристократическая и стремилась къ цѣлямъ совершенно частнымъ. Пармія 1831 года была мѣщанская и также пала, потому что не трогала интересовъ народа. Движеніе 1848 года было, какъ показано выше, народное, было плодомъ идей, представляемыхъ національной партіей. Надобно читать списки убитыхъ въ Миланѣ, Венеціи, Бресціи, Болоньи, Римѣ и въ другихъ мѣстахъ, чтобы убѣдиться, что по крайней мѣрѣ девять десятыхъ людей, сражавшихся и погибшихъ въ 1848 году, принадлежали къ классу народа. Что же было причиною неуспѣха?

Умѣренная партія, какъ *partia*, существовала только со смерти братьевъ Бандіера, казненныхъ въ 1844 году. *)

*) Атилио и Эмилио Бандіера происходили отъ благородной Венеціанской фамиліи. Отецъ ихъ былъ вице-адмираломъ Австрійскаго флота; но сыновья его не раздѣляли его политическихъ мнѣній, и хотя служили въ Австрійскомъ флотѣ, но были совершенно преданы интересамъ Италіи. Въ 1842 году они вѣтнулись въ перенеску съ Маццани, а въ слѣдующемъ году участвовали въ начавшихся романскихъ возмущеніяхъ. Воморѣ однакожъ они принуждены были спасаться отъ Австріею полиціи бѣгствомъ въ Корфу. Цѣль ихъ была склонить на свою сторону Австрію армію и флотъ; открытіе этой тайны устранило правительство. Впрочемъ, вице-король Австріею Райнеръ общалъ имъ прощенье, если они откажутся отъ этого намѣренія; они отвергли это предложеніе и объявили о себѣ въ газетахъ, призывая своихъ соотечественниковъ послѣдовать ихъ при-

Во время постоянныхъ волненій въ Романіи, произошло возмущеніе въ Рамини. Здѣсь впервые образовалась умѣренная партія, подняла *бѣлое* знамя (національное Италіянское знамя красное, бѣлое и зеленое) и издала свою программу. Программа эта была ничто иное, какъ искаженная нота, представленная папѣ въ 1831 году пятью первенствующими державами Европы; стремленія партіи ограничивались мѣстными административными реформами. Объявленіе это не имѣло впрочемъ особенной важности. Дѣйствительная умѣренная партія основалась въ Туринѣ, резиденціи короля, принца Альберта, населенной италіянскими аристократами, потерявшими всякое значеніе. Эта партія сгруппировалась вокругъ короля, и графъ Бальбо, одинъ изъ ея предводителей, напечаталъ книгу подъ заглавіемъ: *Надежды Италіи*, въ которой, выражая искреннее нерасположеніе къ Австріи, полуофициальнымъ тономъ объявлялъ намѣренія короля. Въ то же время между Пиемонтомъ и Австріею произошли небольшія несогласія по поводу вопроса о таможенныхъ и желѣзныхъ дорогахъ. Это подало поводъ Туринскимъ журналамъ напечатать нѣсколько статей, въ которыхъ говорилось и о національной враждѣ Италіянцевъ и Австрійцевъ. Статьи эти были разрѣшены самимъ королемъ; дозволеніе было испрошено умѣренными, и народъ принялъ ихъ какъ доказательство симпатіи короны къ его интересамъ. Надежды, такимъ образомъ возбужденныя, старательно поддерживались умѣренными; они еще болѣе раздували пламя, рассказывая безчисленные анекдоты, въ которыхъ обнаруживались желанія и цѣли правительства.

Планъ партіи состоялъ въ томъ, чтобы обратиться не къ италіянскому народу, а къ различнымъ италіянскимъ государямъ и, минуя возстаніе, начать медленное, постепенное, *умѣренное* движеніе сверху; пресѣчь тайные заговоры, къ

мѣру. Въ 1844 году, получивъ преувеличенное извѣстіе о возмущеніи въ Калабріи, они поспѣшили туда и высадились 16 іюля близъ устья рѣки Ністо съ двадцатью своими друзьями, но встрѣтились съ агентомъ Неаполитанской полиціи, который донесъ о нихъ правительству, и 25 іюля оба брата съ семью товарищами были казнены безъ суда. Переписка ихъ съ Мадрида была открыта Англійскимъ генеральнымъ почтдирикторомъ, сэромъ Джономъ Грагамомъ. Смерть Бандіера, по словамъ Орсини, произвела сильное волненіе въ Романіи.

которымъ прибѣгала національная партія, и лестью приобрѣсти отъ существовавшихъ тогда въ полной силѣ властей ограниченную свободу законной печати. Они были роялисты, желавшіе свободы въ такой мѣрѣ, въ какой она необходима для ограниченія власти короля и для того, чтобы высшій классъ могъ обнародывать свои мнѣнія и засѣдать въ конституціонномъ собраніи. Они намѣревались образовывать лигу изъ итальянскихъ государей, съ цѣлю поддерживать независимость ихъ государствъ и противодѣйствовать Австріи. Они не имѣли понятія о итальянскомъ единствѣ; они не довѣряли и не сочувствовали народу, не знали національнаго элемента, выработавшагося невидимо для ихъ близорукаго глаза, обращеннаго въ противную сторону. Они совершенно не были приготовлены къ ломбардской революціи, которая, какъ вы видѣли, была выраженіемъ неизвѣстнаго имъ народнаго элемента.

Планъ обращенія итальянскихъ государей на сторону хотя умѣренной, но все таки революціонной партіи, оказался неисполнимымъ, что впрочемъ составители легко могли предвидѣть; что же касается до союза «шести государей, изъ разныхъ династій, подчиненныхъ различнымъ вліяніямъ, недовѣряющихъ другъ другу и, что всего важнѣе, зависящихъ отъ Австріи,» то оно съ самаго начала казалось невозможнымъ.

Однакожь сами умѣренные не довѣряли монархическому началу и ласкались къ Карлу Альберту не потому, чтобы онъ доказалъ имъ свое искреннее нерасположеніе къ Австріи, а потому что въ его распоряженіи была армія, арсеналы и всѣ остальные военныя средства. Они говорили, а можетъ быть и вѣрили, что если принудить его сдѣлать первый шагъ, то онъ самъ сдѣлаетъ второй и третій. «Если вы измѣните вашимъ государямъ,» говорили они, «вы должны стать не съ ними, а противъ нихъ; народъ нашъ невѣжественъ, испорченъ, не приученъ къ оружію, равнодушенъ ко всему, безъ энергіи и рѣшимости; съ такимъ народомъ нечего думать о гражданской войнѣ, а подавно о республикѣ.» Между тѣмъ національной партіи, проповѣдывавшей ученіе взаимнаго содѣйствія, они шептали: «пре-

доставьте все времени; все должно имѣть свое время; мы выберемъ минуту и употребимъ въ дѣло людей, имѣющихъ армію и пушки.»

За партію умѣренныхъ осталось поле дѣйствій; въ это время къ нимъ присоединялись всѣ приходившіе въ ужасъ при мысли о необходимости жертвъ для осуществленія идеи народнаго единства и поддержанія народной войны; всѣ неизмѣнныя убѣжденія и равнодушныя къ дѣлу, которыхъ во всякой странѣ довольно. Вслѣдъ за тѣмъ явились памфлеты, въ газетахъ печатались статьи, провозглашающія эти мнѣнія; между государями дѣйствительно начало было устанавливаться нѣчто общее, не имѣвшее впрочемъ никакого значенія, когда амнистія, дарованная Пиемъ IX, и нѣкоторыя незначительныя административныя реформы привели въ экстазъ умѣренную партію. Аббатъ Джіоберти сталъ проповѣдывать, что единственное спасеніе Италіи — папство. Сочиненія Маццини, признаваемаго всѣми главою національной партіи, съ 1833 года поддерживавшей мнѣніе, что единственнымъ освободителемъ Италіи можетъ быть италіанскій народъ, — были публично сожжены въ его родномъ городѣ, гдѣ народъ, крайне возбужденный, кричалъ: нѣтъ для насъ другаго спасителя кромѣ папы!

Но Италіянцы ошиблись.

Папская реакція наступила такъ скоро и такъ неожиданно, что они, какъ предъ чудомъ, остановились предъ осуществленіемъ программы умѣренной партіи.

Она теперь торжествовала на всемъ полуостровѣ; всѣ труды, пожертвованія, все мученичество національной партіи было забыто; а умѣренные, опьяненные кажущимся успѣхомъ, только и мечтали о союзѣ государей, о федеративномъ союзѣ, который будетъ утвержденъ и благословенъ папой. Они вовсе не замѣчали, что весь ихъ успѣхъ состоялъ только въ томъ, что этимъ движеніемъ «снизу вверхъ» которое было выработано восемнадцатидневнымъ трудомъ національной партіи, среди всѣхъ этихъ успѣховъ партіи умѣренныхъ, народъ постоянно оставался вѣрноподобной идее — идее національнаго единства и протекавшей отсюда

ненависти къ Австріи. Единственный крикъ, оглашавшій улицы Милана, Рима, Неаполя, было требованіе войны съ Австріею. Итальянскіе государи, казалось, отступились отъ своихъ подданныхъ и ничего не предпринимали. Національная партія еще не была истощена; въ то время, какъ другіе только говорили, они дѣйствовали — т. е. дѣйствительно изгоняли враговъ изъ своей территоріи. Газеты тотчасъ же объявили Карла Альберта «Мечемъ Италіи.» Они увидѣли, что если народъ будетъ во всей Италіи предоставленъ самому себѣ, какъ въ Миланѣ, то онъ скоро почувствуетъ свою силу, а вслѣдъ за тѣмъ пойметъ и свои права и тогда всѣ планы умѣренныхъ рушатся. Высказываемое здѣсь мнѣніе о дѣйствіяхъ и стремленіяхъ умѣренной партіи не есть теорія или предположеніе; напротивъ, оно основано на оффиціальныхъ документахъ. Меттернихъ совершенно ясно понималъ значеніе и цѣль итальянскаго движенія. Въ той же депешѣ, изъ которой было приведено нѣсколько словъ, онъ говоритъ: «Ни одинъ изъ итальянскихъ государей не понимаетъ идеи возмущенія;» и далѣе: «оно ведетъ къ провозглашенію республики.»

Миланская демонстрація, имѣвшая полный успѣхъ, кончилась 22 марта; побѣда осталась на сторонѣ республиканцевъ. Кэмпбелль, англійскій вице-консулъ въ Миланѣ, въ депешѣ къ лорду Пальмерстону, отъ 18 марта, описывая начало возстанія, говоритъ:

«Талпы народа, вооруженнаго охотничьими ружьями, мечами, рифлями, пистолетами, старыми алебардами, ходили по городу съ трехцвѣтными знаменами и трехцвѣтными кокардами на шляпахъ, провозглашая: Viva Pio! Viva l' Italia! Viva la Repubblica! (Сог. Р. II, р. 212.)

Начальниками демонстраціи были четыре человѣка, представители республиканской партіи, составлявшіе военный совѣтъ.

Извѣстіе о миланскомъ возстаніи получено было въ Туринѣ 19 марта и возбудило всеобщій энтузіазмъ въ народѣ. Разнесся слухъ, что движеніе имѣло чисто республиканскій характеръ, и Аберкромби писалъ къ лорду Пальмерстону, отъ 20 марта, что эти слухи имѣли вліяніе на дѣйствія Пі-

ементскаго министерства. Тотчасъ были разосланы изъ Турина приказанія пресѣчь путь волонтерамъ, спѣшившимъ изъ Генуи въ Миланъ и шестьдесятъ Ломбардцевъ были обезоружены въ Лаго-Маджоре.

20 до Турина достигло извѣстiе, что въ Ломбардiи было оказано противодѣйствiе партiи республиканской. Король, названный «Мечемъ Италiи,» не подавалъ помощи Ломбардцамъ; тогда народъ, возбужденный до послѣдней степени, собрался у дома министерства внутреннихъ дѣлъ и сталъ требовать оружiя и помощи Ломбардцамъ. Но ихъ разогнали.

Миланцы послали къ королю графа Арезе просить содѣйствiя. Король не далъ ему аудiенцiи. 21, въ Туринѣ узнали, что инсургенты одолѣли. Тогда графу Мартини поручено было отправиться въ Миланъ и извѣстить тамошнее правительство и военный совѣтъ, что король готовъ послать подкрѣпленiе съ тѣмъ, чтобы Миланъ безусловно сдался ему. 23 республиканцы одержали рѣшительный перевѣсъ; Радецкiй бѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ битвы 4000 убитыхъ. Король видя опасность, подписалъ объявленiе войны съ Австрiей; но въ тотъ же самый день, т. е. 23 марта, увѣрялъ Австрiйскаго посланника въ Туринѣ, что *«желаетъ поддерживать его во всемъ, что можетъ упрочить дружескiя отношенiя и доброе согласiе, существовавшiя между сосѣдними державами.»*

Слѣдующее письмо Сардинскаго министра Парето къ Аберкромби, отъ 23 марта, сообщенное имъ лорду Пальмерстону, совершенно уясняетъ дѣйствiя короля.

«Господину Аберкромби извѣстна важность событiй, совершившихся въ Ломбардiи: Миланъ возмущенъ и скоро будетъ совершенно во власти жителей, которые своею храбростiю и твердостiю превзошли войска его императорскаго величества; возмущенiе распространилось на всѣ сосѣднiе города и деревни; въ сущности *вся страна до самыхъ владѣнiй его величества короля Сардинскаго охвачена пламенемъ революцiи*, чтб, какъ господинъ Аберкромби легко

*) Письмо Фикельмонта къ Дитрахштейну, 5 апрѣля Correspond. P. II. p. 825

можетъ понять, дѣйствуетъ на состояніе умовъ въ Сардинскомъ королевствѣ. Сочувствіе, возбужденное осадкою Милана, духъ національности, высказывающійся такъ рѣшительно несмотря на всѣ мѣры, принимаемыя правительствами разныхъ государствъ, произвели такое волненіе, что съ минуты на минуту можно ожидать революціи, которая будетъ грозить престолу великою опасностію, и не возможно скрывать, что, послѣ переворота, совершившагося во Франціи, объявленіе республики въ Ломбардіи весьма близко. Изъ положительныхъ фактовъ извѣстно, что значительное число Швейцарцевъ содѣйствовали успѣху инсургентовъ въ Миланѣ. Если прибавить къ тому движеніе въ Моденѣ и Пармѣ, а также въ герцогствѣ Піаценціи, — надъ которымъ его величество король Сардинскій совершенно въ правѣ наблюдать, какъ надъ своею собственностію, долженствующею перейти къ нему по праву наслѣдства; если мы прибавимъ также, что въ Піемонтѣ народъ былъ крайне раздраженъ заключеніемъ трактата между его императорскимъ величествомъ и герцогами Пармскимъ, Моденскимъ и Піаценцскимъ — трактатъ, заключенный подъ предлогомъ покровительства этимъ маленькимъ государствамъ, въ сущности же сливающимъ ихъ съ Австрійской имперіею и распространяющій ея военныя границы отъ рѣки По, гдѣ онѣ должны были бы оканчиваться, до Средиземнаго моря, и разрушающій такимъ образомъ равновѣсіе между разными италійскими державами; — то легко понять, что Піемонтъ находится въ такомъ положеніи, что лишь только достигнетъ туда извѣстіе о провозглашеніи республики въ Ломбардіи, и тамъ вспыхнетъ мятежь, который можетъ серьезно грозить престолу его величества короля Сардинскаго. При такомъ состояніи дѣлъ, король найдетъ справедливымъ, что ему необходимо принять мѣры, которыя, препятствуя настоящему Ломбардскому мятежу перейти въ республиканское движеніе, спасли бы Піемонтъ и остальную Италію отъ переворота, который необходимо послѣдуетъ, если въ Ломбардіи будетъ провозглашена республиканская форма правленія.» *)

*) Парето къ Аберкромби; Corresp. P. II, p. 185.

Аберкромби получилъ это письмо въ одиннадцать часовъ вечера 23 марта, а въ двѣнадцать отправился къ графу Бальбо, гдѣ услышалъ многія подробности. Онъ говоритъ, что графъ Бальбо и его товарищи,

«Судя по официальнымъ донесеніямъ, полученнымъ отъ директора полиціи, находятъ, что опасность, происходящая отъ ломбардскаго движенія, слишкомъ велика и близка, такъ что правительство не должно медлить содѣйствіемъ Ломбардцамъ, и полагаютъ, что дальнѣйшее противодѣйствіе волненію, возбужденному во всѣхъ владѣніяхъ короля сардинскаго, невозможно; вслѣдствіе чего они принуждены» и проч. *)

Маркизь Норменби, въ письмѣ къ лорду Пальмерстону отъ 28 марта, передаетъ свой разговоръ съ маркизомъ Бриноле, Сардинскимъ посланникомъ въ Парижѣ. Посланникъ получилъ изъ Турина депешу, сообщающую слѣдующій фактъ: король отказалъ принять депутацію изъ Милана, прежде чѣмъ городъ не перейдетъ въ руки австрійцевъ; но вторая депутація объявила королю, что если онъ не пошлетъ покрѣпленія въ Ломбардію, то немедленно услышитъ объявленіе республики.

Аберкромби, въ депешѣ отъ 25, весьма подробно говоритъ о состояніи дѣлъ въ Пиемонтѣ, мирныхъ намѣреніяхъ короля и министерства, о ломбардскомъ возстаніи и о вліяніи народа, который угрожалъ начать возмущеніе въ Пиемонтѣ и, наперекоръ правительству, напасть на Австрійцевъ.

Депеша, посланная Туринскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ маркизу Риччи, сардинскому посланнику въ Вѣнѣ, содержитъ, между прочимъ, слѣдующія строки:

«Есть причины думать, что въ Ломбардіи существуютъ многочисленныя политическія общества, которыя, вмѣстѣ съ близостію и участіемъ Швейцарцевъ, увеличиваютъ возможность провозглашенія республики. Такое событіе было бы весьма опаснымъ для Италіи, для нашего правительства, равно и для Савойской династіи. Необходимо было по этому принять быстрыя и рѣшительныя мѣры. Король и его правительство не колебались; они были глубоко убѣждены, что

*) Correspod. P. II. p. 184.

дѣйствовали для безопасности другихъ монархическихъ государствъ.»

Даже 30 апрѣля, то есть уже послѣ того, какъ война съ Австріею была объявлена, Парето опять говорилъ Аберкромби:

«Если бы Сардинское правительство не рѣшилось приказать Пиемонтской арміи перейти Тичино, то едва ли было бы возможно удержать Геную отъ возмущенія и отпаденія отъ владѣній его величества короля Сардинскаго.»

Ясно, что республиканское движеніе въ Италіи принудило Пиемонтскаго короля начать враждебныя дѣйствія противъ Австріи. Всякій можетъ легко сказать папередъ, чѣмъ такія военныя дѣйствія должны были окончиться. Начатыя неохотно, онѣ ведены были также неохотно. Бѣглый взглядъ на военныя ошибки, вытекавшія изъ ложнаго положенія короля и его отношеній къ Европейскимъ правительствамъ, объясняетъ неуспѣхъ италіанской революціи, начатой такъ рѣшительно.

Такъ какъ италіанское движеніе было существенно народное, то должно было произвести народную войну, какъ необходимое, логическое слѣдствіе. Такая война была начата въ Миланѣ; вся Италія отвѣчала единодушно взрывомъ. Даже пиемонтскіе министры, не смотря на то, что Мартини, какъ мы видѣли, первый предложилъ помощь, съ условіемъ, чтобы Миланъ сдался королю; не смѣли открыть плана династическаго возвышенія дома Савойскаго, которое они ожидали извлечь изъ этой борьбы. Между тѣмъ народъ и безъ чужой помощи одержалъ побѣду. Побужденія короля, по крайней мѣрѣ въ настоящее время остаются темными: или онъ въ самомъ дѣлѣ надѣялся приобрѣсти корону сѣверной Италіи, которую умѣренныя обѣщали ему, и не приобрѣлъ ея единственно по слабости характера; или онъ съ самаго начала составилъ такой планъ военныхъ дѣйствій, который не могли привести ни къ какимъ важнымъ результатамъ;— вопросъ этотъ не можетъ быть разрѣшенъ совершенно удовлетворительно. Въ прокламаціи 23 марта онъ объявилъ, что Пиемонтское войско «подаетъ Ломбардскому и Венціанскому народу такую помощь, какой всегда можетъ ожидать

братъ отъ брата, другъ отъ друга! и потомъ въ Лоди другою прокламаціей онъ объявлялъ, что сокращая военныя дѣйствія, «желаетъ возстановить въ Ломбардіи такую безопасность, какая необходима, чтобы граждане могли пользоваться совершенно покойно своими правами».

Временное правительство Милана, замѣнившее, послѣ бѣгства австрійцевъ, военный совѣтъ, было составлено изъ членовъ умѣренной партіи, мечтавшей о провозглашеніи Карла Алберта королемъ сѣверной Италіи. Нѣкоторые изъ нихъ были уже тайно приглашены къ королю и, почитая свое дѣло оконченнымъ, объявили политическій нейтралитетъ. Въ прокламаціи этой они говорили: «мы воздерживаемся отъ всякаго политическаго вопроса; мы торжественно и неоднократно объявляли, что послѣ борьбы нація сама должна будетъ рѣшить свою судьбу» *). 29-го они опять говорили народу: «Необходимо ждать, пока вся Италія будетъ свободна; когда всѣ будутъ свободны, всѣ будутъ говорить»; въ томъ же духѣ написанныя прокламаціи были разосланы въ Римъ, въ Геную, въ Венецію. Они даже учредили комиссію для разсмотрѣнія законовъ представительнаго правленія, объявляя, что составленіе національнаго собранія и свободные veto должны быть настоящимъ выраженіемъ правъ и силы народа и что только такое собраніе можетъ и должно рѣшить будущія судьбы италіянскаго народа. Это было принятіе программы національной партіи, программы, обнародованной еще 1833 году, въ журналѣ «La Giovine Italia». Эта партія, хотя предводители ея были республиканцы по убѣжденію, твердо и постоянно держалась началъ, высказанныхъ въ первой прокламаціи, и къ чести ихъ надо признать, что они искренно приняли и твердо держались ихъ теперь, не смотря на то, что могли объявить республику въ Миланѣ.

Умѣренные однакожь скоро уклонились отъ нейтралитета и открыто говорили о необходимости немедленнаго соединенія Ломбардіи съ Пиемонтскимъ королевствомъ. Они позволили себѣ унизиться до того, что прибили на стѣнахъ Ми-

*) См. р. II, р. 355.

лана объявленія, наполненныя клеветою на членовъ національной партіи, даже отвергли предложеніе волонтеровъ, желавшихъ продолжать войну съ Австріей, единственно потому, что они принадлежали къ національной партіи.

О слѣдствіяхъ этой односторонней и ограниченной политики, Кэмпбелль, англійскій вице-консуль, въ депешѣ къ лорду Пальмерстону говоритъ слѣдующее:

«До сихъ поръ между всѣми классами народа господствовало единство; но со времени вступленія его величества короля Сардинскаго въ Ломбардію начались несогласія: явились двѣ партіи; одна изъ нихъ, партія аристократическая, желаетъ соединенія Ломбардіи съ Пиемонтомъ, подъ управленіемъ короля Карла Альберта, другая, состоящая изъ средняго класса людей, стоитъ за республику».

Между тѣмъ король сдѣлалъ всевозможныя ошибки на военномъ полѣ и вмѣсто помощи возставшему населенію, подалъ помощь Австрійцамъ. Нѣсколько маневровъ было сдѣлано такъ неблагоразумно, что Ломбардцы могли заподозрѣть его въ измѣнѣ. Когда Карль Альбертъ вошелъ въ Ломбардію, всѣ силы, находившіяся въ распоряженіи Вальмодена и Радецкаго, состоявшія изъ гарнизоновъ, собранныхъ изъ разныхъ городовъ, простирались отъ 30,000 до 35,000*), но и они были въ весьма плохомъ состояніи и постоянно готовы къ бунту.

Важнѣйшіе стратегическіе пункты на италіанской границѣ — проходы въ Тирольскихъ Альпахъ, были заняты Ломбардскими волонтерами, подъ командою Арціони, Тамберга, Манара, тотчасъ послѣ осады Милана. Венеціанскіе инсургенты заняли Кадори и Фріули — гористыя части Венеціи и всѣ другіе военные пункты въ Альпахъ. Всякому, кто сколько нибудь знакомъ съ военнымъ дѣломъ, было совершенно ясно, какъ долженъ былъ дѣйствовать король; планъ его дѣйствій изложенъ въ письмѣ Кэмпбелля къ Пальмерстону, отъ 5 апрѣля 1848 г.

*) Кэмпбелль къ Пальмерстону, *Cor. Part. II*, p. 318.

«Большая часть населенія Ломбардіи была приведена въ негодованіе тѣмъ, что фельдмаршалу Радецкому и генералу Вальмодену дозволили занять Верону и Мантую. По плану, составленному военнымъ совѣтомъ, генералъ Ла-Мармора, долженъ былъ, съ своей артиллеріей, легкой кавалеріею и корпусомъ волонтеровъ, напасть на Австрійцевъ, на пространствахъ отъ Лоди до Пиццидетона и Орзи Нуови — въ странѣ весьма удобной для дѣйствія иррегулярныхъ войскъ. Дороги въ этой странѣ узки, пересѣчены глубокими рвами, наполненными текучей водою. Препологалось, что генералъ Ла-Мармора, преслѣдуя Австрійцевъ на каждомъ шагу, долженъ принудить ихъ положить оружіе. Военный совѣтъ полагалъ также, что постоянная пушечная пальба ободритъ крестьянъ, которые испортятъ дороги, разрушатъ мосты и вмѣстѣ съ Швейцарцами и другими вооруженными людьми числомъ до 800, превратятъ въ крѣпость каждую деревушку и откроютъ огонь по австрійской артиллеріи, истощенной уже осадой Милана. При такихъ условіяхъ, Австрійская армія была бы совершенно во власти населенія Ломбардіи. Эта система военныхъ дѣйствій была предложена военнымъ совѣтомъ, но главнокомандующій Ломбардской арміи отвергъ ее. Народъ ропталъ на временное правительство, полагая, что оно старается охладить жаръ волонтеровъ, чтобы доставить королю случай одержать побѣду надъ Австрійцами. Но народъ ошибся и въ его величествѣ, потому что, не отрѣзавъ отступленія Австрійцамъ, онъ не далъ имъ сраженія прежде, чѣмъ они заняли Мантую и Верону *)».

Но даже послѣ этихъ ошибокъ, послѣ того, какъ Австрійцы вышли изъ четырехугольника, составляемаго крѣпостями Песчіерою, Вероною, Мантуею и Леньяго, положеніе ихъ было бы не безопасно, еслибъ король дѣйствительно велъ съ ними войну. Войска, однажды потерпѣвшія поражение, никогда не въ состояніи дѣйствовать рѣшительно безъ свѣжаго подкрѣпленія; это фактъ, признанный всѣми военными писателями. Подкрѣпленія къ австрійскимъ войскамъ могли пройти или чрезъ Альпійскіе проходы или чрезъ Триестъ.

*) Cor. Part, II, p.318, note.

Поэтому въ планѣ, составленномъ военнымъ совѣтомъ, предполагалось занять сильнымъ войскомъ проходы Тирольскіе и въ Венеціанскихъ Альпахъ, а по Триесту начать бомбардировку и взять его, во что бы то ни стало. Последнее легко могло быть исполнено Сардинской флотиліею, находившеюся въ Адриатическомъ морѣ; но враждебныя дѣйствія ея были предупреждены дипломатическими переговорами Короля съ Англіею, Баваріею и Пруссіею.

Но вмѣсто того, чтобы послать войска въ Альпы и помочь волонтерамъ совершенно овладѣть непріятельскими путями сообщенія, король расположился со всей своей арміею во фронтъ крѣпостей; онъ даже отозвалъ ихъ изъ Тироля, какъ бы намѣреваясь преобразовать ихъ въ Бресчю; а потомъ, въ слѣдствіе требованій германскаго союза, онъ не могъ отправить ихъ обратно въ Тироль. Многочисленные проходы въ Венеціанскихъ Альпахъ, были заняты только волонтерами. Венеція объявила себя республикой, въ слѣдствіе чего король, поднявшій оружіе противъ враговъ Ломбардіи, какъ братъ и другъ, считалъ несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ помогать республиканцамъ; между тѣмъ какъ противъ Триеста не было принято никакихъ мѣръ. Чтобы защитить Ломбардію отъ 3,500 австрійцевъ, остававшихся въ ея предѣлахъ, онъ долженъ былъ вооружить народонаселеніе, — чего онъ не рѣшился сдѣлать.

Волонтеры отозваны, Триестъ не бомбардируется, военные пути чрезъ Австрійскія горы очищены, армія остается безъ дѣла; между тѣмъ австрійское подкрѣпленіе спокойно проходитъ и занимаетъ Венеціанскую территорію. Национальная партія опять предлагаетъ королю *lever en masse* — ее отвергаютъ. Кастаньето, королевскій секретарь отвѣчаетъ, что «король не желаетъ оставить у себя въ тылу непріятельскую армію. Регулярныя силы Пиемонта, оставленные однѣ, слишкомъ неровны Австрійцамъ. Оставленные въ бездѣйствіи, при непомерной жарѣ и общемъ негодованіи народа, Сардинскія войска, упавъ духомъ, менѣе были способны къ военнымъ дѣйствіямъ, чѣмъ прежде. Король, понимая свое отчаянное положеніе, думалъ только о томъ, чтобъ получить дипломатическій документъ — который могъ

бы со временемъ пригодиться, о присоединеніи Ломбардіи къ Пиемонту. Умѣренныя, понимавшіе непрочность настоящаго положенія и не предвидя въ будущемъ ничего вѣрнаго, устремились къ осуществленію своей мечты — монархическаго соединенія. Они объявили, что угрожаетъ важная опасность, что для защиты страны необходимы люди, деньги, военные и съѣстные припасы, что всего этого нѣтъ; но «Генуя пришлетъ милліонъ фунтовъ, Пиемонтъ тысячи солдатъ, и Ломбардія, не сдѣлавъ никакого усилія и самопожертвованія, будетъ свободна».

Вслѣдъ за тѣмъ Пиемонтское правительство издало программу, въ которой объявило, что Ломбардія должна «ожидать, пока вся Италия не будетъ свободна; когда всѣ будутъ свободны, всѣ будутъ говорить,» и обнародовало декретъ, которымъ предлагало собрать голоса отъ гражданъ относительно присоединенія Ломбардіи къ Пиемонту. При собираніи голосовъ употреблены были всѣ средства, чтобъ утвердительныхъ мнѣній было подано какъ можно больше; сотни именъ были написаны одною рукою; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, особенно въ Генуѣ и въ Пиемонтѣ священники отказывали въ причастіи нежелающимъ подписаться; несмотря на то въ провинціи Кремонѣ, имѣющей почти 200,000 жителей, подписались только трое; въ Павіи — девять; въ Валентинѣ — три; между тѣмъ какъ въ другихъ провинціяхъ число подписавшихся превосходило число жителей.

Нечего и говорить, что число подписавшихся было очень достаточно, чтобъ принять его за выраженіе желанія всей націи, а король дѣйствительно получилъ документъ о соединеніи Ломбардіи съ Пиемонтомъ, въ чемъ умѣренныя видѣли спасеніе всей Италии. Послѣ того король послалъ въ Венецію экстраординарныхъ комиссаровъ — генерала Колли и Синьора Чибраріо — предложить Венеціанцамъ послѣдовать примѣру Миланцевъ и собрать мнѣнія о соединеніи Венеціи, Ломбардіи и Пиемонта. Венеціанское временное правительство, подозрѣвая, что республика была уже выдана Австріяцамъ королемъ, объявило себя 4 іюля «въ пользу соединенія города и провинціи съ Пиемонтомъ». Это была важная ошибка; но причиною ея было, какъ видно изъ письма гене-

ральнаго консула Даукинса къ Пальмерстону, стремленіе къ освобожденію всей Италіи.

Поведеніе короля объясняется слѣдующимъ письмомъ Аберкромби къ Лорду Пальмерстону изъ Турина 10 іюля.

«Сегодня утромъ мнѣ было сообщено письмо, писанное его величествомъ королемъ Сардинскимъ.

«Въ этомъ письмѣ, отъ 7 текущаго мѣсяца, его величество объявляетъ, что принялъ бы предложеніе назначить Адиръ (Адиръ отдѣляетъ Венецію отъ остальной Ломбардіи) восточной границей этой провинціи и присоединить къ ней герцогства Модену и Парму. Его величество замѣчаетъ далѣе, что если бы Австрія была склонна сдѣлать ему предложеніе о мирѣ на такихъ условіяхъ, то онъ нисколько не колеблясь, принялъ бы его. Его величество желалъ, чтобы его мнѣніе было сообщено мнѣ, по той причинѣ, что въ случаѣ приведенія въ исполненіе такого плана, я могъ бы быть посредникомъ.

«Его величество заключаетъ письмо выраженіемъ убѣжденія, что есть достаточныя причины, въ слѣдствіе которыхъ и палата и народъ признали бы миръ на такихъ условіяхъ, весьма благоразумнымъ и выгодными.»

Между тѣмъ Карлъ Альбертъ, два агента котораго вели дѣло о присоединеніи Венеціи, послалъ на помощь ей 2000 сардинскихъ войскъ, достигшіе только 27 іюля; а 6 августа, заключивъ съ Австріею перемиріе, издалъ прокламацію чрезъ своихъ комиссаровъ, что «соединеніе города и провинціи Венеціи принято палатою депутатовъ и Сенатомъ и утверждено его высочествомъ принцемъ лейтенантомъ отъ имени короля Сардинскаго. Другая прокламація, изданная комиссарами, положительно объявляетъ этотъ союзъ какъ начало освобожденія Италіи.

Въ отношеніи къ Милану поступлено было точно такъ же. Позволивъ Австріяцамъ усилиться, король потерпѣлъ всюду пораженіе и послѣ дѣла при Кустоца, когда сардинская армія принуждена была отступить къ Милану, даже умѣренные увидѣли свою ошибку. Въ отчаяніи, они обратились къ національной партіи, которую прежде оклеветали; Онъ видѣлъ, что единственное средство спасти городъ — сконцен-

трировать власть. Австрійцы двигались быстро, и отступление королевской арміи походило на бѣгство. Отъ членовъ временнаго правительства потребовали, чтобы они назвали гражданъ, которымъ возможно довѣрить власть; они избрали Рестелли, Маэстра и генерала Фанти. Эти три лица, пользовавшіяся популярностію, составили комитетъ обороны. Послѣдняя ихъ надежда была — поднять народъ и снова начать войну съ Австрією.

Они дѣйствовали съ удивительною быстротою и въ три дня болѣе сдѣлали, чѣмъ правительство въ три мѣсяца. Главнѣйшая забота ихъ состояла въ томъ, чтобы доставить гражданамъ средства защиты. Разумѣется, за оружіемъ и военными припасами дѣло не стало. Одушевленные энергическою дѣятельностію комитета, возбуждаемые національною партією, жители съ презрѣніемъ выражались о войнѣ Карла Альберта и о системѣ умѣренныхъ. Все было уже готово къ мужественной встрѣчѣ съ Австрійцами, когда получено было извѣстіе, что король съ 40,000 армією идетъ на защиту Милана. 3 Августа генералъ Оливверри, назначенный королевскимъ комиссаромъ, вмѣстѣ съ маркизами Монтецемола и Стригелли, прибылъ въ Миланъ. Въ силу будущаго соединенія провинцій, они приняли на себя исполнительную власть и изъ оконъ дворца объявили народу, что король, потерявшій уже Венеціанскую Ломбардію, желаетъ спасти Миланъ. Народъ въ прямомъ смыслѣ понялъ эти слова. Но нѣкоторые партизаны тотчасъ же оставили городъ и присоединились къ Гарибальди, который съ отрядомъ Римскихъ волонтеровъ все еще противодѣйствовалъ Австрійцамъ въ Бергамо.

На другой день Карлъ Альбертъ вступилъ въ Миланъ, объявилъ, что намѣренъ защищать городъ, приказалъ сжечь всѣ зданія, которыя могли бы служить непріятелю; между тѣмъ перемиріе было уже подписано, и въ числѣ условій была сдача Милана. Въ тотъ же день онъ произнесъ присягу въ присутствіи депутатовъ національной гвардіи, что онъ самъ, его сыновья и его солдаты будутъ защищать Миланъ до послѣдней капли крови; а 5-го объявилъ сдачу Милана дѣломъ рѣшеннымъ.

Такимъ образомъ рушились надежды умѣренной партіи и всей Италіи.

Изъ этого бѣглаго очерка событій, основаннаго на официальныхъ документахъ, читатель могъ видѣть, что дѣло Италіи было проиграно единственно вслѣдствіе раздѣленія партій, изъ которыхъ одна мечтала, говорила, писала прокламаціи и, примѣшивая къ народному вопросу личные интересы, не имѣла силы дѣйствовать; другая, предавшая всей душой независимости Италіи, но обезсиленная происками и противодѣйствіемъ первой, должна была свернуть свое знамя, не достигнувъ никакихъ результатовъ.

«Послѣ паденія Венеціи,» пишетъ Орсини въ своихъ мемуарахъ, «Италія была побѣждена. Такого-ли результата должно было ожидать отъ энтузіазма, такъ недавно одушевлявшаго каждаго гражданина Италіи?... Тамъ, гдѣ за семь лѣтъ предъ тѣмъ раздавалось ликование о независимости и каждый готовъ былъ пролить за нее кровь, тамъ водворилось прежнее владычество. Кто же былъ виною?»

Одна причина такого результата уже извѣстна читателю. «1849 годъ,» продолжаетъ Орсини, «доказалъ другую печальную, но несомнѣнную истину, что въ Италіи не было ни военнаго, ни политическаго генія, который бы одушевилъ народъ, влилъ въ него новую жизнь и поддержалъ въ трудной борьбѣ. Италіянскіе эмигранты принесли съ собою идеи, заимствованныя ими у иностранцевъ, во время долгой ссылки. Иные дѣйствовали изъ честолюбія; первую ихъ мыслію были они сами, а не отечество».... «Странно сказать,» прибавляетъ онъ, «въ то время, какъ вездѣ твердили объ единствѣ, три италіянскія провинціи управлялись тремя отдѣльными революціонными правительствами!»

Таковы общіе выводы, къ которымъ приводятъ изданія, упомянутыя выше.

Въ числѣ историческихъ матеріаловъ нашего столѣтія займетъ также не послѣднее мѣсто изданіе сэра Вилліама Нэпьера, подъ заглавіемъ: *The Life and Opinions of General sir Charles James Napier*. «Это», пишетъ издатель, «исторія чловѣка, который никогда не омрачалъ своей репутаціи никакимъ постыднымъ дѣломъ, который покорялъ отдаленные народы

своими достоинствами и управлялъ ими такъ, что они любили и уважали англійское владычество, котораго прежде боялись и проклинали. «Это», прибавляетъ одинъ англійскій критикъ, «исторія челоувѣка, соединявшаго въ себѣ качества героя, мужество воина съ чувствительностію женщины, жизнь котораго представляетъ соединеніе рыцарскихъ подвиговъ съ подвигами гражданина».

Чарльзъ Нэпиръ родился въ Витегаллѣ, въ 1782 году 10 августа и провелъ дѣтство въ Ирландіи, недалеко отъ Дублина. Двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ вступилъ на военное поприще и участвовалъ, вмѣстѣ съ 33 полкомъ, въ усмиреніи Ирландскаго возстанія 1798 года. Вскорѣ предъ нимъ открылось болѣе обширное поле дѣйствій: подъ командою сэра Джона Мура, онъ, въ качествѣ командира 50 полка, участвовалъ въ сраженіи при Корунна въ Испаніи, гдѣ былъ такъ тяжело раненъ, что товарищи оставили его умирать на полѣ битвы.

Но онъ не умеръ, а попалъ въ руки Сульта, который принялъ его ласково и по выздоровленіи отпустилъ въ Англию, на честное слово. Когда срокъ обязательства прошелъ, Нэпиръ опять поступилъ въ Британскую армію, находившуюся въ Испаніи, подъ командою лорда Веллингтона. Онъ участвовалъ почти во всѣхъ сраженіяхъ и рѣдко выходилъ изъ нихъ безъ ранъ. Послѣ заключенія мира, правительство давало Чарльзу Нэпиру разныя порученія въ Европѣ и въ колоніяхъ. Въ 1816 году онъ былъ назначенъ губернаторомъ Кефалоніи и вмѣстѣ съ Байрономъ, составилъ планъ освобожденія Греціи; Кефалонцы до настоящаго времени помнятъ его и называютъ отцемъ своей родины. Имя его сдѣлалось особенно славнымъ послѣ несчастной Афганистанской компаніи, когда онъ посланъ былъ въ Синдъ, съ цѣлю удержать въ спокойствіи тамошнія полудикія племена. Известно, что въ это время составлялся обширный заговоръ по всей сѣверо-западной границѣ Британскихъ владѣній въ Индіи. Цѣль этого заговора состояла въ томъ, чтобы выгнать изъ Индіи Англичанъ, потерпѣвшихъ нѣсколько поражений. Участвовали-ли въ этомъ заговорѣ Амиры Синдскіе—это вопросъ неразрѣшимый. Вслѣдствіе этого Нэпиръ по-

требовалъ заложниковъ, чтобы гарантировать миръ; но жители отказали въ исполненіи этого требованія; тогда Нэпиръ объявилъ войну, и, имѣя не болѣе 5000 войска, два раза разбилъ 30 или 40 тысячное войско Синдовъ. Лордъ Элленборугъ назначилъ его губернаторомъ покоренной страны, и здѣсь-то Нэпиръ обнаружилъ впервые свои блистательные таланты правителя. Шайки разбойниковъ, бродившія по странѣ, были истреблены; сожженіе вдовъ было уничтожено; устроена бдительная полиція, исправлены и вновь проведены дороги, пересмотрѣны законы и вся администрація преобразована до основанія. Сверхъ того Нэпиръ не забывалъ образованія народа и улучшенія общественнаго быта туземцевъ. Среди этихъ трудовъ, ему нерѣдко приходилось сталкиваться непріязненно съ индѣйскимъ правительствомъ, слѣдовавшимъ совершенно другимъ началомъ. Вскорѣ однакожъ, семейными обстоятельствами онъ вынужденъ былъ оставить Индію; но въ 1849 году, когда начиналась въ Индіи новая война, Нэпиру предложило правительство главное командованіе Британскою арміею; онъ колебался, не предвидя совершенно счастливаго исхода этой войны. При этомъ случаѣ, герцогъ Веллингтонъ произнесъ рѣчь, памятную всѣмъ Англичанамъ, начинавшуюся словами: «Если вы не пойдете, я долженъ буду идти туда». Довѣріе правительства, выражавшееся въ рѣчи Веллингтона, рѣшило всѣ его сомнѣнія. Черезъ сорокъ три дня, онъ былъ уже въ Бомбаѣ; но прибывъ туда, узналъ, что война уже окончена рѣшительнымъ сраженіемъ при Чилліанвалагѣ. Принявъ команду надъ войскомъ, онъ ограничился тогда улучшеніемъ быта и нравственности подчиненныхъ ему офицеровъ. Но несогласія съ Лордомъ Дальгузи, губернаторомъ Индіи, принудили его возвратиться въ Англію, гдѣ онъ жилъ уединенно до самой смерти. Въ послѣдній разъ онъ явился предъ публикою на похоронахъ Веллингтона, а въ слѣдующемъ году (1853) умеръ.

Таково поприще, пройденное этимъ замѣчательнымъ человекомъ, постоянно служившимъ истинѣ и прогрессу, увлекавшимся никогда мнѣніями партій; Чарльзъ Нэпиръ никогда не становился подъ знамена Тори или Виговъ; но въ

то же время никогда не переставалъ быть человѣкомъ. Онъ внесъ благородный гуманизмъ въ администрацію и суды индѣйскіе, и полудикіе туземцы полюбили иноземное владычество, которое до того времени считали карой неба. Неудивительно, что правители рутинисты не были расположены къ нему — они видѣли въ немъ живой протестъ.

Въ письмахъ своихъ, адресованныхъ къ Веллингтону и другимъ особамъ, онъ нерѣдко обнаруживалъ недостатки англійской администраціи, жаловался на жестокость, несправедливость и презрѣніе къ побѣжденному народу, на неуваженіе къ его обычаямъ и религіознымъ убѣжденіямъ, большею частію совершенно безвреднымъ, и предсказывалъ взрывъ, который потрясъ владычество Британіи въ Индіи, подавленіе котораго стоитъ столькихъ усилій и жертвованій.

Съ этой точки зрѣнія, изданіе Вилліама Нэпира приобрѣтаетъ весьма важное значеніе; оно болѣе, чѣмъ многія спеціальныя сочиненія, объясняетъ положеніе Индіи и отношенія ея населенія къ правительству.

Вотъ важнѣйшія сочиненія, явившіяся въ Англии въ послѣдніе годы, служація матеріаломъ для исторіи нашего времени.

— Года четыре тому назадъ, вышелъ первый томъ сочиненія Чарльза Мериваля: *History of the Romans under the Empire*. Сочиненіе это, написанное блестящимъ, живописнымъ языкомъ, наполненное множествомъ подробностей, освѣщенныхъ разумной идеей, было весьма радушно встрѣчено публикой и вызвало многія похвалы критиковъ. Нынѣ явился VI томъ этого сочиненія, нисколько не уступающій въ достоинствѣ предшествующимъ.

Въ этомъ томѣ, обнимающемъ періодъ отъ Клавдія до Тита, авторъ представляетъ въ частностяхъ постепенное разрушеніе организма римской имперіи. Какъ Англичанинъ, онъ обратилъ большое вниманіе на походъ въ Британію, и описалъ какъ походъ, такъ и островъ съ большою подробностію. Конечно, видишь всѣхъ въ этомъ томѣ является личность Нерона, исторія котораго занимаетъ пять главъ изъ девяти, составляющихъ томъ, и имѣетъ огромный пси-

хологическій интересъ. Этому предмету авторъ посвятилъ много труда; искусство его въ выборѣ и группировкѣ подробностей, основательность въ критическомъ разборѣ свѣдѣтельствъ достойны полнаго уваженія.

Во вступительномъ очеркѣ, Мериваль бросаетъ взглядъ на методу образованія Римскаго аристократическаго юношества, и вводитъ васъ въ исключительную атріа, гдѣ Друзъ и Германикъ воспитывались подъ надзоромъ своихъ родителей и наставниковъ. Благородное римское юношество, благодаря потворству своихъ матушекъ, часто до семилѣтняго возраста не имѣло понятія объ азбукѣ. Съ дѣтства, молодого патриція нѣжили, откармливали, лелѣяли; роскошная одежда приучала его къ тщеславію; пуховая постель къ лѣни и нѣгѣ. О вкусѣ его заботились прежде чѣмъ о языкѣ; о чувствахъ — прежде чѣмъ о мысли; кухня была болѣе пріятной школой, чѣмъ классная комната; рѣчь его была сурова, хотя грамматически неправильна; сверхъ того были театры и цирки, и когда молодой патрицій проводилъ такимъ образомъ день, то, по замѣчанію Тацита, ему конечно негдѣ было взять времени для другихъ занятій. Въ отношеніи къ Нерону Мериваль приводитъ слова Стація:

«Будутъ-ли его патриціи вѣрны ему? Будетъ-ли народъ повиноваться ему? Кого онъ пошлетъ въ походъ на Евфратъ? Онъ не знаетъ и не думаетъ объ этомъ; онъ едва смѣетъ погнать своего коня; скипетръ кажется слишкомъ тяжелымъ для его руки; голова его еще недоросла, чтобы носить тіару».

Въ крови Нерона были дурныя наклонности, наслѣдованныя отъ отца и матери; но пороки его развились не вдругъ. Онъ имѣлъ наклонность къ пѣнію, игрѣ и танцамъ. Когда ему было семнадцать лѣтъ, народъ — съ грустнымъ чувствомъ, или быть можетъ съ усмѣшкой — замѣтилъ, что онъ не можетъ сказать рѣчи, — между тѣмъ какъ Цезарь явился въ Форумъ на двѣнадцатомъ году, Августъ на девятнадцатомъ. Лестъ являлась Нерону въ образѣ матери, нравственность — въ личнѣ наставника, Афродита — въ видѣ маленькой свободной жепщины, и всѣ они были къ его услугамъ.

«Недостатки Нерона постепенно пускали свои корни глубже и глубже; страсти разрастались въ пороки и приносили свои плоды — преступленія. Но это развитіе было медленное, постепенное и прикрывалось искуснымъ притворствомъ. Характеръ его былъ тайной придворной; о немъ шептались только при дворѣ. Высокія правила нравственности, которыя великій стоикъ натягивалъ въ своихъ высокопарныхъ проповѣдяхъ, научили его мудрому правилу, что онъ не долженъ быть худшимъ изъ худыхъ. Нельзя сомнѣваться, судя по общему характеру проповѣдей философа, что онъ покрывалъ значительную долю самодовольства; что Сенека, подобно многимъ проповѣдникамъ добродѣтели, оплакивая свою нравственную слабость въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, былъ убѣжденъ, что въ другихъ отношеніяхъ — именно, въ гнусныхъ порокахъ, дѣйствительно несвойственныхъ его природѣ, — онъ парилъ высоко надъ общимъ уровнемъ человѣчества. Я не сомнѣваюсь, что нравственность, преподаваемая имъ Нерону, заключалась главнымъ образомъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: *Будь въжливъ и умѣренъ; избѣгай жестокости; воздерживайся отъ кровопролитія.* Конечно, юному принцу, пользующемуся популярностью, окруженному льстецами, имѣющему всевозможныя средства разсѣяться, не трудно было съ излишкомъ вознаградить себя за эти усилія, безъ угрызеній совѣсти, наслаждаться, не вредя никому. Для этого не нужны были наставленія мудреца».

Безпристрастныя свидѣтельства Joserphus и Светонія представляютъ результаты этихъ наставленій — глубокій развратъ, звѣрство, животныя побужденія.

Празднество Ювеналии открываетъ другую сторону характера императора:

«Неронъ самъ былъ героемъ этого празднества. Когда онъ достигъ возмужалости, первый пухъ, появившійся на его щекахъ и подбородкѣ, былъ обрѣзанъ, положенъ въ золотой ящикъ и посвященъ Юпитеру Капитолійскому. Церемонія эта сопровождалась музыкой и торжествомъ; множество римлянъ, всѣхъ степеней и достоинствъ, было приглашено во дворецъ, какъ зрители; славнѣйшимъ гражданамъ были заплачены деньги, чтобы они явили свое искусство въ

танцахъ и въ пѣніи; важные сенаторы, статныя матроны коверкались, за деньги, какъ шуты и акробаты. Унизительныя роли, которыя Неронъ заставилъ играть благороднѣйшихъ изъ своихъ гражданъ, по замѣчанію Тацита, казалось, еще болѣе сгустили мракъ, висѣвшій надъ убійцей матери.» Далѣе историкъ описываетъ разведеніе публичнаго сада вокругъ Августова бассейна, на другой сторонѣ Тибра, гдѣ предлагался народу питье и говядина, и всякій прохожій могъ получить билетъ для входа. Отсюда порокъ распространялся повсюду въ самыхъ гнусныхъ видахъ. Это смѣшанное общество мужчинъ и женщинъ, различныхъ званій, развращало нравы общества болѣе, чѣмъ всякая другая причина, какую могли найти историки. Въ довершеніе всего, самъ Неронъ являлся на подмостки, съ лирой въ рукахъ, которую онъ въ уединеніи строилъ предъ началомъ представленія. Голосъ его былъ сильный, дыханіе короткое и все его искусство не могло выкупить этихъ недостатковъ. Но онъ не сознавалъ этого, такъ велико было его самообольщеніе. Не смотря на то, чтобы принудить ропотъ хулителей, возлѣ находились солдаты; во главѣ ихъ стоялъ Буррій, безстыдно аплодировавшій вѣнценосному актеру. Общество молодыхъ патриціевъ, называемыхъ Августани, должно было аплодировать и превозносить божественную красоту императора и его божественно — прекрасное пѣніе. Безъ сомнѣнія, стихи Сенеки чаще всего пѣлись въ такихъ случаяхъ. Но Неронъ и самъ былъ стихотворцемъ. Его права на поэтическія достоинства были, какъ легко себѣ представить, весьма слабы и онъ не довѣрялъ себѣ въ этомъ искусствѣ, такъ что его постоянно окружали рюмоплеты, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы облекать въ правильный и красивый стихъ мысли, задаваемые имъ императоромъ. «Вы можете легко замѣтить, въ произведеніяхъ Нерона», говоритъ Тацитъ, «способъ ихъ составленія; они состоятъ изъ стиховъ, не имѣющихъ единства ни въ стилѣ, ни въ содержаніи». Описаніе пожара есть одно изъ лучшихъ мѣстъ въ этомъ томѣ.

«Среди всѣхъ этихъ ужасовъ, Провидѣніе готовило Риму кару. Масса народа въ то время тѣснилась въ небольшихъ

деревянныхъ жилищахъ; вслѣдствіе этого часто случалось, что огонь истреблялъ цѣлыя улицы, цѣлыя кварталы и всѣ усилія ночной стражи, недостаточно бдительной и не имѣвшей нужныхъ средствъ, были совершенно бесполезны. Но величайшій изъ пожаровъ, опустошавшихъ Римъ, былъ 19 іюля 817 года, начавшійся на восточной сторонѣ цирка, занимавшаго долину между Палатинскимъ и Целинскимъ холмами. У наружныхъ стѣпъ этого зданія были навалены въ огромномъ количествѣ деревянные балки, и сюда примыкали магазины, наполненные преимущественно горючимъ матеріаломъ. Восточный вѣтеръ обратилъ пламя къ Палатинскому холму, откуда оно начало распространяться по двумъ направленіямъ, истребляя съ необыкновенною быстротою дома, не встрѣчая никакой преграды, до тѣхъ поръ, пока жаръ не усилился до того, что его не могъ выдержать даже кирпичъ. Циркъ былъ наполненъ отъ одного до другаго конца деревянными галереями, которыя горѣли какъ бумага. Разлившись по сосѣднимъ высотамъ, огонь истребилъ множество прекрасныхъ зданій на Палатинскомъ и Авентинскомъ холмахъ, и устремился къ нижней части города, къ Велабруму, Форуму и Беаріуму, гдѣ былъ наконецъ остановленъ рѣкою. Въ то же время другой потокъ, съ такою же яростію, рвался по Веліи и Эсквилину, превращая въ развалины все что встрѣчалъ на пути, и достигъ до утесовъ, лежащихъ за садами Мецената. Среди этой потрясающей сцены, въ дыму, въ пламени, среди криковъ толпы, оглушительнаго шума, народъ замѣчалъ злодѣевъ, которые подбрасывали горящія головы въ дома; многіе изъ нихъ были схвачены народомъ и объявили, что дѣйствовали по приказанію. Такимъ образомъ въ народѣ посѣяно было страшное подозрѣніе, что правительство находилось въ союзѣ съ рабами и разбойниками».

Въ примѣръ знакомства автора съ умственною жизнью Римлянъ время имперіи, приведемъ очеркъ римской литературы и тогдашней системы изданій:

«Классъ читателей составляли сенаторы, патриціи и вообще свободные люди; есть весьма основательныя причины думать, что римскія публикаціи нерѣдко проникали въ дальшія про-

винци; по крайней мѣрѣ въ Лиздуніумѣ и другихъ главныхъ городахъ разныхъ провинцій, существовали правильные кабинеты для чтенія. Можно было бы сдѣлать довольно любопытное вычисленіе, которое доказало бы, что быстрота, съ какою увеличивалось число копій, не многимъ уступаетъ быстротѣ печатанія. Это, разумѣется, предполагаетъ огромное количество писцовъ; но въ Римѣ были рабы, постоянно занимавшіеся переписываніемъ и мало стойвшіе своимъ господамъ. Чрезвычайно низкая цѣна на книги въ Римѣ показываетъ, что работа была значительно легче, нежели мы привыкли думать. Римское общество, особенно высшіе круги, какъ въ столицѣ, такъ и въ ея окрестностяхъ, распространяли мысли своихъ любимыхъ писателей съ быстротою невѣроятной, въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Было бы, конечно, слишкомъ много, если бы мы назвали эту готовность образованныхъ Римлянъ употреблять свой языкъ и дощечки—любовію къ литературѣ и къ умственнымъ занятіямъ. Тогдашняя система образованія превратилась въ заучиваніе фактовъ, правилъ, общихъ положеній школъ и вовсе не имѣла въ виду образованія мысли. Приученный съ дѣтства замѣчать и подражать, римлянинъ умѣлъ сочинять стихи всѣхъ родовъ прежде, нежели въ немъ родилась какая нибудь идея, способная сдѣлаться ихъ содержаніемъ. Отсюда та легкость, съ которою многія дѣти сочиняли ораціи на разные пустыя тѣмы. Овидій, говоря о раннемъ развитіи своего таланта, приводитъ фактъ, что еще въ дѣтствѣ, мысли его самопроизвольно ложились въ стихи, и что фразы, которыми были исписаны дощечки, могли по своей связи казаться законченнымъ сочиненіемъ. Почти всякій порядочный римлянинъ велъ свой дневникъ или Ефемериды, имѣя коллекцію умныхъ или острыхъ словъ, перелагалъ въ стихи свои замѣчанія о людяхъ или предметахъ, собиралъ выписки изъ всего прочитаннаго. Это было собственно не литература, а списываніе на бѣло; это дѣло занимало множество пустыхъ головъ, отвлекало ихъ отъ дѣятельности мышленія. Эта литература, по преимуществу сладострастная, ограничивалась самыми тривіальными, пустыми тѣмами и не могла внушить ни самостоятельности, ни силы».

По приведеннымъ отрывкамъ можно заключить, что чтеніе исторіи Меряваля доставить много удовольствія и пользы. Въ этомъ же томѣ авторъ объявляетъ, что въ слѣдующихъ выпускахъ изложитъ, съ такими же точно подробностями, исторію первыхъ временъ христіанства, до взятія Іерусалима. На этомъ событіи, къ сожалѣнію, онъ намѣревается остановиться.

— *The Life of Mahomet and History of Islam to the Era of the Hegira. With Introductory Chapters of the original Sources for the Biography of Mahomet, and on the Pre-Islamite History of Arabia. By William Muir. Esq. Vo. I and II.*

Ни одинъ народъ, ни одна страна въ свѣтѣ не имѣетъ такихъ древнихъ и многочисленныхъ памятниковъ, какъ Аравія; но собрать ихъ въ одну полную, непрерывную исторію—это такая задача, предъ которой останавливались самыя смѣлые изслѣдователи. Мюръ разсмотрѣлъ критически основанія и результаты такихъ изслѣдованій. Въ сочиненіи своемъ, которое еще неокончено, онъ дошелъ до времени Геджира, оставивъ пребываніе Магомета въ Меднѣ для слѣдующихъ томовъ. Находясь на службѣ въ Бенгалѣ, Мюръ усердно занимался собираніемъ и критикой матеріаловъ для біографіи Магомета и, безъ всякаго сомнѣнія, трудъ его разсѣетъ множество заблужденій и неосновательныхъ выводовъ, повторяющихся постоянно во всѣхъ біографіяхъ Арабскаго пророка. Имѣя въ рукахъ рукописи Вакиди, Гишами, Табары и безчисленное множество свѣдѣній, добытыхъ изъ самыхъ надежныхъ источниковъ, онъ смѣло и самоувѣренно трактуетъ о предметѣ, затемненномъ небрежными компиляторами. На весьма важный вопросъ, какъ сохранился коранъ, онъ бросаетъ яркій свѣтъ, равно какъ и на преданія его послѣдователей, распускавшихъ чудесныя анекдоты, число которыхъ возросло до того, что почти не было дня въ жизни Магомета, не ознаменованнаго какимъ либо вымышленнымъ чудомъ.

«Характеръ этихъ преданій,» пишетъ онъ, «и необдуманность, съ какою употребляли имя Магомета для подтвержденія

всевозможныхъ нелѣпостей и наглой лжи, были таковы, что Бокари (Bokhari), путешествовавшій изъ страны въ страну, собиравшій преданія и доискивавшійся ихъ источниковъ, послѣ многолѣтняго труда, пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что изъ 600,000 преданій, ходившихъ тогда въ народѣ, только 4000 были достовѣрны! И даже изъ этого числа европейскій критикъ, не колеблясь, принужденъ отвергнуть по крайней мѣрѣ половину. Другіе собиратели поступали подобнымъ же образомъ. Такъ Абу Даудъ (Abu Dâud) изъ 500,000 преданій отвергъ 496,000 и, подобно Бокари, принялъ только 4000.»

Традиционное ученіе также совершенно измѣняетъ свой характеръ подъ перомъ Мюра, который доказываетъ, что многое, что вообще приписывали Магомету и на основаніи чего его обвиняли въ обманѣ, по всей вѣроятности, никогда не было высказываемо самимъ Магометомъ, хотя впрочемъ онъ не отвергаетъ положительно, что онъ не поддерживалъ мысли о его сношеніяхъ съ небесными силами. Если онъ смотрѣлъ на небо, преданіе слышало голосъ Габріеля, раздающійся между звѣздами; если вѣтеръ поднималъ песокъ въ стени, набожный глазъ его приверженцевъ видѣлъ полчища высшихъ существъ, спустившихся на землю и открывавшихъ путь къ побѣдѣ. Даже бѣжавшіе въ небѣ облака превращались у нихъ въ небесныхъ посланниковъ.

Этому общему желанію прославить Магомета должно приписать чудеса, которыми полны самыя древнія его біографіи. Чудеса эти такого рода: дерево, растущее въ значительномъ разстояніи отъ пророка, идетъ къ нему, взрывая землю, и потомъ возвращается на прежнее мѣсто; часто повторявшіяся попытки убить его разрушаются чудеснымъ образомъ; далѣе пророка заставляютъ предсказывать будущее, узнавать о происшествіяхъ, совершившихся въ мѣстахъ отдаленныхъ, и проч.; чаще всего повторяются чудеса, что Магометъ однимъ прикосновеніемъ заставлялъ исхудалую козу давать молоко, или изъ высохшаго фонтана извлекалъ воду. Эти рассказы мѣшаютъ точному пониманію смысла корана.

Въ примѣръ разногласія показаній приводимъ слѣдующее:

«Нѣкоторые свидѣтели утверждаютъ, что Магометъ красилъ волосы, говорятъ даже—чѣмъ; иные увѣряютъ, что не только были много разъ свидѣтелями этой операціи, но даже сохранили послѣ его смерти волосы, очевидно крашенные; другіе такъ же рѣшительно, на основаніи столь же неоспоримыхъ, очевидныхъ доказательствъ, увѣряютъ, что онъ никогда не красилъ волосъ, и не имѣлъ надобности, потому что у него было такъ мало волосъ, что ихъ можно было пересчитать.»

Одни утверждаютъ, что онъ носилъ серебряное кольцо; другіе — что это кольцо было желѣзное и высеребряное; одни видѣли его на правой рукѣ, другіе на лѣвой, третьи наконецъ говорятъ, что у пророка не было никакого кольца. Мюръ съ замѣчательнымъ искусствомъ и проникательностію отдѣляетъ вымыслы отъ достовѣрныхъ фактовъ. Обратимся теперь къ самому разсказу и приведемъ отрывокъ изъ самой отдаленной исторіи Аравіи.

«Номанъ V (Nomân) славенъ потому въ лѣтописяхъ Аравіи, что его царствованіе совпадаетъ съ началомъ возвышенія Ислама, и что онъ покровительствовалъ нѣсколькимъ поэтамъ, прославившимъ его имя. Но конецъ его жизни омраченъ безчестіемъ и несчастіемъ. Цендъ (Zeid), сынъ Ади, рѣшился отмстить за смерть отца, придумавъ для того столь же странный, какъ и вѣрный способъ. Въ яркихъ краскахъ описалъ онъ прелести арабскихъ женщинъ Персидскому королю, который тотчасъ же вознимѣлъ мысль, что нѣсколько прекрасныхъ родственницъ его вассала могутъ украсить его гаремъ. Послано посольство къ Номану; повелитель Гира пришелъ въ ужасъ отъ такого требованія и громко выразилъ удивленіе, что персидскій монархъ не можетъ удовлетвориться прекрасными *антилопами* своей родины. Выраженіе нѣсколько двусмысленное, и Номанъ былъ обвиненъ въ томъ, что оскорбилъ персидскихъ женщинъ, сравнивъ ихъ съ *коровами*. Гнѣвъ персидскаго владыки обрушился на невѣжливаго вассала и онъ изгналъ его изъ Гира. Пространствовавъ по Аравіи, тщетно отыскивая се-

бѣ союзниковъ, онъ былъ заключенъ въ темницу въ Гани, главномъ городѣ Бани Бакръ, а потомъ былъ выданъ персидскому королю, который въ насмѣшку приказалъ провести его между двумя рядами дѣвицъ, роскошно одѣтыхъ; каждая изъ нихъ обращалась къ нему съ вопросомъ: похожа ли она на персидскую корову. Онъ былъ опять брошенъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ — кажется былъ убитъ. Такимъ образомъ пресѣклась Лакмитская династія, въ 605 году, царствовавшая въ теченіе 327 лѣтъ.»

Изложивъ свѣдѣнія о Меккѣ, мѣстѣ рожденія Магомета, и его дѣтство, онъ переходитъ къ его странствованіямъ, во время которыхъ онъ встрѣтился съ Кадиджей, милой вдовой сорока лѣтъ. О бракѣ его онъ рассказываетъ слѣдующее:

«Лишь только она узнала о согласіи Магомета жениться на ней, какъ послала къ нему или къ его дядѣ узнать, когда они могутъ встрѣтиться. Боясь не получить согласія отъ отца, она дала въ честь его пиръ и когда онъ было достаточно пьянъ, приказала убить корову и одѣла его въ свадебный нарядъ. Въ пьяномъ видѣ старикъ соединилъ свою дочь съ Магометомъ въ присутствіи его дяди Гамза. Придя въ себя, онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ вокругъ и сталъ спрашивать, что значать — эта убитая корова, праздничный нарядъ. Ему отвѣчали, что платье это надѣлъ на него Магометъ, его зять. Это извѣстіе привело его въ сильное негодованіе и онъ объявилъ, что никогда не согласился бы выдать за такого ничтожнаго мальчишку свою дочь, руки которой искали великіе люди Курейша. Приближенные Магомета отвѣчали, что этотъ союзъ былъ заключенъ по желанію его дочери. Обѣ стороны обнажили мечи и вѣроятно послѣдовала бы кровопролитная борьба, еслибы не успокоили старика и не уговорили бы его помириться.»

Разсказъ, съ характеромъ котораго читатель могъ познаться по приведеннымъ отрывкамъ, обнимаетъ тридцать лѣтъ проповѣди Магомета въ Меккѣ, до переселенія его въ Медину. На этомъ авторъ останавливается и выражаетъ сомнѣніе, закончить ли свой трудъ. Конечно, было бы очень жаль, если бы Мюръ не продолжалъ своего сочиненія,

которое бросает яркій и совершенно новый свѣтъ на лица и на событія Арабской исторіи.

The History of the origin and Rise of the Republic of Venice, Газлитта уноситъ воображеніе читателя въ самыя отдаленныя времена среднихъ вѣковъ, заставляетъ быть свидѣтелемъ борьбы между полудикими племенами, на сѣверовостокѣ Апеннинскаго полуострова, возникновенія маленькаго государства, принужденнаго отстаивать свою независимость у Готовъ, Гуновъ, Вадаловъ, Геруловъ, окрѣпшаго мало-по-малу въ этой непрерывной борьбѣ и потомъ, подъ кровомъ благоразумнаго правленія, расширившаго свои предѣлы, торговлю, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличившаго и политическое значеніе. Историкъ еще не дошелъ до того періода, когда Венеціанская республика, овладѣвъ торговлей Средиземнаго моря, сдѣлалась грозой своихъ сосѣдей. Но въ вышедшихъ двухъ томахъ читатель уже замѣчаетъ зародышъ будущаго величія Венеціи.

Въ предисловіи къ своему труду, авторъ нечисляетъ множество оригинальныхъ памятниконъ, которыми онъ пользовался, какъ матеріаломъ. Эти памятники доставили ему много подробностей, но все таки были недостаточны, потому что исторія первыхъ дожей изложена въ формѣ ряда бѣглыхъ характеристикъ, въ которыхъ отмѣчаются важнѣйшія событія и перемѣны, совершившіяся въ самой республикѣ, во время ихъ правленія. Но рассказъ становится полнѣе и полнѣе по мѣрѣ того, какъ растетъ значеніе республики, такъ что исторія дожей изъ дома Санудо (X вѣкъ) ничего не оставляетъ желать.

Въ примѣръ можемъ привести характеристику и конецъ Пьетро Санудо IV.

«Въ теченіе первыхъ лѣтъ своего правленія, Пьетро могъ придти къ заключенію, что раскаяніе въ грѣхахъ юности, справедливость и честность могли бы изгладить изъ памяти народа все прошлое. Но маска, надѣтая дожемъ изъ политическихъ видовъ, упала при первомъ случаѣ, и Венеціанцы пожалѣли, что голосъ, раздававшійся въ защиту чудовища, раздавался не напрасно.

«По смерти Доменаго Санудо, епископа Торчельскаго, Сунодъ избралъ его преемникомъ Малло Дриаджи. Дождь, отъ котораго зависѣло окончательное утвержденіе этого избранія, не согласился на него, желая предоставить открывшееся мѣсто своему сыну Витали. Но онъ не ограничился простымъ отказомъ, который имѣлъ законное право произвести, а приказалъ схватить несчастнаго Дриаджи, лишить его зрѣнія и предать смерти, или заключить въ темницу, лишь бы только онъ не являлся предъ народомъ. Однакожь неудовольствіе народа, возбужденное этимъ жестокимъ поступкомъ, ограничилось ропотомъ, и когда въ 969 году открылось патриаршее мѣсто въ Градо, епископъ Торчельскій возведенъ былъ на патриаршій престолъ безъ всякаго затрудненія.»

«Вскорѣ послѣ того Піетро, воспользовавшись самымъ ничтожнымъ предлогомъ, развелся съ своей женою Джіованной и, умертвивъ ее въ аббатствѣ Св. Захарія, женился на *Гуальграда*, сестрѣ своего прежняго покровителя Гуго, маркиза Тосканскаго, за которой получилъ въ приданое около четырехъ сотъ фунтовъ серебра и имѣнія въ Одерцо, Феррарѣ, Тревизо и Адриа. Этотъ бракъ, который былъ бы важнымъ событіемъ въ жизни другаго человѣка, имѣлъ для Піетро весьма печальныя послѣдствія. Не много людей, одаренныхъ такимъ самообладаніемъ или такою счастливою организаціею, чтобы могли спокойно и благоразумно пользоваться дарами счастья, — и Піетро былъ не изъ числа такихъ людей. Бракъ этотъ доставилъ Піетро огромные доходы и многочисленную толпу рабовъ; такимъ образомъ онъ достигъ того, чего тщетно искалъ въ теченіе многихъ лѣтъ, и позволилъ себѣ обнаружить свою сла^бость къ великолѣбію и роскоши. Вскорѣ народъ сдѣлался свидѣтелемъ новаго порядка вещей, составлявшаго рѣшительный контрастъ съ суровою простотою, которую высоко цѣнили граждане республики, и которая была характеристическою чертою ихъ правленія. Сень Маркскій дворецъ и Ріальто приняли видъ герцогскаго двора; придворныхъ и тѣлохранителей Санудо — научили подражать во всемъ приближеннымъ Греческаго или Германскаго аутократата; роскошь, столь странная въ глазахъ республикан-

цевъ, соединялась съ деспотизмомъ, въ которомъ Пиетро превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Но Венеціанцы, по природѣ своей терпѣливые и спокойные даже подъ гнетомъ деспотизма, не только сносили высокомеріе и своенравіе дожа, но даже позволили ему замѣнить *Excusati*, бывшихъ въ теченіе 270 лѣтъ единственною стражею и приближенными дожей, наемниками, которыхъ Пиетро вызвалъ частію изъ своихъ имѣній, частію изъ Тосканы. Принятіе иноземцевъ въ Венеціанскую службу было дѣломъ, неслыханнымъ дотогѣ; и хотя въ присягѣ, произносимой дожемъ при избраніи, не упоминалось объ этомъ, однакожъ принятіе иноземныхъ войскъ въ столицѣ, безъ совѣта и разрѣшенія Арренго, превышало власть дожа и оскорбляло національность республиканцевъ. Въ то же время были въ Венеціи лица—и не мало, считавшія это нововведеніе не столько злоупотребленіемъ, сколько благоразумною мѣрою предосторожности, и ожидали скорой развязки.

«Въ самомъ дѣлѣ, развязка была ближе, чѣмъ кто либо могъ ожидать. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ втораго брака Санудо, Феррарцы сдѣлали набѣгъ на его имѣнія, лежавшія недалеко отъ ихъ города; дождь послалъ Венеціанское войско для возстановленія своихъ правъ; нападеніе было отбито, мало того, Венеціанцы взяли Феррару, разрушили цитадель и окрестности ея предали грабежу и огню. Второе подобное нападеніе было наказано разрушеніемъ Одерцо. Потери Венеціанцевъ были ничтожны и при другихъ обстоятельствахъ не имѣли бы никакихъ послѣдствій. Но состояніе умовъ въ республикѣ было таково, что малѣйшее раздраженіе могло возбудить общее негодованіе; одна капля крови, пролитая въ частномъ дѣлѣ, не касавшемся интересовъ республики, могла окончательно вывести изъ терпѣнія. Вслѣдствіе чего въ Венеціи повторились сцены, какими обыкновенно сопровождается насильственная перемѣна правленія.»

Въ вышедшихъ двухъ томахъ авторъ довелъ исторію Венеціи до 1289 года, до смерти Джіованни Дандоло, правленіе котораго замѣчательно продолжительною борьбою

съ Аквилею, заключеніемъ союза съ Папою и Карломъ Анжуйскимъ и наконецъ введеніемъ инквизиціи.

Въ заключеніе назовемъ еще нѣсколько монографій, которыми въ послѣднее время обогатилась англійская историческая литература. Между ними первое мѣсто принадлежитъ сборнику историко — критическихъ статей Де Квинси (De Quincey), одного изъ ученѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ представителей современной англійской литературы. Имя его стало извѣстно англійской публикѣ въ 1822 году, когда появилось первое его сочиненіе *Confessions of an English opium Eater*, доставившее ему почетное мѣсто въ ряду современныхъ писателей. Съ тѣхъ поръ Де Квинси сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ *Blackwood's Magazin*, гдѣ помѣстилъ множество статей самого разнообразнаго содержанія. Потомъ онъ предпринялъ весьма оригинальное и любопытное изданіе: *Studies on secret Records, Personal and Historic With other Papers. — Essays sceptical and anti-sceptical on problems neglected or Misconceived*. Въ 1857 году онъ издалъ уже VII и VIII томы этихъ статей; между ними особенно любопытна статья объ Иудѣ Искаріотскомъ. Хотя другія статьи — о тайныхъ обществахъ, объ языческихъ оракулахъ — слишкомъ коротки и отрывочны, однакожъ одинъ изъ англійскихъ критиковъ замѣчаетъ, что «дѣло, предпринятое авторомъ, есть дѣло гиганта, и читатель извлечетъ великое удовольствіе и пользу изъ знакомства съ его трудами, обличающими въ немъ силу исполина.»

Достойна также вниманія монографія д'Израэли — *Lord George Bentinck, a Political Biography*. Джоржъ Бентинкъ засѣдалъ въ парламентѣ съ 1827 г. до 1848; въ это время въ парламентѣ поднято было множество весьма важныхъ вопросовъ, и въ рѣшеніи ихъ Бентинкъ принималъ живѣйшее участіе, и особенно въ вопросѣ о свободной торговлѣ, который, какъ извѣстно, долгое время волновалъ обѣ палаты парламента. Хотя въ послѣднемъ дѣлѣ онъ явился на сторонѣ оппозиціи и, вмѣстѣ съ своимъ біографомъ, защищалъ протекціонную систему, однакожъ эта защита упрочила за нимъ славу замѣчательнаго политическаго оратора. Сочиненіе

неніе д'Израэли, собственно говоря, есть критическій обзоръ парламентскихъ преній за двадцать одинъ годъ.

Два тома историческихъ и біографическихъ опытовъ Форстера знакомятъ читателя съ разными дѣятелями англійской исторіи, прославившимися на разныхъ поприщахъ. Но всего болѣе заслуживаетъ вниманія статья о долгомъ парламентѣ, основанная на документахъ, найденныхъ авторомъ въ Британскомъ музеумѣ, неизвѣстныхъ прежнимъ изслѣдователямъ этой любопытной эпохи и открывающихъ въ ней новыя стороны.

Вышедшіе недавно два тома сочиненія Карлейля, исторія Фридриха II — такое важное явленіе въ области исторической литературы, что говорить о немъ, въ бѣгломъ очеркѣ невозможно; мы надѣемся посвятить ему современемъ отдѣльную статью.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. Народное чтение. Книжка первая, составленная А. Оболонскимъ и г. Щербачевымъ. Спбургъ. 1859. — in 12-о — 212 стран.

Съ чувствомъ истиннаго удовольствія открываемъ мы нашу библиографію извѣстіемъ объ изданіи, котораго и духу и цѣлямъ и выполненію можемъ горячо сочувствовать. Прекрасная мысль лежитъ въ основаніи этого сборника, который будетъ выходить по шести книжекъ въ годъ и котораго непопятная дешевизна (два рубля за все годовое изданіе) свидѣтельствуеть въ пользу того, что безкорыстное желаніе посылно служить великому дѣлу народнаго просвѣщенія, руководить издателей. Тѣмъ болѣе должно цѣнить такія стремленія, что на большое распространеніе сборника въ кругу тѣхъ читателей, для которыхъ онъ въ особенности предназначенъ, т. е. въ самомъ народѣ — надежды еще весьма шатки и непрочны. Говоримъ это не потому конечно, чтобы мы мало вѣрили въ стремленіе народа къ грамотности и просвѣщенію — но потому, что самъ народъ мало еще какъ то вѣрилъ доселѣ въ книги свѣтскаго содержанія и гражданской печати. Во всякомъ случаѣ, мы убѣждены, что современемъ оцѣнятся и прекрасныя намѣренія и добросовѣстное выполненіе намѣреній издателей. Одно желаніе позволяемъ мы себѣ высказать: желаніе, чтобы оффиціальная часть книжекъ была излагаема какъ можно проще, какъ можно ближе къ нормамъ народнаго пониманія, объясняема,

растолковываема и тѣмъ самымъ устраняла бы ложныя толкованія.

По прекрасному плану издателей, въ составъ книжекъ будутъ входить слѣдующіе отдѣлы: 1) *правительственныя распоряженія, прямо относящіяся до интересовъ крестьянскаго и мѣщанскаго сословій*, 2) *Изложеніе законовъ гражданскихъ, полицейскихъ и уголовныхъ, по тѣмъ отдѣламъ, которые ближе всего касаются крестьянскаго и мѣщанскаго быта* — и вотъ къ этимъ то именно отдѣламъ относится высказанное нами желаніе. Официальный — уже стройпо образовавшійся, вполне опредѣлившійся языкъ — слишкомъ разъединился съ формами выраженія и пониманія народнаго: это — фактъ несомнѣнный и для народа необходимъ почти что переводъ на старыя, коренныя формы его пониманія, на вѣчно понятный ему языкъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича и новополученныхъ статей. Разумѣется, такого рода переводъ есть дѣло нелегкое и требующее живаго пониманія народной рѣчи, какъ оболочки народныхъ понятій, — но люди, взявшіеся за изданіе «Народнаго чтенія», по всей видимости, знаютъ народъ не по однимъ книгамъ, любятъ народъ просвѣщенною любовію и стало быть, могутъ стремиться къ разрѣшенію блистательною задачею слить просвѣщенные понятія съ совершенно народными формами, приблизить и свѣтъ образованія къ народу и народъ подвинуть къ свѣту образованія.

За этими двумя, конечно самыми важными отдѣлами, будутъ слѣдовать другіе, именно:

3) *Отечественная исторія и описаніе событій чисто народныхъ*. Такъ, въ первой же книжкѣ, мы съ наслажденіемъ читали по этой части первый рассказъ изъ русской исторіи даровитаго и знающаго народъ г. С. Максимова. Рассказъ продолжается до кончины Мономаха, — умно обходитъ всѣ сухости первоначальныхъ княженій, останавливаясь въ особенности на Владимірѣ, просвѣтителѣ древней Руси и на лицѣ Владиміра Мономаха. Жалѣемъ только, что авторъ слишкомъ кратокъ въ своемъ изложеніи, — и желали бы, что бы онъ точнѣе держался въ языкѣ и вообще формахъ на-

шихъ лѣтописей, на столько разумѣется, на сколько это возможно и нужно. Жалѣемъ также, что говоря о Владимірѣ Мономахѣ и приводя мѣста изъ его завѣщанія, авторъ не обратилъ вниманія на служеніе Мономаха земскому дѣлу.

4) *Жизнеописанія замѣчательныхъ по своимъ гражданскимъ доблестямъ и заслугамъ людей, вышедшихъ изъ простонародья.* Въ настоящей книжкѣ находимъ мы по этому отдѣлу біографію Слѣпушкина, — замѣчательную по ясному пониманію дѣла. Слѣпушкинъ выставленъ въ ней не какъ поэтъ—ибо таковымъ онъ и не былъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ поэты Кольцовъ, Цыгановъ, Никитинъ, — а какъ многосторонне-даровитый самородокъ, какъ честный гражданинъ и полезный дѣятель. Изъ стихотвореній его выбраны тѣ, которыя замѣчательны какъ выраженіе его яснаго, честнаго и прямого ума.

5) *Литературныя бесѣды и рассказы, очерки нравовъ и разныя легкія сатирическія статьи, соответствующія цѣли изданія.* Въ этомъ отдѣлѣ нашли мы перлъ: рассказъ «Надежа.» Такого мягкаго, артистическаго представленія простыхъ отношеній, такой нѣжности и прелести въ рисовкѣ — мы давно не встрѣчали въ рассказахъ изъ простонароднаго быта... Рассказъ подписанъ: «Марко Вовчукъ» — но что-то женское есть въ пріемахъ автора, не смотря на глубину пониманія русской природы. По части очерковъ сатирическихъ — «рассказъ за чаемъ» хотя уже не чисто художественный, какъ «Надежа», а имѣющій цѣлю высказать народныя понятія о *знахарствѣ* — поражаетъ прямымъ, живымъ и вовсе не теоретическимъ отношеніемъ къ дѣлу, однимъ словомъ своею жизненною правдою.

6) *Стихотворенія какъ чисто народныя, такъ и написанныя въ простонародномъ духѣ.* И въ этомъ отдѣлѣ есть жемчужина — стихотвореніе г. Никитина, котораго талантъ мы вообще ставимъ очень высоко — и два неизданныхъ стихотворенія Цыганова.

7) *Бесѣды о природѣ вообще и о человѣкѣ въ особенности.* Здѣсь опять въ высшей степени замѣчательна статья г. Небольсина: «Кто человѣкъ, тому сродно все человѣческое».

замѣчательная своимъ истинно просвѣщеннымъ духомъ, соединеннымъ съ вѣрою въ народъ и съ любовію къ нему.

Таково содержаніе первой книжки. Какъ она, такъ вѣроятно и послѣдующія, могутъ подать поводъ къ большой критической статьѣ — но въ ожиданіи таковой, мы считали долгомъ краткою библиографическою замѣткою выразить все наше сочувствіе къ благородному и прекрасно начатому предпріятію.

II. ИСТОРИЯ РЯЗАНСКАГО КНЯЖЕСТВА, соч. Д. Иловайскаго. Москва. 1858. in 8° 329 стр.

Наша эпоха, по истинѣ, можетъ быть названа счастливою, по отношенію къ научному обработыванію русской исторіи. Множество памятниковъ, явившихся впервые на свѣтъ Божій, въ послѣднее пятнадцатилѣтіе, пролили свѣтъ на такіе вопросы, которые до тѣхъ поръ представлялись въ видѣ смутномъ и не разрѣшенномъ; появленіе ихъ возбудило ученую дѣятельность — и такъ или иначе, болѣе или менѣе правильно, большая часть этихъ вопросовъ были обсужены и объяснены и, надобно надѣяться, будутъ еще обсуживаться и вызывать къ дѣятельности критическія способности стараго и молодаго поколѣнія нашихъ ученыхъ.

До сихъ поръ дѣятельность эта обращалась впрочемъ болѣе на вопросы общіе, касающіеся отношеній, проходящихъ болѣе или менѣе въ цѣлостномъ развитіи русской исторіи. Мѣстные отбѣнки этого развитія, мѣстныя особенности еще какъ будто бы не интересовали нашихъ изслѣдователей. Такое стремленіе къ разрѣшенію вопросовъ общихъ, въ высшей степени понятно при первомъ пробужденіи научно-историческаго сознанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и требуетъ необходимо пополненія. Общія элементы выразумѣются ясно и окончательно только тогда, когда объясненіемъ мѣстныхъ элементовъ уяснится и борьба, въ которой общіе возникли и причины ихъ возникновенія и причины сліянія мѣстныхъ элементовъ во едино или ихъ неприкосновенности.

Трудъ г-на Иловайскаго, о которомъ мы должны, къ сожалѣнію, ограничиться только библиографическими замѣтка-

ми, представляет едва ли не первую попытку науки нашей въ разрѣшеніи вопросовъ о значеніи отдѣльныхъ, племенныхъ элементовъ въ нашемъ историческомъ развитіи, по крайней мѣрѣ первую удачную, первую достойную современнаго состоянія науки.

Г-нъ Иловайскій внесъ въ свое дѣло и глубокое изученіе источниковъ и добросовѣстность и историческое пониманіе — но, что всего дороже, — онъ внесъ въ него истинный талантъ и совершенно свободное отношеніе къ предмету. Онъ не распоряжается историческими данными, во имя званія данной себѣ теоретической задачи; напротивъ, имъ распоряжаются историческія данныя и этими данными опредѣляются его задачи.

Для того, чтобы хоть сколько нибудь доказать справедливость нашего мнѣнія, какъ о талантливости г-на Иловайскаго, такъ и объ отсутствіи въ немъ теоретическихъ увлеченій, — мы сдѣлаемъ краткій обзоръ всего его сочиненія.

Главнымъ источникомъ труда служили конечно русскія лѣтописи, преимущественно сѣверныя. Хотя извѣстія о Рязанскихъ событіяхъ въ нихъ вообще рѣдки — но вмѣстѣ ваятыя, составляютъ значительную массу фактовъ. Самую твердую опору для изслѣдованій, какъ говоритъ г-нъ Иловайскій, представляютъ договорныя и жалованныя грамоты, разсѣяныя въ изданіяхъ Археографической комиссіи и въ Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ. Иностранныхъ извѣстій о древне-рязанскомъ краѣ — очень мало; но замѣтимъ, что этимъ малымъ количествомъ, нашъ молодой изслѣдователь умѣлъ воспользоваться прекрасно.

Кромѣ этихъ главныхъ источниковъ, г-нъ Иловайскій упоминаетъ обо всѣхъ трудахъ своихъ предшественниковъ въ дѣлѣ исторіи Рязанскаго края, какъ-то: о сборникѣ Рязанскихъ достопамятностей, о сочиненіяхъ г-на Воздвиженскаго, о собраніи грамотъ и актовъ г-на Пискарева. «Излагая», говоритъ онъ, «исторію Рязанскаго княжества, я имѣлъ въ виду слѣдующее: во-первыхъ, привести въ извѣстность и дать единство фактамъ, до-сихъ-поръ разроз-

«ценнымъ и отрывочнымъ; во-вторыхъ, указать на самыя «важныя эпохи, которыя переживало княжество и въ-третьихъ, по возможности, проникнуть въ его внутренній бытъ. «Хотѣлось бы дать болѣе мѣста послѣдней, бытовой сторонѣ и остановиться на духовной жизни народа; но здѣсь историкъ встрѣчаетъ сильныя затрудненія, по крайней скудости источниковъ и отсутствію предварительныхъ изслѣдованій».

На нѣтъ — разумѣется, и суда нѣтъ; но для насъ чрезвычайно важно самое желаніе автора проникнуть въ эту бытовую жизнь Рязанскаго края — и мы можемъ вѣрить ему на слово относительно скудости источниковъ по этой части, ибо, какъ видно изъ многихъ мѣстъ его книги, онъ знаетъ край не по однимъ только лѣтописямъ и вообще письменнымъ памятникамъ. Его яркія описанія мѣстностей, на которыя укажемъ мы въ своемъ мѣстѣ, свидѣлствуютъ о его близкомъ и живомъ знакомствѣ съ той страной, которой онъ взялся быть историкомъ, — а очерки личностей, съ желаніемъ возсоздать типически *рязанскія* черты, показываютъ, если еще не настоящее знаніе народа, то по крайней мѣрѣ попытки узнать его. Г-нъ Иловайскій, въ концѣ своего предисловія, справедливо замѣчаетъ, что *бытовая, внутренняя сторона невозможна для изображенія, пока не будутъ собраны и изданы въ значительномъ количествѣ мѣстныхъ преданія, пѣсни, повѣрья, остатки прежнихъ обычаевъ*. Не имѣя ни малѣйшаго права думать, чтобы онъ вовсе не былъ знакомъ именно съ этими, упоминаемыми имъ источниками, ни даже упрекать его въ томъ, что онъ мало ими воспользовался, ибо они дѣйствительно доселѣ еще не собраны и не изданы, а на нѣтъ — какъ уже сказано — и суда нѣтъ, — мы не можемъ однако не пожелать, чтобы въ дальнѣйшей своей дѣятельности по части исторіи Рязанскаго края, г. Иловайскій проникся какъ можно болѣе изученіемъ этой бытовой стороны, важность и значеніе которой онъ такъ ясно и хорошо понимаетъ. Мы увѣрены, что тогда исторія Рязанскаго княжества прямо уже обратится въ исторію Рязанскаго края и, безъ сомнѣнія, уже не окончится 1534 годомъ, т. е. смертію послѣдняго князя Ивана, а пой-

детъ до временъ междуцарствія, можетъ быть и далѣе. Въ сущности, главный и даже единственный порокъ труда г. Иловайскаго заключается въ томъ, что трудъ этотъ есть только исторія Рязанскаго княжества, тогда какъ вездѣ у автора проглядываетъ стремленіе писать исторію Рязани, какъ одного изъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась русская земля, и всюду чувствуется живая вѣра его въ самую, особенный цвѣтъ и особенную жизнь этого элемента.

Пока, разумѣется, надобно удовлетвориться тѣмъ, что авторъ намъ даетъ самъ, — тѣмъ болѣе, что и въ этой первой его попыткѣ выражаются стремленія, которымъ мы живо и глубоко сочувствуемъ, — встрѣчаются мысли, которыя, безъ малѣйшей лести, могутъ быть названы блестятельными; очерки, которыя обѣщаютъ въ будущемъ полныя картины.

Теперь переходимъ къ обзору самого сочиненія.

Глава первая заключаетъ въ себѣ обзорѣніе временъ до перваго обособленія Рязанскаго княжества при Ярославѣ Святославичѣ. Рѣчная область Оки въ первый разъ является въ исторіи съ обитателями Финскаго или Чудскаго племени. Авторъ, не безъ основаній, изъявляетъ желаніе, чтобы путемъ чисто историческихъ, или даже филологическихъ изслѣдованій, уяснилось для насъ поскорѣе значеніе этого загадочнаго племени Финновъ, — которыхъ жилища при началѣ русской исторіи, по мнѣнію автора, простирались гораздо далѣе къ юговостоку, нежели обыкновенно полагаютъ. Г. Иловайскій, согласно съ Френомъ и другими, считаетъ и Болгарь и Козарь — за вѣтви какого то стародавняго племени Аровъ и вообще Финновъ, а племя Мордву за остатки Аровъ; но не идетъ ли онъ можетъ быть уже слишкомъ далеко, отыскивая въ названіяхъ мѣсть уже не Рязанскихъ, а совершенно южныхъ, какъ напримѣръ, Кіевъ — слѣдовъ языка Арскаго?

Движеніемъ Радимичей и Вятичей, авторъ весьма справедливо не прекращаетъ исторіи Славянской колонизаціи по — Окскаго и вообще по — Волжскаго края. «Пусть этотъ край

на время ускользаетъ отъ вниманія русскихъ князей, — говоритъ онъ, — «но связь *главныхъ центровъ русской жизни* съ нимъ не прекращается, *«благодаря дѣлательному содѣйствію Новгородцевъ.»* Авторъ допускаетъ два колонизирующихъ движенія: Новгородское въ отношеніи къ сѣверо-востоку и по Волгѣ — и движеніе изъ югозападной Руси по Окѣ (Олегъ, Святославъ, Владиміръ) съ подчиненіемъ Вятичей Кіевскимъ князьямъ; верховья Оки входятъ въ составъ русскихъ владѣній — и, по дѣленію Ярославову, отходятъ, какъ и вся долина Оки, къ Черниговскому удѣлу и Любечскимъ сѣздомъ совершенно укрѣпляются за родомъ Святослава Ярославича. Подобная обширность владѣній одного рода, замѣчаетъ г. Иловайскій, нисколько не смущала остальныхъ князей. «Вся эта лѣсная глушь имѣла въ ихъ глазахъ очень мало цѣны». Святославичи долго не могутъ помириться съ угрюмою природою своихъ удѣловъ и обнаруживаютъ стремленіе къ завѣтному Приднѣпровью. Гориславичъ, какъ зоветъ г. Иловайскій, по слову о полку Игоревѣ — Олега Святославича, только вслѣдствіе Смоленской неудачи, оборотился на юговостокъ и пошелъ къ *Рязани*. Мѣсто *Рязань* какъ извѣстно, впервые упоминается по этому поводу въ лѣтописи — и авторъ останавливается здѣсь на происхожденіи какъ Рязани, такъ и другихъ славянскихъ городовъ. Правъ ли онъ или нѣтъ, давая въ этомъ случаѣ такое исключительное значеніе строительной дѣятельности князей, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ, онъ удивительно живо и отчетливо изображаетъ *рубленіе* городовъ, такъ, что многимъ изъ историковъ цѣлой Россіи пожелали бы мы такой живой и поэтически правдивой изобрѣтательности.

«Строительная дѣятельность», говоритъ онъ, «особенно усиливается со временъ Владиміра Святаго и Ярослава I. «Стукъ топора и смѣшанные человѣческіе голоса съ тѣхъ «поръ постоянно нарушаютъ спокойствіе дремучихъ лѣсовъ «на сѣверовостокѣ Россіи. Нѣсколько десятковъ домиковъ «съ землянымъ валомъ вокругъ показываются надъ рѣкою, «въ тѣни зеленыхъ рощъ, и путникъ, плывущій въ лодкѣ, «замѣчаетъ въ окрестностяхъ движеніе, а иногда различаетъ «остроконечную кровлю съ крестомъ, и слышитъ звонъ би-

«ла, призывающаго на молитву, въ мѣстахъ, гдѣ не задолго «передъ тѣмъ печально каркали вороны, бѣлки прыгали по «деревьямъ, торопливо пробѣгали лисицы и другіе звѣри, да «взрѣдко хрустѣли вѣтви подъ тяжелою лапою медвѣдя, или «изъ чащи показывалась непривлекательная фигура дикаря, «съ головы до ногъ закутаннаго въ звѣриныя шкуры».

Авторъ не рѣшаетъ, да и не могъ при недостаткѣ историческихъ данныхъ, разрѣшить положительно вопроса о времени основанія Рязани, но спрашивая, какимъ именно княземъ она основана, онъ приноситъ жертву своей гипотезѣ объ исключительно княжеской строительной дѣятельности. Да какими князьями основаны, не говоримъ уже Новгородъ и Кіевъ, а Любечъ, Смоленскъ, Ростовъ, Суздаль, даже хотъ Кострома, даже Тверь — хотя и должно допустить вмѣстѣ съ Бѣляевымъ, что сія послѣдняя не была изстари центромъ племени Кривичей, а замѣнила только старыи центръ. Какъ основана самая Москва? вѣдь первое извѣстіе о ней говоритъ только, что въ ней *былъ* Юрій Долгорукій, точно такъ же, какъ первое извѣстіе о Рязани говоритъ только, что къ ней пошелъ Гориславичъ.

Авторъ кончаетъ первую главу смертію Ярослава Святославича и настоящимъ обособленіемъ княжества Рязанскаго. «Съ Ярославомъ», говоритъ онъ, «оканчивается «тѣсная связь между княжествами Чернигово-Сѣверскимъ и «Муромо-Рязанскимъ. Еще вниманіе Ярослава обращено на «югъ; онъ дѣлаетъ усиліе, чтобы утвердиться въ Приднѣ-«провьѣ; но сыновья его уже не возобновляютъ никакихъ «притязаній на старшинство въ родѣ Святославичей и не «думаютъ покидать своихъ сѣверовосточныхъ волостей для «того, чтобы отыскивать невѣрныя земли на югѣ. Съ того «времени, среднее теченіе Оки все болѣе и болѣе выдѣляется «изъ общей системы удѣловъ и начинаетъ жить своею «собственною жизнію, подобно княжеству Полоцкому и Галицкому.»

Сравненіе обособленія Рязани съ обособленіемъ Полоцкаго и въ особенности Галицкаго княжества чрезвычайно вѣрно. Обособленіе Рязани, какъ особеннаго замкнутаго

міра, въ которомъ кромѣ началъ общихъ развитію всей Руси, развивалсь еще начала свои, мѣстныя, племенные — точно также, какъ и въ Галицкой землѣ, гдѣ развилось, на примѣръ, въ видѣ мѣстнаго явленія боярство, имѣло характеръ совершенно особенный, даже и въ послѣдующія времена, такъ что его нельзя сравнивать ни съ невольнымъ и трагическимъ обособленіемъ Новгорода Великаго, ни съ таковымъ же Твери. Новгородъ и Тверь выстанвали общее, т. е. старый нарядъ; Рязань выстанвала и выстапвала больше ихъ свою замкнутость, особность. Г. Иловайскій, кажется понимаетъ это, какъ видно изъ всего послѣдующаго его изложенія — нигдѣ не высказываетъ этой мысли съ достаточною ясностію.

Глава вторая объемлетъ пространство отъ 1129 до 1237 года. Хотя она посвящена преимущественно описанію многочисленныхъ, и не всегда интересныхъ войнъ, — но и здѣсь уловлены авторомъ весьма вѣрно черты борьбы Рязани съ Суздалью за самостоятельность, т. е. первый актъ, какъ онъ называетъ (и замѣтимъ, весьма справедливо, желая представить драму какъ драму) этой борьбы — борьбы Ростислава Ярославича съ Юріемъ Долгорукимъ и потомъ послѣдующіе моменты. Между тѣмъ, въ это время Славянская колонизація шла своимъ путемъ. «Посреди лѣсовъ и степей», — замѣчаетъ г. Иловайскій, «на крутыхъ берегахъ рѣкъ, являлись укрѣпленные пункты или такъ называемые «города, число которыхъ растетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ. Въ географическомъ отношеніи, для юговосточной Руси «XII в. особенно важны походы Святослава Ольговича Сѣверскаго въ 1146 и 1147 годахъ. Темная зелень лѣсовъ, «скрывавшая до того времени отъ вниманія исторіи землю «Вятичей и западную часть Рязанскаго княжества, проясняется; мы открываемъ здѣсь присутствіе довольно густаго населенія и многочисленные города, а именно Брянскъ, Ка-рачевъ, Козельскъ, Мценскъ, Тулу, Дѣдиславль, Колтецкъ, «Пронскъ, Елецъ, Осетръ, Лобинскъ, Тѣшиловъ и Неринскъ.»

Авторъ замѣчаетъ при этомъ, что «построеніе новыхъ «городовъ конечно было дѣломъ князей, хотя лѣтописи *редко*

«указываютъ намъ на эту сторону ихъ дѣятельности». А кому же намъ вѣрить какъ не лѣтописямъ?

Второй актъ борьбы съ Суздалью г. Иловайскій кончаетъ совершеннымъ подчиненіемъ Рязани Всеволоду Юрьевичу. Въ этомъ актѣ онъ уже начинаетъ выставлять особенныя Рязанскія стороны характеровъ князей и упрямый Глѣбъ Рязанскій, не смотря на сухость лѣтописныхъ извѣстій, получаетъ у него нѣкоторую опредѣленность, — какъ борьба его, такъ и причины его неудачъ объяснены по возможности полно. «Глѣбъ, говоритъ г. Иловайскій, съ успѣхомъ могъ вмѣшиваться въ дѣла сосѣдняго (Суздальскаго) княжества и даже быть для него грознымъ, но только до тѣхъ поръ, пока оно страдало отъ внутреннихъ безпорядковъ и усобицъ. Лишь только Михаилу и потомъ Всеволоду удавалось соединить Владимірцевъ, Суздальцевъ, Ростовцевъ и Переяславцевъ, борьба съ ними опять становилась не подъ силу Рязанскому князю. При томъ же, не отказывая Глѣбу въ дѣятельномъ, мужественномъ характерѣ, мы имѣемъ полное право обвинить его въ недостаткѣ «благоразумія и проницательности. Онъ не сумѣлъ оцѣнить ни Ростславичей, ни Юрьевичей, и, не рассчитавъ средствъ, довелъ борьбу до крайности.» Вотъ что значитъ не быть увлеченнымъ никакой теоріей въ исторической фатализмъ. По историческому фатализму вышло бы дѣло такъ, что Глѣбъ палъ, потому что *долженъ былъ* пасть, какъ вообще долженъ былъ всегда падать старыи нарядъ передъ новымъ Суздальскимъ нарядомъ! «За симъ оканчивая съ Глѣбомъ, г. Иловайскій замѣчаетъ: поколѣніе Рязанскихъ Ярославичей, по характеру своему, конечно стояло «ближе къ князьямъ южной Россіи, нежели къ своимъ съвернымъ сосѣдямъ; подобно первымъ, они предпочитали рѣшать споры судомъ Божиимъ и не придерживались осторожной расчетливой политики послѣднихъ.»

Мы не станемъ слѣдить за всѣми актами борьбы Рязани съ Суздалью, но замѣтимъ только проницательность и притомъ осторожную проницательность историка въ темномъ дѣлѣ епископа Порфирія Черниговскаго, осыпаннаго укора-

ми лѣтописи, — который явно виновать только тѣмъ, что не совѣтовалъ Рязанскимъ князьямъ принимать тяжкія условія, предложенныя имъ Всеволодомъ Юрьевичемъ, и не можемъ не порадоваться отсутствію фаталистическихъ теорій, высказавшемуся какъ въ этомъ разсказѣ, такъ и въ послѣдующемъ о дѣлѣ несчастныхъ Глѣбовичей.

Глава III посвящена внутреннему состоянію Рязанскаго княжества и начинается истинно прекраснымъ обзорѣніемъ природы рязанскаго края и обзорѣніемъ путей Славянской колонизаціи. Главное и самое естественное направленіе, которому подчинилось движеніе Рязанской колонизаціи, пошло вверхъ по Окѣ; она служила проводникомъ славянской гражданственности въ мещерскую глушь и была жизненною артеріею для цѣлаго края. Притомъ,—прибавляетъ г. Иловайскій — борьба между Рязанскимъ и сосѣднимъ Суздальскимъ княжествомъ началась уже съ конца XI ст., слѣдовательно, являлась насущная потребность оградить себя крѣпостями съ этой стороны. Правый берегъ Оки на всемъ протяженіи рязанской области господствуетъ надъ лѣвымъ, мѣстами онъ довольно высокъ, обрывистъ и въ прежнія времена представлялъ много удобныхъ пунктовъ для укрѣпленія. Дѣйствительно, въ концѣ XII и въ началѣ XIII в., мы находимъ здѣсь цѣлый рядъ крѣпостей. Самыми очевидными слѣдами ихъ существованія служатъ остатки земляныхъ валовъ, кое гдѣ уцѣлѣвшіе по окраинамъ крутаго берега; другіе напоминаютъ о себѣ названіями селъ и деревень, каковы Городецъ, Городище, Городецкая и проч. Кромѣ главнаго направленія по Окѣ, г. Иловайскій слѣдитъ еще побочное по рѣкѣ Пронѣ и рассматриваетъ ядро рязанскаго княжества—подобіе треугольника, котораго вершина опиралась на городъ Рязань, а бока расходились по Окѣ и Пронѣ. За симъ авторъ переходитъ къ Муромскому удѣлу, опредѣляетъ значеніе сосѣдства Мордвы и Половцевъ, которое должно было непремѣнно задерживать внутреннее развитіе рязанскаго княжества и должно было положить своего рода печать на формы быта. Къ сожалѣнію, по скудости источниковъ и, можетъ быть еще по недостаточному проникновенію въ народный бытъ, прекрасная мысль о необходимости

такой печати осталась у автора только логическою посылкою, логически-вѣрною, но еще безсодержательною. Отчасти впрочемъ, — но и то въ видѣ намека, г. Иловайскій стремится уяснить значеніе извѣстныхъ словъ лѣтописи о характерѣ Рязанцевъ («мужи буи — людища Оки людища») анализомъ свойствъ славянскихъ и неславянскихъ племенъ, входившихъ въ составъ народонаселенія края. Все это еще схемы — но и подобныя схемы суть уже заслуги. Можно надѣяться, что болѣе глубокое озвученіе автора съ народнымъ бытомъ наполнить со временемъ эти схемы живыми чертами. Изъ этихъ логически вѣрныхъ посылокъ, онъ выводитъ характеристику князей рязанскихъ и народа. «При всей своей жестокости, — замѣчаетъ онъ, «впрочемъ характеръ Рязанцевъ не былъ лишенъ другихъ, болѣе привлекательныхъ качествъ: таковы неукротимая отвага или склонность къ молодечеству и постоянная преданность своимъ князьямъ». Мы поставили бы здѣсь скорое постоянное стремленіе къ обособленію и къ князьямъ, какъ представителямъ этого обособленія. Авторъ не опускаетъ изъ виду и характера дружинниковъ. Болрское сословіе оказывало довольно сильное вліяніе на событія рязанскаго княжества. Это вліяніе, говоритъ онъ, особенно проглядываетъ въ усобицахъ, и во многихъ случаяхъ бросаетъ довольно невыгодный свѣтъ на самое сословіе. Онъ отмѣчаетъ неоднократное убійство тысяцкихъ, какъ явленіе, намекающее на что либо болѣе общее, нежели просто личная вражда.

Наконецъ, чтобы довершить картину края до Татарскаго нашествія взглядомъ на торговлю и торговыя сношенія края.

Глава IV отъ 1237 до 1350 г. Въ эпоху татарскаго нашествія, на долю рязанскаго края выпала первая страдательная роль—и страдательною ролью опредѣляется вся послѣдующая судьба его. Земля Рязанская въ особенности сильно пострадала отъ татарскаго нашествія и память объ этомъ страданіи запечатлѣлась въ рязанскомъ сказаніи и нашествіи Батгя, которое, по мнѣнію автора, принадлежитъ

сочинителю сказанія о принесеніи Корсунской иконы. Г. Иловайскій превосходно воспользовался въ своемъ изложеніи татарскаго нашествія и лѣтописцами и сказаніемъ — насколько позволяла ему сжатость диссертаціи.

Въ особенности хорошо изображено авторомъ состояніе края послѣ татарскаго погрома.

«Если, говоритъ онъ — «обратиться къ внутреннему состоянію рязанскаго княжества въ первый вѣкъ Монгольскаго владычества, мы не можемъ представить утѣшительной картины. Княжество, насколько позволяютъ судить источники, плохо оправлялось отъ татарскаго погрома. Главвою причиною того было невыгодное географическое положеніе. «Надъ рязанскою землею, болѣе нежели надъ какою либо другою частію Россіи, тяготѣло варварское иго. Какая могла быть безопасность въ странѣ, немѣющей естественныхъ границъ и совершенно открытой съ юговостока, въ сосѣдствѣ съ варварами, которые не пропускали ни одного удобнаго случая пограбить русскіе города и селенія, а при отсутствіи безопасности, могло ли населеніе, въ особенности сельское, много заботиться объ улучшеніи своего хозяйства? Завидѣвъ густое облако пыли или отдаленное зарево пожара, народъ спѣшилъ собирать свои семейства и стада; захватывалъ то, что можно было унести съ собою, и, если успѣвалъ, спасался въ сосѣдніе лѣса; бѣдныя хижинны оставались на жертву огня, а необранная жатва исчезала подъ копытами татарскихъ коней. Жители поэтому искали болѣе безопасныхъ мѣстъ для поселенія и цѣлыми толпами уходили далѣе на сѣверъ, особенно въ Московскія владѣнія, сравнительно наслаждавшіяся гораздо большимъ спокойствіемъ. Хотя митрополиты грамматы упоминаютъ о городахъ по Хопру и Воронѣ, но источники нигдѣ не называютъ ихъ по имени и трудно себѣ представить, что это были за города и какъ велико было населеніе той страны, когда мѣста, гораздо ближайшія къ центру рязанскаго княжества, напр. берега верхняго Дона, въ концѣ XIV в. все еще представляли развалины и запустѣніе; въ самой срединѣ княжества до вто-

«рой половины XIV в. не встрѣчаемъ новыхъ городовъ. «Варварскій элементъ въ составѣ населенія до XIII в. еще болѣе усилился новыми толпами Половцевъ и Татаръ. При такихъ обстоятельствахъ, разумѣется, нельзя ожидать, чтобы смягчилась та суровость нравовъ, о которой мы говорили. Лѣтописи изображаютъ намъ Рязанцевъ XIV вѣка людьми свирѣпыми, гордыми и въ тоже время коварными и робкими. Несмотря на явное пристрастіе, въ этомъ изображеніи есть значительная доля правды; только въ трусости Рязанцевъ упрекать нѣтъ основанія, и пораженія, которыя они терпѣли иногда отъ Москвитянъ, скорѣе можно объяснять излишнею отвагою и плохимъ состояніемъ военнаго искусства, нежели робостью.»

Изъ этихъ причинъ выводитъ авторъ и заключая политику рязанскихъ князей, которая состояла, какъ можно вывести изъ его изложенія: 1) въ покорности ханамъ; немѣшавшей имъ однако расправляться оружіемъ съ толпами кочевниковъ, самовольно приходившихъ грабить ихъ волости, 2) въ охраненіи своей самостоятельности отъ Москвы — усиливавшемъ покорность ханамъ. Мѣшали же самостоятельности Рязани: 1) усиленіе Москвы и 2) распаденіе самаго края на два удѣла (Рязанскій и Пронскій), равно желавшіе обособленія, — чѣмъ Московскіе князья, разумѣется пользовались.

«Трудно представить, — заканчиваетъ г. Иловайскій, — характеристику самой отличности рязанскихъ князей во второй половинѣ XIII в. и въ первой XIV; они появляются въ исторіи всегда мимоходомъ, большею частію по поводу своей кончины, а нѣкоторые извѣстны только по имени, такъ что не оставляютъ послѣ себя никакого опредѣленнаго образа. Только два лица нѣсколько выдѣляются изъ ряда 12 или 13 князей; съ одной стороны останавливаетъ наше вниманіе Романъ Ольговичъ, окруженный ореоломъ христіанскаго мученика; а съ другой, какъ противоположное явленіе, мрачная тѣнь *Коротопла*. Конечно убіеніе родственниковъ свидѣтельствуетъ о жестокомъ характерѣ князей и загрубѣлыхъ рязанскихъ нравахъ; надобно

«вспомнить однако, что подобные примѣры встрѣчались въ «тѣ времена не въ одной Рязани и не производили по виду «тому особенно сильнаго впечатлѣнія на народъ».

Глава V отъ 1350—1402 г. содержитъ въ себѣ княженіе Олега Ивановича и составляетъ самую блистательную сторону книги г. Иловайскаго. Княженіе Олега Ивановича является у него по справедливости кульминаціоннымъ пунктомъ исторіи рязанскаго края—а самъ Олегъ полнымъ и цѣльнымъ, если еще не художественно представляемымъ, то вѣрно характеризованнымъ и со всѣхъ сторонъ объясненнымъ типомъ. Можно сказать, что нашъ молодой ученый окончательно снялъ съ великаго мужа Рязани всѣ нелѣпыя обвиненія въ измѣнѣ — и притомъ не во имя теоріи, а во имя народнаго чувства. Онъ воспользовался здѣсь всѣмъ — и лѣтописями и грамматами и путешествіями для характеристики своего героя и его времени. Приводимъ общіе выводы его объ Олегѣ. Приводя отрывокъ изъ путешествія митрополита Пимена въ Царь-Градъ 1389 г., г. Иловайскій говоритъ :

«Въ этомъ описаніи, хотя объ Олегѣ Рязанскомъ говорится мимоходомъ, но его патріархальный образъ очень рельефно возвышается надъ всѣмъ окружающимъ. Онъ распоряжается какъ полновластный хозяинъ въ предѣлахъ своего княжества, окруженный дѣтьми и многочисленною дружиною; радушно угощаетъ почтенныхъ странниковъ; заботится объ ихъ удобствахъ и безопасности на всемъ пути.»

«Любя пиры и военную славу (авторъ приводитъ въ примѣчаніи отрывокъ изъ народной пѣсни о пирахъ Олега), Олегъ не былъ изъ числа тѣхъ безпечныхъ князей, которые большую часть правительственныхъ заботъ предоставляли намѣстникамъ и слугамъ и давали имъ въ обиду мирныхъ жителей. Объ этой дѣятельности какъ внутренняго устроителя и усерднаго защитника, краснорѣчивѣе всего говоритъ любовь и глубокое уваженіе, которыя рязанское населеніе сохранило къ памяти своего князя до самаго отдаленнаго потомства. Въ этомъ отношеніи, онъ принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ личностямъ, которыя отражаютъ въ

себѣ характеристическія черты извѣстной эпохи и извѣтнаго народа, *закрывая свою тѣню и предшественниковъ и преемниковъ*. Дѣйствительно, лице Олега вполне типично; въ немъ ярко обозначились главныя стороны рязанскаго характера, *эта смѣсь упрямства и безпокойной энергіи съ эгоистическою натурою*, качества, которыя у Олега смягчались многими талантами, гибкостію ума и стремленіями, не лишеными *нѣкоторой величавости*.»

«Весь періодъ самостоятельнаго княжества для Рязанцевъ сосредоточился въ одномъ Олегѣ; *больше они не помнят ни одного князя*. Съ этимъ именемъ связана большая часть остатковъ старины, разбросанные по долинѣ средней Оки и большая часть народныхъ преданій.»

Не знаемъ, на сколько это вѣрно, — но отъ многихъ Рязанцевъ слышали мы, что князь Олегъ — Гавріилъ чтился и даже чтится какъ мѣстный святой и что существуютъ еще иконныя его изображенія.

Глава VI посвящена послѣдней эпохѣ самостоятельности княженія. Авторъ доводитъ дѣло до самаго конца, розыскиваетъ до послѣднихъ слѣдовъ послѣдняго Рязанскаго князя Ивана Ивановича, по свѣдѣніямъ Литовской метрики. Онъ правъ, оканчивая этими свѣденіями исторію княжества, но вѣроятно самъ онъ знаетъ, что не здѣсь оканчивается исторія Рязанскаго элемента. Мы же съ своей стороны, въ правѣ ожидать отъ него впоследствии подробнаго, цѣльнаго труда.

Не останавливаясь на послѣдней главѣ, гдѣ собрано имъ все относящееся до внутренняго состоянія края — и которая основана на глубокомъ и добросовѣстномъ изученіи памятниковъ, а потому и взятая отдѣльно, потребовала бы подробнаго анализа, мы поздравимъ только ученую русскую литературу съ новымъ, истинно даровитымъ дѣятелемъ.

Не должно забывать и того обстоятельства, что разобранный нами трудъ есть диссертация и стало быть — все что есть въ немъ сухаго въ изложеніи, *казеннаго* въ слогѣ, *каведральнаго* въ приемахъ, должно быть отнесено на счетъ

общаго свойства такого рода сочиненій; по этому-то, мы и не останавливались даже на такихъ недостаткахъ.

Г. Иловайскій взялъ эпиграфомъ своей книги слова Мишле: *je dédie ce livre à mes maitres, à ceux qui vivent et à ceux qui ne sont plus.* Почему-то, когда рецензентъ прочтя книгу г. Иловайскаго, увидѣлъ на первой страницѣ его книги эти слова, ему особенно ярко нарисовались два образа. Нечего и говорить, что образъ изъ тѣхъ, *qui ne sont plus* — былъ Грановскій.

А. Григорьевъ.

СМѢСЬ.

ВЕЛИКІЙ ТРАГИКЪ.

РАЗКАЗЪ ИЗЪ КНИГИ: «ОДИССЕЯ О ПОСЛѢДНЕМЪ
РОМАНТИКЪ».

Въ мирномъ и славномъ городѣ Флоренскѣ, какъ зоветъ его Лихачевъ, посолье царя Алексѣя Михайловича къ Дуку Фердинандусу, — я жилъ въ одной изъ самыхъ темныхъ его улицъ.... или нѣтъ не улицъ. Улица, это — *via*, *via* на примѣръ *Ghibellina*, *via* *Кальцайола* — а я жилъ въ Борго, въ *Borgo Sant-Apostoli*, т. е. въ улицѣ, состоявшей изъ нѣсколькихъ улицъ, перерываемыхъ множествомъ узенькихъ, маленькихъ, грязненькихъ *Кьяссо*, которыя были отдушинами Борго на Лунгарно, т. е. на набережную Арно. Отдушины эти — нельзя сказать чтобы отличались благовоиѣмъ, тѣмъ болѣе, что въ нихъ вы не встрѣтили бы ни разу обычной надписи: *Se il nome christiano portate* и т. д. Нельзя сказать также, чтобы *Кьяссо* отличались особеннымъ изяществомъ и роскошью. Изъ нихъ подъ вечеръ выскакиваютъ обыкновенно на Лунгарно или оборванные синьоры «съ чужимъ ребенкомъ на рукахъ» и съ пригѣвомъ, дѣйствующимъ ужасно на человѣческія нервы — если только эти нервы не канаты или не укрѣплены какой нибудь крѣпко всаженой въ нихъ теоріей — хотя бы теоріей, на примѣръ, англійской о вредѣ безразличной помощи ближнимъ, или нашей доморощенной объ исключительной помощи соотечественникамъ. Но теорія, какъ известно, мастерски вьетъ изъ человѣческихъ нервовъ канаты, на которые ничто не дѣйствуетъ, даже болѣзненный, пожалуй

выученный, но лучше сказать вымученный тонъ стона синьоры въ отребіяхъ, преслѣдующей васъ своимъ *sono fame, signor, sono fame* отъ Понте-Веккіо до Понте делла Тринита и гораздо далѣе, нагло — но какъ то жалко-нагло цѣпляющейся вамъ за рукавъ, поспѣвающей за вами какъ бы вы ни ускоряли ваши шаги. Не могу также добросовѣстно сказать, чтобы къяссо были замѣчательны относительно цѣломудрія ихъ обитателей. *Pst, pst* — этотъ призывный кличъ слышится вамъ изъ оконъ почти во всякое время дня и ночи, и **право**, едва ли не болѣзненнѣй *Jo sono fame* дѣйствуетъ на васъ, особенно когда вы только что вышли изъ галлерей *Уффици* или шли изъ за Ольтр-Арно, изъ палаццо Питти, гдѣ женственная красота и чистота столь безконечно разнообразными идеалами наполняли вашу душу, такъ увѣрили васъ въ своемъ бытіи, такіе гармоническіе отвѣты дали на ваши вопросы.

А заднія окна моей комнаты какъ нарочно выходили на одинъ изъ такихъ къяссо — и я могъ всегда, когда только захочу, имѣть передъ глазами отрицательную повѣрку идеаловъ.

Быль апрѣль. Итальянская весна дышала всѣмъ, чѣмъ ей дано дышать — и цѣлыми стѣнами розъ по стѣнамъ садовъ въ городѣ и по дорогамъ за городомъ, и блестящей со всѣмъ молоденькой, разноотливистой зеленью въ Капинахъ, и цѣлыми роями ночныхъ свѣтляковъ въ травѣ, скачущихъ, летающихъ, кружащихся передъ вашими глазами какъ маленькіе огненные *эльфы*. Была весна... но впрочемъ что я говорю — была — лучше сказать стала весна, основательно утвердилась — потому что еще и прежде, въ концѣ февраля, въ началѣ марта — она вдругъ, неожиданно высовывала инымъ утромъ изъ за травки, изъ за листьевъ деревьевъ свою свѣтленькую кудрявую головку и вдругъ обдавала васъ жгучимъ пламеннымъ взглядомъ. Не шутя я помню совсѣмъ весенній, дышущій росой и свѣжестью вечеръ въ одинъ изъ первыхъ дней великаго поста и совсѣмъ весеннее сіяющее, обдающее жаромъ утро съ палящими лучами солнца, нагрѣвшими ожидавшую меня у Санъ Донатской церкви карету. И такъ весна стала....

Толковать о томъ, какое тревожное, немного страстное, не много тоскливое чувство развиваетъ въ душѣ сѣвернаго чело-вѣка весна — будетъ кажется совершенно излишне; — на тысячу ладовъ и всегда разнообразно пересказывали намъ объ этомъ странномъ чувствѣ наши поэты, особенно трое изъ нихъ. Лучше ихъ мнѣ не сказать — смѣшныя бы это были претензіи,

повторять ими сказанное, сводить въ новую мозаическую картинку подмѣченныя ими черты, уловленные ими оттѣнки, однимъ словомъ сочинять по печатнымъ источникамъ физиологію весеннихъ чувствъ.... это повело бы насъ Богъ знаетъ какъ далеко, въ цѣлую этуду, а таковой мнѣ писать въ настоящую минуту не хочется. Скажу вамъ только то, что самъ особенно почувствовалъ. Иногда мнѣ казалось, что либо наша весна лучше, либо мы сѣверные люди глубже чувствуемъ. А въ сущности ни то ни другое.... Наша весна приходитъ рѣзче, приходитъ съ тальми ручьями, возбуждаетъ больше ожиданій, сильнѣе раздражаетъ нервы, измѣняя радикально видъ природы, обращая ее изъ бѣлой въ зеленую, изъ сжатой и суровой въ растаявшую, распускающуюся, сильнѣе и тревожнѣе дышущую всѣми порами, послѣ долгаго усыпленія подъ снѣжнымъ саваномъ. Однимъ словомъ — вотъ и по неволѣ обратись къ любимымъ вѣстамъ — весной у насъ

Еще лежитъ бѣлѣясь средь полей
Послѣдній снѣгъ и постепенно таетъ.

и отъ того то такимъ крикомъ радости, ликования привѣтствуемъ мы ее:

Весна идетъ! Весна идетъ!

и оттого то:

Какой-то странной жаждою
Невольно грудь полна
И надъ душою каждою
Проносится весна....

Да «май вылетаетъ къ намъ» изъ «царства вьюгъ и снѣга». Мы его цѣнимъ, мы цѣнимъ весну какъ гостя — а въ Италиі она вѣчный жилецъ, только притаивающійся на время. Весна въ Италиі какъ палунъ мальчикъ, котораго поставили въ уголъ: иѣтъ — иѣтъ — да вдругъ и выкинетъ онъ гримасу, въ которой проглянетъ самая безнадежная несправимость, самая неистовая жажда жизни. Зимой я часто дрогъ, благодаря безобразію каминновъ — ибо до печей итальянцы, по милой распущенности своей не дошли да и никогда не дойдутъ, не смотря на многократные опыты холодовъ до замерзанія маленькихъ ручьевъ: мужчины грѣются въ кофейныхъ — а женщины.... но зачѣмъ женщины копятъ себя проклятыми жаровнями? Кабы вы знали, какъ это неприятно, особенно принимая во вниманіе прирожденную неопрятность всякой спльоры и спльорины!!.. И такъ зимою бывало страшно холодно.... Выйдешь продроглый на Лунгарно, на солнце — лучи его сіяютъ по веселому

и по неволѣ долой верхнее платье.... Сопедь съ Лунгарно, углубишься немного въ эти узкія улицы, съ ихъ мрачными и сырыми каменными комодами и сундуками, носящими названіе домовъ — и опять дрожишь до новаго пространства, до новаго просвѣта яркихъ, всегда весеннихъ лучей солнца.... Я помню, разъ въ самомъ разгарѣ зимы, вздумалось мнѣ ѣхать въ Сиенну; — только что вышелъ я за городскія ворота, на пространство между зданіемъ желѣзной дороги и *Кашинами*.... всякая зима исчезла у меня изъ глазъ и помысленій. На лѣво зеленъ *Кашинъ*, — толпы легкоодѣтыхъ женщинъ пѣшкомъ, экипажи съ дамами, которыя только изъ явнаго кокетства набросили на плеча опущенныя мѣхомъ или даже вовсе не опущенныя мантильи.... Солнце жжетъ — а это было въ концѣ января. Мои читатели, не бывавшіе въ Италіи, подумаютъ что я имъ сказки сказываю?... Не такъ ли?

Но мое путешествіе въ Сиенну обращаетъ меня къ предмету моего разказа.... Дѣло въ томъ, что съ начала апрѣля, я особенно хандрилъ — не только что вслѣдствіе вліянія весны на нервы, но потому еще, что былъ одинъ. Пріятель мой Иванъ Ивановичъ, тоже уѣхалъ въ Сиенну послѣ святой недѣли. Другой мой пріятель, несмотря на свое богатырское сложеніе, раскипсъ до противности отъ тоски по отъѣздѣ любимаго предмета, и при каждомъ свиданіи терзалъ меня — Господи! что *любленіе* можетъ сдѣлать даже изъ умнаго и порядочнаго человѣка — маниловскими мечтами о мечтѣ семейныхъ радостей.... и замучилъ совсѣмъ, заставляя разъ по пяти при свиданіи аккомпанировать себѣ, когда онъ съ искреннимъ исповѣдствомъ пѣлъ что-то такое изъ оперъ Донидзетти, въ чемъ непрерывно звучали слова: «Vedi un Angelo, un angelo in Ciel'» — это что-то было коли хотите вещь прелестная, равно какъ и одна весенняя серенада, сочиненіе Флорентинскаго маэстро, аббата *Федерти* (аббаты тамъ нерѣдко композиторы весьма страстные, по старой памяти) — и пѣлъ все это мой другъ такъ хорошо, какъ поютъ соловьи въ весеннюю пору, но отъ повторенія все это приѣлось.... Я жаждалъ Ивана Ивановича съ его эксцентрическими движеніями, ѣдкой хандрой, «метеорскими выходками и тонкими замѣчаніями — даже съ его цинизмомъ, наконецъ съ его дпкими, противными *заулами*».

Я замѣтилъ вообще, что мы особенно жаждемъ того, что или скоро намъ дается или ужъ вовсе никогда не дается — такъ что наша жажда есть или простое чутье собаки на трюбли или

неугомонная работа червя, подтачивающего и безъ того уже гнилое дерево,

Иванъ Ивановичъ дался мнѣ очень скоро — стало быть жажда моя была чутье пса.

Въ одинъ прекрасный день — употребляя это казенное выраженіе вовсе не въ казенномъ его смыслѣ, ибо день въ самомъ дѣлѣ былъ прекрасный, — отобѣдавши въ ближайшей отъ меня трагготориі *delle antiche Carozze*, я рѣшительно не зналъ что съ собою дѣлать до самаго вечера, когда я могъ идти къ одной, прелестной до самыхъ зрѣлыхъ лѣтъ и впечатлительной — вѣроятно до самой дряхлости женщины; — такіе экземпляры, надобно замѣтить, встрѣчаются только между сѣверными женщинами: да и туда какъ то противъ обыкновенія не маняло. Разговоръ нашъ съ нею принималъ всегда такое серьезное, почти суровое направленіе, такъ искренно касался глубокихъ вопросовъ души и жизни, что мнѣ не хотѣлось серьезнаго разговора — мной владѣли гнѣвъ и апатія, изъ которой можетъ вывести душу только новое впечатленіе, а ужъ никакимъ образомъ не анализъ. Правда — и честь за это женщинамъ вообще, честь глубинѣ и мягкости женской природы — мнѣ случалось выносить изъ бесѣды съ моей доброй соотечественницей чувство свѣтлое, примиряющее; — но въ самомъ свѣтломъ чувствѣ было что то унылое, какъ свѣтъ сумерекъ, что то похожее на затихшую боль, на усталое и готовое за что угодно ухватиться сомнѣніе. Такого впечатлѣнія я не хотѣлъ — да и во всякомъ случаѣ, его надобно было ожидать до вечера, а было еще только четыре часа. Идти въ монастырь Санъ Марко и отдаться всей душой великой религіозной поэмѣ фресковъ *Беато* Анджелико.... Для этого надобно было быть способнымъ хоть на минуту переселиться сердцемъ въ ея прологъ, въ страстное упоеніе страданія, съ которымъ его Доминикъ судорожно обнимаетъ Крестъ Распятаго, — а способность переселяться въ подобные міры

Лишь въ лучшія мгновенья

Бытія слетаетъ къ намъ....

какъ сказалъ нашъ Беато Анджелико, Жуковский.

....Когда я вошелъ въ свою комнату, куда рѣшился возвратиться на время, она, съ ея холоднымъ мраморомъ каминовъ оконъ и столовъ — въ Италіи ни почемъ вѣдь мраморъ; вы его часто встрѣтите тамъ, гдѣ ужъ никакъ не ожидаете — показалась мнѣ еще унылѣе, еще сѣрѣе, въ противоположности съ тѣмъ яркимъ весеннимъ свѣтомъ, который заливалъ полови-

ну площади del gran Duca. Безмысленно прислонился я къ окну и безмысленно сталъ глядѣть на мрачную и узкую улицу: явленія были всѣ извѣстныя: Santo padre съ кружкою и съ закрытымъ лицомъ, не много покачиваясь съ права на лѣво, тянулъ съ сильнымъ горловымъ акцентомъ однообразную *литанію* испрашивая подаванія бѣднымъ, — разнощикъ безжалостно-звонко, всей ужасной полнотою итальянскаго груднаго крика оралъ: «Carciòfi, carciòfi!» Проревѣлъ наконецъ трижды и осликъ подъ грузомъ какой то тяжести, прошли, громко разсуждая и размахивая руками трое тосканскихъ солдатъ — да какая то растрепанная синьора густыми контральтowymi нотами обругала — или какъ говорится у насъ Москвѣ, обложила куплетами, — засаженнаго и босаго на одну ногу мальчишку.... Во всѣхъ этихъ звукахъ было что то такое полное и сильное, что бываетъ подчасъ совершенно *непереносно* и для нашихъ сѣверныхъ нервовъ.... Мнѣ не разъ случалось чувствовать истинную злобу на разнощиковъ и торговцевъ Флоренціи, на какое то ужасное, звѣрское разбойничье выраженіе лицъ ихъ, при безпощадномъ сиповато-грудномъ крикѣ, — какъ въ другія минуты случалось цѣнить и любить эту силу, мощь, порывъ итальянской природы — разлитые всюду: въ человѣческомъ голосѣ, въ ревѣ осла, — въ стрекотаньи итальянскихъ кузнечиковъ, которые всегда мнѣ казались задатками итальянскихъ теноровъ, — ибо право у cadaго итальянскаго кузнечика бычачья грудь, *невыпущаюся* но сильнѣйшаго тенора Ремоджіо Бертолини, котораго слышалъ я цѣлый осенній сезонъ.... Но въ этотъ день я бы не вынесъ и Ремиджіо Бертолини и кузнечиковъ: тѣмъ не пріятнѣе дѣйствовали на меня звуки, несшіеся изъ улицы. Попробовалъ отойдти отъ окна и принятъся за чтеніе — какъ разъ оказалось, что дѣло не подходящее.... Глаза читали а душа была далеко — гдѣ именно — и сама она не знала съ точностью; а была далеко, въ какихъ то весеннихъ снахъ, въ тѣхъ легкихъ и прозрачныхъ снахъ отрочества, которыхъ невозможность такъ тяжела въ тридцать пять лѣтъ.... На часахъ пробило пять. Вошла синьора Линда съ кувшиномъ горячей воды per il thè, ибо я и въ Италіи сохранилъ привычку пить три раза въ день китайскій напитокъ, — отъ котораго итальянцы, если вы его имъ предложите, отказываются съ словами: Grazie, signore, non voglio purgar mi.... На этотъ разъ, я самъ отказался отъ чаю — ибо даже на меня выпущаюся, какъ москвичъ къ его употребленію, онъ сталъ сильно дѣйствовать весною, только

не въ томъ отношеніи, въ какомъ боятся его итальянцы... Въмѣсто того, чтобы пить чай, я вдругъ спросилъ синьору Линду: «*Carissima signora, dite mi — avete un amante*».

Линда, крошечное, добродушно-миленькое, хотя немножко рябинокое, и значительно неопрятное существо, ни мало не смутилась отъ моего вопроса и тотчасъ же отвѣчала съ самою наивною радостью — какъ будто бы выиграла въ тосканскую лоттерейку 300 шиллинговъ.

— *Si, signor!!*

Право — что-то такое дѣтски-радостное было въ этомъ отвѣтѣ, что..... Ну, да что тутъ говорить — мнѣ стало просто досадно.

Чтобъ дать однако какую нибудь приличную причину моему дикому вопросу, я досталъ нѣсколько паръ затасканныхъ перчатокъ «*per l'amante della signora*».

«*Signora*» ушла въ истинномъ восторгѣ — а я.. опять остался одинъ.

Наконецъ я рѣшился на крайнее, послѣднее, отчаянное средство — я пошелъ въ Кашины.

Вовсе не гиперболически называю я это крайнимъ, послѣднимъ, отчаяннымъ средствомъ. Большая часть моихъ читателей не знаютъ конечно, что такое Кашины. Кашины (*Cashine*) герцогскій загородный скотный дворъ, съ прекраснымъ паркомъ, съ прекрасными узенькими дорожками для пѣшеходовъ и съ широкими для экипажей. Тамъ присутствуетъ ежедневно вся фешенебельная Флоренція и даже вся не фешенебельная зимою отъ трехъ до шести часовъ, лѣтомъ отъ пяти до семи. Не фешенебельная гуляетъ по лѣсу и по берегу Арно.... Фешенебельная сосредоточивается на пьядцонѣ. Мѣсто прекрасное, нѣчто въ родѣ Берлинскаго Тиргартена, если вы его знаете и нашихъ Сокольниковъ, которые вы навѣрно знаете, только гораздо лучше Тиргартена и несравненно хуже Сокольниковъ. Во всякомъ случаѣ изъ этаго описанія Кашинъ, читатели никакъ не поймутъ, почему мнѣ такъ трудно было собраться въ Кашины. Все зависитъ изволите видѣть, отъ обстоятельствъ. Идя въ Кашины я имѣлъ два шанса: — или попасть на берегъ Арно и не минуемо встрѣтить добраго пріятеля, мечтающаго о мечтѣ семейныхъ радостей — или героически рѣшиться на *пьяццону*, на эту небольшую площадку, загроможденную стоящими экипажами, всегда одними и тѣми же — напоминающими всегда одни и тѣ же пошныя интриги, *de secrets, que tout le monde connait*—кото-

рыя извѣстны потому, что сами интригующіе объ этомъ всѣмъ рассказываютъ. Чтобы понять все то омерзение, которое чувствовалъ я къ пьяццонѣ — надобно знать хотя не много, хоть по слуху — что такое Флоренція — не та Флоренція, которая раскидывается передъ вами своими сурово-стильными памятниками прошедшаго, которую полюбите вы искренне въ театрахъ, кофейняхъ и на узкихъ улицахъ, не смотря на все неистовство итальянскаго горла... Нѣтъ! а болотная, сонная, праздная, дѣлающая «ничего» «il far niente» (это со всѣмъ не то, что ничего не дѣлающая) погрязшая въ маленькихъ интригахъ и пошлыхъ сплетняхъ, не могущая жить и дышать безъ этихъ сплетенъ. Отнимите отъ Флоренціи ея вѣковѣчное прошедшее и въ настоящемъ поглубже лежащіе пласты ея населенія — и вы получите въ результатѣ губернской городъ Т*. или В*. или какой хотите. Пока вы — какъ со мною было цѣлыхъ полгода — видите и знаете только верхніе, снаружи лежащіе пласты жизни, вы готовы сказать, что жизнь здѣсь одряблѣла, размѣнялась на мелочь, на безконечную пошлость, однообразную, безличную какъ стертая монета. По этимъ наружи лежащимъ пластамъ жизни проходитъ именно наша губернская струя: съ одной стороны, всеобщая радость всякому маленькому скандалу — съ другой, добродушное правило: «кому какое дѣло что кума съ кумомъ сидѣла» — и этимъ коли вы хотите объясняется предпочтеніе Флоренціи другимъ городамъ Италіи всѣми празднопатающими лицами обоого пола изъ разныхъ иностранныхъ націй. Во Флоренціи — безграничная терпимость въ отношеніи ко всякимъ скандаламъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчный толкъ о скандалахъ, интересы губернскихъ сплетенъ, стертость и пошлость мелочной, дрянью удовлетворяющейся жизни... Но объ этомъ когда нибудь послѣ. Теперь же сдѣлалъ я черную замѣтку потому, что мнѣ хотѣлось объяснить вамъ все мое отвращеніе къ пьяццонѣ, этому губернаторскому саду губернскаго города Флоренска.

А все таки изъ двухъ золъ, я предпочелъ идти на пьяццону.... Въ чужихъ мечтахъ есть что-то раздражающее, — что-то вызывающее на отрицаніе, всегда болѣе или менѣе крайнее, преувеличенное, стало быть всегда болѣе или менѣе ложное, за что послѣ упрекаешь самаго себя, какъ за нѣкоторую позировку. Человѣкъ такъ ужь устроенъ, что когда онъ становится въ близкое отношеніе къ другому человѣку, ему хочется всегда заставить ближняго быть зеркаломъ, въ которомъ онъ можетъ глядѣться, когда захочетъ и весьма рѣдко удается одержать

такую побѣду надъ самимъ собою, чтобы обратиться самому въ зеркало для ближняго. Я можетъ быть еще болѣе другихъ — говорю это безъ малѣйшей натяжки — способенъ быть зеркаломъ для чужой радости, чужаго горя и чужихъ интересовъ — но не надолго: отрицательное, или проще, не возвышеннымъ слогомъ говоря, самолюбивое начало беретъ верхъ и зеркало начинаетъ показывать довѣрчиво смотрящемуся ближнему на лице его, и гримасы лица. Хорошо это или дурно — право я не знаю. Въ былую пору, я назвалъ бы это критическимъ отношеніемъ къ личностямъ, да этимъ бы и порѣшилъ, какъ будто сказать дѣло: въ былую пору я сталъ бы даже увѣрять, что самъ готовъ вытергѣть въ отношеніи къ собственной особѣ то, что одинъ пріятель называетъ *продергиваніемъ* и въ чемъ онъ между прочимъ большой мастеръ — но говоря такъ, я бы только добросовѣстно надувалъ самага себя и другихъ.... Я зналъ цѣлый кружокъ, въ которомъ продергиваніе, критическое отношеніе другъ къ другу — было чисто догматомъ — и въ ту пору я искренно негодовалъ на одного весьма желчнаго и раздражительнаго господина, который говаривалъ, что ни одного ближняго не слѣдуетъ баловать до того, чтобы онъ когда угодно, могъ безнаказанно запускать лапы, часто довольно грязныя во внутренность *искренней* души. Кто былъ правѣе: кружокъ или желчный господинъ, для меня доселѣ осталось еще загадкою: знаю только, что въ самомъ кружкѣ каждый любилъ систему продергиванія только въ отношеніи къ другимъ и никакъ не могъ сохранить надлежащаго спокойствія, когда очередь доходила до его собственной особы: знаю съ другой стороны, что и въ правилѣ желчнаго господина отражалось оскорбленное самолюбіе, что это правило вело къ чистому самопоклоненію.

Впрочемъ, я весь обратился въ сомнѣніе — и вы, мои читатели — не слушайте меня, а поступайте по собственному сердцу. Если оно и жжетъ въ васъ, то жжетъ все-таки наивнѣе, добросовѣстнѣе чужаго правила.

Когда я дошелъ до пѣяцены, обычная жизнь ея была въ полномъ разгарѣ, т. е. празднующіеся юноши и старцы (нѣкоторые изъ старцевъ пляшутъ во Флоренціи до 80 лѣтъ и съ большимъ успѣхомъ) слонялись между экипажами, передавая итальянскимъ синьорамъ и нашимъ русскимъ барынямъ обычныя шлетни; грекъ, капитанъ Россійской службы, сидя на скамьѣ подлѣ музыкантовъ, рассказывалъ подлѣ громъ музыки, въ сто-пятьдесятый разъ о давноизвѣстномъ карнавальномъ скандалѣ, не

щады репутаціи соотечественницъ; столѣтній шевалье, спящій за зваными обѣдами, потому что спать ночью мѣшаютъ ему стукающіе духи и ѣвщій, по сказаніямъ общества, человѣческое мясо на островахъ тихаго океана, таскалъ по пьяццонѣ свою длинную и худую какъ шесть особу; — англичанки съ неподвижною чинностью сидѣли въ коляскахъ — а за то одна изъ нашихъ львицъ хохотала безъ умолку съ пожилымъ, но красивымъ итальянцемъ, картинно опиравшимся правою рукою на ея коляску... однимъ словомъ явленія обычныя.

Вдругъ изъ за толпы, окружавшей музыкантовъ, которые играли изъ Верди что-то неумолимо — шумное — показался Иванъ Ивановичъ. Я такъ и бросился къ нему.

Хорошъ, нечего сказать — закричалъ я невольно, увлекшись нежданностью его появленія — хорошъ! Во Флоренціи — и глазъ не покажете.

Здравствуйте, отвѣчалъ онъ, прорываясь ко мнѣ и обѣими руками схватывая мою протянутую руку. Можете себѣ представить, продолжалъ онъ, — что я только что сейчасъ съ жельзной дороги?

Какъ сейчасъ?

Такъ... Багажъ — впрочемъ багажъ мой какъ вы знаете, весьма не великъ, прибавилъ онъ съ добродушнѣйшею улыбкою — бросилъ въ Санъ-Донато у пріятеля, — а самъ помчался сюда, чтобы какъ нибудь добить полтора часа до театра.

До театра? Что вдругъ за страсть припала къ театру... Корради что ли вы не слышали? Онъ спалъ съ голосу: теноръ слабъ — basso profundo грубъ какъ дубина и тріо идетъ отвратительно. А примадонна — нѣмка. — Въ дуэтѣ Арнольдо и Матильди она и теноръ это двѣ немезаннхъ телѣги, которыя одна на другую наѣзжаютъ... Все это проговорилъ я скороговоркою и со всѣмъ увлеченіемъ злобной досады, потому что маканунѣ былъ жестоко обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ на счетъ Вильгельма Теля. Обѣщала «Пергола» въ этотъ сезонъ что нибудь путное и надула страшно. Во всю осень и зиму только и былъ хорошій оперный сезонъ отъ сентября до половины декабря, когда въ Перголѣ пѣли *Джованну ди Гузманъ* (мѣстное переименованіе Сицилійскихъ вечеренъ) да *Троватора* Альбертини и мужъ ея Бокарде, а въ Пальяно Ремиджіо Бартолини, безъ особеннаго искусства но съ могучествомъ свѣжаго голоса и дикою энергіею производилъ Рауля въ «*Anglicani*» (мѣстное же переименованіе Гугенотовъ)... Иванъ Ивановичъ зналъ все

это какъ и я же — и оттого-то стремленіе его къ театральному позорію показалось мнѣ по истинѣ изумительнымъ.

Но прежде всего, вы не знаете, мои почтенные читатели — кто такое Иванъ Ивановичъ. Скажу вамъ откровенно, что вы и мало узнаете о немъ и о его судьбахъ изъ сего перваго разсказа. Одиссея о немъ — весьма длинная одиссея. На первый разъ скажу вамъ, что Иванъ Ивановичъ одинъ изъ моихъ старыхъ университетскихъ товарищей, что въ былыя времена подавалъ, какъ говорится, «*блестящія надежды*» всему своему факультету и послѣдующую жизнь жестоко разочаровалъ благодушно — добѣрчивый и почтенный факультетъ въ его надеждахъ, — что вотъ уже года четыре какъ онъ шляется за границую, проживая маленькій капиталъ, который достался ему послѣ престарѣлой бабки. Мы съ Иваномъ Ивановичемъ живали нѣсколько разъ полосами общею жизнью — и вотъ въ городѣ Флоренскѣ выпала намъ опять такая общая полоса. Скажу вамъ еще, что Иванъ Ивановичъ — брюнетъ, и кромѣ знойно черныхъ, но какихъ-то усталыхъ глазъ, *особенныхъ* примѣтъ не имѣетъ: съ лица довольно худъ и худоба его еще поразительнѣе отъ его длинныхъ, висящихъ до плечъ волосъ, губы у него тонкія и блѣдныя, иногда странно судорожно подергивающіеся — и это самая рѣзкая особенность его фізіономіи. Что вамъ еще прибавить о немъ? Да... онъ отлично играетъ на гитарѣ, хоть никогда этимъ, какъ можетъ быть и ничѣмъ вообще, серьезно не занимался — и отъ него-то съ предпослѣдней полосы нашей общей съ нимъ жизни происходитъ моя несчастная страсть къ этому инструменту, очень не легко дающемуся, не смотря на всѣ мои труды и усилія, приводившія въ глубокое отчаяніе всѣхъ моихъ домашнихъ и всѣхъ Московскихъ друзей и по нынѣ, рано или поздно по постоянно успѣвающія приводить въ нѣкоторое остервенѣніе хозяевъ различныхъ квартиръ и отелей въ которыхъ случается мнѣ жить за границую. Есть безнадежныя страсти и они съ лѣтами безнадежно же укореняются. Выщипывать иногда тоны изъ непослушнаго инструмента стало для меня такой же необходимостью, какъ выпить утромъ стаканъ чаю — и вѣдь надобно правду сказать, что когда я говорю о безнадежности страсти своей, я дѣлаю уступку злымъ пріятелямъ и не менѣе злымъ хозяевамъ квартиръ и отелей. Надежда никогда не покидаетъ человѣка. Во всякомъ случаѣ, въ моей гитарной страсти виноватъ Иванъ Ивановичъ, виноваты эти полные, могучіе и вмѣстѣ мягкіе, унылые, какъ-то интимные звуки, которые

слышать я только отъ него и отъ Соколовскаго и которые какъ идеалъ звучатъ въ моихъ ухахъ, когда я выламываю свои пальцы. Одинъ изъ злыхъ пріятелей, изъ лютейшихъ и безжалостнѣйшихъ враговъ моей гитары, — въ минуту спекулятивнаго настрѣива, когда всякое безобразіе объясняется высшими принципами, понялъ это. «Господа, — сказалъ онъ, обращаясь къ другимъ пріятелямъ — они въ это время играли всѣ въ карты, а я, оставши играть и взявшись за лежавшую на диванѣ гитару, старался *выщипать* унылые и вмѣстѣ уносящія тоны Венгерки.» — Господа, — сказалъ мой пріятель, — (вѣроятно ему пришли въ это время въ голову разные выводы изъ столь любимой имъ психологической системы Бенеке) — я понимаю, что онъ слышитъ въ этихъ тонахъ не то, что мы слышимъ, а совсѣмъ другое.»

Дѣйствительно — широкая и хватающая за душу, стонущая, поющая и горько-юмористическая Венгерка Ивана Ивановича, раздавалась въ это время въ моихъ ухахъ.

«Да намъ-то каково!... замѣтилъ на это другой пріятель. Всѣ захохотали, но замѣчаніе психолога все-таки было справедливо — и я до сихъ поръ, безъ надежды когда либо услышать вновь въ дѣйствительности могучій тонъ Ивана Ивановича, — слышу его «душевымъ ухомъ.» Почему же не быть и душевному уху, когда Гамлетъ видитъ отца въ «очахъ души» своей. Но довольно обо мнѣ и довольно объ Иванѣ Ивановичѣ — о немъ разумѣется довольно только на сей разъ.

Въ отвѣтъ на всю мою злобную выходку противъ флорентійской оперы, Иванъ Ивановичъ сказалъ только:

Гусь же вы однако!

Какъ гусь?

Такъ, какъ гуси бываютъ.... Вы толкуете мнѣ объ оперѣ, а я вамъ говорю о Сальвини.... И онъ взглянулъ при этомъ на столько съ торжествомъ, на сколько обычная, унылая усталость его взгляда допускала торжество.... А я вамъ говорю о первомъ трагикѣ Итали, продолжалъ онъ съ жаромъ.... можетъ быть, добавилъ онъ еще съ большимъ жаромъ, о первомъ трагикѣ въ свѣтѣ.... Понимаете?

Нѣтъ, все-таки не понимаю — *ich bin eben so klug, wie ich vordem war*, какъ говорятъ нѣмцы.

Здѣсь вѣдь теперь въ Кокомеро играетъ драматическая труппа — не такъ ли?

Да.... только я въ Кокомеро не былъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы вмѣстѣ съ вами слышали импровизаторшу....

И когда мы ее такъ безжалостно съ вами отдѣлывали — помните? сказагь онъ смѣясь.

Мы съ вами... т. е. вы ее отдѣлывали, возразилъ я... Вотъ то-то и дѣло, Богъ васъ пойметъ Иванъ Ивановичъ — то вы все рѣжете анатомическимъ ножомъ, то вы чуть что не скачете отъ какого-то неизвѣстнаго господина Сальвини... Это у васъ капризы, нѣмецкая Laune, приливы...

Неизвѣстнаго... проворчалъ сквозь зубы Иванъ Ивановичъ... И это говоритъ господинъ, продолжалъ онъ громко и сердитымъ тономъ, который имѣетъ претензію на самостоятельность взгляда, на неподогрѣтость — я вашимъ языкомъ говорю — чувства... И во первыхъ это неправда. Сальвини игралъ въ Парижѣ и пропзвелъ тамъ фуроръ, а во вторыхъ и Мочаловъ былъ неизвѣстенъ въ Европѣ.

То дѣло другое — возразилъ я. Мы еще не Европа.

Да неуже ли вы думаете, что Итальянскій актеръ бываетъ извѣстенъ гдѣ нибудь кромѣ Италіи? Я говорю объ актерѣ, а не о цѣвцахъ.

Чувствую.... А Ристори?

Видѣли вы Ристори?

Нѣтъ не видалъ — но о ней много говорятъ.

И я не видалъ и я знаю тоже, что о ней много говорятъ. А знаете ли почему говорятъ и именно говорятъ во Франціи?... Потому, что во Франціи была Рашель — а такое необычайное явленіе какъ то требуетъ всегда сравненій и сличеній... Я думаю, что еслибъ какая нибудь Эіопка пріѣхала въ Парижъ играть роли Рашели на эіопскомъ языкѣ — Французы и ее бы сравнивали съ Рашелью.... А кстати, — окончилъ Иванъ Ивановичъ.... Не совѣстно вамъ было написать ване стихотвореніе: «Рашель и правда?»

Да вы гдѣ и въ чемъ видѣли Сальвини, спросилъ я, не отвѣчая по мношмъ прищипнамъ на его вопросъ.

Иванъ Ивановичъ лукаво-мягко взглянулъ на меня и отвѣчалъ: въ Римѣ — и во всемъ, въ трагедіяхъ Альфіери и въ Отелло Шекспира... даже во французскихъ драмахъ ходилъ я его смотрѣть, какъ хаживали мы бывало смотрѣть Мочалова въ Скопинѣ Шуйскомъ и въ Уголино... Но дѣло не въ томъ, гдѣ и въ чемъ я его видѣлъ. Еслибъ я даже его вовсе не видалъ, мое желаніе видѣть знаменитаго итальянскаго актера все-таки было бы понятнѣе вашего циническаго равнодушія.

Permesso signore... обратился къ нему запачканный и оборванный Итальянецъ въ рыжемъ пальто, изъ котораго, по общему стремленію итальянцевъ къ ихъ типическому костюму, онъ успѣлъ образовать эффектно накинутую на плеча мантилью. Слова его значили, что онъ желаетъ закурить сигару — и Иванъ Ивановичъ, молча протянулъ ему свою. *Grazia tanto!*... сказалъ Итальянецъ и оборотился къ музыкантамъ.

Однако пойдите — пора. Полчаса седьмого, — обратился ко мнѣ Иванъ Ивановичъ, взглянувъ на часы.

Вотъ какъ.... часы завелись! замѣтилъ я насмѣшливо. На долго ли?

Глушій, съ позволенія сказать, вопросъ, мой милѣйшій — отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, нисколько не смущаясь — глушій, потому, что совершенно лишній.... Часы, это касса сбереженія ходячей монеты, до перваго востребованія... Однако пора, говорю я вамъ.

Мы пошли

Знаете ли, что въ вашемъ равнодушіи, началъ опять Иванъ Ивановичъ, только что мы вышли въ аллею, миновавши мизерную кофейную Кашиня, — много непослѣдовательности.... Вы вообще гораздо смѣлѣе пишете, т. е. говорите съ самимъ собою, нежели говорите съ другими.... Между этимъ равнодушіемъ и тѣмъ значеніемъ, которое придаете вы трагической струѣ въ человѣческой душѣ лежитъ цѣлая бездна. Послѣ того, что вы мнѣ читали, именно отъ васъ-то и надобно было ждать, что вы броситесь какъ угорѣлый на представленія Сальвини.... Въ сущности вы вѣдь ждете трагика, какъ нѣкотораго откровенія, какъ подтвержденія вашей внутренней вѣры....

Послушайте, отвѣчалъ я уже совершенно серьезнымъ тономъ.... То, что видѣлъ я здѣсь до сихъ поръ по этой части — и въ чемъ, какъ хотите, а долженъ все-таки выказаться тонъ итальянскаго трагизма — не могло мнѣ дать подтвержденія вѣры. Вспомните представленіе Медеи, неистовый крикъ и звѣрообразныя гримасы актрисы, позировки Язона.... все это я лучше хочу видѣть на площадяхъ, гдѣ продавецъ разныхъ медицинскихъ средствъ, размахивая руками, съ патетическимъ тономъ рассказываетъ толпѣ объ удивительной, чудесной силѣ своихъ товаровъ, — чѣмъ въ театрѣ. Итальянская трагедія — опера.... вотъ это дѣло другое. Помните, даже щедушная Альбертини обращалась въ трагическій образъ въ сценѣ возстанія въ первомъ актѣ Джованни ди Гузманъ — и помните, въ какомъ я

былъ восторгѣ. Вспомните притомъ, сколько разъ я добросовѣстнѣйшимъ образомъ обманывалъ себя въ своихъ исканіяхъ трагическаго!!.. Я вамъ рассказывалъ кажется, что увлеченный криками толпы, я не могъ устоять въ своемъ первомъ впечатлѣніи отъ игры одного молодого актера?

Нѣтъ, не рассказывали, отвѣчалъ Иванъ Ивяновичъ. Это очень любопытно.

Не знаю, любопытно или нѣтъ — но для меня самаго, это фактъ весьма важный и наводящій на размышленія... Явился разъ на сценѣ молодой дебютантъ. Я ходилъ его смотрѣть всякій разъ — и нѣсколько разъ сряду мнѣ все казалось одно и тоже, что природа не создала его трагикомъ. Голось у него было сильный и звонкій; того, что называется теплотой и что въ трагизмѣ гроша не стоитъ — было у него ужасно много, — рутинна уже въ него вѣблась — проникла во все: въ интонаціи, въ эффектныхъ заканчиванья монологовъ, въ движенія. А главное, главное что бѣсило меня — это была фizioномія, красивая, благодушная до телячьаго благодушія — да еще преобладаніе сентиментальнаго тона — лучше сказать, у него только и былъ одинъ тонъ, тотъ тонъ, въ которомъ — заканчивалъ покойный Мочаловъ, первый актъ драмы «Смерть или честь, словами: о надежды человѣческія, что вы такое?..» Этого тона трагику мало — и не имъ былъ великъ Мочаловъ, т. е. пожалуй и имъ, но въ соединеніи съ другими тонами. Мнѣніе свое выражалъ я открыто. Юный трагикъ сердился — да и множество пріятелей стали на меня сердиться. Публика встрѣчала и провожала новаго любимца постоянными рукоплесканіями. Онъ переигралъ множество ролей, Мочаловскихъ и Каратыгинскихъ: — *созданія*, лица не было ни въ одной... но между тѣмъ *что-то* было, *что-то* онъ игралъ, игралъ искренно и нельзя было сказать что это *нарочно*, что это только игра. Нѣтъ — *какія-то* стороны лицъ, онъ игралъ *взаправду* и этимъ онъ былъ много выше другаго, опытнаго актера, который всѣ лица игралъ нарочно — хотя между ними обоими было много общаго въ сентиментальномъ тонѣ... Вотъ это *что-то* его игры, соединенное съ нѣкоторою вѣрою въ общее увлеченіе и нѣкоторою трусостью собственнаго чувства — подъ конецъ увлекло меня — не надолго правда, но увлекло. Потомъ это *что-то* разумѣется всеімъ пріѣлось. Начали говорить, что онъ недобросовѣстно учитъ роли, что онъ надѣется только на средства своей груди... Можетъ быть и такъ, но кажется правѣе было мое первое впечатлѣніе. Онъ не

былъ рожденъ трагикомъ — и чтобы онъ ни дѣлалъ для ролей, онъ всегда *чувствовалъ* бы только одну ихъ сторону, а прочія выходили бы не живыя, а дѣланныя. Вотъ вамъ одинъ мой опытъ. Хотите другой?

Я васъ слушаю внимательно и принимаю ваши слова къ свѣдѣнью, — отвѣчалъ задумчиво мой пріятель.

Были вы въ Берлинѣ? спросилъ я.

Былъ — а что?

Кого вы тамъ видѣли изъ трагиковъ?

Дессуара или Дессойра — не знаю право какъ произносится его имя.

Ну и я его видѣлъ.... Въ Ричардѣ III видѣли?

Видѣлъ.

Ну что жъ?

Да то же что вы сказали о другомъ, только съ другой стороны. Онъ не поэтъ, а сочинитель: онъ *дѣлаетъ* роль....

И вѣдь удивительно искусно дѣлаетъ, перебилъ я.... Помните послѣднюю сцену перваго акта, сцену съ убійцами. Тутъ было сдѣлано — до *ужаса*.

Правду вамъ сказать, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ — онъ разочаровалъ меня только съ третьяго акта. Помните ли вы сцену съ Анною въ первомъ актѣ. Не смотря на общую форсировку нѣмецкой трагической дикціи, на общую же угловатость движеній — она была ведена такъ искусно, что только потомъ ужъ я догадался, что это искусственно. Потомъ костюмировка, историческая вѣрность образа, мастерство въ отдѣлкѣ частности!!.. Вліяніе перваго акта на меня было таково, что когда во второмъ онъ появился въ залу, куда привели умирающаго короля — его появленіе навело на меня ужасъ, смѣшанный съ отвращеніемъ.... Жаба какая то, випера....

Ну да.... перервалъ я опять. Почти такъ чувствовалъ я и почувствовалъ бы вѣроятно всякій, въ комъ любовь къ Шекспировскимъ трагическимъ образамъ готовится извѣстнаго рода душевную подкладку.... Но второй же актъ и положилъ предѣлъ всему, что можно *сдѣлать* — такъ что все дальнѣйшее обличило только сдѣланность предшествовавшаго.... Отъ цѣлаго представленія вы, вѣроятно, какъ и я же — чувствовали удивительное наслажденіе, но какое то холодное, совѣмъ ученое наслажденіе. Не только *Ричардъ* — всѣ актеры ужасно умно сочиняли свои роли: въ представленіи была гармонія, цѣлостъ....

И великолѣпная обстановка, перебилъ Иванъ Ивановичъ. Помните появленіе тѣней и ихъ совершенно незамѣтное исчезаніе?

Ну да — все это было отлично *сдѣлано*: я помню, что я могъ побѣдить даже свою прирожденную русскую насмѣшливость въ отношеніи къ напыщенности нѣмецкаго тона чтенія. Но *трагизмомъ* тутъ не пахло.

Да! тутъ трагизмомъ не пахло — вы правы, сказалъ Иванъ Ивановичъ. Я знаю, что уже подъ конецъ третьяго акта, я желалъ, чтобы исчезла эта великолѣпная и добросовѣстная постановка, вся эта исторически вѣрная поддѣлка костюма и наружности и даже привычекъ главнаго лица... чтобы все это зашѣкнуть хоть на минуту однимъ Мочаловскимъ звукомъ, однимъ вулканическимъ порывомъ. Фу! — какъ низко упалъ Дессуаръ въ сценѣ, гдѣ онъ велитъ трубами заглушить проклятія матери — и какъ ничего не выгорѣло изъ его эффектнаго молчанія по ея уходѣ... У васъ хорошо сохранились въ памяти Мочаловскія представленія Ричарда?

Мочаловскія минуты — да! а представленія, цѣлыя представленія довольно тускло. Я видѣлъ его въ Ричардѣ когда мнѣ было лѣтъ четырнадцать. Правда, что меня съ девяти лѣтъ началъ возить въ театръ — и что я видѣлъ Мочалова во всѣмъ, что ни игралъ онъ, отвѣчалъ я.

Ну-съ — я вѣдь тоже выросъ на Мочаловѣ, — началъ опять Иванъ Ивановичъ — только такъ, какъ я васъ годомъ старше — то и воспоминанія мои нѣсколько опредѣленнѣе. У меня передъ глазами — и безобразный, какой-то полиняло-бланжевый костюмъ Мочалова... припоминаете? и декораціи, которыя такъ же могли представлять Парижъ, Флоренцію, даже Пекинъ — какъ и Лондонъ; предо мною и несчастнѣйшій, выступающій гусинымъ шагомъ Боккингемъ или Буккингамъ, — съ твердѣйшимъ удареніемъ на букву *г* произошло это имя — и Клеренсъ, котораго видимо протрезвляли цѣлые сутки — вѣдь это все было уже давно, очень давно, во времена патріархальныя — и леди Анна такая, что лучше фигуры нельзя было бы желать для жены Гоголевскаго портнаго въ Шинели... И изъ за всего этого вырисовывается мрачная, зловѣщая фигура хромаго демона съ судорожными движеніями, съ огненными глазами.... Полиняло-бланжевый костюмъ исчезаетъ, мажорская фигура растетъ въ исполнскій образъ какого-то змѣя, удава. Именно змѣя: онъ какъ змѣй-прельститель становился хоромъ съ Леди

Анною, онъ магнетизировалъ ее своимъ фосфорически ослѣпительнымъ взглядомъ и мелодическими тонами своего голоса....

Боже мой, что это былъ за голосъ, перебилъ я невольно.... Въ самой мелодичности было что-то энергическое, мужское: не было никогда противной, аффектированно-дѣтской сентиментальности, которая такъ несносна въ разныхъ *jeunes premiers*, не было даже и юношескаго.... Нѣтъ, это была мелодичность тоновъ все-таки густыхъ, тоновъ груднаго тенора, потрясающихъ своей вибраціей.... Ну какъ же вы, Иванъ Ивановичъ, послѣ этого сердитесь на меня, что я не бѣгу смотрѣть какъ угорьный на вашего Сальвини? То, что мы видали съ вами — неповторяемо.

А въ самомъ дѣлѣ, проговорилъ Иванъ Ивановичъ своимъ обычнымъ задумчивымъ тономъ — какія условія долженъ соединять въ себѣ трагикъ для того, чтобы можно было вѣрить въ трагизмъ!...

Разговоръ завлекъ насъ обоихъ такъ, что мы дошли ужъ до Понте della trinita и только тутъ замѣтили, что взяли самую дальнюю дорогу.

Иванъ Ивановичъ вынулъ опять часы, посмотрѣлъ на нихъ съ добродушнѣйшею ироніею, раскрылъ и взглянувши сказалъ: Эхъ! не опоздать бы!

А вы все-таки хотите? спросилъ я.

Да ужъ нельзя же, отвѣчалъ онъ.

Ну, такъ и быть — и я съ вами.

Мы опять пошли по направленію къ piazza del gran Duca.

Шли мы опять такъ же тихо и опять такъ же мало заботясь о томъ, что выбрали самую дальнюю дорогу къ театру Коккомеру.... Надобно вамъ сказать, что мы съ Иваномъ Ивановичемъ всѣ итальянскія названія площадей, улицъ, церквей и проч. склоняли по-русски: такъ Trinita склонялось у насъ Тринита, Триниты, Тринитѣ, Тринитою, о Тринитѣ — Иванъ Ивановичъ импровизировалъ даже разъ въ альбомѣ одной изъ милѣйшихъ соотечественницъ стихотвореніе, начинавшееся:

Когда пройду, я бывало *Гибеллину*

И выбравшись на площадь *Триниту*.

И такъ мы пошли къ театру del Cocomero, спѣша медленно и продолжая прерванный разговоръ.

Вы говорите — условія! началъ я.... Да вотъ что — и я остановился идти и остановилъ Ивана Ивановича за металлическую пуговицу его бархатнаго питжака.... Истинный трагикъ

такая же рѣдкость, какъ бѣлый негръ. Право.... Физиономія у трагика должна быть особенная, голосъ особенный и, *par dessus le marché* — душа особенная.

Но именно *par dessus le marché*, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ. Одной души трагической мало: надобно, чтобъ средства у нея были выразить себя...

А что такое трагическая душа, Иванъ Ивановичъ?

Богъ ее знаетъ, что она такое — отвѣчалъ онъ. Можетъ быть именно то, что вы называете вѣяніемъ...

Да — сказалъ я, почувствовавши себя на своей почвѣ.... Трагикъ какъ Мочаловъ есть именно какое-то вѣяніе, какое-то бурное дыханіе. Онъ былъ цѣлая эпоха — и стоялъ неизмѣримо выше всѣхъ драматурговъ, которые для него писали роли. Онъ умѣлъ создавать высокопоэтическія лица изъ самаго жалкаго хлама: что ему ни давали, онъ — разумѣется, если былъ въ духѣ — на все налагалъ свою печать, печать внутренняго, душевнаго трагизма, печать романтическаго, обаятельнаго и всегда — зловѣщаго. Онъ не умѣлъ играть рыцарей доброты и великодушія... Пошлый Мейнау Коцебу выросталъ у него въ лице, полное почти Байронской меланхоліи, той *mélancolie ardente*, которую надобно отличать отъ меланхоліи, переводимой на языкъ хохлацкаго жарта мехлюдіей....

А изъ Ляпунова-то въ «Скопинѣ Шуйскомъ», что онъ дѣлалъ? съ живостію перебилъ Иванъ Ивановичъ.... Онъ уловилъ единственную поэтическую струю этого дикаго господина — я говорю о Ляпуновѣ драмы, а не о великомъ историческомъ — Прокопѣ Петровичѣ Ляпуновѣ, — онъ поймалъ одну ноту и на ней основалъ свою роль. Эта нота — стихъ:

До смерти мучься.... мучься послѣ смерти!

Ну и вышелепоэтической образъ, о которомъ вѣроятно и не мечталось драмѣ, рассчитывавшей совсѣмъ на другіе эффекты.

То-то и дѣло, — перервалъ въ свою очередь я — Мочаловъ, играя всегда одно *вѣяніе* своей эпохи, бралъ одну *струю* и между тѣмъ игралъ не страсти человѣческія, а лица, съ полною ихъ личною жизнію. Какъ великій инстинктивный художникъ, онъ создавалъ портреты въ своей манерѣ, въ своемъ колоритѣ — и, переходя въ жизнь представляемаго лица, игралъ все-таки собственную душу — т. е. опять таки романтическое вѣяніе эпохи. Коли хотите, можно было критиковать каждое его созданіе — какъ объективное, даже самое лучшее, даже Гамлета. Вѣдь Гамлетъ, котораго онъ намъ давалъ, радикально расходился —

хоть бы напрімѣръ съ Гетевскимъ представленіемъ о Гамлетѣ. Уныло зловѣщее, что есть въ Гамлетѣ — явно пересиливало всё другія стороны характера, въ иныхъ порывахъ вредило даже идеѣ о безсиліи воли, которую мы привыкли соединять съ образомъ Гамлета....

То-то привыкли! — сквозь зубы сказалъ Иванъ Ивановичъ. Помните, у нѣкоторыхъ господъ — разумѣется у мальчишекъ литературныхъ — смѣлость приложенія этой идеи безсилія воли доходила до совершенно-московской хватки, до сопоставленія Гамлета съ Подколеснымъ.... Видѣли вы кстати, какъ разъ играли у насъ Шекспира по комментаріямъ и Гамлета по Гетевскому представленію, доведенному до московской ясности?

Я расхотался какъ съумасшедшій. Память нарисовала передо мной все это безобразіе — и Гамлета, сентиментальнаго до слабоумія, дѣтскаго до приторности, вѣрнаго до мелочности всему тому, что въ Шекспирѣ есть ветошь и тряпки, — до спущеннаго чулка и обнаженной колѣнки — и Офелію, которую доставали нарочно — искали видите чистѣйшей простоты и «непосредственности», — и которая мяукала какіе-то англійскіе народныя мотивы — а главное короля, прелестнаго короля, ходившаго и садившагося по комментаріямъ, толстаго, но съ постной физиономіей, три дня не кормленнаго *Santo-padre*....

Ну вотъ видите, сказалъ Иванъ Ивановичъ, когда я достаточно объяснилъ ему причину своего смѣха.... Вы еще одну прелестную подробность забыли: нѣсколько мальчишекъ, громко разсуждавшихъ въ фойе, о томъ, что въ первый разъ играютъ въ Гамлетѣ челоуѣка, — да положеніе публики, совершенно не знавшей какъ къ этому дѣлу отнестись.... Ну скажите же мнѣ, кто тутъ, въ этомъ до сентиментальности развѣнчанномъ Гамлетѣ, понималъ безсиліе воли и тому подобныя психологическія тонкости.... Да что ужъ Гамлетъ.... Тѣ, которые нерѣдко плакали отъ бывалой Офеліи — талантливой въ сценахъ безумія, хотя отвратительной дурнымъ тономъ до этихъ сценъ безумія, которымъ пѣсни ея были понятны въ музыкѣ инстинктивно-геніальнаго Варламова, — всё эти господа и госпожи находились въ совершенной конфузиі отъ постнаго представленія по комментаріямъ. Мальчишки кричали о невѣжественности публики.... а для кого же, я васъ спрашиваю, театръ существуетъ, какъ не для массы, не для публики?

Разумѣется — отвѣчалъ я — Мочаловъ - то тѣмъ былъ и великъ, что поэзія его созданій была, какъ вѣяніе эпохи, доступна

всѣмъ и каждому — однимъ тоньше, другимъ глубже, но всѣмъ. Эта страшная поэзія закружившая самага трагика, разбиившая Полежаева и нѣсколько другихъ даровитѣйшихъ натуръ, въ томъ числѣ поэта Иеронима Южнаго — эта поэзія имѣла разныя отраженія, въ разныхъ сферахъ общества. Одна изъ глубокихъ чертъ Любима Торцева Островскаго, это то, что онъ жертва Мачаловскаго вліянія: — еще рѣзче нашъ поэтъ выразилъ это въ лицѣ заколоченнаго въ голову до помѣшательства и помѣшавшагося на трагическомъ, Купидони Брускова....

Да-съ.... великій трагикъ есть цѣлая жизнь эпохи, перервалъ Иванъ Ивановичъ. И послѣ этого будутъ говорить, что вліяніе великаго актера мимолетное!

Вы сказали, жизнь.... Не вся жизнь, но жизнь въ ея напряженности, въ ея лихорадкѣ, въ ея, коли хотите — лиризмѣ, Мы были уже между тѣмъ на площади del gran Dusa.

Милостивые государи! Я васъ ничѣмъ не беспокоилъ изъ-за границы — ни разуженіями о вліяніи іезуитовъ и о борьбѣ съ ними Джоберти, — ни благоговѣніемъ къ волосамъ Лукреціи Боржіа, ни Дантомъ — ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ перекладывали изъ старыхъ гробовъ въ новыя множество Медичисовъ и лицомъ къ лицу встрѣтились съ нѣкоторыми изъ нихъ — и ни о чемъ я вамъ не рассказывалъ.... но въ настоящую минуту, только что помянулъ я площадь del gran Dusa — во мнѣ возродилось желаніе страшное сказать о ней нѣсколько словъ, съ полной впрочемъ увѣренностью, что, если вы се не видали, то мой восторгъ отъ нея не будетъ вамъ понятенъ, а если видѣли, то приходили въ восторгъ и безъ меня... А все-таки я даю себѣ волю. Потому что изящнѣе, величавѣй этой площади не найдется нигдѣ — изойдите, какъ говорится, всю вселенную.... потому что другаго Palazzo vecchio—этого удивительнаго сочетанія необычайной легкости съ самою жесткой суровостью, вы тщетно будете искать въ другихъ городахъ Италіи, а стало быть и въ цѣломъ мірѣ. А одинъ ли Palazzo vecchio.... Вонъ на право отъ него — я ставлю васъ на тотъ пунктъ, съ котораго мы съ Иваномъ Ивановичемъ шли въ этотъ вечеръ на площадь — вонъ на право отъ него громадная колоннада *Уффиции*, съ ея великолѣпнымъ заломъ безъ потолка, между двумя частями зданія, съ мраморно-неподвижными ликами великихъ мужей, столь обильной великими мужами Тосканы. Вонъ на право же изящное и опять сурово-изящное твореніе Орканьи — Лоджіа, гдѣ въ дурную погоду соби-

рались нѣкогда старшины флорентійскаго вѣча и гдѣ нынѣ — mutantur tempora — разыгрывается на Святой флорентійская томбола!... Вонъ на лѣво палаццо архитектуры Рафаэля — еще лѣвѣй широкая Кальцайола, Флорентійское Корсо, ведущее къ *Домо*, котораго гигантскій куполъ и прелестнѣйшая, вся въ инкрустаціяхъ, колокольня видѣется издали. А статуи?... Вѣдь эти статуи, выставленные на волю дождей и всякихъ стихій — вы посмотрите на нихъ.... Вся Лоджія Орканьи полна статуями — и между ними зелено-мѣдный Персей Бенвенуто Челлини и похищеніе Сабинокъ.... А вотъ между палаццо Веккіо и Уффиции могучее, хотя не довольно изящное созданіе Микель Анджело, его Давидъ, мечущій пращу, съ тупымъ взглядомъ, съ какою-то бессмысленною, неразумною силою во всемъ положеніи — а вонъ Нептунъ, а вонъ совсѣмъ на лѣво Косма Медичисъ на конѣ, работа Джованни да-Болонья. И во всемъ этомъ такое поразительное единство тона — такой одинаково почтенный, многовѣковъый, серьезный колоритъ разлитъ по всей пьядцѣ, что она представляетъ собою особый міръ, захватывающій васъ подъ свое вліяніе, разумѣется, если вы не путешествуете только для собиранія на мѣстахъ фотографическихъ видовъ и не мечтаете только о томъ, какъ вы будете ихъ показывать по вечерамъ въ семейномъ или даже не семейномъ кружкѣ.... Если вы способны переходить душою въ различные міры, вы часто будете ходить на пьядцу del gran Duca.... Днемъ ли, при яркомъ сіяніи солнца, ночью ли, когда мѣсячный свѣтъ сообщаетъ яркую бѣлизну нѣсколько *потемнѣвшимъ* статуямъ Лоджіи и освѣщаетъ какъ-то фантастически перспективу колонадъ Уффиции.... вы всегда будете поражены цѣлостью, единствомъ, даже замкнутостью этого особеннаго міра, — и когда вы увидите эту дивную пьядцу — чего я вамъ искренно, душевно желаю, въ интересахъ расширенія симпатій вашей души — вы поймете, почему я перервалъ всѣ разсужденія страницей объ одномъ изъ изящнѣйшихъ созданій великой многовѣковой жизни и человѣческаго генія.

Даже и въ этотъ разъ, мы съ Иваномъ Ивановичемъ, по нѣскольку разъ въ день видѣвшіе пьядцу, не могли удержаться отъ того, чтобы не замѣтить эффекта освѣщенія ея вечернимъ свѣтомъ. Замѣтилъ впрочемъ это не я, а онъ, потому что двѣ недѣли его не было во Флоренціи и стало быть его чувство зрѣнія было менѣе притуплено обычными пунктами.

Замѣчали ли вы, что если разговоръ двухъ лицъ прерванъ ка-

кимъ нибудь малоинтереснымъ вмѣшательствомъ третьяго ближняго, его возобновить еще можно, даже иногда довольно легко—душевный строй вашъ остался послѣ такимъ же, какимъ былъ до удара по немъ обухомъ любезнаго ближняго — ибо струны этого страннаго инструмента, называемаго человѣческой душою, чрезвычайно упруги; — но если разговоръ вашъ преуспѣвалъ душевнымъ впечатлѣніемъ, если на струны, необычайно чуткія, подѣйствовала струя инаго воздуха, то надобно быть нѣмцемъ, чтобы опять выкапывать со дна души старое впечатлѣніе, надобно положительно не вѣрить въ жизнь и ея намятія, а вѣрить только въ поставленный вопросъ и въ теорію, изъ *омао* развивающуюся, — надобно имѣть душу-книжку.

Имѣть душу-книжку есть великое благо.... для науки и, спіэнтифическихъ споровъ, но знаете ли, что есть еще большее благо: имѣть душу коммодъ, со множествомъ ящичковъ, изъ которыхъ въ одинъ кладутся старыя тряпки, въ другой кухонные припасы, въ третій то, въ четвертый другое и наконецъ тамъ въ десятый, одинадцатый возвышенныя впечатлѣнія. Все это по востребованію вынимается, потомъ въ случаѣ нужды опять кладется на мѣсто и замѣняется другимъ. Я встрѣчалъ много такихъ душъ, какъ мужскихъ, такъ и дамскихъ. Послѣднія въ особенности чрезвычайно милы, когда устроены коммодами: *c'est très commode* — пошлый каламбуръ, коли хотите, но это въ самомъ дѣлѣ удобно и главное дѣло — душа-коммодъ ни къ чему не обязывается, потому что все въ ней совмѣстимо.

Такъ какъ ни я, ни мой безалабернѣйшій изъ смертныхъ пріятель — не имѣли счастья при рожденіи быть награждены душою-книжкой или душою-коммодомъ, то мы до самаго Кокомера — не пытались продолжать прерваннаго новыми впечатлѣніями.... Вечеръ былъ такъ хорошъ, Кальцойола такъ кипѣла жизнью, контраптовыя ноты груди итальянскихъ женщинъ, звучали такъ полно, попавшаяся намъ синьора Джузеппина, которую мы прозвали «золотою», послѣ поѣздки на церемонію въ Прато, ибо въ самомъ дѣлѣ безъ ея предводительства и наивно-дерзкой расторопности, мы ничего бы тамъ не увидали и въ добавокъ, не попавши на желѣзную дорогу — принуждены были бы ночевать можетъ быть *sur le pavé du bon Dieu*, — синьора Джузеппина такъ обольстительно завязала слегка шею легкой, ярко-красной шелковой косынкой, отъ чего ея черные огненные глаза получили еще болѣе пламенный отливъ.... что мы забыли обо всемъ, кромѣ полногласной, полногрудной, яркой, пе-

строй и простодушной жизни, насъ окружавшей. Мы дышали всѣми порами, мы впили въ себя эти чистыя, еще свѣжія, но уже сладострасно-упонительныя, густыя какъ влага настоящаго Орвиетто струи весенняго воздуха — мы шли отдаваясь какому то страннымъ снать, мѣняясь изрѣдка замѣчаніями на счетъ физиономій попадавшихся намъ женщинъ — и такъ достигли до площади собора, до piazza del Duomo.... Читатель или читательница.... вы уже блѣднѣете — не бойтесь: на сей разъ вамъ не грозитъ никакой опасности. Мы пройдемъ съ вами мимо Duomo, какъ прошли мимо, не обративши даже на него вниманія съ Иваномъ Ивановичемъ....

Миновавши café piccolo Helvetico — Иванъ Ивановичъ замѣтилъ только: что жъ? опять сюда зайдемъ послѣ театра.

Иванъ Ивановичъ!... сказалъ я тономъ упрека. И слово *опять*, употребленное Иваномъ Ивановичемъ и мой тонъ *упрека* объяснятся впоследствии.

Огромный *жестъ* былъ уже у театра Кокомеро когда мы подошли къ нему. Стало быть — надобно было lasciar ogni sperganza заплатить только *интрату* и найти хорошее мѣстечко въ партерѣ. Пришлось брать posto distinto. Надобно вамъ сказать — если вы этого не знаете, а впрочемъ, если и знаете, то не бѣда — что во Флоренціи платится въ театры за входъ, платится интрата. Если вы хотите имѣть нумерованное мѣсто въ первыхъ рядахъ, такъ называемое posto distinto — вы платите за него особенно. Никто почти, кромѣ особенныхъ, высокосторжественныхъ случаевъ, не беретъ этихъ отдѣльныхъ мѣсть. Берутъ, разумѣется, англичане, да нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ — да и то изъ послѣднихъ немногіе, ибо нашъ ужь, ежели раскутится, то беретъ ложу «одинъ въ четырехъ каретахъ поѣдетъ». На этотъ разъ, мы едва однако нашли и posti distinti. По всему видно было, что представление — высокосторжественное. Когда я съ трудомъ досталъ афишу — афишъ тамъ собственно и нѣтъ въ смыслѣ нашихъ и нѣмецкихъ, а есть огромными буквами напечатанныя театральныя объявленія, у меня невольный знобъ пробѣжалъ по составу. На афишѣ стояло: Otello, il moro di Venezia, tragedia di Guglielmo SK (sic!) akspearo — tradotta è ridotta per la scena da Cagnano....

Отелло! Шекспировскій Отелло! Отелло какъ бы онъ ни былъ tradotto è ridotto!

Театръ былъ биткомъ набитъ и притомъ набитъ не той

массой, которая обыкновенно наполняетъ «Церголу» или другіе оперные театры, которой совершенно все равно, чтобы ни представляли — ибо въ то время какъ примадонна поетъ свою лучшую арію, большая часть публики дѣлаетъ по ложа́мъ визиты своимъ знакомымъ. Въ театрѣ Кокомо — чисто-драматическомъ, пьесы не даются по нѣскольку недѣль сряду и на него не смотрятъ какъ на залу какаго нибудь Казино — притомъ же въ немъ и меньше откупныхъ ложъ, стало быть и меньше обычныхъ посѣтителей. Публика, наполнявшая его въ этотъ вечеръ, представляла смѣсь публики Церголовской съ тою живою, подвижною, волнующеюся массою, которую найдете вы во время карнавальнаго сезона во всѣхъ маленькихъ театрахъ, которая жарко и не чинясь сочувствуетъ успѣхамъ или плутнямъ своего *Стинтере.и.о.*, негодуетъ на артистовъ, представляющихъ его враговъ и преслѣдуетъ ихъ часто криками *o! scelerato...* Я обрадовался этой публикѣ, волновавшейся и жужжавшей какъ рой пчелъ и сядя на свое *posto distinto*, замѣтилъ о ея присутствіи Ивану Ивановичу.... До начала представленія оставалось еще четверть часа — и такъ какъ ложи Бенуара и бельэтажа по общепринятому въ большомъ свѣтѣ всѣхъ странъ порядку, наполняются только въ началѣ представленія — да и вообще-то эти два ряда ложъ перестали уже насъ съ нимъ интересовать, то мы съ нимъ и стали прислушиваться къ тому громкому и рѣзкому жужжанію, которое неумолкая раздавалось позади. Объ этомъ жужжаніи не можно составить себѣ и понятія, не бывши въ Италіи. Въ выраженіи чувствованій, даже самыхъ домашнихъ никто тутъ не церемонится. Говоръ въ театрахъ, особенно до начала представленія гораздо живѣе, чѣмъ въ кофейняхъ. Оно и понятно почему. Публика, платящая только *м-трату*, забирается пораньше большею частью цѣлыми компаніями, запасаящимся возами апельсиновъ, сушеныхъ фигъ, миндаля и грецкихъ орѣховъ. О милая простодушная и энергическая масса! какъ мы съ Иваномъ Ивановичемъ полюбили ее въ карнавальнѣй сезонъ, полюбили все въ ней отъ рѣзкихъ, нѣскольکو декорационныхъ очертаній ея фізіономій и картинной закладки итальянскаго плащика до ея простодушной грубости въ отношеніяхъ — грубости, въ которой право затаено больше взаимнаго уваженія людей другъ къ другу, чѣмъ въ гладкости Французовъ и чинной приторности Нѣмцевъ: — я говорю это на счетъ театральнаго массы и при томъ партерной. Она своимъ простодушіемъ напоминала намъ нашу массу райка — какъ и во-

обще многія черты типическаго, не стертаго итальянскаго характера напоминали намъ иногда черты славянскія.... Мы только выдержаннѣе или задержаннѣе, потому на видъ суровѣе, но внутренне мы страстны какъ южное племя: страстность наша не выдѣлалась въ типы, въ картинность движеній и опредѣленность порывовъ—и намъ же конечно отъ этого лучше:—передъ нами много впереди!...

Объ этомъ мы прежде уже успѣли наговориться вдоволь съ Иваномъ Ивановичемъ и потому въ эту минуту молчали, прислушиваясь только къ общему жужжанію — вслѣдствіе чего оно въ ближайшихъ позади насъ рядахъ, все болѣе и болѣе переходило для насъ въ явственный говоръ.... Женскіе голоса особенно сильно звенѣли въ этомъ говорѣ грудными нотами или ворковали тѣми горловыми звуками, которые даны только Итальянкамъ и Цыганкамъ.... Иванъ Ивановичъ не утерпѣлъ однако чтобы въ десятый можетъ быть разъ не указать мнѣ на дѣйствительно поразительное сходство женщинъ этихъ двухъ различныхъ племенъ. Для него, четверть жизни проведеннаго съ цыганскими хорами, знавшаго ихъ всѣ, отъ знаменитыхъ до хорова Марьиной роци и до дикихъ таборовъ, кочующихъ иногда около Москвы за Серпуховскою заставою, нарочно выучившагося говорить по цыгански до того, что онъ могъ безопасно ходить въ эти таборы и быть тамъ принимаемымъ какъ истинный «Романэ Чаво» — для него это была одна изъ любимыхъ тѣмъ разговоровъ.... Подходили ли мы съ нимъ въ *Уффичи* къ одной изъ картинъ Бассано, изображающей итальянское семейство за ужиномъ — онъ не могъ обойтись безъ того, чтобы не обратить моего вниманія на женщинъ съ мандолинами и въ особенности на дѣйствительно цыганскій типъ лица старухи и при этомъ случаѣ замѣчалъ, что у молодыхъ цыганокъ черты лица тоньше итальянскихъ — чисто декорационныхъ чертъ, теряющихъ много на близкомъ разстояніи — и что только старухи цыганки совсѣмъ похожи на старухъ итальянскихъ.... Бывали ли мы съ нимъ въ одномъ изъ оперныхъ театровъ — онъ доходилъ до того, что начиналъ уже звать труппу Перголы хоромъ Ивана Васильева, труппу Пальяно, хоромъ Петра Соколова, а маленькую труппу Боргоньизанти, гдѣ однако былъ удивительно даровитый и ловкій комикъ баритонъ, да прелестный и свѣжій, хотя еще не вышѣвшійся сопрано молоденькой примадонны — однимъ изъ безвѣстныхъ хоровъ Марьиной роци, откуда вербуются часто контраalto какой либо Стеши или Ма-

пи — козлика.... Сначала, разумѣется, мнѣ странно было слушать его парадоксы, потому я къ нимъ привыкъ и самъ, большой любитель племени Цыганъ и ихъ пѣнія, пересталъ оскорбляться сравненіемъ двухъ расъ съ истинно-прирожденною музыкальностью, хотя можетъ быть и неравною. Онъ и теперь не прочь былъ бы пуститься рыскать по одному изъ любимыхъ полей, тѣмъ болѣе, что домашнія тайны двухъ синьоръ, гдѣтъ уже довольно зрѣлыхъ и разсказъ ихъ о томъ какъ мужъ засталъ синьору Аннунціату съ синьоромъ Винченцо и что изъ сего воспослѣдовало, интересовалъ насъ довольно мало.... но раздался звонокъ къ поднятію занавѣса. Странно, что мы тутъ только замѣтили отсутствіе оркестра и нашу близость къ сценѣ. Какъ то, такъ и другое, намъ чрезвычайно понравилось. Къ Шекспировскому Отелло не шла бы ни Fioga polka, ни даже — да проститъ мнѣ великій итальянскій маэстро! — Россиніевская увертюра къ оперѣ: въ ней не слыжать Яго, какъ не слыжать его въ самой оперѣ. Передъ Шекспиромъ давайте либо Бетховенскую музыку, либо ужъ вовсе никакой не нужно!... По крайней мѣрѣ согласитесь, что ужъ polka Fioga вовсе не шла бы, тѣмъ болѣе, что публика не удержалась бы не подкрикнуть единодушно въ ея серединѣ оркестру — ибо это — polka съ крикомъ, полька ярмарки, какъ показываетъ самое ея названіе.

Занавѣсъ поднимался и къ сожалѣнію съ препятствіями — въ верху зацѣпился за что-то и партерная толпа дружно и навивно хохотала надъ его безплодными усиліями.

Какъ бы, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ, — въ былую пору, въ *умозрительную* пору молодости мы съ вами негодовали на этотъ хотеть массы!

А вамъ и онъ нравится? спросилъ я, самъ уже впрочемъ свободный отъ *классическаго* негодованія.

Какъ все живое и простое, отвѣчалъ онъ. Я былъ разъ свидѣтелемъ въ Берлинѣ подобнаго же происшествія — и признаюсь я вамъ, не смотря на всѣ желанія, проникнутъ глубочайшимъ уваженіемъ къ невозмутимой серьезности Нѣмцовъ, приготовлявшихся *проштудировать* Гамлета — не могъ видѣть въ этомъ ничего, кромѣ отсутствія живой комической струи.

Да вѣдь вы сами больше трагикъ, чѣмъ комикъ по душѣ, Иванъ Ивановичъ?

Да вотъ, я трагикъ, какъ вы говорите и между тѣмъ.... но послѣ, т. е. слушайте!...

Прежде чѣмъ слушать, я хотѣлъ однако видѣть.

Декорации были просты, но дѣлали ихъ художникъ а не мастеровой, ибо они дышали Венеціей и ни одна черта не нарушала Венеціанскаго впечатлѣнія.... Сначала, слушая разговоръ Яго и Родриго, я желалъ только дознаться — поэтъ или мастеровой возвращалъ Отелло на почву Италіи: какъ только оказалось что поэтъ, т. е. такой человѣкъ, который чувствуетъ и передаетъ типъ лица, то я на этотъ счетъ совершенно успокоился....

Актеръ, игравшій Яго, былъ далеко не трагикъ — но съ перваго раза видно было что онъ человѣкъ умный. Ни злодѣйской выступки, ни нахмуренныхъ бровей.... ничего подобнаго. Это былъ просто человѣкъ лѣтъ тридцати, продувная итальянская бестія, съ постоянно юмористическимъ отбѣнкомъ въ обращеніи съ Родриго — этимъ загулявшимъ совсѣмъ синьоромъ, — готовый самъ загуливать съ нимъ, только конечно не на собственный счетъ, шатавшійся съ нимъ по всѣмъ возможнымъ albergo, trattoriaмъ и темнымъ кьяссо, — an Ruffian — какъ зоветъ его Брабанціо. Когда онъ заговорилъ о мстительномъ чувствѣ своемъ къ Мавру, въ его рѣчахъ послышался самый искренній, но опять-таки нѣсколько не напряженно трагическій тонъ итальянской прирожденной вендетты — и это нѣсколько меня смутило. Когда-то я былъ убѣжденъ и даже писалъ о томъ, что у Яго нѣтъ *личнаго* мщенія къ Отелло, что поводы его мстить основаны съ одной стороны на дѣлѣ ничтожномъ, на повышеніи передъ нимъ Кассіо, да на подозрѣніи — чисто имъ самимъ выдуманномъ на счетъ того, что Мавръ осквернилъ его супружеское ложе, что Яго ненавидитъ Мавра инстинктивно, непосредственно, какъ все мелочное и низкое ненавидитъ все широкое и великое, что въ Яго есть начало змѣи, ехидны. Когда разъ я говорилъ объ этомъ съ Иваномъ Ивановичемъ, онъ расхохотался и назвалъ мою мысль нѣмецкимъ умозрѣніемъ и вдобавокъ еще оскорбленіемъ Шекспира, который ищетъ всегда для зла пружинъ, чисто человѣческихъ, а не демонскихъ — въ Ричардѣ уродства и безобразія соединенныхъ съ ужасною энергіею души: въ Макбетѣ величія, по истинѣ достойнаго перваго мѣста съ слабостью души, не могущей устоять противъ самолюбія и противъ внушеній жены, — въ Яго мельчайшей *чиновничьей* раздражительности, соединенной съ громаднымъ своей плутоватостью умомъ, сознающимъ свое превосходство въ дѣлѣ мошенничества, до артистическаго имъ воспи-

щенія... И вотъ итальянскій актеръ, не Богъ знаетъ какъ даровитый, но очень умный и играющій искренне какъ итальянецъ — выполнялъ передо мною не моего, а скорѣе Иванъ Ивановича Яго.... Представленіе становилось поучительнымъ. Оно и не могло быть впрочемъ иначе. Отелло возвращался на почву съ которой былъ взятъ, на ту грубую можетъ быть почву, но во всякомъ случаѣ коренную его почву, на которой выросъ его Giraldi Cintio въ своей новеллѣ *del capitano Moro chi prende per Mogliera una cittadina Venetiana et caet.* Яго рося не какъ трагикъ, а какъ умный актеръ съ каждымъ шагомъ въ разговорѣ съ Родриго. — умѣлъ ловко и жизненно выставить всѣ итальянскія стороны характера. Сцена съ Брабанціо — старикомъ, который только что сорвался какъ будто со стѣнъ галлерей портретовъ праотцевъ владѣльца одного изъ Итальянскихъ палаццо, прошла такъ же благополучно, т. е. въ нее можно было повѣрить какъ въ настоящее, совершившееся событіе....

Но вотъ перемена декораціи — и показался самъ Отелло. Громъ рукоплесканій привѣтствовалъ трагика.... Флоренція уже знала его — но еслибъ и не знала, то есть такія наружности и такіе *входы*, при которыхъ рукоплесканія совершенно понятны. Изящнѣе, величавѣе и стройнѣе наружности я еще не видывалъ — это было нѣчто среднее между исполнскимъ ростомъ Каратыгина и очень среднимъ Мочалова — на гриммированной по условіямъ роли физиономіи, ярко сверкали огненные глаза — и кромѣ того это была не безобразная физиономія Хамита — негра, а открытая благородно-спокойная и, не смотря на зрѣлый возрастъ, прекрасная, хотя бронзовая физиономія Симиита-Мавра. Въ поступи, въ движеніяхъ видна была исполненная сознанія достоинства простоты сына степей, соединенное съ образованностью средневѣковаго итальянскаго генерала. Костюмъ его былъ великолѣпенъ; — яркіе цвѣта Востока играли въ немъ значительную роль, но между тѣмъ это былъ не турокъ, не арабъ, а венеціанецъ, сохранившій только нѣкоторыя изъ привычекъ востока, въ манерѣ *одѣваться*.... Все это условія весьма важныя, ибо все это поясняетъ магическое обаяніе, которое произвелъ онъ на Дездемону.

Покажѣсть, только еще и можно было сказать о трагикѣ — да можетъ быть и хорошо было то, что только еще и сказать было можно. Такъ уже надоѣли мнѣ разные Отелло, появляющіеся съ громомъ и трескомъ, что на меня довольно сильно подѣйствовала простота Сальвини.... Въ разговорѣ его съ Яго,

съ Кассіо — было такое отсутствіе желанія напрашиваться на рукоплесканія, а въ разговорѣ съ Брабанціо, такая почтительная и достойнаго зрѣлаго человѣка вѣжливость къ оскорбленному имъ старику, — что цивилизованный уже Мавръ и многоиспытанный вождь являлся въ немъ очевидно и ярко...

Но вотъ и зала Сената, вотъ и почтенный старецъ, дожъ Венеціи, — все это настоящее, какъ зала сената, все это костюмированное сообразно эпохѣ, говорящее важно, степенно, но по человѣчески, двигающееся по сценѣ совершенно свободно и знающее свое мѣсто. А между тѣмъ, — никакой особенно роскошной обстановки тутъ не было — да и откуда бы очень небогатый театрикъ Кокомеро взялъ роскошную обстановку? были тутъ только итальянское художественное чутье, да итальянская почва. Однаго только не могъ я никакъ понять: какой добрый духъ внушилъ итальянцамъ играть Шекспира, такъ просто, имъ, ломающимъ трагедіи въ пьесахъ Альфьери — не могущимъ напечатать аффишки, безъ штуки въ родѣ *tragedia del immortale Alfieri*, или *comedia del immortale Goldoni*, не могущимъ продать зубнаго эликсира, безъ пластическихъ размахиваній руками и необузданнаго потока напыщенныхъ рѣчей?... Да — какой-то добрый духъ вмѣшивался видимо въ представленіе Отелло.... Только Дездемона не соотвѣтствовала Шекспировскому идеалу, потому что была чистая, кровная итальянка средней и южной Италіи, а не рыжая, или бѣлокурая венеціанка — она была слишкомъ пластична, слишкомъ рельефна, а не легка, граціозна и прозрачна, какъ всѣ Шекспировскія женщины, кромѣ Джульеты и безъ исключенія нервной и разбиваемой преступленіемъ Леди Макбетъ. Самый тонъ ея звучалъ излишнею страстностью и густотою контральтовыхъ нотъ, а въѣдъ Шекспиръ ясно говоритъ объ одномъ изъ своихъ поэтическихъ идеаловъ:

Голосъ

У ней былъ нѣжный, тихій и пріятный

— Вещь въ женщинѣ прелестная.

Нѣтъ-нѣтъ — какая была это Дездемона, «ліана обвившаяся около мощнаго дуба», (слова поэта, о другомъ его идеалѣ, который онъ поставилъ въ комичнѣешее положеніе обвиваться плющемъ или ліаною вокругъ ослиной шеи). Въ такой энергической и итальянски-прямой передъ сенатомъ женщинѣ — во все не понятны ни ея послѣдующее легкомысліе чистоты, ни ея кошачьи пристаиванья къ Отелло — ни то сѣверно-меланхоличе-

ское, чѣмъ окруженъ ея образъ въ сценѣ пѣсни объ ивѣ и въ сценѣ смерти.

Я однако съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать знаменитаго объясненія передъ сенатомъ. Вотъ выступилъ и Отелло: странно—но онъ не произвелъ тутъ на меня впечатлѣнія — не смотря на всѣ удивительныя, то мелодическія, то металическія звуки его голоса.... Мнѣ все казалось и доселѣ еще я думаю, казалось вѣрно, — что *такъ* можно и пожалуй должно читать октавы Тасса, но не эту задушевную исповѣдь, представляющую собою одинъ изъ вѣнцовъ Шекспировскаго драматическаго лиризма, исповѣдь, въ которой все правда — и простота тона и обиліе восточныхъ метафоръ. Одно было хорошо, что Сальвини тутъ не ярился, какъ ярятыя другіе Отелло.... И мнѣ опять припомнилось одно изъ удачныхъ представленій Мочаловскихъ, въ которомъ именно эта исповѣдь высказалась такими глубоко-вѣрными тонами, послѣ которыхъ никакія другіе не вообразимы — хоть правду сказать, бывали другія представленія, когда и нашъ великій трагикъ фальшивилъ въ ней ужасно....

Но не только уже мало впечатлѣнія, а впечатлѣніе дурное произвела на меня сцена съ Дездемоною, передъ уходомъ. Завучали какія то приторныя, слишкомъ юношескія ноты....

Я сталъ внимательно прислушиваться и приглядываться къ заключительной сценѣ Яго съ Родриго. Яго велъ ее очень умно — мастерски скрылъ даже рѣзкости Шекспировской формы—безпрестанное упоминаніе кошелька, игралъ отлично въ итальянски-трагирномъ тонѣ, — который, между прочимъ, очень близокъ къ нашему, ловко и съ *подходцемъ* издѣвался надъ Родриго: но вѣдь этого мало — тутъ у Яго есть заключительный монологъ!... Пусть и правъ Иванъ Ивановичъ, пусть мстительность и зависть составляютъ пружины дѣйствій Яго, — но онъ способенъ быть *артистомъ* зла, способенъ любоваться своей адской расчетливостью, своимъ критическимъ предвѣденіемъ; тутъ уже не просто мошенникъ, а софистъ, который порѣшилъ для себя всѣ сомнѣнія и колебанія, окончательно отдался злему началу. Тутъ уже нуженъ трагикъ....

Актъ кончился. Мы съ Иваномъ Ивановичемъ молча вышли изъ *posti distinti* и молча же пошли въ театральную кофейню, сальнѣе и грязнѣе которой едвали найдется гдѣ либо другая въ цѣломъ мірѣ, исключая опять-таки Флоренцію, — ибо кофейня театра Боргоньиссанти еще краше этой.

Сохраняя то же молчаніе, Иванъ Ивановичъ подошелъ къ бу-

фету, — *вонзилъ* въ себя (я вообще желаю сохранить для потомства многія его выраженія) рюмку коньяку, — *застынулъ* оную апельсинамъ, выбросилъ *навсгъ* (т. е. паоло) и оборотился ко мнѣ.

Вы говорили мнѣ, началъ онъ, продолжая ѣсть апельсинъ, — что я трагикъ. Пожалуй такъ — но я трагикъ такого сорта, что пониманіе трагическаго у меня идетъ объ руку съ пониманіемъ комическаго. Мнѣ смѣшны тѣ люди, которые восторгаются Рафаэлемъ и не понимаютъ Фламандцевъ: по моему они и Рафаэля-то не понимаютъ.... А трагизмъ ходульный мнѣ смѣшнѣе, чѣмъ кому либо другому — вы это знаете.... Да! да! продолжалъ онъ съ жаромъ — много нужно трагизма для того, чтобы можно было повѣрить въ трагизмъ.

Одинъ актеръ, мой пріятель, началъ я, — большой мастеръ на рассказы, удивительно представляетъ провинціального трагика. Его рассказъ — этотъ рассказъ я слышалъ передъ самымъ отъѣздомъ за границу и онъ уцѣлѣлъ у меня въ памяти, вмѣстѣ съ послѣднею сходкою множества разѣзжавшихся въ разныя стороны друзей.....

Господи! вы и говорить наконецъ привыкаете такими же несносно-длинными періодами, какими иногда пишете — перебилъ съ нетерпѣніемъ Иванъ Ивановичъ.... Ну-съ... его рассказъ — вѣдь въ немъ дѣло, а не въ вашихъ пріятеляхъ.... Но постоитъ.... я пройдуъ еще по *коньячиллль*.

Иванъ Ивановичъ! началъ было я съ упрекомъ, но видя, что онъ уже свое дѣло кончилъ мгновенно, я ограничился только замѣчаніемъ на счетъ того, что онъ зараженъ въ выраженіяхъ топомъ Яго и Родриго.

Рассказъ его, продолжалъ я за тѣмъ, произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Не могу вамъ передать всего комизма его, ибо много комизма пропадетъ за отсутствіемъ мимики и интонацій. Пріятель мой отлично представлялъ какъ трагикъ, — Ляпуновъ, рычавшій нестерпиво въ четвертомъ актѣ Скопина Шуйскаго, рычитъ еще и по закрытіи занавѣса, рычитъ въ уборной, рычитъ когда его вызываетъ бѣснующаяся публика и т. д. — какъ онъ потомъ напивается у содержателя, ругаетъ его, недовольный имъ за его несправедливости и подлости — ибо трагики безъ негодованія на несправедливости и подлости существовать не могутъ — и подъ конецъ, въ злобѣ на невѣрность первой трагической артистки — скусьиваетъ ей носъ на прощанье.... Всѣ мы хохотали до судорогъ, но мнѣ все

приходила въ голову мысль, — что вѣдь это только комическое представление чертъ, которыя существуютъ и — можетъ быть должны существовать въ истинномъ, великомъ трагикѣ; мнѣ приходилъ въ голову великій трагикъ, котораго я зналъ лично... Какъ вы думаете, *спросить ли и въ какой степени вѣрить трагикъ въ представляемыя имъ душевныя движенія?*...

Ну это длинный вопросъ.... пойдете, пора — сказалъ Иванъ Ивановичъ.... Должно быть начинаютъ, видите, никого не осталось въ кофейной....

А что жъ Сальвини, спросилъ я не уходя.

Ничего: посмотримъ! отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.... Мнѣ что то доброе сдается.

И мнѣ, сказалъ я.

Въ задній планъ сцены уже колотили что есть мочи чурбанами, что обозначало пальбу изъ пушекъ, когда мы вошли—значитъ прибыли корабли въ Кипръ. Садясь, мы застали уже на сценѣ Кассио, Монтано и прочихъ. Потомъ, какъ слѣдуетъ, явились Яго и Дездемона — и кстати, знаете ли что это имя произносится Итальянцами не Дездемона, какъ мы произносимъ и какъ выходитъ по складу стиха у самаго отца ея, а Дездемона?— Половина остротъ и кунлетовъ Яго была выброшена — да я объ нихъ и не жалѣлъ — ихъ надо или передавать съ солью, понятной для современной публики, или лучше вовсе выбрасывать. Явился Отелло и я былъ опять пораженъ его наружностью и новой костюмровкой, — уже совсѣмъ вопиющей, но опять изящной безъ изысканности. Нѣсколько словъ къ Дездемонѣ были сказаны такъ душевно и такъ мелодически, звучали такою пламенной страстью, что все вмѣстѣ оправдывало увлечение молодой Венеціанки пятидесятилѣтнимъ сыномъ степей, бурь и битвъ.... Онъ былъ чудно хорошъ съ своимъ коричневымъ лицомъ, съ высокимъ, изрытымъ морщинами челомъ подъ чалмою, обвинявшей блестящей стальной шлемъ, съ своими пламенными глазами, въ бѣломъ плащѣ, изъ подъ котораго сверкали латы.... Толпа снова встрѣтила его взрывомъ — и въ самомъ дѣлѣ такъ просто — величаво умѣть входить только онъ.... *Vogrei amarg lo un gioigno è poi morir!*... говорила мнѣ потомъ синьора Джузеппина.

Дальнѣйшія сцены по уходѣ его до вторичнаго его появленія шли гладко и не оскорбляли ничѣмъ фальшивымъ — хотя Яго началъ все болѣе и болѣе оказываться несостоятельнымъ въ нихъ какъ трагикъ — да и признаться, я видѣлъ только

одного *состоятельнаю* Я:о, именно М** (я не хочу льстить никому изъ живыхъ нашихъ), когда онъ игралъ съ покойнымъ К**ну да М** играетъ и Гамлета, играетъ *не парочно а заправду!* Я помню зловѣщее, мрачное, злорадостное выраженіе лица его и всей фигуры, когда онъ напаиваетъ Кассіо и поетъ пѣсню о *серебряной царочкѣ*.... За то цѣлость всего была болѣе, чѣмъ удовлетворительна и вся исторія походила на жизнь а не на театральное позорище — а вѣдь великое дѣло цѣлость: безъ цѣлости исчезала для массы и игра, хоть бы помянутаго мною М**; безъ *цѣлости* обстановки могъ играть только Мочаловъ и вообще могутъ играть только гении первой величины.... Съ ними какъ то все забывается, всякое безобразіе исчезаетъ — и я помню что никому не было смѣшно когда великая Паста пѣла по Итальянски, а хоры отвѣтствоваги ей по Русски:

Здравствуй здравствуй о царица,
Здравствуй, здравствуй красная!...

Въ представленіи, которое я описываю — все шло очень живо, благодаря художественной натурѣ итальянцевъ и какому-то доброму гению, внушившему актерамъ играть Шекспира, какъ они играютъ своего *immortale Goldoni*. Самая драка Монтано съ Кассіо вышла отлично, вышла такъ, что могла разбудить Отелло, вырвать его изъ объятій его обожаемой Дездемоны.

Явился *самъ* — и это появленіе *самаго*, дѣйствительно могло заставить *прильпнуть языкъ къ гортани*. Вы знаете, что не многогѣчивъ тутъ Отелло, но немногія рѣчи его были по истиннѣ грозны, — а лучше-то всего что и появленіе и рѣчи вовсе не рассчитывали на эффектъ. Старый Венеціанскій генералъ *задалъ страху* своимъ подчиненнымъ и только, — но всѣ повѣрили тому, что онъ задалъ имъ страху. И вновь мелодически-страстные тоны, но въ которыхъ звучало еще не стихшее раздраженіе, раздались при появленіи Дездемоны.... Я увѣрился, что всего этого нельзя было *сдѣлать*, что это рождено вдохновеніемъ — что сей господинъ играетъ, по удачному выраженію Писемскаго — *нервами, а не кровью*. — Иванъ Ивановичъ взялъ меня подъ руку по концѣ втораго акта (что означало у него особенное, лирическое расположеніе) и мы опять направились въ кофейню.

Ну-съ!... сказалъ онъ, поглядѣвши на меня съ торжествомъ.

Да-съ! отвѣчалъ я ему, не употребивши даже обычнаго между нами присловья, что *Nuss* по нѣмецки значитъ орѣхъ.

Этимъ разговоромъ мы и ограничились.... Иванъ Ивановичъ

выпилъ еще одну рюмку коньяку, на что я смотрѣлъ съ горькимъ чувствомъ неудовольствія — ибо зналъ по многократнымъ опытамъ, что подобная быстрота дѣятельности весьма на долго не предвѣщала ничего хорошаго; — впрочемъ не приступалъ къ нему съ совѣтами и укорами, по причинѣ ихъ совершенной и по опытамъ же дознанной бесполезности. Зная притомъ, что онъ *огасалъ* — какъ онъ выражался — очень не скоро, я на счетъ сегоднешняго вечера оставался покоенъ. Его *заулы* длились обыкновенно по цѣлымъ недѣлямъ, но только къ концу ихъ приходилъ онъ въ то нервическое состояніе, въ которомъ человѣкъ бываетъ способенъ видѣть существа инаго міра, большею частію въ образѣ зеленого змѣя, или маленькихъ дразнящихъ языками бѣсенятъ.... Въ первыя же поры онъ доходилъ только до трагизма, до мрачной хандры, чтенія стиховъ изъ Лермонтовскаго маскарада и безсвязныхъ, но ядовитыхъ воспоминаній.

Мы вышли изъ кофейной скоро — третій актъ еще не начинался, а такъ какъ въ залѣ театра было душно, — то мы прошли еще по корридорамъ, все такъ же впрочемъ молча.

Вотъ тутъ-то и встрѣтилъ я *золотую* и милѣйшую синьору Джузеппину. Глаза у нея рѣшительно разгорѣлись — узелъ красной косынки на ея смуглой, но совершенно — античной шеѣ переѣхалъ какъ-то на бокъ, густая труба лѣваго локона находилась въ наиблизжайшемъ разстояніи отъ глаза, тогда какъ правая сохраняла законную близость къ уху. Она была истинно прекрасна въ эту минуту — и хотя шла объ руку съ двумя другими синьорами, но бросила одну изъ нихъ и энергически схватила мою руку.

L'avete gia veduto, signor A.... спросила меня она, сверкнувши взглядомъ. Я отвѣчалъ, что еще нѣтъ, что вижу въ первый разъ — но что понимаю ея восторгъ.

Вотъ тутъ-то, стиснувши мнѣ руку и наклонившись ко мнѣ, чтобъ не слыжалъ Иванъ Иваносичъ, котораго она мало знала — и сказала она мнѣ сладострастнымъ шопотомъ: О! — любить его хоть день и потомъ умереть.... Фраза, коли хотите, совсѣмъ оперная, избитая — но потому-то она такъ и избита въ оперныхъ либретто что живетъ въ душѣ итальянской женщины.... Джузеппинѣ нужно было только кому нибудь сказаться — и сказавшись, она тотчасъ же меня бросила.

Да и намъ пора было идти.

По обыкновенію, выпущены были первыя сцены третьяго акта — и онъ началъ былъ прямо съ разговора между Деэде-

моной, Эмилией и Кассіо. Отелло вошелъ опять въ новомъ, т. е. домашнемъ костюмѣ и безъ чалмы — такъ что тутъ только можно было вопліѣ оцѣнить всю выразительность физиономіи Сальвини. Да и зачѣмъ Отелло будетъ носить чалму у себя въ комнатахъ?... Ему предстояла тутъ огромная задача: провести въ разговорѣ съ просящей за Кассіо Дездемоной тревожную ноту страннаго чувства, заброшеннаго въ его душу замѣчаніемъ Яго: «это мнѣ не нравится». Обыкновеннымъ нашимъ трагикамъ это очень легко — они *ялятся* съ самаго начала, ибо понимаютъ въ Отелло одну только дикую его сторону. Но Сальвини показавъ въ Отелло человѣка, въ которомъ духъ уже восторжествовалъ надъ кровью, — котораго любовь Дездемоны замприла со всѣми претерпѣнными имъ бѣдствіями.... У него какъ то нервно задрожали лице и губы отъ замѣчанія Яго и только нервное потрясеніе внесъ онъ въ разговоръ съ Дездемоной, — онъ еще не сердился на нее за ея докучное и дѣтское приставанье къ нему, онъ порой отвѣчалъ ей только какъ то механически и было только видно, что замѣчаніе Яго его не покидаетъ ни на минуту.... Но не знаю какъ чувствовали другіе, а по мнѣ пробѣжала холодная струя.... Звуки уже разстроенныхъ душевныхъ струнъ, но не порывистые, а еще тихіе послышались въ восклицаніе «чудное созданіе.... проклятіе душѣ моей, если я не люблю тебя.... а если разлюбю, то снова будетъ хаосъ».... Вся, безрадостно до встрѣчи съ Дездемоной прожитая жизнь, всѣ тѣ чувства, съ которыми утопающій хватается за доску — за единственное спасеніе и все смутное сомнѣніе послышались въ этой нервной дрожи голоса, видѣлись въ этомъ мракомъ скорби подернувшемся лицѣ.... И потомъ въ началѣ страшнаго разговора съ Яго, онъ все ходилъ, сосредоточенный, не возвышая тона голоса и это было ужасно.... Временами только вырывались полувопли.... Когда вошла опять Дездемона, — все еще духъ мучительно торжествовалъ надъ кровью, — все еще хотѣлось бѣдному Мавру удержать руками свой якорь спасенія, впиться въ него зубами если измѣнять руки.... О! только тотъ, кто жилъ и страдалъ, пойметъ эту адскую минуту послѣднихъ, отчаянныхъ, неестественно-напряженныхъ усилій удержать тотъ міръ, въ которомъ душа прожила блаженнѣйшіе сны!... Вѣдь съ вѣрою въ него разстаться тяжело и не скоро разстанешься: даже въ полуразбитой вѣрѣ еще будетъ слышаться глубокая, страстная нѣжность.... Она-то, эта нѣжность, но соединенная съ жалобнымъ, безпредѣльно грустнымъ выраженіемъ

прорвалась въ тихо сказанномъ «Andiamo!» (Пойдемъ) — и отъ этого тихаго слова застонала и заревѣла масса партера, а Иванъ Ивановичъ судорожно сжалъ мою руку. Я взглянулъ на него. Въ лицѣ у него не было ни кровинки....

Онъ, онъ!... Шепнулъ мой пріятель съ лихорадочнымъ выраженіемъ.

Кто онъ?...

Мочаловъ!...

Да это точно былъ онъ, нашъ незамѣнимый, онъ въ самыя блестящія минуты.... Мнѣ здавалось, что самъ полъ дрожалъ нервною подъ шагами Сальвини, какъ нѣкогда подъ шагами Мочалова.

Мы ждали его снова, слушая впрочемъ Яго и Эмилию.... ибо таково свойство артистической игры что она вводитъ человѣка во всю драму какъ въ нѣчто живое

Когда онъ явился съ словами: «Ah! donna infida... это былъ уже другой человѣкъ. Процессъ совершился въ душѣ.... ядъ вошелъ въ нее.... и что было въ этой сценѣ съ Яго, — какъ отъ стонувъ разбитаго сердца и мрачной сосредоточенности перешелъ онъ къ тому волю и прыжку, разъяреннаго тигра, съ которыми душилъ онъ Яго, какъ все успливались и усиливались эти ярые вопли, этотъ звѣриный ревъ — этого словомъ передать нельзя. Все въ театрѣ приковалось взорами къ актеру.... все слѣдило за нимъ жадно, не переводя дыханія.... Онъ мучилъ насъ по всей своей волѣ, не давая отдыху — до той минуты, когда они съ Яго упали на колѣна, произнося клятву. И какъ они упали на колѣни! — Какъ естественно и вмѣстѣ какъ итальянски — художественно!... Всюду была красота страсти и страданія — то идеальное преображеніе, которое, бывало изъ малорослаго Мочалова, дѣлало какой-то гигантскій призракъ.

Послѣ этой сцены можно было актеру *упасть* и онъ все-таки остался бы высокимъ актеромъ — но гениальныя натуры создаютъ роль пѣльно.... И въ сценѣ съ Дездемоной, въ ласканіи ея руки, волшебникъ нашелъ въ своей натурѣ средства терзать сердца зрителей. Что это было такое? на половину человѣкъ, глубоко разбитый, на половину тигръ, притаивающій тщетно свою ярость и раздражающійся наконецъ всѣмъ неистовствомъ въ вопросахъ о платкѣ.... А главное — главное, — что впечатлѣніе не перерывалось, что одна и таже струя пробѣгала по нрѣ въ теченіе пѣлаго акта, держала васъ подъ такимъ вліяніемъ, что порою, рѣшительно захватывалось дыханіе! Что это

все, однимъ словомъ, не *дѣлалось*, не сочинялось, а рождено было однимъ бурнымъ вдохновеніемъ....

Мы вышли какіе-то отуманенные.... Иванъ Ивановичъ не пошелъ даже въ буфетъ — и мы ходили съ нимъ по корридолу, ни на кого не смотря, никого не замѣчая и даже не передавая другъ другу своихъ впечатлѣній.... Что тутъ комментировать.... Дѣло было совершенно ясное и простое. Волканическая натура, въ соединеніи съ высокой артистичностью, можетъ дѣлать чудеса — и такое чудо пронеслось передъ нами, обвѣяло насъ какимъ-то знойнымъ и бурнымъ дыханіемъ. Въ головѣ бываетъ, коли вы хотите, какой-то чадъ въ подобныя минуты — но то, что видится сквозь этотъ чадъ, право дороже многого, видимаго въ обыкновенномъ расположеніи нашемъ.... Странно! но ходя, я думалъ уже не о Сальвини, я думалъ о Шекспирѣ.... и между прочимъ вотъ какой вопросъ пришелъ мнѣ въ голову: «отъ чего я сто разъ пойду смотрѣть эту безпощаднѣйшую и мучительнѣйшую его драму, — сто разъ готовъ выстрадать всю эту адескую послѣдовательность мукъ Отелло, послѣдовательность, въ которой ни одного шага, даже полушага не опущено — и отъ чего я положительно не могу выносить французскихъ драмъ съ ихъ выставленіемъ наружу всевозможныхъ язвъ.... Т. е. не то, чтобы только въ художественномъ отношеніи онѣ были мнѣ противны: нѣтъ, онѣ меня мучатъ невыносимо — мнѣ просто не хорошо, не ловко, болѣзненно — какъ въ разныхъ водевиляхъ, напиримѣръ, мнѣ также просто, непосредственно дѣлается стыдно.

Когда я сообщилъ мой вопросъ Ивану Ивановичу, онъ отвѣчалъ, что самъ тоже испытывалъ и испытываетъ — но что причины предоставляетъ разгискивать мнѣ самому — а теперь бы оставилъ я его въ покоѣ. Глаза у моего пріятеля становились изъ обычно-усталыхъ какими-то дикими, — руки у него горѣли.

А я продолжалъ все-таки анализировать — такая ужъ проклятая привычка образовалась. Я попалъ на свою завѣтнѣйшую думу, объ *идеализмѣ* и *натурализмѣ* въ искусствѣ. Конечно ужъ французскія драмы — не принадлежащія даже къ области натурализма, а составляющія простой рыночный продуктъ, смѣшались другими болѣе серьезными вещами — въ головѣ сопоставлялись «Записки сумасшедшаго» Гоголя и въ контрастъ имъ «Дневникъ г. Голядкина» — «голова Медузы» Леонардо да Винчи и «голова Медузы» же Караваджіо.... Во всякомъ случаѣ я уже

успѣлъ себя успокоить, но на моего Ивана Ивановича было почти такъ же страшно смотрѣть, какъ на Сальвини;—губы его подергивались уже со всѣмъ судорожно и онъ началъ даже запускать правую руку въ волосы....

Вообще это все отзывалось Мочаловскимъ представленіемъ, — первыми порами «Гамлета» — увлеченіями, которыя я считалъ уже совершенно невозвратными — увлеченіями, можетъ быть дорогими болѣе настоящихъ, потому что они волновали насъ подъ суровымъ, зимнимъ небомъ, въ трескучіе морозы.... Все человѣческое уже исчезло въ Отелло, въ IV актѣ: походка тигра или барса, судорожныя движенія; глаза, налившіеся кровью, сухіе и разбитые тоны въ голосѣ — вотъ что замѣнило прежнее благородство, прежнее величіе, прежнюю страстную нѣжность.... Но и тутъ соблюдена была удивительная психологическая послѣдовательность. Не съ самаго начала акта явился такимъ великій артистъ.... Когда онъ вошелъ — видно было только, что прежній человѣкъ въ немъ разрушился; на физиономіи его, судорожно подергивавшейся, обозначались слѣды такихъ мукъ, которыя по истинѣ могутъ назваться *не здѣшними* и послѣ которыхъ душа, кажется, должна уничтожиться.... Но когда Яго довелъ разговоръ до своего адскаго и циническаго разсказа, тогда можно было убѣдиться, что есть муки еще злѣе, еще ядовитѣе видѣнныхъ. Сальвини не повалился тутъ на полъ въ судорогахъ — какъ дѣлаютъ это другіе трагики, какъ дѣлалъ — и иногда удивительно дѣлалъ Мочаловъ, — онъ только схватился руками за столъ и припалъ къ нему грудью съ дикимъ ужаснымъ воплемъ, въ которомъ слышались и физическая боль зномящагося сердца и ревъ кровожаднаго тигра и вой голоднаго шакала и вмѣстѣ съ этимъ стонъ человѣка. За тѣмъ — человѣкъ обратился въ звѣря — и опять съ массою зрителей сдѣлалось тоже, что было въ третьемъ актѣ, т. е. до самаго конца четвертаго акта, волшебникъ держалъ надъ подъ своимъ вліяніемъ, не давалъ ни на минуту анализировать себя, потому что самъ не отдыхалъ ни на минуту. Только и можно было остановиться, вздохнуть послѣ минуты, когда онъ бьетъ Дездемону....

Мы опять не разсуждали и не хотѣли разсуждать во время антракта. Я замѣтилъ только, что напрасно выпущено лицо любовницы Кассіо, Бьянки — на что Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ, что это сдѣлано вѣроятно во имя мѣстной нравственности....

Пятый актъ былъ начатъ сцѣною пѣсни объ пвѣ. Такова

ужь поэзія этой глубоко-меланхолической сцены, что въ ней преобразилась и наша Дездемона.... У нее какъ-то смягчились рѣзкіе горловые акценты и подернулись сѣвернымъ туманомъ грусти яркія черты лица.... Дездемона отпустила Эмилию и легла. Сказать что мы *ждемъ* появленія Отелло было бы въ высшей степени не вѣрно. Шекспировская трагедія и Сальвини захватывали подъ свою власть душу какъ настоящая правда жизни.... Ждать того или другаго лица можно только тогда, когда представленію не подчиняешься, а мы, да и вся масса подчинились тутъ ходу драмы.

Я и забылъ, сказать что пестрая толпа, наполнявшая партеръ, преслѣдовала уходящаго въ четвертомъ актѣ Яго энергическими, хотя шопотомъ произносимыми восклицаніями: Scelerato!! Bestia!!

Теперь только, когда я описываю впечатлѣнія, приходитъ мнѣ въ голову вопросъ: прерывалось ли у трагика во время антракта его нервное настроеніе и, припоминая покойнаго Мочалова, который во время антрактовъ мрачно и молча сидѣлъ или ходилъ одинъ, вдали отъ всѣхъ, съ судорожными движеніями — думаю что нѣтъ....

Перервавши, хотя и на минуту душевный процессъ — пусть это процессъ и воображаемый и представляемый, нельзя было войти такимъ, какимъ вошелъ Сальвини. Въ театрѣ опять настала мертвая тишина....

Видно было ясно, что ядъ уже окончательно совершилъ свою работу надъ душою Отелло.... Искаженный, измученный, разбитый и вмѣстѣ неумолимый, подошелъ онъ къ постели, тихой походкою тигра и остановился. Опять, страсть обманутая, но безумная страсть прорвалась какими-жалобными, дребезжащими тонами. Все тутъ было — и язвительныя воспоминанія многихъ блаженныхъ ночей и сладострастіе Африканца и жажда мщенія, жажда крови.... Одну изъ этихъ сторонъ душевнаго настроенія выразить не трудно — но выразить ихъ всѣ, выразить то, что Шекспиръ самъ хотѣлъ сказать послѣднимъ поцѣлуемъ, который даетъ Отелло своей Дездемонѣ — для этого надобно быть гениемъ....

Странная, непостижимая вещь природа гениальнаго артиста — странное, непостижимое сліяніе постояннаго, огненнаго вдохновенія съ *расчетливымъ* умѣньемъ не пропустить ни одного полтона, полштриха.... Какъ это дается и давалось натурамъ, подобнымъ Сальвини и Мочалову — проникнуть мудрено. Думаю только что это дается только постоянствомъ вдохновенія, цѣлост-

нымъ, полнымъ душевнымъ слияніемъ съ жизнію представляемаго лица,—вырабатывается долгою думою, но не придумывается—ибо дума поэта или артиста есть нѣчто въ родѣ физиологическаго процесса,—и наконецъ захватываетъ всего человѣка!... Слово: «расчетливое умѣнье» употребляю я только за недостаткомъ другаго. Въ такой игрѣ — расчета, въ смыслѣ составленія фizioноміи передъ зеркаломъ, придумыванія и заученія интонацій быть не можетъ — но и вдохновеніемъ назвать этого нельзя, въ томъ смыслѣ вдохновенія, на основаніи котораго режутъ, бѣснуются и ярятся какъ буйволы, обыкновенные трагики...

Обо всемъ пятомъ актѣ — послѣ перваго представленія только и можно было сказать, что это все было — правда — и что эта правда захватывала у зрителей дыханіе до той самой минуты когда Отелло разсказалъ о томъ, «какъ собака Турокъ осмѣлился бить Христіанина, какъ онъ схватилъ его за горло и зарѣзалъ.... Così! (такъ!) перехватилъ себѣ мечемъ горло и захрипѣвъ смертельнымъ стономъ, потянулся, шатаясь, къ постели Дездемоны...»

Ни восторгаться отдѣльными моментами, ни анализировать — въ первое представленіе было положительно нельзя.

Можете ли вы, въ первый разъ слушая какой либо квартетъ Бетговена или Шумана, восхищаться отдѣльными ходами? Нѣтъ — потому что васъ покоряетъ цѣлостъ непрерывнаго впечатлѣнія...

Истинно артистическая игра таже музыка! Въ ней постоянно ведется одинъ ходъ, и онъ - то сплавиваетъ, сплачиваетъ впечатлѣнія.

И потому ничего не анализировали мы съ Иваномъ Ивановичемъ въ эту ночь, сидя въ кафе Piccolo Elvetico — на площади собора. Иванъ Ивановичъ мрачно и безпощадно пилъ коньякъ, а я смотрѣлъ въ окно кофейной на чудную, весеннюю, свѣжо-дышавшую ночь — да на мою любимицу, колокольню *Дюто*, — эту разубранную инкрустаціями, но не отягощенную ими, стройную, легкую и высокую ростомъ красавицу! И одно только я зналъ и чувствовалъ, что хорошо, по словамъ нашего божественнаго поэта «упиться гармоніей и облиться слезами надъ вымысломъ.» Когда я сказалъ эти стихи, Иванъ Ивановичъ перервалъ меня и съ какимъ-то рыданіемъ закончилъ:

И можетъ быть на мой закатъ печальный,

Блеснетъ любовь улыбкою прощальной!...

потомъ съ бѣшенствомъ ударилъ кулакомъ по столу.

Я хотѣлъ было сказать ему, что Александръ Македонскій

конечно герой... но удержался, — мнѣ стало жаль его, послѣдняго романтика, добросовѣстно и постоянно вносившаго въ личную жизнь поэтическія впечатлѣнія и жертвовавшаго имъ всѣмъ, что зовется въ жизни положительнымъ: я только спросилъ его: Иванъ Ивановичъ — отъ чего вы, пережившій, переживавшій много, не напишите о «трагическомъ въ искусствѣ и жизни.» Вы вѣдь сами на этомъ конькѣ ѣздили — и можете сообщить много интересныхъ наблюдений!

Нѣтъ, ужъ пишите лучше вы, отвѣчалъ онъ съ горькою улыбкою и подымаясь съ мѣста. Вы забываете, добавилъ онъ, взявши фуражку — что вѣдь это — тема, недописаная Тургеневскимъ Руднымъ! — а мнѣ прозвище Рудина, которое я имѣлъ честь получать не разъ отъ двухъ женщинъ, надоѣло до смерти!

Вы мой милый, замѣтилъ я, выходя съ нимъ на площадь — на половину Рудинъ и на половину Веретьевъ, коли ужъ дѣло пошло на Тургеневскихъ героевъ и въ этомъ-то ваша оригинальность!

Андрей Григорьевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПУТЕШЕСТВІИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

ГЛАВА I.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Какъ ни говорятъ о практичности направленія нашего вѣка, какъ ни доказываютъ все превосходство этого матеріальнаго возрѣнія на жизнь и ни силятся отвергнуть окончательно и пользу и необходимость поэческаго элемента, чисто духовной, нравственной стороны нашей жизни; — все же этотъ идеальный элементъ, эта духовная сторона, необходимы и неразрушимы въ насъ, — безсознательно мы имъ предаемся, безсознательно мы имъ вѣримъ, и часто, отвергая идеальныя стремленія чизъ ложнаго убѣжденія, мы столь же, если еще не болѣе, поэты, чѣмъ наши предки.

Есть у меня сильное доказательство всему вышесказанному. Вотъ оно:

Человѣкъ рѣдко, и во всякомъ случаѣ съ большимъ трудомъ, бываетъ вполне доволенъ своимъ настоящимъ, тѣмъ, что его окружаетъ, тѣмъ, чѣмъ онъ наслаждается въ данную минуту. Онъ почти всегда или ищетъ чего-то въ своихъ воспоминаніяхъ, или предается планамъ, надеждамъ въ будущемъ. Отнимите у любого человѣка прошедшее и будущее — и человѣкъ, при самомъ счастливомъ положеніи, будетъ несчастливъ.

А гдѣ же положительность, если не въ настоящемъ и гдѣ же поэзія, если не въ воспоминаніяхъ и не въ грезахъ, въ надеждахъ, сложенныхъ его умомъ и его сердцемъ?

Я только-что пріѣхалъ изъ довольно долгаго путешествія, — проѣхалъ по всей Италіи; любовался тамъ и синимъ небомъ, такъ часто воспѣтымъ поэтами, и рощами апельсиновыхъ деревьевъ, которые въ то время еще цвѣли. Я сидѣлъ въ тѣни этихъ деревьевъ, вдыхалъ съ восторгомъ ихъ чудный запахъ, съ любовью слѣдилъ, какъ синяя волна подымалась мѣрно въ морской дали, пѣнилась, клубилась и разсыпалась въ брызги, какъ другая за ней снова подымалась, снова росла и росла и снова разрушалась гармоническимъ аккордомъ у моихъ ногъ. Все это увлекало меня. Я невольно предавался мечтамъ; я наслаждался всею душою этою чудною, богатою природою, и, казалось, въ это время никогда бы не покинулъ роскошнаго, идеально чуднаго Сорренто. И что жъ? Въ то же время, мысли меня часто переносили совершенно въ другой міръ, я начиналъ жалѣть о сѣренькомъ небѣ своего роднаго уголка, о тѣнистой дубовой аллеѣ, въ которой я такъ часто гулялъ по нѣсколькимъ часамъ; я вспоминалъ маленькій сонный прудокъ съ плакучею ивой, которая такъ скромно смотрится въ воду, — и находилъ въ этихъ воспоминаніяхъ бездну новыхъ красотъ, которыя прежде отъ меня ускользали. Я забывалъ совершенно чудную природу юга, и развѣ въ забытыя, рука нечаянно уколовшись объ иглы выросшаго въ скважинѣ скалы кактуса, пробуждала меня.

Теперь, напротивъ, я окончилъ свой путь, снова вернулся къ обыденной домашней жизни. И какъ часто, когда я сижу въ креслахъ послѣ обѣда и наслаждаюсь ароматическимъ дымкомъ моей регалии, вдругъ встаютъ предо мною цѣли живописныхъ горъ, обросшихъ оливами, и цѣлые города со всѣми своими чудесами.

Только здѣсь, далеко отъ поэтичнаго юга, я сталъ понимать, цѣнить и чувствовать то наслажденіе, которое тогда на мѣстѣ отъ меня ускользало.

Тамъ впечатленіе обивалось тотчасъ же новымъ впечатленіемъ и не могло потому получить окончательной формы.

Если вы желаете осмотрѣть картину и оцѣнить всю ея красоту, не подходите слишкомъ близко къ ней, вы тогда только увидите одинъ уголокъ ея, конечно во всѣхъ его подробностяхъ, но вы не въ состояніи оцѣнить вполне всего произведенія. Отступите на нѣсколько шаговъ и вся картина развернется передъ вами. Вы срадитесь съ самою мыслию художника, и не только оцѣните его искусство, его даръ, но словно сами сольетесь съ его произведеніемъ и станете жить съ нимъ общею жизнью.

Теперь, по возвращеніи изъ долгаго путешествія, захотѣлось мнѣ бѣгло набросить на бумагѣ нѣкоторыя воспоминанія о немъ. Мнѣ лично это занятіе доставитъ истинное наслажденіе, а потому я принимаюсь горячо и съ любовью за него. Но если еще кто пожелаетъ слѣдовать за мною, быть такимъ образомъ моимъ спутникомъ всюду, куда бы я его ни завлекъ, — естественно, наслажденіе это удвоится.

Путешествовать одному, даже въ воспоминаніяхъ своихъ, всегда томительно, грустно; — одиночество не создано для человѣка.

ГЛАВА II.

Москва. Дорога до Варшавы.

Пасмурный ноябрь, чтобъ не отстать отъ своего близкаго брата октября, только что разгулялся; вѣтеръ, вьюга съ мелкимъ снѣгомъ, и что то въ родѣ замороженнаго дождя, обливало и обсыпало нашъ Петербургъ, и, не смотря на все чувство патриотизма, мнѣ было истинно пріятно, что я устроилъ уже всѣ свои дѣла, и рѣшился провести всю зиму за границей.

Зима обѣщала быть суровой; не знаю, сдержала ли она свое обѣщаніе, — меня не было здѣсь. Пароходы уже прекратили свои еженедѣльные рейсы, да притомъ и охоты, право, не было пуститься по Балтикѣ въ такое время, при этой вьюгѣ, при такомъ вѣтрѣ, дождѣ и снѣгѣ. Я рѣшился поѣхать въ Москву, и оттуда по шоссе въ Варшаву.

О Москвѣ что сказать? да и мѣста у меня не хватаетъ; воспоминанія меня такъ и тянутъ на югъ; теперь даже холодно становится, когда вспомнишь прошлый ноябрь.

Москва наша, старушка добрая, тихая, она отличается уже по наружности своей тишиной и спокойствіемъ. Затѣмъ живо извилистыя улицы ея всегда почти пусты, безлюдны; они скромно

окаймляютъ какую нибудь старинную церковь пестрой, своеобразной архитектуры. Но эта маленькая церковь, какъ бы спрятанная въ уголку, можетъ быть, содержитъ въ себѣ богатства неистощимыя въ преданіяхъ историческихъ данныхъ. Москва знаетъ все это, она благоговѣтъ предъ этимъ памятникомъ старины, она цѣнитъ его. Но все это она дѣлаетъ спокойно у себя.

Москва занимается почти что вся археологіею, исторіею, науками, и, какъ кажется, для кабинетныхъ занятій, нѣтъ лучше города въ мірѣ; — данные историческіе тутъ подъ руками и въ зданіяхъ, и въ бумагахъ, и даже въ семейныхъ преданіяхъ; тутъ и чудная мѣстность, оригинальная картина города, раскинушагося на семи холмахъ, по среди коихъ течетъ, кокетливо изгибаясь, Москва рѣка. Тутъ и это спокойствіе, эта простота жизни, столь рѣдкая въ новыхъ нашихъ ледяныхъ городахъ, и столь естественно цѣнимая людьми, которые желаютъ заниматься дѣломъ и бѣгутъ, какъ чумы пустыхъ и шумныхъ вечеровъ нашихъ, такъ называемыхъ модныхъ обществъ, въ которыхъ только и слышны постоянные толки о погодѣ, вчерашнемъ роутѣ или балѣ, или еще развѣ вскользь сказанное и ничего не выражающее сужденіе о вчерашней оперѣ, о третьегоднешнемъ балетѣ.

Есть только одинъ день въ году, когда Москва истинно оживляется, и оживленіе это совершенно оригинально: — то ночь Свѣтлаго Воскресенія.

Я житель Петербургскій, а потому зналъ долго только по слухамъ о томъ величій, которое представляетъ этотъ праздникъ въ Москвѣ. У насъ, на Невѣ, ровно ничего нѣтъ въ этотъ день, развѣ чрезмѣрная толкотня въ церквахъ, да гибель экипажей на набережной передъ дворцомъ. Давно собирался я съѣздить въ первопрестольный градъ къ этому дню, и только прошлую весну могъ осуществитъ свое желаніе.

Къ сожалѣнію, въ этотъ годъ, всю страстную субботу шелъ дождь проливной; я боялся даже, что погода мнѣ помѣшаетъ исполнить давко задуманное; но къ одиннадцати часамъ ночи, небо какъ бы прояснилось, показалось нѣсколько звѣздъ. Я успѣшилъ взять фуражку, надѣть пальто и выйдти изъ дому.

Въ эти два или три часа ночи, какъ кажется, никто во всей Москвѣ не остается дома, всѣ по улицамъ, по церквамъ.

Экипажи несутся во всѣ стороны, и какіе экипажи? ихъ только, кажется, можно встрѣтить въ одной Москвѣ. Это же-

лѣзныя, огромныя камеры, на большихъ, высокихъ колесахъ, которые качаются съ особеннымъ скрипомъ, при каждомъ ухабѣ — ихъ множество. Впереди, вмѣсто козелъ, цѣлое зданіе изъ суконъ разноцвѣтныхъ, украшенныхъ кистями, бляхами, гербами бронзовымъ, коронами княжескими или графскими — и на всемъ этомъ сидитъ высоко, въ нѣкоторыхъ улицахъ даже въ ровень съ трубами домовъ, кучеръ, опоясанный краснымъ или золотымъ кушакомъ, въ чрезвычайно изношенной шляпѣ. Позади, на придѣланной доскѣ, стоятъ высокіе гайдуки въ обрванныхъ, но блестящихъ ливреяхъ. Ихъ треугольныя шляпы всѣ уже разсыпаются отъ ветхости; у одного изъ нихъ она покрываетъ весь лобъ, глаза, носъ, потому что Мишка, который только что четыре года, умеръ на восемьдесятъ пятомъ году своей жизни, владѣлъ гораздо болѣею головою, чѣмъ Павлушка, который теперь держится за эти синія кисти, за тѣ же самыя, за которыя Мишка держался въ день коронаціи блаженной памяти Императора Павла Петровича. Вообразите всю эту описанную машину, въ окна которой притомъ мы можемъ увидѣть въ глубинѣ старушку, въ огромномъ тюлевомъ чепцѣ, съ длиннымъ сухимъ носомъ и впальми, но еще блестящими глазами. На передней скамейкѣ невинное, вытянутое и чрезвычайно блѣдное личико какой нибудь воспитанницы или плѣмянницы, въ кисейномъ бѣломъ платицѣ, въ старой изношенной шубѣ, въ бѣлой кисейной шляпкѣ съ букетомъ розъ на боку, которыя такъ и просятся украсить непремѣнный куличъ при предстоящемъ розговѣнѣ. Вообразите себѣ все это запряженное четырьмя тощими, худыми клячами, съ впадинами подъ глазами, клячами, которыя порыжѣли отъ времени, вытянули свои шеп и плетутся маленькою рысцею пара за парой, — всѣ они не подходятъ до высоты верхней ступеньки кареты, а на одной изъ переднихъ сидитъ, болтая своими ногами чуть не оземь, столь же худощавый, какъ и сами лошади, форрейторъ, въ такомъ же изношенномъ платьѣ, какъ и вся упряжь.

На право, на лѣво, во всѣ стороны вы видите толпу. Эта толпа спѣшитъ куда то, она движется — одни поворачиваютъ въ переулокъ, другіе идутъ прямо вдоль улицъ. На каждомъ перекресткѣ есть церковь, — еще колоколъ не звенѣлъ, а они уже чуть ли не полны. Дивно просто, откуда такая масса народа! Но вотъ уже скоро половина двѣнадцатаго, пора въ кремль. Онъ также полонъ, какъ и весь городъ; на красной площади и у входа около соборовъ толпами народъ. Я пошелъ

къ набережной дворца, видѣ отсюда на Замоскворѣчье, чуть ли не лучшій видѣ всей Москвы.

Но все еще почти темно, небо пасмурно сегодня, кое гдѣ только въ отдаленіи блестятъ огоньки въ пизенькихъ домикахъ Замоскворѣчья, — огоньки эти въ дали умножаются мало по малу, всѣ колокольни освѣтились. Я поспѣшилъ на красную площадь, оттуда взобразя на ступенки краснаго крыльца. Я былъ одинъ въ этомъ мѣстѣ, и это уединеніе, эта темнота, окружавшая меня, по рѣзкой противоположности съ оживленною площадью, съ освѣщенной Москвою, еще болѣе придавали красы всей картинѣ....

Ударилъ въ колоколъ на Ивановской колокольнѣ, — на этотъ протяжный, полный гулъ отозвались другіе колокола въ соборахъ, потомъ по всей Москвѣ. Весь воздухъ, словно, наполнился этими протяжными звуками. Изъ всѣхъ соборовъ показались крестные ходы, — слышалось пѣніе, которому вторилъ гулъ всѣхъ колоколовъ. Все это весьма сильно дѣйствовало на меня.

Огромное количество свѣчей вдругъ засвѣтилось, и, право, подъ ногами у меня Красная площадь стала также свѣтла какъ день, а въ это самое время дворецъ и та терраса, на которой я стоялъ, отдѣлялись, какъ темная, сплошная масса, а дождь уже лилъ ливнями.

Вдругъ процессія остановилась у входа въ соборъ; колокола замолкли; настала тишина. Архіерей провозгласилъ: Христосъ Воскресе! — хоръ пѣвчихъ повторилъ стихъ. Колокола снова загудѣли повсюду. Москва ликовала, Москва радовалась Воскресенью Христову. Эта минута не можетъ быть описана, она только можетъ быть прочувствована. Она и въ правду исполнена такимъ величіемъ, такимъ изліяніемъ чистосердечной радости, что словъ недостаточно для того, чтобъ передать это чувство; сердце одно способно понять и оцѣнить его. Въ эту минуту, я думаю, Магометанинъ, Еврей, если только онъ человѣкъ мало-мальски чувствительный, возгласитъ со всѣми нами: Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ! Христосъ Воскресе!

Пробраться въ церкви было невозможно, они были полны, и когда начали утреню, — употребивъ всѣ усилія, чтобъ войти въ одинъ изъ соборовъ, — весь облитый дождемъ, какъ изъ ушату, я поспѣшилъ сѣсть въ карету и возвратиться домой. Если и подъ дождемъ, при свистѣ вѣтра и вьюги, эта минута меня такъ взволновала, чтобы я почувствовать, еслибъ погода была хороша, еслибъ небо было бы покрыто міриадами звѣздъ, еслибъ

безчисленные огни, которые разсыпались при гудѣ колоколовъ по всей Москвѣ, слышсь бы съ еще большимъ числомъ свѣтилъ надъ головами.

Въ ноябрѣ 1857 года, Москва была еще довольно пуста, не всѣ еще возвратились съ дачъ своихъ, изъ подмосковныхъ. Зима еще не установилась, природа пережѣняла свою декорацию, готовилась надѣть свой бѣлый сарафанъ, который можетъ для Россіи быть справедливо названъ праздничнымъ сарафаномъ.

Я ничего не знаю скучнѣе, какъ поздняя осень; это не лѣто, уже даже не осень и въ то же время не зима. Приходится, право, чтобъ забыть это время, придумывать человѣку свои собственные развлечения. Въ Москвѣ у меня въ то время было очень мало знакомыхъ; естественно оставалось одно: воспользоваться двумя-тремя днями, на которые мои дѣла останавливали меня въ Москвѣ, и пойдти покушать славной ухи въ Ново-Троицкомъ трактирѣ. За то какая уха — не хватаетъ силъ у меня, чтобъ описать эту чудную, жирную уху, подернутую янтаремъ, какъ говоритъ Крыловъ. А эти пухлые, огромные растеган, которые занимаютъ всю тарелку, — ихъ края порыжѣли, покрасѣли отъ жара; а тутъ подгѣ блеститъ визига, точно алмазь. Все это такъ и просится въ ротъ. Хотѣлось бы мнѣ поподчивать ими любаго Француза или Итальянца. — Что бы они сказали? Не думаю, чтобы ихъ пресловутые макароны, ихъ sauté, ихъ sa-grêте, показались бы имъ столь же вкусными, когда бы они отвѣдали нашей доморощенной ухи, съ жирною, волжскою стерлядью и нашего растегая изъ Ново-Троицкаго трактира.

Дня два, послѣ этого вкуснаго, русскаго обѣда, я съѣлъ въ дормезъ и пустился въ путь. Путь, правду сказать, не легкій; шесть дней и шесть ночей въ дорогѣ. Я еще привыкъ нѣсколько къ дорогѣ; но со мною была жена и нѣсколько лицъ, которые никогда еще не выѣзжали изъ Петербурга.

А дорога изъ Москвы, хоть кого научить путешествовать; послѣ этого можно смѣло ѣхать вокругъ свѣта, — не устанешь, — все покажется бездѣлицей, сравнительно съ этимъ проѣздомъ! На право, на лѣво, какъ внимательно ни смотрите въ окна, ничего болѣе не увидите, какъ поле и поле, и то не обработанное, не засѣянное часто. Словно, нарочно выбирали такую мѣстность, чтобъ провести дорогу. Ни одного села, ни города, ни деревни, только верста да верста, да скучные одноформенныя станціи, — но лучше и не вспоминать объ этомъ пути.

ГЛАВА III.

ВѢНА.

Я пишу свои воспоминанія, а не журналъ моего путешествія, и потому мнѣ позволено перескакивать чрезъ города, государства, народы, и останавливаться только тамъ, гдѣ удержитъ меня неволью моя мысль. Радуюсь я этому праву, — радуюсь за себя и даже за васъ, любезные читатели, потому что, мнѣ кажется, нѣтъ ничего скучнѣе этихъ пустыхъ, непрочувствованныхъ хорошо описаній разныхъ городовъ, мѣстностей, преимущественно выбранныхъ изъ какого нибудь путеводителя, къ которымъ неволью прибѣгаешь въ такомъ случаѣ отъ недостатка занимательныхъ данныхъ. Скучно, томительно вамъ все это читать; но еще скучнѣе, мнѣ кажется, все это выписывать.

ВѢна очень хорошенькій городокъ; она чрезвычайно живописно сожмнулась въ своихъ высокнхъ, зубчатыхъ стѣнахъ, посреди ровнаго, широкаго луга, самой свѣжей зелени, по которому проведены во всѣ направленія широкія аллеи пирамидальныхъ тополей.

Самый городъ не великъ, но за то чрезвычайно оживленъ. Узенькія его улицы постоянно наполнены народомъ; по нимъ ходятъ, ѣздятъ, толнятся. По сторонамъ блестятъ различныя вывѣски, украшенныя золотыми надписями; въ окнахъ магазиновъ выставлены очень живописно и ловко всякаго рода товары, такъ, что заманиваютъ васъ неволью, и въ особенности, если вы русская путешественница и прибыли сюда прямо изъ Варшавы; вы тогда съ жадностію кидаетесь на всѣ эти модныя вещицы, закупаете тотчасъ же огромныя количества шелковыхъ, шерстяныхъ матерій, серебряныхъ и золотыхъ вещей, бронзъ и пр. и пр., чѣмъ, конечно, очень довольны хозяйки этихъ магазиновъ.

ВѢна славится своими экипажами, которые отличаются необыкновенною легкостію въ ходу, и еще своими издѣліями изъ серебра. Это все болѣе — мелкія вещицы разныхъ формъ, позолоченныя и украшенныя бирюзой и гранатами. Работа эта, нельзя сказать, чтобы была очень прочна, но она имѣетъ какой-то оригинальный, своеобразный характеръ. ВѢна собственно переняла этотъ родъ издѣлій отъ Венгрии; но ВѢна столица Австріи, а Австрія ничто иное, какъ искусственное соединеніе разныхъ отдѣльныхъ народностей. Естественно, стало быть, оставалось столицѣ такой имперіи только перенять отъ каждаго народа что нибудь, и изъ этой амальгамы составить себѣ свою оригинальность; — такъ она и поступила.

Самый Городъ очень малъ и даже тѣсенъ, онъ только служитъ центромъ торговли и средоточіемъ всѣхъ главныхъ гостинницъ; но большею частію, жители Вѣны возмѣщаются не въ городѣ, а въ его предмѣстьяхъ, которыя всѣ выстроены уже въ послѣднее время и окружаютъ самый городъ.

Эти предмѣстья имѣютъ совершенно особый характеръ. — Тутъ улицы широкія, дома богатой, нѣсколько, можетъ быть, одноформенной архитектуры, тянутся ровно по обѣимъ сторонамъ. Вы уже не увидите посреди ихъ шестиэтажнаго дома, темно-сѣраго цвѣта, съ высокой череничною крышею, въ которой продѣланы тоже ряды оконъ. Вы не наткнетесь на высокую, сквозную колокольню готической архитектуры, которая, неизвѣстно почему, выстроена посреди столпившихся домовъ, и такъ скрыта ими, что и найти ее часто трудно. Видѣтъ еще издали легкій, смѣлый шпигль, который гордо и самоуверенно прорѣзаетъ небо, — отыскиваешь самую церковь, которая теряется въ безднахъ переулковъ, закоулковъ, и только развѣ нечаянно натыкаешься на микроскопическую площадку, посреди которой возвышается этотъ памятникъ старины и искусства.

Въ предмѣстьяхъ все ровно, чисто, гладко, и, по моему личному возрѣнію, какъ-то скучно и пусто, — но у всякаго свой вкусъ, а я нисколько не желаю заставить прочихъ принять мое мнѣніе; я только выражаю то, что чувствую и мыслю.

Прямо со станціи желѣзной дороги я поспѣшилъ въ гостинницу Муншъ, на Кольмарктѣ. Мнѣ ее давно выхваляли, какъ одну изъ лучшихъ европейскихъ гостинницъ, и подлинно я нашелъ все въ примѣрномъ порядкѣ, хотя самыя комнаты нѣсколько обветшали, мебель и занавѣски полиняли; но все же было чисто убрано. Въ спальнѣ стояла величественно довольно обширная кровать съ неизмовѣрнымъ количествомъ подушекъ и перинъ, такъ что влѣзть было буквально трудно на нее. — Таковъ уже обычай въ Германіи.

Не знаю, какимъ образомъ, но многіе изъ моихъ знакомыхъ узнали тотчасъ о моемъ пріѣздѣ. Одинъ изъ нихъ даже, извѣстный піанистъ Вильмерсъ, который постоянно живетъ въ Вѣнѣ, въ тотъ же день зашелъ въ гостинницу Муншъ, чтобъ меня видѣть; я ему очень былъ благодаренъ за это. Нѣтъ ничего скучнѣе, какъ быть въ чужомъ городѣ безъ всякаго знакомства, а потому въ полной власти мѣстныхъ чичерони, такъ называемыхъ въ Германіи лонъ-лакеевъ. Нужно вамъ что нибудь купить, — этотъ господинъ приведетъ васъ неминуемо къ одному

изъ своихъ знакомыхъ, заставить васъ заплатить втрое, по крайней мѣрѣ, и въ добавокъ, вы еще приобретаете вещь весьма посредственную, часто попорченную. Если вы желаете осмотрѣть различныя рѣдкости и достопримѣчательности города, онъ вамъ покажетъ во всѣхъ подробностяхъ какую нибудь, ничего незнатную баню, церковь, — и проведетъ васъ мимо истинно рѣдкаго произведенія искусства или памятника древности, исторіи и т. п. Словомъ, эти люди необходимы для каждаго путешественника, какъ мухи необходимы для каждой осени, но въ то же время надоѣдаютъ не менѣе послѣднихъ.

Вы вѣрно уже знаете господина Вильмерса; онъ былъ въ Петербургѣ недавно, вы слышали его нескончаемую трель въ концертахъ въ Михайловскомъ театрѣ, — помните его пріятное бѣлокурое лицо съ длинными усами, падающими въ живописныхъ извивахъ по его еще свѣжимъ щекамъ.

Не знаю, какъ вамъ нравится игра г. Вильмерса, но я одинъ изъ его жаркихъ поклонниковъ; онъ такъ легко, такъ ловко порхаетъ по клавишамъ, такъ плавно иногда беретъ нѣсколько аккордовъ къ ряду, словно, льется и не выльется никогда шумящій потокъ, расшибаясь о скалы; вдругъ задрезжатъ двѣ нотки — трель ускоряется, переходитъ въ другой тонъ, снова возвращается къ прежнему, — это соловей запѣтъ и ему вторятъ всѣ прочія птицы, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку, а ручей журчитъ.

Еще есть у г. Вильмерса огромное, для меня, достоинство; кромѣ того, что онъ первоклассный артистъ въ музыкѣ, онъ еще и страстный любитель шахматной игры и истинно хорошій игрокъ. Недавно даже былъ устроенъ такъ называемый шахматный турниръ для шахматныхъ задачъ между клубами: Вѣнскимъ, Берлинскимъ и Лондонскимъ, и г. Вильмерсъ получилъ на немъ второй призъ. Задачи его были признаны изъ лучшихъ.

Если вы не играете въ эту игру, то вы улыбнетесь съ легкимъ отбѣнкомъ насмѣшки на то, что я какъ бы ставлю въ достоинство знаменитому пианисту его искусство въ шахматной игрѣ; но, право, что жъ тутъ дурнаго? повѣрьте, игра въ шахматы не простая игра, а попробуйте сами поучиться, и вы тоже станете съ любопытствомъ узнавать о всякой новости по этой игрѣ. Шахматная игра имѣетъ преимущество надъ прочими играми въ томъ, что она сама по себѣ уже заключаетъ интересъ; въ нее можно играть просто изъ самолюбія, безъ всякаго матеріальнаго удовлетворенія, просто изъ того, чтобы самому себѣ, а кстатн и другому игроку сказать: «я побѣдилъ того-то,

а онъ мастерски играетъ». Къ сожалѣнiю, въ нашъ вѣкъ не только игръ, но и другихъ занятiй трудно найти, которыя бы могли завлечь человѣка безъ всякой матеріальной, выгодной цѣли. Стало быть, шахматная игра уже и этимъ однимъ можетъ похвастаться справедливо.

Кстати о шахматахъ, и, чтобы покончить совершенно съ ними на время, я долженъ еще вамъ доложить, что въ первый же вечеръ, въ день моего приѣзда въ Вѣну, г. Вильмерсъ меня повелъ въ свой шахматный клубъ. Я, какъ водится, сѣлъ тамъ играть, пробылъ часа два и возвратился домой съ самымъ приятнымъ впечатлѣнiемъ о мѣстномъ клубѣ, — благодаря лестному приему, мнѣ сдѣланному, и еще тому, что изъ трехъ, мною играныхъ партiй, я выигралъ двѣ, что, конечно, льститъ самолюбію каждаго игрока.

На другой день самолюбію этому представился еще новый удобный случай разыгратъ до *pas plus ultra*. Еще рано утромъ (оговариваюсь: рано для меня, а не для жителей Вѣны, потому что въ Германiи вообще всѣ встаютъ съ 8-го часу, стало быть, въ 11-мъ часу уже для нихъ нисколько не рано), мнѣ принесли съ приличнымъ триумфомъ листъ пергамента, на которомъ было напечатано, что Общество Вѣнскихъ любителей шахматной игры признало меня постояннымъ своимъ почетнымъ членомъ. Неожиданность этой почести меня до того озадачила, что я рѣшительно не зналъ, какъ и что отвѣтить на лестныя слова гг. директоровъ, принесшихъ мнѣ дипломъ, тѣмъ болѣе, что я и въ нормальномъ своемъ положенiи весьма плохо изъясняюсь на германскомъ языкѣ, а ни одинъ изъ нихъ не говорилъ на французскомъ, тѣмъ менѣе на русскомъ.

Впрочемъ, нѣсколько поклоновъ и болѣе или менѣе приятныхъ носовыхъ звуковъ, обще признанныхъ за изъясненіе благодарности и особеннаго уваженія, нѣкоторымъ образомъ меня вывели изъ затрудненія. А главное, я успѣшилъ поблагодарить любезнаго г. Вильмерса, потому что, вѣроятно, ему я былъ обязанъ за это лестное вниманіе клуба.

Но полно о шахматахъ; я чувствую, что заболтался о нихъ; что жъ дѣлать? — что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Пословица мудрая, а въ особенности приложимая къ моимъ воспоминаніямъ.

Такъ какъ погода была довольно хорошая въ тотъ день, небо ясное, воздухъ почти тепелъ, то мы рѣшились воспользоваться всѣмъ этимъ и съѣздить въ *Шенбруннъ*.

Шёнбруннъ—загородный дворецъ императоровъ Австрійскихъ, выстроенный еще при Леопольдѣ I; онъ окончательно былъ устроенъ при славной императрицѣ Маріи Терезіи, имя которой встрѣчается на каждомъ шагу въ Вѣнѣ, что бы вы ни стали осматривать. Все, что величественно, громадно построено, все, что поражаетъ васъ съ перваго взгляда своею торжественностію, все это неминуемо родилось, сотворилось или, по крайней мѣрѣ, было окончено при Маріи Терезіи. Таковъ былъ вѣкъ.

Много пустаго, мишурнаго было въ величіи осмнадцатаго столѣтія; въ нашъ вѣкъ строгаго разума, мы уже неспособны заняться до такой степени одною виѣшностію жизни, мы ищемъ всюду глубже проникнуть причину и послѣдствія всего; мы отыскиваемъ вездѣ матеріальную пользу, а потому эта роскошь, эта величественная осанка нашихъ предковъ намъ не можетъ быть по сердцу въ настоящемъ; но я люблю иногда, проходя чрезъ обширныя залы, обтянутыя богатымъ штофомъ, частію уже помятымъ отъ времени, любоваться мастерскою рисовкой потолковъ съ изображеніемъ разнородныхъ богинь, останавливаться предъ тѣми монументальными креслами золоченаго дерева, которые важно и чинно разставлены по всей длинѣ стѣнъ. Я люблю мысленно переноситься въ тотъ вѣкъ, давно для насъ прошедшій. И вся эта эпоха возстаетъ тогда предо мною, каждая бездѣлица получаетъ для меня въ то время свое значеніе.

Шёнбруннъ мнѣ понравился именно по этому колориту конца прошлаго столѣтія, который сохранился въ немъ. Паркъ его, разбитый на правильныя просѣки, раздѣленный на равномѣрные квадраты, обсаженные деревьями, искрещенный широкими аллеями и лугами свѣжей зелени, обставленный къ тому еще рядомъ статуй и бюстовъ довольно посредственной, впрочемъ, работы,— все это разомъ мнѣ обрисовывало прежніе нравы, прежнюю жизнь. А все давно прожитое, стало быть, не вполне знакомое намъ, имѣетъ неотъемлемую прелесть, содержитъ въ себѣ настоящую поэзію.

Невольно пройдя съ любопытствомъ весь дворецъ и, спустившись въ паркъ на среднюю площадку, я мысленно вообразилъ себѣ этотъ лугъ, наполненный гуляющими въ робронахъ, въ *паньс*. Мнѣ показалось, что я присутствую при одномъ изъ тѣхъ блестящихъ празднествъ Маріи Терезіи, которыя такъ часто воспѣвались современными поэтами. Притомъ я сталъ припоминать, что здѣсь, въ этомъ дворцѣ, жилъ довольно долго Наполеонъ I, что онъ здѣсь подписалъ свой извѣстный Шёнбрунскій трактатъ.

татъ; еще неволью вспомнилъ я про того несчастнаго принца Рейхштадскаго, который, родившись въ царской порфирѣ, умеръ здѣсь изгнанникомъ, покинутый всѣми, и снова послѣ смерти своей былъ признанъ, только ради счета, императоромъ. Вотъ тоже личность, надъ которою можно сильно задуматься. Но, кажется, лонъ-лакен (проводники) нарочно придуманы для того, чтобы отогнать скорѣе всякую мысль и размышленіе о быломъ. Я только что погрузился въ свои историческія воспоминанія, какъ мой лонъ-лакей громко обратился ко мнѣ съ предложеніемъ осмотрѣть звѣринецъ, который находится въ этомъ паркѣ; я было сперва разсердился на внезапность его вмѣшательства; но, оправившись, конечно согласился за нимъ послѣдовать, и мы всѣ направили путь въ правый конецъ парка, гдѣ помѣщается звѣринецъ.

Звѣринецъ этотъ, какъ и всѣ звѣринцы въ мірѣ, содержитъ въ себѣ непременно слона, который неминуемо тѣшитъ народъ тѣмъ, что очень ловко и деликатно беретъ изъ вашихъ рукъ кусокъ хлѣба или сахару, который вы ему подаете. Тутъ же непременно вамъ рассказываютъ, какъ, разъ, кто, то хотѣлъ подшутить надъ слономъ и поднесъ ему, вмѣсто хлѣба, камень, что слонъ, узнавши обманъ, отбросилъ камень съ презрѣніемъ и отправился къ бассейну, тутъ же находящемуся, забралъ въ свой коботъ воды и, возвратившись къ прежнему мѣсту, наплавилъ очень мѣтко въ лице обманщика цѣлый потокъ мутной воды, такъ что облилъ его съ ногъ до головы. Этотъ анекдотъ, постоянно рассказываемый, постоянно вызываетъ громкій смѣхъ всѣхъ слушателей, къ истинному удовольствію рассказчика.

Тутъ же въ звѣринцѣ есть непременно тоже двѣ пантеры, одинъ тигръ, которые ходятъ безостановочно по своей узенькой клѣткѣ, испуская пронзительный ревъ. Еще жирафъ, который между прочимъ, въ Вѣнѣ славится, какъ одинъ изъ лучшихъ экземпляровъ, да большая клѣтка для обезьянъ. Обезьяны всегда интереснѣе всего въ звѣринцѣ, а потому вокругъ нихъ постоянно толпится народъ, но чтобъ истинно полюбоваться ихъ ловкостію, хитростію, проворствомъ, надо быть въ Парижѣ, въ Jardin des Plantes. Вѣнская клѣтка обезьянъ, послѣ парижской, уже и не заслуживаетъ вниманія.

В. В.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Л И Ц А.

Иванъ Петровичъ, человекъ почтенныхъ лѣтъ.

Марья Степановна, жена его, двадцати одного года.

Жоржъ, его племянникъ, лѣтъ тридцати, послужащій дворянинъ.

Пузыревъ, секретарь у Ивана Петровича, лѣтъ пятидесяти пяти.

Луиза Ивановна.

Кранулинскій, ловкій молодой человекъ.

Слуга Ивана Петровича.

Слуга Луизы Ивановны.

(Дѣйствіе въ Петербургѣ).

I.

(Вечеръ. Гостиная у Ивана Петровича. Иванъ Петровичъ, въ черномъ фракѣ, сидитъ въ креслахъ и вертитъ между пальцами золотую табакерку. Жоржъ въ сюртукъ, ходитъ взадъ и впередъ.)

Иванъ Петровичъ. — Я тебѣ тысячу разъ повторялъ и тысячу разъ буду повторять, что съ твоими взглядами на вещи ты вѣчно останешься ничѣмъ — безъ всякаго положенія въ обществѣ.

Жоржъ. — А чортъ съ ними — съ положеніемъ вашимъ и съ обществомъ! Я вѣдь и не ищу ничего.

Иванъ Петровичъ. — Положимъ, тебѣ это возможно: у тебя есть изрядное состояніе, и съ нимъ ты проживешь вѣкъ безъ горя; но согласишься, что не всѣмъ же достаются отъ отцевъ наслѣдства!

Жоржъ. — Кажется, вы никогда не были бѣднѣ меня.

Иванъ Петровичъ. — Я не про себя собственно и говорю; но ужь если ты заводишь рѣчь обо мнѣ, такъ я и тутъ могу представить тебѣ возраженіе. Во-первыхъ, я человекъ семейный....

Жоржъ. — Васъ только двое — вы и жена; дѣтей у васъ нѣтъ.

Иванъ Петровичъ. — Ты никакъ не хочешь дать мнѣ договорить. Я сказалъ только: во-первыхъ....

Жоржъ. — Ну-съ, а что во-вторыхъ?

Иванъ Петровичъ. — Во-вторыхъ, какъ у человѣка образованнаго, у меня есть стремленіе къ удобствамъ жизни, къ комфорту.... стремленіе самое законное, потому-что оно отличаетъ всѣхъ людей порядочныхъ.

Жоржъ (*важно*). — Стремленіе, точно, законное.

Иванъ Петровичъ. — Вотъ видишь — ты самъ со мною соглашаешься.... Теперь я спрошу тебя, чѣмъ достигаютъ до извѣстныхъ жизненныхъ удобствъ?... Съ какими средствами, какъ твои, напримѣръ, еще далеко до истиннаго комфорта. (*Нюхаетъ табакъ и глядитъ на племянника*).

Жоржъ. — Я не спору, дядюшка, не спору, продолжайте.

Иванъ Петровичъ. — Кромѣ того, мой другъ, есть въ сердцѣ человѣческомъ струнка... струнка, которая.. Однимъ словомъ, ты забываешь о честолюбіи. Пусть тамъ толкуютъ поэты, что почести — дымъ! Люди всегда будутъ стремиться къ этому дыму; это дымъ благовонный, которымъ сладко подышать.

Жоржъ. — Какъ вы краснорѣчиво нынче выражаетесь.

Иванъ Петровичъ (*не слушая*). — Конечно, пути къ почестямъ бываютъ разные.... Однимъ все достается легко — даромъ, можно сказать; другимъ... другимъ суждено проходить тернистый путь... (*замѣчая, что слишкомъ увлекся, замолкаетъ*).

Жоржъ (*останавливаясь передъ дядей*). — Вамъ какой достался, дядюшка?

Иванъ Петровичъ (*въ некоторомъ смущеніи*). — Что мнѣ... что тебѣ рассказывать? Ты... мнѣ... знаешь... (*оправляясь*). Прежде чѣмъ я достигъ настоящаго положенія, немало пришлось... (*Вздыхаетъ*). Да! немало и мнѣ пришлось испытать тяжелыхъ мнунуть.

Жоржъ. — Такъ вы, значитъ, тернистымъ шли путемъ?... А!... Не очень же онъ тернистый, если на немъ растутъ такія розы, какъ Луиза Ивановна... то-есть — виноватъ! не розы, а камелии.

Иванъ Петровичъ (*мяко, но съ замѣтной досадою*). — Ну! опять ты за свое!

Жоржъ. — Вы вѣдь совсѣмъ не то думаете, дядюшка, что говорите... согласитесь!

Иванъ Петровичъ (*стараясь не глядѣть на племянника*). — Перестань! перестань, пожалуйста! Сто тысячь разъ заводилъ ты этотъ разговоръ, и я знаю все, что ты скажешь.

Жоржъ. — И такъ-таки, по вашему, въ словахъ мопхъ нѣтъ ни на волосъ правды?

Иванъ Петровичъ. — Я тебѣ отвѣчу старой пословицей: съ волками жить — по волчьи выть.

Жоржъ. — Самая лучшая логика... и какая спокойная!

Иванъ Петровичъ. — Мнѣ она кажется хорошей; и ты меня не передѣлаешь... Я ужь старъ учиться вашей новой философіи.

Жоржъ. — Да я и не думаю поучать васъ! Мнѣ хотѣлось бы только, чтобъ вы убѣдили меня въ непогрѣшительности вашей-то философіи... Тогда я проникся бы ею до мозга костей и вѣчно благословлялъ бы мудраго учителя.

Иванъ Петровичъ (*принужденно улыбаясь*). — Ахъ, какой ты неисправимый школьникъ.

Жоржъ. — Что я школьникъ — это справедливо... Потому-то и иду къ вамъ въ ученье. (*Кланяется*). Дядюшка! Иванъ Петровичъ! просвѣтите меня! — Но что я неисправимый — съ этимъ позвольте не соглашаться... Впрочемъ, вы и сами говорили, что у меня воспримчивая натура.

Иванъ Петровичъ. — Да, воспримчивая; но на что? На всякую новизну, на то, что... что... въ воздухѣ носится, такъ-сказать. По-твоему, что ново, то и хорошо. А по моему... (*Молчитъ*). По моему всякой долженъ исполнять свой долгъ, какъ велитъ ему совѣсть... да!... это главное!

Жоржъ (*начиная опять ходить*). — Разныя и совѣсти бьвають на свѣтѣ, какъ разные пути къ почестямъ... Иная тоже заросла терніемъ, дядюшка.

Иванъ Петровичъ. — Тебѣ непременно хочется раззадорить меня и ввести въ споръ; но не удастся, мой другъ. У кого... у кого твердыя правила, тому нечего изъ-за нихъ горячиться. Слѣдуй имъ и больше ничего!

Жоржъ (*замедляя шагъ и глядя на Ивана Петровича*). — Значить, у меня ихъ совѣмъ нѣтъ, или я такъ горячусь всегда?

Иванъ Петровичъ. — Не то, чтобъ не было — есть, только превратныя. (*Встаетъ и идетъ къ звонку*). Все еще кровь молодая играетъ. (*Звонитъ*). Погоди! угомоннись.

Жоржъ (*подходя къ дядѣ*). — То-есть, поѣду въ какойнибудь модный магазинъ, заплачу тамъ тысячь пять по счету какой-

нибудь Луизы Ивановны, свезу ей этотъ счетъ, поцѣлую ей руку — и получу мѣсто... мѣсто... ну, хоть такое мѣсто, какъ ваше!

(Входитъ слуга.)

Иванъ Петровичъ (смѣясь съ плохо скрываею злобой). — Полно! полно! уморишь со смѣху....

Жоржъ (опять ходитъ). А вѣдь не разсердишь. (Слушь.) Что карета?

Слуга. — У подъѣзда.

(Иванъ Петровичъ машетъ ему рукой; онъ уходитъ. Нѣсколько минутъ молчанія.)

Жоржъ (ходя). — Вы куда, дядюшка?

Иванъ Петровичъ. — Къ... къ барону Мерзенштейну.

Жоржъ. — Что у него?

Иванъ Петровичъ. — Такъ... (надѣваетъ перчатки.) Картишки! (подходитъ къ Жоржу.) Ну, прощай!... Кажется, ты успокоился теперь... А меня... хе, хе, хе!... (подаетъ ему руку.) Меня все-таки не разсердилъ... Знаешь старинное изрѣченіе: кто сердится — тотъ неправъ?... Что ты думаешь, напримѣръ, о Талейранѣ?

Жоржъ (даетъ дядь руку). — Экъ васъ куда метнуло! Это вы, что ли, Талейранъ-то?... Впрочемъ, я вѣдь не силенъ въ исторіи, дядюшка... Талейранъ добивался мѣсть тоже черезъ камелій?

Иванъ Петровичъ (освобождая свою руку съ принужденнымъ смѣхомъ). — Отстань, ради Бога!

Жоржъ (не пуская его). — Черезъ камелій? а!... Дядюшка!

Иванъ Петровичъ (уклончиво). — Откуда у васъ эти пошлыя слова берутся?... Камелія... Ну, что это такое?... Вотъ и видно, что ты радъ всякую пошлость повторять, только бы она была новая... Мальчишка написалъ глупый романъ, а вы и ухватились за его словечко... Рады, не знаете сами, чему!... Пустя руку-то! Пора мнѣ.

Жоржъ. — Нѣтъ, позвольте, дядюшка! Что такое, по вашему, Луиза Ивановна?

Иванъ Петровичъ. — Что ты пристаешь ко мнѣ съ Луизой Ивановной?

Жоржъ. — Да вѣдь у насъ съ нею и споръ завязался.

Иванъ Петровичъ. — Мнѣ дѣла нѣтъ знать, камелія ли она, или нѣтъ.... Я знаю только, что мужъ ея былъ въ такомъ же почти чинѣ, какъ и я.

Жоржъ. — Полноте! Не будь она до сихъ поръ фавориткой Петра Петровича, вы бы наплевали на нее. Вашъ Пузыревъ вѣрно никогда до такого чина не дослужится...

Иванъ Петровичъ (*нетерпѣливо*). — Оставь меня, прошу тебя.

Жоржъ. — Нѣтъ, вы скажите, какъ по вашему? По вашему — теперь, когда Луиза Ивановна превратилась въ барыню, когда у нея роскошный домъ — теперь я долженъ совершенно позабыть, какъ она летала зимой босикомъ за селедкой въ лавочку?

Иванъ Петровичъ (*совсѣмъ сердито*). — Фу ты, Боже мой! кого еще приплетешь?

Жоржъ. — А вы не слышали объ этой почтенной старушкѣ? Скажите! Я и не зналъ, что вы, какъ были холостякомъ, вели монашескую жизнь.

Иванъ Петровичъ. — Уморить ты меня хочешь? а? (*вынимаетъ часы*). Посмотри! Видишь, мнѣ пора. Вотъ привяжется человѣкъ! Ни крестомъ, ни пестомъ отъ него не отдѣлаешься!

Жоржъ (*выпуская руку Ивана Петровича*). — Виновать, дядюшка! Точно, вамъ пора. А мнѣ, мнѣ можно остаться? Марья Степановна выйдетъ ко мнѣ?

Иванъ Петровичъ (*со шляпой*). — Она не совсѣмъ здорова.... Лежитъ у себя въ будуарѣ.... (*тихо*) капризничаетъ все. (*Громко*). Но тебя приметъ, ты свой человѣкъ. (*Подходитъ къ двери будуара и поднимаетъ портьеру*). Мари! можно къ тебѣ Жоржу?

Марья Степановна (*изъ-за двери*). — Да.

Иванъ Петровичъ. — Ступай къ ней! До свиданья! (*Быстро идетъ вонъ*).

Жоржъ. — Дядюшка! Иванъ Петровичъ!

Иванъ Петровичъ (*оборачиваясь въ дверь*). — Что еще тебѣ?

Жоржъ. — Отчего это вы не рѣшаетесь никогда выгнать меня отъ себя въ шею?

Иванъ Петровичъ. — Ахъ, школьникъ! (*Исчезаетъ за дверью*).

II.

(*Будуаръ Марьи Степановны, маленькая комната. Марья Степановна сидитъ въ уголкѣ дивана, закутавшись въ большую шаль*).

Жоржъ (*входя*). — Здравствуйте, ma tante!

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — Bon jour, George. (*Подаетъ ему руку*).

ЖОРЖЪ (*наклоняясь, чтобы поцѣловать руку Марьи Степановны*). — А вы опять плакали?

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — Нѣтъ; у меня болитъ голова.

ЖОРЖЪ. — Опять вы скрытничаете.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — А вы опять не слушаетесь меня?... Не хорошо.

ЖОРЖЪ. — Что такое?

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — Я слышала, какъ вы спорили съ мужемъ. Вы несправимы.

ЖОРЖЪ. — Что жь мнѣ дѣлать съ моимъ характеромъ?... Да наконецъ и добьюсь же я, что Иванъ Петровичъ перестанетъ приставать къ вамъ съ предложеніемъ ѣхать на поклонъ къ Луизѣ Ивановнѣ.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — Богъ знаетъ! Мнѣ кажется, отъ вашихъ споровъ я буду плакать еще больше. Вѣдь они только сердятъ мужа. Пожаляйте меня немножко, Жоржъ: я и такъ часто плачу.

ЖОРЖЪ (*беретъ ее за руку*). — Ради Бога, простите меня! Я не буду... Никогда, никогда... Только не сердитесь.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — Полноте! Вы знаете, я не умѣю на васъ сердиться. Вы мнѣ прочитаете сегодня что-нибудь?

ЖОРЖЪ (*нерешительно*). — Да... я хотѣлъ было.... Принесъ.... Но....

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — Но — вамъ лѣнь.

ЖОРЖЪ. — Нѣтъ, я думалъ, что вы слишкомъ разстроены — не захотите слушать.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — Что вы принесли такое?

ЖОРЖЪ. — Новую комедію Островскаго... она не была еще здѣсь на сценѣ.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — Хороша?... какъ названіе?

ЖОРЖЪ. — «Бѣдная невѣста.»

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — Ужь это не драма ли скорѣе, чѣмъ комедія?

ЖОРЖЪ. — Почти.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА. — Лучше бы что нибудь повеселѣе принесли. Или нѣтъ! читайте, читайте!... Можетъ быть это на меня похоже.

(*Жоржъ приближается къ столу и развертываетъ книгу*).

III.

(Тотъ же вечеръ. Гостиная Луизы Ивановны, вся въ зеркалахъ и зелени. Луиза Ивановна въ глубокомъ креслѣ у камина. Около нея, на скамеечкѣ, Крапулинскій).

Крапулинскій. — Дайте же ножку!

Луиза Ивановна. — Какая гадость эти англійскіе проборы! Точно пополамъ расколота голова. Зачѣмъ вы носите такъ? (Заслоняется вперомъ отъ оня).

Крапулинскій. — Такъ всѣ носятъ.

Луиза Ивановна. — Къ вамъ нейдетъ.

Крапулинскій. — Завтра явлюсь къ вамъ въ другой прищекъ. А что же ножку?

Луиза Ивановна. — Ахъ, отвяжитесь, пожалуста! Какъ вы надоѣли мнѣ съ ножкой! Ну, чего не выдали? (Показываетъ чулокъ). Сидите же смирно теперь! Посмотрѣли — и довольно. Ахъ, Боже мой! шалунъ! что онъ дѣлаетъ!

Крапулинскій. — Душенька, Луиза Ивановна!

Луиза Ивановна (вставая). — Подите прочь! Не хочу васъ знать... И хлопотать объ васъ не стану.

Крапулинскій (беретъ ее за руку). — Ну простите же, простите!

Луиза Ивановна. — Вотъ теперь и простите!... Ну, ужъ Богъ съ вами!... Будь на нашемъ мѣстѣ другой, я бы... Впрочемъ вы сами знаете это... (опять садится).

Крапулинскій. — Я знаю только одно, Луиза Ивановна, что влюбленъ въ васъ по уши; что же касается до васъ....

Луиза Ивановна (перебивая). — А вамъ бы все разомъ: в мѣсто и — encore quelque chose.... C'est un peu trop, et puis... Подите, я скажу вамъ на ушко! (Крапулинскій наклоняется къ ней). Ахъ, Боже мой! да что съ вами? Васъ точно тарантулъ укусилъ. Сядьте, пожалуста, на мѣсто!... Слышите меня! Это вѣрно Иванъ Петровичъ. Вотъ увидите, онъ для меня все сдѣлаетъ... очень боится меня. Вѣдь я его въ люди вывела...

(Входитъ слуга).

Слуга. — Господинъ Копыловъ.

Луиза Ивановна. — Проси! (Крапулинскому). Я васъ познакомлю, а потомъ вы можете оставить насъ en tête à tête.

(Слуга отворяетъ дверь, пропускаетъ въ нее Ивана Петровича и удаляется).

Иванъ Петровичъ (подходя къ Луизѣ Ивановнѣ и прикладывая шляпу къ сердцу). Виноватъ, безконечно виноватъ, добрѣйшая Луиза Ивановна!... Опоздалъ немного... (кланяется).

Луиза Ивановна (*подаетъ ему руку, не перемѣняя положенія*). — Ничего, я никуда не ѣду сегодня.... Вѣрно были заняты?... Да?

Иванъ Петровичъ. — Да... или — виновать! Неприятный случай задержалъ меня.

Луиза Ивановна. — Что такое?

Иванъ Петровичъ. — Одинъ безтолковый посѣтитель, отъ котораго я насилу отдѣлялся.

Луиза Ивановна (*показывая на Крапулинскаго*). — Вы не знакомы?... Крапулинскій, Октавіанъ Станиславичъ, большой мой пріятель.... Иванъ Петровичъ Копыловъ.

Иванъ Петровичъ (*подаетъ руку Крапулинскому*). — Очень радъ, очень радъ познакомиться. Мы какъ будто ужъ встрѣчались гдѣ-то?

Крапулинскій. — Я видѣлъ васъ на прошлой недѣлѣ у барона Мерзенштейна.

Иванъ Петровичъ. — Точно, точно.... Очень радъ... (*ожметъ руку Крапулинскому*).

Луиза Ивановна. — Да! чтобъ не позабыть.... Иванъ Петровичъ!

Иванъ Петровичъ (*быстро подходя къ ней*). — Что прикажете?

Луиза Ивановна. — Я слышала, у васъ есть мѣсто въ канцеляріи.

Иванъ Петровичъ. — У меня-съ?

Луиза Ивановна. — Да.

Иванъ Петровичъ (*потирал переносицу*). — Позвольте, позвольте!... (*опускаетъ руку и поднимаетъ голову*). Рѣшительно нѣтъ ни одного мѣста, Луиза Ивановна.... Про мою ли канцелярію вамъ говорили?

Луиза Ивановна. — Именно про вашу.

Иванъ Петровичъ (*съ недоумѣніемъ*). — Не понимаю, какъ это вышло.

Луиза Ивановна. — Можетъ быть теперь нѣтъ, но должно очиститься. Никто не думаетъ выходить въ отставку у васъ?

Иванъ Петровичъ. — Сколько мнѣ извѣстно, никто.

Луиза Ивановна. — Крапулинскій, что вы со шляпой?... Ахъ, да! вѣдь вы въ оперу!... (*подаетъ ему руку*). Мы увидимся завтра?

Крапулинскій. — Я заѣду поутру.

Иванъ Петровичъ (*на поклонъ Крапулинскаю*). — Мое почтеніе.... Очень радъ....

(*Крапулинскій уходитъ*.)

Луиза Ивановна. — Садитесь, Иванъ Петровичъ.

Иванъ Петровичъ (*садясь*). — Вы привели меня въ недоумѣніе вашимъ вопросомъ, Луиза Ивановна!

Луиза Ивановна. — А что?

Иванъ Петровичъ. — Да вѣдь мѣста-то нѣтъ, божусь!

Луиза Ивановна. — Нѣтъ, такъ будетъ.

Иванъ Петровичъ. — Этого тоже нельзя сказать определенно.

Луиза Ивановна. — Полноте! все зависитъ отъ васъ.

Иванъ Петровичъ (*задумчиво*). — Конечно.... но....

Луиза Ивановна. — Вы не желаете угодить мнѣ.... скажите прямо!

Иванъ Петровичъ (*съ безпокойствомъ*). — За что вы такъ обижаете меня, Луиза Ивановна?... Я всегда былъ и всегда буду готовъ служить вамъ, чѣмъ только могу, что только въ моей власти.... Но.... какое же мѣсто, Луиза Ивановна?... Вѣдь у меня много разныхъ мѣстъ.

Луиза Ивановна. — Разумѣется, хорошее.... чиновника особыхъ порученій, секретаря — что у васъ тамъ бываетъ получше.

Иванъ Петровичъ. — Не будетъ это нескромностью съ моей стороны — спросить, за кого вы хлопчете?

Луиза Ивановна. — Конечно, это будетъ нескромность.... Вѣдь вы мнѣ не общаете ничего!... Будетъ съ васъ, если скажу, что у васъ въ канцеляріи нѣтъ такого мѣста, котораго бы онъ не могъ занять по своему чину.... Это вамъ нужно знать, и поэтому я говорю. — Кромѣ того, согласитесь — развѣ я предложу вамъ человѣка, не стоящаго вниманія?

Иванъ Петровичъ (*въ сильномъ смущеніи*). — Вы позвольте мнѣ подумать, какъ бы это устроить?

Луиза Ивановна. — Можете думать, сколько вамъ угодно; я васъ не тороплю. — Да скажите: вы всѣми у себя въ канцеляріи довольны?

Иванъ Петровичъ. — Какъ отвѣчать вамъ на это, Луиза Ивановна?... Я всячески стараюсь, чтобы составъ канцеляріи былъ у меня избранный.... чтобы люди были образованные — болѣе или менѣе ловкіе.... Вы знаете, Луиза Ивановна — это та-

кое ужь мѣсто, что требуетъ.... требуетъ.... особенной.... презентабельности.

Луиза Ивановна. — Вотъ я вамъ именно такого человека и предлагаю.... А у васъ, вѣрно, разные есть?

Иванъ Петровичъ. — Есть, ваша правда, Луиза Ивановна.... но.... я все-таки никакъ не могу рѣшить.... рѣшить сейчасъ, какъ бы сдѣлать это дѣло....

Луиза Ивановна. — Я ужь сказала вамъ, что не тороплю васъ.... Но смотрите же! (*Грозитъ ему птеромъ*).

Иванъ Петровичъ. — Постараюсь, постараюсь, Луиза Ивановна.

Луиза Ивановна. — Я увѣрена въ васъ.

(*Молчаніе*.)

Иванъ Петровичъ (*посль непродолжительной задумчивости*). — Вы не поручите мнѣ больше ничего, Луиза Ивановна?

Луиза Ивановна. — Ничего. Я только за этимъ и просила васъ къ себѣ.

Иванъ Петровичъ (*оставая*). — Такъ пока до свиданья, Луиза Ивановна. Ничего вѣрнаго.... то-есть, положительнаго.... теперь не могу еще сказать.... но.... постараюсь, всѣми мѣрами постараюсь....

Луиза Ивановна (*подавая ему руку*). — Надѣюсь, вы не захотите нажать во мнѣ врага!... это едва ли не первая просьба моя къ вамъ, Иванъ Петровичъ.... Можетъ быть я и еще на что-нибудь пригожусь вамъ....

Иванъ Петровичъ (*цѣлуя руку Луизы Ивановны*). — На дняхъ привезу вамъ отвѣтъ. (*Раскланивается и уходитъ*.)

IV.

(*Утро. Кабинетъ Ивана Петровича. Онъ сидитъ за письменнымъ столомъ, но не смотритъ въ лежащія передъ нимъ бумаги и задумчиво вертитъ табакерку*.)

Иванъ Петровичъ. — Задала задачу, проклятая! А вѣдь надо разрѣшить.... Только ею одной и держусь.... Пренеприятное положеніе.

(*Входитъ слуга*.)

Слуга. — Господинъ Пузыревъ.

Иванъ Петровичъ. — Зови! (*Слуга уходитъ*). Боже мой! какое щекотливое положеніе!

(*Входитъ Пузыревъ*.)

Пузыревъ. — Ваше превосходительство извоили требовать меня.

Иванъ Петровичъ. — Да. Вотъ въ чемъ дѣло... (*Глядя на табакерку.*) Мнѣ говорили, что вы ищете себѣ мѣста въ другомъ вѣдомствѣ.

Пузыревъ. — Это несправедливо, ваше превосходительство.

Иванъ Петровичъ. — Однако — отчего жъ могъ возникнуть этотъ слухъ?... Значить... значить, вы недовольны службой подъ моимъ начальствомъ... выражали гласно свое недовольство... и вотъ... возникъ такой слухъ?

Пузыревъ. — Помилуйте, ваше превосходительство! Чѣмъ быть мнѣ недовольнымъ, и на что жаловаться? Лучшаго мѣста, чѣмъ то, которое я занимаю, мнѣ не найти. Да я и не желаю иного мѣста. Здѣсь, какъ извѣстно вашему превосходительству, я служу очень давно — скоро будетъ двадцать лѣтъ: я привыкъ и къ ходу дѣлъ, и къ правильному исполненію своей обязанности. Ужъ не въ мои года метаться изъ мѣста въ мѣсто. Отъ добра добра не ищутъ, ваше превосходительство. И способности мои не такія, чтобы искать повышеніи по службѣ.

Иванъ Петровичъ. — Вотъ видите, вы сами говорите, что у васъ нѣтъ способностей; а между-тѣмъ... (*Ворухъ сморкающъ.*)

Пузыревъ. — Потому-то и не ищу другаго мѣста.

Иванъ Петровичъ. — Да кто васъ убѣдилъ, что вы способны именно для своего теперешняго мѣста?

Пузыревъ. — Я не имѣлъ несчастія никогда получать ни нагѣйшаго замѣчанія — ни отъ вашего превосходительства, ни отъ предмѣстника вашего

Иванъ Петровичъ (*съ смущеніем*). — Да... но...
(*Молчаніе.*)

Пузыревъ. — Если этотъ ложный слухъ навлекъ на меня гнѣвъ вашего превосходительства, то умоляю забыть объ немъ какъ о неосновательномъ. Божусь, ваше превосходительство, и мысли не было...

(*Молчаніе.*)

Иванъ Петровичъ (*жестко*). — Скажу вамъ прямо: я вами вообще недоволенъ!

Пузыревъ. — Чѣмъ прогнѣвилъ я ваше превосходительство?

Иванъ Петровичъ. — Прикажете мнѣ отчетъ вамъ отдавать въ моихъ чувствахъ?

Пузыревъ. — Не отчетъ, ваше превосходительство... я желалъ бы только оправдать себя въ вашихъ глазахъ. Если бы я зналъ причину...

Иванъ Петровичъ. — По вашему, я и причины не могу имѣть?

Пузыревъ. — Можетъ-быть, клевета какая-нибудь, ваше превосходительство....

(Молчаніе.)

Иванъ Петровичъ (рѣшительно). — Я долженъ сказать вамъ коротко и ясно, чтобы вы искали мѣста по другому вѣдомству. На это я вамъ даю двѣ недѣли срока. Больше вы не можете оставаться у меня и должны будете подать въ отставку.

Пузыревъ. — Помилосердитесь, ваше превосходительство! Чѣмъ....

Иванъ Петровичъ (перебивая его). — Я не могу вамъ давать никакихъ объясненій. Знайте, что это неизмѣнно рѣшено.... неизмѣнно — слышите?

Пузыревъ (въ сильномъ волненіи). — Ваше превосходительство! И преступнику даютъ средства къ оправданію....

Иванъ Петровичъ (сердито). — Боже мой! почему вы знаете, что я — именно я гоню васъ? (вставая). — Я не могу ничего для васъ сдѣлать. Прощайте!

Пузыревъ (тупо). — Прощайте, ваше превосходительство. (Кланяется какъ-то странно и уходитъ.)

Иванъ Петровичъ (рассаживая по кабинету). — Жаль старика.... И дѣльный чиновникъ!... А что будешь дѣлать?... что?... Не потерять же мнѣ пзъ-за него свое мѣсто....

V

(Льстница Англійскаго магазина. Луиза Ивановна и Иванъ Петровичъ встрѣчаются посредишь.)

Луиза Ивановна. — А! Иванъ Петровичъ!... Ну что ваше дѣло?

Иванъ Петровичъ. — Я только-что хотѣлъ ѣхать къ вамъ, Луиза Ивановна, и сообщить вамъ, что все устроено по вашему желанію.

Луиза Ивановна. — Merci!... Заѣзжайте вечеромъ!... Я знала, что вы обязательный человекъ.... До свиданья!

(Расходятся).

Илл. Михайловъ.

ОМЕРА И ЕЯ НОВѢЙШЕЕ НАПРАВЛЕНІЕ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Критическій этюдъ.

Статья первая.

Первые въ этомъ отношеніи были
пѣмцы, которымъ честь и слава
за многое въ области мысли.

А. Хеминголь.

(въ статьѣ о картинѣ Иванова).

Какая можетъ быть главная цѣль всякаго добросовѣстнаго журнала, если не — просвѣщеніе? Вѣрный взглядъ на искусство не находится ли въ тѣснѣйшей связи съ вѣрнымъ пониманіемъ умственной жизни вообще!

Притомъ вопросы по искусству — въ широкомъ ихъ значеніи и примѣненіи, получаютъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе гражданства въ нашей литературѣ. Искусства, поэзія, художественная критика не могутъ не возбуждать горячаго сочувствія въ образованномъ классѣ нашего народа, такъ богато-надѣленнаго умственными и душевными силами. Въ насъ нѣтъ французской узковзглядности и ложнаго патриотизма, который на все чужое, хотя бы превосходное, смотритъ съ пренебреженіемъ только потому, что оно — чужое. Мы, младшіе братья въ европейской семьѣ, обязаны отдавать полную справедливость всему, что есть хорошаго у старшихъ братьевъ, обязаны понять красоты цивилизаціи для насъ не родной, но доступной, симпатической, какъ все истинно-человѣческое. Не сочувствуя элементамъ выработавшимся въ Германіи, мы не будемъ въ состояніи развить дальше то, что учителя наши даютъ намъ въ наслѣдственное достояніе. Кто знаетъ, — быть можетъ, именно въ русскихъ людяхъ, въ нѣдрахъ русскихъ богатыхъ натуръ покоятся художественныя данныя, которымъ суждено далеко превзойти многое, бывшее на западѣ и сіяющее уже въ блескѣ высшаго величія и славы. Ивановъ, Глинка — примѣры блистательные, залогомъ будущности для русскаго искусства — великолѣпной.

Кто знает — быть может именно въ музыкѣ, въ искусствѣ, которое пользуется особенною, повсемѣстною симпатіею въ наше время Россіи суждено пойти дальше самихъ германцевъ. Но времена гадательнаго, инстинктивнаго развитія для художниковъ теперь уже безвозвратно миновались. Наша эпоха требуетъ отъ художника дѣятельности сознательной, глубоко-просвѣщенной, — иначе въ мірѣ искусства теперь и шагу ступить нельзя. Успѣшныя стремленія современныхъ русскихъ умовъ къ высшей критикѣ, по всѣмъ областямъ умственной жизни, могутъ обѣщать именно для Россіи будущее, богатое развитіемъ ея художниковъ — мыслителей.

По всему этому слѣдуетъ стараться усвоивать себѣ заблаговременно ясныя понятія о движеніи искусства на западѣ, о томъ, что теперь дѣлается по той или другой части въ земляхъ, которыхъ всеобщее господство въ царствѣ мысли не признавать невозможно.

Смотря съ такой точки, читатели наши увидятъ необходимость, почему «Русское Слово» обязано молвить на первыхъ порахъ о предметѣ, который выставленъ въ заглавіи этой статьи.

Вотъ уже цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, какъ всѣ музыкальныя головы самой музыкальной земли въ свѣтѣ сильно взволнованы литературною и музыкальною дѣятельностію автора многихъ оперъ, Рихарда Вагнера.

У насъ (кромя остзейскихъ провинцій) знаютъ объ этомъ нововводителѣ, реформаторѣ искусства едва по имени, кое-гдѣ мелькающемъ въ печати, да по сарказмамъ, которые въ Германіи изобрѣтаются врагами геніальнаго человѣка и имѣютъ свою цѣль, а у насъ, какъ во Франціи, находятъ въ журналахъ и въ салонныхъ толкахъ отголосокъ совершенно пустой, безъ значенія. Какъ только рѣчь зайдетъ о такъ называемой «музыкѣ будущности» (*musique de l'avenir, Zukunftsmusik*), жалко читать, жалко слушать! Это все толки вкривь и вкось о предметѣ, хуже чѣмъ неизвѣстность, потому-что такіе толкователи имѣютъ о немъ превратное понятіе по невѣрнымъ слухамъ; судятъ и рядятъ, диктаторски порѣшаютъ эстетическіе вопросы — совѣмъ не зная въ чемъ и о чемъ дѣло!

Увѣряютъ, напримѣръ, и въ Россіи, что Вагнерова музыка какой-то антимзыкальный наборъ аккордовъ, дикихъ модуляцій безъ малѣйшихъ признаковъ мелодіи, что тутъ, съ притязаніемъ на новизну, на реформу, испровергнуты всѣ основныя законы искусства, что оперы эти — верхъ нелѣпости, чудовищности,

натянутости и къ тому же немилосердо-скучны, потому что, продолжаясь четыре часа, на девять десятыхъ долей состоятъ изъ речитативовъ; что, слѣдовательно, быть приверженцемъ такого противухудожественнаго направленія значитъ выказать самое отчаянное безвкусіе или глухое пристрастіе, въ угоду какимъ нибудь особымъ убѣжденіямъ, постороннимъ для искусства.

Въ такомъ точно смыслѣ, съ голоса европейскихъ знаменитостей, какъ Скудо и Фетисъ, ополчался противъ Вагнера и нѣкій прославленный знатокъ музыки изъ нашихъ соотечественниковъ, послѣднюю свою книгою о Бетховенѣ, весьма опозорившій въ Европѣ имя русской музыкальной критики. И онъ, разумѣется, судилъ о Вагнерѣ, не слыжавъ ни одной изъ его оперъ, и не зная изъ его музыки порядочно ни единой строки.

Чтобы обезоружить кривотолковъ, есть рѣшительное средство: надобно дать публикѣ нашей услышать самыя произведенія Вагнера.

Но Вагнеровы оперы требуютъ оперной сцены нѣмецкой, — еще не переведены и, по своему національно-нѣмецкому характеру, почти непереводимы. У насъ же (кромя Ревеля и Риги) нѣмецкихъ оперныхъ театровъ нѣтъ, да и главный оперный дирижабль направленъ ни чуть не къ нѣмецкому искусству, а къ моднымъ операмъ Верди.

И такъ эмпирическое опроверженіе незлѣпостей въ настоящемъ случаѣ — еще невозможно, еще приходится долго ждать его. Надобно довольствоваться опроверженіемъ черезъ выводы и доказательства — при помощи сравненія.

Это — трудно, только не невозможно. Самое подробное описаніе картины не даетъ, разумѣется, идеи объ ней для того, кто ея не видалъ. Но если вамъ скажутъ, что она стилемъ, характеромъ, школою родственна такой или другой картинѣ, или нѣсколькимъ вмѣстѣ изъ картинъ, вамъ уже извѣстныхъ, то — вмѣстѣ съ изложеніемъ содержанія, группировки и т. д., сравненіе можетъ подать вамъ нѣкоторое о картинѣ понятіе. По крайней мѣрѣ — если знакомящій васъ самъ смотритъ вѣрно — вы уже избѣгнете возможности судить о картинѣ совѣмъ превратно и незлѣпо, вы будете отчасти знакомы съ ея духомъ и направленіемъ. Такъ и въ отношеніи къ музыкѣ: сравненія съ извѣстными могутъ сообщить нѣкоторыя идеи о неизвѣстномъ. Такое предварительное ознакомленіе читателей съ направленіемъ Вагнеровыхъ оперъ, съ результатами его чрезвычайно-важныхъ для искусства стремленій, — ознакомленіе на основаніи положитель-

ныхъ данныхъ, въ отпоръ клеветникамъ и пустымъ кривотолкамъ, — вотъ главная цѣль предлагаемаго здѣсь критическаго очерка.

I.

Слово *Опера*, сдѣлавшееся техническимъ терминомъ для всѣхъ музыкально-сценическихъ произведеній, очень обширно, эластично. Какъ подъ словомъ *картина* разумѣются и Дрезденская Мадонна и пейзажъ Клодъ-Лоррена и сцена въ голландской корчмѣ Теньера, такъ и слово *опера* обнимаетъ понятія, другъ-на-друга слишкомъ мало похожія.

Опера и «Гугеноты», опера и «Севильскій цирюльникъ», опера и «Вильгельмъ Телль», опера и «Аскольдова могила», опера и «Весталка» Спонтини и «Фра-Діаволо» Обера, и «Травиата» Верди и «Жизнь за Царя» Глинки.

Прежде очень любили дѣлать всю музыку вообще на итальянскую и нѣмецкую, а оперы дѣлать на серьезные и комическія. Коротко и ясно, только не весьма вѣрно и не совсѣмъ обстоятельно. Музыка, — въ нынѣшнемъ ея значеніи, какъ отдѣльное искусство, зародившись въ христіанствѣ среднихъ вѣковъ, развивалась преимущественно и самостоятельно въ трехъ народахъ: у итальянцевъ, у нѣмцевъ и у французовъ.

Точно такъ и опера, — приложеніе музыки къ особому роду театральныхъ представленій, — зародившись въ Италиі, въ началѣ XVII столѣтія, разработалась въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ и разрослась до громаднаго значенія въ искусствѣ вообще, почти одновременно, параллельно въ тѣхъ же трехъ народахъ, властвующихъ судьбами музыки.

Самое происхожденіе оперныхъ представленій, мѣстныя данныя и условія, подъ вліяніемъ которыхъ происходило историческое развитіе оперы въ Италиі, Германіи и Франціи, произвели — въ совершенной независимости отъ кабинетныхъ эстетическихъ идеаловъ, — нѣсколько разныхъ *типовъ* оперы, болѣе или менѣе родственныхъ между собою, но и различествующихъ въ отношеніяхъ весьма существенныхъ, въ цѣломъ складѣ и направленіи.

Подробное изложеніе генезиса и характера каждаго изъ типовъ — дѣло прагматической исторіи музыки (задача, доселѣ еще невыполненная).

Для нашей цѣли достаточно будетъ указать типы въ ихъ главныхъ чертахъ.

Первой типъ — Итальянская серьезная опера (opera seria). Зародышъ этого типа — въ самыхъ первыхъ начаткахъ оперы. Спектакль блестящій, праздничный (иногда: pièce d'occasion) съ постояннымъ расчетомъ на концертную виртуозность пѣвцовъ. Оттого тутъ на первомъ планѣ — колоратурныя, бравурныя арія главныхъ солистовъ. Смысль драматическій, всегда съ господствомъ риторической напыщенности, только на подмогу аріямъ и второстепеннымъ за ними дуэтамъ, терцетамъ и т. д. Хоры — необходимое украшеніе для большей пышности и торжественности. Марши, иногда балеты — для той же цѣли, но участіе ихъ не обязательно. Нумера музыки связаны между собою речитативами по условной формѣ и съ очень ограниченнымъ участіемъ оркестра. Число актовъ отъ двухъ до трехъ. Образчикъ этого рода оперъ, — на примѣръ «Семипрамида» Россини. Сюда входятъ и чисто-трагическія итальянскія оперы, на примѣръ «Норма» Беллини (tragedia lirica) — «Ломбардцы» Верди и т. д.

Второй типъ — Итальянская комическая опера (opera-buffa). Спектакль, происхожденіемъ своимъ обязанный ярмарочнымъ арлекинадамъ, оттого основой тутъ комическая интрига, забавныя положенія, близкія къ фарсамъ, оттого, необходимая принадлежность: стереотипныя шутовскія роли, (потомки типическихъ итальянскихъ масокъ: Sbrigella, Tartaglia etc.), и хоть нѣсколько спецъ допускающихъ паясничанье (lazzi). Въ внѣшнемъ складѣ: каватинны и аріи, болѣе или менѣе бравурныя, для примадонны и тенора, сцены, аріи, дуэты, терцеты и т. д. въ стилѣ бучфоскороговоркой для шутовскихъ ролей (обыкновенно басы). (Связь между нумерами музыки — речитативы (recitativi secchi, въ прежнее время съ одними клавицинными акордами, вмѣсто оркестра). Финалы болѣе или менѣе развиты. Участіе хоровъ менѣе обязательно, чѣмъ въ серьезныхъ операхъ.

Образцы этого типа — «Тайный бракъ» Чимарозы, «Севильскій цирюльникъ» Россини, «Любовный напитокъ» «Донъ-Паскуале» Доницетти.

Третій типъ итальянскихъ оперъ — средній между двумя поименованными: опера полу-серьезная (semi-seria o mezzo-comata). Этотъ родъ явился исторически позже первыхъ двухъ и составляетъ переходъ отъ комедіи музыкальной къ музыкальной трагедіи, т. е. обнимаетъ всѣ тѣ оперныя сюжеты, въ которыхъ есть сцены и комическія, и серьезныя, — на примѣръ «Сорока-воровка» Россини. — Число актовъ — два или три. Сюда же относится знаменитая опера Моцарта на итальянскій текстъ,

въ двухъ дѣйствіяхъ, и подъ рубрикою «*dramma giocoso*», а именно: «Донъ-Жуанъ».

Одно присутствіе серьезныхъ, патетическихъ сценъ и пѣльных ролей, отличаетъ этотъ типъ оперъ отъ типа комическаго.—Внѣшній складъ—совершенно тотъ же, что въ оперѣ—буффѣ. Участіе хоровъ и дивертисментовъ не менѣе произвольно и весьма ограничено. (Въ Донъ-Жуанѣ хоровъ почти нѣтъ). Переходимъ къ Франціи.

Четвертый типъ — французская большая опера. Происхождение ея совсѣмъ тоже, какъ и итальянской серьезной оперы: праздничное, пышное, блестящее, увеселительное зрѣлище. Только, при меньшемъ расположеніи французовъ къ виртуозно-вокальной сторонѣ, во французской большой оперѣ особенно развилась декламация. Во времена Лудовика XIV, эти спектакли, для которыхъ тексты аллегорическіе и мнѳологическіе писалъ, между прочими—Мольеръ, а музыку—Лулли, были постоянно пополамъ съ балетомъ (*opéras-ballets*). Преемникъ Лулли Рамò (Rameau), работая на тексты Кинò (Quinault), уже весьма заботился о драматическомъ смыслѣ оперы, какъ пьесы.

Великій драматикъ въ музыкѣ Глукъ, для совершенія на почвѣ французской своей глубоко-задуманной реформы противъ виртуозничанія итальянцевъ,—воспользовался формами, подготовленными въ произведеніяхъ Лулли и Рамò. Но и въ высоко-трагическихъ операхъ Глука условные элементы риторичности и праздничныхъ дивертисментовъ, балетовъ—остались еще въ полной силѣ; та же «*conditio sine qua non*» сохранилась и до нашихъ дней въ произведеніяхъ Спонтини, Россини, Обера, Мейера, Галеви, писанныхъ для театра Парижской большой оперы.

И такъ, характеръ этого рода представленій, въ отличіе отъ итальянской, серьезной оперы: больше-развитая соотвѣтственность драматической задачѣ, и слѣдовательно большій упоръ на декламацию и речитативы, въ связи съ оркестровой обработкой; непремѣнное присутствіе, по крайней мѣрѣ, двухъ дивертисментовъ въ теченіе оперы;—непремѣнное великолѣпіе спектакля, затѣйливость декорацій и постановки;—число актовъ, не менѣе трехъ, а въ позднѣйшее время всего чаще: пять.

Въ этихъ строго соблюдаемыхъ условіяхъ писаны: Весталка,—Кортецъ,—Нѣмая въ Портичи,—Вильгельмъ Телль,—Робертъ,—Гугеноты, — Жидовка — Пророкъ.

Пятый типъ — французская комическая опера. Она образовалась изъ комедіи съ кушетами (*comédie à ariettes*) и въ сущ-

ности сохранила легкой характеръ *codex*, увеличеннаго до оперныхъ размѣровъ. Нумера музыки, котя бы и весьма развитые, являются вставками среди пьесы, которая идетъ въ обыкновенной разговорной прозѣ, не речитативомъ и безъ всякаго участія оркестра.

Главные сцены,—сплетенія интриги, завязка, развязка часто проходятъ вовсе безъ музыки, которая участвуетъ, большею частью, эпизодически.

Дивертисментовъ, балетовъ среди этихъ оперъ не бываетъ. Блескъ детрационный тоже *ad libitum*. Сюда относятся типическія въ этомъ родѣ произведенія Гретри, Монтинья, Изуара, Боальдѣ и плодовитаго Обера: (Жокондъ, Жанъ Парижскій, — *La Dame blanche*,—Каменщикъ,—Невѣста,—Фра-Дяволо и т. д.)

Замѣчательно, что въ зависимости отъ театра (*Théâtre Feydeau ou de l'oréga-comique*), для котораго писаны, подъ внѣшнія условія этого же типа должны были подойти оперы содержанія и направленія совсѣмъ пнаго, очень серьезнаго. А именно оперы Керубини: Медей (чисто-трагическая на античный сюжетъ), Лодонска, Водовозъ; и оперы Мегюля: Ариоданъ, Эвфрозина, Стратоника, Иосифъ въ Эгиптѣ.

Такъ образовался *шестой* по нашему счету, *средній типъ французскихъ оперъ*, который по характеру сблизился съ итальянскими полу-серьезными операми; но по отсутствію речитативныхъ сценъ, очень отъ нихъ отличается.

Германія, долгое время не имѣвъ самостоятельныхъ оперныхъ театровъ, продовольствовалась Итальянскими виртуозными операми. Въ такомъ стилѣ для Германскихъ придворныхъ сценъ писали свои оперы: Гассе, Кальдара, Гомелл, почти исключительно на сюжеты античныя, мифологическія. Но, малу по малу, въ потребностей народа Германскаго возникъ особый типъ драматическихъ представленій съ музыкою «*Liederspiel*» или «*Singspiel*». Типъ этотъ очень родственъ французской «*comédie à ariettes*», но, по мѣстному характеру чисто-нѣмецкихъ шутокъ, (*Possen*) всегда тяжеловѣсныхъ, и по нѣкоторымъ особенностямъ фактуры, такъ же какъ и по языку—долженъ составить особую категорію, т. е. *седьмой типъ*, комическую оперу нѣмецкую (*Lieder-oder Singspiel*), примѣры: «Докторъ и Аптекарь» Дитерсдорфа, «Вѣнцы въ Берлинѣ» Венцеля Мюллера и т. д.

При большемъ своемъ развитіи, этотъ родъ спектаклей захватилъ, кромѣ комическихъ, сюжеты и волшебные съ полетами и превращеніями, на половину, а наконецъ и совсѣмъ серьезно-

драматическіе, и этимъ въ сущности сближился съ операми «mezzo-carattere» Итальянцевъ и съ полу-серьезными операми театра «Feudeau».

Такъ образовался *осьмой типъ*:—*большая опера національно-нѣмецкая*. (Grosse Oper, — иногда romantische Oper). Свойства ея внѣшняго склада: разговорная проза (какъ во французскихъ opéra-comique), — отсутствіе стѣснительныхъ риторическихъ условій, участіе хоровъ и танцевъ произвольное, — большой расчетъ на занимательность текста и на разнообразіе сценическихъ эффектовъ, — число дѣйствій: два или три. Къ этому типу относятся: «Бельмонтъ и Констанца»,—«Волшебная Флейта»—Моцарта, «Фиделио» Бетховена,—«Фрейшюцъ и Оберонъ» Вебера. Нѣмцы для обогащенія своего опернаго репертуара, подъ этотъ свой типъ подвели и переводныя оперы Французскія съ діалогомъ,—какъ «Водовозъ», «Иосифъ», всѣ Оберовы и т. д. — подвели и итальянскія комическія и полусерьезныя, отбросивъ речитативы и замѣнивъ ихъ прозою; — такъ явились на нѣмецкой сценѣ и приобрѣли популярность: Донъ-Жуанъ, Свадьба Фигаро, Любвиный напитокъ, Цирюльникъ, Сорока-воровка и т. д.)

Шпоръ въ «Лессондѣ», и Веберъ въ «Эвриантѣ» усовершенствовали нѣмецкую большую оперу, обративъ разговорныя сцены въ сплошныя речитативы, какъ у Глука и Спонтини. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, нѣмецкая романтическая опера почти слилась съ типомъ большой оперы Французской, — удержавъ впрочемъ трехъактность и независимость отъ рутинныхъ требованій напыщенной риторикки, — дивертисмента и великолѣпнаго спектакля «obligato».

Размѣстивъ пеструю толпу всѣхъ существующихъ въ свѣтѣ оперъ подъ опредѣленныя категоріи, изъ сравненія этихъ категорій мы убѣдимся тотчасъ, что типы, возникшіе у одного народа, имѣли болѣе или менѣе сильное вліяніе на родственные и уже разившіеся типы у сосѣднихъ народовъ. Истинныя художники всегда «эклетики» по своей натурѣ. Они и у чужихъ тотчасъ заимствуютъ то, что хорошо и примѣняютъ, приспосабливаютъ это хорошее по влеченіямъ собственнаго вкуса и данныхъ условій. Подробная исторія оперы въ Италіи, Франціи и Германіи представила бы намъ тотъ общій ходъ, что каждый творецъ драматической музыки, — заставъ въ странѣ, для которой писалъ, уже сложившіеся типы оперъ, — по внушенію индивидуальнаго вкуса и таланта, привилъ къ этимъ типамъ новыя элементы, разработанные въ другихъ странахъ.

Такъ Глукъ, задумавъ свой энергическій протестъ, противъ итальянскаго виртуознаго направленія, задумавъ сколько можно больше сплотить музыку оперы съ ея драматическимъ смысломъ, избралъ для своей реформы такую почву, гдѣ Лулли и Рамо были уже гораздо ближе къ драматическимъ задачамъ, нежели Итальянцы. Между тѣмъ пребываніе Глука въ Италиі и произведеніе имъ въ продолженіи 30 лѣтъ многихъ оперъ въ чисто-итальянскомъ вкусѣ того времени не дозволило и Глуку, не смотря на его реформаторскія начала, совершенно отрѣшиться отъ многихъ итальянскихъ формъ. Этими формами онъ чрезвычайно обогатилъ французскую оперную музыку, въ которой собственно-покальная кантилена, отъ слабо развитой виртуозности исполнителей, была еще на степени весьма незначительной.

Такъ Моцартъ, гармоническимъ равновѣсіемъ своихъ музыкальныхъ силъ, призванъ былъ къ сліянію школы итальянской (его времени) съ школою Глука и съ начинаніями самостоятельной нѣмецкой оперы.

Въ итальянскія свои оперы онъ, не разрушая итальянскихъ формъ, внесъ драматическую правду Глука и Гретри, — и большую выработанность оркестра, давая при томъ широкое мѣсто своей индивидуальной, все таки германской натурѣ. Въ нѣмецкія оперы онъ внесъ пѣвучесть и кристалличность формъ итальянской кантилены.

Такъ Керубини, итальянецъ, писавшій для Парижа и на французскіе тексты, къ драматической правдѣ и скульптурной строгости Глука присоединилъ мягкость, кротость Моцартовыхъ и Гайдневыхъ пріемовъ, ихъ тематическія развитія и кристаллическую правильность въ оркестровкѣ.

Такъ Бетховенъ въ своихъ «Фиделію», удержавъ всю фактуру, весь складъ Керубиніевыхъ оперъ, въ кантиленахъ остался вѣренъ чисто-нѣмецкому пѣнію, а въ гениальномъ замыслѣ, въ гигантскомъ размахѣ спянаго патоса, въ ни съ чѣмъ несравнимой красотѣ оркестра — остался самимъ собою.

Такъ Россини — гений мелодическій по преимуществу и чисто-итальянскій, оркестровку итальянскихъ оперъ обогатилъ сокровищами Гайдна и Моцарта; стремясь къ великолѣпной роскоши красокъ по внутреннему призванію, ставъ истиннымъ Тиціаномъ или Павломъ Веронезомъ музыки, — многими пріемами доказавъ, что блистательныя завоеванія Бетховена и Вебера въ обдуманной живописности оркестра не могли пройти даромъ и

для итальянской школы. Въ Вильгельмъ Телльъ есть даже прямо подражаніе Бетховену.

Подробная исторія оперы показала бы также важную зависимость музыки отъ господствующаго современнаго направленія въ другихъ искусствахъ и въ литературѣ.

Спонтини, со своимъ академическимъ героями, съ условною, сухою, разбѣренною театральностію приемовъ, не тотъ ли же самый живописецъ Давидъ, думавшій воскресить Римлянъ временъ республики, а писавшій между тѣмъ только французовъ своего времени?—Лестъ Наполеону, которою пропитаны Спонтиневскія оперы, не встрѣчается ли болѣе или менѣе явно во всѣхъ произведеніяхъ французскаго искусства и французской словесности перваго десятилѣтія нашего вѣка?

Веберъ — со своимъ Саміэлемъ, Шпоръ со своимъ Шабопомъ вѣдьмъ въ Фаустѣ, Маршнеръ со своимъ «Вамппромъ» — не отраженіе ли это модныхъ въ то время фантазій Байрона, Гофмана.

Романтизмъ нѣмецкій, для эффекта перенесенный на французскую почву и пристрастіе къ рыцарскимъ легендамъ среднихъ вѣковъ, не отразились ли въ «Робертѣ» Меіербера также ясно, какъ въ современныхъ ему произведеніяхъ Виктора Гюго, — въ картинахъ Делакроа и Делароша?

Теперь, если окинуть общимъ панорамическимъ взглядомъ всѣ оперы, удержавшіяся съ современнымъ репертуарѣ и окончательно обсудить ихъ какъ музыку и какъ пьесы, много найдемъ богатства мысли, вдохновенія поэзіи — много трогательнаго, патетическаго, граціознаго, фантастическаго, чарующаго сердце и душу — но и сколько нелогичностей подъ влияніемъ рутинныхъ условій, подъ влияніемъ историческихъ формъ и формулъ, удержавшихся безсознательно, сколько нелѣпостей подъ влияніемъ вѣчнаго: «такъ принято»!

Полная соотвѣтственность музыки съ пьесой, съ драматической задачей и полная музыкальность и поэтичность этой задачи, безъ нарушенія поэтической иллюзіи *условными* несовершенствами, не отыщутся среди многоаго множества знаменитыхъ оперъ.

Переходя такимъ образомъ отъ *конкретной*, исторической стороны къ *абстрактному* идеалу оперы, мы найдемъ, что онъ создавался первостепенными изъ художниковъ еще весьма не ясно.

Прошло сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Ж. Ж. Руссо, въ своемъ замѣчательномъ музыкальномъ словарѣ, такъ опредѣляя оперу: драматико-лирическое зрѣлище, въ которомъ соединяются всѣ презести изъискусствъ, для представленія дѣйствія страстнаго, трогательнаго души (*Spectacle dramatique et lyrique, où l'on s'efforce de réunir tous les charmes des beaux-arts*). Это было писано раньше Парижскихъ подвиговъ Глука, когда еще глубокаго драматизма въ музыкѣ оперы вовсе не искали, когда пышность декораціи и постановки имѣла сильный перевѣсъ и надъ музыкою и надъ ея драматическою задачею.

Между тѣмъ, въ этомъ опредѣленіи и въ дальнѣйшемъ его развитіи, — что въ оперѣ *три* интегральные элемента: поэтический текстъ (*le poëme*), музыка и декорація — Руссо весьма близокъ къ истинѣ.

Идеаль оперы, выработавшійся до нашего времени, частію на основаніи данныхъ, частію, «а priori» изъ логическихъ выводовъ эстетики, долженъ заключаться именно въ соединеніи, тѣснымъ союзѣ, сліяніи *трехъ искусствъ: поэзіи*, (въ смыслѣ драматической задачи) *музыки и сценическаго искусства* (включая туда игру актеровъ, ихъ пластику, группировку, костюмы, декораціи, однимъ словомъ всю внѣшнюю иллюзію театральнаго представленія).

Въ лучшійхъ сценахъ оперъ разныхъ школъ, идеаль этотъ почти уловленъ и часто-безсознательно, случайно, одною силою таланта, генія, на перекоръ принятымъ, рутиннымъ условіямъ, которыя, пустивши сильные корни, вслѣдствіе историческаго своего развитія, оттягивали оперу въ сторону отъ ея идеальнаго совершенства.

Можно сказать прямо, что вся исторія оперы, въ разныхъ ея типахъ, есть исторія колебанія, борьбы между «идеаломъ соединенія трехъ искусствъ» — болѣе или менѣе угадываемымъ высоко-даровитыми и просвѣщенными художниками и между антиэстетическими требованіями и привычками оперныхъ театровъ и оперныхъ публикъ.

Едва родились во Флоренціи первыя попытки оперъ — попытки, продиктованныя *идеальнымъ* стремленіемъ воскресить зрѣлища древней Элады — какъ въ смѣтахъ постановки какого-то аллегорическаго опернаго представленія того времени являются десятки слоновъ, десятки золотыхъ колесницъ, сотни скороходовъ и тому подобный вздоръ для внѣшняго блеску. (Эти слоны, колесницы, скороходы не близкая ли родня пушкамъ и конницѣ

въ Кортещѣ, всадникамъ въ Жидовкѣ, катанью на конькахъ, электрическому солнцу въ Прочетѣ и т. д.)

Едва Глукъ, энергическими стремленіями успѣлъ приблизить оперу къ драматической правдѣ, (на сколько это было возможно при напыщенно-реторическихъ условіяхъ французскихъ ложно-классическихъ трагедій, послужившихъ образцомъ и канвою для оперъ Глука), — какъ вліяніе итальянскаго виртуозничанья опять превозмогло въ цѣломъ свѣтѣ музыкальномъ, и оперы снова превратились въ костюмированные концерты.

Оперный идеалъ Глука, все еще не совсѣмъ строгій, потому что и Глукъ дѣлалъ *уступки* великолѣпному спектаклю, форменнымъ дивертисментамъ и т. д., былъ затемненъ подражателями, какъ Спонтини, который овладѣлъ только внѣшнею стороною Глуковскихъ формъ. Духъ оперы въ Спонтини уже лишь Глуковскаго величія и вѣтъ самую рутинною академичностию.

Большая опера, какъ пышный, пестрый, парадный спектакль, не безъ притязанія на серьезность патоса, *orega seria*, какъ концертъ въ костюмахъ, на кое-какихъ реторическихъ подмосткахъ, — вотъ господствующій характеръ оперныхъ представлений, во всей первой половинѣ нашего вѣка — во Франціи и въ Италіи.

Моцартъ и Россини — Крезы, въ собственно-музыкальныхъ формахъ, — своею гибкостию, которая позволяла имъ подчинять творчество всякимъ безъ разбора, даннымъ условіямъ, увели оперу опять далеко въ сторону отъ идеала, разгаданнаго Глукъ.

Въ Моцартѣ и Россини *ремесло* композиторства частенько брало перевѣсъ надъ высшими поэтическими внушеніями. Реформаторами эти два великіе художника не были.

Безъ сомнѣнія, во многихъ сценахъ каждой своей оперы, (кромя Тита), почти сплошь въ Донъ-Жуанѣ и въ Волшебной Флейтѣ, Моцартъ недосыгаемо-великъ и по музыкѣ и со стороны драматической правды, но — послѣ Донъ-Жуана, Моцартъ могъ написать прелестную музыку на жалко-негѣпный текстъ буффонады «*Così fan tutte*»; — но, — въ одно время съ Волшебной Флейтой, дивный Моцартъ могъ трудиться надъ музыкою на отчаянно-реторическую, форменно-итальянскую канву «*Cleomenza di Tito*», гдѣ всякая сцена — приторность и ложь противъ психологіи и исторіи, гдѣ монологіи даны дѣйствующимъ лицамъ совсѣмъ некстати, чтобъ дать музыканту случай написать арію, — аріи на-

писаны, чтобъ дать случай пѣвцамъ отличиться, — хоры существуютъ для того, чтобъ солисты могли отдохнуть и наконецъ — предводителю народнаго мятежа въ древнемъ Римѣ дана колоратурная партія *сопрано* (!).

Точно такъ и черезъ четверть вѣка послѣ смерти Моцарта — въ Танкредѣ Россини, плѣнявшемъ дилетантовъ цѣлаго свѣта, герой Спракузскій, одинъ изъ главныхъ паладиновъ перваго крестоваго похода, поетъ рулады *контральто* и вообще въ цѣлой оперѣ заботы о драматической правдѣ ровно столько же, какъ и въ до Моцартовскихъ операхъ Гассе и Томелли. Реформа Глука прошла мимо, — какъ будто и не существовала.

Медоточивыя арии, пріятность, округленность мелодическихъ формъ, сладкое щекотаніе слуха — неужели въ этомъ *конечная* цель драматической музыки, тогда какъ уже 'были на оперной сценѣ съ поразительною, потрясающею правдою выражены — и борьба любви и ненависти въ сердцѣ Армиды, и страшный, загробный голосъ статуи Командора, и глубоко-религіозныя таинства жрецовъ Озириса!?

Для чего шаги назадъ, когда искусство уже выиграло безконечно-много отъ блистательныхъ завоеваній, совершенныхъ геніями?

Въ такомъ смыслѣ сильно ратовалъ противъ итальянскаго направленія, глубоко и тонко-поэтическій, просвѣщенный германскій художникъ Веберъ, (род. 1786 г., ум. 1826 г.)

Свидѣтель первыхъ триумфовъ Россини, и конечно, отдавая справедливость превосходнымъ сторонамъ его таланта, Веберъ не могъ быть равнодушнымъ къ господству нечѣпности, нелогичности на итальянской оперной сценѣ.

Противъ этихъ постыдныхъ послѣдствій «орекіантизма» (ушеугодія), онъ ополчался словомъ и дѣломъ. Направленіе, которому Веберъ слѣдовалъ, какъ авторъ оперной музыки, было строго-драматическое, въ системѣ Глука, Керубини, Мегюля и лучшихъ произведеній Моцарта. Но богато-одаренный оригинальностью, Веберъ внесъ въ искусство много элементовъ и новыхъ. Мѣстный колоритъ и пейзажность прежде Вебера въ оперѣ являлись рѣдкими, скромными исключеніями. Съ Вебера все это сдѣлалось ингредиентомъ оперной музыки — необходимымъ. Сверхъ того не надобно забыть, что кромѣ Россини, Веберъ имѣлъ современникомъ Бетховена. Могущество и неисчерпаемая выразительность оркестра въ твореніяхъ исполина симфонической музыки не могли пройти безъ вліянія на мягкую,

впечатлительную натуру Вебера — и стоя въ своихъ операхъ на чисто-національной почвѣ, онъ долженъ былъ воспользоваться приемами Бетховена, въ его истинно-германской оперѣ.

Хотя по собственно-музыкальному изобрѣтенію и особенно по нѣкоторымъ, не совсѣмъ сильнымъ сторонамъ фактуры, Веберъ и не можетъ стать на-ряду съ первостепенными гениями музыки, но оперы его, по выдержанности глубоко-поэтического настроенія, въ нихъ высказаннаго въ цѣломъ и въ каждой части, по чрезвычайной обдуманности драматизма, по живости красокъ и пластичности характеровъ, занимаютъ чрезвычайно-высокое мѣсто въ искусствѣ, и въ впечатлѣніи ими производимомъ успѣшно соперничаютъ и съ Моцартомъ и съ Глюкомъ.

Сознательно стремясь къ поэзій и къ драматизму въ цѣломъ складѣ оперы, отбросивъ почти всѣ наросы виртуозничанья и академической рутинности, Веберъ уже чрезвычайно близокъ къ тому идеалу оперы, который еще не могъ быть зрѣлымъ во время Глука, а Моцарту удавался только частію, въ видѣ исключенія. Во Фрейшюцѣ уже Веберъ поднялся высоко надъ современными ему подражателями слабымъ сторонамъ Моцарта. Но во Фрейшюцѣ еще остался складъ нѣмецкой оперы съ диалогомъ (8-й типъ), т. е. вандальское разрѣзываніе оперной музыки на нѣсколько отдѣльныхъ, замкнутыхъ въ себѣ музыкальныхъ пьесъ, пришитыхъ другъ къ другу самой прозаической прозой разговора. Этотъ невыгодный складъ достаточно вредилъ организму оперы и удалялъ его отъ истинно-понятаго Веберомъ идеала. Разрывочность формъ отразилась и въ самой музыкѣ, не смотря на всю ея вдохновенность. Къ тому же самая канва «Фрейшюца», при всемъ выгодномъ для музыки лиризмѣ, при всей поэзій сюжета, дышащаго ароматомъ богемскихъ лѣсовъ и свѣжестью примитивной народной легенды, — довольно мелка въ сущности, и драматическій узелъ развязанъ въ ней слишкомъ по-дѣтски, (съ нашей нынѣшней точкой зрѣнія).

Въ «Эвриантѣ» Веберъ эманципировался отъ рутинныхъ условій типа нѣмецкой оперы. вмѣстѣ съ отстраненіемъ разговорной прозы и удовлетвореніемъ чрезъ это весьма важнымъ историческимъ условіямъ, — является въ Эвриантѣ очевидное стремленіе возвести сплошь всѣ моменты-пьесы, даже не главные, эпизодическіе, на степень музыкальныхъ и тѣмъ превратитъ пьесу въ единственный, музыкально-драматическій организмъ.

Въ этой прелестной, рыцарски-романтической оперѣ, въ самомъ проявленіи Веберова опернаго идеала Ахиллесовой пятой, кромѣ

нѣкоторыхъ уступовъ внѣшне-музыкальнымъ цѣлямъ, является опять — слабость либретто. Въ немъ, конечно, есть истинный драматическій интересъ, (почти тотъ же, что въ Цимбелинѣ Шекспира, только съ неудачною подмѣсю элемента фантастическаго), но онъ развитъ неловко, плоско и съ большими натяжками противъ психологiи и вѣроподобiя, — не говоря уже о приторной сентиментальности словъ.

Новые элементы, внесенные Веберомъ въ искусство, всё клонились къ большей *характерности* оперной музыки.

Успѣхъ Веберовыхъ оперъ (преимущественно — Фрейшюца) заставилъ оперныхъ композиторовъ стремиться къ такой же яркости мѣстнаго колорита и къ сближенiю съ сюжетами національными.

Изъ этого, — вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ отъ Спонтини большимъ участiемъ хоровыхъ массъ, — родились такiя громадныя оперы, какъ «Нѣмая въ Портичи» — Обера, «Вильгельмъ Телль» — Россини (1829) (Политическое положенiе Францiи передъ iюльскою революцiею 1830 г., было не безъ влiянiя на выборъ сюжетовъ и на удачу оперъ этихъ въ Парижѣ).

Ни въ какомъ искусствѣ общее, результатное впечатлѣнiе художественнаго созданiя не зависитъ такъ прямо отъ перваго замысла, отъ момента поэтическаго зачатiя, какъ въ музыкѣ.

Если въ первоначальный замыслъ входитъ какой бы то ни было расчетъ, постороннiй истинно-художественнымъ, поэтическимъ цѣлямъ, расчетъ этотъ непремѣнно обнаружится въ самомъ произведенiи, къ его явной невыгодѣ (на строгихъ вѣсахъ эстетики).

Оберъ, многими сторонами таланта, безъ сомнѣнiя и сравненъ быть не можетъ съ первостепенно-генiальнымъ Россини, но онъ писалъ свою «Нѣмую» вдохновенно, съ большою наивностию творчества (на сколько то допускали рутинныя академическiя условiя парижской большой оперы), и вышло произведенiе, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, необыкновенно-одушевленное, симпатическое. Драма занимательна, музыкальна въ основѣ своей; музыка почти вездѣ драматична, хотя, мѣстами, очень плоска; большихъ натяжекъ въ ходѣ пьесы въ жертву внѣшнему эффекту и рутины почти нѣтъ (кромѣ перваго дивертисемента и совершенно-лишняго изверженiя Везувiя).

«Вильгельмъ Телль» при громадныхъ достоинствахъ мелодiи-обработки гармонической, особенно въ мастерскихъ хорахъ, при всей чудесной колоритности оркестра, произведенiе въ общемъ

результатъ — холодное. Оно продиктовано не столько внутреннею поэзіею сюжета, сколько желаніемъ плѣнить Парижанъ, (съ ними потомъ и цѣлый свѣтъ), новыми сторонами таланта, блистательнымъ сближеніемъ своей чисто-итальянской фигуры съ формами Спонтиніевскими и съ завоеваніями Бетховена и Вебера. Колоссальность Россиніевскаго дара позволила ему побѣдносно разрѣшить задачу, но какъ-то невольно чувствуется, что Россини тутъ въ гостяхъ у французовъ и нѣмцевъ, а не у себя дома, какъ въ Севильскомъ Цирульникѣ.

Сверхъ того, при такомъ серьезномъ сюжетѣ, какъ «Вильгельмъ Телль», особенно ярко выступаютъ рутинныя негѣпости въ складѣ и поворотѣ всей оперы, какъ пьэсы. Для чего Геслера заставляютъ полчаса смотрѣть на очень скучные тирольскіе «*ras de six*»? — для того, чтобы былъ *второй* дивертисментъ въ оперѣ, по условной французской выкройкѣ. Для чего австрійская принцесса Матильда, родственница Геслера (т. е. Берта въ Шиллеровскомъ «Теллѣ»), влюблена въ пастуха, Арнольда Мелькталя? — для сладкогласныхъ и итальянски-виртуозныхъ дуэтовъ примадонны съ первымъ теноромъ и т. д. Всего и перечислять не стоитъ. Видя такое постоянное господство пустяковъ въ оперныхъ канвахъ, по неволѣ вспомнишь сарказмъ Вольтера о современныхъ ему оперныхъ спектакляхъ: «*ce qui ne vaut pas la reine d'être dit, on le chante*».

Тѣмъ ли *можетъ* и *должна* быть опера, чѣмъ ее сдѣлали?

И не забудьте, что этотъ вздоръ, эта нелогичность, это отсутствіе разумно-поэтического склада встрѣчаются въ самыхъ лучшихъ, въ знаменитѣйшихъ, въ первѣйшихъ операхъ въ свѣтѣ! Каковы же должны быть не первѣйшія?

Обозрѣвая борьбу идеала съ практикой оперы, мы дошли до «Вильгельма Телля». Въ чемъ заключалась дальнѣйшая судьба французской большой оперы?

Взглянемъ на дѣятельность великаго оперныхъ дѣлъ мастера, который, послѣ Россини, наслѣдовалъ скипетръ перваго драматическаго компониста въ Парижѣ — значитъ и въ цѣломъ свѣтѣ.

Джакомо Мейерберъ, (род. 1792 г.), берлинскій еврей происхожденіемъ, соученикъ Вебера въ классахъ Аббата Фоглера дебютировалъ на композиторскомъ поприщѣ, (въ очень молодыхъ годахъ), произведеніями чисто-нѣмецкаго стиля, которыхъ особеннаго успѣха не имѣли. Это обстоятельство и блестящіе триумфы Россини заставили молодаго Мейербера (къ великому

огорченію Вебера), немедленно перейти подъ знамена итальянской школы.

Въ чисто-итальянскомъ, модномъ вкусѣ, Мейерберъ написалъ нѣсколько оперъ и одною изъ нихъ «Il crociato in Egitto», замѣчательно-мелодическою, — стяжалъ лавры.

Между тѣмъ Россини завладѣлъ парижскою большою оперою и съ каждымъ новымъ произведеніемъ совершалъ блистательныя завоеванія въ искусствѣ.

Даровитый и расчетливый Мейерберъ, подражая Россини въ стилѣ, увидѣлъ необходимость подражать ему и въ избраніи Парижа главною для себя ареною.

Чтобы имѣть большой успѣхъ въ Парижѣ, въ 30-хъ годахъ, т. е. послѣ «Нѣмой» и «Вильгельма Телля», что надобно было?

Воспользовавшись Россинизмомъ въ его переселеніи на почву французской большой оперы, удовлетворить и требованіямъ орекиантовъ колоратурными аріями и дуэтами по итальянской манерѣ и требованіямъ недавно развившейся и вошедшей въ моду расцвѣченной характерности оперной музыки, угодить всѣмъ привычкамъ парижской оперной публики, (она всегда крѣпко держится своихъ привычекъ), угодить вкусу дилеттантовъ, насыщенному пышною мелодичностію и блестящимъ оркестромъ въ «Моисеѣ», въ «Осадѣ Коринѳа», великолѣпными хорами въ «Нѣмой» и въ «Вильгельмѣ Теллѣ», но угостить этихъ дилеттантовъ, сверхъ того и чѣмъ нибудь новенькимъ, особенно пикантнымъ.

Для такой «пикантности» свѣжее, неразработанное поле представить перенесеніе на французскую почву Веберовской *фантастичности* (во Фрейшюцѣ), Веберовскаго *романтизма* средневѣковыхъ рыцарей (въ Эвриантѣ и Оберонѣ). Сверхъ того (по примѣру одной сцены въ «Нѣмой») полезно будетъ пересадить на театръ цѣликомъ нѣсколько доскутковъ или даже большихъ отрывковъ музыки религіозной, церковной, — это составитъ яркій контрастъ съ мірскими, грѣховными, фривольными элементами остальныхъ частей оперы.

Пусть чистота искусства тяжело страдаетъ отъ *неорганическаго*, совсѣмъ *опышняго смѣшенія* стилей и элементовъ, чрезвычайно неродственныхъ между собою; пусть всевозможныя натяжки, въ пользу балетовъ, декораций, виртуозовъ и музыкальных диковинокъ обезображиваютъ складъ оперы, богѣе или менѣе поэтической въ главныхъ идеяхъ; пусть угожденіе всѣмъ на свѣтѣ, самымъ противоположнымъ вкусамъ (какъ по русской пословицѣ: «всѣмъ сестрамъ по серьгамъ») совершенно отвле-

четь слушателя-зрителя отъ основной мысли; пусть всѣ эти анти-эстетическія стремленія придадутъ оперѣ пестроту арлекинскаго платья или ярмарочнаго базара; пусть въ общемъ впечатлѣніи, въ результатѣ отъ всѣхъ возможныхъ эффектовъ окончательно останется все-таки — *вздоръ*, публика утѣшена, слава выплана — слѣдовательно: *чего же больше?*

Плодомъ такихъ соображеній, при помощи, разумѣется, большаго таланта, явилась колоссальная опера «Робертъ-Дьяволъ» (1831).

Расчетъ былъ вѣренъ, потому что успѣхъ Роберта, сомнительный только въ самыя первыя представленія, скоро сдѣлался громаднымъ. Опера облетѣла весь музыкальный міръ.

Въ 1836 году — по тому же рецепту, но съ перевѣсомъ стремленія къ *историчности* — написаны «Гугеноты», — а въ 1849 году — «Пророкъ».

Для подкрѣпленія моего главнаго тезиса (о Вагнерѣ) мнѣ понадобится возвратиться къ операмъ Мейербера и разобрать нѣкоторыя части ихъ подробно. Тогда читатель увидитъ, что я очень далеко отъ несправедливости къ громадному таланту автора Роберта, Гугенотовъ и Пророка, но убѣдится также — чрезъ фактическія и логическія доказательства, что эти оперы, — не смотря на то, что составляютъ весьма важную ступень въ историческомъ развитіи оперной музыки, — не смотря на *прогрессъ*, въ нихъ проявившійся съ многихъ сторонъ, — въ цѣломъ несравненно дальше отъ истиннаго идеала оперы, нежели созданія Вебера.

Мейерберъ отлично воспользовался всѣмъ, что было до него: успѣшно ввелъ въ большую оперу характеристику драматическихъ положеній, отдѣльныхъ лицъ, музыкальную обрисовку эпохи, мѣстности, въ степени гораздо значительнѣйшей, нежели въ «Нѣмой», въ «Теллѣ», можетъ быть даже больше, чѣмъ въ операхъ Вебера. Также и въ оркестровкѣ Мейерберъ развилъ Веберовскіе принципы и приемы до размѣровъ колоссальныхъ. Въ партитурѣ Пророка отражается вліяніе и Берлиозовыхъ нововведеній въ оркестръ. Участіе церковныхъ формъ придаетъ необыкновенную серьезность, даже величіе многимъ сценамъ Роберта, Гугенотовъ, Пророка. Совсѣмъ другую, прелестную сторону созданій Мейербера составляютъ сцены «*mezzo-carattere*», иногда «*buffo*», музыкальныя картинки «*de genre*». Спонтанно, напримѣръ, по рутинной академичности, ходульности никакъ не допустилъ бы въ серьезную оперу ни дуэта Рембо съ Бертрамомъ, ни ритурнеля и романса Алисы въ 3-мъ актѣ Роберта. —

ни сцены перваго выхода «Фидесъ», ни терцета въ палаткѣ Анабаштистовъ.

Есть свѣдѣніе, что дирекція Парижской большой оперы колебалась принять «Роберта», — не относится ли эта опера къ театру «Орега-Соміе», такъ иными, своеобразными сторонами она мало подходила подъ строгія (!) формы Королевской Академіи Музыки.

Въ этомъ — великая честь для таланта Мейербера, который появля, что сценическая музыка должна перестать довольствоваться рутинной того или другаго типа, должна быть отраженіемъ жизни, должна, какъ у Моцарта въ Д. Жуанѣ и Волшебной флейтѣ, захватывать всѣ роды, всѣ элементы самые разнообразныя въ пользу драматической правды.

Но чѣмъ больше талантъ, тѣмъ больше и *преступленіе* этого таланта, когда онъ отклоняется отъ истинныхъ цѣлей искусства.

Способность къ музыкальной пластичности, къ живописанію музыкальному дана Мейерберу въ высокой степени, но онъ употребилъ эту способность прямо для своихъ расчетливыхъ цѣлей.

Высшее, что есть въ искусствѣ — *правду выраженія*, онъ сознательно заставилъ служить *неправдѣ мысли*.

Онъ овладѣлъ всѣми богатыми средствами производить на оперной сценѣ впечатлѣніе могучее — но окончательно развратилъ оперную музу въ угоду парижской публикѣ.

Это поклоненіе Ваау не могло не отразиться на всѣхъ произведеніяхъ Мейербера, не могло не парализовать ихъ достоинства въ глазахъ истинныхъ жрецовъ искусства.

Мендельсонъ, Шуманъ, Марксъ, признавая всѣ достоинства оперъ Мейербера, удалялись отъ нихъ, какъ отъ чего-то чудовищнаго, какъ отъ позорныхъ грѣховъ оперной музы.

На истинно-поэтическую и просвѣщенную натуру, Мейерберовы созданія, при всей привлекательности нѣкоторыхъ сторонъ своихъ, не могутъ производить другаго впечатлѣнія.

Въ нихъ есть красоты всякаго рода, иногда соперничающія съ первостепенно-геніальными произведеніями, — это правда; но въ нихъ, съ этимъ на ряду, и всѣ пороки до-Мейерберовыхъ оперъ, всѣ нелѣпости рутинныхъ условій, удержанныя для привычекъ публики; въ нихъ есть характерность, историчность, истинный драматизмъ, но въ каждой изъ оперъ, въ общемъ ея ходѣ, чувствуется неотразимо, что собственно поэтической цѣли *въ ней нѣтъ*, что тутъ все дѣло не въ мысли, не въ идеѣ произведенія, не въ томъ *результатномъ настроеніи*, которое оста-

вляеть въ вась Шекспирова драма, Бетховенова симфонія, опера Глука, Вебера, *а въ самомъ процессъ раздраженія вашей впечатлительности* звуками, сценами, декораціями, то пріятными, то ужасными, то граціозными, то мрачными, то адскими видѣніями, то молитвеннымъ пѣніемъ, то сладострастными танцами, то пзувѣрской рѣзней....

Средства несравненно богаче, могущественнѣе, ближе къ струнамъ души, — средства, для которыхъ собрана обильная дань и съ Глука, и съ Вебера, и съ Спонтини, и съ Россини, и съ Байрона, и съ Гофмана, и съ Тика и съ Гюгò, но результатъ и въ пестрыхъ операхъ Мейербера столько же ничтоженъ, пусть, какъ и въ первыхъ начаткахъ оперъ во Флоренціи, съ пестрыми процессіями колесницъ, слоновъ и скороходовъ.

Неужели всѣ высокія стремленія Глука, Моцарта, Вебера, должны были погибнуть даромъ, безвозвратно, потонуть въ этомъ наплывѣ элементовъ не-эстетическихъ, въ этомъ извращеніи цѣлей искусства? —

Ясно, что значительное преобразование въ области оперы было необходимо; ясно, что это преобразование должно было начаться съ противодѣйствія, именно Мейерберу, возвращеніемъ оперы къ чистотѣ принципозъ Глука и Вебера.

Какъ это преобразование совершилось, увидимъ въ слѣдующей статьѣ.

А. Сѣровъ.

ДВА ОБРАЗЧИКА ИЗУСТНАГО СТАРОРУССКАГО ЭПОСА.

I.

Недавно случилось намъ встрѣтить въ запискахъ одного знакомаго, врученныхъ намъ въ полное владѣніе, два интересные памятника изустнаго старорусскаго эпоса, съ которыми мы рѣшаемся познакомить читателя, находя ихъ достойными вниманія просвѣщенныхъ любителей народной поэзіи. Если эти памятники старины не могутъ стать наравнѣ со *Словомъ о полку Игоревѣ*, съ пѣснями о *Голубиной кнѣзѣ* или о *Горѣ-злочастьѣ*, то все же интересны, каждый въ своемъ родѣ.

Первый изъ нихъ можно внести въ рядъ, такъ называемыхъ, *историческихъ* пѣсень, которыми такъ обильны эпохи князя *Владимира-Сольнышко* и Царя Ивана Васильевича Грознаго; предлагаемая нами пѣсня относится къ послѣдней эпохѣ. Въ предисловіи къ ней авторъ записокъ говоритъ, что записалъ эту любопытную пѣсню въ Вологдѣ, и слышалъ отъ старожиловъ, что гдѣ-то 70 тому назадъ, она пѣлась въ народѣ. Складъ и языкъ пѣсни обнаруживаютъ ея давнее происхожденіе, не смотря на несомнѣнныя измѣненія, искаженія и обновленія. Преданіе, рассказанное въ ней, по тщательнымъ нашимъ изслѣдованіямъ, теперь сохранилось только въ старинныхъ рукописяхъ, исчезнувъ изъ памяти народа; слѣдовательно, давность сложенія пѣсни едва ли подвержена сомнѣнію, особенно если принять во вниманіе подробности ея рассказа. Во всякомъ случаѣ трудно предполагать, чтобы она была сложена значительно позже рассказываемой эпохи, потому что народъ рѣдко обращается къ воспоминаніямъ глубокой старины, если она не оставила по себѣ современныхъ памятниковъ; старинная пѣсня можетъ сохраниться очень долго въ памяти народа, но вызывать старину, для содержанія новыхъ пѣсень, народъ не любитъ. Съ этимъ согласится каждый, кто сколько нибудь изучалъ старорусскія *историческія* пѣсни.

Подозрѣвать подлогъ, поддѣлку въ этомъ случаѣ трудно; по крайней мѣрѣ, мы далеки отъ этой мысли. Сравнивая раз-

сма­три­вае­мую пѣсню съ дру­ги­ми об­раз­ца­ми въ это­мъ родѣ, со­дер­жа­ні­емъ ко­то­рыхъ по­служ­ла эпо­ха Гроз­на­го, со­бран­ны­ми Ки­ршею Да­ни­ло­вымъ и Са­ха­ро­вымъ (какъ-то: про взятіе Ка­за­ни, про Ми­ха­и­ла Ро­ма­но­вич­а, про же­нит­ь­бу ца­ря и дру­ги­ми), мы на­хо­димъ въ на­шей пѣснѣ мно­го съ ни­ми об­ща­го, какъ во вну­трен­немъ духѣ, такъ въ складѣ и язы­кѣ: та же плав­ность, нѣ­ко­торая вели­ча­вость раз­ска­за, тотъ же стро­го эпи­че­ска­го ха­рак­теръ, да­же от­тѣнокъ гру­сти, неза­мѣт­но раз­литый въ ней— си­льно на­по­ми­на­ютъ въ осо­бен­но­сти тѣ пѣс­ни, гдѣ Гроз­ный яв­ля­ет­ся послѣ его кру­той пере­мѣны,— сло­вомъ, на ней ле­житъ яр­ка­го от­пе­ча­токъ эпо­хи. Если язы­къ ея мѣ­ста­ми новѣе язы­ка тѣхъ, то это по­нят­но: тѣ дав­но за­бы­ты на­ро­домъ, эта же пѣ­ла­сь имѣ­ла 70 то­му на­задъ, слѣ­до­ва­тель­но есте­ствен­но, что она бо­лѣе под­вер­га­лась ис­ка­же­ні­ямъ и об­но­вле­ні­ямъ, хо­тя при все­мъ томъ при­выч­но­му уху не­льзя не слы­шать въ ней скла­да и рѣчи ста­рин­ной рус­ской пѣс­ни. Въ ис­то­ри­че­скомъ смы­слѣ, раз­ска­зъ, за­клю­ча­ю­щій­ся въ ней, не ли­шенъ ин­те­ре­са, и мы не лиш­нимъ счи­та­емъ всмо­трѣть­ся въ него, от­бро­сивъ пе­дан­тизмъ ис­то­ри­че­ской фор­маль­но­сти.

Из­вѣ­стно, что Ива­нъ Ва­силь­е­вичъ лю­билъ Во­ло­гу­ду, три ра­за по­сѣ­ща­лъ ее (1545, 1566 и 1569 г.) и въ послѣд­ній разъ жи­лъ въ ней око­ло трехъ лѣтъ. Ду­ма­ютъ, буд­то бы онъ хотѣлъ сдѣ­лать ее сво­ею сто­ли­цею; ко­неч­но, эта мы­сль ни чѣмъ не до­ка­зана, од­на­ко не­льзя ска­зать, что­бы она была не­прав­до­по­добна, если вспо­ми­немъ по­доз­ри­тель­ность Гроз­на­го во вто­рую по­ло­ви­ну его ца­р­ство­ва­нія. Всю­ду опа­саясь из­мѣ­ны, по­доз­рѣ­вая въ зло­на­мѣрен­но­сти всѣхъ при­бли­жен­ныхъ сво­ихъ, онъ на­хо­дилъ по­кой въ мир­ной Во­ло­гдѣ, сре­ди предан­ныхъ ему ея жи­те­лей, да­ле­кихъ отъ вся­кихъ кра­моль; здѣсь по­доз­ри­тель­ность его от­ды­хала. По­кой­ный ду­хомъ, здѣсь Гроз­ный пер­ста­валъ бы­ть гроз­нымъ, яв­ля­лся ми­ло­сти­вымъ, и спо­кой­но за­ни­мался укрѣ­плені­емъ и укра­ше­ні­емъ го­ро­да— стѣ­на­ми, ба­ш­ня­ми и хра­ма­ми, о чемъ со­хра­ни­лись не­со­мнѣн­ныя до­ка­затель­ства въ Во­ло­год­скихъ лѣ­то­писяхъ (Сло­бод­ска­го, За­сѣ­цка­го и др.). Пре­даніе, вы­ска­зан­ное въ пѣснѣ и встре­чае­мое въ пись­мен­ныхъ па­мят­ни­кахъ про­шла­го сто­лѣтія, го­во­ритъ, что об­ло­мокъ ки­р­пича, упав­шій изъ сво­да на го­ло­ву Ива­ну Ва­силь­е­вичу, ко­гда онъ ос­ма­три­валъ по­строй­ку Во­ло­год­ска­го Со­фій­ска­го Со­бо­ра, про­гнѣ­валъ Гроз­на­го, и онъ на­всѣ­гда по­ки­нулъ лю­би­мый го­родъ.

Въ са­момъ дѣлѣ, этимъ пре­дані­емъ объ­яс­ня­ет­ся то об­стоя­тель­ство, что Ива­нъ Ва­силь­е­вичъ вдругъ за­бро­силъ Во­ло­гу­ду,

не кончивши начатыя имъ укрѣпленія и другія постройки, такъ занимавшія его; роковой камень могъ пробудить его подозрительность, заснувшую на время, и навсегда поселилъ въ Царѣ предубѣжденіе къ Вологдѣ. Какъ бы то ни было, но намъ кажется, что предлагаемая пѣснь очень интересна, хотя бы даже содержаніе ея было выдумка, а первообразъ значительно измѣненъ. Обратимъ вниманіе читателя на то страшное вліяніе, которое народъ приписываетъ царскому проклятію: отъ него тряхнулась мать-сыра-земля, городъ покрылся болотами и рѣка стала вонючею. Въ заключеніе выпишемъ самую пѣсню:

«Что на славной рѣкѣ Вологдѣ 1),
 «Во Насонѣ было городѣ 2),
 «Гдѣ доселѣ-было Грозный Царь
 «Основать хотѣлъ престольный градъ,
 «Для сводѣ ли для Величества
 «И для царскаго могущества;
 «Укрѣпилъ стѣнной градъ каменный
 «Со высокими со башнями,
 «Съ неприступными бойницами 3).
 «Посреди онъ града церковь склалъ,
 «Церковь лѣпую, соборную,
 «Что во имя Божьей Матери,
 «Ея чистаго Успѣнія;
 «Образецъ онъ взялъ съ Московскаго,
 «Со собору со Успѣнскаго 3).
 «Стѣны града поднималися —
 «Христіане утѣшались.
 «Ужъ какъ стали послѣ сводъ сводить,
 «Туда Царь самъ не коснѣлъ ходить;
 «Надзираетъ онъ надъ насники,
 «Чтобы Божій крѣпче клали храмъ,
 «Не жалѣли бѣ плинны красныя
 «И той извести горючія.

1) Рѣка Вологда здѣсь названа «славной», вѣроятно, для краснаго словца, а впрочемъ, обширная, по тогдашнему, торговля Вологды давала ей на это нѣкоторое право.

2) Вологда имѣть или имѣла еще другое названіе — Насонъ. И теперь отъ старожиловъ вы часто услышите поговорку: — «городъ-Насонъ, рѣка-Вологда.» Названіе это произошло отъ того, что крѣпость, основанная Грознымъ, была заложена 28 Апрѣля (1566), въ память св. Насона (въ просторѣчій Насона).

3) Извѣстія о постройкѣ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Вологдѣ крѣпости и собора подтверждаются актами и не подлежатъ сомнѣнію.

«Когда Царь о томъ кручинился,
 «Въ храмѣ Божіемъ похаживалъ,
 «Какъ изъ свода туповатова
 «Упадала плинеа красная
 «Во головушку во буйную,
 «Въ мудру голову во царскую.
 «Какъ нашъ Грозный Царь прогнѣвался,
 «Взволновалась во всѣхъ жилахъ кровь,
 «Закипѣла молодецка грудь,
 «Ретивѣ сердце взыгралося;
 «Выходилъ изъ храма новаго,
 »Онъ садился на добра коня,
 «Уѣзжалъ онъ въ каменну Москву,
 «Насонъ городъ проклинаячи
 «И съ рѣкою, славной Вологдой.
 «Отъ того проклятыя царскаго
 «Мать сыра земля трехнулась,
 «И въ Насонъ-градѣ гористоемъ 4)
 «Стали блата быть топучія,
 «Рѣка быстра, славна Вологда
 «Стала быть рѣкой стоячею,
 «Водой мутною, вонючею,
 «И покрытая все тиною,
 «Скверной зеленью со плесенью 5)

II.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличается другое народное произведение, предлагаемое нами, — объ Аникѣ-воинѣ. Оно можетъ быть причислено къ ряду старорусскихъ былинъ, какъ-то: про Горе-злочастье и тому под. и, вѣроятно, представляетъ отрывокъ изъ цѣлой народной эпопеи, подобной Горю-злочастью. Въ такомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что вся поэма не дошла до насъ; но всѣ старательные поиски наши были тщетны. Правда, старожилы рассказывали намъ про нѣкоего Анику-воина, разбойника, жившаго нѣкогда въ Аникіевомъ лѣсу (въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ 10 верстахъ отъ города Вологды, по Кириловской дорогѣ), который теперь представляетъ площадь,

4) Сомнительно, чтобы Насонъ-градъ (т. е. Вологда) когда нибудь былъ гористымъ, — онъ, кажется, всегда стоялъ въ болотѣ.

5) Что р. Вологда была въ старину чище, глубже и быстрее, — это очень естественно, даже не лишено достовѣрности.

обросшую мелкимъ кустарникомъ; но рассказы были не полны, сухи; самые словоохотливые сказочники здѣсь махали рукою, говорили мало, да и рассказы ихъ никакъ не подходили подъ рядъ съ предлагаемою былинной; характеръ ихъ былъ совершенно иной; преданіе являлось избитымъ рассказомъ о грабежахъ и убійствахъ безъ всякаго поэтическаго оттѣнка, такъ поражающаго читателя въ предлагаемой былинѣ. Это показываетъ древность былинны, что подтверждается также языкомъ, при всемъ искаженіи его первообраза, даже образами, созданными народною фантазіею. Чтобы предположить приблизительно время сложенія первообраза былинны, надо разгадать время существованія героя ея—Аники-воина. Вотъ единственный путь къ этому: отъ имени разбойника произошло названіе лѣса Аникиева (теперь значащагося только по названію), въ свою очередь передавшаго свое названіе существующей понинѣ въ томъ краю обители — Зааникиевской пустыни. Изъ этихъ данныхъ можно опредѣлить только послѣднее, т. е. время основанія пустыни (монастыря) и по нему добираться до главной задачи, т. е. въ какое время, приблизительно, составлена народная эпопея, отрывокъ изъ которой лежитъ предъ нами. Зааникиевская обитель, какъ оказалось по нашимъ розысканіямъ, основана въ XVI вѣкѣ преподобнымъ Иосифомъ, мощи котораго покоятся тамъ подъ спудомъ; слѣдовательно, названіе лѣса принадлежитъ раннему времени, а Аника-воинъ, передавшій свое имя лѣсу, по этому жилъ еще ранѣе. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, мы приходимъ къ заключенію, что время сложенія первообраза былинны относится къ періоду времени между половиною XVI и началомъ XVII вѣка. Въ отрывкѣ изъ эпопеи объ Аникѣ, имѣющемся у насъ, рассказывается встрѣча героя со смертью и конецъ его грѣшной жизни. Смерть здѣсь является олицетворенною. Нельзя не признать прекраснымъ, въ своемъ родѣ — сближеніе грубой человѣческой силы, такъ склонной и привычной къ разрушенію всего встрѣчающагося на пути, съ мрачнымъ, могучимъ образомъ смерти, богатой вышешю, роковою, анти-матеріальною силою; безсиліе этой грубой, матеріальной силы (если такъ можно выразиться) здѣсь является во всей наготѣ своей. Олицетвореніе смерти — и, при томъ, смерти, являющейся преступнику, — отличается какой-то неопредѣленной рельефностію, ужасающею, хотя и неуловимой образностію; здѣсь она не подкашиваетъ жизни чловѣка, какъ коса стебель цвѣтка, не усыпляетъ его, какъ приемъ опиума, а пилитъ невидимыми пилами; здѣсь смерть неожидан-

ная, неумолимая, уже есть и казнь, кара преступной жизни, начало страшных, заслуженных мучений. Образъ смерти здѣсь сильно напоминаетъ образъ Горя-злочастья, преслѣдующій преступнаго сына; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ въ основаніи лежитъ — мораль; въ обоихъ то же неопредѣленно-рельефное очертаніе, та же нравственная могучесть, та же непреклонность и роковое значеніе. Съ другой стороны мастерски выражены чувства, потрясающія загрубѣлую, преступную душу при встрѣчѣ со смертью, мысль о которой еще не посѣщала ее. Аника начинаетъ льстить грозному образу, надѣется подкупить его, еще не угадывая въ немъ, по своей самонадѣянности, непобѣдимаго врага, неумолимаго судью; потомъ, когда это становится уже ясно, когда смерть глянула ему въ глаза — болѣзненно дрогнула преступная душа: въ ней явилось мучительное желаніе еще пожить на землѣ — для чего, съ какой цѣлю? Этого, вѣроятно, не рѣшилъ бы и самъ преступникъ, — просто для того, что умереть страшно....

Но напрасно обѣщаетъ онъ раздать нищимъ награбленное золото, напрасно прибѣгаетъ къ послѣднему убѣжденію, чтобы пожить еще хоть полгода, просится проститься съ отцомъ и матерью, — смерть, нагрянувшая такъ неожиданно, не знаетъ ни жалости, ни состраданія, не даетъ сроку ни двухъ лѣтъ, ни года, ни полгода, ни минуты, какъ самый строгій, могучій и справедливый судья.

Замѣчательно, что Аника изображается въ былинѣ съ отѣнкомъ какого-то благородства, хотя благородства преступнаго, если такъ можно выразиться; онъ даже не называется разбойникомъ, — ему одному, какъ исключенію между всѣми извѣстными разбойниками, приписываются названія «храбраго человѣка» и «воина».

Наконецъ, приводимъ эту интересную былинку въ томъ видѣ, какъ она имѣется у насъ:

«Ѣдетъ Аника черезъ поле 1),
 «Навстрѣчу Аникѣ Ѣдетъ чудо.
 «Голова у чуда человѣческа,
 «Волосы у чуда до пояса,
 «Тулово у чуда звѣриное,
 «А ноги у чуда лошадиныя.

1) Уже по началу былинки можно судить, что она представляетъ отрывокъ; желательно бы встрѣтить вполнѣ народную поэму объ Аникѣ-воинѣ.

«Аника на конѣ остановился
 «И этому чуду дивился.
 «— Скажи ты мнѣ, чудо, повѣдай,
 «Царь ли ты, ли царевичъ,
 «Король ли ты, королевичъ,
 «Или ты сильный, могучій богатырь? —
 «Чудо ему отвѣчаетъ:
 «— Я не царь, не царевичъ,
 »Не король, не королевичъ,
 «И не сильный, могучій богатырь,
 «А я смерть страшна и грозна,
 «Вельми непомѣрна,
 «Сердцемъ своимъ непосульна.
 «Кто сотворилъ небо и землю,
 «Кто сотворилъ облака и звѣзды,
 «Тотъ меня сотворилъ,
 «По всей землѣ попустилъ.
 «Гдѣ кого застану — искошаю 2):
 «Въ пути, въ дорогѣ застану, — искошаю;
 «Въ избѣ, на подворьѣ застану — искошаю.
 «Хочу и тебя, Аника, искосити!
 «Возговорить храбрый человѣкъ Аника:
 «— Я палицу подыму, палицей пришибу;
 «Либо коня поущу, конемъ потопчу,
 «По главѣ по твоей.
 «Она ему отвѣчаетъ:
 «— Былъ на землѣ Самсонъ богатырь, —
 «Былъ на землѣ Свѣтогоръ богатырь,
 «Я и ихъ искосила. —
 «Хочу и тебя, Аника, искосити.
 «Возговорить храбрый человѣкъ Аника:
 «— О смерть страшна и грозна!
 «Дай ты мнѣ сроку на два года:
 «Сострою я тебѣ церковь,
 «Спишу твой ликъ на иконѣ,
 «Поставлю твой ликъ на престолѣ;
 «И станутъ къ намъ съѣзжаться
 «Князья и бояре и сильные, могучіе богатыри,
 «И станутъ намъ свозить казну золотую.

2) Старинная форма отъ глагола *косить*, съ прибавкою предлога. Теперь эта форма, кажется, не существуетъ.

«Она ему отвѣчаетъ:
 «— Кабы де братъ мнѣ казну золотую,
 «Были бы у меня горы золотыя,
 «Отъ восхода до заката.
 «Вынимаетъ пилы невидимыя,
 «Потираетъ ею по рукамъ, по ребрамъ.
 «Возговоритъ храбрый человѣкъ Аника:
 «— О, смерть страшна и грозна,
 «Дай ты мнѣ сроку на одинъ годъ;
 «Есть у меня казна золотая, —
 «Раздамъ я ее по тюрьмамъ, по богадѣльнямъ.
 «Она ему отвѣчаетъ:
 «— Казна твоя кровавая,
 «Душѣ твоей не помогла.
 «Вынимаетъ пилы невидимыя,
 «Потираетъ ею по костямъ и по жиламъ.
 «Возговоритъ храбрый человѣкъ Аника:
 «— О, смерть страшна и грозна!
 «Дай ты мнѣ сроку на полгода;
 «Есть у меня отецъ и мать,
 «Дай ты мнѣ съ отцомъ, съ матерью проститься.
 «Она ему отвѣчаетъ:
 «— Какъ же ты ѣхалъ на ратное дѣло 3)?
 «Зачѣмъ съ отцомъ, съ матерью не простился?
 «Вынимаетъ пилы невидимыя,
 «Потираетъ ею по костямъ и по жиламъ.
 «Аника на копѣ шатается,
 «И смертныя уста запекаются;
 «Аника съ коня повалился.
 «Тутъ по Аникѣ и слава.

Николай Бунаковъ.

3) Въ этихъ вопросахъ есть что-то величественно-строгое и вмѣстѣ саркастическое. Грабежи и разбой здѣсь не безъ цѣли названы — *ратными дѣломъ*.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

О старомъ по поводу новаго. — О безгрѣшности въ ПетербургѢ. — Зима. — Бездвухваловъ и газетъ. — Публичныя лекціи. — Балинь съ неприятною исторіею. — Меломанія. — Графъ Ори. — Балетъ г-жи Феррарисъ. — Поклонники. — Хлопальщики. — Бенефисъ г. Петина. — Г-жа Пуссепъ. — Миссъ Толлонъ. — Михайловскій театръ. — Укротатель звѣрей. — Быкъ-великанъ и люди-феномены. — Африканскій трагикъ. — Любезность русскыхъ артистовъ. — Точка. —

Да здравствуетъ старый и добрый, *тысяча восемьсотъ пятьдесятъ восьмой* годъ! Да послужитъ онъ, незабвенный, урокомъ и примѣромъ новымъ, грядущимъ годамъ! Съ благоговѣніемъ оглядываясь на только что прожитый годъ, мои благородные сограждане должны сознаться, что онъ принесъ имъ много хорошаго, много полезнаго. Петербургъ, какъ Фаустъ, помолодѣлъ и тѣломъ и душой. Онъ выросъ и похорошѣлъ; въ жилахъ его кипятъ теперь новая, горячая кровь; сила и жажда дѣятельности бьютъ въ немъ живымъ ключемъ. Чудное слово «впередъ» — стало общимъ, ободрительнымъ крикомъ. Тѣ, которымъ нравственныя немощи или другія причины не позволяютъ увлекаться новыми, благородными стремленіями, только сторонятся невольню, дажимаютъ плечами. Наука, искусства, торговля, промышленность, все, все двинулось и сдѣлало навѣрстать потерянное время.

И когда подумаешь, что однимъ изъ главныхъ двигателей является здѣсь безсмертное Гутенбергово изобрѣтеніе; когда ясно видишь, что гласность, пощелкивая кого слѣдуетъ, даетъ ходъ этой общественной машинѣ, — невольню воскликнешь: да здравствуетъ печатное слово! да здравствуетъ гласность! Только тать и злодѣи таятся, но выраженію старинныхъ повѣствователей, во мракѣ темной ночи и скрываются отъ свѣтла дневнаго; только увядшая или некрасивая женщина, въ намѣреніи обмануть неопытный глазъ, бѣлится и румянится; правда, какъ истинная красота, не боится освѣщенія, не боится огласки. Каждый изъ гражданъ Петербурга, я въ этомъ не сомнѣваюсь, чистъ какъ стеклышко и слѣдовательно отъ всей души раздѣляетъ мое мнѣніе и подаетъ голосъ за гласность. Просто, ясно и вѣрно, какъ дважды два — четыре! Я полагаю даже, что въ ПетербургѢ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ общественныхъ грѣшковъ, о которыхъ упоминаютъ наши даровитые писатели. Напримѣръ: взяточничество — неужели оно существуетъ въ нашей прелестной столицѣ? Неужели въ такомъ просвѣщенномъ городѣ, какъ

Петербургъ, можетъ сохраниться хотя малѣйшая капля закоренѣлаго невѣжества, грубости и татарщины? Неужели денежный человѣкъ имѣеть нѣкоторое превосходство предъ честнымъ? Неужели прелестныя Аспазіи имѣють исключительное право ѣздить въ каретахъ, носить брилліанты, шелкъ и бархаты, а честныя женщины обязаны ходить пѣшкомъ и щеголять въ шерстяныхъ платьяхъ? Неужели молодой человѣкъ, будь онъ хоть семи пядей во лбу, не можетъ найти себѣ мѣста безъ покровительства сильныхъ? Неужели и въ Петербургѣ совѣстно говорить по русски? Неужели и въ Петербургѣ существуютъ винныя откупа и ихъ жалкіе данники, пропивающіе все заработанное, кидаящіе свою семью и шатающіеся по улицамъ? Невѣроятное дѣло. Миѣ кажется — все это выдумки писателей.

Принимаясь, съ новаго года, за лѣтопись общественной жизни въ Петербургѣ, я увѣренъ, что миѣ никогда не придется говорить о какомъ нибудь недостаткѣ моего роднаго города; все въ немъ прекрасно и совершенно, начиная съ общественной жизни и кончая мостовыми. Съ такимъ свѣтлымъ и отраднымъ убѣжденіемъ, обращаюсь къ дѣлу.

Нынѣшняя зима.... названіе зимы нѣсколько преувеличено. но ужъ пусть ингородный читатель думаетъ, что и зима хороша въ Петербургѣ.. И такъ, нынѣшняя зима отличалась обиліемъ и разнообразіемъ новостей и удовольствій. Во первыхъ.. во первыхъ, я не знаю съ чего и начать. Прежде бывало: двѣ, три новости да и обчелся, незатруднителенъ былъ выборъ, а теперь, боги всемогущіе! сколько новаго и полезнаго и пріятнаго! Голова кружится и въ глазахъ рябитъ.... Будемъ хладнокровны и начнемъ съ полезнаго.

Къ новому году Петербургъ приготовилъ цѣлый рогъ изобилія журналовъ, журнальчиковъ, газетъ и листковъ. Число ихъ дошло до изумительной цифры, кажущейся невѣроятною. И какихъ нѣтъ тутъ журналовъ и газетъ: есть и дорогіе и дешевыя, и серьезные и потѣшные, для дѣвицъ и для промышленниковъ, для модницъ и для акціонеровъ, для народа и для *солтскихъ людей*, для солдатъ и для офицеровъ, для археологовъ, для естествоиспытателей, для артистовъ... однимъ словомъ: для всѣхъ позовъ, сословій, возрастовъ и употребленій. Перечень названій представляетъ такую великолѣпную, разнообразную смѣсь, какой не встрѣтить и на знаменитой ярмаркѣ. Сердце радуется при чтеніи объявленій и обѣщаній; не будетъ ни одного дурнаго

журнала, ни одной дурной газеты, все будетъ отлично, велико-лѣпно и добросовѣстно; приняты всѣ надежащія мѣры; дѣло стоитъ только за подписчиками. Расчитано, разумѣется приблизительно, что если бы явился охотникъ читать въ 1859 году всѣ, безъ исключенія, повременныя изданія, ему слѣдовало бы читать каждый день до 50 печатныхъ листовъ; ѣсть, пить, спать, говорить и проч. не полагается. Немножко много! Нѣкоторые скептики льстятъ себя надеждою, что, по всей вѣроятности, крайнейшей мѣрѣ треть, если не болѣе, объявленныхъ изданій *ломаетъ* и такимъ образомъ облегчитъ затрудненіе читателей. Исполнится ли это предсказаніе или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, эта вдругъ усилившаяся журнальная дѣятельность — явленіе отрадное, какъ доказательство развивающейся охоты и потребности читать. Въ добрый часъ.

Продолжая рѣчь о полезномъ, слѣдуетъ съ особеннымъ удовольствіемъ внести въ нашу лѣтопись еще одинъ пріятный фактъ движенія и успѣха. Торговый домъ Г. Г. Покитонова, Струговникова, Водова и комп., въ видахъ распространенія естественныхъ наукъ, столь полезныхъ и необходимыхъ человѣку, основалъ огромную бібліотеку по части естественныхъ наукъ; при ней магазинъ всѣхъ нужныхъ инструментовъ, снарядовъ и матеріаловъ и, наконецъ, каедру для чтенія публичныхъ лекцій. Смѣшно и странно было бы толковать здѣсь объ очевидной пользѣ такого благаго предпріятія; кто ее не сознаетъ, кто не порадуется этой прекрасной мысли; кто, вмѣстѣ съ нами, не поблагодаритъ учредителей? Большое, изящно и даже роскошно отдѣланное помѣщеніе, нанятое въ Пассажѣ, соединяетъ въ себѣ всѣ возможныя удобства для посѣтителей и слушателей. Въ большой залѣ устроены амфитеатромъ мѣста, предъ ними возвышается очень красивая каедрa. Четверо ученыхъ, заслужившихъ уже громкую и почетную извѣстность, читаютъ здѣсь, поочередно, публичныя лекціи: физики — академикъ *Леницъ*, физиологій — профессоръ *Загорскій*, ботаники — профессоръ *Ценьковский*, химіи — профессоръ *Ходневъ*. Для производства опытовъ, необходимыхъ часто при лекціяхъ и придающихъ имъ большее разнообразіе и занимательность, приглашенъ г. Шпаковский. Цѣны назначены весьма умѣренныя: логи на 5-челов. продаются по три рубля, первые четыре ряда креселъ по рублю, вторыя мѣста по 50 коп., третьи мѣста на верхней галереѣ по 30 коп. сер. Слушателей и слушательницъ собирается постоянно чрезвычайно много; нарядныя дамы, фракы, военные

мундиры и даже длиннополые кафтаны, живописно перемѣшанные, доказываютъ, что у насъ во всякомъ сословіи есть охота поучиться уму-разуму и что мысль Торговаго дома Похитонова, Струговщикова, Водова и комп. встрѣтила не мало сочувствія въ жителяхъ Петербурга. Отъ всей души радуемся этому и желаемъ вновь брошенному зерну разрости въ сочный и питательный плодъ.

Что сказать вамъ еще? Пересказывать содержаніе прочтанныхъ уже лекцій почти невозможно, по тѣсотѣ уголка, который отводится обыкновенно лѣтописному листку. Читаются лекціи, разумѣется, прекрасно и, по возможности, популярно, профессоромъ Загорскимъ даже *слишкомъ* популярно; онъ, по нашему мнѣнію, черезчуръ много думаетъ о томъ, какъ бы сдѣлать свои объясненія доступными и понятными большинству слушателей; это стараніе растягиваетъ нѣсколько его лекціи и порождаетъ повторенія. За всѣмъ тѣмъ, слѣдуетъ отдать честь профессору Загорскому, лекціи его чрезвычайно занимательны и оживлены. Онъ умѣетъ и пошутить иногда кстати и рассказать анекдотъ, сдѣлать удачное сравненіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не упустить изъ виду дѣла и рассказать его складно и увлекательно.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что хорошій примѣръ найдетъ подражаніе и, мало по малу, у насъ разовьются и облегчатся средства къ распространенію знаній; такимъ образомъ большее число желающихъ учиться будетъ въ состояніи достигнуть своей цѣли. Нѣтъ надобности, я полагаю, объяснять, какія неисчислимо-благодѣтельные послѣдствія влекутъ за собою подобныя учрежденія; нѣтъ надобности прибавлять, что Петербургъ можетъ смѣло гордиться такимъ нововведеніемъ. Физика, химія, физиология и ботаника, — на долю которыхъ выпало прежде другихъ наукъ явиться въ популярномъ и мастерскомъ изложеніи, — имѣютъ и болѣе обширное примѣненіе въ жизни человѣка. Не на каждомъ изъ шагу представляются намъ вопросы и сомнѣнія, разрѣшеніе которыхъ лежитъ въ естествознаніи. Какъ не знать того, что окружаетъ cadaго изъ насъ въ нашей обыденной жизни, а все это развѣ не составляетъ содержанія четырехъ упомянутыхъ наукъ. Мольеровскій Журденъ возбуждаетъ общій хохотъ признаніемъ, что онъ, говоря нѣсколько лѣтъ прозой, не зналъ, что это проза; а сколько бы нашлось Журденовъ нашего времени, которымъ пришлось бы сознаться, что они, доживая свой вѣкъ, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что

дышали и дышать 21 частью кислорода газа и 79 частями азотнаго.... А какъ много помогло бы распространеніе естествознанія нашимъ промышленникамъ, торговцамъ и ремесленникамъ! Все это, разумѣется, придетъ, наконецъ, и къ намъ; можетъ быть не скоро; но вѣдь и Римъ построенъ не въ одинъ день; слава Богу, что положено начало. Начало — дѣло великое....

Не подумайте, что Петербургъ, занимаясь дѣломъ, забывая веселиться; ни чуть не бывало; нынѣшнею зимою удовольствій и даже удовольствій новыхъ было болѣе, чѣмъ когда либо. Только выпадетъ снѣгъ, только установится подобіе санной дороги, на улицахъ петербургскихъ появляются ухарскія тройки, побрякивая заманчиво бубенчиками. Такой обычай, занесенный къ намъ изъ Москвы, существуетъ вотъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; не пзмѣнили ему и нынче. Бѣздятъ на этихъ тройкахъ, разумѣется, за городъ, иногда довольно чинно и семейно, съ безхитростнымъ желаніемъ прокатиться, иногда выпить плохаго чаю или, что еще хуже, плохаго вина; иногда поѣздки эти совершаются съ болѣе размахистымъ намѣреніемъ кутнуть во всё тяжкія. Такая поѣздка сопровождается обыкновенно веселымъ балкомъ. А вы изволите знать, что такое веселый балкъ въ Петербургѣ? Вотъ что недавно рассказывалъ мнѣ по этому поводу одинъ изъ пріятнѣйшихъ и веселѣйшихъ людей, какихъ я встрѣчалъ только когда либо.

— Разсуждай себѣ всякій, какъ знаетъ, а я стою на своемъ: ничего нѣтъ, да и быть не можетъ, лучше веселаго балика. Тутъ, братецъ ты мой, нѣтъ никакихъ этихъ стѣсненій и ста тысячъ китайскихъ церемоній, которыя нагоняютъ на меня вѣчно чертовскую скуку. Приведутъ тебѣ тройку, сѣлъ.... Постои, перебилъ онъ самъ себя, — чего тутъ далеко ходить; на прошлой недѣлѣ я былъ на балкѣ и клянусь тебѣ всѣми цыганками, — это былъ прелестнѣйшій балкъ.... Правда, тамъ случилась маленькая неприятность, ну, да что за бѣда; вѣдь, если разсудить здраво, безъ исторій обойтись и трудно; всякій, попмаешь, развеселится, ну, и выпьетъ лишнее, ну, тамъ, какое нибудь столкновеніе, горячее словцо, вотъ и вспыхнуло!... Да все это пустяки, а ты слушай дѣло и пойми, что я говорю сущую правду. Ну, вотъ-съ, встрѣчаю я въ балетѣ Тростникова, знаешь его? Отставной.... высокаго росту, съ большими черными бакенбардами, блѣдный такой, молодецъ-мужчина.... Не знаешь? Все равно; встрѣчаю я его въ балетѣ. — А я, говоритъ онъ мнѣ, хотѣлъ къ тебѣ заѣхать сегодня, да задержали. Жаль, го-

горю, что не заѣхалъ, я тебя всегда радъ видѣть. — И заѣхать хотѣлъ, говоритъ онъ, по дѣлу. — По дѣлу? что такое? — А вотъ, говоритъ, что: хочешь провести пріятно вечеръ, такъ вотъ тебѣ дозволеніе, по двадцати пяти, дешево и мило!... и сунулъ мнѣ билетикъ. Само собою разумѣется, я не отказался. Сѣли мы на тройку, какъ подхватила тройка, такъ только шапку держи; не успеешь яйца въ смятку сварить, какъ мы уже на мѣстѣ преступленія. Вошелъ я въ залу, вошелъ и глаза разбѣжались! То есть весь цвѣтъ собранъ. И посмотрѣлъ бы ты, что это за красавицы... Да ужъ я дѣло свое знаютъ хорошо; вѣдь ужъ коли, напригѣрь, у которой хороши шея и плечи, такъ она такъ тебѣ ихъ покажетъ, что у тебя голова закружится; смотришь ты и пропадаешь. Коли ножка хороша, сдумаетъ показать и ножку; ну, ужъ тамъ бровки, рѣсницы, цвѣтъ лица, свѣжесть губъ — все это исполнено артистически. Наряды... о нарядахъ и говорить нечего. Просто сказать: приведи какогонибудь пустынного, и тотъ пропадетъ... Поглядѣлъ бы ты, что съ нашею молодежью дѣлается — совсѣмъ другіе люди. Посмотри ихъ на балѣ, въ порядочномъ обществѣ и посмотри здѣсь, на веселомъ балкѣ — не узнаешь. Тамъ, т. е. въ порядочномъ-то обществѣ, всѣ они какіе-то сояные, двигаются словно водою облитые, едва говорить, всѣ принимаютъ какой-то неестественный, натянутый видъ; статскій онъ, такъ въ дипломаты лѣзетъ; военный, такъ озабоченнаго полководца корчить.... На балкѣ нѣтъ ни одного дипломата, ни одного озабоченнаго полководца, всѣ — просто молодые люди, собравшіеся повеселиться и покутить.... Что ты насупился?

— Ничего, сдѣлай милость, продолжай; все это чрезвычайно занимательно и поучительно.

— Ну, ужъ поученій я не люблю. Я рассказываю тебѣ не въ поученіе, а просто на просто, чтобы дать понятіе о томъ....

— О томъ, какъ тратятся деньги, молодость и свѣжесть, здоровье и силы; о томъ, какъ отрываются молодые люди отъ общества и семейнаго круга и идутъ, подъ руководствомъ какойнибудь Жозефины, къ раззоренію и....

— Э! братецъ ты мой, куда ты хватилъ! Если ты смотришь на эти вещи такимъ образомъ, я больше ни слова. И что за страсть проповѣдывать; не нравится тебѣ, и не ходи; вѣдь тебя насильно никто не потащитъ; а другому-то больше и дѣлать нечего, ну, онъ и ѣдетъ.... Что тебѣ до этого? Да и большая

бѣда, что молодой человекъ кутнеть и приволокнется за какой нибудь Жозефиной....

— Ты говоришь, кажется, о какой-то непріятной исторіи?

— Да, дѣйствительно, вышло маленькое недоразумѣніе. Тамъ былъ одинъ изъ нашихъ, довольно задорный малый, привязался онъ къ какому-то статскому; тотъ сначала-то смолчалъ, а потомъ, надумался что ли, подошелъ къ нашему-то молодцу дацъ....

— Что?

— Что? разумѣется, что: по лѣвой и по правой....

— Что жь дацѣ?

— А я почему знаю; разберуть, это не мое дѣло.

Я полагаю, что непріятной этой исторіи вовсе не бывало; сомнѣваюсь даже, существуютъ ли точно въ Петербургѣ подобные бабки, а ужь если они и существуютъ, то развѣ какъ исключеніе.

У Петербурга есть болѣе изящныя и возвышенныя наслажденія. Вотъ, напримѣръ, хоть бы взять Итальянскую Оперу. Съ какимъ постоянствомъ жители Петербурга уже нѣсколько лѣтъ остаются меломанами и усердными поклонниками итальянскихъ пѣвицъ и пѣвцовъ. Съ какимъ неизмѣннымъ восторгомъ ловятъ каждый музыкальный звукъ, вылетающій изъ итальянской, артистической груди. Какъ усердно и искренно рукоплещутъ каждой трели, каждой ноткѣ. Сколько великолѣпнѣйшихъ букетовъ перелетитъ въ зиму, черезъ рампу, къ ногамъ увлекательныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ. Какъ наполнены ложи и кресла. Какъ блистательны и изящны наряды прелестныхъ дамъ. Какъ безукоризненно-свѣжи перчатки меломановъ. Какую чудную картину представляетъ это огромное число любителей итальянской музыки, одушевленное одинаковымъ восторгомъ, одинаковымъ стремленіемъ наслаждаться этою музыкою.

И неужели это стремленіе не искренно; неужели этими любителями музыки руководятъ, хотя нѣсколько, мода, свѣтскіи обычаи, желаніе не отстать отъ другихъ, желаніе показать себя и свой превосходный нарядъ? Неужели и въ этихъ, музыкально, по видимому, настроенныхъ душахъ, глѣздится крошечный бѣсъ тщеславія и строитъ козни противъ Россіи, Мейербера, Верди и другихъ знаменитыхъ маэстро, работая только на пользу собственную? Возможно ли, чтобы какая нибудь, напримѣръ, прелестная блондинка, съ тихимъ и задумчивымъ выраженіемъ на лицѣ, съ ясными и кроткими глазками, съ плѣнительнѣйшею и добродушнѣйшею улыбкою, могла слушать нашептыванія бѣ-

совскія и хотъ на минуту отвлечься отъ чистаго наслажденія музыкою, ради какихъ нибудь грѣшныхъ помысловъ? Возможно ли, чтобы этотъ величественный брюнетъ, въ такомъ красивомъ мундирѣ, не понимая музыки, рукоплескалъ съ такою горячностію? Возможно ли, чтобы этотъ немоцный, но еще бодрящійся старецъ, подстрекаемый бѣсомъ, заглядѣлся на шею и плечи непостижимой бѣлизны и не слышалъ ни одной нотки неподражаемаго Россини? Возможно ли, чтобы этотъ солидный господинъ, непринужденно облокотившійся на барьеръ сосѣдняго бенуара, задолжалъ по уши, для того только, чтобы сидѣть тутъ, подгѣ этой ложки, а не для того, чтобы восхищаться чуднымъ голосомъ г-жи Бозио? Неужели между этимъ огромнымъ и блестятельнымъ стеченіемъ слушателей, такъ немного истинныхъ любителей и цѣнителей музыки?... Рѣшать всѣ эти болѣе или менѣе грустные вопросы предоставляется желающему, мы же скажемъ нѣсколько словъ о самой оперѣ.

Не пугайтесь; о всемъ томъ, что уже разобрано нѣсколько сотъ разъ присяжными критиками, о чемъ толковалось и вкривь и вкосъ, здѣсь не будетъ и рѣчи. Въ послѣднее время особенно замѣчательный успѣхъ имѣла у насъ небольшая опера Россини «Comte Ory» (графъ Ори). О ней-то и должно сказать два, три слова; опера эта написана Россини до «Вильгельма Телля», слѣдовательно существуетъ уже тридцать лѣтъ, но у насъ составляетъ новость. Вотъ ея краткая исторія:

Въ 1825 году, въ бытность Россини въ Парижѣ, была представлена его опера, названная, по случаю коронаванія Карла X: *il Viaggio a Reims*. Опера обязана своимъ успѣхомъ особенно-хорошему исполненію г-жами Паста, Монбелли, Чинти (впослѣдствіи Даморо) и гг. Цукелли, Донцелли, Бордоньи, Пеллегрини и Левассеромъ. Директорія возымѣла несчастную идею возобновитъ ее въ 1848 году и такимъ образомъ выставитъ на достойную оцѣнку новаго поколѣнія даже слабыя стороны этой попытка попытки, впрочемъ, давшей знаменитому композитору одно изъ лучшихъ мѣстъ въ оперѣ «Графъ Ори».

По счастью, Россини не остановился на этомъ. Въ слѣдующемъ 1826 году, онъ передѣлалъ для французской оперы своего *Maometto Secondo*; новое это сочиненіе было названо: «*le Siège de Corinthe*» и имѣло большой успѣхъ. Итальянская партитура была совершенно передѣлана; множество мѣстъ исчезло и было замѣнено совершенно новыми; между ними можно упомянуть о

большой ариѣ, пѣтой г-жею Даморо и удивительной сценѣ благословенія знаменъ въ 3-мъ дѣйствіи.

Въ 1827 году онъ изъ итальянскаго Моисе сдѣлалъ французскаго Моисе въ 4-хъ дѣйствіяхъ, имѣвшего такой громаднѣйшій успѣхъ въ Большой Оперѣ.

«Графъ Ори», представленный въ 1828 году, заключаетъ въ себѣ, какъ мы уже сказали, отрывки изъ Итальянской оперы *il Viaggio a Reims*; тамъ встрѣчаются, впрочемъ, мѣста, заимствованныя и изъ другихъ партій Россини; между прочимъ ариѣ изъ *Матильды ди Шабранъ*; но главная часть оперы совершенно новая и представляетъ такое стройное общее, такъ согласующееся съ содержаніемъ, что можно подумать, что музыка этой оперы, съ начала до конца, написана въ одинъ присѣсть, и подъ вліяніемъ одного и того же содержанія. Опера эта можетъ смѣло стать на ряду съ самыми знаменитыми произведеніями великаго маэстро. Съ самой интродукціи до финальнаго тріо — это прелестнѣйшій образецъ граціи, ума и провіи; истинный типъ настоящей французской музыки. За всѣмъ тѣмъ *Графъ Ори* никогда не имѣлъ успѣха на первой парижской лирической сценѣ; возбуждая восторгъ на провинціальныхъ театрахъ и въ гостинныхъ, онъ часто бывалъ исключаемъ изъ репертуара Большой Оперы. Причиною этого было, вѣроятно, затрудненіе къ совершенному исполненію, встрѣчающемуся очень рѣдко, а равно и привычка публики къ великолѣпной постановкѣ большихъ оперъ въ пять дѣйствій.

Тѣмъ болѣе чести и нашимъ артистамъ (г-жѣ Бозіо, гг. Кальцолари, Эверарди и друг.) и постановкѣ этой оперы на сценѣ нашего Большаго Театра, потому что, повторяю, у насъ она имѣла большой успѣхъ.

На тѣхъ же самыхъ подмосткахъ, гдѣ умиралъ Эдгаръ, для того, чтобы потомъ, возставъ отъ смерти, привѣтливо раскланяться рукоплещущей ему публикѣ, отличались прелестныя сифиды, феи и другія не менѣе очаровательныя существа. Цѣлый рой полувоздушныхъ, такъ, по крайней мѣрѣ, кажется издали, легкихъ, прелестныхъ и вѣчно юныхъ созданій порхалъ здѣсь среди холщевыхъ деревьевъ, замковъ, садовъ и другихъ чудесъ Роллера, вызывая громкіе восторги и одобренія. Сколько молодыхъ и дряхлѣвшихъ смертныхъ мѣло и таяло подъ обаяніемъ красоты, мишуры и трико. Сколько пріятныхъ, хотя и безпокойныхъ, сновъ и мечтаній навѣяло этими прекраснѣйшими *pas de quatre, pas de deux* и другими изобрѣтеніями даровитаго Перро!

Счастливыи, неопытныи женщина! какъ завидую я себѣ, что на твой взглядъ очаровательныи даже и тѣ женщины, которыи остаются въ заднихъ рядахъ, въ полутемной, таинственной дали. Ты не видишь, что этотъ легкий смѣхъ задыхается отъ усталости, ты не видишь, что эта очаровательная русалка чуть-чуть не потеряла великолѣпнѣйшыи волосы; все для тебя ослѣпительно, прекрасно. Сто кратъ счастливыи ты, имѣющаи право восхищаться, а не всматриваться и не судить, потому что наслаждение твое полно и горячо. Проживаясь, однакожь, чувствомъ откровенности, должно сознаться, что и мы, люди положительныи и солидныи, но не безгрѣшныи, не прочь полюбоваться чудесами, какия выдѣлываются иногда ножкой даровитой, искусной и хорошеиной танцовщицы. За доказательствомъ ходить не далеко. Кто, напримѣръ, будь онъ самый положительный и самый солидный изъ 490,808 жителей Петербурга, не придетъ въ восторгъ отъ изумительнаго искусства г-жи Феррарисъ?...

Прекрасная танцовщица эта явилась у насъ въ роли *Эолины* въ великолѣпно поставленномъ новомъ балетѣ. Г. Перро выбралъ содержаніемъ своего новаго балета легенду. Въ ней дѣло идетъ о любви повелителя горныхъ духовъ Рубзала къ прелестной дриадѣ — Эолинѣ; Эолина помолвлена за прекраснаго графа Эдгара и отвергаетъ несчастную страсть Рубзала. Злой и мстительный духъ преслѣдуетъ суровую дриаду, дѣлаетъ ей различныи мерзости и наконецъ, въ день свадьбы ея съ прекраснымъ графомъ, сжигаетъ лѣсъ, для того, чтобы сжечь дерево, съ которымъ связано существованіе Эолины. Для желающихъ ближе и обстоятельнѣе познакомиться съ содержаніемъ новаго балета, въ кассѣ Большаго Театра продается программа.

Полуфантастическое содержаніе новаго произведенія, великолѣпныи декорации и машины г. Роллера, а главное — искусство г-жи Феррарисъ доставили г-ну Перро новыи завры. Какъ не длиненъ балетъ, его смотреть охотно, театръ всегда полонъ и рукоплесканіямъ и вызовамъ нѣсть числа.

Г-жа Феррарисъ принадлежитъ къ небольшому числу первоклассныхъ европейскихъ танцовщицъ. Сила, быстрота, отчетливость и грація, соединяясь съ прекрасною наружностію г-жи Феррарисъ, побѣждаютъ даже тѣхъ, которые, почему-то, глядя на гостью съ предубѣжденіемъ. Трудности, которыи выдѣлываетъ г-жа Феррарисъ какъ бы шутя, изумительныи и превосходятъ все, что мы видѣли до сихъ поръ. Она уступаетъ нѣсколько своимъ знаменитымъ соперницамъ — Тальони, Фанин Эдлеръ и

иной Богдановой, въ мимикѣ и болѣе чуждымъ движеніямъ; за то, по легкости, силѣ и быстротѣ, — это рѣшительно неподражаемая танцовщица. Г-жа Феррарисъ не пользуется съведѣтельными русскими танцами, а вырываетъ ихъ у зрителей. Ея русскія танцы, по моему, самая лучшая оцѣнка и награда истинному артисту. Я убѣжденъ, что каждый изъ артистовъ очень хорошо умѣетъ различить эти вырванные изъ рукоплесканія, громкія, дружныя, невольныя, отъ тѣхъ, которыя возбуждаются какою нибудь поклонниково-хлопальщицкою и похожи, своимъ значеніемъ, на подогрѣтое кушанье. Точно также убѣжденъ, что излишнее усердіе нѣкоторыхъ поклонниковъ верѣдко ставитъ артистку въ довольно неловкое положеніе. Такъ, недавно, въ бенефисъ г. Петипа, кому-то вздумалось, ни съ того, ни съ другаго, воднести букетъ г-жѣ Кошовой, которая, хотя и оправдываетъ пріятныя надежды видѣть ее хорошою танцовщицею, танцевала въ этотъ вечеръ весьма незначительное не и, по всей вѣроятности, была удивлена излишнимъ усердіемъ въ видѣ букета.

Бенефисъ г. Петипа былъ составленъ весьма роскошно и удачно. Новый балетъ, поставленный бенефициантомъ: «Бракъ во время регенства» не хитеръ по содержанию и не можетъ называться чудомъ хореографическаго искусства, но, при участіи нашихъ любимѣйшихъ танцовщицъ: г-жъ Прихужовой, Муравьевой, Амосовой и Петипа, понравился публикѣ и вѣроятно продержится на сценѣ.... трудно опредѣлить время съ точностію. Особенно хороши были г-жи Прихужова и Муравьева, заслужившія безчисленное множество рукоплесканій и букеты.

Въ балетѣ этомъ явилась еще новая, болѣе прекрасная, чѣмъ искусная танцовщица г-жа Пуссенъ. Особенную похвалу заслуживаетъ дебютантка за свою скромность; благородное качество это увеличиваетъ красоту и обязываетъ судей къ снисходительности.

Въ Петербургѣ появилась еще одна танцовщица — миссъ Лидія Томсонъ, именующая себя первою танцовщицею лондонскихъ театровъ: Сент-Джемскаго и Друриенскаго; но такъ какъ прелестная миссъ дебютировала на сценѣ Михайловскаго театра, то мы простимся съ балетомъ и взглянемъ на французскія представленія.

Здѣсь, прежде всего, поражаетъ почти всѣхъ, посѣщающихъ Михайловскій театръ, грустная бѣдность нынѣшняго репертуара. Въ послѣднее время почти не было ни одной французской

пьесы, выходящей изъ ряду посредственности. Не наше дѣло доискиваться причинъ такого прискорбнаго застоя въ драматической литературѣ французской; но нельзя, однакожъ, не пожалѣть, что даровитымъ актерамъ Михайловскаго театра нерѣдко приходится разыгрывать неудачные фарсы или плохія мелодрамы. Нѣсколько бенефисовъ сряду не принесли ни малѣйшей лепты въ сокровищницу, прежде столь богатую, дававшую хлѣбъ насущный и русскому и нѣмецкому театру. Сокровищница эта пуста теперь, какъ карманъ промотавшагося купеческаго сына. Этою только пустотою, конечно, можно объяснить частое повтореніе какойнибудь чепухи, въ родѣ произведенія гг. Тьеры и Дюпѣти «*Les canotiers de la Seine*», съ веселыми танцами въ заключеніе, или комедіи-водевиля гг. Дюро и Лазанна «*M-r Le Sac et M-e La Braise*», вътакимъ же окончаніемъ и т. п. Немудрено, что при такомъ драматическомъ неурожаѣ, многимъ нравится драма «*Les crochets du père Martin*», хотя въ сущности она принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ довольно обыкновеннымъ произведеніямъ и обязана своимъ успѣхомъ только прекрасному и дружному исполненію. Никто, разумѣется, не посѣтуетъ на то, что въ лѣтописи послѣдняго времени 1858 года, канувшаго въ вѣчность, нѣтъ подробнаго перечня плохихъ пьесъ и не пересказывается ихъ незанимательное содержаніе. Это было бы бесполезно, очень длинно и вовсе незанимательно; а потому къ весьма краткому отчету о Михайловскомъ театрѣ остается прибавить только, что г-жа Напталъ-Арно, съ каждымъ представленіемъ, болѣе и болѣе нравится Петербургу и составляетъ блистательное пополненіе нашей прекрасной французской труппы. Слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что г. Варле, въ бенефисъ свой, возобновилъ комедію Мольера «*Le bourgeois gentilhomme*», въ которой самъ занималъ роль Журдена. Г. Варле — актеръ весьма добросовѣстный и умный; онъ съ успѣхомъ исполняетъ второстепенныя роли; но въ роли Журдена былъ, кажется, не на своемъ мѣстѣ. Въ игрѣ его, казалось намъ, недоставао необходимой веселости, наивности и легкости; что придадо и всей комедіи какой-то вялый, скучный оттѣнокъ. Г-жа Вольнисъ была за то выше всякихъ похвалъ. Смѣхъ ея, при видѣ разрядившагося Журдена, доходящій до истерики, былъ до того натураленъ, что произвелъ на зрителей поразительное впечатлѣніе; зрители, то увлекаемые имъ, хохотали до слезъ вмѣстѣ съ г-жею Вольнисъ; то, въ какомъ-то изумленіи, сдерживали свой смѣхъ и потомъ разражались громкими рукоплесканіями. Игра г-жи Вольнисъ доходитъ до высшей степени совершенства въ то

время, когда она, обезсиливаемая хохотомъ, опускается на полъ, не можетъ произнести ни одного слова, глядитъ, съ умоляющимъ видомъ, на растерявшагося и разгнѣваннаго господина и рукой дѣлаетъ движенія, какъ бы упрасивая ударить ее, авось смѣхъ, неудержимый, мучительный, прекратится. Нужно видѣть г-жу Вольнисъ въ эту минуту, чтобы понять, до чего подвижно и выразительно ея лице, какъ звонокъ и увлекателенъ ея смѣхъ, какъ высоко въ ней и дарованіе и искусство. Я помню, какъ лѣтъ десять тому назадъ, смѣялся М. С. Щепкинъ въ роли Кочкарева въ комедіи Гоголя «Женитьба»; до сихъ поръ впечатлѣніе этого смѣха свѣжо въ моей памяти; но смѣхъ г-жи Вольнисъ въ комедіи Мольера выше и поразительнѣе. Г. Варле сдѣлалъ прекрасно, возобновивъ комедію Мольера, какъ бы въ упрекъ современному драматическому безплодію; тутъ *старый другъ лучше десятка новыхъ*.

Чтобы не надоѣдать снисходительнѣйшимъ читателямъ петербургской лѣтописи толками о театрѣ, можно бы, ради разнообразія, поговорить о новостяхъ другаго рода.... О болѣе замѣчательномъ уже сказано выше; осталось весьма не важное, но лѣтопись не имѣетъ права пренебрегать ни чѣмъ, ибо *о вкусахъ не спорятъ*. Какъ знать, можетъ быть, кому нибудь покажется весьма любопытнымъ сказаніе о могущественномъ укротителѣ дикихъ звѣрей — г. Крейцбергѣ, недавно появившемся въ Петербургѣ, съ огромнымъ звѣринцемъ, въ которомъ хозяину покорны и страшный левъ, и свирѣпый тигръ и злая гіена, сильный медвѣдь и проч. и проч. все, что приводитъ въ трепетъ слабыхъ смертныхъ. Огромный, какъ уже сказано, и очень хорошій звѣринецъ г. Крейцберга, какихъ, сколько помнится, не было еще до сихъ поръ въ Петербургѣ, самъ по себѣ уже заслуживаетъ вниманія людей любопытныхъ и любознательныхъ. Звѣри, почти всѣхъ замѣчательныхъ породъ, рослы, откормлены, и, стало быть, сохраняютъ свою природную красоту или безобразіе, что случается весьма рѣдко въ обыкновенныхъ звѣринцахъ. Но это еще не составляетъ главнаго достоинства заведенія г. Крейцберга; посѣтителей привлекаетъ искусство хозяина укрощать звѣрей, иначе — воспитывать. Умилительно и трогательно видѣть, когда г. Крейцбергъ входитъ въ большую клѣтку, гдѣ его окружаютъ его же воспитанники, изъ львовъ, тигровъ, гіенъ и медвѣдей обратившіеся чуть не въ овечекъ. Наставникъ роздаетъ имъ мясо и крошечные куски сахару, избраннымъ позволяетъ даже цѣловать себя; наконецъ, левъ прыгаетъ у него черезъ барьеръ; медвѣдь или тигръ носятъ на спинѣ овечку — и все это дѣлается при по-

мени разговора и шуточекъ и небольшого хлѣста. Удивительно! зѣврей динуть, и тѣхъ воспеваютъ! У кого есть дѣти, тотъ можетъ сказать: обезьяны дѣти! смотрите и поучайтесь, какъ воспитаніе смягчаетъ нравы!...

Есть въ Петербургѣ еще быкъ — *осликами*, по выраженію печатнаго объявленія, съ портретомъ рогатаго героя; въ объявленіи рассказываются чудеса о его величій и изумительномъ проворствѣ; но нѣкоторые господа, бывавшіе въ Малороссіи, говорятъ, что тамъ подобныя великаны не рѣдкость.

Есть еще драгоценное собраніе *людей-фотомановъ*: престестная, похожая на обезьяну миссъ Юлія Пастрана, альбиносса и карликъ, вѣдь звучнымъ именемъ Пиколомини. Ясно, что не только красота, но и уродство могутъ дать деньги.

Больше, правда, ничего нѣтъ и номероѣ приходится обратиться къ театру и именно нѣмецкому. Въ настоящее время на сценѣ Театра-цирка появилась знаменитость, о которой давно уже толкуютъ въ Европѣ, и которая въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ этого. Я говорю объ Эйрѣ Ольдридѣ, одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ актеровъ въ Европѣ, который пріѣхалъ въ Петербургъ на весьма короткое время и играетъ съ актерами нашей нѣмецкой труппы. Прежде исильнаго разбора его, по истинѣ поразительной игры, слѣдуетъ сообщить читателямъ кое-какія біографическія данныя о черномъ артистѣ.

Вотъ что говоритъ о немъ одинъ нѣмецкій біографъ (Meyer's Conversations-Lexicon Supl. T. I):

Негръ Эйра Ольдридъ составилъ себѣ извѣстность первостепеннаго драматическаго артиста. Предки его владѣли племенемъ Фуллаховъ, обитающимъ по лѣвому берегу р. Сенегала. Къ дѣду Эйры, далеко превосходившему образованіемъ своихъ со-владельниковъ, прибылъ сѣверо-американскій миссіонеръ и пріобрѣлъ надъ нимъ такое вліяніе, что черный владѣтель поклонился своему другу и учителю: преобразить совершенно торговлю невольниками и воспитать своего сына въ Сѣверной Америкѣ. Учитель и сынъ владѣтеля дѣйствительно сѣли на корабль въ гавани Сенегала; но чрезъ три дня возсталъ племя Фуллаховъ, недолгое нововведеніемъ, по которому, вмѣсто продажи военнопленныхъ, ихъ стали вымѣнивать. Владѣтель погибъ со всѣмъ своимъ семействомъ и всѣми приверженцами. Сынъ его, между тѣмъ, съ своимъ наставникомъ, прибылъ благополучно въ Сѣверную Америку и былъ принятъ въ Шенектадѣйскую Коллегію, близъ Нью-Йорна, гдѣ и воспитался какъ христіанинъ. Замѣтатель-

ные способности и успѣхи дали ему право на духовное званіе, къ которому онъ самъ чувствовалъ призваніе. На это согласилось и начальство Коллежій, съ тѣмъ, чтобы онъ, по возвращеніи въ свое отечество, могъ способствовать распространенію христіанской религіи.

По смерти предводителя бунтовщиковъ и убійцы прежняго предводителя, Даніэль Ольдриджъ, снабженный отъ друзей индустриальства средствами и въ сопровожденіи негрятки, избранной имъ, въ Сѣверной Америкѣ, въ подруги жизни, отправился въ Сенегамбію.

Черезъ мѣсяць по прибытіи ихъ сюда, родился Эйра.

Начало предпріятія сулило много хорошаго. Въ пользу возвратившагося, законнаго наслѣдника, составила сильная партія и, казалось, съ ея помощію, Даніэль могъ заступитъ мѣсто своего отца... Но торговцы невольниками бросили новую искру раздора и, въ кровопролитнѣйшей борьбѣ, Даніэль былъ пораженъ и, наконецъ, покинуть почти всѣми своими приверженцами. Могущество враговъ отняло у него даже средства уѣхать за море, и девять лѣтъ блуждалъ онъ отъ жижинны до жижинны, изъ одного лѣса въ другой.

Малютка Эйра то сопровождалъ своего отца, то былъ съ нимъ разлучаемъ; такимъ образомъ, первые годы его дѣтства прошли среди раздражающихъ сценъ, воспоминаніе о которыхъ навсегда осталось ненаглядно. Эти-то первые впечатлѣнія, сами по себѣ уже представляли трагедію, какой не встрѣтишь всегда на театральныхъ подмосткахъ. Однажды восьмилѣтній Эйра игралъ предъ хижиной, гдѣ былъ скрытъ его отецъ; вооруженные враги проходили мимо; сходство ребенка съ бѣглецомъ поразило ихъ, и они готовы были уже вернуться въ хижину, но хладнокровное увѣреніе хозяйки, что это ея дитя, отклонило ихъ намѣреніе.

Наконецъ, снасительный корабль отвезъ все несчастное семейство въ Соединенные Штаты. Здѣсь претендентъ на власть обратился въ пастора Даніэля Ольдриджа и сдѣлался однимъ изъ тѣхъ злополучныхъ черныхъ проповѣдниковъ, которыхъ встрѣчаютъ насмѣшка и презрѣніе бѣлыхъ.

Даніэль видѣлъ торжество своего сына Эйры и умеръ только ко въ 1840 году, искренно оплакиваемый своею паствою. Другой сынъ Даніэля умеръ прежде отца; онъ палъ жертвою своего происхожденія, такъ какъ въ Нью-Орлеанѣ негры были лишены покровительства закона. Убіенство сына Ольдриджа бѣ-

онъ остался безъ всякихъ судебныхъ послѣдствій и прошло незамѣченнымъ.

Эйра готовился также къ духовному званію; но театръ такъ плѣнилъ его, что онъ принялся за изученіе нѣкоторыхъ драматическихъ ролей и поступилъ на театръ любителей-негровъ. Бѣлая чернь разрушила этотъ театръ черныхъ любителей; тогда Эйра поступилъ слугою къ первому герою Чатамскаго театра, съ тѣмъ, чтобы за кулисами слѣдить за драматическими представленіями, такъ какъ входъ въ театръ былъ запрещенъ неграмъ. Между тѣмъ, при покровительствѣ епископовъ Брентона и Мильнера, Эйра былъ принятъ въ Шенектадійскую Коллегію, чтобы тамъ изучить Богословіе. Въ 1825 году онъ поступилъ въ Глазговскій университетъ; но въ слѣдующемъ же году покинулъ уже его и дебютировалъ на провинціальному театрѣ, при громкихъ рукоплесканіяхъ, въ роли *Отелло*. Одна образованная и чрезвычайно милая дама, по слухамъ, дочь члена Парламента, влюбилась въ молодого черного артиста и отдала ему свою руку (разумеется, вмѣстѣ съ сердцемъ).

Извѣстность Эйра Ольдриджа росла болѣе и болѣе, потому что онъ игралъ на болѣе и болѣе знаменитыхъ провинціальныхъ театрахъ; сначала только въ роляхъ негровъ, какъ: въ *Отелло*, *Гамбія* — въ «Невольникахъ», *Мумо* — въ водевилѣ Бикерстаффа «The padlock» и *Цинна* — въ трагедіи Юнга «Мечь»; потомъ, въ роляхъ *Макбета*, *Шейлока* и друг.

Только въ 1833 году, онъ поступилъ на Ковентгарденскій театръ въ Лондонѣ, гдѣ имѣлъ особенный успѣхъ послѣ изданія брошюры: «Memoir and theatrical coveer of Ira Aldridge». Съ этихъ поръ Эйра Ольдриджъ игралъ почти на всѣхъ великобританскихъ театрахъ. Въ 1838 году Сенъ-Домингская палата представителей, въ признательность за его заслуги, послала ему поздравительный адресъ и патентъ на чинъ капитана Гантской арміи, съ назначеніемъ его въ почетные адъютанты президента Боиэ.

Въ 1852 знаменитый черный трагикъ посѣтилъ материкъ Европы и игралъ въ Брюсселѣ, Ахенѣ, Кельнѣ, Боннѣ, Кобургѣ, Лейпцигѣ, Берлинѣ и т. д., и вездѣ одинаково возбуждалъ общее удивленіе.

Хотя игра его образовалась подъ вліяніемъ англійскихъ трагиковъ, но онъ сумѣлъ освободиться отъ этого вліянія, сбросить всѣ классическія преданія и стать независимымъ, своеобразнымъ и великимъ актеромъ.

У насъ онъ исполнилъ три роли, въ **безсмертныхъ** произведеніяхъ Шекспира — *Отелло*, *Лира* и *Шейлока* — и одну комическую роль, роль негра *Мулю* въ водевилѣ Бпкерстафа «The padlock». Этихъ четырехъ ролей *слишкомъ* довольно для того, чтобы опредѣлить совершенно степень даровитости и искусства исполнителя. У насъ сужденія публики объ Эйрѣ Ольриджѣ, и послѣ исполненія имъ этихъ четырехъ ролей, остались сбивчивыми и противорѣчащими одно другому довольно рѣзко. Одни приходятъ въ неописанный восторгъ отъ каждаго движенія пальцемъ чернаго трагика, другіе находятъ его холоднымъ, изысканнымъ и неестественнымъ. Одни говорятъ, что его можно поставить на ряду разѣ съ великимъ современнымъ итальянскимъ трагикомъ Сальвини, другіе сравниваютъ его съ покойнымъ Каратыгинымъ. И не только публика петербургская дѣлится на двѣ стороны: *ольдриджистовъ* и *антиольдриджистовъ*, но такое же раздѣленіе мнѣній видно и между нашими артистами, такое же раздѣленіе, немного смягченное, замѣтно и между рецензентами. Не ясное ли это доказательство того, что Ольдриджъ — артистъ, далеко выходящій изъ ряду обыкновенныхъ. Но нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ этому доказательству, когда есть гораздо сильнѣйшее — это тотъ живой, горячій восторгъ, который возбуждала постоянно игра чернаго трагика въ зрителяхъ, не понимающихъ даже англійскаго языка. Лице Эйры Ольдриджа до того подвижно и выразительно, движенія такъ согласуются съ каждымъ положеніемъ его роли, что они какъ бы замѣняютъ живую рѣчь; къ этимъ неотъемлемымъ его достоинствамъ надо прибавить еще главное качество этого замѣчательнаго артиста — внутреннюю силу, огонь, который согрѣваетъ и освѣщаетъ [всю игру и дѣйствуетъ особенно обаятельно на зрителя. Безъ этого огня, артистъ, по нашему мнѣнію, не артистъ, а фокусникъ, *передразниватель*; онъ можетъ, при умѣ и навыкѣ къ сценѣ, нравиться зрителю, озадачивать иногда какимъ нибудь эффектомъ; но никогда не увлечетъ, какъ увлекаетъ Ольдриджъ. То, что принимаютъ нѣкоторые въ Ольдриджѣ за искусственность и изысканность, составляетъ только усиліе обуздать собственный пылъ и чувства, которыхъ цѣлая бездна въ этомъ удивительномъ артистѣ. Тонкіе оттѣнки, придаваемые Ольдриждемъ каждой роли, показываютъ, что онъ не только артистъ въ высокой степени даровитый, но и умный. Наружность его весьма представительна; при среднемъ ростѣ, Ольдриджъ умѣетъ быть величественнымъ, когда это нужно;

увѣсть явиться красивымъ маэромъ, отвратительнымъ лицомъ, венчаемымъ старцемъ-королемъ и, наконецъ, забытымъ и тупоумнымъ негромъ. Голосъ его способенъ гремѣть ужасающими проклятіями и нѣжно, музыкально нашептывать слова любви и ласки....

Съ такими силами Ольдриджъ не могъ задуматься въ выборѣ ролей. Великій и безсмертный Шекспиръ представлялъ ему обширное, славное и почти единственное поприще. Роль Отелло припала, кажется, болѣе другихъ по натурѣ Ольдриджу и потому-то, можетъ быть, онъ и выбралъ ее для перваго своего дебюта. Предъ зрителями, наподлинными сверху до низу Театръ-циркъ, тотъ самый циркъ, гдѣ такъ часто г. Орловскій въ голубомъ или розовомъ галстучкѣ кидался, къ ужасу чувствительныхъ нѣмокъ, съ *испристунной скалы въ холодную бездну страшныхъ волнъ*, явился Отелло, настоящій шекспировскій Отелло. За взрывомъ обычныхъ, привѣтственныхъ рукоплесканій, наступила мертвая тишина и общее вниманіе сосредоточилось, разумѣется, на новомъ истолкователѣ Шекспира.

Предъ зрителями стоялъ мавръ, опаленный солнцемъ, гордый своими заслугами и славой, величественный и прекрасный, способный покоряться и властвовать, любить и мстить. Съ перваго же появленія, отъ этой личности на зрителя повѣяло чѣмъ-то обаятельнымъ, зритель былъ уже подкупленъ; такова сила истиннаго дарованія и высокаго искусства. Такъ, по рассказамъ, явился на сценѣ Друриленскаго театра другой знаменитый трагикъ Эдмондъ Кинъ, заставившій присмирѣть полупьяную, буйную чернь, пускаемую обыкновенно въ лондонскіе театры за половинную цѣну. Только Ольдриджъ могъ передать такъ полно, осязательно и вѣрно громадную личность Отелло, созданную великимъ гениемъ Шекспира. Только великій актеръ могъ соединить и выказать въ этой роли и ту женственную нѣжность, къ какой способна только глубокая и безкорыстная любовь матери, и тотъ пылъ страсти, какой Шекспиръ очень вѣрно придалъ пламенной натурѣ мавра, и то неукротимое бѣшенство, которое уподобляетъ человѣка разсвирѣпѣвшему тигру. Были минуты, когда Ольдриджъ-Отелло, расхаживая по сценѣ, поразительно напоминалъ озлившагося тигра. Въ сценѣ съ Яго онъ былъ просто страшенъ; лице его блѣдное, почти зеленое, дергалось судорогами неукротимаго бѣшенства, а голосъ походилъ на львиное рыканье; зрители рукоплескали восторженно....

Не стану пересказывать, сцена за сценою, содержанія прозведенія, такъ давно знакомаго почти всѣмъ. Его знаютъ не

только тѣ, которые съ любовью и съ толкомъ изучали Шекспира, но даже и тѣ, которые просто посѣщали русскій театр. Скажу только, что игра Ольдриджа до такой степени естественна и увлекательна, что на лицахъ зрителей, по крайней мѣрѣ, большей части зрителей, отражаются попеременно всѣ ощущенія Отелло. Тихіе, нѣжные и гармоническіе звуки голоса Отелло-Ольдриджа, когда онъ высказываетъ свою любовь къ Дездемонѣ, умиляютъ и разнѣживаютъ зрителя; онъ, кажется, вмѣстѣ съ Отелло, любитъ въ эту минуту Дездемону, забывая даже, что она не совсѣмъ удовлетворительно олицетворяется г-жею Полмертъ. Вмѣстѣ съ Отелло, кажется, зритель мало по малу, поддается вознѣхъ Яго, вѣрнѣе ему и бонтея оскорбить подозрѣніемъ чистоту и страстно любимую имъ Дездемону....

Съ какою поразительною истиною передаетъ Ольдриджъ этотъ постепенный переходъ отъ страстной любви сначала къ неясному подозрѣнію, потомъ къ ревности, то утихающей, то разгорающейся съ новою силою и превращающейся, наконецъ, въ бѣшеную страсть и неукротимое желаніе разбить кумиръ, которому онъ поклонялся до сихъ поръ. Но и въ припадкѣ ревности, достигающей крайнихъ и ужасающихъ предѣловъ безразсудной страсти, сколько еще любви въ Отелло-Ольдриджѣ; какою нѣжною, какою подавляемою, былою страстію звучитъ голосъ Ольдриджа, когда онъ спрашиваетъ Дездемону:

Молилась ли ты?

Сколько отчаянія, тихаго, но страшнаго и раздрающаго духу, проявляется въ Отелло, когда онъ открываетъ гнусное предательство Яго и невинность Дездемоны. Онъ даже возбуждаетъ въ зрителѣ сочувствіе и слезы сожалѣнія. Совершенство, съ какимъ показалъ Ольдриджъ зарожденіе страсти въ душѣ чело-вѣка, съ какимъ постепенное развитіе и, наконецъ, полную власть надъ сердцемъ и надъ разсудкомъ — выше всякихъ похвалъ.

Въ такую же психологическую вѣрностію и съ равнымъ искусствомъ передаетъ Ольдриджъ и другія движенія души чело-вѣка. Чувство сознанія собственнаго достоинства, величія души въ сценѣ появленія Отелло при ссорѣ пьянаго Кассіо, изображается Ольдриждемъ безупречно.... Словомъ, весь образъ Отелло, вся эта громадная и симпатичная личность одного изъ лучшихъ шекспировскихъ героевъ воспроизводится Ольдриждемъ безукоризненно, полно, отчетливо и вѣрно.

Другую ролью его была — роль Шейлока въ «Венеціанскомъ купцѣ» и никто не узналъ бы красиваго, чернаго и курчаваго

манра въ бѣломъ жидѣ, съ горбатымъ носомъ и лысою головою. Не только лице, но и вся наружность, походка, приемы и движенія Ольдриджа измѣняются въ роли Шейлока до такой степени, что его невозможно узнать. Роль Шейлока чрезвычайна трудна и неблагодарна; содержаніе всей пьесы весьма бѣдно; оно, какъ извѣстно, основано на простомъ юридическомъ случаѣ, заимствованномъ изъ арабскихъ сказокъ, и актеру, занимающему главную роль, надо много силы уже для того только, чтобы не показаться сухимъ и скучнымъ. Эйра Ольдриджъ разрѣшилъ трудную задачу блистательно. Алчный, безчеловѣчный Шейлокъ, глубоко ненавидящій христіанъ, сначала такъ злобно радующійся изобрѣтенной имъ мести своему врагу и, потомъ, такъ жестоко обманувшійся въ своемъ расчетѣ — живьемъ стоялъ предъ зрителями, олицетворенный Ольдрижемъ. Радостный смѣхъ Шейлока, какой-то болѣзненный и злобщій, отзывается чѣмъ-то нечеловѣческимъ, отчаяніе его при окончательномъ рѣшеніи суда поразительно. Движеніе Ольдриджа, когда, послѣ прикосновенія ненавистнаго ему врага-христіанина, онъ вытираетъ платкомъ свое платье и съ омерзеньемъ кидаетъ этотъ платокъ, породило два совершенно различныя мнѣнія. Одни съ педантизмомъ осуждаютъ Ольдриджа, замѣчая, что о подобномъ движеніи ничего не сказано у Шекспира; другіе признаютъ это движеніе весьма естественнымъ и вѣрнымъ характеру и положенію роли. Мнѣніе послѣднихъ, конечно, основательнѣе и справедливѣе; ни Шекспиръ, ни какой другой драматическій писатель никогда не думали связывать до такой степени актера, чтобы предписывать ему каждое движеніе, каждый шагъ, каждый поворотъ головы. Если бы актеръ, исполняющій роль Шейлока, позволилъ себѣ какое нибудь движеніе, противорѣчащее характеру, созданному Шекспиромъ — это было бы непростительно; но Ольдриджъ не только не измѣнилъ характера Шейлока, а, напротивъ, этимъ движеніемъ придалъ ему нѣкоторую рельефность. Немало мѣшала Ольдриджу немножко неловкая обстановка; но объ этомъ послѣ; теперь же предъ нами встаетъ третій шекспировскій герой, прекрасно олицетворенный чернымъ трагикомъ; предъ нами величественный образъ Лира, короля-патріарха, по выраженію г. Дружинина, «короля съ головы до ногъ....»

Прежде всего должно замѣтить, что Ольдриджъ, къ сожалѣнію, играетъ трагедію Шекспира въ какой-то жалкой передѣлкѣ. Говорятъ, что передѣлана она знаменитымъ Гаррикомъ;

такъ это или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, произведеніе великаго писателя, разумѣется, проиграло; но Лиръ остается все-таки Лиромъ. Величественная и прекрасная личность эта чрезвычайно нѣтко и удачно очерчена г. Дружининымъ въ вступленіи къ его превосходному переводу трагедіи «Король Лиръ». Мы позволяемъ себѣ привести здѣсь слова г. Дружинина, находя, что Ольдриджъ, повидимому, совершенно раздѣляетъ это пониманіе роли Лира.

«Король Лиръ, говоритъ г. Дружининъ, главное и величественнѣйшее изъ лицъ всей драмы, есть истинный король древней Британіи, король-патріархъ, «король съ головы до ногъ», какъ онъ говоритъ самъ про себя слѣдному Глостеру. Лиръ прожилъ на свѣтѣ болѣе восьмидесяти лѣтъ; но могучая, великанская природа стараго властителя не утратила съ годами ни силы, ни страстности, ни самовластия. Предъ кѣмъ изъ образованныхъ людей, благодаря Шекспиру, при имени короля Лира, не рисуется эта почтенная, грозная фигура царственного старца, съ длинной сѣдой бородою, въ широкомъ королевскомъ облаченіи, съ печатью безпредѣльной власти во всякомъ движеніи, съ отраженіемъ маститой патріархальности во взглядѣ? Въ самыхъ недостаткахъ Лира все властно и царственно. Въ первыхъ сценахъ драмы, являясь разрушителемъ своего счастья, неразумнымъ гонителемъ лучшей своей дочери, несправедливымъ властелиномъ относительно преданнѣйшаго изъ слугъ своихъ, Лиръ все-таки исполненъ истиннаго величія. Онъ упоенъ своимъ могуществомъ, онъ испорченъ общимъ поклоненіемъ, онъ отвыкъ отъ правды и выраженной истинной преданности; но онъ все-таки остается первымъ между первыми, грозою своихъ недруговъ, патріархомъ своего королевства. Люди не въ силахъ бороться съ нимъ даже тогда, когда онъ самъ накликаетъ на себя бѣды, выставляетъ наружу все свои слабости. Смирить его можетъ только перстъ Божій, неотразимая воля небесъ, имъ самимъ вызванная...»

«По природѣ своей, король Лиръ полонъ любви, правосудія, мудрости; но качества эти, затемненные его безграничной гордостью, забытыя вслѣдствіе постоянныхъ удачъ и общаго рабства, могутъ только выказаться подъ тяжелымъ гнетомъ наказующаго Промысла, посреди бѣдствій нечеловѣческихъ. Бѣдствія обыкновенныя не могли бы надломить душу самовластнаго старца, пробудить все добро, въ ней заключающееся: для того-то жизнь его кончается посреди страданій, какъ бы раздроблен-

ныхъ по силамъ полубога, нравственнаго Алкида между смертными...»

Съ первой сцены, гдѣ Лиръ является въ полномъ блескѣ своего величія и гордости и до послѣдней, гдѣ свершается кара надъ этимъ несчастнымъ, царственнымъ страдальцемъ, — Олдриджъ вѣренъ, до малѣйшей тонкости, прекрасной роли.

Въ сценѣ съ Гонерильею, проклятія оскорбленнаго отца высказываются Олдриджемъ съ такою силою, съ такимъ неукротимымъ бѣшенствомъ, что рѣшительно приводятъ зрителя въ трепетъ и ужасъ. Искусство не можетъ идти выше этого; Олдриджъ страшенъ и великъ въ эти минуты. Старецъ-король превращается въ разъяреннаго льва, глаза загораются гнѣвомъ, голосъ гремитъ потрясающими душу звуками; кажется, эти проклятія могутъ раздавить и уничтожить неблагодарную дочь....

Съ меньшимъ искусствомъ ведетъ Олдриджъ сцену помѣшательства. Напрасно толкуютъ нѣкоторые, что сцена эта не довольно эффектна, требуя, вѣроятно, отъ артиста рутиннаго вращанія глазами и другихъ условленныхъ признаковъ театральнаго сумасшествія; они забываютъ, что Лиръ и въ помѣшательствѣ помнить, что онъ король, они забываютъ его слова, сказанныя слѣпому Gloucesterу:

«Король, отъ головы до ногъ!»

Лиръ, тотъ Лиръ, какимъ создалъ его Шекспиръ, сохраняетъ свое величіе и въ помѣшательствѣ.

Сцена въ палаткѣ, гдѣ Лиръ приходитъ въ себя и узнаетъ напрасно обиженную имъ дочь — превосходна. Слова: «Корделия», вырываются изъ груди, изъ души Олдриджа крикомъ, полнымъ восторга и нѣжнѣйшей любви. Радость и нѣжность, какая-то страстная нѣжность не имѣютъ границъ.

Наконецъ, послѣдняя сцена надъ трупомъ милой дочери и смерть Лира трогаютъ до слезъ своею естественностію, вѣрностію и величіемъ.

Когда предъ глазами моими встаютъ три образа, три великія личности, не похожія другъ на друга, три созданія безсмертнаго Шекспира, когда я припоминаю, что всѣ они передаются, съ такимъ поразительнымъ совершенствомъ, однимъ и тѣмъ же артистомъ; то говорю, съ убѣжденіемъ въ правотѣ словъ моихъ: Эйра Олдриджъ — истинный и великій трагикъ!

Когда прибавляю къ этому впечатлѣніе, производимое Олдриджемъ въ комической роли тупоумнаго, забитаго и потомъ пьянаго и весело распевающаго негра Мунго въ пьесѣ Бикерста-

да, то говорю смѣло, что артистъ этотъ безспорно принадлежитъ къ весьма ограниченному числу первоклассныхъ современныхъ артистовъ.

Въ заключеніе, необходимо прибавить, что артисты и артистки нашей нѣмецкой труппы, съ которыми пришлось играть Ольдриджу, понимаютъ, можетъ быть, въ совершенствѣ непереводимыя произведенія г-жи Бирхпфейферъ, но весьма слабы въ отношеніи Шекспира. Не разъ, благодаря игрѣ г. Ендерскаго, желающаго, повидимому, отличиться граціозностію и вообще *деликатнымъ обращеніемъ*, и нѣкоторыхъ другихъ, изъ трагедій выходила почти комедія. На будущее время читатель познакомится съ нѣмецкими трагиками и комиками покороче; теперь же о нихъ довольно.

Если Эйра Ольдридждъ увезетъ съ собою не совсѣмъ сладкія воспоминанія о своихъ нѣмецкихъ сподвижникахъ, онъ съ удовольствіемъ вспомнеть артистовъ русскихъ, которые высказали и выказали ему столько истиннаго и горячаго сочувствія. Знакомство его съ ними началось такимъ образомъ: знаменитый трагикъ явился однажды въ Александринскій театръ; давали «Смерть Ляпунова». Эйра Ольдридждъ зашелъ въ уборную къ г. Леонидову, исполнявшему въ драмѣ главную роль и разсыпался въ любезностяхъ, написавъ даже на его тетради, заключающей въ себѣ роль Ляпунова, нѣсколько словъ на память поправившемуся ему русскому артисту. Чернаго трагика окружили русскіе артисты и онъ, при размѣнѣ взаимныхъ любезностей, попросилъ, между прочимъ, своихъ товарищей по искусству написать ему на память свои имена. Русскіе артисты дали ему обѣщаніе; это-то и породило въ нихъ мысль, сдѣлавъ поспѣшную подписку, выказать знаменитому гостю свое сочувствіе и уваженіе къ его дарованію, какимъ нибудь хотя небольшимъ, но приличнымъ подаркомъ на память.

Подписка открыта, ветеранъ и украшеніе русской сцены, г. Сосницкій началъ съ легкой руки, а за нимъ подписались и другіе артисты и артистки русской труппы....

Въ день бенефиса Ольдриджда, русскіе артисты поднесли ему лавровый вѣнокъ, концы котораго соединены золотымъ браслетомъ съ надписью: «русскіе артисты великому исполнителю бессмертнаго Шекспира, Эйра Ольдриджду» и пергаментный листъ, украшенный прекраснымъ и приличнымъ рисункомъ г. Шарлеманя, съ подписью именъ почти всѣхъ лучшихъ русскихъ артистовъ.

Г. Сосницкій, при оглушительныхъ рукоплесканіяхъ и крикахъ публики, передалъ черному трагику вѣнокъ, браслетъ и пергамень. Ольдриджъ, тронутый до глубины души, жаль, со слезами на глазахъ, руку представителя русскихъ артистовъ и былъ засыпаемъ, въ буквальный смыслъ этого слова, букетами. Такого *приема*, говорятъ почтенные старики-артисты, не бывало никогда и никому на нашей сценѣ. Театръ-циркъ дрожалъ отъ криковъ и рукоплесканій.

Можно было бы еще рассказать объ ужинѣ у г. Сосницкаго, на которомъ были Ольдриджъ и почти вся русская труппа, за исключеніемъ г. Самойлова, но частное дѣло не входитъ въ рамки нашей лѣтописи.

Чувствую, что пора остановиться, пора положить конецъ моей растянувшейся лѣтописи, а между тѣмъ, читателю неизвѣстна еще половина петербургскихъ новостей... Я не говорилъ еще о замѣчательныхъ въ высшей степени рисункахъ, чертежахъ и проч., привезенныхъ г. Савостьяновымъ съ Афонской горы; я не говорилъ о вновь открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, о безчисленномъ множествѣ компаній и торговыхъ предпріятій... Все это откладывается до будущаго раза, а теперь — (точка).

Егоръ Моллеръ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ объявленіи о выходѣ въ свѣтъ нашего журнала сказали мы, что самое заглавіе «Русское Слово» не допускаетъ въ насъ односторонности воззрѣній; тѣмъ не менѣе журналъ долженъ имѣть свой характеръ, свою нравственную физиономію, быть проводникомъ извѣстнаго рода убѣжденій, — тѣмъ онъ и отличается отъ всякаго простаго сборника; а потому, вѣрные нашей мысли всесторонности, мы однако предоставляемъ себѣ право выражать въ особой статьѣ подъ заглавіемъ «отъ редакціи» нашъ взглядъ на печатаемые нами въ книжкахъ статьи и излагать передъ нашими читателями причины ихъ помѣщенія, обозначая въ необходимыхъ случаяхъ разницу нашихъ убѣжденій съ убѣжденіями г-дъ авторовъ. Мы не будемъ говорить ни о недостаткахъ, ни о литературныхъ достоинствахъ статей, нами помѣщаемыхъ. Редакція, принимая ихъ, уже признаетъ за ними извѣстнаго рода качества, совершенно объясняющія ихъ помѣщеніе.

Очень рады, что успѣли перепечатать и внести въ журналъ нашъ поэму г-на Майкова «Сны» по рукописи, исправленной поэтомъ за границей и присланной намъ въ декабрѣ изъ Ницы. Позднее прибытіе исправленной поэтомъ рукописи задержало выходъ нашей первой книжки, равнѣе съ другими непредвидѣнными нами обстоятельствами.

Въ разсказѣ Михайлова «Кормилица» намъ особенно понравилась основная мысль его, а именно: ребенокъ черезъ неграмотную кормилицу не только воспринимаетъ первыя, сблизжающія его съ народной жизнью, впечатлѣнія, но и первые намеки на то, что позднѣе онъ узнаетъ изъ исторіи своего отечества.

Печатаю статью г-на Благосвѣтлова «О значеніи Парижскаго Университета,» мы не безъ гордости остановились на той мысли, что развитіе университетскаго образованія въ нашемъ отечествѣ не встрѣчало такого противодействія и вражды со стороны невѣжества, какъ на западѣ.

Очевидно, почему съ удовольствіемъ помѣстили мы перениску Гоголя съ Прокоповичемъ; — каждая черта, обрисовывающая личность Гоголя, дорога для его будущей біографіи.

Мы сочли обязанностью какъ можно скорѣе отдать отчетъ о романѣ г-на Писемскаго «Тысяча душъ», какъ объ одномъ изъ замѣчательныхъ произведеній прошлаго года. Но въ примѣчаніи нашемъ къ статьѣ Московскаго критика мы обозначили всѣ главныя и существенныя пункты, въ которыхъ мы не согласны съ его мнѣніемъ.

Читатели наши встрѣтятъ статью: «Остатки *Старорусскаго* эпоса». Мы желаемъ вообще открыть въ нашемъ журналѣ отдѣлъ для матеріаловъ по части исторіи русскаго быта, древностей и народной поэзіи. Надѣемся на содѣйствіе въ этомъ нашихъ ученыхъ собирателей.

Графъ Гр. Кушелевъ-Безбородко.

Я. Полонскій.

А. Григорьевъ.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 1.

Нѣсколько словъ о шахматныхъ журналахъ вообще. — Программа Шахматнаго Листка. — Правила для корреспонденціи. — Объясненіе алгебраической нотации и принятыхъ лямб диаграммъ. — Американецъ Пауль Морфи. — Двѣ партіи: Морфи съ Паузееномъ, Морфи съ Лихтенштейномъ. — Побѣды Морфи въ Англіи; его матчъ съ Лёвенталемъ. — Гаррвитцъ. — Партія Гаррвитца съ Андерсеномъ. — Матчъ Морфи съ Гаррвитцомъ. — Игра не смотря на доску. — Письмо изъ Чикаго. — Партія: трѣ Морфи съ Гаррвитцомъ, двѣ Князя С. С. Урусова съ Шумовымъ; двѣ К. А. Явича съ Ки. Д. С. Урусовымъ. — Задачи.

Журналъ, исключительно посвященный шахматамъ, едва ли можетъ существовать въ настоящее время въ Россіи; даже въ Западной Европѣ, гдѣ любовь къ шахматной игрѣ и изученіе ея теоріи распространены несравненно болѣе чѣмъ у насъ, такого рода журналы находятъ лишь небольшой кругъ читателей съ трудомъ поддерживаются издателями и рѣдко, очень рѣдко, выдерживаютъ болѣе пяти, шести лѣтъ существованія. Основанный въ 1836 году знаменитымъ Лабурдоне «Palamede», бывший, если не ошибаемся, первымъ шахматнымъ журналомъ, прекратился въ началѣ 1840 года; онъ выходилъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и въ настоящее время составляетъ почти библиографическую рѣдкость. Особенно трудно достать послѣдніе четыре выпуска *этой* серіи Паламеда, въ которыхъ говорилось объ игрѣ въ простыя шашки и было помѣщено нѣсколько шашечныхъ задачъ; мы не только нигдѣ не могли получить этихъ нумеровъ, но даже не видѣли ихъ ни въ одной библиотекѣ и знаемъ о нихъ только по слухамъ. Возобновленный въ 1842 году Сентъ-Аманомъ, Паламедъ имѣлъ большой успѣхъ; умный и талантливый редакторъ умѣлъ придать своему изданію занимательность и разнообразіе; рядомъ съ весьма дѣльными теоретическими статьями, какъ напр. лекціи Кальви о дебютахъ, помѣщались статьи болѣе легкаго содержанія: біографіи, рассказы, очерки. Число читателей Паламеда росло съ каждымъ годомъ; все, казалось, предсказывало ему блестящую будущность, но — и его

смерть была не далеко; онъ не пережилъ февральскаго разгрома. Борьба политическихъ партій и вопросы иной важности чѣмъ гамбитъ и *giuoco piano* отвлекли французовъ отъ мирныхъ шахматныхъ занятій; тутъ ужъ дѣйствительно было «Не время въ шахматы играть» и С. Аманъ, назначенный временнымъ правительствомъ смотрителемъ Тюльерскаго дворца, — прекратилъ свое изданіе. Еще кратковременнѣе было существованіе, предпринятаго Кіезерицкимъ журнала «*La Régence*». Родомъ изъ Лифляндіи, Кіезерицкій смолоду поселился въ Парижѣ и весь отдался изученію шахматной игры. Одаренный отъ природы большимъ талантомъ, онъ скоро достигъ замѣчательной силы, съ успѣхомъ состязался съ сильнѣйшими игроками Европы, преподавалъ шахматную теорію, игралъ по нѣскольку партій за разъ à l'aveugle, т. е. не смотря на доску и, по отъѣздѣ С. Амана, пользовался извѣстностію лучшаго игрока парижскаго клуба; онъ умеръ въ 1853 году отъ размягченія мозга. Къ сожалѣнію, Кіезерицкій въ своихъ теоретическихъ изслѣдованіяхъ и практической игрѣ всегда стремился къ чему нибудь оригинальному необычайному и, упорствуя въ этомъ странномъ направленіи, изобрѣлъ новую нотацію для обозначенія шахматныхъ ходовъ и положеній, нотацію въ высшей степени спутанную и не практичную; онъ употреблялъ ее въ своемъ журналѣ, что конечно, не мало содѣйствовало неуспѣху этого изданія; разбирать партіи, записанныя по методѣ Кіезерицкаго — истинная мука. Недавно прекратился журналъ «*Chess Player's Chronicle*» выходившій подъ редакцію Стаунтона; таже участь постигла издававшийся Горвицомъ «*British Chess Review*»; вѣнская *Schachzeitung* не прожила и года. Однимъ словомъ, въ настоящее время въ Европѣ существуютъ только два чисто шахматныя періодическія изданія: «*Schachzeitung der Berliner Schachgesellschaft*» и «*Schweizerische Schachzeitung*»; сверхъ того въ Нью-Йоркѣ недавно появился журналъ «*Chess Monthly*».

Если, въ виду такихъ фактовъ, странно было бы мечтать объ основаніи шахматнаго журнала въ Россіи, то тѣмъ не менѣе мы надѣемся, что небольшое шахматное обозрѣніе, выходящее подъ эгидою литературно-ученаго журнала, найдетъ себѣ читателей и будетъ пріятно тѣмъ, къ сожалѣнію слишкомъ немногимъ нашимъ соотечественникамъ, сердца которыхъ горятъ благородною шахматною страстью, которые понимаютъ классическую красоту хорошо-разыграннаго *giuoco piano*, разрушительную силу атаки Муціо, изящество Эвансова дебюта, коварную хитрость

Фалькбеерова контръ-гамбита и вообще всю прелесть безконечно разнообразныхъ явленій, совершающихся на шестидесяти четырехъ квадратикахъ шахматной доски. Не стѣняя себя строго-опредѣленною программю, Шахматный Листокъ будетъ ежемѣсячно сообщать читателямъ Русскаго Слова краткій обзоръ замѣчательнѣйшихъ современныхъ событій шахматнаго міра, нѣсколько хорошо разыгранныхъ партій и искусно составленныхъ задачъ; сверхъ того, время отъ времени, въ Листкѣ будутъ помѣщаться анализы дебютовъ и концовъ игоръ, критическіе разборы замѣчательнѣйшихъ шахматныхъ сочиненій, біографіи знаменитыхъ игроковъ и вообще всякого рода статьи, болѣе или менѣ относящіяся къ нашему предмету. При выборѣ партій, мы будемъ стараться печатать преимущественно тѣ, которыя играны были въ Россіи, такъ какъ онѣ, безъ сомнѣнія, будутъ имѣть для нашихъ читателей болѣе интереса чѣмъ партіи иностранныя, уже и потому, что ихъ рѣже можно встрѣтить въ заграничныхъ журналахъ и сборникахъ. Впрочемъ, партіи иностранныхъ шахматистовъ, заслуживающія особеннаго вниманія по своему внутреннему достоинству или по сопровождавшимъ ихъ обстоятельствамъ, всегда найдутъ мѣсто въ Шахматномъ Листкѣ; такъ, въ настоящемъ номерѣ, мы помѣщаемъ, между прочимъ, нѣсколько партій изъ надѣлавшаго столько шума *матча* (1) американца Морфи съ пруссакомъ Гаррвитцомъ. Той же системы будемъ мы слѣдовать и въ отношеніи къ задачамъ, т. е., отдавая предпочтеніе русскимъ задачамъ, не выключаемъ однако вполне иностранныхъ.

Очевидно, что Шахматный Листокъ въ такомъ только случаѣ приобрѣтетъ живой интересъ и будетъ служить выраженіемъ степени развитія и успѣховъ шахматной науки въ Россіи, если русскіе любители окажутъ ему содѣйствіе присылкою партій, задачъ, замѣчаній; мы убѣдительно просимъ ихъ объ этомъ и, въ надеждѣ, что хотя нѣкоторые изъ нихъ откликнутся на нашъ призывъ, считаемъ нужнымъ изложить здѣсь порядокъ,

(1) Слово *match*, имѣющее на англійскомъ языкѣ нѣсколько значеній, получило между шахматными игроками смыслъ техническій и означаетъ шахматное состязаніе двухъ игроковъ, состоящее изъ нѣсколькихъ партій. Условія *матча* опредѣляются со всевозможною точностію; для составленія этихъ условий и наблюденія за ихъ исполненіемъ назначаются иногда секунданты и посредникъ. Слово *match* безъ измѣненія вошло во французскій языкъ и мы также будемъ употреблять его за неизмѣненіемъ соответственнаго русскаго выраженія. Впрочемъ оно уже нѣсколько лѣтъ какъ получило право гражданства въ разговорномъ языкѣ нашихъ шахматистовъ.

которому надлежит слѣдовать, сообщая редакціи Листка матеріалы или обращаясь къ ней съ вопросами по части шахматной игры: 1) Письма должны быть адресованы на имя Виктора Михайловича Михайлова въ С. Петербургѣ, на Моховой, въ домѣ графа Ламсдорфа или въ С. Петербургѣ въ главную контору редакціи Русскаго Слова; 2) Для обозначенія шахматныхъ ходовъ и положеній надлежитъ употреблять припятую нами алгебраическую нотацію, которая объяснена будетъ ниже; 3) При доставленіи задачъ непременно сообщать ихъ рѣшеніе, *безъ чего задача напечатана быть не можетъ.* — Редакція съ своей стороны обратитъ особенное вниманіе на всѣ получаемыя ею письма и будетъ отвѣчать на нихъ или немедленно по почтѣ пли, если содержаніе письма сдѣластъ это возможнымъ, въ первомъ слѣдующемъ за полученіемъ письма номерѣ Листка, подъ особою рубрикою «*корреспонденція*».

Хотя избранныя нами нотація извѣстна всѣмъ сколько нибудь опытнымъ шахматистамъ, но тѣмъ не менѣе, мы считаемъ необходимымъ представить здѣсь подробное ея объясненіе, которое будетъ не бесполезно людямъ, не занимавшимся теоріею игры, а знающимъ ее только по практикѣ. Основаніе алгебраической нотаціи заключается въ обозначеніи кѣтокъ шахматной доски посредствомъ восьми начальныхъ буквъ латинской азбуки и столькихъ же цифръ, въ порядкѣ, разъ на всегда определенномъ. Порядокъ этотъ есть слѣдующій: угловая кѣтка, занятая при началѣ партіи ферзевой ладьей бѣлыхъ шашекъ обозначается чрезъ a1, слѣдующая за нею, т. е. та, на которой, при первоначальномъ положеніи шашекъ, находится бѣлая пѣшка ферзевой ладьи чрезъ a2, слѣдующія за нею, идя все въ томъ же направленіи, чрезъ a3, a4, a5, a6. a7, a8 такъ, что a8 означаетъ поле (1) ферзевой ладьи черныхъ шашекъ, а a7 поле стоящей передъ нею пѣшки. Кѣтка ферзева коня бѣлыхъ шашекъ означается чрезъ b1, а слѣдующія за нею, въ объясненіи выше порядкѣ, чрезъ b2, b3, b4, b5, b6, b7, b8. Кѣтка ферзева слона чрезъ c1, а слѣдующія c2, c3... до c8. Кѣтка ферзя d1, а слѣдующія d2... до d8. Кѣтка короля e1, а слѣдующія e2... до e8. Кѣтка королевскаго слона f1, а слѣд. f2... до f8. Кѣтка королевскаго коня g1, а слѣд. g2... до g8. Кѣтка королевской ладьи h1, а слѣд. h2... до h8.

(1) Говоря о шахматной доскѣ, мы безразлично употребляемъ слова: кѣтка, поле, квадратикъ, мѣсто.

Для большей еще ясности, прилагаемъ здѣсь диаграмму, изображающую, шахматную доску съ нумерованными по объясненной системѣ клѣтками.

Черны е.

8	a8	b8	c8	d8	e8	f8	g8	h8
7	a7	b7	c7	d7	e7	f7	g7	h7
6	a6	b6	c6	d6	e6	f6	g6	h6
5	a5	b5	c5	d5	e5	f5	g5	h5
4	a4	b4	c4	d4	e4	f4	g4	h4
3	a3	b3	c3	d3	e3	f3	g3	h3
2	a2	b2	c2	d2	e2	f2	g2	h2
1	a1	b1	c1	d1	e1	f1	g1	h1
	a	b	c	d	e	f	g	h

Бѣлы е.

Теперь для объясненія, движенія совершеннаго какою либо шапкою на доскѣ, стоитъ только написать формулу (т. е букву и цифру) той клѣтки, съ которой двинута шапка, и той, на которой шапка поставлена. При этомъ нѣтъ никакой надобности упоминать, какая именно шапка (король, ферзь, ладья, слонъ, конь или пѣшкка) была двинута, ибо въ данный моментъ на одной и той же клѣткѣ болѣе одной шапки находиться не можетъ и слѣдовательно точное опредѣленіе клѣтки, на которой стоитъ шапка съ полною ясностію указываютъ на сію послѣднюю.

Кромѣ объясненныхъ, чрезвычайно простыхъ и уже почти всѣмъ извѣстныхъ формулъ, мы будемъ употреблять еще нѣсколько условныхъ знаковъ, для обозначенія взятія шапки, шаха, мата и рокировокъ. Вотъ эти знаки:

1) Небольшой *нул* ° —, поставленный справа и нѣсколько вверху послѣдней цифры, показываетъ, что при обозначенномъ ходѣ произошло взятіе шапки: мы никогда не будемъ называть взятую шапку, по объясненной выше причинѣ.

2) Крестикъ \dagger означаетъ шахъ (1); простой или двойной — все равно.

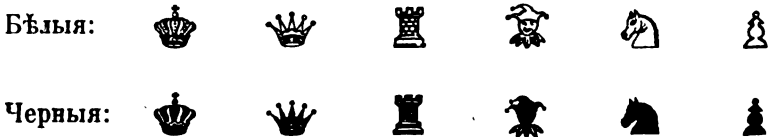
3) Слѣдующій знакъ \times — матъ. Если взятіе шапки и шахъ (или матъ) произошли одновременно, то мы поставимъ оба знака т. е. сперва *ну.ль*, а подлѣ надлежащій крестикъ.

4) o—o означаетъ рокировку въ сторону короля.

5) o—o—o рокировку въ сторону ферзя.

Ходы цѣлой партіи мы будемъ располагать въ вертикальныхъ столбцахъ, помѣщая въ лѣвомъ столбцѣ — ходы первого игрока, т. е. начинавшаго партію, а въ правомъ — ходы его противника; но въ примѣчаніяхъ къ партіямъ, мы будемъ, для выигрыша мѣста, означать ходы въ видѣ дробей, раздѣляя ходъ начинавшаго партію отъ отвѣтнаго движенія его противника горизонтальною чертою: *надъ* чертою пишется ходъ первого игрока, а *подъ* нею — ходъ второго.

Задачи и особенно-замѣчательныя положенія партій мы будемъ представлять діаграммами, употребляя для нихъ слѣдующія изображенія.



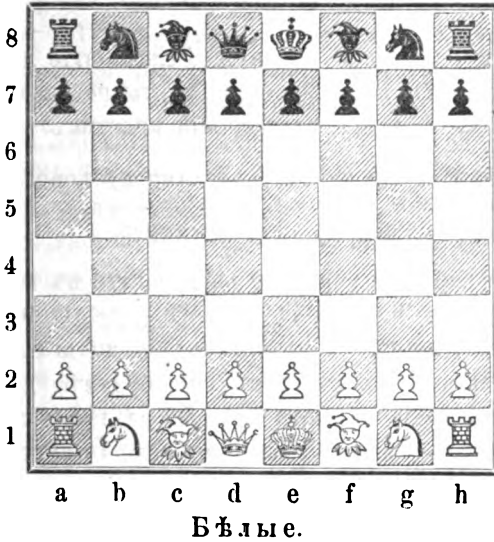
Король. Ферзь. Ладья. Слонъ (2). Конь. Пѣшка.
(Roi.) (Dame.) (Tour.) (Fou.) (Cavalier.) (Pion.)

Прилагаемъ здѣсь діаграмму, изображающую шахматную доску съ тѣмъ расположеніемъ шашекъ, какое они имѣютъ передъ начатіемъ игры.

(1) Разумѣется — королю; ферзю и прочимъ шашкамъ не говорятся шаха.

(2) Нѣкоторые весьма неправильно называютъ эту шашку — *офицеромъ*, ея настоящее имя *слонъ*, а названіе *офицеръ* — означаетъ всякую вообще шашку, кромѣ короля и пѣшки.

Черные.



Въ заключеніе замѣтимъ, что алгебраическая нотация есть самая совершенная и удобная изъ всѣхъ донынѣ предложенныхъ, которыя разбирать здѣсь было бы неумѣстно; мы и такъ уже слишкомъ долго остановились на скучныхъ, сухихъ объясненіяхъ; пора перейти къ совершающимся предъ нами событіямъ, къ дѣйствительной жизни королевскихъ и всякихъ гамбитовъ. «Grau, theurer Freund, ist alle Theorie, und grün des Lebens goldner Baum», говоритъ Мефистофель, — а древо шахматной жизни давно уже не зеленѣло такъ привлекательно, какъ въ настоящую минуту, когда новый, гениальный боецъ появился на аренѣ шахматныхъ состязаній и оживилъ дремавшую дѣятельность старыхъ ветерановъ. Юноша, почти ребенокъ, американецъ Пауль Морфи сразу сталъ въ ряду сильнѣйшихъ игроковъ новаго и стараго свѣта; онъ смѣло бросаетъ имъ перчатку, идетъ отъ побѣды къ побѣдѣ и угрожаетъ затмить ихъ славу, приобретенную столькими годами трудовъ и усилій.

Въ минувшемъ году въ Нью-Йоркѣ устроенъ былъ шахматный турниръ и тутъ-то въ первый разъ обнаружилась вся сила молодого героя; онъ получилъ первый призъ и число одержанныхъ имъ побѣдъ, какъ на самомъ турнирѣ, такъ и внѣ его, — превосходить всякое вѣроятіе. Изъ девяносто-семи партій, онъ проигралъ только четыре. Одну — Гаммонду, который съ своей

стороны проигралъ четыре партіи, другую Паульсену, побѣжденному тутъ же восемьъ разъ; третью Станлею, потерпѣвшему двѣнадцать поражений и наконецъ четвертую Шультену, который за одну побѣду заплатилъ двадцатью тремя матами. Убѣдясь такимъ образомъ въ несомнѣнномъ превосходствѣ своемъ надъ лучшими игроками Америки, Морфи предложилъ Нью-Йоркскому клубу назначить изъ среды своей любого атлета для состязанія съ нимъ на слѣдующихъ условіяхъ: Морфи даетъ впередъ пѣшку и ходъ; пари — 100 долларовъ; побѣда остается за тѣмъ, кто первый выиграетъ семь партій. Станлей принимаетъ вызовъ и послѣ пяти партій, изъ которыхъ одна была ничья, а четыре выигралъ Морфи — признаетъ себя побѣжденнымъ. Морфи единогласно провозглашенъ первымъ игрокомъ Америки. Новый Орлеанъ (Морфи тамошній уроженецъ) торжествуетъ его побѣды: его встрѣчаютъ съ триумфомъ, даютъ въ честь его обѣды, праздники; журналы гремятъ ему хвалами. Но жажда славы не знаетъ предѣловъ; лавры европейскихъ знаменитостей: Андерсеновъ, Стаунтоновъ, Гаррвитцовъ, не даютъ покойно спать молодому честолюбцу и онъ плыветъ черезъ океанъ. Но прежде, нежели расскажемъ подвиги Морфи въ Европѣ, сообщаемъ двѣ изъ его американскихъ партій. Смотрите и судите сами, преувеличены ли наши похвалы и возгласы. Въ первой изъ предлагаемыхъ партій Морфи имѣлъ дѣло съ противникомъ замѣчательной силы, Лудвигомъ Паульсеномъ, получившимъ второй призъ на нью-йоркскомъ турнирѣ.

№ 1 (1).

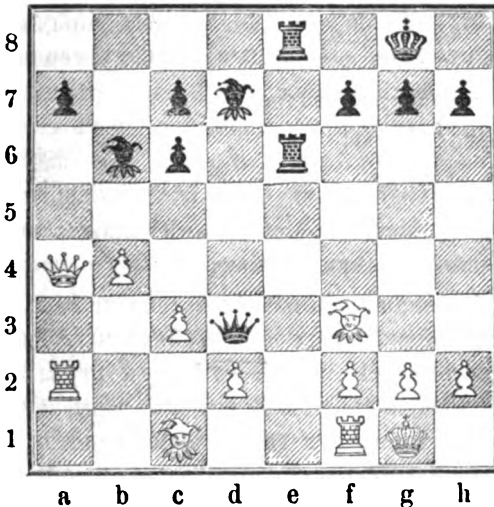
(ДЕБЮТЪ ФЕРЗЕВЫХЪ КОНЕЙ.)

Паульсенъ. (Бѣлые.)	Морфи. (Черные.)	8) b5—c4	b7—b5 (2)
1) e2—e4	e7—e5	9) c4—e2 (3)	f6—e4°
2) b1—c3	b8—c6	10) c3—e4°(4)	e8—e4°
3) g1—f3	f8—c5	11) e2—f3	e4—e6
4) f1—b5	g8—f6	12) c2—c3 (5)	d8—d3
5) 0—0	0—0	13) b2—b4	c5—b6
6) f3—e5°	f8—e8 (1)	14) a2—a4	b5—a4°
7) e5—c6°	d7—c6°	15) d1—a4°	c8—d7
		16) a1—a2 (6)	a8—e8

(1) Всѣ помѣщаемыя въ шахматномъ листѣ партіи будутъ, для облегченія ссылокъ на нихъ, нумерованы. Задачи будутъ имѣть свою нумерацію.

Въ этотъ моментъ положеніе партіи такъ любопытно, что мы изображасмъ его въ особой діаграммѣ. Черный грозитъ матомъ въ два хода, (17) $\frac{d3-f3^\circ}{a8-e8}+$ 18) $\frac{g1-f1}{e6-e1}\times$); это не могло ускользнуть отъ вниманія столь опытнаго игрока какъ Паульсенъ и отъ отвратилъ немедленный матъ посредствомъ 17) $\frac{a4-a6}{a8-e8}$, но онъ не проникъ тонкаго, глубоко-обдуманнаго плана, лежавшаго въ основаніи хода 16) $\frac{a8-e8}{a8-e8}$.

Черные.



Бѣлые.

- | | | | |
|--------------|------------|------------|--------|
| 17) a4—a6 | d3—f3° (7) | 23) f1—g1 | g2—h3+ |
| 18) g2—f3° | e6—g6+ | 24) g1—h1 | b6—f2° |
| 19) g1—h1 | d7—h3 | 25) a6—f1 | h3—f1° |
| 20) f1—d1(8) | h3—g2+ | 26) d1—f1° | e8—e2 |
| 21) h1—g1 | h2—f3°+ | 27) a2—a1 | g6—h6 |
| 22) g1—f1 | f3—g2+ | 28) d2—d4 | f2—e3. |

Спасти партію черныхъ нѣтъ никакой возможности и Паульсенъ сдается.

Примѣчанія къ партіи No 1.

(1) 6) $\frac{c6-e6}{c6-e6}$ было худо, ибо тогда 7) $\frac{d2-d4}{d2-d4}$ и бѣлые возвращаютъ офицера съ превосходствомъ положенія.

(2) Совершенно основательно. Братъ королевскую пѣшку еще рано; тутъ вышло бы 9) $\frac{c4-f7^\circ+}{g8-f7^\circ}$ 10) $\frac{c3-e5^\circ}{e8-f5^\circ}$ 11) $\frac{d1-h5+}{f3-g3}$, а затѣмъ беретъ слона и остается съ лишнею пѣшкою.

(3) Отходить слономъ на в3 было бы худо, тогда бы 9) $\frac{c8-g4}{b5-b4}$ 10) $\frac{d1-e1}{b5-b4}$ и пр.

(4) Играть слона на f3, не помѣнявшись предварительно конями, повело бы къ немедленному проигрышу.

(5) Это конечно ошибка, надо бы играть 12) $\frac{d2-d3}{f3-g3}$, но наблюдайте, какъ превосходно воспользовался ею Морфи.

(6) Слабый ходъ: лучше бы предложить мѣну ферзей посредствомъ 16) $\frac{a4-a6}{b5-b4}$; бѣлые дѣлаютъ это на слѣдующемъ ходѣ, но тогда ужъ поздно.

(7) Bravo! bravo!

(8) Schachzeitung совѣтуетъ вмѣсто этого хода 20) $\frac{a6-d3}{f3-g3}$ и предлагаетъ вопросъ, кто бы имѣлъ тогда перевѣсъ? Намъ кажется, что все таки черные.

Вторая сообщаемая нами партія далеко не такъ замѣчательна; тутъ соперникъ американскаго атлета (Лихтенштейнъ) былъ слишкомъ его недостоинъ (1), но за то Морфи игралъ ее не смотря на доску. Изъ этой игры можно видѣть, какъ ловко пользуется онъ ошибками противника и какъ мощно ведетъ, вплоть до самаго мата, однажды начатую атаку.

№ 2.

КОРОЛЕВСКИЙ ГАМБИТЬ.

Морфи.	Лихтенштейнъ.	8) g2—g3	f4—g3°
(Бѣлые.)	(Черные.)	9) 0—0	g3—h2°+
1) e2—e4	e7—e5	10) g1—h1	h4—f6
2) f2—f4	e5—f4°	11) f3—e5	g8—h6
3) g1—f3	d7—d5	12) d2—d4	f6—e5°
4) e4—d5°	f8—e7	13) d1—h5	d8—d4°
5) f1—b5+	c7—c6	14) c4—f7°+	h6—f7°
6) d5—c6°	b7—c6°	15) h5—f7°+	e8—d8
7) b5—c4	e7—h4+	16) c1—g5+	e5—f6

(4) Поэтому-то мы и печатаемъ ее безъ примѣчаній: ошибки Лихтенштейна слишкомъ очевидны.

17) b1—c3	c8—d7	23) f7—d7°+	b7—a6
18) f1—f6°	d8—c7	24) e4—d6	b8—d8
19) g5—f4+	c7—b7	25) d7—b7+	a6—a5
20) f6—d6	d4—c5	26) f4—d2+	c2—d2°
21) c3—e4	c5—e2°	27) d6—c4+	a5—a4
22) d6—d7°+	b8—d7°	28) b2—b3×	

Отправившись изъ Нью-Йорка въ половинѣ Іюня, на пароходѣ «Аравія», Морфи, немедленно по прибытіи въ Англію, принялся за дѣло. Первымъ противникомъ его былъ Барнесъ; начало боя не подтверждало, казалось, славы американца: съ обѣихъ сторонъ было выиграно по четыре партіи. Уже начинали поговаривать, что напрасно такъ много трубили о гениальности Морфи, что онъ, конечно, играетъ хорошо, но гдѣ же удивительный талантъ, гений? Дѣло въ томъ, что въ первые дни по приѣздѣ, Морфи, утомленный долгимъ морскимъ путешествіемъ, былъ, какъ говорится, не въ ударѣ; но скоро силы молодого Самсона возвратились и неблагоприятные толки умолкли. Бой его съ Барнесомъ кончился тринадцатью побѣдами противъ шести; у Бодена онъ выигралъ три партіи изъ четырехъ и шесть разъ поразилъ Лёве, не проигравъ съ своей стороны ни одной игры. Двѣ партіи, игранныя имъ, по консультаціи, съ Барнесомъ, противъ Стаунтона и псевдонима Альтера — также окончились въ пользу американца. Наконецъ, число побѣдъ его надъ игроками слабыми, которымъ онъ давалъ впередъ кому коня, кому ладью, кому даже двухъ офицеровъ — безчисленно.

Но самый замѣчательный эпизодъ пребыванія Морфи въ Англіи есть, безъ сомнѣнія, состязаніе его съ знаменитымъ венгерцемъ Лёвенталемъ, игрокомъ первокласснымъ, въ высшей степени опытнымъ и основательнымъ. Условія *матча* опредѣлены были съ дипломатическою точностію: побѣда рѣшается девятью выигранными партіями; призъ — 100 фунтовъ стерлинговъ; мѣсто битвы то Лондонскій, то Сентъ-Джоржевскій клубъ попеременно; секундантами, со стороны Морфи, назначены лордъ Артсоръ Гэ и Т. Оуенъ, со стороны Лёвенталя — Барнесъ и Ольдамъ, посредникомъ выбранъ Стаунтонъ, хранителемъ приза — Лёве. 19 Іюля въ залѣ Сентъ-Джоржевскаго клуба сошлись въ первый разъ противники. Первый ходъ достался Лёвенталю; партія длилась восемь часовъ и на пятьдесятъ первомъ ходѣ — признава за ничью (*partie remise, drawn game*). Последнее засѣ-

давнє происходило 22 августа; въ этотъ день не трудно было уже предвидѣть результатъ матча: Левенталь считалъ за собою только три выигранныя партіи, тогда какъ грозный его противникъ имѣлъ ихъ уже восемь; тутъ выигралъ онъ девятую, а съ нею и все пари. Журналъ Эра замѣчаетъ, что во все время этого матча, Левенталь былъ какъ-то недостойнъ самаго себя и дѣлалъ даже иногда грубыя ошибки; пусть такъ, но все же выиграть *десять* партій противъ *трехъ*, не бездѣлица.

Къ сожалѣнію, всѣ старанія Морфи склонить Стаунтона къ серьезному состязанію остались безъ успѣха. Еще до прїѣзда въ Европу, Морфи присылалъ Стаунтону вызовъ съ подробнымъ объясненіемъ всѣхъ условій матча, но не имѣя въ то время, по семейнымъ обстоятельствамъ, возможности отправиться въ Англію, онъ назначалъ мѣстомъ битвы Новый Орлеанъ; это-то и послужило британскому игроку поводомъ къ отказу, хотя въ условіяхъ и было сказано, что въ случаѣ проигрыша, онъ получаетъ 1000 долларовъ въ вознагражденіе путевыхъ издержекъ. Но вотъ Морфи въ Англии; онъ самъ первый дѣлаетъ визитъ Стаунтону, видится съ нимъ каждый день, словесно и письменно возобновляетъ свой вызовъ, предлагая пари въ 5000 долларовъ. Теперь ужъ кажется нѣтъ возможности отказать? Но не легко заставить самолюбиваго британца рискнуть, не совсѣмъ справедливо пріобрѣтенною, славою перваго шахматиста Англии. Сперва Стаунтонъ дѣлаетъ видъ, что принимаетъ вызовъ, но объясняетъ, что не можетъ играть раньше какъ черезъ мѣсяцъ; потомъ проситъ отложить срокъ до окончанія турнира въ Бирмингамѣ; не отвѣчаетъ на письмо Морфи, не предъувѣдомивъ, его уѣзжаетъ изъ Лондона и, въ заключеніе, положительно объявляетъ, что онъ играть не можетъ. Нельзя безъ жалости и смѣха слѣдить за хитростями Стаунтона; какихъ предлоговъ не приводитъ онъ, чтобы уклониться отъ страшнаго ему состязанія: у него много важныхъ дѣлъ, онъ не расположенъ играть, занятъ изданіемъ твореній Шекспира, болень и пр. и пр. Наскучивъ трусливою политикою Стаунтона, Морфи отправился въ Парижъ.

Тамъ, въ Café de la Régence, въ этомъ центрѣ шахматной жизни Франціи, царитъ молодой, двадцатисемилѣтній Гарри-витцъ. Пруссакъ по рожденію онъ, съ нѣкотораго времени, почти безвыѣздно живетъ въ Парижѣ и совершенно тамъ оклима-

тивировался. Парижскіе шахматисты любятъ его, единогласно признаютъ его надъ всѣми ими превосходство, посылаютъ его своимъ представителемъ на митинги и турниры и, всячески стараясь сдѣлать его вполне своимъ, съ радостію замѣчаютъ «qu' il n' a rien du gascon berlinois.» И дѣйствительно, смотря на подвижную фигурку Гаррвитца, слушая его правильную французскую рѣчь и вѣчно веселые, забавные рассказы, никто бы не узналъ въ немъ бреславскаго уроженца. Впрочемъ, я ошибся, сказавъ, что рассказы Гаррвитца вѣчно веселы и забавны; есть предметъ разговора, повергающій его въ мрачное расположеніе духа, въ ярость, въ бѣшенство; это — Стаунтонъ. «Скажите,» спросилъ я его разъ, вовсе не подозрѣвая его ненависти къ британскому Филidorу, «какого вы мнѣнія о талантѣ Стаунтона? «Стаунтонъ?!» закричалъ онъ такимъ голосомъ, что я, право, испугался, «да можно ли говорить о талантѣ такого ужаснаго человѣка какъ Стаунтонъ! Да видно вы не знаете этого коварнаго, корыстнаго, трусливаго англичанина» и пошелъ, и пошелъ, и, не переводя духу, рассказалъ мнѣ всю исторію распри Лондонскаго клуба съ Сентъ-Джоржевскимъ, полемикю Стаунтона съ Сентъ-Аманомъ и множество закулисныхъ тайнъ столь, по видимому, мирныхъ потомковъ грека Паламеда. Я не могъ не улыбнуться, видя какъ горячо принимаетъ Гаррвитцъ къ сердцу всѣ эти шахматные интересы и, тутъ же, не безъ грусти, подумалъ: «вотъ въ нашемъ обществѣ любителей шахматной игры, ужъ конечно, никто не поссорится изъ за гамбита; ходи себѣ туда сколько душѣ угодно, да играй съ утра до ночи одинъ на тридцати столахъ.»

Что касается собственно до игры Гаррвитца, то онъ, безспорно, принадлежитъ къ числу величайшихъ шахматистовъ нашего времени. Замѣчательная оригинальность, чрезвычайная тонкость соображеній и быстрота,—составляютъ отличныя черты его таланта. Для образчика сообщаемъ одну партію его съ Андерсеномъ, приобрѣтшемъ всемирную извѣстность со времени завоеванія имъ перваго приза на лондонскомъ турнирѣ 1851 года. Эта партія играна на бывшемъ въ Манчестерѣ шахматномъ митингѣ, куда Гаррвитцъ явился въ качествѣ представителя «de la plus ancienne et de la plus illustre réunion des joueurs d'échecs de la Régence!» какъ самъ онъ выразился въ одномъ журналѣ. Видно Гаррвитцъ въ долгу у французовъ не остается и если они превозносятъ его талантъ, то и онъ не прочь подкурить имъ немножко оиміама

№ 3.

ОТКАЗАННЫЙ ГАМБИТЬ.

АНДЕРСЕНЪ. (Бѣлые.)	ГАРРВИТЦЪ. (Черные.)		
		22) b3—a1°(5)	e3—f5+
1) e7—e5	e2—e4	23) e7—d7	f1—a1°
2) f7—f5	f1—c4 (1)	24) a8—g8(6)	d3—d4
3) g8—f6	d2—d3	25) g5—g4	h3—f2
4) c7—c6	c1—g5	26) g8—g6	d4—e5°
5) f8—c5	b1—c3	27) f6—e5°	f2—d3
6) d7—d6	g1—e2	28) e5—e8	d3—f4°
7) h7—h6 (2)	g5—f6°	29) g4—f3°	g2—f3°
8) d8—f6°	d1—d2	30) g6—f6	e2—a6
9) b7—b5	c4—b3 (3)	31) e8—a8	a6—a8°
10) a7—a5	a2—a4	32) h8—a8°	f4—h5°
11) b5—b4	c3—d1	33) f6—f7	a1—d1
12) f5—f4	f2—f3	34) d6—d5	h5—g3
13) g7—g5	e2—g1 (4)	35) d7—e6	f5—d4+
14) b8—d7	g1—h3	36) e6—d7	h1—g2
15) c8—a6	d1—f2	37) d7—c7	d1—c1
16) c5—e3	d2—e2	38) d5—e4°	c1—c6°+
17) h6—h5	0—0	39) c7—b7	g3—e4°
18) e8—e7	g1—h1	40) f7—c7	e4—d6+
19) d7—c5	f2—d1	41) b7—b8	c6—b6+
20) a6—d3°	c2—d3°	42) b8—a7	b6—b5
21) c5—b3°	d1—e3°	43) a7—a6	d4—b3
		44) a8—g8+	g2—f2(7)

Черные сдаются.

ПРИМЪЧАНІЕ КЪ ПАРТІИ № 3.

1) Этотъ способъ отказывать гамбитъ довольно рѣдко употребляется. Янишъ, во второмъ томѣ своего превосходнаго «Analyse nouvelle des ouvertures du jeu des échecs» оцѣнилъ достоинство этого хода, но пришелъ однако къ заключенію, что при немъ нельзя воспрепятствовать начинающему утвердить пѣшки въ центрѣ. Гаррвитцъ, съ своей стороны, почитаетъ выходъ слономъ едва ли не лучшимъ отказомъ гамбита; онъ самъ говорилъ мнѣ это прошлымъ лѣтомъ.

2) Лучше было бы 7) $\frac{c5-f2^\circ+}{f6-g4}$, возвращая потомъ офицера посредствомъ 8) $\frac{f6-g4}{f6-g4}$

3) Можно бы также безопасно брать конемъ пѣшку f6, но тогда бѣлые ослабили бы свою сильную атаку на королевскій флангъ противника.

4) Наблюдайте искусные маневры бѣлыхъ коней; они вполне выражаютъ стиль Гаррвитцова игры.

5) Нехорошій ходъ; бѣлые кони, при спертотъ положеніи пѣшекъ, получаютъ огромную силу; они то и рѣшаютъ побѣду. Лучше бы брать пѣшкой коня.

6) Ферзева ладья не должна бы оставлять линіи a пбо посредствомъ 24) $\frac{d3-d4}{}$ бѣлый приготовляетъ своему ферзю выходъ на клетку a6, который стѣснить игру черныхъ и поведетъ къ невыгодной имъ мѣнѣ ферзей; по этому то основательнѣе было сыграть 24) $\frac{h8-g8}{}$.

7) Спасти партію черныхъ нѣтъ возможности, предполагая даже со стороны ихъ самыя лучшіе ходы напр.

45) $\frac{c7-c2+}{f2-e3}$ 46) $\frac{c2-h2^o}{b3-c5+}$ 47) $\frac{a6-a7}{b5-b7+}$ 48) $\frac{a7-a8}{c5-d7}$ и бѣлые вы-

игрываютъ.

Вотъ этому то атлету, побивающему, какъ видите, самого Андерсена, поручили французы отстоять честь своего знамени противъ побѣдоноснаго американца. Гаррвитцъ смѣло принялъ опасное порученіе. Прежде однакожъ, чѣмъ приступить къ рѣшительному состязанію, нужно противникамъ немножко осмотрѣться, ознакомиться, измѣрить, хоть приблизительно, взаимныя силы; для этого играется *преимущественная* партія; ее выигрываетъ Гаррвитцъ. За тѣмъ заключаются условія матча, которыми и постановлено, что побѣдителемъ провозглашенъ будетъ тотъ, кто первый выиграетъ семь партій. Первая двѣ партіи выигрываетъ Гаррвитцъ; третью — Морфи, четвертую Морфи, пятую — Морфи, шестую Морфи. *) Гаррвитцъ сраженъ, уничтоженъ; онъ сказывается больнымъ и проситъ отложить бой на недѣлю. Морфи соглашается, но съ тѣмъ однако, чтобы по прошествіи этого срока, играть не менѣе одной партіи въ день. Каково то бѣднѣй Гаррвитцъ провелъ роковую недѣлю? Страшный срокъ наступаетъ, Гаррвитцъ является на мѣсто битвы и, — снова проигрываетъ. Тутъ уже всякая надежда потеряна и онъ признаетъ.

*) Можетъ быть кромѣ этихъ партій были ли еще *лучши*, но мы, съ сожалѣнію, не имѣемъ еще объ этомъ свѣдѣній.

себя побѣжденнымъ. «Но, замѣчаетъ Морфи, вѣдь мы условились, что пари получаетъ тотъ, кто выиграетъ семь партій, а я имѣю всего пять» и онъ великодушно отказался отъ приза.

Кромѣ этой побѣды, Морфи помрачилъ славу Гарригта еще и на другомъ поприщѣ, на которомъ тотъ не зналъ себя соперника; мы говоримъ объ игрѣ по памяти. Это искусство Гарригта довелъ до высокой степени; онъ свободно и никогда не сбиваясь игралъ три, четыре, даже пять партій за разъ, не смотря на доску. Играть такимъ образомъ одну партію уже весьма не легко; двѣ — несравненно труднѣе, ибо ходы одной сбиваются въ воображеніи съ ходами другой; ну а три? четыре? пять?

Подумайте, какую нужно имѣть пѣмать, чтобы удержать всѣ ходы *пяти* партій со всѣми ихъ безконечными сочетаніями; какое воображеніе, чтобы по волѣ вызывать въ мозгу своемъ то то, то другое положеніе; и при этомъ страшномъ напряженіи памяти и воображенія сохранить всю силу мысли, всю свѣжесть соображенія: составлять свои планы, преслѣдовать ихъ исполненіе, угадывать намѣренія противниковъ, вести атаку, отражать нападенія. Невѣроятно, непостижимо! Но что же скажете вы, когда узнаете, что Морфи, въ Café de la Régence, игралъ такимъ же образомъ *восемь* партій одновременно противъ восьми сильнѣйшихъ игроковъ парижскаго клуба (1) и что изъ нихъ онъ выигралъ шесть, и двѣ только изъ нихъ были ничьи. Тутъ невольно подумасшь: это есть предѣлъ усилій человѣческаго мозга, дальше идти нельзя. Но въ томъ-то и дѣло, что никто не можетъ указать предѣла могуществу дивнаго аппарата, заключеннаго въ нашихъ черепныхъ частяхъ. Послушайте, что пишетъ адвокатъ Генри Гарриссъ изъ Чикаго въ Соединенныхъ Штатахъ одному изъ знаменитыхъ нашихъ шахматистовъ:

«Изъ глубины лѣсовъ, съ крайняго предѣла образованнаго міра, я въ правѣ сказать это, потому что изъ околѣ моихъ виднѣется Мичигенское озеро,—сообщаю вамъ извѣстіе, которое, конечно, не мало изумитъ васъ.»

«Нѣсколько дней тому назадъ, молодой нѣмецъ изъ Липпе Детмольда, уже три года живущій въ штатѣ Юва на берегу Миссисипи, Лудвигъ Паульсенъ, игралъ, съ завязанными глазами, *десять* шахматныхъ партій за разъ противъ десяти сильнѣйшихъ нашихъ игроковъ. Изъ этихъ партій онъ выигралъ девять; одна была ничья.»

1) Боше, Бирюргъ, Борлемант, Габерь, Декент, Нотье, Прети и Сепанъ.

Видѣтъ съ тѣмъ г. Гаррисъ доставилъ составленную имъ по этому случаю весьма любопытную статью, извлеченіе изъ которой мы непремѣнно сообщимъ въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ, а теперь перейдемъ къ партіямъ матча Морфи съ Гаррвитцомъ (*) и къ партіямъ русскихъ шахматистовъ.

№ 4.

ОТКАЗАННЫЙ ГАМБИТЪ ФЕРЗЯ.

ГАРРВИТЦЪ.	МОРФИ.		
(Бѣлые.)	(Черные.)		
1) d2—d4	d7—d5	28) c1—c5	f6—e5°
2) c2—c4	e7—e6	29) f4—e5°	d7—e6
3) b1—c3	g8—f6	30) a3—a4(1)	b5—a4°
4) c1—f4	a7—a6	31) d3—a6°	c8—b8
5) e2—e3	c7—c5	32) c5—b5	b8—d8(2)
6) g1—f3	b8—c6	33) b5—b6	d8—a8
7) a2—a3	c5—d4°	34) e3—d2	e6—c8
8) e3—d4°	d5—c4	35) a6—c8°	a8—c8°
9) f1—c4°	b7—b5	36) b6—b5	c8—a8
10) c4—d3	c8—b7	37) b5—d5°	a4—a3
11) 0—0	f8—e7	38) b2—a3°	a8—a3°
12) f4—e5	0—0	39) d5—c5	g7—f8
13) d1—e2	f6—d5	48) d2—e2	f8—e7
14) e5—g3	g8—h8	41) d4—d5	e7—d7
15) f1—e1	e7—f6	42) c5—c6	h6—h5
16) e2—e4	g7—g6	43) c6—f6	d7—e7
17) c3—d5°	d8—d5°	44) d5—d6+	e7—e8
18) e4—d5°	e6—d5°	45) e5—e6	f7—e6°
19) f3—e5	a8—d8	46) f6—e6°+	e8—f7
20) e5—c6°	b7—c6°	47) d6—d7	a3—a8
21) a1—c1	d8—c8	48) e6—d6	f7—e7
22) g3—d6	f8—g8	49) d6—g6°	e7—d7°
23) d6—e5	h8—g7	58) g6—g5	a8—h8
24) f2—f4	c6—d7	51) e2—f3	d7—e6
25) g1—f2	h7—h6	52) f3—g3	h5—h4+
26) f2—e3	c8—c1°	53) g3—g4!	h4—h3
27) e1—c1°	g8—c8	54) g2—g3	e6—f6
		55) g5—h5	сдается.

(*) Теперь мы печатаемъ только три изъ этихъ партій: первую, вторую и четвертую, впоследствии сообщимъ и остальные.

Примѣчаніе къ партіи № 4.

(1) Превосходный ходъ; бѣлые до конца играютъ мастерски.

(2) Стаунтонъ замѣчаетъ, что лучше бы 32) $\overline{b8-a8}$; и точно, этимъ выигралось бы время.

№ 5.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЗАЩИТА НА ВЫХОДЪ КОНЯ.

Морфи.	Горрвитцъ.	19)	e1—g1	g8—h7
(Бѣлые.)	(Черные.)	20)	d4—e3	f7—f5
1) e2—e4	e7—e5	21)	d5—f4	d6—b6
2) g1—f3	d7—d6(1)	22)	e3—e2	f8—f7
3) d2—d4	e5—d4°	23)	e2—c4	b6—f6
4) d1—d4	b8—c6	24)	f4—h5	f6—e7
5) f1—b5	c8—d7	25)	d1—e1	e7—d7
6) b5—c6°	d7—c6°	26)	a2—a3	e8—d6
7) c1—g5	g8—f6	27)	c4—d4	a8—g8
8) b1—c3	f8—e7	28)	g1—g2	d6—e8
9) 0—0—0	0—0	29)	d4—c3	f5—f4
10) h1—e1	h7—h6	30)	e1—h1	g7—g6
11) g5—h4	f6—e8(2)	31)	h1—g1	d7—d5
12) h4—e7°	d8—e7°	32)	c3—e1	d5—h5°
13) e4—e5	c6—f3°	33)	g2—g5	h5—f3°
14) g2—f3°	e7—g5+	34)	e1—e6	f7—f6
15) c1—b1	d6—e5°	35)	e6—e7+	g8—g7
16) e1—e5°	g5—g2	36)	e7—e8°	h6—g5°
17) c3—d5	g2—h2°	37)	e8—e1	f3—c6
18) e5—e1	h2—d6			

Черные выигрываютъ.

Примѣчанія къ партіи № 5.

(1) Эта защита, извѣстная подъ именемъ французской, потому что ее любилъ Филидоръ, гораздо рѣже употребляется, чѣмъ принадлежащій Итальянской школѣ ходъ

2) $\overline{b8-e6}$, который порождаетъ самые интересные дебюты: гамбитъ шотландскій, giuoco piano, дебютъ Лопеца, гамбитъ Эванса. Впрочемъ и французская защита совсѣмъ не такъ предосудительна, какъ думаютъ нѣкоторые; при мажъшей ошибкѣ начинавшаго партію, она даетъ возможность второму игроку вести весьма хорошенькія атаки. Если въ нашихъ при-

иъначіяхъ заключаются иногда вещи, давно извѣстныя всѣмъ сколько нибудь опытнымъ шахматистамъ, то не надо забывать, что мы имѣемъ въ виду, преимущественно, людей, не знающихъ еще теоріи игры; для нихъ и эти объясненія не бесполезны.

(2) Очень хорошій ходъ; конь на e8 значительно укрѣпляетъ позицію черныхъ.

№ 6.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЗАЩИТА НА ВЫХОДЪ КОНЯ.

Морфи.	Гаррвитцъ.	18) f2—f4	g5—f4°
(Бѣлые.)	(Черные.)	19) f1—f4°	g8—h8
1) e2—e4	e7—e5	20) f4—h4	e7—f8
2) g1—f3	d7—d6	21) g3—e5°	f6—e5°
3) d2—d4	e5—d4°	22) d1—f1	d7—e6
4) d1—d4°	b8—c6	23) e3—b5	e6—g8
5) f1—b5	c8—d7	24) f1—f2	a7—a6
6) b5—c6°	a7—c6°	25) b5—c7°	a8—c8
7) c1—g5	f7—f6(1)	26) c7—d5	c6—d5°
8) g5—h4	g8—h6	27) e4—d5°	c8—c7
9) b1—c3	d8—d7	28) c2—c4	f8—e7
10) 0—0	f8—e7	29) h4—h5	g8—e8
11) a1—d1	0—0	30) c4—c5(3)	c7—c5°
12) d4—c4+	f8—f7	31) h5—h7°+	h8—h7°
13) f3—d4(2)	h6—g4	32) e2—h5+	h7—g8
14) h2—h3	g4—e5	33) f5—e7°+	g8—g7
15) c4—e2	g7—g5	34) e7—f5+	g7—g8
16) h4—g3	f7—g7	35) f5—d6°	и черные сдаются
17) d4—f5	g7—g6		

Примѣчанія къ партіи No. 6.

(1) Намъ кажется, что 7) $\frac{\text{---}}{g8-f6}$ какъ сыграно было въ предыдущей партіи, — лучше.

(2) Трудно понять, какъ Морфи упустилъ изъ виду сильную атаку посредствомъ 13) $\frac{e4-e5}{\text{---}}$,

(3) Прекрасное пожертвованіе. Умѣніе жертвовать кста-ти пѣшками для поддержанія сильныхъ атакъ офицерами,

составляетъ, по отзыву людей хорошо знакомыхъ съ игрою Морфи, одно изъ отличительныхъ ея свойствъ.

№ 7.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГАМБИТЬ.

Кн. С. С. Угусовъ.	И. С. Шумовъ.	22) e7—d5	d8—g5
(Бѣлые.)	(Черные)	23) d5—f4	a8—g8
1) e2—e4	e7—e5	24) g2—g3	a5—b6
2) d2—d4	e5—d4°	25) f4—e6°	f7—e6°
3) f1—c4	b8—c6(1)	26) d4—e4+	e6—d7
4) g1—f3	f8—b4+	27) f1—e1	h6—h5
5) c2—c3	d4—c3°	28) e4—a4+	c7—c6
6) b2—c3°(2)	b4—a5	29) a4—c4	b6—c5
7) 0—0	h7—h6	30) a1—b1	b7—b6
8) e4—e5	g8—e7	31) e4—c6+	d7—d8
9) c1—a3	0—0	32) b1—d1	g8—g7
10) d1—d3	g8—h8	33) d1—d6°+	c5—d6°
11) b1—d2	f7—f6	34) e6—d6°+	d8—c8
12) e5—f6°	f8—f6°	35) e1—e8+	c8—b7
13) d2—c4	f6—f8	36) e8—b8+	b7—a6
14) e4—g5	g7—g6	37) d6—c6°	g5—g4
15) g5—f7+	f8—f7°	38) b8—d8	g4—f5
16) c4—f7°	h8—g7	39) d8—d4	g7—g4
17) a3—c7°	c6—e7°	40) f2—f4	f5—b1+
18) f3—e5	d7—d6	41) g1—g2	b1—a2°+
19) e5—g6°	c8—f5	42) g2—h3	a6—a5
20) d3—d4+	g7—f7°	43) d4—d5+	и черные сдаются.
21) g6—e7°	f5—e6		

Примѣчанія къ партии №. 7.

(1) Этимъ ходомъ центральный гамбитъ приводится къ обыкновенному шотландскому; 3) $\frac{g8-f6}{f8-c5}$ было бы слабѣе; 3) $\frac{f8-c5}{f8-c5}$ положительно дурно; бѣлый сыгралъ бы 4) $\frac{c4-f7°+}{f8-c5}$.

(2) Исторія этого хода весьма любопытна; долго онъ почитался никуда негоднымъ, и вмѣсто его, всегда игралось 6) $\frac{0-0}{f8-c5}$. Въ 1842 году Кохранъ, по возвращеніи изъ Индіи, возобновилъ этотъ ходъ и употреблялъ его противъ самыхъ

сильныхъ игроковъ, съ полнымъ успѣхомъ. С. Аманъ, Янишъ, Гейдебрандъ принялись за анализъ Кохранова варианта и снова пришли къ убѣжденію, что онъ не хорошъ. Наконецъ, блестящія открытія, сдѣланныя Кн. Урусовымъ въ теоріи дебютовъ, измѣнившія взглядъ на многія изъ нихъ, снова заставляютъ думать, что 6) $b2-c3^\circ$ сильнѣе рокировки. Всего интереснѣе то, что доводы Яниша, С. Амана и Гейдебранда *противъ* этого хода совершенно отличны отъ приводившихся до возобновленія его Кохраномъ и что точно также доказательства Кн. Урусова *въ пользу* 5) $b2-c3^\circ$, опять таки основаны не на разсужденіяхъ англійскаго писателя, а на совершенно новыхъ открытіяхъ.

№ 8.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГАМБИТЬ.

И. С. Шумовъ.	Кн. С. С. Урусовъ.	24)	h5—g6
(Бѣлые.)	(Черные.)	25) a4—h4	c7—c6
1) e2—e4	e7—e5	26) c3—e2	f5—f4
2) d2—d4	e5—d4°	27) e2—f4°	g6—e4+
3) f1—c4	b8—c6	28) g2—f1	f8—f4°
4) g1—f3	f8—c5	29) g3—f4°	e5—f3
5) 0—0	d7—d6	30) h4—h5	e8—d8
6) c2—c3	d4—c3°	31) b4—c6°	d8—d1+
7) b1—c3°	g8—e7	32) f1—g2	f3—h4+
8) f1—e1	0—0	33) g2—g3	h4—f5+
9) c1—g5	d8—e8	34) g3—g4	d1—h1°
10) e4—e5	c8—g4	35) c6—e4°	f5—h6+
11) e5—d6°	c5—d6°	36) g4—g5	h1—h5°+
12) c4—b5	f7—f6	37) g5—h5°	h8—g8
13) g5—h4	e8—h5	38) b2—b4	h6—f7
14) d1—b3+	g8—h8	39) e4—d5	g8—f8
15) h4—g3	g4—f3°	40) d5—f7°	f8—f7
16) g2—f3°	c6—d4	41) a2—a4	f7—e6
17) b3—a4	d4—f3°+	42) h5—g5	e6—d5
18) g1—g2	f3—e1°+	43) f4—f5	d5—c4
19) a1—e1°	d6—g3°	44) f5—f6	g7—f6°+
20) h2—g3°	e7—g6	45) g5—f6°	c4—b4°
21) b5—d3	g6—e5	46) f2—f4	b4—a4
22) d3—e4	f6—f5	47) f6—g5	a4—b5
23) e4—b7°	a8—e8	48) f4—f5	и черные сдаются.

№ 9.

ДЕБЮТЪ ЛОПЕЦА.

К. А. Янищъ. (Бѣлые.)	Кн. С. С. Урусовъ. (Черные.)	17) a3—b5°	a8—d8
1) e2—e4	e7—e5	18) b3—f7°+	e8—f8
2) g1—f3	b8—c6	19) d1—b3	a7—c5
3) f1—b5	a7—a6	20) f7—c4	d8—b8
4) b5—a4	f8—c5	21) b3—a4	c7—c6
5) c2—c3	d8—e7	22) b5—a3	b8—b2°
6) 0—0	b7—b5	23) f1—e1	b2—b7
7) a4—b3	g8—f6	24) c4—a6	b7—a7
8) d2—d4	c5—a7	25) a3—c4	e4—d3
9) c1—g5	h7—h6	26) e1—e5°	d3—c4°
10) g5—h4	g7—g5	27) a4—c4°	c5—f2°+
11) h4—g3	d7—d6	28) g1—f2°	e7—d7
12) d4—e5°	c6—e5°	29) c4—c5+	f8—g7
13) f3—e5°	d6—e5°	30) e5—g5°+	h6—g5°
14) a2—a4	c8—b7	31) c5—g5°+	g7—f7
15) a4—b5°	a6—b5°	32) a6—c4+	f6—d5
16) b1—a3	b7—e4°	33) g5—f4+	f7—g7
		34) f4—d4+	и черные сдаются.

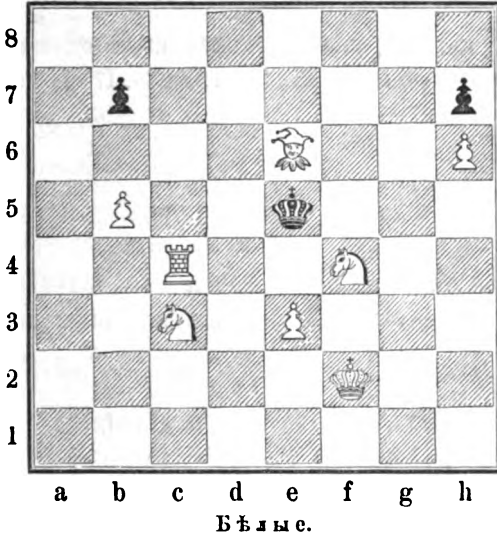
№ 10.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГАМБИТЪ,

Кн. Д. С. Урусовъ. (Бѣлые.)	К. А. Янищъ. (Черные.)	13) c6—b7°	c8—b7°
1) e2—e4	e7—e5	14) d5—b6°	a7—b6°
2) d2—d4	e5—d4°	15) f3—g5°	d6—d5
3) f1—c4	b8—c6	16) g5—e6	d8—c8
4) g1—f3	f8—c5	17) e4—d5°	f8—f6
5) 0—0	d7—d6	18) f1—e1	c8—d7
6) c2—c3	d4—c3°	19) a1—c1	d7—d6
7) b1—c3°	g8—e7	20) d1—c2	f6—g6
8) c1—g5	0—0	21) c4—d3	d6—d5°
9) c3—d5	g8—h8	22) d3—e4	d5—e6°
10) b2—b4	c5—b6	23) e4—b7°	a7—a2°
11) b4—b5	f7—f6	24) c2—c7°	e6—f6
12) b5—c6°	f6—g5°	25) c7—c8+	и черные сдаются.

№ 1.

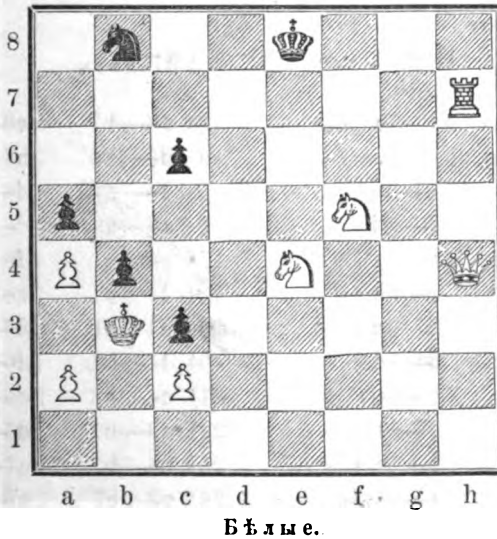
Н. НИКОЛАЕВА (изъ Каинска, въ Сибири).
Черные.



Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ слономъ въ 4 хода.

№ 2.

Н. НИКОЛАЕВА (изъ Каинска, въ Сибири).
Черные.



Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 5 ходовъ.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

РУССКОЕ СЛОВО.

II.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО - УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1859.

1859
ФЕВРАЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГРЮМИНА И КОМП.

252883

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по стпечатаній, было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконеннаго
числа экземпляровъ. Санктпетербургъ, 25. Февраля 1859 года.

Ценсоръ *А. Фрейганъ.*

Ценсоръ *С. Палаузовъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	СТРАН.
На берегахъ Италіи , стихотвореніе <i>Я. П. Лонскаго</i>	1
Вѣйна , стихотвореніе <i>В. Ахшарумова</i>	2
Марло , одинъ изъ предшественниковъ Шекспира. Очеркъ изъ исторіи англійской драмы, <i>С. Уварова</i> .	5
Антоній и Клеопатра Шекспира. Переводъ <i>А. Фета</i>	54
Елизавета Петровна до восшествія своего на престолъ, 1709 — 1741. Историческій очеркъ <i>М. Семеновскаго</i>	209
Безталанный . Повѣсть изъ простонароднаго быта <i>Н. П—т—х—на</i>	278
Птичка , стихотвореніе <i>Н. Кроли</i>	337

ОТДѢЛЪ II.

Критика.

Взглядъ на русскую литературу со смер- ти Пушкина . Статья первая. — Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Лермонтовъ. <i>Аполл. Григорьева</i> .	1
О стихотвореніяхъ Тютчева , <i>А. Фета</i>	63
Иностранная словесность . — ъ	84
Библиографія	116

ОТДѢЛЪ Ш.

	СТРАН.
Иезуиты до Иезуитовъ. <i>М. Касторскаго</i>	1
Воспоминанія о путешествіи за границей. (Продолженіе.) <i>К. Б.</i>	7
Общественная жизнь въ Петербургѣ. <i>Егора Моллера</i>	20
Отъ Редакціи	37
Шахматный листокъ. № 2. <i>Виктора Михайлова.</i>	

НА БЕРЕГАХЪ ШТАЛИН.

Я по красному щебню схожу одинъ
Къ морю сонному,
Словно тучками мглою далекихъ вершинъ
Окоймленному.

Ахъ! какъ мгбютъ, вдали замыкая заливъ,
Выси горныя!
Какъ рисуются здѣсь, уходя въ тѣнь оливъ,
Козы черныя....

Пастухи вдали, на свои жезлы,
Съ ихъ котомками,
Опершись, стоятъ на краю скалы —
Надъ обломками.

Тамъ, у взморья когда-то стоялъ чертогъ
Съ колоннадами,
И наяды плескались въ его порогъ
Подъ аркадами.

Тамъ недавно мнѣ снился роскошный сонъ —
Но.... всегда ли я
Ради этихъ сновъ забывалъ твой стонъ,
О Италия!

Вдохновляемый плачемъ твоимъ я схожу
Къ морю сонному,
Словно тучками, мглою далекихъ вершинъ
Окоймленному.

Тамъ въ лазурномъ туманѣ толпой встаютъ
Тѣни блѣдныя.
То не тѣни встаютъ — по волнамъ плывутъ
Пушки мѣдныя.

Корабельный флагъ отдаленьемъ скрытъ
Словно дымкою.
Тамъ судьба твоя съ фиделемъ стоитъ,
Невидимкою....

1858.

Я. П. Меломскій.

Война.

I.

Свѣжѣетъ воздухъ — рѣдѣетъ ночь
Густая тѣнь;
Ни тучки въ небѣ, и скоро ясный
Займется день.

Въ лугахъ привольныхъ недвижны травы,
Природа спитъ,
И лишь незримый, подъ кровомъ ночи,
Дунай шумить.

А надъ Дунаемъ идетъ кровавый,
Упорный бой,
И тучи дыма средъ поляны
Стоять стѣной.

Сквозь тучи дыма гремятъ орудья,
Блеститъ огонь.
Изъ дымной сѣчи, урвавшись въ поле,
Несется конь.

Бѣжить и станеть; — протянетъ шею —
Храпитъ и ржетъ; —
Вся морда въ пѣнѣ, дрожатъ колѣни,
Въ крови животъ.

Въ сѣдлѣ качаясь, рукой хватаясь
 За правый бокъ,
 На вылетъ раненъ, обштыи кровью,
 На немъ сѣдокъ.

Не долго въ полѣ шальная лошадь
 Его несла: —
 При поворотѣ, онъ съ громкимъ стономъ
 Упалъ съ сѣдла.

И конь умчался; и онъ остался
 Совсѣмъ одинъ
 Въ поляхъ чужбины, среди цвѣтущихъ
 Ея равнинъ.

II.

Померкли звѣзды; румянцемъ утра
 Горитъ восходъ;
 Съ рѣки Дуная, съ болотъ прибрежныхъ
 Туманъ встаетъ.

И легкій вѣтеръ на встрѣчу солнца
 Отъ горъ дохнулъ,
 И виноградникъ лозою чуткой
 Пошевелинулъ.

Шатнулись травы — и все затихло
 Опять кругомъ; —
 Лишь съ пѣсней птица вилась надъ теплымъ
 Своимъ гнѣздомъ.

И въ этихъ сочныхъ, душистыхъ травахъ
 Полуживой
 Лежалъ страдалецъ, не разъ хватаясь
 За нихъ рукой.

Томимый жаждой онъ встать пытался,
 Но голова
 Къ землѣ клонилась — и обрывалась
 Въ рукѣ трава.

Въ глазахъ темнѣло: и, исчезая
 Предъ нимъ вокругъ,
 Померкло небо, покрылся мглою
 Цвѣтущій лугъ,

И бредъ предсмертный его уносить
 Къ мѣстамъ роднымъ;
 Тамъ ель съ березой, раскинувъ вѣтви,
 Шумятъ надъ нимъ.

Пескомъ и лѣсомъ идетъ дорога,
 И съ двухъ сторонъ
 Смолистой вѣткой сосна киваетъ
 Ему поклонъ.

За лѣсомъ Волга — село — поляны; —
 «Мой свѣтлый рай! —
 Все гибнетъ... гибнетъ!... Спасите! Тащутъ! —
 О мать, прощай!»...

Умолкъ — и солнце взошло на небѣ,
 Востокъ пылагъ,
 И, прямо въ небо устава взоры,
 Убитый спалъ.

Цвѣты шептались; окрестный воздухъ
 Былъ свѣжъ и чистъ;
 Роса катилась, перенадая
 Съ листа на листъ.

III.

И гулъ послѣдній, послѣдній выстрѣлъ
 Замолкъ вдали,
 Гдѣ бились люди всю ночь за лоскутъ
 Чужой земли.

Чего искали въ поляхъ чужбины?...
 Свои поля
 Землей богаты, и просятъ плуга
 Своя земля.

И дымъ какъ туча надъ полямъ смерти
 Еще висѣлъ;
 Живые люди бродили молча
 Надъ грудой тѣлъ.

Копали ямы, носили трупы
 И, чередой,
 Ихъ опускали и засыпали
 Сырой землей.

В. Ахшарумовъ.

МАРЛО, ОДИНЪ ИЗЪ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВЪ ШЕКСПИРА.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ АНГЛІЙСКОЙ ДРАМЫ.

Самое поверхностное знакомство съ Шекспиромъ, не простирающееся далѣе сценическаго, неволью приводитъ къ вопросу: ужели геніальныя произведенія великаго драматурга явились на англійскомъ театрѣ нежданно, негаданно? Неволью спросишь себя: ужели между послѣдней средневѣковой мистеріей и самой ранней изъ пьесъ Шекспира не было перехода, посредствующаго звѣна? Тотъ же вопросъ, но еще съ большей силой, возникаетъ при болѣе глубокомъ изученіи твореній Шекспира.

Такое изученіе открываетъ цѣлую бездну между изыщными и строго своеобразными созданіями Шекспира и полу-религіозными и полу-площадными игрищами, предшествовавшими его театру. Такой пробѣлъ въ исторіи драмы былъ бы совершенно непонятенъ и неестественъ; но изученіе Шекспира доказало, что не было подобнаго рѣзкаго перехода, что появленію твореній Шекспира предшествовали многія удачныя попытки въ той же сферѣ поэзіи.

Мы видимъ, что нигдѣ, ни даже въ Италіи, XVI вѣкъ не былъ величественнѣе, чѣмъ въ Англіи, гдѣ, среди сонма рѣдкихъ талантовъ, подвизались Бэконъ, Спенсеръ, Сиднэ. Шекспиръ, при всей оригинальности своего генія, уже въ самомъ началѣ поприща, дышалъ атмосферою великаго столѣтія и для своихъ идей находилъ языкъ, кипящій всѣми силами юности, языкъ богатый и поэтическій, который съ каждымъ днемъ обогащался новыми дарами и проникался все болѣе и болѣе напѣтомъ творческихъ умовъ. Но кромѣ языка, кромѣ множества новеллъ и исторій — матеріаловъ своихъ будущихъ пьесъ — Шекспиръ, прибывъ въ Лондонъ, нашелъ еще готовый театръ съ богатымъ репертуаромъ, готовую сцену *), при всей простотѣ и даже грубости своей, удовлетворявшую зрителей до того, что не видѣлось нужды ее совершенствовать; нашелъ наконецъ рѣдкихъ драматическихъ художниковъ (довольно упомянуть о Геминджѣ (Heminge), Томасѣ Гринѣ (Thomas Green) и Ричардѣ Бурбаджѣ (Richard Burbadge), землякахъ Шекспира, знакомыхъ ему можетъ быть еще на родинѣ и введшихъ его на сцену). Здѣсь не мѣсто распространяться о тогдашней игрѣ; достаточно привести правила, данныя актерамъ самимъ Шекспиромъ (см. Гамлетъ II. д. явл. 5) и намекнуть на ту степень живости и подвижности, которую онъ могъ требовать отъ тогдашнихъ актеровъ (см. разговоръ Рихарда III съ Букингамомъ. Рихардъ III д. явл. V) и намекнуть на множество свидѣтельствъ, что эти требованія не были невыполнимыми для современныхъ ему актеровъ. Шекспиръ нашелъ публику жадную, конечно не избалованную и не сбитуя еще

*) 18 января 1561 года давалась первая настоящая трагедія въ Англіи; первый постоянный театръ сооруженъ въ 1570 г.; въ 1642 всѣ театры были закрыты, а въ 1647 г. акты парламента запрещены всякія сценическія представленія. Но уже задолго до этого окончательнаго торжества пуританской строгости, политическія смуты и война короля съ коммунами не позволяли думать о театрѣ; и рѣшительные успѣхи его начинаются немного раньше послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка. И такъ, въ какіе-нибудь 50 лѣтъ Англійскій театръ имѣлъ богатый репертуаръ; имѣлъ многихъ искусныхъ актеровъ, замѣчательныхъ писателей; высвободившись изъ подъ исключительнаго вліянія двора и ложныхъ теорій, принялъ чисто народный характеръ, и чрезъ геній Шекспира сдѣлался достояніемъ общечеловѣческимъ.

съ толку излишними заботами о театральнѣй обстановкѣ, публику изъ всѣхъ слоевъ народа, со всѣми отѣтками образованія, не связанную никакими предубѣжденіями. Наконецъ Шекспиръ нашелъ уже нѣсколько путей, проложенныхъ замѣчательными талантами въ драматической поэзіи. Надо сказать, что его будущее поприще было уже значительно подготовлено,—на самыхъ первыхъ порахъ большому кораблю открывалось большое плаваніе.

Долгое время, почти цѣлыхъ два столѣтія, нельзя было приступить къ разбору заданныхъ нами выше вопросовъ. Долгое время самые современники Шекспира были извѣстны чуть-ли не по одному имени. Періодъ забвенія начался вскорѣ послѣ самаго Шекспира. Уже при Іаковѣ I пьесы его стали даваться рѣже *). Революція, послѣдніе годы Карла I, республика и протекторатъ должны были, по всѣмъ соображеніямъ, окончательно уничтожить драму и самый театр. Онъ открылся снова при Карлѣ II и даже съ невиданною доголѣ пышностію, но только съ неясными воспоминаніями о прежнемъ славномъ періодѣ его.

Французскій вкусъ вкрался и въ область драмы; претензія писателей этой школы—соблюдать законы древняго театра, повела за собой нѣкотораго рода уваженіе къ ученому Бекъ-Джонсону, такому же ревностному приверженцу древнихъ, на сколько предшественникъ, и отчасти учитель его, Шекспиръ мало стѣснялся ихъ образцами. Каковъ былъ вкусъ той эпохи, можно судить изъ того, что Дрейденъ, съ странной смѣсью смиренія и безстыдства, совершенно лишннихъ для его несомнѣннаго таланта, говоритъ, что если онъ въ драмахъ своихъ превзошелъ Шекспира, Флетчера и Джонсона, то онъ этимъ единственно обязанъ прогрессу и утонченности своего времени. Какъ бы то ни было, Дрейденъ, по крайней мѣрѣ, зналъ этихъ писателей, что врядъ ли можно сказать про Блэра и другихъ корпосевъ изящной критики XVIII столѣтія.

Изъ всего сонма старыхъ драматическихъ писателей, предшественниковъ и современниковъ Шекспира, а также

*) Флетчеръ (Fletcher) отъ 1615 — 1625 г. правился болѣе Шекспира; по крайней мѣрѣ его чаще давали.

писателей, непосредственно слѣдовавшихъ за нимъ, одному Шекспиру пришлось по силамъ вынести 20-ти лѣтнее гоненіе пуританъ,—28-ми лѣтнее преобладаніе распушенности нравовъ, внесенной въ Англію Карломъ II и дворомъ его,—вліяніе Франціи, надѣлившей театръ, подъ видомъ обновленія его, крайнею испорченностію,—такъ называемый строгій вкусъ, — и классическую чистоту, стѣснявшую литературу при Вильгельмѣ II и Аннѣ. Шекспиръ пережилъ все это, выдержалъ всѣ эти переходы и перемѣны и, на зло ложному отвращенію и причудливой щепетильности, остался все-таки свѣжимъ ключемъ первобытнаго драматическаго генія Англіи.

Попе (Pope) издалъ Шекспира и снабдилъ свое изданіе замѣтками, полными удивленія къ его генію. Наконецъ, съ 1740 г., съ появленія на сценѣ Гаррика, достойнаго толкователя его созданій, начался апотеозъ Шекспира. Пламенными жрецами этого апотеоза были Колриджъ, Шлегель, а за ними и вся такъ называемая романтическая школа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ предсталъ съ неотразимой силой вопросъ, затронутый выше, вопросъ о предшественникахъ, сверсникахъ, соперникахъ Шекспира. Эти совмѣстники, затемненные въ свое время блескомъ величайшаго изъ драматическихъ писателей всѣхъ вѣковъ, благодаря тому же блеску, отыскались теперь. Открытіемъ ихъ увѣнчалось довѣріе къ исполнскимъ силамъ вѣка Елизаветы,—увѣнчалось вѣрное предположеніе о необходимости существованія посредствующаго звѣна между нескладными мистеріями среднихъ вѣковъ и театромъ Шекспира. Такъ, нѣкогда, логическое требованіе существованія неизвѣстнаго материка для равновѣсія земнаго шара, было одною изъ сильнѣйшихъ пружинъ къ открытію новаго міра. Цѣлымъ рядомъ изданій стали воздавать посмертныя почести десяти или двѣнадцати поэтамъ, спасшимся отъ забвенія. Немногіе изъ нихъ дошли до насъ въ полномъ собраніи своихъ сочиненій; нѣкоторые извѣстны только по имени. Съ другой стороны есть пьесы анонимныя; есть и такія, которыя, по преданію, приписываются Шекспиру, а въ созданіи нѣкоторыхъ считаютъ его сотрудникомъ. Такъ и романтики его школы не усумнились признать ихъ Шекспировыми. Любители драмы

свободной, естественной, не связанной никакими преданіями, подражаніями, приличіями, не признающіе никакихъ правилъ, внѣ законовъ внутренняго развитія, — искали здѣсь новыхъ доказательствъ для своихъ теорій.

Первыя попытки англійскаго театра не обошлись безъ Аристотеля. «Гордобукъ», Саквиля, «Дамонъ и Питіасъ» Эдвардса, вообще всѣ первыя трагическія попытки, писанныя подъ вліяніемъ двора и игранныя при немъ, еще со временъ Эдуарда VI и даже отца его *) — все это писалось не столько по вдохновенію, почерпнутому изъ древнихъ писателей, сколько прямо по ихъ теоріямъ, грубо и ложно понятымъ. Кромѣ того, подражали Испанскому театру, подражали еще Французскому, уже съ классическими претензіями, при всемъ нескладномъ варварствѣ своемъ. Въ одно время съ Шекспировскими драмами, давали въ Лондонѣ: «Великаго Помпея и его прекрасную Корнелію», трагедію Томаса Киды (Thomas Kyde), взятую цѣликомъ у Гарнье, неистоваго подражателя Лукана и Сенеки. Этотъ самый Кидъ, скорѣе предшественникъ, чѣмъ современникъ Шекспира, передѣлалъ изъ *Geronimo* (кровавой и мѣстами поэтической драмы Испанскаго театра) свою «Испанскую трагедію» (*The spanish Tragedy*). Шекспиръ создалъ новѣйшую драму, но на Англійскомъ театрѣ все таки онъ имѣлъ предшественниковъ и совмѣстниковъ.

Гервинусъ провелъ замѣчательную паралель между началомъ Англійскаго и Германскаго театровъ. «Какъ Гёте, такъ и Шекспиръ», говоритъ онъ, «прошли чрезъ анархическій періодъ разрыва съ прошлымъ, окруженные сонмомъ гениальныхъ, но безпорядочныхъ головъ.» Марло (Marlowe), Робертъ Гринъ (Robert Green), Нашъ (Nasch), Пилъ (Peel) — сколько можно судить по немногимъ фактамъ, дошедшимъ до насъ, все это были натуры титановскія, съ пылкими страстями, не признававшія условій общественныхъ. Всѣ они умерли преждевременно. Всѣ они ругались надъ общественнымъ мнѣніемъ, за что ихъ преслѣдовали въ тѣхъ

*) Въ 1540 г. играли «Accolastus» (Неучь), комедію «Palsgrave's», Капелана Гейнриха VIII.

сатирахъ. Сыны гнѣва и противленія, на памяти которыхъ тяготѣетъ еще то проклятіе, которое этому періоду Англійскаго театра даетъ какъ бы значеніе драмы дѣйствительной. Какъ въ Греческой драмѣ, такъ и надъ первыми шагами Англійской, только что она возникла или, лучше сказать, выдѣлилась изъ церковныхъ и гражданскихъ торжествъ и выступила изъ среды придворныхъ потѣхъ на позорище народа, тяготѣетъ непреклонная судьба, но судьба не слѣпая, а зародившаяся изъ мыслей, поступковъ, всего склада первыхъ дѣятелей на этомъ новомъ поприщѣ и наконецъ изъ самаго духа времени. Періодъ возрожденія былъ періодомъ борьбы стараго порядка вещей съ новымъ. Неизбѣжные при всякомъ значительномъ переворотѣ: броженіе умовъ, шаткость воззрѣній, слѣпая приверженность къ старому, неустовые порывы къ новому, прикрывали эту дѣйствительную борьбу личиной борьбы совершенно иной. Многимъ казалось, что настало время отстаивать вѣчныя начала и нравственности отъ губительнаго наплыва язычества и необузданнаго эгоизма. XVI вѣкъ, особливо въ Англии, уже пережилъ самый смутный періодъ борьбы новаго съ старымъ. Новыя понятія успѣли уже снискать себѣ право гражданства; въ Англии уже процвѣтала литература и дѣятели ея стояли выше нападеній невѣжества или узкаго ханжества. Но театръ еще не установился; драма, не смотря даже на попытки во вкусѣ древнихъ и на успѣхи Лили, Эдвардса и др. при дворѣ, все еще не считалась законной отраслью литературы. Театръ все еще считался забавой двора или пустой потѣхой народа, и на него-то пуританская нетерпимость изливала ѣдкій ядъ своего краснорѣчія; его преслѣдовали съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ, что находили въ немъ послѣдній предметъ своей злобѣ всѣ святоши (precisians), всѣ ханжи и черствыя умы, не признававшіе въ сѣрѣ добра, правды и истины ничего за предѣлами своихъ собственныхъ узкихъ понятій. Дѣйствительныя преступленія противъ этихъ идеаловъ или то, что только казалось преступленіемъ узкой догматикѣ пуританъ, не могло выкупиться никакими красотами опальнаго творенія, — да о прекрасномъ, эстетическомъ не могло быть и рѣчи у пуританъ!... Въ пуританахъ —

этомъ кляломъ осадкѣ реформаціи, Англійское драматическое искусство нашло съ самаго начала придирчивыхъ судей, сильныхъ недоброжелателей и наконецъ отъявленныхъ враговъ. Отъ сооруженія первыхъ театровъ въ Лондонѣ до окончательнаго закрытія ихъ, идетъ непрерывный рядъ нападеній на театры, актеровъ и драматическихъ писателей. Ложные толки такъ часто встрѣчаются въ этихъ нападеніяхъ недоброжелателей, что невольно подозрѣваешь много клеветы въ ихъ разглагольствованіяхъ, въ ихъ доносахъ и свидѣльствахъ (1). Но все ли были однѣ клеветы? Надо сознаться, что въ это раннее время, театры представляли зрѣлище далеко не назидательное. Города и села наполняемы были труппами или лучше сказать шайками странствующихъ актеровъ, выдававшихъ себя за слугъ придворныхъ или даже королевскихъ (официальный титулъ актеровъ). Надо было прибѣгнуть къ патентамъ, чтобы какъ-нибудь уменьшить ихъ число. Все бѣжало на ихъ представленія. Въ трактирахъ и шинкахъ, служившихъ театрами, не проходилъ ни одинъ вечеръ безъ давки, дракъ, мошенничествъ и подобныхъ сценъ изъ дѣйствительной жизни. Сооруженіе театровъ не вдругъ облагородило сцену. Къ прежнимъ эксцессамъ прибавились пожары, распространеніе повальныхъ болѣзней. Вольности самой сцены выходили изъ всякихъ предѣловъ. Предводитель Clown'овъ—Тарльтонъ (Tarlton), любимый шутъ Елисаветы, пѣлъ и выплясывалъ, предъ многочисленной публикой. До насъ дошелъ джигъ (jig) собственного его сочиненія про Лорда-Мера и альдермановъ Лондона и «про всю ихъ длинноухую семью, что не хотятъ терпѣть шутовъ, кромѣ какъ въ полномъ засѣданіи членовъ своей «собственной коллегіи.» Озлобленіе противъ Лорда-Мера и альдермановъ понятно — это были явные враги и недоброхоты театровъ. Государственный совѣтъ (privy council), покровитель актеровъ и театровъ, оставлялъ на произволь бойкихъ clown'овъ и сатирическихъ выходокъ другихъ писателей альдермановъ и пуританъ-ростовщиковъ — католиковъ. Но этого имъ было мало. Нападали на Испанскаго короля, за что приходилось отвѣчать на жалобы его пословъ; выводили, на посмѣшище тол-

пы, нравы и этикеты двора; и наконецъ, въ то самое время, какъ Эссексъ готовился возстать противъ королевы, друзья и приверженцы его давали трагедію (только врядъ ли Шекспирову) «Рихардъ II». Все это злило пуританъ. Но театры смѣялись надъ гнѣвомъ Лондонскаго магистрата и даже мало печались, если отъ времени до времени впадали въ немилость государственнаго совѣта и вообще множились, на зло пуританамъ, нападавшимъ не столько на злоупотребленія, сколько на самое искусство (2). Надо согласиться также, что жизнь первыхъ подвижниковъ на новомъ поприщѣ и творенія ихъ были не безукоризненны. Впрочемъ, многое въ ихъ беспорядочности, объясняется отсутствіемъ идеальнаго воззрѣнія, которое могло явиться только послѣ Шекспира, и врядъ ли не исчезло вмѣстѣ съ нимъ; по крайней мѣрѣ, этой идеальной сдержанности Шлегель и другіе критики не находятъ у Бекъ-Джонсона, Флетчера и другихъ преемниковъ Шекспира. Надо еще сознаться, что въ пылу творчества, первые драматурги Англіи часто слишкомъ уже увлекались сочувствіемъ къ народу, къ его сатирѣ и языку, часто до того скрывались подъ маскою дѣйствующихъ лицъ, что подъ часъ трудно было отличить творца отъ творенія; нерѣдко чудовищный и слѣпой ходъ драмы не позволялъ вывести изъ нея никакой основной нравственной идеи. Наконецъ и въ жизни первыхъ драматическихъ писателей Англіи, встрѣчается то же явленіе, то же какъ бы проклетіе надъ зародышемъ большей части новѣйшихъ народовъ. Первые жрецы ея несчастны, падаютъ жертвой или собственнаго недостатка гармоніи съ окружающей ихъ средой, или неустановившагося мнѣнія о ихъ достоинствѣ. Въ жизни ихъ видимъ заносчивость, разгулъ съ цѣлію снискать самозабвеніе; то нерадѣніе къ славѣ, то безпокойную заботливость о ней; безпечное товарищество съ соперниками и тревожную къ нимъ зависть,—презрѣніе къ понятіямъ современниковъ, лѣнь, судорожную дѣятельность, развратъ, раскаяніе; титановскіе порывы, ребяческую слабость; высокіе полеты, глубокое паденіе; терзанія совѣсти, отчаяніе.... Всему этому подають живой примѣръ творенія и жизнь Марло.

Христофоръ Марло (Christopher Marlowe) родился въ 1565 г.; родина и родители его неизвѣстны. Знаемъ только, что Марло, какъ и большая часть писателей того времени, получилъ классическое образованіе. Онъ окончилъ курсъ въ одной изъ коллегій Кембриджскаго университета, гдѣ получилъ степень бакалавра въ 1583 г., а за тѣмъ магистратіумъ въ то время, когда Шекспиръ еще не оставлялъ родительскаго крова. Какъ бы въ память этихъ классическихъ занятій, онъ оставилъ переводъ, бѣлыми стихами, нѣсколькихъ элегій Овидія и Александрійской поэмы «Эро и Леандръ». Съ этими опытами явился Марло въ Лондонъ; они, не лишены прелести и для насъ, соотвѣтствовали вполне требованіямъ вкуса, господствовавшаго тогда при дворѣ и въ высшихъ слояхъ общества, вкуса, занесеннаго изъ Италіи. Но не на этомъ поприщѣ суждено было ему составить себѣ имя. Марло, на сколько мы знаемъ его жизнь и сколько можно судить по твореніямъ его, особенно драматическимъ, былъ сыномъ своего времени, своего народа. Не по немъ пришли мирныя кабинетныя занятія, какъ бы высоко онѣ ни цѣнились, и хотя бы онъ могъ чрезъ нихъ попасть въ число отборныхъ умовъ при дворѣ. Ему надо было не читателей, а слушателей, — слушателей не изъ одного кружка, какъ бы онъ ни былъ блестящъ, но массъ народа подвижнаго и впечатлительнаго, народа со всѣми его предубѣжденіями и съ поэтическимъ, пламеннымъ сочувствіемъ къ тѣмъ событіямъ, изъ которыхъ сложилось безпримѣрное, можетъ быть, въ исторіи по блеску и величію, царствованіе дѣвственной королевы. Театръ рѣшилъ его судьбу. Неизвѣстно навѣрное, выступилъ ли онъ на немъ сперва актеромъ или прямо писателемъ. Несомнѣнно то, что первая трагедія его «Тамерланъ» проложила новый путь драматическому искусству, дала перевѣсъ одному изъ нѣсколькихъ различныхъ направленій, которыя, при младенествѣ сцены, скорѣе задерживали успѣхи ея, нежели поощряли. Въ одно время были и подражанія древнимъ, и пьесы во вкусъ двора, и представленія для народа. Кромѣ того, держались еще, и довольно долго, древнія мистеріи (miracleplays) и сродныя имъ по назидательно-

сти, но болѣе аллегорическія, такъ называемыя «морали» (moralities). Однако, при всеѣмъ хаотическомъ броженіи вкуса, у всеѣхъ замѣчательныхъ поэтовъ, которые, съ 1560 г. до появленія Шекспира, старались придать художественное значеніе Англійской драмѣ, замѣтно одно общее, инстинктивное стремленіе: сохранить эпическій складъ древнихъ народныхъ зрѣлищъ, откидывая то, что въ нихъ было уродливого и облагороживая ихъ формы, вліяніемъ на нихъ древнихъ образцовъ; самыя же старинныя зрѣлища должны были исчезнуть. Эти первые драматурги Англии дружно вытѣсняли мистеріи, лишеныя всякаго единства, всякой самостоятельности; прежнія морали дробили на части и этимъ процессомъ выдѣляли художественныя зародыши (по большей части комическіе), которые терялись въ прежней неуклюжей формѣ, не имѣвшей никакой замкнутости; единодушно и безпощадно преслѣдовали слѣпыя и стѣснительныя подражанія древнимъ. Съ другой стороны, внѣ области прежнихъ мистерій и въ діаметральной противоположности къ псевдо-классическимъ произведеніямъ—являлись на сценѣ пьесы содержанія народнаго, почерпнутыя изъ источниковъ общезвѣстныхъ, произведенія полныя, конечно, свѣжести и романтизма (образчикъ ихъ сохранился въ полномъ театрѣ Шекспира, въ Периклѣ, принцѣ Тирскомъ), но до того плохо обработанныя, что нескладностію и недостаткомъ не только всякаго единства, но даже цѣльности, едва ли не превышаютъ еще прежнія гонимыя позорища. И этимъ выродкамъ необузданности и произвола произнесенъ былъ теперь рѣшительный приговоръ. Въ дѣлѣ возрожденія театра, поэты, образовавшіеся въ школѣ Итальянцевъ, подавали руку писателямъ въ народномъ вкусѣ, и уже съ этихъ поръ можно было предвидѣть будущую побѣду природы надъ искусственностію. Этотъ первый періодъ англійскаго театра ознаменованъ появленіемъ цѣлой группы трагедій, очень похожихъ одна на другую, отличающихся отъ предшествовавшихъ имъ туманныхъ эпико-романтическихъ попытокъ, преимущественно строгой замкнутостію дѣйствія и рѣзко отлитыми формами. Все эти пьесы — трагедіи въ строгомъ смыслѣ и трагедіи чрезвычайно кровавыя, — состоятъ пре-

имущественно изъ разсказа и діалога; во всѣхъ, самое дѣйствіе происходитъ за сценой; вездѣ чувствуется и явно признается вліяніе Сенеки, а также и древнѣйшей изъ англійскихъ трагедій — Феррекса и Паррекса.

Таково было состояніе театра, когда Марло поставилъ ему новый идеалъ въ своемъ «Тамерланѣ». «Тамерланъ» былъ представленъ въ первый разъ въ 1586 г., въ томъ самомъ году, когда Шекспиръ прибылъ въ Лондонъ какъ разъ на громаднѣйшій успѣхъ Марло, и слѣдовательно долженъ былъ быть свидѣтелемъ того переворота, который онъ произвелъ въ театральномъ мірѣ. Героическое содержаніе этой огромной трагедіи въ двухъ частяхъ *) было возвышено съ особенной торжественностію. Дѣйствіе ея вращается въ сферѣ высшихъ государственныхъ вопросовъ; рѣчи актеровъ рѣдко сходятъ съ высокаго котурна надутой декламации. Для массъ народа было въ этой трагедіи длинное зрѣлище непрерывныхъ убійствъ и ужасовъ, — образованныхъ же зрителей Марло привлекалъ выпренности своей реторики. «Тамерланъ» пришелся какъ разъ по времени и палъ на добрую почву. Въ тотъ самый 1586 г. Лондонъ смотрѣлъ на кровавую трагедію, на казнь Бабингтона и товарищей его, сложившихъ головы за вѣру, честь, за поэтическую симпатию къ вѣнчанной узницѣ, злополучной Маріи Стюартъ. Въ слѣдующій годъ, она сама принесена въ жертву опасеніямъ народа, ревности двора, жестокой мудрости государственныхъ мужей. Годъ спустя разсѣяна и уничтожена армада. Вотъ какихъ трагедій дѣйствительной жизни, вотъ какихъ событій нужно было тамъ, гдѣ суждено

*) Вотъ полное заглавіе I-го изданія обѣихъ:

«Tamberlaine the Great who, from the slate of a Shepherd in Scythia, by his rare and wonderfull Conquests, become a most puissant and mighty monarch. 1605, 4°, 1 Par. B. L.» «Tamberlaine the Great. With his impassionate furie, for the death of his Lady and Love faire Zenocrate: his form of exhortation and discipline to his three sonnes and the manner of his owne death. The second Part, 4°, 1606. B. L.»

Право изобрѣтенія на эти длинныя и кудреватыя заглавія принадлежить по свидѣтельству современника Марлово, Наша, почти исключительно издателю. Можетъ быть также, что въ выписанныхъ заглавіяхъ сохранился подлинный текстъ фанштъ, вошедшихъ въ обихованіе около этого времени. Первая привиллегія на печатаніе фанштъ выдана въ 1587 г.

было соорудиться и процвѣтать сценической драмѣ. За «Тамерланомъ» послѣдовала цѣлая вереница трагедій въ томъ же вкусѣ. «Испанская Трагедія» Кида сдѣлалась столь же популярна, какъ «Тамерланъ», и чуть-ли не болѣе. Не много лѣтъ спустя явились: Peele'ва «битва при Алькасарѣ», Green'овъ «Альфонсъ», Lodge'въ «Маріи и Силла», Nasch'ева «Дидона», при сотрудничествѣ Марло; «Локринъ», котораго долго приписывали и еще приписываютъ Шекспиру и «Титъ Андроникъ», котораго все еще печатаютъ въ твореніяхъ Шекспира. Всѣ эти драмы одного покроя, сродны по формѣ и содержанію. Во всѣхъ тотъ же чрезмѣрный паоосъ, та же надутая риторика, та же жажда къ громкимъ эффектамъ, свойственная начинающимъ. Вездѣ исполинскія страсти, вездѣ рѣчи, напыщенные до нельзя. Громкія событія и кровавые ужасы наперерывъ являются для раздраженія желѣзныхъ нервовъ зрителей того времени. Чудовищные характеры доходятъ наконецъ до карикатуры. Содержаніе во всѣхъ почти одно и то же. Все вращается около одной и той же мысли, главной темы древней драмы и главной идеи трагедіи вообще, — той мысли, что пролитая кровь примиряется только кровью же. Мечь и кровавая расплата — вотъ главная пружина почти всѣхъ этихъ ньесъ. Эта мысль проводится чрезъ цѣлый рядъ драмъ. Въ «Заговорщикѣ» (Malcontent) Марстона, «въ Царедворцѣ» Четлэ, идея мести доводится до крайности; но все это слабѣетъ предъ Марловымъ, «Мальтійскимъ жидомъ», о которомъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ. Гамлетъ тоже драма мести и возстановленія права чрезъ мечь — и кто знаетъ, какъ эта основная идея была выполнена въ потерянномъ Гамлетѣ, приписываемомъ Киду? Но гений Шекспира укротилъ наконецъ это чудовище на его кровавомъ поприщѣ и какъ бы припримилъ самый непримиримый идеалъ мести. Гамлетъ Шекспира думаетъ о ней, признаетъ законность ея, хранитъ въ сердцѣ, даже лепчетъ мысль о ней, — но колеблется и не можетъ рѣшиться на дѣло. Рука Гамлета, этого извращеннаго Ореста, (какъ его называетъ Симрокъ) слабѣетъ, его мысли путаются — мечь и отмщеніе выступаютъ изъ предѣловъ человѣческаго произвола и

становятся рои едѣленіемъ судьбы, — и Гамлетъ падаетъ въ то самое время, когда чрезъ него дѣйствуетъ высшая сила. Казнею преступниковъ, гибелью самаго полубезумнаго виновника ея упрядняется наконецъ древній рокъ, у котораго каждое преступленіе непреборимо манитъ и побуждаетъ къ совершенію новаго. Въ «Тамерланѣ» эта идея высказывается еще не такъ рѣзко; — она какъ бы таится въ темной кастрофѣ, постигающей Тамерлана и сокрушающей его, когда онъ замыслилъ сжечь храмъ Магомета. — Эффектъ, произведенный этой драмой, не ограничился первыми представленіями. Она давалась часто, и долго была любимой пьесой репертуара. Восторгъ однакожь со временемъ притупился. Отъ «Тамерлана» осталось только: проложенный имъ путь, обогащеніе возникающей сцены новыми приѣмами. Но главная заслуга «Тамерлана» въ томъ, что громкій успѣхъ ея упрочилъ навсегда за англійской драматургіей пятистопный ямбъ безъ рима. До появленія «Тамерлана» любили болѣе стихъ изъ 14 слоговъ съ римами и цезурой посреди (въ родѣ Александрійскаго), какъ лучше выражающій паосъ и болѣе звучный въ декламаци. Пятистопный ямб встрѣчается однако еще до «Тамерлана» у Пилля, а Пилль перенялъ его у Саквила, автора Феррекса и Поррекса. Марло, съ рѣдкимъ тактомъ, постигъ всѣ блестящія преимущества пятистопнаго ямба, всю естественность и гнбкость этого стиха и живость, съ которою онъ можетъ переходить отъ торжественнаго и высокаго къ рѣчи, мало чѣмъ отличной отъ обыденной. На первый разъ, однако, нужно было доказать, что онъ патетиченъ не менѣе своего соперника 14-ти сложнаго, и Марло доказалъ это въ «Тамерланѣ» съ полнымъ успѣхомъ, и едва ли не переступилъ за предложенную себѣ цѣль. Барабанный грохотъ его трескучихъ ямбовъ и важничанья, съ которыми онѣ были возвѣщены, возбудили во многихъ насмѣшливый и завистливый ропотъ. Однако Марло поставилъ таки на своемъ, и съ тѣхъ поръ любимый размѣръ его сталъ непреложнымъ закономъ и не для одной только Англійской сцены. Слѣдовательно, Шекспиръ уже нашелъ готовую поэтическую форму, — но и здѣсь его геній оказалъ силу

своего идеального творчества. Стихъ «Тамерлана» еще жестокъ и тяжелъ, почти всегда оканчивается долгимъ слогомъ, переходы рѣдки и, по образцу народныхъ пѣсень, въ нихъ что ни строка, то отдѣльная мысль. Отъ дикаго стиха «Тамерлана» далеко до блестящихъ и гибкихъ ямбовъ Шекспира; но надо сознаться, что и у Марло, напр. стихъ «Эдуарда П» далеко оставляетъ позади себя дикцію перваго его произведенія. Относительное значеніе «Тамерлана» требовало бы, можетъ быть, хоть краткаго разбора его. Но разбирать по частямъ этого хаотическаго исполнина, отдавать отчетъ о всѣхъ убійствахъ и прочихъ неистовствахъ, которыми Марло наполняетъ двѣ огромныя части—трудъ скучный и едва ли не лишній. Не знаю, откуда Марло почерпнулъ свой сюжетъ; историческаго въ немъ мало. Можетъ быть, Марло въ своемъ произведеніи подалъ первый образчикъ, — только на выворотъ, — пресловутыхъ въ свое время трагедій *à la Dubellois*, въ которыхъ всевозможныя добродѣтели и подвиги великихъ мужей, гдѣ-бы то ни было совершенныя или вычитанныя, сосредоточиваются на герояхъ этихъ пьесъ. Подобнымъ же процессомъ Марло концентрируетъ въ своемъ «Тамерланѣ» столько лютости, ревности, гордости и тому подобныхъ Тамерлановскихъ свойствъ, сколько хватило бы на цѣлую дюжину дюжихъ азіатскихъ завоевателей. Такъ напримѣръ, въ одномъ явленіи Тамерланъ выѣзжаетъ на сцену въ колесницѣ, запряженной плѣнными предводителями—эта сцена явно взята изъ Діодоровой исторіи Сезостриса. Тамерланъ бьетъ несчастныхъ плѣнниковъ и дивится ихъ безчувственной лѣни, что они, удостоенные несравненно большей чести, чѣмъ Кони Феба, не могутъ пробѣжать болѣе двадцати миль въ день. Вообще Тамерланъ очень силенъ въ риторикѣ и мифологіи. Можно ограничиться указаніемъ на одно мѣсто, чтобы имѣть достаточное понятіе о стихахъ всей драмы *).

*) Выпишемъ всю рѣчь его, какъ образчикъ стиха:
 Holla ye pamper'd jades of Asia:
 What, can ye draw but twenty miles a day,
 And have so proud a chariot at your heels,
 And such a coachman as great Tamburlaine?

Переходя отъ «Тамерлана» къ другимъ произведеніямъ Марло, можно сдѣлать еще одно замѣчаніе вообще о первомъ періодѣ Англійскаго театра. Не смотря на краткое и недостаточное знакомство съ нимъ, все же можно усмотрѣть въ его ходѣ до появленія Шекспира, сходство съ ходомъ театра Греческаго. У Грековъ неразрывная цѣль соединяетъ первыя сценическія попытки съ послѣдними трудами Александрійской пледы, плодами учености и воспоминаній: «Александръ» Ликофорна съ «колесницей» Эсписа. Въ драмѣ Грековъ существовали школы съ своимъ діадохамъ, съ преданіями, переходившими иногда (напримѣръ въ родѣ Эхилла), потомственно отъ одного къ другому. И Англійскій театръ разбираемаго нами періода самобытенъ и своеобразенъ — и онъ развивался сообразно внутреннему

But from Asphaltis, where I conquered you,
 To Byron here, where thus I honour you?
 The rose that guide the golden eye of heaven,
 And blaw the morning from their nostrils,
 Making their fiery gate above the clouds,
 Are not so honour'd in their governor,
 As you ye slaves in mighty Tamburlaine.
 The head strong jades of Thrace Alcides tamed,
 That King Egeas fed with human flesh,
 And made so want on that they knew their strengths.
 Were not subdued with valour more divine
 Than you by this unconquer'd arm of mine.
 To make you fierce and fit my appetite,
 You shall be fed with flesh as raw as blood,
 And drink in pails the strongest muscadell
 If you can live with it, then live and draw
 My shariot swifter than the racking clouds:
 If not, then die like beasts, and fit for nought
 But perches for the black and fatal ravens.

Знатокамъ Шекспира эти стихи наполняютъ поэтическія вліянія храбраго Пистоли. Онъ даже приводитъ, натурально, коверкая ихъ, нѣсколько стиховъ изъ выписаннаго нами тамерланова монолога (Гейрихъ IV. Ч. 2. Я. 4), — доказательство большой популярности этой пьесы въ то время. Какъ бы ни было, если сравнить эти жесткіе, неповоротливые стихи съ легкой персифкаціей другихъ пьесъ Марло, (особливо Эдуарда II), то невольно рождается сомнѣніе о тождествѣ его съ авторомъ «Тамерлана». Новый издатель Марло (1826), старался оспорить у него эту драму, движимый, можетъ быть, такого рода сомнѣніемъ, хотя доказываетъ это другими соображеніями, но его доводы недостаточны и, какъ бы то ни было, «Тамерланъ» долженъ несомнѣнно остаться за Марло.

закону. И здѣсь, кажется, можно было бы прослѣдить нѣ-
 котораго рода преданія не въ одной внѣшней обстановкѣ,
 но и въ воззрѣнiяхъ, приемахъ, наконецъ родахъ и предме-
 тахъ драмъ. Шекспиръ, какъ извѣстно, не избѣгалъ сю-
 жетовъ, уже до него обработанныхъ для сцены. Многие въ
 творенiяхъ Шекспира восходятъ чрезъ преданія до опытовъ
 предшествовавшихъ ему драматическихъ писателей. Въ гла-
 вѣ ихъ стоятъ Робертъ Гринъ и Марло. Мы видѣли, какъ
 «Гамерланъ» можетъ считаться родоначальникомъ «Гамлета».
 Марло опередилъ Шекспира и въ другой области, въ мiрѣ
 духовъ и чародѣйства. Между его «Фаустомъ» и «Макбе-
 томъ» Шекспира трудно, конечно, найти какую-либо род-
 ственную связь; но есть уже сходство и какъ бы предчув-
 ствiе Шекспирова искусства въ томъ, какъ Марло выводитъ
 на сцену бѣсовъ и призраки, какъ онъ вдвигаетъ ихъ по-
 явленiе и исчезновенiе въ область совѣсти и фантазiи, внѣ
 новѣрки холоднаго разсудка, внѣ удостовѣренiя опытомъ и
 даже свидѣтельствомъ чувствъ. «Фаустъ» Марло *) возбуж-
 даетъ, по многимъ соображенiямъ, живѣйшее любопытство.
 Во-первыхъ, самый выборъ сюжета указываетъ на тѣ по-
 рывы умовъ поэтическихъ и пытливыхъ, которые въ Англии
 того времени вызывали безпокойство и порицанiя ревно-
 стныхъ реформатовъ. Эта самая пытливость, порывъ за
 предѣлы повседневнаго, недовольство существующими фор-
 мами общества — все это броженiе умовъ и стремленiй со-
 ставляетъ именно сущность сказанiя о Фаустѣ, типъ чело-
 вѣка временъ возрожденiя. Здѣсь дикость Марловой фанта-
 зiи могла разгуляться по волѣ; здѣсь онъ могъ найти ужа-
 сы не кровавые, какъ въ «Гамерланѣ», къ которымъ такъ
 скоро можно привыкнуть, — а тревожный страхъ предъ ма-
 нифестацiями мiра сокровеннаго, отъ которыхъ морозъ про-
 бѣгаетъ по кожѣ, мысли путаются, являются ужасы, кото-
 рые никогда не перестанутъ волновать человѣка. Въ Фаустѣ
 Марло раскрывается генiй какой-то не земной, просвѣчи-
 ваетъ тревожное любопытство, печестивое желанiе загля-

*) Фаустъ явился въ печати не раньше 1631 г., подъ заглавiемъ: *The Tragicall Historie of the Life and Death of Doctor Faustus, with new Additions.* 1631. 4°. В. L. (См. примѣчанiе 3).

нуть въ тайны пнаго міра — пытливость, подавшая поводъ къ столькимъ преслѣдованіямъ Марло, даже посмертнымъ, со стороны враговъ его, пуританъ. Фаустъ его дышетъ, по замѣчанію Драка, не простою, если можно такъ выразиться, обиходною сверхестественностію, — въ немъ вѣетъ атмосферой бездны умовъ отверженныхъ, силящихся, тщетно уловить сверканіе таинственныхъ огней, оживляющихъ на мгновеніе безпредѣльную тьму, въ которой имъ суждено томиться. Какъ то странно находить Фауста любимымъ предметомъ двухъ поэтовъ, раздѣленныхъ вѣками, раздѣленныхъ еще болѣе качествомъ ихъ генія. Замѣчательно однако, что Фаустъ Марло и Фаустъ Гёте имѣютъ между собою такія сходства, которыхъ не объяснишь подражаніемъ или заимствованіемъ; къ тому же, врядь ли Гёте зналъ своего предшествовавшего соревнователя. У обоихъ встрѣчаются—то же брюзгливое пресыщеніе, тотъ же сардоническій скептицизмъ. Мефистофель Гёте, этотъ средневѣковый чортъ, заброшенный въ философическій свѣтъ XVIII столѣтія, этотъ бѣсъ логики и насмѣшки, холодный и вкрадчивый — мы находимъ его съ тѣмъ же именемъ у Марло; — и Марло и Гёте взяли его изъ народныхъ книгъ, ихъ общихъ источниковъ. Среди преній, въ виду костровъ диссидентовъ и вѣдьмъ, въ геніи Марло зародилась мысль: изъ духа тьмы сдѣлать духа пропіи и отрицанія. Марло и Гёте расходятся преимущественно въ самомъ Фаустѣ. Вильменъ находитъ, что Фаустъ Марло имѣетъ болѣе драматическаго, чѣмъ Гётевъ. Не посягнемъ на сравненіе безсмертнаго труда Гёте съ забытымъ произведеніемъ забытаго поэта; скажемъ только, что Марло строже придерживался къ самому сказанію о Фаустѣ и могъ это дѣлать, потому что и по времени и по характеру своего генія, онъ сочувствовалъ Фаусту. Марло былъ самъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ символически представляетъ этотъ замѣчательный мифъ. Для Гёте — Фаустъ только оболочка мыслямъ, познаніямъ и возрѣніямъ, ознаменовавшимъ одинъ, хотя и замѣчательный, періодъ его жизни. Гёте самъ обсудилъ своего Фауста — это плодъ обдуманнаго и глубоко-сознаннаго творчества. Фаустъ Марло напротивъ того, скорѣе идеаль, къ которому авторъ

стремился, идеаль, который гибельными чарами обаялъ его и многихъ. Марло какъ бы самъ слился съ своимъ созданиемъ; для него Фаустъ не вымыселъ, не мнѡзъ, какъ бы глубокъ и всемирень онъ ни былъ. Въ Фаустѣ Марло, въ его стремленіяхъ, вѣрованіяхъ, невѣрїи — будто какое-то неясное, хаотическое откровеніе міра, педоступнаго на-вѣки знанію человѣческому. Марло и Фаустъ стоятъ на одной высотѣ, или лучше сказать, оба — твореніе и творецъ стараются удержаться на скользкой высотѣ мнимой свободы, прихоти и произвола, и оба падаютъ измученные и сокрушенные гибельной и безумной борьбой съ непреложнымъ и вѣчнымъ.

Мнѡзъ о Фаустѣ можно прослѣдить съ отдаленныхъ временъ. Нѣкоторыя изъ самыхъ характеристическихъ чертъ этого мнѡа, именно договоръ человѣка съ властелиномъ тьмы, какъ равнаго съ равнымъ, восходятъ до первыхъ вѣковъ христіанства. Повѣствуютъ про какого-то Теофила, что впавъ въ немплость у императора Юстиніана, онъ, въ отчаяніи, обратился къ жиду-чародѣю, съ помощію его вызвалъ дьявола и заключилъ съ нимъ формальный договоръ, скрѣпленный его подписью, по которому предавался сатанѣ, а сатана обязывался возратить ему мплости императора и прежнія его почести. Теофилъ сталъ любимымъ примѣромъ назидательныхъ поученій, предметомъ поэтическихъ сказаній. Переходя изъ одного сборника въ другой, эта исторія обогащалась новыми эпизодами; одно изъ важнѣйшихъ измѣненій первоначальнаго текста то, что мѣсто жиды-чародѣя занимаетъ чародѣй же, по чародѣй-язычникъ, Виргилій. Отсюда уже можно вести начало той роли, которую въ исторіи Фауста, должны играть воспоминанія древне-языческаго міра. Появленіе Виргилія на первыхъ порахъ, какъ чародѣя, уже само по себѣ, какъ бы предвѣстникъ эпохи возрожденія, къ которой принадлежитъ и сказаніе о Фаустѣ. Кажется, нигдѣ легенда о Теофилѣ не нашла себѣ болѣе жадныхъ читателей и слушателей, какъ въ Англїи. Въ началѣ XIII столѣтія давалась мистерія о Теофилѣ, сенешалѣ Епископа Аданы въ Сициліи, приписываемая французскому труверу Рютбѣфъ (Rutebeuf), вскорѣ перешедшая въ Англїю. Суще-

ствовала ли она еще во время Марло, — осталась ли память о ней? Вряд ли. Не судьбы Теофила находимъ мы въ драмѣ Марло, а исторію того чародѣя, котораго имя она носить и сказаніе о которомъ стало народнымъ чтеніемъ въ концѣ XVI столѣтія въ Англии не менѣе, чѣмъ въ Германіи, родинѣ Фауста. Фаустъ Марло протестантъ; онъ становится неотъемлемой добычей дьявола. Иногда онъ изображается странствующимъ художникомъ (*fahrender Schüler*). Эти странствующіе художники — сбродъ изъ молодыхъ людей безъ должности, безъ занятій, но, по большей части, народъ тертый, бывалый, довольно ученый, чтобы на первыхъ порахъ пустить пыль въ глаза, — скитались повсюду, снискивая пропитаніе пѣніемъ. Къ нимъ, естественно, приставали бродяги другаго покроя: искатели кладовъ, заклинатели, звѣздочеты и тому подобные искатели приключеній, промышлявшіе на счетъ умовъ и кармановъ простолюдиновъ, а иногда и господъ ихъ, невѣжественныхъ и суевѣрныхъ бароновъ и прелатовъ. *Scholares, scholastici vagantes*, (ученое названіе странствующихъ художниковъ), стекались отсюда на ярмарки, являлись въ замки и даже при дворахъ мелкихъ владѣтелей Германіи. О многочисленности этого класса людей можно судить по одному примѣру; по словамъ Лимбургской хроники, ихъ скопилось во Франкфуртѣ на Майнѣ, по случаю сейма, созваннаго въ этотъ городъ въ 1397 г., не менѣе 5182. Съ XIII столѣтія до времени реформациі, странствующіе художники усиливаются, безнаказанно предаются своимъ занятіямъ, не смотря на оппозицію противъ нихъ со стороны прелатовъ. Эта подвижная толпа, естественно, способствовала распространенію новыхъ идей, носившихся въ самомъ воздухѣ XV и XVI столѣтій. Она же, какъ извѣстно, много способствовала распространенію первыхъ реформаторскихъ идей. Наука, сбросившая цѣпи, должна была проникать въ свѣтъ всякими путями, иногда косвенными, а у простолюдиновъ (и не у однихъ ихъ, извѣстно въ какой повсемѣстной чести была астрологія даже и у замѣчательныхъ людей того времени), представителями ея были по преимуществу такіе проходимцы и странники. Фаустъ въ числѣ ихъ — идея очень

счастливая и вмѣстѣ съ тѣмъ она выражаетъ еще существенную и глубокую черту сказанія; — самый характеръ познаній, которыя Фаустъ купилъ столь дорогой цѣной. Фаустъ кладочъ, астрологъ — онъ движется въ какомъ-то туманѣ таинственности, непостижимости (припомнимъ, что эта атмосфера таинственности илѣняла такихъ людей, какъ Валенштейнъ). Жажда къ наслажденію, къ власти, столь сильно выраженная въ Фаустѣ Гёте и столь умѣстная въ немъ, прожившемъ книжнымъ затворникомъ (Stubengelehrte) весь вѣкъ до встрѣчи съ Мефистофелемъ — не она главный двигатель Фауста народныхъ сказаній и Фауста Марло. Этому Фаусту нужны прежде всего толпы зрителей, эффектъ, народная молва. И такую-то славу, въ сущности славу кудесника и фигляра, Фаустъ пріобрѣтаетъ отступничествомъ! Но это отступничество еще не можетъ перейти въ забвеніе. Еще далеко было до того вѣка, гдѣ преобладаніе матеріальныхъ интересовъ въ обществѣ и трезваго эмпиризма въ изслѣдованіяхъ науки до того иссушило умы и сердца, что идеалы подверглись равнодушному забвенію. Во времена Фауста такого холоднаго равнодушія еще не существовало; напротивъ того дуализмъ, болѣзнь среднихъ вѣковъ, взялъ свое и въ новомъ мірѣ Фауста. Наслѣдіе древняго міра было получено, но еще не умѣли обращаться съ нимъ и понимали въ смыслѣ грубо-реальномъ. Дѣло возрожденія началось вѣкомъ скучныхъ приготовленій и шарлатанскихъ выходовъ; вѣку возрожденія предшествовалъ вѣкъ педагогическихъ филологовъ-буквоѣдовъ и шарлатановъ-адептовъ. Нѣкоторые доходили до того (Гемпстъ, Плеонъ), что мечтали о возстановленіи Олимпа и приносили даже жертвы богамъ. Промахи, ошибочное направленіе, бесплодность этихъ стремленій не скрылись отъ здраваго смысла народа; ихъ вывелъ наружу, между прочимъ, и самый народный мифъ о Фаустѣ. Фаустъ — представитель новаго сословія ученыхъ; самъ онъ встрѣчаетъ всюду одну мертвящую букву и ею же хочетъ обновить жизнь, формулами вызываетъ духовъ и хочетъ властвовать надъ ними; но ему не устоять въ этихъ противорѣчіяхъ. Онъ отрекся отъ прежнихъ вѣрованій, но предметъ ихъ не зависятъ отъ его

вѣры или невѣрія. Предметъ обожанія его прежнихъ лѣтъ остался тѣмъ же; исповѣданый имъ нѣкогда — все еще центръ вселенной, властелинъ надъ тѣмъ самымъ міромъ, куда порывается Фаустъ. И Фаустъ не можетъ отстать отъ него. Фаустъ толкуетъ о догматахъ съ Мефистофельмъ, и тревожится совѣстью; Мефистофель старается отвлекать его отъ покаянія. Самая Елена, его идеаль — больше ничего, какъ игрушка пресыщенной плоти, средство въ послѣднюю минуту забыть свои благіе помыслы и воспоминанія о минувшемъ лучшемъ времени. Отсюда было только три исхода: или обращеніе и уничтоженіе договора съ дьяволомъ, какъ въ средневѣковой легендѣ, или Фаустъ могъ перехитрить самого чорта (насмѣшки надъ нимъ, надъ его наружностію, являются съ давнихъ поръ), и зрителей можно было успокоить съ самаго начала на счетъ будущей судьбы неосторожнаго игрока на жизнь и смерть, — а Фаусту предоставлялось бродить нерѣшительно между небомъ и адомъ, дѣйствуя ко благу людей и на живое осмѣяніе близорукаго властелина тьмы *). Марло же (невольнo вѣрится, что онъ писалъ самого себя) избралъ третій путь, вывелъ Фауста несчастнаго, тревожимаго сомнѣніями, развлекаемаго суэтой, обреченнаго на вѣчную погибель. Но онъ далеко не такъ твердъ, не такъ рѣшителенъ на новомъ пути, какъ Фаустъ Гётевъ. Фаустъ Марло часто колеблется во злѣ — онъ ощущаетъ тѣ угрызенія и ужасы, на которые намекалъ самому Марло другъ его Гринъ.

Этотъ Фаустъ вѣрится еще въ добро. Зло, которому онъ предается, — болѣе въ мысляхъ. Онъ принужденъ возбуждать дремлющую энергію свою образами злодѣйствъ, которыхъ не совершалъ и не совершитъ. Эти самые порывы къ добру, раскаяніе при всей ничтожности, скоротечности ихъ, все еще питаютъ искру надежды въ его сердцѣ; отчаяніе и гибель его въ послѣднемъ актѣ будутъ тѣмъ ужаснѣе и драматичнѣе. У Марло нѣтъ ничего, напоминающаго Гретхенъ Гёте, да и вообще женщины мало

*) Это воззрѣніе осуществилось не въ одномъ произведеніи Англійской драмы, такъ напр. въ лихомъ чортѣ изъ Эдмонта, (*Merry devil of Edmonton*) пьесѣ, приписываемой самому Шекспиру.

выступаютъ въ его творенiяхъ. Вѣрнѣй своимъ источникамъ, Марло въ немногихъ стихахъ набрасываетъ демонскiя чары Елены и фантастическую страсть къ этому призраку *). Гёте воспользовался, но только во второй части своего Фауста, этой глубокомысленной связью человѣка времени возрожденiя съ идеаломъ древняго мiра. За то Гёте презрѣлъ инымъ мотивомъ, — этой борьбой ангела свѣта съ ангеломъ тьмы, о душѣ несчастнаго ученаго. Любопытно было бы порыться въ древнѣйшихъ сказанiяхъ о Фаустѣ — есть ли въ нихъ эта борьба, или она вышла изъ фантази Марло и сдѣлалась потомъ уже достоянiемъ зрѣлицъ народа. Во всякомъ случаѣ, таинственное появленiе этихъ орудiй спасенiя и пагубы, ихъ участiе въ самыхъ сокровенныхъ думахъ Фауста, выполнены чрезвычайно удачно и производятъ поразительный эффектъ. А главное лице драмы, самъ Фаустъ, этотъ человѣкъ, исчерпавшiй въ тревожной жаждѣ познанiи всѣ науки, стремящiйся за предѣлы ихъ, погрязшiй въ магiи, предавшiйся сатанѣ договоромъ, подписаннымъ своею кровью, живущiй отнынѣ развратно и безумно, умирающiй въ мучительной неизвѣстности — не загубилъ ли онъ своей души? Невозможно придумать красокъ болѣе яркихъ и мрачныхъ, какъ тѣ, которыми Марло обрисовалъ несчастнаго доктора-чародѣя. Вотъ Фаустъ сидитъ въ своей кельѣ, задумчивъ, надъ книгами; къ нему безпрестанно являются ученики, которымъ онъ боится повѣрить свои сомнѣнiя. Самая наука начинаетъ измѣнять ему. Рѣшено, онъ предается магiи. Въ тайны ея сперва посвящаетъ его одинъ ученый собратъ; за тѣмъ самъ сатана, который, общается ему всѣ блага и почести мiра. Фаустъ Марло обязанъ однимъ изъ живѣйшихъ мотивовъ для насъ темной страницѣ исторiи своего вѣка. Заблужденiя Фауста носятъ на себѣ отпечатокъ обаянiя, пагубнаго мечтанiя—симп-

*) И здѣсь при встрѣчѣ съ идеаломъ того мiра, на который Фаустъ промѣнялъ свои вѣрованiя, произволь и чувственность играютъ главную роль. Въ одной изъ древнѣйшихъ легендъ о Фаустѣ, Фаустъ вызываетъ Елену по просьбѣ нѣкоторыхъ студентовъ и при этомъ восторгъ публики описывается со всевозможною подробностью и педантизмомъ. А на слѣдующую ночь Фаустъ самъ влюбляется въ Елену преимущественно по воспоминанiямъ и на этотъ разъ вызываетъ ее уже для себя самого.

томовъ той, можно сказать, повальной болѣзни, которая породила чародѣйскія дѣла XVI столѣтія, когда тысячи платили жизнью за мнимое посвященіе въ заманчивые ужасы черной магіи. Сомнѣнія, колебанія Фауста, его непреодолимое стремленіе ко злу, терзанія совѣсти, едва ли не предупреждающія самое преступленіе — все это выдержано мастерски, все это понятно намъ, не менѣе чѣмъ современникамъ Марло. Во второмъ актѣ, Фаустъ уже связанный, хотя еще не подписывалъ адскаго договора, бесѣдуетъ съ самимъ собою въ томъ же кабинетѣ, гдѣ онъ одинокій, впервые, подвергся искушенію. Онъ ждетъ, онъ готовъ, мысленно перебираетъ свои будущія дерзкія и темныя дѣла, — но онъ далеко еще не рѣшился окончательно предаться дьяволу, онъ колеблется и ужъ теперь раскаивается, по крайней мѣрѣ, сомнѣвается *).

«Ужъ ты проклятъ, Фаустъ, ужъ нѣтъ тебѣ спасенія! Прочь эти суэтныя грезы! Теперь осталось одно отчаяніе! Вѣрь въ Вельзевула. Не отступай же, о Фаустъ—будь твердъ. Къ чему еще колеблешься? Увы! что-то вопіетъ слуху моему: отвергни эту магію и возвратись къ Богу. Но какъ? Твой богъ, которому ты служишь — это похоть, страсть твоя и она ставитъ Вельзевула выше всего. Этому новому богу я сооружу капище, буду приносить ему кровь новорожденныхъ младенцевъ....»

(Являются два ангела).

Ангель тьмы. — «Бодрствуй Фаустъ, впередъ, овладей всѣми тайнами этого высшаго искусства».

Ангель хранитель. — «О Фаустъ, о добрый Фаустъ! брось это мерзостное искусство».

Фаустъ. — «Сокрушеніе, молитвы, раскаяніе, что въ нихъ?»

Ангель хранитель. — «О! это пути, ведущіе къ небу!»

Ангель тьмы. — «Это призраки.»

*) Къ сожалѣнію, при всемъ богатствѣ бібліотеки Дерптскаго университета, которою мы пользовались, мы не могли найти ни текста Фауста, ни даже перевода его, сдѣланнаго Миллеромъ (1818), а потому должны были довольствоваться отрывками, приведенными Вильменомъ въ статьѣ, помѣщенной въ *Journal des savants* (1856).

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ. — «Мой добрый Фаустъ, помни рай, помни небесныя радости».

АНГЕЛЪ ТЪМЫ. — «Нѣтъ, помни почести, помни сокровища, богатства».

ФАУСТЪ. — «Сокровища! да, графство Амбденъ будетъ моимъ. Дерзнетъ ли кто возстать на меня и Мефистофеля. Фаустъ, не робѣй! Чего тебѣ бояться? Не тревожься пустыми сомнѣніями. Сюда Мефистофель, неси мнѣ радостныя вѣсти о великомъ Люциферѣ. Чу! полночь! Сюда Мефистофель. Veni, veni, Mephistopheles».

Мефистофель входитъ. Фаустъ отворяетъ жпзу лѣвой руки, но кровь не бѣжитъ, пока дьяволъ не поднесъ къ рапѣ жаровню, полную горячихъ углей. Терзаемый то робкими сомнѣніями, то слѣзыми порывами, Фаустъ совершилъ договоръ: онъ предался душой и тѣломъ Люциферу и министру его Мефистофелю и — *«быть его записи предъявленной по взысканію, по истеченіи 24 лѣтъ»*. Подробности и самый судейскій стиль этого договора, должны были производить слѣпный эффектъ въ то время, когда продѣлки такого рода были предметомъ повсемѣстнаго и всеобщаго вѣрованія. Только и здѣсь мрачный гений Англійскаго драматурга примѣшалъ къ тексту легенды нѣсколько чертъ своихъ, исполненныхъ глубокихъ мыслей. Завершивъ и скрѣпивъ договоръ, Мефистофель обращается къ доктору:

«За тѣмъ сказывай, что хочешь знать?»

ФАУСТЪ. — «Сперва объ адѣ? Гдѣ, скажи, то мѣсто, что у людей слыветъ адомъ?»

МЕФИСТОФЕЛЬ. — «Подъ небесами».

ФАУСТЪ. — «Хорошо, все вообще подъ небомъ; въ какомъ именно мѣстѣ?»

МЕФИСТОФЕЛЬ. — «Въ самыхъ нѣдрахъ элементовъ; въ нихъ мы мучимся и пребываемъ на вѣки. Аду нѣтъ предѣловъ; опъ не въ мѣстѣ; адъ тамъ, гдѣ мы; а тамъ гдѣ адъ, и мы должны быть навсегда. Однимъ словомъ, когда рушится весь міръ и всякая тварь просвѣтлѣетъ, тогда станетъ адомъ все, что не небо» *).

*) Within the bowels of these elements

Where we are tortured and remain for ever;

ФАУСТЪ. — «Ужель ты думаешь, что Фаустъ будетъ проклятъ».

МЕФИСТОФЕЛЬ. — «Какъ же иначе; вотъ договоръ, которымъ ты предалъ душу Люциферу».

ФАУСТЪ. — «А съ ней и тѣло. Такъ чтожъ изъ того? Ужель ты думаешь, что Фаустъ до того безуменъ, что станетъ воображать какія нибудь муки, за предѣлами этой жизни?»

МЕФИСТОФЕЛЬ. «Но вѣдь я самъ тебѣ примѣръ противнаго. Я проклятъ, говорю тебѣ, и теперь же, говоря съ тобой, я мучусь въ аду».

ФАУСТЪ. «Ну чтожъ? Пусть это адъ, я готовъ быть проклятъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтожъ тамъ можетъ быть другаго, какъ ѣсть, спать, ходить, спорить? *) Да бросимъ это, веди мнѣ женщищу, прекраснѣйшую изъ всѣхъ дѣвъ Германіи; я весь въ огнѣ».

Надо сказать, что въ этой сценѣ основныя черты въ характерѣ Фауста — пытливая заботливость и суэтность — выставлены съ поразительнымъ искусствомъ. Напримѣръ, какъ хорошо объясняется для внимательнаго зрителя сущность Фаустовыхъ сношеній съ сатаной, этимъ сомнѣніемъ въ существованіи ада, который Фаустъ видитъ (или думаетъ видѣть) у самыхъ ногъ своихъ. Поневолѣ припоминается поэтическая непоследовательность Гамлетова монолога о тайнахъ загробнаго міра, когда Гамлетъ, видѣвшій

Hell hath no limits; nor is circumscrib'd
In one self place; but where we are is hell,
And where hell is, there we must ever be,
And, to be short, when all the world dissolves,
And every creature shall be purified,
All places shall be hell that are not heaven.

Вильгельмъ не находитъ у самого Гёте ничего оригинальнѣе такого ада, чистого интеллектуальнаго, странная сущность котораго самый собесѣдникъ Фауста. Лишь Мильтонъ успѣлъ превзойти Марло въ той же мрачной сферѣ. Смот. описаніе сатаны въ IV пѣснѣ «Потеряннаго рая».

*) Мысль нѣсколько темная, послужившая, можетъ быть, въ свое время въ пользу праговъ Марло; можетъ быть также, что здѣсь какая-нибудь невѣрность въ текстѣ. Впрочемъ пренія и иныя занятія въ аду придаются нашимъ духамъ также Мильтономъ. Опять не замѣствованіе, а встрѣча въ мысляхъ къ чести нашего писателя.

тѣнь отца своего, не смотря на то, не вѣрять въ выходцевъ съ того свѣта. Далѣе идутъ сцены, то напоминающія мистеріи, то посвященныя шуткамъ *Slowly* овъ — предмету настоятельныхъ требованій зрителей. Эти сцены служатъ интермедіями. Но паоось и энергія пробиваются и среди кривляній скомороховъ. На выборъ Фауста предстають семь смертныхъ грѣховъ и каждый выхваляетъ свои силы. (Опять мотивъ, пропущенный Гёте, по которымъ воспользовался Лессингъ въ своемъ Фаустѣ, дошедшемъ до насъ въ отрывкахъ). Вотъ какъ зависть опредѣляетъ сама-себя: «я зависть, дочь трубочиста и торговки, я безграмотна и того ради желаю, чтобы всѣ книги были сожжены. Я худѣю, глядя какъ другіе тучиѣють. О, да придетъ голодъ на весь міръ — чтобы всѣ перемерли и я бы одна осталась въ живыхъ! Посмотрѣлъ бы тогда на мою дородность! Да что ты сидишь, когда я стою? Провались же за это въ тартарары.»

Безпокойная жизнь Фауста народныхъ преданій и самая сущность его чародѣйской дѣятельности, страсть къ вмѣшательству и эффектамъ опять выражаются рядомъ сценъ. Дру Фаусту и его адскому *assossié* мало осушить всѣ наслажденія, мало изучить астрономію. Они идутъ въ Римъ чтобы сбить съ толку папскую коллегію. Въ самый пріѣздъ ихъ, король Венгріи ведетъ въ цѣпяхъ антипапу, поставленнаго императоромъ. Фаустъ и Мефистофель освобождаютъ его. За тѣмъ присутствуютъ невидимо при папской трапезѣ, нарушаютъ чинъ ея своими разговорами, уносятъ блюдо, стаканы, наконецъ дерутся. За этой суматохой слѣдуетъ процессія и заклинанія злыхъ духовъ и бѣспующихся. Слѣдующій актъ застаётъ Фауста при дворѣ императора, гдѣ дивятся славному магу, освободителю антипапы, котораго онъ вывезъ изъ Рима. Фауста просятъ показать образецъ своего искусства; по желанію императора, онъ вызываетъ Александра и Дарія. Александръ поражаетъ и убиваетъ Дарія на сценѣ. Въ пятомъ дѣйствіи Фаустъ и Мефистофель перенесются ко дворцу герцога Ангальтъ (*Anhalt*). Фаустъ подноситъ герцогинѣ среди зимы зрѣлый виноградъ.

А между тѣмъ года идутъ и мы находимъ Фауста снова въ родномъ городѣ, съ своимъ слугой и двумя тремя старыми учениками. Разговоръ идетъ о женской красотѣ; Фаустъ, чтобы еще разъ потѣшиться предъ смертію, которую уже зачужая, вызываетъ Елену. Насмотрѣвшись вдоволь, ученые мужи удаляются, восхищенные этимъ чудомъ природы, благодаря и благословляя Фауста за доставленное имъ высокое наслажденіе. Простившись съ гостями, Фаустъ видитъ входящаго старца; старецъ говоритъ ему: «о славный Фаустъ, брось эту проклятую магію; она закабалитъ твою душу въ адъ и лишитъ тебя спасенія. Ты согрѣшилъ, какъ человѣкъ, не упорствуй же во злѣ, какъ демонъ! Еще теперь въ тебѣ душа, достойная любви, если обычный грѣхъ не сталъ для тебя другой природой. Да не будетъ этого; иначе ужъ поздно каяться; ты будешь лишена созерцанія неба — а кто вымолвитъ адскія мученія? Можетъ быть, мои увѣщанія покажутся тебѣ суровыми и скучными. Но, сынъ мой, я говорю тебѣ безъ гнѣва, безъ зависти, а изъ любви, изъ состраданія къ тебѣ, боясь грозящей тебѣ гибели. Смирись кроткимъ увѣщаніямъ моимъ и спаси свою душу.»

«Фаустъ, гдѣ ты?» восклицаетъ несчастный докторъ. «Несчастный, что сдѣлалъ ты? Адъ требуетъ свое и вопитъ съ ужаснымъ рыканіемъ: сюда Фаустъ, твой часъ пробилъ и Фаустъ идетъ платить ужасный долгъ!»

Между тѣмъ Мефистофель, молча, подноситъ ему кинжалъ, — съ другой стороны старецъ говоритъ: «остановись, мой добрый Фаустъ, остановись на пути къ отчаянію! я вижу, ангелъ носится надъ твоей головой; сосудъ благодати въ рукахъ его и онъ готовъ излить ее въ твою душу. Взывай къ милосердію Божію и бѣги отчаянія!»

Фаустъ. «Мой другъ, твои слова, какъ бы убѣжище бѣдствующей душѣ моей. Позволь мнѣ на минуту передумать о грѣхахъ моихъ.»

Старецъ. «Фаустъ, я оставляю тебя на время, но съ грустью въ сердцѣ—боюсь врага твоей беззащитной души.»

Фаустъ. «Злосчастный Фаустъ, что сдѣлалъ ты? Я каюсь и все таки впадаю въ отчаяніе. Адъ и благодать борются о душѣ моей. Что дѣлать мнѣ, чтобъ избѣжать сѣтей смерти?»

Мефистофель начинаетъ теперь громко требовать свое и старается уничтожить эти запоздалыя поползновенія къ раскаянію грѣшной души. Мефистофель снова овладѣваетъ Фаустомъ. Фаустъ падаетъ снова и вскорѣ нагло проситъ мучить даже того старца, совѣты котораго едва не обратили его на путь къ истинѣ и едва не заставили его измѣнить Люциферу.

Мефистофель. «Вѣра этого старца тверда, я не могу искутить его душу. Могу и готовъ глумиться надъ его тѣломъ, да что въ томъ, это вещь маловажная!»

Фаустъ до того развратился, что уже не понимаетъ этого высокаго наставленія, услышаннаго отъ самого сатаны. Последнее желаніе Фауста, послѣдняя его мечта — Елена, забыть въ ея объятіяхъ все мысли, все, что отклоняетъ его отъ объята, даннаго сатанѣ. Становится страшно отъ этого неистоваго вопля плоти, отъ такого глубокаго униженія души. За этой стеной болѣзненнаго бреда, въ которомъ Фаустъ тщетно ищетъ самозабвенія, когда уже демоны порываются за добычей своею, входятъ три ученыхъ, между ними его прежній задумчивый товарищъ. Они умоляютъ Фауста взывать къ милосердію Божію.

Фаустъ. «Взывать къ Богу? Но я отрекся отъ Него! Вопить къ Богу, но я хулилъ Его святое имя! О Боже мой, слезы просятся на глаза, но демонъ внутри меня нѣтъ слезы покаянія. Ахъ, зачѣмъ на мѣсто ихъ не брызнетъ кровь моя, а съ ней и душа и жизнь моя! Демонъ обуздываетъ языкъ мой! Я сплось поднять руки къ небу! Но смотри! Они схватились за нихъ, они ихъ держатъ!»

Всѣ. «Кто же ихъ держитъ, Фаустъ?»

Фаустъ. «Люциферъ и Мефистофель. Да, господа, я душу отдалъ имъ за знаніе!»

Друзья умоляютъ Фауста спастись чрезъ покаяніе и оставляютъ его по просьбѣ самого Фауста, чтобы въ

сосѣднемъ покоѣ молиться о немъ. Является Мефистофель и объявляетъ Фаусту грозящую ему гибель.

Фаустъ. «Что жъ Фаустъ, для тебя ужъ нѣтъ надежды въ небесахъ! Предайся же душа моя отчаянью и погрузись мыслями въ адъ. Отнынѣ адъ на вѣки — твое мѣсто!»

Еще разъ являются Фаусту ангель свѣта и ангель тьмы. Они входятъ изъ двухъ противоположныхъ дверей. Одинъ ободряетъ его воспоминаніями, даетъ ему слышать музыку небесъ, другой указываетъ зіяющій адъ, толкуетъ ему ожидающія его муки и исчезаетъ до слѣдующаго часа. Бьетъ 11 часовъ. Несчастному остается часъ ожиданій — предвкушеніе ада. Фаустъ остается на сценѣ, — Марло разблачаетъ его мрачныя думы, въ монологѣ, исполненномъ тревожнаго лиризма.

«Увы Фаустъ! Тебѣ осталось жизни на одинъ жалкій часъ, а за тѣмъ — вѣчное проклятіе! Остановитесь сферы небесныя, чтобъ время изсякло и полночь никогда бы не наступила! Блестящее око природы — солнце взойди снова и сдѣлай день непрестаннымъ; сдѣлай, по крайней мѣрѣ, чтобъ этотъ часъ продлился на годъ, на мѣсяць, на недѣлю, на одинъ обыкновенный день, чтобъ Фаустъ могъ-бы еще покаяться и спасти душу!

O, lente, lente currite noctis equi!

«Звѣзды идутъ своимъ путемъ; время спѣшитъ; вотъ пробьетъ роковой часъ; вотъ явится демонъ и Фаустъ погибъ! О, я спасусь на небо! Чья рука низринетъ меня на землю? Смотри, вонъ на сводѣ небесъ сіяетъ кровь Христа; одна капля этой драгоценной крови спасетъ меня! Спаситель мой!... не терзай моего сердца за то, что я называлъ его Спасителемъ; я еще разъ взову къ нему. О, пощади меня, Люциферъ! Гдѣ онъ? Ужель исчезъ?... Вотъ его грозная рука, вотъ его темный ликъ! Горы и холмы приступите, обруштесь на меня и скройте чело мое отъ разъяреннаго неба!... Ничто не тронулось!... Я свнухусь, я зароюсь въ нѣдра земли! Земля разступнись подо мною! Нѣтъ, о нѣтъ, она не хочетъ принять меня! Вы, звѣзды, озарившія мое рожденіе, выдѣлившія на долю

мою смерть и адскія мученія, пусть къ вамъ поднимется Фаустъ, какъ легкій паръ, сконившійся въ облакахъ, что виситъ на небосклону и пусть, когда вы изрыгнете меня на воздухъ, мои члены надутъ растерзанные изъ вашей дымящейся пасти, только дайте душѣ моей идти далѣе и достигъ небесъ!»

(часы бьютъ половину)

«О, половина часа уже прошла, минеть вскорѣ и весь часъ! О, если суждено Фаусту мучиться за грѣхи его, то положите какойнибудь предѣлъ моимъ терзаніямъ. Хотя тысячу лѣтъ, но чтобъ онъ былъ спасенъ! Но душамъ приговореннымъ нѣтъ сроку! Зачѣмъ я не существо, созданное безъ души? Или зачѣмъ эта душа моя безсмертна? О, Пи-вагоръ! еслибъ метампсихоза была правда, эта душа покинула бы меня, я бы превратился въ неразумную тварь. Какъ счастливы ихъ души! едва падеть тварь безсловесная, какъ душа ея разрывается и теряется въ стихіяхъ — а моя душа приговорена жить и мучиться въ аду.

(Бьетъ полночь).

«Вотъ часъ, вотъ роковой часъ! Разсыпсья тѣло мое или демонъ низринетъ тебя на дно ада! Душа моя, превратись въ невидимую каплю воды, пади въ океанъ, чтобы никто никогда не могъ тебя отыскать.»

(Раскатъ грома, являются бѣсы).

«Сжалеть! О небо, не будь такъ грозно! Змѣи, гады, дайте мнѣ еще разъ свободно вздохнуть. Зіяй ужасный адъ! Повремени, о Люциферъ, я сожгу мои книги, о Мефистофель!»

Марло не хочетъ оставить зрителей подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ такой сцены. Остается еще эпитогъ, какъ бы нравственный выводъ изъ всей драмы.

Три ученые друга Фауста приходятъ на другой день. «Пойдемъ, господа», говоритъ одинъ изъ нихъ, «навѣстимъ Фауста. Такой ужасной ночи не было, я полагаю, отъ сложенія міра; никогда не слыхано было такихъ ужасныхъ воплей и стонъвъ. Будемъ молить Небо, чтобы нашъ докторъ успѣлъ спастись отъ гибели.»

Другой ученый. — «О, съ нами крестная сила! Смотрите! Вотъ остатки, вотъ члены тѣла Фаустова, истерзаные рукою смерти!»

Третій ученый. — «Это бѣсы его растерзали, демоны, которымъ онъ служилъ! Мнѣ слышался его голось, около полуночи. Мнѣ чудилось, я слышалъ стоны его и вопль на помощь, а домъ стоялъ будто весь въ огнѣ отъ присутствія проклятыхъ бѣсовъ.»

Второй ученый. — «Ну, господа, хоть кончина Фауста такова, что ни одинъ христіанинъ не можетъ подумать о ней безъ ужаса, однако, припомнимъ, что Фаустъ еще недавно былъ славой нашихъ германскихъ университетовъ. Почтимъ его истерзанный прахъ приличнымъ погребеніемъ. Студенты въ траурѣ будутъ слѣдовать за печальной процессіей.»

Мысли, высказанныя учеными, повторяются хоромъ, который пѣлъ уже въ началѣ перваго и втораго акта. Текстъ Фауста заключается стихомъ средневѣковой простоты:

«Terminat hora diem, terminat auctor opus.»

«Фаустъ» Марло не послѣдняя въ числѣ драмъ на эту тему. Не смотря на опасное соперничество Гёте, Фаустъ Марло, этотъ Фаустъ первобытныхъ сказаній, на которомъ почіуютъ думы великой эпохи, какъ бы пережитой геніемъ мрачнымъ и дикимъ, но сильнымъ, заслуживаетъ, кажется, внимательнаго изученія. Въ отношеніи виѣшней формы, «Фаустъ» Марло видимо стремится къ той полнотѣ и разнообразію декціи, которою такъ блещутъ драмы Шекспира. Въ «Фаустѣ» Марло стихи смѣняются прозой не случайно, а по требованіямъ лицъ и драматическихъ положеній. При всей отдаленности отъ идеала, мы уже стоимъ на Шекспировской почвѣ. Но гдѣ Марло дѣйствительно высокъ, гдѣ онъ предвѣщаетъ Шекспира и мало чѣмъ не достигаетъ совершенства его манеры — это въ области чудеснаго, во внутреннемъ устройствѣ и проявленіяхъ міра духовъ. Ихъ неслыханное появленіе, ихъ шопоть, то сладкій, какъ небесная музыка, то лукавый и злобный — все это дѣйствуетъ на читателя, какъ фантастическія легенды старыхъ временъ, читаемыя въ одинокій, долгій, зимній вечеръ. Кажется, видишь свѣтлыхъ ге-

ниевъ, съ крыльевъ которыхъ вѣтъ на душу сладкая прохлада. Чудится, будто выростають изъ земли призраки бѣсовъ, мрачные, но не лишеныя какой-то отверженной красоты. И духи свѣта и духи тьмы являются только лишь духовидцу Фаусту и зрителю. Мефистофиль открываетъ одному лишь Фаусту свое адское существо и то тогда только, какъ Фаустъ погружается въ свои мрачныя думы. Читатель уже угадалъ ихъ ужасную тайну, — онъ чувствуетъ, что Фаусту стоитъ ободриться, рѣшительно захотѣть, призвать имя Христа, и онъ высвободится на свѣтъ Божій. Хотѣлось бы удержатъ при Фаустѣ благочестиваго старца, добрыхъ друзей его; но самъ Фаустъ прешуждаетъ ихъ удалиться. Онъ не можетъ отказаться отъ мрачнаго міра, міра его одинокой кельи, созданнаго его заблудшимъ умомъ, его развращеннымъ сердцемъ — и самый адъ, при мысли о которомъ и Фаустъ и зрители цѣнепѣють отъ ужаса, Фаустъ питаетъ къ нему какую-то тревожную, непасытимуя пытливость, думаетъ о немъ, призываетъ его съ такимъ же страшнымъ нетерпѣніемъ, какъ у Данте души проклятыхъ, не знающія покоя, пока не достигнутъ мѣста своей вѣчной казни:

E pronti son al trapassar del rio
 Che la divina giustizia gli sprona
 Si che la tema si volge in disio.

(Inferno cant. III).

Шекспиръ не чуждался событій, близкихъ по времени, для своихъ темъ; но переносилъ ихъ на сцену уже переработанными своимъ гениемъ, отдѣлившимися, какъ спѣлый плодъ отъ вѣтки, въ полнотѣ соковъ и цвѣта. Нигдѣ нельзя найти у него сочувствія къ симпатіямъ и антипатіямъ своего времени, безусловнаго присвоенія господствующимъ мнѣніямъ и даже вѣрованій. Эти вѣрованія и мнѣнія служили Шекспиру такимъ же матеріаломъ, какъ и языкъ; ихъ почти такъ же трудно выдѣлить изъ драмы, въ которую они внесены, какъ отдѣлить изъ нея самое изложеніе. Извѣстно, какого труда стоитъ найти въ пьесахъ Шекспира какоенибудь указаніе на современный случай, на судьбы друзей его, его самого; трудно даже, можетъ быть, и вовсе невозможно, рѣшить окончательно, былъ ли Шекспиръ католикъ или про-

тѣстантъ, къ которому изъ двухъ исповѣданій лежало его сердце, въ то самое время, когда они боролись на жизнь и смерть въ самой Англии. У Марло, на оборотъ, нѣтъ этого идеальнаго спокойствія. Онъ не можетъ изъ себя самого брать духъ своихъ собственныхъ созданій. Онъ не только не можетъ стать выше мнѣній, ненавистей, пристрастій толпы, но, можно сказать, что не будь ихъ, онъ не нашелъ бы ни стремительной силы, ни направленія для своей дѣятельности. При всей энергій и самобытности его гения, таланту Марло нужны указанія извнѣ, пужны законы, уже установленные. Въ «Фаустѣ» онъ забываетъ вѣншій міръ въ созерцаніи собственныхъ думъ; въ «Эдуардѣ II» талантъ его охлаждается и протрезвляется настоятельными требованіями исторической темы — и въ той и въ другой пьесѣ онъ, можетъ быть, нехотя или безсознательно, но ускользнулъ-таки отъ непосредственнаго наптія страстей и интересовъ своей публики. «Фаустъ» и «Эдуардъ II» безспорно лучшія пьесы его репертуара, но все же онѣ обязаны успѣхомъ своимъ вѣншнимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ. Тамъ же, гдѣ Марло не находилъ этихъ благодѣтельныхъ условій — гений его просто безчинствуетъ, будто на потѣху грубой толпѣ, въ угожденіе которой онъ громоздилъ ужасы на ужасы, приправляя ихъ ненетовыми выходками противъ предметовъ слѣпной ненависти толпы. Самая эта ненависть, всѣ симпатіи и антипатіи народа, все, что его занимало въ то время, всѣ его вѣрованія и суевѣрія — все это Марло переносилъ цѣлкомъ на сцену съ непосредственностію, для насъ почти непонятною, но бывшею ручательствомъ громкаго успѣха предъ его публикой. Эта отрицательная сторона таланта Марло породила двѣ пьесы, къ краткому указанію на которыя перейдемъ мы теперь.

Марло какъ бы весь пропитанъ двумя самыми живучими ненавистями своей публики — ненависть къ римскому католичеству и ненависть къ Испаніи и разразился двумя драмами: «Парижскія убійства» и «Торжество похоти». «Парижскія убійства» (*) игрался въ 1592 г. Въ этой драмѣ выставлены

*) *Massacre of Paris with the death of the Duke of Guise. A Tragedy played by the right honorable the Lord Admiral's servants.* 8°. N. D.

на позоръ всѣ ужасы Варроломеевской ночи, преступления Гизовъ, неистовства парижской черни, спустя какихъ нибудь двадцать лѣтъ по совершеніи ихъ. Можно положить, вмѣстѣ съ Вильменомъ, что именно близость событія и живая память о немъ — главная причина успѣха этой драмы 4). Въ этого животрепещущаго интереса, въ драмѣ Марло врядъ ли найдется какое нибудь достоинство. Отъ избытка какой-то лихорадочной дѣятельности, отъ множества эпизодовъ и приключеній (разумѣется, все на тотъ же кровавый покрой) видимо страдаетъ ходъ самаго главнаго дѣйствія. Сцены слѣдуютъ одна за другой, но не вяжутся; въ расположеніи ихъ не усмотришь руководящаго принципа, онѣ не группируются около самой Варроломеевской ночи, долженствовавшей по заглавію быть центромъ всего. Только и видишь убійство за убійствомъ, среди ужасовъ, представленныхъ въ возмутительной наготѣ; рѣдко найдешь сильную рѣчь, рѣдко раздается потрясающее слово. Эта драма, въ трехъ дѣйствіяхъ, начинается бракомъ принца Беарнскаго (впослѣдствіи Генриха IV) съ Маргаритой Валуа, проходитъ чрезъ ужасы Варроломеевской ночи и кончается убіеніемъ Генриха III, умирающаго на сценѣ, въ присутствіи короля Наварскаго, котораго онъ назначаетъ своимъ наслѣдникомъ. Какъ въ этой драмѣ соблюдена историческая вѣрность характеровъ и фактовъ, можно судить по одной сценѣ, смерти Рамуса. Марло заставляетъ Гиза приказать убить несчастнаго ученаго на своихъ глазахъ; но сперва герцогъ пускается съ нимъ въ разсужденіе объ органонѣ Аристотеля, а затѣмъ, наскучивъ преніемъ, велитъ своимъ клевретамъ рѣзать своего опонента. Вообще это твореніе дѣлаетъ впечатлѣніе драматическаго эскиза, поспѣшно набросанныхъ сценъ. Преступленія громоздятся одно на другомъ до того, что теряется настоящій трагическій паосъ, — тотъ же недостатокъ, который встрѣчаемъ и въ Марловомъ «Мальтійскомъ Жидѣ». Впрочемъ, «Варроломеевская ночь» явилась снова на сценѣ въ XVIII столѣтіи, передѣланная Натаніелемъ Ли (Lee), авторомъ «Брута», послужившаго образцомъ Вольтеру для его трагедіи того же содержанія.

Подобное же сужденіе можно произнести надъ другой

драмой Марло: «Торжество похоти *). Здѣсь опять громада ужасовъ и неистовствъ, вымысловъ, которые даже трудно отнести къ какой либо опредѣленной эпохѣ. Все въ ней вращается около ненавистнаго англичанамъ того времени Филиппа II, короля Испаніи, его жены и сына. Марло какъ бы самъ высказалъ идею этой драмы въ тирадѣ, которую влагаетъ въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ, Мавританскаго принца Эласзора:

«Трагедія, возлюбленная дочь ночи, я воспою тебѣ на арфѣ изъ костей мертвыхъ Испанцевъ! Найдется ли лучшая во всей вселенной? А ты, распалась багровымъ весельемъ, купайся, какъ я черная, въ струяхъ еще дымящейся крови» **).

Теперь перейдемъ къ той изъ драмъ Марло, которая, можетъ быть, долше всѣхъ оставалась на театрѣ и болѣе всѣхъ прославила автора предъ тогдашней публикой. «Мальтійскій Жидъ» Марло ***) производилъ въ свое время громадный эффектъ. Роль жиды Варавы была одною изъ главнѣйшихъ ролей Эдуарда Алейна (Aleyn), перваго актера того времени, Протея по мимикѣ и Росція по декламации, какъ говорили тогда. Превосходная игра его, безъ сомнѣнія, много содѣйствовала успѣху пьесы. Самый костюмъ жиды перешелъ въ преданіе. Гэвудъ (Haywood) въ прологѣ къ первому представленію этой драмы, по возобновленіи, называетъ ее лучшимъ созданиемъ перваго изъ поэтовъ, любимую ролью

*) Lust's dominion, or the lascivious queen, a Tragedy. 12. 1661.

***) Tragedy, thou minion of the night,
 to thee I'll sing
 Upon an harp made of dead Spanisch bones,
 The proudest instrument the world affords;
 «Whilst» thou in crimson jollity shall bathe
 Thy limbs, as blacks as mine, in springs of blood
 Still gushing.

***) The famous Tragedy of the Rich Iew of Malta. As it was play'd before the King and Queen, in his Majesties Theatre, at White Hall, by her Majesties Servants at the Cock Pit.

Written by Christopher Marlow.
 London by J. B. for Nicholas Vavasur. 1638.

лучшаго актера своего времени *). Прологъ этотъ произнесенъ при дворѣ, гдѣ давалось первое представленіе этой драмы въ 1633 г. Такой отзывъ, явившійся нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Шекспирова «Шилока», свидѣтельствуетъ о вкусѣ того времени и о забвеніи, въ которое началъ быстро впадать Шекспиръ. Впрочемъ, между этими драмами обоихъ писателей, съ перваго взгляда, едва ли не одно только общее — это народность главнаго лица. Въ драмѣ Марло нѣтъ того искуснаго сліянія и противопоставленія двухъ дѣйствій, пополняющихъ и сдерживающихъ другъ друга. Впрочемъ, это планъ — одна изъ завѣтныхъ тайнъ искусства великаго драматурга; тайна, понятая и оцѣненная только въ новѣйшее время. Этотъ артистическій приѣмъ проглядываетъ, конечно, въ нѣкоторыхъ попыткахъ предшественниковъ Шекспира; такъ, напримѣръ, въ сказаніи о Бэконѣ (Friar Bacon and friar Bengay) Грина, въ Rowley'вомъ «Рожденіи Мерлина» (Birth of Merlin) и особенно въ такъ называемыхъ апокрифическихъ драмахъ (какъ, напримѣръ, FEVERSHAM DES ARDENS и пр.), приписываемыхъ, впрочемъ, самому Шекспиру. Но у Марло мало этого замѣтно. Жидъ Марло — существо ужасное до отвращенія, существо, которое могла создать слѣпая, средневѣковая, въ то время еще совершенно народная ненависть. Здѣсь опять Марло сдѣлался почти пассивнымъ отголоскомъ этой ненависти, и опять, во вредъ своему таланту, хотя тѣмъ самымъ снискалъ огромный успѣхъ. Впрочемъ, въ своихъ глазахъ Варава находитъ достаточное побужденіе предаваться самымъ ужаснымъ преступленіямъ. Вопіющею несправедливостію коменданта Мальты, лишавшею его всего имущества, съ явнымъ презрѣніемъ даже высшихъ формъ правосудія, начинается страшная повѣсть злодѣйствъ Варавы. И не одна жажда мщенія побуждаетъ его. При вѣсти о благополучномъ прибытіи всѣхъ своихъ судовъ и ихъ богатыхъ грузовъ, высказывается энергичски душа банкрота-еврея, постигшаго всю силу своихъ сокровищъ :

*) We know not how our play may pass this Stage
But by the best of poets in that age,
The Malta Jew had being, and was made;
And he, then by the best of actors play'd.

«Вотъ благословеніе Израиля», восклицаетъ онъ. Чего еще можетъ просить у неба человѣкъ, когда оно такъ щедро шлетъ ему изобиліе, вскрываетъ для него самыя нѣдра земли, даетъ море ему въ услуженіе и велитъ гнать вѣтрамъ его богатства попутнымъ дыханіемъ. Развѣ ненавидитъ кто меня иначе, какъ не за мое счастье? Да кого же уважаютъ въ наше время, не за богатства? Пусть я жидъ, пусть меня ненавидятъ! Мнѣ лучше быть ненавидиму, чѣмъ быть жалкимъ въ христіанской нищетѣ!»

Варава не чуждъ, впрочемъ, и нѣкотораго религіознаго энтузіазма, выражающагося, напримѣръ, въ этомъ восклицаніи:

«О ты, что нѣкогда велъ въ огненномъ столпѣ сыновъ Израиля пустыннымъ мракомъ!» и проч.

Сообщая подобныя черты, нельзя, кажется, безусловно раздѣлять мнѣніе Вильмена, видящаго въ Варавѣ какой-то выродокъ фантазіи, злодѣя, отваживающагося на всевозможныя преступленія безъ всякаго повода, изъ одной любви ко злу. Мы не можемъ также согласиться съ мнѣніемъ блестящаго критика, видящаго нелѣпость въ идеи Марло — помѣстить этого ужаснаго еврея въ Мальтѣ, лицомъ къ лицу съ рыцарями, владѣтелями этого острова и снабдить его средствами предать и островъ и рыцарей Туркамъ. Проживаніе жидовъ въ мѣстахъ, исключительно посвященныхъ религіи или оборонѣ ея, нисколько не противорѣчитъ исторіи, а въ нашей драмѣ составляетъ истинно драматическій контрастъ. Есть несомнѣнный драматизмъ въ этой борьбѣ вѣры, энтузіазма, идей съ грубыми матеріальными силами; побѣда достается Туркамъ, но побѣда, добытая измѣною, добытая хитростію, этой отрицательной стороной ума, и потому только, что сами христіане вызвали противъ себя эту опасную хитрость, погрѣшеніемъ противъ тѣхъ правилъ, защитниками которыхъ они сами себя выставляли. Они презрѣли ихъ, потому что имѣли дѣло съ жидомъ — но фанатизмъ ихъ или, вѣрнѣе, спѣсь нашла кару въ самомъ презрѣнномъ жидѣ. При всемъ огромномъ разстояніи Марло отъ Шекспира, жидъ того и другаго принадлежитъ дѣйствительно одному и тому же народу.

Шилокъ стоитъ, конечно, несравненно выше Варавы. Алчность къ деньгамъ не такъ исключительно владѣеть имъ, какъ Варавой; Шилокъ мститъ не за матеріальный вредъ, — онъ хочетъ вымѣстить на христіанахъ презрѣніе ихъ къ евреямъ и орудіе этой мести умѣетъ найти въ области законовъ, признаваемыхъ тѣми же христіанами. Какъ ни ужасенъ Шилокъ, можно, даже должно думать, что онъ не посягнулъ бы на другое средство утолить свою злобу. Да и какое иное средство подходило бы болѣе къ характеру его глубокой, можно сказать, бозкорыстной ненависти. Это нетерпѣливо ожидаемое, глубоко обдуманное, и между тѣмъ, открытое, такъ сказать, законное, *единственное* орудіе возносятся и Шилока и весь ходъ пьесы на неизмѣримую высоту надъ твореніемъ Марло. Средства, избранныя Варавой, губятъ его, а для насъ и всю драму. У Шекспира же все держится тяжбой между Шилокомъ и Антоніо, эта тяжба пріобрѣтаетъ огромное значеніе борьбы принциповъ, вѣчной борьбы буквы закона съ его гуманнѣмъ толкованіемъ. Марло, ступивши разъ на стезю темныхъ продѣлокъ, влечитъ своего героя отъ одного злодѣйства къ другому, между тѣмъ какъ прикискваніе средствъ укрыться отъ преслѣдованій, вносить съ собой удушливую атмосферу мошенничества. Не знаешь, не предугадываешь, гдѣ остановится ужасная машина, пущенная въ ходъ неосторожнымъ авторомъ. Можно выпустить половину продѣлокъ несчастнаго жида, или добавить ихъ новыми — и цѣлость драмы отъ того ничего не выиграетъ и не проиграетъ. Марло (и это дѣлаетъ честь его драматическимъ соображеніямъ) пресѣкаетъ мошенническую нить, именно тамъ, гдѣ Варавва, достигнувъ баснословнаго успѣха, надутый гордостію, забываетъ самую движущую силу своей души, измѣняетъ мщенію ради другой своей страсти, корыстолюбія. (Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ самъ Варавва, а можетъ быть, ослѣпленный Немезидой, глумится, какъ надъ врагами своими христіанами, теперь поверженными къ ногамъ его, такъ и надъ Турками, такъ щедро наградившими его за измѣну, такъ добродушно довѣрившимися его честности). Наконецъ Марло не избѣжалъ и другой опасности во вѣдшемъ ходѣ драмѣ. Его драма

книжать невѣроятностями и несообразностями. Конечно, упреки въ невѣроятности бываютъ часто неумѣстны, особенно въ сферѣ идеальныхъ созданий. Въ этихъ созданіяхъ по преимуществу;

«Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable».

Да и самый идеалъ—величайшая невѣроятность для прозаическихъ натуръ, а онѣ-то по большей части и сторожатъ ее глазами аргуса. Но тамъ, гдѣ какъ въ Марловомъ жидѣ, дѣло подпадаетъ вѣдомству полиціи, читатель или зритель выравѣ требовать, чтобы, по крайней мѣрѣ, умѣли сводить концы, чтобы не заставляли его отказываться отъ свидѣтельства собственныхъ глазъ для того только, чтобы удалось то или другое мошенничество, чтобы такой-то или такой-то могъ спастись отъ висѣлицы, а именно этого-то самоотверженія Марло не разъ требуетъ отъ читателя. Такъ напримѣръ, по приглашенію Варавы, навѣщаетъ его испанскій монахъ и видитъ при входѣ, у стѣны одного изъ своихъ братій, къ которому ревнуетъ того самого жиды (они оба думаютъ обратить его для вящей пользы своихъ монастырей); вошедшій монахъ видя нежданнаго соперника, бьетъ его палкой; тотъ падаетъ. Зачинщикъ ссоры считаетъ себя убійцей, нисколько не замѣчая, что ударилъ трупъ, приставленный къ стѣнѣ.

Далѣе самъ Варава такъ искусно прикидывается мертвымъ, что вся Мальта принимаетъ его за мертвеца. Самая послѣдняя катастрофа приготовлена съ такими натяжками, средствами, столь невѣроятными, что убѣдиться въ дѣйствительности ихъ можно только слѣпой вѣрой въ слова автора; и при всемъ томъ, кажется, будто смотришь на кукольную комедію. Можетъ быть, многія изъ этихъ несообразностей мало стѣснили тогдашнюю публику. Въ театрѣ безъ кулисъ и безъ декораций, публика сама собой приучалась смотрѣть глазами автора, тамъ, гдѣ, по словамъ Сира Филиппа Сиднэ: «Вотъ выйдутъ три дамы срывать цвѣты и надо принимать сцену за садъ. Погода немного мы услышимъ про кораблекрушеніе на томъ самомъ мѣстѣ; если мы не сочтемъ его за утесъ, кого же винить, какъ не насъ самихъ? На гребень утеса взбирается страшное чу-

довище, изрыгающее дымъ и пламя; напуганные зрители обязаны считать себя перенесенными въ пещеру; но вотъ вбѣгаютъ двѣ арміи, вооруженныя четырьмя шпагами и столькими же щитами; чье же каменное сердце не сочтетъ всего этого за поле брани?» Быть можетъ, публика и не замѣчала, что многое въ разбираемой нами драмѣ шито на живую нитку, а можетъ быть простила многое Марло, умѣвшему такъ приковать ея вниманіе, такъ угодить ея юмору. И этотъ злой юморъ тѣшится не надъ однимъ жидомъ. Въ разбираемой нами драмѣ, Марло задѣлъ еще другую струну народнаго юмора: ненависть къ римскому духовенству. Такъ мы видимъ, что монаха, о которомъ мы говорили, невиннаго убійцу уже убитаго собрата своего, ведутъ при насмѣшкахъ жида и турка на висѣлицу. Въ другой сценѣ, монахи завидуютъ одинъ другому, и перебраниваются. Абиганль, дочь Варавы, отравленная имъ, чувствуя приближеніе смерти, призываетъ духовника и въ надеждѣ на нерушимость исповѣди, повѣряетъ ему то, что знаетъ изъ злодѣйствъ отца. Между ними происходитъ слѣдующій разговоръ:

Абиганль» Вотъ все, что я знаю, прошу тебя, храни свято слова мои. Смерть приступаетъ къ сердцу; обрати отца моего, чтобы онъ могъ спастись и будь свидѣтелемъ того, что я умираю христіанкой».

Духовникъ. — «Да, но мнѣ надо спѣшить къ жиду, грозить ему, задать ему страху».

Характеристики у Марло вообще мало, но здѣсь ее менѣе, чѣмъ въ какой либо другой его драмѣ. Все подчиняется жиду, не только главному, но можно сказать, единственному дѣйствующему лицу этой драмы. Но личность Варавы все таки не рельефна. Въ самомъ началѣ драмы есть нѣсколько чертъ для характеристики этой личности, — мы указывали на нихъ, — но Марло презрѣлъ ими и предался для фабрикаціи своего жида той методѣ, которую мы уже открыли въ «Тамерланѣ». Варавя дѣлается какой-то компиляціей всѣхъ мерзостей, всѣхъ ужасовъ, которыми слѣпая средневѣковая ненависть украсила типъ жида, всѣхъ глумленій народнаго юмора надъ этимъ несчастнымъ существомъ. Варавя—это жидъ, боготворящій деньги, жадный къ крови христіанской, нещадя-

щій ни младенца, ни женщины, ни старика, жидъ, питающійся «маринованными стрекозами и мучоморами под соусомъ» (pickled grasshoppers and sauced mushrooms); «не мнѣвшій бѣля со дня своего обрѣзанья, покрытый шляпою, забытой Иудою у корня осины, на которой тотъ повѣсился.» Въ такой пространной рамѣ, вмѣщающей все и вся, естественно должны были пропасть немногія индивидуальныя черты, разсѣянныя тамъ и сямъ въ драмѣ — онѣ только умножаютъ хаосъ общей картины. Марло расторгъ единственную нить, связывающую съ человѣчествомъ этого нравственнаго урода — любовь къ дочери. Мало этого, Марло отнимаетъ у него и самое животное чувство самосохраненія: Варава, которому осторожность и скрытность должны быть нужнѣе воздуха, этотъ самый Варава, угадавъ чутъемъ злодѣя, мошенническія наклонности турецкаго раба, предается ему съ довѣрчивостію ребенка, съ нѣжностію отца, безъ всякой argüe pensée о возможности измѣны, предательства.

«Мальтійскаго жидка» невозможно поставить ни на одну европейскую сцену, — даже читать его — трудъ утомительный и неблагодарный. При всемъ томъ, въ этой драмѣ встрѣчаются сильныя мѣста. Истинно трагическая вена Марло взяла свое и гений его проливаетъ какое-то зловѣщее вліяніе на эту мрачную массу злодѣйствъ. Придерживаясь незапамятному обычаю, Марло предпосылаетъ драмѣ прологъ. Этотъ прологъ говорится Маккиавелемъ и рѣчь его выдержана въ духѣ Маккиавеля, какимъ его представляетъ себѣ толпа. Въ этой рѣчи, не заслуживающей впрочемъ особеннаго вниманія, находится указаніе на время появленія жидка на сценѣ. Маккиавель увѣряетъ публику, что душа его очулась въ Гизѣ, а теперь по смерти Гиза, снова свободная, хочетъ полюбоваться Англійей. Гизъ убитъ въ 1588 г., слѣдовательно пьеса давалась или въ тотъ же 1588 г. или много, много въ началѣ 1589 г., во всякомъ случаѣ, въ то же безпокойное время, въ которое явился «Тамерланъ» и возродилась Англійская драма. При поднятіи занавѣса, на сценѣ — Варава (или выражаясь техническими терминами того времени: *входитъ* Варава) въ своей конторѣ, съ грудями золота. Приносятъ добрыя вѣсти о его корабляхъ, благополу-

что прибывшихъ въ гавань съ богатыми грузами. Секрета стоишь многихъ земель, громадныя предпріятія жиды и его глубокіе расчеты — все это выставлено съ большимъ искусствомъ и освящено яркимъ и поэтическимъ свѣтомъ. Тутъ вырывается у Варава тотъ вопль благодарности, который мы помѣстили выше. Но золото никогда не блестеть такъ ярко, какъ въ черный день, и аячность Варава какъ бы напрашивается на бѣду. Тутъ же являются къ нему три его единоплеменника за совѣтомъ, что дѣлать? Турки требуютъ съ рыцарей дань за десять лѣтъ. Комендантъ созываетъ жидовъ и читаетъ имъ рѣшеніе совѣта. Призывая настоящую бѣду отъ Турокъ, заслуженной карой за то, что рыцари такъ долго щадили ненавистную жизнь Евреевъ, проклятыхъ небомъ, комендантъ и совѣтъ его положили (а всѣ рыцари приговорили):

1. Требуемую дань вѣзять съ Евреевъ такъ, чтобы каждый внесъ половину своего имущества.
2. Кто откажется платить, долженъ тутъ же креститься.
3. А кто откажется креститься, лишается всего имущества.

Варава, при всей своей мудрости, (онъ еще въ предъидущей сценѣ похваляя его предъ своими) теряетъ совершенно голову. Онъ не хочетъ жертвовать половины своего имущества и отказывается отъ крещенія. Рыцари торжествуютъ; Варава подпадаетъ всей строгости третьяго пункта, лишается всего имущества. Сцена эта, въ которой живо проглядываетъ источникъ драмы—народная баллада, не лишена нѣкотораго юмора, юмора того класса народа, который можетъ потѣшаться изображеніемъ висѣльника. При всемъ томъ, сцена эта, обуславливающая впрочемъ весь ходъ драмы, выдержана какъ-то грубо, неуклюже; кажется, будто смотришь на кривлянія маріонетокъ, и трудно убѣдиться, что происходящее на сценѣ дѣлается не въ шутку. Однако приговоръ рыцарей приводится въ исполненіе и Варава лишается всего. Входитъ дочь его Абигаиль. Ее выгнали изъ ея свѣтлицы, ихъ домъ обращенъ въ дѣвичій монастырь. Абигаиль плачетъ не о себѣ, а о престарѣломъ отцѣ. Варава цѣпенѣетъ отъ ужаса: въ этомъ самомъ до-

нѣ скрыты сокровища, далеко превышающія его видимыя богатства. Но самая крайность бѣдствія и мысль о золотѣ пробуждаютъ въ немъ энергію, и онъ намѣренъ не такъ легко разлучиться съ своими богатствами.

«Золото, мое золото и всѣ богатства исчезли!» восклицаетъ онъ. «Несправедливыя небеса, чѣмъ я заслужилъ эту бѣду? Неужели счастливая звѣзда моя померкла, для того, чтобы я, разорившись, впалъ въ отчаяніе?»

«Неужели, зная, какъ я непривыкъ къ лишениямъ, ты думаешь, роковая звѣзда, что я до того обезумѣю, что повѣшусь съ горя, промчусь вихремъ по землѣ, развѣюсь по воздуху, не оставивъ слѣда? Нѣтъ, я буду жить! Жизнь мнѣ еще не опротивѣла. Если ты пустила меня по морю съ тѣмъ, чтобы я тонулъ или плавалъ, какъ умѣю, я встрепенусь, я пробужу всѣ мои чувства!»

Планъ дѣйствій скоро придуманъ жидомъ. Абигаиль хочетъ бѣжать въ сенатъ, умолять жестокихъ рыцарей, слезами тронуть сердца ихъ. Варава останавливаетъ ее. Онъ велитъ дочери притвориться готовою къ обращенію и стараться поступить въ тотъ самый монастырь, который устроенъ въ ихъ домѣ. Абигаиль повинуется и съ быстротою театральнаго дѣйствія, свойственной тому времени, тутъ же обращается къ двумъ вопедшимъ инокинямъ съ просьбой принять ее въ ихъ обитель. Между тѣмъ, отецъ изрекаетъ ей проклятіе, и къ проклятіямъ въ сторону прилѣшиваетъ наставленія, какъ найти золото въ ихъ домѣ.

«Дщерь погибели, посрамленіе отца твоего, чего ищешь ты у ненавистныхъ враговъ нашего народа? Если не хочешь навѣки лишиться моего благословенія, бѣги отъ нихъ! (а затѣмъ прибавляетъ тихо). Иди, Абигаиль, и не забывай жемчуговъ и злата — они подъ доской, означенной крестомъ + (а тамъ, опять громко): назадъ проклятая, прочь съ глазъ отца!»

Послѣ этого Абигаиль принимается въ обитель.

Второе дѣйствіе открывается великолѣпно. Варава входитъ въ бывшій домъ свой ночью, съ фонаремъ и произноситъ монологъ, оставшійся образцовымъ въ Англійской литературѣ по силѣ языка, богатству картинъ, поэтической

живости оборотовъ. «Какъ зловѣщій вранъ, чье хриплое карканье отзывается погребальнымъ звономъ въ ухѣ больного, и который въ тѣни молчаливой ночи отрясаетъ заразу съ черныхъ крылъ, такъ измученный, взбѣшенный бѣгаетъ бѣдный Варава, полный роковыхъ проклятій. Обманчивыя радости быстрога времени улетѣли и оставили меня въ отчаяніи, и отъ прежнихъ сокровищъ, при мнѣ одно воспоминаніе, безотрадное, какъ безотраденъ для ветерана рубецъ закрывшейся раны. О ты, что нѣкогда въ огненномъ столпѣ вель сыновъ Израиля чрезъ пустынный мракъ, направъ въ эту ночь руку Абигаили или обрати день въ вѣчный мракъ. Сонъ не смыкаетъ моего бдительнаго ока и не будетъ покоя тревожнымъ мыслямъ, пока я не получу отвѣта отъ моей Абигаили.» *)

Абигаиль является на верху **). Она бросаетъ отцу найденные мѣшки, — сцена фантастическая. Сказочный эф-

*) Thus, like the sad presaging raven, that tolls
The sick man's passport in her hollow beak;
And in the shadow of the silent night
Doth shake contagion from her sable wings;
Vex'd and tormented runs poor Barabas
With fatal curses towards these Christians.
The incertain pleasures of swift-footed time
Have ta'en their flight, and left me in despair
And of my former riches rests no move
But bare remembrance; like a soldier's scar,
That has no further comfort for his maim.
Of thou, that with a fiery pillar led'st
The sons of Israel through the dismal shades,
Light Abraham's offspring; and direct the hand
Of Abigail this night, or let the day
Turn to eternal darkness after this!
No sleep can fasten on my watchful eyes,
Nor quiet enter my distemper'd thoughts,
Till I have answer of my Abigail.

***) Для уразумѣнія этой сцены надобно обратиться къ театральной обстановкѣ того времени; на заднемъ планѣ сцены помѣщался балконъ или верхній ярусъ, (balcony or upper stage), платформа котораго возвышалась футовъ на 8 или 9 отъ земли. Надо полагать, что онъ опирался на столпы. Съ этихъ то балконовъ произносилась часть діалога. Съ балкона висѣли къ землѣ занавѣсы, за которыми иногда скрывались дѣйствующія лица: онѣ имѣли на каждой сторонѣ по ложѣ, называемой частною (private-boxes). Эти ложи, конечно, очень неудобныя, но дешевыя, занимались или изъ экономіи или ради оригинальности.

фектъ ея выражается въ словахъ Варавы: «Теперь я припоминаю слова тѣхъ старухъ, которыя во дни моего богатства сказывали мнѣ зимой сказки про духовъ и привидѣнїя, бродящїя ночью около мѣстъ, гдѣ скрыты клады» *).

До сихъ поръ устами Варавы говоритъ скорѣе самъ Марло; но алчная душа жиды проявляется въ слѣдующихъ словахъ: «Теперь, сдается мнѣ, что я самъ одинъ изъ тѣхъ духовъ. Пока я живъ, здѣсь живетъ единственная надежда моей души, а когда я умру, здѣсь будетъ скитаться мой духъ» **). Наконецъ сокровища спасены. Варава обнимаетъ, ласкаетъ свои мѣшки. Однако пора разстаться. Отецъ и дочь прощаются. Отецъ обѣщаетъ дочери выручить ее изъ монастыря; радость его высказывается въ восторженномъ диамрамбѣ дочери, сокровищамъ, солнцу, жаворонку:

«О дочь, о злато, красота, блаженство!

.....

«Теперь Фебъ открывай рѣсницы дня и, вмѣсто ворона, пробуждай утренняго жаворонка, я понесусь съ нимъ по небу и буду лѣтъ надъ этими сокровищами, какъ жаворонокъ надъ своими птенцами!»

Самую пѣснь его очень трудно понять; нельзя даже опредѣлительно сказать, на какомъ языкѣ она сложена ***). Вотивши свои сокровища — Варава однако не забылъ места. Новые эпизоды драмы доставляютъ ему помощника для выполненїя черныхъ замысловъ. Въ Мальту прибылъ

*) Now I remember those old women's words,
 Who in my wealth wou'd tell me winters tales,
 And speak of spirits and ghosts that glide by night,
 About the place where treasure hath been hid.

**) And now methinks that I am one of those:
 For whilst I live, here lives my soul's sole hope,
 And when I die, her shall my spirit walk.

***) Hermoso Piarer, de les Denirch

Столь же непонятныя слова произносить онъ, только что завидѣвъ дочь, еще до полученїя сокровищъ:

Birn para todos, my ga nada no er.

Что это; описки, площадное передразниванїе жидовъ, или фразы, взятые изъ языка воровъ (slang) того времени?

испанецъ Мартинъ Дель-Боско, адмиралъ католическаго морскаго флота. Онъ негодуетъ на постыдную дань, положенную Турками на рыцарей, обѣщаетъ помощь своего государя и убѣждаетъ ихъ разорвать союзъ съ Турками, удержать за собой сокровища, собранныя ими на дань, за которую чрезъ мѣсяцъ долженъ прибыть въ Мальту Калиматъ, сынъ Султана. Рыцари одушевляются воспоминаніями славнаго отпора, даннаго Туркамъ въ Родосѣ. Боско назначается полководцемъ. Прежніе договоры съ Турками забыты; чтобы шаругаться надъ ними, продаютъ на базарѣ города илѣнныхъ Турковъ, добычу Испанскаго адмирала. Въ числѣ покупателей и Варавъ. Снъ угадываетъ злодѣйскую натуру одного изъ выставленныхъ на продажу, по имени Итамора, покупаетъ его и, чтобы возбудить въ немъ привязанность и довѣріе къ себѣ, рассказываетъ свои давнишніе подвиги: «въ молодости», говоритъ Варавъ, «я изучалъ медицину и пробовалъ свои познанія сперва на Итальянцахъ. Такимъ образомъ, въ Италіи я обогатилъ духовенство похоронами. Потомъ я сдѣлался инженеромъ — и въ войнѣ между Франціей и Германіей, состоя на службѣ у императора, я задно губилъ своими военными хитростями и друзей и недруговъ. Послѣ этого я сдѣлался ростовщикомъ и вымогательствами, обманомъ, грабительствомъ и другими уловками неправнаго маклера, въ одинъ годъ наполнилъ тюрьмы банкротами, а богадѣльни — сиротами. Не прошло мѣсяца, чтобы по моей милости кто-нибудь не сходилъ съ ума, — а отъ времени до времени, я заставлялъ повѣситься отъ тоски кого-нибудь съ длиннымъ листомъ на груди, исписаннымъ счетомъ процентовъ, которыми я вогналъ въ петлю бѣдняка. И смотри, какъ пошло мнѣ въ прокъ все зло, сдѣланное людямъ; у меня хватить капиталовъ на покупку всего города!» Это хвастливое признаніе, открывающее рядъ несообразностей, о которыхъ мы уже говорили, вызываетъ подобное признаніе со стороны купленнаго раба. Жидъ скрѣпляетъ мошенническій союзъ слѣдующими словами: «Полагайся на меня, какъ на товарища. Мы оба злодѣи, оба обрѣзанцы, мы равно ненавидимъ христіанъ. Будь вѣренъ и скрытенъ, въ золотѣ тебѣ не будетъ недостатка». Такое без-

стыдство, эта, такъ сказать, развязность въ преступленіи, имѣютъ конечно весьма мало драматическаго, какъ то весьма справедливо замѣчаетъ Вильменъ (можетъ быть съ невольнымъ примѣненіемъ къ Французской драмѣ, столь богатой искони злодѣями *сop amogē*). Однако надо же было чѣмъ нибудь мотивировать внезапную привязанность Варавы къ купленному рабу; во всякомъ случаѣ, мошенническое чутье, руководившее этой покупкой, гораздо лучше идетъ къ его характеру, чѣмъ неограниченная довѣренность къ будущему сообщнику и исполнителю его замысловъ.

Орудіе мести найдено, — союзники начинаютъ дѣйствовать. Абиганль, любимая Дономъ Маттіасомъ, любитъ его взаимно, и общаена ему отцемъ. Но Варава заманиваетъ къ себѣ Людовика, сына коменданта, и убѣждаетъ дочь влюбить его въ себя ласковымъ пріемомъ. Абиганль, хоть нехотя, а повинуется. Прелести ея, козни жиды, искусно выполненные достойнымъ его сотрудникомъ, доводятъ юношей до поединка, и они оба остаются на мѣстѣ.

Но вотъ уже жиду приходится пожинать горькіе плоды своей ребяческой довѣренности къ Итамору. Нескромная радость раба открываетъ Абиганли участь ея любовника. По смерти Абдчали, Итамора отыскиваетъ факторъ одной куртизанки и уводитъ его къ своей госпожѣ. Встрѣча злораднаго раба и повѣреннаго куртизанки, одного изъ тѣхъ *бравов* (*desperadoes*), столь обычныхъ во время Марло, на мѣстѣ, самомъ приличномъ для обоихъ, домъ куртизанки, пріемъ Итамара — все это написано мастерски и энергически и приправлено шутками, конечно площадными, но оживленными и достаточно-юмористическими. Итаморъ предается всѣмъ долго сдержаннымъ страстямъ обѣлаго раба. Онъ ласкаетъ продажную красавицу, пьетъ, поетъ, хвастаетъ, радъ, что его величаютъ, но при этомъ онъ покрытъ чуть-ли не рубищемъ. Что жъ, стоитъ ему только написать жиду, намекнуть на кое-что, и три раза добываетъ онъ такимъ способомъ деньги! Наконецъ совершенно упоенный виномъ и любовью, ослѣпленный страстью хвастовства, онъ передаетъ безсвязную, но полную повѣсть своихъ и Варавиныхъ злодѣйствъ. Куртизанка и брави смекаютъ въ

чемъ дѣло и готовить доносъ коменданту; но прежде надо еще попользоваться жидамъ.

Эта отсрочка спасаетъ преступника.

Входитъ арфистъ-французъ, говоритъ ломанымъ Англійскимъ языкомъ и очень загадочнымъ французскимъ. Послѣ всѣхъ несообразностей драмы, читатели не удивятся, если найдутъ въ арфистѣ переодѣтаго Вараву. Онъ отравляетъ веселую компанію порошкомъ, брошеннымъ въ цвѣты и уходитъ. Ядъ дѣйствуетъ, но недовольно скоро для безонасности жиды. Полумертвыя жертвы его дотащились такъ до коменданта и сдѣлали свои показанія. Всѣхъ и Вараву бросаютъ въ тюрьму и вскорѣ узнаютъ, что всѣ умерли. Трупъ Варавы велитъ бросить за стѣну города. Между тѣмъ все готовится къ отпору Туркамъ, приближающимся на всѣхъ парусахъ. Варавы оживаетъ; разумѣется, онъ только прикинулся мертвымъ. Онъ предаетъ городъ Туркамъ, поставляется въ коменданты надъ имъ, глумится надъ рыцарями, бывшими его притѣснителями, и обѣщаетъ предать городъ снова въ руки прежняго коменданта. За планомъ измѣны дѣло не останавливается. Варавы угощаетъ Калимата, сына Султана и нашей его въ своемъ домѣ, а все войско Турецкое на другомъ концѣ города. Въ самомъ разгарѣ пира, войско должно было полетѣть на воздухъ отъ пороховаго взрыва; а при этомъ сигналъ, Варавы пустить въ ходъ машину—подъ Калиматомъ и его свитой провалится полъ столовой залы. Варавы препоручаетъ весь механизмъ этой западни (очень неудовлетворительно описанной), бывшему коменданту, съ которымъ условился о наградѣ за это новое и послѣднее злодѣйство. Но бывший комендантъ измѣняетъ, спасаетъ Калимата и его пашей—участь остальныхъ Турокъ остается неизвѣстной. Обманутый обманщикъ Варавы, попавшійся въ собственныхъ сѣтяхъ, издыхаетъ отъ злобы. Турокъ отводятъ въ пѣни, христіане становятся опять хозяевами города и все обстоитъ благополучно.

Прослѣдивъ главные эпизоды этой драмы чудовищнаго безчеловѣчья — можно спросить себя, что новаго «Мальтійскій жидъ» внесъ въ возникающій театральнй міръ Англій? Чѣмъ онъ обогатилъ драматическія преданія, существованіе

которыхъ несомнѣнно? Однимъ словомъ, могъ ли Шекспиръ, что либо заимствовать изъ этой драмы, по успѣху, одной изъ славнѣйшихъ его замѣчательнаго предшественника»? Мы указали на переворотъ, произведенный «Тамерланомъ»; въ «Фаустѣ»—на появленія духовъ, возвѣщающихъ нѣмые ужасы Макбета; но на этотъ разъ Марло, кажется, измѣнилъ своему призванію относительно своего славнаго преемника. «Мальтійскій жидъ» Марло и «Венеціанскій купецъ» Шекспира, такъ же расходятся между собою, какъ различны вдохновенія, руководившія ихъ творцами. Венеціанскій купецъ на столько же (если не болѣе), превышаетъ нестройное произведеніе своего предшественника, на сколько, напримѣръ, грубая, ярмарочная баллада, послужившая источникомъ Марло, мало походитъ на изящную повеллу Сэръ-Джіовани (Ресогоне IV), изъ которой Шекспиръ могъ почерпнуть главные эпизоды своей драмы. Мы видѣли, какъ жидъ Марло мало походитъ на Шилока, какъ мало на человѣка вообще. Это скорѣе какая-то баснословная химера, скорѣе разрушительное и нечистое пламя, вырвавшееся изъ какой-то адской отдушины. Вообще, если Варава послужилъ Шекспиру въ пользу, то развѣ отрицательно, какъ указаніе того, чего надо избѣгать. Можно, конечно, и въ «Мальтійскомъ жидѣ» найти нѣчто, напоминающее мощную пружину Шекспировской драматургін — существенную невозможность скрывать преступленіе и вытекающую изъ него, какъ необходимымъ процессомъ, казнь преступника; но это нѣчто, не болѣе, какъ намеки слабые, разрозненные, какъ бы явившіеся независимо отъ произвола писателя. Самая натура дѣйствующихъ лицъ, злодѣевъ — дилетантовъ, нейдетъ къ такому нравственному возрѣнію. И наконецъ, если подобныя намеки на Немезиду не случайны, то они, по большей части, встрѣчаются во внѣшней сферѣ случайностей; ихъ можно скорѣе принять за добрыя или худыя примѣты, предвѣщающія успѣхъ или неудачу злодѣйскихъ предпріятій.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ.)

АНТОНІЙ И КЛЕОПАТРА *)

ШЕКСПИРА

переводъ

А. ФЕТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

М. Антоній,
Октавій Цезарь, } триумвиры.

М. Эмилиій Лепидъ,
Секстъ Помпей.

Деметрій Энебарбъ, }

Вентидій,

Эресь,

Снаръ,

Дерцетъ,

Димитрій,

Филоксъ. }

приверженцы Антонія.

Мецонатъ, }

Агринна,

Долобелла, }

Прокулъ,

Тирей,

Галлъ. }

приверженцы Цезаря.

Менекратъ, }

Варрій. }

приверженцы Помпея.

Тауръ, военачальникъ у Цезаря.

Канидій, военачальникъ у Антонія.

Силій, одинъ изъ вождей у Вентидія.

Эвероній, посолъ Антонія къ Цезарю.

Александръ, Мардианъ, Селевкъ и Діомедъ, придворные Клеопатры. Гадатель. Нессалинцы.

Клеопатра, царица Египта.

Октавія, сестра Цезаря и жена Антонія.

Хармианъ, } прислужницы Клеопатры.

Ира, }

Вожди, воины, вѣстники и прочіе придворные.

Мѣсто дѣйствія въ различныхъ частяхъ Римской Имперіи.

*) Представляя на судъ образованной публики переводъ «Антонія и Клеопатры», считаю неизлишнимъ замѣтить, что я присоединилъ въ выноскахъ только необходимѣйшія объясненія текста и тѣ варьянты по экземпляру Коольфа, которые явно измѣняютъ въ данномъ мѣстѣ смыслъ, въ пользу дѣла. Читатели извинятъ немногіе 6-тистопные стихи, встрѣчающіеся въ моемъ переводѣ, тѣмъ болѣе, что у Шекспира не только такіе стихи, но и лишеныя всякой мѣры, не рѣдкость. *Переводчикъ.*

А К Т Ъ I.

СЦЕНА I.

Александрія. Комната во дворцѣ Клеопатры.

(Входятъ Димитрій и Филонъ).

Филонъ.

Нѣтъ, сумасбродство нашего вожда
Выходитъ изъ границъ; отважный взоръ,
Сверкавшій вдоль рядовъ и легионовъ,
Какъ панцырь Марса, нынѣ преклоненъ
Иль обращенъ, почтительный и страстный
На смуглое чело: героя сердце,
Что въ жаркихъ битвахъ заставляло пряжки
Срываться на груди — совсѣмъ не то —
И нынѣ служить мѣхомъ, опахаломъ
Жаръ Египтянки страстный охлаждать.
Смотри-ко! вотъ она идутъ сюда!

(Трубы. Входятъ Антоній и Клеопатра со свитой, звуку обмахиваютъ ее опахалами).

Вглядись получше: и увидишь въ немъ
Ты третій столпъ вселенной обращеннымъ
Въ шута развратной женщины. — Вглядись.

Клеопатра.

Пусть и любовь — но велика ль, скажи?

Антоній.

Жалка любовь, которой мѣра есть.

Клеопатра.

Я знать хочу предѣлъ твоей любви,

Антоній.

Такъ дай же небо новое и землю.

(Входитъ посланный).

Посланныкъ.

Изъ Рима вѣсть.

Антоній.

Не мучь — и въ двухъ словахъ....

КЛЕОПАТРА.

Нѣтъ, выслушай, Антоній, ты его.
 Быть можетъ, Фульвія во гнѣвѣ; иль какъ знать,
 Быть можетъ, Цезарь безбородый шлетъ
 Тебѣ приказъ: «исполни то и то,
 Займи то царство, это защити;
 Слѣши и не гнѣви насъ».

Антоній.

Какъ мой другъ?

КЛЕОПАТРА.

Быть можетъ, нѣтъ — всего вѣрнѣй, тебѣ
 Остаться долѣ здѣсь нельзя и Цезарь
 Зоветъ тебя — такъ выслушай, Антоній,
 Чтожъ Фульвія? да — то есть Цезарь? — оба?
 Зови пословъ. Что вспыхнулъ ты Антоній,
 Безспорно какъ и то, что я царица.
 Въ честь Цезаря твой стыдъ, иль дань ланиты
 Крикливой брани Фульвіи. Послы!

Антоній.

Пусть въ Тибрѣ тонетъ Римъ и мощный сводъ
 Большого царства рухнетъ! Вотъ мой міръ.
 Всѣ царства прахъ. Питаетъ тукъ земной
 Людей и скоть: все благородство жизни
 Вотъ въ чемъ: (*обнимаетъ ее*) когда два любящихъ дерзнуть
 Такъ сблизить жребіи, а въ этомъ мы
 (Подъ страхомъ казни объявляю свѣту)
 Недостижимы.

КЛЕОПАТРА.

Выспренная ложь!

Мужъ Фульвіи — чтожъ любить онъ ее?
 Пусть я кажуся глупой, но не буду.
 Антоній вѣчно вѣренъ самъ себѣ.

Антоній.

Коль не взволнованъ Клеопатрой онъ. —
 О! изъ любви къ живымъ часамъ любви,

Не трать въ тяжелыхъ разговорахъ время;
Пусть нашей жизни каждый мигъ продленъ
Забавами. Чѣмъ скоротаемъ ночь?

КЛЕОПАТРА.

Прими пословъ.

АНТОНИЙ.

Эхъ, спорщица царица!
Которой все къ лицу и брань и смѣхъ
И слезы; каждый твой порокъ стремится
Быть красотой и вызвать поклоненье.
Что за послы! я твой и только твой!
Мы ночью городъ обойдемъ, вникая
Въ народный духъ. Пойдемъ моя царица —
Вчера звала. Не обращайтесь къ намъ.
(Уходятъ Антоній и Клеопатра со свитой).

ДИМИТРІЙ.

Иль Цезаря Антоній такъ не цѣнитъ?

ФИЛОНЪ.

Порой, когда онъ больше не Антоній,
Въ немъ и великихъ качествъ нѣтъ, какими
Украшенъ долженъ быть Антоній.

ДИМИТРІЙ.

Жаль,

Что общую онъ подтверждаетъ ложь
О немъ рассказовъ въ Римѣ. Но надѣюсь
Умнѣй онъ будетъ завтра. — Будь здоровъ.

СЦЕНА П.

Тамже, другая комната.

(Входятъ Хармианъ, Ира, Алексасъ и Гадатель).

ХАРМИАНЪ.

Послушай Алексасъ, милый Алексасъ, чудесный Алексасъ,
всенавчудеснѣйшій Алексасъ, гдѣ гадатель, котораго ты такъ

хвалилъ царицѣ. О! еслибы мнѣ узнать того человѣка, который, какъ ты говоришь, долженъ будетъ прикрывать рога свои вѣянкомъ *).

АЛЕКСАСЪ.

Гадатель!

ГАДАТЕЛЬ.

Что вамъ угодно?

ХАРМИАНЪ.

Такъ это онъ? Ты ль вѣдающій все?

ГАДАТЕЛЬ.

Я въ безконечной книгѣ тайнъ природы
Прочелъ не много.

АЛЕКСАСЪ.

Руку дай ему.
(Входитъ Энобарбъ).

ЭНОБАРБЪ.

Проворнѣй столъ внесите, да вина
Побольше — пить здоровье Клеопатры.

ХАРМИАНЪ.

Голубчикъ! счастье доброе мнѣ дай!

ГАДАТЕЛЬ.

Я не творю, — предвижу только я.

ХАРМИАНЪ.

Такъ сдѣлай милость, высмотри его.

ГАДАТЕЛЬ.

Еще пышнѣй ты будешь чѣмъ теперь.

ХАРМИАНЪ.

Онъ вѣрно говоритъ о полнотѣ.

*) Хармианъ говоритъ о своемъ будущемъ мужѣ, который, по словамъ Алексаса, будетъ по ея милости рогать.

Г А Д А Т Е Л Ъ .

Нѣтъ, ты румянится подъ старость будешь.

Х А Р М І А Н Ъ .

Лишь только бѣ не морщины.

А Л Е К С А С Ъ .

Да не мѣшайте! слушайте его.

Х А Р М І А Н Ъ .

Тсс....

Г А Д А Т Е Л Ъ .

Влюбляться чаще, чѣмъ любимой быть.

Х А Р М І А Н Ъ .

Такъ лучше же впрочемъ отогрѣваться.

А Л Е К С А С Ъ .

Нѣтъ, выслушай его.

Х А Р М І А Н Ъ .

Ну предскажи-ко отличное счастье. Заставь меня въ одно утро выйти замужъ за трехъ царей и овдовѣть послѣ ихъ всѣхъ, заставь на пятидесятомъ году имѣть ребенка. Устрой, чтобы я вышла за Октавія Цезаря и стала ровнею своей госпожѣ.

Г А Д А Т Е Л Ъ .

Свою царицу ты переживешь.

Х А Р М І А Н Ъ .

О превосходно! Долгая мнѣ жизнь
Дороже смоквъ *).

Г А Д А Т Е Л Ъ .

Ты счастливѣй была

Досель, чѣмъ предстоитъ тебѣ.

*) Въ этомъ выраженіи уже намекъ на родъ смерти Клеопатры и Хармиани.

ХАРМИАНЬ.

Такъ вѣрно дѣти мои будутъ безъ имени. Скажи-ко, сколько у меня будетъ мальчиковъ и дѣвочекъ?

ГАДАТЕЛЬ.

Будь каждое твое желанье — лономъ,
И лономъ плодотворнымъ — миллионъ.

ХАРМИАНЬ.

Прочь дуракъ: прощаю тебя какъ, а) колдуна.

АЛЕКСАСЪ.

Ты думаешь одни простыни твои знаютъ про твои желанія?

ХАРМИАНЬ.

Ну расскажи-ко Ирѣ ты теперь.

АЛЕКСАСЪ.

Мы всѣ желаемъ знать свою судьбу.

ЭНОВАРЕЪ.

Мнѣ, да и большей части изъ васъ судьба нынѣшнюю ночь — пьяному въ постель.

ИРА.

Вотъ ладонь, предвѣщающая не порочность, если не что другое.

ХАРМИАНЬ.

Точно какъ разлитіе Нила предвѣщаетъ голодъ.

ИРА.

Прочь ты шутовка, гдѣ тебѣ гадать.

ХАРМИАНЬ.

Нѣтъ, если влажная ладонь не признакъ плодородія, то я даже не въ состояніи почесать у себя ухо *). Пожалуйста предскажи ей будничную судьбу.

*) Т. е. сдѣлать самой легкой вещи.

Г А Д А Т Е Л Ъ .

У васъ одинаковая судьба.

И Р А .

Но какъ же? какъ? рассказывай подробнѣй.

Г А Д А Т Е Л Ъ .

Я все сказалъ.

И Р А .

Не ужели моя судна ни на вершокъ не лучше ея?

Х А Р М І А Н Ъ .

Ну, а еслибы твоя судьба и была на вершокъ лучше моей, куда бы ты прибавила этотъ вершокъ?

И Р А .

Разумѣется, не къ носу моего мужа.

Х А Р М І А Н Ъ .

Да спасетъ насъ небо отъ дурныхъ помысловъ. Алексасъ, поди сюда; твою судьбу, твою судьбу! О! пусть онъ женится на женщинѣ, которая не можетъ ходить, милая Изиды, умоляю тебя! и пусть она умретъ и дай ему еще худшую и за худшею еще худшую, пока самая худшая со смѣхомъ не проводить до могилы его, бывшего пятьдесятъ разъ рогопосцемъ. Хорошая Изиды! услышь мою молитву, если и откажешь мнѣ въ болѣе важномъ. Хорошая Изиды! умоляю тебя!

И Р А .

Аминь. Дрожайшая богиня, услышь молитву твоего народа, потому что на сколько сокрушительно видѣть красиваго мужчину съ женой легкаго поведенія, на столько убійственно — неприятно видѣть уродливаго малаго не рогаго; поэтому хорошая Изиды! наблюдай приличіе и пошли ему достодолжную судьбу.

Х А Р М І А Н Ъ .

Аминь.

АЛЕКСАСЪ.

Посмотрите-ко! Если бы во власти ихъ состояло сдѣлать меня рогатымъ, онѣ сами готовы бы сдѣлаться распутными, чтобы этого добиться.

ЭНОБАРЬ.

Тсс! — Вотъ идетъ Антоній.

ХАРМИАНЪ.

Нѣтъ, — царица.

(Входитъ Клеопатра).

КЛЕОПАТРА.

Антонія вы не видали?

ЭНОБОРЬ.

Нѣтъ государыня.

КЛЕОПАТРА.

Онъ не былъ здѣсь?

ХАРМИАНЪ.

Нѣтъ, государыня.

КЛЕОПАТРА.

Онъ въ духѣ былъ веселомъ — вдругъ его схватила мысль о Римѣ. — Энобарь!

ЭНОБОРЬ.

Царца!

КЛЕОПАТРА.

Сыщи и приведи его. Алексасъ гдѣ?

АЛЕКСАСЪ.

Здѣсь, весь къ услугамъ. — Вождь сюда идетъ.

(Входитъ Антоній съ посланниками и свитой).

КЛЕОПАТРА.

Не будемъ на него смотрѣть. — Пойдемъ.

(Уходятъ Клеопатра, Энобарь, Алексасъ, Ира, Хармианъ, гадатель и свита).

Посланникъ.

Всѣхъ прежде Фульвія твоя пошла войной.

Антоній.

На Люція, на брата моего?

Посланникъ.

Да, но война не долго длилась. Время
Враговъ сдружило къ Цезарю враждой,
А тотъ счастливѣе въ бою, — изгналъ
Ихъ изъ Италіи при первой схваткѣ.

Антоній.

Ну хорошо. Еще похуже вѣсть?

Посланникъ.

Съ больныхъ вѣстей посламъ не по себѣ.

Антоній.

Коль рѣчь ведутъ съ глупцомъ или трусомъ. — Ну!
По моему, что было, то прошло;
Лишь правду говори — словамъ смертельнымъ
Внимаю будто лести.

Посланникъ.

Лабіенъ

(О злая вѣсть!) войска Парейшъ подвинулъ
И Азію съ Еврата покорилъ.
Побѣды знамя въ Сирію онъ внесъ
И въ Лидію и въ Іонію; — межъ тѣмъ....

Антоній.

Антоній, хочешь ты сказать.

Посланникъ.

О вождь!

Антоній.

Будь прямъ, — молвы всеобщей не смягчай;
По римски называй ты Клеопатру,

Ругай словами Фульвиѣ, брани
 Мои ошибки смѣло, такъ какъ злоба
 И ненависть ихъ видятъ. — О! безъ бурь
 Мы въ плевелахъ заглохнемъ. Насъ бранить
 Помоть насъ значить. — Будь здоровъ пока!

Посланникъ.

Высокой волѣ покоряюсь я. (*Уходитъ*).

Антоній.

Что въ Сикіонѣ новаго? скажи!

1-й слуга.

Изъ Сикіона вѣстникъ. Былъ онъ тутъ?

2-й слуга.

Онъ приказаній ждетъ.

Антоній.

Такъ пусть войдетъ.

Пора сорвать египетскую цѣпь,

(*Входитъ другой посланный*).

Иль въ сумасбродствѣ потонуть. Кто ты?

Посланникъ.

Твоя супруга Фульвія скончалась.

Антоній.

Гдѣ? —

Посланникъ.

Въ Сикіонѣ:

О времени болѣзни и другомъ

Важнѣйшемъ — самъ прочтешь.

(*Подаетъ письмо*).

Антоній.

Оставь меня. —

(*Посланникъ уходитъ*).

Почилъ великій духъ. Вѣдь я желаю.

Что часто мы съ презрѣнемъ отвергаемъ,

Желали бь воротить; что намъ пріятно,
 Становится отъ повторенья горькимъ
 И самому себѣ противурѣчить *)
 Вотъ и мила, за тѣмъ что умерла. —
 Готовъ бы руку дать ей безъ угрозъ.
 Пора бѣжать волшебницы царицы; —
 Сто тысячъ золь и безъ числа родитъ
 Бездѣйствіе мое. Гей! Энобарбъ!

ЭНОБАРБЪ.

Что ты прикажешь повелитель?

АНТОНІЙ.

Отсюда нужно мнѣ поторопиться.

ЭНОБАРБЪ.

Въ такомъ случаѣ мы погубимъ всѣхъ нашихъ женщинъ.
 Мы видимъ, какъ смертельно для нихъ даже невниманіе,
 а если нужно будетъ согласиться на нашъ отъѣздъ, имъ
 просто смерть.

АНТОНІЙ.

Я долженъ прочь уѣхать.

ЭНОБАРБЪ.

Изъ за важной причины пусть женщины умираютъ:
 истинная жалость бросать ихъ изъ за пустяковъ, но при
 важномъ обстоятельствѣ ихъ слѣдуетъ считать ни во что.
 Если Клеопатра хотя малость объ этомъ провѣдаетъ, то не-
 медленно умереть. Я видалъ ее двадцать разъ умирающею
 изъ за гораздо ничтожнѣйшей причины. Мнѣ кажется, въ
 смерти есть сила, дѣйствующая на нее какъ любовныя объ-
 ятія — до такой степени она на нее падка.

АНТОНІЙ.

Она хитрѣй, чѣмъ можетъ человѣкъ придумать.

*) Въ прежнихъ изданіяхъ было: *By revolution lowering*; у Кольтера: *By re-
 petition souring*.

ЭНОВАРЬЪ.

Нѣтъ, право нѣтъ! страсти ея состоятъ изъ тончайшихъ частицъ чистой любви. Эти бури и потоки нельзя назвать вздохами и слезами. Это ураганы и ненастья сильнѣйшія, чѣмъ тѣ, о которыхъ говоритъ календарь. Тутъ не можетъ быть притворства, а если есть, то оно пускаетъ ливень не хуже Юпитера.

АНТОНІЙ.

Лучше никогда бы мнѣ съ ней не встрѣчаться!

ЭНОВАРЬЪ.

О! тогда бы ты не видалъ совершеннѣйшаго созданія и отказавшись отъ такого наслажденія, лишилъ бы свое путешествіе всякаго значенія.

АНТОНІЙ.

Фульвія умерла.

ЭНОВАРЬЪ.

Повелитель?

АНТОНІЙ.

Фульвія умерла.

ЭНОВАРЬЪ.

Фульвія!

АНТОНІЙ.

Умерла.

ЭНОВАРЬЪ.

Ну такъ принеси богамъ благодарственную жертву. Когда ихъ божественности угодно отнять у мужа жену, то пусть онъ подумаетъ о портныхъ на сей землѣ и успокоится мыслию, что когда старыя платья изношены, они поставлены на то, чтобы шить новыя. Если бы кромѣ Фульвіи не было женщинъ, тебѣ дѣйствительно пришлось бы плохо и дѣло было бы плачевное; а теперь горе увѣичано утѣшеніемъ: изъ твоей старой женской рубашки выходитъ новая юбка. И дѣйствительно, слезы должны жить въ чеснокѣ, чтобы проливаться отъ подобнаго горя.

АНТОНІЙ.

Тревога, поднятая ею въ Римѣ,
Не терпѣтъ моего отсутвія.

ЭНОБАРЬЪ.

А тревога, поднятая тобою здѣсь, не терпѣтъ твоего отъѣзда. Особенно тревога Клеопатры, которая только и дышитъ твоимъ присутствіемъ.

АНТОНІЙ.

Довольно легкихъ словъ. Дай знать вождямъ
Рѣшенье наше. А причину я
Поспѣшности самъ объясню царяцѣ,
Проя любви отсрочки: не одна
Смерть Фульвіа съ важнѣйшими другими
Причинами зоветъ насъ; много писемъ
Насъ дружески увѣщаютъ, въ Римъ
Немедленно вернуться. Секстъ Помпей
На Цезаря возсталъ и приобрѣлъ
На морѣ власть: измѣнчивый народъ
(Который чувствомъ не почититъ заслуги
Пока жива заслуга) радъ признать
Все, что Помпей великій совершилъ,
За сыномъ: — этотъ, храбростью и силой
Возвыся власть и имя, во главѣ
Сталъ войскъ. Усилясь, онъ способенъ быть
Грозой вселенной. Многое въ зачатъи,
Что силой жизни только волосъ конскій *)
А не змѣя по яду. Объяви
Ты нашимъ подчиненнымъ, чтобы всѣ
Къ отъѣзду торопились.

ЭНОБАРЬЪ.

Всѣмъ скажу.

(Уходитъ.)

*) Понятіе о конскомъ волосѣ, превращающемся въ волосатика, еще сохранилось у нашего народа.

СЦЕНА Ш.

(Входят Клеопатра, Хармианъ, Ира и Алексасъ.)

КЛЕОПАТРА.

Гдѣ онъ?

ХАРМИАНЪ.

Его съ тѣхъ поръ я не видала.

КЛЕОПАТРА.

Узнай гдѣ онъ, кто съ нимъ, чѣмъ занятъ онъ?

Не я тебя послала. — Если грустенъ,

Скажи ему, что я пляшу; а весель,

Что вдругъ занемогла. — Вернись скорѣй.

(Алексасъ уходитъ.)

ХАРМИАНЪ.

Коль точно любишь ты его, и хочешь
Любимой быть, то ты взялась не такъ.

КЛЕОПАТРА.

Что жъ дѣлать мнѣ, что упустила я?

ХАРМИАНЪ.

Все уступай, — ни въ чемъ не прекословь.

КЛЕОПАТРА.

Ты учишь съ дуру, какъ его утратить.

ХАРМИАНЪ.

Не мучь его, и разсуди: — что насъ

Пугаетъ часто, надоѣстъ какъ разъ.

(Входитъ Антоній.)

Вотъ и Антоній.

КЛЕОПАТРА.

Я больна, не въ духѣ.

АНТОНІЙ.

Мнѣ тяжело свой замысль ей открыть.

КЛЕОПАТРА.

На помощь Харміанъ, я упаду,
Не выдержи и силы отказали
Въ услугѣ мнѣ.

АНТОНІЙ.

Дражайшая царица!

КЛЕОПАТРА.

Прошу: — Не стой такъ близко.

АНТОНІЙ.

Что съ тобой?

КЛЕОПАТРА.

Въ твоихъ глазахъ прочла благую вѣсть.
Что говоритъ супруга? — Къ ней ступай.
Сюда бы ей тебя не отпускать.
Пусть не сочтеть, что я тебя держу....
Я надъ тобой не властна: ты ея.

АНТОНІЙ.

Богамъ извѣстно.....

КЛЕОПАТРА.

Никогда царица

Такъ не была обманута; хоть я
Предвидѣла измѣну.

АНТОНІЙ.

Клеопатра!

КЛЕОПАТРА.

Какъ вѣрить, что ты преданъ, что ты мой,
Хотя бѣ клялся престолами боговъ,
Коль измѣнилъ ты Фульвію? Безумно
Связать себя обѣтомъ, сокрушеннымъ
Въ минуту клятвы.

АНТОНІЙ.

Милая царица!

КЛЕОПАТРА.

Нѣтъ, свой побѣгъ не думай украшать.
 Скажи: прости! и въ путь: когда молилъ
 Остаться здѣсь — ни слова про отъѣздъ:
 Сулилъ и взоръ нашъ вѣчность и уста
 И нѣгу брови, не было частички
 Въ насъ не небесной; все осталось тожъ,
 Иль, величайшій полководецъ въ мірѣ,
 Ты величайшій лжецъ.

АНТОНІЙ.

Какъ это такъ!

КЛЕОПАТРА.

Будь я съ твоею силой, ты бѣ узналъ,
 Что сердце есть въ Египтѣ.

АНТОНІЙ.

Даи сказать.

Событій власть на службу насъ зоветъ
 На время только; сердцемъ я вполнѣ
 И нераздѣльно здѣсь съ тобой. Нашъ край
 Мечами гражданъ блещетъ. Секстъ Помпей
 Отважно къ Римскимъ пристанямъ спѣшитъ
 И двухъ властей домашнихъ ровный споръ
 Родитъ расколъ опасный. Ненавистныхъ
 Взлюбили за могущество; изнанникъ
 Помпей, богатъ заслугами отца,
 Прокрался въ души недовольныхъ всѣмъ
 Теперешнимъ, — но грозныхъ по числу.
 Больной застою миръ цѣленья ждетъ
 Отъ рѣзкихъ перемѣнъ. — Но извинить
 Въ твоихъ глазахъ отъѣздъ мой лучше всѣхъ
 Смерть Фульвіи.

КЛЕОПАТРА.

Хоть глупость отъ меня

Лѣта не отведутъ, но отвели
 Ребачество. Какъ Фульвіи скончатся?

АНТОНІЙ.

Она скончалась, вѣръ моя царица!
 Взгляни сюда, въ свободный часъ прочти
 Какой она затѣяла раздоръ.
 И лучшее ты подъ конецъ узнаешь:
 Гдѣ умерла.....

КЛЕОПАТРА.

О лживая любовь!

Гдѣ склянки тѣ, что ты наполнить долженъ
 Печали влагой? вижу, вижу въ смерти
 Я Фульвіи, какъ примешь ты мою.

АНТОНІЙ.

Не ссорься болѣ, но готовься слушать
 Про замыслы мои; — жить или пасть
 Имъ, какъ рѣшишь сама; клянусь огнемъ,
 Животворящимъ Нильскій илъ: — пойду
 Отсель твоимъ борцемъ, слугой, неся
 Войну и миръ, какъ скажешь.

КЛЕОПАТРА.

Харміанъ!

Шнуровку! пѣтъ! то хуже мнѣ, то лучше,
 Такъ и Антоній любитъ.

АНТОНІЙ.

Нѣжный другъ!

Повѣрь его любви — ея ничто
 Не сокрушить.

КЛЕОПАТРА.

Мнѣ Фульвія — примѣръ.

Ты отвернись-ко, да поплачь объ ней,
 Потомъ скажи, прощаяся, что слезы
 Льешь объ Египтѣ; сцену разыграй
 Высокого притворства и увѣрь
 Что это честь.

АНТОНІЙ.

Ты злишь меня, оставь!

КЛЕОПАТРА.

Ты можешь лучше, — но и такъ къ лицу.

АНТОНІЙ.

Клянусь мечемъ я...

КЛЕОПАТРА.

И щитомъ. Теперь

Искуснѣй, но не все тутъ. Харміанъ!
Взгляни, какъ римскій Геркулесь хорошъ
Въ порывѣ глѣва.

АНТОНІЙ.

Я оставлю васъ.

КЛЕОПАТРА.

Мой витязь вѣжливый, одно лишь слово:
Такъ намъ разстаться должно, — нѣтъ — не то;
Любили оба мы. — Опять не то;
Ты это зналъ, — что я хочу сказать?
О! память у меня точь въ точь Антоній,
Я все забыла.

АНТОНІЙ.

Еслибъ не видалъ

Безумства я у ногъ твоихъ, то счелъ бы
Безумной самое тебя.

КЛЕОПАТРА.

Какъ тяжело

Носить безумство такъ у сердца близко,
Какъ носить Клеопатра. Но прости....
Смертеленъ каждый шагъ мой для меня,
Коль ты имъ недоволенъ. — Честь зоветъ
Тебя отсюда. — Глупыхъ словъ не слушай —
Пусть будутъ боги всѣ съ тобой и мечъ
Твой обовѣется лавромъ, — а успѣхъ
Передъ твоими стелется стопами.

АНТОНІЙ.

Пойдемъ.

Разлука такъ и медлитъ и спѣшитъ,
 Что ты идешь, здѣсь царствуя, за мною;
 А я, бѣжавъ — все остаюсь съ тобою.
 Пойдемъ!

(уходятъ.)

СЦЕНА IV.

Римъ. Комната, въ домъ Цезаря.

(Входятъ Октавій Цезарь, Лепидъ и сеита.)

ЦЕЗАРЬ.

Ты видишь самъ Лепидъ и не забудь;
 Не Цезарское чувство ненавидѣть
 Великаго совмѣстника: вотъ слухи
 Александрійскіе: онъ ловитъ рыбу, пьетъ,
 Жжетъ факелы въ ночныхъ пирахъ — и самъ
 Мужчиной сталъ не больше Клеопатры;
 А Птолемея вдова ни чѣмъ
 Не женственнѣй его. Пословъ онъ слушалъ всколзь,
 Забывъ о соправителяхъ. Ты въ немъ
 Отыщешь всѣ возможные пороки,
 Которымъ люди слѣдуютъ.

ЛЕПИДЪ.

Едваль

Они затмѣтъ въ немъ доблестное могутъ.
 Его ошибки словно звѣзды въ небѣ
 Еще пышнѣй горятъ во тьмѣ, скорѣй
 Въ крови, а не въ привычкахъ, жребій больше
 Чѣмъ произволь.

ЦЕЗАРЬ.

Ты слишкомъ снисходителенъ. Положимъ
 Простительно мять ложе Птолемея,
 Платить за шутки царствами, на споръ
 По правиламъ искусства пить съ рабами,
 Шататься днемъ по улицамъ, бороться
 Съ вонючей чернью — это все пустякъ,

(Хотя какихъ достоинствъ незатмятъ
 Такія вещи) но ни чѣмъ Антоній
 Не извинить того, что намъ вести
 Его безумствъ такъ тяжело бремя. — Если
 Досуги онъ на мѣгу расточаетъ,
 То отвращенье, да изсохшій мозгъ
 О томъ напоминать; но терять часы,
 Зовущіе на подвигъ барабаномъ
 И воплемъ государства — это стоитъ
 Бранить, какъ мальчика бранять, который
 Все отдаетъ за радость въ настоящемъ
 На перекорь уму.

(Входитъ посланникъ.)

Лепидъ.

Вотъ снова вѣсть.

Посланникъ.

Приказъ исполненъ твой и каждый часъ
 Ты, благородный Цезарь, будешь слышать
 О ходѣ дѣлъ. Помней владѣетъ моремъ
 И кажется склонилъ онъ тѣхъ, кому
 Былъ Цезарь только страшенъ. — Къ кораблямъ (*)
 Уже толпы стеклися недовольныхъ
 И ропщутъ на тебя.

Цезарь.

Я это зналъ.

Мы можемъ видѣть съ первыхъ государствъ,
 Что кто высокъ и милъ, пока высокъ,
 А кто упалъ, хотъ не былъ вѣкъ любимъ
 И быть не могъ, — сталъ милъ, какъ нѣтъ его.
 Похожа чернь на зыбкій флагъ рѣчной,
 Что взадъ впередъ какъ рабъ слѣдитъ за вѣтромъ
 И треплется движеньемъ.

Посланникъ.

Цезарь! я

Съ извѣстіемъ, что Менекрытъ и Менасъ

*) Въ прежнихъ изданіяхъ: to the ports; у Кольтера: to the fleets.

Извѣстные пираты, овладѣвъ
 Морскимъ пространствомъ, всѣхъ родовъ клями
 Его браздятъ; не первый ужъ набѣгъ
 Въ Италію проникъ, приморскій житель
 Дрожитъ, и вся въ волненьи молодежь!
 Чуть судно гдѣ покажется, берутъ
 Лишь бы завидѣть, а Помпея имя
 Опаснѣе всѣхъ силъ его.

Цезарь.

Антоній!

Брось кубки сладострастія. Когда
 Разбитый ты спѣшилъ изъ подъ Мутины,
 Гдѣ самъ убилъ и Гирція и Панзу,
 Двухъ консуловъ, — шелъ голодъ по твоимъ
 Пятамъ. Но ты, изнѣженный, сносишь
 Его съ терпѣньемъ дикаря, ты жажду
 Мочею конской утолялъ, да ржавой
 Водой болотной, что и скотъ не пьетъ;
 Не презиралъ ты самыхъ дикихъ ягодъ
 И какъ олень, когда поля въ снѣгу,
 Ты грызъ кору древесную; на Альпахъ,
 (Ты по рассказамъ) ѣлъ такое мясо,
 Что видъ его смертеленъ былъ — и это
 (О срамъ, о стыдъ тебѣ мои слова)
 Ты все сносишь такъ твердо, что ланиты
 Твои не поблѣднѣли.

Лепидъ.

Жаль его.

Цезарь.

Хотя бы стыдъ его обратно въ Римъ
 Прогналъ. Давно пора намъ сообща
 На полѣ показаться; собери
 Для этой цѣли мнѣ совѣтъ; Помпей
 Растетъ отъ нашей лѣни.

Лепидъ.

Завтра Цезарь

Я буду въ состояннн донести,
Что могъ собрать на морѣ и на сушѣ
Въ отпоръ годинѣ злой.

Цезарь.

До той поры

О томъ же позабочусь самъ. — Прощай.

Лепидъ.

Прощай же Цезарь. Если вѣсть придетъ
О вѣшнихъ происшествiяхъ, — прошу
Не медля, дай мнѣ знать.

Цезарь.

Не сомнѣвайся;

Смотрѣть на это буду какъ на долгъ.

(уходятъ.)

СЦЕНА V.

Александриѣ. Комната во дворцѣ.

(сходятъ Клеопатра, Хармианъ, Ира и Мардианъ.)

КЛЕОПАТРА.

Хармианъ!

ХАРМИАНЪ.

Государыня!

КЛЕОПАТРА.

Ахъ, ахъ!

Дай мандрагоры выпить мнѣ.

ХАРМИАНЪ.

За чѣмъ?

КЛЕОПАТРА.

Чтобъ времени заспать пробѣлъ огромный,
Когда Антонiй мой не здѣсь.

ХАРМИАНЪ.

Ты слишкомъ

Имъ занята.

КЛЕОПАТРА.

Измѣнница!

ХАРМИАНЪ.

О нѣтъ!

КЛЕОПАТРА.

Ты, эвнухъ, Мардіанъ.

МАРДІАНЪ.

Что вамъ угодно?

КЛЕОПАТРА.

Не пѣть тебя теперь заставлю. — Мнѣ
Все въ эвнухѣ противно. Счастливъ ты,
Что, обезсиливъ, твой свободный умъ
Не мчится изъ Египта. Есть ли страсти
Въ тебѣ?

МАРДІАНЪ.

Да, есть, Царица.

КЛЕОПАТРА.

Въ самомъ дѣлѣ?

МАРДІАНЪ.

Нѣтъ не на дѣлѣ. Вѣдь на дѣлѣ я
Способенъ лишь на честныя дѣла,
Но есть порывъ о томъ размыслить, что
Съ Венерой дѣлалъ Марсъ.

КЛЕОПАТРА.

О Харміанъ!

Гдѣ онъ по твоему? Стоитъ? Сидитъ?
Иль ходитъ гдѣ? Иль ѣдетъ на конѣ?
Счастливецъ конь, Антонія ты носишь.
Гордися конь! Ты знаешь ли кто онъ?
Поль-Атласа земли ты носишь; — щить
Вселенной! Что молчитъ онъ или шепчетъ:
«Гдѣ ты, моя змѣя у нильскихъ водъ?»

Такъ онъ зоветъ меня. А я теперь
 Впиваю ядъ сладчайшій, пусть онъ помнитъ
 Меня, хоть я отъ устъ влюбленныхъ Феба
 Черна и поддалась годамъ. — Когда
 Ты былъ въ живыхъ широколобый Цезарь
 Кусочикъ царскій я была; Великій
 Помяней, свой взоръ въ мои вперяя брови,
 Стоялъ и бросить якорь здѣсь желалъ,
 Теряясь въ созерцаньи.

АЛЕКСАСЪ.

Владычицѣ Египта мой привѣтъ.

КЛЕОПАТРА.

Какъ съ Маркомъ ты Антоніемъ не сложи!
 Но прибылъ отъ него и драгоценный
 Растворъ позолотилъ тебя. Скажи,
 Что дѣлаетъ мой храбрый Маркъ Антоній?

АЛЕКСАСЪ.

Послѣднимъ дѣломъ, свѣтлая царица,
 Былъ поцалуй, послѣдній изъ упавшихъ
 На этотъ перлъ, слова вонзились въ сердце.

КЛЕОПАТРА.

Пусть ихъ мое исторгнетъ ухо.

АЛЕКСАСЪ.

«Другъ»,

Сказалъ онъ, «передай мои слова:
 Шлетъ вѣрный Римлянинъ вотъ этотъ перлъ
 Великой Египтянкѣ и у ногъ
 Ея, чтобъ даръ возвыситъ скудный, брошу
 Я царства передъ пышный тронъ: Востокъ
 Весь назоветъ ее своей царицей.»
 Тутъ мнѣ кивнулъ и сѣлъ онъ на коня,
 Который ржалъ такъ громко, что отвѣтъ
 Мой заглушенъ былъ.

КЛЕОПАТРА.

Скученъ онъ или веселъ?

АЛЕКСАСЪ.

Похожъ на время года; межъ теплою
И холодою — ни скученъ и ни веселъ.

КЛЕОПАТРА.

О соразмѣрность чудная! замѣть!
Замѣть! голубка Хармианъ! вотъ мужъ!
Онъ не былъ скученъ, чтобъ казаться яснымъ
Въ глазахъ приверженцевъ; — онъ не былъ веселъ,
Чтобъ не сказали, что оставилъ радость
Въ Египтѣ онъ, а такъ ни то, ни сѣ.
О что за смѣсь! ни радость и ни грусть.
И обѣ крайности тебѣ къ лицу,
Какъ никому. Встрѣчалъ моихъ пословъ?

АЛЕКСАСЪ.

Да я ихъ встрѣтилъ двадцать. Для чего
Ихъ плешь такъ много?

КЛЕОПАТРА.

Кто рожденъ въ тотъ день,
Какъ я писать къ Антонию забыла,
Пусть будетъ нищимъ. Хармианъ, бумаги!
Спасибо Алексасъ. — Что Хармианъ!
Былъ Цезарь мнѣ такъ милъ?

ХАРМИАНЪ.

О дивный Цезарь!

КЛЕОПАТРА.

Похвалишь вновь, такъ подавись! тверди:
«О дивный Маркъ Антоній!

ХАРМИАНЪ.

Храбрый Цезарь!

КЛЕОПАТРА.

Клянусь Изидой, что полетится кровь
Изъ зубъ твоихъ, коль съ Цезаремъ сравнишь
Мужчину изъ мужчинъ.

ХАРМИАНЪ.

Я, не во гнѣвъ,

Пою на голосъ вашъ.

КЛЕОПАТРА.

Въ порѣ незрѣлой,

Когда мой разумъ зеленъ былъ, могла

Я хладнокровно это говорить!

Пойдемъ, дай мнѣ бумаги и чернилъ:

Пусть каждый день онъ слышитъ мой привѣтъ,

Пока въ Египтѣ хватить населенья.

А К Т Ъ II.

СЦЕНА I.

Мессина. Комната въ домѣ Помпея.

(Входятъ Помпей, Менекратъ и Менасъ.)

ПОМПЕЙ.

Коль боги правосудны, то они
Помогутъ дѣлу правыхъ.

МЕНЕКРАТЪ.

Знай Помпей,

Ихъ медленность не есть еще отказъ.

ПОМПЕЙ.

Пока мы молимъ ихъ у алтаря,
О чемъ мы просимъ — вянеть.

МЕНЕКРАТЪ.

Мы слѣпцы.

Себѣ не рѣдко молимъ зла, въ которомъ
Отказываетъ промыслъ и отказъ
На пользу намъ.

ПОМПЕЙ.

Надѣюсь на успѣхъ:

Народъ мнѣ преданъ, море все мое,
Я властью — новый мѣсяць, но предвижу

Надеждой полнолуны. Маркъ Антоній,
 Въ Египтѣ сидя за трапезой, въ поле
 Не выйдетъ, Цезарь накопляетъ деньги,
 Сердца теряя, а Лепидъ, обоимъ
 Имъ льстя за лесть, не любить никого;
 А самъ не милъ имъ.

МЕНЕКРАТЪ.

Цезарь и Лепидъ
 Явились въ полѣ съ силою большой. *

ПОМПЕЙ.

Кто вѣсть принесъ? Все это ложно.

МЕНЕКРАТЪ.

Сильвій.

ПОМПЕЙ.

Онъ бредить. Мнѣ извѣстно, что они
 Антонія ждуть въ Римѣ. Но любовь
 Да усладить уста у Клеопатры!
 И дастъ волшебной ей красы и нѣги,
 Чтобъ вѣчными пирами отуманенъ
 Былъ сластолюбецъ. Яства Эпикура
 Пускай манятъ и дразнятъ аппетитъ,
 А сонъ и пища погружаютъ доблесть
 Въ летейскій сумракъ. — Ты что скажешь Варрій?

(Входитъ Варрій.)

ВАРРІЙ.

Бесспорно то, что долженъ я сказать.
 Антонія ждуть ежечасно въ Римѣ.
 Съ тѣхъ поръ, какъ выбылъ изъ Египта, — могъ
 Онъ долгій кончить путь.

ПОМПЕЙ.

Полегче вѣсть
 Была бы мнѣ пріятнѣй. Менасъ, я
 Не думалъ, чтобъ влюбленный сластолюбецъ
 Рѣшился племъ надѣть изъ пустяковъ.

Отд. I.

6

Онъ ихъ обоихъ стоитъ какъ солдатъ,
 Но возгордимся тѣмъ, что нашъ дорывъ
 Сорвалъ съ колѣнъ Египетской вдовы
 Антонія, столь падкаго на пѣгу.

МЕНАСЪ.

Что Цезарь другъ Антонию — не вѣрю;
 Его женой покойной оскорбленъ
 Былъ Цезарь; братъ его съ нимъ воевалъ,
 Хоть кажется невиненъ въ томъ Антоній.

ПОМПЕЙ.

Не знаю Менасъ, какъ вражды меньшія
 Даютъ дорогу большимъ. Не возстань
 На нихъ, они сцѣпились бы другъ съ другомъ.
 Причинъ у нихъ довольно, обнажить
 Свои мечи. Но знать еще нельзя,
 Какъ свяжетъ намъ возбужденный страхъ
 Ихъ разногласья меньшія и споры.
 Будь что богамъ угодно! Уберечь
 И жизнь и честь намъ можетъ только мечъ.
 Въ путь Менасъ!

(уходятъ.)

СЦЕНА II.

Римъ. Комната въ домѣ Лепида.
(Входятъ Энобарбъ и Лепидъ.)

ЛЕПИДЪ.

Любезный Энобарбъ! благое дѣло
 Ты сдѣлаешь, склоня вожда: въ рѣчахъ
 Быть краткимъ, вѣжливымъ.

ЭНОБАРБЪ.

Я попрошу его
 Самимъ собою быть: затронетъ Цезарь,
 Пусть Цезаря Антоній смѣрнитъ взглядомъ
 И закричитъ какъ Марсъ. Клянусь Зевесомъ,
 Будь борода Антонія моею,
 Сегодня-бъ я не сбрилъ ее.

ЛЕПИДЪ.

Не время
Теперь на частные раздоры.

ЭНОВАРЕБЪ.

Время
Всегда на то, что происходитъ въ немъ.

ЛЕПИДЪ.

Но пусть большому меньшее уступить.

ЭНОВАРЕБЪ.

Нѣтъ, козь начнется съ меньшаго. —

ЛЕПИДЪ.

Прошу
Не горячись и не копай въ золѣ.
Вотъ Маркъ Антоній самъ.

(Входитъ Антоній и Веспидій.)

ЭНОВАРЕБЪ.

А вотъ и Цезарь.

(Входитъ Цезарь и Агриппа.)

АНТОНІЙ.

Мы если здѣсь поладимъ, — то ступай
Ты въ Парейю Вентидій.

ЦЕЗАРЬ.

Я не знаю,
Спроси Агриппу, Меценать!

ЛЕПИДЪ.

Друзья,
Что насъ свело такъ важно. — Не дозволимъ
Бездѣлкамъ насъ разъединять. — Упреки
Примите кротко. Если нашъ раздоръ
Возвыситъ голосъ, то убьетъ цѣленье
Онъ язвъ. И такъ высокіе друзья
(Тѣмъ болѣе, чѣмъ пристальнѣй прошу)

Опасныхъ мѣстъ касайтесь, мягкимъ словомъ,
Чтобъ не умножить зла.

АНТОНІЙ.

Благая рѣчь!

У войска, передъ битвой, я бы думалъ
Вотъ — такъ.

ЦЕЗАРЬ.

Съ приѣздомъ въ Римъ

АНТОНІЙ.

Благодарю.

ЦЕЗАРЬ.

Прошу, садись.

АНТОНІЙ.

Нѣтъ ты садись.

ЦЕЗАРЬ.

Вотъ, такъ!

АНТОНІЙ.

Я слышалъ, дѣломъ ты смущенъ ничтожнымъ,
Иль чуждымъ для тебя.

ЦЕЗАРЬ.

Я бь сталъ смѣшенъ,

Когдабъ напрасно, иль изъ пустяковъ
Считалъ себя обиженнымъ; тобой
Тѣмъ болѣе; еще смѣшнѣй, когда бы
Съ упрекомъ помнилъ тебя, — да мнѣ
И называть тебя не приходилось.

АНТОНІЙ.

Я жилъ въ Египтѣ, чтожъ ты въ томъ нашель?

ЦЕЗАРЬ.

Не болѣе, чѣмъ въ Римской жизни ты
Моей нашель въ Египтѣ. Еслижъ противъ

Меня ты шель, то жизнь твоя въ Египтѣ
Другой вопросъ!

Антоній.

Какъ слово шель понять?

Цезарь.

Ты удостой понять изъ всего,
Что я здѣсь вынесъ: братъ твой и жена
Возстали на меня и ты у нихъ
Предлогомъ былъ и лозунгомъ войны.

Антоній.

Ты въ заблужденьи: никогда мой братъ
Не опирался на меня. Я самъ
О томъ развѣдалъ и узналъ отъ лицъ,
Тебѣ мечемъ служившихъ. Развѣ онъ
Мнѣ не былъ также вреденъ, какъ тебѣ?
Не возставалъ ли онъ на убѣжденья
Намъ общія? Мои всѣ письма могутъ
Завѣрить въ томъ. — Но если хочешь ссору
Натягивать, (изъ цѣльнаго не выйдетъ)
Возьми другое.

Цезарь.

Самъ себя хваля,
Мои сужденья ты хулишь; а самъ
Натягиваешь извиненья.

Антоній.

Нѣтъ!

Не можешь ты (я въ этомъ убѣжденъ)
Не согласиться съ истинной, что я
Товарищъ твой въ дѣлахъ враждебныхъ брату,
Не могъ смотрѣть съ отрадой на войну,
Во вредъ мнѣ самому. — Моя жена —
Желалъ бы я тебѣ имѣть такую!
Вселенной треть твоя и ты легко
Съ ней справишься, но не съ такой женой.

ЭНОБАРГЪ.

Пусть бы у всѣхъ насъ были такія жены, чтобы мужья
ходили на войну вмѣстѣ съ бабами.

АНТОНІЙ.

Такъ непреклонна въ злобномъ крикѣ, Цезарь!
Что гнѣвъ ея (однако не лишennyй
И тошкостн), я съ грустью говорю,
Тебѣ былъ въ тягость. Но сознайся, тутъ
Не могъ помочь я.

ЦЕЗАРЬ.

Я тебѣ писалъ;
Но на пирахъ Александрійскихъ, ты
Въ карманъ мой клалъ письма, и посла,
Не выслушавъ, съ насмѣшкой проводилъ.

АНТОНІЙ.

Онъ безъ доклада ворвался: я только
Трехъ угостилъ царей и не былъ тѣмъ
Какъ былъ съ утра, но на другой же день
Я самъ о томъ сказалъ ему, что значить
Почти просить прощенья. Оставь
Ты парня своего теперь: его
Изъ нашихъ преній вычеркни.

ЦЕЗАРЬ.

Ты клятву
Свою нарушилъ въ главномъ, а меня
Не упрекнешь ты въ томъ.

ЛЕНИДЪ.

Полегче Цезарь!

АНТОНІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ Ленидъ! пускай онъ говоритъ;
Священна честь, которую онъ тронулъ,
Сочтя меня не вѣрнымъ. Дальше Цезарь;
Я въ главномъ поклялся....

ЦЕЗАРЬ.

Дать помощь мнѣ и войскъ, когда спрошу,
Въ томъ и другомъ ты отказалъ.

АНТОНИЙ.

СКОРБЬ

Забылъ въ часы, когда я былъ сознанья
Лишенъ отравою. На сколько можно
Передъ тобой винюсь; но добродушье
Пусть не въ ущербъ величью будетъ; слзу
Свою я помню. — Правда, Фульвія,
Меня желая вызвать изъ Египта,
Съ тобой боролась, — я, невинный поводъ
Вражды, прошу прощенія, на сколько
Дозволить честь.

ЛЕНЦДЪ.

Вотъ благородство рѣчи.

МЕЦЕНАТЬ.

Когда бы вамъ угодно было бросить
Взаимную вражду и позабыть,
То вспомните, какъ все зоветъ теперь
Васъ къ мировой.

ЛЕНЦДЪ.

Прекрасно Меценать

ЭНОБАРЬ.

Или если вы на срокъ займете другъ у друга любви,
то можете, когда о Помпеѣ не будетъ и помину, возратить
каждому свое: будетъ у васъ время ссориться, когда дѣлать
станетъ нечего.

АНТОНИЙ.

Во всемъ солдатъ! ты лучше замолчи.

ЭНОБАРЬ.

Я и забылъ, что правда должна молчать.

АНТОНІЙ.

Ты оскорбляешь всѣхъ, — и такъ молчи.

ЭНОБАРЬЪ.

Ну хорошо; я вашъ покорнѣйшій камень.

ЦЕЗАРЬ.

Его рѣчей не смыслъ я осуждаю,
А только выраженья; невозможно
Быть дружбѣ тамъ, гдѣ мысли и дѣла
Въ такомъ разладѣ. Но когдабъ я зналъ
Звѣно, могущее связать насъ, ябъ его
Изъ края въ край искалъ.

АГРИППА.

Позволь мнѣ Цезарь, —

ЦЕЗАРЬ.

Агриппа говори.

АГРИППА.

Есть у тебя отъ матери сестра,
Прекрасная Октавія: Антоній
Теперь вдовецъ.

ЦЕЗАРЬ.

Что за слова Агриппа?

Услыша это, Клеопатра вправѣ
Назвать неразсудительнымъ тебя.

АНТОНІЙ.

Я не женатъ; позволь мнѣ Цезарь слышать
Дальнѣйшія слова Агриппы.

АГРИППА.

Чтобъ дружбою васъ прочной сочетать,
Какъ братьевъ и союзомъ неразрывнымъ
Связать сердца, Антонию бы должно
Жениться на Октавіи, достойной

По красотѣ быть за мужемъ за лучшимъ
 Мужчиною и свѣтлой добротой,
 Украшенной превыше всякихъ словъ: —
 Весь мелкій споръ, что кажется великъ
 И страхъ большой, грозящій намъ теперь,
 Исчезнуть въ этомъ бракѣ. Правда станетъ
 Такой же сказкой, какъ полунамекъ
 Теперь намъ правдой. Общая любовь
 Послѣдуетъ за вашей обоюдной. —
 Простите мнѣ слова мои; я ихъ
 Обдумывалъ не разъ.

Антоній.

Что скажетъ Цезарь?

Цезарь.

Не прежде, чѣмъ услышптъ замѣчанья
 Антонія.

Антоній.

Чѣмъ можетъ тутъ Агриппа,
 Хоть я скажу: Агриппа по рукамъ!
 Дать дѣлу ходъ?

Цезарь.

Всей цезаревой властью
 И властью надъ Октавіей.

Антоній.

Мнѣ даже
 Не снится быть помѣхой предложенью,
 Столь свѣтлому. Дай руку мнѣ свою.
 Скрѣпи союзъ прекрасный и отнынѣ,
 Пусть нами править братская любовь,
 Для славныхъ цѣлей.

Цезарь.

Вотъ моя рука.
 Передаю тебѣ сестру; иѣжнѣй
 Чѣмъ я не можетъ брать любить; она

Да свяжетъ наши царства и сердца.
Не избѣгай насъ снова.

Лепидъ.

Въ добрый часъ.

Антоній.

Не думалъ я мечемъ грозить Помпею;
Недавно онъ великую услугу
Мнѣ оказалъ и отблагодарить
Я долженъ, чтобъ не слыть неблагодарнымъ.
Покончивъ, вызову его.

Лепидъ.

Пора!

Иль мы должны искать Помпея, или
Онъ насъ найдетъ.

Антоній.

Гдѣ флотъ его стоитъ?

Цезарь.

Передъ горой Мизенума.

Антоній.

Какъ силенъ

На сушѣ онъ?

Цезарь.

Войскъ множится, а моремъ
Владѣеть онъ одинъ.

Антоній.

По слухамъ такъ. —

Жаль, съ нимъ не говорилъ я! поспѣшимъ;
Но прежде, чѣмъ вооружимся, кончимъ
То, что хвалили.

Цезарь.

Съ радостью великой.

И я теперь зову тебя къ сестрѣ
Отсюда прямо.

АНТОНІЙ.

Будь такъ добръ Лепидъ,
Не оставляй насъ.

ЛЕПИДЪ.

Доблестный Антоній,
Не остановитъ и болѣзнь меня.

(Трубы. — Уходятъ Цезарь, Антоній и Лепидъ.)

МЕЦЕНАТЬ.

Поздравляю съ прїѣздомъ изъ Египта.

ЭНОБАРЬЕЪ.

Половина Цезарева сердца, достойный Меценать! мой почтенный другъ Агриппа!

АГРИППА.

Добрый Энобарбъ.

МЕЦЕНАТЬ.

Намъ есть чему порадоваться, что все дѣла такъ хорошо распутались. А ты, между прочимъ, повеселился въ Египтѣ?

ЭНОБАРЬЕЪ.

Да, дѣйствительно: мы спали такъ, что бѣлому дню становилось стыдно, а ночи освѣщали попойками.

МЕЦЕНАТЬ.

Восемь жареныхъ венрей на завтракъ и только на двѣнадцать человѣкъ; правда ли это?

ЭНОБАРЬЕЪ.

Это только муха въ сравненіи съ орломъ; на пирахъ у насъ бывало много другихъ чудовищныхъ продѣлокъ, на которыя стоило обратить вниманіе.

МЕЦЕНАТЬ.

Она, должно быть, роскошнѣйшая женщина, если судить по слухамъ.

ЭНОБАРЬЕ.

Когда она увидѣла въ первый разъ Марка Антонія, то похитила его сердце. Это было на рѣкѣ Цидиѣ.

АГРИППА.

Тамъ она дѣйствительно показала себя, или мой рассказчикъ много выдумалъ въ ея пользу.

ЭНОБАРЬЕ.

Я расскажу вамъ :
 Ея галера, какъ блестящій тронъ
 Горѣла на водѣ, корма лптал
 Изъ золота; пурпурныя вѣтрила
 Благоухали такъ, что вѣтеръ страстный
 Въ нихъ замиралъ; — серебряныя весла
 Подъ звуки флейтъ ложились мѣрно, такъ
 Что къ нимъ вода, влюбленная въ удары,
 Рѣзвѣй текла. Но передъ ней самой
 Скудѣеть описанье: распростерта
 Въ своей палаткѣ (свѣтлой, парчевой)
 Она была прелестнѣй той Венеры,
 Въ которой кисть природу превзошла.
 Вокругъ ея мальчишки купидоны
 Съ улыбками и тѣнью опахаль,
 Въ которой жаръ ланить, какъ бы не гасъ,
 А лице рдѣлъ.

АГРИППА.

Антоній вѣрно таялъ!

ЭНОБАРЬЕ.

Ея служанки — словно Нереиды
 Или Сирены, ей служили взглядомъ
 И съ прелестью въ движеніяхъ. Сирена
 Рулемъ водила; шелковыя снасти
 Давленію цвѣточно — пѣжныхъ рукъ
 Покорствовали. Отъ галеры тихо
 Сладчайшее несло благоуханье
 Къ обонмъ берегамъ, куда стеклись

Всѣ городскіе жители. Антоній
 Одинъ сидѣлъ на площади и воздухъ
 *) Присвистываеъ, который, еслибъ можно
 Быть пустотѣ, ушелъ бы къ Клеопатрѣ,
 Оставя свѣтъ пустымъ.

Агриппа.

О Египтянка!

Энобарьѣ.

Когда она причалила, Антоній
 Ее позвалъ на ужинъ; но она
 Сказавъ, что лучше онъ пусть будетъ гостемъ,
 Его позвала. Вѣжливый Антоній
 Нашъ, женщинѣ сказать не въ силахъ: «нѣтъ.»
 Побритый десять разъ, идетъ на пиръ,
 И тамъ то заплатилъ за все онъ сердцемъ,
 Что только ѣлъ глазами.

Агриппа.

Чародѣйка!

Великій Цезарь самъ къ ней бросилъ мечъ
 На ложе. Онъ пахалъ, — она пожалала.

Энобарьѣ.

Я видѣлъ, какъ отъ сорока прыжковъ
 По улицѣ, ей захватило духъ.
 Начавши рѣчь, она смолкала вновь;
 Но недостатокъ обратя въ красу,
 И бездыханная дышала силой.

Меценатъ.

Теперь Антоній долженъ съ ней разстаться.

Энобарьѣ.

Нисколько. — Не захочетъ онъ. Надъ ней
 Лѣта беспильны; съ нею наслажденье
 Не увядаетъ. Женщины другія

*) Какъ присвистываютъ собаки.

Насъ пресыщаютъ, а она все больше
Родитъ желанья. Низкое въ ней даже,
Такъ благородно, что жрецы готовы
Благословлять ея паденье.

МЕЦЕНАТЬ.

Когда краса и умъ и скромность могутъ
Плѣнить Антоніево сердце, то
Октавія ему счастливый жребій.

АГРИППА.

Пойдемъ мой Энобарбъ, будь гостемъ мнѣ
Пока ты здѣсь.

ЭНОБАРБЪ.

Благодарю покорно.

СЦЕНА. III.

(Тамъ же въ домѣ Цезаря.)

(*Входятъ: Цезарь, Антоній, между ними Октавія. За ними свита.*)

АНТОНІЙ.

Порою мѣръ и долгъ меня лишать
Твоихъ объятій.

ОКТАВІЯ.

Я все это время
Молиться стану за тебя богамъ.

АНТОНІЙ.

(*Цезарю*) Покойной ночи. — Нѣтъ Октавія,
Изъ устъ молвы не слушай мнѣ хулы:
Я не всегда зналъ мѣру, но теперь
Все въ колею войдетъ. — Покойной ночи —
Возлюбленная! Доброй ночи Цезарь!

ЦЕЗАРЬ.

Покойной ночи. (*Уходятъ Цезарь и Октавія*)
(*сходитъ гадатель.*)

АНТОНІЙ.

Что другъ? Скучаешь вѣрно по Египту?

ГАДАТЕЛЬ.

Его бы мнѣ не покидать, — тебѣ же
Не посѣщать.

АНТОНІЙ.

Скажи-ко почему?

ГАДАТЕЛЬ.

Я это вижу чувствомъ, но не въ страхъ
Сказать, а ты спѣши назадъ въ Египеть.

АНТОНІЙ.

Скажи ты мнѣ, чье счастье станетъ выше
Мое или Цезарево?

ГАДАТЕЛЬ.

Цезарево.

По этому не будь ты съ нимъ Антоній,
Твой демонъ, — духъ — защитникъ благородень,
Высокъ, отваженъ и недостижимъ,
Когда съ нимъ Цезарева нѣтъ; но рядомъ
Съ нимъ твой робѣеть, словно побѣжденный; —
Будь розно съ нимъ.

АНТОНІЙ.

Ты такъ не говори.

ГАДАТЕЛЬ.

Другому, нѣтъ; — но одному тебѣ:
Сыграй ты съ нимъ въ игру какую хочешь
Ты проиграешь. Онъ природнымъ счастьемъ
Тебя всегда побѣтитъ. Твой меркнетъ блескъ,
Коль рядомъ свѣтитъ онъ. И такъ послушай:
Вблизи его твой духъ терлетъ власть,
А порознь съ нимъ, онъ благородень.

АНТОНИЙ.

Прочь!

Вентидію скажи, что я зову. (*Гадатель уходитъ*)
 Онъ ѣдетъ въ Парѳію. — Судьба или случай,
 Онъ правъ. — Ему послушны даже кости
 И въ играхъ съ нимъ расчетъ мой побѣжденъ
 Его удачей: жребій брось — онъ вынетъ.
 Его пѣтухъ всегда моихъ побьетъ
 На переборъ всему; перепела
 Его дерутъ моихъ. — Скорѣй въ Египеть!
 Хотя женюсь я здѣсь для примиренья, —
 Моя вся радость тамъ. — (*Входитъ Вентидій*) сюда Вентидій!
 Ты ѣхать въ Парѳію готовься. — Порученье
 Твое написано. Пойдемъ. Возьми его.

(Уходятъ.)

СЦЕНА IV.

*(Тамъ же. На улицѣ.)**(Входятъ Лепидъ, Меценатъ и Агриппа.)*

ЛЕПИДЪ.

Не безпокойтесь больше; — поспѣшите
 За вашими вождями.

АГРИППА.

Маркъ Антоній

Хотѣлъ обнять Октавію и въ путь.

ЛЕПИДЪ.

Пока въ доспѣхахъ встрѣчу васъ, въ которыхъ
 Вы оба молоды, — прощайте.

МЕЦЕНАТЪ.

Мы,

Когда не ошибаюсь, будемъ тамъ
 Скорѣй тебя Лепидъ.

ЛЕПИДЪ.

Вашъ путь короче, —

Мой планъ ведетъ окольною дорогой; —
 Вы будете дня за два до меня.

МЕЦЕНАТЪ И АГРИППА.

Ну въ добрый часъ.

ЛЕНИДЪ.

Прощайте!

(всѣ уходятъ.)

СЦЕНА V.

Александрія. Комната во дворцѣ.

(Входятъ Клеопатра, Харміанъ, Ира и Алексасъ.)

КЛЕОПАТРА.

Гдѣ музыканты? музыка отраднѣ
Для насъ влюбленныхъ

СЛУГА.

Музыка сюда!

(Входитъ Мардіанъ.)

КЛЕОПАТРА.

Оставь. — Съиграемъ въ кегли Харміанъ.

ХАРМІАНЪ.

Рука болятъ. Съиграйте съ Мардіаномъ.

КЛЕОПАТРА.

Вѣдь женщинѣ, что съ эвнухомъ играть,
Что съ женщиной. Съиграешь ли со мной?

МАРДІАНЪ.

Царица, какъ умѣю.

КЛЕОПАТРА.

Готовность и плохому игроку
Простить заставить. Но оставимъ это —
Дай удочку. Пойдемъ къ рѣкѣ и тамъ
Подъ звуки дальней музыки, дурачить
Я стану златоперыхъ рыбъ, ловя ихъ
Крючкомъ за скользкій ротъ, — и что поймаю,
При каждой буду думать: вотъ Антоній,
И говорить: ага! попался ты!

Отд. I.

7

ХИРМИАНЪ.

Какъ весело вамъ было удить вмѣстѣ,
Побившись объ закладъ, въ тотъ разъ, когда
Твой водолазъ ему на крюкъ вздѣлъ рыбу
Соленую, а онъ тащилъ.

КЛЕОПАТРА.

О время!

Смѣясь, его покой смутила я;
Смѣясь и успокоила; а утромъ
Часу въ девятомъ на постель сполла,
Ему надѣла свой покровъ и платье,
Сама же Филиппинскій мечъ его.

(Входитъ вѣстникъ.)

О! Изъ Итали? Наполни праздный слухъ
Ты добрыми вѣстями мнѣ.

Вѣстникъ.

Царица!

Царица!

КЛЕОПАТРА.

Что? Антоній умеръ? Если

Ты это скажешь рабъ, — убьешь меня, —
А скажешь: онъ свободенъ, счастливъ — можешь
Брать золото — и голубую жилку
Сыскать, лобзая руку, что Цари
Дрожащими устами цѣловали.

Вѣстникъ.

Да, онъ здоровъ.

КЛЕОПАТРА.

Вотъ золото еще.

Но слушай рабъ! Мы часто говоримъ:
Кто умеръ, сталъ здоровъ; коль это смыслъ
Твоихъ рѣчей, то золото расплавя,
Вольютъ въ твои зловѣщія уста.

Вѣстникъ.

Царица! выслушай меня.

КЛЕОПАТРА.

Ну продолжай.

Но не добромъ ты смотришь. Коль Антоній
Свободенъ и здоровъ, зачѣмъ грустить
Неся такую вѣсть. — А если боленъ,
То Фуріей предстань, въ вѣнкѣ изъ змѣй,
А не мущиной.

Вѣстникъ.

Выслушать угодно?

КЛЕОПАТРА.

Хочу прибить, не выслушавъ тебя.
Но если скажешь, что Антоній живъ,
Здоровъ, другъ Цезарю и не въ плѣну,
Тебя осыплю золотомъ и градомъ
Жемчужнымъ.

Вѣстникъ.

Онъ здоровъ.

КЛЕОПАТРА.

Вотъ хорошо.

Вѣстникъ.

Другъ Цезарю.

КЛЕОПАТРА.

Ты честный человѣкъ.

Вѣстникъ.

Вѣкъ съ Цезаремъ такъ друженъ не былъ онъ.

КЛЕОПАТРА.

Проси богатствъ.

Вѣстникъ.

Царица! Но, однако—

КЛЕОПАТРА.

Не нравится мнѣ это *но*, въ немъ гибнетъ
Все предъдущее, къ чему тутъ: *но!*

Но, это стражъ темничный и ведетъ
Ужаснаго преступника. — Мой другъ
Дай мнѣ твою услышать вѣсть вполне
Съ худымъ и добрымъ. Цезарю онъ другъ,
Здоровъ, сказалъ ты, и свободенъ онъ?

Вѣстникъ.

Свободенъ? — Нѣтъ! Сказать я такъ не могъ:
Съ Октавіей онъ связанъ.

КЛЕОПАТРА.

Для чего?

Вѣстникъ.

Для ложа.

КЛЕОПАТРА.

Я блѣднѣю Харміанъ!

Вѣстникъ.

Царица! Онъ Октавіи супругъ.

КЛЕОПАТРА.

Чтобъ ты пропалъ отъ самой злой чумы! (*бьетъ его.*)

Вѣстникъ.

О успокойся!

КЛЕОПАТРА.

Что сказалъ ты? Прочь!
Ничтожный рабъ! Иль я твои глаза
Швырну какъ мячъ; повырну волоса (*бьетъ его и онъ
падаетъ.*)
Сѣчь проволокой прикажу, велю
Сварить въ соли.

Вѣстникъ.

Царица! пощади!

И вѣсть принеси; но ихъ женимъ не я.

КЛЕОПАТРА.

Скажи, что нѣтъ, — отдамъ тебѣ страну
И вознесу тебя, — тотъ мой ударъ
Зачти за то, что ввелъ меня во гнѣвъ,
И дамъ тебѣ всего, чѣмъ можно скромность
Вознаградить.

ВѢСТНИКЪ.

Царица! онъ женатъ.

КЛЕОПАТРА.

(Хватаетъ ножъ.) Подлецъ! ты слишкомъ долго жилъ.

ВѢСТНИКЪ.

Уйду!

За чтожъ Царица? Я не виноватъ.

(Уходитъ.)

ХАРМИАНЪ.

О государыня! приди въ себя:
Вѣдь точно, онъ не виноватъ ни въ чемъ.

КЛЕОПАТРА.

И неповинныхъ также громъ разитъ.
Нилъ! утопи Египетъ! Дѣти сердцемъ
Всѣ обратитесь въ змѣй. — Верни раба!
Хотя бѣшусь — не укушу. — Верни.

ХАРМИАНЪ.

Онъ и взойти боится.

КЛЕОПАТРА.

Я не трону.

И такъ моимъ рукамъ безчестье, бить
Того, кто беззащитенъ. Вѣдь всему
Причиной я сама. — Войди сюда!

(Вѣстникъ возвращается.)

Хоть честно, да не ловко сообщать
Дурныя вѣсти; радости давай
Сто языковъ, а горестныхъ вѣстей
Не нужно слушать, чувствуешь ихъ самъ.

ВѢСТНИКЪ.

Я долгъ исполнилъ свой.

КЛЕОПАТРА.

Чтожь, онъ женатъ?

Не будешь мнѣ противнѣй, чѣмъ теперь,
Коль скажешь: «да»

ВѢСТНИКЪ.

Царица, онъ женатъ.

КЛЕОПАТРА.

Будь проклятъ! Ты стоишь все на своемъ?

ВѢСТНИКЪ.

Ужель мнѣ лгать?

КЛЕОПАТРА.

О, еслибъ ты солгалъ
И пусть бы полъ—Египта залило
Для размноженья гадкихъ змѣй. Уйди,—
Будь ты Нарциссомъ, тыбъ казался мнѣ
Чудовищемъ. Такъ точно онъ женатъ?

ВѢСТНИКЪ.

Прошу меня простить.

КЛЕОПАТРА.

Такъ онъ женатъ?

ВѢСТНИКЪ.

Не гнѣвайся, гнѣвить я не хочу;
Но какъ винить за то, что я тебѣ
Послушенъ. Онъ Октавіи супругъ.

КЛЕОПАТРА.

О, еслибъ только отъ его вины
Ты сталъ лжецомъ! Такъ это вѣрно? Прочь!
Товаръ, который ты привезъ изъ Рима
Мнѣ слишкомъ не по деньгамъ. Пропадай
Ты съ нимъ.

(Вѣстникъ уходитъ.)

ХАРМІАНЬ.

Ваше Величество! терпѣнье!

КЛЕОПАТРА.

А я еще, Антонія хваля,
Хулила Цезаря.

ХАРМІАНЬ.

О! сколько разъ.

КЛЕОПАТРА.

Вотъ мнѣ награда! уведи меня!
Мнѣ дурно. Ира! Харміань!—нѣтъ, нѣтъ.
Ты вѣстника спроси мой Алексасъ:
Что, какова Октавія собой?
Узнай лѣта, наклонности ея
И цвѣтъ волосъ.—Вернись и расскажи.

(Алексасъ уходитъ.)

Пусть пропадетъ на вѣкъ.—Нѣтъ Харміань
Хоть будь съ одной онъ стороны Горгона,
Съ другой онъ Марсъ.—Пусть спроситъ Алексасъ:
Она какого росту? Сжался Харміань,
Не говори со мной.—Пойдемъ ко мнѣ.

(Уходятъ всѣ.)

СЦЕНА VI.

Близъ Мизенума.

(Входятъ съ одной стороны Помпей и Менасъ съ трубами и литаврами; съ другой Цезарь, Антоній, Лепидъ, Энобарбъ и Меценатъ съ войскомъ.)

ПОМПЕЙ.

Заложники мои у васъ, а ваши
Здѣсь у меня: поговоримъ до битвы.

ЦЕЗАРЬ.

Похвально объясниться. Мы за тѣмъ
Въ письмѣ къ тебѣ послали предложенья.
Согласенъ ты на нихъ—такъ дай намъ знать;
Удержатъ ли онѣ твой гнѣвный мечъ
И молодежь вернется ль безъ урона,
Въ Сицилію?

Помпей.

Послушайте вы трое

Единые властители земли,
Предстатели безсмертных! — я не знаю
За что отецъ мой будетъ не отмщенъ
Друзьями сына, если Юлій Цезарь,
Явившись къ Бруту тѣню, — при Филиппахъ
Увидѣлъ васъ въ бою изъ за него?
Чѣмъ блѣдный Кассій ввергнулъ въ заговоръ?
За что своею кровью честный Брутъ
И прочіе ревнители свободы
Кропили Капитолій? Не за толь,
Чтобъ былъ одинъ не больше, чѣмъ другой?
На то и я воздвигнулъ флотъ, который
Своею ношей дразнить пѣну волнъ,
Чтобъ покарать неблагодарность Рима
Къ великому отцу.

Цезарь.

Обдумай время.

Антоній.

Ты флотомъ насъ не устранишь Помпей.
На морѣ мы посмотримъ, — а на сушѣ
Ты знаешь, мы сильнѣй.

Помпей.

На сушѣ — такъ;
Ты сталъ богатъ, занявъ мой отчий домъ;
И какъ себѣ кукушка гнѣздъ не вьетъ,
Живи покуда въ немъ.

Лепидъ.

Нельзяль узнать
(Чтобъ не увлечься въ сторону) какъ принялъ
Ты предложенье наше.

Цезарь.

Въ немъ вопросъ.

АНТОНІЙ.

Не просьбамъ уступай, а только взвѣсь
Свой выигрышъ.

ЦЕЗАРЬ.

И то, что можетъ быть
Твоимъ великимъ счастьемъ.

ПОМПЕЙ.

Предлагали

Сицилію съ Сардиніей вы мнѣ,
Чтобъ я моря очистилъ отъ пиратовъ
И Римъ снабдилъ пшеницей. Если я
Такъ поступлю, не иззубримъ мечей
И не погнемъ щитовъ.

Цезарь, Антоній и Лепидъ.

Мы такъ писали.

ПОМПЕЙ.

Такъ знайте, я пришлеъ сюда принять
Условия ваши. Только Маркъ Антоній
Меня выводитъ изъ терпѣнья. Пусть
Разсказъ мой повредитъ мнѣ; только знай:
Когда твой братъ на Цезаря возсталъ,
То ваша мать въ Сициліи нашла
Пріемъ радушный.

АНТОНІЙ.

Слышалъ я Помпей

Объ этомъ и давно тебя хотѣлъ
Благодарить.

ПОМПЕЙ.

Дай руку мнѣ свою.
Не думалъ я здѣсь встрѣтиться съ тобой.

АНТОНІЙ.

Постели мягки на Востокѣ. Ты
Нечаянно меня, спасибо, вызвалъ
На пользу мнѣ.

ЦЕЗАРЬ.

Съ послѣдней нашей встрѣчи
Въ тебѣ есть перемѣна.

ПОМПЕЙ.

Я незнаю
Какъ злобный рокъ браздитъ мое лицо,
Но онъ не можетъ въ грудь мою проникнуть
И сердце покорить.

ЛЕПИДЪ.

Я радъ тебѣ.

ПОМПЕЙ.

Надѣюсь. я, Лепидъ.— Вотъ мы сошлись;
Желалъ бы я все видѣть на бумагѣ
За нашей скрѣпой.

ЦЕЗАРЬ.

Этимъ мы займемся.

ПОМПЕЙ.

Мы угостимъ другъ друга на прощаньи
По жребію: съ кого начать?

АНТОНИЙ.

Съ меня!

ПОМПЕЙ.

Нѣтъ, нѣтъ Антоній! лучше бросимъ жребій,
Но кухнею Египетской своей
Ты насъ затмишь. Я слышалъ, Юлій Цезарь
Тамъ растолстѣлъ.

АНТОНИЙ.

Ты слишкомъ много слышалъ.

ПОМПЕЙ.

Вѣрь, что худого я не помышлялъ.

АНТОНІЙ.

И не сказалъ.

ПОМПЕЙ.

Ну хорошо. — Я слышалъ. —

И слышалъ что Аполлодоръ пронесъ —

ЭНОБАРЪ.

Не продолжай. Онъ несъ. —

ПОМПЕЙ.

Что, сдѣлай милость?

ЭНОБАРЪ.

Да, знать, Царицу къ Цезарю въ коврѣ.

ПОМПЕЙ.

Тебя узналъ я! вопшь, какъ живешь?

ЭНОБАРЪ.

Не дурно, да не дурно и впередъ:

Жду четырехъ пировъ.

ПОМПЕЙ.

Дай руку мнѣ:

Твоимъ врагомъ я не былъ: — признаюсь,

Я съ завистью видалъ тебя въ бояхъ.

ЭНОБАРЪ.

Я не любилъ тебя; но долженъ былъ
Хвалить, когда ты стоилъ десять разъ
Моихъ похвалъ.

ПОМПЕЙ.

Храни свой правъ простой

Онъ такъ тебѣ присталъ. — Я всѣхъ

Зову на свой корабль. — Кому впередъ

Угодно.

ЦЕЗАРЬ, АНТОНИЙ И ЛЕПИДЪ.

Самъ ты насъ веди.

ПОМПЕЙ.

Пойдемте.

(Уходятъ Помпей, Цезарь, Антоній, Лепидъ, солдаты и сѣма.)

МЕНАСЪ.

(Въ сторону.) Отецъ твой, Помпей! никогда бы не согласился на такой договоръ. — Мы кажется съ тобой встречались?

ЭНОБАРЬЪ.

На морѣ кажется.

МЕНАСЪ.

Такъ точно.

ЭНОБАРЬЪ.

Ты на морѣ держался превосходно.

МЕНАСЪ.

А ты на сушѣ.

ЭНОБАРЬЪ.

Я радъ всякаго хвалить, кто меня похвалить, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать моихъ подвиговъ на сушѣ.

МЕНАСЪ.

Ни подвиговъ моихъ на морѣ.

ЭНОБАРЬЪ.

Да, — но ты многое могъ бы скрывать для собственной безопасности: ты былъ ужаснымъ воромъ на морѣ.

МЕНАСЪ.

А ты на сушѣ.

ЭНОБАРЬЪ.

Въ этомъ случаѣ я отказываюсь отъ подвиговъ на сушѣ. Но дай мнѣ руку Менасъ. Если бы глаза наши имѣли право надзора, то увидали бы, какъ два вора цалуются.

МЕНАСЪ.

У всякаго человѣка лицо честно, каковы бы ни были руки.

ЭНОБАРЬ.

Но ни у одной хорошенькой женщины нѣтъ честнаго лица.

МЕНАСЪ.

Это не упрекъ: онѣ воруютъ сердца.

ЭНОБАРЬ.

Мы прибыли сюда сражаться съ вамп.

МЕНАСЪ.

Я собственно жалѣю, что это обратилось въ пиршество. Пошней сегодняшнимъ смѣхомъ просмѣять свое счастье.

ЭНОБАРЬ.

Если это правда, то онъ уже не воротитъ его слезами.

МЕНАСЪ.

Дѣйствительно такъ. Мы не думали найти здѣсь Марка Антонія. Скажи пожалуйста женатъ онъ на Клеопатрѣ?

ЭНОБАРЬ.

Сестру Цезаря зовутъ Октавіей.

МЕНАСЪ.

Правда. Она была замужемъ за Каемъ Марцелломъ.

ЭНОБАРЬ.

А теперь замужемъ за Маркомъ Антоніемъ.

МЕНАСЪ.

Что ты говоришь!

ЭНОБАРЬ.

Точно такъ.

МЕНАСЪ.

Такъ Цезарь и онъ связаны теперь на вѣки.

ЭНОВАРЬ.

Если бы я долженъ былъ пророчить на счетъ этой связи, я бы предсказалъ не то.

МЕНАСЪ.

Я думаю, политика болѣе дѣйствовала въ этомъ бракѣ, чѣмъ взаимная любовь.

ЭНОВАРЬ.

Я тоже думаю. Но ты увидишь, что узы, назначенныя скрѣпить ихъ пріязнь, задушатъ ихъ дружбу. Октавія благочестива, холодна и тихаго нрава.

МЕНАСЪ.

Ктожь бы не желалъ имѣть такой жены?

ЭНОВАРЬ.

Только не тотъ, кто самъ не таковъ; а Маркъ Антоній не таковъ. Его тянетъ къ Египетскимъ пиршествамъ. Тогда вздохи Октавіи раздуютъ въ Цезарѣ пламя и какъ я уже сказалъ: что должно было связать ихъ дружбу, станетъ непосредственной причиной ихъ разрыва. Антоній осуществитъ любовь свою тамъ, гдѣ она находится; здѣсь женится онъ случайно.

МЕНАСЪ.

Такъ оно вѣрно и случится. Послушай, пойдешь ты на корабль? у меня есть кубокъ про тебя.

ЭНОВАРЬ.

Я его принимаю. Мы напрактиковали горло въ Египтѣ.

МЕНАСЪ.

Такъ пойдѣмъ же.

(Уходятъ.)

СЦЕНА VII.

На палубѣ Помпеева корабля. Близъ Мизенума.

(Музыка. Входятъ два или три служителя, неся пиршественный столъ.)

1-й СЛУГА.

Они сейчасъ будутъ сюда, товарищъ, уже нѣкоторые

изъ этихъ благородныхъ деревьевъ не крѣпко стоять. Самый вѣтеръ можетъ ихъ свалить.

2-й Слуга.

Лешидъ весь раскраснѣлся.

1-й Слуга.

Они, изъ милости, давали ему пить свой излишекъ.

2-й Слуга.

Чуть кто коснется большого мѣста у другаго, онъ кричитъ «довольно» и обращаетъ ихъ снова къ единомыслию, а себя къ пнтью.

1-й Слуга.

Но тѣмъ сильнѣй война между нимъ и благоразуміемъ.

2-й Слуга.

Вотъ что значить быть товарищемъ великихъ людей. По мнѣ ужъ лучше держать въ рукахъ бѣзполезный тростынкъ, чѣмъ бердышъ, который я не могу поднять.

1-й Слуга.

Быть призваннымъ въ высшій кругъ и не умѣть въ немъ вращаться, тоже что имѣть дыры тамъ, гдѣ нужны глаза. Только безобразить лице.

(Звукъ рожка. Входятъ Цезарь, Антоній, Помпей, Лепидъ, Атриппа, Меценатъ, Энобарбъ, Менахъ и другіе начальники.)

Антоній.

(Цезарю.) Таковъ обычай. Измѣряютъ Нилъ

Ступеньками у Пирамидъ и судятъ:

По низкой, средней или большой водѣ

О голодѣ или урожаѣ. Чѣмъ

Полнѣ Нилъ, тѣмъ болѣе надеждъ. —

Когда спадетъ онъ, сѣютъ прямо въ нилъ

И земледѣль снимаетъ скоро жатву.

Лепидъ.

Тамъ змѣи есть большія.

АНТОНІЙ.

Да, Лепидъ.

ЛЕПИДЪ.

Ваши Египетскія змѣи, сказываютъ, родятся тоже изъ илу, при содѣйствіи вашего солнца; также и крокодилъ вашъ.

АНТОНІЙ.

Да, это такъ.

ПОМПЕЙ.

Сядись. — Вина за здравіе Лепида!

ЛЕПИДЪ.

Я не совсѣмъ здоровъ, какъ бы долженъ быть, но отъ вина не откажусь.

ЭНОБАРЬЪ.

Пока не уснешь, а до тѣхъ поръ, я думаю, все будешь около него.

ЛЕНИДЪ.

Нѣтъ, дѣйствительно, я слышала — эти Птолемеи пирамиды прелестныя вещицы. Нѣтъ, не возражайте, я это слышала.

МЕНАСЪ.

(тихо) Помпей, два слова.

ПОМПЕЙ.

На ухо скажи.

МЕНАСЪ.

(тихо) Прошу тебя, встань съ мѣста своего. — И выслушай два слова.

ПОМПЕЙ.

Погоди.

Еще вина Лепиду!

ЛЕПИДЪ.

Скажи, какого рода вещь вашъ крокодилъ?

АНТОНІЙ.

Онъ видомъ похожъ на самаго себя и шириной во всю свою ширину; высотой онъ ровенъ съ самимъ собою и движется собственными членами. Питается онъ своею обыкновенною пищею и когда составныя его части разрушаются, то онъ переходитъ въ новое созданіе.

ЛЕНИДЬ.

Какого онъ цвѣта?

АНТОНІЙ.

Своего собственнаго.

ЛЕНИДЬ.

Вотъ странная гадина.

АНТОНІЙ.

Это правда. И его слезы мокры.

ЦЕЗАРЬ.

Удовлетворить ли его это описаніе?

АНТОНІЙ.

Послѣ всѣхъ кубковъ, подносимыхъ ему Помпеемъ; вѣдь онъ настоящій Эпикуреецъ.

ПОМПЕЙ.

(*тихо Менасу.*) Поди повѣсься. Что присталъ? ступай!
И дѣлай что велѣлъ я. Гдѣ мой кубокъ?

МЕНАСЬ.

За всѣ мои заслуги, согласишься:
Поди сюда.

ПОМПЕЙ.

Ты спятилъ. — Что тебѣ?

МЕНАСЬ.

Я кланялся предъ счастіемъ твоимъ.

Отд. I.

8

Помпей.

Ты честно мнѣ всегда служилъ. Такъ чтожь?
Гуляйте господа!

Антоній.

Смотри Лепидъ.

Не сядь на мель, ты можешь потонуть.

Менасъ.

Владыкой свѣта хочешь быть?

Помпей.

Какъ, что?

Менасъ.

Владыкой свѣта хочешь быть? скажи.

Помпей.

Да какъ же это?

Менасъ.

Только согласи.

И пусть я бѣденъ съ виду, но могу
Тебѣ весь свѣтъ отдать.

Помпей.

Ты вѣрно знаешь.

Менасъ.

О пѣть Помпей! я кубка пзбѣгалъ.
Дерзай — и будь Юпитеромъ земнымъ:
И вся земля по дальній Океанъ
Твоя, коль хочешь.

Помпей.

Да скажи мнѣ какъ?

Менасъ.

Вотъ эти три властителя земли
На корабль твоёмъ. Перерублю канаты.

Въ открытомъ морѣ ихъ свачу за горло
И все твое.

ПОМПЕЙ.

Эхъ! сдѣлалъ бы ты такъ
А не болталъ. Во мнѣ все это было бѣ подлость,
Въ тебѣ же ревность къ службѣ. Не забудь,
Что у меня не польза править честью,
Честь — пользою. Жалѣй, что твой языкъ
Такъ предалъ дѣло; — сдѣлай это тайно,
Я бѣ все потомъ въ прошедшемъ оправдалъ,
Теперь же осуждаю. — Брось и пей.

МЕНАСЪ.

(тихо) Отнынѣ

За шаткимъ счастьемъ я твоимъ пойду.
Кто ищетъ и находки не беретъ, —
Вѣкъ не найдетъ.

ПОМПЕЙ.

За здравіе Лепида!

АНТОНІЙ.

Его бѣ на берегъ снести. Я за него.

ЭНОБАРЬ.

Твой, Менасъ! тостъ.

МЕНАСЪ.

Спасибо Энобарбу!

ПОМПЕЙ.

Лей въ кубки! лей по самые края.

ЭНОБАРЬ.

Вотъ сильный малый, Менасъ. (Указываетъ на слугу,
который тащитъ Лепида.)

МЕНАСЪ.

Чѣмъ же?

ЭНОБАРЬЪ.

Онъ

Вселенной третъ несетъ, иль ты не видишь!

МЕНАСЪ.

Но третъ пьяна. Когда бы всё три части —
Весь міръ кружись.

ЭНОБАРЬЪ.

Ты пей да веселись!

МЕНАСЪ.

Не увывай!

ПОМПЕЙ.

Нашъ пиръ еще не пиръ Александрійскій.

АНТОНІЙ.

Но доспѣваетъ. Сдвинемъ кубки — О!!
Въ честь Цезаря.

ЦЕЗАРЬ.

По мнѣ — такъ и не надо.

Безумный трудъ, хотѣть свой мозгъ отмыть
И пуще пачкать.

АНТОНІЙ.

Сыномъ будь минуты.

ЦЕЗАРЬ.

Пей! Я съ тобой. Хоть радъ скорѣй не ѣсть
Четыре дня, чѣмъ такъ пропить одинъ.

ЭНОБАРЬЪ.

(Антонію) О! храбрый повелитель! Въ честь вина —
Египетскихъ — то Вакханалій намъ
Не проплясать ли?

ПОМПЕЙ.

Славно храбрый воинъ!

АНТОНІЙ.

Пойдемъ, другъ другу руки подадимъ.
Пока вино возбѣдно не опуститъ
Насъ тихо въ Лету.

ЭНОБАРБЪ.

За руки беритесь.

Пусть музыка гремитъ у насъ въ ушахъ.
Я васъ разставлю. — Мальчикъ пѣснь начнетъ
И каждый съ нимъ на столько громко пой,
На сколько хватитъ крѣпкой груди.
(Музыка играетъ. Энобарбъ заставляетъ ихъ подать другъ другу руки.)

Пѣсня.

Приходи съ жезломъ въ рукахъ
Толстый Вакхъ, съ огнемъ въ глазахъ.
Мы печаль зальемъ виномъ,
Въ кудри грозды заплетемъ.
Лей! чтобъ свѣтъ пошелъ кругомъ!
Лей! чтобъ свѣтъ пошелъ кругомъ!

ЦЕЗАРЬ.

Чегожь еще? Помпей! покойной ночи,
Братъ! намъ пора: заняться наши роншутъ
На эту шалость. — Время господа! —
Ланиты рдѣютъ. Сильный Энобарбъ
Слабѣй вина, и у меня языкъ
Дробить слова. — Отъ пьянства стали мы
Шутами всѣ. — Что толковать? прощайте.
Антоній! руку!

ПОМПЕЙ.

Мы еще сочтемся.

АНТОНІЙ.

И хорошо. — Дай руку.

ПОМПЕЙ.

О Антоній.

Ты взялъ мой домъ! но чтожь? вѣдь мы друзья.
Пойдемте въ лодку.

ЭНОБАРЬЪ.

Да не упадите.

(Уходят Помпей, Цезарь, Антоній и сеита.)

Я, Менасъ, на берегъ нейду.

МЕНАСЪ.

Пойдемъ кониъ

Въ каюту. — Гей! литавры, бубны, флейты!

Пускай Нептунъ услышитъ, какъ мужей

Великихъ провожаютъ. — Громче дуй!

ЭНОБАРЬЪ.

Кричи ура! Вотъ шапку я швырну!

МЕНАСЪ.

Ура! мой храбрый капитанъ. Пойдемъ.

(Уходятъ.)

А К Т Ъ III.

СЦЕНА I.

Равнина въ Сириі.

(Вентидій входитъ съ триумфомъ, съ нимъ Силій и другіе римскіе начальники и солдаты. Впереди несутъ трупъ Пакора.)

ВЕНТИДІЙ

Вотъ гордый Пароъ ты побѣжденъ, и мнѣ

Судьбой дано отмстить за Марка Красса.

Царевича передъ войсками трупъ

Нести. Пакоромъ платишь ты Ородъ (*)

За Марка Красса.

СИЛІЙ.

Доблестный Вентидій

Пока твой мечъ согрѣтъ въ крови Пароянъ,

Ты въ Мидію преслѣдуй бѣглецовъ

(*) Пакоръ, сынъ Пароянскаго царя Орода.

Въ Месопотамію и всѣ углы,
Куда уйдутъ: тогда твой вождь Антоній
Почтить тебя триумфомъ и вѣнкомъ
Чело твое украситъ.

ВЕНТИДІЙ.

Силій! Силій!

Съ мени довольно. Знай, что подчиненный
Не слишкомъ отлѣчайся. Вѣрь мнѣ Силій,
Не дѣлать лучше ничего, чѣмъ славу
Стяжать, когда начальникъ нашъ вдали.
И Цезарь я Антоній вѣчно брали
Черезъ подчиненныхъ; а не сами. Соссій,
Который тѣмъ былъ въ Сиріи, чѣмъ я,
За то, что въ мигъ добиться громкой славы
Сумѣлъ. — его всю милость потерялъ.
Кто сдѣлалъ больше, чѣмъ начальникъ самъ,
Тотъ сталъ уже начальнику начальникъ;
А честолюбье, страсть вождей, — уронъ
Обидной имъ побѣдѣ предпочтетъ.
Я бѣ сдѣлалъ для Антонія и больше,
Но оскорбилъ его. — и подвигъ мой
Тогда пропалъ.

Силій.

Ты всѣмъ богатъ Вентидій,
Что война и мечъ его ведетъ
Къ отлѣченію. — Антонію напишетъ?

ВЕНТИДІЙ.

Означу скромно все, что совершилъ
Я именемъ его волшебнымъ въ битвахъ.
Какъ отъ его знаменъ и вѣрныхъ войскъ
Непобѣдимой конницѣ Пароянъ
Пришлось бѣжать.

Силій.

Гдѣ самъ то онъ теперь?

ВЕНТИДІЙ.

Предполагалъ въ Аоніахъ бытъ. Туда,
Какъ намъ обозъ позволить, послѣднимъ
И явимся предъ нимъ. — И такъ впередъ.
(*угодать.*)

СЦЕНА II.

(*Передія въ домъ Цезаря. Встрѣчаются Агриппа и Энобарбъ.*)

АГРИППА.

Что! какъ разстались братья?

ЭНОБАРБЪ.

Сошлся съ Помпеемъ. Тотъ уѣхалъ. — Всѣмъ
Скрѣплять дано. Октавія въ слезахъ:
Жаль Рима. Цезарь грустенъ, а Лепидъ,
Какъ Менасъ говоритъ, желтухой боленъ
Съ Помпеевой пирушки.

АГРИППА.

Другъ Лепидъ!

ЭНОБАРБЪ.

А вѣдь добрякъ: какъ Цезаря онъ любитъ!

АГРИППА.

Нѣтъ, Маркъ Антоній для него кумиръ.

ЭНОБАРБЪ.

А Цезарь? Да вѣдь это нашъ Зевесъ.

АГРИППА.

А чтожъ Антоній? Онъ Зевесу богъ.

ЭНОБАРБЪ.

Кто? Цезарь чтоль? О! онъ недостижимъ!

АГРИППА.

Антоній! О! Арабскій Фениксъ нашъ!

ЭНОБАРЬЪ.

Ты Цезаря хваля, скажи лишь, Цезарь.

АГРИППА.

Да онъ обонмъ сыплеть похвалы.

ЭНОБАРЬЪ.

Но Цезарь милъ ему;—милъ и Антоній
 Не можетъ умъ, языкъ, рѣзецъ, поэтъ,
 Постичь, изрѣчь, изобразить, воспѣтъ
 Его любви къ Антонію.—А Цезарь?
 Ницъ, ницъ предъ нимъ.

АГРИППА.

Онъ любитъ ихъ обоихъ.

ЭНОБАРЬЪ.

Они вѣдъ крылышки ему, онъ жукъ.

(звукъ трубы.)

Чу! значить: на коня!—прощай Агриппа!

АГРИППА.

Счастливо!—добрый воинъ и прощай!

(Входятъ Цезарь, Антоній, Лепидъ и Октавія.)

АНТОНІЙ.

Не безпокойся дальше.

ЦЕЗАРЬ.

Часть лучшую меня берешь съ собой;
 Въ ней чтя меня.—Сестра! ты будь женой,
 Какой тебя я представлялъ—и будь
 Дружна со мной. Мой доблестный Антоній
 Пусть эта добродѣтель въ ней—межъ насъ
 Цементомъ будетъ дружбы обоюдной
 Для связи зданія, а не тараномъ
 Для разрушенья. Лучшебъ безъ нея
 Друзьями быть, чѣмъ намъ такую связь
 Не почитать.

Антоній.

Не оскорбляй меня
Сомнѣніемъ.

Цезарь.

Я кончилъ

Антоній.

Никогда

Во мнѣ причинъ малѣйшихъ не откроешь
Такъ опасаться. Да хранить же боги
Тебя, склоняя римскія сердца
Къ твоимъ желаньямъ. — Мы простимся здѣсь.

Цезарь.

Прощай сестра дрожайшая! Прощай!
Пусть ласковы къ тебѣ стихіи будутъ
И духъ въ тебѣ развеселятъ! Прощай.

Октавія.

Мой благородный братъ!

Антоній.

Апрѣль въ твоихъ глазахъ, — весна любви,
А слезы дождь весенній. — Не грусти.

Октавія.

Братъ пригляди за домомъ мужа. И —

Цезарь.

Ну чтожь Октавія?

Октавія.

Я на ухо скажу.

Антоній.

Языкъ не хочетъ слушать сердца, сердце
Не въ силахъ научить языкъ; такъ нухъ
Лебяжій чистъ стоитъ надъ глубиной,
Не наклоняясь никуда.

ЭНОБАРЬЪ.

Заплачетъ Цезарь? *(тихо Агріппа.)*

АГРИППА.

Грусть въ его лицѣ.

ЭНОБАРЬЪ.

Будь онъ конемъ и то бы дрянью сталъ,
А то мущина.

АГРИППА.

Какъ же Энобарьъ.

Антоній увидавъ, что Юлій Цезарь
Убитъ, стоналъ на взрыдъ—и при Филиппахъ
Заплакалъ, отыскавши Брутовъ трупъ.

ЭНОБАРЬЪ.

Знать въ этотъ годъ онъ съ насморкомъ былъ. Плакать
Надъ тѣмъ, кого сгубилъ.—Вѣрь, въ это, если
Заплачу самъ.

ЦЕЗАРЬ.

Октавія моя

Писать я буду часто: не заставитъ
Ничто забыть тебя.

АНТОНІЙ.

(Цезарю) Скорѣй, скорѣй

Съ тобой хочу вступить въ борьбу любви:
Вотъ такъ, держу тебя,—вотъ отпустилъ
И передалъ богамъ.

ЦЕЗАРЬ.

Прощай будь счастливъ!

ЛЕПИДЪ.

Всѣ сонмы звѣздъ да освѣщаютъ вашъ
Отрадный путь.

ЦЕЗАРЬ.

Прощай, прощай. (*Целуетъ Октавію.*)

АНТОНІЙ.

Прощай.

(Уходятъ при звукѣ трубъ.)

СЦЕНА III.

Александрія. — Комната въ дворцѣ.

(Входятъ Клеопатра, Хармианъ, Ира и Алексасъ.)

КЛЕОПАТРА.

Гдѣ этотъ малый?

АЛЕКСАСЪ.

Онъ войти боится.

КЛЕОПАТРА.

Смѣлѣй, смѣлѣй. — Поди сюда! *(входитъ вѣстникъ.)*

АЛЕКСАСЪ.

Царица!

Еврейскій Иродъ не войдетъ къ тебѣ,
Коль ты не въ духѣ.

КЛЕОПАТРА.

Головы хочу

Я Ирода; но не со мной Антоній,
Такъ ктожъ её добудетъ? — Подойди!

ВѢСТНИКЪ.

Великая Царица!

КЛЕОПАТРА.

Видѣлъ ты

Октавію?

ВѢСТНИКЪ.

Да, видѣлъ.

КЛЕОПАТРА.

Гдѣ же.

ВѢСТНИКЪ.

Въ Римѣ

Ее въ лицо я видѣлъ, какъ вели
Ее вдвоемъ и братъ и Маркъ Антоній.

КЛЕОПАТРА.

Она съ меня ли ростомъ?

ВѢСТНИКЪ.

Нѣтъ, Царица.

КЛЕОПАТРА.

А слышалъ голосъ? звонокъ или тихъ?

ВѢСТНИКЪ.

Царица, слышалъ; голосъ тихъ у ней.

КЛЕОПАТРА.

Такъ, плохо: долго онъ ее любить не можетъ.

ХАРМИАНЪ.

Ее любить? О небо! невозможно!

КЛЕОПАТРА.

Надѣюсь Хармианъ! хрипла, мала!
Есть въ поступи величіе у ней?
Припомни! если ты видалъ величье.

ВѢСТНИКЪ.

Она плетется. Ходитъ, какъ стоитъ
И съ виду трупъ скорый, чѣмъ существо,
Какъ статуя безъ жизни.

КЛЕОПАТРА.

Въ самомъ дѣлѣ?

ВѢСТНИКЪ.

Иль наблюдать не мастеръ я.

ХАРМИАНЬ.

Въ Египтѣ

Трехъ зоркихъ не найдешь такихъ.

КЛЕОПАТРА.

Онъ съ толкомъ,

Мнѣ кажется. — Знать ничего въ ней нѣтъ.

Вѣдь малый могъ бы разсудить.

ХАРМИАНЬ.

Отлично.

КЛЕОПАТРА.

Смекнулъ ли ты лѣта ея?

ВѢСТНИКЪ.

Она

Была вдовой.

КЛЕОПАТРА.

Вдовой? О Хармиань!

Ты слышишь?

ВѢСТНИКЪ.

Ей, я думаю, лѣтъ тридцать.

КЛЕОПАТРА.

Лице ты помнишь? Длинно или кругло?

ВѢСТНИКЪ.

До безобразья кругло.

КЛЕОПАТРА.

Большей частью

Тотъ, у кого лицо такое, глупъ.

А цвѣтъ волосъ каковъ?

ВѢСТНИКЪ.

Царица, черныйй.

А лобъ у ней такъ малъ, какъ только ты

Желать могла.

КЛЕОПАТРА.

Вотъ золото тебѣ.

Ты не сердись за давичный мой пылъ.

Пошлю тебя обратно. — Вижу я:

Ты дѣловой. — Ступай и собирайся,

Я письма приготовлю.

ХАРМИАНЪ.

Славный малый.

КЛЕОПАТРА.

Дѣйствительно. Жалѣю, что его

Прибила я. — А по его словамъ

Добра въ ней очень мало.

ХАРМИАНЪ.

Ничего.

КЛЕОПАТРА.

Величье онъ видалъ и могъ судить.

ХАРМИАНЪ.

Видалъ ли онъ? Спаси его Изид!

Служилъ тебѣ такъ долго!

КЛЕОПАТРА.

У меня

Къ нему еще вопросъ есть, Хармианъ;

Но не снѣши. Введи его ко мнѣ,

Когда начну писать. Авось удется!

ХАРМИАНЪ.

Царица, будь покойна.

(Уходитъ.)

СЦЕНА IV.

Лоины. Комната въ домѣ Антонія.

(Входятъ Антоній и Октавія.)

АНТОНІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ Октавія, одна вина

Была бы извинительна, и это

И тысячу вещей въ подобномъ родѣ,
 Но онъ Помпею вновь грозить войной, —
 И свой уставъ, народу объявилъ,
 Меня судилъ легко, а принужденный
 Съ почетомъ поминалъ, онъ поминалъ
 Въ размѣрахъ скудныхъ, холодно и вяло:
 Гдѣ случай предстоялъ хвалить, онъ только
 Сквозь зубы бормоталъ.

О К Т А В И Я.

О мой супругъ!

Не вѣрь всему, а вынужденный вѣрять,
 Не возмущайся. Если вашъ разрывъ
 Возможенъ, то несчастіе меня
 Быть женщиной нельзя, молясь за двухъ. —
 Я насмѣшу боговъ, взывая къ нимъ:
 «О защитите моего супруга.»
 И заглушая ту мольбу другой:
 «О защитите брата моего.»
 Прося тому и этому побѣды,
 Вредишь мольбамъ; — межъ крайностей такихъ
 Дороги нѣтъ.

А н т о н и й.

Октавія моя,

Склони любовь свою къ тому, кто лучшей
 Защитой будетъ ей. Но честь забыть —
 Забыть себя. Скорѣй не быть твоимъ,
 Чѣмъ въ нищетѣ такой твоимъ. Но ты
 Просилась примирить насъ. Я межъ тѣмъ
 Вооружусь, чтобъ брата твоего
 Унять. — Слѣпи — и всѣ твои желанья
 Исполнятся.

О К Т А В И Я.

Благодарю супругъ мой.

Юпитерь силъ да дастъ мнѣ слабей, слабей,
 Васъ примирить. Возникни между вами

Война, все то же, еслибъ треснулъ міръ
И трупами наполнилася пропасть.

Антоній.

Когда увидишь, кто виной раздора,
Того и осуждай; не можемъ быть
Мы такъ равно виновны, чтобъ любовь,
Твоя дѣлилась поровну. — Готовься
Къ отъѣзду. Спутниковъ назначь сама
И полагай издержекъ сколько хочешь.

(Уходятъ.)

СЦЕНА V.

Другая комната тамъ же.
(Встрѣчаются Энобарбъ и Эросъ.)

Энобарбъ.

Что новаго, другъ Эросъ?

Эросъ.

Странныя новости.

Энобарбъ.

Что такое?

Эросъ.

Цезарь и Лепидъ объявили войну Помпею.

Энобарбъ.

Это старо. Что же далѣе?

Эросъ.

Цезарь, употребивши его въ войнѣ противъ Помпея, отказываетъ ему въ славѣ содѣйствія; и мало того, обвиняетъ за письма, которыя онъ будто бы писалъ къ Помпею. По собственному обвиненію засадилъ его, и теперь, несчастная треть сидитъ, пока смерть не расширитъ его владѣній.

Энобарбъ.

Такъ міръ, — ты съ парой челюстей остался
И пусть межъ нихъ ты весь свой бросишь кормъ,
Онѣ другъ друга смѣлуютъ. — Гдѣ Антоній?

Отд. I.

9

Эросъ.

Въ саду. Вотъ ходитъ такъ — и бьетъ ногой
Тростникъ, крича: «безумецъ ты Лепидъ»
И радъ за горло война схватить,
Убившаго Помпея.

Энобарбъ.

Флотъ нашъ двинуть.

Эросъ.

Въ Италию, на Цезаря. — Да кстати
Тебя Домицій повелитель звалъ,
А новости скажу потомъ.

Энобарбъ.

Вздоръ вѣрно;

Но пусть. — Сведи къ Антонию меня.

Эросъ.

Пойдемъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА VI.

Римъ. Комната въ домѣ Цезаря.

(Входятъ Цезарь, Агриппа и Меценатъ.)

ЦЕЗАРЬ.

Презрѣнье къ Риму выражасть онъ
Въ Александри: вотъ одинъ примѣръ.
Публично на серебряной трибунѣ
И тронахъ золотыхъ, онъ съ Клеопатрой
Сидѣлъ на площади. — У ногъ сидѣлъ
Цезаріонъ, который, по словамъ ихъ,
Сынъ моего отца и съ нимъ всѣ дѣти,
Плоды ихъ сладострастья. Какъ царицѣ
Самодержавной, придалъ онъ къ Египту
Ей Сирию и Лидію и Кипръ.

МЕЦЕНАТЪ.

И это все въ глазахъ народа?

ЦЕЗАРЬ.

На площади для зрѣлищъ объявилъ
Своихъ сынковъ царями онъ царей,
Армянъ, Пароянъ и Медовъ Александру
Вручилъ; а Птоломею Финикію,
Киликію и Сирію. — Она
Въ тотъ день была богинею Изидой
Одѣта. Часто, слышно, ужъ она
Пословъ такъ принимала.

МЕЦЕНАТЬ.

Разгласи

Все это въ Римѣ.

АГРИППА.

Раздраженъ давно, —
Такимъ нахальствомъ, онъ къ нему остынетъ.

ЦЕЗАРЬ.

Народъ все знаетъ. Отъ него онъ тоже
Всѣ жалобы пріемлетъ.

АГРИППА.

На кого?

ЦЕЗАРЬ.

На Цезаря: за то что у Помпея,
Сицилію отнявши, половины
Ему не отдалъ; дальше, будто я
Взявъ корабли въ займы — не возвратилъ.
Потомъ за то, что власти триумвира
Лишилъ Лепида, а его доходъ
Себѣ оставилъ.

АГРИППА.

Дай на все отвѣтъ.

ЦЕЗАРЬ.

Все сдѣлано, и вѣстникъ мой отправленъ;
Пишу ему, что сталъ Лепидъ жестокъ,

Что власть свою употреблялъ во зло
И заслужилъ паденье. Что добычу
Я раздѣлю, но требую того же
Въ Арменіи и прочихъ государствахъ,
Имъ покоренныхъ.

МЕЦЕНАТЬ.

Онъ не согласится.

ЦЕЗАРЬ.

Тогда и мы не согласимся съ нимъ.

(Входитъ Октавіа со свитой.)

ОКТАВІА.

Мой Цезарь! Здравствуй Цезарь дорогой!

ЦЕЗАРЬ.

Пришлось тебя отверженной назвать!

ОКТАВІА.

Такъ не называй ты, да и нѣтъ причинъ.

ЦЕЗАРЬ.

Ты развѣ не украдкой здѣсь? Не такъ
Сестрѣ бы Цезаря пріѣхать должно.
Во слѣдъ женѣ Антоніи войска
Идти должны, и ржаніе коней
Заранѣ возвѣщать о ней, деревья
Быть вдоль всего пути людей полны,
Алкающихъ ее увидѣть. Пыль,
Которую взметутъ толпы народа
Должна до неба встать. А ты пришла
Торговкой въ Римъ, предупреждая знаки
Любви народной. А любви не требуй
Ея не будетъ. На морѣ и сушѣ
Должны бы мы встрѣчать тебя; съ почетомъ
У каждаго ночлега.

ОКТАВІА.

Милый братъ!

Пріѣхала я такъ, не поневолю,

А по желанью. Мужъ мой, Маркъ Антоній,
Узнавъ, что ты готовишься къ войнѣ
Мнѣ сообщили о томъ — и я просилась
Домой.

ЦЕЗАРЬ.

А онъ и радъ, чтобъ не стояла
Ты между нимъ и похотью его.

ОКТАВІА.

Ты такъ не думай.

ЦЕЗАРЬ.

Я за нимъ слѣжу
И вѣтеръ мнѣ приноситъ вѣсть о немъ.
Гдѣ онъ теперь?

ОКТАВІА.

Въ Аоннахъ, милый братъ.

ЦЕЗАРЬ.

Нѣтъ, бѣдная сестра. Ужъ Клеопатра
Его сманила. Власть свою вручилъ
Онъ женщинѣ распутной и они
Царей земли собираютъ для войны:
У нихъ и Вокхъ союзникъ — царь Ливійскій
И Архелай, Каппадокійскій царь
И Пафлагонскій Филадельфъ и Малхъ
Арабскій и Адалъ Фракійскій,
Понтійскій царь и Иродъ Іудейскій,
И Комагенскій Митридатъ; Аминтъ
И Полемонъ, Мидійскій, Ликаонскій,
И рядъ иныхъ державъ.

ОКТАВІА.

О горе мнѣ,
Что сердце я двумъ раздѣлила милымъ,
Враждующимъ другъ съ другомъ.

ЦЕЗАРЬ.

Здѣсь живи.

Ты письмами разрывъ нашъ замедляла;

Но я узналъ, что ты оскорблена
 И что опасно медлить. — Не грусти,
 Не возмущайся временной грозою,
 Могущею нарушить твой покой.
 Гляди на всё рѣшенія судьбы
 Безъ слезъ впередъ. Ты въ Римѣ миѣ теперь
 Милѣ чѣмъ была. Ты безконечно
 Оскорблена и за тебя отмстить
 Въ служители свои избрали боги
 Меня и всѣхъ, кому ты дорога.
 Такъ будь теперь покойна.

АГРИППА.

Въ добрый часъ.

МЕЦЕНАТЪ.

Услышь привѣтъ мой! Въ Римѣ всѣ сердца
 Полны къ тебѣ любви и состраданья.
 Одинъ тебѣ Анотній измѣнилъ:
 Онъ позабылъ тебя среди разврата
 И женщинѣ безпутной власть свою
 Сдалъ противъ насъ.

ОКТАВІЯ.

Ужели это правда?

ЦЕЗАРЬ.

Къ несчастью такъ сестра. Но сдѣлай милость
 Будь терпѣлива. — Милая сестра!

(Всѣ уходятъ.)

СЦЕНА VII.

Лагерь Антонія близъ мыса Акціума.
(Входятъ Клеопатра и Энобарръ.)

КЛЕОПАТРА.

Я разочтусь съ тобой за это, вѣрь.

ЭНОБАРРЪ.

За что, за что, за что?

КЛЕОПАТРА.

Ты говорилъ, что быть мнѣ на войнѣ
Не слѣдуетъ.

ЭНОБАРЬЪ.

А развѣ я не правъ?

КЛЕОПАТРА.

На насъ идутъ; ужели лично намъ
Не защищаться?

ЭНОБАРЬЪ. (*Тихо*).

Я бѣ отвѣтилъ ей;

Когда на службѣ жеребецъ съ кобылой,
То лишній жеребецъ, — а то кобыла
Носи коня и всадника.

КЛЕОПАТРА.

Что? что?

ЭНОБАРЬЪ.

Антонія ты станешь только путать,
Запявши сердце, мозгъ его и время,
Столь нужныя тогда. И такъ его
За вѣтренность бранять, а въ Римѣ слухи,
Что поведутъ войну Эвпухъ Фотинъ,
Да женщины твои.

КЛЕОПАТРА.

Будь проклятъ Римъ,

Языкъ отсохни у клеветниковъ. —
Война со мною и глава страны,
Я воиномъ явлюсь. — Не возражай!
Я не отстану.

ЭНОБАРЬЪ.

Нѣтъ, — я замолчу.

Вотъ повелитель.

(*Входятъ Антоній и Кандидій.*)

Антоній.

Странно мнѣ Канидій,
Что изъ Тарента и Брундузія
Онъ море Іонійское такъ быстро
Разсѣкъ и взялъ Торпнъ? — Ты не слыжала?

Клеопатра.

Поспѣшности дивится больше всѣхъ,
Тотъ, кто небреженъ самъ.

Антоній.

Упрекъ хорошъ.
Онъ честь бы сдѣлалъ опытному мужу,
Бранящему лѣнпвыхъ. Мы Канидій
Выходимъ въ море.

Клеопатра.

Да, безспорно, въ море!

Канидій.

Но почему?

Антоній.

Онъ насъ туда зоветъ.

Энобарь.

Ты жъ на единоборство звалъ его.

Канидій.

Да, чтобы съ нимъ сойтися при Фарсалѣ,
Гдѣ Цезарь и Помпей сражались; но
Опасныя условья онъ отвергнулъ; —
Ты сдѣлай тожъ.

Энобарь.

На корабляхъ твоихъ
Плоха прислуга: пастухи, крестьяне
И всякій сбродъ; у Цезаря во флотѣ
Она все та же, что дралась съ Помпеемъ.
Его суда быстрѣй, твои тяжелѣ. —

Не стыдно битвы не принять морской
И выйдти къ бою въ поле.

АНТОНІЙ.

Въ море, въ море!

ЭНОБАРЬЪ.

Великій вождь, отвергнешь этимъ ты
Все, чѣмъ на сушѣ такъ могучь. Смутяшь
Войска, въ которыхъ большее число
Отборная пѣхота; все искусство
Свое оставишь празднымъ и покинувь
Вѣрнѣйшій путь къ успѣху, ты себя
Отадашь на произволь судьбы, лишаась
Увѣренности твердой.

АНТОНІЙ.

Выйдемъ въ море.

КЛЕОПАТРА.

Я шестьдесятъ дамъ кораблей, какихъ
У Цезаря нѣтъ лучше.

АНТОНІЙ.

Мы излишекъ

Судовъ сожжемъ и съ остальными встрѣтимъ
У Акціума Цезаря. — Не будетъ

(Входитъ вѣстникъ.)

Успѣха, выйдемъ въ поле. — Ты что скажешь?

Вѣстникъ.

Вѣсть несомнѣнна: видѣли, какъ Цезарь
Ториномъ овладѣлъ.

АНТОНІЙ.

Онъ могъ ли тамъ быть лично? — Невозможно.

Ужъ много, что войска дошли. Канидій

На девятнадцать легионовъ — тысячъ

Двѣнадцать конныхъ здѣсь возьми. А мы

(Входитъ солдатъ.)

Къ судамъ. — Пойдемъ моя Тетида! Что ты?

Солдатъ.

О! повелитель! въ море не ходи;
 Не вѣрь гнилымъ доскамъ! иль ты не цѣнишь
 Мой мечъ и эти раны? Египтянамъ
 Да Финикійцамъ предоставь пырять,
 А мы привыкли побѣждать на сушѣ,
 Сходясь въ упоръ.

Антоній.

Ну хорошо. — Ступай.

(Уходятъ Клеопатра, Антоній и Энobarбъ.)

Солдатъ.

Клянусь Иракломъ! кажется я правъ.

Кланидій.

Солдатъ ты правъ, но всѣ егò дѣла
 Не отъ себя: вождя другіе водятъ
 И всѣ мы слуги женскіе.

Солдатъ.

На сушѣ

Вся конница съ тобой и легіоны?

Кланидій.

Да, Маркъ Октавій, Маркъ Юстей, еще
 Публикола и Целій выйдутъ въ море,
 А мы на сушѣ остаемся. — Цезарь
 Невѣроятно быстръ.

Солдатъ.

Его войска

Шли такъ въ раздробъ изъ Рима, что онъ сбилъ
 Всѣ наблюденья.

Кланидій.

Кто ведетъ ихъ, слышалъ?

СОЛДАТЪ.

Да говорятъ, что Тавръ.

КЛАНДИЙ.

Его я знаю.

(Входитъ вѣстникъ.)

ВѢСТНИКЪ.

Кандія зоветъ нашъ повелитель.

КЛАНДИЙ.

Теперь чревато новостями время
И каждый часъ рождаетъ что инбудь.

(Уходятъ.)

СЦЕНА VIII.

Равнина близь Акціума.

(Входятъ Цезарь, Тавръ, начальники и свита.)

ЦЕЗАРЬ.

Тавръ!

ТАВРЪ.

Повелитель!

ЦЕЗАРЬ.

Въ битву не вступай.

Не нападай, дай на морѣ намъ кончить.

Исполни все, что въ свиткѣ здѣсь пишу.

Всю намъ судьбу рѣшитъ одинъ ударъ.

*(Уходитъ.)**(Входятъ Антоній и Энобарбъ.)*

АНТОНІЙ.

Все наше войско выставь за холмомъ

Въ виду у Цезаревыхъ войскъ. — Оттуда

Пересчитать удобно корабли

И по движеньямъ ихъ соображаться.

(Уходятъ.)

*(Кандій проходитъ по одной сторонѣ сцены съ своими легионами, по дру-
гой Тавръ, военачальникъ Цезаря съ своими. Вскорѣ послѣ того, какъ они
прошли, слышится шумъ морскаго сраженія.)*

ЭНОБАРЬЪ.

Срамъ, сущій срамъ! я видѣть не могу
 Антоніада, главное изъ всѣхъ
 Египетскихъ судовъ, бѣжигъ и съ нею
 Всѣ шестьдесятъ. Глядѣть такъ жжетъ глаза.
 (Входитъ Скаръ.)

С К А Р Ъ.

О боги и богини.

ЭНОБАРЬЪ.

Что съ тобой?

С К А Р Ъ.

Часть лучшая вселенной пропадаетъ
 Отъ глупости. — Мы царства и владѣнья
 Прощѣловали.

ЭНОБАРЬЪ.

Битва какъ идетъ?

С К А Р Ъ.

На нашей сторонѣ повальный моръ
 И смерть вѣрна. Колдунья *) Египтянка!
 Чума бы на нее! Въ развалѣ битвы,
 Когда успѣхъ былъ парой близнецовъ
 Ровестниковъ, и чуть ли нашъ не старшій,
 Какъ отъ июльскихъ оводовъ корова,
 Она подливши парусъ понеслась.

ЭНОБАРЬЪ.

Я это видѣлъ: взору было больно —
 Не вынесъ я.

С К А Р Ъ.

Едва она ушла

Подъ вѣтеръ, — жертва чаръ ея — Антоній,
 Какъ селезень влюбленный, поднялъ крылья

*) Въ прежнихъ изданіяхъ «паг» клеперь, у Колльера «паг» колдунья.

И бросивъ бой, за нею полетѣлъ.
 Поступка я не видывалъ постыднѣй:
 Честь, мужество и опытъ никогда
 Себя такъ не срамили.

Энобаръ.

Горе! горе!

(Входитъ Кандидъ.)

Кандидъ.

На морѣ счастью нашему конецъ
 Оно печально тонетъ. Будь нашъ вождь,
 Какимъ бывалъ, — все шло бы хорошо.
 О! что за страшный подалъ онъ примѣръ
 Намъ бѣгствомъ собственнымъ.

Энобаръ.

Вотъ какъ дѣла? Ну такъ скажи всему
 Прощай.

Кандидъ.

Они ушли къ Пелопонезу.

Скаръ.

Достичь его легко. — Тамъ буду ждать
 Дальнѣйшаго.

Кандидъ.

Я Цезарю хочу
 Сдать конницу и легіоны: шесть
 Уже царей оружіе сложили.

Энобаръ.

Пойду еще за раненой судьбою
 Антонія, хотя разсудокъ мой
 Противнымъ вѣтромъ вѣетъ на меня.

(Уходитъ.)

СЦЕНА IX.

Александрія. Комната во дворцѣ.

(Входятъ Антоній и слуги.)

АНТОНІЙ.

Послушайте! земля мной тяготится
И стыдно ей меня носить. Друзья!
Я въ мірѣ запоздался и на вѣкъ
Дорогу потерялъ. Есть у меня
Корабль съ казной — дѣлитесь и бѣгите,
А Цезарь приметъ васъ.

Всѣ.

Бѣжать! Не намъ!

АНТОНІЙ.

Я самъ бѣжалъ и трусамъ далъ примѣръ
Затылокъ обращать. Друзья ступайте!
Избралъ себѣ дорогу я теперь,
Въ которой вы ненужны мнѣ. — Ступайте!
Вонъ тотъ корабль; все заберите. — О!
Краснѣю передъ тѣмъ, зачѣмъ я шелъ
И волоса мои подъемяютъ споръ:
Сѣдые въ черныхъ вѣтреность поносятъ,
А эти слабость, трусость въ тѣхъ. — Друзья
Ступайте. — Дамъ къ пріятелямъ вамъ письма,
Которыя вашъ сгладятъ путь. Прошу
Васъ не печальтесь и не возражайте;
Съ отчаяньемъ скажу: да будетъ тотъ
Оставленъ, кто себя оставитъ. Вашъ
Теперь корабль съ казной. — Идите въ море.
Меня, прошу, оставьте на минуту.
Нѣтъ! не могу уже повелѣвать,
И такъ прошу. — Я скоро васъ увижу.

*(Садится.)**(Входятъ Эросъ и Клеопатра, поддерживаемая Харміанью и Прой.)*

ЭРОСЪ.

Царица, подойди, утѣшь его.

ИРА.

Утѣшь его, царица дорогая.

ХАРМИАНЪ.

Да, да, утѣшь. — Что жъ можешь ты еще?

КЛЕОПАТРА.

Дай я здѣсь сяду. — О Юнона!

АНТОНІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

ЭРОСЪ.

Взгляни сюда, мой вождь!

АНТОНІЙ.

Нѣтъ, прочь, прочь, прочь!

ИРА.

Царица! повелительница наша!

ЭРОСЪ.

Нашъ повелитель!

АНТОНІЙ.

Да, другъ мой, точно. — При Филиппахъ онъ
 Владѣлъ мечемъ не лучше скомороха,
 Когда суровый, сухопарый Кассій
 Былъ мной сраженъ и сумасшедшій Брутъ:
 Онъ на другихъ все выѣзжалъ, въ войнѣ
 Не опытный; теперь же. — Такъ и быть.

КЛЕОПАТРА.

О! помогите!

ЭРОСЪ.

Царица, вождь! царица.

ИРА.

Пойди, царица, съ нимъ поговори;
 Онъ самъ себя не помнитъ отъ стыда.

КЛЕОПАТРА.

Ну хорошо. Меня вы поддержите. О!

Эросъ.

Встань благородный вождь; идетъ царица,
Главу склоня, и смерть ея близка. —
Одинъ лишь твой привѣтъ ее спасеть.

АНТОНІЙ.

Я честь свою нарушилъ этимъ бѣгствомъ
Не благороднымъ.

Эросъ.

Добрый вождь, царица!

АНТОНІЙ.

О! до чего дошелъ я Египтянка!
Смотри, какъ стыдно мнѣ встрѣчать твой взоръ!
Когда взгляну назадъ и вижу все,
Что погубилъ въ безчестьи.

КЛЕОПАТРА.

Другъ мой, другъ!

Прости вѣтриламъ робкимъ. Я не знала,
Что ты уйдешь за мною.

АНТОНІЙ.

Египтянка!

Ты знала, тто къ твоей кормѣ привязанъ
Я сердцемъ и что ты меня влечешь.
Ты знала, что душою я твой рабъ —
И что твой взглядъ мнѣ воспретить могъ волю
Боговъ исполнить.

КЛЕОПАТРА.

О прости!

АНТОНІЙ.

Теперь

У юноши молять пощады долженъ

И кланяться смиренно я, который
 По прихоти своей игралъ поль-міромъ,
 Творя судьбы и руша. — Знала ты,
 Что ты владѣла мной и что мой мечъ
 Ослабленъ страстію, тебѣ во всемъ
 Покоренъ будетъ.

КЛЕОПАТРА.

О прости, прости!

АНТОНИЙ.

Не лей же слезъ — и знай; одна изъ нихъ
 Мнѣ всѣхъ утратъ дороже. — Поцѣлуй! —
 Вотъ мнѣ награда. — Твой учитель посланъ;
 Вернулся онъ? Я весь какъ изъ свинца! —
 Вина и яствъ сюда! Я надъ судьбой
 Тѣмъ злѣй смѣюсь, чѣмъ злѣй она со мной.
(Уходитъ.)

СЦЕНА X.

Цезаревъ лагерь въ Египтѣ.

(Входятъ Цезарь, Долобелла, Тирей и другіе.)

ЦЕЗАРЬ.

Пускай войдетъ Антоніевъ посоль. —
 Его ты знаешь?

ДОЛОБЕЛЛА.

Онъ у нихъ учитель.

Ты видишь; какъ онъ голъ, когда прислалъ
 Изъ своего крыла перо такое.
 Давно ли могъ съ вѣстями онъ излишнихъ
 Царей послать.

(Входитъ Эвфроній.)

ЦЕЗАРЬ.

Войди и говори.

ЭВФРОНИЙ.

Антоніемъ я посланъ вотъ какъ есть.
 Не давно я въ дѣлахъ его былъ малъ,
 Отд. I.

Какъ на листочкѣ миртовомъ росинка
Въ сравненнн съ моремъ.

ЦЕЗАРЬ.

Ну, съ чѣмъ присланъ ты?

ЭВФРОНІЙ.

Тебя признавъ владыкой, проситъ онъ:
Позволь ему въ Египтѣ жить, а если
Откажешь въ томъ, онъ просьбу уменьшаетъ:
Позволь ему межъ небомъ и землей
Дышать въ Аоннахъ частнымъ гражданиномъ.
Объ этомъ проситъ онъ. А Клеопатра,
Предъ властію твоей склоняясь, молитъ
Для сышовой престола Птолемеевъ,
Коль согласишь только.

ЦЕЗАРЬ.

На мольбы

Антонія я глухъ. — Но для царицы
Готовъ исполнить просьбу; пусть она
Покрытаго теперь позоромъ друга
Прогонитъ изъ Египта, ихъ убьетъ. —
Тогда исполню просьбу. — Вотъ и все.

ЭВФРОНІЙ.

Будь счастливъ.

ЦЕЗАРЬ.

Проводитъ его за лагерь.

ЭВФРОНІЙ. (*Уходитъ. Тирею*).

Вотъ краснорѣчье докажи свое:
Антонія отбей отъ Клеопатры.
Ступай и отъ меня сули ей все,
Чего захочетъ, — самъ еще прибавь. —
Вѣдь женщины и въ счастья-то не тверды,
А въ горѣ и весталка измѣнитъ.
Тирей, будь покуснѣй, а награду
Себѣ придумай.

Т И Р Е Й.

Цезарь, я иду.

Ц Е З А Р Ъ.

Скажи мнѣ: какъ бѣду Антоній сноситъ
И что въ его движеніи каждомъ ты
Могъ подсмотрѣть?

Т И Р Е Й.

Я постараюсь Цезарь.

(*Уходитъ.*)

СЦЕНА XI.

Александрія. Комната во дворцѣ.

(*Входятъ Клеопатра, Энобарбъ, Хармианъ и Ира.*)

К Л Е О П А Т Р А.

Что, Энобарбъ, мнѣ дѣлать?

Э Н О Б А Р Б Ъ.

Что? умри.

К Л Е О П А Т Р А.

Кто виновать, Антоній или я?

Э Н О Б А Р Б Ъ.

Однѣ Антоній, давши волѣ власть
Надъ разумомъ. Пускай бѣжала ты
Отъ грознаго лица войны, пугавшей
Строй строемъ; — онъ зачѣмъ бѣжалъ съ тобой?
Какъ допустить, чтобы любовный зудъ
Сбилъ полководца, да еще въ минуту,
Когда полъ-міра борется съ полъ-міромъ,
А самъ онъ спорный пунктъ. — Тутъ равень стыдъ
Потерѣ, гнаться за бѣгущимъ флагомъ —
И бросить флотъ.

К Л Е О П А Т Р А.

Прошу, не говори.

(*Входятъ Антоній и Есфроній.*)

Антоній.

Такъ вотъ его отвѣтъ?

Эвфроній.

Да, повелитель.

Антоній.

Царицу милость ждетъ, коли она
Продастъ меня.

Эвфроній.

Такъ точно.

Антоній.

Ты скажи ей:

Пошли вотъ эту голову съдую,
И мальчикъ Цезарь царствами тебя
Засыплеть.

Клеопатра.

Эту голову, мой вождь?

Антоній.

Ступай, скажи, что молодости розой
Украшенный, предъ міромъ онъ въ долгу:
Его суда, монеты, легіоны
Могли бы быть у труса, а войска —
Сражаться также храбро у ребенка,
Какъ и у Цезаря. — За тѣмъ ему
Я предлагаю, пусть забудь надменность,
Со мною падшимъ, мечь противъ меча
Сразится. Лучше напишу. Пойдемъ.

(Уходятъ Антоній и Эвфроній).

Энобаръ.

Да, жди, чтобы побѣдоносный Цезарь
Свое унизилъ счастье и схватился
Съ борцомъ. Я вижу умъ людей, частица
Ихъ счастья, — и вишіе предметы
Вліяють такъ на внутреннюю жизнь,

Что вмѣстѣ страждутъ. Какъ имѣя смыслъ,
Могъ онъ мечтать, чтобъ пышный Цезарь рядомъ
Съ нимъ тощимъ сталъ? О, Цезарь, въ немъ и умъ
Ты побѣдилъ.

(Входитъ слуга).

СЛУГА.

Отъ Цезаря посоль.

КЛЕОПАТРА.

Ужель безъ всякой пышности? Смотрите,
Какъ тѣ горды передъ увядшей розой,
Что предъ шипкомъ склонялись. Пусть войдетъ.

ЭНОБАРЬЪ.

Споръ между мной и честностью возникъ, *(отъ сторону)*
А преданность, достоинство глупцовъ,
Доводитъ долгъ до глупости. Но тотъ,
Кто слѣдуетъ за падшимъ властелиномъ,
Одержитъ верхъ надъ одержавшимъ верхъ
И не забвенъ.

(Входитъ Тирей).

КЛЕОПАТРА.

Что Цезарю угодно?

ТИРЕЙ.

Прими меня одна.

КЛЕОПАТРА.

Здѣсь все друзья, не бойся!

ТИРЕЙ.

И стало быть Антонию друзья.

ЭНОБАРЬЪ.

Какъ Цезарю, такъ и ему мы нужны
Или ненужны. Если Цезарь хочетъ,
Начальникъ нашъ въ немъ друга радъ снискать,
А мы за нимъ, да къ Цезарю.

ТИРЕЙ.

И такъ
Знай, славная царица: Цезарь проситъ
Тебя не забывать никакъ, что онъ,
Все Цезарь.

КЛЕОПАТРА.

Дальше. — Истинно по-царски!

ТИРЕЙ.

Онъ знаетъ, что съ Антоніемъ тебя
Не такъ любовь, какъ страхъ связуетъ.

КЛЕОПАТРА.

О!

ТИРЕЙ.

По этому жалѣеть онъ о чести,
Въ которой ты должна терпѣть пятно,
Не заслужа его.

КЛЕОПАТРА.

Онъ богъ и знаетъ
Всю правду. Честь моя не отдапа,
А отнята скорѣй.

ЭНОБАРЬ.

Чтобъ знать вѣрнѣй
Спрошу Антонія. О! какъ ты утлъ!
Оставимъ утопать тебя, когда
Всѣмъ милымъ ты покинуть.

ТИРЕЙ.

Передать
Мнѣ Цезарю твои желанья? Онъ
Ждетъ просьбъ твоихъ, чтобъ ихъ исполнить. Лучшей
Мечтой его, чтобъ ты себѣ опорой
Его избрала счастье. Но вспыхнетъ
Въ немъ духъ, при вѣсти, что забыла ты

Антонія, скрываясь подъ защитою
Владыки міра.

КЛЕОПАТРА.

Какъ тебя зовуть?

ТИРЕЙ.

Меня зовуть Тиреемъ.

КЛЕОПАТРА.

Добрый вѣстникъ

Скажи владыкѣ Цезарю, что я
У побѣдителя цѣлую руку,
Что свой вѣнецъ кладу къ его ногамъ
И на колѣняхъ жду изъ устъ всесмѣльныхъ
Судьбы Египта.

ТИРЕЙ.

Вотъ твой лучший путь.

Когда въ борьбу со счастьемъ вступишь умъ,
Пусть онъ дерзаетъ, сколько хватитъ силъ —
Не будетъ неудачъ. Позволь свой долгъ
Запечатлѣть мнѣ на рукѣ твоей.

КЛЕОПАТРА.

Да, Цезаревъ отецъ, исполненъ думъ
Властительныхъ, нерѣдко къ недостойной
Рукѣ моей съ лобзаньемъ приникалъ.

(Входитъ Антоній и Энобарбъ).

АНТОНИЙ.

Любезности! клянусь громами неба!
Ты кто таковъ?

ТИРЕЙ.

Я исполнитель воли
Первѣйшаго владыки, чьи слова
Законъ для всѣхъ.

ЭНОБАРБЪ.

Ты высѣченъ быть хочешь.

АНТОНІЙ.

Гей, кто тамъ? — Ахъ ты коршунъ! Адъ и небо!
Безсиленъ я. Бывало крикну: «гей»!
И какъ мальчишки, всѣ въ залуски
Кричатъ: «что вамъ угодно». Слышишь! Я
Еще Антоній. Шельму взять и высѣчь.

ЭНОБАРЬЕЪ.

Играть со львенкомъ лучше, чѣмъ со львомъ,
Передъ концомъ его.

АНТОНІЙ.

Луна и звѣзды!

Поря его! Будь двадцать тутъ пословъ
Отъ Цезаря — и я бъ засталъ ихъ дерзость
Съ рукой — вотъ этой, какъ ее зовутъ,
Что звали Клеопатрой? Сѣчь его
Пока, какъ мальчикъ, онъ лица не скорчить,
Моля пощады. — Вытащить его.

ТИРЕЙ.

Антоній!

АНТОНІЙ.

Вытащить и конча сѣчь,
Привести назадъ, — шутъ Цезаря снесетъ
Къ нему всѣ наши порученья (*слуги уводятъ Тирея*).
Какъ мы сошлись, ты отцвѣтала. Что?
Я бросилъ ложе неизмятымъ въ Римѣ,
Прижить дѣтей законныхъ не хотѣлъ,
Съ безцѣнной женщиной, чтобы меня
Позорили съ рабами?

КЛЕОПАТРА.

Добрый другъ.

АНТОНІЙ.

Измѣнницею ты была всегда,
Но стоитъ намъ въ порокахъ очерствѣть,

(О, горе)! боги ослѣпляютъ насъ.
 Глазамъ нашъ гной мѣшаетъ видѣть ясно,
 Мы грѣхъ свой обожаемъ — и смѣшно имъ
 Какъ гибнемъ мы.

КЛЕОПАТРА.

О! до чего дошло?

АНТОНИЙ.

Обѣдкомъ я нашелъ тебя, остывшимъ
 На цезарской тарелкѣ; да, огрызкомъ
 Кнея Помпея, краше тѣхъ часовъ
 Горячихъ, неотмѣченныхъ молвой,
 Которыхъ нѣгу ты вкушала. Вѣрно:
 Хотя могла постигнуть чистоту,
 Ея не знала ты.

КЛЕОПАТРА.

За что мнѣ это?

АНТОНИЙ.

Терпѣть, чтобъ рабъ, который могъ сказать
 За грошъ спасибо, избранную мной
 Твою смѣлъ тронуть руку, царскій даръ,
 Залогъ сердецъ высокихъ! О! зачѣмъ
 Я не могу съ Базанскаго холма
 Рогатый скотъ перекричать съ досады;
 Быть вѣжливымъ теперь мнѣ тоже, что
 Съ веревкою на шеѣ, за проворство,
 Благодарить учтиво палача.

(Слуги приводятъ Турел).

Что высѣкли его вы?

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Пренсправно!

АНТОНИЙ.

Кричалъ? Просилъ пощады онъ?

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Молилъ, чтобъ сжалились надъ нимъ.

АНТОНІЙ.

Колю живѣ отецъ твой, пусть жалѣетъ онъ,
 Что ты не дочь, а ты жалѣй, зачѣмъ
 За Цезарскимъ триумфомъ шель, съ тѣхъ поръ
 Какъ высѣкли тебя за то; отнынѣ
 Знаю тебя при видѣ дамскихъ рукъ,
 Какъ въ лихорадкѣ. Къ Цезарю вернись
 И расскажи пріемъ свой, да скажи,
 Что сердитъ онъ меня. Какъ видно, онъ
 Надменъ и гордъ и видитъ, чѣмъ я сталь,
 Забывъ, чѣмъ былъ я; бѣситъ онъ меня.
 Успѣть не трудно въ этомъ съ той поры,
 Какъ добрыя, свѣтившія мнѣ звѣзды,
 Оставили свой путь и въ бездну ада
 Умчали свѣтъ свой. Если жъ не по сердцу
 Ему, что говорю и что случилось,
 Скажи, что тамъ мой бывший рабъ Гиппархъ;
 Пусть вѣшаетъ его, сбьетъ, казнить, —
 И мы сочлѣсь. Ты самъ же подстрекни.
 Теперь съ своими прочь рубцами! — Вонъ!

(Тирей уходитъ).

КЛЕОПАТРА.

Ты кончилъ ли?

АНТОНІЙ.

Увы! земной нашъ мѣсяцъ
 Затмился, это ужъ одно сулитъ
 Антонію конецъ.

КЛЕОПАТРА.

Я пережду.

АНТОНІЙ.

Лѣтя Цезарю, ты будешь глазки дѣлать
 Его слугѣ?

КЛЕОПАТРА.

Ты не повѣришь мнѣ?

АНТОНІЙ.

Ты холодна ко мнѣ.

КЛЕОПАТРА.

О, милый! если

Я холодна, пусть небо градъ родитъ,
Его отравитъ и ударитъ первымъ
Кускомъ въ меня, — и какъ растаетъ онъ
Пусть жизнь моя исчезнетъ! а второй
Сразитъ Цезаріона, чтобъ мой родъ
Былъ позабытъ, а добрые мои
Египтяне лежали послѣ бури
Безъ погребенья, нильскимъ комарамъ
Въ добычу.

АНТОНІЙ.

Позно! Вѣрю я теперь.

Сбярется въ Александрію Цезарь.
Сойдемся тамъ. Войска у насъ дрались
На сушѣ славно; флотъ разъединенный
Нашъ собрался и грозенъ на волнахъ.
Гдѣ ты моя отвага? Слышишь, другъ?
Коль съ поля я вернусь, чтобы лобзать
Твои уста, я появлюсь въ крови.
Мой мечъ и я для хроники жнецы:
Еще надежда есть.

КЛЕОПАТРА.

Вотъ мой герой!

АНТОНІЙ.

Съ тройною силой, сердцемъ и дыханьемъ,
Сражаться буду зло. Во дни, когда
Легко жилось, за шутку я щадилъ
Чужую жизнь; теперь я стисну зубы
И въ тартаръ всѣхъ, кто схватится со мной.
Пойдемъ еще весельемъ встрѣтимъ ночь.
Зови вождей печальныхъ. Кубки вспѣнь.
Опять раздразимъ ночь.

КЛЕОПАТРА.

Мой день рожденья нынѣ
Я скромно думала провести его; но ты
Антоній вновь, я буду Клеопатрой.

АНТОНІЙ.

Мы справимся еще.

КЛЕОПАТРА.

Всѣхъ благородныхъ
Начальниковъ звать къ нашему вождю.

АНТОНІЙ.

Да съ ними я поговорю, а ночью
Вино изъ ранъ ихъ проступитъ заставлю.
Пойдемъ, царица, сокъ еще въ насъ есть.
Въ бою меня полюбитъ смерть, — берусь
Помочь ея язвительной косѣ.

(Уходятъ Антоній и Клеопатра).

ЭНОБАРЬЕЪ.

Теперь онъ съ молніей заспоритъ. Кто взбѣшенъ,
Спасается отъ страха. Въ этомъ духѣ
Радъ голубь строуса клевать. Я вижу вновь,
Что у вождя, какъ мозгу станетъ меньше
Прибудетъ сердце. Во враждѣ съ умомъ
Отвага гложетъ мечъ свой. Надо мнѣ
Подумать, какъ его оставить.

А К Т Ъ І V.

СЦЕНА І.

Лагерь Цезаря близъ Александріи.

(Входятъ Цезарь, читая письмо, Агриппа, Меценатъ и другіе).

ЦЕЗАРЬ.

Меня бранить онъ мальчикомъ, какъ-будто
Прогнать меня онъ въ силахъ изъ Египта,

Посла онъ сѣкъ, зоветь на поединокъ
 Антоній Цезаря: — рубака старый,
 Знай: къ смерти много есть дорогъ, и мнѣ
 Смѣшенъ твой вызовъ.

МЕЦЕНАТЬ.

Ты подумай Цезарь;
 Когда взбѣшенъ такой властитель, значить
 Пришло не въ мочь. Не дай ему очнуться
 Воспользуйся его смущеньемъ. Ярость
 Всегда оборонялась плохо.

ЦЕЗАРЬ.

Всѣмъ
 Вождамъ скажи, что завтра въ бой послѣдній
 Вступаемъ мы. Въ рядахъ у насъ довольно,
 Служившихъ у Антонія недавно,
 Чтобъ намъ его поймать. Распорядись;
 Да угости войска: запасовъ много —
 И есть за что имъ дать. Бѣднякъ Антоній!

СЦЕНА II.

Александриѣ. Комната во дворцѣ.

(*Входятъ Антоній, Клеопатра, Энобарбъ, Хармианъ, Ира, Алексасъ и
 другіе.*)

АНТОНІЙ.

Со мной неидетъ онъ въ бой, Домицій.

ЭНОБАРЬ.

Нѣтъ.

АНТОНІЙ.

Да отчего же нѣтъ?

ЭНОБАРЬ.

Онъ думаетъ, что въ двадцать разъ счастливѣй
 Онъ будетъ двадцать противъ одного.

АНТОНІЙ.

Сразимся завтра на морѣ и сушѣ:

Живъ буду иль омою честь въ крови, —
И это жизнь. Ты храбро будешь драться?

Энобарбъ.

Рубиться и кряться: «Все сгинь!»

Антоній.

Отлично!

Ступай зови ко мнѣ домашнихъ слугъ.

(Входятъ слуги).

Пируйте эту ночь. Дай руку мнѣ,
Ты честенъ былъ дѣйствительно. Ты тоже
И ты, — и ты, и ты: служили славно:
Цари вамъ были равны.

Клеопатра.

Это что?

Энобарбъ.

Одна изъ тѣхъ причудъ, въ которыхъ горе
Изъ сердца рвется.

Антоній.

Честенъ былъ и ты
Желалъ бы стать я всѣми вами вдругъ
И вмѣстѣ всѣхъ васъ тутъ же превратить
Въ Антонія, чтобъ послужить вамъ такъ,
Какъ вы служили мнѣ.

Слуга.

• Избави Богъ!

Антоній.

Друзья, еще мнѣ послужите ночь
И кубки наливайте мнѣ, какъ-будто
Мои владѣнья съ вами заодно
Еще покорны мнѣ.

Клеопатра.

Чего онъ хочетъ?

ЭНОБАРЬЕЪ.

Заставить плакать ихъ.

Антоній.

Пробудьте ночь,
 Быть можетъ, съ ней конецъ и службѣ вашей.
 И не видать меня вамъ, или видѣтъ
 Печальной тѣнью: завтра, можетъ быть
 Поступите къ другому господину.
 Смотрю на васъ, какъ-будто на прощаньи.
 Друзья мои не отсылаю васъ;
 Мнѣ ваша служба дорога по смерти.
 Вы прослужите два часа, не больше
 И награди васъ боги!

Энобарьеъ.

Для чего

Ихъ такъ смущать? они, ты видишь, плачутъ
 И я осель почуялъ лукъ: — стыдись, —
 Не обращай насъ въ женщинъ.

Антоній.

Ха, ха, ха!

Чтобъ я пропалъ, коль этого хотѣлъ,
 Пусть эти слезы къ счастью! Друзья,
 Вы поняли меня въ печальномъ смыслѣ,
 Я васъ хотѣлъ утѣшить и прошу,
 Чтобъ факеловъ зажгли вы. Знайте дѣти,
 Надѣюсь, я на завтра поведу васъ
 Туда, гдѣ жду побѣдоносной жизни,
 А не почетной смерти. Ужинъ ждетъ,
 Пойдемъ зальемъ заботы.

СЦЕНА Ш.

Тамъ же. Передъ дворцомъ.
 (Входятъ два солдата на часы).

1-й солдатъ.

Братъ, доброй ночи. Что-то будетъ завтра.

2-й солдатъ.

Вся наша будущность рѣшится. Ну прощай.
Ты ничего вдоль улицъ не слышалъ?

1-й солдатъ.

Нѣтъ. Что такое?

2-й солдатъ.

Быть можетъ, только слухи. Доброй ночи.

1-й солдатъ.

Спасибо. Доброй ночи.

(Входятъ еще два солдата).

2-й солдатъ.

Солдаты, будьте чутки на часахъ,

3-й солдатъ.

Вы тоже. Доброй ночи, доброй ночи.

(Два первыхъ становятся на свои мѣста).

4-й солдатъ.

Намъ здѣсь, *(становятся на мѣста)*, а завтра, если только флоту

Удача будетъ, я вполне увѣренъ,
На сушѣ постоять.

3-й солдатъ.

Лихое войско —

И полное надеждъ. *(Подъ сценой слышна музыка гобоевъ).*

4-й солдатъ.

Постой! что тамъ за шумъ?

1-й солдатъ.

Чу! чу!

2-й солдатъ.

Слышь!

1-й солдатъ.

То музыка въ воздухѣ.

3-й солдатъ.

Нѣтъ, подь землю.

4-й солдатъ.

Хорошій знакъ, какъ полагаешь?

3-й солдатъ.

Нѣтъ.

1-й солдатъ.

Тссъ.... говорятъ вамъ. Что-то это значить?

2-й солдатъ.

Богъ Геркулесъ, Антоніемъ любимый,
Съ нимъ разстается.

1-й солдатъ.

Пойдемъ: узнаемъ, слышали ль другіе,
То, что и мы. *(Они идутъ къ другимъ часовымъ).*

2-й солдатъ.

Гей, вы ребята!

Всѣ.

Гей, гей,

Гей, гей, вы слышали? *(говорятъ между собой).*

1-й солдатъ.

Да, это что-то странно.

3-й солдатъ.

Вы слышите, вы слышите, друзья?

1-й солдатъ.

Пойдемъ за звукомъ вдоль своихъ постовъ,
Посмотримъ, что-то будетъ.

Всѣ.

Точно, странно.
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Тамъ же, комната во дворцѣ.

(*Входятъ Антоній, Клеопатра, Хармианъ и другіе слуги*).

АНТОНІЙ.

Эросъ! мой панцырь!

КЛЕОПАТРА.

Отдохни немножко!

АНТОНІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, голубка. Эросъ! панцырь, Эросъ!

(*Входитъ Эросъ съ панцыремъ*).

Поди-ка другъ и въ сталь меня *) одѣнь,
Коль нынѣ бросить насъ фортуна, то
За непочетъ къ ней. — Дай!

КЛЕОПАТРА.

Я помогу.

Куда вотъ это?

АНТОНІЙ.

Ахъ, оставь! оруженосецъ
Ты сердца моего — не такъ, — такъ, — такъ.

КЛЕОПАТРА.

Вотъ помогла! Такъ быть должно.

АНТОНІЙ.

Прекрасно;

Теперь мы молодцы. Товарищъ, видишь?
Ступай и ты вооружись.

ЭРОСЪ.

Сейчасъ.

КЛЕОПАТРА.

Что, дурно застегнула?

*) Въ прежнихъ издавіяхъ: thine, у Колера: mine.

Антоній.

Славно, славно

Кто разстегнетъ вотъ это, прежде чѣмъ
Сниму его на отдыхъ, встрѣтитъ бурю.
Ты Эросъ, плохъ; моя царица лучше
Тебя, оруженосецъ. Ну! — О другъ мой!
Когда бъ могла меня ты видѣть въ битвѣ,
И въ этомъ царскомъ дѣлѣ знала толкъ,
Сказала бъ нынче ты «вотъ мастеръ».

*(Входитъ начальникъ въ полномъ воору-
женіи).*

Здравствуй!

На видъ одинъ, ты опытный боецъ:
Встаемъ съ зарей на милую работу
И весело идемъ къ ней.

Начальникъ.

Какъ ни рано,

А тысячи стоятъ уже въ бронѣ,
На берегу и ждутъ тебя. *(Клики, звуки трубъ).*
(Входятъ начальники и солдаты).

2-й начальникъ.

Какое утро! Съ добрымъ утромъ, вождь!

Всѣ.

Вождь, съ добрымъ утромъ.

Антоній.

Славный звукъ ребяга!

Какъ юный умъ, который хочетъ быстро
Развиться, — утро рано началось,
Такъ, такъ; подай сюда вотъ; — хорошо.
Прощай подруга: будь со мной, что будетъ,
Прими лобзанья вопша. Теперь *(цалуетъ ее)*
Мнѣ было бъ стыдно, совѣстно съ тобой
Въ любезности пускаться. Я прошусь,
Какъ человѣкъ стальной. Кто хочетъ въ битву
Иди за мной! Введу въ нее. Прощай!

*(Уходитъ Антоній, Эросъ, начальники
и солдаты).*

ХАРМИАНЪ.

Угодноль въ вашу комнату?

КЛЕОНАТРА.

Пойдемъ.

Ушелъ героемъ. Еслибъ онъ да Цезарь
Теперь войну рѣшили поединкомъ!

Тогда бѣ Антоній, — нѣтъ ужъ, — пусть! пойдёмъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Лагерь Антонія у Александрии.

(Звукъ трубъ. Входятъ Антоній и Эросъ, на встрѣчу имъ выходитъ солдатъ.)

СОЛДАТЪ.

Антонию дай Богъ сегодня счастья!

АНТОНІЙ.

Когда бѣ тебя, и ранъ твоихъ тогда
Послушалъ я, да вышелъ въ поле

СОЛДАТЪ.

То бы

Возставшіе теперь царя и воинъ
Оставившій тебя сегодня, шли
Еще съ тобой.

АНТОНІЙ.

Кто жъ насъ оставилъ?

СОЛДАТЪ.

Кто?

Тебѣ ближайшій: кликну Энобарба,
Онъ не услышитъ иль во станѣ вражьемъ
Отвѣтитъ: «я не твой».

АНТОНІЙ.

Да что ты?

СОЛДАТЪ.

ОНЪ

У Цезаря.

ЭРОСЪ.

Онъ ящиковъ съ богатствомъ
Своимъ не бралъ.

АНТОНІЙ.

Ушелъ онъ?

СОЛДАТЪ.

Несомнѣнно.

АНТОНІЙ.

Пошли къ нему его богатства, Эросъ
Все до соринки, слышишь! передай
(Я подпишусь) привѣтъ и благодарность:
Скажи, что я желаю, чтобы онъ
Ужъ болѣе не находилъ причинъ
Мѣнять вождя. О! жребій мой ты портишь
И честныхъ. Торопись же. Энобарбъ!

СЦЕНА. VI.

Лагерь Цезаря передъ Александріей.

(Звукъ трубъ. Входятъ Цезарь съ Агриппой, Энобарбъ и другіе).

ЦЕЗАРЬ.

Ступай Агриппа, битву самъ начни.
Хочу чтобъ былъ Антоній взятъ живымъ.
Такъ ты и объяви.

АГРИППА.

Исполню Цезарь.

(Агриппа уходитъ).

ЦЕЗАРЬ.

Всеобщій миръ уже не далеко:
Удайся нынѣ — и три части свѣта
Украсятся оливою свободы.

(Входитъ встникъ).

ВѢСТНИКЪ.

Антоній въ полѣ.

ЦЕЗАРЬ.

Передай Агриппѣ:

Перебѣжавшихъ выставить впередъ,
Чтобы Антоній злость свою излилъ
Какъ-будто на себя же.

(Уходитъ Цезарь со свитой).

ЭНОБАРЬЕВЪ.

Алексаъ измѣнилъ. Въ землѣ Еврейской
Антоніевъ посолъ, уговорилъ
Онъ Ирода Антонія оставить
Для Цезаря. За этотъ трудъ повѣшенъ
Онъ Цезаремъ. Конидій и другіе
Измѣнники — имѣютъ сдержанье,
А не почетъ. Я сгзерио поступилъ
И такъ за то клянусь себя, что мнѣ
Ничто не мило.

(Входитъ солдатъ Цезаря).

СОЛДАТЪ.

Энобарбъ! Антоній

Прислалъ тебѣ богатства всѣ твои
Съ своимъ привѣтомъ: посланный его
Нашелъ меня; онъ у твоей палатки
Муловъ развьючилъ.

ЭНОБАРЬЕВЪ.

Все тебѣ дарю.

СОЛДАТЪ.

Не смѣйся надо мною Энобарбъ
Я правду говорю. Ты проводи
Погощника за лагерь; мнѣ на службу,
А то бъ я самъ провель. Вашъ повелитель
Все истинный Зевесъ.

(Солдатъ уходитъ).

ЭНОБАРЬЕЪ.

Нѣтъ на землѣ безчестнѣе меня,
 Я въ этомъ убѣдился. О Антоній!
 Источникъ доброты, какъ бы воздалъ
 Ты честной службѣ, ежели и подлость
 Засыпалъ золотомъ! Изныло сердце
 И коль оно не лопнетъ съ горя, горю
 Я подсоблю; — убьетъ и горе — правда.
 Противъ тебя мнѣ драться? Нѣтъ канаву
 Сыщу, чтобъ умереть въ ней: чѣмъ грязнѣй,
 Тѣмъ моему приличнѣе постушку.

СЦЕНА VII.

Поле битвы между обоими лагерями.

(Крикъ. Барабаны и трубы. Входитъ Агриппа и другіе).

АГРИППА.

Назадъ! Мы слишкомъ зарвались впередъ.
 И Цезарю работа есть: ихъ натискъ
 Всѣ наши ожиданья превзошелъ.

(Уходитъ).

(Крикъ. Входитъ Антоній и Скаръ раненый).

СКАРЪ.

Мой храбрый повелитель! вотъ такъ бой!
 Дерись мы такъ сперва, мы бъ ихъ прогнали
 Съ пробитыми башками.

АНТОНИЙ.

Ты въ крови?

СКАРЪ.

Была на I моя похожа рана,
 А вышелъ N теперь.

АНТОНИЙ.

Они бѣгутъ.

С К А Р Ъ .

Мы ихъ загонимъ въ норы. У меня
Еще царяницъ на шесть мѣста хватитъ.
(Входитъ Эросъ).

Э Р О С Ъ .

Они разбиты. Нашъ усѣхъ привелъ
Къ побѣдѣ свѣтлой.

С К А Р Ъ .

Въ спину ихъ луны
И догоняй какъ зайцевъ. Трусовъ гнать
Забавя.

А Н Т О Н И Й .

Награжу тебя сперва
За добрыя слова и въ десять разъ
За доблести. Пойдемъ.

С К А Р Ъ .

Я ползетусь.

С Ц Е Н А V I I I .

Подъ стѣнами Александрии.

(Крики. Входитъ Антоній маршемъ, Скаръ и войска).

А Н Т О Н И Й .

Мы въ лагерь ихъ прогнали. Побѣгите
Нашъ подвигъ возвѣститъ царницѣ. Завтра,
До восхода солнца, выпустимъ ту кровь,
Что имъ пришлось спасти сегодня. Всѣхъ
Благодарю за храбрость. Вы сражались
Не только въ пользу дѣла, но какъ-будто
Всякъ за себя. Всѣ Гекторами были.
Войдите въ городъ: женъ обнять, друзей,
Въ веселіи. Пусть радостныя слезы
Омоютъ вашу кровь, а поцалун
Залечать раны чести. *(Скару)* Дай мнѣ руку.
(Входитъ Клеопатра со свитой).

Великой Фен ласки, мой герой,
Тебя благословятъ. О солнце міра!
Ко мнѣ на шею, и во всемъ нарядѣ
Сквозь панцырь мой на сердце мнѣ: скакать
На радостныхъ біеньяхъ.

КЛЕОПАТРА.

Вожь вождей!

О доблесть! Ты смѣешься, — избѣжавъ
Великой сѣти міра.

Антоній.

Соловей мой,

Мы ихъ угнали спать! Дня мое!
Пусть сѣдна есть въ чернотѣ у насъ,
Но мозгъ еще питаетъ нервы, такъ
Что съ юными поспоритъ. Видишь вотъ онъ.
Его устамъ дай руку ты свою.
Цалуй мой храбрый. Нынѣ онъ сражался
Какъ-будто богъ, враждебный людямъ, бьетъ
Ихъ въ образѣ его.

КЛЕОПАТРА.

Тебѣ я, другъ,

Дамъ панцырь весь изъ золота. Онъ царскій.

Антоній.

Онъ заслуженъ, хоть будь онъ изъ рубиновъ,
Какъ колесница Феба. Дай мнѣ руку.
Торжественно войдемъ въ Александрію,
Впередъ нашъ щитъ изрубленный несите,
Какъ подобаетъ. Помѣстись мы всѣ
Въ большомъ дворцѣ, — поужинали бъ вмѣстѣ
И выпили бъ за завтешній успѣхъ,
Опасностью манящій царской. Трубачи,
Будите ревомъ мѣди слухъ гражданъ,
Сливайте трескъ свой съ дробью барабанной,
Пусть вамъ земля и небо отвѣчаютъ
Привѣтствіемъ на наше приближеніе.

СЦЕНА IX.

Лагерь Цезаря.

(Солдаты на часахъ. Входитъ Энобарбъ).

1-й солдатъ.

Коль насъ не смѣнять въ этотъ часъ, то мы
Вернемся къ караулу. Ночь ясна.
И говорятъ, что во второмъ часу
Утра начнется бой.

2-й солдатъ.

Вчера для насъ
Былъ тяжкій день.

Энобарбъ.

О! ночь, услышь меня!

3-й солдатъ.

Кто этотъ человѣкъ?

2-й солдатъ.

Молчи и слушай.

Энобарбъ.

Свидѣтельствуй, о мѣсяцъ благосклонный!
Когда съ презрѣньемъ будутъ поминать,
Измѣнниковъ, что бѣдный Энобарбъ
Раскаялся, какъ видишь.

1-й солдатъ.

Энобарбъ!

3-й солдатъ.

Тссъ! — слушай дальше.

Энобарбъ.

О мощная владычица печали!
Обдай меня зловѣщимъ паромъ ночи,
Чтобъ эта жизнь, враждебная желанью,
Меня не тяготила больше: сокруши

Мнѣ сердце о скалу моеѣ вины,
 Пускай тоска его разсыплетъ въ прахъ
 И съ нимъ все зло исчезнетъ. О Антоній!
 Ты столько же высокъ, какъ низокъ я,
 Прости меня въ душѣ своей, и пусть
 Меня включаетъ свѣтъ въ презрѣнный списокъ
 Измѣнниковъ и бѣглецовъ,
 Антоній! О Антоній!

(Умираетъ).

2-й солдатъ.

Пойдемъ, поговоримъ мы съ нимъ.

1-й солдатъ.

Нѣтъ, слушай: рѣчь его важна быть можетъ
 Для Цезаря.

3-й солдатъ.

И то. Да онъ уснулъ.

1-й солдатъ.

Не обмеръ ли? Молиться такъ нельзя
 На сонъ грядущій.

2-й солдатъ.

Подойдемъ къ нему.

3-й солдатъ.

Проснись, проснись, промолви слово!

2-й солдатъ.

Слышишь?

1-й солдатъ.

Его постигла смерть. Слышь! барабаны
 Сурово будятъ спящихъ. Въ караулъ
 Снесемъ его. Онъ не простой: свой часъ
 Уже мы отстояли.

3-й солдатъ.

Такъ поидемъ,

Быть можетъ онъ охнется.

(Уходить, унося труны).

СЦЕНА X.

Между двумя лагерями.

(Входитъ Антоній и Скаръ съ войсками).

Антоній.

Они готовятъ бой морской: мы имъ
Не правимся на сушѣ.

Скаръ.

Тамъ и здѣсь.

Антоній.

Пусть вызовутъ на воздухъ, или въ огонь
И тамъ сразимся съ ними. Только вотъ что:
На пригородныхъ мы холмахъ должны;
Оставить пѣшихъ съ нами (флоту отданъ
Приказъ, и онъ изъ пристани пошелъ);
Съ холмовъ замѣтнѣй положенье ихъ
И видны всѣ движенья.

(Уходятъ. Входитъ Цезарь съ своими войсками).

Цезарь.

Не нападутъ, такъ должно намъ стоять
На сушѣ смирно: лучшей свой народъ
Они во флотъ послали. Вы ступайте
Въ долины и держитесь крѣпче тамъ.

(Уходятъ. снова входятъ Антоній и Скаръ).

Антоній.

Не встрѣтились еще. Вонъ изъ подъ той
Сосны увижу все и расскажу,
Что видѣлъ.

(уходитъ.)

С К А Р Ъ .

Ласточки навили

Гнѣздъ въ парусахъ у Клеопатры; наши
 Авгуры мрачны, — говорятъ: не знаемъ —
 И не хотятъ намъ говорить. Антоній
 Отваженъ и уныль; онъ въ шаткомъ счастьи
 Межъ страхомъ и надеждой передъ тѣмъ,
 Что есть и что возможно.

(Крики вдали, какъ бы отъ морскаго сраженія. Входитъ Антоній.)

Антоній.

Все пропало!

Злодѣйка Египтянка измѣнила;
 Мой флотъ передался врагу; и вошь
 Они кидаютъ шапки, какъ при встрѣчѣ
 Съ давишими друзьями. Трижды шельма!
 Я проданъ новичку! И я въ душѣ
 Враждую лишь съ тобой. Пусть всѣ бѣгутъ.
 Я отомщу коварной чародѣйкѣ
 И кончу. Всѣмъ вели бѣжать; — ступай.

(Скаръ уходитъ.)

О! солнце, мнѣ тебя ужъ не видать.
 Со счастьемъ здѣсь Антоній расстается.
 И руку жметъ ему. Какъ это случилось?
 У ногъ моихъ лежавшія сердца
 Любимцевъ измѣнили мнѣ и таютъ
 Предъ Цезарскимъ разцвѣтомъ; оголили
 Сосну, царившую надъ всѣми. Проданъ я.
 О лживый духъ Египта! сила чарь!
 Твои глаза меня кидали въ битву;
 Мнѣ грудь твоя была вѣнцомъ и цѣлю,
 Но какъ цыганка ты играла мной
 И обманула, пресытивъ несчастьемъ.
 Гей! Эросъ, Эросъ!

(Иходитъ Клеопатра.)

А, колдунья! Прочь!

Клеопатра.

Что такъ мой другъ на милую взбѣшенъ?

АНТОНІЙ.

Прочь, или я съ тобою разплачусь
 И Цезарю триумфъ разстрою. Пусть онъ
 Ликующимъ тебя плебеямъ кажетъ;
 Ступай за колесницей, какъ пятно
 Веѣмъ женщинамъ. Пусть смотрятъ на тебя
 Какъ на чудовище, за грошъ, и пусть
 Смиренная Октавія изрѣжетъ
 Тебѣ лице погтями.

(Клеопатра уходитъ).

Хорошо,

Что ты ушла, коль точно хорошо
 Чтобъ ты жила, но лучше бы тебѣ
 Подиастъ подъ гнѣвъ мой, тутъ бы смерть одна
 Спасла тебя отъ многихъ. Эросъ, гей!
 На мнѣ рубашка Несса. Научи
 Меня Алкидь, мой предокъ, ярой злобѣ,
 Дай на луну мнѣ зашвырнуть Ликаса
 И дай рукой, привычной къ булавъ,
 Не пощадить себя. Колдунѣ смерть!
 Я римскому мальчишкѣ ею продамъ
 И гибну такъ. За то и смерть ей. Эросъ!

(Уходитъ).

СЦЕНА XI.

Александрія, комната во дворцѣ.

(Входятъ Клеопатра, Харміанъ, Ира и Мардіанъ).

КЛЕОПАТРА.

О помогите! Злѣй онъ чѣмъ Аяксъ
 Былъ надъ щитомъ; — и Оссалійскій венръ
 Такъ не былъ лютъ.

ХАРМИАНЪ.

Вотъ памятникъ! Запрись —
 И вѣсть ему пошли, что ты скопчалась.
 Душѣ разетаться съ тѣломъ легче, чѣмъ
 Съ величемъ.

КЛЕОПАТРА.

Въ памятникъ! Ты Мардіанъ

Скажи, что я себя лишила жизни

И что послѣдній зовъ мой былъ: Антоній!

Прошу, ты это погрустиѣй скажи.

Дай Мардіанъ мнѣ знать, какъ приметъ онъ

Мою кончину. Въ памятникъ скорѣй!

(Всѣ уходятъ).

СЦЕНА XII.

Тамъ же, другая комната.

(Входитъ Антоній и Эросъ).

Антоній.

Еще меня ты видишь, Эросъ?

Эросъ.

Впью.

Антоній.

Порой, намъ туча кажется дракономъ

Иль облако порой медвѣдемъ, львомъ,

Градской стѣной, наклонною скалой,

Зубчатой голубою цѣпью горъ,

Съ деревьями, — одинъ обманъ воздушный

Для глазъ: ты призраки видалъ такіе

Въ вечерній сумракъ?

Эросъ.

Да, мой повелитель.

Антоній.

То, что сейчасъ конемъ казалось, въ мигъ

Расплылось въ облакахъ, и незамѣтно

Какъ на водѣ вода.

Эросъ.

Да, точно такъ.

Антоній.

Мой добрый Эросъ, вотъ начальникъ твой
 Такой же призракъ: я еще Антоній,
 Но видимый свой образъ не могу.
 Я болѣе удерживать, мой другъ,
 Я бился за Египеть; а царица....
 Я вѣрилъ ей, я сердце отдалъ ей,
 Съ ней вмѣстѣ шли за мною милліоны,
 Теперь отпавшихъ: Эросъ, а она
 Смѣшала карты съ Цезаремъ и славу
 Мою, его триумфу проиграла.
 Не плачь мой Эросъ! Мы еще съ собою
 Покончимъ самп. О безстыдница твоя!

(Входитъ Мардіанъ).

Она мой мечъ украла.

Мардіанъ.

Нѣтъ, Антоній;

Она тебя любила и связала
 Свою судьбу съ твоей.

Антоній.

Прочь, наглый эвнухъ!

Я проданъ и за то она умереть.

Мардіанъ.

Долгъ смерти можно только разъ отдать;
 Она сдала свой. Замысль твой исполнень
 Ея рукой. Последнія ея
 Слова: «Антоній! дивный мой Антоній»!
 Тутъ тяжкій вздохъ прервалъ внезапно пня
 Антонія, — она его дѣла
 Межъ сердцемъ и устами, схоронила
 Въ себѣ.

Антоній.

Такъ умерла?

Мардіанъ.

Да, умерла.

АНТОНІЙ.

Снимай съ меня оружье, Эрось. Трудъ
 Дневной поконченъ; — спать пора. — Что цѣль
 Уйдешь, тебѣ богатая награда
 За трудъ твой. Вонъ, — ну — убирайся! — вонъ!

(Мардианъ уходитъ).

И щить Аякса, о семи листахъ,
 Не спасъ бы сердца моего отъ бури.
 О! лопни грудь! Ты сердце разорва
 Свой углый склепъ. Скорѣ Эрось! я
 Уже не воинъ: прочь уборъ измятый,
 Ты съ честью мнѣ служилъ. Уйди на время.

(Эросъ уходитъ).

Тебя я Клеопатра догоню.
 Чтобъ выплакать прощенье. Рѣшено. —
 Отсрочка — мука. — Свѣточъ твой угасъ;
 Усни и успокойся. Всякій трудъ
 Теперь лишь порча; да — всю силу свяжутъ
 Усилья. Запечаталъ и покончилъ.
 Эрось! — иду царица! — Эрось! — Жди!
 Въ садахъ блаженныхъ мы рука съ рукой
 Пойдемъ и намъ дивиться стануть духи.
 Эней съ Дидоной будетъ позабытъ
 И все столжится къ намъ. Гей! Эрось! Эрось!

Эрось.

Что повелитель?

АНТОНІЙ.

Съ смерти Клеопатры
 Такъ жизнь моя безчестна, что богамъ
 Моя противна низость. Я, — мечемъ
 Дѣлившій свѣтъ и на хребтѣ Нептуна
 Сдвигавшій города судовъ, — смущень
 Отвагой женской. Я слабѣ той,
 Въ чьей смерти Цезарь услыхалъ: «сама
 Себя я побѣдила». Эрось ты
 Клялся; когда придетъ нужда, (она
 Теперь пришла) когда я за собой

Отд. I.

12

Увижу неизбежную погоню
 Бѣды и страха, — ты по первой просьбѣ
 Убьешь меня. Исполни жъ, часъ насталъ.
 Ударъ не мнѣ, то Цезарю ударъ,
 Ты не бѣднѣй.

Эросъ.

Да возбранять мнѣ боги!
 То сдѣлать, что всѣ дротики Парейнъ
 Желая сдѣлать не сдумѣли.

Антоній.

Эросъ!

Хотѣлъ ли бѣ видѣть, въ Римѣ изъ окна,
 Ты господина своего въ цѣпяхъ,
 Съ поникшей головой, съ лицомъ, покрытымъ
 Огнемъ стыда, межъ тѣмъ какъ передъ нимъ
 Счастливый Цезарь, съ колесницы, трусость
 Его клеймилъ?

Эросъ.

Нѣтъ не хотѣлъ бы видѣть.

Антоній.

Ну! — твой одинъ ударъ меня излечитъ.
 Вынь честный мечъ, которымъ ты отчизнѣ
 Полезенъ былъ.

Эросъ.

Нѣтъ, пощади меня.

Антоній.

Когда тебѣ я волю далъ, ты это
 Исполнить, не клялся ль, когда скажу?
 Исполни же, иль вся бывшая служба
 Твоя одна случайность. Вынь свой мечъ.

Эросъ.

Такъ отверни же отъ меня лице:
 Я въ немъ еще кумпръ вселенной вижу,

АНТОНІЙ.

Такъ ну же (*отворачивается отъ него*).

Эросъ.

Мечъ обнаженъ.

АНТОНІЙ.

Исполни жъ разомъ то,
За чѣмъ его извлекъ.

Эросъ.

Мой добрый вождь,
Мой господинъ, мой повелитель, дай мнѣ,
Пока не палъ ударъ, сказать прости.

АНТОНІЙ.

Ужъ ты его сказалъ; прощай и ты.

Эросъ.

Прости мой вождь. Ударить что ль?

АНТОНІЙ.

Ну, Эросъ!

Эросъ.

Вотъ же: (*падаетъ на свой мечъ*), Антоніи смерти не увижу
Твоей.

АНТОНІЙ.

Меня ты втрос благороднѣй!
 Ты храбрый Эросъ указалъ мой долгъ,
 Тебѣ столь тяжкій. Эросъ и царица
 Своей отвагой превзойдутъ меня
 Въ преданьяхъ славы: но пойду теперь
 На встрѣчу смерти, какъ женихъ, и лягу
 Какъ бы на ложе милой. Видишь Эросъ,
 Твой вождь умретъ твоимъ ученикомъ.
 Ты научилъ (*падаетъ на свой мечъ*). Какъ! нѣтъ?
 не умерь я?

Гей, стража! приколите!

(Входитъ Держецъ и стража).

1-й СТРАЖЪ.

Что за шумъ?

АНТОНІЙ.

Друзья, я худо началъ дѣло; вы
Докончите его.

2-й СТРАЖЪ.

Звѣзда скатилась.

1-й СТРАЖЪ.

И часъ его пробилъ.

Всѣ.

Увы! о горе!

АНТОНІЙ.

Кто преданъ мнѣ, убей меня.

1-й СТРАЖЪ.

Не я.

2-й СТРАЖЪ.

Да и не я.

3-й СТРАЖЪ.

Да и никто изъ насъ.

(Стража уходитъ).

ДЕРЦЕТЪ.

Твой рокъ и смерть всѣхъ приближенныхъ гонять.
Снеси я къ Цезарю вотъ этотъ мечъ и вѣсть,
Къ нему войду я въ милость.

(Входитъ Диомедъ).

ДИОМЕДЪ.

Гдѣ тутъ Антоній?

ДЕРЦЕТЪ.

Здѣсь. Диомедъ, вотъ здѣсь.

ДІОМЕДЪ.

Онъ живъ?

Что жъ ты отвѣта не даешь?

(Держитъ уходитъ).

АНТОНІЙ.

Ты ль Діомедъ? Своимъ мечемъ меня
Ты приколи.

ДІОМЕДЪ.

Великій повелитель

Меня къ тебѣ послала Клеопатра.

АНТОНІЙ.

Давно ль послала?

ДІОМЕДЪ.

Тотчасъ.

АНТОНІЙ.

Гдѣ она?

ДІОМЕДЪ.

Въ свой памятникъ ушла. Невольный страхъ
Предрекъ ей все, что быть должно. Замѣтивъ,
(Хоть это все несбыточно), что ты
Ее въ сношеньяхъ съ Цезаремъ считаешь
И бѣспшсья — она тебѣ о смерти
Своей послала вѣсть; но устрашась
Ея послѣдствій, шлетъ меня сказать
Всю правду. Да боюсь, пришелъ я поздно.

АНТОНІЙ.

Да поздно Діомедъ. Покличь мнѣ стражу.

ДІОМЕДЪ.

Гей! стража полководца! — стража! Гей!
Сюда! — начальникъ васъ зоветъ.

(Входитъ стража).

АНТОНІЙ.

Меня, друзья, снесите къ Клеопатрѣ.
Въ послѣдній разъ прошу у васъ услуги.

1-й СТРАЖЪ.

О! горе намъ, что ты не пережишь
Всѣхъ вѣрныхъ слугъ своихъ.

В сѣ.

Ужасный день!

АНТОНІЙ.

Нѣтъ, добрые друзья, — судьбѣ жестокой
Не льстите вашимъ горемъ; пусть она идетъ
Насъ наказать, — а мы ее накажемъ
Тѣмъ, что легко все стерпимъ. Подымите
Меня. Я часто васъ друзья водилъ;
Теперь меня снесите и примите
Мою признательность за все.

(Уходятъ, унося Антонія).

СЦЕНА XIII.

Тамъ же памятникъ.

(На вергу появляется Клеопатра, Харміанъ и Ира.)

КЛЕОПАТРА.

О Харміанъ! отсюда я не выйду.

ХАРМІАНЪ.

Царица, успокойся.

КЛЕОПАТРА.

Никогда!

Всѣмъ горестямъ и ужасамъ я рада
И горекъ мнѣ покой. Моя печаль
Съ причиною соразмѣрна — какъ она
Должно быть велика. Что? умеръ онъ?

ДИОМЕДЪ.

Ужъ смерть надъ нимъ, но все не умеръ онъ.
Ты съ памятника можешь видѣть: стража
Съ той стороны сюда его несетъ.

(Внизу стража вноситъ Антонія).

КЛЕОПАТРА.

О солнце!

Сожги свой ясный кругъ! оставь во тьмѣ
Вселенную. Антоній! о Антоній!

На помощь Хармианъ! на помощь Ира!

(Внизу столицемъ).

Друзья, поднять его намъ помогите.

АНТОНИЙ.

Тише!

Не Цезаремъ Антоній побѣжденъ,
Самъ надъ собой Антоній торжествуетъ.

КЛЕОПАТРА.

Такъ быть должно: Антонія сразить
Лишь могъ Антоній, по увы! зачѣмъ же!

АНТОНИЙ.

Слабью, Египтянка, умираю,
Но мигъ прошу у смерти, чтобъ изъ тысячъ
Еще послѣдній, бѣдный поцалуи
Отдать твоимъ устамъ.

КЛЕОПАТРА.

Нѣтъ, я не смѣю
(Прости мой добрый другъ) боюсь, меня
Поймають: нѣтъ, не будетъ украшаться
Мной торжество у Цезаря счастливца;
Пока у яда, у ножа, у змѣи
Есть сила, или жало — я свободна!
Октавія, съ холодностью въ очахъ
И скромностью, — не доживетъ до чести
Смѣяться мнѣ. Сюда, сюда Антоній!
Подруги помогите мнѣ его
Поднять *(внизъ)* и вы.

АНТОНИЙ.

Скорѣй, не то умру.

КЛЕОПАТРА.

Какъ трудно *). Какъ ты сталъ тяжелъ, мой другъ.
 Вся наша сила въ горе перешла
 И вотъ намъ тяжело: будь я Юноной
 Тебя бѣ Меркурій крѣпкокрылый поднялъ
 И посадилъ съ Зевесомъ. Ближе, ближе!
 Глупъ, кто желаетъ. О скорѣй, скорѣй

(Они подымаютъ Антонія на сержъ).

Вотъ здѣсь, вотъ здѣсь, умри теперь, гдѣ жилъ.
 Очнись въ лобзаньяхъ: будь онѣ цѣлебны,
 Я бѣ усть не пощадила.

Всѣ.

Грустный видъ.

АНТОНІЙ.

Я умираю, другъ мой, умираю:
 Дай мнѣ вина, чтобъ могъ я говорить.

КЛЕОПАТРА.

Нѣтъ, говорить позволь мнѣ и Фортуну
 Бранить, пока со злости колеса
 Она не сломить.

АНТОНІЙ.

Другъ, одно лишь слово:
 Ввѣрь Цезарю и честь и счастье. О!

КЛЕОПАТРА.

Двѣ вещи несовмѣстныхъ.

АНТОНІЙ.

Слушай другъ мой:
 У Цезаря вѣръ только Прокулею.

КЛЕОПАТРА.

Отвагѣ и рукѣ своей я вѣрю,
 А не придворнымъ Цезаря.

*) Въ прежнихъ изданіяхъ sport шутка, у Колльера port тяжесть.

АНТОНІЙ.

О горестной судьбѣ моей и смерти
 Не сокрушайся, лучше вспомниай
 Мое бывшее счастье, когда
 Я былъ первѣйшимъ властелиномъ міра
 И благороднѣйшимъ; да и умру
 Не подло: предъ согражданиномъ снялъ
 Я шлемъ и Римляниномъ Римлянинъ
 Былъ побѣжденъ. Мой отлетаетъ духъ
 Я не могу.

(Умираетъ).

КЛЕОПАТРА.

Великій мужъ, ты умеръ?
 Тебѣ не жаль меня? иль мнѣ остаться
 Во мрачномъ мірѣ? безъ тебя онъ мнѣ
 Не лучше стояла! Видите подруги
 Вѣнецъ земли рассыпался. Мой другъ!
 Увы! исчезъ военный лавръ и знамя
 Утрачено: мальчишки и дѣвчонки
 Съ мужчинами равны; отличья нѣтъ,
 И ничего достойнаго не видитъ
 Уже луна.

(Падаетъ въ обморокъ).

ХАРМИАНЪ.

Царица, успокойся.

ИРА.

Да и она скончалась.

ХАРМИАНЪ.

О!

ИРА.

Царица!

ХАРМИАНЪ.

О госпожа!

ДОЛАБЕЛЛА.

Сейчасъ отправлюсь Цезарь.

*(Долабелла уходитъ).**(Входитъ Дерцетъ съ мечемъ Антонія).*

ЦЕЗАРЬ.

Что это значить? Кто ты, что дерзнулъ
Къ намъ такъ войти?

ДЕРЦЕТЪ.

Меня зовутъ Дерцетомъ.

Антонію служилъ я; стоилъ онъ
Хорошихъ слугъ. Пока онъ могъ стоять
И говорить, я жизни не щадилъ
Противъ его враговъ. Коль сонзволишь,
Прими меня къ себѣ; чѣмъ былъ ему,
Тѣмъ Цезарю я буду; — не угодно, —
Вотъ жизнь моя.

ЦЕЗАРЬ.

Что хочешь ты сказать?

ДЕРЦЕТЪ.

Сказать, о Цезарь! что Антоній умеръ.

ЦЕЗАРЬ.

Надломъ такой великой вещи громче
Раздаться долженъ. Содроганье свѣта
Должно бы львовъ по улицамъ погнать,
А гражданъ по вертенамъ. Не одинъ
Антоній умеръ: именемъ его
Полсвѣта звали мы.

ДЕРЦЕТЪ.

Онъ умеръ Цезарь.

Не отъ руки привычной палача,
Не отъ ножа убійцы; пѣтъ, рука,
Которой онъ чертилъ дѣлянъ славы,
Направлена отвагою сердечной,
Пронзила это сердце. Вотъ и мечъ,

Изъ раны я извлекъ его. На немъ
Слѣдъ благородной крови.

ЦЕЗАРЬ.

Вы печальны
Друзья. Да, эта вѣсть, клянусь, царей
Заставитъ плакать.

АГРИППА.

Странно, что природа
Въ насъ возбуждаетъ плачь надъ тѣмъ, чего
Мы добивались.

МЕЦЕНАТЬ.

По ровну въ немъ было
Добра и зла.

АГРИППА.

Подобный духъ еще
Не правилъ человѣкомъ; но, вы боги!
Вложили въ насъ большіе недостатки
Чтобы людьми насъ сдѣлать. Цезарь тронуть.

МЕЦЕНАТЬ.

Въ такомъ огромномъ зеркалѣ, конечно,
Себя онъ долженъ видѣть.

ЦЕЗАРЬ.

О, Антоній!

Я къ этому привелъ тебя; но мы
Взрѣзаемъ и болячки. Должно было,
Чтобъ день паденья моего ты видѣлъ,
Иль твой увидѣлъ я: обонмъ намъ
Быль тѣсенъ міръ. Теперь дай плакать мнѣ,
Какъ-будто кровью сердца плачу я,
Надъ тѣмъ, что ты, мой братъ, мой соревнитель,
Въ дѣлахъ высокихъ, ровня мой по власти,
Другъ и товарищъ предъ лицемъ войны,
Десница тѣла моего и сердце,

Которымъ я отогрѣвалъ свое,
 Что наши звѣзды такъ непримиримо
 Насъ раздѣлили. Слушайте, друзья:
 Нѣтъ, лучше расскажу въ другое время.

(Входитъ посланный).

И видъ его о вѣсти говорить.
 Послушаемъ, что скажетъ. Ты откуда?

Посланный.

Да бѣдный я Египтянинъ. Царица,
 Въ свой памятникъ сокрывшись подъ конецъ,
 Желаетъ знать намѣренья твои,
 Чтобы на все себя приготовить,
 Что ты рѣшишь.

Цезарь.

Скажи, чтобъ не боялась.

Я скоро дамъ ей знать черезъ своихъ,
 Какъ наше къ ней почтительно и кротко
 Рѣшеніе. Не можетъ Цезарь жить
 И быть жестокъ.

Посланный.

Такъ, будь хранимъ богами.

(Уходитъ.)

Цезарь.

Послушай, Прокулей, ступай, скажи:
 Ее стыдить мы не хотимъ; старайся
 Ее по мѣрѣ скорби утѣшать,
 Чтобы она великодушной смертью
 Не побѣдила насъ. Живая въ Римѣ
 Она составитъ вѣчный намъ триумфъ.
 Ступай, немедля принеси отвѣтъ
 И какъ се машель ты.

Прокулей.

Тотчасъ Цезарь.

(Уходитъ.)

ЦЕЗАРЬ.

Галль, ты ступай съ нимъ. Гдѣ же Долабелла,
Идти за Прокулеемъ?

Всѣ.

Долабелла!

ЦЕЗАРЬ.

Оставьте вы его; сейчасъ я вспомнилъ,
Зачѣмъ его послалъ: онъ скоро будетъ.
Пойдемъ въ палатку, докажу вамъ всѣмъ,
Какъ тяжело было мнѣ начать войну,
Какъ въ письмахъ я и вѣжливымъ и кроткимъ
Старался быть. Пойдемте всѣ за мной,
Все покажу, чѣмъ васъ увѣрить можно.

(Всѣ уходятъ),

СЦЕНА II.

Александрія. Комната въ памятникѣ.
(Входятъ Клеопатра, Хармианъ и Ира).

КЛЕОПАТРА.

Отчаянье мнѣ позволяетъ вновь
Покойнѣй видѣть жизнь. Какъ бѣденъ Цезарь!
Не бывъ фортуной, онъ лишь рабъ фортуны,
Слуга ея причудъ. Великій подвигъ
То сдѣлать, что кончаетъ всѣ дѣла,
Связуетъ рокъ, оказывается случай; —
Уснулъ и ужъ не хочется той грязи,
Которою и нищій сытъ и Цезарь.

*(Прокулей, Галль и солдаты подходятъ къ памятнику и останавливаются
у осери).*

ПРОКУЛЕЙ.

Отъ Цезаря Египетской царицѣ
Привѣтъ и просьба: обсуди, чѣмъ можетъ
Тебѣ служить онъ.

КЛЕОПАТРА.

Какъ тебя зовутъ?

ПРОКУЛЕЙ.

Мнѣ имя Прокулей.

КЛЕОПАТРА.

АНТОНІЙ МНѢ

Совѣтовалъ довѣриться тебѣ;
 Но мнѣ обманъ не страшенъ съ той поры,
 Какъ вѣрность мнѣ не въ пользу. Если вождь твой
 Царицу хочетъ видѣть попрошайкой,
 Скажи ему: величье не позволить
 Просить мнѣ меньше царства. Пусть отдастъ
 Онъ сыну моему Египетъ снова;
 Онъ дастъ мнѣ тѣмъ такъ много моего,
 Что преклоню колѣни.

ПРОКУЛЕЙ.

Будь покойна;

Ты въ царственныхъ рукахъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
 Вполнѣ довѣрься моему владыкѣ,
 Онъ полонъ такъ щедротъ, что ихъ на всѣхъ
 Несчастливыхъ разливаетъ. Я ему
 Скажу, какъ ты смирилась; и тебя
 О томъ просить твой повелитель станетъ,
 Чего теперъ ты молишь на колѣняхъ.

КЛЕОПАТРА.

Скажи, что я, его покорна счастью,
 Въ немъ признаю владыку. Ежечасно
 Учусь повиновенью и желала бь
 Лицо его увидѣть.

ПРОКУЛЕЙ.

Передамъ,

Не безпокойся: жребій твой прискорбенъ,
 Я знаю, и виновнику его.

ГАЛЛЪ.

Ты видишь какъ легко ее схватить,

(Прокулей и два солдата влзаютъ на палатникъ по лестницѣ и окружаютъ Клеопатру. Солдаты отодвигаютъ засовы и открываютъ двери)

ИРА.

Царица! государыня!

ХАРМИАНЪ.

О, Клеопатра! Ты въ плѣну царица!

КЛЕОПАТРА.

Сжорѣй моя рука.

(Выхватываетъ кинжалъ!).

ПРОКУЛЕЙ.

(Хватаетъ и обезоруживаетъ ее). Стой, стой, царица!
Не наноси себѣ вреда; не предавь
Тебя, а спась я.

КЛЕОПАТРА.

Какъ, отъ смерти даже?
Собака, и тѣхъ она отъ мукъ спасаетъ

ПРОКУЛЕЙ.

Не избѣгай ты милостей вождя,
Самоубійствомъ: дай увидѣть свѣту
Все благородство дѣлъ его, ты ихъ
Своею смертью удержишь.

КЛЕОПАТРА.

Гдѣ ты, смерть?
Сюда, приди, приди, возьми царяцу,
Какъ женщинѣ да ребячь!

ПРОКУЛЕЙ.

О, успокойся!

КЛЕОПАТРА.

Нѣтъ, я не буду ѣсть, не буду пить,
А ежели начнутъ пустые толки,
Не буду спать. Свой бранный домъ разрушу,
А Цезарь дѣлай, что онъ можетъ. Знай,
Я не пойду въ цѣпяхъ къ его двору,
Смущать не будетъ трезвыми очами

Октавія меня. Ужели мнѣ
 Посмѣшищемъ обрадованной черни
 Явится въ Римѣ? Лучше лечь въ Египтѣ
 Въ трясины! Лучше въ Нильскій иль меня
 Нагую бросьте, чтобъ отъ комаровъ
 Я вспухла безобразно! Лучше, сдѣлавъ
 Изъ пирамиды висѣлицу, вы
 Меня въ цѣпяхъ повѣсьте.

ПРОКУЛЕЙ.

Ты рисуешь

Въ ужасныхъ краскахъ все; но ждетъ тебя
 У Цезаря иное.

(Входитъ Долабелла.)

ДОЛАБЕЛЛА.

Прокулей,

Все, что ты сдѣлалъ, Цезарю известно.
 Онъ за тобою шлетъ, а у царицы
 Я буду сторожить.

ПРОКУЛЕЙ.

Что жъ, Долабелла.

Я очень радъ. Повѣжливѣй съ ней будь. *(Клеопатрѣ.)*
 Я Цезарю скажу, чего ты хочешь,
 Коль довѣряешь мнѣ.

КЛЕОПАТРА.

Скажи, что смерти.

(Уходятъ Прокулей и солдаты.)

ДОЛАБЕЛЛА.

Царица, ты слыхала про меня?

КЛЕОПАТРА.

Не знаю.

ДОЛАБЕЛЛА.

Вѣрю, ты меня ужъ знаешь.

КЛЕОПАТРА.

Слышала или знаю, все равно.
Смѣшно вамъ сны дѣтей или женщинъ слушать;
Не правда ли?

ДОЛАБЕЛЛА.

Я не пойму, царица.

КЛЕОПАТРА.

Мнѣ снилось, будто властвовала Антоній,
О! вновь бы сонъ такой, чтобы опять
Такого мужа видѣть!

ДОЛАБЕЛЛА.

Если хочешь....

КЛЕОПАТРА.

Былъ ликъ его подобенъ небу: въ немъ
Блистало солнце и луна, свѣтя
На крошку землю.

ДОЛАБЕЛЛА.

Мощное созданье.

КЛЕОПАТРА.

Ногами онъ шагаль за океанъ,
Его рука была короной міру *),
А голосъ чище всѣхъ поющихъ сферъ,
Но для друзей; когда жъ онъ имъ хотѣлъ
Потрясть испуганную землю, — то
Гремѣлъ какъ громъ. А доброта его —
Зимы не зная, знала только осень
Еще пышнѣй растущую отъ жатвъ.
Онъ въ радостяхъ напоминалъ дельфина,
Весь никогда не погружаясь въ нихъ;
Короны, царства, острова, какъ мелочь,
Онъ сыпалъ изъ кармановъ.

*) Геральдическое сравненіе взятое съ гербовъ, у которыхъ вмѣсто короны рука съ поднятымъ мечемъ.

ДОЛАБЕЛЛА.

Нѣтъ царица.

КЛЕОПАТРА.

Ты лжешь и оскорбляешь слухъ боговъ.
 Но если есть или былъ когда такой,
 То онъ превыше всякихъ сновъ: природа
 Всегда мечтамъ уступитъ; но создавъ
 Антонія, природа бьетъ мечтанья,
 Назвавъ тѣнями ихъ.

ДОЛАБЕЛЛА.

Позволь, царица,
 Какъ ты сама, велика скорбь твоя
 И ты несешь, какъ можешь, эту ношу;
 Но пусть ни въ чемъ успѣха не найду,
 Коль грусть твоя не перешла ко мнѣ
 До глубины души.

КЛЕОПАТРА.

Благодарю.

Ты знаешь ли что Цезарь мнѣ готовить?

ДОЛАБЕЛЛА.

Мнѣ тяжело объ этомъ сообщать.

КЛЕОПАТРА.

Нѣтъ, я прошу.

ДОЛАБЕЛЛА.

Какъ онъ ни благородень....

КЛЕОПАТРА.

Онъ хочетъ увести меня въ триумфъ?

ДОЛАБЕЛЛА.

Царица, это мысль его, я знаю.

(За сценой.) Дорогу дайте! Цезарь!*(Входятъ Цезарь, Галлы, Прокулей, Меценатъ, Селевскъ и свита.)*

ЦЕЗАРЬ.

Которая царица тутъ Египта?

ДОЛАБЕЛЛА.

Вотъ повелитель нашъ, царица.

(Клеопатра падаетъ на колѣни.)

ЦЕЗАРЬ.

Встань, не должна ты преклонять колѣнъ,
Прошу, царица, встань же, встань!

КЛЕОПАТРА.

Богамъ

Угодно, чтобы предъ своимъ владыкой
Смирилась я.

ЦЕЗАРЬ.

Не будь ты такъ мрачна.
О всѣхъ обидахъ, нанесенныхъ мнѣ,
Хотя и кровныхъ, я какъ о случайныхъ
Готовъ забыть.

КЛЕОПАТРА.

Единый царь земли!

Я дѣль своихъ не въ силахъ выставлять
Въ блестящемъ свѣтѣ; сознаюсь, во мнѣ
Пороки есть, которые нерѣдко
Стыдили полъ нашъ.

ЦЕЗАРЬ.

Клеопатра, знай:

Мы извинимъ скорѣй, чѣмъ увеличимъ:
И если ты исполнишь замысль мой
(Къ тебѣ столь благосклонный), то найдешь
Въ размѣнѣ прибыль; если же меня
Жестокимъ выставишь, идя путемъ
Аптонія, то ты себя лишишь
Благихъ моихъ даровъ, дѣтей повергнешь
Въ бѣду, какой я не готовилъ имъ,
Коль довѣряешь мнѣ. Я ухожу.

КЛЕОПАТРА.

Ступай, весь міръ тебѣ открыть: онъ твой;
А мы, значки твоей побѣды, будемъ
Гдѣ помѣстишь. Сюда, мой повелитель.

ЦЕЗАРЬ.

Ты мнѣ совѣтуй въ домѣ Клеопатры.

КЛЕОПАТРА.

Вотъ списокъ денегъ, блюдь и украшеній
Моихъ: тутъ все подробно сочтено;
Бездѣлки не забыто. Гдѣ Селевкъ?

СЕЛЕВКЪ.

Я здѣсь царица.

КЛЕОПАТРА.

Вотъ мой казнохранитель; пусть онъ скажетъ,
Подъ страхомъ казни, утаила ль я
Что для себя. — Ты говори Селевкъ!

СЕЛЕВКЪ.

Царица!

Скорѣй съ печатью буду на устахъ,
Чѣмъ тутъ скажу неправду.

КЛЕОПАТРА.

Чтожь я скрыла?

СЕЛЕВКЪ.

На скрытое объявленное купишь.

ЦЕЗАРЬ.

Нѣтъ, Клеопатра, не краснѣй! твою
Я мудрость одобряю.

КЛЕОПАТРА.

Видишь, Цезарь!

Какъ тянетъ власть къ себѣ: мои теперь твои;
Смѣнный ты рокъ: твои мои будутъ.

Неблагодарность этого Селевка,
 Такъ злитъ меня. О, рабъ! ты не вѣрнѣй
 Любви паемной! — Что бѣжишь? — Уйдешь —
 Вѣрь; но глаза твои поймаю, дай
 Хоть крылья имъ. Бездушный рабъ, собака!
 Какой подлець!

ЦЕЗАРЬ.

Приди въ себя, царица!

КЛЕОПАТРА.

О Цезарь! какъ обиденъ этотъ стыдъ;
 Когда меня почтилъ ты посѣщеньемъ
 И удостоилъ взора своего
 Меня въ бѣдѣ, — мой собственный слуга
 Теперь мое несчастье умножаетъ
 Своею злобой! Еслибъ даже, Цезарь!
 Я скрыла нѣсколько бездѣлокъ женскихъ,
 Пустыхъ игрушекъ, изъ такихъ вещей,
 Которыми дарятъ знакомыхъ, — еслибъ
 И отложила поцѣниже вещи,
 Для Ливіи и для Октавіи,
 Чтобъ ихъ смягчить, ужели измѣнять
 Мнѣ долженъ тотъ, кто взросъ при мнѣ? О Боже!
 Пасть было легче. Сдѣлай милость, прочь! *(Селевку.)*
 Иль духъ мой бросить искры изъ золы
 Моихъ несчастій. Будь ты человѣкъ,
 Ты бь пожалѣлъ меня.

ЦЕЗАРЬ.

Уйди, Селевкъ.

(Селевкъ уходитъ.)

КЛЕОПАТРА.

Ты знаешь, намъ великимъ не простятъ
 Чужихъ пороковъ; — ежели мы пали,
 То именовъ отвѣтимъ за другихъ —
 И никому не жаль насъ.

ЦЕЗАРЬ.

Клеопатра,

Ни скрытаго, ни явленнаго мы
 Къ добычѣ не причислимъ: все твое,
 Располагай по волѣ всѣмъ; и знай,
 Что Цезарь не купецъ, чтобы искать
 Продажныхъ у тебя вещей. Не бойся;
 Не дѣлай мрачныхъ думъ своею тюрьмой;
 Нѣтъ, нѣтъ, царица, мы съ тобой поступимъ
 По твоему совѣту. Тѣшь и спи:
 Намъ такъ близка судьба твоя и грусть,
 Что я на вѣкъ твой другъ; и такъ прощай.

КЛЕОПАТРА.

Мой повелитель!

ЦЕЗАРЬ.

Нѣтъ, не такъ. Прощай.

(Трубный звукъ. Цезарь со свитой уходитъ.)

КЛЕОПАТРА.

Слова, подруги, все слова, чтобъ я
 Забыла честь. Послушай Хармианъ
(Шепчетъ Хармиани.)

ИРА.

Кончай, царица; минулъ свѣтлый день
 И мы идемъ во мракъ.

КЛЕОПАТРА.

Скорѣй вернись:

Я тамъ уже сказала; все готово;
 Ступай, поторопи.

ХАРМИАНЪ.

Сейчасъ, царица.

(Входитъ Долабелла.)

ДОЛАБЕЛЛА.

Царица гдѣ?

ХАРМИАНЬ.

Ты видишь.

(Хармиань уходитъ.)

КЛЕОПАТРА.

Долабелла?

ДОЛАБЕЛЛА.

Царица, призванъ волею твоей,
 Которой я, какъ бы святынѣ преданъ,
 Скажу тебѣ: что Цезарь положилъ,
 Черезъ Сирію идти и черезъ три дни
 Тебя съ дѣтьми твоими шлетъ впередъ.
 Воспользуйся извѣстьемъ; твой приказъ я
 Какъ обѣщаль исполнилъ.

КЛЕОПАТРА.

Долабелла,

Твоя должница я.

ДОЛАБЕЛЛА.

Я твой слуга.

Прощай, царица; къ Цезарю спѣшу.

КЛЕОПАТРА.

Прощай, спасибо. *(Долабелла уходитъ.)* Ты что скажешь Ира?
 Египетская куколка и ты
 На выставку со мной поступишь въ Римѣ;
 Рабочіе съ передниками въ салѣ,
 Съ кирками, съ молотками, приподымуть
 Насъ на показъ и будемъ мы вдыхать
 Ихъ смрадный запахъ.

ИРА.

Да спасутъ насъ боги!

КЛЕОПАТРА.

Да, Ира, такъ-то. Лякторы нахалы
 Насъ схватятъ какъ блудницъ, а риэмоплеты,

Поршивцы, воспоютъ насъ: скоморохи
 Сейчасъ же насъ сыграютъ и представятъ
 Пыры Александрійскіе: Антоній
 Представленъ будетъ пьянымъ; а мальчишка,
 Пища, придастъ великой Клеопатрѣ
 Движенія развратницы.

Ира.

О боги!

КЛЕОПАТРА.

Да это несомнѣнно.

Ира.

Мнѣ этого не видѣть; знаю ногти
 Мои покрѣпче глазъ.

КЛЕОПАТРА.

Да! это путь:

Сбить ихъ приготовленья, осмѣяться
 Расчетамъ вѣрнымъ *) ихъ — Что, Харміанъ?

(Харміанъ возвращается.)

Подруги, дайте лучшей мой нарядъ:
 Царицею отправлюсь къ Цидну вновь,
 Антонія встрѣчать. Скорѣе Ира.
 Да, Харміанъ, мы кончимъ непремѣнно.
 Сегодня долгъ исполня свой, ступай
 Гулять на вѣкъ. Подай вѣнецъ и все.
 Что тамъ за шумъ?

(Ира уходитъ.)

(За сценой шумъ. Входитъ одинъ изъ стражей.)

СТРАЖЪ.

Поселянинъ какой-то

Тебя желаетъ видѣть непремѣнно;
 Онъ смоквъ тебѣ принесъ.

*) Въ прежнихъ изданіяхъ: absurd нелѣпымъ; у Колльера: assur's вѣрнымъ.

КЛЕОПАТРА.

Впусти. Какое бѣдное орудье

(Стражъ уходитъ.)

Великаго. Онъ мнѣ принесть свободу.

Рѣшилась я; и ничего во мнѣ

Нѣтъ женскаго: отъ головы до ногъ

Вся мраморъ я; непостоянный мѣсяць

Ужъ не моя планета.

(Стражъ возвращается съ поселяниномъ, несущимъ корзину.)

СТРАЖЪ.

Вотъ онъ самъ.

КЛЕОПАТРА.

Уйди, и здѣсь его оставь.

(Стражъ уходитъ.)

Съ тобою ли красотка Нила, змѣйка,

Которой ядъ безъ боли убиваетъ?

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Да, со мной; но я не изъ тѣхъ, которые тебѣ бы совѣтывали ее трогать. Ея укушеніе безсмертно. Тѣ которые отъ него умирають, рѣдко или никогда не выздоравливають.

КЛЕОПАТРА.

Не помнишь ли, кто умеръ отъ нея?

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Очень многіе мужчины да женщины. Не далѣе какъ вчера, я слышалъ отъ одной: славная женщина, только отчасти охотница солгать, чего женщинѣ дѣлать не слѣдуетъ, развѣ честнымъ путемъ. Вотъ она рассказывала, какъ она умерла отъ ея укушенія и какія терпѣла боли. Дѣйствительно она прекрасно отзывается о змѣйкѣ; но кто повѣрить всему, что они говорятъ, не найдетъ проку и въ половинѣ того, что онѣ дѣлають. Но эта не безприменная правда, что эта змѣйка единственная змѣйка.

КЛЕОПАТРА.

Ступай себѣ: прощай.

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Желаю тебѣ вдоволь натѣшиться надъ змѣйкой.

КЛЕОПАТРА.

Прощай.

(Поселянинъ ставовитъ на полъ корзину.)

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Ты должна подумать, видишь ли, что змѣя все-таки змѣиное отродье.

КЛЕОПАТРА.

Да, да; прощай.

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Видишь ли, змѣѣ вѣрить нельзя, развѣ въ рукахъ у людей знающихъ; вѣдь въ змѣѣ нѣтъ ничего добраго.

КЛЕОПАТРА.

Не безпокойся, мы за ней присмотримъ.

ПОСЕЛЯНИНЪ.

И хорошо. Не давайте ей пожалуйста ночью, потому что она не стоитъ корма.

КЛЕОПАТРА.

Что, съѣсть она меня?

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Не думай, чтобы я былъ такъ простъ; я знаю, что самъ чортъ не съѣсть женщину; я знаю: женщина блюдо для боговъ, если только чортъ его не приготовилъ: но дѣйстви-тельно эти подлецы черти дѣлаютъ въ отношеніи женщинъ много горя богамъ, потому что изъ десяти ими созданныхъ, черти навѣрное испортятъ пять.

КЛЕОПАТРА.

Ну, хорошо, ступай же, прощай.

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Точно такъ: желаю тебѣ натѣшиться змѣйкой.

(Уходитъ.)

(Ира возвращается съ платьемъ, короной и проч.)

КЛЕОПАТРА.

Дай платье и надѣнь вѣнецъ: во мнѣ
 Позывъ къ безсмертію. Ужъ соку гроздія
 Египетскихъ не освѣжать мнѣ устѣ.
 Проворихъ Ира. Кажется я слышу:
 Зоветь Антоній; вижу онъ возсталъ,
 Хвалить мой подвигъ; слышу онъ смѣется
 Надъ Цезаревымъ счастьемъ; боги имъ
 Дарятъ людей, чтобъ извинить потомъ
 Свою немплость. Я иду, супругъ!
 Отважная, такъ звать тебя не въ правѣ!
 Вся воздухъ, вся огонь другимъ стихіямъ
 Жизнь низшую отдамъ. Что, вы совсѣмъ?
 Примите жъ съ устѣ моихъ послѣдній жаръ.
 Другъ Харміанъ! На вѣки, Ира!

(Цалуетъ изъ. Ира падаетъ и умираетъ.)

Иль поцалуй мой жалить? Ты упала?
 Коль съ жизнью такъ легко разсталась ты,
 То смерть разить, какъ-будто щиплетъ милый:
 Съ пріятной болью. Какъ недвижна ты?
 Такъ, отходя, ты міру говоришь,
 Что съ нимъ не стоять и прощаться.

ХАРМІАНЪ.

Пролейте тучи дождь и я скажу,
 Что сами боги плачутъ.

КЛЕОПАТРА.

Стыдно мнѣ:

Кудрявый къ ней Антоній выйдетъ къ первой,
 Распроситъ обо мнѣ и передастъ
 Ей поцалуй, въ которомъ неба жду.
 Скорѣ гадъ! *(къ аспиду, которая достала изъ корзины.)*
 Разрѣжь смертельнымъ зубомъ узелъ жизни

Запутанный: — бѣднякъ мой ядовитый,
Позлись и кончи. О! когда бѣ ты могъ
Проговорить, ты бѣ Цезаря назвалъ
Осломя.

ХАРМИАНЪ.

Звѣзда Востока!

КЛЕОПАТРА.

Тише, тише!

Малютка, видишь, грудь мою сосеть
И усыпить кормилицу.

ХАРМИАНЪ.

О, сердце!

КЛЕОПАТРА.

Какъ нектаръ сладко, нѣжно какъ дыханье
И — О Антоній! Нѣтъ, возьму еще.

(Прикладываетъ другою аспидою къ руцѣ.)

Чего мнѣ ждаты. *(Падаетъ на ложе и умираетъ.)*

ХАРМИАНЪ.

Въ пустынномъ этомъ мѣрѣ? Да, прощай.
Гордись же смерть, ты женщину пріяла,
Какихъ ужъ нѣтъ. Пушистыя окошки
Закройтесь. Золотой не встрѣтитъ Фебъ
Подобныхъ глазъ! Корона покачулась
На ней, поправлю — и потомъ гулять.

(Вбѣгаютъ стражи.)

1-й СТРАЖЪ.

А гдѣ царица?

ХАРМИАНЪ.

Тише, не буди.

1-й СТРАЖЪ.

Цезарь прислалъ.

ХАРМИАНЬ.

Лѣнвиваго посла.

(Прикладываетъ къ себѣ аспидъ.)

Скорѣй, кончай; чуть слышу я тебя.

1-й СТРАЖЪ.

Гей, вы! Здѣсь плохо: здѣсь обмануть Цезарь.

2-й СТРАЖЪ.

Онъ Долабеллу шлетъ: покличь его.

1-й СТРАЖЪ.

Чтожь, Хармиань? Благое это дѣло?

ХАРМИАНЬ.

Прекрасное, достойное царицы,
 Которой предки длинный рядъ царей.
 А! Воинъ!

*(Умираетъ.)**(Входитъ Долабелла.)*

ДОЛАБЕЛЛА.

Что здѣсь?

2-й СТРАЖЪ.

Всѣ умерли.

ДОЛАБЕЛЛА.

Не даромъ, Цезарь,

Ты этого боялся: самъ придешь
 Взглянуть на то, что такъ всегда желалъ
 Предотвратить. *(За сценой.)*

Прочь! — Цезарю дорогу!

(Входитъ Цезарь со свитой.)

ДОЛАБЕЛЛА.

О, властелинъ! ты истинный авгуръ:
 Твой страхъ сбылся

ЦЕЗАРЬ.

Геройская кончина:

Смекнула все и царственно пошла
Своимъ путемъ. — Какъ умерли онѣ?
Не вижу крови.

ДОЛАБЕЛЛА.

Кто тутъ былъ послѣдній?

1-й СТРАЖЪ.

Простой поселянинъ принесъ ей смоквѣ.
Вотъ и корзина.

ЦЕЗАРЬ.

Значить ядъ.

1-й СТРАЖЪ.

О, Цезарь!

Вотъ Харміанъ стояла, говорила,
При мнѣ она поправила корону
На мертвой госпожѣ; да затряслась
И покатилась.

ЦЕЗАРЬ.

Доблестная слабость!

У нихъ отъ яду опухоль была бѣ
Наружная; она же словно спитъ
И ждетъ, чтобъ въ сѣтъ красы другой Антоній
Запутался.

ДОЛАБЕЛЛА.

Здѣсь на груди у ней

Есть капля крови, да немного вспухло,
И также на рукѣ.

1-й СТРАЖЪ.

То аспидовъ слѣды; на листьяхъ смоквѣ
Есть слизь, какую аспидъ оставляетъ
Въ пещерахъ Нила.

ЦЕЗАРЬ.

Очень вѣроятно,
Что умерла она отъ нихъ; мнѣ врачъ ея
Разсказывалъ, какъ родъ легчайшей смерти
Она искала. — Съ ложемъ взять ея
И женщину съ ней изъ памятника вынести.
Съ Антоніемъ ее похоронить:
И ни въ одной могилѣ на землѣ
Такой четы не будетъ. Власть такихъ
Событій и на ихъ творца вліяетъ.
Потомства жалость не уступить славѣ
Виновника несчастья. Наше войско
Торжественно отправить погребенье,
И въ Римъ. Стань, Долабелла, во главѣ
Порядка при великомъ торжествѣ.

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

ДО ВОСШЕСТВІЯ СВОЕГО НА ПРЕСТОЛЪ. 1709 — 1741.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(Посвящается Алекс. Иванович. Семевскому.)

Грѣхъ ради, наказа насъ Господь частыми монарховъ перемѣнами, и остави насъ в школъ неблагополучія, предаде насъ, под видомъ гѣхъ, в неизбѣжныя руки жестокихъ и немилостивыхъ приставниковъ: изблочи насъ рабскими къ тайнохитрымъ првлениемъ!...

(Слово Геромонаха Наржицкаго, говоренное 4 авг. 1742).

I.

Рожденіе Елизаветы. — Воспитаніе и воспитатели. — Ассамблеи. — Взглядъ на нравы современнаго общества. — Наружность царевны. — Празднованіе ея совершеннолѣтія. — Переговоры съ Европейскими дворами о бракосочетаніи Елизаветы. — Смерть Петра I-го.

1709 — 1725.

18 декабря 1709 года, въ десять часовъ утра, при громѣ пушечной пальбы, при гулѣ колокольнаго звона — въ главѣ Россійскихъ полковъ, въ сопровожденіи великолѣпной свиты генераловъ и знаменитѣйшихъ Шведскихъ плѣнныхъ, начался торжественный въѣздъ Петра въ первопрестольную Москву. Въѣздъ этотъ напоминалъ Римскія триумфальныя шествія. Массы народа тѣснились на пути: съ заборовъ, стѣнъ, крышъ — отовсюду видѣлись головы любопытныхъ, отовсюду раздавался несмолкаемый крикъ: «да здравствуетъ государь, отецъ нашъ, да здравствуетъ нашъ батюшка!» Громкое ура какъ бы спорило съ оглушительнымъ звономъ колоколовъ, съ боемъ литавръ и барабановъ, съ пушечными залпами!

Въ эту великую минуту полнѣйшаго торжества преобразователя Россіи, онъ получилъ вѣсть о рожденіи царевны Елизаветы. Шествіе было остановлено. Въ избыткѣ радостнаго чувства, Петръ сказалъ приближеннымъ: «Господь Богъ усугубилъ радость торжества въ честь Полтавской побѣды, рожденіемъ мнѣ дочери. Того ради, отложимъ празднество и поспѣшимъ поздравить со вшествіемъ въ міръ дочь мою, яко ея счастливымъ предвозвѣщаніемъ вождѣннаго мира!» (2).

Государь послѣшилъ со всѣмъ генералитетомъ въ Успенскій Соборъ. Начался молебенъ. При пѣніи: «Тебѣ Бога хвалимъ», Петръ присоединилъ свой голосъ къ хору. Снова Кремлевскія стѣны поддернулись облаками дыма и затряслись отъ грома пушечныхъ залповъ. Колокола загудѣли, то Петръ извѣщалъ Москву о своей радости, о рожденіи Елизаветы.

Послѣ благодарственнаго молебствія, государь, въ сопровожденіи множества сановниковъ, иностранныхъ министровъ и духовенства, отправился во дворецъ села Коломенскаго (3). Какъ супругу свою, такъ и новорожденную, Петръ нашелъ внѣ опасности. Вся свита была приглашена къ торжественному обѣду. Въ весельи монарха участвовали и пѣльные Шведы. Въ Коломенскомъ дворцѣ ихъ угостили великолѣпнымъ пиромъ. Нижнимъ чинамъ выставили всякаго рода яства и выкатили бочки съ виномъ.

Всѣ, отъ перваго сановника до послѣдняго нищаго, вслѣдъ за государемъ, пили за здоровье новорожденной царевны Елизаветы. Только 21 декабря кончились пиры и празднества въ честь сего событія; начались другія въ память Полтавской побѣды.

При такихъ счастливыхъ обстоятельствахъ родилась будущая императрица. Самое мѣсто ея рожденія, село Коломенское, славное историческими воспоминаніями, любимое жилище царя Алексѣя, долго считавшееся мѣстомъ рожденія преобразователя Россіи, какъ бы служило предзнаменованіемъ счастливой судьбы, постигшей Елизавету (4).

До насъ мало дошло извѣстій о первыхъ годахъ молодости Елизаветы, немного мы имѣемъ свѣдѣній и о людяхъ, первыхъ приставникахъ, ея воспитателяхъ....

Извѣстно, какой разумный наказъ былъ подписанъ Петромъ въ 1703 году, о томъ, какъ воспитывать и обучать царевича Алексѣя. Въ этомъ наказѣ, составленномъ просвѣщеннымъ Гейсеномъ (Huyzen), сказано было между прочимъ: «обратить особенное вниманіе на французскій языкъ, какъ языкъ легчайшій и употребительнѣйшій». На французскій же языкъ было обращено особенное вниманіе при обученіи Елизаветы Петровны.

Царевна въ послѣдствіи сама рассказывала Штелину (5), что однажды, во время уроковъ, пришелъ къ ней государь и заставъ ее за чтеніемъ французскихъ писемъ госпожи Ламбертъ, Петръ попросилъ перевести одну страницу. Царевна перевела. «Счастливы вы дѣти, замѣтилъ послѣ этого государь, обращаясь къ дочерямъ, (6) счастливы вы, что васъ воспитываютъ, что въ молодыхъ годахъ пріучаютъ васъ къ чтенію полезныхъ книгъ.... Въ своей молодости я былъ лишень и дѣльныхъ книгъ, и добрыхъ наставниковъ».

Изъ всѣхъ учителей царевны намъ извѣстенъ только люфляндецъ Глюкъ.

Вообще, о Елизаветѣ до 1717 года мало говорятъ, какъ русскіе современники, такъ и иностранные послы, бывшіе при нашемъ дворѣ. Только съ этого времени, какъ русскіе, такъ въ особенности иностранцы стали обращать вниманіе на замѣчательную красоту средней дочери Петра (6).

Такъ въ 1717 году, на Елизавету обратилъ вниманіе, по случаю возвращенія государя изъ-за границы. 10 октября обѣ царевны Анна и Елизавета выѣхали на встрѣчу къ отцу въ испанскихъ костюмахъ. По замѣчанію посла французскаго, нарядъ этотъ чрезвычайно шелъ къ восьми-лѣтней Елизаветѣ. Провожаемый супругой и дочерьми, государь вошелъ во дворецъ. При входѣ въ него, на маленькой, шотландской лошаdkѣ сидѣлъ двухъ-лѣтній Петръ Петровичъ. Отъ лица его Меньшиковъ сказалъ привѣтственную рѣчь, за нимъ говорили привѣтствіе Анна и Елизавета Петровны (7).

Съ начала 1718 года началось слѣдствіе; строгій Монархъ предалъ суду своего старшаго сына. Страшный эпизодъ человѣческой лѣтописи! 6 февраля, въ Петербургѣ получено было повелѣніе самодержца присягнуть новому наслѣднику

престола, Петру Петровичу. Стукъ барабановъ созвалъ жителей на Троицкую площадь. Народу прочитали отрѣченіе Алексѣя отъ престола, манифестъ о его винахъ и никто не поколебался исполнить приказъ монарха. Въ Троицкомъ Соборѣ, послѣ обѣдни, въ присутствіи мамютки Петра Петровича, Меньшиковъ привелъ къ присягѣ весь дворъ, Анну и Елизавету Петровну.

Тяжелъ былъ этотъ годъ для Петра I, тяжелъ и для его подданныхъ. По донесенію Ла-Ви, до 300 человекъ было арестовано по дѣлу царевича; казни, пытки, розыски начались и продолжались въ Москвѣ, Преображенскомъ, Суздали и кончились только спустя почти годъ, въ Петербургѣ. Отъ однихъ конфискованныхъ имѣній, собрано было нѣсколько миліоновъ рублей (8).

Въ это время Петръ велѣлъ устроить на иностранный манеръ *ассамблеи*, танцевальныя вечера. Приказъ государя былъ исполняемъ по очереди всѣми сановниками. Вечера начинались у государя и оканчивались у Оберъ-Полиціймейстера. На послѣднемъ лежала обязанность въ началѣ каждой зимы, публиковать роспись (обыкновенно составляемую самимъ государемъ) по которой вельможи чередовались.

Всѣ должны были съѣзжаться на балъ къ тремъ часамъ пополудни, въ богатѣйшихъ нарядахъ. Къ пяти пріѣзжалъ государь, вслѣдъ за нимъ являлась Екатерина съ дочерьми. Наряды государыни и царевень отличались необыкновеннымъ великолѣпіемъ. На царевняхъ бывали надѣты желтыя бѣлыя или цвѣтныя платья, изъ лучшихъ матерій, обшитыя золотомъ и серебромъ. Головные уборы были залиты брилліантами (9).

Балы открывались монотонными, церемоніальными танцами. Музыканты играли родъ погребальнаго марша. Каждая пара поочередно дѣлала *реверансы*. За тѣмъ слѣдовалъ *Польскій*, которымъ и оканчивались церемоніальныя танцы. Маршалъ, дирижировавшій танцующими, ударялъ жезломъ и провозглашалъ, что каждый можетъ танцевать, какъ и что ему вздумается.

Первое время посѣтители ассамблей были печальны, задумчивы, хотя боясь гнѣва царскаго, старались казаться

веселымъ. Ежедневные аресты и казни у всякаго были передъ глазами.

Желая разсѣять мрачное настроеніе общества и приучить его къ *заморскимъ* увеселеніямъ, Петръ вмѣстѣ съ семьей, постоянно являлся на ассамблеи. Ни одно собраніе не обходилось безъ его присутствія. Юныя царевны были постоянными посѣдательницами танцевальныхъ собраній (10).

Мало по малу, старанія государя увѣнчивались успѣхомъ. Ассамблеи стали составляться безъ принужденій, между дамами и дѣвицами явились страстныя любительницы этого рода удовольствій. Однадцати-лѣтняя Елизавета небольшая была любительница *церемональныхъ* танцевъ, но въ *нецеремональныхъ*, она показывала большую ловкость, много живости и искусства. Минуетъ, англійскій кадрилъ и польскій, тогдашніе обыкновенные танцы, давали полную возможность царевнѣ плѣнять граціозностью своею всѣхъ присутствовавшихъ. Вмѣстѣ съ другими дѣвицами и дамами, Елизавета безпрестанно выдумывала новыя фигуры, танцевала въ залахъ, переходила въ другія комнаты, подымалась во второй этажъ. Шведскіе плѣнные офицеры были первыми учителями танцевъ, но ученики и въ особенности ученицы скоро превзошли своихъ наставниковъ. Вмѣстѣ съ царевною славились красотой и искусствомъ въ танцахъ: дочь Г. И. Головкина, Княгиня Черкаская, Кантеміръ и Долгорукая, впоследствии невѣста императора Петра II.

Царедворцы, желая угодить государю, чаще и чаще съ каждымъ годомъ устроивали ассамблеи. Но они вполне отражали на себѣ вѣкъ преобразованій, въ которомъ, на ряду съ хорошимъ, было много дурнаго или по крайнѣй мѣрѣ смѣшнаго. Въ комнатахъ, гдѣ танцевали царскія дочери вмѣстѣ со всѣми другими дамами, зрители курили скверный табакъ, пили и напивались до-пьяна, играли въ шашки, ссорились, бранились. Въ комнатахъ была вонь, стукотня, шумъ, крикъ. Между танцами дамы, по обычаю, не говорили съ мужчинами. Весь вечеръ проходилъ въ бѣганьи, поклонахъ, прыжкахъ, а молодые люди не проронивали ни слова, слушая въ тоже время перебранки напившихся игроковъ (10).

Изъ этого можно вывести заключеніе, во многомъ ли были полезны, и были ли въ чемъ нибудь полезны ассамблеи для подрастающей царевны? А она съ каждымъ годомъ дѣлалась прелестнѣе. Вотъ первый, довольно полный портретъ Лизаветы, оставленный Ла-Ви (11): «Княжна эта прелестна, писалъ онъ въ 1719 году, очень стройна и могла бы считаться совершенною красавицею, если бы цвѣтъ волосъ ея не былъ немного рыжеватъ, что впрочемъ можетъ замѣниться съ лѣтами. Она умна, добродушна и сострадательна».

«Царевна бѣлокура очень нѣжна», говоритъ Берггольдъ, встрѣтивъ Елизавету впервые въ Лѣтнемъ саду, въ 1721 году, «руки ея прекрасны; лице, какъ и у Анны Петровны, чрезвычайно доброе и пріятное (11). Она меньше ростомъ своей сестры, но гораздо живѣе и полнѣе ея. Въ этотъ разъ (25 іюня) сестры были одѣты одинаково, но младшая имѣла еще крылышки, у старшей они были недавно отрѣзаны, но еще не сняты, а только зашпурованы. Сдѣланы эти крылышки прекрасно. Платья принцессъ были безъ золота и серебра, изъ красивой, двухъ-цвѣтной матеріи, а головы убраны драгоценными камнями и жемчугомъ, по новѣйшей французской модѣ съ изяществомъ, которое бы сдѣлало честь лучшему парижскому парикмахеру» (12).

Въ нарядахъ и танцахъ проходила молодость царевны. Удовольствіямъ посвящала большую часть своего времени Лизавета. Вотъ почему, мы должны обратить вниманіе на современные забавы и потѣхи, чтобы судить, какое вліяніе они имѣли на образованіе дочери Петра.

Всѣ празднества того времени дѣлились на лѣтнія и зимнія. Лѣтнія давались въ Лѣтнемъ саду (на Фонтанкѣ). Зимнія въ царской *австеріи*, гостинницѣ на Петербургской сторонѣ, у крѣпости, либо тамъ же въ зданіи Сената, либо въ Почтовомъ дворѣ, гдѣ былъ Мраморный дворецъ.

Кромѣ танцевальныхъ ассамблей, были катанья на Невѣ. Впереди флотилии всевозможныхъ лодокъ ѣхала царская яхта. Петръ, въ шкиперскомъ костюмѣ, управлялъ ею. Здѣсь сидѣли: государыня, царевны Анна и Лизавета Петровны, Катерина, Анна и Прасковья Ивановны. Всѣ они

въ подобныхъ случаяхъ одѣвались, подобно женамъ Сардамскихъ корабельщиковъ, въ канифасовыхъ кофточкахъ, юпкахъ изъ красной матеріи и небольшихъ, круглыхъ шляпахъ. Цѣль катаній, большею частію, былъ Екатеринбургъ, гдѣ, послѣ великолѣпной закуски, перѣдко устраивались танцы (12).

Нева и въ зимнее время была мѣстомъ катаній. Отъ дворца до крѣпости расчищали ледъ; съѣзжались ботики, поставленные на коньки или желѣзныя полозья, подымали паруса, и оригинальная флотилія дѣлала всевозможныя эволюціи за адмиральскимъ ботомъ, которымъ управлялъ государь.

Царь дѣлалъ столь странные маневры для того, чтобъ не забыли морскихъ эволюцій. Потѣха тянулась нѣсколько часовъ сряду, въ часы отдыха, мужчины пили и напивались пуншемъ, а дамы глинтвейномъ.

Но чаще всѣхъ удовольствій и замѣчательнѣе ихъ были торжественныя обѣды, на которые всегда являлся государь съ супругой, а перѣдко и совсѣмъ семействомъ.

Спускъ новаго корабля, его закладка, тезоименитство когонибудь изъ членовъ царской фамиліи, воспоминаніе о какойнибудь побѣдѣ, орденскій или полковой праздникъ, свадьба когонибудь изъ придворныхъ — все служило поводомъ къ устройству торжественнаго обѣда. Эти то обѣды лучше всего выражали современные нравы.

Пиръ тянулся нѣсколько часовъ сряду; гости волею-неволею выпивали ужасное количество вина. Послѣ обѣда государь уходилъ отдыхать, но до его возвращенія никто не смѣлъ ослушиваться его приказа, т. е. никто не подымался изъ-за стола. Со скуки продолжалась попойка и тутъ почти всегда разыгрывались престранныя сцены. Вотъ рассказъ объ одномъ изъ такихъ обѣдовъ, рассказъ очевидца: «всѣ были пьяны, но еще продолжали пить до послѣдней возможности. Великій адмиралъ *Θ. М. Апраксинъ*, по обыкновению, до того *натянулся*, что плакалъ, какъ ребенокъ. Князь *Меньшиковъ* такъ опьянѣлъ, что упалъ замертво, и его люди принуждены были послать за княгиней и ея сестрою; она съ помощью разныхъ спиртовъ, съ величайшимъ тру-

домъ привели князя въ чувство и еще съ большимъ трудомъ испросили у царя позволеніе увезти пьянаго домой. Несовершенно пьяныхъ — не было; описаніе всѣхъ *дурочествъ*, совершавшихся въ нѣсколько часовъ, заняло бы нѣсколько листовъ: то князь Валахскій въ рукопашную схватывался съ оберъ-полиціймейстеромъ Девіеромъ, то начиналась въ другомъ углу ссора и драка, то слышалось чоканье бокаловъ на братство и дружбу.... Другіе, совершенно уже пьяные, лезли ко всѣмъ съ объятіями и поцѣлуями. Баронъ Бѣловъ всѣхъ бранилъ, со всѣми ссорился, вызывалъ всѣхъ на дуэль.....

Дамы, смотрѣли на эти сцены и смѣялись. Генераль-Маіоръ Штенфлихтъ, обезумѣвшій отъ попойки, колотилъ слугъ и вооруженный кортикомъ, надѣлалъ бы много бѣдъ, если бы его не схватили и силой не отправили бы домой. По угламъ, подъ столами валялось нѣсколько гостей, не устоявшихъ противъ бутылочныхъ батарей и не получившихъ дозволеніе заблаговременно уѣхать домой» (12).

На общественные маскарады, подъ опасеніемъ штрафа, никто не смѣлъ не являться; никто не имѣлъ право до указа выйти на улицу безъ маски и не въ потѣшномъ костюмѣ. Въ эти дни улицы покрывались всякаго рода шутовскими, скоморошинческими масками. Всюду раздавались звуки барабановъ, свистковъ, гудковъ, бубенъ, слышны были пѣсни удалыя, лилось вино.....

Танцы и попойка въ Сенатѣ или на Почтовомъ дворѣ совершали празднества. Нѣкоторыя важнѣйшія дамы рѣшились, подъ разными предлогами, не явиться на одно изъ подобныхъ пиршествъ въ 1721 году. Имъ приказано собраться въ зданіе Сената и въ наказаніе выпить столько же, сколько выпили *другіл*. Полиціймейстеру Девіеру и царскому денщику А. Д. Татищеву (извѣстному впослѣдствіи постройкой Ледянаго дома), поручено было строжайше слѣдить за тѣмъ, чтобы ни одна изъ дамъ не уклонилась отъ штрафа.

«Нечего и говорить», замѣчаетъ очевидецъ, «что приказъ былъ слѣпо выполненъ. Дѣло не обошлось для дамъ безъ головныхъ болей и другихъ несприятностей, Хуже всего при этомъ было то, что виновнымъ напередъ объявили, что ихъ

собирають съ одною цѣлью: опохъ за неявку въ послѣдній пирь. Эта онойка производилась самыми скверными винами и большими порціями чистой водки, которую всѣ должки были пить непременно (12).»

«Добрая генеральша Олсуфьева», рассказывает Беркгольцъ. «урожденная нѣмка, получивъ приказъ явиться въ Сенатъ поспѣшила во дворецъ съ мольбой: избавить ее отъ наказанія. Государыня отвѣчала, что на то воля Государя, генеральша, начала представлять, что она не изъ каприза оставалась въ прошедшее воскресенье дома, что уже болѣе недѣли не выходятъ со двора, что беременна въ послѣднемъ періодѣ, что ей крайне вредно пить, что это приведетъ къ полнѣйшему разстройству ея здоровья. Тогда пошли къ государю и просили его избавить на этотъ разъ Олсуфьеву отъ явки въ Сенатъ. Онъ отвѣчалъ, что не можетъ этого сдѣлать, что другія знатныя русскія дамы оскорбятя такимъ предпочтеніемъ, оказываемымъ нѣмкѣ. Генеральша такъ терзалась во всю ночь, что на утро разрѣшилась мертвымъ младенцемъ. Исполняя указъ 1718 года о пополненіи кунсткамеры всѣми *монстрами и курьезами*, она должна была представить ребенка и отдать его на храненіе въ кунсткамеру. (перев. Аммона. Мос. 1858) (12)

Самые обыкновенные, семейные обѣды не обходились безъ странныхъ шутокъ. Зная слабость И. М. Головина (шуточнаго адмирала русскаго флота), слабость къ желе, Петръ приказывалъ ему отворять ротъ, вставлялъ съ мѣста и отдѣливъ желе ножомъ, стаканъ за стаканомъ опрокидывалъ въ раскрытую глотку любимца. (12)

Или по данному знаку княгиня Черкасская начинала щекотать подъ шейю князя Трубецкаго (впослѣдствіи судьи надъ Минихомъ, Остерманомъ и друг.) Князь всякой разъ принимался ревѣть какъ теленокъ, котораго рѣжутъ, что вызывало единодушный смѣхъ царевень и всѣхъ присутствовавшихъ (12).

Карниловичъ, описывая жизнь Петербургскаго общества, въ царствованіе Петра, пренаивно замѣчаетъ: что во время торжественныхъ обѣдовъ того времени *только изрѣдка бывали небольшой шумъ и споры.*

Вліяніе общества неотразимо дѣйствовало на отдѣльныя личности. Женщины усвоивали себѣ черты суровости и твердости въ характерахъ. Вотъ любопытный анекдотъ, рассказанный по сему случаю однимъ путешественникомъ. Красавица царица Анна Петровна сдѣлалась предметомъ обожанія юнаго графа Апраксина. Молодой человѣкъ рѣшился открыть ей свое сердце и молилъ вонзить ему мечъ въ грудь и тѣмъ прекратить его мученія. «Дайте мнѣ вашу шпагу, спокойно отвѣчала Анна, я вамъ покажу, что дочь государя вашего, сумѣетъ наказать безумнаго, забывшаго къ ней почтеніе!» Апраксинъ испугался, вложилъ въ ножны саблю и молилъ о прощеніи (12).

Обращаюсь къ прерванному разсказу. Царевны и дамы Петровскаго двора наряжались, неутомимо посѣщали ассамблеи, маскарады, пиршества. Неутомимо танцевали и танцевали, но ни одна изъ нихъ не умѣла занять кого бы то ни было бесѣдою; платя дань современной модѣ они были чрезвычайно молчаливы и застѣнчивы. Петръ не любилъ музыки, не любилъ театръ, и вся его семья, а за ней все общество презирало эти удовольствія. Только княгини Кантемиръ, Черкасская и графиня Головина кое какъ умѣли играть на фортепьяно, и то только потому, что нехотя выучились этой музыкѣ въ Швеціи, будучи тамъ съ своими родными; вообще же музыка была въ презрѣніи (12).

Отвлеченный дѣлами правленія отъ личнаго надзора за воспитаніемъ дочерей, государь предоставилъ это важное дѣло приставникамъ царевень. Сама Екатерина не могла быть руководительницею въ дѣлѣ воспитанія. Бѣдная сирота въ домѣ пастора Глюка, она такъ быстро дошла до престола, что не успѣла выучиться ни писать, ни читать. По свидѣтельству историковъ, достоверно то, что она не умѣла подписать свое имя.

Изъ гувернеровъ и гувернантокъ не было ни кого, который бы отличался многостороннимъ образованіемъ и могъ бы благотворно дѣйствовать на развитіе Елизаветы (13). Общество, ее окружавшее — намъ уже знакомо, и нѣтъ сомнѣнія, что на характеръ воспріимчивый царевны имѣло большое вліяніе нянюшки, мамушки; нѣтъ сомнѣнія, что отъ

нихъ она усвоила предразсудки и нѣкоторыя другіе недостатки, на которые мы укажемъ въ своемъ мѣстѣ, незабывая указать и на достоинства.

Вотъ изъ какихъ лицъ состоялъ штатъ прислуги царевны: Мама Андрѣева. Дѣвушки: Крестьяновна, Акулина Толстая, Анна Біата (вѣрно иностранка), Анна Юрьева, Авдотья Лаврентьева. *Карлицы и шутихи*: Авдотья Павлова, Акулинья Тимофѣева. Мужчины: Петръ Климовъ, Алексѣй Полозовъ. Карликъ и шутъ, да трое калмыковъ (13).

Для того чтобы представить себѣ, хотя отчасти, будничное препровожденіе времени царевень, ихъ забавы у себя въ комнатахъ, виѣ ассамблей и официальныхъ празднествъ, мы передаемъ нѣсколько замѣтокъ наблюдательнаго Беркгольца о житьѣ Катерины Ивановны, Герцогини Мекленбургской, любительницы театровъ, долго жившей въ Германіи, женщины, не лишенной образованія (13).

«21 октября 1722 г., я воспользовался приглашеніемъ, ишетъ Беркголецъ, и отправился къ герцогинѣ. Приемъ былъ очень любезный, мнѣ дали поцѣловать свои руки, какъ Катерина, такъ и Прасковья Ивановны. Последняя была больна; я ее встрѣтилъ въ спальнѣ, проходя въ гостиную. Когда я побылъ въ приемной комнатѣ, герцогиня позвала насъ (Беркголецъ былъ не одинъ) въ спальню, гдѣ полъ былъ устланъ краснымъ сукномъ, довольно новымъ и чистымъ. (Вообще, все убранство комнатъ очень плохо). Показывала намъ стоявшую тутъ кровать дочери, (впоследствии правительницы Анны Леопольдовны), за тѣмъ заставила какого то полуслѣпаго, крайне невзрачнаго бандурщика, довольно долго играть и пѣть свои и сестры своей любимыя пѣсни.....(13).

У нихъ по комнатамъ разгуливаетъ босикомъ какая то старая, слѣпая, безобразная и глупая женщина, которой позволяли стоять въ углу около насъ. Принцесса часто заставляетъ плясать передъ собой эту старуху, весьма дурно одѣтую.....(14).

Но если образованіе царевны Лизаветы не могло быть удовлетворительно въ той средѣ, въ которой поставила ее судьба, то за то наружность ея отличалась красотой восхи-

тительною. Ея стройный станъ, ея большіе выразительныя глаза, ея бѣлокурые волоса, правильныя черты лица, наконецъ рѣзвость, живость и граціозность движеній всѣхъ плѣняли. Всѣ писатели единогласно называютъ ее *прекрасною* (14).

28 января 1722 года при празднованіи Ништатскаго мира въ Москвѣ, царица Лизавета, на 14-мъ году отъ рожденія, была объявлена совершеннолѣтнею. Въ обширномъ деревянномъ балаганѣ, выстроенномъ среди Красной площади, данъ былъ обѣдъ знатнѣйшимъ сановникамъ имперіи. За тѣмъ государь роздалъ золотыя медали, въ честь заключеннаго мира. По окончаніи роздачи, императоръ взялъ за руку Елизавету, и вывелъ ее передъ все собраніе духовенства и вельможъ. Ему подали ножницы и онъ, въ присутствіи супруги, царицы Анны Петровны, герцога Голштинскаго, Синода, Сената, иностранныхъ министровъ, знатнѣйшихъ дамъ — отрѣзалъ ей крылышки, которыя царица, по обычаю, до тѣхъ поръ носила сзади на платьѣ. Крылышки были переданы гувернанткѣ. Государь объявилъ царицу совершеннолѣтнею, обнялъ и пѣжно ее поцѣловалъ. Лизавета Петровна цѣловала руки отца и матери, за тѣмъ сама подносила всѣмъ присутствовавшимъ по стакану вина. Съ этого же времени, какъ она, такъ и Анна Петровна, вмѣсто царицы, стали титуловаться *цесаревнами* (14).

Еще на десятомъ году возраста Лизаветы, родители ея заботились о бракосочетаніи средней своей дочери. Основываясь на словахъ де-Лане, (выписаннаго въ Россію для мануфактуръ, сестра де-Лане была фрейлиною при царицѣ) посланникъ Ла-Ви еще въ 1719 году, таинственными шифрами, писалъ въ Парижъ: что Петръ имѣетъ въ виду современемъ выдать Лизавету за Людовика XV. Государыня не однажды говорила дочери, что она ничего не требуетъ отъ нея, какъ только большаго прилежанія при изученіи французскаго языка, и что есть важныя причины для того, чтобы царица Лизавета изучила этотъ языкъ, а не другой.

По поводу сего предположенія, государь писалъ нашему послу при французскомъ дворѣ, князю Долгорукову, отъ 21 мая 1721 года: «Понеже мы въ бытность свою во Фран-

ція, много говаривали Виллероу и мамѣ королевской о сватаньѣ за короля (одну) изъ нашихъ дочерей, а особливо за среднюю, понеже равнолѣтна ему, но пространно тогда, за скорымъ отъѣздомъ, не говорили, которое дѣло нынѣ вамъ поручаемъ, чтобы вы его, сколько возможность допустить производили, однакожь, чтобъ то тайно было отъ регента, въ чемъ приложите свой трудъ».

Трудъ этотъ не увѣнчался успѣхомъ. Французское правительство стало сватать за юнаго короля Испанскую инфантину. Обстоятельство это объясняется тогдашними отношеніями Англіи и другихъ государствъ къ Франціи и Россіи. Регентъ былъ другъ Георга I-го, а король Англіи — недоброжелательствовалъ Петру. Государь устраивалъ того и другаго отъ участія въ его сватовствѣ, и тотъ и другой были противъ него. Притомъ же бракъ Лизаветы съ Людовикомъ XV связывалъ родственнымъ союзомъ двѣ могущественныя державы, что возбуждало опасенія со стороны остальныхъ государствъ, которыя не забыли своихъ выгодъ и вслѣдствіи противились желанію Петра (15).

Но государь, ради политическихъ своихъ видовъ, сильно желалъ породниться съ французскимъ дворомъ. Онъ сталъ хлопотать о выдачѣ Лизаветы за Принца Шартрскаго.

Началась дѣятельная переписка. По внушенію канцлера Шафирова, французскій посланникъ Кампредонъ, въ донесеніи своемъ отъ 31 октября 1721 года, представлялъ на видъ всѣ выгоды сего брака. Онъ сообщалъ по секрету, что царь, въ случаѣ согласія, употребитъ всѣ успія къ возведенію принца на Польскій престолъ.

Версальскій дворъ молчалъ, а между тѣмъ въ С. Петербургѣ, въ слѣдствіе писемъ герцога Пармскаго, какой то Итальянскій аббатъ завелъ переговоры (въ апрѣлѣ 1722 г.), о бракѣ Лизаветы съ принцемъ Испанскимъ Дономъ-Карлосомъ. Они кончились въ Іюнь того же года ничѣмъ.

24 іюля (1722 г.), Кампредонъ снова пишетъ о томъ же самомъ предметѣ; разсыпается въ самыхъ лестныхъ похвалахъ Лизаветѣ, наконецъ заключаетъ донесеніе словами: цесаревна столь же умна, сколько и прекрасна.

На этотъ разъ старанія русскаго посла и донесенія Кампредона были успѣшнѣе. Въ октябрѣ французскій дворъ вошелъ въ переговоры, и сталъ дѣлать разныя предположенія по сему случаю.

Въ февралѣ 1723 г. Кампредонъ имѣлъ ауденцію у государя. Выславъ изъ комнаты Остермана, императоръ и императрица много и долго говорили съ посломъ о предстоящемъ супружествѣ Лизаветы. Хельницъ (?) сообщилъ французскому правительству, на какихъ условіяхъ можетъ совершиться сей бракъ. Переговоры шли безостановочно. 12 марта 1723 г. Кампредонъ послалъ проектъ трактата о бракосочетаніи. Въ двухъ тайныхъ статьяхъ постановлялось, чтобы Россія доставила принцу Польскую корону. Посоль тутъ же писалъ, что препятствія на счетъ вѣры могли бы быть значительны, но что, вѣроятно, царь мало будетъ затрудняться симъ обстоятельствомъ, почему и имѣть нужды настаивать на этой статьѣ.

Дѣло быстро подвигалось къ развязкѣ, какъ вдругъ, къ счастью или несчастью Лизаветы, и къ большому огорченію ея родителей, французскій принцъ скончался въ декабрѣ 1723 года (16).

Спустя годъ снова представилась возможность Петру породниться съ Людовикомъ XV. Вслѣдствіи несогласія короля и другихъ обстоятельствъ, переговоры о бракѣ съ инфантинной прекратились, невѣста была отправлена въ Испанію. Государь, несказанно обрадованный, послалъ князя Куракина возобновить прежнее сватовство (17).

...Зѣло бы мы желали, писалъ онъ Куракину, 16 января 1725 года, чтобы король намъ зятемъ былъ; въ чемъ гораздо прошу всевозможные способы къ тому употребить и твой трудъ по крайней возможности».

Письма Куракина показываютъ, что онъ всячески старался выполнить волю монарха: переговоры ведены были съ большимъ жаромъ (17).

Къ этому же времени относится слѣдующее обстоятельство, имѣющее отношеніе къ ряду предположеній и переписокъ о бракосочетаніи Лизаветы. Петръ вызвалъ къ себѣ на службу принца Людовика Гессенъ-Гомбургскаго,

который поступилъ въ русскую службу, въ чинѣ Полковника. Манштейнъ повѣствуетъ, что Петръ готовъ былъ выдать за принца-полковника свою дочь Лизавету, что смерть Петра уничтожила это намѣреніе, объ которомъ никто больше и не думалъ. Извѣстіе это не заслуживаетъ вѣроятія. Императоръ не рѣшился бы никогда выдать дочь за чловека, не имѣвшаго политическаго значенія, ничтожнаго въ нравственномъ. Принцъ Гессенъ - Гамбургскій, по свидѣтельству Манштейна, былъ чловекъ безъ всякаго образованія, безъ правилъ, безъ вкуса, сварливый, слабый . . (17).

Не хорошо аттестовалъ его впоследствии и фельдмаршалъ Минихъ: «Принцъ Гессенъ - Гамбургскій весьма вспыльчивъ и золъ, несоблюдаетъ никакого чинпочитанія, имѣетъ блѣдное лицо, не имѣетъ во время боя твердой рѣшимости, не годится къ полевой службѣ» (17).

Въ то время какъ шли переговоры съ Франціей, 28 января 1725 года не стало Петра. 10 марта тѣло государя отнесено была, вмѣстѣ съ тѣломъ его семилѣтней дочери Натальи, въ это же время умершей отъ оспы, въ Петропавловскій соборъ. Въ печальной, похоронной процессіи шла 16-ти-лѣтняя Лизавета, заливаясь горячими слезами (17).

II.

Заговоръ противъ Екатерины и царевни. — Переговоры о бракосочетаніи Лизаветы. — Предложеніе Остермана. — Свадьба Анны Петровны. — Празднества. — Приѣздъ принца епископа Любскаго. — Смерть Екатерины I.

1725 — 1727.

Съ кончиною преобразователя Россіи, повѣствуютъ нѣкоторые писатели, государыни и цесаревнамъ угрожала большая опасность. Князья Голицыны, Трубецкіе, Долгоруковы, Куракины, Рѣпинны, Лопухины, Нарышкины и др. составили обширный заговоръ. Цѣль замысла не была у всѣхъ общая. Одни настаивали на введеніи конституціоннаго правленія, другіе стояли за воцареніе Петра II-го, вмѣстѣ съ восстановленіемъ старинныхъ обычаевъ; но та и другая партія сходились на одномъ: на необходимости заточить въ монастырь Катерину съ ея дочерьми. Дѣятельныя мѣры, принятыя Ягужинскимъ, графомъ Бассевичемъ

и въ особенности княземъ Меньшиковымъ разрушили замысль; Екатерина была провозглашена императрицей; вельможи и войско поспѣшили присягою закрѣпить ей свою вѣрность (18).

Когда новый порядокъ вещей утвердился, когда броженіе умовъ успокоилось, Екатерина снова обратилась къ исканію достойнаго жениха Лизаветѣ. Князь Меньшиковъ неоднократно представлялъ французскому послу всѣ выгоды бракосочетанія Людовика XV съ русской цесаревной. Въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отзывался о ея свойствахъ и достоинствахъ, увѣрялъ, что по своему характеру, она легко приспособится къ французскимъ нравамъ, что въ отпущеніи вѣры не встрѣтится никакихъ затрудненій, что вмѣстѣ съ рукою цесаревны, король приобрѣтетъ въ Россіи могущественную союзницу, которая поддержитъ его притязанія на Польскую корону (18).

На всѣ эти доводы Кампредонъ отвѣчалъ, что предложеніе князя щекотливо, что король, отославъ пифантину, вѣроятно, принялъ другое намѣреніе на счетъ своей женитьбы. Было бы лучше, заключилъ посланникъ, если бы императрица сдѣлала это предложеніе черезъ своего министра въ Парижѣ (18). «Этого то именно она и не хочетъ, отвѣчалъ Меньшиковъ, государыня имѣетъ къ вамъ довѣренность и увѣрена, что вы исполните ея порученіе со всевозможнымъ усердіемъ.»

Кампредонъ обѣщалъ и, исполняя обѣщаніе, возобновилъ переписку по сему дѣлу. Расхваливая Лизавету, посолъ доносилъ такъ: цесаревна пишетъ и хорошо говорить по-французски; говорить по-нѣмецки и ловка въ обращеніи, не смотря на *малыя дарованія особы, заботившихся о ея воспитаніи.*

Въ отвѣтъ на эти письма и предложенія, государыня съ величайшею досадою узнала, что Людовикъ XV заключилъ брачный договоръ съ Англійскою принцессою, второю дочерью принца Валлійскаго.

Начались толки о женитьбѣ герцога Бурбонскаго съ Лизаветою, но герцогъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ предложеніи, онъ просилъ руки нѣмецкой принцессы. Между

тѣмъ, Петербургскій дворъ узналъ, что брачный договоръ съ Англійскою принцессою разстроился; Меншиковъ снова обратился къ Кампредону. Удивлялся тому, что Франція сама не блюдетъ своихъ выгодъ; заключала же она съ Россіей родственные союзы — Генриха I-го съ Анною Ярославною, что тогдашнее значеніе Россіи было ничтожно въ сравненіи съ нынѣшнимъ и проч. Чтобы побудить французское правительство на согласіе, распущена была молва: будто бы Англійскій король искалъ руки Лизаветы для одного изъ своихъ внуковъ.

Только съ извѣстіемъ о бракосочетаніи Людовика XV съ Маріей, дочерью короля Польскаго, Станислава Лещинскаго, Екатерина перестала надѣяться видѣть свою дочь на французскомъ престолѣ.

Разсказываютъ современники еще объ одномъ проэктѣ: выдать цесаревну за сына Маркграфа Альберта и отдать въ приданое Курляндію; но едва ли и существовало подобное предположеніе (19).

Между тѣмъ царствованіе Екатерины было весьма не спокойно. Перемѣны въ административномъ управленіи, кончившіяся разъединеніемъ властей, ослабленіе власти Сената и Синода, деспотизмъ князя Меншикова, управлявшаго Россіей, какъ своей вотчиною, все это возбуждало всеобщій ропоть. Партія недовольныхъ росла. Въ народѣ бродили тревожные слухи.... Тайная канцелярія, по настоянію Меншикова, терзала въ застѣнкахъ обвиненныхъ, виновныхъ и чаще невинныхъ (20).

Правительство сильно было встревожено волненіемъ умовъ и со страхомъ ждало сильныхъ переворотовъ въ государствѣ. Члены Верховнаго Совѣта (Верховники, какъ ихъ тогда называли), предлагали различные проэктъы къ огражденію престола отъ возможныхъ потрясеній. Замѣчательнѣе всѣхъ была мысль барона Остермана. Онъ предлагалъ, какъ лучшее средство къ водворенію спокойствія въ имперіи, сочетать бракомъ великаго князя Петра Алексѣевича (род. 12 октября 1715 г.), съ его теткой родной Лизаветой (род. 18 Декабря 1709 г.) Остерманъ слѣдующими доводами уничто-

жалъ препятствіа къ сему браку, т. е. близость родства и разность лѣтъ:

«Никакого вящаго несчастія государству приключиться не можетъ», писалъ Остерманъ, «и никакое раздѣленіе такъ опасно есть, какъ когда у онаго формальнаго наслѣдственнаго порядка и наслѣдника нѣтъ....» Далѣе говоритъ онъ, «что супружеское сіе обязательство, предпринимаемое между близко сродными персонами, можетъ касаться только до однихъ подданныхъ, живущихъ *подъ правительствомъ*, по не до высокихъ государей и самовластной державы, которая не обязана исполнять во всей строгости свои и предковъ своихъ законы, но оныя по своему изволенію и волѣ отмѣнять свободную власть и силу имѣеть, особливо когда отъ того зависитъ спасеніе и благополучіе толь многихъ миліоновъ людей....» и т. д. (20).

Представленіе Остермана, пишутъ Арсеньевъ и Каменскій, по странности своей и рѣшительному несогласію съ догматами вѣры, было отвергнуто. Нѣтъ сомнѣнія, что эти слова на чемъ нибудь основаны. Тѣмъ не менѣе, какъ отраженіе слуховъ и толковъ того времени, для насъ любопытны донесенія Кампредона:

Должно быть, по предложенію Басевича, (писалъ агентъ французскій, въ ноябрѣ 1725 г.), государыня приказала узнать мнѣніе Синода о томъ, можетъ ли великій князь Петръ жениться на своей теткѣ. Синодъ отвѣчалъ, что это не можетъ быть дозволено, ни Божескими, ни человѣческими законами (20). Не смотря на мнѣніе Синода, доносятъ Кампредонъ въ декабрѣ того же года, послано просить у вселенскихъ патріарховъ разрѣшеніе на этотъ столь странный бракъ. Очень многіе были убѣждены, что разрѣшеніе выйдеть, бракъ состоится и престолъ утвердится за обвинчавшимися племянникомъ и теткой. Нашъ дворъ велъ по этому поводу переговоры съ Вѣскимъ правительствомъ, и на всѣхъ празднествахъ и балахъ, Петръ являлся не разлучнымъ съ Лизаветой (21).

Въ то время, какъ для Елизаветы, послѣ тщетныхъ поисковъ достойнаго жениха между иностранными принцами,

нашли его среди кровныхъ родственниковъ, сестру ея Анну выдали за Карла Фридриха герцога Голштейнъ-Готторбскаго.

21 мая 1725 года, въ Троицкомъ Соборѣ, что на Петербургской сторонѣ, совершенъ былъ обрядъ вѣчанія. Въ особо устроенномъ залѣ лѣтняго дворца, шумно и весело отпраздновали свадьбу. Вся царская фамилія принимала живѣйшее участіе въ торжествѣ, цесаревна Елизавета и великая княжна Наталья Алексѣевна были близкими дѣвицами невѣсты. Всѣ блистали необыкновенною пышностью нарядовъ и головныхъ уборовъ (21).

Вообще празднества на разные случаи и ассамблеи скоро возобновились послѣ смерти Петра. При Катеринѣ онѣ приняли болѣе приличный видъ. Комнаты, гдѣ танцевали, очистились отъ табачнаго дыма, перестали опивать изъ штрафнаго кубка водкой; толпы шутовъ, дураковъ и скомороховъ на время выгнаны и изъ дворца, и изъ общественныхъ собраній. Стали заводиться карточныя игры. Между дамами и дѣвицами незнаніе танцевъ уже считалось стыдомъ.

Семнадцатилѣтняя красавица Елизавета блистала на всѣхъ собраніяхъ. Ловкая, живая, граціозная и веселая, она была царицею баловъ. Но суровые сановники съ неудовольствіемъ видѣли въ ней излишнее пристрастіе къ подобнымъ забавамъ, и осуждали вѣтреность ея характера.

Государыня страстно любила своихъ дочерей. Съ выдчей за мужъ старшей, младшая при ней была безотлучно. Елизавета читала матери нужные бумаги и акты, она же, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, подписывала всѣ указы именемъ своей матери (21).

Въ началѣ 1726 года, императрица возложила на Елизавету орденъ Св. Екатерины; тотъ же орденъ получила и Д. М. княгиня Меншикова. Но въ то время, когда все улыбалось любимцу счастья, большая партія его противниковъ воспользовалась первымъ случаемъ, чтобы низпровергнуть временщика. Отъѣздомъ его въ Курляндію Девиеръ, Толстой, Ушаковъ и друг., воспользовались какъ нельзя лучше. Императрица была возбуждена противъ своего любимца; надъ нимъ нарядили комиссію, всѣ съ нетерпѣніемъ

ждали гибели Меншикова. Но Бассевичъ, пріятель князя, убѣдилъ заступиться за него герцога Голштинскаго. Слабый, безхарактерный герцогъ, противъ своихъ выгодъ, спасъ фаворита. Онъ остался въ прежней силѣ и съ прежнею властію правителя, которой и воспользоваться для страшной мести надъ своими врагами....

Для насъ этотъ случай важенъ по слѣдующему обстоятельству. Неумѣстное заступничество герцога возбудило противъ него и вообще противъ голштинцевъ злобу всѣхъ Верховниковъ, министровъ, вельможъ, придворныхъ, всѣхъ многочисленныхъ недоброжелателей Меншикова (22).

Негодование до того было явно, что когда прибылъ въ Петербургъ, въ 1726 г. 11 октября, двоюродный братъ герцога, принцъ епископъ Любскій Карлъ Августъ, то императрица, сильно желавшая выдать за него Лизавету, старалась всячески скрыть это намѣреніе и свое благоволеніе къ принцу. Не раньше, какъ только въ своемъ завѣщаніи государыня рѣшилась назвать его женихомъ своей дочери.

Вечеромъ 6-го мая 1727 года, Катерина скончалась на 44 году отъ рожденія.

III.

Завѣщаніе императрицы. — Отъѣздъ герцогини Голштинской Анны Петровны. — Паденіе Меншикова. Партія. — Переговоры о бракосочетаніи Лизаветы. — А. Б. Бутурлинъ. — Ссора цесаревны съ государемъ. — Смерть Петра II-го. —

1727 — 1730.

Лишь только скончалась государыня, Меншиковъ поставилъ у всѣхъ выходовъ дворца сильные караулы и на другой же день, рано по утру, пригласилъ во дворецъ великаго князя Петра Алексѣевича, герцога и герцогиню Голштинскихъ, цесаревну Елизавету, вельможъ и именитѣйшее духовенство. Предъ всѣмъ собраніемъ Меншиковъ громозласно прочелъ завѣщаніе Екатерины.

Завѣщаніе это было сочинено графомъ Бассевичемъ (23), разумѣется подъ диктовку Меншикова. «Всѣ бумаги и указы въ царствованіе Екатерины подписывались цесаревной Елизаветой, герцогомъ Голштинскимъ и Меншиковымъ, о томъ положительно извѣстно, пишетъ Саксонскій посолъ Дефортъ

27 сентября 1727 года, что большая государыня не только не читала, но и ничего не знала о завѣщаніи, составленномъ отъ ея имени».

Справедливо или несправедливо это извѣстіе, но великій князь Петръ Алексѣевичъ, на основаніи сего акта, былъ объявленъ императоромъ. За его малолѣтствомъ, надъ нимъ учреждалось регентство изъ десяти лицъ. Въ числѣ ихъ были герцогъ съ герцогинею Голштинскою и Елизавета. Слѣдующіе пункты завѣщанія относились къ нимъ.

8. Если великій князь скончается безъ послѣдниковъ, то послѣ него вступаетъ на престолъ герцогиня Голштинская, потомъ цесаревна Елизавета, и наконецъ великая княгиня Наталья Алексѣевна съ ихъ потомствами, такъ однако, чтобы мужское колѣно имѣло преимущество предъ женскимъ; если же не останется никого изъ потомковъ фамиліи нашей, то наследовать престолъ долженъ ближайшій и старшій родственникъ нынѣ царствующей въ Россіи фамиліи, мужскаго пола; но ни одна изъ царствующихъ уже гдѣ либо особъ, или исповѣдующихъ грекороссійскій законъ, не можетъ быть на престолѣ Россійскомъ.

9. Такъ какъ обѣ наши дочери уступаютъ свое право на престолъ великому князю, то должно выдать каждой изъ нихъ, кромѣ приданого, состоящаго изъ 300,000 рубл., по миллиону рублей, которые выслать, если не вдругъ, то въ продолженіе малолѣтства великаго князя. Деньги сіи, равно какъ и приданое, ни подъ какимъ предлогомъ, ни отъ нихъ, ни отъ супруговъ или дѣтей не требовать; также послѣ нашей кончины обѣ дочери наши наследуютъ брилліанты, золото, серебро, мебели, экипажи, лично намъ принадлежащіе. Что касается до деревень, нашу собственность составляющихъ, то онѣ должны быть раздѣлены между ближайшими, кровными нашими родственниками.

10. Во время пребыванія обѣихъ нашихъ дочерей въ Россіи, кромѣ назначенныхъ имъ въ предвѣдущей статьѣ денегъ, выдавать имъ ежегодно по 100,000 рублей.

11. Дочь наша, цесаревна Елизавета Петровна имѣетъ сочетаться бракомъ съ Голштинскимъ герцогомъ и еписко-

помъ Любскимъ, на что мы даемъ наше материнское благословеніе п. т. д.

Ручательство Римскаго императора гарантировало исполненіе сего завѣщанія, которому суждено было не исполниться во многихъ статьяxъ. Такъ смерть лишила цесаревну новаго, на этотъ разъ ей завѣщаннаго жениха: епископъ Любскій скончался прежде обрученія, отъ сильной простуды, 1-го іюня 1727 года, въ Петербургѣ. (24)

И такъ этотъ пунктъ духовной не могъ быть выполненъ; что касается до остальныхъ, то и они были нарушены властолюбивымъ Меньщиковымъ. Въ его полной власти находился державный отрокъ. Онъ былъ окруженъ семействомъ, за нимъ слѣдили клеветы и сторонники временщика. Меньщиковъ сдѣлался единственнымъ опекуномъ Петра, и не потитлу, а по существу былъ истиннымъ регентомъ.— Совѣтъ или вовсе не собирався, или созывался только тогда, когда Меньщиковъ хотѣлъ изумить своихъ сочленовъ какимъ либо новымъ свидѣтельствомъ своего возвеличенія (24).

Надменный правитель, недовольствуясь всѣми почестями и безпредѣльною властію, имъ самимъ присвоенною, интриговалъ еще противъ важнѣйшихъ своихъ сочленовъ: противъ герцога и герцогини Голштинскихъ. Опасаясь ихъ вмѣшательства въ дѣла правленія, онъ долго и упорно ихъ преслѣдовалъ; отказывалъ въ просьбахъ, обращался съ ними сурово-надменно и презрительно. Несчастный герцогъ рѣшился уклониться отъ преслѣдованій. Въ концѣ іюля 1727 года, онъ оставилъ Россію навсегда. 4-го Мая слѣдующаго года Анна Петровна скончалась, произведши на свѣтъ сына Карла-Петра-Ульриха, въ послѣдствіи императоръ Петръ III.

Съ отъѣздомъ сестры, 18-ти лѣтняя цесаревна Лизавета, во всемъ блескѣ красоты, осталась одна посреди обольщеній свѣта; безъ руководителей и просвѣщенныхъ наставниковъ, она не получила любви ни къ дѣламъ государственнымъ, ни къ какимъ либо серьезнымъ занятіямъ; чужда была желанія господствовать въ Совѣтѣ, уклонялась отъ всякаго участія въ правленіи, пламенно любила придворные праздники, всякаго рода увеселенія, забавы и танцы. Вотъ почему она не имѣла значенія, не внушала и того уваженія,

которое оказывали ей сестрѣ Аннѣ Петровнѣ, бывшей, по словамъ современника: *умильною собой, пріемной и умной*. Напротивъ, на цесаревну не обращали вниманія и гордый временщикъ не считалъ нужнымъ противъ нее крамольничать. Елизавета была равнодушна ко всему этому, она и незамѣчала той незавидной роли, которая выдалась ей въ числѣ *верховниковъ* государства. Она довольствовалась внѣшнимъ почетомъ, который продолжали ей оказывать, какъ теткѣ императора. (25)

Въ числѣ главныхъ дѣятелей сего времени былъ Остерманъ. Подъ его вѣдѣніемъ находилось множество дѣлъ, онъ умѣлъ сдѣлаться столь полезнымъ, что ни въ одной Коллегіи перѣшались дѣла безъ его вліянія. Бude собирались члены для рѣшенія какого нибудь дѣла и между ними не было Остермана, они только пили водку и всегда кончали тѣмъ, что обращались за совѣтомъ къ Остерману, который какъ нельзя лучше, управлялъ ими. Этотъ-то искусный чело-вѣкъ сталъ во главѣ партіи недовольныхъ Меньщиковымъ. Ловко снискавши уваженіе всѣхъ членовъ царской фамиліи и даже цесаревны Елизаветы, всегда его не любившей, Остерманъ ниспровергнулъ Меньщикова въ минуту, когда тотъ достигъ всего, чего можетъ только достигнуть подданный. (25)

Но съ ссылкой временщика въ Березовъ, положеніе двора не улучшилось. Открылись интриги; окружающіе государя раздѣлились на враждебныя другъ другу партіи. Каждая изъ нихъ старалась захватить въ свои руки кормило правленія, выпущенное изъ отроческихъ рукъ государя. Дворъ наполнился честолюбивыми вельможами, ссорившимися, терзавшими другъ друга и цѣлую Россію. (26)

Въ этой общей неурядицѣ, поведеніе Елизаветы, державшей себя, по своему характеру, вдали отъ всѣхъ козней и интригъ, было очень благоразумнымъ. Дюкъ Липрійскій хвалитъ за это цесаревну. Но Елизавета Петровна дѣйствовала такъ не столько по расчетамъ благоразумія и политики, сколько по своей безнечности Какъ-бы то ни было; но ласковое обращеніе ея съ вельможами, уваженіе къ Остерману, все это приобрѣло ей довѣренность и расположе-

ніе молодого государя. Пользуясь этимъ, цесаревна могла бы, властвовать его именемъ и подавить крамолы вельможъ. Но для этого у нея не было ни твердости, ни рѣшимости.

А между тѣмъ расположеніе государя къ теткѣ уже вызывало боязнъ со стороны Долгорукихъ, ревниво оберегавшихъ власть надъ юнымъ самодержцемъ. Супружество было лучшимъ предлогомъ удалить отъ двора опасную цесаревну. Графъ Морицъ Саксонскій просилъ ея руки. Верховники благосклонно приняли его просьбу. Въ то же самое время, престарѣлый герцогъ Курляндскій Фердинандъ, не думая о смерти, думалъ о женитьбѣ: онъ также сватался за дочь Петра I. Но ей удалось сохранить свою независимость, устранивъ предложеніе какъ герцога Курляндскаго, такъ и претендента на его корону (26).

Спокойно, весело и беззаботно проводилъ время царь, среди тревожнаго двора своего, вовсе не подозрѣвая партій столъ гибельныхъ для имперіи. Не любя наставленій Остермана, не любя серьезныхъ занятій, онъ проводилъ время въ пріятномъ для него обществѣ Ивана Долгорукаго, тетки Лизаветы и сестры Наталіи. Къ нимъ государь питалъ почти одинакую любовь и расположеніе. «Но я не ручаюсь впрочемъ, писалъ Дюкъ Лирійскій въ январѣ 1728 г., надолго останется подобное положеніе дѣлъ. Не ручаюсь, чтобъ черезъ недѣлю не случилось чего нибудь, совершенно противнаго нынѣшнему состоянію двора, ибо нѣтъ въ Европѣ двора, непостояннѣе здѣшняго» (27).

Испанскій посоль былъ правъ. Алексѣй Долгорукій, стремясь къ исключительному управленію государемъ и государствомъ, съ удивительнымъ искусствомъ умѣлъ охладить дружбу и любовь Петра къ сестрѣ, а потомъ и къ теткѣ.

Не проникнувъ замысла лукаваго царедворца, Лизавета, возбуждаемая его клеветами, стала съ презрѣніемъ и холодностью обращаться съ Натальей.—Во вредъ себѣ стала вооружать государя противъ сестры. Въ это же время Иванъ Долгорукій, орудіе отца своего, всячески отдалялъ монарха отъ княжны и старался сблизить его съ красавицей-теткой. Очарованный ея прелестями, Петръ предался теткѣ со всѣмъ

пыломъ молодости, являлъ ей торжественно свою любовь, ее только искалъ въ собраніяхъ, слѣпо исполнялъ ея просьбы.

«Принцесса Елизавета, писалъ Англійскій посолъ Рондо, пользуется въ настоящее время особымъ расположеніемъ царя. Она прекрасна, любитъ все то, что нравится царю, т. е. танцы, охоту, въ которую государь просто влюбленъ. Не стану говорить о другихъ склонностяхъ общихъ теткѣ и ея племяннику..... До сихъ поръ цесаревна вовсе не мѣшается въ дѣла государственныя, она вся погружена въ забавы, и всюду, на всѣхъ празднествахъ, юный монархъ отъ нея не отходитъ» (27).

Это то расположеніе царя къ теткѣ вызываетъ новыя козни. Власть Елизаветы пугаетъ Долгорукихъ, они стараются очернить ее предъ государемъ и посѣять между ними раздоръ.

Князя Голицыны, партія враждебная Долгорукимъ, чрезъ посредство Елизаветы, вознамѣрились завладѣть Петромъ. Орудіемъ своей интриги они употребили А. Б. Бутурлина (27). Молодой Бутурлинъ, какъ камергеръ двора Елизаветы, имѣлъ къ ней свободный доступъ и успѣлъ вызвать расположеніе со стороны цесаревны. Это обстоятельство доставило Бутурлину любовь и дружбу государя, потомъ орденъ Св. Александра Невскаго, чинъ генераль-маіора, мѣсто въ рядахъ кавалергардскаго корпуса (28).

Но скоро расположеніе Елизаветы было представлено государю въ дурномъ свѣтѣ. Петръ пересталъ съ ней говорить, пересталъ кланяться. 5-го сентября 1728 года, въ день своихъ именинъ, цесаревна созвала въ свой дворецъ много гостей къ именинному обѣду. Государь пріѣхалъ къ самому ужину и, по окончаніи его, не дождавшись начала бала, уѣхалъ. Никогда еще, пишетъ очевидецъ, не показывалъ его величество такого явнаго нерасположенія къ своей теткѣ. Но та не замѣчала, или умышленно не обращала на это вниманія, была весела и много танцевала.

Въ октябрѣ того же года, посолъ Прусскій, графъ Вратиславскій, въ слѣдствіе повелѣнія своего кабинета, сдѣлалъ предложеніе о бракосочетаніи цесаревны съ Карломъ, маркграфомъ Бранденбургскимъ Байретейтскимъ. Переговоры

объ этомъ предложеніи были прерваны государемъ. Думая, что бракъ этотъ пріятенъ Елизаветѣ, Петръ, изъ личнаго къ ней нерасположенія, отказалъ жениху. (28)

Впрочемъ, авторъ замѣчаній на записки Манштейна говоритъ, что переговоры тянулись до смерти Петра II-го. Съ воцареніемъ Анны Ивановны, Прусскій дворъ перемѣнилъ предметъ своихъ исканій. Онъ всячески старался женить принца на царской племянницѣ, Аннѣ Леопольдовнѣ. Дѣло шло успѣшно, портретъ Маркграфа висѣлъ уже въ кабинетѣ цевѣсты, но интриги Вѣнскаго двора измѣнили ходъ переговоровъ. Портретъ сняли, а руку Анны Леопольдовны отдали Антону-Ульриху, племяннику императора Карла VI. (28)

Въ февралѣ 1729 года дворъ, вслѣдъ за государемъ и его теткой, переѣхалъ въ Москву. Бутурлинъ былъ отправленъ въ Украину, съ полками, въ апрѣлѣ 1729 года. Съ этого то времени Елизавета не имѣла при дворѣ ни партіи, ни подпоры, она даже находилась подъ стѣснительнымъ надзоромъ Долгорукихъ.

Петръ проводилъ время на охотѣ, въ обществѣ своихъ любимцевъ. — Нелюбезная ему тетка, проводила весну и лѣто въ селѣ Покровскомъ, отсюда ѣздила въ Измайлово, гдѣ, въ обществѣ Катерины Ивановны и ея родныхъ, занималась рукодѣліями, прядла шелкъ, ткала холсты, вышивала церковныя облаченія и пелены. Зимой тамъ строились для катаній сибѣжныя горы; преданіе гласитъ, что цесаревна особенно любила кататься на конькахъ, на пруду. — Въ Измайловѣ имѣло доступъ и драматическое искусство. Катерина Ивановна сама распоряжалась ходомъ спектаклей. Въ антрактахъ выходили на сцену шуты и шутихи, они потѣшали невзыскательныхъ зрителей плясками съ припѣвами и всякаго рода фарсами. Въ Измайловѣ и Покровскомъ цесаревна развлекала себя охотою за зайцами, бывали и псовыя охоты. (29)

7-го Мая 1729 года въ память восшествія на престолъ государя, былъ большой балъ. Цесаревна, подъ предлогомъ нездоровья, не явилась на него, а на другой же день выздоровѣла. Подобныя поступки конечно не могли примирить ее съ племянникомъ; Долгорукіе, искусно распаливши ссору, имѣли въ виду заточить Елизавету въ монастырь и вѣроятно

успѣли бы въ своемъ намѣреніи, еслибы сами его не оставили, какъ дѣло совершенно бесполезное: Елизавета не была уже для нихъ опасна (29)!

19-го Января 1730 года императоръ скончался, послѣ непродолжительной, но жестокой болѣзни оспою, на 15-мъ году отъ рожденія. Съ смертію Петра II-го пресѣклось мужеское колѣно дома Романовыхъ.

IV.

Дѣйствія Верховнаго Совѣта при избраніи государя. — Анна Ивановна принимаетъ власть самодержицы. — Замыслы въ пользу цесаревны Елизаветы. — Ея жизнь въ селѣ Покровскомъ. — Шубинь. — Мысль о заточеніи Елизаветы въ монастырь. — Жизнь въ Петербургѣ. — Аудіенція Китайскаго посла. — Праздникъ по случаю взятія Данцига. — Бракъ Анны Леопольдовны. — Казни Долгорукихъ. — Миръ съ Турками. — Забавы при дворѣ Анны Ивановны. — Рожденіе Іоанна. — Распоряженія о престолонаслѣдіи. — Болѣзнь и смерть Анны Ивановны.

1730 — 1740.

При одрѣ умирающаго государя Долгорукіе соединились съ Голицыными и рѣшили, не упуская удобнаго случая, при избраніи новаго монарха, ограничить власть самодержавную. Всѣ верховники, исключая уклончиваго Остермана, согласились съ этимъ предложеніемъ. Начались долгіе споры о лицахъ, достойныхъ взойти на престоль. Слышались различныя предложенія за государыню — невѣсту (такъ называлась Катерина Долгорукая), (30) за Авдотью Ѳедоровну Лопухину, бабу покойнаго императора. Завѣщаніе Катерины I-й, своевременно обнародованное и отпечатанное въ вѣдомостяхъ, было всѣмъ извѣстно и всѣ избиратели единогласно отрицали права Елизаветы на отцовскій престоль. Ея двухъ-лѣтній племянникъ, сынъ покойной Анны, и она, цесаревна, — въ силу завѣщанія, были ближайшими наслѣдниками престола. Но Голицыны, Долгорукіе, а за ними и другіе сановники, не упоминая о Петрѣ III-мъ, говорили, что Елизавета слишкомъ молода (ей шелъ 21-й годъ), слишкомъ любитъ развлечения и забавы. Во всемъ собраніи сановниковъ не раздавался ни одинъ голосъ въ защиту прекрасной царевны. Вотъ что писалъ объ этомъ Французскій посолъ Маньянъ, два мѣсяца спустя, 3-го апрѣля: (30).

«Принцесса Елизавета вовсе не показывалась въ Москвѣ въ продолженіе всѣхъ толковъ о томъ, кто будетъ избранъ на престолъ. Она жила въ деревнѣ и, не смотря на просьбы своихъ друзей, готовыхъ ее поддержать, друзей, которые умоляли ее явиться въ Москву и своимъ присутствіемъ дать благопріятный оборотъ дѣлу, Елизавета не раньше явилась въ городъ, какъ по избраніи Анны Ивановны. Впрочемъ, говоритъ Маньянъ, если бы она и явилась своевременно, то и тогда бы не приобрѣла себѣ сторонниковъ среди именитыхъ сановниковъ, располагавшихъ судьбою царства. Царствованіе Екатерины 1-й, ознаменованное деспотизмомъ Меншикова, еще слишкомъ было свѣжо въ ихъ памяти боялись повторенія его со вступленіемъ на престолъ Елизаветы.

Машштейнъ рассказываетъ, что вопреки всѣмъ дѣйствіямъ Верховнаго Совѣта, Елизавета могла бы воспользоваться своими правами на престолъ и получила бы корону, если бы послѣдовала совѣтамъ своего доктора Лестока. Государь скончался въ два часа ночи. Докторъ, въ ту-же ночь получа о семъ извѣстіе, паскоро одѣлся, поспѣшилъ въ спальню спавшей цесаревны, разбудилъ и настойчиво просилъ ее собрать гвардію, показаться народу и отправиться въ Сенатъ, гдѣ предъявить свои права на корону (31).

Достовѣрно извѣстно, что кончавшаяся уже болѣзнь, не дозволила цесаревнѣ явиться гвардіи, народу и Сенату. Въ рѣшительную минуту она не могла оставить покоевъ, герцогиня Курляндская была избрана на царство. 20 Января 1730 Маньянъ (31) писалъ въ своей депешѣ: Министры и уполномоченные разныхъ дворовъ были изумлены подобнымъ выборомъ. Никто изъ нихъ и не думалъ о дочеряхъ Ивана Алексѣевича. Всѣ были убѣждены, что корона достанется кому-нибудь изъ трехъ: сыну герцога Голштинскаго, цесаревнѣ Елизаветѣ или Катеринѣ Долгорукой. Но лишь только сдѣлались извѣстны условія, съ которыми предложена корона герцогинѣ Курляндской, тогда сейчасъ же объяснилась тайная причина столь страннаго предпочтенія (32).

Дѣйствія верховниковъ не увѣнчались желаемымъ успѣхомъ. Составился обширный заговоръ упросить госуда-

ршию принять, вмѣсто власти ограниченной, власть самодержавную, ничѣмъ не ограниченную. Написаны и подписаны два прошенія. Явилась и введена къ императрицѣ толпа просителей... Всѣ подробности, относящіяся къ восшествію на престоль Анны Ивановны, необыкновенно интересны, но, разумѣется, не въ сочиненіи льстиваго, и лукаваго Прокоповича, а въ сочиненіяхъ, подобныхъ: *La Cour de la Russie il y a cent ans, 1725 — 1783. Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français.* Berlin 1858 (73).

Къ этой книгѣ отсылаемъ читателей нашего очерка, позволяя себѣ остановиться на отрывкѣ изъ письма de Bussy, французскаго агента, который въ слѣдующихъ словахъ отъ 25 февраля 1730 рисуетъ любопытную сцену моленій толпы дворянъ, о принятіи царицей власти предшественниковъ ея. «Гвардейскіе и другіе офицеры, стоявшіе предъ трономъ, объявили, что они не хотятъ налагать законы на ихъ государыню, что власть ея должна быть столь же не ограничена, какъ и власть ея предшественниковъ. Энтузіазмъ ихъ до того увеличился, что они распростерлись у ея ногъ съ криками: «Государыня, мы твои слуги, твои подданные Мы служили твоимъ предшественникамъ, и мы готовы пожертвовать жизнью на службу вашему величеству, но мы не можемъ страдать отъ тиранин нѣсколькихъ вельможъ. Скажите слово, и мы повергнемъ къ ногамъ вашего величества головы тирановъ!» Но уже верховники и безъ того потеряли головы отъ страха: что предпринять въ столь опасномъ дѣлѣ; нерѣшительность и ненаходчивость спасла имъ на этотъ разъ жизнь. «Если бы они,» пишетъ Мапьянъ, «рѣшились бы на какуюнибудь мѣру, на какую-нибудь оппозицію, то дворянство и офицеры, въ порывахъ пламеннаго энтузіазма, выкинули бы ихъ за окошки (33).

Просьбы, моленія энтузіастовъ были услышаны. 23-го февраля Анна Ивановна, приняла самодержавіе. Все предстоящее дворянство пало къ ногамъ и съ униженіемъ лобызало руку, въ благодарность за столь высокую милость. Верховники, бывшіе тутъ же, до того растерялись, что также благодарили императрицу, хотя дѣло, за которое они униженно цѣловали ея руку, приводило ихъ въ ужасъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, было видно на горизонтѣ сѣверное сіяніе; кровавымъ заревомъ освѣщало оно все небо. Это явленіе сильно поразило какъ простой народъ, такъ и суетворное дворянство. Всѣ съ ужасомъ видѣли въ этомъ явленіи предзнаменованіе правленія ужаснаго, свирѣпаго, въ продолженіе котораго польются потоки крови. Вѣрноподаническая радость смѣнилась страхомъ и боязливымъ ожиданіемъ (33)!

Съ первыхъ же дѣйствій новаго правительства, дворянство разочаровалось. Съ неудовольствіемъ видѣло оно, что государыня окружила себя иностранцами. Что курляндецъ Биронъ, осыпанный почестями и титулами, пользуется особенною ея любовью. Что соотечественники фаворита заняли важнѣйшія мѣста въ дѣлѣ управленія Россіи.... Старыя аристократическія фамиліи русскія были жестоко оскорблены этимъ незаслуженнымъ предпочтеніемъ. Слѣдствіемъ сего недовольства было то, что многіе родовые князья и дворяне стали сожалѣть о своей опрометчивости, раскаявались въ сдѣланной ими ошибкѣ и стали искать случая поправить дѣло. Случаемъ подобнымъ могло быть возведеніе на престолъ Елизаветы. На нее возложили свои надежды недовольные правленіемъ курляндцевъ, на эту цесаревну, на которую столь недавно, не обращали почти никакого вниманія и оставляли проводить жизнь въ той сферѣ, которая болѣе другихъ приходилась по ея вкусу (33). Но теперь наступило другое время; она была русская по сердцу и по характеру. «Множество дворянъ», писалъ Рондо, «вмѣстѣ съ гвардейскими офицерами уже толкуютъ межъ собой секретно и превозносятъ Елизавету, любовь къ памяти ея отца еще болѣе возвышаетъ Елизавету въ глазахъ недовольныхъ дворянъ. Составляется заговоръ; цѣль его обязать императрицу объявить наслѣдницей престола не племянницу свою, дочь Катерины Ивановны, а цесаревну Елизавету» (34).

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ состояніи умовъ, при всеобщемъ неудовольствіи противъ Бирона, цесаревна Елизавета сильно смущала государыню, и заставляла трепетать ее за свою корону. Но дочь Петра, въ настоящее время, менѣе всего думала о престолѣ (35)

По распоряженію Бирона уже начались ссылки и аресты: въ числѣ первыхъ схваченныхъ былъ прапорщикъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ. Вотъ немногія подробности о немъ: Шубинъ, былъ молодой человѣкъ, статный, красивый, съ умомъ предпримчивымъ; арестованный, по особому повелѣнію, онъ долго томился въ оковахъ, въ застѣпкѣ, въ такъ называемомъ *каменномъ мышкѣ*, гдѣ нельзя было ни стать, ни лечь. Послѣ ужаснаго заточенія, подъ строгимъ карауломъ, несчастный красавецъ, по обычаю того времени, безъ слѣдствія и суда, былъ сосланъ подъ другимъ именемъ въ Камчатку, гдѣ, противъ воли, его обвиняли съ Камчадалкою. Каменскій видѣлъ въ Москвѣ, у одного любителя старинныхъ рукописей, пѣсню, сочиненную и писанную дѣвицею, которая страстно любила Шубина. Слогъ устарѣлъ, но пѣсня дышетъ огненнымъ чувствомъ:

Я не въ своей мочи огонь утушить,
Сердцемъ болѣю, да чѣмъ пособить?
Что всегда разлучно и безъ тебя скучно —
Легчебъ-тя не знати, нежели такъ страдати
Всегда по тебѣ и т. д. (85).

Въ продолженіе всего этого времени (1731 годъ) цесаревна прожила въ любимомъ ея селѣ Покровскомъ. Въ деревянныхъ хоромахъ дворца, нѣкогда видѣвшаго въ своихъ стѣнахъ царей Михаила и Алексѣя, проводила время цесаревна вмѣстѣ съ своими родственниками Скавронскими и Гендриковыми. Въ двухъ обширныхъ фруктовыхъ садахъ, широко раскинувшихся вокругъ дворца, прогуливалась Лизавета, сажала цвѣты, наблюдала за разбивкой цвѣтничковъ, пересадкой фруктовыхъ деревъ; въ густыхъ липовыхъ аллеяхъ устраивалась, по ея повелѣнію, бесѣдки; на широкихъ лугахъ высидились качели, на прудахъ зимою возвышались горы. Между садомъ и дворцомъ, въ прекрасномъ пруду, выложенномъ бѣлыми камнями, водились щуки и караси; по звону колокольчика прильвали они къ берегу, и цесаревна изъ своихъ рукъ кормила рыбъ. На лугу, съ красными сѣнными дѣвушками, Лизавета любила водить хороводы, сама пѣла пѣсни. До сихъ поръ, по словамъ Снегирева, сохранилась пѣсня, приписываемая Елизаветѣ; пѣсня напоминаетъ

про ея здѣсь житье. «Во селѣ, селѣ Покровскомъ» и проч. Зимую цесаревна любила кататься съ горъ и въ пошевняхъ....

Верховники и бояре были правы; двадцатилѣтняя Елизавета была еще слишкомъ молода для престола и управления государствомъ. Если жизнь и ея занятія многимъ не нравились, то красота ея ослѣпляла, приводила въ восторгъ. «Цесаревна такая красавица», пишетъ Дюкъ Лирийскій въ 1731 году, проѣхавшій по всей Европѣ, «такая красавица, какихъ я никогда не видалъ. Цвѣтъ лица ея удивителенъ, глаза пламенные, ротъ совершенный, шея бѣлѣйшая и удивительный станъ. Она высока ростомъ и жива необыкновенно. Танцуетъ хорошо, ѣздитъ верхомъ безъ малѣйшаго страха. Въ обращеніи ея много пріятнаго....» (36).

Какъ ни безопасно вела себя Елизавета, тѣмъ не менѣе ея права на престолъ возбуждали опасенія со стороны Анны Ивановны, ревниво оберегавшей свою власть. Въ слѣдствіе сего опасенія, императрица издала указъ, повелѣвая всѣмъ учинить присягу въ томъ, что они признаютъ наслѣдникомъ того, кого угодно будетъ ей назначить. Эта формальность, заведенная Петромъ въ 1722-мъ году, тѣмъ не менѣе была исполнена, хотя она и не спасала государство отъ переворотовъ. Въ это же время, императрица думала заключить въ монастырь цесаревну, чтобы лишить ее вовсе надежды когда нибудь взойти на престолъ. Государыня какъ нельзя лучше понимала, что вопреки всевозможнымъ присягамъ корона не удержится на главѣ ея избраннаго наслѣдника, если близь трона будетъ находиться дочь Петра I. Только ревностное заступничество Бирона спасло Елизавету отъ постриженія и *тѣснаго* заточенія въ отдаленнѣйшемъ монастырѣ. Герцогъ въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, дѣйствовалъ не по влеченію сердца, у него сердечныхъ, благородныхъ порывовъ и небыло (36), а изъ своекорыстныхъ расчетовъ.

Празднества по случаю коронаціи поражали своимъ великолѣпіемъ. «Вы не можете вообразить», писалъ резидентъ англійскій, «какъ великолѣпенъ здѣшній дворъ съ новымъ царствованіемъ, хотя въ казначействѣ нѣтъ ни одного шиллинга. При всеобщемъ безденежьи куртизаны входятъ въ неоплат-

ные долги, чтобы дѣлать великолѣпные наряды къ маскарадамъ» (37).

Только въ январѣ 1732 года весь дворъ, послѣ цѣлаго ряда самыхъ блестящихъ празднествъ, возвратился въ Петербургъ, забытый покойнымъ государемъ. Послѣ новыхъ блестящихъ празднествъ, данныхъ въ Петербургѣ, жизнь императрицы и цесаревны потянулась довольно однообразно. Великая княжна жила въ особомъ дворцѣ (нынѣ Пажескій корпусъ, на Садовой), имѣла свой дворъ и проводила время однообразно. Въ ея дворцѣ не было ни маскарадовъ, ни баловъ, ни собраній. Все это изрѣдка бывало во дворцѣ императрицы, куда должна была являться и цесаревна. Но и эти собранія не имѣли и тѣни той веселости, той свободы, того оживленія, которыми они столь нравились Лизаветѣ въ царствованіе Екатерины I и Петра II. Напротивъ, серьезный видъ государыни, присутствіе ненавистнаго Бирона, дѣлали вечера необыкновенно монотонными и скучными. Карты почти выгѣснили танцы, даже Лизавета, страстная любительница танцевъ, должна была покоряться модѣ, и терпѣливо просиживать цѣлые вечера за картами, вмѣстѣ съ императрицей, ея сестрой, Бирономъ или другими именитыми особами, работѣнно занимавшимися всѣмъ тѣмъ что только нравилось государынѣ. Лѣто и весну цесаревна проводила въ лѣтнемъ своемъ домѣ, построенномъ въ 1720 году, въ деревнѣ Смольной, что противъ Охты, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ возвышается соборъ Учебныхъ Заведеній (37).

Этикетъ при дворѣ наблюдался самый строгій. Прежде чѣмъ явиться къ государынѣ, Лизавета должна была посылать съ просьбой, могутъ ли ее принять. Въ утро дней своего рожденія или именинъ, принявъ поздравленія у себя во дворцѣ, цесаревна вечеромъ должна была являться на балъ къ императрицѣ. У себя она не имѣла права сдѣлать ассамблею. Свадьбы придворныхъ, торжественные обѣды, приѣмы пословъ, не много разнообразили время. Одна изъ подобныхъ аудіенцій важна и для нашего очерка. Въ январѣ 1734 года, въ обширной залѣ дворца, (бывшаго у Польцейскаго моста), представлялся китайскій посланникъ. Послѣ официальныхъ рѣчей, императрица спросила через пе-

реводчика: «какая дама здѣсь прелестнѣ всѣхъ?» Китаецъ уклончиво отвѣчалъ: «смотря на небо въ звѣздную ночь, можно ли сказать, которая звѣзда болѣе блеститъ». Императрица просила прямаго и рѣшительнаго отвѣта. Тогда Китаецъ вѣжливо поклонился Елизаветѣ и сказалъ: «изъ числа всѣхъ этихъ прелестныхъ дамъ, я считаю эту прекраснѣйшею, и еслибъ только у нея были не такъ велики глаза, то никто бы не могъ, взглянувши на нее разъ, не умереть послѣ этого отъ любви (38)».

Во всякой странѣ свои понятія о красотѣ. По словамъ современниковъ, хорошо знавшихъ цесаревну, у нея были прекрасные, большіе глаза.

Де-Лане въ 1718 г. писалъ, что у цесаревны волоса *рыжеватыя*; жена англійскаго посла, спустя 15 лѣтъ, находить цвѣтъ этихъ волосъ каштановымъ, почти чернымъ. Вотъ какъ описываетъ Рондо наружность цесаревны. «У нея большіе, выразительные, голубые глаза, прекрасные зубы и очаровательныя уста. Можетъ быть, съ годами княжна сдѣлается толста, но теперь она прелестна, совершенная красавица и танцуетъ лучше всѣхъ женщинъ, сколько я ихъ ни видала. Говоритъ по-нѣмецки, по-французски и по-итальянски, чрезвычайно веселаго нрава (38)».

На великолѣпномъ праздникѣ, данномъ императрицей, въ іюнь 1734 года, по случаю взятія Данцига, цесаревна вызвала единодушныя похвалы своей наружности отъ французскихъ плѣнныхъ, приглашенныхъ на праздникъ съ начальникомъ ихъ Де-ла-Мотъ. Обѣдъ и танцы были въ Лѣтнемъ саду, разукрашенномъ по сему случаю. Послѣ любезнаго привѣтствія, сказаннаго императрицей плѣнникамъ, дамамъ и Елизаветѣ поручено было ихъ занимать. Последняя блистала и своей красотой, и своимъ костюмомъ; онъ состоялъ изъ цвѣтной робы съ накрахмаленнымъ, газовымъ чехломъ, съ вышитыми по немъ серсбрянными цвѣтами; роскошныя волосы царевны не были обезображены пудрою, а завитыя въ локоны, перевитыя цвѣтами, они ниспадали на бѣлыя плечи. Умѣнье говорить по-французски, свѣтскость, живость и веселость царевны сдѣлали ее, по словамъ очевидца, феей праздника, богиней веселья.

Но тѣ же современники, которые восхищаются красотой, упрекаютъ красавицу въ ея безпечности, съ которою и въ царствованіе Анны она оставалась равнодушною зрительницею всѣхъ событій въ государствѣ, не вспоминала о прошедшемъ, не хлопотала и не заботилась о будущемъ, но не могла быть довольною и настоящимъ. Только въ 1739 году, она была какъ бы выведена изъ обычной апатіи по слѣдующему случаю. Еще въ 1733 году привезенъ былъ въ Петербургъ 14-ти-лѣтній принцъ Брауншвейгскій Антонъ-Ульрихъ. Съ тѣхъ поръ его воспитывали вмѣстѣ съ Анной Леопольдовной, чѣмъ надѣялись поселить въ нихъ взаимную привязанность. Но принцъ не могъ поправиться скромной и умной племянницѣ государыни. При статной фигурѣ и пріятномъ лицѣ, принцъ получилъ самое нелѣное воспитаніе. Его держали въ отдаленіи отъ людей, безъ хорошихъ наставниковъ, съ нимъ обращались сурово, деспотически. Антонъ-Ульрихъ сдѣлался дикъ, застѣчивъ, молчаливъ, говоря заикался и вообще былъ страшно неловокъ въ обращеніи. Въ походахъ Миниха онъ участвовалъ, какъ волонтеръ, и, кромѣ храбрости не ознаменовалъ себя ничѣмъ. Пользуясь отсутствіемъ принца и нерасположеніемъ къ нему княжны, Биронъ надѣялся соединить ея руку съ рукою своего сына. Но Анна Леопольдовна рѣшилась лучше выйти за нелюбимаго герцога, нежели за сына ненавистнаго ей Бирона. Въ іюль 1739 года свадьба была отпразднована съ азіятскою пышностью (39).

Въ минуту торжественнаго обрученія, печальная невѣста упала въ объятія государыни и стала плакать. Императрица держала себя сначала съ важностью, но скоро и она смѣшала свои слезы съ слезами племянницы. Послѣ обмѣна колецъ, императрица повѣсила на руку невѣсты портретъ жениха и, крѣпко поцѣловавъ, поздравила. Затѣмъ подошла поздравить Анну Леопольдовну цесаревна. Обнявъ ее, она залилась горячими слезами. Что было причиною этихъ слезъ? Искреннее ли сожалѣніе о несчастной принцессѣ, вышедшей за немилаго человѣка? Но цесаревна никогда не была близка съ принцессой, никогда не была дружна. Не о себѣ ли, не о своей ли судьбѣ плакала Елизавета, обнимая бу-

душую правительницу Россіи? Съ этимъ бракомъ терлась для нея послѣдняя надежда наслѣдовать прародительскій престолъ....

Свадебное торжество поражало великолѣпіемъ. Дамскіе наряды были чрезвычайно роскошны. Такъ напр. Лизавета (постояннымъ кавалеромъ ея во время церемоній, былъ сынъ Бирона, Петръ герцогъ Курляндскій), была одѣта въ малиновое платье, шитое серебромъ и убранный множествомъ камней.... Свадьба была въ іюлѣ, въ самую жаркую пору и ни одна дама не была въ легкомъ платьѣ, ихъ не любила государыня (40).

Маскарады, балы, фейерверки, итальянскія оперы, торжественныя обѣды, продолжались недолго, не болѣе недѣли. На послѣднемъ маскарадѣ устроено было четыре кадрили. Первою управляли новобрачные; а второю Елизавета съ Курляндскимъ принцемъ, одѣтые въ зеленыя домино, съ золотыми кокардами на головахъ....

По случаю сего торжества, въ примѣчаніяхъ къ С. Петербургскимъ вѣдомостямъ, профессоръ Я. Штелинъ напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ оду, которая тогда же была переведена на русскій языкъ (40). Вотъ любопытныя отрывки изъ нея:

«Прочь, Венера» восклицаетъ Штелинъ, «со всею прелестью и роскошью своею! Древность могла восхищаться тобою; но то, чѣмъ очаровываетъ насъ красота Анны, помрачаетъ всю твою славу. Тогда лишь въ мысляхъ восхищались, въ одномъ воображеніи; а здѣсь самъ глазъ свидѣтель, что во взорѣ Анны дѣйствительно блеститъ все, что когда либо изображало искусство!»

«О, еслибы поэтъ могъ найти сравненіе, чтобы выразить твою красоту! И еще болѣе, если бъ могъ въ то же время изобразить высокія дарованія, украшающія твое сердце! Что въ немъ господствуетъ? Великодушіе, справедливость, любвеобильная милость, снисходительность, умиленная кротость, любовь къ добру, словомъ — одни небесныя влеченія».

«Переодѣйся, закрой маскою твое лицо; но ты пройдеши и тебя узнаютъ по твоимъ движеніямъ.... Твоя при-

родная грація, тотчасъ обнаружить тебя потому, что и ноступъ твой, и движенія отзываются высочайшимъ благородствомъ.... Кто не славить въ тебѣ полноту ума и вкуса, зрѣлость сужденій и благоразуміе рѣшеній?...» и т. д.

Наконецъ прекратились празднества съ своими обѣдами, проповѣдями, хвалебными и высокопарными одами. Для насъ торжество это важно въ томъ отношеніи, что во все продолженіе его, мы постоянно видимъ Петра Курляндскаго подлѣ цесаревны. Дѣло въ томъ, что Биронъ, не успѣвъ въ сватовствѣ принцессы Мекленбургской, задумалъ женить своего сына на Елизаветѣ.

«Цесаревна», рассказываетъ Манштейнъ, «сильно огорченная бракомъ принцессы Анны, положила за непремѣнное составить для себя партію. Дѣйствія ея при этомъ были столь благоразумны и хитры, что никто ее не могъ заподозрить въ честолюбивыхъ планахъ (41)».

Вотъ что говорить объ этомъ составитель книги: *La Cour de la Russie*. «Съ вѣстью о томъ, что престолъ переходитъ послѣ смерти государыни въ фамилію ея племянницы, всѣ тѣ, которые терпѣливо ждали востшествія на престолъ Лизаветы, пришли въ отчаяніе. Искра давно тлѣла подъ пепломъ, теперь она разгорѣлась съ новою силою. Составился обширный заговоръ. *Безъ сомнѣнія*, въ главѣ его стояли Долгорукіе, разосланные по Сибири, рассаженные по казаматамъ Шлиссельбургскимъ. Но дѣло было открыто (41)».

Не находя ни въ какихъ достовѣрныхъ источникахъ, ни въ депешахъ посольскихъ, подтвержденія своему разсказу составитель книги: *La Cour de la Russie* — цитируетъ письмо какого то офицера, найденное при депешѣ англійскаго посла въ Швецію отъ 1 августа 1740 года. Письмо это, замѣчаетъ онъ, проливаетъ яркій, хотя все еще не полный свѣтъ, на планы и намѣренія заговорщиковъ.

«Вамъ извѣстно», пишетъ офицеръ, «что вся нація и высшій классъ въ особенности, очень недовольны настоящимъ правленіемъ. Въ послѣдніе шесть лѣтъ слышится глухой ропотъ, постоянныя жалобы во 1-хъ на слѣпую привязанность императрицы къ герцогу Курляндскому, во 2-хъ на

невыносимо дерзкое и презрительное обращеніе фаворита, который первѣйшихъ сановниковъ третируетъ какъ негодьявъ, въ 3-хъ на любимца Биронова — жида Лишмана, придворнаго банкира, разорившаго купцовъ, въ 4-хъ на страшную растрату государственныхъ доходовъ, брошенныхъ на самыя нелѣпныя затѣи, въ 5-хъ на ужасныя наборы солдатъ, наборы опустошившіе земли помѣщиковъ; невоздѣланныя поля ихъ не приносятъ дохода и не даютъ средствъ выплачивать тягостныя подати, въ 5-хъ на запустѣніе флота, созданіе котораго стоило Петру много денегъ, еще больше трудовъ. — Чтобы уничтожить столько зла, заговорщики рѣшились сдѣлать переворотъ; ихъ ободряли неуспѣхъ войны 1738 года, плохое состояніе арміи, надежда, что Миннихъ погибнетъ въ стѣняхъ Молдавскихъ, бывшихъ столь гибельными для Петра I-го, наконецъ всеобщее недовольство. Они сносились съ Швеціею и Франціею, и условились, что тотчасъ, какъ Русская армія будетъ разбита въ смѣломъ походѣ 1739 года, Швеція двинетъ въ Россію 30,000 войска, заговорщики произведутъ возстаніе, заточатъ императрицу въ монастырь, еще круче обойдутся съ фаворитомъ, принцессу Анну съ мужемъ вышлютъ въ Германію, туда же прогонятъ всѣхъ нѣмцевъ, казнятъ нѣкоторыхъ и возведутъ на престолъ Лизавету (42).

Таковъ былъ планъ заговора. Все было приготовлено, ждали только пораженія Минниха, чтобы начать всеобщее возстаніе. Дворъ былъ заблаговременно предувѣдомленъ шпионами. Лица, заподозрѣнныя въ участіи въ заговорѣ, были схвачены и Долгорукіе, какъ главные виновники его, были преданы ужаснымъ казнямъ. Все это было вовсе скрыто отъ публики, ни слова не было сказано о заговорѣ въ бумагахъ, опубликованныхъ по случаю казней, а предлогомъ для ихъ послужило завѣщаніе Петра II-го, сочиненное Долгорукими въ 1730 году. Посольскія депеши молчатъ о заговорѣ еще болѣе удивительномъ. Во главѣ его стоялъ А. П. Волынский, сложившій свою голову на плахѣ» (42).

Письмо это едва ли не подлогъ, сочиненіе досужаго издателя. Иначе нельзя объяснить себѣ то, что нигдѣ нѣтъ подтвержденія симъ страннымъ рассказамъ. Только одинъ

Яковлевъ, издавая въ 1814-мъ году маленькое жизнеописаніе Ашши Леопольдовны, между другими баснями своего сочиненія, помѣстилъ сказку, подобную письму мнимаго офицера. «Вельможы, недовольные возвышеніемъ нѣмецкой партіи, пишутъ Яковлевъ, рѣшились совершить переворотъ. Во время путешествія государыни въ Москву (гдѣ, вопреки словамъ г. Яковлева, Анна и не была послѣ коронаціи), русская партія готова была возвести на престолъ Лизавету. Заговоръ былъ открытъ и зачинщики его, князя Долгорукіе, казнены» (43).

Но причины новыхъ и послѣднихъ гоненій на эту несчастную фамилію весьма удовлетворительно объяснены Миниоми-сыномъ, Вейдемейеромъ и авторомъ «Сказаній о родѣ Долгорукихъ.» Здѣсь не мѣсто повторять эти рассказы, скажемъ только, что казни, совершенныя въ ноябрѣ 1739 года надъ Иваномъ, Алексѣемъ и Василиемъ Долгорукими, тѣсное заточеніе въ казматахъ Василія и Миханла Владиміровичей Долгорукихъ — ничего не имѣетъ общаго ни съ именемъ цесаревны, ни съ ея мнимымъ намѣреніемъ составить при дворѣ Анны Ивановны партію приверженцевъ-заговорщиковъ. Мы видѣли, что цесаревна не имѣла рѣшимости, не имѣла надлежащаго искусства и ловкости, чтобы вести придворныя интриги, а тѣмъ болѣе, чтобы составлять политическій заговоръ, въ виду 20.000 несчастныхъ, сосланныхъ въ Сибирь *секретно*, т. е. безъ суда, безъ слѣдствія и допросовъ, по одному только подозрѣнію, за одно слово, а часто и вовсе ни за что. Трудно было стать въ главѣ партіи женщинѣ, каждое слово которой исправно доносилось шпіонами.

Вскорѣ послѣ торжества бракосочетанія, въ началѣ 1740 года, праздновано было заключеніе мира съ Турками (43). Многие были весьма щедро награждены. Довольно сказать, что одинъ изъ шутовъ царскихъ — за *ревностную службу*, состоявшую въ надзорѣ и ухаживаньи за любимую собачкою Анны Ивановны, получилъ 3,000 рублей. Тогда же, 6-го февраля, отпразднована была свадьба въ ледяномъ домѣ другаго шута, съ карлицей Бужениновой (43).

Вообще, въ удовольствіяхъ сего времени видна грубость и страшное невѣжество. Однообразное, бездѣтельное *уби-*

самые времени вызывало со стороны услужливых царедворцевъ всё усилія чѣмъ нибудь потѣшить скучающую императрицу. Концертовъ не любили; что касается до театровъ, то еще Петръ I-й имѣлъ нѣмецкую и очень северную труппу актеровъ; въ 1736-мъ году явилась при дворѣ итальянская опера, но она не пришлась по вкусу (44). Тогдашней именитой публики нравились комедіи, интермедіи, фарсы итальянскіе, въ которыхъ преобладалъ элементъ шутовства. Разыгрывались фарсы и изъ русскихъ сказокъ какъ напимѣръ: *Баба-Яга*, *Фениксово перышко* и друг. Придворныя же дамы и кавалеры выполняли роли, и обер-гофмаршалъ Дмитрій Андреевичъ Шенелевъ¹ приводилъ въ восторгъ своими шутовскими выходками, въ комическихъ роляхъ (44).

Шуты, карлики и карлицы состояли въ штатѣ каждаго изъ членовъ царской фамиліи, почти каждаго вельможи. Отъ шутовъ не требовалось ловкости, остроумія, довольно было усевердія въ дракахъ и перебранкахъ другъ съ другомъ, этимъ они уже вызывали единодушный хохотъ и одобренія. Смѣшная, уродливая наружность, глупость или только косноязычіе составляли, по словамъ Миниха, достаточныя качества, чтобы быть принятымъ въ число шутовъ (45).

Есть извѣстія, не подлежащія сомнѣнію, что въ послѣдніе годы своей жизни, наскучивъ дѣлами государственными, картами, стрѣлянiемъ въ цѣль и другими забавами, государыня цѣлыя часы просиживала въ креслѣ, слушала болтовню шутовъ, любовалась потѣшными драками, смѣялась, глядя на ожесточеніе бойцевъ, нещадно царапавшихъ другъ друга. Сама цесаревна, не смотря на нѣкоторую мягкость въ характерѣ и свой болѣе утонченный вкусъ, забавлялась шутками, карликами, калмыками (45).

Когда и шуты надоѣдали, государыня приказывала приводить во дворецъ унтеръ-офицеровъ гвардіи съ ихъ женами. Они танцовали національныя пляски, и вельможи, также и члены царской фамиліи принимали участіе въ этомъ удовольствіи. Цесаревна Лизавета, ловкостью и граціозностью движеній въ русской пляскѣ, затмѣвала всѣхъ танцовавшихъ (45).

Съ іюня 1740 года стали постепенно стихать во дворцѣ нѣсни скожороховъ, крики шутовъ, шумъ танцоровъ; государыня сильно страдала припадками подагры и каменной болѣзни. Среди сильныхъ мученій, она была чрезвычайно обрадована рожденіемъ внука: Анна Леопольдовна разрѣшилась 12-го августа сыномъ Іоанномъ.

Сохранился любопытный анекдотъ, относящійся къ сему событію. Цесаревна Лизавета, по обычаю, должна была сдѣлать подарокъ родильницѣ. Она нѣсколько разъ посылала въ Гостинный дворъ торговать какую-то вазу, но не могла дать дорогой цѣны, которую за нее просили. Вдругъ гостиннодворцы какъ-то узнали, что вазу торгуетъ цесаревна, они немедленно уступили ее даромъ. Бартеньевъ, передавая этотъ случай, объясняетъ его тѣмъ, что Лизавета считалась въ мнѣніи народномъ представительницей русской партіи (45).

Съ рожденіемъ Іоанна, Лизавета окончательно потеряла надежду взойти на престолъ. Празднества, бывшія по случаю рожденія принца, не радовали ее... (46).

А во дворцѣ длиннѣе и длиннѣе вытягивались лица царедворцевъ. Да и было отъ чего: болѣзненные припадки государыни приняли самый дурной оборотъ. 6-го октября императрица слегла въ постель. Биронъ не терялъ ни головы, ни времени, ни случая; вспомошествоваемый А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ, Минихомъ, Левенвольдомъ, княземъ Черкасскимъ, Татищевымъ, барономъ Остерманомъ, Менгденомъ онъ убѣдилъ умирающую подписать манифестъ о передачѣ ему регенства надъ малолѣтнимъ императоромъ. Двухъ-мѣсячный Іоаннъ объявленъ наслѣдникомъ престола. Принцесса Анна съ мужемъ, цесаревна Елизавета, Биронъ, всѣ присягнули и клялись признать Іоанна за законнаго государя. Въ случаѣ его смерти, по завѣщанію государыни, престолъ долженъ былъ наслѣдовать второй сынъ, *имлющій быть* отъ принцессы Анны, и такъ далѣе по праву первородства. Въ случаѣ смерти всѣхъ дѣтей ея, Регенту, обще съ главнѣйшими сановниками имперіи, предоставлялось избрать достойнаго государя (46).

Съ каждымъ днемъ страданія больной усиливались; не смотря на это, она каждый день принимала Лизавету, принцессу Анну и ея мужа. 17-го октября отнялась у ней лѣвая нога. Страданія ея были такъ ужасны, писалъ Финчъ, англійскій резидентъ, отъ 18-го октября, что люди, которымъ особенно дорога была жизнь императрицы, молили Бога о скорѣйшемъ наступленіи роковой минуты. Цесаревна вышла изъ комнаты страждущей за два часа до ея смерти, Биронъ остался до конца (46).

Анна Ивановна испустила духъ на 47-мъ году отъ рожденія, царствовавъ десять лѣтъ и восемь мѣсяцовъ.

V.

Вниманіе Бирона къ цесаревнѣ. Его правленіе: пытки, ссылки и казни. Замыслы регента о возведеніи на престолъ Елизаветы. Арестъ Бирона (47). 1740.

О событіяхъ 1740 и 1741 годовъ мы будемъ говорить на столько, на сколько они касаются цесаревны Елизаветы. По этому и здѣсь, какъ и въ предъидущихъ главахъ, мы не станемъ останавливаться на обстоятельствахъ, не имѣющихъ прямаго отношенія къ нашей задачѣ.

Въ первые же дни своего регенства, Биронъ посѣтилъ Елизавету Петровну и назначилъ ей 50,000 ежегоднаго дохода. (48) Вообще, первыя распоряженія его были довольно благоразумны. Но не прошло и недѣли, какъ возобновились аресты, пытки и ссылки въ Сибирь. Безъ всего этого, по мнѣнію Бирона, его власти не была надежна. На площадяхъ и перекресткахъ явились караулы, по улицамъ столицы расхаживали и разѣзжали патрули, шпионы подслушивали, прокрадывались въ дома, втирались въ семейные кружки и бесѣды задушевныхъ пріятелей, ловили слова налету и доносили патрону. Такъ, между прочимъ, узналъ Биронъ, что два гвардейскіе офицера: капитанъ Ханыковъ и поручикъ Аргамановъ громко осуждали его правленіе, свободно толковали о его высокогерцогской особѣ, узналъ, что Ханыковъ бывалъ довольно часто во дворцѣ цесаревны. Офицеры были схвачены и преданы ужасной пыткѣ. Кровавыя истязанія обличили ихъ только въ неосторожности, съ которою они отзы-

вались о мучителѣ (48). Одинъ изъ Кабинетныхъ секретарей, показывая Лизаветѣ копію съ завѣщанія Анны Ивановны, изъявилъ свое неудовольствіе на новую форму правленія. Его схватили, пытали и бросили въ *каменной ящикъ* (48). Гоненія только усилили всеобщее негодованіе. Составился обширный заговоръ гвардейскихъ, преимущественно Семёновскаго полка, офицеровъ, съ цѣлю низвергнуть Бирона и вручить кормило правленія Аннѣ Леопольдовнѣ. Лазутчики и здѣсь показали всю свою преданность герцогу. Заключение въ казематы, пытки, наказаніе кнутомъ, которому подверглись арестованные, поразило всѣхъ ужасомъ. Принцъ Антонъ-Ульрихъ, отецъ императора, получилъ строжайшій выговоръ, былъ арестованъ, лишень званій и титуловъ и вмѣстѣ съ женой, страшась новыхъ гоненій со стороны Бирона, думалъ только объ одномъ, какъ бы ѣхать въ Германию (48).

При такомъ положеніи дѣлъ, при общемъ на него негодованіи, Биронъ ясно видѣлъ всю непрочность своей власти. Поддержку онъ рѣшился найти въ цесаревнѣ: «Ей онъ показываетъ, писалъ резидентъ англійскій 1 ноября, самое дружеское расположеніе и глубокую преданность. Оказываетъ всякаго рода услуги, повидимому, готовъ служить ея интересамъ, далъ ей средства расплатиться съ долгами и большою пенсіею обезпечилъ ее содержаніе» (48).

Герцогъ имѣлъ частыя и долгія свиданія съ Лизаветой; цѣлые часы проводили они въ тайныхъ бесѣдахъ. Однажды герцогъ, при многихъ придворныхъ, бывшихъ у ней, сказалъ, что если принцесса Анна сдѣлаетъ какое либо возмущеніе, онъ вышлетъ ее съ мужемъ въ Германию и призоветъ герцога Голштинскаго, сына Анны Петровны. Но не 12-ти лѣтній Петръ былъ предметомъ думъ правителя, онъ давно мечталъ своей собственной семьѣ проложить дорогу къ престолу. Женить сына на цесаревнѣ и вручить имъ скипетръ — вотъ его замысль. Рассказываютъ, что онъ ждалъ только похоронъ Анны Ивановны, чтобы немедленно приступить къ дѣлу (48).

Между тѣмъ Минихъ, первоначально не подозрѣвая этихъ замысловъ, внимательно слѣдя за дѣйствіями Лизаветы, воз-

выпненія которой онъ изъ чувства самосохраненія всегда боялся, зналъ все, что она дѣлаетъ и обо всемъ тотчасъ же сообщаетъ регенту. Такъ узналъ онъ, что цесаревна показываетъ своимъ приближеннымъ портретъ племянника своего, принца Петра Голштинскаго, и съ восторженными похвалами отзывается объ оригиналѣ. (48) Минихъ донесъ объ этомъ Бирону, говоря, что онъ долженъ запретить Елизаветѣ показывать портретъ принца Голштинскаго, потому что она дѣлаетъ это не безъ цѣли и тронъ императора колеблется.

— Но какъ могу я это сдѣлать? отвѣчалъ Биронъ, — всякій воленъ имѣть портреты своихъ родственниковъ и показывать ихъ кому угодно. А вы хотите, чтобы я запретилъ это принцессѣ, уважаемой всѣмъ народомъ!

Минихъ замолчалъ, видя что разговоръ этотъ непріятенъ регенту.

Вскорѣ послѣ этого узналъ онъ, что довѣренный камердинеръ Лизаветы очень часто ходитъ въ домъ къ французскому посланнику, маркизу де-ла-Шетарди. Объ этомъ снова сообщено было регенту, при чемъ Минихъ снова настаивалъ на принятіи строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ, говоря, что французскія интриги могутъ имѣть самыя опасныя послѣдствія. Увѣренный въ себѣ, Биронъ отвѣчалъ съ рѣшительнымъ спокойствіемъ:

— Повѣрьте, графъ, что это ничего не значущія связи. Впрочемъ, вы, вѣроятно, очень хорошо понимаете, что еслибъ Лизавета вздумала что нибудь предпринять, ей было бы очень не трудно исполнить свои планы: ее поддержитъ весь народъ.

— Я думаю, напротивъ, что народъ долженъ радоваться, имѣя надежду видѣть на престолѣ мужчину, сказалъ Минихъ. Но положимъ, что относительно народа вы правы; по крайней мѣрѣ, ручаюсь вамъ, что солдаты смотрятъ на это иначе.

— И за солдатъ вы не можете ручаться, возразилъ Биронъ; — даже за гвардейскій полкъ, который находится подъ непосредственнымъ вашимъ начальствомъ.

— Этимъ вы доказываете еще больше необходимость строгихъ и рѣшительныхъ мѣръ, отвѣчалъ Минихъ; уже-

ли жъ мы вѣчно должны зависѣть отъ воли цесаревны? Уже-ли мы никогда не избавимся отъ опасности. Въ такихъ случаяхъ нельзя терять ни минуты. Петръ I-й заключилъ въ монастырь свою безпокойную сестру.....

При словѣ *монастырь*, регентъ съ испугомъ и недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Миниха и долго стоялъ въ глубокомъ раздумѣ; потомъ, видимо смущенный, но желая казаться спокойнымъ, сказалъ шутливымъ тономъ:

— Хорошо было-бы начать прямо съ этого.

— Отчегожъ бы и не начать, на нѣкоторое время? нерѣшительно замѣтилъ Минихъ. Онъ ужъ самъ желалъ кончить этотъ щекотливый разговоръ, видя, что подозрительный регентъ начинаетъ какъ-то особенно на него по-сматривать (48).

Съ этого разговора Минихъ съ большимъ вниманіемъ сталъ слѣдить за ссорами герцога съ родителями императора, и въ то же время, узнавая о тайныхъ и частыхъ бесѣдахъ Бирона съ Лизаветой, онъ пришелъ къ окончательному убѣжденію, что честолюбецъ идетъ прямо къ рѣшительному перевороту въ пользу своего семейства. Фельдмаршалъ рѣшился предупредить Бирона, и хотя изъ личныхъ выгодъ, но спасти настоящее правительство.

Нѣкоторые писатели повѣствуютъ, что жидъ Липманъ предупредилъ регента объ опасности, но почему тотъ не принялъ мѣръ — неизвѣстно. Едва ли сіе извѣстіе справедливо, ибо за три часа до исполненія заговора, Биронъ обнадеживалъ фельдмаршала чрезъ его невѣстку въ своей милости и обѣщалъ щедрый подарокъ (49).

Въ два часа ночи, съ 8-го на 9-е ноября 1740 года, Минихъ привелъ въ спальню правительницы офицеровъ, стоявшихъ въ тотъ день во дворцовомъ караулѣ. Трепещущая мать императора просила ихъ спасти ее отъ постыднаго и тяжкаго ига Бирона, дала имъ поцѣловать руку и съ приказомъ арестовать регента, отпустила ихъ. Фельдмаршалъ объявилъ этотъ приказъ солдатамъ, велѣлъ зарядить ружья и повелъ ко дворцу, что нынѣ у Прачешнаго моста, на Фонтанкѣ, здѣсь жилъ Биронъ (49).

Разсказываютъ, что Минихъ съ половины дороги возвратился, въ страхѣ, что за нимъ слѣдятъ шпионы правительницы, и что его подозрѣваютъ въ измѣнѣ. Только увѣрившись въ противномъ, онъ продолжалъ путь (50).

Не станемъ повторять всѣмъ извѣстныхъ фактовъ ареста герцога Курляндскаго. Всѣ обстоятельства сего событія подробно разсказаны героемъ сего дѣла Манштейномъ, записки котораго выдержали въ русскомъ переводѣ два изданія. Разсказъ этотъ повторенъ Вейдемейсромъ въ трехъ изданіяхъ его «Обзора событій съ кончины Петра I-го, до царствованія Елизаветы.»

Къ четыремъ часамъ утра все было кончено. Герцогъ и его жена, за два часа располагавшіе судьбою миллионъ стали въ рядъ тѣхъ несчастныхъ, кои гибли по одному ихъ слову. Но Анна Леопольдовна не имѣла и тѣни той злобы и мстительности, которыя отличали павшаго фаворита; онъ былъ слишкомъ легко наказанъ заточеніемъ и ссылкой за десятилѣтнее тиранство его въ Россіи (52).

VI.

Анна Леопольдовна, правительница Россіи. — Всеобщая радость. — Мизостіи. — Празднества. — Посольство Шаха-Надира, мнимое сватовство Елизаветы. — Приѣздъ принца Людовика Брауншвейгскаго. — Домашняя жизнь Анны. — Графъ Линаръ. — Война съ Швеціей. — Партія цесаревны. — Приготовленія къ перевороту. — Мѣры правительства къ предупрежденію опасности. — Докторъ Лестокъ. — Ночь на 25-е ноября. — Арестъ и ссылка Правительницы съ ея семействомъ. — Цесаревна Елизавета Петровна императрица всероссійская.

1740 — 1741.

Рано утромъ, 9-го ноября, дворецъ былъ окруженъ пестрыми толпами народа. Радость была всеобщая, принцесса Анна, принявъ титулъ великой княгини и правительницы Россіи, принимала въ придворной церкви присягу отъ знатнѣйшихъ чиновъ государственныхъ. Не было ни одного человѣка, который бы не радовался отъ души, освободясь наконецъ отъ свирѣпой тираніи Бирона. Немедленно водворилось повсюду спокойствіе, сняли караулы, перестали посылать патрули. Но дальновидные люди, по словамъ современника, уже предвидѣли, что новый порядокъ вещей не долго удержится (51), что послѣдуетъ новый переворотъ

и виновники нынѣшняго будутъ низпровергнуты новыми. Легкій успѣхъ настоящаго переворота обнадеживалъ людей предпріимчивыхъ въ успѣхѣ будущаго. Замѣчательно, пишетъ Манштейнъ, что если бы хотя одинъ изъ множества часовыхъ, разставленныхъ въ Зимнемъ дворцѣ и въ домѣ регента поступилъ бы по своей должности, дѣло приняло бы другой оборотъ. Та же самая безпечность карауловъ и часовыхъ въ послѣдствіи облегчила предпріятіе цесаревны.

Вотъ что писалъ между прочимъ Французскій посолъ, въ депешѣ отъ 21-го ноября 1740 года: «гвардія, собравшаяся на площади, у Зимняго дворца, была разведена по домамъ не ранѣе 4-хъ часовъ по полудни. Радость ихъ была столь же велика, какъ безмѣрна была нѣкогда печаль, при вѣсти о томъ, что Биронъ принялъ званіе регента. Когда, вслѣдъ за Лизаветой, присягнули правительницѣ именитѣйшіе сановники, баталіоны гвардейскіе составили каре и подъ знаменами произнесли присягу. Не было никогда случая, чтобы дворъ былъ такъ многочисленъ и одушевленъ всеобщемою, необыкновенною радостью, какъ въ сегодняшній день. Переворотъ, совершившійся въ такой тишинѣ, такъ неожиданно, разлилъ по всѣмъ лицамъ довольство и счастье. То и другое увеличилось вслѣдствіе милостей, изліянныхъ щедрою рукою правительницы.»

Въ 4 часа по полудни герцогъ и герцогиня Курляндскіе были отвезены въ Шлиссельбургъ. Они были отправлены въ маѣ 1741 года въ Пелымъ (52).

Добродушная правительница въ первые же дни своего регенства вспомнила о несчастныхъ, сосланныхъ въ Сибирь, въ царствованіе Анны Ивановны и Бирона. Число сихъ несчастныхъ простиралось до 20,000, по инымъ писателямъ до 35,000. Если ихъ было и на половину того, что показываютъ иностранцы, такъ и тогда выйдетъ цифра ужасная. Все свободное время Анна Леопольдовна, по свидѣтельству ея оберъ-гофмаршала Минниха-сына, проводила за слушаніемъ дѣлъ важнѣйшихъ и почти всѣ приговоры были отмѣнены.

Грубое ласкательство, низость были изгнаны изъ дворца. Съ добродушіемъ (54) и острымъ умомъ мать импера-

тора соединяла ненависть къ притворству и принужденію. Свободно вздохнула Россія подъ ея кроткимъ правленіемъ. Весело встрѣтила столица день рожденія (7 декабря) Анны. Онъ былъ отпразднованъ, по словамъ вѣдомостей, *«съ великою радостью и всенародными восклицаніями. Всякъ ревностно старался, дабы искреннюю свою радость разнымъ образомъ публично засвидѣтельствовать»* (54).

Балы и всякаго рода празднества дѣлались часто. На нихъ всегда присутствовала Лизавета, ласкаемая и любимая правительницей. 16 февраля въ домѣ Миниха былъ особенно *богатый трапезентъ*. Именитыя гости провели у фельдмаршала все время съ 12 ч. до 8 вечера, при чемъ *«всячески забавляться благоволили»* (54).

Все вошло въ свою обычную колею. Самая наука, запуганная Бирономъ, опять выдвинулась впередъ. Въ вѣдомостяхъ было объявлено *«охотникамъ до физической науки»*, что профессоръ Георгъ Вольфгангъ Крафтъ намѣревается *«имѣть нынѣшнее гѣто, по изданной имъ книгѣ, публично показывать физическіе эксперименты, объясняя при томъ, по два раза въ недѣлю, на публичныхъ лекціяхъ все касающееся до науки: о движеніи, о воздухѣ, тяжести и стужѣ»* (54).

Около этого же времени Петербургъ увидѣлъ великолѣпное, многочисленное посольство. Посоль знаменитаго Тахмогъ Куды Хана Шаха Надира вѣхалъ въ столицу съ свитою 3000 человекъ, 14 слонами, 30 верблюдами и множествомъ драгоценнѣйшихъ камней, добытыхъ въ имперіи великаго Могола, все это т. е. слоны, верблюды и проч. было дары императору (55).

Вслѣдъ за Манштейномъ нѣкоторые историки утверждаютъ, что главнѣйшею причиною посольства шаха Надира было домогательство получить руку Лизаветы, что будто бы посланникъ, именемъ своего владыки, въ случаѣ согласья, изъявлялъ готовность ввести въ своемъ царствѣ христіанскую вѣру, и что правительница была не прочь исполнить желаніе Персидскаго завоевателя, если бы только этотъ шагъ не былъ бы уже слишкомъ отваженъ. *«Весь этотъ рассказъ, замѣчаетъ П. А. Остерманъ (55), пустѣйшая выдумка Манштейна. Упоенный побѣдами надъ великимъ»*

моголомъ, шахъ Надиръ вознамѣрился снять у Турокъ ими завоеванныя области Персидской монархіи; для этого искалъ онъ содѣйствія въ Россіи, почему и отправилъ въ Петербургъ пышное посольство съ награбленными подарками.

Еще прежде пріѣзда Персидскаго посла, правительница была чрезвычайно обрадована прибытіемъ мужа брата герцога Лудвига Брауншвейгъ-Люнебургскаго, стараніями нашего двора избраннаго въ герцоги Курляндскіе.

Пріѣзжіи прельстилъ всѣхъ своимъ умомъ и ласковымъ обращеніемъ. Онъ показалъ большую любознательность, съ любопытствомъ осматривалъ достопримѣчательности Петербурга и въ одной Академіи пробылъ пять часовъ, внимательно осматривая съ *немалымъ удовольствіемъ* географическую, рисовальную, художественную, книжную палаты, кунсткамеру, натуральную камеру и медальный кабинетъ.

Въ *физической экспериментальной палатѣ* колдунъ чародѣй Крафтъ показывалъ физическіе опыты и курьезныя штуки (55).

Манштейнъ утверждаетъ, что правительница имѣла въ виду женить Людовика на Лизаветѣ, что къ этому браку она готова была принудить ее силою. Но и это извѣстіе не болѣе какъ выдумка досужаго француза. Мысль о семъ бракѣ, говоритъ Остерманъ, была мгновенная и тотчасъ забыта. Не только никогда не принуждали Лизавету выйти за Людовика, но ей никогда и не высказывали сего предложенія. Впрочемъ, если бы цесаревна сама бы заявила желаніе выйти за принца и тогда бы возникли новыя затрудненія: принцъ былъ *десятью* годами моложе цесаревны и не чувствовалъ къ ней ни малѣйшей склонности (56).

Вообще, правительница обращалась съ Лизаветой ласково и дружелюбно. Въ день своего рожденія она получила отъ великой княгини прекрасныя браслеты, а отъ имени императора золотую табакерку съ государственнымъ гербомъ на крышкѣ. Соляная контора, сверхъ того, получила приказаніе выдать цесаревнѣ на уплату долговъ (изъ которыхъ она никогда не выходила) 40,000 рублей. 24 іюля на крестинахъ дочери правительницы, Катерины, восприемницей была Лизавета съ герцогомъ Мекленбургскимъ, особу ко-

того представлялъ великій канцлеръ и кабинетъ-министръ Ал. Мих. Черкасскій (56).

12 августа, день рожденія Іоанна, праздновалось особымъ торжествомъ. Во время обѣдни пушечная пальба съ крѣпости и адмиралтейства не умолкала. На торжественномъ выходѣ, среди блестящаго двора былъ вынесенъ малютка императоръ. За тѣмъ: обѣдъ, задравные тосты, бѣглый огонь гвардейскихъ полковъ, стоявшихъ въ парадѣ у дворца, спускъ 66-ти пушечнаго корабля *Іоаннъ*, балъ и сожженіе великолѣпнаго фейверка заключили праздникъ (56).

Достойно замѣчанія, что бессмертный Ломоносовъ (56), не за долго до этого прибывшій изъ Голландіи, привѣтствовалъ день рожденія Іоанна высокаторжественною одою, отъ имени *веселящейся Россіи*. Вотъ нѣсколько строкъ изъ сего панегирика, растянутаго на 210 стиховъ:

Породы царской вѣтвь прекрасна,
 Моя надежда, радость, свѣтъ.
 Счастливыхъ дней Аврора ясна
 Монархъ, младенецъ, райской цвѣтъ,
 Позволь твоей рабѣ низжайшей,
 Въ твой новый годъ пѣть стихъ низжайшій....
 Цѣлую васъ вы щедры очи,
 Небесный въ конхъ блестятъ лучъ....
 Цѣлую ручки, что къ державѣ
 Природа мудра въ свѣтъ дала....
 Лишь только *персти*къ вашъ погнется
 Народъ безчисленъ вдругъ сберется
 Готовъ идти, куда велишь....
 Вы ножки, что лобзать желаютъ
 Давно уста высокихъ лицъ,
 Подданства знаки вамъ являютъ
 Языки многи, павши ницъ.... и. т. д.

И.

Похвалы, щедро расточаемыя поэтомъ вѣнценосному малюткѣ и его матери, были не со всѣмъ преувеличены. Спокойствіе и довольство царю въ Россіи; кроткая правительница не переставала благодѣтельствовать всѣмъ и каждому, ни одианъ не имѣлъ повода быть ею недовольнымъ; о пыткахъ и казняхъ не было помину. Къ сожалѣнію и къ гибели правительницы, она стала оказывать неограниченную довѣренность Саксонскому послу графу де-Линару, (57) она съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удалялась отъ

благomyслящихъ людей, отъ такихъ полезныхъ совѣтниковъ, какими были Остерманъ, Головкинъ, Черкасской и другіе.

Въ 1735 году графъ Линаръ былъ вызванъ къ своему двору. Съ паденіемъ Бирона, Линаръ снова явился при нашемъ дворѣ въ качествѣ посла курфирста Саксонскаго и при посредствѣ Юльяны Менгденъ, фрейлипы Анны Леопольдовны, имѣлъ съ ней частыя свиданія. Юльяна вышла потомъ за мужъ за Линара (58).

13 Августа, въ присутствіи правительницы, ея мужа, цесаревны Елизаветы и множества именитыхъ особъ совершили брачный сговоръ. Вскорѣ послѣ него Линаръ уѣхалъ въ Саксонію для устройства своихъ дѣлъ, и, къ счастью своему, не успѣлъ скоро вернуться, иначе онъ былъ бы сосланъ въ Сибирь вмѣстѣ съ Минихомъ и другими.

Между правительницею и ея мужемъ давно не существовало согласія. Они не говорили другъ съ другомъ по дѣльнымъ недѣлямъ. Согласія между министрами также не было. Великая княгиня болѣе и болѣе тяготилась дѣлами государственными, любила уединеніе, страстно привязалась къ чтенію книгъ, при чемъ съ особеннымъ удовольствіемъ читала драматическія сочиненія. Она любила видѣть себя въ небольшомъ кружку людей, ею избранныхъ (58).

Между тѣмъ, Швеція не въ состояніи будучи помириться съ мыслию, что она навсегда потеряла земли, завоеванныя у нее Петромъ, нашла настоящее положеніе дѣлъ въ Россіи удобнымъ временемъ для возобновленія съ нею войны. Любопытно, что между причинами объявленія войны со стороны Стокгольмскаго правительства были слѣдующіе: «отлученіе цесаревны Лизаветы и герцога Голштинскаго отъ Русскаго престола и неограниченна власть, какую иностранцы присвоили себѣ надъ Русскимъ народомъ» (58). Съ полнымъ сознаниемъ своей правоты и достоинства отвѣчало наше правительство на объявленіе Шведами войны. (смотри. Петер. Вѣд. 1741 г. N 67 Авг. 14).

Въ то время, когда на югѣ Финляндіи генералы Кейтъ и Ласси начали военныя дѣйствія и быстро ознаменовали себя рядомъ блестящихъ успѣховъ (59), при Петербургскомъ дворѣ съ торжествомъ и весельемъ отпраздновали 29 августа, день

ангела императора; 30-ое, праздникъ ордена Александра Невскаго, 5-го сентября, день именинъ цесаревны Лизаветы (59).

Вообще поведеніе правительницы относительно цесаревны рѣшительно опровергаетъ всѣ рассказы Манштейна и друг. о стѣснительномъ положеніи цесаревны, о ея преслѣдованіи Анной и проч. Лизавета жила какъ ей угодно, ее не подслушивали, за ней не подсматривали, по крайней мѣрѣ этого не приказывала Анна, и во все время ея правленія жизнь цесаревны, замѣчаетъ современникъ, относительно прежнихъ царствованій была тоже, что свобода относительно тюремнаго заключенія. Правда, говоритъ Остерманъ, люди недобросовѣстные старались посягнуть раздоръ между Анной и Лизаветой, увѣряли первую, что Минихъ, недовольный удаленіемъ его изъ министерства, имѣетъ тайныя свиданія съ цесаревной, съ цѣлью доставить ей престолъ, но и эти клеветы не поссорили добродушную правительницу съ цесаревной (59).

Въ началѣ ноября 1741 г. нѣкоторые министры совѣтовали великой княгинѣ принять титулъ императрицы, съ властью самодержицы, во избѣжаніи неудобствъ, могущихъ случиться по кончинѣ императора малолѣтнимъ. Совѣтъ былъ одобренъ, принять и неосторожная правительница думала привести его въ исполненіе 7-го декабря, въ день своего рожденія, (она родил. въ 1718 году) (59). Въ Петербургѣ готовились по этому случаю къ празднествамъ, наградамъ; а Шведскій военачальникъ Левенгаунтъ, вторгнувшись въ русскую Финляндію, объявлялъ, что Шведы воюютъ не съ народомъ, а съ толпою чужеземцевъ, завладѣвшихъ верховною властію, что цѣль войны освободить Россію отъ иноземнаго ига, и дать ей государыню болѣе способною управлять монархіей, болѣе *народною!*

Съ жадностью читались эти прокламаціи приверженцами Лизаветы; они сознавали ея права на престолъ, видѣли слабость правительницы, рассчитывали на помощь Шведовъ (60).

Маркизь де-ла-Шетарди, ради политики своего двора, не жалѣлъ ни денегъ, ни происковъ въ пользу какого бы то ни было переворота, долженствующаго ослабить Россію. Но силскать любовь гвардейцевъ было необходимо. Побуждае-

мая безпокойнымъ Лестокомъ (60) и пронырливымъ Шетарди, цесаревна стала посѣщать казармы; по улицамъ Петербургскимъ, зачастую, проносились широкія открытыя сани. На запяткахъ стояли гвардейцы..... Не проходило дня, чтобы цесаревна у когонибудь изъ нихъ не крестила или не была на именинахъ.... Ее звали «*матушкой, государыней!*» Гренадеры Преображенскіе приходили во дворецъ и всегда видѣли свою *матушку*, исполнявшею всѣ обряды, наблюдавшею всѣ обычаи простаго народа. Все это быстро разносилось между солдатами и тѣ превозносили свою матушку. Двѣнадцати гренадерамъ Преображенскаго полка былъ открытъ замыселъ. Самымъ дѣятельнымъ изъ нихъ былъ Грундштейнъ (60).

Планъ возвести на престолъ дочь Петра постепенно открывался и другимъ Преображенцамъ. Число знавшихъ умыселъ возрасло до 30-ти человекъ (61).

Но приверженцы цесаревны вели себя крайнѣ неосторожно, болтливый, вѣтреный Лестокъ, изъ хвастовства давалъ замѣтить знакомымъ своимъ о важности роли, которую ему скоро доведется играть; съ важностью утверждалъ что скоро, очень скоро, въ государствѣ произойдетъ важная перемѣна. Если такъ легкомысленно держалъ себя главный двигатель задуманнаго дѣла, то не чинились сбереженіемъ *секрета* и Преображенцы; они громко толковали о матушкѣ императрицѣ Лизаветѣ Петровнѣ, и о тѣхъ благахъ, какія испослетъ ея рука, съ возведеніемъ ея на престолъ.... (61).

Что же дѣлали Минихъ, Остерманъ, Головкинъ, Левенвольдъ, Черкасской и друг.? Они смотрѣли и видѣли все. Шпіоны доносили страждущему тѣломъ, но бодрому духомъ Остерману о поведеніи Лизаветы: онъ слышалъ съ донесеніями во дворецъ, говорилъ, просилъ, предостерегалъ, убѣждалъ съ жаромъ и свойственнымъ ему краснорѣчіемъ; ему отвѣчала правительница добродушнымъ смѣхомъ, либо показывала новыя платья, сшитыя для императора и для нея. Маркизъ де Бота съ подробнымъ донесеніемъ о заговорѣ явился къ Аннѣ, именемъ Бога заклиналъ ее предостеречь отъ себя опасность. Та съ досадою отвѣчала, что все это пустыя розказни. Простодушная, напвная какъ ребенокъ,

она не могла вѣрить, что существуютъ люди, готовые за ея добро, отплатить ей зломъ! Тяготясь властію, тяготясь занятіями государственными она, вся отдавалась небольшому кружку своихъ друзей, читала книги и часто вспоминала восторженные рассказы своей воспитательницы (61) г-жи Адеркасъ, по происхожденію изъ Гамбурга, о прелестяхъ заграничной жизни. «Боже мой, говорила правительница, для чего я не могу жить въ Гамбургѣ, устраняясь отъ суеты пышныхъ дворцовъ и всякаго величія?»

Удаляясь отъ умныхъ руководителей и достойныхъ совѣтниковъ, она быстрыми шагами приближалась къ погибели. Не могъ спасти ее и мужъ. Человѣкъ, по выраженію Фридриха II, храбрый, но слабый, безъ особеннаго ума, безъ воли и характера, онъ боялся и благоговѣлъ предъ своею супругою. Съ насмѣшкою и презрѣніемъ слушала она предостереженія мужа, котораго никогда не слушалась, ибо не уважала и не любила (62).

А между тѣмъ, партія цесаревны при всѣхъ своихъ недостаткахъ, при неумѣнн и болтливости своихъ партизановъ, съ нетерпѣніемъ ждала удобнаго момента, чтобъ приступить къ дѣлу. Но съ приближеніемъ роковой минуты, цесаревна начинаетъ трепетать за свою свободу и даже жизнь. Каждый день она выслушивала настойчивыя просьбы Лестока поспѣшить, и всякій разъ откладывала день. Наконецъ, условились произвести переворотъ 6-го генваря, въ день крещенія. Планъ былъ необдуманый, вполнѣ достойный самонадѣяннаго и вѣтрснаго Лестока. Во время Крещенскаго парада, Лизавета готовилась предстать на льду Невы предъ гвардейскими полками и, увлекши рѣчью Преображенцевъ, привлечь на свою сторону остальные полки. Нѣтъ сомнѣнія, что при своей нерѣшимости Лизавета никогда бы не покусилась на поступокъ, результатомъ котораго могла быть ссылка или постриженіе ее въ монастырь. Судьба дала ей возможность скорее и легче достигнуть сего трона (62).

Анна Леопольдовна, убѣжденная своими совѣтниками, рѣшилась предупредить опасность. 23-го Ноября, вечеромъ, былъ при дворѣ съѣздъ. Великая княгиня, вставъ изъ за

стола, вызвала въ другую комнату цесаревну, до тѣхъ поръ спокойно игравшую въ карты. Съ простодушіемъ высказала мать императора всѣ слухи и опасенія, дошедшія до нея, всѣ совѣты и предостереженія ея друзей, она заключила свою рѣчь легкимъ упрекомъ. Ровный, спокойный, даже ласковый голосъ и видъ правительницы ободрилъ цесаревну. Съ ловкостью, которую нельзя было и подозрѣвать въ ней доселѣ, стала Лизавета увѣрять, что ей ничего подобнаго и въ голову не приходило. За тѣмъ Лизавета расплакалась и, въ припадкѣ сильнаго огорченія, упала въ объятія великой княгини. Хорошая женщина, увидавъ слезы, не выдержала, залилась слезами и, наплакавшись вдоволь, крѣпко обняла тетку, просила у ней извиненія въ томъ, что на минуту усомнилась въ ея поведеніи, наконецъ отпустила Лизавету съ самыми дружескими знаками любви (62).

Поздно вернулась во дворецъ цесаревна. Явился, по ея призыву, Лестокъ. Съ удивленіемъ и ужасомъ узналъ онъ о разыгравшейся мелодрамѣ. Въ ту же ночь готовъ онъ былъ приступить къ дѣлу, но сотоварищи не были предувѣдомлены, жили они въ разныхъ частяхъ города, собирать ихъ понадобилось бы много времени. Исполненіе плана отложено до слѣдующей ночи (62).

Любопытно, что за нѣсколько дней до роковаго дня, правительница, посѣтивъ Лизавету, возвратилась отъ нея въ большей задумчивости. Прощаясь съ ней, она споткнулась и упала. «Худое предзнаменованіе, сказала Анна приближеннымъ, боюсь, что придетъ время, когда я буду у ногъ Лизаветы.» Этотъ фактъ указываетъ на суевѣріе правительницы, вопреки свидѣтельству ея оберъ-гофмаршала, утверждавшаго, что Анна была чужда суевѣрій.

Утромъ 24-го ноября, во Вторникъ, въ 10-ть часовъ, Лестокъ вошелъ къ цесаревнѣ. Она сидѣла за туалетомъ. Вчерашняя рѣшимость ея смѣло приступить къ исполненію давнозадуманнаго дѣла пропала. На нее напало сомнѣніе въ успѣхѣ, явилась робость,
 Лестокъ послѣ сильныхъ и рѣзкихъ убѣжденій подошелъ къ столу и нарисовалъ на игральной картѣ на одной сторонѣ: Лизавету въ царской коронѣ, на другой

ее же, но подъ монашескимъ покрываломъ, среди казней и орудій пытокъ. Выбирайте, сказалъ Лестоку, показывая карту, выбирайте одно изъ двухъ. Или тронъ или монастырь? Что желаете вы? Быть самодержавной императрицей всей Россіи, или же видѣть на плахѣ и висѣлицахъ своихъ близкихъ друзей, своихъ вѣрныхъ слугъ?» (62).

Грубый фокусъ хирурга, хорошо знавшаго свою пациентку, сильно воздѣйствовалъ на больную. Онъ вылепилъ ее, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ отъ боязни и нерѣшительности. Та же ночь назначена для исполненія заговора.

А въ это время, герцогъ Антонъ Ульрихъ тщетно просить у жены позволенія разставить караулы и разсылать патрули на случай опасности. Ее нѣтъ, отвѣчаетъ Анна, Лизавета рѣшительно ни въ чемъ не виновата; слезы пролитыя ею предо мною вчера лучшее доказательство ея невинности!» (62).

Наступила ночь на 25-е ноября; ночь, по словамъ современнаго календаря, весьма холодная и ненастная (63).

Лестоку велѣлъ въѣхать во дворъ дворца цесаревны (нынѣ зданіе Пажескаго корпуса) двумъ санямъ. Между тѣмъ, еще прежде докторъ назначилъ нѣкоторымъ изъ своихъ единомышленниковъ сойтись въ ближайшемъ трактирѣ, къ 8-ми часамъ вечера. На мѣстѣ свиданія встрѣтилъ онъ подозрительнаго человѣка, его нужно было удержать, не пустить въ городъ. Лестоку воспользовался страстью шпиона къ игрѣ. Завлекъ его въ игру, проигралъ ему нѣсколько партій и дождался наконецъ прихода одного изъ сотоварищей. Тогда быстро окончивши игру, Лестоку послѣшилъ къ дворцу правительницы, съ цѣлью осмотрѣть все ли тамъ благополучно. На площади онъ встрѣтилъ другаго товарища посланнаго къ домамъ Миниха и Остермана. Узнавъ отъ него, что и тамъ все спокойно, хирургъ возвратился къ цесаревнѣ и съ довольнымъ видомъ разсказалъ ей, что все идетъ пока благополучно (64).

Но при наступленіи рѣшительной минуты, едва не встрѣтилось непреодолимое препятствіе. Лизавета вновь оставила всѣ планы и предположенія, ничего не хотѣла о нихъ слышать. Только рѣшительныя убѣжденія Лестока могли

возвратить ей мужество. Трепещущая, она упала на колѣна предъ иконою Богоматери (65) и два часа, съ жаромъ и слезами, голосомъ взволнованнымъ отъ рыданій, молилась о дарованіи ей короны. Говорятъ, что въ эту минуту она дала обѣтъ при успѣхѣ предпріятія уничтожить смертную казнь (65). За тѣмъ успокоившись немного, цесаревна надѣла подъ платье латы, по совѣту Лестока возложила на себя орденъ св. Екатерины, взяла въ руки большой, серебряный крестъ и въ полночь на 25-ое ноября, сани тронулись со двора, увозя трепещущую Лизавету. Подлѣ нея сѣлъ Лестокъ, на запяткахъ стали камергеръ: М. В. Воронцовъ, камеръ - юнкеры: Петръ и Александръ Шуваловы, да въ другихъ саняхъ сидѣли Алексѣй Разумовской, Василій Ѳеодоровичъ Салтыковъ, да три гренадера Преображенскаго полка стали у нихъ на запяткахъ. Маленькій поѣздъ быстро проѣхалъ по пустыннымъ улицамъ Петербургскимъ прямо къ сѣзжей лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка (на мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ соборъ Спаса - Преображенія, у Литейнаго проспекта.)

Увидавъ толпу пріѣзжихъ, ихъ странный видъ, вооруженіе, барабанщикъ, стоявшій въ сѣняхъ, хотѣлъ ударить въ барабанъ, Лестокъ быстро кинулся къ нему и кинжаломъ распоролъ кожу барабана. Нѣсколько гренадеръ съ нетерпѣніемъ ждали въ сѣзжей пріѣзда Лизаветы; увидавъ ее, они бросились въ казармы, скликая ихъ проворнѣй собраться къ ихней матушкѣ цесаревнѣ. Безъ шума, въ нѣсколько минутъ сбѣжалось почти половины роты, весьма немногіе изъ нихъ знали въ чѣмъ дѣло, и для чего ихъ зовутъ (66). Цесаревна въ краткихъ, но не безъ эффекта сказанныхъ словахъ высказала свои права на престолъ, рассказала о гоненіяхъ на нее правительницы, объявила, что ее насильно хотятъ либо выдать замужъ, либо постричь въ монастырь. Между тѣмъ, по одиначкѣ подходили остальные гренадеры той же роты и молча присоединялись къ слушателямъ. Прекрасная царица (ей шелъ 33-й годъ) заключила словами, что она намѣрена возвратить незаконно похищенный у нея престолъ, что въ этомъ послѣ Бога—возлагаетъ надежду на любезныхъ ей Преображенцевъ, и такъ:

заклЮчила она, зная чья я дочь, готовы ли вы идти за мною?»

Рота закричала: «готовы наша матушка, да здравствуетъ Лизавета Петровна!» Громкое ура огласило темныя и закопченныя казармы Преображенцевъ. Солдаты присягнули новой императрицѣ, цѣлуя серебряный крестъ и ея руку.

Первымъ дѣломъ было арестованіе дежурнаго офицера, спокойно спавшаго въ своей комнатѣ, то былъ иностранецъ *Гревсъ*. За тѣмъ вся рота, въ составѣ 360 человекъ рядовыхъ двинулась къ Зимнему дворцу (онъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшней дворцовой площадкѣ, у адмиралтейства.) Впереди шла Лизавета съ крестомъ въ рукахъ (66). На походѣ Лестокъ отдѣлилъ четыре отряда, каждый въ 25 человекъ для арестованія Миниха, Остермана, Головкина, Левенвольда и друг. По прибытіи ко дворцу, съ остальными солдатами цесаревна вошла въ караульню и повторила слова, сказанныя въ сѣзжей

И во дворцовомъ караулѣ солдаты и офицеры не поколебались предоставить цесаревнѣ дѣйствовать какъ она хочетъ. Караулъ присягнувъ ей въ вѣрности, а Лестокъ въ это время смѣнилъ всѣхъ старыхъ часовыхъ солдатами своего отряда, и приказалъ тридцати рядовымъ арестовать правительницу съ мужемъ. Съ шумомъ вбѣжали солдаты къ Аннѣ Леопольдовнѣ и объявили ей, что она должна слѣдовать за ними. Тренущая отъ страха, великая княгиня, кой-какъ одѣвшись, молила о свиданіи съ Лизаветой. Ей отказали и торопили одѣваться. Обезумѣвшій отъ страха принцъ сидѣлъ какъ ошеломленный. Съ грустью и отчаяніемъ упрекнулъ онъ жену въ ея безпечности и непослузаніи благороднымъ совѣтамъ. «Слава Богу еще, отвѣчала правительница, и тутъ не измѣнившая своей кротости и добросердечію, слава Богу, что дѣло кончилось такъ мирно и спокойно, что Лизавета достигла своей цѣли безъ пролитія крови, за эту милость надо благодарить Господа.» Тихо выронила скипетръ Анна Леопольдовна изъ своей слабой руки.

Но супругамъ не дали время на разговоры; вслѣдъ за Анной увлекли ея мужа; тщательно укутавъ ихъ, посадили обоихъ въ сани и закрыли шубою. Ихъ повезли во дво-

рець цесаревны (67). Солдаты перешли въ комнату императора; невинный младенец спалъ въ колыбелькѣ. Исполняя приказъ цесаревны, гренандеры не будили его, и въ молчаніи окружали царственную колыбель. Спустя часъ, Іоаннъ проснулся; гренандеры съ шумомъ заспорили о томъ, кому изъ нихъ взять младенца на руки. Испуганный ребенокъ, при видѣ оружія, усатыхъ, грозныхъ лицъ, заплакалъ и закричалъ. На плачь прибѣжала кормилица, трепеща отъ страха, взяла она его на руки и въ сопровожденіи гренандеръ, сошла въ караульню. Сюда же явились посланные съ извѣстіями, что генераль-фельдмаршалъ графъ *Минихъ*, кабинетъ-министры: *Остерманъ* и *Головкинъ*, оберъ-гофмаршалъ графъ *Левенвольдъ*, президентъ коммерцъ-коллегіи баронъ *Менденъ* (братъ дѣвнцы Юліаны), дѣйств. стат. совѣт. коллегіи экономіи членъ *Темирязевъ* и кабинетный секретарь Андрей *Яковлевъ* арестованы, и отправлены уже въ казематы Петропавловской крѣпости.

Окруженная ликующими гвардейцами, при громкомъ несмолкаемомъ ура, Лизавета, взявъ на руки развѣчанаго младенца, отправилась въ свой дворець, на большую Садовую улицу. Крики ура развеселили ребенка; онъ сталъ подпрыгивать, махать ручками, подражая тому же крику. «Бѣдняжка, сказала сердобольная цесаревна, ты не знаешь, что эти клики, лишаютъ тебя короны» (68).

Въ 3 часа ночи Лизавета была въ своемъ дворцѣ. Петръ Ивановичъ Шуваловъ посланъ къ Шетарди съ извѣстіемъ о благополучномъ восшествіи на престолъ цесаревны. Французъ, болѣе оглушенный, нежели обрадованный сею вѣстью, внутренно досадуя, что переворотъ совершился безъ смуты, безъ вмѣшательства Швеціи, безъ уступокъ Петровскихъ завоеваній, словомъ — безъ внутреннихъ и внѣшнихъ неурядицъ, тѣмъ не менѣе поспѣшалъ съ льстивымъ поздравленіемъ къ новой императрицѣ.

Тогда же извѣстилъ Лестокъ и фельдмаршала Ласси (68), бывшаго въ то время въ С. Петербургѣ, о всемъ случившемся и передалъ ему повелѣніе государыни, не опасаясь ничего, явиться къ ней съ поздравленіемъ и присягой. Курьеры развезли всѣмъ сенаторамъ, генералитету и инымъ санов-

никамъ приказъ: спѣшить во дворецъ. «Лишь только я уснулъ въ три часа, пишетъ въ своихъ запискахъ сенаторъ Я. Б. Шаховской, меня разбудилъ необыкновенный стукъ въ ставень моей спальни. «Вставайте проворнѣй, одѣвайтесь, спѣшите во дворецъ, кричалъ голосъ сенатскаго эзекутора, цесаревна Лизавета взошла на престолъ, я спѣшу съ этою вѣстью къ остальнымъ сенаторамъ!» Проворно выпрыгнулъ я изъ постели, бросился къ окну съ разпросами, но гонецъ уже бѣжалъ далѣе. По улицамъ валилъ толпами народъ, всѣ бѣжали на Садовую, къ дворцу цесаревны. Отовсюду слышались крики, бѣжали люди съ факелами и фонарями, слышался громкій говоръ. Я поспѣшилъ выйти изъ дому. Ночь была темная и морозная, улицы и площади залиты народомъ. Чѣмъ ближе ко дворцу, тѣмъ чаще и чаще попадались гвардейскіе отряды. Тамъ и сямъ дымились разведенные костры, вокругъ нихъ грѣлись ликующіе солдаты; поздравляли другъ друга и распивали водку Шумъ, говоръ, захватскія пѣсни, громкое ура, крики воинствъ: «да здравствуетъ наша матушка, да здравствуетъ Лизавета Петровна!» все это сливалось въ одинъ гулъ. Сенаторы, генералы и придворные, въ своихъ раззолоченныхъ, парадныхъ костюмахъ, не могли проѣхать въ экипажахъ; они пѣшкомъ пробирались сквозь толпы народныя При входѣ въ залу, сановники робко смотрѣли другъ на друга, и въ недоумѣньи, шопотомъ спрашивали о всемъ случившемся. Временщики новаго царствованія, Шуваловы, обнимали, лбызали вельможъ и весело рассказывали о своемъ подвигѣ, поздравляя всѣхъ съ успѣхомъ. Сановники не могли не радоваться. Въ это время, говоритъ Шаховской, вбѣжалъ въ комнату генераль-полицмейстеръ Вас. Фед. Салтыковъ, который съ женой своей Марьей Алексѣвной не мало способствовалъ Лизаветѣ взойти на престолъ. Быстро подойдя, онъ схватилъ меня за руки. «Ну, что господа сенаторы? Что скажете господа?» говорилъ Салтыковъ? (69).

Сенаторы были смущены и не знали что отвѣчать «Что это значитъ, сказалъ Шаховской твердымъ голосомъ, обращаясь къ Салтыкову, что значитъ, что теперь, когда всѣ радуются, вы атакуете насъ, какъ людей, недоброжелатель-

ствующихъ государынѣ? (69). Не находите ли вы на насъ какойнибудь мѣтки? или поступаете такъ по особому повелѣнію, въ такомъ случаѣ, извольте объявить намъ это надлежащимъ образомъ, и мы во всемъ, по незазрѣнной, нашей совѣсти безбоязненно отвѣчать готовы.»

Объясненіе прервано было выходомъ императрицы. Она, пишеть сенаторъ, весьма милостиво соизволила принять наши вѣрноподадническія поздравленія и дозволила поцѣловать свою руку.

Принявъ присягу отъ Сената и Синода, императрица отправилась въ большой линейкѣ съ Лестокомъ и другими главѣйшими партизанами въ Зимній императорскій дворецъ. Вокругъ шли безпорядочною толпою Преображенцы. Шествіе это было совершено, по словамъ вѣдомостей, въ началѣ третьяго часа по полудни, при непрестанномъ, радостномъ восклицаніи въ безчисленномъ множествѣ собравшагося народа. Здѣсь, въ придворной церкви, отправленъ былъ благодарственный молебенъ, при громѣ пушечной пальбы (70), послѣ чего прочитанъ былъ на скоро сочиненный и уже отпечатанный, на большихъ листахъ сѣрой бумаги, манифестъ о вступленіи на престолъ Елизаветы (70).

.....
 На вопросъ: какъ приняли вѣсть о семъ событіи десятки миліоновъ людей, составлявшихъ население Россіи, отвѣчаетъ Даниловъ; безъ возгласовъ и разсужденій онъ внесъ въ свои любопытныя записки слѣдующія строки:

«Послѣ Анны Ивановны была великая переменѣна въ правленіи. Въ одинъ годъ мы три раза были приводимы къ присягѣ.» (71)

Привѣтствуя воцареніе Елизаветы, одинъ изъ тогдашнихъ академиковъ такъ писалъ въ вѣдомостяхъ (71):

«Промыслъ спалъ, статское искусство дремало! Вся російская имперія была театръ, на которомъ дикая злоба, честолюбіе, ярость и свирѣпство свое изліяло!... Желаніе къ похищенію коронъ вмѣстѣ съ корыстью, сребролюбіемъ дѣла Петра I-го уничтожилъ и помрачил!.. Коронами играютъ яко бы мячами, сего ради востаньте сыны отечества и

вѣрные Россы! Спѣшите оборонять свою родину отъ честолюбивыхъ хищниковъ!»..

«Семнадцать лѣтъ протекло съ кончины Петра Великаго! Россія смѣло подвигалась по стезѣ, проложенной преобразователемъ ея; но, потрясаемая внутренними переменами, не успѣла еще вполне насладиться всѣми плодами мудрыхъ его предначертаній. Отрасль его, прерванная царствованіемъ Анны Ивановны, возвратилась съ Лизаветою Петровою на престолъ Россійскій, и съ тѣхъ поръ царствуетъ къ славѣ и благоденствію любезнаго нашего отечества!»

Сими словами Вейдемейера мы почли нужнымъ заключить нашъ разговоръ (72).

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Кромѣ двухъ-трехъ статей, знакомящихъ насъ съ событіями отъ смерти Петра II до воцаренія Екатерины II, кромѣ *Обзора* Вейдемейера и его же брошюры подъ заглавіемъ: «Царствованіе Елизаветы Петровны», брошюра, давно уже признанной весьма неудовлетворительною, мы не имѣемъ связнаго разсказа объ этомъ любопытномъ времени. Думаемъ, что нашъ разсказъ будетъ поэтому не лишнимъ. Мы взяли себѣ задачею описать жизнь царевны Лизаветы до восшествія ея на престолъ, т. е. тотъ періодъ въ ея жизни, который не обратилъ на себя до сихъ поръ мчье вниманіе. Сгруппировать въ одинъ связный, хотя и краткій разсказъ, важнѣйшіе факты ея жизни въ это время, очертить общество, въ которомъ развился характеръ Лизаветы; ближе познакомить съ этимъ характеромъ, съ недостатками образованія Лизаветы, съ ея занятіями, ея наружностью — вотъ что было задачею сего очерка. По прочтеніи его, всякій можетъ вывести заключеніе: на сколько приготовлена была Лизавета къ наследованію престола, на сколько способна она была управлять столь обширною монархіею, какова Россія; чего ждали, чего надѣялись современники съ ея воцареніемъ, и чего вправдѣ они были ждать. Удалось ли намъ выполнить нашу задачу — пусть судятъ читатели.

(2) *Голковскій*, изд. 1842 г., т. IV, стр. 104—105; т. II, стр. 356—359. «Журналъ великославныхъ дѣлъ Петра I и проч.» т. XXVIII, содержащій въ себѣ глго 1709 г., собранный *И. И. Крекшинымъ* въ СПб. въ 1756 году. Рукопись въ листъ, страница 679. Странна судьба рукописей Новгородскаго дворянина Крекшина, знаменитаго *баснословца* въ исторіи Петра. Его громадныя томы собственно-ручныхъ его работъ, никогда не бывши напечатанными, разошлись по Толкучему рынку, погибли въ печахъ, въ подвалахъ. Томъ XXVIII, вмѣщающій въ себѣ 700 страницъ убористаго письма, найденъ нами у г-жи Ш—и, которая готовилась уже употребить трудъ Крекшина, вмѣстѣ съ другими рукописями, на обклейку стѣнъ.

(3) Дворецъ этотъ — ветхое деревянное зданіе, вмѣщалъ въ себѣ 270 комнатъ съ 3000 оконъ.

(4) А. П. Сумароковъ, въ царствованіе Елизаветы, высокопарными стихами такъ воспѣлъ ея мѣсторожденіе:

Россійскій Вилеємъ, Коломенско село,
Которое на свѣтъ Петра произвело!
Ты счастья нашего источникъ и начало,
Въ тебѣ величіе Россійско возсіяло!... и т. д.

«Трудол. Пчела,» 1759 г., Апрѣль.

(5) «Любопытныя и достопамятныя сказанія о Петрѣ I,» собранныя Я. Штелиннымъ, СПб., 1787 г., стр. 49. *Голиковъ*, т. X, стр. 33. Царствованіе Петра II. *Арсеньева*, 1839 г. стр. 69.

(6) Старшая была Анна, младшая Наталья Петровны.

(7) Донесеніе франц. посла. «Акты историческіе, относящіяся къ Россіи,» извлеченныя А. И. Тургеневымъ изъ разныхъ актовъ и донесеній французскихъ посланниковъ и агентовъ при Русскомъ дворѣ. *Голиковъ*, т. VI, стр. 632. «Житіе Петра I,» 1788 г., СПб.

(8) Извѣстія собр. *Тургеневымъ*.

(9) Вообще любовь къ драгоценнымъ камнямъ, сильная между дамами Петровскаго времени, увеличилась необыкновенно при его преемникахъ. *Русская Старина*, изд. 1824 г., стр. 56—111.

(10) Собр. Тургенева, донесеніе Ла-Ви. *Бергольцъ*, стр. 207, 208, 116, 86; ч. II, стр. 102.

(11) Извѣст. Тургенева. Въ 1721 г. прибылъ въ Россію Герцогъ Голштинскій Карлъ-Фридрихъ. Дневникъ, оставленный его камеръ-юнкеромъ Бергольцомъ — блестящая картина семейнаго и общественнаго быта русскихъ того времени. Драгоценный памятникъ этотъ напечатанъ Бюшпигомъ въ его «Magazin für die neue Historie und Geographie,» томы XIX, XX, XXI и XXII Прекрасный русскій переводъ г. Аммона, изданъ пока въ двухъ частяхъ въ Москвѣ.

(12) *Бергольцъ*, ч. I, стр. 193, 207, 116, 208, 86, 123—125, 196, 209, 210, 115. Русск. Старина *Корниловича*, стр. 56—90. Донесеніе Кампредона, 1721, сент., стр. 56—60. «Voyage philosophique, politique etc. en Russie, pendant les années 1788—1789, par Chantreau. Hambourg, 1794, t. II, p. 56—62. *Голиковъ*, т. X. *Нащокинъ*, стр. 16—48. Опытъ историч. родословія Апраксинныхъ, 1841 г. СПб. *Memoires sur la Russie, Вильбаа*, 1855 г., глава IV, стр. 67—101.

(13) *Голиковъ*, ч. VII, стр. 378; ч. II, стр. 7. *Корниловичъ*, стр. 97—111. Исторія Петра I, *Бермана*, 1837 г. *Бергольцъ*, ч. II, стр. 301. Записки о Петрѣ I, *Вильямса*, СПб., 1835 г., стр. 44—60. *Memoires pour servir à l'histoire de l'Empire Russe, sous le règne de Pierre I par un ministre étranger. 1725.*

(14) Сколько намъ извѣстно, одинъ изъ первыхъ портретовъ Елизаветы сдѣланъ былъ придворнымъ живописцемъ Диппенгауеромъ, урожденнымъ Саксонцемъ. Портретъ былъ нарисованъ въ 1722 г., и, по словамъ очевидца, отличался необыкновеннымъ сходствомъ. *Бергольцъ*, ч. II, стр. 167, 304, 62, 281.

(15) Извѣстія собр. Тургеневымъ. Донес. 25 іюля 1719 г. *Голиковъ*, т. VIII стр. 196—197. Царствованіе Петра II, *Арсеньева*, стр. 144—145.

(16) Извѣстія собр. Тургеневымъ, стр. 167, 174, 175, 99.

(17) Извѣстія собр. Тургеневымъ, стр. 100, 94, 117, 124, 131. *Голицевъ*, т. VIII, стр. 254. *Memoires historiques etc.*, t. II, p. 197—198. éd. 1771. Сѣверный Архивъ, 1822 г., N 3. «О свойствахъ генераловъ,» донесеніе Миниха, 1837 г. 29 декабря. *Голицевъ*, т. X, стр. 157.

(18) Извѣстія собр. Тургеневымъ, стр. 23—25, мартъ 1725 г. *Memoires du règne de Catherine I*, 1728 г.

(19) Извѣстія собр. Тургеневымъ, стр. 100—102. Царствованіе Екатерины I, 1856 г., *Арсеньевъ*, стр. 19.

(20) Царств. Екатерины I, *Арсеньевъ*, стр. 73—74. Словарь *Б. Каменскаго*, т. IV, 1836 г., стр. 68—69. Дѣянія полководцевъ и министровъ Петра I, Москва, 1821 г., стр. 8, *Manstein*, стр. 74, ч. I. Собр. Тургенева, стр. 27—30.

(21) *Тургеневъ*, стр. 19, 94, 102. «Описаніе бракосочетанія Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ,» изд. 1798 г., Москва, сочин. пугмена *Войкова*. Старина, *Корниловича*, стр. 115. *La Cour de la Russie il y a cent ans*. Berlin, 1858, p. 3; донесеніе саксонскаго министра Лефорта, 27 сент. 1727 г.

(22) Въ слѣдствіе сего негодованія, сынъ Анны, Петръ III, не былъ приглашенъ на царство въ 1730 году, когда ему было еще только 3 года. *La Russie*, 1858, p. 9. Собр. Тургенева, стр. 30—36. *Арсеньевъ*, стр. 58, 59, 39. *Memoires du duc de Lihria*. 1788, Paris, p. 2—3.

(23) Замѣчанія на «Записки Машштейна.» Отеч. Записки, 1825 г., ч. XXI, стр. 101. *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*. Berlin, 1858, p. 3.

(24) Языковъ ошибается, утверждая въ одномъ изъ примѣчаній къ запискамъ Лирійскаго, что епископъ Любскій умеръ 12 мая. Еще неправильнѣе извѣстіе Вейдемейера. Онъ увѣряетъ, что смерть Карла-Августа послѣдовала 7 мая. Умершій принцъ былъ родной дядя Екатерины II. Царств. Екатерины I, *Арсеньевъ*, стр. 64—66. *Memoires de Lihria*, стр. 3—5, 137—138. Обзоръ *Вейдемейера*, стр. 50—57. *Manstein*, I, стр. 40—42, 81.

(25) *Арсеньевъ*, царствованіе Петра II, стр. 4—18. *Вейдемейеръ*, стр. 40—41. *Manstein*, стр. 75. *Duc de Lihria*, стр. 11—15. Записки *Миниха-сына*, 1817 г., стр. 29. *La Russie il y a cent ans*. p. 22—23. *Le caprice de la Fortune ou Histoire de Menchikoff*, par *L. H. Marchand*, 1772. Paris.

(26) Словарь *Каменскаго*, ч. III, изд. 1836 г., стр. 148. *Memoires du duc de Lihria*, стр. 32—41, 80—85.

(27) *Extraits des dépêches des ambassadeurs*. Berlin, 1858, p. 5. *Арсеньевъ*, стр. 78—80. Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, въ послѣдніе годы царствованія Петра I, состоялъ при немъ въ деньщикахъ съ двумя Татищевыми, Ив. Мих. Орловымъ и друг. Большая часть деньщиковъ Петра въ послѣдствіи достигли первѣйшихъ мѣстъ въ управленіи Россіи. Особенными милостями осыпаны они были съ 1742 года. *Корниловичъ*, стр. 29.

(28) *Memoires du duc de Lihria*, p. 42. *Manstein*, ч. I, стр. 82. Жизнь принцессы Анны, правительницы Россіи. Москва, 1814 г., соч. *П. Яковлева*, стр. 5. *Арсеньевъ*, стр. 105—108. Отеч. Записки, 1825 г., ч. XXI, стр. 107.

(29) Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества, сост. *Мартыновъ*, изд. 1848 г., ч. I, стр. 119—127. Въ своемъ нагребеніи Долгорукій самъ сознался предъ лютою казнію, совершенною надъ нимъ въ 1739 году. *Арсеньевъ*, стр. 130—145. Примѣчанія *Болтина*, 1788 г., т. II, стр. 516.

(30) «О восшествіи на престолъ Анны Ивановны,» соч. *Феофана Прокоповича*, Московскій Вѣстникъ 1830 г., ч. I, стр. 42. *Вейдемейеръ*, стр. 126—129. Отеч. Записки 1825 г., стр. 224. Extraits des dépêches, 1858, p. 8—12. *Арсеньевъ*, стр. 150, «Реляція о высококъ его импер. велич. обрученіи, какъ оно счастливо совершилось.» Москва, 1729 года.

(31) Лефорть писалъ 10 окт. 1729 г.: «Cette princesse vit dans une obscurité incroyable, et peu considérée»
Memoires *duc de Lhiria*, p. 157. Исторія Екатерины II, *Лефорта*, СПб. 1837 г., ч. I, стр. 107. *Вейдемейеръ*, стр. 123.

(32) La Cour de la Russie, p. 14, 36—40. Записки о родѣ Князей Голицыныхъ, 1853 г., СПб.

(33) Extraits des dépêches. *Маньяна*, отъ 20 января 1730 г. *Бюне*, отъ 24 февраля. *Маньяна*, 2 марта. *Rondo*, отъ 23 февраля и 20 апрѣля, стр. 14, 16, 36, 37, 39, 46, 47, 48. *Schmid's Materiablien etc.* Th. II, S. 391. *Hermann's Geschichte des Russischen Staates.* B. IV.

(34) La Cour de la Russie, стр. 48—49. Словарь *Каменскаго*, 1836 г., ч. III, стр. 548—550. *Manstein*, ч. II, стр. 201—205.

(35) Memoires sur la Russie par *Manstein*, Leipzig, 1771, p. 450. *Каменскій*, 1847 г., ч. III, стр. 350. Русская Старина въ памятникахъ, и проч. Текстъ *И. Снегирева*, Отеч. Записки, 1825 г., ч. LVIII, стр. 68—70.

(36) Memoires *duc de Lhiria*, стр. 115. *Manstein*, ч. I, стр. 132—134. Сказаніи о родѣ князей Долгоруковыхъ, СПб. 1840 г. Графъ Остенъ, посланникъ Вѣнскаго двора, пишетъ, что «когда Биронъ говорить о скотахъ или со скотами, то говорить какъ человекъ, но лишь только начнетъ говорить съ людьми или о людяхъ, то говорить какъ скотина.» стр. 257.

(37) La Cour de la Russie, стр. 50. Отеч. Записки 1826 г., ч. XXV, стр. 246; 1825 г., ч. XXII, стр. 246. Подробное описаніе коронаціи Анны I, изд. въ СПб. 1732 г. Отеч. Записки 1823 г. *Вейдемейеръ*, стр. 167. Описаніе С.-Петербурга съ 1701 по 1751 годъ, изд. *Рубана*, 1779 г. Дворъ Екатерины II, соч. *Вейдемейера*, 1846 г., ч. I, стр. 6. Lettres d'une dame anglaise, Rotterdam, 1796, p. 45—47. Кромѣ перевода этихъ писемъ, изданнаго въ 1836 г. *М. Касторскимъ*, въ Публичной Библіотекѣ хранится своеручный переводъ Осипова, сочинителя Енеиды, вывороченной на изнанку.

(38) Lettres d'une dame anglaise, стр. 95, 46—57. *Корниловичъ*, стр. 111—115. *Минихъ-сынъ*, стр. 59, 128—132. *Вейдемейеръ*, стр. 25—30. Одинъ изъ лучшихъ портретовъ цесаревны Елизаветы, относящійся къ этому времени, сдѣланъ былъ Челидовымъ, простымъ гвардейскимъ солдатомъ. Этотъ человекъ имѣлъ необыкновенный даръ рисовать перомъ. Талантъ его былъ чрезвычайный. Изображеніе Елизаветы было такъ искусно сдѣлано перомъ, какъ никакой бы граверъ не сдѣлалъ бы его рѣзцомъ. Портретъ изъ галереи Ив. Ив. Шувалова перешелъ къ священнику Семенову. Челидовъ умеръ академикомъ въ 1765 г. L'academie des beaux-arts. Petersbourg. 1807 г. стр. 11—12.

(39) *Manstein*, стр. 57. *Rondo*, стр. 86, 117—118.

(40) Lettres d'une dame anglaise, стр. 118—128. Записки *Миниха-сына*, стр. 138—142. Чрезвычайно любопытна статья: «О портретахъ и изображеніяхъ Анны Леопольдовны.» г. *К.* въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ по I и III Отдѣлен., СПб. 1853 г., т. I, стр. 554—579. Также любопытно: «Слово въ день бракосочетанія принцессы Анны съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, говоренное *Амвросіемъ*, епископомъ Вологодскимъ. Въ листѣ, СПб., 1789 г.

Примѣчанія къ СПб. Вѣдомостямъ, 1739 г., стр. 241—248. Дамскіе наряды этого времени, при всей своей пышности, не могли похвалиться удобствомъ и красотой. Его обыкновенно составляли: узкой, костяной кирасъ, исчезавшій въ огромномъ фишбейнѣ; башмаки съ каблуками въ два вершка высоты, большія робы съ корсетомъ и длиннымъ шлейфомъ, обыкновенно парчевыя или штофныя, шитыя золотомъ и серебромъ, унизанныя жемчугомъ, но облаченные богатыми кружевами. *Корниловъ*, стр. 124—125.

(41) *Manstein*, t. II, p. 154, 85. *Минихъ-сынъ*, стр. 159. Отеч. Записки, 1826 г. замѣчанія на записки Манштейна, ч. XXV, стр. 229—236. *La Cour de la Russie*, стр. 56.

(42) *La Cour de la Russie il y a cent ans*, p. 50—60. Любопытныя подробности о Волинскомъ можно найти въ письмахъ Петцольца, изданныхъ *Германомъ* въ «*Gesch. des Russischen Staates.*» B. IV, S. 607—625.

(43) Стр. 4. *Supplément an corps universel diplomatique du droit des gens, contenant un recueil des Traitez.* Amsterdam. 1740, t. II, ч. II. *Histoire de la guerre, 1736—1739, Meratio*, Paris, 1786. Свадьба эта была подробно описана мною въ статьѣ: «Ледяной дождь, шуты и забавы при дворѣ Анны Ивановны.» *Общез. Вѣстникъ*. 1857 г., N 16, стр. 1—50.

Кстати скажемъ, что когда статья наша о Ледяномъ дождѣ была уже въ наборѣ, въ Московскихъ вѣдомостяхъ 1857 г. N 123, 128 и 130, между почтенными нашими библиографами, М. Н. Лонгиновымъ и княземъ Н. Голицынымъ возникъ интересный споръ о томъ, кто изъ Голицыныхъ былъ героемъ шутовской свадьбы. Г. Голицынъ утверждалъ титулъ шута за княземъ Василиемъ Петровичемъ, г. Лонгиновъ удачно отстоялъ его за княземъ Михаиломъ Алексѣевичемъ. Первый, между прочимъ, въ подтвержденіе своего невѣрнаго мнѣнія, ссылается на «Подробное и обстоятельное описаніе Ледянаго дома,» соч. *Крафта*, 1741, СПб. «Книга эта такъ рѣдка,» отвѣчалъ на эту ссылку г. Лонгиновъ, «что мнѣ остается только позавидовать тому, кто ее видѣлъ.» Мы имѣемъ удовольствіе не только видѣть, но и владѣть экземпляромъ, который лежитъ даже экземпляра Публичной Библиотеки, и смѣемъ завѣрить г. Н. Голицына, что Вольфгангъ Крафтъ въ своемъ описаніи не только ничего не говоритъ о лицахъ, принимавшихъ участіе въ свадьбѣ, но даже и о самой свадьбѣ ни слова не упоминаетъ. Это молчаніе разъяснено въ нашей статьѣ.

(44) О началѣ русскаго театра, о духовныхъ мистеріяхъ, помѣщено въ *Современникѣ* 1857 года превосходное изслѣдованіе г. *Пекарскаго*. О театрѣ при дворѣ герцогини Мекленбургской, въ селѣ Измайловѣ, въ 1720 годахъ, разсѣяно много любопытныхъ замѣтокъ въ дневникѣ Беркгольца. О театрѣ же смотри Отеч. Записки 1820 г., ч. XII, стр. 290—295. *С.-Петербургскій Вѣстникъ* 1779 г., августъ. О театрѣ до 1768 г., соч. *Шталлина*, стр. 80—85. Также въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 г. N 21. Историческое извѣстіе о Русскомъ театрѣ.

(45) *Manstein*, p. 50—67. *Минихъ-сынъ*, стр. 180—181. *Lettres d'une dame anglaise*, p. 106—110. Примѣчанія Языкова къ запискамъ Желябужскаго, изд. въ СПб. 1840 г., стр. 273—274. *Вейдемейеръ*, ч. II, стр. 127—140. Русская Бесѣда, 1857 г., т. I, стр. 6; біографія И. И. Шувалова, сост. *Бартемиевъ*.

(46) *Manstein*, t. II, p. 80—85. Примѣчанія *Болтина* на исторію Леклерка, 1788 г., ч. II, стр. 514—515, 519—520. Обзорніе царствованія Екатерины II, соч. *Сумарокова*, 1835 г., ч. I, стр. 4. *Минихъ-сынъ*, стр. 173—175, 190. *Вейдемейеръ*, ч. II, стр. 135—145. *La Cour de la Russie*, p. 66.

(47) Въ Отеч. Запискахъ 1858 г., N 5, помѣщена статья г. *Шишкина*, подъ заглавіемъ: «Событія въ С.-Петербургѣ въ 1740 и 1741 годахъ.» Она написана бойкимъ языкомъ, отличается рѣзкостью сужденій, живымъ описаніемъ и вообще написана очень остроумно. Статья составлена, по поводу новой книги: «La Cour de la Russie il y a cent ans.» 1858 г. Жаль только, что талантливый авторъ при составленіи своего мастерскаго очерка упустилъ изъ виду многіе источники: любопытныя Записки Миниха-сына, Примѣчанія на Записки Манштейна *И. А. Остермана*, (Отеч. Зап. 1820—1829 г.); Voyage en Sibirie, аббата *Шанна* вт. 1796 г., гдѣ есть интересныя подробности о Лестокахъ и событіяхъ 1741 г., статья г. *К.* въ Ученыхъ Запискахъ Академіи наукъ по I и III Отдѣленіямъ, т. I и III, примѣчанія къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ 1741 г. (примѣчанія, сохранившіяся только въ одномъ экземплярѣ въ Академической Библиотекѣ, остальные не полны; изъ нихъ, по приказу Елизаветы, вырѣзано все, что относилось къ правленію Анны) проповѣди Амвросія 1740—1741 г. и другихъ проповѣдниковъ того времени, оды Штеллина, Юнкера и Ломоносова, описаніе фейверковъ и празднествъ 1740—1741 г., съ весьма любопытными, характеристическими предисловіями и отступленіями, записки Шаховскаго и многія другія сочиненія, на которыя мы дѣлаемъ ссылки — все это не было просмотрѣно, г. Шишкинымъ? Высказываемъ наше сомнѣніе тѣмъ съ большою смѣлостью, что онъ вслѣдъ за Манштейномъ и Вейдемейеромъ повторилъ басни о Менгденѣ, о мнимомъ принужденіи Елизаветы выйти за принца Людовика, о какомъ-то измѣненіи ея характера — въ чемъ? когда? и проч. Мы готовы указать г. Шишкину его промахи въ статьѣ, тѣмъ не менѣе имѣющей неоспоримаго достоинства. Еще одно слово: о какихъ это источникахъ, *недоступныхъ* для русской публики, говоритъ г. Шишкинъ? Мы не нашли ихъ въ числѣ *семи* сочиненій, на которыя ссылается авторъ? Ужъ не Биографіи ли Россійскихъ генералиссимусовъ, соч. *Баттышъ-Каменскаго*, считаете вы недоступнымъ источникомъ?

(48) *Вейдемейеръ*, стр. 11. *Минихъ-сынъ*, стр. 192. Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie par le comte de Münich (отецъ) стр. 111—125. Жизнь графа Миниха, соч. *Галема*, ч. I, стр. 180—190. La Cour de la Russie, стр. 72. Histotre de la Russie, *Leclerk*, Paris, 1783, t. VI.

(49) Motifs de la disgrâce d'Ernest Jean Biren. *Büsching's Magazin*, V. IX. S. 380—388. *Яковлевъ*, 1814 г., стр. 16—20. Истор. XVIII вѣка, ч. IV, стр. 181. *Manstein*, t. II, p. 87—88, 93.

(50) Voyage en Siberie fait par ordre du roi en 1761 par M. l'abbé *Chappe* d'Auderoche. Amsterdam. 1769, t. I, p. 181. Отеч. Записки 1825 г., ч. XXI, стр. 225—226.

(51) *Минихъ-сынъ*, стр. 213. La Cour de la Russie il y a cent ans. p. 74—75.

(52) Въ 92-мъ номерѣ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, 1749 года, 14 ноября, въ слѣдующихъ словахъ объявлено было о низложеніи Бирона: «Герцоть за многія свои, какъ государственнымъ правамъ, такъ и учиненному отъ его императорскаго величества, блаженной памяти, уставу противныя поступки и объявленныя при томъ дальновидныя и тайныя намѣренія, отъ регества отрѣшентъ, а правленіе имперіей, во время малолѣтства его величества, къ несказанной радости и удовольствію всѣхъ вѣрноподданныхъ — ея имп. высоч. государынѣ принцессѣ Аннѣ, съ принятіемъ титула великой княгини всероссійской, поручено и отдано.... Въ 105 части Вѣдомостей того же года,

30 декабря напечатано *Радостное Поздравленіе*, отъ академика Юнкера. Это интересный, историческій документъ: сочинитель выражаетъ радость о низложеніи Бирона. Называетъ правительницу основательницею общаго спокойствія, олицетвереніемъ доброты, правосудія, великодушія и проч.

(53) Еще въ 1732 г., июля 19, при посѣщеніи принцессою Академіи Наукъ, Юнкеръ привѣтствовалъ слѣдующими словами: «Принцесса, славная добротой, украшенная умомъ и любознательностію!» и т. д. Пет. Вѣд. 1732 г.

(54) СПб. Вѣд. 1741 г. N 1. La Cour de la Russie. p. 73. СПб. Вѣд. 1741 г. N 15, N 29, андрѣя 15. Крафъ славился въ свое время астрологическими предсказаніями. Къ нему, какъ къ чародѣю, обращались за предсказаніями Анна Ивановна и ея дворъ. Штелинь сохранилъ нѣсколько интересныхъ анекдотовъ по сему случаю. Объемъ нашего очерка не позволяетъ привести здѣсь эти характеристическіе рассказы. Въ Москвитинѣ 1842 г. т. I, стр. 50—60 помѣщены нѣкоторые изъ нихъ.

(55) Одинъ изъ подарковъ, поясъ супруги Великаго Могола, украшенный жемчугомъ и брилліантами. Правительница препроводила на храненіе въ музей Академіи Наукъ 13 октября, во время своего посѣщенія Академіи. Вѣдом. 1741 г. N 82. Въ С. Петербургѣ, съ 1736 по 1740 годъ, постоянно жилъ персидскій посоль, имѣвшій прощальную аудіенцію у Анны Ивановны въ іюнь 1740 года. Новый посланникъ прибылъ 29 сентября 1741 года. *Manstein*, t. II, p. 118. *Каменскаго* словарь, 1847 г., ч. I, стр. 30, Военно-Энцикл. Лексиконъ 1841 г., ч. V, стр. 414. Отеч. Записки 1829 г. ч. XXXVIII, стр. 11. Вѣдом. 1741 г., N 39, 52, 58, 59. О библиотекѣ и кабинетѣ Академіи, соч. *Бокмейстера*, 1779 г., СПб.

(56) Отеч. Записки 1829 г., ч. XXXVIII, стр. 16—17. С.-Пет. Вѣдом. 1741 г., N 65. Здѣсь помѣщено весьма любопытное описаніе фейерверка, сожженного 12 августа. Смотри части 66—69, стр. 261—266. Въ наибольшей части примѣчаній, описаніи это вырѣзано.

Ломоносовъ прибылъ изъ Голландіи 8 іюня 1741 года. Академія была въ это время безъ президента. Дѣлами распорядился совѣтникъ канцеляріи Шумахеръ. Въ первое время онъ сильно покровительствовалъ Ломоносову и далъ ему работу для Примѣчаній къ Вѣдомостямъ. Въ нѣмецкихъ примѣчаніяхъ по случаю торжества 12 августа, была отпечатана ода Штелина, въ русскихъ Ломоносова, стр. 267—272.

(57) *Chanterau* увѣряетъ, что Минихъ имѣлъ сильное вліяніе на правленіе Анны Леопольдовны. Неправедливо. Фельдмаршалъ былъ въ большой немилости, и только, благодаря своему сыну, оберъ-гофмейстеру двора великой княгини, пользовался пустымъ внѣшнимъ почетомъ. *Voyage en Russie, Hambourg*. 1794, t. II, p. 175. Біографіи Россійск. Фельдмаршаловъ, *Каменскаго*, СПб., 1840 г., ч. I, стр. 220—225.

(58) Отеч. Записки 1829 г., ч. XXXVIII, стр. 202—216. *Manstein*, p. 190—198, t. II, p. 120—125. Вѣдом. 1741 г., N 66. *Rélation exacte de la guerre entre la Moscovie et la Suède*. 1740—1742. Utrecht. 1742 г., 2 части. Объ описаніяхъ русско-шведской войны 1741—1742 г. См. Учен. Записки Акад. Наукъ по I и III Отдѣленіямъ. Выпускъ I, СПб., т. II, 1853 г., стр. 144—155.

(59) Ода на 23 августа на побѣду при Вильманстрандѣ, Ломоносова. Примѣч. къ Вѣдом. стр. 289—296. Уничтожена во всѣхъ экземплярахъ, кромѣ Академическаго. Ода вмѣщаетъ въ себѣ 230 самыхъ напыщенныхъ стиховъ, изо-

браженныхъ всеподданнѣйшимъ рабомъ Михайломъ Ломоносовымъ.» Она несравненно слабѣе оды на взятіе Хотина 1739 г. Вѣдом. N 83. Отеч. Записки 1828 г., ч. XXXVI, стр. 49—51. 1829 г., т. XXXVIII, стр. 13—20. Отеч. Записки ч. XII, стр. 366.

(60) *Levesque*, t. V, p. 220—222. *Manstein*, t. II, p. 133. Лестоки родился въ 1692 году. Въ 1713 году онъ поступилъ въ русскую службу. Петръ отличилъ его за познанія въ хирургіи. По клеветамъ завистниковъ, онъ былъ сосланъ въ Казань. Екатерина I опредѣлила его хирургомъ при Елизаветѣ; полную довѣренность ея онъ скоро приобрѣлъ. *Voyage en Siberie, Charpe*, 1769 г., t. I, p. 126.

(61) *Минихъ-сынъ*, стр. 214—215. Отеч. Записки 1829 г., ч. XXXVIII, стр. 210.

(62) *Manstein*, t. II, p. 75, 157—166. *Вейдемейеръ*, стр. 69—89. *Levesque*, t. V, p. 222—230. Исторія Екатерины II, соч. *Лефорта*, 1837 г., ч. I, стр. 86. *Минихъ-сынъ*, стр. 214. *Болтинъ*, 1788 г., ч. II, стр. 324. *La Cour de la Russie*, p. 85—95. *Histoire de Pierre III*, par *Montmorin*, Paris, 1767, t. I, p. 1—32.

(63) С.-Петербург. Календарь, изд. Академіей Наукъ на 1741 годъ. Даже экземпляръ, находящійся въ Академической Библіотекѣ, не пологъ. Изъ него вырѣзаны, по приказу имп. Елизаветы, всѣ дни, противъ которыхъ были напечатаны имена семейства правительницы. Вообще календари сего времени весьма интересны по астрологическимъ предсказаніямъ и живописнымъ *проностикамъ*, помѣщавшимся въ нихъ. Это дань современному невѣжеству и грубому суевѣрію.

(64) Аббатъ *Шаннъ* всѣ эти подробности слышалъ отъ самаго Лестока и напечаталъ ихъ въ своемъ *Voyage en Siberie*. 1769, t. I, p. 182—184. *Яковлевъ*, стр. 30—31. Отеч. Записки 1829 г., ч. XXXVIII, стр. 19.

(65) Образъ этотъ, если не ошибаюсь, нынѣ находится въ одной изъ часовень въ царскомъ Селѣ. Риза и украшенія его чрезвычайно драгоценны. Вейдемейеръ, ссылаясь на указъ 26 іюня 1746 года, указъ, которымъ запрещено *чинить* смертны казни внутри города обѣихъ столицъ, утверждаетъ, что обѣщаніе Елизаветы не было исполнено. Стр. 9. Царствованіе Елизаветы Петровны, изд. 1834 г.

(66) Казармы Преображенскія, деревянныя, отдѣльные домики, стали строиться по указу Екатерины I 1726 г. ноября 16-го, «*для лучшаго плезира въ прешпективѣ Литейной и для всякаго случая въ нуждѣ въ солдатахъ.*» Изд. 1743 г., стр. 245. По указу 1739 г., казармы эти отведены были для жилья гвардейцевъ, а офицеры продолжали жить внѣ полка, на обывательскихъ квартирахъ.

Изображеніе любопытной медали, выбитой въ послѣдствіи по сему случаю, можно видѣть въ изд. 1772 года. «*Medailles sur le principaux événements de Russie*, par *P. Ricaud de Firegale*. Potsdame, p. 76—79. Собраніе русскихъ медалей. СПб., изд. 1840 г., N 123, 124, 125.

(67) Лучшая статья на русскомъ языкѣ о дальнѣйшей судьбѣ Брауншвейгской Фамиліи принадлежитъ *Полънову*: «Отправленіе Брауншвейгской Фамиліи изъ Холмогоръ въ Датскія владѣнія.» Труды Россійской Академіи. 1840 г., СПб., ч. I, стр. 108—120.

(68) *Voyage fait en Russie*, par *Chanterau*, Hambourg, 1794, t. II, p. 75—76. Отеч. Записки 1825 г., ч. XXII, стр. 48; 1829 г., ч. XXXVIII, стр. 202. Петръ Петровичъ Ласси держался и былъ въ милости при всѣхъ правительствахъ,

ибо не вмѣшивался въ дворцовыя интриги, былъ человекъ самый кроткій обходительный, хладнокровный, повиновався всѣмъ, кому прикажутъ и былъ человекъ самый необидчивый. Стр. 48.

(69) Записки Якова Петровича Шаховскаго. 1821 г., СПб., ч. I, стр. 48—54. См. объявленіе о восшествіи на престолъ Елизаветы въ N 95 Вѣдом. 27-го ноября 1741 г.

(70) Вѣдомости N 96, 1741 года декабря 2-го. Мы имѣемъ экземпляръ манифеста, отпечатаннаго въ этотъ день. Типографскихъ и грамматическихъ ошибокъ бездна. Въ Полномъ Собран. Закон., т. XI, стр. 537, онъ отпечатанъ съ поправками.

(71) Записки артиллеріи маіора *М. В. Данилова*, Москва, 1842 г., стр. 57. Вѣдомости 1742 г., часть XLIX, Примѣчанія, стр. 193—196.

(72) Когда статья наша была уже въ наборѣ, въ 1 номерѣ «Русскаго Вѣстника» явилось сочиненіе *П. К. Щебальскаго*: «Вступленіе на престолъ Анны Ивановны». стр. 5 — 67. Новое и прекрасное сочиненіе достопочтеннаго нашего ученаго проливаетъ весьма яркій свѣтъ на столь интересныя событія 1730 года. Съ живымъ любопытствомъ прочитали мы это замѣчательное изслѣдованіе: если не такъ много собрано въ немъ фактовъ, какъ бы этого мы желали, то за то приведенные сгруппированы и проумерованы съ тѣмъ искусствомъ, съ которымъ уже давно знакомы читатели: «Правленія Софьи Алексѣевны» и друг. сочиненій *П. К. Щебальскаго*.

Въ названной нами статьѣ, о цесаревнѣ Елизаветѣ, какъ и надо было ожидать, по самой задачѣ сочиненія, почти ничего не говорится. *Г. Щебальской* привелъ однако одну замѣтку, относящуюся къ *А. Б. Бутурлину*. Замѣтку эту мы какъ то просмотрѣли и не привели въ III главѣ нашего разсказа, почему и помѣщаемъ ее здѣсь: «Бутурлинъ имѣлъ въ послѣдствіи случай выказать на обширномъ поприщѣ свою незначительность; онъ командовалъ нашею арміею противъ Фридриха II. Лефортъ, посоль Саксонскій, еще въ 1729 году, писалъ о Бутурлинѣ:» ein Mensch, der das Pulver nicht erfunden, den aber Gott im Zorn zum General-Major gemacht hatte. (Gesch. d. Russ. st. 531).

Михаилъ Семеновичъ.

Ноября 26-го 1858 года.
С. Петербургъ.

БЕЗТАЛАННЫЙ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ПРОСТАРОДНАГО ВѢТА.

(Посвящается В—ю А—чу К—ву.)

ГЛАВА I.

— Что ты мнѣ молвилъ, а? Что — о?... На родителя ты руку поднйль.... Ну, Миколка, помни же ты, помни!.... Окромя того, что ты супротивничаль.... Я тебѣ покажу, отецъ я тебѣ, али чужакъ, задыхающимся отъ гнѣва голосомъ проговорилъ крестьянинъ своему сыну и направился къ избной двери.

— Кузьма Петровичъ, радѣльщикъ, смилуйся ты надъ нимъ. Что еще аль!... Ужь Богъ его вѣдаетъ, что съ нимъ попритчилось; видишь, онъ и себя-то не помнитъ, не токма чтò.... Прости ты его, помилуй, забымшись это онъ тебѣ молвилъ.... Кланяйся Миколаха въ ноги отцу-то, випись, говорила мать, преграждая мужу выходъ изъ избы.

Сынъ, малый лѣтъ пятнадцати, стоялъ въ углу избы, блѣдный, дрожащій, изподлобья посматривая на отца.

— Пусти ты меня, пусти-и!... Что съ нимъ толковать; вишь ровно звѣрь смотритъ.... Ничего.... отцовской рукой брезгуеть, пусъ чужой отвѣдаетъ.... Пусти-и! сурово сказала Кузьма, оттолкнулъ отъ себя жену и вышелъ изъ избы, сильно хлопнувъ за собой дверью.

— Ну куда ты угодилъ, а? со слезами начала мать, подходя къ сыну.... Что ты это надѣлалъ, а? Отцовской руки на себѣ не перенесъ. Эко дѣло, подумаешь, ну хоть бы онъ тебя и поучилъ маненько; а то ну-ка ты что отцу родному молвилъ — не трошь де, поди прочь! Да опосля

зотсь и виннись не хочешь, а? Повиннись, Миколаюшка, ну ужь что дѣлать-то!... На то онъ и отецъ, чтобъ учить. Вѣдь онъ себя не пожалѣть, ужь такой цдравъ у него.... А ты поклонись отцу-то земно, можетъ и помилуеть. На утрее-то и сходи, а теперь не замай — спать ложитса.... Повиннись, а?... Молви мнѣ: повиннись?

— Ну — у! отвѣтилъ неопредѣленно Николай и пошелъ къ двери.

— Куда ты? Али теперь повиннись-то хочешь, подь съ Богомъ!...

— Нѣту, я спать.... въ сарай.

— А поисть-то ничего не хочешь? Проголодаешься къ утрею; перекусилъ бы чего.

Николай, вмѣсто отвѣта, махнулъ рукой и вышелъ изъ избы.

— Охъ горя, горя, тужила Аграфена, когда сынъ вышелъ. Экой отецъ, а? Что дѣлать, коли Господи-то чего не далъ... Колоткомъ-то, да биткомъ ничего не надѣлаешь.... Ни къ какому дѣлу не пригоденъ. Вѣдь не отъ него эта безталанность-то, отъ Господа.... Эку радость во всю-то жизнь жизненскую вижу.... Горькая моя доля, постылая.... Последнія слова она проговорила влѣзая на палати; вскорѣ одинъ храпъ раздавался по избѣ.

Такая сцена происходила въ домѣ Кузьмы Петрова, старосты села Стракова. За хорошаго человѣка слылъ между крестьянами Кузьма Петровъ. Двадцать лѣтъ, какъ онъ сидитъ въ старостахъ и не запомнятъ Страковцы, чтобъ сдѣлалъ что онъ не по правдѣ, не по истинѣ. Честный онъ мужикъ, прямой, не лихоимецъ, не воръ; уважаютъ его крестьяне и боятся; крутенекъ, говорятъ онъ, Кузьма Петровъ, да за то, Богъ съ нимъ, человѣкъ онъ справедливый, правду матку любить, на кривдѣ не выѣзжаетъ. Бѣда одна въ старостѣ—въ бѣдность онъ не вѣритъ. Откуда эта бѣдность, говоритъ онъ мужикамъ, и самъ же отвѣчаетъ: отъ лѣни; а лѣнь объясняетъ онъ отъ того, что языку волю даютъ, а работу забываютъ. А ужь куда какъ не долю-

бливаетъ бѣдныхъ Кузьма; на бѣдномъ онъ втрое болѣе спрашиваетъ противъ богатаго; богатый, разсуждалъ онъ, и себѣ и ближнему полезень, господамъ вѣрный слуга, а бѣдный и себѣ врагъ и ближнему зараза и барамъ въ тягость. Богатаго-то и поберечь надо, а бѣднаго, что траву дурную, изъ поля вонь. И въ двадцать лѣтъ своего наибольшества, перевелъ онъ эту дурную траву во царевы полки, — наборы помогли ему въ этомъ. Отъ того видно онъ въ бѣдность не вѣрилъ, что самъ онъ мужикъ богатень. Въ любой окрестной деревнѣ спросите объ немъ, всякій его знаетъ. Скопилъ онъ себѣ денежку бережемъ, да умомъ, ремесломъ онъ ни какимъ отъ роду не занимался, торговать не торговывалъ, а видно въ самомъ дѣлѣ, онъ мало воли языку давалъ, но только стали его закромы полны, да и копѣйка завелась на черный день. Тысячникомъ звали его мужики въ окологдѣ.

Начетчикъ былъ Кузьма и по воскреснымъ днямъ читалъ Сирахову Премудрость. Не пропускалъ онъ по воскреснымъ днямъ ни обѣдни, ни заутрени; но милостыню подавалъ съ разборомъ. Помогалъ онъ мужику, коли видѣлъ, что бѣда приключалась не отъ него самаго, а отъ гнѣва Божьяго. Крутъ Кузьма и не сговорчивъ и своеобразенъ; всѣхъ онъ мѣрялъ на свой аршинъ, самъ онъ работалъ до поту лица и хотѣлъ, чтобъ все вокругъ него трудилось до упаду. Скупъ онъ былъ и роскоши ненавидѣлъ въ мужикѣ. Не запомнятъ Страковцы, чтобъ когда нибудь онъ вырядился въ синій кафтанъ; попа знаютъ и въ рогожѣ, говаривалъ онъ. Врагъ онъ всѣхъ хороводовъ и гуляній; онъ во всѣхъ видѣлъ себя и себя ставилъ примѣромъ для всѣхъ.

Странное прозвище у Кузьмы Петрова — Красный. Богъ вѣсть, кто и за что далъ такое прозваніе Кузьмѣ. Самъ онъ лицомъ смуглый, волосомъ черный, жена его баба не то, чтобы снѣговидной бѣлизны. Говорятъ, у него дѣдушка былъ красенъ волосомъ и лицомъ; по немъ, можетъ быть, дали ему такое прозваніе. Это бываетъ. Такъ, напримѣръ, одна барыня въ сосѣднемъ Стракову сельцѣ дала одному изъ мужиковъ названіе Телемака, на основаніи его склонности къ безпашпортнымъ путешествіямъ; съ тѣхъ

поръ весь его родъ зовется Теленковыми. Да не въ томъ дѣло! Пятнадцать лѣтъ, какъ женился Кузьма; женился онъ не по любви, не по увлеченію, а потому, что всѣ люди женятся, надо было и ему обзавестись домкомъ, отецъ съ матерью ветхи стали, стары; надо было ему молодую хозяйку въ домъ. Зналъ онъ на селѣ Аграфену бой-дѣвку; ткать ли, прясть ли, лѣтнія ли работы справлять, Аграфена всѣмъ взяла; одинъ водился за ней грѣшокъ—языкомъ почесать любила, слово на привязи не держала; Кузьма не смотрѣлъ на это много; женой будетъ, думалъ онъ, попривыкнетъ и смалчивать станеть.

Въ выборѣ жены онъ не ошибся; ввелъ въ домъ бабу работяху. Не мало дивовались въ селѣ Аграфенѣ, откуда что у бабы бралось. Лѣтнимъ дѣломъ она и печь истопить, варево сварить, пироговъ напечеть; все въ домѣ прибереть, перемоетъ, выйдетъ въ поле не рано, а сдѣлаеть много, всѣхъ бабъ опередить. Много слезъ пролила Аграфена въ первые годы замужства. Она была бабочка смазливая, молодая, веселая; ей бы какъ въ праздникъ въ хороводъ выйти, смотришь Кузьма и гонитъ ее домой, да еще поученье такое женѣ сдѣлаеть, что бѣдняжкѣ стыдно на людей взглянуть, глаза поднять. Загонялъ онъ бабу до того, что изъ веселой, живой, она сдѣлалась какой-то робкой, запуганной, вѣчно жалующейся на горькую судьбу свою. Но не смотря на это, хозяйство ихъ шло въ гору и чаще откладывалась копѣйка лишняя. Черезъ годъ послѣ женитьбы, имъ Богъ даровалъ сына, на другой — втораго. Перваго назвалъ Кузьма — Васильемъ, втораго Николаемъ. Росли и крѣпли мальчики вмѣстѣ, дѣля пополамъ и дѣтское горе и дѣтскую радость. До десятилѣтняго возраста они мало чѣмъ разнились другъ отъ друга. Вмѣстѣ лазили въ горшокъ съ кашей и пачкали себѣ и безъ того грязныя рожицы; вмѣстѣ играли въ снѣжки по зимамъ и лѣтомъ баландались вмѣстѣ въ одной грязной лужѣ. Съ десятилѣтняго возраста въ нихъ замѣчалась большая перемена. Вася смотрѣлъ тихимъ, робкимъ мальчикомъ, Николаша озорничалъ на всю деревню. Въ первомъ проглядывала какая-то домовитость, крохоборство.

Пойдетъ ли отецъ лошадь запрягать, — Вася непременно ужь тащить или хомуть или седелку; матери случится корову доить, — Вася несетъ матери подойникъ. Николашу-же цѣлый день въ избу калачемъ не заманишь, вырѣжетъ онъ себѣ изъ рябины дудку, убѣжитъ, не оглядываясь, съ утра въ лѣсъ и дудить себѣ до самаго обѣда; послѣ обѣда ускользнетъ отъ отца, отправится съ поля на Волгу, спуститъ въ нее ноги гдѣ нибудь, присѣвши на камень, и поетъ себѣ во все горло до поздней ночи калину съ малиной. Знакомъ былъ Николаю за такія продѣлки зеленый березнякъ, да съ него все какъ съ гуся вода, отплачется, накричится, да опять въ лѣсъ или на Волгу. Задумывался Кузьма, глядя на сыновей своихъ, когда ужь ихъ возрастъ подходилъ къ шестнадцати годамъ, когда мальчикъ полъ тягла начинаетъ барипу править, когда баринъ, заботящійся о умноженіи населенія въ своемъ имѣніи, собственноручно ставитъ противъ его имени крестикъ и противъ имени какой нибудь дѣвушки, достигшей четырнадцатилѣтняго возраста, и похлопывая по ревизской сказкѣ самодовольно, говоритъ: еще пара, еще тягло, а тамъ и новая душа! И въ этотъ полугражданскій возрастъ нашего крестьянина, Николай ни къ какому дѣлу не былъ пригоденъ. За всякое дѣло онъ брался съ охотой, но какъ скоро осиливалъ его, осваивался съ нимъ, то кидалъ и больше никогда не принимался за него. Тупѣе брался Вася за то же дѣло, труднѣе и долѣе ознакомлялся съ нимъ, и сдружался потомъ съ этимъ дѣломъ, рождался какъ-то съ нимъ. Послѣдній обѣщалъ въ себѣ втораго Кузьму, въ Николашѣ же проглядывало что то не мужицкое, не грубое и не одно чувственное; иногда онъ, лежа на травѣ, заслушивался далекой пѣсни; идучи по полю съ бороной, онъ засматривался на заходящее солнце и багряную зарю; въ такія минуты невольно летѣла съ языка его пѣсня. До того любилъ онъ эту пѣсню, что среди работы кидалъ и бороны и лошадь среди поля и бѣжалъ къ поющимъ, будь они хоть за двѣ версты отъ него. Надо правду сказать, сильно поучивалъ его Кузьма за такія продѣлки. Николай терпѣливо сносилъ это. Въ описанный нами вечеръ, было Николаю такое-же

родительское поученье, и Богъ знаетъ почему, онъ не снесъ въ этотъ разъ такого наставленія, а принялъ оборонительное положеніе, всталъ противъ родительской власти. Можетъ быть потому, что безталаннымъ его величали во всемъ селѣ, можетъ быть!

На слѣдующее утро Кузьма вошелъ къ сыну въ сарай, когда тотъ еще покоился богатырскомъ сномъ. Остановился Кузьма передъ спящимъ Николаемъ и долго смотрѣлъ на него; вставай! сказалъ онъ, вдругъ какъ бы опомнясь, или, можетъ быть, подавляя отцовское чувство — любви, жалости къ сыну. Мгновенно, какъ бы пораженный электрическимъ ударомъ, судорожно вскочилъ на ноги Николай. Подемъ со мной! отрывисто сказалъ Кузьма. Николай поспѣшно, не безъ робости, нахпнулъ на плечи кафтанъ, надѣлъ шапку и вышелъ изъ сарая вмѣстѣ съ отцемъ. У сарая стояла лошадь, запряженная въ телѣгу.

— Садись! произнесъ Кузьма, влѣзая въ телѣгу.

— Батюшка!... выговорилъ было Николай; но отецъ прервалъ его просьбу такимъ суровымъ ну! что Николай безъ дальнихъ объясненій сѣлъ въ телѣгу. Шажкомъ двинулась лошаденка, они проѣхали гумно и выѣхали было уже на околицу, какъ вдругъ изъ за угла крайняго въ селѣ овина выбѣжала Аграфена. Съ воплями и рыданіями кинулась она прямо на лошадь.

— Батюшка, кормилецъ, Кузьма Петровичъ, куда ты свое малое дѣтище везешь, погубишь ты его; смилуйся, своя чай кровь, вопила Аграфена, цѣпляясь за поводья. Кузьма сошелъ съ телѣги, осторожно отвелъ жену къ сторонѣ, и потомъ въ два прыжка очутился опять въ телѣгѣ и понукалъ лошадь. Запрыгала по коленямъ телѣга, затреножила, какимъ-то особеннымъ галопомъ, понеслась лошаденка и бѣдная мать порывисто бѣжала за удаляющимися мужемъ и сыномъ.

— Схватите вы его, ай батюшки, сердечушко.... убьетъ онъ его, убьетъ! Забыла Аграфена, что ее никто не слышитъ, никто ей не поможетъ; запуганное женское воображеніе увѣряло ее въ томъ, что Кузьма строгій и суровый,

привыкшій къ общему уваженію, къ общей покорности, не потерпѣть въ сынѣ супротивника отцовской власти и убѣтъ его.

Но вотъ круто повернула лѣсомъ телѣга, взвилась сѣрымъ столбомъ пыль по дорогѣ и Кузьма съ сыномъ скрылись изъ глазъ Аграфены. Какъ снопъ, повалилась на пыльную землю бѣдная мать и вѣтеръ отнесъ крикъ почти безчувственной уже Аграфены совершенно въ противоположную сторону удаляющемуся Николаю.

ГЛАВА II.

Поздно вечеромъ измученная лошаденка тихой рысцой ввезла Кузьму въ богатое, торговое село Вьюшково; на концѣ улицы Кузьма остановилъ ее, медленно слѣзъ съ телѣги, оглядѣлся кругомъ—улица была пуста, взялъ подъ уздцы лошадь и подвелъ къ одному изъ домовъ.

— Кумъ Власъ, а кумъ Власъ! кричалъ Кузьма, постукивая кнутовищемъ по рамѣ избнаго окошка, — отвѣта не было. Кузьма усилилъ удары, окно отворилось и изъ него высунулась повязанная платкомъ голова.

— Кто тута? спрашивала высунувшаяся.

— Кумъ Власъ дома? въ свою очередь спросилъ Кузьма.

— Власъ-то?... нѣту-ти... На что тебѣ-ко его?

— Гдѣ-жь онъ? сурово спросилъ Кузьма.

— Власъ-то?... нѣту моль, нѣту. На что тебѣ большака-то? съ недовѣрчивостію спрашивала хозяйка дома.

— Я тебя спрашиваю, гдѣ-жь онъ, ну! возвышая голосъ, сказалъ Кузьма.

— Власъ-то... Къ Воняченскому барину уѣхалъ, колеса увезъ, — отягать присылали... Да на что тебѣ его?...

— Надо, рѣзко перебилъ ее Кузьма, и немного помолчавши, промолвилъ: все едино, отвориай ворота.

— Да никакъ изъ Красавина, Кузьма Петровичъ, ась?

— Ну-у! сквозь зубы промычалъ Кузьма.

— Тотчасъ, тотчасъ отопру, родной. Мнѣ старымъ дѣломъ и не въ домекъ, слышу, ровно бы голосъ-то Кузьмы Петровича, а въ темя-то въ лицо признать и не могу, ровно...

— Нечего калякать-то, отпирай! перебилъ ее съ сердцемъ Кузьма.

— Тотчасъ, тотчасъ, батюшка! Голова скрылась. Черезъ пѣсколько минутъ, въ окошкѣ этой избенки сверкнулъ огонекъ, а потомъ и ворота со скрипомъ отворились. Кузьма въѣхалъ на дворъ. Курицы, пробужденныя шумомъ въѣхавшей телѣги, тяжело перелетѣли съ одного пашѣста на другой, а страдающій бессонницей пѣтухъ привѣтствовалъ нежданнаго гостя своей оглушительной, однообразной пѣсней.

— Добро пожаловать, кланяясь говорила приземистая, рябая старуха, освѣщая дворъ дымно пламеньющей лучиной. Изъ какихъ мѣстъ Богъ несетъ, все ли по добру, по здорову? Ай, батюшки, отцы родные, вскричала она, чтой-то это у тебя въ телѣгѣ-то, никакъ человѣкъ лежитъ. Не надѣлалось ли что съ тобой путемъ-то, дорогой?

— Слава Богу, ничего, съ неудовольствіемъ отвѣтилъ Кузьма, распрягая лошадь.

— Такъ кто-жъ этотъ-то? спросила старуха.

— Миколка! сквозь зубы отвѣтилъ Кузьма и вывелъ лошадь изъ оглоблей. Сѣно есть? спросилъ онъ.

— Какъ не быть, батюшка! Да за что-жъ ты его голубчика по рукамъ то перевязалъ?.. Али дѣтскимъ дѣломъ укралъ что?

— Такъ надо; гдѣ у тебя сѣно-то?

— А вонъ тамъ въ забенькѣ, въ уголку. Старуха показала пальцемъ темный уголъ двора.

— Такъ что-жъ ты его, роднаго не ослабодишь, продолжала она.

Кузьма не отвѣчалъ и повелъ лошадь къ сѣну.

Старуха робко подошла къ телѣгѣ, она подозрѣвала что-то недоброе, заглядывала въ телѣгу, освѣщая ее лучиной. Николай лежалъ въ глубинѣ телѣги, вверхъ лицомъ, руки были скручены у него позади спины, шапка валялась въ ногахъ; всклокоченные, какъ видно, чужой рукой волосы закрывали до половины его лица.

— Миколаюшка, а Миколаша? робко спрашивала Акулина, такъ звали хозяйку, подозрѣвая въ Николаѣ убитаго.

Николай вадумалъ было привстать, но силы измѣнили ему, онъ упалъ опять навзничъ въ телѣгу.

— Аль тебѣ не ловко, болѣзный, дай-ка я поправлю тебѣ, развяжу рученьки-то, соболѣзнуя говорила старуха.

— Не трошь его! повелительно вскричалъ Кузьма, услышавши намѣреніе старухи.

— Веди въ избу! сказалъ онъ, подходя къ телѣгѣ.

— А его-то какъ?... неужто такъ покинешь, чай избился онъ ѣдучи, смотри: силушки нѣтъ подняться.

— Пойдемъ въ избу, рѣзко проговорилъ Кузьма. Акулина взглянула еще разъ на Николая, — ей стало жаль его. Она обратилась съ рѣчью къ Кузьмѣ.

— Лѣто, — лѣто, а все ночь-то холодная, иззябнетъ онъ, глядь-ко, вѣдь въ одноѣмъ кафтанишкѣ лежитъ.

— Ничто ему. Какъ бы убѣжать не хотѣлъ, въ избѣ бы теперь спалъ. Подемъ!

Кузьма и Акулина скрылись за низенькой избной дверью. На дворѣ настала темнота и тишина, Николай лежалъ въ телѣгѣ съ открытыми глазами. Въ головѣ его было какъ-то пусто, дрожь пробирала его до костей, онъ силился заснуть и не могъ; нѣсколько разъ пробовалъ онъ повернуться съ одного бока на другой, но каждое движеніе паносило ему такую боль, что онъ вскрикивалъ. Среди ночи, когда Николай, какъ говорятъ, позабылся, кто-то подошелъ къ нему, развязалъ руки, стащилъ съ телѣги и проводилъ въ избу. Спи! сказалъ освободитель; по голосу Николай узналъ отца. Какъ ни силился Кузьма побѣдить въ себѣ родительское чувство, но оно взяло верхъ и вотъ почему онъ привелъ сына въ избу. Николай сунулся на первую лавку и заснулъ богатырскимъ спомъ. На другое утро разбудилъ его толчекъ въ плечо; онъ судорожно вскочилъ съ лавки; передъ нимъ стоялъ отецъ и массивный Власъ. Николай зналъ Власа — кузнеца еще въ первые дѣтскіе годы. Кузнецъ былъ страшилищемъ для всѣхъ мальчиковъ. Сажень безъ вершка росту, съ клинообразной сѣдой бородой, съ раскосыми, на выкатѣ, глазами, сутуловатый, вѣчно выпачканный сажей, смотрящій на свѣтъ Божій изъ подлобья, Власъ и не въ мальчикѣ производилъ непріятное,

отталкивающее впечатлѣніе. Матери, крестьянки пугали неугомонныхъ ребятъ Кузнецомъ Власомъ, и въ цѣломъ околodкѣ среди мальчишекъ Власъ слыль Кузнецомъ — букoй. Надо добавить къ портрету Кузнеца еще то, что онъ во всѣхъ своихъ движенійхъ было крайне угловатъ, поступь у него была такая, какъ будто онъ вмѣсто ногъ ставилъ на землю разомъ пудовъ десять; смотрѣль при разговорѣ всегда въ сторону, при отвѣтахъ всегда какъ-то грубо улыбался; а голосъ былъ у него такой сильный, такой неприятный, что однажды жена сотскаго сказала ему: «что ты, батька, говорить не умѣешь, только ротъ раскроешь, такъ словно лѣшій на колѣнѣ берцу переломить.» Можетъ быть слышала жена сотскаго, какъ лѣшій на колѣнѣ берцу ломаетъ, а можетъ быть и не слышала; но она имѣла право предполагать, что неприятно звучитъ у людей въ ухахъ, когда лѣшій примется березы на колѣнѣ ломать; на то онъ Лѣшій, чтобъ неприятное людямъ дѣлать.

Такъ вотъ каковъ былъ съ внѣшней стороны Кузнецъ Власъ.

— Вотъ тебѣ хозяинъ, указавъ на Кузнеца сказалъ Николаю Кузьма, уважай ему, слушайся, о побѣгѣ и думать забудь, перенимай его науку. Хорошо учиться станешь, на Петровки домой возьму, а то и не кажись лучше.

Кузьма взялся за шапку, помолился образамъ, потомъ обратился съ поклономъ къ Власу.

Ну, Кумъ, прощенья просимъ, такъ ужъ... значить.... объ чемъ я тебѣ говорилъ, такъ такъ чтобъ и было.

— Такъ чтобъ и было... идиотически усмѣхаясь, отвѣтилъ Власъ.

Кузьма еще разъ перекрестился, отдалъ поклонъ всѣмъ присутствовавшимъ въ избѣ и вышелъ за двери, за нимъ послѣдовали Кузнецъ и старуха Акулина.

Николай бросился было вслѣдъ за отцомъ, но потомъ мгновенно обернулся назадъ и не сѣлъ, а почти упалъ на лавку.

Въ ухахъ раздавалась послѣдняя фраза отца: а то и не кажись лучше, мысль же Николая замерла на томъ, что онъ работникъ. батракъ.

— Хошь завтракать? раздался надъ самымъ ухомъ Николая сильный голосъ кузнеца. Николай молчалъ, не до завтрака ему было.

— А не хошь, знать у тебя губа дура, на работу ступай, разомнись маненько, чѣмъ баринномъ-то сидѣть. Ступай за мной, насмѣшливо сказалъ Власъ и пошелъ вонъ изъ избы; за нимъ безсознательно побрелъ Николай.

Неподалеку отъ дома стоялъ какой то закоптѣлый, почернѣвшій сарай, это была кузница. Три рабочихъ были страшными молотами по раскаленному до бѣла желѣзу, когда вошли въ кузницу Власъ съ Николаемъ. Болѣзненно отдавались въ головѣ Николая эти удары молотами.

— Митяйка, отдайся отъ мѣховъ, слышь уйди, вскричалъ Власъ.

Грязный, въ рубищѣ Митяйка отошелъ.

— Мотри, говорилъ Власъ, взявши Николая за рукавъ зипуна. Вотъ какъ качай, въ перемежку, не сильно, не вдругъ, а въ перемежку, какъ слѣдовать должно. Вотъ тебѣ дѣло. Прймайся, пачинай.

Николай не слыхалъ наставленій Власа, онъ взялся машинально за дѣло. Дѣло не клеилось. Онъ поднялъ разомъ оба мѣха и вскричалъ отъ боли въ рукахъ, такъ сильно исколотило его дорогой.

— Чертъ, не такъ! съ какимъ-то дикимъ, звѣрскимъ взглядомъ вскричалъ Власъ, выбранилъ Николая еще крѣпчайшимъ словомъ и вмѣсто того, чтобъ вразумить малаго, сильно ударилъ его кулакомъ по затылку.

Этотъ ударъ возвратилъ Николая къ сознанию; онъ схватилъ близъ лежащій молотъ и кинулся вонъ изъ кузницы. Двое рабочихъ хотѣли было загородить ему дорогу, но поднятый молотъ и отчаянный взглядъ Николая заставили уступить ему выходъ изъ кузницы.

— Держи его, разбойника, держи! бѣшено кричалъ Власъ.

Тѣ-же двое работниковъ кинулись вслѣдъ Николаю. Последний не пробѣжалъ и десяти сажень, какъ отъ безсилія лежалъ на землѣ.

— Неси его, разбойника, въ сѣбникъ. Я тебя выучу, скорохода экого. Разъ другой поколочу, смириѣй будешь. Такіе совѣты давалъ кузнецъ безчувственному Николаю. Сонъ принялъ опять въ свои объятія Николая, какъ только его внесли въ сѣбникъ и бросили на полъ. Этотъ день и ночь Николай не открывалъ глазъ.

На слѣдующее утро, путемъ *поучивши* Николая, Власть отвелъ опять его въ кузницу и отдалъ его подъ строгій надзоръ рабочимъ. Николай принялся сначала за дѣло съ энергіей, но эта энергія скоро охладѣла въ немъ, въ барскомъ домѣ онъ такъ отвыкъ отъ работы, что самое легкое дѣло казалось ему чуть не каторжнымъ. Тяжелой, убійственной жизнью показалась Николаю жизнь кузнеца. Жаркая, душная атмосфера кузницы, грязь, чернота, повседневное однообразіе, вѣчно раскаленное желѣзо, подниманіе и опусканіе мѣховъ, крики рабочихъ, брань, суровость хозяина, все это опротивѣло Николаю. Жизнь въ кузнице представляла не болѣе отраднаго, она была чисто животнымъ отправленіемъ. Приходилъ Николай съ работы; рябая, впрочемъ добрая хозяйка подвигала ему и еще тремъ рабочимъ большую чашку со щами. Щи уничтожались мгновенно, за ними слѣдовала каша, за кашей — обремененіе желудка, дальше послѣбѣденный отдыхъ или сонъ. Просыпаясь, Николай встрѣчалъ тотъ-же тяжелый, черный, машинный трудъ

Живутъ-же люди! скажутъ на это.

Да, живутъ!.. отвѣчу я; но Николаю эта жизнь была не въ жизнь; видно онъ въ «безталанный часъ родился на свѣтъ».

Черезъ недѣлю Николая не было въ селѣ. Ночью, потихоньку онъ вышелъ изъ избы, долго молился на желтую Церковь сельскую и убѣждалъ. Куда?... Куда глаза глядѣли.

ГЛАВА III.

Вотъ именно благодатная сторонushка. Вотъ вамъ напри- мѣръ приволжское село Красавино. Село это-деревня, какъ деревня: сѣрыя бревенчатыя избы, крытыя соломой, скром-

но поднимаютъ свои кони отъ такой же сѣрой земли. Вотъ выбѣжала впередъ избенка сѣрая, дряхлая и совѣстно ей стало выставять какъ будто на показъ свой старый срубъ, прикрыла она свою наготу развѣсистой, плакучей березой и спокойно доживаетъ подъ сѣнью ея свой вѣкъ вмѣстѣ съ владѣльцемъ бобылемъ. А вотъ рядомъ съ ней другая изба; эта крѣпче, здоровѣе первой, не стыдится она своей молодцоватости, глядитъ прямо въ очи честному народу, не укрывается березой, терпитъ жаръ и стужу одна одинешенька. Крыша на ней не тесовая, да врядъ ли уступить тесовой,— не жалѣлъ мужикъ соломы, клалъ волю, крѣпко на крѣпко нажималъ ее ногами, еще крѣпче приперъ жердинами, чтобъ не торчала къ верху, не топорщилась, а лежала, какъ люди велѣли. Не много поодаль, изба — домъ. Строенъ онъ на широкую руку: крыша тесовая, окна въ двухъ этажахъ чистыя, свѣтлыя, хоть въ барскій домъ, такъ годятся. Подоконники съ вырѣзью, а конь-то вверху размахнулся, словно рога у стараго оленя, а сдѣлалъ его простой топоръ, да буравчикъ. А вонъ взгляните на конецъ околицы, стоитъ тутъ старуха, развалина-изба. И она была когда-то бодря и крѣпка, а теперь лежитъ совсѣмъ на боку; одна половинка воротъ еле-еле лѣпится на ржавой петлѣ; поросла дорожка къ ней бурьяномъ, травой-оконъ какъ будто и не бывало, объ огородномъ плетнѣ и помину нѣтъ, растаскалъ его расчетливый сосѣдъ мужикъ къ себѣ на растопку. Некому поправить ее, некому подновить, владѣлецъ ея бобыль давно лежитъ на погостѣ; одинъ вѣтеръ, въ осеннюю пору врываясь въ окна, гудитъ и шумитъ, нарушая покой ея. Сжалился надъ ней дубъ сосѣдъ, подставилъ ей свою грудь— стволъ, пускай-де опрется на меня старуха, поиѣжитъ свои старыя косточки, вѣдь не разломить меня, не отниметъ моей силы ни на волосъ. За этой избенкой выглядываютъ овины съ гладко уколоченными ладонями, стога сѣна, амбары; а на пригоркѣ съ миромъ стоитъ желтая церковь, окруженная сотней деревянныхъ, безъямянныхъ крестовъ, а дальше *магазея* съ потовымъ крестьянскимъ хлѣбомъ, отложеннымъ на черный день, а тамъ на выходѣ изъ села и часовня съ старыми образами и съ кружкой для доброхотныхъ дателей,

а дальше вьется и изливается среди зелени тележная дорога, а еще дальше блеститъ крутобережная покойная Волга съ десятками селъ и деревень, а на самомъ кругозорѣ лѣсъ плаваетъ въ синевѣ неба и машетъ къ себѣ въ непрозрачную даль. Въ одномъ изъ такихъ селъ былъ праздникъ годовой, гулянье шло во всю ивановскую. Отъ большого до малаго, все разодрѣлось по праздничному. Кумачъ, синее сукно, сѣрое сукно, астраханка, китайка, ситецъ, штофъ пестрѣли на мужикахъ и бабахъ. День какъ нарочно для праздника выдался ясный, ни облачка на небѣ не видно, мужику это и по рукѣ, пусть-де грѣетъ солнце, паръ костей не ломить. На единственной улицѣ этого села, цѣлый рядъ бѣлыхъ холщевыхъ навѣсовъ привлекалъ женскій и дѣтскій взоръ разнообразіемъ лакомствъ, отъ неудоботающаго леденца до пряника—сушенника, все было тутъ въ усладу крестьянскому женскому и дѣтскому вкусу. Колоколь, шатерь, гдѣ продается вино, красовался въ сторонѣ. Безостановочно входили туда и выходили группы крестьянъ, то въ черезъ чуръ веселомъ, то въ черезъ чуръ раздраженномъ состояніи. Одни, поматывая головой и разводя руками, сплнлись доказать толпѣ, что въ мірѣ семъ все суета суетствъ, другіе же оплакивали двадцать лѣтъ умершихъ сродственниковъ. Третьи, о, на лицахъ третьихъ величайшій изъ психологовъ ничего бы не прочелъ, въ эти минуты отъ нихъ далека была всякая человѣческая мысль. Все на селѣ или плѣло, или ѣло, или плло. Среди общаго безпорядочнаго движенія, мѣрно плылъ хороводъ; то грустно, уныло неслась отъ него пѣсня, то вдругъ размахисто, бурливо, шумно подхватывалась сотней здоровыхъ мужскихъ голосовъ и далеко окликала окрестность. Уханьямъ, крикамъ, остротамъ, смѣху — конца не было. Все было весело, счастливо, шумно сплось въ одну семью.

— Медвѣдя ведутъ, медвѣдя ведутъ! раздалось въ толпѣ. Изъ устъ въ уста перенеслись эти клики, старый и малый, все кинулось на срѣтенье дорогому нежданному гостю. Въ концѣ улицы громадный бурый медвѣдь гордо выступалъ съ своимъ жожакомъ, около него подпрыгивала коза, пощелкивая своими деревянными скулами. Населеніе села густымъ кругомъ замкнулось около медвѣдя и съ замрані-

емъ сердца ждало зрѣлища. Зрѣлище началось, зрѣлище, знакомое всякому во всѣхъ своихъ подробностяхъ, кто хоть изрѣдка посѣщаетъ деревню. Не надоѣдаетъ оно нашему крестьянину потому, что это вызываетъ его на остроту и насмѣшку, а куда какъ любить русскій человѣкъ въ веселый часъ посмѣяться и сострить. Вотъ медвѣдь прихрамываетъ, тяжело ступаетъ; это онъ представляетъ, какъ старуха на барщину идетъ, немочь ее одоѣла, старость ее сломила. Слышатся въ толпѣ насмѣшки въ родѣ такомъ.

— Тетка Ѳекла, а тетка Ѳекла, вѣдь Марья—то Ивановна у тебя переняла, сейчасъ умереть, издѣвается какойнибудь весельчакъ паренъ надъ отживающей старухой.

Старуха въ свою очередь отгрызается.

— Полно хабаль, не съ твоей ли бабушки родимой.

— Ить ты хватила, изъ ума знать выжила, бабушку-то вотъ четвертый десятокъ за упокой поминуютъ, а Марья-то Ивановна всего третій годъ за мужемъ, не коли перенять. А право ся ужъ что упираться, какъ есть съ тебя. Гляди, ребята, обращается насмѣшникъ къ толпѣ: ишь ты Марья—то ровно наша Ѳекла Спиридоновна ногу то колесомъ несетъ. Платомъ опояжи Марью Ивановну, все единственно будетъ Ѳекла Спиридоновна, наша то маненечко посмуглѣй будетъ.

Такъ ли? ха, ха, ха.

Такъ, вѣрно, вѣрно! раздается въ толпѣ. Иногда насмѣшка замѣняется такими разсужденіями:

— Ишь ты животина вѣдь, а слово понимаетъ наше, значить человѣкъ до всего можетъ дойти, все можетъ сдѣлать.

— Это что! перебиваетъ какойнибудь резонеръ старикъ. Это не диво, что наше русское, значить, слово понимаетъ; я тебѣ вотъ что скажу; значить татаре вотъ медвѣдей водятъ, такъ бормочетъ онъ это, ты самъ, значить, человѣкъ, а не звѣрь, въ толкъ не возьмешь, ровно мельница мелеть, а вотъ медвѣдь то понимаетъ, подижь ты и штуку разную представляетъ, вотъ что значить наука-то, ты не понимаешь, а медвѣдь понимаетъ.

— Понимаетъ? а? спрашиваютъ изъ толпы.

— Какъ есть! значить татаринъ ему слово свое скажетъ, ты не понимаешь какую онъ значить штуку долженъ приставить, а медвѣдь то приставляетъ, да, приставляетъ.

— Эка поря, подижъ ты! восклицаютъ мужики, почесывая затылокъ.

А гдѣ нибудь въ сторонкѣ раздаются пискливые возгласы крестьянокъ: Молчи, Варюха, гляди, ишь ты, ишь ты, хи, хи, хи! За смѣхомъ слѣдуютъ: поталкиваніе другъ друга локтями, ужиманья и перешептыванья. Все удовольствіе обыкновенно оканчивается тѣмъ, что медвѣдь, по приказанію вожака, троекратно кланяется до земли, потомъ получаетъ шанку съ головы своего хозяина и обходитъ на заднихъ лапахъ толпу. Пятаки и гривны, гроши сыплются туда довольно щедро, камердинеръ же графскій, во имя общественнаго мнѣнія, непременно кинетъ туда гривенника два, три и самодовольно озираетъ толпу. За тѣмъ медвѣдь уже нормальнымъ образомъ слѣдуетъ обратно. Толпа долго, долго провожаетъ его глазами, а ребяташки, вопреки всѣмъ запрещеніямъ матерей и тятекъ, проводятъ медвѣдя до слѣдующей деревни. На этотъ разъ крестьянамъ предстояло болѣе эстетическое наслажденіе. Вожакъ, собравши деньги, обратился къ толпѣ съ такой рѣчью:

— А вотъ моя коза, больно пѣть горазда, ужъ какъ затянетъ, да на балалайку подладить, ужъ ажно жарко, больно она у меня дѣшла до пѣсень-то.

— Дяче не спѣть, пой коза! раздалось изъ толпы. Хорошо споешь награжденье будетъ. Съ духомъ сберись! Со чувствіемъ пой. Снимай попяву-то, а то не ловко. Поняв снялась, коза преобразилась. Среди толпы стоялъ красавецъ парень, русые кудри бѣжали до плечъ и рѣзко окаймляли его загорѣлое лице; открытый, большой лобъ, голубые, полные свѣта и жизни глаза, крупность чертъ лица, все говорило о сильной, могучей натурѣ. На немъ былъ синій шугай, или поддѣвка, ремень съ наборомъ стягивалъ его по бедрамъ, черезъ плечо висѣла на тесмѣ балалайка. Толпа приготовилась слушать, она чего то ждала отъ этого пѣвца, поразилъ ли ее чистый костюмъ, что рѣдко встрѣчается въ оборванной

козѣ, или физиономія самаго пѣвца поразила ее, но говоръ смолкъ. Пѣвецъ снялъ съ плечь балалайку и небрежно ударилъ по струнамъ. Мужички наострили и глаза и уши; да, правду сказать, было чего поглядѣть и послушать. Парень вошелъ въ пассію, все заговорило въ немъ, глаза переполнились свѣтомъ, плечи, руки, все было въ движеніи, пальцы бѣгали по струнамъ, голосъ то замиралъ, то усиливаясь, обдавалъ жаромъ слушающихъ. Въ толпѣ слышалось: важно!

— Эхъ, ма! Кабы годовъ десятокъ съ костей и я бы подтянулъ, ужъ оченно онъ забираетъ, эхъ вы! воспламеняясь, говорилъ беззубый старикъ и, подернувъ плечами, началъ было пѣть.

— Нишкни, слышь дѣдушка не гоже, ну гдѣ тебѣ съ кисельными зубами! Не мѣшай, поталкивая его, говорилъ молодой парень. Онъ весь обратился въ слухъ.

Ухъ вы! Держись шапка! вскрикнулъ пѣвецъ, раскатился свистомъ и перемѣнилъ пѣсню, раздалось

Ай во лузяхъ, ай во лузяхъ,
Таки во лузяхъ, зеленыхъ во лузяхъ
Выросла, выросла,
Выростала трава шелковая.
Разцвѣли, разцвѣли,
Разцвѣли цвѣты лазоревые

Толпа подхватывала пѣсню, подъухивала. Молодежь пустилась въ пляску. Пѣвецъ торжествовалъ, онъ видѣлъ, что онъ подвинулъ, воодушевилъ толпу; среди общей пляски онъ забылся, не видалъ ничего окружающаго. Сильнѣе и сильнѣе звучалъ его металлическій голосъ, все скорѣе и скорѣе бѣгали его правильные пальцы по струнамъ. Среди самаго разгара пѣсни онъ почувствовалъ, что кто-то ему сильно сжалъ плечо, онъ повернулся назадъ и поблѣднѣлъ, предъ нимъ стоялъ Кузьма, его отецъ. Опустились руки у Николая, голосъ прервался на самой высокой нотѣ. Толпа замѣтила, что пѣвецъ смолкъ, замѣтила его смущеніе и вотъ раздались крики: что жъ ты малой, ухнемъ! Николай молчалъ. Отецъ сказалъ ему сурово: подемъ. Николай закинулъ за плечо гитару, подошелъ къ вожаку и промолвилъ:

— Ну, спасибо братъ, теперь нѣтъ у меня своей влюшки. Домой иду. Спасибо за твою за хлѣбъ, за соль.

— Какъ такъ? спросилъ въ изумленіи вожакъ.

— Такъ, до.... мой, сквозь слезы, сказалъ Николай, не поминай лихомъ, коли добромъ не за что. Прости!

Пѣвецъ подошелъ къ Кузьмѣ, Кузьма глядѣлъ на него совершенно равнодушно, какъ будто и не былъ ему отцемъ, ему совѣстно было признаться предъ этой веселой толпой, что этотъ бродяга — пѣсельникъ его сынъ. Кузьма выходилъ изъ толпы, Николай безмолвно слѣдовалъ за нимъ.

Вожакъ былъ изумленъ такой внезапной неожиданной развязкѣ и безмысленно глядѣлъ вслѣдъ удаляющемуся Николаю. Не менѣе была поражена и толпа. Пѣсня смолкла, лица многихъ сдѣлались какъ то грустными, недовольными. Но Кузьма съ сыномъ уже былъ на краю улицы, вотъ и послѣдній домъ деревни миновали они, вышли уже и на дорогу. Кузьма молчитъ и тяжелой поступью подвигается впередъ, а Николай чаще и чаще оглядывается назадъ; на душѣ у него становится тяжеле и тяжеле, его пугаетъ безвыходное будущее положеніе, подчиненность, зависимость, а отрадное прошедшее кажется теряющимся на всегда.

— Такъ гдѣ ты пропадалъ цѣлые два года бездомокъ? вскричалъ внезапно оборотившійся Кузьма, когда уже деревня скрылась изъ глазъ. Стыдъ положилъ на мою голову, бродяга лѣсной, на селѣ-то пальцами тычутъ, какой де ты отецъ, а еще староста, сына не усмотрѣлъ, бродяжничать пустилъ. Ишь промыселъ какой нашелъ! Глаза Кузьмы блистали изъ подъ густо нависшихъ бровей, лице разгорѣлось и судорожно подергивалось. Николай молчалъ.

— Что молчишь, али говорить нечего. Съ матерью-то что сдѣлалъ, разбойникъ, ровно полоумная реветъ, всѣ ночи глазъ не осушить, а онъ пѣсни поетъ. У Кузьмы показались на глазахъ слезы и онъ мягкимъ голосомъ продолжалъ.

— Ду-у-ракъ, вѣдь ты одинъ у меня теперь, Вася-то померъ. Есть на кого надежа, эхъ ты! Старикъ какъ ни крѣпился, какъ ни силлся сурово встрѣтить сына, но не

могъ глубоко замаскировать отцовскаго чувства; теперь оно все сосредоточилось на Николаѣ, Василья Богъ взялъ.

— Да что съ тобой калякать! вдругъ сказалъ Кузьма, мѣняя ласковый тонъ на суровый. Вотъ тебѣ мое останное слово: коли ты да не справишься, лобъ тебѣ забрѣю къ зимѣ. Слышъ да помни: завтра барыня: пріѣдетъ, не введи меня въ слово. Теперь до деревни дойдемъ, а тамъ къ матери поѣдемъ.

У Николая брызнули слезы. Въ первый разъ съ ранняго дѣтства онъ услышалъ полуласковую рѣчь отца, съ ребяческой радостью хотѣлъ было онъ броситься къ нему на грудь, но Кузьма отвернулся отъ него и повелительно сказалъ: ступай! это повелительное, холодное «ступай» лишило Николая мгновенно той восторженной настроенности, какой онъ былъ полонъ за минуту; и съ тяжелымъ безотраднымъ чувствомъ пошелъ онъ за отцемъ.

ГЛАВА IV.

Охъ, лѣтнія проселочныя дороги, русскіе удобные пути и сообщенія! вздыхая, говаривалъ мой знакомый помѣщикъ, садясь въ таратайку для осмотра *своихъ собственныхъ*, какъ онъ выражался, лѣсовъ, которыхъ, между нами сказать, врядъ ли набралось бы у него до пяти десятинъ. У меня нѣтъ *своихъ собственныхъ* лѣсовъ, а потому я и не ѣзжу осматривать ихъ, но вполне сочувствую моему помѣщику, то есть не моему, ибо я не крѣпостной и обладаю полной юридической правоспособностью, а моему знакомому помѣщику. Что можетъ быть ужаснѣе, въ самомъ дѣлѣ, нашихъ выгодныхъ и удобныхъ проселковъ. Можетъ быть, это медицинская мѣра; хотя бы можетъ быть, чтобы русскій человекъ, отправляясь въ дорогу, ничего не ѣлъ, или не объѣдался, ибо сытому ѣхать по проселку ... Боже упаси! Прежде надо написать духовное завѣщаніе на все движимое и недвижимое имѣніе, да потомъ и садиться въ таратайку для осмотра *своихъ собственныхъ* лѣсовъ. Или, можетъ быть, это мѣра нравственная — пріучить народъ русскій къ терпѣнію, и то можетъ быть; все у насъ можетъ быть. Такую удобность и выгоду чувствовала одна петербургская дама, ѣхав-

шая на житье въ свое родовое имѣніе, въ которомъ она ни разу не бывала. Дормезъ работы Іохима, не смотря на всю свою прочность, отказывался болѣе служить своей владѣтельному; его рессоры были опутаны веревками, а сзади кареты покосилось колесо, не вытерпѣвшее этой проселочной пытки. Измученная обывательская четверка лошадей насилу волочила ноги, а вмѣстѣ съ ними и дормезъ. Возница не жалѣлъ животовъ, нещадно билъ ихъ то плетью, то кнутовищемъ, но лошади только потряхивали гривами и не прибавляли шагу. Одна изъ нихъ, при каждомъ такомъ ударѣ, оборачивала голову къ кучеру и напоминала собой извѣстное положеніе людей, которые говорятъ, оборачивая свою голову назадъ: ваше благородіе, помилуйте, виновать! Но какъ отъ вашего благородія нельзя ждать скорого помилованія, такъ и отъ кучера прекращенія безчеловѣчныхъ ударовъ.

— Скоро ли мы приѣдемъ? спрашивала изъ окна кареты женщина съ худымъ, оливковаго цвѣта лицомъ, лѣтъ подъ 30.

— А вотъ... какъ Миколу-Тыки, село тутъ есть, проѣдемъ, такъ не такъ, чтобы далеко, снимая шапку отвѣчалъ кучеръ.

Не такъ чтобы далеко! *Quelle horreur!* съ сердцемъ воскликнула дама и скрылась въ глубинѣ кареты.

Эта желтая дама и была княгиня Мухтомская, ѣхавшая изъ Петербурга въ деревню поправлять свои *разстроенныя дѣла*. Тяжело ей было оставить *восхитительный* Петербургъ и ѣхать жить въ *отаратительную* деревню, но видно и князья-рабы обстоятельство. Со дня рожденія она жила въ Петербургѣ и о деревнѣ имѣла самыя дикія понятія. Взлѣбная въ богатой, аристократической семьѣ, съ колыбелю окруженная роємъ иностранныхъ гувернантокъ, она привыкла слышать, что нашъ мужикъ, кромѣ того что грубъ и глупъ, но что и готовъ на всякое злое дѣло, что у него не дрогнетъ рука ни за что ни прочто перерѣзать человѣку горло; что и стыдно и опасно говорить объ чемъ бы то ни было княгинѣ съ мужикомъ, что это могутъ дѣлать мѣлкопомѣстные, эта дрянь, которая сами съ ними и сѣетъ и оретъ, а что княгиня можетъ передавать свои приказанія и требо-

ванія черезъ лицъ, болѣе цивилизованныхъ и чистыхъ, какъ напримѣръ лакеевъ, т. е. домашнихъ, какъ называютъ ихъ у князей. Такія-то благоразумныя сентенціи глубоко западали въ душу молоденькой дѣвушки, будущей помѣщицы и гѣта зрѣлости не разбили въ ней ложности взгляда на нашего крестьянина; она вполне вѣрила своей гувернанткѣ Misse Mithe, которая доказывала ей, что крестьянинъ есть такой же звѣрь, какъ левъ, медвѣдь, тигръ, но только съ человѣческими формами, а что вовсе крестьянинъ не человѣкъ. Ее извиняетъ въ этомъ случаѣ то, что она не имѣла времени подумать объ этомъ; она была аристократка, развѣ у нашей современной дѣвушки-аристократки бываетъ время для подобныхъ размышленій. Съ тѣхъ поръ, какъ станъ ея начинаеть стягиваться пагубнымъ корсетомъ, всѣ ея мысли, вся ея нравственная и физическая жизнь отдана одному блеску бала, одной свѣтской суетѣ и нарядамъ. Такъ протекли невозвратимые, дорогіе дни молодости и для княгини Натальи Петровны Мухтомской. При жизни своихъ родителей, тоже князей, которые занимали не послѣднее мѣсто въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ, она летала съ бала на концертъ, съ концерта въ театръ, пока не явился наконецъ съ Кавказа, а въ то время былъ въ модѣ Кавказъ, молодой князь Мухтомскій съ горской закаленной наружностію, съ георгіевскимъ крестомъ и подвязанной рукой. Онъ обворожилъ все высшее общество разказами о чудесахъ храбрости, которыми увѣнчался ихъ полкъ, особенно его рота. Печоринская разочарованность неразлучна была съ его физиономіей, что также въ былое время правилось нашимъ великосвѣтскимъ барынямъ. Его иначе не величали въ этомъ высшемъ свѣтѣ, какъ prince à boucles noirs. И вотъ этотъ prince à boucles noirs проситъ руки у Натальи Петровны. Не долго думали родители о судьбѣ своей Natalie, и великолѣпные пригласительные билеты объявили высшему Петербургскому міру о бракосочетаніи ея сіятельства, княжны Натальи Петровны Однаруковой съ его сіятельствомъ, княземъ Анатоліемъ Григорьевичемъ Мухтомскимъ. Чрезъ нѣсколько времени Наталья Петровна потеряла родителей, но за то со смертію ихъ открыла въ мужѣ много новыхъ

достоинствъ. Разочарованіе, неразрывный его спутникъ, исчезъ, рука болѣе не подвязывалась черной лентой, свободно метала на право и на лѣво и еще свободнѣе брала стаканъ съ завѣтнымъ виномъ. Это новая пора жизни для нашей княгини, пора новой ея свѣтской дѣятельности. Двери въ ея пышные салоны отворяются для всѣхъ львовъ столицы, она рисуется предъ ними молоденькой дѣвочкой, только что вышедшей на свѣтскую арену, и долго, долго послѣ посѣщенія этихъ львовъ, она разсматриваетъ въ зеркалѣ морщинку, какимъ то чудомъ явившуюся на ея прекрасномъ лбу. Мужъ ея въ кругу своихъ друзей каждый день увеличиваетъ кушъ проигрыша и пріемъ шампанскаго; къ женѣ съ каждымъ днемъ является все болѣе и болѣе львовъ.

Наконецъ въ одинъ изъ такихъ soirées княгинѣ дали знать, что мужъ ея умеръ апоплексическимъ ударомъ за карточнымъ столомъ. Истерикамъ и крикамъ конца не было; съ головы до ногъ она облеклась въ черное сукно и судорожно кинула горсть земли на гробъ мужа. Послѣ похоронъ явились кредиторы ея мужа, тутъ-то она увидѣла свое бѣдствіе! Долговъ было такъ много, что всѣхъ Петербургскихъ домовъ, дачъ, приморскихъ виллъ едва ставало на уплату ихъ. Дѣлать было нечего, оставаться долѣе въ Петербургѣ нельзя; насмѣшливая улыбка явилась на лицахъ всѣхъ тѣхъ львовъ, которые въ бывшее недавнее время дорожили однимъ взглядомъ княгини. Все знакомое ей отвернулось отъ нея. И вотъ она, сошедши съ пьедестала столичнаго величія, ѣдетъ, ужасно вымолвить, въ дальнюю деревушку; изъ гордой львицы хочетъ сдѣлаться смирной сельской овечкой. Но можно ли и въ такомъ положеніи отказаться отъ прежнихъ взглядовъ на жизнь, отъ прежнихъ убѣжденій? О, конечно нѣтъ! Она везетъ съ собой въ деревню красавца управляющаго, родомъ Француза, который жилъ въ одномъ изъ лучшихъ парфюмерныхъ магазиновъ Петербурга. Къ чести Француза надо сказать, что онъ прекрасно выполнялъ всѣ обязанности, возлагаемыя на него великосвѣтскими барынями. За это собственно и взяла его съ собой Наталья Петровна въ деревню. Обширная ливрейная дворня распущена по оброку, одинъ красавецъ грумъ,

да горничная ѣдутъ раздѣлять съ своей госпожей тяжелое бремя скучной деревенской жизни.

— Таперича, воно-тка ужъ видать Красавино! кричалъ кучеръ, постукивая въ переднее окно кареты своими грязными пальцами.

— Что тебѣ? спросила желтая, та же дама, выглядывая изъ кареты.

— Видать моля село-то, вона ужъ и кургузую горку сейчасъ увидимъ.

— Не разсуждать, когда не спрашиваютъ.... Кургузая горка. Quelle cocoonnerie! ворчала княгиня, скрываясь въ каретѣ. Кучеръ, недовольный такимъ обращеніемъ, началъ еще сильнѣе бичевать лошадей.

— Ты русскъ свинь, смѣять безпокоить Княгинь, я тебѣ!... Не смѣть не говорить съ Княгинь, запальчиво кричалъ изъ кареты Французъ.

— Ладно моля, ладно! ворчалъ про себя кучеръ, не поворачиваясь и нахлобучивая на самые глаза шляпу.

Въ каретѣ настало молчаніе, изрѣдко прерываемое храпомъ Француза. Барыня тоже спала. Сторы въ каретѣ были опущены. Одна горничная бодрствовала. Она строила въ головѣ своей планы будущей жизни. Она была не дурна собой, одѣвалась барыней; лице не первой свѣжести говорило, что она много пережила, много перенесла въ жизни. По волѣ барской, вырванная изъ крестьянской семьи и обученная въ лучшемъ швейномъ магазинѣ Петербурга, она жила, какъ всѣ наши модистки. До глубокаго вечера она работала въ магазинѣ, вечеромъ выходила на Невскій проспектъ искать приключеній. Сначала страдало ея нравственное чувство, но потомъ успокоивалось на новомъ бурнусѣ, на новой шляпкѣ. Когда она сознала цѣну себѣ, поле такой дѣятельности казалось ей очень узкимъ. Она положила правыми или неправыми путями, но нажить деньги, откупиться, а потомъ жить на свободѣ. У ней прибавлялись только новые наряды, а основательнаго денежнаго фонда не было. Она ѣдетъ въ деревню для этихъ цѣлей, можетъ быть въ деревенской глуши она и успѣетъ что-нибудь сдѣлать. Нить ея размышленій прервалась остановившейся каретой.

— Матушка ты наша, Каталья Петровна, ваше сіятельство, не обезсудь, прими, матушка, нашу хлѣбъ-соль, раздалось подъ самымъ окномъ кареты. Княгиня подняла стору, выглянула изъ окна, толпы мужиковъ окружили карету; впереди всѣхъ стоялъ Кузьма Петровъ съ хлѣбомъ и солью, Наталья Петровна растерялась, ахнула, визгнула.

— Прочь, прочь, кричала она, мужики, бороды. Кучеръ пошелъ! Въ самомъ дѣлѣ какъ не испугаться,—ея сіятельству удалось увидѣть въ первый разъ до сотни бородъ вмѣстѣ?!!

Французъ, разбуженный крикомъ Княгини, проснулся и закричалъ на мужиковъ:

— Ви, о! Княгиня пугаятъ, я васъ будить. Кучеръ пошоль, ходи, ѣздитъ.

Карета запрыгала по колеямъ и оставила собравшихся на поклонъ мужиковъ въ самомъ странномъ положеніи.

— Эко поря, а?... Ну барыня, началъ одинъ изъ нихъ, примѣрно: бѣда! То есть хлѣба-соли не приняла на первый-то разъ. Да и что это братцы настранецъ-то, сросвенникъ что-ли?

— Какой сросвенникъ, управитель изъ нѣмцевъ! перебилъ его другой. Худо! продолжалъ онъ, разводя руками. Я тебѣ Кузьма говорилъ, что не слѣдъ встрѣчать ее за деревней, барскимъ дѣломъ измучилась дорогой-то. Будемъ говорить, встрѣтилъ-бы по приличеству, у крыльца, оно-бы превосходнѣе было. Кузьма долго молчалъ, онъ что-то соображалъ въ головѣ своей, наконецъ сказалъ мужикамъ:

— Не то вы, ребята, толкуете, все не то, покойника барина съ княгиней встрѣчали также, а ты смотри не туда, плохо намъ таперя. Управитель изъ настранцевъ, съ барыней въ одномъ кипажѣ сидить.... Пути не жди. Подемъ къ крыльцу.... Что не будетъ, а ужъ головы не сниметь!

Толпа повалила къ дому. Отъ мѣста встрѣчи до господскаго дому было не болѣе версты; карету уже распрягли, когда Кузьма съ крестьянами подошелъ къ крыльцу. Здѣсь собрались бабы съ полотенцами, ягодами и холстами. Имъ сдѣланъ былъ такой же пріемъ, какъ и мужикамъ. Французъ прогналъ ихъ всѣхъ, какъ только Княгиня въ сопро-

вожденіи горничной и грумма вступила на порогъ незнакомаго, но своего наслѣдственнаго, родоваго дома. Бабы обратились съ распросами къ Кузьмѣ, но этотъ не отвѣтилъ имъ и суровымъ возгласомъ: пошли по домамъ, заставилъ ихъ убраться во свояси.

Толпа мужиковъ безъ шапокъ стояла у крыльца, въ ней замѣтна была перѣшительность. Въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли кто охотно пошелъ бы на поклонъ послѣ такой встрѣчи. Миръ единогласно положилъ идти на поклонъ Кузьмѣ, на томъ основаніи, что онъ и староста, да и резонтъ свой имѣеть говорить. Въ первый разъ въ жизни Кузьма робко вступилъ на знакомое крыльцо барскаго дома, дрожащей рукой отворилъ дверь и скрылся за ней. Толпа не сводила глазъ съ этой роковой двери и въ молчаніи дожидалась возвращенія Кузьмы. Черезъ полчаса Кузьма возвратился; лице его носило еще болѣе обезпокоенный видъ; его чувство собственнаго достоинства такъ было глубоко оскорблено, что онъ рѣшился, вопреки своему обыкновенію, высказаться крестьянамъ.

— Ну, ребята, сказалъ онъ, и ума не приложу, какъ дѣлать, какъ быть?

— А что, что? спрашивала любопытная толпа. Подемъ къ домамъ, вы не шибко здѣсь. Вотъ какое дѣло-то: таперя мы примѣрно двадцать серебра съ души платили, барыня накинула еще по десяти рублей на душу. Я было туда, сюда; говорю, что больно мужички-то изобьются, обнищаютъ.... и, Господи! Управитель кинулся меня ругать.... не утаю ребята, шестой десятокъ доживаю, ни чьей руки на мнѣ кромѣ родительской не бывало, а управитель ударилъ....

— Ударилъ, ударилъ.... тебя, Кузьма Петровичъ? спрашивало нѣсколько голосовъ изъ толпы.

— Да, ребята, меня ударилъ. Изъ Нѣмцевъ, да этакъ безчинствуетъ, Богъ ему судья, старые-то князья окромя ласковаго слова ни чѣмъ не взыскивали, а этотъ.... Голосъ Кузьмы дрожалъ и прерывался.

— Вотъ что, Кузьма Петровичъ, началъ сѣдой мужикъ, съ открытымъ и добрымъ лицомъ. Мужикъ ты умный, при-

нялъ ты евакое безчестье за насъ, за всѣхъ, за вотчину, не введемъ тебя въ слово, выплатимъ, такъ-ли ребята?

— Резонтъ, такъ, такъ! Агаѳонъ Петровичъ, раздалось изъ толпы.

— Да какъ же и не платить-то, продолжалъ Агаѳонъ, власть управителя велика, а господская-то воля еще больше. Коли не правильно она требуетъ, такъ Господь на ней взыщеть, а мы потянемся, выплатимъ. Такъ-ли?

— Выплатимъ, выплатимъ!

— На томъ благодарю братцы, да вотъ еще какой приказъ: ни мнѣ, ни вамъ ко двору барскому отнюдь не ходить, а коли что надо, такъ горничную свою пришлетъ; а самъ, говоритъ онъ, ты и носу на господскій дворъ не кажи. Вотъ чего на старости выслужилъ, эхъ, ма! Окромя всего этого, вотъ еще какой приказъ: какъ есть, значить, всю лужайку отъ господскаго-то дома велѣли огородить, потому барынгъ наша борода претить, да! Кузьма размахнулъ руками.

— Эко дѣло, эко дѣло. Ну ребята, времена нонѣ пришли, говорилъ одинъ.

— Ты говори, все то не по родному, все то по новому.... вторилъ ему другой.

— Такъ подемъ, ребята, огородъ городить, сказалъ подумавши Кузьма.

— Подемъ, Кузьма Петровичъ, подемъ, батюшка.

Опустивши головы, широко разводя руками, мужички направились къ домамъ.

ГЛАВА V.

Хорошій обычай у нашихъ крестьянъ *пѣмочь*. Важное дѣло въ хозяйствѣ во время сжать траву, убрать хлѣбъ, подготовить землю къ посѣву. У инаго помѣщика силъ не хватить, народу мало, вотъ и зоветъ онъ сосѣдную вотчину въ праздникъ къ себѣ на помощь, на *пѣмочь*. Въ праздникъ на свою полосу работать не пойдетъ крестьянинъ, — Богъ не благословитъ его дѣло, земля не приметъ трудовъ его. Къ сосѣду-же идетъ съ охотой, потому что идетъ на доброе дѣло, на помощь, на *пѣмочь*. На такой-то помочи

были всѣ Красавицы. Баринъ, позвавшій ихъ, былъ добрякъ-помѣщикъ, не пожалѣлъ ни пироговъ, ни вина, ни пива для угощенія помощниковъ, или какъ ихъ называютъ въ простонародьи: помочниковъ. Досыта наѣвшись и напившись, до поту наработавшись, Красавицы, на закатѣ солнечномъ, возвращались домой. Парни, дѣвки и молодежи шли впереди, поодаль не много, старое поколѣнiе; всѣмъ было весело, всѣ были довольны. Извѣстно, коли Русскій мужикъ веселъ и доволенъ, то такъ и летитъ съ языка его пѣсня. Николка, съ неразлучной своей балалайкой, выступилъ впередъ, ударилъ по струнамъ и понеслось далеко по зарѣ:

Солнце на закатѣ,
 Время на утратѣ,
 Сѣли дѣвки на лужокъ,
 Гдѣ муравка и цвѣтокъ...

Сильный звучный голосъ Николая покрывалъ весь хоръ.

— Ну ужъ пѣвунъ, говорило между собой старое поколѣнiе, экой голосина-то, но-ли дрожъ пробираетъ, да и мастерь, не будь ему худо и пѣть-то. Ишь ты, ишь ты, какія колѣна откальваетъ, ровно соловей.

Съ такими пѣснями они подошли къ селу.

— Николка, не пой, дурачина, управитель заругаетъ, барыня-то пѣсенъ нашихъ не любитъ, говорила смазливая молодая бабенка.

— Гдѣ ей услышать, давеса съ управителемъ уѣхали въ кабрилеткѣ, по Волгѣ кататься, гдѣ ей услышать, не услышать! Валяй калину! отвѣчалъ съ жаромъ Николай.

Ватага поробнялась уже съ плетнемъ, отдѣлявшимъ бритый подбородокъ отъ небритаго, пѣсня такъ же шумно и далеко неслась. Вдругъ... все смолкло, какъ-будто въ одинъ моментъ все замерло — послышался стукъ ѣхавшей къ барскому дому кабриолетки. Безъ пѣсенъ подходили мужики къ своимъ домамъ и чрезъ полчаса улица опустѣла. Николаю сгрустнулось о прежней свободѣ, о прежнемъ раздолѣ; вышелъ онъ съ балалайкой передъ свой домъ и сѣлъ на завалинку. Его домъ былъ крайній и вслѣдъ почти за нимъ начинался барскій домовый садъ, если включить сюда также этотъ новый плетень. Сильно грустно сдѣлалось Николаю, онъ сна-

чала какъ-будто утѣшалъ себя, отгонялъ отъ себя тоску-кручину, потихоньку наигрывая наши простонародныя пѣсни, но потомъ опустилъ голову на руки и весь погрузился въ думу. Долго сидѣлъ онъ такъ; въ селѣ начали перелаяваться собаки, перекликаться безсонные сторожа-пѣтухи, и застучалъ въ чугунную доску при церкви кривой пономарь, сторожъ тожъ. Но вотъ онъ быстро всталъ, выпрямился, лице его приняло оживленный видъ, съ минуту онъ стоялъ, какъ-будто къ чему-то прислушиваясь, потомъ быстро побѣжалъ къ барскому плетню. За этимъ плетнемъ пѣла горничная Даша. Николай припалъ къ землѣ, чтобъ не быть замѣченнымъ и началъ вслушиваться въ незнакомые ему звуки романса. Даша владела свободнымъ легкимъ голоскомъ, она искусно управляла имъ. Николай впился въ нее взоромъ, ухо не проронило ни одного звука. Даша пѣла «матушку голубушку». Екало ретивое въ Ницколкѣ, ему хотѣлось подтянуть, но страхъ, что Даша перестанетъ пѣть, удерживалъ его. Онъ лежалъ, притаивъ дыханіе. Даша кончила. Николай вскопчилъ; его прекрасное лице носило слѣды внутренней тревоги, глаза блестѣли, онъ дрожалъ всѣми членами, ему хотѣлось изломать этотъ щедущій плетень, обнять, крѣпко обнять Дашу и упрямить ее еще разъ повторить пѣсню. Даша давно замѣтила его, даже прежде, нежели онъ сошелъ съ завалины. Она и пѣла въ томъ ожиданіи, что авось либо Николка-пѣвунъ, какъ звали его въ деревнѣ, обратитъ на нее вниманіе. Она торжествовала, видя, что Николай былъ пораженъ ея пѣсней. Теперь онъ мой, думала она, теперь попался въ западню, начало сдѣлано, смѣлѣй, смѣлѣй впередъ!

— Ахъ, кто это? вскричала Даша испуганнымъ голосомъ. А, а! продолжала она, перемѣняя тонъ. Куда это собрались съ балалайкой-то, или любезную утѣшать идете? Идите, идите, слезами облилась, чай, дожидаячи-то.

Николая сильно поразило то, что Даша, рѣдко удостоивающая однимъ словомъ кого либо, первая заговорила съ нимъ. Дарья Васильевна, думалъ онъ, чуть не барыня, ходитъ всегда въ шляпкѣ и первая начинаетъ говорить съ тѣмъ, кого вся деревня называетъ безпуткомъ, пѣвункомъ.

Такой чести не удостоивался и самъ Кузьма Петровичъ, пользовавшійся уваженіемъ въ деревнѣ, считавшійся первымъ мужикомъ въ околodкѣ. Николaй забылъ всякое чинoпочитаніе.

— Дарья Васильевна, родная моя, жизнь ты моя, говоришь-онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, спой ты мнѣ, коли я тебѣ не противенъ, еще разъ твою пѣсню.

— Какъ бы другихъ утѣшать не ходили, такъ бы спѣла, а то много и безъ меня найдется пѣсельницъ-то. Ступайте къ любезной-то, чего ждете, отвѣтила горничная, какъ бы съ упрекомъ, подобрала складки своего бѣлаго кисейнаго платья и мелкой рысцой побѣжала къ дому. У Николая застучало въ вискахъ. Богъ съ тобой, напраслину взводите на меня Дарья Васильевна, нѣтъ у меня никакой любезной.

Даша, какъ будто, не слыхала его отвѣта и продолжала бѣжать, рисуясь передъ Николаемъ своей гибкой таліей, чего положительно Николай не замѣтилъ. Онъ стоялъ до тѣхъ поръ, пока въ послѣдній разъ среди зелени мелькнуло бѣлое платье.

— Эхъ ты горе! сказалъ онъ, и скорыми шагами пошелъ туда, куда часто Русскій мужикъ тащить съ себя послѣднюю рубашку.

— Водки! закричалъ онъ, съ шумомъ захлопывая за собой закоптѣвшую дверь кабака.

— Давай деньги, за водкой дѣло не станетъ, холодно возразилъ тучный цаловальникъ.

— Деньги? сказалъ Николай подумавъ, нѣтъ со мной денегъ.

— Что-жъ ты фофономъ-то сюда ходишь, куда безъ денегъ и дороги нѣтъ, замѣтилъ тотъ-же тучный господинъ въ красной астраханской рубашкѣ.

— Вотъ тебѣ кафтанъ, давай штофъ! Николай снималъ съ плечь одежду. Цаловальникъ, не смотря на видимую тучность и неподвижность, быстро перескочилъ прилавокъ и началъ разсматривать кафтанъ. Кафтанишко-то не больно того!... промычалъ онъ, прищуривая лѣвый глазъ. Такъ значить вовся, или выкупишь.

— Не знаю.... насилу вымолвилъ Николай и сѣлъ на лавку у грязнаго стола.

Черезъ минуту *зелье*, какъ называютъ наши непьющіе мужики простое вино, явилось на столѣ. Николай судорожно схватилъ штофъ и налилъ полный стаканъ вина, залпомъ выпилъ онъ его и не поморщился, за этимъ послѣдовалъ другой, за вторымъ третій и четвертый, на сердцѣ сдѣлалось какъ бы легче, глаза же помутнились.

— Все, сказалъ онъ, оборачивая дномъ штофъ.... все! Охъ ты горе, мое гореваньице. Онъ всталъ изъ-за стола, ноги писали мыслете; насилу пробрался онъ къ дверямъ и ощущалъ скобку.

— Что-жь выкупишь, аль нѣтъ? сурово спрашивалъ хозяинъ кабака.

Николай остановился, какъ-будто что-то соображая, но потомъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ въ воздухъ и вышелъ на улицу.

— Чтобъ тебя прорвало! привѣтствовалъ своего гостя при выходѣ тотъ же господинъ, который при всей своей тучности, такъ ловко перепрыгнулъ черезъ прилавокъ. По улицѣ раздавалась исковерканная пѣсня: матушка голубушка. Ее пѣлъ Николай; измѣняли ему и голосъ и память, а на сердцѣ послѣ минутнаго облегченія сдѣлалось еще тяжелѣе. Улица была пуста. Никто не видалъ Николая, только съ барской террасы раздавался смѣхъ, смѣялась же Даша надъ пьянымъ Николаемъ. У самыхъ воротъ Кузьминой избы встрѣтила Николая мать. Аграфена замѣтила, что сынъ хмѣленъ и робко подошла къ нему.

— Что ты эвто Николаюшка, съ какихъ ты эвто горей, а? говорила она. Подь, батюшка, сосни въ сараѣ, ночь-то теплая.

Николай отправился было по направленію къ сараю, но мать остановила его.

— А гдѣ у тебя кафтанишко-то?

— Тамъ, сказалъ Николай неопредѣленно, указывая рукой въ ту сторону, откуда многозначительно глядѣла выразительная на длинномъ шестѣ елка.

— Гдѣ тамъ? али въ кабакѣ забылъ?

Николай и на это отвѣтилъ своимъ односложнымъ тономъ.

— Заложилъ, а, заложилъ? добивалась мать.

— Т-а-а-мъ! невнятно и съ сердцемъ вымолвилъ Николай.

— Эко дѣло, эко дѣло, Бога только въ тебѣ нѣтъ, ну большакъ-то узнаеть, да онъ тогда и меня-то съ тобой, безстыжій ты человѣкъ. Будеть-ли въ тебѣ путь, когда ужъ изъ дому потащилъ.

Николай стоялъ опустивши голову и руки.

— Ж-ж-жетъ вотъ подъ самымъ подъ сердцемъ, т-тя-неть.... ну выпилъ, прррости ты меня.

— Ну, ну родной мой, говорила мать, глядя сына по спинѣ, подъ сосни, може легче будетъ, за много-ли ты заложилъ-то, за штофъ, что-ли.

— Д-да! горько сказалъ Николай.

— Подъ сосни.... а я выкуплю у него, у злодѣя, а то на утре отцу скажетъ.

Николай поплелся въ сарай.

— Эки дѣла, эки дѣла. Гляди коли этотъ толстый-то съ меня цѣлковаго не возьметъ. Охъ, ужъ родитель, отецъ своимъ дѣткамъ; нѣтъ чтобы сыну разгуляться праздничнымъ дѣломъ гривенникъ далъ. Какъ малому и не тосковать. Бѣжать выкупить, охъ горя, горя, говорила сама съ собой Аграфена и пошла въ избу достать денегъ на выкупъ кафтана.

ГЛАВА VI.

Грустно, безотрадно тянулось для Николая дни за днями. Не выходилъ онъ, какъ бывало прежде, въ хороводъ, ежедневно собиравшійся въ ближнемъ селѣ, не прохаживался тамъ молодцомъ, не выкидывалъ колѣнца на удивленье всѣмъ плясунамъ и плясуньямъ, а грустно опустивши голову, шелъ вечеромъ съ работы и до поздней ночи сидѣлъ на своей завалинѣ, вперивши взоръ въ барскій садъ.

— Что Миколаха съ тобой, ровно ты самъ не свой, говорили ему иногда дѣвки, возвращаясь съ работы. И گوشу-то не слышать.

— Такъ, ничего, холодно отвѣчалъ Николай.

— Какъ такъ! говорили кто побойчѣй.

— Знамо дѣло, что съ така ничего не прѣключается.

Ну споешь Лучину, може разоидется и подтянетъ.

Ошибались сельскія красавицы при звукахъ знакомой ему деревенской пѣсни, его лице принимало еще болѣе болѣзненный видъ и не одинъ разъ онъ незамѣтно исчезалъ изъ этой веселой толпы.

— Удивленье да и только, что съ парнемъ сдѣлалось! Этакой-то веселый, да этакой-то бойкій, да вдругъ!...

— Обошли, обошли, сглазили!...

— Надо полагать, что такъ. А парень-то.... этакого парня-то поискать!

Такъ тужили дѣвушки о перемѣнѣ, происшедшей въ Николай. Спустя недѣли двѣ послѣ разговора съ Дашей, Николай, возвратясь домой съ сѣнокоса, сидѣлъ по обыкновенію на завалинѣ. Въ деревню пригнали скоть; хлопотливыя крестьянки выбѣгали на встрѣчу стаду, чтобъ загнать въ клева своихъ буренокъ, лысенокъ. Мальчишки схватывали за рога упирающагося барана и тащили домой. Блеянье коровъ, овецъ раздавалось по улицѣ, имъ вторили пискливые крики крестьянокъ и рѣзко раздавался щелкъ пастушьего кнута. Николай ничего не видалъ и не слышалъ этого, въ колѣняхъ у него лежала коса, которую онъ клепалъ, готова къ утренней росѣ; но его не занимала эта работа, онъ исполнялъ ее машинально, мысли его носились около барскаго дома.

— Подъ ужинать! вскричала надъ головой Николая мать, высовывая половину своего лица въ окошко.

— Ёшь-те, я не хочу, отвѣтилъ Николай, не подымая головы.

— Какъ не хочешь, подь, родитель-то осерчаетъ.

— На что серчать.... ёшь-те, я не хочу. Окошко захлопнулось; опять Николай началъ справлять свою косу, постукивая молоткомъ по лезвію ея. Онъ не замѣтилъ, какъ приблизилась къ нему Даша. Одѣтая въ бѣлое кисейное платье, съ голубымъ цвѣткомъ въ черныхъ волосахъ, она была очень не дурна изъ дали. Играя зонтикомъ, она шла

той особенной походкой, какой ходятъ столичныя дамы, не имѣющія фамилій, а извѣстныя только по своему имени и отчеству. Тихо подкравшись къ самой завалинѣ, она ударила въ ладоши надъ самой головой Николая, послѣдній вздрогнулъ и поднялъ глаза.

— А испугались!... что это съ вами и голосу-то не слышать, люди пѣсни поютъ, а вы молчите, ровно монахъ, все въ землю смотрите,—кокетливо, скороговоркой, произнесла Даша.

— Здравія желаемъ.... Дарья Васильевна, выговорилъ не безъ волненія Николай, вставая съ завалины и снимая шляпу.

— Я къ вашему за дѣломъ, гдѣ Кузьма-то?

— Въ избѣ.... ужинаютъ. Николай пожиралъ ее глазами.

— А у васъ апетиту нѣтъ! сказала проницески Даша. Что-жъ или и въ домъ не пустите, на улицѣ стоимъ, прибавила она.

Николай, какъ вѣжливый кавалеръ, поспѣшилъ отворить верота, Даша впорхнула туда, онъ послѣдовалъ за ней. Войдя въ избу, Даша преобразилась въ *чуть не барыню*, въ гордую Дарью Васильевну. Кузьма и Аграфена встали изъ за стола и отдали ей по низкому поясному поклону. — Барыня велѣла тебѣ сказать, чтобъ ты завтра нарядилъ когонибудь въ садъ, траву по газонамъ обкосить, да смотри, чтобъ не въ рубашкѣ, а въ кафтанѣ пришелъ, а то у васъ въ рубашкахъ ходятъ, намъ противно это видѣть.

— Слушаю, матушка, Дарья Васильевна, слушаюсь.

— То-то слушаюсь, да чтобъ одѣлся не въ лохмотья, помни-же!

— Очень хорошо, матушка, говорилъ Кузьма кланаясь. Не устали-ли, матушка, присядьте, а то сотоваго медку не повелишь-ли покушать, я тотчасъ на пчельникъ сбѣгаю.

— Гдѣ у васъ сидѣтъ-то, вся выпачкаешься, эки диваны понадѣланы! говорила она, съ пренебреженіемъ указывая на лавки.

— Ужъ извѣстно, дѣло мужицкое, изба матушка.

— То-то изба.... дай-ка вотъ лучше огонька, папирску закурить. Смерть курить хочется!

Кузьма полезъ въ печку.

— Еще богачами зоветесь, а спичекъ нѣтъ, эхъ вы чернотѣлые!

— Да, это точно, спички-то перевелись, а въ городъ-то не удосужусь съѣздить. Даша закурила папироску.

— Такъ часовъ въ восемь пришли къ намъ. Она направилась къ двери, толкнула ее сначала рукой, потомъ ногой, дверь не подавалась.

— Что у васъ, или выпуску нѣтъ, отворите двери-то.

— Тотчасъ! сказалъ подвигаясь отъ стола Кузьма, но Николай предупредилъ его. Даша дернула его за кафтанъ, переступая избной порогъ. Николай понялъ это и вышелъ въ сѣни.

— Приходите косить-то! Такъ ужъ и быть спую пѣсню, лукаво сказала она и вышла за ворота. Даша скорыми шагами направилась къ барскому дому. Николай, и потомъ вышедшіе мать и отецъ долго провожали ее глазами.

— Ишь ты, говорилъ Кузьма, указывая на нее головой, ровно барыня. Съ зонтикомъ и эвту соску-то курить, а отецъ-то тоже гдѣ ни на есть земледерь, эхъ ма!

— И не говори отецъ, поддакивала Аграфена. Тетка Акулина, что помы у нихъ мыла, сказываетъ, что чу на фортоплясахъ играетъ ровно барыня.

— Миколка, а Миколахъ, обратился Кузьма къ сыну, слышь, что ровно глухой стоишь, снарядишь утромъ-то, да поди въ господской-то садъ.

— Ладно! какъ бы не-хотя сказалъ Николай, въ душѣ у него сдѣлалось какъ-то отраднѣе и сердце сильнѣе забилося въ груди.

— Ослободи ты его, робко сказала Аграфена, больно управитель-то озорливъ, не....

— Пустое!... возразилъ Кузьма. Подемъ-те спать.

Заскрипѣли ворота и семья ушла на покой.

ГЛАВА VII.

Садъ при домѣ княгини Мухтомской носилъ на себѣ характеръ угрюмый. Онъ, какъ и всѣ отживающіе свой вѣкъ старинные барскіе сады, производилъ грустное впечатлѣніе. Густолиственные клены, старыя размашистыя липы, плачу-

ція березы съ самой земли и до листьевъ были обвиты повилкой, непроницаемой земной стѣной сплелися акаціи, завалились опавшимъ листомъ дорожки, густая крапива и твердый лопухъ явились на цвѣточныхъ клумбахъ, кой гдѣ только среди нихъ выказывалъ свою фіолетовую головку колокольчикъ, да порожала краснотой стойкая рожа. Въ сторонѣ, какъ остовъ какого-то допотопнаго звѣря, стояли развалившіяся оранжерей и, сквозь чащи деревьевъ, глядѣли сѣрыя отъ времени, разбитыя статуи. Во всемъ этомъ садѣ такъ и отражается та пустая безцѣльная барская жизнь, ничего не оставляющая послѣ себя, кромѣ запустѣнія и разрушенія.

Съ ранняго утра Николай былъ уже въ этомъ саду. Въ черномъ кафтанѣ, съ сверкающей по росистой травѣ косою, онъ казался какимъ-то страшнымъ злымъ духомъ, который явился въ садъ съ цѣлію отнять его послѣднее украшеніе,— срѣзать до корня его густо зеленую сочную траву. Николай часто оглядывался по сторонамъ, часто прислушивался, но ничего не видалъ и не слыхалъ. Трещали въ травѣ кузнечики, взвизгивала коса, прорѣзывая траву, да изрѣдко звенѣла она, ударяясь о камень. Но не смотря на эту тишину, Николай не переставалъ прислушиваться; вотъ почувся ему въ сторонѣ, какъ будто шелестъ платья. Онъ уперся косою въ землю и долго смотрѣлъ по направленію къ барскому дому. Опять все смолкало. И съ какимъ-то особеннымъ нетерпѣніемъ начиналъ онъ подрѣзывать траву и сильнѣе взвизгивала коса и шире ложились пласты скошенной травы. Даша давно уже слѣдила за Николаемъ, она сидѣла въ мезонинѣ дома и изъ за неплотно прикрывавшей оконной сторы видѣла все, что дѣлалось въ саду.

Выйти, или нѣтъ? думала она.

Нѣтъ пусть дольше помучится, больше цѣнить меня будетъ; а вѣдь не дурень, только мужикъ.... вотъ что.... безъ понятій, въ грязи весь, а отецъ говорятъ богатъ, очень богатъ. Вслѣдъ за этой послѣдней мыслию, воображеніе ея унеслось далеко, на Неву. Вотъ она видитъ Невскій проспектъ съ двумя рядами блистающихъ магазиновъ; она несетя, развалиясь въ коляскѣ съ душкой гусаромъ, вотъ ей

клянются мимо летящіе уланы, кавалергарды, все съ сіятельными титулами, она преграціозно киваетъ имъ головой, вотъ она подѣхала къ своему дому, ливрейный слуга высаживаетъ ее изъ кареты и она съ легкостію птички взлетаетъ по отлогимъ ступенямъ мраморной лѣстницы, съ верху до низу уставленной тропическими растеніями, въ великолѣпномъ будуарѣ ее встрѣчаетъ горничная, а теперь.... я сама горничная, вотъ проснется желтая красавица, закричитъ: подай туфли, подай-то, подай другое, а чѣмъ я ее хуже, развѣ тѣмъ, что крѣпостная-то. Погоди, буду вольная, увидишь! вслухъ сказала Даша и не безъ сердца пошла на звукъ колокольчика, раздавагося изъ комнатъ княгини. Звонитъ, бормотала она сквозь зубы, вотъ и возись съ ней часа два! Погоди, буду вольная, сама лучше тебя буду, хошь ты и княгиня!

А Николай съ возрастающимъ нетерпѣніемъ дѣлалъ свое дѣло, уже ему осталось обкосить послѣднюю лужайку, въ головѣ его роились такого рода мысли: неужли она забыла, что обѣщалась выдти, неужли она издѣвается, смѣется надо мной; нѣтъ, быть не можетъ, она любитъ меня; еслибъ не любила, съ чего бы вдругъ она стала говорить со мной; всѣ называютъ меня безпуткомъ, пѣсенникомъ.... нѣтъ, она любитъ меня,.. а красота-то какая, экой красоты и не видать миѣ никогда, сами барышни ужь лучше то не бываютъ. Да коли она меня любитъ, то я за нее голову сложить не задумаюсь. Рядъ его размышленій прервался мелькнувшимъ платьемъ; Николай бросилъ косу, но не пошелъ на встрѣчу Дашѣ, ноги не слушались его, съ языка не сходило ни одного слова. Николай стоялъ въ той смѣшной со стороны позѣ, въ какой видишь новичка солдата, забывшаго было снять фуражку при встрѣчѣ съ грознымъ начальникомъ. Подошедши къ Николаю, Даша проговорила скороговоркой: моя то заболѣла, ужь на лугъ выходите, на Волгу къ стогамъ, теперь нельзя. Она круто повернулась отъ него и, скрываясь въ густыхъ акаціяхъ, крикнула Николаю: до свиданія! Она обернулась, чтобъ взглянуть на Николая на террасѣ; замѣтивши, что косарь стоялъ въ томъ же положеніи, она насмѣшливо улыбнулась. Не замѣтилъ Николай этой

улыбки, онъ былъ счастливъ, что ему удалось посмотрѣть красавицу Дашу, слышать, если не ея пѣсню, то ея рѣчи. А эта красавица давно уже была на своей обсерваторіи мезонинной и громко хохотала надъ смущеніемъ Николая. Веселѣе забѣгала коса по зеленому лугу и чрезъ полчаса Николай былъ уже дома. Веселый и покойный дожидаясь вечера, возвратился онъ въ село. Отецъ и мать сидѣли уже за столомъ, когда взошелъ Николай.

— Что обкосилъ? спросилъ отецъ, отрѣзывая толстый ломоть чернаго хлѣба отъ коровая, лежащаго на столѣ.

— Обкосилъ! отвѣчалъ Николай, вѣшая на гвоздикъ шляпу. Вслѣдъ за этимъ онъ подошелъ къ лахани, надъ которой висѣлъ о трехъ горлышкахъ глиняный умывальникъ, всплеснулъ себѣ на руки немного воды, обтеръ ихъ о грязное полотенце и сѣлъ къ столу около матери.

— Управителя не видалъ? спросилъ Кузьма.

— Гдѣ его видѣть-то, не видалъ, отвѣчалъ Николай.

Семья начала управляться съ варевомъ. Каждый разъ, проглотивши съ громкимъ фырканиемъ ложку щей, всѣ клали ложку на столъ вверхъ дномъ и отламывали по объемистому куску хлѣба, поглаживая или бороду или волосы.

— Ну, началъ Кузьма, когда на желудкѣ было не совсѣмъ пусто. Таперя ты у меня одинъ, мать стара стала домомъ заправлять, надо молодую хозяйку въ домъ. Ты дурь свою изъ головы выбрось вонъ, пора тебѣ жениться. Я ужъ сватовъ засылалъ, согласье на то есть, вотъ сѣнокосъ кончимъ, поѣдемъ невѣсту смотрѣть, я за тебя прочу Герасимову дочь, богатая невѣста.

— Батюшка, помилуй ты меня... отъ женитьбы я не прочь, барскаго приказу тутъ нѣтъ, повремени хошь маленько, дай мнѣ моей холостой жизнью пожить, говорилъ убѣдительно и сильно Николай.

— Что? али опять началъ блажить, ты у меня смотри, своей холостой жизнью жить, али опять въ бѣги захотѣлось. Барскаго приказу нѣтъ, мой есть, сурово и грозно сказалъ отецъ.

— Супротивъ твоего приказу, батюшка, я не пойду, а на томъ прошу, повремени. Николай поклонился отцу въ ноги. Аграфена послѣдовала его примѣру.

— Нечего временить! спокойно возразилъ Кузьма. Ты что еще разрюмилась, али бы въ зыбкѣ тебѣ все сына-то качать; говорю, что жениться пора, такъ значитъ надо. Не шестнадцатый годокъ, слава Богу.

— Воля твоя, сказалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ Николай, а я не женюсь.

— Что-о? Не женишься-а? Да какъ ты смѣешь родителю-то такъ говорить. Ты у меня смотри, я съ тобой много возиться не стану, супротивничать почнешь и въ солдаты уйдешь.

— Куда хошь, а я не женюсь, твердо сказалъ Николай и отошелъ отъ стола.

— Такъ я тебѣ говорю, родительскимъ словомъ своимъ приказываю жениться. Не послушаешься, въ тѣ поры я въ себѣ не воленъ. Слышишь, я тебя не пожалѣю, запальчиво произнесъ Кузьма, брови его сурово сдвинулись.

— Власть твоя, сказалъ Николай и сѣлъ задумчиво въ дальній уголъ избы, Аграфена съ горькими слезами бросилась къ мужу въ ноги.

— Радѣльщикъ, Кузьма Петровичъ, пожалѣй ты свое дѣтище малое, гдѣ ему мужнпнымъ дѣломъ заправлять, дай ему годокъ, другой справиться, парень и не Герасимовой дочери такъ понравится, что онъ еще ровно какъ малое дѣтище, за собой углядѣть не можетъ, не то что за женой.

При подобныхъ сценахъ Кузьма дѣлался молчаливъ и холоденъ. На всѣ слезы и просьбы онъ ничего не отвѣчалъ, и Аграфена, наплакавшись вволю и нажалобившись, отходила къ сторонѣ, подпиралась рукой и, изрѣдка всхлипывая, отирала глаза передникомъ. Онъ держался и въ настоящемъ случаѣ той же тактики. Когда жена отошла отъ него, онъ всталъ съ лавки, взялъ съ палатей шапку и уже подошедши къ самой двери, сказалъ повелительно и сурово: пошелъ на работу, ничего сиднемъ-то сидѣть! Вслѣдъ за этимъ захлопнулась дверь и въ избѣ остались Аграфена и Николай. Всклипыванья матери тяжелымъ камнемъ лежи-

лась на сердце Николаю и сильнѣе овладѣвала имъ тоска. Вотъ, думалъ онъ, отняли у меня свободу, связали мою волюшку, да и теперь хотятъ отнять послѣднее дорогое для меня — мою холостую жизнь. Не отдамъ я ее такъ, лучше въ солдаты уйду, а не разстанусь съ ней.

— Что, Миколаюшка, дѣлать-то, говорила Аграфена, подходя къ сыну, не перечь родителю, покорись ему, знаешь онъ какой, себя не пожалѣть. Николай думалъ, что по крайней мѣрѣ мать на его сторонѣ, но теперь горько разочаровался; онъ увидѣлъ, что и она поддается влиянію Кузмы, боясь навлечь гнѣвъ его на весь домъ.

— Да что я въ правду ему достался, ровно у меня своего ума нѣтъ, не ему жениться-то, а мнѣ, кошь бы сначала поспрошалъ: по нраву ли дескать невѣста-то, а то прямо и въ церковь.

— Ты говори!... отвѣчала мать. Ужь у него нравъ такой, голова своему дому, что захочетъ, такъ не перечь. А ужь ты, родной, покорись воли родительской, знамо дѣло, что жениться то не охота, да что дѣлать-то.

— Богъ съ нимъ! съ родителемъ, сказалъ съ горечью Николай, снялъ съ гвоздика шляпу и направился къ дверямъ.

— Такъ какъ-же родной? говорила вслѣдъ ему мать, али положилъ жениться то?

— Ну-у! неопредѣленно сказалъ Николай, и вышелъ изъ избы.

— Вотъ сынъ-то, такъ сынъ! Подай ему Господи. Хорошъ отецъ, ровно ему господа приказъ отдали женить.... Э, эхъ! Грѣхи людскіе, со вздохомъ говорила Аграфена, прибирая крохи со стола послѣ обѣденной трапезы.

ГЛАВА VIII.

На лугу, прилегающемъ къ Волгѣ съ одной стороны и Красавину съ другой, двигалась чья то фигура; тѣнь отъ нея въ громадныхъ размѣрахъ ложилась на сжатой травѣ и какъ будто спорила своей громадностію со стогами, которые неподвижно стояли среди луга и въ темнотѣ казались какими-то черными, какъ бы изъ камня выбитыми конуса-

ми. Фигура эта то скрывалась за стогами, то опять выходила изъ за нихъ; движенія ея были порывисты, въ нихъ проглядывала и робость и нетерпѣніе. По тѣни ясно можно было замѣтить, что фигура мужская; всякій узналъ конечно въ ней Николая. Ускоренно билось его сердце, какая-то дрожь временемъ пробѣгала по его тѣлу и кровь бросалась къ головѣ. Онъ былъ уже съ часъ на лугу, а Даша все еще не показывалась. Вечеръ былъ чудный июльскій. Сѣнокосъ былъ на исходѣ, на лугу благоухало сжатимъ сѣномъ. Обнаженные стожиры уже начали закутываться въ свою травяную зимнюю шубу и стоги мало по малу поднимали свои верхушки все выше и выше. Отрадно послѣ деннаго жара кинуться, въ прохладный июльскій вечеръ, на это благоуханное сѣно, когда уже все спитъ въ деревнѣ, когда небесныя свѣчи зажгутся въ вышинѣ, какъ бы въ замѣнъ той дымопламенѣющей лучины, которую тушить труженикъ крестьянинъ, отходя ко сну. Все мертво тогда въ деревнѣ, не крикнетъ утка на болотѣ, не пролетитъ по дымящейся туманомъ рѣкѣ куликъ, не трещатъ въ сжатой травѣ кузнечикъ, не жужжать, не летаютъ роями комары по воздуху, не шелеститъ береза и не шумитъ не сжатая нива, все тихо и мирно. Въ одинъ изъ такихъ-то вечеровъ, именно въ тотъ, въ который Николай поджидалъ на лугу свою Дашу, въ барскомъ Красавинскомъ домѣ уже потухли огни; въ одномъ крайнемъ окошкѣ дрожалъ свѣтъ, пробиваясь сквозь опущенную стору, падалъ свѣтлой полосой на куртину сирени, но и онъ померкъ. Ясно, что огонекъ свѣтился въ комнатѣ Даши, которая наряжалась, собираясь выдти на лугъ. Черезъ нѣсколько минутъ около барскаго плетня показалась Даша. Николай вздрогнулъ, онъ замѣтилъ ее, холодный потъ выступилъ по всему его тѣлу. Въ походкѣ Даши не было замѣтно робости и волненія. Она шла очень плавно, не оглядываясь ни назадъ, ни по сторонамъ. Она была увѣрена, что ее никто не замѣтитъ, да еслибъ и замѣтили, то не бѣда; она Дарья Васильевна, кто-же смѣетъ чтонибудь сказать про нее дурное, вѣдь она не Николка-безпутокъ, она *чуть не бариня*. Николай не смѣло шелъ къ ней на встрѣчу.

— Дарья Васи... Дарюша... неужто вы... неужто ты гля... меня вышла. Голосъ Николая прерывался, онъ сбивался въ разговорѣ то на вы, то на ты, то на Дарья Васильевна, то на Дарюха.

— Да для васъ, отвѣчала Даша, устремляя такой страстный взглядъ на Николая, отъ котораго бы растаялъ ледъ изъ львовъ.

— Дайте мнѣ вашу руку, я гулять хочу. Николай хотѣлъ было обнять ее, но Даша оттолкнула его рукой и гордо сказала: вы забываетесь, если вы станете вольничать, то я сейчасъ ухожу.

— Дарья Васильевна, Даша, не уходи, радость вы моя, умоляющимъ голосомъ просилъ Николай.

— То-то-же! Ну, давайте руку. Николай протянулъ во всю длину свою могучую руку и не понималъ, зачѣмъ понадобилась Дашѣ именно рука, а не что нибудь другое.

— И руки-то подать не умѣете! сказала она насмѣшливо и потомъ показавъ, какъ подаютъ руку *въжливой* дамѣ, какъ выразилась она, пошла гулять съ нимъ подъ руку. Уродливо держалъ Николай Дашину руку, онъ напоминалъ собой барича-провинціала, котораго столичный танцмейстеръ иностранецъ училъ танцовать трудные па изъ качучи.

Они пошли къ берегу Волги.

— Что вы скучны? спросила Даша своего ловкаго кавалера.

— Эхъ, Дарья Васильевна, бѣда моя пришла, отецъ женить хочетъ.

— На комъ это? какъ бы съ участіемъ спросила Даша.

— И говорить-то не охота.... За Герасима плотника дочь, то есть противность и глядѣть-то на нее.

— Ну что-же, счастливо заживете, плотникъ богатъ, одна дочь, не сегодня, такъ завтра умереть, все вамъ достанется. Жена полюбитъ васъ, вы красавецъ! съ ироніей произнесла Даша.

— Не смѣйся надо мной Дарья Васильевна, какая ужъ тутъ любовь, рожа-то ровно лукошко, да и слова сказать не умѣеть. Эхъ Даша, Даша! т. е. какъ я увидѣлъ тебя, съ

тѣхъ норъ ровно мнѣ весь свѣтъ опостыглъ, спокую себѣ сыскать не могу.

— Повѣрь вамъ!... можетъ вы и плотниковой-то дочери прежде тоже говорили, а теперь и противна стала. Известно, мы дѣвушки, за насъ не кому вступиться, съ поддѣльной наивностію говорила Даша.

— Не такъ ты смѣкаешь обо мнѣ Дарья Васильевна, може не то что!.. Одинъ Богъ вѣдаетъ! Николай отеръ слезу.

— Всѣ мужчины на одинъ покрой. Я тоже любила одного офицера улана, а ужъ онъ-то вотъ точно вы любезень, на пистолетахъ хотѣлъ за меня драться, да въ тоже время другой предложеніе сдѣлалъ и женился. Знаемъ мы, что мужчинамъ нужно! Даша лгала, она никогда никого не любила, да врядъ ли и могла любить. Она знала, живши въ Петербургѣ, не одного, а многихъ офицеровъ и если это она называла любовью, то она была права, она дѣйствительно любила.

— Противень знать я тебѣ, Дарья Васильевна!... Да за тебя я голову радъ сложить, да коли ты любишь.... меня! Онъ не окончилъ рѣчи, голосъ его дрожалъ и прерывался.

— Не вѣрю, сказала Даша и отняла свою руку отъ руки Николая.

Деревня осталась далеко назадъ. Одна широкая, тихая Волга, да мѣсяцъ съ своими звѣздами—подругами были свидѣтелями этого разговора. Вдалекѣ видѣлись на горизонтѣ огоньки, разложенные на судахъ, да свѣтлыми точками видѣлись фонари, зажженные на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были клинута якоря отъ судовъ. Даша сѣла около самой рѣки на камень, картинно драпируясь въ складкахъ своего платья. Николай всталъ въ сторонѣ и грустно смотрѣлъ на тихую Волгу. Даша оглянулась назадъ, село еле видно было вдалекѣ. Она запѣла пѣсню, чтобъ рѣшительнѣе дѣйствовать на впечатлительную натуру Николая. Она пѣла всѣмъ известнѣйшій романсъ, который въ настоящее время не раздается въ устахъ свѣтскихъ красавицъ, а по праву наследства въ большомъ ходу среди модистокъ, горничныхъ и

особаго рода дамъ, которымъ нѣтъ имени въ печати. Она пѣла: «онъ меня разлюбилъ, онъ меня погубилъ!» Звуки далеко летѣли по Волгѣ и дальній лѣсъ вторилъ высокимъ нотамъ романса. Даша кончила. Мелкой дробью разнеслось по воздуху «онъ меня погубилъ» и сосновый лѣсъ глухимъ эхомъ откликнулся на этотъ послѣдній стихъ. Съ дикой восторженностію кинулся Николай цѣловать Дашу, забывши всякое чинопочитаніе. — Ахъ, Боже мой! Что это вы, что это вы, је не реух рас, говорила Даша, впрочемъ не высвобождаясь пока изъ его объятій.

— Радость, жизнь ты моя, счастье, говорилъ Николай, цѣлуя ее. Выдь ты за меня замужъ, слуга я твой вѣрный буду...

— Этого нельзя! перебила его Даша, вырвавшись изъ его объятій. Прощайте.

— Постой, — не уходи Даша, молви ты мнѣ, противенъ я тебѣ, не любишь ты меня.

— Нѣтъ... Я люблю тебя, но что-же дѣлать, мнѣ надо выкупиться, выкупиться и тебѣ, а у насъ нѣтъ денегъ; а такъ барыня не выдастъ меня за тебя. Прощайте!

— Неужто ты меня любишь..., стой Даша..., молви мнѣ, любишь ты меня?

— Да я люблю васъ, люблю сильно, но что же дѣлать? Достань денегъ на выкупъ, тогда я твоя.

— Да я вотъ какъ опоясала этого, ночи не стану спать, работать стану, съ голоду помру, да достану, скоплю денегъ на выкупъ.

— Нѣтъ этого долго ждать... Да и не выработаешь; барыня мнѣ сказала, что она меня такъ любитъ, что меньше за одну меня, безъ семьи, двухъ тысячъ серебромъ не возьметъ. Возьми у отца, отецъ дастъ тебѣ. Николай опять цѣловалъ и обнималъ Дашу.

— Онъ не дастъ, скряга эдакой. Охъ родитель, изсушилъ ты меня! съ какой-то подавленной злобой сказалъ Николай.

— А не дастъ, такъ самъ возьми, сказала Даша, незамѣтно подходя и сядя на тотъ же камень. Николай при-

легъ ей на колѣни, она разбирала руками его русыя кудри, а онъ ловилъ эти руки и жадно цѣловалъ ихъ.

— Какъ взять-то? Сговоришь ли съ нимъ. Украсть? выговорилъ Николай и самъ испугался своего слова.

— Ужь и украсть! спокойно произнесла Даша, развѣ у отцевъ воруютъ. Ты одинъ у него, у тебя не должно быть съ нимъ ничего дѣленаго, вѣдь умереть, такъ все тебѣ пойдетъ. Возьми потихоньку самъ, я тебя выкуплю у барыни, цѣлые дни мы съ тобой пѣсни будемъ пѣть, уѣдемъ въ Петербургъ, то-то заживемъ.

— Нѣтъ Даша, взять невозможно, это украсть выходятъ, у родного отца украсть.

— Вы меня не любите, пустите меня, живите да радуйтесь съ своей плотничихой, а мнѣ видно всю свою жизнь тосковать придется. Она закрыла глаза руками и притворно рыдала. Въ Николаѣ происходила борьба, чувство любви боролось съ чувствомъ чести.

— Радость ты моя,... Господи, согрѣшилъ я, говорилъ съ участіемъ Николай. Да не реви родная! Онъ взялъ изъ рукъ ея платокъ.

— Не любишь ты меня, Богъ... съ тобой, всхлипывая перебила его Даша.

— Богъ видитъ, какъ я люблю тебя Даша, да что мнѣ дѣлать-то.

— Я вамъ ужъ сказала.

— Да какъ взять то? Украсть—грѣхъ, совѣсть зазритъ, такъ онъ не дастъ. Научи ты меня, какъ мнѣ сдѣлать-то это? Николай взялъ было ее за руку, но Даша вырвала свою руку и сказала:

— Прощайте, теперь все кончено, я вижу чего вамъ отъ меня надо, больше мы не увидимся! Она зарыдала и скорыми шагами пошла по направленію къ деревнѣ. Николай стоялъ съ минуту, какъ будто прикованный къ одному мѣсту; холодный потъ выступалъ мгновенно по всему тѣлу и вслѣдъ за тѣмъ его бросило въ жаръ. Вотъ онъ судорожно бросился вслѣдъ за Дашей и остановилъ ее.

— Радость ты моя, скажи ты мнѣ то есть передъ истиннымъ Богомъ, любишь ты меня, аль нѣтъ. Побожись ты мнѣ.

— Люблю, ей Богу люблю, отвѣчала она, устремляя на Николая свои томные глаза; голосъ не измѣнилъ ей, она сказала это «ей Богу» такъ, что болѣе опытный человѣкъ и лучше знающій сердце женщины, чѣмъ Николка, не усумнился бы въ справедливости этихъ словъ.

— Ну! вскричалъ Николай рѣшительно, пропадай моя голова совсѣмъ; видно мнѣ на роду такъ написано. Жди меня здѣсь Даша, я скоро ворочусь. Онъ обнялъ Дашу и цѣловалъ ее долго, долго, какъ будто съ этимъ долгимъ поцѣлуемъ укрѣплялась въ немъ его рѣшимость. Даша не противилась теперь, она напротивъ крѣпко прижала его къ своей груди. Николай бѣгомъ пустился къ селу.

Есть разнаго рода радости; инымъ изъ нихъ и названія нѣтъ, но онѣ все таки радости. Радуется мать при встрѣчѣ съ сыномъ, котораго долго не видала, своей особой, материнской радостію. Не перечестъ видовъ радости, они иногда неуловимы; но все это благодатныя, добрыя радости. Есть-же такія радости, которыхъ лучше еслибъ и не было, при воспоминаніи о которыхъ сердце обливается кровью и волосъ стоитъ дыбомъ; но къ несчастію, онѣ существуютъ и существуютъ во всей страшной дѣйствительности. Это злодѣйскія радости. Ими радуется разбойникъ, среди дня убившій человѣка, воръ, обобравшій цѣлый домъ, гдѣ на каждомъ шагу онъ могъ наткнуться на спящаго. Этого же рода радость овладѣла и горничной, какъ только Николай рѣшился на преступленіе. Она глядѣла вслѣдъ бѣгущему Николаю восторженно—адскимъ взоромъ, лице ея покрылось отвратительной улыбкой и когда Николай скрылся, она даже вспрыгнула, погладила сама себя по головѣ и даже проговорила: «умница Даша, теперь ты будешь барыней, ты стоишь быть барыней». И опять въ воображеніи ея запестрѣли и Невскій Проспектъ и магазины и гусары и турецкія шали и брюссельскія кружева и чего, чего только ей не снилось на яву.

Черезъ часъ воротился Николай. Мѣсяцъ озарялъ его блѣдное лице, самъ онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Ни слова не говоря, онъ подалъ Дашѣ засаленный, толстый кожаный бумажникъ. Проворно развязала Даша веревочку

бумажника и увидѣла кучу сторублевыхъ ассигнацій, глазки ея забѣгали. Она бросилась наивно на шею къ Николаю.

— Вѣрно, вѣрно, говорила она, что ты меня любишь, мы теперь будемъ, должны быть счастливы.

Николай обнялъ ее и они скрылись за крутымъ поворотомъ Волги.

Раздался легкій плескъ воды. Даша кинула туда пустой бумажникъ. Опять настала тишина, изрѣдко прерываемая поцѣлуйми *двухъ страстно и искренно влюбленныхъ!*

ГЛАВА IX.

Звонили въ Красавицкой сельской церкви ко всенощной. Колоколь гудѣлъ и созывалъ православную крестьянскую братію на молитву. Чистый воздухъ позволялъ далеко разноситься по Волгѣ этому отрадному гулу. Ласточки вились надъ колокольней, прорѣзывая воздухъ по различнымъ направлѣніямъ. На паперти собиралась толпа калѣкъ и нищихъ, старичекъ священникъ съ большимъ посохомъ прошелъ въ церковь, отъ деревень густыми толпами валлъ народъ. Вотъ подошелъ къ церкви дѣдушка Еремей, безродный старикъ бобыль, благоговѣнно снялъ ошь на паперти шляпу, дунулъ на свои исхудалыя руки, отеръ ихъ о зеленую траву и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, вошелъ въ церковь, прося у Господа христіанской кончины. А вотъ за нимъ съ такими же чувствами проходила въ церковь цѣлая семья. Впереди шли незамужнія дѣвушки и неженатые парни, ведя за собой босоногихъ племянниковъ и племянницъ, за ними въ молчаніи шли парни съ женами, а сзади всѣхъ, въ раздумьѣ, брела чета ихъ родителей стариковъ. И благодарили старики Господа, что Онъ сподобилъ ихъ увидѣть свое племя на возрастѣ, которое они воспитывали на пользу, утѣху боярскую, да на подкрѣпленіе себѣ при старости лѣтъ. Не забыта была и пища братья, всякій почти входящій одѣлялъ ихъ по силамъ своимъ отъ потовыхъ трудовъ своихъ. Не одна вдовицына лепта упала на оловянное церковное блюдо и не было тутъ фарисейской молитвы. Колоколь замолкъ, однѣ ласточки не переставали щебетать и кружиться около колокольни.

Послѣ всѣхъ къ храму подошелъ Николай. Не тверда была его поступь, глаза не смотрѣли прямо и чисто, какъ бывало прежде, да и лице не носило уже того прежняго откровеннаго характера, вызывающаго на довѣріе и расположеніе съ первой встрѣчи. Онъ какъ то осунулся въ это время. Блѣдное лице, глаза, опущенные въ землю и изрѣдка, боязливо посматривающіе по сторонамъ, наклоненная, какъ бы сваливающаяся съ плечъ голова, руки, опущенныя вдоль тѣла, брови, туго сдвинутыя на лбу, все это производило непріятное впечатлѣніе и съ перваго взгляду уже говорило, что у парня не чисто на душѣ. И маялся не мало Николай послѣ преступнаго вечера; дня два онъ не могъ уснуть, ему грезилось то, что его гонять въ колодкахъ среди арестантовъ какимъ то снѣжнымъ, безлюднымъ полемъ, а въ сторонѣ слышится веселый звонкій смѣхъ Даши, то сама Даша подходила къ нему съ пожемъ въ рукахъ и говорила, что она зарѣжетъ его, а сама уѣдетъ въ Петербургъ съ другимъ, потому что онъ воръ, преступникъ. Отецъ замѣчалъ перемѣну въ парнѣ и не однажды говорилъ ему: ты у меня, смотри, не чуди, плохо будетъ, я своей крови не пожалѣю. Не одинъ разъ плакала Аграфена у ногъ Кузьмы и просила освободить Николая отъ напасти, но кромѣ холоднаго молчанія ничего не выплакивала у своего мужа. Цѣлая недѣля прошла послѣ перваго свиданія Даши съ Николаемъ, послѣдній часто вечеромъ подходилъ къ барскому плетню, и хоть бы на смѣхъ когда вышла Даша въ садъ, отвела пѣсней душу Николаю. Ей было не до него, — она въ это время хлопотала о своей свободѣ. Барыня, по ея просьбамъ, согласилась за пятьсотъ рублей дать ей вольную. Тѣмъ охотиѣ княгиня давала эту вольную, что въ послѣднее время она какъ то случайно, а можетъ быть и не случайно, услышала черезъ чуръ дружескій разговоръ между ей и Французомъ, что, безъ сомнѣнія, оскорбило ея личное, княжеское расположеніе къ послѣднему. Въ то самое время, когда Николай вступилъ на наперть церкви, Даша приняла изъ рукъ княгини законный актъ на полученіе свободы. Робко взошелъ Николай въ церковь, на душѣ у него сегодня было особенно непокойно, онъ предчувствовалъ что-то

не доброе. Онъ всталъ позади почти всѣхъ у окна, выходящаго на Волгу, предъ нимъ на церковномъ столбѣ висѣлъ образъ Феодоровской Божіей Матери, особенно чтимой въ К...ской губерніи. Онъ не поднималъ глазъ на эту икону. Сельское церковное пѣніе своими старыми, безискусственными напѣвами производитъ въ душѣ отрадное впечатлѣніе, успокоительно дѣйствуетъ на мірскую душу; но въ душѣ Николая сильнѣе бушевала тоска, въ черныхъ, погребальныхъ краскахъ возставалъ въ воображеніи его совершенный имъ поступокъ. Молитва далеко была отъ него и онъ не рѣдко обращалъ свой взоръ на гладкую Волгу. Ему показалось, что вдали на берегу, у самаго лѣса Даша, идущая подъ руку съ управителемъ, онъ подумалъ не дьявольское ли это навожденіе и сталъ пристальнѣе всматриваться. Вотъ они сѣли около того же камня, гдѣ нѣкогда сидѣлъ Николай, они объ чемъ то любовно толкуютъ, Даша обнимаетъ управляющаго, управляющій ее, они идутъ къ крутому повороту рѣки. Вскипѣла вся кровь въ Николаѣ, онъ схватилъ валящуюся въ ногахъ шляпу и почти выбѣжалъ изъ церкви.

— Безпутокъ, безпутокъ и есть, говорила одна старуха-колотовка другой. Обѣ онѣ были съ барскаго двора, а потому имъ не было уему и въ церкви, какъ говорили про нихъ въ деревнѣ. — Много-ли разъ рожу-то перекрестилъ и помотритъ-то ровно во-оръ, прости Господи! Старуха положила земной поклонъ.

— Не говори, matka, отвѣчала ея пріятельница, какъ ему и не тужить-то. Варюха-то плотникова, разѣ что изъ себя-то толста, а то не больно, чтобы рукодѣльщица, не находка для Миколахи-то, какъ ему и не тужить, супротивъ воли женить хотять.

— Да чѣмъ бы Варюха-то не жена, еще вотъ разе убѣжить да пьянствовать станеть, безпутокъ! Согрѣшила я грѣшная, прости Господи! И старуха опять клала земной поклонъ.

— Отецъ приневоливаетъ, а...

— Нишкни! возразила ей по тихоньку пріятельница. Батюшка кадитъ идетъ. Обѣ старухи начали усердно класть

поклоны. Старичекъ священникъ прошелъ мимо ихъ, старухи поклонились ему въ поясъ; когда же священникъ отошелъ къ другимъ богомольцамъ, разговоръ возобновился.

— А ли-моль Кузьма - то приневоливать, спрашивала первая старуха.

— Нешто отецъ. Да парень-то больно озорливъ. Почить, умѣй будетъ. А то ну-ка matka, несу я о запрошлымъ лѣтомъ съ барскаго огорода, картошку съ огорода, а ужъ вечерѣло, только я какъ вышла, а онъ какъ ухнетъ надъ самымъ-то ухомъ, ровно вѣдь лѣшій ухнулъ, прости Господи... старуха положила земной поклонъ, — весь картофель-то разыскала, а онъ стоитъ да хохочетъ.

— Ты говори, озорливъ, озорливъ, неча сказать.

Вдругъ предъ окончаніемъ всенощной раздался набатъ. Ай Господи согрѣшили! разнеслось по церкви. Міряне кинулись къ дверямъ, старухи, бабы и мальчишки плакали и голосили, смятеніе произошло общее, крики, плачь, давка въ дверяхъ паперти. Толпа выбѣжала изъ церкви и смотрѣла на деревню, деревня была какъ на ладони, но ни дыму, ни пламени не видно было надъ ней. Толпа остановилась.

— Эй ты коса! кричалъ одинъ изъ мужиковъ кривому пономарю, который съ какимъ то особымъ артистическимъ наслажденіемъ билъ въ большой колоколъ. Глухарь! Слышь, что ты съ пьяна, чтоль, ей слышь!

— Миколка, старостинъ сынъ, тонетъ, кричалъ во всю глотку пономарь съ колокольні.

— Ой ли? гдѣ? спросили нѣсколько голосовъ вдругъ.

— У лѣсу, въ косахъ, въ Волгѣ.

— Ты видѣлъ?

— Ась, что?

— Видѣ-ѣлъ моль ты, видѣ-ѣлъ, кричалъ одинъ голосистый мужикъ, самъ что-ль видѣлъ?

— Власевна прибѣгала, говоритъ, батюшки говоритъ, тонетъ! Да опять и побѣжала къ Волгѣ.

Мужики пустились бѣгомъ, за ними ихъ жены и во все горло ревѣли мальчишки, не могущіе быстротой ногъ похвалиться съ матерями. Впереди всѣхъ бѣжалъ Кузьма, на немъ лица не было, на бѣгу онъ оборачивался и зады-

хающимся голосомъ говорилъ толпѣ: братцы, не отставайте, радѣльщики, поскорѣй, ой согрѣшилъ я! Може откачаемъ, поскорѣй, родные! Не отстанемъ Кузьма Петровичъ! отвѣчали въ толпѣ и ватага неслась къ Волгѣ. Отъ церкви до Волги было добрыхъ версты двѣ. Какъ разъ на половинѣ дороги Кузьма встрѣтилъ Власьевну; толпа на минуту при-остановилась.

— Гдѣ тоиеть-то, гдѣ? спрашивалъ Кузьма.

— Утонулъ ужь... Согрешили! отвѣчала Власьевна, старуха низенькая, сморщившаяся и полуглухая, она утирала слезы своимъ грубымъ снннмъ передникомъ.

— Да гдѣ, гдѣ утонулъ-то онъ? съ нетерпѣніемъ спрашивалъ Кузьма.

— Вдругъ батюшка, вдругъ, стою это я...

— Да въ коемъ мѣстѣ онъ въ воду-то упалъ, рѣзко и поспѣшно спросилъ Кузьма.

— Глуха я стала нонѣ, Кузьма Петровичъ.

— Охъ ты старая! Побѣжимъ ребята, отъ нее ничего не узнаешь.

Мужики побѣжали, а бабы окружили Власьевну, и по-бабьему любопытству начали ее спрашивать. Власьевна, какъ старуха, обрадовалась, что ей предстоитъ говорить и что ее будутъ слушать, а старухъ рѣдко кто слушаетъ, начала свой разсказъ съ полнымъ старческимъ женскимъ краснорѣчіемъ, т. е. сопровождала его вздохами, оханьями, утираньемъ слезъ и т. д.

— Стою я это, матки мои, у ключа, воды хотѣла ве-дѣрки принести къ утрею, а молодуха-то въ церковь ушла; только стою я это усамого-то у ключа; вдругъ, матки мои, вдругъ, Миколка-то, это по горѣ-то, по обрыву бѣжитъ, лица на немъ пѣтъ, — измеръ весь. Охъ, матушки, къ лѣсу-то подбѣжалъ это онъ, а я смотрю; да молитву читаю; ужь очень онъ страшенъ изъ себя. Безъ шапки, волосы-то растрепаны, ахъ! Въ лѣсу-то въ тѣ поры Французъ съ Дарьсей Васильевной гулял; только подбѣжалъ онъ къ нимъ, да какъ на Дарью-то Васильевну замахнется: погубила, говоритъ, ты меня! Да еще ровно бы что сказалъ, да недо-слышала я, глуха нонѣ стала. Та знаемо — дѣло женское,

звизгнула, да за Француза-то и спряталась. А онъ ровно помѣшанный, добѣжалъ до бугорка-то, глазаща-то выпучилъ.... ахъ, страшный такой. Добѣжалъ до бугорка-то, перекрестился, да въ Волгу. Только его и видѣли! Эхъ бѣды, бѣды! Раза два вышырнулъ, да видно въ косы-то попалъ и затащило и пошелъ ко дну; такъ у меня и въ глазахъ потемнѣло. Я что не есть духу къ церкви-то побѣжала, чтобъ Кузьму то повѣстить, да ужъ моченьки моей иѣтъ; благо, что Василій пономарь встрѣтился на дорогѣ, ему ужъ я и молвила, онъ видно народъ-то и сколотилъ.... Вотъ и сижу здѣсь отдыхаю, а сплушки-то и иѣтъ до Волги-то добѣжать посмѣтрѣть, какъ они его ловить-то, бѣднаго, стануть.

— Парень-то какой, а? Неумолила видно Аграфена у Господа. И Васюха-то померъ, да и этотъ-то! говорила плотная, красная баба, напоминающая собой лубочныя картинки съ подписью внизу: «Красавица Бобелина.»

— Ты говори, видно ужъ планда такая у него Господня на роду положена. Безталанный ужъ онъ такой.

— Ну озорливъ былъ, ужъ такой-то облай, что и Господи!

— Ну matka, знамо дѣло молодой парень, батька-то у него крутъ былъ, что чай Миколай-то не жилъ, ласкова слова отъ него не слыхалъ. А что Аграфена-то реветъ?

— Знамо, чай, реветъ. Варюшка побѣжала къ ней въ домъ молвить ей объ ея эвдакомъ горѣ.

— Бѣжать посмѣтрѣть, какъ они Миколаху-то искать будутъ.

Бабы забыли и Власьевну и Аграфену и пустились къ Волгѣ. Онѣ прибѣжали на берегъ, въ то время, когда Кузьма съ двумя мужиками сидѣлъ въ лодкѣ и кидаль неводъ, взятый у ближнихъ рыбаковъ. Грустно сидѣлъ Кузьма на днѣ лодки, онъ обвинялъ себя въ томъ, что можетъ быть принужденіе къ женитьбѣ заставило Николая утопиться.

Неводъ закипули, толпа дружно потащила его къ берегу.

— Ничто тяжело идетъ! говорилъ одинъ мужикъ.

— Гришка клади неводъ-то! собирай, да мотрите, какъ вы-тащите, на земь-то не кладите, а то не откачаешь, на руки прймай, слышь? кричалъ рыбакъ изъ лодки.

Ладно! отвѣчали громко съ берега.

— Ну, православные, ну, разомъ, ну, ну-у! кричалъ коренастый мужикъ, изо всѣхъ силъ таща неводъ.

Наконецъ показалась мошня, въ ней лежалъ трупъ Николая. Среди бабъ, стоявшихъ на берегу, слышались рыданія. Мужики приняли на руки трупъ Николая и сильно качали его изъ стороны въ сторону. Страшенъ былъ трупъ Николая. Волосы, облѣпившія блѣдное лицо его, открытые на выкатѣ глаза, искривленный неприятно ротъ вызывали невольно трепеть. Кузьма стоялъ предъ трупомъ молча, онъ не въ состояніи былъ произнести ни слова; онъ весь замеръ въ одномъ желаніи, чтобъ сына откачали. Долго качали мужики Николая, но никакого признака жизни не открыли въ немъ.

— Что ребята, видно ужъ Божій онъ слуга, не откачать намъ его, ужъ такой онъ. знать безталацный, не положить-ли, говорилъ одинъ изъ качавшихъ.

— Ну вотъ ужъ и уморился, покачаемъ, може и отрыгнетъ, говорилъ другой.

— Гдѣ отрыгнуть, слышалось въ толпѣ, не отрыгнетъ, безъ мала часъ качаемъ.

— Батюшки, братцы, родные, выговорилъ Кузьма, будьте отцы, откачайте. Самъ бы помогъ — силушки моей пѣть. Миръ честной потрудись! Староста упалъ въ ноги народу.

— Полно Кузьма Петровичъ, грѣхъ тебѣ. Сама рады бы были, кабы отошелъ. Покачать покачаемъ: Блѣднѣе и блѣднѣе становился Кузьма, когда терялась всякая надежда на возвращеніе къ жизни Николая, укорачивалось его дыханіе и щемило его грудь, но слезы не облегчали его горя. Наконецъ мужики молча положили трупъ на землю и отошли къ сторонѣ.

Въ толпѣ слышалось: мать бѣжитъ, мать! Аграфена, безъ платка на головѣ, съ растрепанными волосами бѣжала къ народу. Какъ увидѣла она трупъ своего дорогаго: безталаннаго Николая, такъ и упала на него безъ чувствъ.

Бабы наострили уши, мужики молча стояли и почесывали затылки.

— Даромъ, что ровно полоумная прибѣжала, а не голоситъ, говорила одна колотовка-старуха.

— Эка прытка больно, вишь ты, знамо материнское дѣло, замерла. Погоди, заголосить.

Въ самомъ дѣлѣ чрезъ нѣсколько минутъ раздался ужасный истеричный вопль Аграфены: батюшко, родной ты мой, безталанный сынъ, на кого ты меня покинулъ горькую, загубилъ тебя не злой ворогъ, загубилъ тебя родитель твой, ужъ какъ стану я жить безъ тебя безталаннаго, ужъ не мигъ мнѣ свѣтъ, не мила мнѣ жизнь. Опять на Аграфену напало безчувствіе. Во все время причитанья, она то обнимала холодный трупъ сына, то кидалась ему головой на грудь, то прижимала его голову къ своей груди.

— Уведите ее, родную, уведите, что дѣлать-то, всѣ мы подь Богомъ ходимъ, говорила изъ толпы рыдавшая старуха.

Двое сосѣдей Кузьмы подняли было Аграфену и хотѣли отнести домой, но она въ эту минуту пришла въ себя, съ силой вырвалась изъ ихъ рукъ и опять бросилась къ трупу.

— Убей ты меня горькую, заголосила мать, своей крови губитель, для своего сына не родитель, а разбойникъ злой. Охъ, мой батюшко, мой безталанный сынъ, загубилъ тебя не разбойникъ злой, загубилъ тебя твой родной батюшко, одноутробный твой. И зачѣмъ ты, мой любезный сынъ, не вымолвишь слова, голоса, погляди глазкомъ на свою матушку горькую. Мужики подошли и съ силой оттащили Аграфену отъ сыновняго трупа. Металась въ рукахъ ихъ Аграфена, съ смертію сына потерявшая всю цѣль своего земнаго существованія. Долго раздавались ся отчаянные истерическіе крики, хотя мужики отвели ее далеко отъ Волги. Кузьма долго безъ всякаго движенія стоялъ предъ трупомъ Николая, потомъ началъ молиться земно на церковь. Толпа тоже сняла шапки и молилась вмѣстѣ съ нимъ. Наконецъ онъ благословилъ сына, поклонился ему и побрелъ домой, еле передвигая ноги. Толпа послѣдовала за нимъ. Мужики разводили руками, выбрали изъ среды себя ка-

раульщиковъ трупa, по приказу управляющаго, который нарочно для этого прислалъ верховаго, и въ молчаніи шли другъ возлѣ дружки домой. Бабы же не переставали толковать между собой.

— Ну ужъ, матка, Аграфена мастерица выть и про сына-то она и про отца-то и про себя-то, мастерица! говорила баба.

— Вѣдь какъ и не ревѣть-то и не выть-то, на одномъ-то году, да сколько горя-то: одного Богъ взялъ, а другой самъ на себя руку поднялъ, вторила первой другая.

— А онъ-то Николаха, подхватывала третья, и ротъ-то перетянуло и глаза-то ровно ложка.... а и то молвить, жаль, безталанный, какъ есть безталанный.

Ушли и бабы. Разгорался костеръ, который разложили не вдалекѣ отъ трупa караульщики, чтобы охотнѣе было сторожить. Шумѣлъ валежникъ въ сосѣдномъ сосновомъ лѣсу, небо закуталось тучами, Волга плескалась на берега, и этотъ шумъ откликался въ лѣсу. Огонь освѣщалъ какимъ-то фантастическимъ свѣтомъ сѣдыхъ караульщиковъ, съ длинными дубинами, которыми запаслись они на случай волковъ, ибо здѣсь ихъ водилось не мало. Блѣдное лице мертвеца среди ночи и при огнѣ, казалось еще блѣднѣе, глаза сильнѣе блестяли, съ искривленнаго рта казалось такъ и слетитъ болѣзненный крикъ. Ужасная, страшная картина. Пускай тухнетъ скорѣй этотъ костеръ, пускай скорѣй закроютъ рогожкой тѣло утопленнаго и пускай мракъ ночи скроетъ отъ глазъ эту картину, да не подумаютъ, что мало вѣры въ загробную жизнь въ нашемъ мужикѣ.

ГЛАВА X.

— Пусти меня, слышь пусти, не то.... Да пусти — и! Блѣдный, съ сверкающими глазами, ломился Кузьма въ залъ княжескаго дома. Ливрейный мальчишка изъ всѣхъ силъ старался удержать его.

— Куды ты, куды, говорилъ онъ визгливо, аль очумѣлъ, въ барскій залъ ломишься, что тебѣ надо, ея сіятельство васъ къ себѣ не приказала допускать. Уйди! А не то я доложу, что тебѣ надо.

— Слышь, говорю, пусти, безпремѣнно надо саму княгиню видѣть.... слышь.

— Не пущу! азартно сказалъ лакей, вставая въ дверяхъ на подобіе буквы Х.

— Что тамъ такое? Пустить, кому меня надо? слышался изъ гостиной голосъ Натальи Петровны; мальчишка обратился мгновенно въ десятиричное и Кузьма взошелъ въ залъ.

— *Qu'est ce que c'est? Что это значить?* изумленно вскрикнула Княгиня. *Monsieur Adolphe, venez-ici plus vite, plus vite!*

— Ваше сіятельство! матушка, Наталья Петровна, помилуй... Обокрала, матушка, она Дарья Васильевна, обокрала, вотъ и сына сгубила и обокрала. Двадцать лѣтъ твоей милости вѣрой и правдой служилъ; яви Божескую милость, отыми у нее деньги, нищій вѣдь я, матушка, нищій, твой вѣрный слуга, матушка. Кузьма валялся въ ногахъ у княгини, слезы невольно текли по его грубымъ щекамъ.

— *O, mon Dieu! monsieur Adolphe, monsieur Adolphe!* Что это! почти кричала гнѣвная княгиня.

— Вотъ и платокъ ея, матушка, ваше сіятельство, какъ обирала-то съ моимъ-то безпутнымъ, зная вмѣстѣ и его поясъ, матушка; въ анбарѣ напелъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и деньги-то у меня лежали, вотъ и оставили они это. Отыми у ее деньги, матушка.

— *Adolphe, Adolphe!*

— *Toute suite, toute suite!* откликнулся французъ и бисро вбѣжалъ въ комнату. Онъ былъ изумленъ не менѣе княгини. *Quelle explication! c'est le second Don Juan!* сказалъ онъ насмѣшливо!

— *Quelle audace!...* ломая руки, говорила княгиня.

— Пошелъ вонъ! а ты, смѣить, я тебѣ будить, ходи, сейчасъ!

— Матушка, ваше сіятельство, не вставая съ колѣней, говорилъ Кузьма, разсуди меня.

— Тебѣ говорить, поди вонъ! гордо сказала княгиня.

— Ну, барыня, не великъ я человекъ, а большой ты

дашь отвѣтъ за меня Господу. Я что, я.... голосъ его прервался.

— Хадить! Тебѣ изнанка ворочать будить! вонь!

— Уйду, сударь, уйду. Подай вамъ Господи милости Божеской! сказалъ гордо Кузьма и вышелъ изъ лакейской.

На слѣдующее утро наѣхалъ изъ уѣзднаго городка судъ; тѣло вскрыли и, по словамъ доктора, у него видны были нѣкоторые признаки легкаго помѣшательства. Резолюція суда послѣдовала такая: погребсти умершаго, цѣло отдать на волю Божию и донести о семъ начальнику губерніи.

Кому не извѣстна наша Нижегородская ярмарка? Если кто не бывалъ на ней, то, по крайней мѣрѣ, слышалъ объ этомъ милліонѣ торговаго народа, съ утра до вечера бряцающаго серебряными, золотыми, мѣдными деньгами, съѣхавшагося сюда не только изъ всѣхъ мѣстъ Россіи, но изъ Бухаріи и Франціи, Персіи и Англіи, Америки и Китая, Бельгіи и Арменіи. Врядъ ли гдѣ встрѣтится такая разноплеменность, разнохарактерность народностей. Вся эта масса разноплеменностей сталкивается, сближается, толкуеть, дружится, ссорится, шумитъ, беретъ задатокъ и распиваетъ могарычь, божится и ругается, объѣдается и голодаетъ.... и все это дѣлается во имя пріобрѣтенія, вездѣ цѣль личнаго обогащенія. И въ какихъ разнообразныхъ формахъ проглядываетъ эта цѣль! Вотъ тянется на Сибирскую пристань десятковъ шесть арбѣ; лѣнивый Чумакъ хладнокровно покривляется гопъ, какъ будто онъ не въ Нижнемѣ, а только вышелъ изъ своей хаты послѣ обѣда. Что везешь? спрашиваютъ вы его; — изюмъ или орѣхи! отвѣчаетъ вамъ онъ. А за чѣмъ? Продать. А вотъ въ главномъ домѣ, ловкій французикъ, своимъ милымъ обращеніемъ привлекаетъ къ себѣ десятки покупателей дамъ и сбываетъ провинціалкамъ втридорога французское дрянцо; на площади, въ нарочно выстроенныхъ балаганахъ, висятъ разнообразныя вывѣски: тутъ и Судъ Царя Соломона, показываютъ и Синопское сраженіе и движущуюся картинку рѣки Мисиссипи, тутъ же разныя панорамы, діорамы и Олимпійскіе цирки и самокаты; а въ сторонкѣ гдѣ нибудь расвѣщикъ прилѣпился съ своей передвижной панорамой, и за мѣдную гривну, моритъ

со смѣху гримасами и прибаутками десятокъ мальчишекъ. А по плашкотному мосту летятъ сотни экипажей и слышатся только крики казаковъ; легче, легче! И снуетъ по этому мосту народъ, точно муравьи изъ раззореннаго муравейника, а фонарные столбы сверху до низу оклеены разнообразными объявленіями: здѣсь виднѣется и театральная саженная афиша, и такса на извозчиковъ и объявленіе отъ вывѣснаго живописца и о *бесплатномъ* леченіи всѣхъ заблѣвающихъ на ярмаркѣ, какимъ-то докторомъ. И грустно, что все это дѣлается ради капитала, ради денегъ!

На самомъ бойкомъ, людномъ мѣстѣ, у входа на плашкотный мостъ, съ образомъ на груди и книжкою въ рукахъ, стоялъ сѣдой, какъ лунь старикъ. Лице его, изрѣзанное глубокими морщинами, говорило о сильныхъ душевныхъ потрясеніяхъ. На построеніе храма Святителя Николая! смиренно кланяясь въ поясъ, говорилъ онъ каждому проходящему. И падали на эту книжку то копѣйка, то гривна, вынутая изъ кожанаго, кошелька или просто изъ-за сапожнаго голенища грязной и грубой рукой. Рука же, зятанутая во французскую перчатку, не протягивалась сюда. Она не могла положить маленькій вкладъ, потому что была въ перчаткѣ, да къ тому же во французской, большія же пожертвованія она берегла для общественной благотворительности, болѣе официальной.

— Откелева дѣдушка? спрашивалъ сборщика проходившій мимо старичекъ купецъ.

— Издалека, родной! отвѣчалъ тотъ.

— А какъ примѣромъ?

— Да верстъ сотъ шесть будетъ безъ мала, изъ села Стракова.

— Издалека, знать по обѣщанью?

— По обѣщанью кормилецъ, сыновній грѣхъ замаливаю.

— Благослови тебя Господь! Помяни Ивана.

На книжку упалъ золотой, купецъ пошелъ своей дорогой, старикъ перекрестился съ такимъ же точно чувствомъ, съ какимъ молился, получая истертую семитку.

Такъ вотъ къ чему привели Кузьму невозвратимая по-

теря сына и кровью нажитое крестьянское богатство, вот где онъ нашель отраду и исцѣленіе своему больному сердцу.

На самомъ загородѣ Нижняго, въ торговомъ тоже своего рода селѣ Кунавниѣ, до сихъ поръ стоитъ сѣрый, заброшенный, старый каменный домъ. На длинномъ доскутѣ жести съ трудомъ можно разобрать надпись: «Гостиница Новой Свѣтъ и блины пекутъ». Въ этотъ грязный Новый Свѣтъ по вечерамъ стекаются мелкіе торговцы, чтобъ распить въ пріятельскомъ кругу паръ пять пива, потѣшиться, усладить сердце крѣпкимъ національнымъ. Изрѣдка забѣжитъ сюда купеческій сынокъ, заставляющій всѣхъ присутствующихъ чувствовать нѣкоторый страхъ, смѣшанный съ уваженіемъ, значительнымъ возгласомъ: подюжины Редерёру!

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, въ Нижегородскомъ Новомъ Свѣтѣ раздавались звуки органа. Трое полупьяныхъ прикащиковъ сидѣли за столомъ и предъ ними, неистово размахивая руками, пѣли дребезжающимъ, разбитымъ голосомъ, цыганскую пѣсню, желтая, исхудалая, изнеможенная женщина, лѣтъ подъ сорокъ, ей аккомпанировалъ на шпичьемъ органѣ старикъ шарманщикъ.

— Важно! Даша, спой еще «Мальбрукъ въ походъ поѣхалъ», больно оно чувствительно, говорилъ одинъ прикащикъ.

— Дашь ли еще полтинничекъ, да водочкой угостишь?

— Поднеси ей рюмку водки! Вотъ тебѣ полтинникъ.

— Душка, какой ты добрый! сказала Даша и нагло протянула руку за этимъ полтинникомъ и еще наглѣе выпила залпомъ, не поморщившись, рюмку простой водки. И опять неистово замахала она руками и опять запѣла своего «Мальбрука». Неужели это наша Даша? Куда же дѣвались ея пышныя мечты о полуосвѣщенномъ будуарѣ, о блестящихъ магазинахъ, гусарахъ и рысакахъ? Онѣ улетучились вмѣстѣ съ ея потерянной, стцвѣтшей красотой, вмѣстѣ съ прожатыми Николая деньгами.

■ ■ — т — х — нъ.

ПТИЧКА.

Есть у птички клетка; позолотой яркой
Блещутъ ея стѣнки. Подъ высокой аркой

На шнуркѣ шелковомъ, зеленью увита,
Къ потолку рѣзному клетка та прибита.

Есть у птички много и воды и сѣмя.
Каждый день служанка, наблюдая время,

Кормъ перемѣняетъ въ клеткѣ ручкой бѣлой
И сосудъ хрустальный наливаетъ цѣлый.

Птичку-фаворитку барыня лелѣетъ,
Собственнымъ дыханьемъ ея носикъ грѣетъ.

Гладитъ нѣжный пальчикъ, перья, чуть касаясь,
И уста цѣлуютъ птичку, улыбаясь.

Только бы, казалось, въ холѣ беззаботной
Пѣть бы пѣсни птичекъ въ клеткѣ позолотной.

Ну хоть въ поученье бѣднымъ про богатыхъ,
Какъ живутъ ихъ братья въ дорогихъ палатахъ.

Какъ ихъ убѣжденья,—искренни ль и прямы,
Каковы мужчины, каковы тамъ дамы,

Какъ умовъ лощеныхъ злы и остры сшибки,
И полны значенья женскія улыбки.

Звѣзды и сужденья старцевъ важныхъ вѣски,
И блестящихъ франтовъ приговоры рѣзки.

Что бы этой птичкѣ подсмотрѣть плутовкѣ
Чудный дѣтскій профиль маленькой головки.
Отд. I.

Какъ въ тѣни камелій тихо у окошка
Дѣвочка садится помечтать немножко.

По плечамъ рѣзвухи вьются кудри-змѣйки,
Оттѣнная формы лебединой шейки.

Въ глазкахъ плутоватыхъ блещетъ пламень смѣлый —
Женщины зародышь въ дѣвчкѣ незрѣлой.

И зачѣмъ порою такъ она пугливо
Черныя рѣсницы клонить торопливо.

Сердце бьется чаще подъ ея платочкомъ
И стѣдливый пламень бѣгаетъ по щечкамъ.

Что бы этой птичкѣ средь гостинной свѣтской
Разсказать про тайны груди полудѣтской.

Прелести такъ кратокъ мигъ вѣдь настоящій,
Скоро будетъ ангелъ барыней блестящей.

И съ осанкой гордой, подъ руку, по заламъ,
Холодно пройдетъ съ мужемъ генераломъ.

Всѣ ея движенья лгать привыкнуть тонко
Не узнаетъ птичка прежняго ребенка!

Или чтобы птичкѣ... ахъ, да мало ль пѣсенъ...
Иль для свѣтлой думы душный уголъ тѣсенъ.

Иль ея не вырвать кормомъ и уходомъ.
Знать родится пѣсня подъ открытымъ сводомъ.

Знать для счастья мало жить въ теплѣ и холгѣ
И исчахнетъ сердце безъ любви и воли.

■. Крѣзь.

К Р И Т И К А.

Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина.
Статья первая. — Пушкинъ, Грибоедовъ, Гоголь,
Лермонтовъ.

I.

Въ 1834 году въ одномъ изъ Московскихъ журналовъ, пользовавшемся весьма небольшимъ успѣхомъ, но въ замѣнъ того отличавшемся серьезностію взгляда и тона — впервые появилось съ особенною яркостію имя, которому суждено было долго играть истинно—путеводную роль въ нашей литературѣ. Въ «Молвѣ», издававшейся при «Телескопѣ» Надеждина, появлялись въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ статьи подъ названіемъ: «литературныя мечтанія». Эти статьи изумляли невольно своей безпощадной и вмѣстѣ наивной смѣлостію, жаромъ глубокаго и внутри души выросшаго убѣжденія, прямымъ и нецеремоннымъ поставленіемъ вопросовъ, наконецъ тою видимою молодостію энергіи, которая дорога даже и тогда, когда впадаетъ въ ошибки—дорога потому, что самыя ошибки ея происходятъ отъ пламеннаго стремленія къ правдѣ и добру. «Мечтанія» такъ и дышали вѣрою въ эти стремленія и, не щадя никакого кумиро-поклоненія, во имя идеаловъ разбивали простѣйшимъ образомъ всякіе авторитеты, неподходявшіе подъ мѣрку идеаловъ. Въ нихъ выразилось первое сознательное *чувство* нашей критики — я говорю *чувство*, а не *взглядъ* — ибо въ нихъ все было *чувство*. Такъ какъ по общему органическому закону мірозданія, ни одна мысль не является въ стройной формѣ, не пройдя напередъ нѣсколько формъ такъ сказать доцотѣ-

ныхъ — то и «литературнымъ мечтаніямъ» Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго (подъ ними подписался онъ еще такимъ образомъ: — онъ инскій. Чембарь. 1834 г. дек. 12 дня, но все молодое поколѣніе знало хорошо имя того, кто такъ смѣло и честно высказалъ то, что жило во всѣхъ, носилось въ воздухѣ эпохи) — и «литературнымъ мечтаніямъ» — говорю я — предшествовали критическія *диноверіумы* Никодима Надоумки — смѣлыя, рѣзкія, но неуклюжія и безвкусныя выходки противъ застарѣлыхъ мыслей... Но какая разнища обличалась съ перваго же раза между дѣятельностію Бѣлинскаго и дѣятельностію Никодима Надоумки. Вся правда и энергія Никодима Аристарховича пропадали даромъ вслѣдствіе семинарскаго безвкусія тона и положительнаго отсутствія чувства изящнаго: всѣ заблужденія и промахи Бѣлинскаго исчезали, сгорали въ его огненной рѣчи, въ огненномъ чувствѣ, въ яркомъ и истинно-поэтическомъ пониманіи. И только при такихъ условіяхъ могло пройти столько истинъ и только при такихъ условіяхъ могло начаться то дѣло, котораго «литературныя мечтанія» были первымъ камнемъ.

«Литературныя мечтанія» — ни болѣе ни менѣе — какъ ставили на очную ставку всю русскую литературу со временъ реформы Петра, литературу, въ которой невзыскательные современники и почтительные потомки насчитывали уже нѣсколько геніевъ, которую привыкли уже считать за какое то *sacrum* — и развѣ только подъ часъ какіе нибудь пересмѣшники повторяли стихъ ихъ старика Вольтера: «*sacrés ils sont, car personne n'y touche.*» Пересмѣшниковъ благомыслящіе и почтенные люди не слушали и торжественно раздавались гимны не только Ломоносову и Державину, но даже Хераскову и чуть ли не Николеву; всякое критическое замѣчаніе на счетъ Карамзина считалось святотатствомъ, а геніальность Пушкина надобно было еще отстаивать, а поэзію первыхъ Гоголевскихъ созданій почувствовали еще очень не многіе и изъ этихъ не многихъ во первыхъ самъ *Пушкинъ*, а во вторыхъ авторъ «литературныхъ мечтаній».

Между тѣмъ умственно—общественная ложь была слишкомъ очевидна. Хераскова уже положительно никто не чи-

талъ, Державина читали немногіе, да и то не цѣликомъ; читалась исторія Карамзина, но не читались его повѣсти и разсужденія. Сознать эту ложь внутри души могли многіе, но сознательно почувствовать ее до того, чтобы сознательно и смѣло высказать всѣмъ — могъ только призванный человекъ и такимъ то именно человекомъ былъ Виссаріонъ Бѣлинскій.

Дѣло, начатое имъ въ «литературныхъ мечтаніяхъ», было до того смѣло и ново, что чрезъ много лѣтъ потомъ казалось еще болѣе чѣмъ смѣлымъ — дерзкимъ и разрушительнымъ всѣмъ почтительнымъ потомкамъ невзыскательныхъ дѣдовъ, — что чрезъ много лѣтъ потомъ оно вызывало юридическіе акты въ стихахъ, въ родѣ слѣдующихъ:

Карамзинъ тобой ужаленъ,
Ломоносовъ — не поэтъ!

но — страннымъ образомъ, — начало этого дѣла въ «литературныхъ мечтаніяхъ» не возбудило еще ожесточенныхъ криковъ. До этихъ криковъ уже потомъ *добрались* Бѣлинскій своимъ противникамъ, — хотя весь онъ съ его пламенною вѣрою въ развитіе вылился въ своемъ юношескомъ произведеніи, — хотя множество взглядовъ и мыслей цѣликомъ перешли изъ «литературныхъ мечтаній» въ послѣдующую его дѣятельность — и хотя наконецъ, — положительно можно сказать, съ этой минуты онъ, въ глазахъ всѣхъ насъ, тогдашняго молодого племени, сталъ во главѣ сознательнаго или критическаго движенія

Въ ту эпоху, которой первымъ сознаниемъ были «литературныя мечтанія», — кромѣ старыхъ, уже не читаемыхъ, а только воспоминаемыхъ авторитетовъ, былъ еще живой авторитетъ Пушкинъ, — только что появился почти въ печати Грибоѣдовъ — и только что вышли еще «вечера на Хуторѣ близъ Диканьки». Въ эту эпоху впрочемъ, не Пушкинъ, не Грибоѣдовъ и не «вечера на Хуторѣ» тревожили умы и внушали всеобщій интересъ. Публика охладѣла на время къ Пушкину, съ жаромъ читала Марлинскаго, добродушно принимала за правду и настоящее дѣло разные историческіе романы, появлявшіеся дюжинами въ мѣсяцъ, съ тайной тревогою прислушивалась къ соблазнительнымъ отголоскамъ юной

французской словесности въ разсказахъ барона Брамбеуса и подъ рукою почитывала переводные романы Поль-де-Кока.

Бѣлинскій былъ слишкомъ живая натура, чтобы не увлечься хоть нѣсколько стремленіями окружавшаго его міра и впечатлительность его выразилась въ «литературныхъ мечтаніяхъ» двумя сторонами: негодованіемъ на тогдашнюю дѣятельность Пушкина и лихорадочнымъ сочувствіемъ къ стремленіямъ молодой французской литературы. Изъ этихъ сторонъ только первая требуетъ поясненія, — вторая въ немъ не нуждается. Бѣлинскій не былъ бы Бѣлинскимъ, не былъ бы гениальнымъ критикомъ, если бы полнымъ сердцемъ не отозвался на все то, что тревожило поколѣніе, котораго онъ былъ могущественнымъ голосомъ. Чтобы идти впередъ нашего пониманія, онъ долженъ былъ понимать насъ, наши сочувствія и вражды, долженъ былъ пережить поклоненія Бальзаковскому Феррагусу и Notre Dame В. Гюго. Человѣкъ гораздо старше его лѣтами и можетъ быть пониманіемъ, хотя гораздо слабѣйшій его относительно даровитости, Н. И. Надеждинъ написалъ въ своей статьѣ «Баронъ Брамбеусъ и юная словесность» нѣсколько страницъ въ защиту этой словесности, въ которой онъ видѣлъ необходимую для человѣчества анатомію и, безъ всякаго сомнѣнія, подобная защита была и выше и разумнѣе въ свое время пустыхъ пасмѣшекъ. *Не сочувствовать* юной словесности имѣлъ тогда право можетъ быть только Пушкинъ, ибо въ немъ одномъ такое несочувствіе было прямое, художнически-разумное и чуждое заднихъ мыслей. Его орлиный взглядъ видѣлъ далеко впередъ, такъ далеко, какъ мы и теперь еще можетъ быть не видимъ. Остальные, исключая развѣ того немногочисленнаго мыслящаго кружка, котораго представителемъ былъ И. В. Киреевскій — авторъ перваго философскаго обзорѣнія нашей словесности, — или лукавили въ своемъ несочувствіи, или не сочувствовали потому, что давно потеряли способность чему либо серьезно и душевно сочувствовать, или наконецъ въ основу своего несочувствія клали узенькія моральныя сентенціи и — что еще хуже — побужденія, вовсе не литературныя. А Бѣлинскій не былъ ни уединеннымъ, строго логическимъ мыслителемъ какъ И. В. Киреев-

скій, ни однимъ изъ опекуновъ нравственности и русскаго языка — онъ былъ человѣкъ борьбы и жизни. Всѣ наши сомнѣнія и надежды, выносилъ онъ въ своей душѣ — и оттого-то всѣ мы жадно слушали его вулканическую рѣчь, шли за нимъ какъ за путеводителемъ — въ продолженіе цѣлаго литературнаго періода, до тѣхъ поръ, пока... переворотъ, совершившійся въ художественной дѣятельности Гоголя, не раздѣлялъ всѣхъ мыслящихъ людей на двѣ литературныя партіи.

Но объ этомъ рѣчь впереди. Имя Бѣлинскаго, какъ плющъ, обросло четыре поэтическихъ вѣнца, четыре великихъ и славныхъ имени, которыя мы поставили въ заглавіи статьи — силелось съ ними такъ, что говоря о нихъ, какъ объ источникахъ современнаго литературнаго движенія, — постоянно бываешь поставленъ въ необходимость говорить и о немъ. Высокій удѣлъ, данный судьбою не многимъ изъ критиковъ! — едва ли даже, за исключеніемъ Лессинга, данный не одному Бѣлинскому. И данъ этотъ удѣлъ совершенно по праву. Горячаго сочувствія при жизни и по смерти стоилъ тотъ, кто самъ умѣлъ горячо и беззавѣтно сочувствовать. Безстрашный боецъ за правду — онъ не усумнился ни разу отречься отъ лжи, какъ только сознавалъ ее и гордо отвѣчалъ тѣмъ, которые упрекали его за измѣненія взглядовъ и мыслей, что не измѣняетъ мыслей только тотъ, кто не дорожитъ правдой. Кажется даже онъ созданъ былъ такъ, что натура его не могла устоять противъ правды, какъ бы правда ни противорѣчила его взгляду, какихъ бы жертвъ она ни потребовала. Смѣло и честно звалъ онъ первый геніальнымъ то, что онъ таковымъ созналъ и, благодаря своему критическому чутью, ошибался рѣдко. Такъ же смѣло и честно разоблачалъ онъ, часто нанерекоръ общему мнѣнію, все, что казалось ему ложнымъ или напыщеннымъ, — заходилъ иногда за предѣлы, но въ сущности, въ основахъ *никогда* не ошибался. У него былъ ключъ къ *словамъ* его эпохи и въ груди его жила могущественная и вулканическая сила. Теоріи увлекали его какъ и многихъ, но въ немъ было всегда нѣчто высшее теорій, чего нѣтъ во многихъ. У него, — теоретики назовутъ это слабостію, а мы великою силою — никогда не

достало бы духу развѣнчать во имя теоріи сегодня, то, что созналъ онъ великимъ и прекраснымъ вчера. Онъ не могъ холодно отвернуться отъ Гоголя, онъ не написалъ бы никогда, что г. N или Z, какъ проводители принциповъ, имѣютъ въ нашей литературѣ значеніе высшее чѣмъ Пушкинъ.

И между тѣмъ, Бѣлинскій началъ свое дѣло тѣмъ, что вмѣстѣ съ толпою, горевалъ объ утратѣ прежняго Пушкина, т. е. Пушкина Кавказскаго плѣнника, первыхъ главъ Онѣгина и проч. Какъ объяснить этотъ странный фактъ?... И прежде всего, не говоритъ ли этотъ фактъ противъ легкости въ перемѣнѣ взглядовъ и убѣжденій, въ которой упрекали Бѣлинскаго его враги? Бѣлинскій слишкомъ глубоко воспринялъ въ себя первую, юношескую дѣятельность Пушкина, слишкомъ крѣпко сжился съ нею, чтобы разомъ перейти вмѣстѣ съ поэтомъ въ нныя, высшія сферы. Онъ и перешелъ потомъ, перешелъ искренне, но только тогда, когда сжился съ этимъ новымъ воздухомъ. Вполнѣ дитя своего вѣка, онъ не опередилъ, да и не долженъ былъ опережать его. Чѣмъ дольше боролся онъ съ новою правдою жизни или искусства, тѣмъ сильнѣе должны были дѣйствовать на поколѣніе, его окружавшее, его обращенія къ новой правдѣ. Если бы Бѣлинскій прожилъ до нашего времени, онъ и теперь стоялъ бы во главѣ критическаго сознанія, по той простой причинѣ, что сохранилъ бы возвышенное свойство своей природы: неспособность закоснѣть въ теоріи противъ правды искусства и жизни....

Есть нѣчто неотразимо увлекательное въ страницахъ «литературныхъ мечтаній», посвященныхъ Пушкипу: чувство горячей любви бьетъ изъ нихъ ключемъ — наивность непониманія новыхъ сторонъ поэта идетъ объ руку съ глубокимъ, душою прочувствованнымъ пониманіемъ прежнихъ и многое, сказанное по поводу этихъ прежнихъ сторонъ — никогда можетъ быть уже такъ свѣжо и дѣвственно-страстно не скажется!

II.

«Пушкинъ былъ совершеннымъ выраженіемъ своего времени. Одаренный высокимъ поэтическимъ чутьемъ и удивительною способностію принимать и отражать всевозмож-

ныя ощущенія, онъ перепробовалъ всѣ тоны, всѣ лады, всѣ аккорды своего вѣка; онъ заплатилъ дань всѣмъ великимъ современнымъ событіямъ, явленіямъ и мыслямъ, всему, что только могла чувствовать тогда Россія, переставшая вѣрить въ несомнѣнность вѣковыхъ правилъ, самую мудростію извлеченныхъ изъ писаній великихъ гениевъ (слова эти — курсивомъ въ оригиналѣ и относятся къ тогдашнему поклоненію установленнымъ авторитетамъ) и съ удивленіемъ узнавая о другихъ мірахъ мыслей и понятій и новыхъ, неизвѣстныхъ ей до того, взглядахъ на давно извѣстныя ей дѣла и событія. Несправедливо говорятъ, будто онъ подражалъ Шенье, Байрону и другимъ: Байронъ владелъ имъ не какъ образецъ, но какъ явленіе, какъ властитель думъ вѣка, а я сказалъ, что Пушкинъ заплатилъ свою дань каждому великому явленію. Да — Пушкинъ былъ выраженіемъ современнаго ему міра, представителемъ современнаго ему человѣчества, — *но міра русскаго, но человѣчества русскаго*. Что дѣлать? Мы всѣ генія-самоучки; мы все знаемъ, ничему не учившись, все пріобрѣли, веселясь и играя, словомъ

Мы всѣ учились по немногу
Чему нибудь и какъ нибудь.

Пушкинъ отъ шумныхъ оргій разгульной юности переходилъ къ суровому труду:

«Чтобъ въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ» отъ труда опять къ молодымъ играмъ, сладкому бездѣлю и легкокрылому похмѣлью. Ему недоставало только нѣмецко-художественнаго воспитанія (?) «Баловень природы, онъ шаяла и играя похмѣлялъ у ней плѣнительные образы и формы и, снисходительная къ своему любимцу, она роскошно одѣляла его тѣми цвѣтами и звуками, за которые другіе жертвуютъ ей наслажденіями юности, которые покупаютъ у ней цѣною отреченія отъ жизни... Какъ чародѣй, онъ въ одно и тоже время исторгалъ у насъ и смѣхъ и слезы, игралъ по волѣ нашими чувствами... Онъ пѣлъ — и какъ изумлена была Русь звуками его пѣсенъ: и не диво, она еще никогда не слышала подобныхъ; какъ жадно прислушивалась она къ нимъ: и не диво, въ нихъ трепетали всѣ первыя ея жизни! Я

помню это время, счастливое время, когда въ глуши провинціи, въ глуши уѣзднаго городка, въ лѣтніе дни, изъ растворенныхъ оконъ, носились по воздуху эти звуки, *подобные шуму воды или журчанью ручья* (курсивомъ въ оригиналѣ).

«Невозможно обозрѣть всѣхъ его созданий и опредѣлить характеръ каждаго: это значило бы перечестъ и описать всѣ деревья и цвѣты Армидина сада. У Пушкина мало, очень мало мелкихъ стихотвореній; у него по большей части все поэмы: его поэтическія тризны надъ урнами великихъ, его «Андрей Шенье», его могучая бесѣда съ «Моремъ», его вѣщая дума о «Наполеонѣ» — поэмы. Но самые драгоценные алмазы его поэческаго вѣнка, безъ сомнѣнія, суть «Евгеній Онѣгинъ» и «Борисъ Годуновъ». Я никогда не кончилъ бы, если бы началъ говорить о сихъ произведеніяхъ.

«Пушкинъ царствовалъ въ литературѣ десять лѣтъ: «Борисъ Годуновъ» былъ послѣднимъ великимъ его подвигомъ; въ третьей части полнаго собранія его стихотвореній, замерли звуки его гармонической лиры. Теперь мы не узнаемъ Пушкина; онъ умеръ или можетъ быть только обмеръ на время. Можетъ быть, его уже нѣтъ, а можетъ быть, онъ и воскреснетъ; этотъ вопросъ, это Гамлетовское «быть или небыть» скрывается во мглѣ будущаго. По крайней мѣрѣ, судя по его сказкамъ, по его поэмѣ «Анджело» и по другимъ произведеніямъ, обрѣтающимся въ «Новосельѣ» и «Библіотекѣ для чтенія», мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю. Гдѣ теперь эти звуки, въ коихъ слышалось бывало то удалое разгулье, то сердечная тоска; гдѣ эти вспышки пламеннаго и глубокаго чувства, потрясавшаго сердца, сжимавшаго и волновавшаго груди, эти вспышки остроумія тонкаго и язвительнаго, этой ироніи вмѣстѣ злой и тоскливой, которая поражала умъ своею игрою; гдѣ теперь эти картины жизни и природы, предъ которыми были блѣдна жизнь и природа?... Увы! вмѣсто ихъ мы читаемъ теперь стихи съ правильною цезурою, съ богатыми и полубогатыми римами, съ нѣмощными вольностями, о коихъ такъ пространно, такъ удовлетворительно и такъ глубокомысленно разсуждали Архимандритъ Аполлосъ и г. Остолоповъ!... Странная вещь,

непонятная вещь! Неужели Пушкина, котораго не могли убить ни изступленные похвалы энтузіастовъ, ни сильныя, нерѣдко справедливыя, нападки и порицанія его антагонистовъ, неужели, говорю я, этого Пушкина убило «Новоселье» г. Смирдина?... *И однакожь, не будемъ слишкомъ поспѣшны и опрометчивы въ нашихъ заключеніяхъ, предоставимъ времени рѣшить этотъ запутанный вопросъ. О Пушкинѣ судить не легко. Вы вѣрно читали его элегію въ октябрьской книжкѣ «Библіотеки для чтенія»? Вы вѣрно были потрясены глубокимъ чувствомъ, которымъ дышетъ это созданіе. Упомянутая элегія, кромѣ утѣшительныхъ надеждъ, подаваемыхъ ею о Пушкинѣ, еще замѣчательна въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ самую вѣрную характеристику Пушкина какъ художника*

Порой опять гармоніей упоюсь

Надъ вымысломъ слезами обольюсь.

«Да, я свято вѣрю, что онъ вполне раздѣлялъ безотрадную муку отверженной любви черноокой черкешенки, или своей милкительной Татьяны, этого лучшаго и любимѣйшаго идеала его фантазій: что онъ, вмѣстѣ съ своимъ мрачнымъ Гиреемъ, томился этою тоскою души, пресыщенной наслажденіями и все еще не вѣдавшей наслажденій; что онъ горѣлъ неистовымъ огнемъ ревности, вмѣстѣ съ Заремою и Алеко и упивался дикою любовью Земфиры, что онъ скорбѣлъ и радовался за свои идеалы, что журчаніе его стиховъ согласовалось съ его рыданіями и слѣзою... Пусть скажутъ, что это—пристрастіе, идолопоклонство, дѣтство, глупость, но я лучше хочу вѣрить тому, что Пушкинъ мистифируетъ «Библіотеку для чтенія», чѣмъ тому, что его талантъ погасъ. Я вѣрю, думаю и мнѣ отрадно вѣрить и думать, что Пушкинъ подаритъ намъ новыя созданія, которыя будутъ выше прежнихъ»... (Молва. 1834 г. ч. VIII. стр. 397 — 400).

Сколько размысленій возбуждаютъ эти пылкія юношескія страницы, на которыхъ, повторю опять, глубокое пониманіе идетъ объ руку съ страннымъ непониманіемъ. Не ясно ли, что самое непониманіе новыхъ сторонъ, открывавшихся въ Пушкинѣ, было слѣдствіемъ слишкомъ живаго проникновенія натуры критика прежними его созданіями! Иначе

какъ объяснить, что человѣкъ, который равно цѣнилъ и лирическія и юмористическія стороны генія Пушкина — стало быть и «Цыганъ» и «графа Нулина» (а надобно припомнить *непристойную* статью Никодима Надоумки по поводу графа Нулина!) — не понялъ «Гусара», напечатаннаго въ «Библиотекѣ для чтенія», не понялъ стремленія Пушкина къ Шекспиру, выразившагося въ «Анджело?» И между тѣмъ, этотъ юноша, не понявшій «Анджело» и «Гусара», *вѣрять* упорно въ Пушкина, видитъ въ немъ выраженіе современнаго ему міра, «но міра русскаго», — вѣрять наконецъ въ душу поэта, разлитую въ его созданія и тѣсно съ ними соединенную, живущую одною съ ними жизнію! Не говорю уже о томъ, что юноша, ставши мужемъ, понялъ и «Анджело» и «Гусара» и «Каменнаго Гостя!»

Все это въ 1834 году.

А въ 1857 и 1858 годахъ являются въ журналахъ нашихъ статьи, гдѣ, то оправдываются отношенія Полеваго къ Пушкину и Полевой ставится выше *по убѣжденіямъ* — то гг. N N, Z Z приписывается, какъ проводителямъ принциповъ, больше значенія въ Русской литературѣ, чѣмъ Пушкину, — то поклоняясь произведенію, дѣйствительно достойному уваженія, какъ «Семейная хроника», вовсе забываютъ о «Капитанской дочкѣ» и «Дубровскомъ»!... А въ 1859 году является статья, исполненная искренней любви и искренняго поклоненія великому поэту, но такой любви, отъ которой не поздоровится, такого поклоненія, которое лишаетъ поэта сего великой личности, его пламенныхъ, но обманутыхъ жизнію сочувствій, его высокаго общественнаго значенія, — которое сводитъ его на степень кимвала звенящаго и мѣди бряца — щей, громкаго и равнодушнаго эха, — сладко поющей птицы! Все это развѣнчаніе совершается съ наивѣйшею любовью, во имя поэтической непосредственности....

Да! вопросъ о Пушкинѣ мало подвинулся къ своему разрѣшенію со временъ «литературныхъ мечтаній», — а безъ разрѣшенія этого вопроса, мы не можемъ уразумѣть настоящаго положенія нашей литературы. Одни хотятъ видѣть въ Пушкинѣ отрѣшеннаго художника, вѣря въ какое то отрѣшенное, не связанное съ жизнію и не жизнію рож-

денное искусство, — другіе заставили бы жреца «взять метлу и служить ихъ условнымъ теоріямъ.... Лучшее, что было сказано о Пушкинѣ въ послѣднее время, сказалось въ статьяхъ Дружинина, но и Дружининъ взглянулъ на Пушкина только какъ на нашего эстетическаго воспитателя.

А Пушкинъ — наше все: Пушкинъ — представитель всего нашего *душевнаго, особеннаго*, такого, что остается нашимъ *душевнымъ, особеннымъ* послѣ всѣхъ столкновеній съ чужимъ, съ другими мірами. *Пушкинъ* — пока единственный полный очеркъ нашей народной личности, самородокъ, принимавшій въ себя, при всевозможныхъ столкновеніяхъ съ другими особенностями и организмами, — все то, что принять слѣдуетъ, отбрасывавшій все, что отбросить слѣдуетъ, полный и цѣльный, но еще не красками, а только контурами набросанный образъ народной нашей сущности, — образъ, который мы долго еще будемъ отѣнять красками. Сфера душевныхъ сочувствій Пушкина не исключаетъ ничего до него бывшаго и ничего, что послѣ него было и будетъ правильнаго и органически — нашего. Сочувствія Ломоносовскія, Державинскія, Новиковскія, Карамзинскія — сочувствія старой русской жизни и стремленія новой — все вошло въ его полную натуру, въ той стройной мѣрѣ, въ какой бытіе послѣ-потопное является сравнительно съ бытіемъ до-потопнымъ, въ той мѣрѣ, которая опредѣляется русскою душою. Когда мы говоримъ здѣсь о русской сущности, о русской душѣ, — мы разумѣемъ не сущность народную до-Петровскую, и не сущность послѣ-Петровскую а органическую цѣлость: мы вѣримъ въ Русь, какова она есть, какой она оказалась или оказывается послѣ столкновеній съ другими жизнями, съ другими народными организмами, послѣ того какъ она, воспринимая въ себя различные элементы — одни брала и беретъ какъ родственные, другіе отрицала и отрицаетъ какъ чуждые и враждебные.... Пушкинъ-то и есть наша такая, на первый разъ очеркомъ, но полно и цѣльно, обозначившаяся душевная фізіономія, фізіономія, выдѣлившаяся, вырѣзавшаяся уже ясно изъ круга другихъ народныхъ, *типовыхъ* фізіономій, — обособившаяся сознательно, именно вслѣдствіе того, что уже вступила въ кругъ ихъ. Это — нашъ самобыт-

ный типъ, уже мѣрившійся съ другими европейскими типами, переходившій сознаниемъ тѣ фазисы развитія, которые они проходили, но братавшійся съ ними сознаниемъ,—но вынесшій изъ этого процесса свою физиологическую, типовую самостоятельность.

Показать, какъ изъ всякаго броженія выходило въ Пушкинѣ цѣльнымъ это *типовое*, было бы задачей труда огромнаго. Въ великой натурѣ Пушкина, ничего не исключаящей: ни тревожно-романтическаго начала, ни юмора здраваго разсудка, ни страстности, ни сѣверной рефлексіи—въ натурѣ, на все отозвавшейся, по отозвавшейся въ мѣру русской души—заключается оправданіе и примиреніе для всѣхъ нашихъ теперешнихъ, по видимому столь враждебно раздвоившихся сочувствій.

Въ настоящую минуту мы видимъ только раздвоеніе. Смѣясь надъ нашими недавними сочувствіями, относясь къ нимъ теперь постоянно-критически, мы собственно смѣемся надъ ними, а надъ ихъ напряженностію. И до Пушкина и послѣ Пушкина, мы въ сочувствіяхъ и враждахъ постоянно пересаливали: въ немъ одномъ, какъ нашемъ единственномъ цѣльномъ геніѣ, заключается правильная, художественно-нравственная мѣра, мѣра уже дознанная, уже окрѣпшая въ различныхъ столкновеніяхъ. Въ его натурѣ—очерками обозначились наши физиономическія особенности полно и цѣльно, хотя еще безъ красокъ—и все современное литературное движеніе есть только наполненіе красками рафаэлевски правдивыхъ и изящныхъ очерковъ.

Пушкинъ выносилъ въ себѣ все. Онъ долго, напримѣръ, носилъ въ себѣ въ юности мутно-чувственную струю ложнаго классицизма, (эпоха лицейскихъ и первыхъ послѣ лицейскихъ стихотвореній) изъ нея онъ вышелъ навнѣ и чистъ, да еще съ богатымъ запасомъ живучихъ силъ для противодѣйствія романтической туманности, отъ которой ничто не защищало несравненно менѣе цѣльный талантъ Жуковского. Эта мутная струя впоследствии очистилась у него до наивнаго пластицизма древности и, благодаря стройной мѣрѣ его натуры, ни одна словесность не представитъ такихъ чистыхъ и совершенно ваятельныхъ стихотвореній

какъ Пушкинскія. Но и въ этомъ отношеніи, какъ онъ самъ, такъ и все, что пошло отъ него по прямой линіи (Майковъ, Фетъ въ ихъ антологическихъ стихотвореніяхъ), умѣли уберечься въ границахъ здраваго, яснаго смысла и здраваго, достойнаго разумно-нравственнаго существа сочувствія. Молодое кипѣніе этой струи отразилось у самаго Пушкина въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ молодости, отражалось, благодаря его на половину-африканской крови, и въ послѣдующія эпохи стихотвореніями удивительными и пламенными, («Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденіемъ») которыя однако онъ не хотѣлъ видѣть въ печати. Оно обособилось въ пламенномъ Языковѣ, но и тотъ искалъ потомъ успокоенія своему жгучему лиризму или въ высшихъ сферахъ вдохновенія, или въ созданіяхъ, болѣе объективныхъ и спокойныхъ, какова на примѣръ «сказка о сѣромъ волкѣ и Иванѣ царевичѣ», красоту которой, говоря *par parenthèse*, мы потеряли способность цѣнить, избалованные судорожными вдохновеніями современныхъ музъ. Напряженность же, насильственно подогрѣтое клокотаніе этой струи—истощило въ наши времена талантъ г. Щербины и весьма еще недавно вылилось въ мутно-сладоэстрастныхъ стихахъ молодаго, только что начинающаго поэта, г. Тура; — но не слѣдуетъ по злоупотребленіямъ, противнымъ здоровому русскому чувству, умозаключать, что самая струя, въ мѣру взятая, ему противна....

Вообще же, не только въ мірѣ художественныхъ, но и въ мірѣ всѣхъ общественныхъ и нравственныхъ нашихъ сочувствій—Пушкинъ есть первый и полный представитель нашей фізіономіи. Гоголь явился только мѣркою нашихъ антипатій и живымъ органомъ ихъ законности, поэтомъ чисто-отрицательнымъ; симпатій же нашихъ кровныхъ, племенныхъ, жизненныхъ онъ олицетворить не могъ, во первыхъ какъ малороссъ, а во вторыхъ какъ уединенный и болѣзненный аскетъ.

III.

Въ русской натурѣ вообще заключается одинаковое, равномѣрное богатство силъ, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ. Нещадно смѣясь надъ всѣмъ, что несооб-

разно съ нашей душевной мѣрой, хотя бы безобразіе несообразности явилось даже въ томъ, что мы любимъ и уважаемъ, чѣмъ мы и отличаемся отъ другихъ народовъ, въ особенности отъ Нѣмцевъ, совершенно неспособныхъ къ комическому взгляду, мы столь же мало способны къ строгой, однообразной чинности, кладущей на все печать уровня внѣшняго порядка и составной цѣльности. Любя *праздники* и цѣлую жизнь *проживая* иногда въ праздношатательствѣ и круженіи, мы не можемъ мѣшать дѣло съ бездѣльемъ и, дѣлая дѣло, сладострастно наслаждаться въ немъ мыслію о приготовленіи себѣ извѣстной *порціи* законнаго бездѣлья; — чѣмъ опять таки мы отличаемся отъ Нѣмцевъ: нѣтъ! мы всѣ говоримъ, какъ одинъ изъ нашихъ типическихъ героевъ, Грибоѣдовскій Чацкій:

Когда дѣла — я отъ веселья прячусь,
 Когда дурачиться — дурачусь.
 А смѣшивать два этихъ ремесла
 Есть тѣмъ охотниковъ — я не изъ ихъ числа!

Мы можемъ ничего не дѣлать, но не можемъ съ важно-стію дѣлать *ничего*, *il far niente*, какъ Итальянцы. А съ другой стороны мы не можемъ помириться съ *вѣчной суетой* и толкотней общественно-буднишной жизни, не можемъ заглушить въ ней тревожнаго голоса *своихъ* высшихъ духовныхъ интересовъ или *впадаетъ въ хандру* — и вотъ почему, изо всѣхъ произвольно составленныхъ утопій общественныхъ, нѣтъ для русской души противнѣе утопіи Фурье, хотя нѣтъ племени, въ которомъ братство, любовь, незлобіе и общеніе были бы такъ просты и непосредственны.

Пока эта природа съ богатыми стихійными началами и съ беспощаднымъ здравымъ смысломъ живетъ еще сама въ себѣ, т. е. живетъ безсознательно, безъ столкновенія съ другими живыми организмами, — какъ-то было до реформы Петра, она еще спокойно вѣрится въ свою стихійную жизнь, еще не опредѣляетъ, не разлагаетъ своихъ стихійныхъ началъ, довольствуясь тѣми формами, въ которыя свободно уложилось все ея стихійное....

Стольникъ, напрімѣръ, Лихачевъ, ѣздившій отъ царя Алек-

сѣя Михайловича править посольство во градъ Флоренскъ къ Дуку Фердинандусу, носилъ въ душѣ крѣпко-сложившіеся, вѣковые типы, которыхъ онъ никогда не разлагалъ, въ которыхъ онъ никогда не сомнѣвался и дальше которыхъ онъ ничего не видѣлъ. Его непосредственное отношеніе къ жизни, вовсе ему чуждой, такъ дорого, что нельзя безъ искреннаго умиленія читать у него, хоть бы вотъ это: «Въ Ли-ворнѣ церковь Греческая во имя Николая Чудотворца и «протопопъ Аванасій—да въ Венеціи церковь же Греческая, *ка больше того, отъ Рима до Кольскаго острога ишдѣ нѣтъ благочестія*». Вы нисколько не заподозрите также его искренности, когда онъ съ вершины своихъ типовыхъ, никогда не разложенныхъ имъ убѣжденій, рассказываетъ вамъ объ аудіенціи у Дука Фердинандуса *). Вы понимаете всю неразорванность этого взгляда, всю цѣльность и извѣстную красоту типа, лежащаго въ его основаніи. Типъ этотъ, наслѣдованный отъ предковъ,—завѣщанный предками,—ни разу еще не сличалъ себя съ другими жизненно—историческими типами. Онъ есть до того простое и наивное вѣрованіе, что скажется скорѣе комическимъ взглядомъ на всѣ другіе типы, чѣмъ сомнѣніемъ въ самомъ себѣ и своей исключительной законности — и, будетъ ли это Лихачевъ во Флоренціи, Чемодановъ въ Венеціи, Потемкинъ во Франціи, наконецъ, въ эпоху позднѣйшую даже Денисъ Фонвизинъ въ разныхъ иностранныхъ земляхъ,—вы въ нихъ вѣрите, вы ихъ понимаете, вы ихъ любите,—разумѣется, если вы — кровный русскій. Вы понимаете, какъ съ пезыблемо утвержденныхъ основъ своего типа—должны они смотрѣть на все чуждое, что имъ представляется; вы цѣните тонкую ловкость Чемоданова, хитро выпрашивающаго Венеціанъ на счетъ разныхъ полезныхъ вещей и не потребуете отъ него, конечно,

*) И Царскаго Величества здоровье сказано было отъ посланниковъ Флоренскому князю Фердинандусу въ городѣ Пизѣ. И князь у посланниковъ принялъ государеву грамоту и поцѣловалъ ее и началъ плакать, а намъ говорилъ чрезъ толмача по италійски: *за что меня, холопа своего ваши пресловутый во вѣсѣхъ государствахъ и ордахъ великій князь Алексѣй Михайловичъ... поискалъ и любительную свою грамоту и поминки прислать. А онъ великій государь, что небо отъ земли отстоитъ, то и онъ великій государь и т. д.*

чтобы онъ восхищался фантастическою, мрачно пестрою, трагически-сладострастною Венеціею и приходилъ въ лиризмъ.

Съ Венеціанкой молодой,
То говорливой, то нѣмой
Плывя въ таинственной гондолѣ.

Вы не возмущаетесь тѣмъ, что Денису Фонвизину, въ Варшавскомъ театрѣ, звуки Польскаго языка кажутся *подлыми* — и поражаетесь скорѣе мѣткостью и злой правдивостію его замѣчаній, въ родѣ того что: «разсудка Французъ не имѣеть, да и имѣть его почелъ бы за величайшее несчастіе». Всѣ эти черты стараго типа вамъ понятны, любезны и почтенны. Типъ хранится этими людьми такъ вѣрно, такъ искренно, что они и понять не могутъ ничего того, что ихъ типу противорѣчить. Потемкинъ во Франціи, оскорбленный откупщикомъ «маршалка де Граммона», хотѣвшаго взять пошлину съ окладовъ св. иконъ, прямо называетъ его «врагомъ креста Христова и песомъ несытымъ» — и знать не хочетъ, что откупщикъ дѣйствуетъ на основаніи *своихъ* правъ....

Такова крѣпость *типа* въ его, еще покойномъ, безсознательномъ состояніи.... Естественно, что въ этой цѣльности и замкнутости, онъ остаться не можетъ при столкновеніи съ другими типами.

Эта же самая природа съ богатыми стихійными силами и съ безопадно-критическимъ здравымъ смысломъ — вдругъ поставлена и поставлена уже не случайно, не на время, а на всегда, съ нною, доселѣ чуждою ей жизнію, съ иными крѣпко же и притомъ роскошно и полно сложившимися идеалами. Пусть на первый разъ она, какъ Фонвизинъ, отнеслась къ этимъ чуждымъ ей типамъ только критически. Но потомъ происходитъ неминуемо другой процессъ. Тронутыя съ мѣста, стихійныя начала встаютъ какъ морскія волны, поднятыя бурей, и начинается страшная ломка, выворачивается вся внутренняя, бездонная пропасть. Оказывается, какъ только старый исключительный типъ разложился, что въ насъ есть сочувствіе ко всѣмъ идеаламъ, т. е. существуютъ стихіи для созданія многообразныхъ идеаловъ.

Сущность наша, личность, т. е. типовая мѣра, душевная единица на время позабывается: дѣйствуютъ только силы, страшныя, дикія, необузданныя. Каждая хочетъ сдѣлаться центромъ души — и, пожалуй, могла бы, если бы не было другой, третьей, многихъ, равно просящихъ работы, равно зиждательныхъ и, стало быть, равно разрушительныхъ, и если бы въ каждой силѣ не заключалась ея равномѣрная отрицательная сторона, указывающая неумолимо на всѣ неправильныя, смѣшныя — протпвныя типовой душевной мѣрѣ уклоненія.

Способность силъ доходить до крайнихъ предѣловъ, соединенная съ типовою болѣзненно-критическою отрыжкой, порождаетъ состояніе страшной борьбы. Въ этой борьбѣ закруживаются неминуемо природы могущественныя, но не гармоническія, природы до-потопныхъ образованій: — и часто мрачное fatum уноситъ и гармоническія природы, попавшія въ водоворотъ.

Наши великіе, бывшіе доселѣ, рѣшительно представляются съ этой точки могучими заклинателями страшныхъ силъ, пробующими во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ служебную дѣятельность стихій, но забывающими порою, что не всегда можно пускать на свободу эти порожденія душевной бездны. Стоптъ только стихіи вырваться изъ центра на периферію, чтобы, по общему закону организмовъ — она стала обособляться, сосредоточиваться около собственного центра и получила свое отдѣльное, цѣльное и реальное бытіе....

И тогда — горе заклинателю, который выпустилъ ее изъ центра, и это горе неминуемо ждетъ всякаго заклинателя, поколику онъ человекъ.... Пушкина скосила отдѣлившаяся отъ него стихія Алеко, — Лермонтова — тотъ страшный идеалъ, который сіялъ предъ нимъ «какъ царь нѣмой и гордый» и отъ мрачной красоты котораго самому ему «было страшно и душа тоскою сжималася», — Кольцова-та раздражительная и начинавшая во всемъ сомнѣваться стихія, которую тщетно заклиналъ онъ своими «Думами». А сколько могучихъ, но негармоническихъ личностей закружили стихійныя начала: — Милонова, Кострова, Радищева въ

прошломъ вѣкѣ, — Полежаева, Мочалова, Варламова на нашей памяти.

Да не скажутъ, чтобы я здѣсь игралъ словами. Стихійное начало вовсе не то, что *личность*. Личность Пушкинская не Алеко и вмѣстѣ съ тѣмъ не Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ, отъ лица котораго онъ любилъ рассказывать свои повѣсти; личность Пушкинская — самъ Пушкинъ, заклинатель и властелинъ многообразныхъ стихій, какъ личность Лермонтовская не Арбенинъ и не Печоринъ, а самъ онъ

Еще невѣдомый избранникъ

и, можетъ быть, по словамъ Гоголя, «будущій великій живописецъ русскаго быта». Прасоль Кольцовъ, умѣвшій ловко вести свои торговья дѣла, спасъ бы намъ надолго жизнь великаго лирика Кольцова, — еслибъ не пожрала его, вырвавшись за предѣлы, та раздражающаяся дѣйствительностію, недовольная, слишкомъ впечатлительная сила, которую не всегда заклиналъ онъ своей возвышенной и трогательной молитвою.

О гори лампада
Ярче предъ Распятъемъ....
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва.

Въ Пушкинѣ, по преимуществу, какъ въ первомъ цѣльномъ очеркѣ русской природы, очеркѣ, въ которомъ обозначились и объемъ и границы ея сочувствій, — отразилась эта борьба, высказался этотъ моментъ нашей духовной жизни, хотя великій мужъ былъ и не рабомъ, а властелиномъ и заклинателемъ этого страшнаго момента.

Поучительна въ высокой степени исторія душевной борьбы Пушкина съ различными идеалами, борьбы, изъ которой онъ выходитъ всегда самимъ собою, особеннымъ типомъ, совершенно новымъ. Ибо, что напримѣръ общаго между Онѣгинымъ и Чайльдъ—Гарольдомъ Байрона, что общаго между Пушкинскимъ и Байроновскимъ или Мольеровскимъ Французскимъ или наконецъ Испанскимъ Донъ Жуаномъ?... Это типы совершенно различные, ибо Пушкинъ, по словамъ Бѣлинскаго, былъ *представителемъ міра Русскаго, человечества Русскаго*. Мрачный сплинъ и язвительный скептицизмъ

Чайльдъ — Гарольда замѣнился въ лицѣ Онѣгина хандрою отъ враздности, тоскою человѣка, который внутри себя гораздо проще, лучше и добрѣе своихъ идеаловъ, который надѣленъ критическою способностію здороваго русскаго смысла, т. е. природленною, а не приобрѣтенною критическою способностію, который — критикъ, потому что даровитъ, а не потому что озлобленъ, хотя самъ и хочетъ искать причинъ своего критическаго настроенія въ озлобленіи, и которому та же критическая способность можетъ — того и гляди — указать дорогу выйдти изъ ложнаго и напряженнаго положенія на ровную дорогу.

Съ другой стороны, Донъ Жуанъ южныхъ легендъ, это сладострастное кипѣніе крови, соединенное съ демонски-скептическимъ началомъ, на которое намекаетъ великое созданіе Мольера, и которымъ до опьянѣнія восторгается Нѣмецъ Гюфманнъ — эти свойства обращаются въ созданіи Пушкина въ какую-то безпечную, юную, безграничную жажду наслажденія, въ сознательное даровитое чувство красоты, въ способность «по узенькой пяткѣ» дорисовать весь образъ, способность находить «странную пріятность» въ «потухшемъ взорѣ и помертвѣлыхъ глазкахъ черноокой Инесы»; — типъ создается, однимъ словомъ, изъ южной, даже африканской страстности, но смягченной русскимъ тонко критическимъ чувствомъ, — изъ чисто русской удали, безпечности, какой-то дерзкой шутки съ прожигаемою жизнію, какой-то безусталой гоньбы за впечатлѣніями, — такъ что чуть впечатлѣніе принято душою, душа уже далеко и только «на снѣговой порошѣ» остался слѣдъ «не зайки не горностайки» а Чурилы Плешковича, этого Донъ Жуана мнѣческихъ временъ, порожденія нашей народной фантазіи.

Взгляните еще на борьбу Пушкинскую, т. е. идеально — русской природы, съ тѣмъ типомъ, въ которомъ

Лордъ Байронъ прихотью удачной
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ.

На эту схватку съ совершенно-сложившимся исторически типомъ могучихъ, но еще неуходившихся стихійныхъ началъ, въ которыхъ идеалъ, мѣрка недоросли еще до сознанія, а

между тѣмъ, бессознательно сказываются, подають свой гѣлосъ при всякомъ лишнемъ шагѣ и невольно ихъ обуздываютъ.

Эта, поучительная для насъ борьба и въ геніально-юношескомъ лепетѣ Кавказскаго плѣнника и въ Алеко, и въ Гирей (не даромъ же, печальной памяти, Маякъ объявляя героевъ Пушкина уголовными преступниками!) и въ Онѣгинѣ, и въ ироническомъ, лихорадочномъ и вмѣстѣ сухомъ тонѣ «Пиковой дамы» и въ отношеніяхъ Ивана Петровича Бѣлкина къ мрачному Сильвіо, въ повѣсти: «Выстрѣлъ». На каждой изъ этихъ ступеней, борьба стоитъ подробнѣйшаго изученія... Но что вездѣ особенно поразительно, такъ это постоянная непослѣдовательность живой и самобытной души, ея упорная непокорность усвоемому ей типу, при постоянной послѣдовательности умственной, послѣдовательности пониманія и усвоенія типа. Ясно видно, что въ тѣлѣ есть для этой души что-то неотразимо-влекущее и есть вмѣстѣ съ тѣмъ что-то такое, чему она постоянно измѣняетъ, что, стало быть, рѣшительно не по ней. Я позволяю себѣ думать, что глубокое психологическое изученіе этихъ душевныхъ Пушкинскихъ отношеній внесло бы въ наше сознаніе гораздо больше ясности, чѣмъ возгласы о томъ, что Пушкинъ и Гоголь, извольте видѣть, не сознавали принциповъ, а г. N N или г. Z Z ихъ сознають и стало быть имѣють большее для насъ значеніе. Я — и авось либо не одинъ я — не знаю, да и знать не хочу, какіе принципы и какое ученіе сознавалъ Пушкинъ, — а знаю, что для нашей русской природы онъ все болѣе и болѣе будетъ становиться мѣркою принциповъ. Въ немъ заключается все наше — все, отъ отношеній, совершенно двойственныхъ нашего сознанія къ Петру и его дѣлу — до нашихъ тщетныхъ усилій насильственно создать въ себѣ и утвердить въ душѣ обаятельные призраки и идеалы чужой жизни, до нашей столь же тщетной теперешней борьбы съ этими идеалами и столь же тщетныхъ усилій вовсе отъ нихъ оторваться и замѣнить ихъ чисто-отрицательными и смиренными идеалами. И всѣ истинныя, правдивыя стремленія современной нашей литературы находятся въ духовномъ родствѣ съ Пушкинскими стремленіями, отъ нихъ по прямой

линіи ведутъ свое начало. Въ Пушкинѣ надолго, если не навсегда, завершился, обрисовавшись широкимъ очеркомъ, весь нашъ душевный процессъ — и тайна этого процесса въ его слѣдующемъ, глубоко-душевномъ и благоухающемъ стихотвореніи:

Художникъ варваръ кистью сонной
 Картину генія чернитъ
 И свой рисунокъ беззаконный
 На ней безсмысленно чертитъ.
 Но краски чуждыя съ лѣтами
 Спадаютъ ветхой чешуей,
 Созданье генія предъ нами
 Выходитъ съ прежней чистотой.
 Такъ исчезаютъ заблужденья
 Съ измученной души моей
 И возникаютъ въ ней видѣнья
 Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

Этотъ процессъ со всѣми нами въ отдѣльности и съ нашею общественною жизнью совершался и понынѣ совершается. Кто не видитъ могучихъ произрастаній типоваго, кореннаго, народнаго — того природа обдѣлила зрѣніемъ и вообще чутьемъ.

IV.

Случайно, или пожалуй и не случайно, наше славянское коренное и типовое есть вмѣстѣ и наиболѣе удобная подкладка для истинно-человѣческаго, т. е. христіанскаго — но только подкладка, не болѣе. И таковою подкладкой является оно вслѣдствіе своихъ отрицательныхъ качествъ, страдательныхъ съ одной стороны, критическихъ съ другой. Благодаря тѣмъ и другимъ, мы не можемъ долго и насильственно поддерживать въ себѣ поклоненія какому бы ни было человѣческому типу, какому бы ни было кумпру, изъ какого бы драгоценнаго металла или мрамора этотъ кумпръ ни былъ созданъ и какъ бы изящно онъ ни созданъ, — а вмѣстѣ съ тѣмъ во всякомъ типѣ мы видимъ и слабыя его стороны — и тотчасъ же относимся къ нимъ комически, какъ бы дорогъ типъ намъ ни былъ.

Въ этомъ-то отношеніи, въ цѣльной натурѣ Пушкина и въ ея борьбѣ съ различными, тревожившими ея и пережитыми ею типами — и заключается для насъ слово разгадки.... Повторяю еще разъ: Пушкинъ все наше переживалъ, (разумѣется, только какъ поэтъ, въ благоуханіи) отъ любви къ загнанной старинѣ («Родословная моего героя») до сочувствій реформѣ («Мѣдный всадникъ»), отъ нашихъ страстныхъ увлеченій эгоистически-обаятельными идеалами, до смиренного служенія Савелья («Капитанская дочка»), отъ нашего разгула до нашей жажды самоуглубленія, жажды «матери пустыни» и только смерть помѣшала ему воплотить наши высшія стремленія и весь духъ кротости и любви въ просвѣтленномъ образѣ Тазита, — смерть, которая унесла его столь же преждевременно какъ братьевъ его по духу, такихъ же набрасывателей многообъемлющаго и многосодержащаго идеала, Рафаэля Санціо и Моцарта. Ибо есть какой-то тайный законъ, по которому недолговѣчно все, разметывающееся въ ширину и коренится какъ дубъ односторонняя глубина....

Есть натуры, предназначенныя на то, чтобы намѣтить грани процессовъ, набросать полныя и цѣльныя, но однимъ очерками обозначенныя идеалы, и такая-то натура была у Пушкина. Онъ наше все — не устану повторять я, не устану *во первыхъ* потому, что находятся въ наше время критики, даже *историки* литературы, которые, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, объявляютъ, что Пушкинъ умеръ весьма кстати, ибо иначе не сталъ бы въ уровень съ современнымъ движеніемъ и пережилъ бы самого себя, — *во вторыхъ* потому, что есть мыслители, не подобнымъ критикамъ и историкамъ чета, а достойные уваженія по честности и серьезности взгляда, которые къ Пушкину находятся немного въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ находились Пуритане къ Шекспиру — и наконецъ потому, что многіе блестящіе и проницательные умы, сознавая великое значеніе въ нашей жизни Пушкина, какъ воспитателя художественнаго, не обращаютъ вниманія на его нравственно-общественное для насъ значеніе, на то, что въ немъ крайнія, хотя только обрисованныя, набросанныя опредѣленія всѣхъ на-

шихъ сочувствій, что во всей современной литературѣ нѣтъ ничего истинно замѣчательнаго и правильнаго, что бы, въ зародышѣ своемъ не находилось у Пушкина.

Объ этомъ я буду говорить въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.... Здѣсь позволю себѣ замѣтить только, что всѣ простыя, не преувеличенныя юмористически и не идеализированныя трагически отношенія литературы къ окружающей дѣйствительности и къ рускому быту — по прямой линіи ведутъ свое начало отъ взгляда на жизнь Ивана Петровича Бѣлкина.

Типъ Ивана Петровича Бѣлкина былъ почти любимымъ типомъ поэта въ послѣднюю эпоху его дѣятельности. Какое же душевное состояніе выразилъ намъ поэтъ въ этомъ типѣ и каково его собственно душевное отношеніе къ этому типу, влѣзая въ кожу, принимая взглядъ котораго, и онъ рассказываетъ намъ столь многія добродушныя исторіи, между прочимъ лѣтопись села Горохина и семейную хронику Гриневыхъ, эту родоначальницу всѣхъ теперешнихъ «семейныхъ хроникъ?»

Помните ли вы, мои читатели, мѣсто въ отрывкахъ главы, не вошедшей въ поэму объ Онѣгинѣ, и нѣкогда предназначавшейся на то, чтобы привести существованіе Онѣгина въ многообразныя столкновения съ русской жизнію и русской землею, какъ свидѣлствуютъ уцѣлѣвшія строфы, — привести эту праздную, тяготящуюся собою жизнь на разныя очныя ставки съ дѣятельною, суетливо-хлопочущею жизнію?... Эти отрывки, хотя они и отрывки, но весьма значительны.

Дѣло объѣзжать Россію и сталкиваться съ различными слоями ея жизни, Пушкинъ поручилъ потомъ не Онѣгину а извѣстному «плутоватому человѣку» Павлу Ивановичу Чичикову (Гоголь самъ говоритъ, что идея «мертвыхъ душъ» дана ему Пушкинымъ), — но между тѣмъ, въ этихъ отрывочныхъ строфахъ, Онѣгинъ является для насъ съ новой стороны, какъ лице, которому, не смотря на всю прожитую бурно жизнь, все таки некуда дѣвать здоровья и жизни:

За чѣмъ какъ Тульской засѣдатель,

Я не лежу въ параличѣ?

За чѣмъ не чувствую въ плечѣ

Хоть ревматизма? Ахъ, создатель!
 Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка....
 Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!

Да! тоскою о томъ, что много еще силъ, много здоровья и крѣпости жизни — долженъ кончить Онѣгинъ, какъ отраженіе извѣстной минуты душевнаго процесса — но не тоскою одной кончаетъ живая, многообъемлющая натура самаго поэта:

Порой дождливою наемдн
 Я, завернувъ на скотный дворъ....
 Тьфу! прозаическія бредни,
 Фламандской школы пестрый соръ!
 Таковъ ли былъ я расцвѣтая?
 Скажи, фонтанъ Бакчисарая,
 Такія ль мысли мнѣ на умъ
 Вводилъ твой безконечный шумъ?

Эта выходка поэта — негодованіе на прозаизмъ и мелочность окружающей его обстановки, но вмѣстѣ и невольное сознаніе того, что этотъ прозаизмъ имѣетъ неотъемлемыя права надъ душою, что онъ въ душѣ остался какъ отсадокъ послѣ всего броженія, послѣ всѣхъ напряженій, послѣ всѣхъ тщетныхъ попытокъ окамениться въ Байроновскихъ формахъ. И тщета этой борьбы съ собственной душою и негодованіе на то, что послѣ борьбы остался именно такой отсадокъ — одинаково знаменательны:

Какія бь чувства ни таились
 Тогда во мнѣ, — теперь ихъ нѣтъ:
 Онѣ прошли иль измѣнились,
 Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
 Въ ту пору мнѣ казались нужны ✕
 Пустыни, водъ края жемчужны
 И моря шумъ и груды скалъ,
 И гордой дѣвы идеаль,
 И безыменныя страданья....
 ✕ Другіе дни, другіе сны!
 Смпрились вы моей весны
 Высокопарныя мечтанья,
 И въ поэтическій бокаль
 Воды я много подмѣшалъ.
 Иныя нужны мнѣ картины;

Люблю песчаный косогоръ,
 Передъ избушкой двѣ рябины,
 Калитку, сломанный заборъ,
 На небѣ сѣренькія тучи,
 Передъ гумномъ соломы кучи,
 Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ;
 Раздолье утокъ молодыхъ....
 Теперь мила мнѣ базалайка,
 Да пьяный топотъ трепака
 Передъ порогомъ кабака;
 Мой идеаль теперь — хозяйка,
 Мои желанія — покой,
 Да щей горшокъ, да самъ большой...!

Поразительна эта простодушнѣйшая смѣсь ощущеній самыхъ разнородныхъ, негодованія и желанія набросить на картину колоритъ самый сѣрый съ невольной любовію къ картинѣ, съ чувствомъ ся особенной, самобытной красоты! Эти строфы — ключъ къ самому Пушкину и къ нашей русской натурѣ вообще, ключъ, гораздо болѣе важный чѣмъ *принципы* г. N N или г. Z Z.... Это чувство есть наше типовое.... Оно только что очнулось отъ тревожно-лихорадочнаго сна, только что вырвалось изъ кипящаго, страшнаго омута, оглядывается на божій свѣтъ, встряхиваетъ кудрями, чувствуетъ что и все вокругъ его то же, такое же какъ было до сна, и само оно то же, тѣкое же какъ было до борьбы съ призраками и юношески недовольно тѣмъ, что оно свѣжо и молодо послѣ всѣхъ схватокъ съ подводными чудовищами...

Но кружась въ водоворотѣ этого омута, наше сознание видѣло такіе сны и образы ихъ такъ ясно въ немъ отпечатлѣлись, что въ призрачной борьбѣ съ ними или, лучше сказать, мѣряться съ ними, оно ощутило въ себѣ силы необъятныя. Какъ же это оно такъ молодо, здорово, испытавши столько, и, какъ же, испытавши столько, оно опять видитъ предъ собою прежнюю обстановку?... Вѣдь въ борьбѣ, хотя и призрачной *) оно узнало само себя,

*) Замѣчательно, что Марлинскій, этотъ огромный талантъ допотопной формации, оканчиваетъ свою повѣсть: «Страшное гаданье» мыслію — что призрачный міръ, если только онъ глубоко воспринятъ душой, оставляетъ въ ней такой же слѣдъ, какъ и міръ дѣйствительный.

узнало, что не только эту бѣдную и обыденную обстановку можетъ воспринять и усвоить, но и всякую другую, какъ бы ни была эта другая сложна, широка и великолѣпна. Пусть на первый разъ — оно разъяснило себя въ чуждой обстановкѣ, т. е. пусть на первый разъ мѣра силъ познана въ примѣркѣ къ чужому, для нихъ призрачному,—да силы то ужъ себя знаютъ и знаютъ уже кромѣ того, что имъ мала, бѣдна и узка обыденная обстановка дѣйствительности.

А между тѣмъ и въ самомъ круженіи, въ самой борьбѣ съ тѣнями, силы чувствовали минутами припадки непонятнаго влеченія къ этой самой, по видимому столь узкой и скудной обстановкѣ, къ своей собственной почвѣ.

Негодование силъ, извѣдавшихъ уже «добрая и злая», — выразившись у Пушкина въ вышеприведенныхъ строфахъ, еще сильнѣй отразилось въ стихотвореніи, которое онъ самъ называлъ «капризомъ».

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузой
и отъ котораго пошло въ нашей литературѣ столько стихотвореній — и Лермонтовскихъ, и Огаревскихъ и Некрасовскихъ.... Но у Пушкина негодование перешло въ серьезную мужескую думу о своихъ отношеніяхъ къ міру призрачному и къ міру дѣйствительному.

Въ тѣ дни, когда муза, по словамъ его, услаждала ему

Путь нѣмой

Волшебствомъ тайнаго разсказа

когда.... но, пусть лучше говоритъ онъ самъ:

Какъ часто по скаламъ Кавказа

Она Ленорой при лунѣ

Со мной скакала на конѣ....

Какъ часто по брегамъ Тавриды,

Она меня во мглѣ ночной

Водила слушать шумъ морской

Немолчный шопоть Неренды,

Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,

Хвалебный гимнь Отцу міровъ.

Въ эти дни молодаго и кипучаго вдохновенія, великая натура мѣряла свои силы со всѣмъ великимъ, что уже она встрѣ-

тѣла даннымъ и готовымъ, подвергаясь равномерно вліянію и свѣтлыхъ и темныхъ его сторонъ. Оказалось *во первыхъ*, что на «вся добрая и злая» — у нея есть удивительная отзывчивость; *во вторыхъ*, что эта отзывчивость не можетъ остановиться на среднемъ пути, а ведетъ всякое сочувствіе до крайнихъ его предѣловъ и *съ третьихъ* наконецъ, что все таки не можетъ оно перестать любить своего тивоваго, не можетъ не искать его и не можетъ забыть своей почвы.... Эта любовь скажется то радостію «замѣтить разность» между Онѣгинымъ и собою, то мечтою о поэмѣ «пѣсенъ въ двадцать пять» съ мирнымъ, семейнымъ характеромъ.... мало ли чѣмъ наконецъ? — записываніемъ сказокъ старой няньки или анекдотовъ о старинѣ!...

Когда поэтъ въ эпоху зрѣлости самосознанія привелъ для самаго себя въ очевидность всѣ эти, повидимому совершенно противоположныя явленія, совершавшіяся въ его собственной натурѣ, — то, прежде всего правдивый и искренній, онъ умалилъ себя, когда-то Гирея, плѣнника, Алеко до образа Ивана Петровича Бѣлкина.... Я говорю: умалилъ себя, а не поставилъ въ надлежащія границы, ибо трудно представить себѣ дѣйствительно Иваномъ Петровичемъ Бѣлкинымъ, натуру, которая и прежде мѣрялась, да и не переставала мѣряться силами съ самыми могучими типами, ибо въ то же самое время геній поэта прощкалъ въ мрачно-сосредоточенную душу Сальери и въ вѣчно жаждущую жизни натуру Донъ Жуана — стало быть вовсе не сосредоточивалась исключительно въ существованіи Бѣлкина.

Въ этомъ типѣ узаконивалось и притомъ только на время, только отрицательно, критически, чисто типовая сторона. Въ существованіе Бѣлкина пошелъ только критическій отсaddockъ борьбы, а отнюдь не вся личность поэта, — ибо Пушкинъ вовсе не думалъ отречься отъ прежнихъ своихъ сочувствій или считать ихъ противузаконными, — какъ это готовы дѣлать иногда мы. Бѣлкинъ для Пушкина вовсе не герой его, — а просто критическая сторона души, ибо иначе, откуда взялась бы въ душѣ поэта другая сторона ея, сторона широкихъ и пламенныхъ сочувствій.

Недавно — года два тому назадъ, одинъ критикъ, разби-

рая «Семейную хронику» Аксакова и повергая къ ея подножию всю русскую литературу, упрекалъ Лермонтова въ маломъ уваженіи его къ личности Максима Максимыча. Но мы были бы народъ весьма не щедро надѣленный природою, если бы героями нашими были Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ и Максимъ Максимычъ. Тотъ и другой вовсе не герои, а только контрасты типовъ, которыхъ величіе оказалось на нашу душевную мѣрку несостоятельнымъ.

Что такое Пушкинскій Бѣлкинъ, тотъ Бѣлкинъ, который плачется въ повѣстяхъ Тургенева о томъ, что онъ вѣчный Бѣлкинъ, что онъ принадлежитъ къ числу «лишнихъ людей», или «куцыхъ», — которому въ Писемскомъ смерть хотѣлось бы, но совершенно тщетно — посмѣяться надъ блестящимъ и страстнымъ типомъ, котораго хочетъ не въ мѣру и насильственно поэтизировать Толстой и предъ которымъ, даже Петръ Ильичъ драмы Островскаго: «Не такъ живи какъ хочется», — смиряется.... по крайней мѣрѣ до новой масляницы и до новой Груши?

Бѣлкинъ Пушкинскій есть простой здравый толкъ и здоровое чувство, кроткое и смиренное, — вопіющій законно противъ злоупотребленія нами нашей широкой способности понимать и чувствовать: стало быть начало только отрицательное, — правое только какъ отрицательное, ибо, предоставьте его самому себѣ — оно перейдетъ въ застой, мертвлящую лѣнь, хамство Фамусова и добродушное взяточничество Юсова.

Посмотрите на этотъ отрицательный типъ у Пушкина — вездѣ, гдѣ онъ у него самолично является, или гдѣ поэтъ повѣствуетъ въ его тонѣ и съ его взглядомъ на жизнь.... Запуганный страшнымъ призракомъ Сильвіо, ошеломленный его мрачной сосредоточенностію въ одномъ дѣлѣ, въ одной мстительной мысли, — онъ еще не сомнѣвается въ томъ, что Сильвіо *можетъ* существовать: только въ наше время, въ повѣстяхъ Толстаго дошелъ онъ анализомъ до предположенія, что такихъ людей, какъ Сильвіо, не бываетъ. У Пушкина онъ знаетъ только, что самъ онъ вовсе не Сильвіо и боится этого типа. «Нѣтъ ужъ» — говоритъ онъ — «лучше пойду я къ людямъ попроче и первый опускается въ простые и, такъ называемые низшіе слои жизни. Въ «Гробов-

щкѣ» — зерно всѣхъ нашихъ теперешнихъ отношеній въ этихъ слояхъ жизни, а въ «Станціономъ Смотрителѣ» зерно всей натуральной школы.

Но съ этой жизнію попроще, куда онъ хочетъ спуститься, онъ вѣдь тоже разобщенъ кой какимъ образованіемъ, а главное, онъ уже смотритъ на нее съ высотыэтого кой-какого образованія.

Комизмъ положенія человѣка, который считаетъ себя обязаннымъ по своему образованію смотрѣть какъ на нѣчто себѣ чуждое, на то, съ чѣмъ у него гораздо болѣе общаго, чѣмъ съ приобрѣтенными имъ вершушками образованности— является необыкновенно ярко въ лицѣ Бѣлкина, автора «Лѣтописи села Горохина».... Эта лѣтопись — тончайшая и вмѣстѣ добродушно — поэтическая насмѣшка надъ цѣлою вѣковою полосою нашего развитія, надъ всею нашею поверхностною образованностію, изъ которой мы вынесли взглядъ, совершенно неприложимый къ явленіямъ окружающей насъ дѣйствительности.... Въ этомъ наивномъ лѣтописцѣ села Горохина лукаво скрыты и всѣ наши прошлые взгляды на нашъ бытъ и нашу старину, выражавшіеся то стихами въ родѣ:

Россійскіе князья, бояре, воеводы

Пришедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы.

то фразами, какъ наприимѣръ, «Ярославъ пріѣхалъ господствовать надъ трупами», или «отселѣ исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной», — по удивительному поэтическому предвѣденію, скрыты такъ же какъ и всѣ теперешнія наши отношенія къ дѣйствительности.

И вѣдь мало того, что въ этомъ легкомъ очеркѣ, въ этихъ немногихъ гениальныхъ страницахъ — бездна самой безощадной ироніи: въ нихъ есть нѣчто высшее ироніи. Откуда въ немъ, въ этомъ Бѣлкинѣ, который считаетъ обязанностію писать съ важностію древнихъ историковъ о странѣ, называемой Горохинымъ, и живописуетъ вычурнымъ тонкомъ нравы ея обитателей, — откуда въ немъ такое удивительное знаніе этихъ нравовъ и такое любовное и вмѣстѣ совершенно правяльное къ нимъ отношеніе?... О сказки Ирины Родіоновны, — пробивавшіяся въ натурѣ нашего

поэта сквозь всё искусственные произрастания, — вы хранили такую свѣжую, чистую струю въ душѣ молодого, воспитаннаго по-французски барича, — что отдаленное потомство помянетъ васъ добрымъ словомъ и благословеніемъ, забывши разные принципы, сознательнымъ проведеніемъ которыхъ гг. NN, ZZ и иные, стоятъ *якобы* выше Пушкина и Гоголя!

Всѣ наши жилы бились въ натурѣ Пушкина, и, въ настоящую минуту, литература наша развиваетъ только его задачи — въ особенности же типъ и взглядъ Бѣлкина. Бѣлкинъ, который писалъ въ «Капитанской дочкѣ» хронику семейства Гриневыхъ, написалъ и «хронику семейства Багровыхъ» — Бѣлкинъ и у Тургенева и у Писемскаго, Бѣлкинъ отчасти и у Толстаго — ибо Бѣлкинъ Пушкинскій былъ первымъ выраженіемъ критической стороны нашей души, очнувшейся отъ сна, въ которомъ грѣзились ей различные міры.

Но чтобы понять Бѣлкина и оцѣнить его ни выше, ни ниже того, чего онъ дѣйствительно стоитъ, т. е. чтобы разяснить себѣ эту критическую сторону нашей души — должно по пристальнѣе взглядѣться и въ тотъ нестрѣй сонъ, въ которомъ душа наша осваивалась съ многообразными мірами, предъ ней мелькавшими, боролась съ многими для нея обаятельными призраками. Въ отношеніяхъ, хотя и напряженныхъ къ этимъ призракамъ — сказались однако существенныя свойства нашей души, ея сочувствія или вражды, широта ея захвата, предѣлы ея снѣ: это были пробы ея самостоятельной жизни.

Если бы начать доискиваться, какіе *принципы* руководили Пушкина въ созданіи лицъ Плѣбника, Гирся, Алеко, Сильвіо, Гусманна — то можно было бы дойти только до обвиненія его въ томъ, что герои его—уголовные преступники или до противоположныхъ негѣпостей. Ни къ чему иному исцанье *принциповъ* обыкновенно не приводитъ, да и привести не можетъ. Не мудрено отыскать принципы въ *обличительной* и *полезной* литературѣ, но

Позабывъ свое служенье,
Олтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?

хотя съ другой стороны — великіе жрецы и не суть жрецы какого-то отвлеченнаго отъ жизни, безсѣменнаго и бесплоднаго искусства.

Живое созданіе не укладывается въ тѣсныя рамки, назначаемыя принципами — какъ и жизнь сама въ нихъ не укладывается. Жизнь весьма часто пронически смѣется надъ самыми вѣрными принципами, которыми хотятъ ее опредѣлить. Вдругъ порою покажетъ она нежданно-негаданно такія силы, которыя способны создавать новые міры, когда вы думаете, что совершенно вызнали ея ходъ, что проникли ея тайную думу — когда вы увѣрены, что она вотъ такъ и будетъ двигаться по предъузнанному вами направленію!

V.

Въ ту же эпоху, съ которой я начинаю свое обозрѣніе, впервые появилась въ печати безсмертная комедія Грибоѣдова, и вотъ что писалъ о ней Бѣлинскій въ «Литературныхъ мечтаніяхъ.»

«Грибоѣдова комедія или драма (я не совсѣмъ хорошо понимаю различіе между этими словами, значеніе же слова *трагедія*, совсѣмъ не понимаю) давно ходила въ рукописи. О Грибоѣдовѣ, какъ и о всѣхъ примѣчательныхъ людяхъ, было много толковъ и споровъ; ему завидовали нѣкоторые наши геніи, въ то же время удивлявшіеся «Ябедѣ» Капниста; ему не хотѣли отдавать справедливости тѣ люди, которые удивлялись гг. АВ, CD, EF. Но публика разсудила иначе: еще до печати и представленія, рукописная комедія Грибоѣдова разлилась по Россіи бурнымъ потокомъ.

Комедія, по моему мнѣнію, есть такая же драма, какъ и то, что обыкновенно называется *трагедією*; ея предметъ есть представленіе жизни въ противорѣчій съ идеей жизни; ея элементъ есть не то невинное остроуміе, которое добродушно издѣвается надъ всѣмъ, изъ одного желанія позубоскалить, нѣтъ: ея элементъ есть этотъ желчный *гуморъ*, это грозное негодованіе, которое не улыбается шутливо, а хочеть яростно, которое преслѣдуетъ ничтожество и эгоизмъ не эпиграммами, а сарказмами. Комедія Грибоѣдова есть истинная *Divina comedia*! Это совсѣмъ не смѣшной

анекдотецъ, переложенный на разговоры, не такая комедія, гдѣ дѣйствующія лица нарицаются *Добряковыми*, *Плутоватыными*, *Обдираловыми* и проч.; ея персонажи давно были вамъ извѣстны въ натурѣ, вы видѣли, знали ихъ еще до прочтенія «Горя отъ Ума» и, однакожь, вы удивляетесь нѣ какъ какъ явленіямъ, совершенно новымъ для васъ: вотъ высочайшая истина поэтического вымысла! Люди, созданные *Грибоедовымъ*, сняты съ натуры во весь ростъ, почерпнуты со дна дѣйствительной жизни; у нихъ не написано на лбахъ ихъ добродѣтелей и пороковъ, но они заклеены печатью своего ничтожества, заклеены мстительною рукою палача-художника. Каждый стихъ Грибоедова есть сарказмъ, вырвавшійся изъ души художника въ пылу негодованія; его слогъ есть, *par excellence*, разговорный. Недавно одинъ изъ нашихъ примѣчательнѣйшихъ писателей, слишкомъ хорошо знающій общество, замѣтилъ, что только одинъ *Грибоедовъ* умѣлъ переложить на стихи разговоръ нашего общества; безъ всякаго сомнѣнія, это не стоило ему ни малѣйшаго труда, и тѣмъ не менѣе, это все-таки великая заслуга съ его стороны, ибо разговорный языкъ нашихъ комиковъ.... Но я уже обѣщался не говорить о нашихъ комикахъ.... Конечно, это произведеніе не безъ недостатковъ въ отношеніи къ своей цѣлости, но оно было первымъ опытомъ таланта *Грибоедова*, первою русскою комедіею; да и сверхъ того, каковы бы ни были эти недостатки, они не помѣшаютъ ему быть образцовымъ, гениальнымъ произведеніемъ и не въ русской литературѣ, которая въ *Грибоедовѣ* лишилась *Шекспира* комедій.»

Замѣчательна опять въ этой юношеской страницѣ, удивительная вѣрность *основъ* взгляда. Впослѣдствіи, великій критикъ, поддавшись новымъ и сильнымъ увлеченіямъ, пзмѣнилъ во многомъ этому взгляду, уступивши невольнo и бессознательно различнымъ воплямъ, до того могущественнымъ, что и доселѣ еще вопросъ о комедіи Грибоедова пмн запутанъ. Но въ сущности, этотъ вопросъ распутывается весьма просто. Комедія Грибоедова есть единственное произведеніе, представляющее художественно сферу нашего, такъ называемаго, свѣтскаго быта, а съ другой стороны, Чац-

кѣй Грибоѣдова есть единственное, истинно героическое лице нашей литературы.... Постараюсь пояснить два этихъ положенія. Всякій разъ, когда великое дарованіе, носитъ ли оно имя Гоголя или имя Островскаго, откроетъ новую руду общественной жизни и начнетъ увѣковѣчивать ея типы (Гоголь типы малороссійскіе, Островскій типы великорусскіе), всякій разъ въ читающей публикѣ, а иногда даже и въ критикѣ (къ большому, впрочемъ, стыду сей послѣдней) слышатся возгласы о низменности избранной поэтомъ среды жизни, объ односторонности направленія и т. п. — всякій разъ высказываются наивнѣйшія ожиданія, что вотъ-вотъ явится писатель, который представитъ намъ типы и отношенія изъ высшихъ слоевъ жизни. Ни мѣщанская часть публики, ни мѣщанское направленіе критики, въ которыхъ слышатся подобныя возгласы и которые живутъ подобными ожиданіями, не подозрѣваютъ въ наивности своей, что если только какой либо слой общественной жизни выдается своими типами, если отношенія, его отличающія, стоятъ на одномъ изъ первыхъ плановъ въ движущейся картинѣ жизни народнаго организма, то искусство неминуемо отразитъ и увѣковѣчитъ его типы, анализируетъ и осмыслитъ его отношенія. Великая истина Шеллинизма, что «гдѣ жизнь, тамъ и поэзія», истина, которую проповѣдывалъ нѣкогда такъ блистательно нашъ глубокомысленный Надеждинъ, какъ-то не дается до сихъ поръ въ руки ни нашей публикѣ, ни нѣкоторымъ направленіямъ нашей критики. Эта истина или вовсе не понята или понята очень поверхностно. Не все то есть жизнь, что называется жизнію, какъ не все то золото, что блеститъ. У поэзія вообще есть великое, только ей данное чутье на различеніе жизни настоящей отъ миражей жизни: явленія первой она увѣковѣчиваетъ, ибо онѣ суть типическія, имѣютъ корни и вѣтви: къ миражамъ она относится и можетъ относиться только комически, — да и комическаго отношенія удостоиваетъ она ихъ только тогда, когда они соприкасаются съ жизнію дѣйствительною. Какъ можетъ художество, имѣющее вѣчною задачею своею правду, и одну только правду, создавать образы, не имѣющіе существеннаго содержанія, анализировать такого ро-

Отд. II.

да исключительныя отношенія, которыхъ исключительность есть нѣчто произвольное, условное, натянутое?... Антояъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій или какой нибудь Китъ Китычъ Брусковъ суть лица, имѣющія свое собственное, имъ только свойственное, типическое существованіе, но какой нибудь Чельскій въ романѣ «Племянница», какой нибудь Сафьевъ въ повѣсти «Большой свѣтъ», взяты напрокатъ изъ другой, французской или англійской жизни. Пусть они въ такъ называемой великосвѣтской жизни и встрѣчаются, — да художеству-то нѣтъ до нихъ никакого дѣла, ибо художество не возсоздаетъ повтореній; а въ самомъ повтореніи, если таковое попадаетъ въ жизни, ищетъ чертъ существенныхъ, самостоятельныхъ. Такъ напримѣръ, если бы неминуемо пришлось искусству настоящему имѣть дѣло съ однимъ изъ упомянутыхъ мною героевъ, оно отыскало бы въ нихъ ту тонкую черту, которая отдѣляетъ эти коміи отъ французскихъ или англійскихъ оригиналовъ (какъ Гоголь отыскалъ тонкую черту, отдѣляющую художника Пискарева отъ художниковъ другихъ странъ, его жизнь отъ ихъ жизни), и на этой чертѣ основало бы свое созданіе: естественно, что созерцаніе вышло бы комическое, да инымъ оно и быть не можетъ, инымъ ему и не зачѣмъ быть! Художество есть дѣло серьезное, дѣло народное. Какая ему нужда до того, что въ извѣстномъ господинѣ или въ извѣстной госпожѣ развились чрезъ мѣру утонченныя потребности? Если онѣ комичны предъ судомъ христіанскаго и человѣчески-народнаго созерцанія — казни ихъ комизмомъ безъ всякаго милосердія, какъ казнить комизмомъ то, что стоятъ такой казни, Грибоѣдовъ, какъ казнить Гоголь Марью Александровну въ «Отрывкѣ», какъ казнить Островскій Мерича, Писемскій — т-ше Мамилову. Все, что само по себѣ глупо или безнравственно съ высшихъ точекъ самой жизни, колыми паче глупо и безнравственно предъ искусствомъ, да и знаетъ очень хорошо въ этомъ случаѣ свои задачи искусство: все глупое и безнравственное въ жизни оно казнить, какъ только глупое и безнравственное рельефно выставится на первый планъ.

Не за предметъ, а за отношеніе къ предмету долженъ быть хвалимъ или порицаемъ художникъ. Предметъ почти

что не зависеть даже отъ его выбора: вѣроятно, графъ Толстой, напримѣръ, болѣе всѣхъ другихъ былъ бы способенъ изображать великосвѣтскую сферу жизни и выполнять главныя ожиданія многихъ, страдающихъ тоскою по этимъ изображеніямъ, но высшія задачи таланта влекутъ его не къ этому дѣлу, а къ искреннѣйшему анализу души человѣческой.

Но прежде всего, что разумѣть подѣ сферой большаго свѣта? Принадлежатъ ли къ ней, напримѣръ, типы въ родѣ Фонвизинскихъ Сорванцевъ и княгини Халдиной, принадлежитъ ли къ ней весь міръ, созданный безсмертной комедіей Грибоѣдова? Почему жъ бы имъ, кажется, и не принадлежать? Павелъ Аванасьевичъ Фамусовъ

англійскаго клуба,

Старинный, вѣрный членъ до гроба

и находится въ извѣстномъ близкомъ отношеніи, можетъ быть даже родственномъ, съ «княгиней Марьей Алексѣвной», — Репетиловъ, безъ сомнѣнія, большой баринъ, хотя и промотавшійся баринъ; графиня Хрюмина и княгиня Тугоуховская, равно какъ и Фонвизинская княгиня Халдина, суть несомнѣнно лица, ведущія роды свои весьма издалика; а между тѣмъ, скажите-ко, что Фон-визинъ и Грибоѣдовъ изображали большой свѣтъ, — въ отвѣтъ вы получите презрительно-величавую улыбку!

Съ другой стороны, почему какой либо офицеръ Печоринъ у Лермонтова или офицеръ Сережа у графа Сологуба люди большаго свѣта и принадлежатъ несомнѣнно къ сферѣ этаго свѣта? Неужели отъ того только, что они принадлежатъ

Къ любимцамъ гвардіи, гвардейцамъ, гвардіонцамъ, о которыхъ съ такою досадою говоритъ Скалозубъ. Отъ чего несомнѣнно же принадлежитъ къ сферѣ большаго свѣта княгиня Лиговская, которая въ сущности есть та же Фонвизинская княгиня Халдина? Отъ чего несомнѣнно же принадлежатъ къ этой сферѣ всѣ скучныя лица скучныхъ романовъ г-жи Евгеніи Туръ? Явно, что не сфера родовыхъ преимуществъ, не сфера бюрократическихъ верхушекъ разумѣется въ жизни и въ литературѣ подѣ сферою большаго свѣта. Багровы, напримѣръ, никакъ уже не люди большаго свѣта, да едва

ли бы и захотѣли принадлежать къ нему. Фамусовъ и его мѣръ—не тотъ мѣръ, въ которомъ сіяетъ графиня Воротынская, въ которомъ проваливается Леонидъ и безнаказанно кобенится Сафьевъ и дѣйствуютъ въ такомъ же духѣ другіе герои графа Соллогуба или г-жи Евгеніи Туръ. Да ужъ полно, не воображаемый ли только этотъ мѣръ? спрашиваете вы себя съ нѣкоторымъ изумленіемъ. Не одна ли мечта литературы, мечта, основанная на двухъ, трехъ, много десяти домахъ въ той и другой столицѣ? Въ жизни вы встрѣчаете или мѣры, которыхъ существенные признаки сводятся къ чертамъ уважаемыхъ и любимыхъ вами Багровыхъ, или съ дикими и въ сущности всегда одинаковыми понятіями Фамусовыхъ и Гоголевской Марьи Александровны.

А между тѣмъ, въ мѣщанскихъ кругахъ общезитія и литературы (вотъ эти круги такъ ужъ несомнѣнно существуютъ) вы только и слышите что слова: большой свѣтъ, *comme il faut*, высокій тонъ. Вы подходите къ явленіямъ, на которыя мѣщанство указываетъ какъ на представителей того и другаго и третьяго — и простымъ глазомъ видите или Багровыхъ или мѣръ Фамусова; первыхъ вы уважаете за возвышенность ихъ взгляда, хотя можете и не дѣлать съ ними нѣкоторой упорной ихъ закоренѣлости, — къ послѣднимъ и не можете и не должны отнестись иначе, какъ отпесся къ нимъ великій комикъ. Тотъ или другой мѣръ хотя правда выдѣлать себя иногда на англійскій или французскій манеръ: по при великой способности къ выдѣлкѣ, въ русскомъ человѣкѣ совершенно недостаетъ выдержки. Какаянибудь блпстательная графиня Воротынская, того и гляди кончитъ какъ Грибоѣдовская Софья Павловна; какойнибудь князь Чельскій можетъ, съ *теченіемъ времени*, дойти до *метеорскаго* состоянія, хоть до легонькаго. Это и бываетъ зачастую. Одни Багровы останутся всегда себѣ вѣрными, потому что въ нихъ есть крѣпкія, коренныя, хотя и узкія начала.

Вотъ почему леденящій ироническій тонъ слышенъ во всемъ томъ, въ чемъ Пушкинъ касался такъ называемаго большаго свѣта, отъ Пиковой Дамы до Египетскихъ ночей и другихъ отрывковъ,—и вотъ почему никакой ироніи у него

не слышно въ изображеніяхъ старика Гринева и Кирилы Троекурова: иронія не приложима къ жизни, хотя бы жизнь и была груба до звѣрства. Иронія есть нѣчто не полное, состояніе духа несвободное, нѣсколько зависимое, слѣдствіе душевнаго раздвоенія, слѣдствіе такого состоянія души, въ которомъ и сознаешь ложь обстановки и давить вмѣстѣ съ тѣмъ обстановка, какъ давить она Пушкинскаго Чарскаго. Едва ли бы нашъ великій учитель и окончилъ когда нибудь эти многіе отрывки, оставшіеся намъ въ его сочиненіяхъ. Настоящій тонъ его свѣтлой души былъ не ироническій, а душевный и искренній.

Та же иронія, только ядовитѣе, злѣе и въ Лермонтовѣ. Когда Печоринъ замѣчаетъ въ книгѣ Лиговской склонность къ двусмысленнымъ анекдотамъ, — передъ зрителемъ поднимается задняя занавѣсъ и за этой занавѣсью открывается давно знакомый міръ, міръ Фонвизинскій и Грибоедовскій. И поднимать эту занавѣсъ есть настоящее дѣло серьезной литературы. Ее поднимаетъ даже и графъ Сологубъ, какъ писатель, все таки весьма даровитый, но поднимаетъ какъ то невзначай, безъ убѣжденія, тотчасъ же опять и опуская ее, тотчасъ же опять вѣря и желая другихъ заставить вѣрить въ свою кукольную комедію. Въ его «Львѣ», напримѣръ, есть страница, гдѣ онъ очень смѣло приступаетъ къ поднятію задней занавѣси, гдѣ онъ прямо говоритъ о томъ, что за выдѣланными, взятыми на прокатъ формами большаго свѣта, кроются часто черты совершенно простыя, даже пошлыя, — но вся бѣда въ томъ, что только эти черты кажутся ему пошлыми, тогда какъ выдѣланныя гораздо пошлѣе. Возьмемъ самый крайній случай: положимъ, что подкладка (тщательно скрытая) какого нибудь свѣтскаго господина, усвоившаго себѣ и англійскій флегматизмъ и французскую наглость, есть просто натура избалованнаго барченка, или положимъ, что одна изъ блестящихъ героинь графа Сологуба, въ родѣ графини Воротиной, вся *сдѣланная*, вся воздушная — наединѣ съ своей горничной выскажетъ тоже натуру обыкновенной и по русски избалованной барыни, — настоящая натура героя или героини, все таки лучше (пожалуй хоть только въ художе-

ственномъ смыслѣ) ея или его *дѣланной* натуры; ужъ потому только, что дѣланная натура есть всегда повторенная.

Къ сожалѣнію, изъ всѣхъ нашихъ писателей, принимавшихся за сферу большаго свѣта, одинъ только художникъ сумѣлъ удержаться на высотѣ созерцанія — Грибоѣдовъ. Его Чацкій былъ, есть и долго будетъ непонять — именно до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ окончательно въ нашей литературѣ несчастная болѣзнь, которую называлъ я однажды и называлъ кажется справедливо: *болѣзнію моральнаго лакейства*. Болѣзнь эта выражалась въ различныхъ симптомахъ — но источникъ ея былъ всегда одинъ: преувеличеніе призрачныхъ явленій, обобщеніе частныхъ фактовъ. Отъ этой болѣзни былъ совершенно свободенъ Грибоѣдовъ, — отъ этой болѣзни свободенъ Толстой, — но, хотя это и страшно сказать, — отъ нея не былъ свободенъ Лермонтовъ. Возвышенная натура Чацкаго, который ненавидитъ ложь, зло и тупоуміе какъ человѣкъ вообще, а не какъ условный *порядочный* человѣкъ и смѣло обличаетъ всякую гадость, хотя бы его и не слушали: менѣе сильная, но не менѣе честная личность героя «Юности», который, при встрѣчѣ съ кружкомъ умныхъ и энергическихъ, хотя и не порядочныхъ, хоть даже и пьющихъ молодыхъ людей, вдругъ сознаетъ всю свою мелочность предъ ними и въ нравственномъ и въ умственномъ развитіи, явленія, смѣю сказать болѣе жизненные, т. е. болѣе идеальныя, нежели натура господина, который изъ какого-то условнаго, натянутаго взгляда на жизнь и отношенія, едва подаетъ руку Максиму Максимычу, хотя и дѣлалъ съ нимъ когда-то радость и горе! Будетъ ужъ намъ подобныя явленія считать за живыя и пора отречься отъ дикаго мнѣнія, что Чацкій — Донъ Кихоть. Пора намъ убраться въ противномъ, т. е. въ томъ, что наши львы, фешенебли какъ взятые на прокатъ — Донъ Кихоты; что собственная, тщательно ими скрываемаемая натура ихъ самихъ и добрѣе и лучше той, которую берутъ они займы.

Самое представленіе о сферѣ большаго свѣта, какъ о чемъ-то давящемъ, гнетущемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обаятельнымъ, — родилось не въ жизни, а въ литературѣ и литературою взято на прокатъ изъ Франціи и Англии. *Звонкіе*,

Грешины и *Лидины*, являвшіеся въ повѣстяхъ Марлинскаго, конечно очень смѣшны, но графы Слалачинскіе, Гг. Бондаревскіе и иные—даже самые Печорины, съ тѣхъ поръ, какъ Печоринъ появился во множествѣ экземпляровъ, смѣшны точно такъ же, если не больше! Серьезной литературѣ до нихъ еще меньше дѣла, чѣмъ до Звонскихъ, Гремныхъ и Лидиныхъ. Въ нихъ нельзя ничего принимать взаправду, а изображать ихъ такими, какими они кажутся, значить только угождать мѣщанской части публики, той самой «ки э каню авекъ ле Чуфыринъ э ле Курмицынъ» и вздыхаетъ о вечерахъ графини Воротынской.

Другое отношеніе возможно еще къ сферѣ большаго свѣта и выразилось въ литературѣ — желчное раздраженіе. Имъ проникнуты напримѣръ повѣсти Н. Ф. Павлова, въ особенности его «Милліонъ» — но и это отношеніе есть точно такъ же слѣдствіе преувеличенія и обличало недостатокъ сознанія собственнаго достоинства. Это-крайность, которая, того и гляди, перейдетъ въ другую противоположную; борьба съ призракомъ, созданнымъ не жизнію, а Бальзакомъ, борьба и утомительная и бесплодная; хожденіе на муху съ обухомъ.

Рѣшительно можно сказать, что представленіе о большемъ свѣтѣ не есть ничто рожденное въ нашей литературѣ, а напротивъ занятое ею и притомъ занятое не у Англичанъ, а у Французовъ. Оно явилось не ранѣе тридцатыхъ годовъ, не ранѣе и не позднѣе Бальзака. Прежде, общественные слои представлялись въ иномъ видѣ простому, ничѣмъ не помраченному взгляду нашихъ писателей. Фон-визинъ, человекъ высшаго общества, не видитъ ничего грандіознаго и поэтическаго — не говорю уже въ своей *Совѣтницѣ* или въ своемъ *Ивануцкѣ* (къ бюрократіи и наша современная литература умѣла относиться комически), но въ своей *княгинѣ Халдиной* и въ своемъ *Сорванцевѣ*—хотя и та и другой, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ числу *des gens comme il faut* ихъ времени: сатирическая литература временъ Фон-визина (и до него) казнить невѣжество барства, но не видитъ никакого особаго *comme il faut*'наго міра, живущаго какъ *status in statu* по особеннымъ, ему свойствен-

нымъ, имъ и другимъ признаваемымъ законамъ. Грибоѣдовъ казнить невѣжество и хамство, но казнить ихъ не во имя сошме il faut'наго условнаго идеала, а во имя высшихъ законовъ христіанскаго и человѣчески-народнаго взгляда. Фигуру своего борца, своего Яфета, Чацкаго, онъ отѣнилъ фигурою хама Репетилова, не говоря уже о хамѣ Фамусовѣ и хамѣ Молчалниѣ. Вся комедія есть комедія о хамствѣ, къ которому равнодушнаго или даже нѣсколько боѣе спокойнаго отношенія незаконно и требовать отъ такой возвышенной натуры, какова натура Чацкаго. Говорятъ обыкновенно, что *свѣтскій* человѣкъ въ *свѣтскомъ* обществѣ, во первыхъ *не позволитъ* себѣ говорить того, что говоритъ Чацкій, а во вторыхъ *не станетъ* сражаться съ вѣтренными мельницами, проповѣдывать Фамусовымъ, Молчалнымъ и инымъ. Да съ чего вы взяли, господа, говорящіе, такъ — что Чацкій *свѣтскій* человѣкъ, въ вашемъ смыслѣ, что Чацкій похожъ сколько нибудь на разныхъ князей Чельскихъ, графовъ Слупачинскихъ, графовъ Воротынскихъ, которыхъ вы напустили впоследствии въ литературу съ легкой руки французскихъ романистовъ? Онъ столько же не похожъ на нихъ, сколько не похожъ на Звонскихъ, Греминыхъ и Лидныхъ. Въ Чацкомъ только правдивая натура, которая никакой мерзости не спуститъ — вотъ и все: и позволить онъ себѣ все, что позволить себѣ его правдивая натура. А что правдивыя натуры есть и были въ жизни — вотъ вамъ на лице доказательства: старикъ Гриневъ, старикъ Багровъ, старикъ Дубровскій. Такую же натуру наследоваль должно быть если не отъ отца, то отъ дѣда или прадѣда Александръ Андреевичъ Чацкій. Другой вопросъ, *сталъ* ли бы Чацкій говорить такъ съ людьми, которыхъ онъ презираетъ?... А вы забываете при этомъ вопросѣ, что Фамусовъ, на котораго изливаетъ онъ «всю желчь и всю досаду», для него не просто такое-то или такое-то лице, а живое воспоминаніе дѣтства, «когда его возили на поклонъ» къ господину, который согналъ на многихъ фурахъ

Отъ матерей, отцовъ, отторженныхъ дѣтей.

А вы забываете, какая сладость есть для энергической души въ томъ, чтобы, по слову другаго поэта

тревожить язвы старых ранъ!

или

смутить веселье ихъ

И дерзко бросить имъ въ лице желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью.

Успокойтесь: Чацкій менѣе чѣмъ вы сами; вѣрить въ пользу своей проповѣди, но въ немъ желчь накипѣла, въ немъ чувство прагды оскорблено. А онъ еще кромѣ того влюбленъ: знаете ли вы, какъ любятъ такіе люди? Не эту подлюю (извините за прямоту выраженія) и недостойною мужичны любовью, которая поглощаетъ все существованіе въ мысль о любимомъ предметѣ и приноситъ въ жертву этой мысли все, даже идею нравственнаго совершенствованія. Чацкій любитъ страстно, безумно и говоритъ правду Софьѣ, что

дышалъ я вами, жплъ, былъ занятъ непрерывно

но это значитъ только, что мысль о ней сливалась для него съ каждымъ благороднымъ помысломъ или дѣломъ чести и добра. Правду же говоритъ онъ, спрашивая ее о Молчалинѣ

Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та

Чтобъ кромѣ васъ ему, міръ цѣлый

Казался прахъ и суета?

но подъ этою правдою кроется мечта о его Софьѣ, какъ способной понять, что «міръ цѣлый» есть «прахъ и суета», предъ идеей правды и добра или, по крайней мѣрѣ, способной *оцѣнить* это вѣрованіе въ любимомъ ею человѣкѣ, способной любить за это человѣка. Такую только *идеальную* Софью онъ и любитъ: другой ему не надобно; другую онъ отринетъ и съ разбитымъ сердцемъ пойдетъ

искать по свѣту

Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!

Посмотрите, съ какой глубокой психологической вѣрностию веденъ весь разговоръ Чацкаго съ Софьей въ III актѣ. Чацкій все допытывается, чѣмъ Молчалинъ его *выше* и *лучше*; онъ съ нимъ даже вступаетъ въ разговоръ, стараясь отыскать въ немъ

умъ бойкій, геній зрѣлый,

и все-таки не можетъ, не въ силахъ понять, что Софья любитъ Молчалина, именно за свойства, противоположныя свойствамъ его, Чацкаго, за свойства мелочныя и пошлыя (*подлыхъ* чертъ Молчалина она еще не видитъ). Только убѣдившись въ этомъ, онъ покидаетъ свою мечту — но покидаетъ какъ мужъ — безповоротно! — видитъ уже ясно и безтрепетно правду. Тогда онъ говоритъ ей:

Вы помиритеcь съ нимъ по размышленнѣ зрѣломъ.

Себя крушить! и для чего?

Вы можете его

Бранить и пеленать и посылать за дѣломъ.

Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ женскихъ пажей

Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей.

Вы господа, считающіе Чацкаго Донъ-Кихотомъ, напираете въ особенности на монологъ, которымъ кончается III дѣйствіе? Но *во-первыхъ*, самъ поэтъ поставилъ здѣсь своего героя въ комическое положеніе — и оставаясь вѣрнымъ высокой психологической задачѣ, показалъ, какой комическій исходъ можетъ принять энергія несвоевременная; а *во-вторыхъ*, опять-таки, вы должно быть не вдумались въ то, какъ любить люди, подобные Чацкому, въ то, какъ вообще любятъ люди съ задатками даже *какой-нибудь* нравственной энергіи. Все, что говоритъ онъ въ этомъ монологе; онъ говоритъ для Софьи: всѣ силы души онъ собираетъ, всею натурою своей хочетъ раскрыться, все хочетъ передать ей разомъ, какъ въ «Доходномъ мѣстѣ», Жадовъ своей Полиѣ, въ послѣднія минуты своей, хотя и слабой (по его натурѣ), но благородной борьбы. Тутъ сказывается послѣдняя вѣра Чацкаго въ природу Софьи, (какъ у Жадова напротивъ, послѣдняя вѣра въ силу и дѣйствіе того, что считаетъ онъ своимъ убѣжденіемъ), тутъ для Чацкаго вопросъ о жизни или смерти цѣлой половины его нравственнаго бытія. Что этотъ личный вопросъ слился съ общественнымъ вопросомъ — это опять-таки вѣрно натурѣ героя, который является единственнымъ типомъ нравственной и мужеской борьбы въ той сферѣ жизни, которую избралъ поэтъ, — единственнымъ до сихъ поръ даже человѣкомъ съ плотію и кровію, посреди

всѣхъ этихъ князей Чельскихъ, графовъ Воротынскихъ и другихъ господъ, рассказывающихъ съ англійскою важно-стію по мечтательному міру нашей великосвѣтской литературы.

Да! Чацкій есть — повторяю опять, нашъ единственный герой, т. е. единственный положительно борющійся въ той средѣ, куда судьба и страсть его бросили. Другой отрицательно борющійся герой нашъ, явился въ неполномъ художественно, но глубоко прочувствованномъ образѣ господина, который 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ недослужилъ до пряжки. Но никакимъ образомъ уже Русская жизнь не признаетъ своимъ героемъ *длительнаго* господина Калиновича, въ «Тысяча душъ», Писемскаго, да мы желаемъ думать, что и самъ Писемскій не считаетъ его таковымъ.

VI.

Гоголь еще только что выступилъ тогда на литературное поприще. и не многіе понимали еще все его будущее великое значеніе для нашей литературы и нашей общественной жизни. Положительно можно сказать, что вполнѣ понимавшими громадность этого, тогда только что выступившаго таланта были *Пушкинъ*, благословившій его, какъ нѣкогда «старикъ Державинъ» благословилъ самого Пушкина — *Бѣлинскій* и *Плетневъ*.

«Г. Гоголь», говоритъ Бѣлинскій въ тѣхъ же «Литературныхъ мечтаніяхъ» — «принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ талантовъ. Кому неизвѣстны его «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки»? Сколько въ нихъ остроумія, веселости, поэзіи и народности? Дай Богъ, чтобы онъ вполнѣ оправдалъ поданныя ему о себѣ надежды!»

Думалъ ли самъ критикъ, когда писалъ онъ эти немногія, но глубоко сочувственныя строки, о томъ, въ какой мѣрѣ суждено и осуществиться и потомъ разбиться его надеждамъ.... Разумѣется нѣтъ. Онъ шелъ потомъ съ Гоголемъ рука объ руку, толкуя, поясняя его, разливая на массу свѣтъ его высокихъ произведеній. Гоголь сталъ литературнымъ вѣрованіемъ Бѣлинскаго, и цѣлой эпохи — и,

здѣсь мѣсто опредѣлить свойства его великой художественной натуры, до минуты ея болѣзненнаго разложенія — ибо этими свойствами опредѣляются и степень и значеніе вліянія его на всю послѣдующую эпоху литературнаго движенія.

Всякое дѣло получаетъ значеніе по плодамъ его и каковъ бы ни былъ талантъ поэта, одного только таланта, какъ таланта, еще недостаточно. Важное дѣло въ поэтѣ то, для чего у нѣмцевъ существуетъ общепонятный и общепотребительный терминъ *die Weltanschauung*, что у насъ *tant bien, que mal*, переводится міросозерцаніемъ.

Міросозерцаніе или проще, — взглядъ поэта на жизнь, не есть что либо совершенно личное, совершенно принадлежащее самому поэту. Широта или узость міросозерцанія обуславливается эпохой, страной, однимъ словомъ временными и мѣстными историческими обстоятельствами. Гениальная натура, при всей своей крѣпкой и несомнѣнной самости или личности, является, такъ сказать, фокусомъ, отражающимъ крайніе истинные предѣлы современнаго ей мышленія, послѣднюю истинную степень развитія общественныхъ понятій и убѣжденій. Это мышленіе, эти общественныя понятія и убѣжденія возводятся въ ней, по слову Гоголя, въ «перль созданія», очищаясь отъ грубой примѣси различныхъ уклоненій и односторонностей. Гениальная натура носитъ въ себѣ какъ бы кладъ всего неперемѣннаго, что есть въ стремленіяхъ ея эпохи. Но, отражая эти стремленія, она не служитъ имъ рабски, а владычествуетъ надъ ними, глядя яснѣе многихъ впередъ. Противорѣчія примиряются въ ней высшими началами разума, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и безконечная любовь.

Отношеніе такой гениальной натуры къ окружающей ее и отражающейся въ ея созданіяхъ дѣйствительности, только на первый взглядъ представляется иногда враждебнымъ. Вглядитесь глубже, и во враждѣ, въ желчномъ негодованіи уразумѣете вы любовь, только разумную, а не слѣбую; за мрачнымъ колоритомъ картины ясно будетъ сквозить для васъ сіяніе вѣчнаго идеала, и, къ изумленію вашему, нравственно выше, благороднѣе, чище выйдете вы изъ адскихъ терзаній Отелло, изъ безвыходныхъ мукъ моральнаго сез-

силія Гамлета, — изъ грязной тины мелкихъ гражданскихъ преступленій, раскрывающейся предъ вами въ Ревизорѣ, и пусть холодъ сжималъ ваше сердце при чтеніи «Шинеля», вы чувствуете, что этотъ холодъ освѣжилъ и отрезвилъ васъ, и нѣтъ въ вашемъ наслажденіи ничего судорожнаго, и на душѣ у васъ какъ-то торжественно. Міросозерцаніе поэта, невидимо присутствующее въ созданіи, привмирло васъ, уяснивши вамъ смѣслъ жизни. По этому-то, созданіе истиннаго художника въ высокой степени нравственно, не въ томъ конечно пошломъ и условномъ смѣслѣ, надъ которымъ по-дѣломъ смѣется нашъ вѣкъ: избави васъ небо отъ той нравственности, которая до сихъ поръ еще готова видѣть въ Пушкинѣ безнравственнаго поэта и въ герояхъ его уголовныхъ преступниковъ, которая до сихъ поръ еще не прощаетъ Мольеру его Тартюфа и доискивается атензма въ Шекспирѣ. Нѣтъ, созданіе истиннаго художника нравственно въ томъ смѣслѣ,—что оно живое созданіе. Оживите передъ вами лица Шекспировыхъ драмъ, обойдитесь съ ними, какъ съ живыми личностями, призовите ихъ вторично на судъ, и вы убѣдитесь, что Немезида, покаравшая или помиловавшая ихъ, полна любви и разума. Даже не нужно и убѣждаться въ томъ, что совершенно непосредственно сознается, осязательно чувствуется.

Въ сердцѣ у человѣка лежатъ простыя вѣчныя истины, и по преимуществу ясны онѣ истинно гениальной натурѣ. Отъ этого, и сущность міросозерцанія одинакова у всѣхъ истинныхъ представителей литературныхъ эпохъ, различенъ только цвѣтъ. Одну и ту же глубокую, живую вѣру и правду, — одно и то же тонкое чувство красоты и благоговѣнія къ ней, встрѣтите вы въ Шекспирѣ, въ Гоголѣ, въ Гѣте и въ Пушкинѣ, — та же самая нота звучитъ и въ напряженномъ паосѣ Гоголя, и въ мѣрно-ровномъ, блестящемъ теченіи творчества Гѣте и въ благоуханной простотѣ Пушкина и въ строго-безукоризненномъ величій Шекспира. Различіе можетъ быть только въ степени и въ цвѣтѣ чувствованія. Мы вѣримъ Гѣте, когда слышимъ изъ устъ его слово его жизни, спокойное и твердое слово юноши-старца:

Das Wahre war schon längst gefunden,
 Hat edle Geisterschaft verbunden;
 Das alte Wahre fass es an *)

и понимаемъ, что эта великая натура, вопреки воплямъ Менцелей и писку разныхъ насѣкомыхъ, отъ сердца сказала: «о высокихъ мысляхъ и чистомъ сердцѣ должны мы просить Бога». Мы вѣримъ Пушкину, когда говорить онъ намъ:

Но не хочу, о други умирать,
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
 И знаю, будутъ мнѣ минуты наслажденья
 Средь горестей, заботъ и тревоженья...

Мы, повсюду за живыми лицами Шекспировыхъ драмъ, сочувствуемъ великой мужеской личности самого творца и внимаемъ разумно-любовному слову жизни; мы слышимъ тоску по идеалѣ въ созданіяхъ Гоголя, все-равно, съ кѣмъ ни знакомишь онъ насъ, съ Тарасомъ ли Бульбой или съ Маняловымъ, съ Акакіемъ ли Акакіевичемъ, или съ ослѣпляющей, какъ молнія, красотой Аннунціаты. И какое таинственное чутье указываетъ гениальной натурѣ предѣлы въ созданіи, что охраняетъ ее отъ двухъ золъ: отъ рабской копировки явленій жизни и отъ ходульной идеализаціи, что заставляетъ ее остановиться во время, что наконецъ хранить въ ней самой такъ свято, такъ неприкосновенно, завѣщанное ей ея слово жизни?... Одна бы, кажется, недомолвка, — и Акакій Акакіевичъ поразилъ бы васъ не трагическимъ, а сантиментально-плаксивымъ впечатлѣніемъ; еще бы одна черта, — и «Миньона» Гёте стала бы фальшивой, хотя блестящей Эмеральдой; лишняя минута въ жизни Татьяны, или лишній порывъ въ простомъ разказѣ о «капитанской дочкѣ», и эти созданія потеряли бы свою недостигаемую простоту; немного гуще краски въ изображеніи Офеліи или Дездемоны, — и гармонія, цѣлость, полнота Отелло и Гамлета были бы нарушены!

Истинный художникъ самъ вѣруетъ въ разумность создаваемой имъ жизни, свято дорожитъ правдою, и оттого

*) Отъ вѣка правда пребывала
 И лучшихъ всѣхъ соединяла.
 Наполни правдой старой грудь!

мы въ него вѣруемъ, и оттого въ прозрачномъ его произведеніи сквозитъ очевидно созерцаемый имъ идеаль: фигуры его рельефны, но не до такой степени, чтобы прыгали изъ рамъ; за ними есть еще что-то, что зоветъ насъ къ безконечному, что ихъ самихъ связываетъ незримою связью съ безконечнымъ. Однимъ словомъ, какъ говоритъ Гоголь въ своемъ глубокомъ по смыслу «Портретѣ», предметы видимаго міра отразились сперва въ душѣ самого художника — и оттуда уже ~~вышли~~ не мертвыми сколками съ видимыхъ явленій, а живыми, самостоятельными созданіями, въ которыхъ, какъ Гоголь же говоритъ, «просвѣчиваетъ душа создавашаго.»

Гоголь, одна изъ такихъ предъизбранныхъ геніальныхъ натуръ, пояснилъ намъ отчасти процессъ такого изнутри выходящаго творчества. Вотъ это многознаменательное, хотя болѣзненное признаніе, подавшее поводъ въ свое время къ различнымъ толкамъ. Великій художникъ, яснѣе и враговъ своихъ и поклонниковъ, опредѣляетъ здѣсь и свойство и значеніе своего таланта и пружины своего творчества, и наконецъ даже свою историческую задачу. (Переп. съ друзьями, стр. 141).

«Герои мои», говоритъ Гоголь, «потому близки душѣ, что они изъ души; всѣ мои послѣднія сочиненія — исторія моей собственной души. А чтобы получше все это объяснить, опредѣлю тебѣ себя самого, какъ писателя. Обо мнѣ много толковали, разбирали кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара *выставлять такъ ярко пошлость жизни*, уметь очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. *Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее и котораго нѣтъ у другихъ писателей.*»

Останавливаемся нѣсколько здѣсь, и замѣтимъ, что поэтъ напрасно боялся открыть это душевное обстоятельство. Оно, по нашему мнѣнію, относится не къ человѣку-Гоголю, а къ художнику, въ широкой натурѣ котораго заключены и

«добрая и злая». Гоголь, какъ художникъ, долженъ былъ быть таковымъ, чтобы сказать міру свое слово, и все, что говорить онъ о себѣ, какъ о человѣкѣ, должно относиться къ художнику.

«И такъ, вотъ въ чемъ мое главное достоинство», продолжаетъ онъ, «но достоинство это, говорю вновь, не развилось бы во мнѣ въ такой силѣ, если бы съ нимъ не соединилось мое собственное душевное обстоятельство и моя собственная душевная исторія. Никто изъ читателей моихъ не зналъ, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною.

«Во мнѣ не было какогонибудь одного слишкомъ сильного порока, который бы высунулся виднѣе всѣхъ моихъ прочихъ пороковъ, все равно, какъ не было также никакой картинной добродѣтели, которая могла бы придать мнѣ какуюнибудь картинную наружность, но за то, вмѣсто того, во мнѣ заключалось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей, каждой по немногу, и притомъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ. *Богъ далъ мнѣ многостороннюю природу.* Онъ поселилъ мнѣ также въ душу, уже отъ рожденія моего, нѣсколько хорошихъ свойствъ, но лучшее изъ нихъ было *желаніе быть лучшимъ.* Я сталъ,» говоритъ далѣе поэтъ, «надѣлять своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: *взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ,* старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ, *чѣмъ ты попадаю.* Если бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ подъ пера моего въ началѣ для меня самого, онъ бы точно содрогнулся.»

Здѣсь мы оставляемъ нравственную, лично-человѣческую сторону, забываемъ странное смѣшеніе признаній нравственныхъ съ эстетическими: беремъ эти мѣста какъ матеріалъ, бросающій ясный свѣтъ на процессъ художническаго творчества, о чемъ Гоголь, разумѣется, не думалъ въ своей странной книгѣ. Для насъ — это ключъ къ гениальной на-

турѣ и къ ея творчеству. Двѣ черты ярко обозначаются въ этомъ саморазложеніи: съ одной стороны природа многосторонняя, въ которой Божій міръ отражается со всѣмъ разнообразіемъ дурнаго и хорошаго, съ другой стороны, природа сосредоточенно-страстная, тонко чувствующая, болѣзненно-раздражительная. Эта сосредоточенная страстность, эта способность болѣзненно, т. е. слишкомъ чутко отзываться на все, и составляетъ, вмѣстѣ съ постояннымъ стремленіемъ къ идеалу, особенный цвѣтъ гоголевской гениальности. Гёте спокойно, ясно отражалъ въ себѣ дѣйствительность — и, столько же многообразная, но сангвиническая натура — отбрасывалъ ее отъ себя, какъ шелуху, высвобождаясь безпрестанно изъ-подъ ея вліянія, установляя въ себѣ одномъ центръ. Пушкинъ былъ чистымъ, возвышеннымъ и гармоническимъ эхомъ всего, все претворяя въ красоту и гармонию; — Шекспиръ постоянно носилъ въ себѣ свѣтлый характеръ Генриха V, и, какъ тотъ изъ отношеній съ Фольстафомъ, — выходилъ цѣль и съ яснымъ челомъ, съ вѣчнымъ сознаніемъ собственныхъ силъ, изъ мукъ Макбета, Отелло и Гамлета. Гоголю дано было всѣ язвы износить на себѣ и слѣды этихъ язвъ вѣчно въ себѣ оставить. — Натура холерически-меланхолическая, склонная къ безконечной вдумчивости, подверженная борьбѣ со всѣми темными началами, и между тѣмъ сама въ себѣ носящая залогъ спасенія, — «желаніе быть лучшимъ», стремленіе къ идеалу, стремленіе, обусловленное въ своей возможности той же страстностію и раздражительностію. Какъ до непомѣрно громадныхъ размѣровъ разрастаются въ этой душѣ различныя противорѣчія дѣйствительности, такъ отзывается же она и на красоту, истину и добро. Творецъ Акакія Акакіевича, съ тѣмъ вмѣстѣ и жарко чувствуетъ красоту Аннунціаты, хотя по особенному свойству таланта, не въ страхъ создать самъ живаго образа красоты. Въ одну изъ страшныхъ минутъ своей моральной жизни, эта великая натура высказала стонами и воплями свое отношеніе къ идеалу. «Зампраетъ отъ ужаса душа,» говоритъ поэтъ, какъ бы пожираемый огнемъ той таинственной любви, которая и свѣтитъ тихимъ свѣтомъ, и жжетъ пламенемъ

неугасимымъ, и поражаетъ какъ мечъ, обоюду острый, — при «одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, передъ которыми пыль все величіе Его твореній, здѣсь вами зримыхъ и васъ изумляющихъ. Стонетъ весь умирающій составъ мой, чужа исполнскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшница отъ нихъ подымутся.»

Отношеніе подобной природы къ дѣйствительности, ее окружающей и ею отражаемой, выразилось, опять таки по ее же свойству въ юморъ и при томъ въ юморѣ страстномъ, гиперболическомъ. Историческая задача ея была: сказать, что «дрянь и тряпка сталъ всякъ человѣкъ,» «выставить пошлость пошлаго человѣка,» свести съ ходуль такъ называемаго добродѣтельнаго человѣка, уничтожить все фальшивое самообольщеніе, привести однимъ словомъ къ полному христіанскому сознанію, но спокойно, безстрастно она сдѣлать этого не могла. Двойкій путь предстоялъ художнику въ обращеніи съ этою дѣйствительностію: или дать волю собственному болѣзненному раздраженію и негодованію, или просто списывать. Ни того ни другаго Гоголь по натурѣ своей сдѣлать не могъ. Не могъ онъ холодно списывать, потому что самъ на себѣ носилъ язвы, имъ изображаемыя; не увлекся онъ и личною раздражительностію, потому что весь проникнутъ былъ желаніемъ усовершенствованія. Тѣ чудовища, которыя выливались по его признанію изъ-подъ пера его, для него были чудовищами, и явились на свѣтъ Божій въ произведеніяхъ другихъ, которые пошли по его пути, но не руководились его свѣтомъ, явились въ господиѣ Голядкинѣ, господиѣ Прохарчинѣ и другихъ, запечатлѣнныхъ, порою, высокою даровитостію, но явно болѣзненныхъ произведеніяхъ самаго блестящаго изъ представителей натуральной школы. Съ другой стороны и голая копия дѣйствительности выступила ярко во многихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ, какъ другая крайняя сторона того же Гоголя. Въ произведеніяхъ этихъ двухъ вѣтвей натуральной школы, безпорно, высказалось много таланта, но какъ въ болѣзненномъ до чудовищности юморѣ, подъ влія-

и́емъ котораго рождалсь различныя чудовища безъ формы и вида, съ одной громадной и вмѣстѣ мелочной претензіей личности, такъ и въ дагерротипномъ изображеніи различныхъ повседневныхъ явленій раздвоился полный и цѣльный Гоголь.

VII.

Гоголь впервые выступилъ на литературное поприще съ своими «Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки.» Это были еще юношескія, свѣжія вдохновенія поэта, свѣтлыя, какъ украинское небо: все въ нихъ ясно и весело, самый юморъ простодушенъ, какъ юморъ народа; еще не слышать того грустнаго смѣха, который послѣ является единственнымъ честнымъ лицомъ въ произведеніяхъ Гоголя, и самое особенное свойство таланта поэта, «свойство очертить всю пошлость пошлаго человѣка,» выступаетъ здѣсь еще наивно и добродушно, и легко и свѣтло отъ того на душѣ читателя, какъ свѣтло и легко на душѣ самаго поэта: надъ нимъ какъ будто еще развернулось сплнмъ шатромъ его родное небо, онъ еще вдыхаетъ благоуханіе черемухъ своей Украйны. Здѣсь проявляется въ особенности необычайная тонкость его поэтического чувства. Можетъ быть ни одинъ писатель не одаренъ былъ такимъ полнымъ, гармоническимъ сочувствіемъ съ природою, ни одинъ писатель не постигалъ такъ пластической красоты, красоты полной, «существующей для всѣхъ и каждаго,» никто наконецъ такъ не полною былъ сознанія о «прекрасномъ» физически и нравственно человѣкѣ, какъ этотъ писатель, призванный очертить пошлость пошлаго человѣка, и потому самому ни одинъ писатель не обдастъ души вашей такой тяжелой грустью, какъ Гоголь, когда онъ, какъ безпощадный анатомикъ, по частямъ разпнмаетъ человѣка.... Въ *Вечерахъ на хуторѣ*, еще не видать этого безпощаднаго анализа; юморъ еще только причудливо граціозенъ: въ гомерическомъ ли изображеніи пьянаго Каленника, отплясывающаго гопака на улицѣ въ майскую ночь, въ простодушномъ ли очеркѣ характера Ивана Федоровича Шпоньки, въ которомъ таятся уже зерно глубокаго созданія характера Подколесина. Въ этомъ бытъ,

простомъ и вмѣстѣ поэтическомъ бытѣ Украйны, поэтъ еще видитъ свою красавицу *Оксану*, свою *Галю* — чудное существо, которое спитъ въ «божественную ночь. очаровательную ночь,» спитъ, распустивъ черныя косы, подъ Украинскимъ небомъ, когда на этомъ небѣ «серпомъ стоитъ мѣсяцъ;» тутъ все еще полно таинственнаго обаянiя, и прозрачность озера и фантастическiя пляски вѣдьмъ, и ликъ утопленницы — панночки, запечатлѣнный какой-то свѣтлой грустью. А Сорочинская ярмарка съ ея шумомъ и толкотнею, а кузнецъ Вакула, а исполинскiе образы двухъ братьевъ Карпатскихъ горъ, осужденныхъ на страшную казнь за гробомъ, эти Дантовскiе образы народныхъ преданiй? Все это еще то свѣтло, то таинственно и обаятельно-чудно, какъ лепеть ребенка, какъ сказки старухи няни.

Но не долго любовался поэтъ этимъ бытомъ, радовался безпечной радостiю художника, воссоздавая этотъ бытъ. Онъ кончилъ его апотеозу эпопеею о Тарасѣ Бульбѣ и легендой о Вiѣ, гдѣ вся природа его страны говоритъ съ нимъ шелестомъ травъ и листьевъ въ прозрачную лѣтнюю ночь, и гдѣ между тѣмъ въ тоскѣ безысходной, въ замиранiи сердца, мчащагося съ вѣдьмою по безконечной степи философа Хомя Брута, слышится тоска самаго поэта и невольно переходитъ на читателя. Раздѣлавшись навсегда съ обаянiемъ своего роднаго края въ этой части своего «Миргорода», Гоголь уже взглянулъ окомъ аналитика на дѣйствительность: простодушно, какъ прежде, принялся было онъ чертить истинно челоѳическiя фигуры Афонасiя Ивановича и Пульхерiи Ивановны и остановился въ тяжеломъ раздумьѣ надъ страшнымъ трагическимъ *Fatum*, лежащимъ въ самой крѣпости, въ самой непосредственности ихъ отношенiя: съ гиперболически-веселымъ юморомъ изобразилъ безплоднаго существованiя Ивана Ивановича и Ивана Никиѳоровича, и, кончая свою картину, вынужденъ былъ воскликнуть: «скучно на этомъ свѣтѣ, господа». Съ этой минуты онъ уже взялъ въ руки анатомическiй ножъ, съ этой минуты обильно потекли уже «сквозь зримый міру смѣхъ незримыя слезы.» Но страшно ошиблись бы тѣ, которые въ этихъ слезахъ увидѣли бы только слезы негодованiя. Вездѣ Гоголя вы-

ручаетъ юморъ, и этотъ юморъ полонъ любви къ жизни и стремленія къ идеалу, вездѣ, однимъ словомъ, видѣнъ поэтъ, чуждый всякой задней мысли. Этотъ юморъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ своихъ въ «Носѣ», оригинальнѣйшемъ и причудливѣйшемъ произведеніи, гдѣ все фантастично и вмѣстѣ съ тѣмъ все—въ высшей степени поэтическая правда, гдѣ все понятно безъ толкованія, и гдѣ всякое толкованіе убило бы поэзію....

Все глубже и глубже опускался скальпель анатомика, и наконецъ въ Ревизорѣ, одинъ уже смѣхъ только выступилъ честнымъ и карающимъ лицомъ, а между тѣмъ, тому, кто понимаетъ великое общественное значеніе этой комедіи (а кто же не понимаетъ его теперь, и для кого оно не уяснилось?), очевидны сквозь этотъ смѣхъ слезы. Вся эта бездна мелочныхъ, но въ массѣ тяжкихъ грѣховъ и преступленій, разверзающаяся съ ужасающею постепенностію передъ глазами зрителей, прежде спокойная, невозмутимая, какъ болотная тина, и словно развороченная однимъ прикосновеніемъ нустаго проѣзжаго чиновника, этотъ страхъ передъ призракомъ, принятымъ за дѣйствительную грозу закона, глубокій смыслъ того факта, что тревожная совѣсть городскихъ властей ловится на такую брентную удочку, — все это ясно и понятно уже каждому въ наше время; что же касается до господъ, до сихъ поръ еще удивляющихся тому, какъ могъ городничій, обманувшій трехъ губернаторовъ, принять за ревизора проѣзжаго свища, то остается только подивиться чистотѣ ихъ совѣсти, которой никогда не тревожили призраки, вызванные ея собственнымъ тревожнымъ состояніемъ, или недобросовѣстности, озлобленной на русскую литературу вообще и на одного изъ великихъ ея представителей въ особенности. Разсуждающіе о несообразности этого произшествія, вовсе не понимаютъ ни поэтической гиперболы, ни смысла комедіи Гоголя, не понимаютъ, что чѣмъ пустѣе, чѣмъ глаже и безцвѣтнѣе Хлестаковъ, тѣмъ очевиднѣе комическая Немезида падъ беззаконіями города.

Мы сказали, что особенное свойство Гоголевскаго юмора обусловлено отношеніемъ природы его къ дѣйствительности. Съ одной стороны это натура, по признанію самого Гоголя,

многосторонняя и, стало быть, способная отражать въ себѣ дѣйствительность со всѣмъ безконечнымъ разнообразіемъ ея явленій, и при томъ, отражать ярко и цѣльно, — съ другой стороны, это — натура въ высшей степени страстная, на которую всѣ противорѣчія идеалу дѣйствуютъ болѣзненно. Руководи Гоголя только личное раздраженіе, будь оиъ, однимъ словомъ, не въ такой степени исполненъ чутья жизни, оиъ былъ бы только великимъ лирикомъ-дидактикомъ; будь въ немъ меньше настоящаго стремленія къ идеалу, раздраженіе его противорѣчіями дѣйствительности отзывалось бы паоосомъ, нѣсколько натянутымъ. Вещи познаются по сравненію, и чтобы оцѣнить Гоголя, стоитъ только сравнить его произведенія съ другими, тоже талантливыми произведеніями. Есть, напримѣръ, на первый взглядъ, нѣчто общее между паоосомъ «Насмѣшки мертвеца», «Города безъ имени», «квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ», и другихъ произведеній талантливаго и мыслящаго кн. Одоевскаго, и паоосомъ «Невскаго Проспекта», «Записокъ сумасшедшаго», «Шинели», «Рима», но взгляните пристальнѣе, и вы увидите безконечную разницу, вслушайтесь внимательнѣе — и въ прекрасныхъ дидактическихъ разсказахъ Одоевскаго вы услышите только отрицательный паоосъ, паоосъ негодованія, пополамъ съ горькою процію Гамлета, съ улыбкою скорби скептика, съ неопредѣленными стремленіями мистика. Вы чувствуете, что вражда не осилила здѣсь дѣйствительности, не обладаетъ ею мужески, и только плачетъ надъ нею, только обѣщаетъ что-то лучшее въ туманной безграничной дали. Въ паоосѣ Гоголя и въ самыхъ капризныхъ причудахъ его юмора, вы чувствуете живое чутье къ жизни, любовь къ жизни; его идеалы красоты и правды существуютъ для него въ крѣпкихъ осязаемыхъ формахъ. — Съ другой стороны, сравните, напримѣръ, «Шинель» съ однородною почти съ нею по основнымъ мыслямъ, повѣстію даровитаго писателя Н. Ф. Павлова: «Демонъ». Сравните хоть сцену съ начальникомъ у того и другаго писателя! А между тѣмъ вы не можете не сознаться, читая «Демона», что талантъ тутъ явно присутствуетъ, что анализъ тутъ чрезвычайно глубокъ; можетъ быть даже отъ того это и дѣйствуетъ, что ана-

лизъ черезъ чуръ уже старается быть глубокимъ, что талантъ принимаетъ чудовища фантастически настроеннаго воображенія за дѣйствительныя, живыя созданія, и страданія бѣднаго Ивана Петровича, помѣшавшагося на мысли, что бѣдная жизнь заѣсть вѣкъ его хорошенькой половины, растутъ до невѣроятно колоссальныхъ размѣровъ, и странно то, что чѣмъ больше они стараются расти, тѣмъ меньше вы становитесь способны имъ сочувствовать, и весь паоосъ автора пропадаетъ задаромъ. Напротивъ, какъ просто сказано обхожденіе чиновниковъ съ Акакіемъ Акакіевичемъ и его горе при потерѣ шинели, а сердце ваше сжимается и вмѣстѣ съ тѣмъ въ какомъ-то упоеніи восторга наслаждаетесь вы этимъ вѣрнымъ, художественнымъ анализомъ. Мы не хотимъ сравнивать Гоголя съ позднѣйшими произведеніями школы, которая была представительницею крайности его болѣзненнаго юмора; мы не напоминаемъ этихъ страшныхъ, чудовищныхъ сновъ, гдѣ наконецъ самые сапоги получаютъ фізіономію и являются фантастическими существами. Возьмите, напримѣръ, двѣ повѣсти Гоголя, гдѣ онъ изобразилъ намъ типъ, чрезвычайно исключительный, типъ художника. Музыкантовъ, поэтовъ, живописцевъ, вообще художниковъ—и до него и послѣ него, весьма часто изображали въ нашей литературѣ; это была даже общая тема повѣстей тридцатыхъ годовъ нашей словесности, тема, успѣвшая уже въ сороковыхъ годахъ стать совершенно избитою темою; но крайней мѣрѣ въ эти годы, уже потерялъ всякій кредитъ и совершенно ошошился романтическій способъ представленія художниковъ и поэтовъ въ манерѣ повѣстей Полеваго и драмъ г. Кукольника. У Полеваго, разъ весьма наивно обличилась разгадка этого способа, послѣднее слово направленія сказалось у него въ «Аббадоннѣ», гдѣ поэты и художники ставятся на одну доску съ сумасшедшими. Наивно сказалось это слово потому, что ничего дурнаго не подразумевалъ въ такомъ сопоставленіи романтистъ, написавшій даже повѣсть подъ заглавіемъ: «блаженство безумія.» Дѣйствительно: художники и поэты гг. Полеваго, Кукольника, Тимофеева, заговаривающіеся ли какъ «Домшникино», до дѣтскаго лепета, въ родѣ: «Цаца ляля, цаца ляля!» — отвер-

гающіе ли всякія права ума въ земномъ мірѣ, какъ Джакобо Санназаръ, достойны по всей справедливости, заключенія иногда въ сумасшедшіе, иногда въ смирительные дома. Должно сказать при томъ, что появленіе въ литературѣ нашей этого типа, правильно или неправильно взятаго, произошло вовсе не изъ потребностей общежитія и что самое отношеніе къ типу было неоригинально.

Гоголь, призванный разоблачать фальшь всего того, что въ нашей жизни взято на прокатъ изъ чужихъ жизней, или что, подъ вліяніемъ виѣшняго формализма, развилось въ ней въ неорганической наростъ, — Гоголь разомъ порѣшилъ и въ этомъ дѣлѣ всѣ фальшивыя отношенія мысли къ типу въ своемъ «Невскомъ проспектѣ». Какую поразительную черту провелъ онъ здѣсь между положеніемъ художника въ другихъ странахъ и положеніемъ его въ нашемъ общежитіи! Какъ отгѣнилъ онъ лице художника Пискарева сопоставленіемъ жизни и трагической судьбы его съ судьбою поручика Пирогова! Какую скорбною и вмѣстѣ возвышеннѣйшею ироніею проникнуть поэтъ въ свои отношенія къ этому лицу, которому онъ при всей ироніи своей, обращенной на его *экзотичность*, глубоко и болѣзненно сочувствуетъ и къ которому глубокое же и болѣзненное сочувствіе возбуждаетъ онъ въ читателяхъ, а съ другой стороны, какъ свелъ онъ съ ходуль и возвратилъ въ простую дѣйствительность этотъ типъ, доведенный до крайности смѣшнаго повѣстаніи тридцатыхъ годовъ, получившихъ его изъ германской романтической реакціи или даже изъ вторыхъ рукъ французскаго романтизма. Въ «Невскомъ проспектѣ» и въ первой части «Портрета», Гоголь почти исчерпалъ всѣ наличныя отношенія художника къ жизни, отношенія трагическія въ обоихъ этихъ произведеніяхъ: въ одномъ трагическое отношеніе мечтательнаго идеализма художнической натуры къ общежитію, въ другомъ не менѣе трагическое поглощеніе художническаго идеализма искушеніями формальнаго общежитія, официальнойности, свѣтскости, виѣшнимъ лоскомъ и рутинерствомъ.

Еще и прежде впрочемъ, Пушкинъ, не менѣе глубоко отнесся къ типу художника, взявши его въ самой условнѣй-

шей средѣ общежитія. Его «Чарскій», стыдящійся своего поэтическаго призванія, запирающійся, когда нападетъ на него блажь писать стихи и между тѣмъ сознающійся, что никогда онъ не бываетъ такъ счастливъ, какъ въ эпохи этой блажи — то же созданъ подъ вліяніемъ созерцанія ироническаго, подъ вліяніемъ мысли, весьма не утѣшительной о разъединенности художества съ жизнью общества, о томъ, что художники и художество суть въ общежитіи растенія экзотическія. Замѣчательно, что именно тѣ писатели, которые вывели наше искусство изъ теплицъ на вольный воздухъ жизни, развили въ обществѣ внутреннюю потребность искусства, воспитали въ немъ пониманіе искусства — высказали также ироническое возрѣніе. Сравнивая юморъ Гоголя съ юморомъ другихъ юмористовъ: Стерна, Ж. П. Рихтера, Диккенса, Гофманна — мы наглядно можемъ убѣдиться въ его особенности. Въ Жанъ-Полѣ, на примѣръ, при всей оригинальной его геніальности, нельзя не видать нѣмецкаго мѣщанства, *Kleinstädtisches Wesen*. — Юморъ Гофмана только въ эксцентричностяхъ находитъ спасеніе отъ удушливой тюрьмы, мѣщанства и филистерства; юморъ Стерна весь вышелъ изъ скептицизма XVIII вѣка, и разлагается на двѣ составныя части, на слезливую сантиментальность и на скептическую прошію Гамлета надъ черепомъ Йорика. Юморъ же Гоголя полонъ, цѣленъ, неразложимъ; Диккенсъ также пожалуй исполненъ любви, какъ Гоголь, но его идеалы правды, красоты и добра чрезвычайно узки, и его жизненное примиреніе, по крайней мѣрѣ для насъ русскихъ, довольно неудовлетворительно, чтобы не сказать пошло; его братцы Чарльсы и другіе добрые герои для насъ приторны. И у насъ на Руси найдутся пожалуй образы, которые съ перваго взгляда покажутся похожи на братьевъ Чарльсовъ, и мы любимъ душевно эти образы, эти добрыя личности. Но, *во первыхъ*, въ нихъ нѣтъ методически-пуританской добродѣтели по заданнымъ себѣ напередъ темамъ, — а *во вторыхъ*, надобно спросить себя самихъ: что именно мы въ нихъ любимъ? Одну ли только доброту? Какъ бы не такъ! Мы любимъ въ нихъ смышенность, здоровый умъ, извѣстный юморъ — соединенные съ добро-

тою. Мы скорѣе за означенныя качества легко перевариваемъ въ человѣкѣ примѣсь маленькой грязцы, дрянн, мошенничества,—нежели уважимъ тупоуміе за одну доброту. Не даромъ же у насъ пословица, что «простота хуже воровства».

Мы привели уже мѣсто, гдѣ самъ поэтъ высказалъ съ величайшею искренностію и простотою побудительныя причины своего юмора. «Не думай однакоже, послѣ моей исповѣди», — оканчиваетъ онъ свое третье письмо по поводу Мертвыхъ душъ (переп. съ друзьями, стр. 149), «чтобы я «самъ былъ такой же уродъ, каковы мои герои: нѣтъ, я не «похожъ на нихъ. *Я люблю добро, я щу его и стараю имъ,* «но я не люблю моихъ мерзостей и не держу ихъ руку, «какъ мои герои, я не люблю тѣхъ низостей моихъ, которыя отдаляютъ меня отъ добра. Я воюю съ ними и буду «воевать и изгоню ихъ, и мнѣ въ этомъ поможетъ Богъ, я «это вздоръ, что выпустили глупые свѣтскіе умники, будто «человѣку только и возможно воспитать себя, покуда онъ въ «школѣ, а послѣ ужъ и черты нельзя измѣнить въ себѣ: «только въ глупой свѣтской башкѣ могла образоваться такая глупая мысль. Я уже отъ многихъ своихъ недостатковъ избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, «ихъ осмѣялъ въ нихъ, и заставилъ другихъ также надъ «ними посмѣяться. Я оторвался уже отъ многого тѣмъ, «что *лишивши картиннаго вида и рыцарской маски,* подъ «которою выѣзжаетъ козыремъ всякая мерзость наша, поставилъ ее рядомъ съ тою гадостью, которая всѣмъ видна. «Тебѣ объяснится также и то, почему не выставилъ я до «сихъ поръ читателю явленій утѣшительныхъ, и не избралъ въ мои герои добродѣтельныхъ людей. *Ихъ съ голоавъ не выдумасишь.* Пока не станешь самъ хотя сколько нибудь на нихъ походить, пока не добудешь постоянствомъ «и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ,— «мертвечина будетъ все, что ни напишетъ перо твое, я какъ «земля отъ неба, будетъ далеко отъ правды. Выдумывать «кошмаровъ я такъ же не выдумывалъ: кошмары эти давали собственную мою душу: что было въ душѣ, то изъ «нес и вышло».

Такова была цѣльная и гармоническая художественная натура поэта, до эпохи ея болѣзненнаго уклоненія, до эпохи того страшнаго переворота, который окончательно содѣйствовалъ къ раздвоенію направленій Русской мысли. Но объ этой несчастной эпохѣ говорить еще здѣсь не мѣсто. — Мы начинаемъ здѣсь съ того, во что еще полно и цѣльно вѣрилъ энергичнѣйшій представитель нашего критическаго сознанія, Виссаріонъ Бѣлинскій.

VIII.

Къ числу его глубочайшихъ литературныхъ вѣрованій принадлежала и поэзія Лермонтова.... На этомъ основаніи, мы, прежде чѣмъ обозрѣть литературу тридцатыхъ годовъ—захватываемъ въ общихъ чертахъ и это необыкновенное явленіе, оставившее такой глубокой слѣдъ на сороковыхъ годахъ.

По крайней мѣрѣ, мы позволимъ себѣ опредѣлить главныя свойства этой совершенно трагической природы.

Въ Лермонтовѣ — двѣ стороны. Эти двѣ стороны: *Арбенинъ* (я беру нарочно самую рѣзкую сторону типа) и *Печоринъ*. Арбенинъ, (или все равно: *Мцыри*, *Арсеній* и т. д.) это — необузданная страстность, рвущаяся ни широкой просторъ, почти-что безумная сила, воспитавшаяся въ дикихъ понятіяхъ (припомните воспитаніе Арбенина или Арбеньева, какъ названо это лице въ извѣстномъ Лермонтовскомъ отрывкѣ), вопіющая противъ всякихъ общественныхъ понятій и исполненная къ нимъ ненависти или презрѣнія, сила, которая сознаетъ на себѣ «печать проклятья» и гордо носитъ эту печать; сила, отчасти звѣрская и которая сама въ лицѣ «Мцыри» радуется братству съ барсами и волками. Пояснить возможность такого настроенія души поэта, не можетъ, кажется ниѣ, одно вліяніе музы Байрона. Положимъ что Лара Ньюстида обаяніемъ своей поэзіи, такъ сказать, подкрѣпилъ, оправдалъ тревожныя требованія души поэта,—но самые элементы такого настроенія могли зародиться только или подъ гнетомъ обстановки, сдавливающей страстные порывы *Мцыри* и *Арсенія*, или на дикомъ просторѣ разгула и неистоваго произвола страстей, на которомъ выросли впечатлѣнія *Арбенина*.

Представьте же подобнаго рода, подъ гнетомъ ли, на просторѣ ли развившіяся стремленія, въ столкновеніи съ общежитіемъ и притомъ съ условнѣйшею изъ условныхъ сферъ его, съ сферою свѣтскою! Если эти стремленія,—точно то, за что онѣ выдаютъ себя или, лучше сказать, чѣмъ онѣ сами себѣ кажутся, — то онѣ суть совсѣмъ противоположенныя стремленія, не только что противоположенныя въ смыслѣ условномъ; и — паденіе или казнь ждутъ ихъ неминуемо. Мрачныя, зловѣщія предчувствія такого страшнаго исхода отражаются во многихъ изъ лирическихъ стихотвореній поэта и особенно ясно въ стихотвореніи: «не смѣйся надъ моею пророческою тоскою». Если же въ этихъ стремленіяхъ есть извѣстная натяжка, извѣстная напряженность, — выросшія опять таки подъ гнетомъ или на дикомъ просторѣ, среди своевольныхъ беззаконій обстановки, то первое, что закрадется въ душу человѣка, тревожимаго ими, или встрѣтившаго отпоръ имъ въ общежитіи, будетъ конечно сомнѣніе, но еще не истинно разумное сомнѣніе въ законности произвола личности, а только сомнѣніе въ силѣ личности, въ средствахъ ея.

Вглядитесь внимательнѣе въ эту нелѣпую, съ дѣтской небрежностію набросанную, хаотическую драму: «Маскарадъ» и слѣдъ такого сомнѣнія увидите вы въ лицѣ князя *Звѣздича*, котораго одна изъ героинь опредѣляетъ такъ:

безнравственный, безбожный

Себялюбивый, злой, — но слабый человѣкъ!

Въ созданіи *Звѣздича* — выразилась минута первой схватки разрушительной личности съ условнѣйшею изъ сферъ общежитія, схватки, которая кончилась не къ чести дикихъ требованій и необъятнаго самолюбія. Слѣды этой же первой эпохи, породившей разувѣреніе въ собственныхъ силахъ, отпечатлѣлись во множествѣ стихотвореній, изъ которыхъ одно замѣчательно наиболѣе по строфѣ, опредѣляющей вполне минуту подобнаго душевнаго настроива:

Любить? но кого же? на время не стоитъ труда,

А вѣчно любить невозможно!

*Въ себя ли залянешь? тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда,
И радость и горе и все такъ ничтожно!*

И много неудавшихся Арбениныхъ, оказавшихся при столкновении съ свѣтскою сферою жизни Сологубовскими Леопиными, — отозвались на эти строки горькаго, тяжелаго разубѣжденія: одни только Звѣздичи остались собою совершенно довольны.

Между тѣмъ, лице Звѣздича и нѣсколько подобныхъ стихотвореній — это тотъ пунктъ, съ котораго въ натурѣ нравственной, т. е. крѣпкой и цѣльной, должно начаться правильное, т. е. комическое и притомъ безошадно комическое отношеніе къ дикому произволу личности, оказавшемуся несостоятельнымъ. Но гордость рѣдко можетъ допустить такой поворотъ.

Въ стремленіи къ идеалу или на пути духовнаго совершенствованія, всякаго стремящагося ожидаютъ два подводныхъ камня: отчаяніе отъ сознанія своего собственнаго несовершенства, изъ котораго есть еще выходъ, и неправильное, непрямое отношеніе къ своему несовершенству, которое почти совершенно безвыходно. Что человѣку неприятно и тяжело сознать свои слабыя стороны, это конечно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: задача здѣсь заключается преимущественно въ томъ, чтобы къ этимъ слабымъ сторонамъ своимъ отнестись съ полною, безошадною справедливостію. Самое обыкновенное искушеніе въ этомъ случаѣ — уменьшить въ собственныхъ глазахъ свои недостатки. Но есть искушеніе, несравненно болѣе тонкое и опасное; именно: преувеличить свои слабости, до той степени, на которой они получаютъ извѣстную значимость, и пожалуй, даже, по извращеннымъ понятіямъ современнаго человѣка — величавость и обаятельность зла. Мысль эта станетъ совершенно понятна, если я напомню обаятельную атмосферу, которая разлита вокругъ образовъ, не говорю уже Манфреда, Лары, Гяура, — но Печорина и Ловласа — психологическій фактъ, весьма нерѣдкій съ тѣхъ поръ, какъ

британской музы небылицы

Тревожатъ сонъ отроковицы...

Возьмите какую угодно страсть и доведите ее въ вашемъ представленіи до извѣстной степени энергіи, поставьте ее въ борьбу съ окружающею ее обстановкою — ваше трагич-

ческое воззрѣніе закроетъ отъ васъ всѣ мелкія пружины ея дѣятельности. Эгоизму современнаго человѣка несравненно легче помириться въ себѣ съ крупнымъ преступленіемъ, чѣмъ съ мелкой и пошлой подлостью; гораздо пріятнѣе вообразить себя Ловласомъ, чѣмъ Гоголевскимъ Собачкинымъ, скучнымъ рыцаремъ, чѣмъ Плюшкинымъ, Печорнымъ, чѣмъ Меричемъ; даже, ужъ если на то пошло, Грушницкимъ, чѣмъ Милашнымъ Островскаго, потому что Грушницкій хоть умираетъ эффектно! Сколько лягушекъ надуваются по этому случаю въ волонъ, въ насъ самихъ и вокругъ насъ! сколько людей *желаютъ* показаться себѣ и другимъ *преступными*, когда они сдѣлали только *пошлость*, сколько гаденькихъ чувственныхъ поползновеній стремятся принять въ насъ размѣры колоссальныхъ страстей! Хлестаковъ, даже Хлестаковъ, и тотъ зоветъ городничиху: «удалиться подъ сѣнь струй»; Меричъ, въ «Бѣдной невѣстѣ» самодовольно проситъ Марью Андреевну, простить его, что онъ: «возмутилъ миръ ея невинной души». Тамаринъ радъ радехонекъ, что его зовутъ демономъ!

Такимъ образомъ, даже и по наступленіи той минуты, съ которой въ натурѣ нравственной должно начаться правильное, т. е. комическое отношеніе къ собственной мелочности и слабости, гордость, вмѣсто прямого поворота, предлагаетъ намъ изворотъ. Изворотъ же заключается въ томъ, чтобы поставить на ходули безсильную страстность души, признать ея требованія все таки правыми: переживши минуты презрѣнія съ самому себѣ и къ своей личности, сохранять однако вражду и презрѣніе къ дѣйствительности. Посредствомъ такого изворота, лице Звѣздича, въ процессѣ Лермонтовскаго развитія, переходитъ въ типъ Печорина. Въ сущности что такое Печоринъ? Смѣсь Арбенинскихъ беззаконій съ свѣтскою холодностію и безсовѣстностію Звѣздича, котораго всѣ неблестящія и невыгодныя стороны пошли въ созданіе Грушницкаго, существующаго въ романѣ исключительно только для того, чтобы Печоринъ, глядя на него, какъ можно болѣе любовался собою и чтобы другіе, глядя на Грушницкаго, болѣе любовались Печориннымъ. Что такое Печоринъ? — существо совершенно двойственное,

человѣкъ, смотрящійся въ зеркало передъ дуэлью съ Грушницкимъ и рыдающій, почти грызущій землю, какъ звѣре-нокъ «Мцыри,» послѣ тщетной погони за Вѣрою. Что такое Печоринъ? Поставленное на ходули безсиліе личнаго произвола! Арбенинъ съ своими необузданно самолюбивыми требованіями *провалился* въ такъ называемомъ свѣтѣ: онъ явился снова въ костюмѣ Печорина, искупенный сомнѣніемъ въ самомъ себѣ, болѣе уже хитрый, чѣмъ заносчивый и такъ называемый *свѣтъ* ему поклонился....

Аполломъ Григорьевъ.

О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ Ѳ. ТЮТЧЕВА.

А. А. Григорьеву.

«Oui, j'écris rarement, et me plais de le faire:
Non pas que la paresse en moi soit ordinaire;
Mais, sitôt que je prends la plume à ce dessein,
Je crois prendre en galère une rame à la main.»

A. de Musset.

Давно хотѣлось мнѣ поговорить о небольшой книжкѣ стихотвореній Ѳ. Тютчева, появившейся въ 1854 году, надѣлавшей столько шуму въ тѣсныхъ кружкахъ любителей изящнаго и увы! относительно къ своему достоянію понятъ, мало еще распространенной въ массѣ? Что поэтъ мо-

Въ подлежащихъ замѣтъ мыслитель, увидимъ дальше; щаюсь къ тебѣ: это изба и то, что можно быть величай- начинать ab ovo и толковать, не будучи мыслителемъ, въ которыхъ ты на столько философскомъ. Нельзя же мысли строки. ревнуя. Сатира къ козамъ, де-

Масса читающей пу къ области философскаго мышленія; домъ въ изумительны видятъ торжества искусства въ пьесѣ

современное книгопосмотрѣть на стат *figer époux que la chèvre desire....*

вная теорія. *Вать* о поэзии: она для него закрыта: Ма-

она спрашиваетъ *высокая мысль о человѣкѣ, душѣ или при-* основывается *аемая* вами поэту, какъ величайшая находка,

идить въ немъ только смѣхъ, тогда какъ под-

чаѣ вѣрять? Что касается до меня, то отсылая невѣрующихъ къ авторитетамъ такихъ поэтовъ — мыслителей, какъ Шиллеръ Гёте и Пушкинъ, ясно и тонко понимавшихъ значеніе и сущность своего дѣла, прибавлю отъ себя, что вопросы: о правахъ гражданства поэзіи между прочими человѣческими дѣятельностями, о ея нравственномъ значеніи, о современности въ данную эпоху и т. п. считаю кошмарами, отъ которыхъ давно и навсегда отдѣлался. Знаю, что если бы, обращаясь къ тебѣ и пародируя возраженіе Лепида, (въ Антоніѣ и Клеопатрѣ Шекспира) я сказалъ:

«Не время

Теперь писать стихотворенья.»

ты бы съ нѣкоторой терпкостью Энобарба отвѣтилъ:

«Время

Всегда на то, что происходитъ въ немъ.»

И такъ, оставляя въ сторонѣ всѣ подобныя вопросы, спросимъ прямо: что такое поэзія и какое главное качество поэта? и коснемся этого вопроса на столько, на сколько уразумѣніе его намъ въ настоящемъ случаѣ необходимо.

Поэзія или вообще художество есть чистое воспроизведеніе не предмета, а только односторонняго его идеала; воспроизведеніе самаго предмета было бы не только ненужнымъ, но и невозможнымъ его повтореніемъ. У всякаго предмета тысячи сторонъ и не только одно, данное поставить на своемъ строго ограниченными средствами, но ея требованія все тѣлості не въ силахъ возсоздать всего зрѣнія съ самому себѣ и къ с. средствами повторятъ они нако вражду и презрѣніе къ жизни? Но въ томъ то и ствомъ такого изворота, лице только одна сторона предметоваго развитія, переходить, какъ математику дороги сущности что такое Печоринъ? Смѣрота разлита по всеконій съ свѣтскою холодностію и безроды, вліяетъ даже на котораго всѣ недостатки и невыгоды воздуха и вѣтъ и въ созданіе Грушницкаго, существующаго его сущности исключительно только для того, чтобы Печоринъ сознательно того, какъ можно болѣе любовался собою и въ то же время глядя на Грушницкаго, болѣе любовалась Печоринъ, хотя такое Печоринъ? — существо совершенно , и не

смутно ощущаемъ — онъ еще не поэтъ: Китайскій живописецъ не видитъ въ природѣ тѣней; кто изъ не посвященныхъ въ тайну живописи видитъ на молодомъ лицѣ всѣ радужные цвѣта и ихъ тончайшія соединенія? а между тѣмъ развѣ они не существуютъ и развѣ Ванъ-Дикъ или Рембрандтъ ихъ не видятъ?

И такъ поэтическая дѣятельность, очевидно, слагается изъ двухъ элементовъ: объективнаго, представляемаго міромъ внѣшнимъ и субъективнаго, зоркости поэта — этого шестаго чувства, не зависящаго ни отъ какихъ другихъ качествъ художника. Можно обладать всѣми качествами извѣстнаго поэта и не имѣть его зоркости, чутья, а слѣдовательно и не быть поэтомъ. Такъ какъ міръ во всѣхъ своихъ частяхъ равно прекрасенъ, то внѣшній, предметный элементъ поэтического творчества безразличенъ. За то другой, внутренній: степень поэтической зоркости, ясно-видѣнія — всё. Ты видишь ли или чувствуешь въ мірѣ то, что видѣли или чули въ немъ Фидій, Шекспиръ, Бетховенъ? «Нѣтъ.» Стушай! ты не Фидій, не Шекспиръ, не Бетховенъ, но благодари Бога и за то, если тебѣ дано хотя воспринимать красоту, которую они за тебя подслушали и подсмотрѣли въ природѣ.

Какъ часто слышится фраза: «такой-то поэтъ богатъ или бѣденъ содержаніемъ, мыслями». Фраза переходитъ изъ устъ въ уста, но многіе ли дали себѣ трудъ понять, что такое поэтическое содержаніе, мысль? Что поэтъ можетъ быть въ то же время и мыслитель, увидимъ дальше; тѣмъ не менѣе справедливо и то, что можно быть величайшимъ художникомъ — поэтомъ, не будучи мыслителемъ, въ смыслѣ житейскомъ или философскомъ. Нельзя же мысли въ родѣ той, что козель, ревнуя Сатира къ козамъ, дерется съ нимъ, отгнати къ области философскаго мышленія; а между тѣмъ кто не видитъ торжества искусства въ пьесѣ Андрея Шенъе:

L'insouciant fier époux que la chèvre desire...

не долженъ токовать о поэзии: она для него закрыта. Мало того; самая высокая мысль о человѣкѣ, душѣ или природѣ, предлагаемая вами поэту, какъ величайшая находка, можетъ возбудить въ немъ только смѣхъ, тогда какъ под-

равшіея воробыи могутъ внушитьъ ему мастерское произведе-
 ніе. Другое дѣло, если вдохновеніе нечаянно наведетъ
 его на точку, съ которой въ вашей мысли онъ увидитъ для
 себя такую же богатую жатву, такую нечаянно представила
 ему драка воробьевъ. И все таки торжество будетъ на
 сторонѣ его зоркости, а не вашей quasi—высокой мысли.
 Такъ называемое содержаніе все таки принесетъ, добудетъ
 своею зоркостію онъ, а не получитъ въ грубой мысли. —
 «Луна, мечта, дѣва! тряпки, тряпки!» Да, дѣйствительно
 они превращались въ тряпки, которыми одинъ лѣнливый не
 немыкаль. Приступавшіе къ нимъ съ своимъ лирами были
 увѣрены, что стоитъ избрать хорошенькій поэтически-ро-
 мантический предметъ и дѣло уладится само собою.

Съ какимъ внутреннимъ содержаніемъ, съ какою зорко-
 стію онъ самъ подходитъ къ предмету? объ этомъ онъ не
 хлопочетъ. Но едва только свѣжій, зоркій художникъ взгля-
 деть на ту же «луну, мечту или дѣву»—эти холодные, обезо-
 браженные и несомъ забвенія занесенные камни, подобно Мем-
 вону, наполняютъ пустынный воздухъ сладостными звуками.

Давно ли раздавались свѣшныя въ настоящее время сло-
 ва: «отличный человекъ и владѣть перомъ», въ значеніи:
 хороший писатель? Что же значитъ подобный отзывъ? Раз-
 вѣ человекъ, владѣющій только перомъ, мыслить какъ по-
 этъ? и въ то же время развѣ мыслить человекъ, одарен-
 ный поэтической зоркостію, который не владѣлъ бы перомъ,
 рѣзцомъ, кистью и проч.? Если такой человекъ и не вла-
 дѣетъ перомъ, чему бывали примѣры, за то какъ онъ вла-
 дѣетъ языкомъ! Если на немъ и будутъ грамматическія
 пятна, за то какъ ярко выступитъ его идеалъ! я вовсе не
 проповѣдаю грамматическаго неряшества, но говоря о поэти-
 ческой зоркости, даже забываю, что существуетъ перо.
 Дайте намъ прежде всего въ поэтѣ его зоркость въ стис-
 шеніи къ красотѣ, а остальное на заднемъ планѣ. Чѣмъ
 эта зоркость отрѣшеннѣе, объективнѣе (смыслѣ) даже при
 самой своей субъективности, тѣмъ сильнѣе поэтъ и тѣмъ вѣ-
 ковѣчнѣе его созданія. Пусть предметомъ вѣснн будутъ лич-
 ные впечатлѣнія: ненависть, грусть, любовь и пр., но чѣмъ
 дальше поэтъ отодвинетъ ихъ отъ себя какъ объектъ, чѣмъ

съ большей зоркостію провидить онъ оттѣнки собственнаго чувства, тѣмъ чище выступить его идеаль. Съ другой стороны, чѣмъ сильнѣе самое чувство будетъ развѣдать созерцательнѣе силу, тѣмъ слабѣе, смутнѣе идеаль и брѣннѣй его выраженіе. Я не говорю, чтобы творенія (дѣти) могучихъ художниковъ не имѣли съ ними и между собой кровнаго сходства: возьмите нашего Пушкина, въ что двумъ стихамъ узнаете чьи они; но строгій рѣзецъ художника перерѣзалъ всякую, такъ сказать, внѣшнюю связь ихъ съ нимъ самимъ и возсоздатель собственныхъ чувствъ совладѣлъ съ ними какъ съ предметами, внѣ его находившимися. Какимъ образомъ происходитъ подобное раздвоеніе чувства и зоркаго созерцанія? — тайна жизни, какъ и самая жизнь. Довольно того, что тамъ, гдѣ обыкновенный глазъ и не подозрѣваетъ красоты, художникъ ее видитъ, отвлекаетъ отъ всѣхъ остальныхъ качествъ предмета, кладетъ на нее чисто человѣческое клеймо и выставляетъ на всеобщее уразумѣніе. Въ этомъ смыслѣ всякое искусство — антропоморфизмъ и тутъ, быть можетъ, кроется причина того, что во всякомъ монотенизмѣ, отъ мугаметанскаго востока до строгаго протестантизма звучала заповѣдь: «не сотвори себѣ кумира». Воплощая идеаль, человѣкъ неминуемо воплощаетъ человѣка. Но довольно о самомъ творчествѣ. Приступая къ стихотвореніямъ г. Тютчева, хотѣлось бы не только указать на ихъ достоинства и энтузіазмъ, возбужденный ими въ тѣсномъ кружкѣ знатоковъ, но въ то же время и на тѣ ихъ свойства, которыя до сихъ поръ мѣшаютъ ихъ популярности.

Два года тому назадъ, въ тихую, осеннюю ночь, стоялъ я въ темномъ переходѣ Колизея и смотрѣлъ въ одно изъ оконныхъ отверстій на звѣздное небо. Крупныя звѣзды пристально и лучезарно глядѣли мнѣ въ глаза и, по мѣрѣ того, какъ я всматривался въ тонкую синеву, другія звѣзды выступали передо мною и глядѣли на меня такъ же таинственно и такъ же краснорѣчиво, какъ и первыя. За ними мерцали во глубинѣ еще тончайшія блески и мало по малу всплывали въ свою очередь. Ограниченные темными массами стѣнъ, глаза мои видѣли только небольшую часть неба, но я чувствовалъ, что оно необъятно и что нѣтъ конца его

красотѣ. Съ подобными же ощущеніями раскрываю стихотворенія О. Тютчева. Можно ли въ такую тѣсную рамку, (я говорю о небольшомъ объемѣ книги) вмѣстить столько красоты, глубины, силы, однимъ словомъ поэзіи! Если бы я не боялся нарушить права собственности, то снялъ бы дагерротипически все небо г. Тютчева съ его звѣздами 1-й и 2-й величины; т. е. переписалъ бы всѣ его стихотворенія. Каждое изъ нихъ—солнце, т. е. самобытный, свѣтящій міръ, хотя на иныхъ и есть пятна; но думая о солнцѣ, забываешь о пятнахъ.

Говоря выше о поэтическомъ содержаніи, мысли, мы смѣшивали эти два понятія, какъ это дѣлаютъ обыкновенно; но смѣшивать ихъ никакъ не должно, потому что содержаніе хотя и включаетъ понятіе о мысли, но относится къ ней какъ весь человѣкъ къ душѣ, а никто не смѣшаетъ этихъ двухъ понятій. Что же такое поэтическая мысль, чѣмъ она различается отъ мысли философской и какое мѣсто занимаетъ въ архитектурической перспективѣ поэтического произведенія? Какъ самая поэзія—воспроизведеніе не всего предмета, а только его красоты, поэтическая мысль только отраженіе мысли философской и опять таки отраженіе ея красоты; до другихъ ея сторонъ поэзіи нѣтъ дѣла. Чѣмъ рѣзче, точнѣе философская мысль, чѣмъ вѣрнѣе обозначена ея сфера, чѣмъ ближе подходитъ она къ неизблемой аксіомѣ, тѣмъ выше ея достоинство. Въ мірѣ поэзіи на оборотъ. Чѣмъ общѣй поэтическая мысль, при всей своей яркости и силѣ, чѣмъ шире, тоньше и неуловимѣй расходится кругъ ея, тѣмъ она поэтичнѣй. Она не предназначена, какъ философская мысль, лежать твердымъ камнемъ въ общемъ зданіи человѣческаго мышленія и служить точкою опоры для послѣдующихъ выводовъ; ея назначеніе—озарять передній планъ архитектурической перспективы поэтического произведенія, или тонко и едва замѣтно свѣтить въ ея безконечной глубинѣ. Нѣтъ въ мірѣ предмета безъ соотвѣтственной ему идеи въ душѣ человѣка, нѣтъ перспективы безъ озаряющаго ее свѣта, нѣтъ поэтического созерцанія безъ поэтической мысли. Поэтому, приступая къ произведенію истинно прекрасному, напрасно съ такой настойчивостію требуютъ мысли.

Если требованія относятся къ мысли въ чисто философскомъ значеніи, то отъ подобныхъ требованій надо лечиться, а еще лучше того родиться такъ, чтобы различать двѣ совершенно различныхъ вещи. Если же поиски за мыслью поэтической, тогда нужно вглядываться въ поэтическую перспективу. Въ произведеніи истинно прекрасномъ есть и мысль; она тутъ, но нельзя, не имѣя предъ глазами самого произведенія, опредѣлить, гдѣ именно надо ее искать: на первомъ планѣ, на второмъ, третьемъ и т. д. или въ нескончаемой дали? Но что она тутъ, за это ручается тайное сродство природы и духа или даже ихъ тождество, какъ объ этомъ говоритъ нашъ поэтъ на могучемъ языкѣ своемъ: стр. 135. CVII.

Душа за душой, волна за волной —
 Два проявленья *стихи одной!*
 Въ сердцѣ ли тѣсномъ, въ безбрежномъ ли морѣ,
 Здѣсь—въ заключеніи, тамъ на просторѣ:
 Тотъ же все вѣчный прибой и отбой!
 Тотъ же все призракъ, тревожно пустой!

Опредѣлить вполнѣ заранѣе придуманной теоріей отношенія внѣшней стороны явленій въ поэтическомъ произведеніи къ его мысли — невозможно. Можно только сказать, что отношеніе ихъ другъ къ другу и къ степени художественнаго достоинства обратно. Мы уже сказали, что чѣмъ тоньше и общѣй поэтическая мысль, тѣмъ она выше; но за то, чѣмъ сосредоточеннѣй внѣшняя сторона явленій въ созданіи поэтическомъ, чѣмъ рельефнѣй выдается, съ данной точки зрѣнія, главная,—одна его часть, (*pars pro toto*) тѣмъ сильнѣе и вѣрнѣй производимое имъ впечатлѣніе.

Придайте поэтической мысли рѣзкость и неизбежность аксіомы, — она сейчасъ станетъ въ ряду великихъ истинъ, воспрещающихъ казно — коно и платкокрадство; вдайтесь въ подробности, или окружите поэтическое явленіе равносильными ему другими и оно поблѣднѣетъ до ничтожества. Изваяйте изъ мрамора море и поставьте на его волнахъ каменную нимфу, — всѣ захохочутъ; а придайте у ногъ этой же нимфы, — одной каменной волнѣ форму движенія, и ваша нимфа будетъ качаться по бурному морю. Стань Горацій въ

лирическомъ произведеніи подробно описывать троянскій бой, всё заснуть. Но онъ говорить:

«Увы! въ какомъ поту и мужи и кони»

или:

«Какъ черепъ, весь въ пыли Троянской Меріонъ.»

и битва передъ вами. Тѣмъ не менѣе, оба эти элемента поэзіи, при обратномъ своемъ отношеніи, ведутъ каждый въ свою очередь къ одному и тому же результату. Образъ своей замкнутостію, а мысль своей общностію и безгранично-стію вызываютъ душу созерцателя на восполненіе недосказаннаго, — на новое творчество, и такимъ образомъ гармонически содѣлываютъ его соучастникомъ художественнаго наслажденія. Произведеніе, не трогающее соотвѣтственной струны въ душѣ человѣка — трупъ.

Мы указали только на взаимное отношеніе образа и мысли, на ихъ, такъ сказать, удѣльный вѣсъ; мѣсто же, занимаемое ими въ перспективѣ произведенія, зависитъ единственно отъ устройства души художника и его настроенія въ данный мигъ. У одного мысль выдвигается на первый планъ, у другаго непосредственно за образомъ носится чувство и за чувствомъ уже свѣтится мысль, какъ это, напримеръ, въ Гетевскомъ Рыбакѣ (*Der Fischer*). За внѣшней формой баллады стихійное чувство: соблазнительная область влаги, и на днѣ этого чувства, мысль о непреодолимой, таинственной силѣ, влекущей человѣка въ невѣдомый міръ. Прошу немедленно всепрощенія у тѣни великаго поэта за переложеніе въ прозу того, что онъ такъ художественно сказалъ своимъ Рыбакомъ. Мнѣ хотѣлось только указать на присутствіе въ произведеніи того, что въ немъ дѣйствительно заключается, и, не пускаясь въ новыя опредѣленія, вывести въ примѣрѣ элементъ чувства, о которомъ не хочу распространяться, такъ какъ на его счетъ всё болѣе или менѣе согласны. Въ иныхъ художественныхъ произведеніяхъ мысль такъ тонка и до того сливается съ чувствомъ, что даже написавши много, трудно высказать ее ясно, что однако нисколько не вредитъ богатству содержанія и достоинству цѣлаго. Вспомните:

Тучу (Пушкина).

Последняя туча разсыянной бури!
 Одна ты несешься по ясной лазури,
 Одна ты наводишь унылую тѣнь,
 Одна ты печалишь ликующій день.
 Ты небо недавно кругомъ облегла,
 И молнія грозно тебя обвивала;
 И ты издавала таинственный громъ
 И алчную землю попла дождемъ.
 Довольно, сокройся! Пора миновалась,
 Земля освѣжилась и буря протчалась
 И вѣтеръ, лаская листочки дресвь,
 Тебя съ успокоенныхъ гонить небесъ.

Кто не видитъ чудной замкнутости этого образа, не чувствуетъ свѣжести, которою онъ вѣетъ, и не подозреваетъ мысли о просвѣтленіи, тому я ничего не могу сказать. Нельзя, безумно желать болѣе роскошнаго содержанія. Кого оно не удовлетворяетъ, тому одно прибѣжище—аксіомы: о неприкосновенности чужихъ платковъ. Не рѣшаюсь сказать, что подобное отношеніе формы, чувства и мысли самое гармоническое. Да это было бы и несправедливо. Я только заявляю фактъ и рядомъ съ нимъ укажу на другія творческія натуры, у которыхъ, при первомъ взглядѣ на предметъ, ярко загараются мысль и выступаетъ на первый планъ, или непосредственно на второй, сливаясь съ чувствомъ, или отодвигая его въ глубину перспективы. Къ такимъ художникамъ безспорно принадлежитъ г. Тютчевъ. Чтобы нагляднѣй объяснить нашу мысль, возьмемъ стихотворенія двухъ поэтовъ, написанныя на одну и ту же тему.

Сожженное письмо (Пушкина).

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...
 Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотѣла
 Рука предать огню всѣ радости мои!...
 Но полно, часъ насталъ: гори письмо любви!
 Готовъ я; ничему душа моя не вмешеть.
 Ужь пламя жадное листы твои приемень...
 Минуту!... Вспыхнули... пылають... легкій дымъ
 Віась теряется съ моленіемъ моимъ.

Ужь перстня вѣрнаго утрата впечатлѣнье,
 Растопленный сургучъ кипить. О провидѣнье!
 Свершилось! Темные свернулись листы;
 На легкомъ пеплѣ ихъ завѣтныя черты
 Бѣлѣють.... Грудь моя стѣснилась. Пепельъ мной,
 Отрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
 Останься вѣкъ сомной на горестной груди....

Съ готовымъ чувствомъ безконечной грусти и покорности приступаетъ поэтъ къ сожженію письма. Прежде чѣмъ загорается передъ вами драгоценное письмо, Пушкинъ уже вводитъ васъ въ свою грусть словами: «прощай, письмо любви прощай! она велѣла»....

Первые четыре стиха вызываютъ отчаянную рѣшимость и вмѣстѣ съ поэтомъ, вы готовы воскликнуть: «готовъ я; ничему душа моя не внемлетъ».

Въ слѣдъ за тѣмъ мастерское описаніе процесса горѣнія, своей послѣдовательной точностію, вѣрнѣе всякихъ восклицаній, говоритъ о страдательной напряженности вниманія. Отъ словъ: «ужь пламя жадное» — до «бѣлѣють», при каждомъ новомъ явленіи горѣнія, вы какъ будто не вѣрите въ еще полнѣйшее разрушеніе драгоценнаго письма. Все описаніе подложено самымъ яркимъ чувствомъ. Стихотвореніе кончается примирительнымъ воплемъ, — опять чувство. Во всей пьесѣ чувство рѣшительно на второмъ планѣ и ясно проглядываетъ между образами перваго плана, а въ иныхъ мѣстахъ вырывается и на первый, какъ напримѣръ въ возгласахъ: «О провидѣнье! Свершилось!» За то живая мысль стихотворенія улетѣла въ непредѣльную глубину перспективы и вѣдетъ тамъ—общая, неуловимая, свѣтло-примирительная. Она до того тонка и отдаленна, что о ней можно спорить, какъ о формѣ легкаго, вечерняго облака. Но такова она и должна быть по всему строю стихотворенія; обозначенная яснѣй, она бы закричала и разрушила гармонию цѣлаго.

Совершенную противоположность представляетъ сожженное письмо г. Тютчева, стр. 23:

XVIII.

*Какъ надъ горячею золой
 Дымится свитокъ и сгараеть*

И огонь, *сокрытый и глухой,*
 Слова и строки пожираетъ,
 Такъ грустно тлится жизнь моя
 И съ каждымъ днемъ уходитъ дымомъ;
 Такъ постепенно гасну я
 Въ однообразьи нестерпимомъ.
 О! Небо, если бы хоть разъ
 Сей пламень развился по волѣ
 И, не томясь, не мучась долѣ,
 Я просіялъ бы и погасъ.

Первое слово: «какъ», управляющее всѣмъ куплетомъ, доказываетъ, что процессъ горѣнія, такъ мощно и тонко обрисованный, одинъ предлогъ высказать задушевную мысль. Не даромъ огонь, пожирающій слова и строки: «*сокрытый и глухой;*» чувствуешь, что онъ одновременно ходитъ и по извивамъ свитка и по изгибамъ души поэта. Наше ожиданіе сбывается вполне: поэтическая мысль уже ясно выступаетъ во второмъ куплетѣ, а въ третьемъ вспыхиваетъ такъ ярко, что самый образъ пылающаго письма блѣднѣетъ передъ ея сіяніемъ. Въ этомъ стихотвореніи чувство на заднемъ планѣ, хотя и не на такой глубинѣ, на какой мысль въ стихотвореніи Пушкина.

Говоря о мысли, мы вездѣ будемъ подразумѣвать — *поэтическую*; до другихъ намъ дѣла нѣтъ, и въ отношеніи къ ней, г. Тютчевъ постоянно является полнымъ, самобытнымъ, а потому нерѣдко причудливымъ и даже капризнымъ ея властелиномъ. Поэтическая сила, т. е. зоркость г. Тютчева — изумительна. Онъ не только видитъ предметъ съ самобытной точки зрѣнія, — онъ видитъ его тончайшіе фибры и отгѣнки. Ужъ если кого либо нельзя упрекнуть въ рутинности, такъ это нашего поэта.

Раскрывая на удачу книгу стихотвореній, какъ бы въ подтвержденіе словъ моихъ, нахожу на 6 стр.

VI.

Осенній вечеръ.

*Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
 Умильная, таинственная прелесть....
 Зловѣщій блескъ и пестрота деревьевъ,
 Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ*

Туманная и *тихая* лазурь
 Надъ грустно *сиротливою* землею,
 И, какъ *предчувствіе* сходящихъ бурь,
 Порывистый, холодный вѣтръ порою
Ущербъ, изнеможенье, и на всемъ
 Та *кроткая улыбка* увяданья,
 Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

Въ изображеніи осенняго вечера, поэтъ какъ бы идетъ мимо всего обще извѣстнаго и останавливается на чертахъ, которыя подсмотрѣлъ самъ, а потому прямо начинаетъ стихотвореніе формою рѣчи, указывающею на присутствіе не всѣми видимаго :

Есть въ свѣтлости и т. д. Мы подчеркнули выраженія, которыя своею топкою прелестью и смѣлостью особенно кидаются въ глаза, хотя все стихотвореніе изумительно поэтично и выдержано, отъ перваго до послѣдняго слова. Однокое, вполне Тютчевское слово: «ущербъ» — ненаглядно. Два заключительныхъ стиха являются, какъ будто, въ видѣ сравненія, но это вовсе не сравненіе. Нерѣдко образъ бездушной природы вызываетъ въ душѣ поэта подобіе изъ міра человѣческаго, или на оборотъ: такъ у Пушкина:

«Журчить во мраморѣ вода

 Такъ плачетъ мать во дни печали»

Или

«Живу печальный одинокій
 И жду придетъ ли мой конецъ.
 «Такъ позднимъ хладомъ пораженной

 Трепещетъ запоздалый листъ.»

Двустипшіе, которымъ заканчивается «Осенній вечеръ», не быстрый переходъ отъ явленія въ мірѣ неодушевленномъ, къ міру человѣческому, а только новый отгѣнокъ одухотворенной осени. Ея пышная мантия только полнѣе расстелнулась съ послѣдними шагами, но подъ нею все время пре-

детала живая человѣческая мысль. То же самое и въ слѣдующемъ за тѣмъ стихотвореніи, стр. 7, VII

«Что ты юнишь надъ водою....»

По свойству своего таланта, Г. Тютчевъ не можетъ смотрѣть на природу безъ того, чтобы въ душѣ его одновременно не возникла соотвѣтственная яркая мысль. До какой степени природа является передъ нимъ одухотворенной, лучше всего выражаетъ онъ самъ, стр. 15.

XII.

Не то, что мните вы, природа
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ....

Не продолжая выписки, замѣтимъ, что не только каждое стихотвореніе, почти каждый стихъ нашего поэта дышетъ какою нибудь тайной природы, которую она ревниво скрываетъ отъ глазъ непосвященныхъ. Какою эдемскою свѣжестію вѣетъ его весна и югъ! Какимъ всеильнымъ чародѣемъ проникаетъ г. Тютчевъ въ завѣтную область сна и какъ это субъективнѣйшее явленіе отдѣлено у него отъ человѣка, и мощно выдвинуто на всеобщее уразумѣніе. Прислушайтесь къ тому, что ночной вѣтеръ напѣваетъ нашему поэту, — и вамъ станетъ страшно. Но всего не перечесть. Называя г. Тютчева поэтомъ мысли, мы указали только на главное свойство его природы, но она такъ богата, что и другія ея стороны не менѣе блестящи. Кромѣ глубины, созданія его отличаются неуловимой тонкостію и граціей, вѣрнѣйшимъ доказательствомъ силы. Не даромъ Гёте говоритъ:
«Willst du schon zierlich erscheinen, und bist nicht sicher? Vergebens!

Nur aus vollendeter Kraft blicket die Anmuth hervor.»

«Ты не твердь, а хочешь казаться изящнымъ? Напрасно!

Только изъ замкнутыхъ силъ тонкая прелесть сквозить.»

Все живое состоитъ изъ противоположностей; моментъ ихъ гармоническаго соединенія неуловимъ, и лиризмъ, этотъ цвѣтъ и вершина жизни, по своей сущности, на всегда остается тайной. Лирическая дѣятельность тоже требуетъ крайне противоположныхъ качествъ, какъ напр. безумной,

слѣпой отваги и величайшей осторожности (тончайшаго чувства мѣры). Кто не въ состояніи броситься съ седьмага этажа внизъ головой, съ непоколебимой вѣрой въ то, что онъ воспаритъ по воздуху, тотъ не лирикъ. Но рядомъ съ подобной дерзостію, въ душѣ поэта должно неугасимо горѣть чувство мѣры. Какъ ни громадна лирическая смѣлость, — скажу болѣе, — дерзновенная отвага г. Тютчева — не менѣе сильно въ немъ и чувство мѣры. До какой бы степени не поразили васъ съ разу смѣлый, неожиданный эпитетъ или бойкая метафора нашего поэта, не вѣрьте первому впечатлѣнію и знайте напередъ, что это яркія краски живыхъ цвѣтовъ; онѣ блестящи, но никогда между собой не враждуютъ. Присмотритесь по пристальнѣе къ поразившей васъ метафорѣ, и она въ глазахъ вашихъ начнетъ таять и сливаться съ окружающей картиной, придавая ей новую прелесть. И пусть въ слѣдующей пьесѣ, стр. 98:

LXXXII.

Силеть солнце, воды блещутъ,
 На всемъ улыбка, жизнь во всемъ,
 Деревья радостно трепещутъ,
 Кушаясь въ небѣ голубомъ.

Поютъ деревья, блещутъ воды,
 Любовью воздухъ растворенъ,
 И міръ, цвѣтущій міръ природы,
 Избыткомъ жизни упоенъ.

Но и въ избыткѣ упоенья
 Нѣтъ упоенія сильнѣй
 Одной улыбки умненья
 Измученной души твоей.

деревья поютъ у г. Тютчева! Не станемъ, подобно классическимъ комментаторамъ, объяснять это выраженіе тѣмъ, что тутъ поютъ сидяція на деревьяхъ птицы, — это слишкомъ разсудочно; нѣтъ! намъ пріятнѣе понимать, что деревья поютъ своими мелодическими весенними формами, поютъ стройностію, какъ небесныя сферы. За то какимъ скачкомъ рвется впередъ, со втораго куплета, призмъ стихотворенія, и безъ того погружающаго читателя съ перваго

полустишія въ море весеняго восторга. Стихотвореніе — все чувство, все восторгъ, но и въ немъ, при последнемъ куплетѣ, поэтъ не ушелъ отъ вѣчной рефлексіи. Чувственъ, что и въ минуту наслажденія природой, онъ ясно видитъ причину своего восторга.

Такимъ же магическимъ толкователемъ тончайшихъ чувствъ является г. Тютчевъ въ стихотвореніяхъ, стр. 54,

XLVI.

«Еще томлюсь тоской желаній»

или, стр. 66.

LVII.

«Тихой ночью позднимъ гѣтомъ»

или, стр. 99.

LXXXIII.

«Не остывшая отъ зною»,

хотя въ последнемъ присутствіе мысли ошутительнѣй, чѣмъ въ двухъ первыхъ.

Искусство ревниво; оно въ одномъ и томъ же произведеніи не допускаетъ двухъ равновѣсныхъ центровъ. Хотя мысль и чувство постоянно сливаются въ художественномъ произведеніи, но властвовать раздѣльно и одновременно всей пьесой они не могутъ. Богатый тѣмъ и другимъ элементомъ, г. Тютчевъ, какъ строгій художникъ, почти никогда не позволяетъ произведенію падать подъ избыткомъ содержанія.

Мы уже замѣтили, что художественность формы — прямое слѣдствіе полноты содержанія. Самый вышощенный стихъ, выливающийся подъ перомъ стихотворца-непоэта, даже въ отношеніи виѣшности, не выдерживаетъ и отдаленнаго сравненія съ самымъ, на первый взглядъ, неуклюжимъ стихомъ истиннаго поэта. Фаустъ написанъ стихами ломанными, языкомъ нерѣдко изнасилованнымъ, а посмотрите какой стальной силой отзываются эти дубинные стихи (Knüttelverse). Поэты-художники не выдумываютъ красоты своихъ стиховъ, какъ истинныя красавицы не придумываютъ чарующей улыбки. Не одного Сальери приводилъ этотъ фактъ въ отчаяніе, — но тутъ не чѣмъ помочь бѣдѣ. А предосадно!

Одинъ трудится, пыхтитъ, и ничего не выходитъ, или вых-
одитъ безобразіе, а другой, какъ будто шутитъ, а

«Пошла шутка въ дѣло»

Никто, ни даже самъ г. Тютчевъ, не скажетъ ни за что,
почему у него въ стихѣ:

«Грова пропала — еще, курясь, лежатъ!»

Цезура, какъ гильотина, отрубивъ одинъ образъ отъ другого?
Почему его стихи то какъ:

«Чи-то грозныя зеницы
Загорались надъ землею»,

то, подаваясь впередъ медленными, легко-отрывистыми вздо-
хами

«А эта тѣнь, бѣгущая отъ дыма»

разрѣшаются женскимъ, нѣжнымъ, какъ призракъ, разле-
тающимся звукомъ: *ма?* Также гармонически сливаются на
77 стр. LXVII, въ стихотвореніи «Послѣдняя любовь», два
различныхъ размѣра:

«О какъ на склонѣ нашихъ лѣтъ
Нѣжнѣй мы любимъ и суевѣрнѣй...»

и не отыскивалъ поэтъ тѣхъ мужественныхъ созвучій, ко-
торыя такъ энергично разбиваютъ послѣдній стихъ, стр. 51.

XLIII.

«Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ
То, чѣмъ я жмилъ и чѣмъ я дорожилъ.»

Мастерство, съ перваго стиха вводитъ читателя въ нѣ-
дро поэтического содержанія, у г. Тютчева общее со всѣми
истинными поэтами. Незнакомаго лирическаго стихотворенія
нечего читать дальше перваго стиха: и по немъ можно су-
дить, стоитъ ли продолжать чтеніе.

Выписываемъ еще стихотвореніе, стр. 19, единственно
потому, что оно наглядно объясняетъ сказанное въ преды-
дущихъ параграфахъ.

XV.

Италянская вилла.

И распростясъ съ тревогою житейской
И кипарисной рощей заслонясь,
Влаженной тѣнью, — тѣнью елисейской,
Она заснула въ добрый часъ.

И вотъ тому ужъ вѣка два пль болѣ
Волшебномъ мечтой ограждена,
Въ своей цвѣтущей опочивъ юдоли,
На волю неба предалась она.

Но небо здѣсь къ землѣ такъ благосклонно:
И много лѣтъ и теплыхъ южныхъ зимъ
Провѣяло надъ нею полусонной,
Не тронувши ея крыломъ своимъ.

По прежнему фонтанъ въ углу лепечеть,
Подъ потолкомъ гуляетъ вѣтерокъ,
И ласточка влетаетъ и щебечеть....
И спать она, и сонъ ея глубокъ.

И мы вошлн: все было такъ спокойно,
Такъ все отъ вѣка мирно и темно!
Фонтанъ журчалъ недвижимо и стройно
Сосѣднй кипарисъ глядѣлъ въ окно.

Вдругъ все смутилось: судорожный трепеть
По вѣтвямъ кипариснымъ пробѣжалъ;
Фонтанъ замолкъ; и нѣкій чудный лепеть
Какъ бы сквозь сонъ невнятно прошепталъ.

Что это, другъ! пль злая жизнь не даромъ, —
Та жизнь — увы! — что въ насъ тогда текла, —
Та злая жизнь, съ ея мятежнымъ жаромъ,
Черезъ порогъ завѣтный перешла?

Какъ-то странно видѣть замкнутое стихотвореніе, начинающееся союзомъ и, какъ бы указывающимъ на связь съ предыдущимъ и сообщающимъ пьесѣ отрывочный характеръ. Дѣйствительно, у этого стихотворенія есть предыдущее; — цѣлый обаятельный міръ, связанный со звукомъ: Италія....

Есть рѣчи, — значенье
Темно пль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Этотъ-то полуволшебный міръ вѣялъ вокругъ поэта, когда онъ приступалъ къ стихотворенію, — и художникъ понималъ, что отдаться этому міру вполне можно только въ

ущербъ *силлы*, а тонкій, эфирный на него намекъ посредствомъ частицы: *и*, окружить *силлу* атмосферой сладостныхъ грезъ. Совладѣвъ такъ мастерски съ содержаніемъ въ началѣ стихотворенія, поэтъ подъ конецъ увлекся своимъ господствующимъ элементомъ — рефлексією. Весь поэтический образъ стихотворенія подложенъ чувствомъ, хотя и принадлежащимъ человѣку мысли. Допустимъ, что нельзя было остановиться на прелестномъ образѣ:

«Фонтанъ журчалъ; недвижимо и стройно
Сосѣдній кипарисъ глядѣлъ въ окно.»

Читатель вправѣ спросить: что жъ изъ этого? Слѣдовало кончить, но не новымъ элементомъ мысли, которая могла бы послужить содержаніемъ отдѣльному стихотворенію, а здѣсь, представляя новый разнородный центръ, даетъ концу пьесы видъ придуманности, хотя онъ вовсе не придуманъ, а вытекъ изъ рефлексивной природы поэта, съ которой онъ на этотъ разъ не совладѣлъ и не отодвинулъ отъ себя собственнаго я, такъ же мощно, какъ это онъ дѣлаетъ вездѣ. Разбираемое нами стихотвореніе великаго мастера — многозначительный урокъ съ одной стороны для лирическихъ поэтовъ, сознающихъ свое дѣло, а съ другой для критиковъ, бессознательно и настойчиво требующихъ содержанія. Художественная прелесть этого стихотворенія погибла отъ избытка содержанія. Новое содержаніе: новая мысль, независимо отъ прежней, едва замѣтно трепетавшей во глубинѣ картины, неожиданно всплыла на первый планъ и закричала на немъ пятномъ. Но что значитъ подобная дисгармонія въ одномъ или двухъ стихотвореніяхъ поэта, у котораго самыя недостатки происходятъ отъ избытка силы. Повторяемъ: пусть подъ вдохновеннымъ перомъ его попадаютъ устарѣлыя формы; въ родѣ *сѣдинять*, *вспоминанья*; *облакъ* вмѣсто *облако*, *листья* вмѣсто *листа* (хотя слово *листья* очень ловко) и невѣрные ударенія, въ родѣ: *завѣсу* вмѣсто *завѣсу*, *зми* вмѣсто *зми*, — все это мелочь, на минуту неприятно поражающая слухъ, но неспособная набросать и малѣйшей тѣни на художественную прелесть стихотвореній г. Тютчева.

Радуюсь, что немногія изъ нихъ даютъ мигъ поводъ высказаться касательно одной стороны критическихъ требованій.

Я говорю о стихотвореніяхъ на современные случаи и лица (*Gelegenheitsgedichte*). Опытъ доказываетъ, что дѣятельность въ этомъ направленіи была всегда самой болѣею стороною поэтовъ, отъ которой такъ или сякъ имъ приходилось страдать.

Однихъ преслѣдовали вѣчные упрёки въ равнодушіи къ современнымъ интересамъ, другіе — и великіе поэты, уступая просьбамъ или собственному сочувствію къ современности, подобно Гёте, писали дюжинами *Gelegenheitsgedichte* и писали ихъ плохо; иные же, что всего хуже, увлекшись современностію, давали возможность заподозривать ихъ въ пристрастіи, а быть можетъ, и въ чувствахъ еще болѣе зазорныхъ.

Разсматривая этотъ вопросъ, надо сдѣлать строгое различіе между такими стихотвореніями. Однѣ пишутся по заказу, и слѣдовательно не принадлежатъ къ свободному творчеству. Другія, хотя и современные — плоды вдохновенія. О нихъ только и можно говорить.

Какъ ни различенъ предметъ (объектъ), уловляемый дагерротипомъ, отъ предмета, возсоздаваемого искусствомъ, и какъ ни противоположны результаты здѣсь и тамъ, возьмемъ все-таки для сравненія дагерротипъ, въ томъ вниманіи, что и бездушный аппаратъ и одухотворенный глазъ художника уловляютъ извѣстные очерки предмета. Ни тотъ, ни другой не могутъ снимать предметовъ движущихся. Изображая движеніе, искусство застаётъ его только въ данный мигъ и въ немъ увѣковѣчиваетъ. Изъ этого закона не изъята и самая драма, вся основанная на движеніи.

Въ силу этого непреложнаго закона, художники съ одной стороны инстинктивно отворачиваются отъ современнаго содержанія, а съ другой подвергаются нареканіямъ. Избирая предметомъ пѣсни вѣковѣчныя явленія міра внутренняго или внѣшняго: *«луну, мечту, дѣву»*, художникъ не рискуетъ тѣмъ, что ихъ не узнаютъ въ его произведеніи. Положимъ, луна показала ему сегодня золотой, а завтра покажется серебряной, но есть надежда, что она и ему и читателю когда нибудь снова предстанетъ золотой. То же можно сказать о событіяхъ и лицахъ, отодвинувшихся въ такую глубину

прошлаго, что онѣ установились на одной степени неподвижности съ горою и полярной звѣздой. Въ этомъ смыслѣ, прелестнаго стихотворенія г. Тютчева:

«Эти бѣдныя селеня,
Эта бѣдная природа...»

нельзя назвать современнымъ. Оно точно такъ же было бы современнымъ за двѣ тысячи лѣтъ, какъ, вѣроятно, и будетъ еще на неопредѣленное время. Съ неустановившимся историческимъ образами бѣда самому первоклассному поэту. Положимъ, что силою волшебнаго жезла, онъ остановилъ движущійся образъ и возсоздалъ изящную его сторону; завтра же, по законамъ движенія, всѣ прелестныя линіи изломались и возбуждаютъ всеобщее недовѣріе къ добросовѣстности художника. Изъ сказаннаго, сатира уже потому дѣлаетъ исключеніе, что идеальная сторона зла гораздо менѣе зыбка. Порокъ примитивнѣе, а слѣдовательно неподвижнѣе добродѣтели, которая предполагаетъ сознаніе. Развѣ инстинктивное желаніе отыскать въ ближнемъ темную сторону — не вѣчно? Равнодушныя къ чистому искусству могутъ допускать все; но я не устыжусь моего къ нему сочувствія и смѣло говорю: люди, у которыхъ хотя однажды во всю жизнь вырвались, въ сочетаніи съ содержаніемъ, такія рюшмы, какъ:

«Недвижимъ онъ лежать, и *страненъ*

Быль томный миръ его чела.

Подъ грудь онъ былъ навывлетъ *раненъ;*»

пріобрѣли право подвергаться подозрѣніямъ въ недобросовѣстности, основаннымъ только на несомнѣнныхъ данныхъ.

Стихотворенія г. Тютчева, исполненныя свѣтлыхъ, высоко-человѣчныхъ мотивовъ, какъ напр.

«Пошли Господь свою отраду»

дали намъ только поводъ намекнуть на законы, вслѣдствіе которыхъ современныя стихотворенія, написанныя вчера, нерѣдко блѣднѣютъ сегодня. Но утѣшьте вдохновенные! Муза не обманываетъ своихъ поклонниковъ. Пусть ваши современные образы блѣднѣютъ въ яркомъ калейдоскопѣ насущной суеты; придетъ пора, они отодвинутся во глубь прошедшаго, умолкнетъ разногласица дня, первообразъ вашъ

дойдетъ до тихой неподвижности и поэтической контуръ его, въ минуту вашего вдохновенія, получить первообычныя права на всеобщее сочувствіе.

Предназначенно избѣгнувъ, въ началѣ замѣтокъ, вопроса о нравственномъ значеніи художественной дѣятельности, мы теперь сошлемся только на критическую статью редактора «Библиотеки для Чтенія», въ октябрьской книжкѣ 1858 года: *Очеркъ Исторіи Русской Поэзіи.*

Въ концѣ статьи въ особенности ясно, спокойно и благородно указано на высокое это значеніе. Вполнѣ раздѣляя воззрѣніе автора, мы въ то же время твердо увѣрены, что яркому поэтическому огню г. Тютчева суждена завидная будущность не только освѣщать, но и согрѣвать грядущія поколѣнія.

Рѣшаюсь выписать еще одно стихотвореніе, стр. 48:

XL.

Сонъ на морѣ.

И море и буря качали нашъ чолнъ;
 Я, сонный, былъ преданъ всей прихоти волнъ.
 И двѣ безпредѣльности были во мнѣ —
 И мной своевольно играли онѣ.
 Кругомъ, какъ кимвалы, звучали скалы
 И вѣтры свистѣли и пѣли валы.
 Я въ хаосѣ звуковъ леталъ оглушенъ;
 Надъ хаосомъ звуковъ носился мой сонъ....
 Богѣзненно-яркій, волшебнo-нѣмой,
 Онъ вѣялъ легко надъ гремящею тьмой,
 Въ лучахъ огневицы развилъ онъ свой міръ,
 Земля зеленѣла, свѣтился эфиръ....
 Сады, лабиринты, чертоги, столпы....
 И чудился шорохъ несмѣтной толпы.
 Я много узналъ мнѣ невѣдомыхъ лицъ:
 Зрѣлъ тварей волшебныхъ, таинственныхъ птицъ, —
 По высямъ творенья я гордо шагалъ,
 И міръ подо мною недвижно сіялъ....
 Сквозь грезы, какъ дикій волшебника вой,
 Лишь слышался грохотъ пучины морской,
 И въ тихую область влдѣній и сновъ
 Врывалася пѣна ревущихъ валовъ.

Развѣ не гигантское вдохновеніе, не могучее искусство создали эти образы? Не могу воздержаться отъ зазорнаго вопроса: у кого изъ современныхъ лириковъ такая мощь? У Гейбеля что ли, расходящагося десятками тысячъ экземпляровъ? «За то, — замѣтятъ мнѣ, — его всѣ понимаютъ.» — Великая сила! да что тамъ понимать-то? — Дѣйствительно, первое условіе художественности — ясность; но ясность ясности рознь. Не потому г. Тютчевъ могучій поэтъ, что играетъ отвлеченностями, какъ другой играетъ образами, а потому, что онъ въ своемъ предметѣ такъ же уловляетъ сторону красоты, какъ другой уловляетъ ее въ предметахъ болѣе наглядныхъ. А что міръ отвлеченный не всѣмъ равно доступенъ, а для иныхъ и вовсе не существуетъ, по крайней мѣрѣ, сознательно, — это другое дѣло. Скажите или растолкуйте неграмотному самое слово: *отвлеченность*, пойметъ ли онъ въ чемъ дѣло? а между тѣмъ, это понятіе ничуть не туманнѣе понятія о рѣпѣ.

Не малаго требуетъ г. Тютчевъ отъ читателей, обращаясь къ ихъ сочувствію. До сихъ поръ большинство не отозвалось, да и не могло отозваться на его голосъ. Но тѣмъ больше славы поколѣнію, породившему такихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ, Тютчевъ и Кольцовъ, и тѣмъ больше чести народу, къ которому поэтъ обращается съ такими высокими требованіями. Теперь за нами очередь оправдать его тайныя надежды.

А. Фетъ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Die Frauen in die Kunstgeschichte, von Ernst Guhl.
Berlin. 1858.

Томы были написаны о вопросѣ: уступаютъ ли женщины мужчинамъ въ силѣ умственныхъ способностей. Женщины, говорятъ защитники современнаго взгляда на вопросъ, не внесли ничего новаго въ область нашей умственной дѣ-

тельности; онѣ не произвели ничего истинно великаго ни въ искусствѣ, ни въ наукѣ, ни въ литературѣ; правда, были исключенія, но исключеніе еще не составляетъ правила. Чего онѣ не могли сдѣлать въ теченіе восемнадцати вѣковъ, того, конечно, не сдѣлаютъ въ девятнадцатомъ. Толкуютъ о трудностяхъ воспитанія и прочихъ обязанностяхъ, лежащихъ на женщинѣ, но истинный гений не падаетъ ни подъ какимъ гнетомъ; онъ всюду прокладываетъ себѣ дорогу, не нуждаясь ни въ какой искусственной помощи или возбуждательныхъ средствахъ. Женщины, отвѣчаютъ ихъ противники, еще никогда не играли въ обществѣ свойственной имъ роли. Стѣсненные во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, поверхностно образованныя, исключенныя изъ обществъ, въ которыхъ могли бы поддерживать отношенія съ людьми, достигшими высшаго умственнаго развитія, замкнутыя въ узкомъ кругу своихъ домашнихъ обязанностей, принужденныя проводить время то у плиты, то за пядцами, или увлеченныя въ вихрь пустой великосвѣтской жизни — онѣ, незамѣтно для себя самихъ, подавляютъ свои природныя способности, не давъ имъ развиться вполнѣ, и закрываютъ для себя сферу мысли, которая облагораживаетъ и возвышаетъ человѣка. Общественная и гражданская подчиненность, тяготящая до сихъ поръ надъ женщиной, стѣсняетъ естественное развитіе ея духа, какъ бы ни были велики его силы. — Въ обонхъ этихъ мнѣніяхъ есть доля правды.

Достаточно вспомнить Елизавету Англійскую, Екатерину Великую, Изабеллу Кастильскую, Марію Терезію, чтобы убѣдиться въ способности женщинъ къ политической дѣятельности; длинный рядъ живущихъ и умершихъ знаменитостей доказываетъ ихъ литературныя дарованія. Но должно сознаться, что труды ихъ въ области искусства никогда не увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ. Мы не только не знаемъ женщинъ — живописцевъ, которыя могли бы равняться съ Рафаэлемъ, Микель-Анжело (равно какъ не знаемъ женщинъ, равныхъ Гомеру, Шекспиру, Мильтону), но даже второстепенные гении рѣдки между ними. Фактъ этотъ съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ. Живопись есть занятіе, во многихъ отношеніяхъ особенно свой-

ственное женщинъ. Оно не требуетъ никакого пожертвова-
нiя ни отъ дѣвической скромности, ни степенности пожи-
лой дамы; оно не дѣлаетъ ее свидѣтельницей шумныхъ и
непристойныхъ пооекъ; оно не выводитъ ее на подмостки,
не выставляетъ предъ толпой зрителей, которая въ своемъ
увлеченiи забываетъ въ артисткѣ женщину. Оно — по край-
ней мѣрѣ до нѣкоторой степенiи Такого же въ семейномъ
кругу. Но съ другой стороны, живописи дается только
тѣмъ, кто совершенно предался ей; она требуетъ строгаго
изученiя, напряженнаго и непрерывнаго труда.

Одно вдохновенiе, какъ бы возвышенно оно ни было, не
составляетъ артиста. Онъ долженъ образовать свою руку
также, какъ и умъ, — а это требуетъ долгихъ и постоян-
ныхъ усилiй; онъ долженъ изучить анатомiю, которую об-
щественный предразсудокъ исключаетъ изъ круга знанiй,
свойственныхъ женщинамъ. Нерѣдко высказывались сомнѣ-
нiя и въ творческой силѣ женской фантазiи. Но такiя име-
на, какъ Елизавета Серани, Марiя Робусти, Анжелика Кауф-
маннъ, Лавинiя Фонтана и Роза Бонѣръ, доказываютъ, что
женщины не вовсе лишены этой способности.

Небольшое сочиненiе профессора Гуля, прибрѣтъе въ
Германiи замѣчательную популярность въ весьма непродол-
жительное время, представляетъ новыя данныя для рѣшенiя
вопроса объ умственныхъ способностяхъ женщинъ. Оно
написано просто, безъ всякихъ притязанiй на глубину мысли,
оригинальность взгляда и совершенно лишено философскихъ
тенденцiй, свойственныхъ германской натурѣ; но оно мо-
жетъ заинтересовать всякаго, кому любопытно прослѣдить,
по собраннымъ фактамъ, развитiе женщинъ вообще и успѣхи
ихъ въ живописи.

О живописи древнихъ Грековъ мы знаемъ очень не
много. Количество дошедшихъ до насъ архитектурныхъ и
скульптурныхъ произведенiй совершенно достаточно, чтобы
судить о степени развитiя этихъ искусствъ. Наперекоръ
времени, наперекоръ опустошенiямъ древнихъ и новыхъ
варваровъ, остатки Пантеона до настоящаго времени свидѣ-
тельствуя о славѣ и генiѣ Иктинiя, Каллпкрата. Что же
осталось отъ произведенiй Апеллеса и Зевксiя? Незначи-

тельные остатки древней живописи, пощаженные временемъ и грабежемъ, относятся ко временамъ Римской имперіи; и ни фрески, открытыя въ купальняхъ Тита, ни стѣнная живопись въ Геркуланѣ и Помпеѣ, ни даже двѣ или три картины, найденныя въ этихъ городахъ, не могутъ быть признаны произведеніями вполне развившагося искусства.

Судя по всѣмъ даж. Н. можно заключить, что живопись совершенствовалась несравненно медленнѣе, чѣмъ скульптура. Плиній говоритъ, что, въ то время, когда послѣдняя находилась въ блестящемъ состояніи, первая была еще въ младенествѣ; что до Апполодора (*) не было ни одного артиста, достойнаго вниманія. Но въ то же время онъ упоминаетъ о произведеніяхъ, достойныхъ вниманія, и отзывается о нихъ съ такимъ же почтеніемъ, какъ объ Юпитерѣ Фидія.

Можемъ ли по этому думать, что въ живописи мы уступаемъ древнимъ такъ точно, какъ въ скульптурѣ? что *послѣдняя вечеря* Леонардо да Винчи, *Мадонна Рафаэля*, *дѣвушка Корреджіо* или *Мурильо* — ничто въ сравненіи съ *Пенелопею и Юпитеромъ* Цевксія, *Венерою* Апеллеса, *Бахусомъ и Ариадною* Аристиды? Такой выводъ, по нашему мнѣнію, былъ бы совершенно безоснователенъ. Что мы уступили и уступаемъ Грекамъ въ скульптурѣ — это объясняется весьма просто. Сущность скульптуры составляютъ красота, грація, симетрія, пропорціональность, говоря проще — форма; а гдѣ форма достигла полнѣйшаго и изящнѣйшаго развитія, какъ не у Грековъ, у народа, который все полагалъ въ красотѣ и изощрилъ свое чувство прекраснаго до высочайшей степени? Живопись требуетъ совсѣмъ другаго. Въ ней должно преобладать чувство, внутреннее движеніе, вытекающее нерѣдко изъ сложныхъ и разнообразныхъ побужденій; а эти элементы принадлежатъ уже христіанству.

Древніе Греки олицетворяли скульптуру и живопись въ образѣ женщинъ; но весьма немногія женщины были съ ними знакомы. Нужно однакожь удивляться, что, не смотря на общее невѣжество женщинъ, на утомительное однообразіе жизни, какую онѣ вели, наконецъ, на ихъ отчуж-

(*) Жившаго за 408 л. до Р. Х.

денность отъ общества, мы находимъ въ числѣ именъ художниковъ и женское имя — имя Кора, дочери коринтянина Дабутада. Плиній рассказываетъ, что Кора, желая оставить въ памяти портретъ своего любовника, съ которымъ должна была разстаться на вѣки, нарисовала его профиль по тѣни, падавшей на стѣну; отецъ ея по этому рисунку вылѣпилъ силуэтъ изъ глины. Такимъ образомъ явился первый портретъ. Въ этомъ разказѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго. И до Коры, и послѣ нея, любовь не разъ являлась наставницею человѣка.

Сверхъ того, Плиній упоминаетъ о Тимаратѣ, произведенія которой ему случилось видѣть въ Эфесѣ. Во времена Александра Великаго извѣстны были три женщины — артистки: Цирена, Аристарита и Калипсо. Послѣдняя была жанристка и ей приписываютъ — трудно сказать, основательно ли? — небольшую, но прекрасно отдѣланную картину — мать, наблюдающая за туалетомъ своихъ дочерей — найденную въ Помпей и теперь хранящуюся въ Неаполѣ. Плиній говоритъ, что написанные ею портреты извѣстнаго танцовщика Ацистена и колдуна Теодора, заслужили общее одобреніе.

Въ лѣтописяхъ Рима находимъ только одну женщину — артистку и та была гречанка. Имя ея Лайа. Она жила за сто лѣтъ до Рождества Христова, то есть въ тѣ времена, когда женщины пользовались большою свободою и, слѣдовательно, имѣли болѣе возможности развить свои артистическія способности. Но здѣсь необходимо вспомнить, что у Римлянъ, у этого боеваго народа, искусство никогда не было такимъ существеннымъ элементомъ жизни, какъ у Грековъ. Въ лучшія времена республики, оно было оставлено въ пренебреженіи, и развитіе его относится ко времени упадка мужественной силы, поработившей весь историческій міръ отъ знойныхъ песковъ Африки до мрачныхъ береговъ Альбіона.

До насъ дошли немногія свѣдѣнія о Лайи; но и изъ этихъ свѣдѣній можно уже заключить, что она пользовалась огромною извѣстностію, какъ портретистка. Плиній говоритъ, что произведенія ея цѣнились весьма высоко и что

она всю жизнь посвятила искусству. Послѣ паденія Римской имперіи, въ теченіе цѣлыхъ семи вѣковъ не находимъ ни одной женщины — артистки. Но самое искусство никогда не погибало, что доказывается нѣсколькими Византійскими памятниками и мозаическими работами, относящимися къ пятому вѣку, и открытыми въ Римскихъ, Венеціанскихъ и Пизанскихъ монастыряхъ. Но древній характеръ искусства, не совмѣстный съ идеею христіанства, долженъ былъ совершенно исчезнуть. Язычники боготворили въ своихъ Юпитерахъ и Аполлонахъ величественную красоту, физическое совершенство; въ слѣдствіе этого, воображали, что и Спасителя должно представлять столь же совершеннымъ физически и основывали это мнѣніе на буквальномъ значеніи словъ пророковъ, предсказывавшихъ его пришествіе въ блескѣ и славѣ. По мѣрѣ того, какъ христіанство распространялось и укоренялось, древнія понятія объ изящномъ уступали мѣсто повымъ, а въ VIII вѣкѣ послѣдовала папская булла, подтвердившая идеи, высказанныя св. Иеронимомъ, Августиномъ и Амвросіемъ; они требовали, чтобы Спасителя изображали со всѣми атрибутами красоты божественной, а не человѣческой. Такое требованіе, исшедшее отъ лица представителей церкви, было весьма полезно, потому что искусство совершенно пало и кое-какъ поддерживалось миньятюрною живописью на пергаментѣ. Этотъ родъ живописи существовалъ у Грековъ и Римлянъ и, можетъ быть, по причинѣ своей простоты и легкости, сдѣлался постояннымъ, любимымъ занятіемъ монаховъ и отшельниковъ. Рукописи и религіозныя книги считались не совсѣмъ оконченными, если не были украшены подобными рисунками. Нечего и говорить, что они далеко не удовлетворяли самымъ первыми, существеннымъ требованіямъ искусства; однакожъ находимъ извѣстія о нѣсколькихъ лицахъ, прославившихся въ этомъ родѣ живописи, и глѣтъ за восемьдесятъ до Андрея дель Кондіа, упоминается о Кведлинбергской настоятельницѣ Агнесѣ, приобрѣтшей обширную славу на этомъ поприщѣ.

Художники этого періода раздѣлялись на два разряда: миньятюристовъ, собственно такъ называемыхъ, и миньятюристовъ-каллиграфовъ. Послѣдніе, извѣстные также подѣ

именем *Pulchri Scriptores*, писали книги и письма, первые иллюстрировали ихъ. Это занятіе считалось дѣломъ религіознымъ и какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало мирной и замкнутой монастырской жизни. Оно не требовало ни знанія человѣческаго сердца, ни наблюденій въ сферѣ жизни, столь необходимыхъ для искусства въ настоящемъ его значеніи. Около этого же времени появилась живопись на стеклѣ, процвѣтавшая въ нѣсколькихъ монастыряхъ.

Испорченность, проникшая въ послѣдствіи въ нравы монастырей, изгладилъ въ нашей памяти воспоминаніе объ услугахъ, оказанныхъ ими человѣчеству; мы забыли, что они сохранили для будущихъ вѣковъ зерно мысли, среди непроходимого мрака, покрывавшаго весь историческій міръ. Среди варварства и невѣжества, монастыри были единственнымъ убѣжищемъ. Между тѣмъ какъ графы, бароны, принцы предавались войнѣ, грабежу, разбоямъ и пиршествамъ, монахи скромно трудились въ своихъ келіяхъ надъ вопросами науки и искусства; хотя взглядъ ихъ былъ крайне ограниченъ и заключался формулами религіознаго ученія, труды ихъ принесли плоды, которыми до настоящаго времени пользуется человѣчество. Они сохраняли и изучали творенія древнихъ; они поддерживали существованіе литературы; они воздвигали храмы, которыми справедливо гордятся народы запада; они наконецъ спасли искусство отъ угрожавшей ему гибели. Рожеръ Бэконъ, Патеръ Александро, Анжелико да Фіесоло, Бартоломео спасаютъ средне-вѣковыхъ монаховъ отъ общаго обвиненія въ лѣности и невѣжествѣ. Монахи того времени также не оставались безъ дѣла. Онѣ занимались переписываніемъ рукописей и богослужебныхъ книгъ; которыя почти всегда украшались рисунками самой мелкой работы. Онѣ управляли хозяйствомъ обширныхъ имѣній, принадлежавшихъ ихъ монастырямъ; посѣщали больныхъ и бѣдныхъ и при всемъ томъ находили время заниматься живописью и другими искусствами. Такъ монахи доминиканскаго ордена флорентинскаго монастыря, основаннаго въ 1292 году, прославили свой орденъ преданностію искусству вообще и въ особенности книгопечатанію.

Въ 1476 году Доменико да Пистойа и Пиетра да Пиза, духовные отцы этого монастыря, открыли въ немъ типографію; монахины явились авторами и съ 1476 по 1484 годъ было отпечатано здѣсь нѣсколько весьма замѣчательныхъ произведеній. Но по смерти да Пистойа, онѣ принуждены были оставить свое занятіе.

Миньютюрная живопись процвѣтала въ теченіе XIII, XIV и XV столѣтій и даже великіе люди того времени съ почтеніемъ о ней отзывались. Данте упоминаетъ двухъ живописцевъ, помѣщенныхъ имъ въ «чистилищѣ», гдѣ они должны были страдать за гордость, внушенную имъ успѣхами на землѣ. Въ началѣ XVI вѣка этотъ родъ живописи началъ падать и, мало-по-малу, уступилъ мѣсто гравированію. Но произведенія этого періода далеко превосходятъ миньютюрныя работы прежнихъ временъ правильностію рисунка, выраженіемъ и тщательностію отдѣлки. Въ числѣ художниковъ, прославившихся въ это время, находимъ одну монахиню доминиканскаго ордена, Плаутиліа Нелли, дочь флорентинскаго патриція, учившуюся у Бартоломео. Объ ней упоминаетъ также Вазари во второмъ изданіи своего классическаго сочиненія «Storia di Pittura».

Въ 1405 году въ Германіи приобрѣла извѣстность Сабина фонъ Штейнбахъ, которую можно назвать гага avis между женщинами. Съ ранняго дѣтства она обнаруживала склонность къ скульптурѣ и отецъ ея Эрвинъ фонъ Штейнбергъ, также весьма замѣчательный скульпторъ, произведенія котораго составляютъ украшеніе стразбургскаго собора, былъ ея первымъ наставникомъ. Немногимъ, можетъ быть, извѣстно, что группа, украшающая порталъ южнаго входа въ храмъ, и вызывающая общее удивленіе граціею и красотою, есть произведеніе двадцатилѣтней дѣвушки. Группа эта есть аллегорическое изображеніе Христіанства и Гебраизма. Первая представляетъ величественную прекрасную статую съ діадемой на челѣ, съ крестомъ въ одной рукѣ и чашей въ другой. Послѣдняя наклонена внизъ; лице ея выражаетъ стыдъ и печаль; въ рукѣ у нея сломанная стрѣла и разбитыя таблицы законовъ. «Въ этой группѣ», говоритъ Гуль, «соединяется все, что было возвышеннѣйшаго и прекраснѣй-

шаго въ средневѣковой скульптурѣ; женская рука одушевила ее глубокимъ и чистымъ чувствомъ.

Преданіе прибавляетъ, что, по желанію архіепископа, Сабина сама присутствовала при томъ, какъ ставили эти статуи въ назначенныя для нихъ ниши, что святитель, встрѣтивъ ее со всѣмъ духовенствомъ, возложилъ на ея голову лавровый вѣнокъ, имъ самымъ освященный. Преданіе это было весьма популярное, что доказываетъ небольшая и незамѣчательная по отдѣлкѣ картина, находящаяся въ Страсбургѣ, на которой Сабина представлена стоящею на колѣнахъ предъ архіепископомъ и принимающею его благословеніе и драгоценную награду.

Начало XV вѣка, столь важное въ исторіи человѣчества, ознаменованное особенно напряженною умственной дѣятельностію, очень бѣдно женщинами-артистами и вообще геніальными женщинами, въ сравненіи, по крайней мѣрѣ, съ послѣдующими вѣками. Событія, потрясавшія міръ въ теченіе этого столѣтія, почти такъ же неблагоприятно дѣйствовали на умственное развитіе женщинъ, какъ и на ихъ общественное положеніе. Въ XIII и XIV вѣкѣ женщина была предметомъ особеннаго почитенія. Ея красота была постоянно темою министрелей; ея вниманіе — наградой рыцарской доблести. Женщина, стоявшая на вершинѣ общества, безспорно имѣла множество средствъ развивать свои таланты, насколько позволяло общее состояніе искусства и науки. Но Трубадуры и Миннезингеры пчезли; царство рыцарства прошло — вмѣсто ихъ явились тысяча новыхъ интересовъ. Теперь мужчинамъ нѣкогда было бродить отъ замка къ замку и прославлять своихъ царицъ сердца; женщина упала съ своего пьедестала, на который была поднята хотя благородными, чистыми, но все-таки экзальтированными чувствами мужчины, и стала въ уровень съ обыкновенною будничною жизнію.

Состояніе искусства въ XV вѣкѣ и преимущественно въ началѣ его было такого рода, что не могло питать или развивать таланты, особенно женскіе. Оно мало-по-малу стало сбрасывать съ себя идеальный и сверхчеловѣческій характеръ, составлявшій отличительную черту среднихъ вѣковъ.

То былъ періодъ непрерывнаго, утомительнаго труда, приведшаго человечество къ великимъ результатамъ. Теперь должны были явиться на полотнѣ земныя страсти и побужденія, не находившія мѣста въ религіозной живописи прежнихъ временъ, не гармонировавшія съ строгими произведеніями Анжелико да Фіесоле или торжественными, исполненными достоинства фигурами Бартоломео. Все это требовало серьезнаго изученія — слишкомъ тяжелаго и сухаго для женщины. Не смотря на то, мы можемъ назвать нѣсколько женщинъ, одолевшихъ всѣ трудности и достигшихъ извѣстности въ этотъ тяжелый періодъ. Изъ нихъ наибольшую извѣстностію пользовалась Маргарета фонъ Эккъ, сестра Губерто фонъ Экка, который произвелъ переворотъ въ искусствѣ введеніемъ маслянныхъ красокъ. Маргарета впрочемъ не принимала участія въ этомъ дѣлѣ; она посвятила себя исключительно миньютюрной живописи и роскошный Бургундскій дворъ доставлялъ ей множество работъ. Случалось, братъ и сестра работали вмѣстѣ; такъ, они иллюстрировали служебникъ герцога Бредфордскаго, женившагося въ 1423 г. на сестрѣ Филиппа Добраго; нынѣ этотъ экземпляръ хранится въ Парижской библіотекѣ. Маргарета была хорошо извѣстна своимъ современникамъ, что доказывается словами Карла фонъ Мандера, древнѣйшаго историка фламандскаго искусства, который называетъ ее Минервою и прибавляетъ, что, подобно Минервѣ, она смѣялась надъ узами Гименея.

Не много позже, въ мирной Нюрембергской обители, другая Маргарета трудилась надъ перепискою и иллюстрированіемъ религіозныхъ книгъ. Восемь фолиантовъ были переписаны и украшены рукою этой набожной и неутомимой отшельницы. Но прежде, нежели перейдемъ къ послѣдующему періоду, упомянемъ о двухъ женщинахъ, весьма замѣчательныхъ. Въ Болонской пинакотекѣ, въ числѣ произведеній XIV и XV вѣковъ, находится изображеніе св. Урсулы, исполненное святаго, кроткаго выраженія, превосходящее въ правильности рисунка большую часть произведеній того времени. Картина эта приписывается Катеринѣ Вигри, Болонской урожденкѣ, родившейся въ 1403 г. и окончившей свои дни монахиней въ монастырѣ Капо ди Кристи, гдѣ до настоящаго

времени можно видѣть картины ея работы. Изъ числа ихъ наиболѣе замѣчательно изображеніе Иисуса младенца, которому въ теченіе долгаго времени приписывали чудотворную силу и въ народныхъ сказаніяхъ сохранилось множество фактовъ, подтверждающихъ это повѣрье.

Другая женщина была Оронато Рудіано, съ одинаковымъ искусствомъ владѣвшая кистью и мечемъ. Исторія ея полна драматическихъ сценъ и положеній, такъ что должно удивляться, какъ она до сихъ поръ не сдѣлалась героинею романа или драмы. На двадцать третьемъ году она пользовалась уже такою извѣстностію, что Габрино Фондоло, тиранъ Кремонскій, предложилъ ей работы въ своемъ дворцѣ. Оронато хотѣла-было уклониться отъ этой чести, но противиться волѣ этого мстительнаго и безсовѣстнаго человѣка было опасно.

Впрочемъ она не долго работала во дворцѣ тирана. Однажды, когда она была занята своимъ дѣломъ, вошелъ въ комнату одинъ изъ придворныхъ, человѣкъ, какъ говорятъ ея біографы, развратной жизни, и весьма дерзко обошелся съ нею. Оронато съ негодованіемъ потребовала, чтобы онъ удался, но придворный отвѣчалъ презрительною насмѣшкой; тогда артистка выхватила кинжалъ, скрытый подъ ея платьемъ, и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться, поразила его въ грудь. Послѣ того она убѣжала изъ дворца и скрылась въ горахъ, объявивъ, что скорѣе умереть въ изгнаніи голодною смертію, нежели запятнаеть свою честь. Фондоло пришелъ въ бѣшенство отъ поступка артистки и разослалъ создать во всѣ стороны, приказавъ, чтобы они представили ее живую или мертвую. Попытки оказались тщетными, и такъ какъ Маркизь не могъ найти художника, который въ состояніи былъ бы продолжать работу, начатую Оронатою, то обѣщалъ ей совершенное прощеніе, если она возвратится. Оронато отвергла это предложеніе и вступила въ шайку комодотьери, опустошавшихъ тогда Италію; необыкновенная храбрость и твердость воли доставили ей вскорѣ титулъ начальницы шайки, что еще болѣе развило въ ней воинственные наклонности и до самой смерти не оставяла она ни меча, ни кисти. Въ 1472 г. ея родной го-

родъ Каstellіоне былъ осажденъ Венеціанами; узнавъ объ этомъ, Оронато немедленно явилась къ нему на помощь со своей шайкою; дѣйствія ея были такъ успѣшны, что Венеціаны принуждены были снять осаду. Но здѣсь, въ одной схваткѣ, она была смертельно ранена и умерла спустя нѣсколько дней.

XV вѣкъ, какъ мы замѣтили выше, былъ вѣкомъ труда; плоды этого труда явились въ XVI столѣтіи, когда искусство и преимущественно живопись достигли самаго полнаго совершенства. Въ короткій промежутокъ времени съ 1590 по 1620 годъ явились величайшіе гении искусства: Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микель-Анжело, Корреджіо, Тиціанъ, Жіоржіоне, составляющіе славу и гордость Итали. За этими великими именами пачезли имена женщинъ-артистокъ, которыя въ другое время выдвинулись бы на первый планъ. Было бы несправедливо, еслибы мы прошли ихъ молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что въ свое время онѣ пользовались извѣстностію и уваженіемъ. Славнѣе другихъ была Марія Робусти, дочь Тринторетто, соперника — хотя далеко не равнаго — Тиціана. Дарованія Маріи признавались безусловно. Короли и императоры старались привлечь ее къ своимъ дворамъ; но она ствергала всѣ ихъ предложенія и до самой смерти оставалась въ Венеціи, не покидая отцовской кровли, не смотря на то, что была за богатымъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ. Рудольфи въ своемъ сичиненіи *Maraviglia della pittura Veneziana* съ большимъ уваженіемъ отзывается о ея дарованіи и высоко цѣнитъ ея произведенія. Профессоръ Гуль здѣсь упоминаетъ много женскихъ именъ, прославленныхъ современниками, но забытыхъ потомствомъ. Изъ числа ихъ мы укажемъ на Ирину ди Спиллибергъ, Уддинскую урожденку, происходившую отъ древней фамили, молодую, прекрасную, даровитую артистку, бывшую въ тѣ времена предметомъ общаго удивленія. Тассо прославилъ ее въ своихъ сонетахъ; Тиціанъ, наставникъ ея, обезсмертилъ ее своею кистью; въ собраніи рѣчей Градениго, издавшихся лѣтъ двадцать спустя послѣ его смерти, она названа гордостію и славой своего вѣка; Рудольфи причисляетъ ее къ разряду необыкновенныхъ явленій. Можетъ быть, ся юность, кра-

сота и ранняя смерть — она умерла на восемнадцатомъ году, — преувеличили въ глазахъ современныхъ судій ея достоинства. Во всякомъ случаѣ, восторженные отзывы ихъ доказываютъ, что она общалась очень много. И въ самомъ дѣлѣ, что осталось бы послѣ Леонардо да Винчи или Рафаэля, еслибы они умерли въ ея лѣта?

Фламандскія женщины также принимали участіе — хотя въ несравненно меньшей степени — въ этомъ быстромъ развитіи искусства. Албрехтъ Дюреръ въ своемъ журналѣ (1521 г.), говоритъ съ удивленіемъ объ одной семнадцатилѣтней дѣвушкѣ, встрѣченной имъ во время путешествія. «Ее звали Сусанною», пишетъ онъ, «она рисовала картинки для какой-то книги, и я далъ ей за то червонецъ. Чрезвычайно удивительно, что женщина (Weibsbild) въ состояніи такъ много сдѣлать». Мнѣніе Дюрера о женскихъ способностяхъ — конечно, не очень лестное, — было господствующимъ въ Германіи въ XVI вѣкѣ.

Въ XVII столѣтіи находимъ нѣсколько артистокъ, о которыхъ нельзя не упомянуть, хотя ихъ произведенія и не могутъ быть поставлены на ряду съ произведеніями великихъ мастеровъ того времени. Но въ трудахъ Лавиніи Фонтаны, Артемизы Джентилески, Елизаветы Серани и Маріи Шурманъ, нельзя не признать положительныхъ достоинствъ. Первые три принадлежали къ Болонской школѣ. Лавинія была дочь Просперо Фонтана, наставника Людовика Караччи, который до такой степени ошибался въ своемъ ученикѣ, что называлъ его *быкомъ* и считалъ способнымъ только тереть краски. Но впоследствии, когда Караччи, воспользовавшись наставленіями Тиціана, Корреджіо, Джуліо Романо и другихъ великихъ художниковъ, явился самостоятельнымъ дѣятелемъ, старикъ Фонтана пожалѣлъ, что не могъ сдѣлаться его ученикомъ. Эта честь досталась его дочери, и если она не превзошла своего учителя, то по крайней мѣрѣ усвоила себѣ его мягкость, нѣжность и искусство придавать лицамъ равное выраженіе. Портреты ея работы считались тогда лучшими, и многія тогдашнія львицы добивались чести имѣть снятый ею портретъ, за что платили огромныя суммы. Папа Григорій XIII назначилъ ее своимъ

постояннымъ живописцемъ. Необыкновенная красота и другія личныя достоинства Лавиніи привлекали къ ней общее вниманіе; она постоянно была окружена толпою знатныхъ искателей, но отвергла ихъ и предпочитала имъ молодаго челоѣка, низкаго происхожденія, который привлекъ ея вниманіе, работая въ мастерской ея отца.

Гораздо выше Лавиніи критики ставятъ Елизавету Серани, также Болонскую урожденку, ученицу Гвидо Рени. Она вполне усвоила себѣ изящную манеру своего наставника, съ которою соединила силу и энергію выраженія, почти невѣроятною для женщины, и совершенно свободную отъ той рѣзкости, которую такъ часто принимаютъ за силу. Въ церкви Certosa въ Болоньи, находится ея картина — Исусъ на Иорданѣ — отъ которой не отказался бы самъ Гвидо Рени; въ томъ же городѣ въ Палаццо ди Піетро хранится другая картина — Св. Магдалина, — которая по красотѣ, граціи, выраженію, достойна особеннаго вниманія. Елизавета съ большимъ успѣхомъ занималась также музыкою и скульптурою. Съ этими талантами она соединяла всѣ лучшія женскія добродѣтели, и никогда не позволяла себѣ пренебречь своими скромными домашними обязанностями. Цвѣтущая молодостью и красотою, достигшая огромной извѣстности, Серани была постигнута печальною судьбою. Ранняя смерть ея до настоящаго времени покрыта непроницаемою тайною и всѣ усилія разсѣять эту таинственность остаются безплодными. Акты, составленные судьями — (она умерла такъ внезапно, что возбудила общее подозрѣніе) — существуютъ до сихъ поръ, но мало объясняютъ дѣло. Вообще полагали, что она была отравлена кѣмъ либо изъ завистливыхъ соперниковъ; иныя утверждали, что она погибла отъ руки какого-то знатнаго лица, тщетно домогавшагося ея любви. Смерть ея возбудила волненіе въ городѣ; похоронная церемонія была совершена съ необыкновеннымъ великолѣніемъ и гробницу ея, находящуюся въ церкви Мадонны дель Розаріо, рядомъ съ гробницею Гвидо Рени, долгое время посѣщали пилигримы изъ разныхъ странъ Италіи.

Артемизія Джентилески, также ученица Гвидо Рени, родилась въ Неаполѣ, но въ ранней юности переелилась въ

Болонью со своимъ семействомъ. Она прославилась въ портретной живописи и вскорѣ была приглашена въ Англію Карломъ I, при дворѣ котораго провела нѣсколько лѣтъ, постоянно занимаясь своимъ искусствомъ. Англичане щедро наградили ея труды, такъ что возвратясь на родину, она жила до самой смерти чрезвычайно роскошно. Переписка ея съ Кавалеромъ дель Поццо, недавно изданная, обнаруживаетъ въ ней замѣчательныя умственныя способности и доказываетъ, что она была столь же замѣчательна въ жизни, какъ и въ своей мастерской. Одна изъ лучшихъ ея картинъ, Юдишь, находится въ Палаццо Питти во Флоренціи.

Марія Шурманъ извѣстна необыкновеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ дарованій. Она родилась въ Кельнѣ, но была Фламандскаго происхожденія. Удивительныя умственныя способности ея обнаружилились весьма рано. Присутствуя при урокахъ брата, она въ весьма короткое время побѣдила всѣ трудности Латинскаго языка, безъ всякой помощи учителя. Пробужденная любовь къ знаніямъ не находила нигдѣ преграды. Одиннадцатилѣтней дѣвочкой, она хорошо владѣла Греческимъ и Еврейскимъ языкомъ и совершенно легко читала Гомера, Эсхила и Библию въ оригиналѣ. Сверхъ того она была знакома съ Арабскимъ, Сирійскимъ, Самаританскимъ языками, говорила совершенно свободно на нѣсколькихъ Европейскихъ языкахъ, и прославилась въ скульптурѣ, въ музыкѣ и въ живописи. Не знаемъ, чему болѣе удивляться въ этой необыкновенной женщинѣ — или ея способностямъ, или скромности. Ученѣйшіе люди того времени съ почтеніемъ говорили о ней; Сальмасіусъ, Фоссіусъ, Гензіусъ и другіе вели съ нею интимную переписку; всѣ знаменитости, посѣщавшія Кельнъ, добивались чести быть ей представленными; но она уклонялась отъ этихъ почестей, жила въ скромномъ загородномъ домикѣ, посвятивъ себя вполне искусству и литературѣ.

Смерть отца ея и братьевъ, къ которымъ она была страстно привязана, произвела на нее весьма сильное впечатлѣніе; она предалась сначала серьезнымъ размышленіямъ, а потомъ впала въ меланхолію. Въ это время Марія познакомилась съ Ламни, человѣкомъ, считавшимъ себя новымъ

Мессіей, и обладавшимъ чрезвычайно сильными умственными способностями и такимъ обаятельнымъ краснорѣчіемъ, что увлекалъ всѣхъ, съ кѣмъ только приходилъ въ близкія сношенія. Марія скоро покорилась его вліянію, сдѣлалась самой жаркой его послѣдовательницею и, оставивъ свои прежнія занятія, со всею страстію предалась изученію богословія. По смерти Лабади, въ 1674 году, она рѣшилась распространять его ученіе и ревностно разсѣвала его. Собравъ нѣсколькихъ изъ сектаторовъ Лабади, она отправилась въ Вивертъ, въ Фрисландію, гдѣ прожила нѣсколько лѣтъ и гдѣ видѣлъ ее знаменитый Вилліамъ Пеннъ, сказавшій, что «она говорила замѣчательно важнымъ и торжественнымъ тономъ». Залужденіе Маріи Шурманъ было совершенно искреннее; это доказывается тѣмъ, что она раздала все свое имѣніе бѣднымъ и умерла въ крайней нищетѣ въ 1678 году.

• Рашель Рейчъ была другая Фламандка, достойная полного уваженія, какъ артистка и какъ женщина. Она родилась въ Амстердамѣ, въ 1664 году, на шестнадцатомъ году вышла за мужъ и была матерью десяти дѣтей, которыхъ воспитывала съ примѣрною заботливостію. Какъ она могла, при весьма ограниченныхъ средствахъ, соединить съ мелочными, но тѣмъ не менѣ важными материнскими заботами, занятія живописью, требующія также постояннаго и усерднаго труда — не легко понять; но истинный геній безъ малѣйшаго труда производитъ то, что для обыкновенныхъ умовъ кажется физически невозможнымъ. Специальность Рашели были цвѣты — и въ этой отрасли живописи она долгое время не находила соперниковъ. Слава ея быстро распространилась, и даже за предѣлами отечества она стала извѣстна, какъ замѣчательная артистка, такъ что Іоаннъ, Курфирстъ Пфальцскій, пригласилъ ее къ своему двору и убѣдилъ ее впоследствии поселиться совѣмъ въ его столицѣ. По смерти Курфирста, она возвратилась въ Голландію и по прежнему продолжала трудиться. Она умерла въ 1750 году, окруженная любовію и уваженіемъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о французскихъ женщинахъ, пріобрѣтшихъ извѣстность въ теченіе этого періода своими артистическими способностями. Въ XVII

столятии женщины играли весьма видную роль въ исторіи Франціи, хотя эта роль часто была несовмѣстна съ достоинствомъ и добродѣтелью женскою; искусство и литература привлекали къ себѣ весьма немногихъ. Изъ числа ихъ мы можемъ упомянуть Елизавету Шеронъ, бывшую членомъ Парижской академіи. Объ ней одинъ изъ академиковъ, Фермаль Гюпсъ, выразился въ рѣчи, произнесенной на ея могилѣ, что она можетъ стать на ряду съ знаменитѣйшими артистками своего вѣка. Картины ея, едва ли достойныя такой рѣзкой похвалы, до настоящаго времени высоко цѣнятся критиками; онѣ отличаются мягкостію и полнотою выраженія. Одаренная умомъ, красотой и добрымъ сердцемъ, Елизавета Шеронъ всегда пользовалась любовью и уваженіемъ своихъ соотечественниковъ.

Между тѣмъ какъ Франція можетъ указать на Елизавету Шеронъ, Англіи остается только похвалиться нѣсколькими женщинами, одаренными большими артистическими способностями и дѣйствительно обѣщавшими очень много, но никогда не достигшими полного развитія.

Германія въ этомъ отношеніи бѣднѣе Англіи. Въ искусствѣ, какъ въ литературѣ — съ весьма немногими исключеніями — Германія того времени далеко уступала своимъ сосѣдямъ. Такъ называемая Кельнская школа умерла, между тѣмъ какъ состояніе страны уничтожало всякую возможность дальнѣйшаго развитія искусства. Тридцатилѣтняя война опустошала Германію, не доставляя ей даже тѣхъ выгодъ, какія обыкновенно доставляютъ междоусобныя войны, вызывающія благородную энергію; напротивъ, она дала просторъ низкимъ страстямъ и самымъ нечистымъ побужденіямъ. Что въ это тяжкое время не явилась ни одна замѣчательная артистка — этому нельзя удивляться. Мы должны замѣтить, что въ странахъ протестантскихъ вообще положеніе женщины было гораздо хуже, нежели въ странахъ католическихъ.

Объявивъ, что бракъ есть единственное призваніе женщины, что въ этомъ, и только въ этомъ, заключается все, что предназначено женщинѣ провидѣніемъ, Лютеръ положилъ границу развитія женскихъ способностей, выходящихъ

за границу тѣснаго семейнаго быта. Католицизмъ возвысилъ женщину почти до степени святости; онъ внушилъ ей героизмъ мучениковъ, причисливъ славнѣйшихъ къ лику святыхъ и давъ имъ мѣсто на ряду съ іерархами. Всѣмъ, которыя отвергли узы брака, которымъ онъ не были суждены судьбою, онъ открылъ благородное поприще — сестеръ милосердія и далъ убѣжище въ монастыряхъ. Реформація отняла все это у женщины. Она сѣзнула ея сферу, уменьшила ея вліяніе и ограничила ея дѣятельность будничнымъ семейнымъ кругомъ. Католицизмъ въ лицѣ дѣвы Маріи католицизмъ облекъ женщину атрибутами святости; онъ поставилъ ее между человѣчествомъ и его творцомъ, какъ воплощеніе чистоты и гуманности. Эта идея выразилась вполне въ картинѣ страшнаго суда Микель-Анжело. Но въ настоящее время, даже въ католическихъ государствахъ, женщинамъ отказываютъ въ тѣхъ привилегіяхъ, которыя были имъ дарованы католицизмомъ. Въ лѣтописяхъ главнѣйшихъ городовъ Италіи находимъ имена женщинъ, занимавшихъ профессорскія кафедръ, читавшихъ математику, астрономію, преподававшихъ греческій, латинскій, еврейскій языкъ; находимъ членовъ академіи, о которыхъ съ почтеніемъ отзывались ученѣйшіе люди.

Въ первой половинѣ XVIII столѣтія явилось нѣсколько художниковъ, прославившихся и дарованіями и обширнымъ вліяніемъ. Итальянская школа окончила свое развитіе и уступила первенство французской, которая пріобрѣла безусловное господство въ области искусства. Въ это время и въ Германіи оно не было въ совершенномъ застоѣ: его представляли Рафаэль Менгсъ и Карстенсъ. Но исторія живописи поставила между ними женщину, умѣвшую соединить ихъ достоинства и уклониться отъ ихъ недостатковъ.

Въ знаменитой галлерей Питти во Флоренціи вниманіе посѣтителя обращаютъ на себя три женскіе портрета, писанные самими оригиналами; первый изъ нихъ представляетъ женщину, черты которой обличаютъ въ ней сильныя мужественныя способности ума — это Марія Робусти Тинторето. По первому взгляду на второй, самый неопытный глазъ отличить французженку, жпвую, остроумную, граціозную, —

это мадам Лебрюнь. Третій портретъ составляетъ рѣшительный контрастъ съ портретомъ прекрасной парижанки; на немъ представлена женщина въ цвѣтѣ лѣтъ, съ серьезнымъ, задумчивымъ, почти меланхолическимъ выраженіемъ; но въ ней нѣтъ ничего блестящаго, кидающагося въ глаза. Она сидитъ на камнѣ, съ портфелемъ въ одной рукѣ, и карандашемъ въ другой; кругомъ ея разстилается прекрасный ландшафтъ. При первомъ взглядѣ вы чувствуете, что она всею душой предана своему призванію. Это Анжелика Кауфманнъ, почти единственная артистка, которою можетъ хвалиться Германія, но которая превзошла всѣхъ женщинъ — артистокъ, упомянутыхъ нами, за исключеніемъ одной развѣ Елизаветы Серанн.

Исторія Анжелики Кауфманнъ хорошо извѣстна; поэтому намъ нѣтъ надобности входить въ подробности ея дѣтства, ея простой, невозмутимо спокойной юности, проведенной частью среди прекрасныхъ холмовъ своей родины, покрытыхъ виноградниками и дикими лѣсами, частью на берегахъ Комо; мы не станемъ говорить объ ея страстной любви къ искусству, объ ея гени, успѣхахъ, пребываніи въ Англии, громкихъ рукоплесканіяхъ, общемъ восторгѣ, наконецъ о ея несчастномъ замужествѣ; — все это повторялось не разъ. Но подробности ея брака или скорѣе обстоятельствъ, предшествовавшихъ ему, не совсѣмъ извѣстны. Еще въ ранней юности, путешествуя съ отцемъ своимъ изъ Швейцаріи въ Германію, она встрѣтилась въ первый разъ съ человѣкомъ, который въ послѣдствіи имѣлъ такое пагубное вліяніе на ея судьбу. Анжеликѣ было тогда семнадцать лѣтъ; ея талантъ уже привлекалъ къ себѣ общее вниманіе; но отецъ ея былъ бѣденъ и они принуждены были путешествовать пѣшкомъ, останавливаясь на ночь въ трактирахъ, лежавшихъ по большой дорогѣ. Однажды вечеромъ, когда путешественники наши, утомленные продолжительной ходьбой, вошли въ скромный постоялый дворъ, хозяинъ его объявилъ имъ, что для нихъ нѣтъ мѣста, потому что всѣ комнаты заняты двумя *grands seigneurs* и ихъ прислугой. Они настаивали, чтобы и имъ дано было пристанище, но хозяинъ оставался непреклоненъ; во время этого спора вышелъ

одинъ изъ путешествовавшихъ джентельменовъ и, съ необыкновенной любезностію, попросилъ ихъ войти въ столовую и отужинать вмѣстѣ съ ними. Кауфманнъ, честная и откровенная душа котораго была всегда чужда подозрѣній, тотчасъ же принялъ предложеніе, не обративъ вниманія на протестъ дочери, высказанный шопотомъ; она естественнымъ женскимъ инстинктомъ поняла, что въ этомъ любезномъ приглашеніи кроется нѣчто оскорбительное. Она не ошиблась; за столомъ Лордъ Е. позволилъ себѣ вольности, оскорбительныя для дѣвушки. Анжелика попыталась было остановить его; но это, кажется, еще болѣе ободрило Лорда; тогда она съ негодованіемъ встала изъ за стола, увлекла за собой отца и немедленно удалилась изъ дому. Прошли года. Часть этого времени Анжелика провела у своего дяди, честнаго фермера, умѣвшаго мириться съ своимъ довольно печальнымъ положеніемъ. Сначала Анжелика, привыкшая къ чудесамъ искусства и великолѣпію италіанскихъ городовъ, съ трудомъ переносила скучное и монотонное существованіе въ кругу простяка фермера. Грубыя манеры окружающихъ ее людей, полное отсутствіе вкуса и изящества возбуждали ея негодованіе и внушали отвращеніе. Но мало по малу спасительная привычка подавила первыя непріятныя впечатлѣнія, и она полюбила скромную простоту гостепріимнаго жилища, съ незатѣйливымъ фронтономъ, съ узенькими окнами, — тишину и мракъ сосновой рощи, сквозь которую съ трудомъ пробивались солнечные лучи, — и перестала тосковать о мраморныхъ дворцахъ Милана, объ апельсиновыхъ аллеяхъ Комо. Впрочемъ, ей мало оставалось времени для этихъ безплодныхъ сожалѣній; отецъ ея, получившій заказы для сосѣдней церкви, предоставилъ ей часть работы, и успѣхъ ея превзошелъ ожиданія старика.

Спустя нѣкоторое время, она опять отправилась въ Италію, посѣтила Флоренцію, Неаполь и Римъ. Въ Римѣ она познакомилась съ Винкельманомъ, который скоро почувствовалъ къ ней почти отеческую привязанность. Шестидесятилѣтній старецъ, прошедшій жизнь свою въ серьезныхъ тяжелыхъ трудахъ, и молоденькая дѣвушка, полная энергіи, надеждъ и вдохновенія, представляли собою прекрасное зрѣ-

лице, когда вмѣстѣ, рука объ руку, бродили они по классическимъ развалинамъ вѣчнаго города, или когда она рисовала портретъ своего почтеннаго друга. Портретъ Випкельмана есть одно изъ лучшихъ произведеній Анжелики; сходство поразительное, краски удивительно живы.

Анжеликѣ было двадцать шесть лѣтъ и она уже пользовалась значительною извѣстностію, когда ей предложили посѣтить Англію. Тамъ она была встрѣчена съ энтузіазмомъ; даровитѣйшіе и знатнѣйшіе люди искали ея знакомства; судьба, казалось, улыбалась ей. Но въ Лондонѣ она опять встрѣтилась съ тѣмъ человѣкомъ, который за десять лѣтъ предъ тѣмъ такъ глубоко оскорбилъ ея дѣвическую скромность. Она увидѣла его въ блестящемъ кругу, гдѣ собраны были всѣ beaux-esprits Лондона. Лордъ Е. совершенно потерявшій ее изъ виду, крайне удивился, узнавъ въ прекрасной и знаменитой артисткѣ скромную путешественницу, шедшую когда то пѣшкомъ по Швейцарскимъ горамъ. Это обстоятельство такъ подѣйствовало на его воображеніе, что онъ рѣшился добиться ея вниманія. Притворное раскаяніе въ прошломъ, увѣренія въ самой слѣпой преданности, лесть, вкрадчивая любезность, — все было употреблено въ дѣло — и не безъ успѣха. Анжелика повѣрила; но заблужденіе ея продолжалось только до тѣхъ поръ, пока Лордъ не вообразилъ себѣ, что покорилъ ея гордое сердце и не сбросилъ маски. Легко себѣ представить удивленіе и негодованіе Анжелики. Она рѣшилась не допускать его въ свое общество. Это еще болѣе возбудило его страсть. Можетъ быть, онъ принялъ поведеніе Анжелики за маленькую хитрость, употребленную для того, чтобы заманить его еще далѣе; какъ бы то ни было, онъ повергъ къ ея ногамъ свой титулъ и свое состояніе. Но Анжелика не походила на Памелу и не могла покорно, съ благодарностію, принять предложеніе человѣка, оскорбившаго ея добродѣтель. Ея спокойный, но рѣшительный отказъ привелъ въ бѣшенство Лорда. Если вѣрить біографамъ, онъ рѣшился силою достигнуть своей цѣли; но всѣ его усилія оставались безплодными. Поведеніе его сдѣлалось извѣстнымъ и стало возбуждать толки; тогда Лордъ Е., дышущій местию, пашель приличнымъ ос-

тавить на время Англию. Дальнѣйшія событія въ жизни Кауфманнъ всёмъ извѣстны. Ея несчастный бракъ съ безчестнымъ искателемъ приключеній, котораго столь безчестный Лордъ Е. подкупилъ и заставилъ играть роль знатнаго и богатаго человѣка, открытіе этой интриги, расторженіе брака, болѣзнь и страданія, перенесенныя несчастной женщиной, — все это было рассказано нѣсколько разъ ея біографами.

Эти печальныя происшествія нисколько не уменьшили, а напротивъ увеличили уваженіе современниковъ къ великой артисткѣ. Въ скоромъ времени она была вызвана изъ уединенія, въ которомъ погребла себя послѣ своей женитьбы; Лондонская академія художествъ избрала ее профессоромъ — честь, достававшаяся немногимъ женщинамъ. Тринадцать лѣтъ провела она въ Лондонѣ и наконецъ, уступая просьбамъ отца, здоровье котораго быстро упало, возвратилась въ Германію. Здѣсь, по желанію отца, который боялся оставить ее одну, безъ покровителей, она отдала свою руку живописцу Антоніо Зуччи, и съ нимъ отправилась въ Римъ. Въ Римѣ она была введена въ общество великихъ людей, прославившихъ ея родину, и въ разное время посѣщавшихъ столицу папъ. Она познакомилась съ Гёте, Гердеромъ и другими.

«Анжелика,» пишетъ Гёте, въ одномъ письмѣ изъ Рима, «обладаетъ въ высшей степени замѣчательнымъ и до сихъ поръ почти невиданнымъ въ женщинѣ талантомъ; нужно видѣть и оцѣнить ее по тому, что она дѣлаетъ. Отъ нея многому можно научиться.»

«Любопытно было видѣть», говоритъ де Росси, знаменитый ея біографъ, «Анжелику и ея мужа, стоящими предъ картиной. Зуччи говорилъ съ энтузіазмомъ, Анжелика возражала спокойно, указывая на лучшія части произведенія и объясняя мысль художника. Въ лицѣ ея можно было читать ея чувства; замѣчанія ея всегда отличались краткостію и ограничивались нѣсколькими словами. Она рѣдко охуждала, и нещадилась похвалъ тому, что дѣйствительно было достойно похвалы.»

Остальную часть своей жизни Анжелика провела тихо и спокойно. Она умерла въ 1807 году. «Какъ артистка,» говоритъ ея современникъ Рафаель Менгсъ, «ею могутъ гор-

даться женщины всѣхъ временъ и народовъ. Въ ней было все необходимое художнику. Концепція, рисунокъ — все въ ней совершенно.» Эту рѣзкую похвалу, произнесенную въ то время, когда воспоминаніе о личныхъ достоинствахъ самой артистки было еще свѣжо въ памяти писавшаго, потомство не признало совершенно основательной, хотя впрочемъ критики и въ настоящее время высоко цѣнятъ правильность и изящество ея рисунка и необыкновенную иѣжность очертаній.

Мадамъ Лебрюнъ составляетъ рѣзкій контрастъ съ Анжеликой Кауфманнъ. Веселая, говорливая, кокетливая, французенка въ полнѣйшемъ значеніи этого слова, она была совершенно чужда качествъ, составляющихъ характеристику германскихъ женщинъ. Она родилась 16-го Апрѣля 1755 года. Отецъ ея былъ довольно хорошій портретистъ и рано открылъ въ дочери склонность къ живописи. На восьмомъ году она нарисовала картинку, изображавшую булочника, такъ вѣрно, что отецъ въ восторгѣ воскликнулъ: дитя мое, ты будешь живописецъ! Говорятъ, что этотъ случай произвелъ сильное впечатлѣніе на воображеніе дѣвочки, и она съ большей любовью и большимъ вниманіемъ чѣмъ прежде, слѣдила за работою отца. Старый живописецъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы развить талантъ дочери, въ которомъ не сомнѣвался. На тринадцатомъ году она лишилась его; тогда наставникомъ ея сдѣлался знаменитый Жозефъ Верне, который съ большимъ интересомъ слѣдилъ за развитіемъ юнаго таланта. Но положеніе ея было весьма печальное. Небольшіе доходы ея семейства со смертію отца совершенно пресѣклись; ея мать, тщеславная, высокомѣрная и пустая женщина, не умѣвшая найти выхода изъ стѣснительныхъ обстоятельствъ, обратила въ свою пользу труды дочери, и бѣдная дѣвушка принуждена была работать черезъ силу, чтобы удовлетворить ея любовь къ нарядамъ и развлечениямъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, она въ другой разъ вышла за мужъ; но положеніе юной артистки нисколько не улучшилось; отчимъ ея, неизмѣримо богатый человекъ, былъ такъ чудовищно скупъ, что отказывалъ своему семейству почти въ необходимомъ. Теперь таланты Елизаветы сдѣлались еще

необходимѣе, потому что матери ея хотѣлось блеснуть въ свѣтѣ своимъ богатствомъ. Между тѣмъ слава артистки начала распространяться. Когда ей было пятнадцать лѣтъ, она написала портретъ своей матери, который привелъ Верне въ такое восхищеніе, что онъ предложилъ академіи избрать ее въ члены. Но молодость ея въ глазахъ академикомъ показалась слишкомъ важнымъ препятствіемъ, и только спустя нѣсколько лѣтъ, она была представлена полному собранію академіи. Около этого же времени она была введена въ домъ Пьерра Лебрюнъ, извѣстнаго своими артистическими способностями и считавшагося однимъ изъ первыхъ знатоковъ живописи въ Европѣ.

«Я вовсе не думала о выходѣ за мужъ за М. Лебрюна», пишетъ она въ своихъ мемуарахъ, «хотя онъ былъ очень красивъ и любезенъ; но моя мать, считавшая его богачемъ, не переставала уговаривать меня, чтобы я не отказывалась отъ такой выгодной партіи. Я покорилась ея желанію, и какъ горько потомъ раскаялась!»

Лебрюнъ смотрѣлъ на бракъ какъ на коммерческую сдѣлку. Обремененный огромными долгами, онъ рассчиталъ, и довольно вѣрно, что таланты молодой жены доставятъ ему возможность удовлетворить кредиторовъ и жить спокойно и роскошно. Дѣйствительно, она принуждена была отдавать ему всѣ заработанныя ею деньги, часто значительныя суммы, и потомъ видѣла, какъ мужъ проматывалъ ихъ. Онъ самъ жилъ въ бель-этажѣ, въ роскошно меблированныхъ покоехъ, между тѣмъ какъ мадамъ Лебрюнъ принуждена была довольствоваться бѣдной квартиркой въ третьемъ этажѣ. Однакожъ, если вѣрить *Chroniques scandaleuses* того времени, она вознаграждала себя другими способами, несовмѣстными съ достоинствомъ женщины. Если это правда, то мадамъ Лебрюнъ составляетъ исключеніе изъ женщинъ-артистокъ, которыя всегда умѣли сохранить свою чистоту, даже среди самаго распущеннаго общества. Но общество, въ которомъ вращалась мадамъ Лебрюнъ, было испорчено, и выдти изъ него чистымъ было не легко, тѣмъ болѣе, что умственное и нравственное воспитаніе артистки было весьма шаткое и несовершенное. Ни въ себѣ самой, ни вокругъ

себя, она не находила руководителей, потому и не удивительно, что она действительно могла пасть жертвой разврата. Слава ея, красота, веселость и «серебристый голосъ», какъ говорилъ Гретри, скоро привлекли въ ея домъ всѣ знаменитости Парижа. Часто гости ея припуждены были садиться на голый полъ, потому что у хозяйки не было достаточно стульевъ. Не смотря на то, ея *petits soupers*, о которыхъ говорили, что на нихъ соединяется аттическое изящество съ нарижской роскошью, сдѣлались извѣстны во всей Франціи, и во всѣхъ слояхъ общества ходило множество разсказовъ объ этомъ свѣтилищѣ музъ и граціи. Между тѣмъ слава ея съ каждымъ днемъ возрастала; за портретъ платили ей по 12,000 франковъ — невѣроятная сумма въ то время. Наконецъ королева пригласила ее ко двору; съ этого времени число заказовъ возрасло до того, что ей некогда было ихъ выполнять. Франція между тѣмъ приближалась къ страшнымъ событіямъ, измѣнившимъ теченіе дѣлъ. Артистка, съ которой Марія Антуанета постоянно гуляла, пѣла, которая рисовала ея портреты, основательно опасалась за свою голову. Когда вспыхнула революція, мадамъ Лебрюнь рѣшилась оставить отечество. Съ растерзаннымъ сердцемъ простилась она съ роднымъ городомъ, съ своими друзьями и отправилась въ Италію; но слезы ея скоро высохли — путешествіе ея было триумфальнымъ шествіемъ.

Въ Италіи, въ этомъ исконномъ отечествѣ артистовъ, на родинѣ Елизаветы Серани, Маріи Робусти, мадамъ Лебрюнь была встрѣчена съ почетомъ. Болонская академія записала ее въ число своихъ членовъ; въ Римѣ встрѣтила ее депутація италіанскихъ артистовъ; во Флоренці предложили ей написать свой собственный портретъ, который до сихъ поръ хранится во дворцѣ Тосканскихъ правителей. На сѣверѣ ея таланты были оцѣнены такъ же высоко. Берлинская и Петербургская академіи художествъ просили ее вступить въ число ихъ членовъ. Съ этого времени богатство полилось къ ней обильными ручьями; малѣйшій трудъ ея вознаграждался кучами золота. Но ни почести, ни богатство не заставили ее забыть отечество; въ 1801 году, когда политическія дѣла опять измѣнились, она возвратилась

въ Парижъ, гдѣ была свидѣтельницей возстановленія Бурбоновъ и новыхъ революцій. Она умерла въ 1842 году.

Въ теченіе XVIII столѣтія Италія видѣла множество женщинъ-артистокъ; но изъ числа ихъ мы упомянемъ Розальбу Карриера, о которой съ большими похвалами отзывается Цанетти въ своей *Storia della Pittura Veneziana*. Она родилась въ 1675 году и съ раннихъ лѣтъ посвятила себя исключительно миниатюрной живописи; но слабость зрѣнія принудила ее оставить этотъ родъ живописи и заняться пастельной, въ которой она достигла рѣдкаго совершенства. Ея нравственныя достоинства были не ниже ея дарованій; венеціанское общество того времени отличалось распущенностію нравовъ, но она умѣла и среди этого общества вести строгую, почти монастырскую жизнь. Можетъ быть, этой уединенной жизни слѣдуетъ приписать меланхолію, проглядывающую во всѣхъ ея произведеніяхъ. На пятидесятомъ году она совершенно ослѣбла и окончательно впала въ меланхолію, однакожь дожила до глубокой старости. Прахъ ея покоится въ церкви Санъ-Систа, а модела и гробъ ея до настоящаго времени указываютъ путешественнику, какъ одно изъ украшеній города.

Изъ числа англійскихъ женщинъ, приобрѣтшихъ пзвѣстность своими артистическими дарованіями, упомянемъ о двухъ: Мистриссъ Дамерь, занимавшейся скульптурой и Маріи Козвей — живописью. Исторія первой довольно извѣстна. Она происходила изъ старинной, благородной фамиліи, привязалась къ пустому человѣку, который въ нѣсколько лѣтъ промоталъ ея состояніе, и нашла наконецъ утѣшеніе въ своемъ призваніи. Марія Козвей была дочь англійскаго трактирщика въ Легорнѣ; вышедши за мужъ за извѣстнаго артиста Ричарда Козвея, она вступила въ англійское общество, и въ скоромъ времени приобрѣла состояніе и славу своими трудами въ миниатюрной живописи. Она умерла въ 1821 году.

Этимъ профессоръ Гуль заключаетъ первый томъ своего сочиненія и обѣщаетъ въ слѣдующемъ томѣ изложить жизнь и дѣятельность современныхъ женщинъ — артистокъ. Серьезнымъ и постояннымъ трудамъ женщинъ въ области иску-

ства онъ приписываетъ весьма важное значеніе. Они, по его мнѣнію, необходимо должны расширить сферу дѣятельности и вліяніе женщинъ. Въ заключеніе онъ высказываетъ твердую увѣренность, что если онѣ, какъ то доказываютъ изложенные факты, не обнаруживали могущественныхъ творческихъ способностей, то, по крайней мѣрѣ, доказали, что могутъ содѣйствовать развитію искусства, внося въ него элементы, свойственные исключительно женской природѣ.

Ни одинъ изъ современныхъ иностранныхъ историковъ (за исключеніемъ можетъ быть Маколея) не пользовался такимъ вниманіемъ русской читающей публики, какъ Прескоттъ. Первое произведеніе этого замѣчательнаго писателя — *Исторія Фердинанда и Изабеллы* еще вовсе не извѣстна русскимъ читателямъ; за то они съ большимъ интересомъ прочитали его *Исторію завоеванія Мексики и Перу*, а когда появились первые два тома *Исторіи царствованія Филиппа II, короля Испанскаго*, встрѣтили ихъ какъ произведеніе знакомаго и любимаго автора. Надо отдать справедливость Прескотту: онъ обладаетъ всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы расположить къ себѣ читателя. Онъ по преимуществу рассказчикъ, при томъ рассказчикъ простой, безыскусственный, спокойный. Онъ не адвокатъ какой либо личности или идеи; не партизанъ какой либо партіи; у него нѣтъ заданныхъ напередъ теорій. Американецъ по рожденію и убѣжденіямъ, онъ стоитъ неизмѣримо выше надъ уровнемъ развитія описываемой имъ эпохи; она увлекаетъ его какъ ученаго, но не возбуждаетъ въ немъ ни любви, ни ненависти. Чуждый желанія наставлять или относить прошлое къ настоящему — чьему бы то ни было — своему или чужому, — онъ сохраняетъ полную возможность скрыть свою личность, спокойно группировать факты въ стройную картину и соблюсти историческую истину съ возможною строгостію.

Въ началѣ нынѣшняго года явился въ Англии третій томъ его *History of the Reign of Philip the Second, King of Spain*, посвященный изложенію двухъ весьма важныхъ событій царствованія Филиппа — возмущенія Мавровъ и войны съ Турками. Вънѣшняя и внутренняя война, веденная

на морѣ и на сушѣ, доставила автору случай обнаружить въполнѣ свой описательный талантъ; рассказъ его необыкновенно живописенъ, живъ и энергиченъ.

Рассказъ о возмущеніи Морисковъ занимаетъ большую половину тома и есть очевидно результатъ личныхъ изслѣдованій автора, который съ особенною заботливостію изучилъ мѣстность, бывшую театромъ войны, и описываетъ ее весьма живописно. Онъ ведетъ читателя къ горнымъ жилищамъ Маврскимъ, которыя, какъ гнѣзда орловъ, таятся на дикихъ вершинахъ горъ, длинными цѣпями прорѣзывающихъ южную часть полуострова, очерчиваетъ яркую картину крѣпостей, возвышающихся надъ узкими дефиле, единственными путями, ведущими къ нимъ, и слѣдуетъ по этимъ путямъ въ горныя пещеры и къ неприступнымъ убѣжищамъ несчастнаго народа. Мориски крайне нуждались во всѣхъ выгодахъ, какія можно было извлечь изъ ихъ положенія во время войны, послѣдовавшей за ихъ возстаніемъ. Безъ нихъ этотъ малочисленный народъ, не знавшій военной дисциплины, не имѣвшій оружія, принужденъ былъ бы вступить въ слишкомъ неравную борьбу съ отлично устроеннымъ испанскимъ войскомъ. Они не могли бы такъ долго противостоять Испанцамъ въ этой борьбѣ — въ которой долженъ былъ рѣшиться вопросъ объ ихъ политическомъ существованіи. Жестокія притѣсненія испанскаго правительства довели ихъ до крайности и внушили имъ энергію отчаянія. Ненависть, накопившаяся въ нихъ въ теченіе долгаго времени, излилась въ этой послѣдней борьбѣ, въ которой месть и жестокость не знали предѣловъ. Занимая одну территорію въ теченіе слишкомъ восьми вѣковъ, эти двѣ націи, со времени первой ихъ встрѣчи, питали другъ къ другу ненависть. Различіе происхожденія, языка, вѣры, обычаевъ полагало между ними неодолимую преграду, а постоянныя близкія сношенія еще болѣе усиливали вражду. Такимъ образомъ разъединеніе между побѣдителями и побѣжденными, Сарацинами и Испанцами, невѣрными и христіанами и до послѣдняго времени оставалось во всей своей силѣ. Подобнаго примѣра непримиримой вражды между побѣжденными и побѣдителями не представляетъ ни одно государство въ Европѣ. Франки и Гал-

лы во Франціи, Готы и Римляне въ Италии, Саксоны и Норманы въ Англии, мало по малу смѣшались, забыли свое соперничество и слились въ одинъ народъ. Ничего подобнаго не было между Сарацинами и Испанцами. Послѣдніе всегда считали первыхъ незванными гостями, чужеземцами, изгнать которыхъ было, по ихъ убѣжденію, священнымъ долгомъ Испанца. Убѣжденіе это съ равною силою поддерживалось въ теченіе среднихъ вѣковъ. Въ половинѣ XI вѣка побѣдоносный Сидъ проникъ до береговъ Таго, а два столѣтія спустя, Арагонскіе и Кастильскіе правители отняли у Мавровъ всѣ южныя провинціи, кромѣ небольшого королевства Гренады. Но здѣсь они стали твердою стопой и въ продолженіе двухъ столѣтій, мужественно выдерживали борьбу съ Испанцами, которые соединенными силами вели противъ нихъ непрерывные крестовые походы. И только послѣ продолжительной, отчаянной войны, наполнившей значительную часть славнаго царствованія Фердинанда и Изабеллы, на башняхъ Альгамбры явился серебряный крестъ, возвѣстившій міру, что владычество Сарациновъ въ Испаніи приближается къ концу. Но упадокъ ихъ владычества не доказывалъ упадка національности. Имъ позволено было остаться на своей территоріи, сохранить религію, богослуженіе, языкъ, обычаи и нравы; они даже выговорили условіе, что испанскіе владѣтели ни въ какомъ случаѣ не потребуютъ отъ нихъ обращенія въ христіанство. Это важное условіе было впервые нарушено Кардиналомъ Хименесомъ, который, въ своей слѣпой ревности, убѣдилъ Фердинанда и Изабеллу предложить Маврамъ на выборъ одно изъ двухъ: или креститься, или оставить полуостровъ. Большинство принуждены были креститься и, сдѣлавшись христіанами по имени и формѣ, въ душѣ остались магометанами. Мало того; въ царствованіе Карла V духовенство умѣло вынудить отъ правительства эдиктъ, которымъ запрещались Маврамъ ихъ древніе обычаи, національная одежда и даже языкъ. Но въ слѣдствіе просьбъ главнѣйшихъ предводителей Маврскихъ, исполненіе этого эдикта было остановлено Карломъ и не возобновлялось въ теченіе всей его жизни. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда вступилъ на престолъ Филиппъ II.

«Гренада, Малага и другіе важнѣйшіе города на югѣ были населены Испанцами и Морисками; изъ числа послѣднихъ многіе — нерѣдко люди богатые и почтенные — въ слѣдствіе болѣе частыхъ и близкихъ сношеній съ христіанами, время отъ времени обнаруживали расположеніе къ религіи своихъ побѣдителей. Но далеко значительнѣйшая часть Маврскаго населенія была разсѣяна въ Альпухарахъ, въ юго-западной части Гренады, и въ горахъ, прорѣзывающихъ южную часть полуострова. Здѣсь, среди дикихъ вершинъ, возвышающихся почти на двѣнадцать тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, скрывающихся въ высотѣ отъ глазъ путешественника, плывущаго по Средиземному морю, разстилались зеленыя равнины, на которыхъ маврскій земледѣлецъ, въ счастливыя времена своей націи, истощалъ свое искусство, неизвѣстное другимъ народамъ Европы. Терпѣливый трудъ его превратилъ скалистую почву въ прекрасныя террасы, покрытыя виноградниками. Въ долинахъ они провели каналы, которые наполнялись водою горныхъ источниковъ и питали почву своею влагою».

Едва ли можно было ожидать, чтобы Филиппъ долго оставлялъ въ покоѣ маврское населеніе. Въ его лицѣ сосредоточился неумолимый религіозный фанатизмъ, свойственный испанскому народу. Единство религіи было основнымъ камнемъ его правленія. Въ первые годы царствованія онъ былъ слишкомъ занятъ и не могъ обратить вниманія на Морисковъ; но первую досужую минуту онъ посвятилъ изслѣдованію состоянія невѣрныхъ, находившихся въ предѣлахъ его владѣній, и вслѣдъ за тѣмъ, явился рядъ стѣснительныхъ постановленій, которыми Маврамъ запрещалось владѣніе рабами, запрещалось имѣть оружіе и т. п. Но самый жестокой законъ былъ изданъ въ 1566 году, по внушенію Кардинала Эспинозы, великаго Инквизитора, министра кастильскаго совѣта. Этимъ закономъ правительство потребовало, чтобы Мориски оставили свой родной языкъ, національную одежду и обычаи, — подъ страхомъ разнаго рода наказаній. Непосредственно этого закона равнялась его жестокости; требовалось чтобы народъ въ теченіе трехъ лѣтъ (со времени изданія эдикта), перемѣнилъ языкъ и образъ жизни — совершенная

нелѣпность, а исполненіе такого требованія физически невозможно. Услышавъ объ этомъ законѣ, Мавры пришли въ крайнее негодованіе. Спокойное, но рѣшительное представленіе послано было къ королю; но осталось безъ всякихъ послѣдствій. Морискамъ оставалось или повиноваться, или возстать — и они выбрали послѣднее. .

Первое открытое возстаніе было начато Абенъ-Фараксомъ, Морискомъ, который велъ довольно значительную торговлю въ Гренадѣ. Онъ попытался было овладѣть столицею, сдѣлалъ ночное нападеніе — но попытка оказалась безуспѣшною, потому что была преждевременна.

«Ночью 26 декабря, за недѣлю до назначеннаго времени, со ста восьмидесятью товарищами, вошелъ онъ въ Vega Гренады. То была страшная ночь. Мятель дико ревѣла въ горахъ и засыпала снѣгомъ равнины. Прикрытый темнотою, Абенъ-Фараксъ, шикѣмъ не замѣченный, вступилъ въ городъ черезъ разрушенныя стѣны и проникъ въ Альбасинъ, стараясь поднять все населеніе. Нѣкоторые бросились къ окнамъ, но узнавъ, что происходило на улицахъ, скрылись, объявивъ, что это сумашествіе начинать такое опасное дѣло преждевременно съ такимъ незначительнымъ войскомъ. Напрасно Абенъ-Фараксъ, приведенный въ бѣшенство безучастіемъ своихъ соплеменниковъ, проклиналъ ихъ вѣроломство и трусость; напрасно онъ истреблялъ всѣ символы христіанства, встрѣчавшіеся ему на пути, напрасно восклицалъ онъ: «единъ Богъ и Магометъ его пророкъ!» — ревъ бури заглушалъ эти крики, которые не производили никакого дѣйствія на жителей до тѣхъ поръ, пока онъ не наткнулся на шестерыхъ сторожей, расположившихся на улицѣ у костра. Одного изъ нихъ онъ захватилъ, другіе бѣжали, извѣщая жителей о нападеніи враговъ. Раздался звонъ съ башни Св. Сальватора, призывающій гражданъ къ оружію.»

Фараксъ принужденъ былъ удалиться въ горы.

«Проходя по снѣжнымъ окраинамъ Сьерра Невада, по широкимъ и населеннымъ равнинамъ Лекринскимъ, они распространяли вѣсть, что Альбасинъ возсталъ, и призывали всѣхъ правовѣрныхъ къ оружію и защитѣ своей вѣры. Голосъ ихъ былъ слышанъ.... Черезъ три дня поднялась

вся страна. Тогда послѣдовалъ взрывъ страстей, свойственныхъ южнымъ народамъ. Вся ненависть, накопившаяся въ теченіе ссидесяти лѣтъ гнета и преслѣдованій, выразилась въ одномъ общемъ крикѣ мщенія, огласившемъ всю страну отъ одного предѣла до другаго. Кровавая драма началась избіеніемъ христіанъ, находившихся въ маврскихъ земляхъ, что сопровождалось изысканною жестокостію, примѣры которой, къ чести человѣчества, рѣдки въ его исторіи.»

Возмущивъ Морисковъ и объявивъ ихъ независимыми, Абенъ-Фараксъ предложилъ имъ избрать короля. Выборъ палъ на Абенъ Гумей, молодого человѣка, потомка древней фамиліи Омея, почти четыре столѣтія съ честью возсѣдавшей на Кордуанскомъ престолѣ. Его тотчасъ же короновали и провозгласили владѣтелемъ Андалузін и Гренады. Истребленіе христіанъ, жившихъ въ маврскихъ городахъ, сопровождавшееся безчеловѣчною жестокостію, было первымъ и самымъ рѣшительнымъ объявленіемъ войны. Маркизъ Монтеларъ, военный губернаторъ Гренады, собралъ войска и повелъ ихъ на невѣрныхъ. Первое нападеніе было весьма успѣшное. Маврскій король, молодой, неопытный въ военномъ дѣлѣ и нерѣшительный, былъ разбитъ, приведенъ въ ужасъ и бѣжалъ, оставивъ свою армію. Послѣ нѣсколькихъ опасныхъ приключеній, онъ избѣгъ преслѣдованія Испанцевъ и скрылся въ горы.

Успѣшно начатая компанія не кончила войны. Война длилась два года и была приведена къ концу юнымъ полководцемъ, явившимся вскорѣ послѣ того на другомъ поприщѣ, гдѣ стяжалъ безсмертную славу. Этотъ полководецъ былъ Донъ-Жуанъ Австрійскій, герой Лепанто.

Исторія Донъ-Жуана и войнъ съ Оттоманами хорошо известна. Мы замѣтимъ только, что Прескоттъ изложилъ ее необыкновенно живо, внеся множество подробностей, упущенныхъ прежними историками.

Остальная часть тома занята изложеніемъ внутреннихъ дѣлъ; здѣсь же разсказана исторія постройки Эскоряла.

— 7.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Утро. Литературный сборникъ. Съ эпиграфомъ: *утро вечера мудренѣе*. Москва 1859 г. in 8. 434 стр. (*).

Въ странное въ умственномъ отношеніи время живемъ мы. Никогда, можетъ быть, мысль и убѣжденіе не играли такой роли въ жизни, какъ общественной, такъ даже и частной, какую они теперь играютъ, — никогда, можетъ быть, такъ не соединяли и не разъединяли людей между собою, — и положительно уже никогда не дробили ихъ на столь многогоразличные кружки, каждый съ своею мыслию или, по крайней мѣрѣ, съ своимъ отгѣнкомъ мысли. И не думайте, что бы отгѣнокъ мысли значилъ мало: нѣтъ — онъ часто раскрываетъ непреходимую бездну между вашею собственною и чужою мыслию.

Передо мною лежитъ книга, которая въ особенности заставила меня задуматься именно надъ этимъ вопросомъ. Нѣтъ въ этой книгѣ ни одного почти имени, которое не было бы дорого душѣ пишущаго эту рецензію, а что важнѣе — нѣтъ опять таки *почти*, — ни одной мысли, которой бы онъ въ половину, въ треть, въ четверть не сочувствовалъ, а между тѣмъ ни одной тоже мысли не сочувствуется вполне.

Да — «идеи» какъ сказалъ Лермонтовъ, «существа органическія», а книги — добавлю я — тѣ же живые люди.

Вѣдь каждая книга, если взглянуть на нее поглубже — имѣетъ двѣ стороны: *во первыхъ*, она что либо хочетъ ска-

*) Въ отдѣлѣ бібліографіи мы будемъ постоянно помѣщать или подробные разборы сочиненій и изданій по числу либо важныхъ — хотя бы по одному какъ въ настоящемъ N, или краткіе перечни и замѣтки о вновь выходящихъ книгахъ.

зять — и хочетъ сказать, если она только честная книга, т. е. честный человекъ, — по убѣжденію въ извѣстной, по крайней мѣрѣ относительной значимости того, что она хочетъ сказать; а во вторыхъ, между строками книги пишется внутренняя душевная исторія писавшаго! Вѣдлая книга есть кровавое жертвоприношеніе вполне или не вполне добытой анализомъ правды жизни: таковы напримѣръ почти всѣ книги Л. Толстаго, многія книги Тургенева — и часто эта правда жизни такъ жестка и сурова, что возбуждаетъ глубокое состраданіе къ призракамъ, принесеннымъ ей въ жертву. Нѣтъ книгъ объективныхъ: мечта о нихъ есть чистый вздоръ, или такихъ объективныхъ книгъ никто не читаетъ, потому что онѣ пишутся людьми, которымъ нѣтъ живаго дѣла до того, что они пишутъ и до которыхъ до самихъ нѣтъ поэтому ни малѣйшаго дѣла читающимъ. Философская ли система, созданіе ли художника — поэта, лѣтопись ли художника — историка (каковъ напримѣръ Тацитъ) — все это писалось и пишется, или вслѣдствіе борьбы за идеалы, или какъ исповѣдь, какъ пожертвованіе заблужденіями высшимъ внутреннимъ началамъ.

Я зналъ одного господина — и этого господина судьба послала мнѣ на время въ неотвязные спутники — именно тогда, когда въ особенности развивалась во мнѣ мысль о живомъ органическомъ бытіи книгъ, господина, который никакъ не могъ помприться съ этою мыслью, которому эта мысль была даже какъ будто оскорбительна. Онъ принадлежалъ къ числу такихъ господъ, которые, по счастливому выраженію Тургеневскаго Рудина «чрезвычайно дорожатъ каждою своею мыслью. Взберутся на нее съ успіемъ, какъ божья коровка, и сидятъ, сидятъ на ней, — все какъ будто крылья расправляютъ и полетѣтъ собираются и вдругъ свалятся и опять полезутъ». Этотъ господинъ, ходившій около меня «яко левъ рыкай» и надоедавшій мнѣ страшно своими путешествіями на копецъ быльнички, съ какой то ожесточенной злобою нападалъ на всякое стремленіе приводить разрозненные факты жизни къ общимъ началамъ, — указывалъ и иногда довольно мѣтко (наконецъ и взберется же на копецъ быльнички!) на пробѣлы въ нашихъ знаніяхъ, на ложь исторіи,

радовался, истинно радовался, что мы ничего знать не можем и все старался обратить меня къ спокойнымъ и улаждающимъ душу, положительнымъ занятіямъ исторіею какого нибудь маленькаго спеціальнаго предмета. Онъ рѣшительно не понималъ на сколько дорого иногда то, что называлъ онъ ложью, на сколько оно несравненно дороже многихъ *положительныхъ* свѣдѣній о чемъ либо. Я же, напротивъ, тогда какъ нарочно перечитывалъ Тацита и (надобно признаться откровенно), только что впервые начиналъ имъ искренно наслаждаться, убѣждаясь именно въ томъ, что *эсликія* книги (да все равно и малыя) дороги намъ преимущественно откровеніями души человѣческой. Я не вѣрю пожалуй Тациту, когда онъ говоритъ про Августа, что сей послѣдній, хвастовства ради передъ потомствомъ, включилъ въ свое послѣднее *legatum* своихъ враговъ, но я вѣрю, что эта злоба въ натурѣ Тацита возвышенна и типична, что она сообщаетъ жизнь, силу и краски всей мрачной картинѣ мастера, — что при ея содѣйствіи, великій художникъ проникалъ иной разъ столь глубоко въ мрачныя бездны души Тиверія и нисходилъ до изгибовъ души какого нибудь подлеца Мессалы Валерія, который даже Тиверія съумѣлъ возмутить и испугать наглостію лести и умѣлъ вывернуться еще большею наглостію, сказавши съ видомъ оскорбленнаго достоинства «*sponde suâ dixisse neque in iis, quae ad rem publicam pertinerent, consilio nisi suo usurum, vel cum periculo offensionis.*» — Этотъ мрачный, ядовитый, безпощадно прилагаемый взглядъ на природу человѣка, въ ея отпаденіи отъ той правды, которую Тацитъ исповѣдывалъ какъ правду — правъ какъ *общее пониманіе* того, что ложь на извѣстныхъ степеняхъ и въ извѣстныя времена можетъ дойти до той дерзости, чтобы принимать видъ оскорбленнаго достоинства, т. е. можетъ смѣло предполагать себя всеобщей или, по крайней мѣрѣ, не обличаемою, — такимъ дѣломъ, которое всѣ *должны* официально принимать за правду — что подлость можетъ дойти до какой-то торжественной радости свосму собственному бытію, до наруганія надо всѣмъ, что не она!... Это горькое, ядовитое пониманіе страшныхъ тайнъ извѣстныхъ временъ, темныхъ и грязныхъ изгибовъ

души человѣческой, — мрачно замѣчающее: «что такой только родъ ласкательства и имѣлъ успѣхъ» — *ea sola species adulandi supererat*, — какъ чувство — совершенно право, — что мнѣ за дѣло, что Мессала Валерій, можетъ быть, наивно обидѣлся предположеніемъ въ себѣ неискренности.... А очень можетъ быть, что онъ наивно обидѣлся, какъ наивно обидѣлся бы Фамусовъ, если бы заподозрили искренность его восторга на счетъ Максима Петровича....

Да! книги дороги какъ откровенія души человѣческой, какъ памятники ея борьбы за правду, ея страданій, ея, тѣхъ или другихъ успокоеній.

Это длинное вступленіе или лучше сказать отступленіе я счелъ необходимымъ сдѣлать для того, чтобы искренно высказать мое отношеніе къ книгамъ вообще. Я вѣрю твердо, что въ наше время — какъ для искусства, такъ и для критики искусства и жизни существуетъ одинъ, не подлежащій никакому сомнѣнію законъ, это — искренность.

Прежде всего, я слѣдовательно и заявляю предъ читателями свое отношеніе къ книгамъ вообще, по поводу книги, въ отношеніи къ которой мнѣ лично особенно необходима искренность. Это очень наивно — подумаютъ читатели: по крайней мѣрѣ, это довольно честно, скажу я въ свое оправданіе. Статьи сборника, за исключеніемъ двухъ-трехъ, подписаны именами, мнѣ дорогими; статьямъ сборника, за исключеніемъ двухъ, трехъ, я, какъ уже сказалъ — въ половину, въ треть или въ четверть сочувствую. Лучше ли было бы, если бы я затаилъ свое отношеніе къ книгѣ или выдѣлалъ въ себѣ насильственное къ ней равнодушіе?

Что сборникъ «Утро» есть книга живая, что онъ хочетъ что-то сказать, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вопросъ въ томъ, говоритъ ли онъ вполнѣ все, что хочетъ сказать, и согласны ли живыя личности, его составляющія, въ томъ, что онѣ хотятъ сказать?

Сборникъ начинается статью безыменной, стало быть статью общою, статью, въ которой главнымъ образомъ выразились цѣли и направленія редакціи. Статья эта озаглавлена: «Москва. Въмѣсто предисловія» и начинается такъ:

«Москва издавна и всёми называется сердцемъ Россіи. Но большинствомъ опредѣленіе повторяется какъ бы попугаемъ, машинально, съ голоса, который въ первый разъ произнесъ его. Для иныхъ оно утратило свой первобытный смыслъ, подобно многимъ выраженіямъ, истершимся отъ злоупотребленія. Такъ съ монеты, черезъ-чуръ долго ходившей по рукамъ и очутившейся въ заключеніе на шеѣ Цыганки или Мордовки, время, наконецъ, стираетъ пробу, и она оттого теряетъ цѣнность въ обращеніи. Однакожь, знатокъ и безъ клейма различаетъ качество металла.

«Для насъ, пристальныхъ читателей отечественной лѣтописи, *предопредѣленныхъ* и страстныхъ наблюдателей народной жизни, — для насъ, *имьющихъ удѣломъ* дышать убѣжденіями, органически въ насъ вырастающими, Москва дѣйствительно есть и всегда будетъ сердцемъ Россіи. Уподобляйте другіе важные пункты государства какимъ вамъ угодно членамъ организма, — Москва остается сердцемъ. Мы стыдимся тревожить священныя тѣни прошлаго: однимъ появленіемъ своимъ напомнили бы онѣ невѣрующему и не вѣдающему, въ какой мѣрѣ первопрестольная столица всегда отправляла миссію сердца въ общественномъ тѣлѣ отчизны. Но пусть только современникъ внимательно взглянется въ настоящую физіономію города, въ тѣ его физическія и нравственныя черты, которыя составляютъ его особенность отъ другихъ городовъ русскихъ, — всякій долженъ будетъ убѣдиться, что въ Москвѣ, какъ въ сердцѣ, сосредоточиваются всѣ существенныя біенія національной жизни, всѣ самыя горячія примѣты народнаго характера, самыя рѣзкіе признаки русскаго типа. Не выведетъ отсюда ничего тотъ развѣ, кто смотритъ на различныя мѣстности нашей планеты какъ на загоны, куда бы случайно забѣжалъ тотъ или другой косякъ; еще, пожалуй, разрѣшится скептической улыбкой иной добродушный фанатикъ паровой выводки народностей, *который, наприкладъ, въ состояніи вприть возможности несокрушимаго преуспѣянія (?) не нормальныхъ явленій, подобныхъ нѣкоторымъ штатамъ Америки...* По нашему же, можно выстроить на акціяхъ факторію, какъ вывести насильственно — не то что цвѣтокъ—

«цыпленка, но искусственно создать городъ, который былъ «бы городъ, а не рядъ лавокъ и складочныхъ мѣстъ, племя или народъ, которые были бы племя и народъ, а не ватага искателей приключеній, — невозможно. Оттого-то такъ важны для насъ, сколько и дороги, тѣ опредѣленные очерстанія, тѣ яркія особенности, въ которыхъ выразилась и выражается Москва предпочтительно передъ всѣми остальными мѣстностями и точками нашего отечества.

«Да, еще разъ, она есть сердце Россіи.»

Нельзя не согласиться Русскому человѣку съ мыслию издателей Сборника о великомъ, сердцевома значеніи Москвы въ жизни Россіи, но не поражаетъ ли читателей какая то жесткая гордость «предопредѣленныхъ и страстныхъ наблюдателей народной жизни», «ампьющихъ удѣломъ дышать убѣжденіями, органически въ нихъ вырастающими». Ужели позабыли «предопредѣленные» — глубокіе, правдивые стихи Хомякова:

Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ
Мы соль земли...

Съ другой стороны — принципъ органическаго происхожденія государствъ и народностей совершенно вѣренъ, но отрицательное приложеніе его къ Сѣверной Америкѣ совершенно нелѣпо. Въ концѣ книги — оно становится уже не нелѣпо, а дико и возмутительно въ сказочной статьѣ объ американскихъ женщиннахъ, гдѣ редація наивно вѣрнть одному изъ тѣхъ англійскихъ разсказовъ, которые Дружининъ назвалъ вопіющими и которыхъ никто, кромѣ редакціи «Утра», не приметъ иначе какъ за *conjecture*. А въ этой только статьѣ и выразилась положительно нелюбовь редакціи къ Америкѣ, ся величавое презрѣніе къ этой погибшей въ утилитаризмъ странѣ, гдѣ (о стыдъ!) не берутъ взятокъ, гдѣ (о ужасъ!) дорожатъ временемъ.

Да не подумаютъ впрочемъ читатели, чтобы рецензентъ, позволивъ себѣ замѣтить неудачное отрицательное приложеніе принципа органическаго развитія, становился самъ на сторону утилитаризма или даже на сторону «Прогресса» въ Гегелевскомъ смыслѣ этого слова. Нѣтъ! — онъ не можетъ не сочувствовать всѣмъ сердцемъ слѣдующимъ сло-

вамъ редакціи — хотя оячь не можетъ не замѣтить неудачности *предостереженій*. Что за *bête noire* для редакціи Сборника — Америка?

«Полюза и утилитаризмъ — великія слова нашего времени, послѣднія выраженія повѣйшей цивилизаціи, модные лозунги всемірнаго движенія. Прекрасно. Кто не знаетъ, что манна давно съ небесъ не падаетъ, что молочныя рѣки съ кисельными берегами случаются только въ сказкахъ? — Ищете средствъ приобрѣтенія, усовершенствованіе разнообразныхъ орудій труда, примѣненіе многообразныхъ силъ и способностей человѣка къ достиженію возможнаго удобства жизни и удовлетворенію потребностей, порождаемыхъ положеніемъ общества — вотъ тѣ задачи, рѣшенію конхъ всегда были преданы лучшіе умы каждой эпохи новой исторіи. Такъ это и теперь. Но горе тому обществу, которое, углубившись въ позитивизмъ, вздумало бы изгнать изъ своей среды всѣ интересы, не подлежащіе рыночной оцѣнкѣ, точно такъ же, какъ весьма жалокъ человѣкъ, котому снятся одні цифры, который въ сердцѣ своемъ способенъ воздвигнуть алтарь лишь золотому тельцу! Стройте желѣзныя дороги, поднимайте новы, составляйте компаніи, — но не забывайте, что если чрезъ массу заботъ вашихъ не будутъ проноситься живительныя струи иныхъ стремленій, болѣе возвышенныхъ и не имѣющихъ цѣны на биржѣ, не далеко уйдти вамъ. *Не смотрите на Америку, или лучше смотрите, да смотрите трезво, — и содргайтесь передъ поучительнымъ обращеніемъ!*

«Наше общество молодо въ смыслѣ современнаго усовершенствованія. Тѣмъ легче увлечься ему, — тѣмъ горячѣе рвется оно по пути, который для него имѣетъ еще прелесть новинки. Всѣ эти промышленныя предпріятія на европейскую погу начались, вѣдь, только что не вчера. Повсемѣстная дискразія утилитаризма, поэтому, легко оправдываетъ и извиняетъ себя: кому не заманчива прибыль? кому не лестно окружить себя всѣми условіями комфорта? Но, идя по дорогѣ, пробитой новымъ временемъ, оглядывайтесь назадъ, допрашивайте почаще вачу божественную природу, и съ осторожностію слушайте философовъ-реалистовъ, первосвя-

щенниковъ биржевой игры, новѣйшихъ диктаторовъ доходнаго парадокса».

Мысль о недостаточности одного утилитаризма выражена съ замѣчательной энергіей — по предостереженіе даже фактически не право. За что бѣдная Америка осуждается на отвлеченный позитивизмъ — когда нигдѣ не совершается въ наше время столькихъ религіозныхъ движеній, т. е. — удачныхъ или неудачныхъ, но все таки исканій духовнаго?

Съ другой стороны, какимъ образомъ ладитъ идеальное направленіе Сборника, profession de foi, высказанное тутъ редакціей, съ помѣщенной въ Сборникѣ же статьёй В. А. Кокорева «Изъ путевыхъ замѣтокъ», которая, какъ всё его статьи, такъ и дышитъ утилитаризмомъ? Что утилитаризмъ В. А. Кокорева — не отвлеченный и не фантастическій, а здравый и народный — это несомнѣнно, но что это — утилитаризмъ — несомнѣнно тоже.... А «утилитаризмъ», въ какой бы формѣ ни выразился, необходимо отрицаетъ взглядъ идеально-артистическій, который стремится высказать многія статьи «Утра».

Но пойдёмъ далѣе за редакціей въ ея profession de foi.

«Москва, какъ сердце Россіи, по нашему мнѣнію, обязана прежде всего служить отечеству оплотомъ противъ чрезмѣрныхъ завоеваній реализма и уравновѣшивать его вліяніе — началами человѣчными, гуманными. Эти требованія отъ нея мы основываемъ опять таки на ея исторіи и на ея настоящей физиономіи. Ультра-утилитаризмъ, моншаньярамъ реализма, этимъ онаграмъ, постоянно имѣющимъ притязаніе сдѣлаться львами своего времени, никогда не нравилось географическое положеніе Москвы. Но ему-то именно и одолжена она тѣми силами, которыхъ не даетъ ненормальный ростъ, и которыя, твердо укоренившись въ ней, надѣмся, помогутъ ей, не глядя ни на какія измѣненія, ни на какое искусственное сблженіе, выдержать борьбу противъ заразительнаго принципа утилитарнаго повѣтрія. Укажемъ, на выдержку, на одинъ фактъ, поясняющій нашъ взглядъ на Москву. Давно ли стали у насъ плодиться журналы, а въ Петербургѣ (по вычисленію, за которое мы обязаны «Современнику») въ 1858 году уже выходило двадцать девять уличныхъ

листковъ, которыхъ единственнымъ побужденіемъ была торговая спекуляція не выше и не ниже открытія харчевни близь мѣста, гдѣ бы вдругъ должна была сойтись толпа рабочаго народа. Въ Москвѣ до сегодня нѣтъ, кажется, ни одного подобнаго предпріятія, и мы увѣрены, что не будетъ. Какъ ни незначителенъ фактъ съ виду, — для насъ онъ имѣетъ глубокое значеніе, — и мы останавливаемся на немъ съ любовію».

Что за странная смѣсь честности и глубины принциповъ съ безобразнѣйшею безтактностію приложений? Вѣдь редакцію «сборника» — утилитаристы обвинять пожалуй въ нежеланіи распространенія грамотности и чтенія? Что же тутъ дурнаго, что рабочій народъ больше читалъ въ Петербургѣ, — хотя бы это чтеніе и заготовлялось ему торговой операціей? Печать уже такова по самому существу своему, что вмѣстѣ съ хорошимъ разноситъ и дурное и вздорное, но смѣло можно сказать, что духъ современности, духъ движенія — пробивается даже и въ незначительныхъ, даже и во вздорныхъ явленіяхъ... Что же хорошаго въ томъ, что въ Москвѣ до сегодня нѣтъ ни одного подобнаго предпріятія — и чему приписать отсутствіе подобныхъ предпріятій? Вовсе не умственному и нравственному превосходству Москвы, которое выражается въ другихъ, положительныхъ, а не отрицательныхъ фактахъ, въ ея университетѣ, въ журналахъ, въ ея духовныхъ интересахъ, — а отсутствіе предпріятій книжной промышленности — выходитъ скорѣе изъ того «несомнѣннаго же, характеристическаго признака мѣстной жизни», который «не безъ грусти», замѣчаютъ издатели «Утра». И надобно имъ отдать справедливость: они честно и съ энергією караютъ этотъ несомнѣнный признакъ — «апатію и равнодушіе».

«Какъ, скажите, не печалиться отголосками мнѣній нѣкоторыхъ индивидуумовъ, бездѣятельностью другихъ, отъявленнымъ обскурантизмомъ третьихъ. Сколько маленькихъ Ренетилловыхъ развелъ, напримѣръ, великій, міровой вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ! И вдругъ вы слышите жалобы, что дѣятели русской мысли и русскаго слова осмѣливаются высказывать свои взгляды на вопросъ освобожденія, предлагать, по мѣрѣ своихъ понятій, тѣ или другія

средства къ его рѣшенію. Это, извольте видѣть, покушенія непризванныхъ, посягательства теоріи противъ практики. Правда, теорія иногда жестоко обмолвливается. Случается, она слѣпнѣтъ вамъ такую общину, какой бы не построилъ въ припадкѣ лирическаго экстаза и отчаяннѣйшій изъ мечтателей, — или вдругъ паладинъ нныхъ убѣжденій, платя безсознательную дань вѣрованіямъ, казалось бы вымершимъ, и крови, имѣвшей тысячу разъ досугъ переработаться со времени Геродота, создаетъ усовершенствованное пенальное уложеніе со включеніемъ традиціональной лозы — въ микроскопическихъ приемахъ. Но кто же виноватъ въ подобныхъ явленіяхъ, до сихъ поръ самихъ по себѣ только комическихъ, — кто, кромѣ общества, что, кромѣ апатіи тѣхъ его членовъ, которые считаютъ себя, иногда быть-можетъ и не безъ основанія, болѣе опытными въ извѣстномъ вопросѣ? Когда же перестанутъ они посвѣвать только къ развѣзду, опять-таки по образу Репетилова, — или молчать? Но намъ овѣчаютъ, и не разъ отвѣчали уже, что это молчаніе — выжиданіе, купкаторство. А мы возражаемъ, и не разъ возражали уже, что въ дѣлѣ, о которомъ мы ведемъ рѣчь, купкаторствовать теперь не время. Достаточно насидѣлись мы сиднемъ, какъ насѣдка... Самъ Фабій Максимъ, этотъ гений выдержки, пересталъ бы нынче выдерживать, живи онъ посреди насъ.

Присмотритесь же еще къ тому, что значитъ апатія общества.

Теорія, подъ названіемъ общины, создала какую-то идиллическую игрушку, за которой, пожалуй, мы оставимъ достоинство отвлеченной замысловатости, но на которую, разумѣется, практическій смыслъ не можетъ взирать безъ смѣха. Съ другой стороны поднимается опять теорія, облачается въ мантию и парикъ, и съ высоты своей каюдры доказываетъ, что..... въ карточномъ домикѣ жить почти невозможно, развѣ мухамъ. Въ другомъ уголкѣ появился новѣйшій законодатель съ однимъ изъ ликторскихъ инсигній. Опять смѣхъ со стороны человѣка съ опытнымъ, эмпирическимъ взглядомъ. Что же дѣлаетъ теорія? Она, по выраженію, нами подслушанному, «вѣнчаетъ себя розгами» но

вѣйшаго Ликурга и надѣваетъ глубочайшій трауръ по современномъ писателѣ, рѣшившемся такъ неосторожно обмолвиться противъ философскихъ (!) принциповъ. Не смѣшно ли, въ самомъ дѣлѣ? Кто же мѣшалъ обществу выразить громко впечатлѣнiе, производимое вышеупомянутыми событиями, впечатлѣнiе единственно-законное? Отъ общества зависитъ, чтобы не разыгрывалось вѣчное «Много шуму изъ ничего.» А мы только пожимаемъ плечами, да шепчемъ за печкой... Гдѣ же право сѣтовать, если намъ будутъ писать законы люди, по цѣлымъ годамъ не выдающіе иной компаніи, кромѣ бюстовъ, пусть то будутъ Платоны, Гегели и Плутархи, — когда мы сами не хотимъ выходить на форумъ? Дозволено повѣрять каждодневно свою кухарку, горячиться за ералашемъ, развозить изъ дома въ домъ комеражи; но хоть крохи досуга необходимо удѣлять общественному дѣлу, которое для каждаго должно быть своимъ, кровнымъ.

И такъ, общество не только не имѣетъ основанія протестовать противъ вмѣшательства теоріи въ современные вопросы, и особенно въ крестьянскій, но и должно во-первыхъ быть признательно ей, а во-вторыхъ протянуть ей дружескую руку, дабы вмѣстѣ, поддерживая другъ друга, успѣшнѣе слѣдовать по пути совершенствованія».

Все это и остроумно и энергически выражено — всему этому смѣло можно подать руку, не смотря на испещренность русской рѣчи «предопредѣленныхъ» часто не нужными иностранными терминами (имѣетъ ли впрочемъ *самъ* рецензентъ право замѣчать этотъ недостатокъ) — и между тѣмъ все это какъ то не ясно, какъ то бьетъ въ разныя стороны, не поражая собственно ни одной. Свидѣтельствуется (констатируются) факты — а начала редакціи неуловимы, такъ что по окончаніи «всего этого происшествія» спрашиваешь себя съ недоумѣніемъ — какой же наконецъ взглядъ редакціи «Утра».

Только два взгляда на жизнь быть и могутъ. Взглядъ *утилитарный*, вѣра въ теорію, вѣра въ прогрессъ — и взглядъ *идеальный*, вѣра въ жизнь и ея неисчерпаемую безконечность... На серединѣ стоять нельзя, да и незачѣмъ!...

Идеальный или пожалуй артистическій взглядъ вовсе не такъ непримримъ съ тѣмъ, что въ утилитаризмѣ есть живаго и для жизни вообще (а не для фаланстеръ) нужнаго, что его нечего прятать какъ грѣхъ противъ современности. Вѣдь въ сущности этотъ идеальный взглядъ, признающій одно только мѣрило — душу человѣка, отъ вѣка и до вѣка единую, узаконивающій всѣ ея требованія, отъ вѣка и до вѣка единыя, — всѣ, даже повидимому самыя противорѣчачія, не вѣрующій въ возможность остановки неисчерпаемой жизни, въ возможность истощенія ея силъ на производство *великаго и прекраснаго* (подразумѣвается, что это невѣріе не отрицаетъ возможности столкновенія земли съ какою нибудь кометою или возможности геологическаго переворота), — въ сущности я говорю, этотъ взглядъ, равно узаконивающій, какъ требованія души человѣческой — и «аскетизмъ и утилитаризмъ» но только какъ «требованія» — гораздо ближе къ взгляду физическому и физиологическому, чѣмъ взглядъ утилитарный; всегда совершающій идоложертвенную потребу послѣдне-родившейся теоріи и, стало быть, всегда рѣжущій жизнь для совершенія этой требы Ваалу.

Но, горе идеальному взгляду, когда онъ, по существу своему широкій до безпредѣльности — самъ рѣшается съюзить себя въ чисто — отрицательный, горе ему, когда онъ обращается — изъ одного противорѣчія, въ служеніе чему то отъ жизни отвлеченному. Онъ попадаетъ въ положеніе плачевное и комическое. Вѣкъ, напимѣръ, не вѣритъ больше въ звонкія и только звонкія строфы и стихи, вѣкъ будетъ требовать жизни, крови и цвѣта отъ созданий искусства и въ своихъ требованіяхъ увлечется невольно за предѣлы задачи, будетъ поирать на время даже и самое искусство ади жизни, крови и цвѣта, онъ сочтетъ на время за искусство то что не искусство: идеальный взглядъ, съюзиваясь въ чисто отрицательный — будетъ стоять за какос то искусство для искусства, будетъ, вопреки общему несочувствію, восхищаться звопомъ строфъ, никому не нужныхъ, безличныхъ и безкровныхъ — и, разумѣется, подвергнется общему посмѣянію, а горестнѣе же всего то, что посмѣяніе, когда поражается жизнію, будетъ правѣе его отрицательной теоріи.

Отсутствіе опредѣленности именно такого идеальнаго взгляда, при всемъ видимомъ къ нему стремленіи, съ перваго разу поражаетъ въ тѣхъ статьяхъ «Сборника» — въ которыхъ наиболѣе обозначается направленіе — въ статьяхъ чисто критическихъ. Остальныя статьи суть или случайно — попавшіе въ «Утро» превосходныя матеріалы, какъ напримѣръ двѣ записки Татищева, относящіяся къ царствованію Императрицы Анны,» и «Народныя пѣсни», или замѣчательныя поэтическія произведенія также случайно попавшія въ «Сборникъ» — каковы «Липы» повѣсть Языкова и «Конь» басня Крылова, давно уже ходившія въ рукописяхъ — или произведенія, тоже давно извѣстныя въ рукописяхъ, но которыя въ печати теряютъ почти всякое значеніе, ибо время ихъ прошло, — каковы два акта, изъ «Петра Великаго» — драмы М. П. Погодина, — или превосходныя статьи въ родѣ статьи В. А. Кокорева, но совершенно несходныя съ идеями другихъ статей, — или наконецъ вещи плохія, каковы повѣсть и стихотвореніе г. Колошина — вещи, въ которыхъ выраженіе какого либо направленія, мы считаемъ видѣть столь же страннымъ и неумѣстнымъ, какъ и въ вопіющей статьѣ «По поводу Американской женщины.» Къ этому же послѣднему разряду вещей «вопіющихъ» слѣдуетъ отнести на половину и статью «Взглядъ на Русскую Литературу въ 1858 году». А между тѣмъ въ этой самой, на половину вопіющей статьѣ, порой, замѣчательно-доревито выражается стремленіе къ тому же идеальному взгляду, какое высказывается въ статьѣ г. Алмазова о Пушкинѣ и въ статьѣ г. Е. Эдельсона о Щеринѣ — поражаютъ, промежду множества дикихъ вопіющихъ мнѣній, мысли и замѣчанія здравыя, порою даже блестящія.

Вотъ почему о ней то, объ этой статьѣ, выражающей направленіе новаго, имѣющаго вѣроятно продолжаться изданія, и должно, повести прежде всего рѣчь — съ достодожнымъ уваженіемъ къ хорошему въ новомъ направленіи — и съ достодожною же строгостію ко всему въ немъ дурному.

Дурно прежде всего худо скрываемое — неуважительныя и, больше еще, враждебныя отношенія направленія къ другому, ему предшествовавшему и, можно сказать, его

создавшему — ибо какъ ни хочетъ авторъ статьи показать, съ самаго начала, тѣспѣйшую духовную связь своихъ идей, съ идеями, высказавшимися впервые въ статьѣ покойнаго И. В. Киреевскаго, напечатанной въ «Денницѣ»—все таки, — связь его съ критическою дѣятельностію Бѣлинскаго, осмыслившею для него самаго его идеи—остається фактомъ, до несомнѣнности очевиднымъ.—Статья И. В. Киреевскаго—дѣйствительно глубокомысленная, но оставшаяся одинокою во время ея появленія, осталась одинокою и послѣ этого — и стало быть — зачѣмъ бояться подводить итоги? — бесплодною и для будущаго, и для послѣдующаго и для нашего времени. Все, что могла породить она, была не художественная критика — а общественная теорія славянофильства, которой до искусства, т. е. до самобытнаго и свободнаго выраженія самобытной и свободной жизни—столь же мало дѣла, какъ теоріямъ г. Чернышевскаго.... Скажу мысль, по выраженію парадоксальную, но по крайней мѣрѣ, глубоко-искреннюю: одиночество этой поистинѣ замѣчательной статьи происходило отъ ея собственнаго органическаго недостатка, отъ гордости чистоты, лежавшей на днѣ ея и долженствовавшей привести неминуемо къ теоріи, а не къ искусству и жизни.... А между тѣмъ статья: «взглядъ на Русскую литературу въ 1858 году» высказываетъ стремленіе къ иному взгляду, въ основѣ котораго лежатъ не условно—чистыя и потому безусловно гордыя начала теоретическія,—а вѣчные законы искусства и жизни, т. е. души человѣческой!....

«Послѣ упадка альманаховъ — гласитъ статья — и съ водвореніемъ владычества журналовъ, обзорнія хотя и стали не такъ многочисленны, какъ прежде, но лучшія періодическія издашія все еще держались обычая обзирѣвать въ каждомъ первомъ номерѣ литературу за предшествовавшій годъ. Обзорнія уменьшились въ числѣ, зато увеличились въ размѣрахъ, такъ что иногда дробились на нѣсколько книжекъ. Съ увеличеніемъ объема статьи эти стали богаче общими взглядами, «философскими» и нравственными разсужденіями; въ нихъ шли толки уже не объ однихъ литературныхъ явленіяхъ, но и о жизненныхъ и научныхъ вопросахъ; въ нихъ разсуждалось обо всемъ, что

«вызываетъ на размышленіе». *И зато съ какой жадностью читались эти статьи тогдашнимъ молодымъ поколѣніемъ! Съ какимъ нетерпѣніемъ дожидались любознательные юноши январской книжки журнала! Въ наше время первый номеръ журнала не можетъ возбудить такого интереса въ людяхъ не равнодушныхъ къ литературѣ; онъ по роду статей своихъ ни чѣмъ не отличается отъ остальныхъ номеровъ. Но въ тѣ времена читатель зналъ навѣрное, что такой-то журналъ въ январской своей книжкѣ непременно напечатаетъ статью подъ названіемъ «Русская литература въ 18.. году», что въ ней будетъ трактоваться обо всей русской литературѣ настоящей, прошлой... и даже будущей; что въ ней въ сотый разъ пересмотрятъ всѣхъ русскихъ писателей отъ Кантемира до Гоголя, поставятъ на очную ставку съ современными писателями, и размѣстятъ всѣхъ дѣятелей нашей словесности въ новомъ порядкѣ, сообразно съ новой философской или нравственной идеей, которая ляжетъ въ основаніе ожидаемой статьи. Подобныя обзоры обыкновенно начинали рѣчь очень издалека,—если не съ самаго сотворенія міра, то по крайней мѣрѣ не позже какъ съ разселенія народовъ послѣ вавилонскаго столпотворенія и перваго образованія гражданскихъ обществъ. Сперва говорилось о томъ, каково было человѣчество въ дикомъ состояніи, какъ грубость нравовъ, занятія звѣроловствомъ и отсутствіе комфорта задерживали въ человѣкѣ дѣятельность мысли и мѣшали успѣхамъ словесности. Далѣе авторъ, упомянувъ въ кратцѣ о зачаткахъ образованности на Востокѣ вообще и въ Индіи особенно, переходилъ къ Грекамъ и Римлянамъ. Здѣсь критикъ трактовалъ о классической литературѣ, о пластикѣ и тождествѣ идеи съ формой въ античномъ искусствѣ, о Гомерѣ, и т. д. Обозрѣвъ древній міръ, онъ переходилъ къ обновленію человѣчества чрезъ водвореніе христіанства; говорилъ объ отличіи средней исторіи отъ древней, новаго міросозерцанія отъ античнаго, и классицизма отъ романтизма. Потомъ толковалось о французской псевдоклассической поэзіи, о ея недостаткахъ и вліяніи на нашу словесность. Обращаясь къ нашему отечеству, критикъ прежде всего рассматривалъ зачатки русской поэзи-*

то-есть народныя сказки и пѣсни, стараясь открыть въ нихъ міросозерцаніе народа, и такъ какъ это ему не совсѣмъ удавалось, то онъ объявлялъ, что русская народная поэзія мелка и груба по своей идеѣ, и весьма справедливо замѣчалъ, что *Ерусланъ Лазаревичъ* и *Бова Королевичъ* не могутъ выдержать сравненія съ *Иліадою* и *Одиссеей*. Затѣмъ онъ почти прямо переходилъ къ новой послѣ-петровской литературѣ: — о русской письменности до Петра онъ говорилъ очень коротко, утверждая, что у нея не было внутренней исторіи, и что она не имѣла никакого вліянія на послѣдующую литературу. Обозрѣвая исторію новой русской словесности, онъ обыкновенно располагалъ факты такъ, чтобы доказать ими какое-нибудь новое положеніе. Положенія эти были въ родѣ слѣдующихъ: у насъ нѣтъ литературы;—у насъ есть словесность, но нѣтъ литературы; — у насъ есть великія поэтическія произведенія, но нѣтъ беллетристики, и т. д. Такая же мысль проводилась и черезъ перечень литературныхъ явленій за истекшій годъ. Статья обыкновенно заключалась размышленіемъ, какая великая будущность ожидаетъ наше отечество и нашу литературу, причемъ Россія нерѣдко сравнивалась съ богатыремъ, который сидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ».

Къ чему, спрашиваете вы себя невольно, по прочтеніи этихъ страницъ — принять авторомъ юмористическій тонъ въ отношеніи къ дѣлу, котораго значеніе онъ не только не отвергаетъ, но видимо признаетъ во всей силѣ, ибо иначе не сталъ бы онъ говорить о томъ, съ какой жадностью читались эти статьи тогдашнимъ молодымъ поколѣніемъ и не сталъ бы онъ замѣчать, что въ наше время первый номеръ журнала не можетъ возбуждать такого интереса въ людяхъ, не равнодушныхъ къ литературѣ, какъ въ тогдашнее. Что же онъ хочетъ сказать этимъ тономъ?

Съ другой стороны, зачѣмъ онъ съ однимъ только диктаторскимъ юморомъ относится къ тому, въ чемъ заключается неправая сторона тогдашней критической дѣятельности. Первое дѣло, что отношенія тогдашней критики къ до-Петровской жизни и до-Петровской литературѣ — какъ серьезныя, вызвали и борьбу серьезную: другое дѣло, что

можно враждовать и даже въ извѣстной степени должно съ неправильностію этихъ отношеній — но въ наше время, нельзя взваливать на тогдашнюю, ошибавшуюся, но серьезную критику обвиненій въ томъ, что она якобы заключала весьма справедливо, что «Ерусланъ Лазаревичъ и Бова Королевичъ не могутъ выдержать сравненія съ Илиадою и Одиссеей» — какъ нельзя сваливать на Славянофильство обвиненій въ сравненіяхъ Мертвыхъ душъ съ Илиадою. Юморъ здѣсь и неумѣстенъ, да и недостойнъ нашей эпохи. Никакое здравое мышленіе не занималось и не могло ни въ какую здравую эпоху заниматься какъ доказательствами въ пользу Илиады противъ Бовы Королевича, такъ и сравненіями Мертвыхъ душъ съ Илиадою. Если же подобныя доказательства или подобныя сравненія и найдутся въ какихъ либо статьяхъ, — то нельзя же всякую вздорную статью считать выраженіемъ направленія... Нельзя же, напримѣръ, разбираемую нами теперь статью считать выраженіемъ направленія новаго изданія!

Давши еще ходъ своему неудачному юмору, г. Б. А. — авторъ «Взгляда» — продолжаетъ, уже безъ юмора и очень основательно:

«Обозрѣнія, процвѣтавшія въ продолженіе почти цѣлаго десятилѣтія, стали приходить въ упадокъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, а въ началѣ пятидесятихъ вышли совершенно изъ употребленія: прошла мода на критическія статьи съ обширными вступленіями, высшими и общими взглядами. Да и вообще въ критикѣ стала замѣчаться апатія. Причина этой апатіи очень понятна. Русская критика, предававшаяся болѣе двадцати лѣтъ самой напряженной и тревожной дѣятельности, воевавшая съ такимъ жаромъ со старыми литературными теоріями, громившая безъ устали старые авторитеты и повторявшая безъ отдыха почти одиѣ и тѣ же теоріи, одержала наконецъ побѣду надъ всѣмъ, что ей противустояло. Старые кумиры російской словесности были торжественно развѣчаны и низвержены съ пьедесталовъ, при рукоплесканіяхъ большинства публики; противники новой критики освищены, голоса ихъ совершенно заглушены, — и новыя литературныя теоріи распространились съ такимъ усиліемъ, что ихъ уже зналъ нанзустъ всякій школьникъ.

Что еще оставалось дѣлать критикѣ? Она достигла того, къ чему стремилась, высказала все, что у нея было на умѣ и на сердцѣ: всѣ свои свѣдѣнія, теоріи и чувства, словомъ, выполнила свое призваніе; новаго уже ничего не могли придумать дѣятели *новой критики*, которая въ свою очередь наконецъ уже сдѣлалась старою; повтореніе стараго надоѣло и публикѣ и самой критикѣ. Слѣдовательно и критикѣ оставалось только умолкнуть. Къ этимъ внутреннимъ причинамъ, обусловившимъ паденіе критической школы сороковыхъ годовъ, присоединилась и случайная, ускорившая это паденіе: — смерть ея главнаго дѣятеля и представителя, Бѣлинскаго».

Замѣчаю только, что то, что авторъ называетъ событіемъ случайнымъ — было дѣйствительно случайно, но только по этому случаю умолкла критика предшествовавшихъ лѣтъ. Дѣйствительно — остальные дѣятели ея не могли уже придумать ничего новаго, — но главный остался бы вѣчно новъ, ибо нашелъ бы въ себѣ силы понять все новое.

Засимъ, авторъ «Взгляда» снова съ юморомъ, но уже съ юморомъ ловкимъ и имѣющимъ законныя основы, излагаетъ состояніе критики послѣ случайнаго событія, смерти ея главнаго представителя. Желая показать, что я обращаю вниманіе публики не на одни слабыя стороны «Взгляда», — позволяю себѣ еще выписку:

«Со смертію Бѣлинскаго, характеръ русской критики совершенно измѣнился. Въ литературныхъ убѣжденіяхъ она оставалась вѣрна началамъ своего учителя и смотрѣла на все его глазами, но въ отношеніи способа высказывать свои убѣжденія она представляла съ нимъ совершенную противоположность. вмѣсто жара и горячности, которыми отличались статьи Бѣлинскаго, въ статьяхъ его преемниковъ явились холодность и апатія, вмѣсто рѣзкости въ приговорахъ — уклончивость, вмѣсто смѣлости — робость, вмѣсто парадоксовъ — общія мѣста, вмѣсто тонкаго природнаго эстетическаго чувства — мертвыя книжныя теоріи; словомъ: ученики не имѣли ни достоинствъ, ни недостатковъ своего учителя. Читатели журналовъ скоро замѣтили перемѣну, происшедшую въ критикѣ, и охладѣли къ ней. Прежде, едва

ли не наиболѣе читасмымъ отдѣломъ въ журналѣ была критика; теперь публика перенесла свою симпатію на отдѣлъ изящной словесности, гдѣ помѣщались повѣсти и романы, — и была совершенно права. Бѣлинскій по дарованіямъ своимъ былъ несравненно выше всѣхъ такъ называемыхъ писателей — беллетристовъ, печатавшихъ статьи свои въ журналахъ его времени. Исключенію подлежатъ только два три писателя, успѣвшіе уже при немъ воишь обнаружить свой высокій художественный талантъ, и писатели, еще не успѣвшіе его хорошенько обнаружить, но занимающіе въ настоящее время почетныя мѣста въ нашей литературѣ. Напротивъ того преемники Бѣлинскаго стояли несравненно ниже беллетристовъ своего времени. Положеніе критики было затруднительно. Отзыватья рѣзко о посредственныхъ писателяхъ она не дерзала, потому что симпатія читателей была на ихъ сторонѣ, и отдѣломъ словесности, а не «критикой», держались журналы. Надо было дѣйствовать осторожно. Критика такъ и поступила, — и журнальныя рецензіи наполнились уклончивыми отзывами, общими фразами, оговорками и тому подобнымъ лавированіемъ. Еще затруднительнѣе было положеніе критики къ писателямъ, о которыхъ она хорошенько не знала мнѣнія своего учителя Бѣлинскаго, о которыхъ онъ не успѣлъ сказать ничего яснаго, опредѣленнаго. Своего мнѣнія она не имѣла и не могла составить, а въ то же время была обязана высказать какое-нибудь мнѣніе. И вотъ она усугубила свою уклончивость въ приговорахъ и расточительность на общія фразы. Но самое неловкое, даже отчаянное положеніе критиковъ было въ отношеніи писателей, появившихся послѣ смерти Бѣлинскаго; они рѣшительно не знали что о нихъ сказать. Вслѣдствіе всего этого, плохіе писатели писали и печатали совершенно-безнаказанно, а даровитые оставались совершенно-неоцѣненными; и такимъ образомъ какіе-нибудь господа Н. и Х., представители однихъ недостатковъ натуральной школы, слышали о себѣ такіе же неопредѣленные отзывы критики, какіе приходились на долю Гончарова и Тургенева. Положеніе этихъ двухъ писателей, впрочемъ, еще не было самое худшее; критика нѣсколько знала, какъ думать о нихъ

Бѣлинскій, и потому не боялась сказать, что они люди не безъ дарованія. Но въ какія отношенія къ ней должны были стать Островскій и Писемскій, которые явились въ литературѣ по смерти Бѣлинскаго? Конечно, въ критическомъ отдѣлѣ журналовъ помѣщались иногда дѣльные и полезныя статьи, какъ напримѣръ, статьи гг. Галахова, Дудыпкинна и Гаевского. Но то были разборы старыхъ русскихъ писателей, имѣвшіе цѣлью не столько ихъ эстетическую оцѣнку, сколько собраніе и обработку матеріаловъ для исторіи литературы. Критикой же современныхъ писателей занимались безыменные рецензенты».

«Но — повторяемъ — нигдѣ такъ не обнаружилось типично направленіе тогдашней критики, какъ въ годовичныхъ обзорѣніяхъ литературы. По смерти Бѣлинскаго была сдѣлана попытка писать обзорѣнія по его методѣ, то-есть съ большими вступленіями и общими взглядами, но попытка эта рѣшительно не удалась. Тогда началась самая печальная эпоха обзорѣній, ксчастію продолжавшаяся недолго. Вмѣсто прежнихъ шумныхъ и блестящихъ статей о русской литературѣ, стали печатать одни сухіе перечни, или просто систематическіе реэстры литературныхъ явленій за цѣлый годъ. Публика, разумѣется, перестала ихъ читать, вслѣдствіе чего критика, разумѣется, перестала ихъ писать, — и обзорѣнія совершенно пчезли».

Все это — совершенно вѣрно и комментаріевъ никакихъ не требуетъ. Но что же за страшная смѣсь пониманія и непониманія обнаруживается во всемъ, доселѣ разобранномъ? Что за нелогичность или неясность мысли, которая можетъ быть, кромѣ всякихъ шутокъ, приведена въ слѣдующій силлогизмъ:

А.) Бѣлинскій былъ высоко даровитый критикъ.

В.) Бѣлинскій умеръ.

С.) *Ergo*, литературное дѣло, или совершенное, потеряло право на уваженіе и сочувствіе!!!

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ выписокъ ясно, что г. Б. А. понимаетъ прекрасно, какъ важны были огромныя вступленія Бѣлинскаго къ его статьямъ, какъ статьи его дѣйствовали на массу читателей и какіе эстетическіе плоды они

приносим. Стало быть, онъ признаетъ первую часть силлогизма. Что Бѣлинскій умеръ — этого онъ также неоспориваетъ.

Но изъ этого слѣдуетъ только то, что критика съ огромными вступленіями, т. е. съ философскими, обобщающими — *tant bien que mal* стремленіями — потеряла своего даровитаго представителя и досталась въ руки бездарнымъ — а вовсе не то заключеніе, которое *скрывается* въ разглагольствованіи г. Б. А.

А отъ чего такъ неудачно, такъ не понятно это разглагольствованіе? Прежде всего отъ недостатка искренности. Скажи г. Б. А., что онъ, раздѣляя съ великимъ нашимъ критикомъ его эстетическія, всегда вѣрныя симпатіи и симпатіи, — не дѣлитъ съ нимъ разныхъ, сильно увлекавшихъ его теорій, постороннихъ въ отношеніи къ искусству и жизни — онъ не имѣлъ бы нужды ни въ неудачномъ приложеніи своего юмора, ни въ недомолвахъ... Онъ не имѣлъ бы даже нужды спрашивать самого себя о цѣли собственной статьи и пояснять читателямъ эту цѣль и путаться до безконечности въ этомъ поясненіи — или такъ не быть въ немъ искреннимъ.

Г. Б. А. хочется, во что бы то ни стало, сохраняя и чтя свято (по его словамъ) принципъ искусства для искусства, показать нѣкоторое сочувствіе къ *обличительной* литературѣ нашего времени — и тутъ является у него невообразимое раздвоеніе мышленія. Напрасно прибѣгаетъ онъ къ примѣрамъ раздвоенія литературы съ жизнью — выбирая примѣръ самый неудачный, сухую литературу Римлянъ при Августѣ, и забывая литературы живыя, шедшія впереди жизни, но всегда съ нею — греческую, итальянскую, англійскую, — напрасно ищетъ онъ спасенія въ раздвоеніи нашего времени на благотворное для гражданственности и неблагопріятное для искусства — очевидно только раздвоеніе въ его мышленіи.

Раздвоеніе же это явно произошло отъ безсознательно принятаго и безсознательно повторяемаго «*принципа искусства для искусства*», отъ недостаточнаго разъясненія самому

себѣ идеальнаго взгляда, принципа искусства для души человека.

Вотъ все, о чемъ можно серьезно говорить, говоря о «Взглядѣ» г. Б. А. Въ остальномъ, этотъ взглядъ представляетъ странную смѣсь сухихъ перечней О. Сомова, съ диктаторски — мальчишескимъ тономъ приговоровъ. Отмѣтимъ только нѣкоторыя, особенно выдающіяся особенности.

1) Г. Б. А., увлекаясь и увлекаясь даже съ излишкомъ изъ нашихъ лирическихъ поэтовъ, гг. Майковымъ и Меемъ. уважаетъ г. *Фета* только какъ переводчика Гёте (изъ Гёте то именно Фетъ переводилъ очень плохо!), Горация и Гейне, и не упоминаетъ вовсе — о комъ бы читатели думали?.. О *Тютчевѣ*!!! Вѣдь это немножко — слона то я и не примѣтилъ... Далѣе сожалѣетъ, что не печатали въ прошломъ году своихъ стихотвореній г. Полонскій и г. *Щербина* (г. Б. А. особенно счастливъ на сопоставленіе именъ!).

2) Изъ немногихъ строкъ автора объ Островскомъ выходитъ, что успѣху его пьесъ помогаетъ игра гг. Садовскаго и Васильева. Ну, а въ другихъ-то мѣстахъ Россіи, гдѣ пѣтъ гг. Садовскаго и Васильева, — кто помогаетъ успѣху его пьесъ, кромѣ ихъ высокаго народнаго значенія?

3) *Прелестны*, въ особенности по своей краткости, напоминающей г. Ореста Сомова, и по диктаторскому тону, достойному г. Эрнста Благоправова, характеристики *Тургенева и Толстаго*:

«О повѣсти г. Тургенева: «*Ася*» мы распространяться не будемъ (Почему же, г. Б. А., когда вы распространяетесь даже и о неудачныхъ стихотвореніяхъ?) и скажемъ только одно слово о томъ, что, *по нашему мнѣнію*, составляетъ особенность таланта ея автора.» (Послушаемъ *Ваше* мнѣніе, г. Б. А.)

«*Намъ* кажется, что можно довольно вѣрно охарактеризовать произведенія г. Тургенева вообще и «Записки охотника» въ особенности, назвавъ ихъ поэтическими впечатлѣніями.» (Положимъ г. Б. А., — по въ чемъ же *особенность* именно Тургеневскихъ поэтическихъ впечатлѣній, отличіе ихъ отъ другихъ) «Г. Тургеневъ въ своихъ романахъ, повѣстяхъ и рассказахъ, какъ справедливо было замѣчено некоторыми кри-

тиками, по преимуществу поэтъ. Выводя передъ читателями лица, имъ созданныя, онъ по большей части изображаетъ не характеры ихъ, но собственныя впечатлѣнія, полученныя при взглядѣ на эти лица.» (А гдѣ же *ваше* то мнѣніе, г. Б. А?)

«Въ 1858 году было такъ же напечатана повѣсть графа Л. Толстаго: «Альбертъ». Гр. Толстой, по справедливости, почитается однимъ изъ очень даровитыхъ писателей нашихъ. Онъ принадлежитъ къ немногому числу тѣхъ, которые творятъ изъ *чисто художественныхъ цѣлей.*» (охъ ужъ эти *чисто-художественныя цѣли!*) «Характеристическая черта произведенія автора «четырехъ эпохъ развитія» и «Военныхъ рассказовъ» заключается въ тонкости, вѣрности и глубинѣ *писательскихъ* наблюдений — въ *благородствѣ и чистотѣ чувствъ, которыми онъ согрѣты.* (Это уже прямо изъ г. Ореста Сомова — да и не слѣдуетъ поборнику искуству для искуства — цѣнить въ художественномъ произведеніи моральныя достоинства)

«Что касается собственно до повѣсти «Альбертъ», то ее вмѣстѣ съ «Записками Маркёра», слѣдуетъ отнести къ неудавшимся произведеніямъ автора. Герой повѣсти «Альбертъ» — человекъ полусумасшедшій — *а психическія наблюденія надъ такими субъектами не должны и не могутъ составлять матеріала для художественнаго произведенія.*» (Стало быть и «записокъ сумасшедшаго» вы, не дали бы права писать Гоголю, г. Б. А?)

4) Столь строгій къ «Альберту» гр. Толстаго, г. Ъ. А. съ *умиленіемъ* говорить о «Мишурѣ» г. Потѣхина и вообще о г. Потѣхинѣ, восторгаясь искренностію грубой стряпни этого, — впрочемъ даровитаго и многопишущаго литератора.

5) Г. Б. А., справедливо признавая яркія достоинства повѣстей г-жи Кохановской, въ каковомъ признаніи всякій конечно съ нѣмъ согласится — изъ поборника *чистаго* искуства, искуства для искуства — становится опять моралистомъ, — хвала автора за то, что онъ не раздражается протестами противъ грубости и семейныхъ началъ, и героиню повѣсти: «Въ гостяхъ послѣ обѣда» за ея смирное и покорное поведеніе.

Но тутъ, кромѣ того выходитъ исторія весьма странная, нечто въ родѣ извѣстной картинки лубочнаго издѣлія «На-

полеонъ самъ себя пожирающій», — а именно, другой членъ Сборника, г. Колошинъ, воспіеть въ своей повѣсти: «Свѣтскія язвы» — въ Островскомъ на то самое, что весьма похваляетъ г. Б. А. въ г-жѣ Кохановской!...

Послѣ всего этого, стоило ли бы кажется серьезно говорить о статьѣ г. Б. А.?... Но между тѣмъ она представляетъ на каждомъ шагу поводы къ новымъ и разнообразнымъ удивленіямъ.... То удивляешься *безтактности*, соединенной съ гусарскою отвагою, то принужденъ удивляться такту, соединенному съ твердостью взгляда, установленного вполне. Почти все что авторъ «Взгляда» и переходя отъ литературы къ исторіи — говорить о несостоятельности нашей исторической школы — превосходно и по мысли и по изложенію:

«Современное направленіе науки русской исторіи». — говоритъ г. Б. А., есть направленіе обличительное, то есть то же самое, которое господствуетъ въ «Губернскихъ. Очеркахъ» Щедрина и въ произведеніяхъ его подражателей. Но между современными нашими историками-сатириками и сатириками-беллетристами есть большая разница. Во-первыхъ, представитель обличительнаго направленія въ изящной словесности, Щедринъ — имѣеть неоспоримый талантъ, а таланты представителей исторической школы остаются только въ сильномъ подозрѣніи. Во-вторыхъ, разница состоитъ въ предметѣ обличенія. Наши домашніе Тациты устремляютъ свои сарказмы на древнюю Русь и казнятъ ея обычаи, нравы и понятія; Щедринъ обличаетъ совсѣмъ другое и относится съ благороднымъ сочувствіемъ къ остаткамъ древней Руси — простому народу. Въ-третьихъ, Щедринъ и вся его школа приносятъ пользу, потому что указываютъ на недостатки современнаго живаго общества, и такимъ образомъ способствуютъ его исправленію; помянутые Тациты пользы никакой не приносятъ и дѣйствуютъ только для собственнаго удовольствія, потому что древняя Русь отжила и исправить ее трудно».

Изъ этой маленькой интродукціи читатель вѣроятно увидитъ, что мы не только не сочувствуемъ современной исторической школѣ, но даже относимся къ ней враждебно.

Мы относимся съ терпимостію ко всѣмъ недостаткамъ современнаго направленія русской литературы потому, что уважаемъ ихъ источники. Но никакъ не намѣрены мы мнрволить писателямъ, презирающимъ обычаи своихъ предковъ, искажающимъ смыслъ древней русской исторіи, издѣвающимся надъ нашей народной поэзіей и смотрящимъ съ презрѣніемъ на остатки древней Руси, то-есть на нашего простолюдина и его одежду. Мы говоримъ прямо всѣмъ этимъ джельтменамъ: «иду на вы».

«Главное положеніе нашихъ историковъ натуральной школы состоитъ въ томъ, что въ древней, до-петровской Россіи не было ни добродѣтели, ни благородныхъ помысловъ, ни логики, и что все это у насъ завелъ только Петръ Первый. По ихъ мнѣнію, у насъ на Руси, безъ регулярнаго, хорошо-устроеннаго войска и флота, безъ побѣдъ надъ Шведами, учрежденія правительствующаго сената и открытія ассамблей, женщина не могла быть добродѣтельна, а мужчины не могли писать хорошія книги».

«Петръ Великій такъ высоко стоитъ въ мнѣніи, какъ своего народа, такъ и всѣхъ остальныхъ европейскихъ націй, что, кажется, не нуждается въ панегирикахъ современныхъ историковъ. Но странно почитать его за бога и приписывать ему то, что одинъ человекъ не въ силахъ сдѣлать».

«Вторая причина неспособности древней Руси ни къ чему хорошему, по мнѣнію этихъ господъ, заключалась въ неразвитости централизаціи».

«Допуская необходимость централизаціи, которая дала такую силу нашему отечеству, мы все-таки не видимъ въ ней единственнаго двигателя въ исторіи развитія русскаго народа».

«Конечно, она сплотила народъ въ одинъ несокрушимый колоссъ, но въ этомъ дѣлѣ и самъ народъ принималъ участіе, не оставаясь пассивнымъ. Притомъ же вліяніе централизаціи болѣе виѣшнее; она помогаетъ развитію народа, но никакъ не составляетъ цѣль этого развитія. Чтобы централизовать, надо имѣть что централизовать, а это-то что и ставятъ ни во что наши историки. Могла ли централизація создать умъ русскаго человека, вложить ему въ душу бла-

городныя чувства, а въ уста поэтическое слово; она ли дала ему высокій ростъ, широкія плечи, голубые глаза и русые волосы? Сомнительно! Чтò вызвало мясника, бородача Минина, на его святое дѣло? Одно ли чувство потребности централизаціи? Конечно, онъ выразилъ собой тяготѣніе къ центру — Москвѣ, но высокій его патриотизмъ имѣлъ и другіе источники».

«Приписывать все хорошее, у насъ существующее, только централизаціи и администраціи — значитъ считать русскій народъ за стадо барановъ. Это ужъ выходитъ *laesio majestatis populi*».

«Въ наше время знаменитые люди, какъ, напримѣръ, Монталамберъ и Токвиль, говорятъ о вредѣ излишней централизаціи. Самъ Людовикъ Наполеонъ, этотъ идолъ всѣхъ приверженцевъ ультра-централизаціи, счелъ нужнымъ въ своей тронной рѣчи сказать для приличія кое-что противъ нея. А наши историки слушаютъ да... шшутъ».

«Третья причина всѣхъ золъ, какъ въ самомъ дѣлѣ существовавшихъ въ древней Руси, такъ и сочиненныхъ въ воображеніи ея порицателей, заключается въ родовомъ бытѣ, который будто убивалъ въ ней всѣ хорошія наклонности и всякій здравый смыслъ».

«Колумбамъ родового начала въ русской исторіи уже доказано какъ дважды два четыре, что они подъ словомъ «родовой бытъ» разумѣютъ совсѣмъ не то, что разумѣть должно: —они съ несокрушимой твердостью продолжаютъ отстаивать существованіе своего призрака. Но положимъ, что родовый бытъ дѣйствительно существовалъ въ древней Россіи и притомъ существовалъ въ такомъ совершенно видѣ, въ какомъ обыкновенно описывается. Нельзя же приписывать его вліянію всѣ остатки древней Россіи, точно также, какъ нельзя приписывать всѣ хорошія стороны новой Россіи успѣхамъ централизаціи».

«Отчего же такъ понравился этотъ родовый бытъ? Отъ непомѣрнаго желанія написать русскую исторію съ общимъ взглядомъ — съ идеей. Писать, какъ написалъ Карамзинъ «Исторію Государства російскаго,» какъ написалъ Пушкинъ «Исторію Пугачевского бунта,» т. е. просто, не мудр-

ствуя лукаво, для пныхъ слишкомъ мало, слишкомъ легко, не достойно гениальнаго историческаго таланта. Нашихъ историковъ соблазнили европейскіе историки, блистательно проводившіе свои идеи черезъ цѣлыя исторіи народовъ. Соблазнясь примѣрами авторовъ «Исторіи цивилизаціи» и «Исторіи покоренія Англіи Норманами,» они рѣшились найти какую-нибудь идею и для русской исторіи. Встрѣтивъ нѣсколько разъ въ лѣтописи слово «родъ», они обрадовались, какъ Колумбъ твердой землѣ, — и взглядъ на русскую исторію былъ созданъ. Но развѣ такъ составилъ Гизо свой взглядъ на исторію Франціи? Развѣ такого рода бесплодную идею положилъ онъ въ основаніе своего курса? Нѣтъ. Онъ открылъ ее не въ словахъ хроники, писанной тысячу лѣтъ назадъ, онъ ее *чувствовалъ* въ жизни современнаго французскаго общества, въ окружавшихъ его людяхъ, въ самомъ себѣ. Идея эта предстала передъ нимъ, облеченная въ плоть и кровь, въ переворотѣ 1789 года. Переворотъ этотъ былъ результатомъ всей предшествовавшей исторіи Франціи и исходнымъ пунктомъ всей послѣдующей. Онъ близокъ каждому Французу: сердце каждаго Француза бьется за него — или противъ него. Такимъ образомъ идея, по которой Гизо расположилъ факты, живая, неразлучная ни въ чьей головѣ съ мыслию о французской исторіи, — и знаменитый историкъ не выдумалъ, не сочинилъ ее, а только выразилъ въ ней знаніе цѣлаго общества. Оттого его исторіи трогаютъ за живое каждаго Француза, который, читая ее, родится съ давно прошедшей исторіей своего отечества, ясно постигаетъ связь своего существованія со всѣмъ, что прожито его народомъ».

«Такова ли идея нашихъ историковъ? Родовой бытъ! Да какое дѣло до него читателямъ-гражданамъ! Рвется ли русское сердце при этомъ новомъ учебномъ терминѣ, интересномъ только для специалистовъ. Пожалуй, читатель согласится, что былъ родовой бытъ, что онъ шелъ чрезъ всю русскую исторію, и, поздравляя съ этимъ историковъ, скажетъ: «прекрасно, да мнѣ-то что до этого?»

«И выходитъ, что нашу исторію съ идеями не читаютъ общество и публика. А читаютъ ее только специалисты, одни для собственнаго назиданія, другіе для потѣхи».

«Но что значитъ для нашихъ историковъ равнодушіе русскаго общества, — толпы. Они замкнулись въ свой кружокъ, — кружокъ избранныхъ, въ кружокъ своихъ поклонниковъ, — и услаждаются ихъ рукоплесканіями. Всякій, кто имѣетъ сколько-нибудь оригинальный взглядъ на русскую исторію, а не повторяетъ передъ ними наизусть ихъ собственныя теоріи, признается человѣкомъ отсталымъ, неспособнымъ понимать глубокомысленную систему родового быта. И какъ любятъ наши историки родовой бытъ, какъ усердно они нячатся съ этимъ своимъ единственнымъ пайденышемъ! Нѣтъ ни одного явленія въ русской исторіи, которое бы они не старались объяснить родовымъ бытомъ.»

Совершенно другаго рода замѣчательная статья г. Борнса Алмазова «О поэзиі Пушкина». Она зрѣло обдуманна и обдуманно написана — въ ней нѣтъ ни диктаторскаго тона, ни гарцованій — и поэтому самому, она *чище* представляетъ направленіе новаго изданія; въ ней нѣтъ также противорѣчій принятому принципу, — напротивъ принципъ проводится послѣдовательно, выражается смѣло и ясно съ самаго начала. Но каковъ самый принципъ—это дѣло другое. Вотъ что говоритъ г. Алмазовъ въ самомъ началѣ.

«Едва ли есть писатель, который бы полнѣе и чище Пушкина представлялъ собою типъ поэта. Почти у всѣхъ великихъ поэтовъ, кромѣ дара поэзиі, есть еще другія права на славу; почти каждый изъ нихъ примѣшивалъ въ свою поэзію стихи изъ другихъ областей духовной дѣятельности и къ сану поэта присоединялъ какой нибудь другой санъ, равно почетный или даже почетнѣйшій. *Одинъ Пушкинъ является для своего народа не больше какъ простымъ пѣвцомъ.* Эту особенность одни ставили ему въ недостатокъ, за что и порицали, — другіе извиняли ее обстоятельствами; замѣтили же ее всѣ. Бѣлинскій въ своихъ статьяхъ о Пушкинѣ, сопоставляя его съ другими великими поэтами и находя, что каждый изъ нихъ въ твореніяхъ своихъ служилъ не исключительно одной поэзиі, видитъ въ твореніяхъ Пушкина только одно чистое художество. Почти то же самое высказалъ и Гоголь. Представивъ ярко и опредѣленно характеристики всѣхъ поэтовъ, онъ отказывается начертать образъ Пушки-

на, и говорить, что въ поэзіи его невозможно уловить личность поэта.

Желая по возможности объяснить эту особенность Пушкина не духомъ его эпохи, а условіями самой его природы, мы, по примѣру упомянутыхъ писателей, *сравнимъ предварительно нашего поэта съ нѣкоторыми изъ западныхъ его собратьевъ.*»

Изъ всего этого слѣдуетъ — *во первыхъ*, что въ поэзіи Пушкина нѣтъ содержанія, а *во вторыхъ*, что самъ поэтъ не имѣетъ личности. Не такъ ли? Превосходное оружіе подаетъ г. Алмазовъ противникамъ Пушкина своими положеніями! Вѣдь, если бы положенія эти были правильны, т. е. если бы дѣйствительно поэзія Пушкина не имѣла содержанія и самъ поэтъ — личности, — то самые жаркіе поклонники Пушкина должны были бы стать на сторону его противниковъ. Еслибъ это признавалъ Бѣлинскій, котораго приводитъ въ свидѣтельство г. Алмазовъ, — то онъ разбилъ бы безличный и бездушный кумирь. То ли говорилъ Бѣлинскій? такъ ли понималъ его г. Алмазовъ, — за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, позволяю себѣ отослать читателей къ моей же статьѣ въ отдѣлѣ критики этого N.... «Для своего народа,» говоритъ г. Алмазовъ «Пушкинъ является не болѣе какъ простымъ пѣвцомъ». Пѣвцомъ чего? Вѣдь надобно же пѣть о чемъ нибудь. Онъ поетъ своему народу о своей душѣ — и такъ какъ душа эта много захватывала, такъ какъ ея струны отзывались на все *типовое, народное* — то и пѣлъ онъ о народной душѣ, но не просто, отвлеченно народной, а о народной душѣ, уже захваченной вѣяніями міровой жизни. Такова была и мысль Бѣлинскаго, да иною она быть не могла. Г. Алмазовъ обѣщается сравнить поэзію Пушкина съ поэзіей западныхъ его собратьевъ и не дѣлаетъ этого. Общія мысли его о Байронѣ, о Гётѣ, о Шиллерѣ — мысли, заключающіяся въ томъ, что Байронъ былъ поэтъ ненависти, Гётѣ поэтъ непоколебимой вѣры въ силу разума, а Шиллеръ поэтъ безконечнаго напряженнаго восторга передъ духомъ человѣческимъ — не даютъ никакихъ матеріаловъ для сравненія, да въ добавокъ еще страшно односторонни. И Байронъ и Гётѣ и Шиллеръ пѣли каждый *своему* народу, про свою и про его

душу — только задача ихъ пѣсни была иная, чѣмъ Пушкинская. Въ Англіи пѣль уже до Байрона Шекспиръ и захвативши все существенно—англійское, довелъ его до всемірно-человѣческаго. Гёте и Шиллеръ пѣли нѣмецкому народу про двѣ различныя стороны его души: пѣсня должна была раздвоиться потому, можетъ быть, что въ самомъ духѣ Германскомъ есть двойственность. До Пушкина, у народа не было еще его художественной пѣсни про его душу, а была только пѣсня растительная, физиологическая — да критическое отношеніе къ душѣ, т. е. зачатки комедіи. Сличать Пушкина съ другими поэтами значитъ показать, какъ его душа вѣритъ, любитъ, сомнѣвается, ненавидитъ сравнительно съ душами другихъ пѣвцовъ — и изъ такого сличенія возникнуть и *содержаніе* поэзіи и *личность* поэта! Да и затруднятся этими вопросами — нечего.

Я не даромъ въ началѣ статьи велъ рѣчь о томъ, что всякая книга, если только она живая, таитъ между строками плоть и кровь. Я сознаюсь откровенно, что я не вѣрю въ то, чтобы г. Алмазовъ, такъ тонко и умно понимающій особенности поэзіи Пушкина — *впрямь* въ свои положенія. Дѣло объясняется тутъ гораздо проще.... но пусть ключъ къ нему подастъ самъ авторъ статьи; приведу замѣчаніе одного критика о неопредѣленныхъ цѣляхъ Пушкина, онъ говоритъ».

«Да, цѣль для Пушкина не была такъ ясна, такъ опредѣленна, такъ удободостижима, какъ для другихъ поэтовъ: они знали гдѣ бросить якорь, и доплывали до пристани. *Но его пристань была слишкомъ далеко.* Неужели, еслибъ Пушкинъ, послѣ громкой строфы, гдѣ представлено, въ какомъ грозномъ величій душа его ополчалась вдохновеніемъ, могъ сказать, куда онъ поплыветъ, — какую бы онъ пристань ни назначилъ, все было бы недостойно того стремленія, которое онъ чувствовалъ? Нѣтъ! задавъ вопросъ: куда? онъ заставляетъ читателя думать о безконечности, и уноситъ его туда,

«Гдѣ затихла стихійная брань,
Гдѣ Богомъ творенью поставлена грань.»

«У каждаго народа есть характеристическія черты его духа, которыя, замѣчаемыя порознь въ обыкновенныхъ людяхъ, могутъ представиться дурными или смѣшными, но выражаясь въ поэтѣ, какъ представитель какой-нибудь стороны поэзіи, представляютъ собою нѣчто высоко-прекрасное и даже грандіозное. Такъ смѣшная эксцентричность Англичанина возведена въ гигантски-поэтическіе размѣры Байрономъ; филистерство Нѣмцевъ выразилось въ такъ называемомъ олимпійскомъ спокойствіи Гёте; буршество нашло себѣ представителя въ вѣчно юномъ Шиллерѣ; хаосъ италянскаго католицизма, эта смѣсь христіанства съ язычествомъ, возведенъ въ перлъ созданія Дантомъ. — *Какую же сторону русскаго народа выразилъ Пушкинъ?*»

«Есть одна характеристическая черта русскаго народа, выразившаяся и въ его поэзіи, черта, на которую покуда можно смотрѣть или какъ на задатокъ его будущаго величія, или какъ на доказательство его безсилія произвести что-нибудь великое на пользу человѣчества. Въ душѣ русскаго человѣка и его поэзіи есть какая-то необыкновенная сила, стремительность, высокій, широкій полетъ, но куда, къ какому идеалу, неизвѣстно. У человѣка всякой другой націи идеалъ явственъ: онъ знаетъ чего хочетъ и достигаетъ чего хочетъ. Но не таковъ идеалъ русскаго человѣка, не таково его стремленіе. «Русь, куда же несешься ты? дай отвѣтъ. — Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливаются колокольчикъ, гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ... и мчится вся вдохновенная Богомъ.»

«Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что стремленіе русскаго человѣка есть стремленіе дикихъ, необузданныхъ, грубыхъ силъ. Нѣтъ, это стремленіе есть избытокъ силъ духовныхъ. Другіе народы скоро достигаютъ своихъ цѣлей, потому что эти цѣли достижимы. Можетъ быть вначалѣ ихъ идеалы были также высоки, какъ и у насъ, можетъ быть было что-нибудь подобное стремленію русскаго человѣка, но они филистерски помирились съ жизнію, сдѣлали ей уступку по полтинѣ за рубль, сдѣлали себѣ искусственный,

руководный идеалъ, поклонились ему и стали служить ему. У насъ не то. Въ нашемъ народѣ еще живо, свѣжо и могуче стремленіе къ недостижимому. Онъ ничего не дѣлаетъ, ничего не хочетъ въ половину. Ужь если стремиться, такъ стремиться.... Стремиться не къ какой-нибудь земной, ограниченной цѣли, не къ воплощенію какой-нибудь системы, но туда, куда зоветъ неумолкающій внутренний голосъ, къ безконечности. *Вотъ отчего намъ такъ часто приходится на умъ скорбный вопросъ: есть ли цѣль у русскаго человѣка въ его стремленіяхъ.* Вотъ отчего тщетно спрашиваемъ мы себя, куда и за чѣмъ уносить насъ русская пѣсня, куда и за чѣмъ уносятъ насъ звуки великаго нашего пѣвца. Тщетно спрашиваемъ мы и только слушаемъ, высоко настроенные духомъ, широко раскидываемся мыслию, изумляемся и, пораженные силой души русскаго человѣка, восклицаемъ словами пѣсни:

«Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ-море!
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты днѣпровскіе.»

«Да, эти слова могутъ быть девизомъ поэзіи Пушкина; кто бы что ни говорилъ о скудости ея содержанія, но отличительные ея признаки: глубина, широта и сила. Что бы ни говорили о ея безыюдности, безцѣльности, *но у нея есть цѣль.* Цѣль эта — возвысить душу читателя до той высоты, которой достигаетъ душа поэта въ минуту вдохновенья. Конечно у ней, какъ и у нашей народной поэзіи, не было опредѣленныхъ, дидактическихъ цѣлей; она не говоритъ человѣку: живи именно такъ, мысли то, чувствуй это; но говоритъ ему: живи высокою жизнію, возвышайся чувствомъ и мыслию горѣ, будь всегда и вездѣ человѣкомъ! И какъ такая неопредѣленность, неясность цѣли, безостановочность стремленія идетъ къ поэзіи и поэту, этому загадочному для толпы существу, этому повсюду—бездомному въ мірѣ страннику и для всѣхъ милому гостю».

Что же все это значить? Значить, что Пушкинъ поетъ народу пѣсню про его душу? Другой вопросъ — что г. Ал-

мазовъ не пытается опредѣлять эту душу народа у Пушкина — но ясное дѣло, что онъ *признаетъ* у поэзіи Пушкина содержаніе, у самаго поэта личность—только содержаніе еще не разъясненное, личность еще неуловленную.

Изъ чего же вся эта возня съ принципомъ искусства для искусства, который пора давно бросить гегелистамъ правой стороны, весьма мало понимавшимъ великаго учителя, да шеллингистамъ второй редакціи, обрадовавшимся, по тупоумію, тому, что ихъ великій учитель ушелъ на время въ облака, и не дождавшимся его возврата. Что такое искусство для искусства? Шахматная игра—да и та замѣняетъ, представляетъ войну.... другаго искусства для искусства вы не найдете.

Дѣло очень просто. Въ послѣднее время Пушкинъ сталъ рѣшительно камнемъ преткновенія и соблазна для всѣхъ теоретиковъ, теоретиковъ ли развитія или теоретиковъ Пуританизма, и г. Алмазовъ правъ въ томъ, на что онъ впоследствии намекаетъ, въ томъ, что наибольшее родство представляетъ *натура* Пушкинская съ *натурою* Шекспировскою. Въдъ и Шекспира пуританизмъ не любилъ за широту его взгляда на природу человѣка, а главнымъ образомъ за многія мѣста, которыя казались имъ лестію существующему порядку, а въ немъ были живою, неспорно, пожалуй, обманчивою, но *живою* вѣрою. Но и Пуританизмъ и многое другое прошло—а Шекспиръ остался навсегда—и какъ мелки, смѣшны кажутся міру въ настоящую минуту нападки на него теоретиковъ—такъ же мелки и смѣшны, какъ будутъ казаться на примѣръ лѣтъ черезъ сто — нападки добрыхъ мѣщанъ на великаго поэта нашей современной эпохи, Занда.

Г. Алмазовъ не можетъ раздѣлять съ теоретиками ихъ непріязненнаго чувства къ Пушкину — и хочетъ оправдать поэта ложнымъ принципомъ и этотъ принципъ звучитъ фальшивою нотою въ его превосходной статьѣ, дышащей глубоко любовью къ Пушкину и отличающейся рѣдкимъ пониманіемъ Пушкина.

Статью г. Эдельсона «Н. Щедринъ и новѣйшая сатирическая литература» можно упрекнуть только въ недостаткѣ

смѣлости провести послѣдовательно правильную мысль, недостаткѣ, который замѣчается почти во всѣхъ статьяхъ почтеннаго критика. И странное дѣло — должно быть по принципу вѣчной ироніи (ужь если пошло на принципы, то да позволено будетъ и мнѣ имѣть мой *принципъ*) — этотъ недостатокъ переходить у него часто въ совершенно безсознательное отсутствіе мѣры въ похвалахъ какому нибудь частному явленію. Такъ и здѣсь. Г. Эдельсонъ хочетъ сказать видимымъ образомъ, что *нѣкоторая* степень таланта выручаетъ еще обличительный родъ литературы у г. Щедрина, а отсутствіе какой либо степени этого качества выводитъ обличительный родъ изъ области литературы—если подъ литературой не разумѣть всякой письменности, между прочимъ и дѣловой, — а выходитъ, по тому тону, который онъ принимаетъ въ отношеніи къ г. Щедрину, что этотъ послѣдній чуть что не истинный художникъ, чего вѣроятно и не думалъ сказать г. Эдельсонъ.

О прочихъ статьяхъ «Сборника» я имѣлъ уже честь упомянуть. Позволяю себѣ одно замѣчаніе на счетъ почтеннаго историческаго, но нисколько не поэтическаго труда о Петрѣ В.—М. П. Погодина. Зачѣмъ все, противоборствующее его герою, представлено имъ столь низкимъ, слабоумнымъ и пошлымъ: *художественно*, это умаляетъ его героя. Нѣмецъ Иммерманнъ, не зная вовсе русской жизни, поэтическимъ путемъ понялъ дѣло вѣрнѣе въ своей трагедіи.

Замѣчательная въ высокой степени статья В. А. Кокорева, какъ утилитарная, не должна была войти въ сборникъ—или сборникъ не признаетъ *принципа искусства для искусства*.

Ан. Григорьевъ.

журналъ охотъ, издаваемый Г. Миномъ.

Возвратившись недавно въ Россію, увидѣлъ я въ Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Базунова, *Журналъ охотъ*, издаваемый съ января мѣсяца прошлаго года, г. Миномъ.

Издание это не удивило меня своимъ изяществомъ, — время удивленія давно для насъ прошло, но очень обрадовало. Наконецъ дождались мы изящнаго изданія охотничей книги и дѣйствительно хорошихъ картинокъ; а до сихъ поръ политипажи и литографіи, объявляемыя у насъ за «роскошныя», «изящныя» и т. п., были изъ рукъ вонъ плохи, какъ извѣстно всѣмъ, имѣющимъ хотя какое нибудь понятіе о живописи. Только въ художественномъ листкѣ г. Тимма являлись хорошія литографіи и только тамъ можно найдти порядочные рисунки лошадей; но онѣ у него предметъ посторонній, а вообще рисовать собственно животныхъ у насъ никто не умѣетъ.

Прочиталъ я книжки «журнала охотъ» и нахожу, что почти всѣ статьи журнала написаны очень хорошо, языкомъ современнымъ, людьми знающими и людьми хорошаго общества. Особенно замѣчательна въ немъ статья «Костромскаго охотника», котораго превосходный разсказъ напоминаетъ нѣкоторыя картины «изъ записокъ охотника» Тургенева. Очень интересна статья г. Мина объ охотѣ его въ Шотландскихъ горахъ и есть много другихъ любопытныхъ и дѣльныхъ статей, которыя могли-бы занять видное мѣсто въ лучшихъ нашихъ литературныхъ журналахъ. Коротко сказать — журналъ прекрасный.

Въ отношеніи рисунковъ онъ уступаетъ лучшимъ англійскимъ книгамъ спорта только тѣмъ, что тамъ есть гравюры, а въ нашемъ журналѣ политипажъ и литографіи. За то здѣсь нѣкоторые рисунки выполнены такъ, что не могутъ не понравиться самому взыскательному спортсмену, любителю рисунковъ звѣрей и птицъ. Принадлежа самъ къ числу этихъ спортсмановъ, я смѣло скажу, что нѣкоторые политипажи «журнала охотъ», именно: перепелка, олень съ самкою (не литографія, но политипажъ), стрепетъ и дикая индѣйка, — выполнены такъ, какъ до сихъ поръ у насъ въ Россіи никто не рисовалъ животныхъ. Главное достоинство этихъ рисунковъ состоитъ въ томъ, что животному дано выраженіе его нравственной природы, его инстинкта; а въ рисованьи животныхъ, четвероногихъ или птицъ, самый важный пред-

метъ—мина его, фізіономія, т. е. господствующее и случайное выраженіе его нравственной природы, проявляющееся преимущественно въ головѣ (какъ у человѣка въ лицѣ), т. е. въ глазахъ, губахъ, ушахъ и проч. Формы статей животнаго нарисовать легко привычному художнику, но дать фізіономію—очень трудно; на это нуженъ талантъ. Рубенсъ не совсѣмъ твердо зналъ статьи изображаемыхъ имъ звѣрей и не считалъ, вѣроятно, важнымъ ихъ изученіе; въ звѣряхъ великаго мастера можно найти много ошибокъ, но мину каждого онъ умѣлъ выразить превосходно. Поль-Поттеръ и нѣкоторые другіе славятся также собственно умѣньемъ дать должное, естественное выраженіе животному. Изъ современныхъ—Брасъ—Каза, Роза-бонѣръ и Фербукговенъ, уступая П. Поттеру въ пейзажѣ и достоинствѣ кисти, едва-ли не превосходятъ и его и всѣхъ прежнихъ художниковъ способностію дать животному его фізіономію. Мину и характеръ собственно лошади лучше Орловскаго до сихъ поръ никто не передавалъ, хотя онъ пренебрегалъ вѣрностію въ подробностяхъ лошади. Знаменитыя лошади Карла Вернета были хороши только для своего времени, потому что были тогда лучшими; въ нихъ, конечно, есть достоинства, но недостатковъ гораздо больше.

Только въ наше время художники стали обращать вниманіе на тщательное изображеніе животныхъ и рисованье ихъ съ натуры; въ древности и въ среднихъ вѣкахъ писали какихъ-то условныхъ, принятыхъ лошадей, коровъ, собакъ и проч., а вовсе не настоящихъ; у самаго Рафаэля инныя лошади какъ будто набиты ватой, а у другихъ тогдашнихъ художниковъ онѣ похожи на что угодно, только не на лошадей.

Хорошо, что поклоненіе авторитетамъ прошло невозвратно; теперь я смѣло могу сказать то, о чемъ прежде не смѣлъ-бы и подумать; такъ напр. замѣчу еще, что немногія изъ прославленныхъ лошадей Вувермана довольно удачны; остальные больше нежели слабы, даже и бѣлыя, которыхъ онъ такъ любилъ рисовать. Теперь всякій открыто согласится, что знаменитые Кони древности, и мраморные и брон-

зовые, очень не хороши, особенно послѣ лошадей барона Клодта. Конечно, все это знают и понимаютъ одни знатоки; публика же, издавна привыкнущая къ условнымъ животнымъ, совершенно удовлетворяется всѣми старыми рисунками; классицизма еще очень много и въ области искусства.

Но знающіе люди, съ развитыми понятіями въ искусствѣ, и у которыхъ есть англійскіе и французскіе рисунки животныхъ, съ досадою и огорченіемъ смотрятъ на рисунки русскіе и не рѣшаются покупать ихъ. У насъ иной желалъ бы имѣть портретъ своей лошади или собаки, — знаменитаго скакуна или рысака; заказываетъ рисунокъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ, и получаетъ не только не портретъ, но часто даже не лошадь и не собаку, а какое-то фантастическое животное, небывалыхъ статей. Исключеній мало. Въ литографіи же рисунки эти выходятъ, если можно, еще хуже.

Теперь мы, кажется, можемъ утѣшиться: художникъ, который такъ хорошо нарисовалъ перепелку, тетерева и оленя, можетъ, вѣроятно, нарисовать и лошадь и собаку и всякое животное,—по крайней мѣрѣ послѣ нѣсколькихъ опытовъ. Мы много обязаны г. Мину за прекрасные полтипажи, за весь журналъ его и за то, что показалъ намъ хорошаго рисовальщика.

Замѣчу и неудачные рисунки; но ихъ немного, только два, три: Англійская борзая собака, *Лолла-Монтесь*, не хороша; у нея уступъ отъ лба къ носу крутъ и великъ, и ноги не борзой собаки, но датской, кромѣ того что одна нога короче другой. Но такъ какъ это копія съ портрета знаменитой собаки, то художникъ, можетъ быть, и не виноватъ въ недостаткахъ этого рисунка. Не хорошъ и террьеръ *Тини*, у котораго на ногахъ не видно пальцевъ; не удачна литографія, изображающая оленя въ водѣ, при статьѣ «олений ревъ». Не совсѣмъ хороша и фантастическая виньетка на заглавномъ листкѣ; рисунокъ не изященъ и какого-то непонятнаго смысла.

Всѣ эти мелочи ничтожны въ сравненіи съ достоинствомъ прочихъ рисунковъ. Журналъ г. Мина очень хорошъ;

жаль только, что книжки слишком тонки, — на мѣсяць чтенія мало и хотя это, конечно, лучшая похвала журналу, тѣмъ не меньше это его недостатокъ.

Но пріятное расположеніе духа, которое произвелъ на меня «журналъ охотъ», было не продолжительно; мнѣ случилось вскорѣ быть и въ литературныхъ кругахъ и между охотниками; и что же — въ обоихъ кругахъ рѣдкіе знали о существованіи «журнала охотъ,» никто не читалъ и многіе не видали его; я долго не вѣрилъ самой очевидности, но наконецъ пришлось повѣрить цифрамъ, когда узналъ, что у издателя журнала въ теченіе прошлаго года было съ небольшимъ сто подписчиковъ, только сто подписчиковъ!

Долго искалъ я причины этого невниманія нашихъ охотниковъ къ ихъ специальному журналу; но если бы даже и нашелъ эту причину, то не все можно сказать, что думаешь о знакомыхъ, друзьяхъ и незнакомыхъ.... Между тѣмъ, читать «журналъ охоты» любопытно и не однимъ охотникамъ; всѣ любятъ и всѣ читаютъ рассказы объ охотахъ; почему же такъ мало подписчиковъ на журналъ? — Пусть бы не знали о его существованіи не-охотники; но какъ не удивляться тому, что наши спортсмены не только не получаютъ его, но даже не знаютъ, что издается новый журналъ охоты, — тогда какъ многіе изъ нихъ читаютъ «Смѣхъ», «Весельчакъ», «Забавникъ», и проч. современные издѣлія промышленниковъ?.... Или мы не привыкли видѣть у себя хорошія изданія, потому что прежнія иллюстрированныя изданія, съ «изящными» картинками лубочнаго изданія, отбили охоту у всѣхъ? Можетъ быть. Но это-ли единственная причина малаго числа подписчиковъ на журналъ охотъ? Нѣтъ-ли другой? Не боимся ли мы нѣсколько компрометировать себя, получая «журналъ охотъ,» мы, солидные, занятые люди, — агрономы, хозяева, дѣльцы?.... Притомъ журналъ этотъ у насъ еще новость, а все новое принимается въ Россіи туго,—до тѣхъ поръ, пока не примутъ его иные господа высшихъ для насъ кружковъ; тогда, напротивъ, новое распространяется у насъ исполинскими шагами. Вѣроятно въ будущемъ году подписчиковъ на этотъ журналъ

будетъ гораздо больше, — когда публика услышитъ, что журналъ хорошъ, картинки дѣйствительно изящны и цѣна очень дешева; а если книжки будутъ потолще, то успѣхъ журнала будетъ еще вѣрнѣе: охотники живутъ преимущественно въ деревнѣ, а тамъ чтенія мало. Отъ души желаю, чтобы извѣстные наши спортсмены получали журналъ г. Мина и чтобы книги его лежали у нихъ на столѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ.

■. ■.

С М Ъ С Ъ.

Иезуиты до Иезуитовъ.

Этотъ разсказъ, предлагаемый нашимъ читателямъ, носитъ на себѣ всѣ признаки истины исторической; онъ заимствованъ изъ Записокъ, составленныхъ на латинскомъ языкѣ Іоанномъ Гобелиномъ, викаріемъ Боннскимъ, секретаремъ папы Пія II, при которомъ происходило событіе. Полное заглавіе книги Гобелина слѣдующее: «*Libri XII commentariorum de rebus a Pio II Papa, seu potius sub ejus paratu gestarum*». Она просмотрѣна и издана 1583 года архіепископомъ Сенскимъ Францискомъ Пикколомини въ Римѣ.

Въ папскомъ городѣ Болоньѣ, знаменитомъ древнѣйшимъ въ мірѣ Университетомъ, славномъ своими соборами, красивыми церквами, палаццами, фонтанами, наклонившимися башнями, около половины XV столѣтія, поселился Французъ, по имени Жераръ, одинъ изъ тѣхъ обитателей Транзальпійской Галліи, которые приходятъ на чужбину, чтобы нажитья какъ можно побольше, какъ можно поскорѣе, средствами какими бы то ни было. Въ Болоньѣ онъ открылъ лавку картинъ, статуй, стараго оружія и проч. и проч., и, ложною божбою, обманомъ и лихвеннымъ ссудами достигалъ назначенія своей жизни безбѣдно.

Въ концѣ мая 1453 года, разнеслась въ Италиі вѣсть о событіи, горестномъ для всего христіанства, о завоеваніи Константинополя Османскими Турками. Скоро Греки, прибывшіе въ Италию, разсказали Итальянцамъ, какъ Магометъ II, пушкою неслыханной величины, громилъ стѣны Византійскія, какъ онъ перетаскилъ свои корабли сухимъ путемъ изъ Воспора въ Золотой Рогъ, какъ защищались Греки и какъ палъ доблестный Констан-

тинъ XI, послѣдній Палеологъ; потомъ, когда паши Султановы покорили Фракію, Македонію, самъ Магометъ, раздраженный сопротивленіемъ Скандербега и Іоанна Гуниада, грозилъ одною рукою Риму, другою Персіи и Египту. Папы Николай V и Каликстъ III велѣли проповѣдывать во всемъ католическомъ мірѣ по церквамъ, вооруженный походъ противъ магометанъ, духовные вити запада непрестанно повторяли: «кто вооружится на борьбу съ врагами церкви, тотъ здѣсь увѣнчается славою земною, а по смерти заслужитъ награду небесную.»

Услышалъ и Жераръ о воззваніи къ всеобщему вооруженію противъ Магомета II, и, о удивительное событіе! не стало въ Болоньѣ извѣстной лавки Жерара: онъ свелъ свои счеты, обратилъ все имущество въ наличныя деньги и, съ тридцатью другими пилигримами, отправился въ Римъ: онъ болѣе всѣхъ скорбѣлъ о незаслуженной участи Византіи, ненавидѣлъ Турокъ, удивлялся Скандербегу. Тридцать богомольцевъ обратились въ Папскую Канцелярію съ просьбою о пособіи для Крестоваго похода на Сарацинъ. Но въ Папской Канцеляріи отказали въ пособіи всѣмъ тридцати пилигримамъ, и — Жераръ, печальный, разочарованный недостаткомъ ревности римскаго первосвященника, поселился въ Мантуѣ, для занятія какою-то другою промышленностію.

Прошло пять лѣтъ: образованные Греки толпами выселялись въ Италію, принося съ собою науку, искусства, утонченную жпзнь; Греками интересовалось самое лучшее итальянское общество. Каликсту III Борджіа, извѣстному только тѣмъ, что онъ, просмотрѣвъ процессъ Жанны д'Аркъ, призналъ ее мученицею, пре-емствовавъ Пій II (1456), прежній Эней Сильвій Пикколомини. Папа былъ знаменитѣйшій изъ всѣхъ римскихъ первосвященниковъ XV столѣтія, талантъ необыкновенный; сынъ бѣднаго крестьянина, онъ успѣлъ пріобрѣсти обширныя свѣдѣнія; былъ теологомъ, ораторомъ, дипломатомъ, юристомъ, историкомъ, географомъ, писалъ романы и даже недурные стихи, былъ епископомъ, секретаремъ императора Фридриха III на Базельскомъ Соборѣ, кардиналомъ и сталъ наконецъ папою; Пій II соединялъ съ ученостию глубокое знаніе людей и изворотливость; извѣстно, что, бывши въ службѣ у императора, онъ, въ духѣ тогдашняго времени, скучавшаго владычествомъ папъ, искусно доказывалъ достопочтеннымъ отцамъ Собора, что папа никакъ не можетъ быть выше Собора; но въ это время, ставши папою, онъ благоговѣнно утверждалъ совершенно противное. Пій зналъ людей и хорошо понималъ, и даже переложилъ въ стихи поговорку (и у

насъ на Руси существующую): «чего не сможет ч...., туда бабу пошли» *).

Этотъ папа зачѣмъ-то прибылъ въ Мантую; къ нему явился Жераръ; онъ представилъ святѣйшему отцу, что уже склонилъ многихъ ратниковъ предпринять походъ противъ невѣрныхъ, что число ихъ еще увеличится, если преемникъ св. Петра дастъ ему дозволеніе составить братство, *братство Иисуса*, и обнарудетъ индульгенцію, по которой лица, поступившія въ эту конгрегацию, получили бы отъ святѣйшаго отца полное отпущеніе грѣховъ (*plenaquam peccatorum remissionem*). Верховный владыка западнаго христіанства взглянулъ на Жерара и — задумался: видно было, что прежній Эней Сильвій Пикколомини былъ въ настоящемъ недоумѣніи.

Но тутъ выступаетъ другое лицо, также знаменитое въ исторіи того времени, епископъ Никейскій, Легатъ Болоньи, протекторъ Доминиканцевъ и Францисканцевъ, кардиналъ-епископъ Виссаріонъ. Виссаріонъ, погибшій сынъ Православной Восточной Церкви, родился въ Малой Азіи, на границѣ Арменіи и области Трапезунтской; онъ приобрѣлъ огромную ученость, сталъ епископомъ Никейскимъ, искусно спорилъ съ Латинами на Флорентійскомъ Соборѣ, но все-таки измѣнилъ православію Восточному; въ это время, именуясь патриархомъ Цареградскимъ, онъ жилъ въ Римѣ, покровительствуя ученымъ, особенно ученымъ Грекамъ, которые въ его палаццо, вмѣщавшемъ, кромѣ жилища ласковаго хозяина, знаменитую, по тогдашнему времени, бібліотеку, имѣли постоянныя собранія.

«Я ручаюсь за брата Жерара, святѣйшій отецъ», сказалъ ученый прелатъ, почтительно приблизившись къ владыкѣ Римской Церкви. «Братъ Жераръ легко можетъ собрать до десяти тысячъ воиновъ, которые очень могутъ помочь храброму Венгерцу Гунааду. Святѣйшій отецъ! Петръ Пустынникъ, человѣкъ малый и презрѣнный, не сдѣлалъ ли великихъ дѣлъ въ то время, когда Готфридъ Бульонскій велъ христіанское ополченіе въ Святую Землю? Отчего же наше время не можетъ произвести того, что произошло во времена прежнія? Отчего не можетъ повториться то, что сталося одинъ разъ? Я полагаю, что доброму Жерару надобно дать всѣ средства, о которыхъ онъ проситъ.»

*) Non audeat Stygius Pluto tentare,
quod audeat

Effrenis.... plenaque
fraudis anus.

Пій II, какъ извѣстно, заботился и самъ составить Крестовый походъ противъ Оттомановъ; онъ побуждалъ къ нему умнаго Карла VII, короля французскаго, могущественнаго Филиппа, герцога Бургундскаго, правителей Республики Венеціанской; теперь, убѣжденный доводами протектора Доминиканцевъ и Францисканцевъ, онъ благословилъ Жерара на основаніе общества Иисуса; главнымъ условіемъ для поступленія въ него было то, чтобы каждый братъ былъ въ состояніи на собственное иждивеніе вести войну съ врагами христіанства въ теченіе одного года. Жераръ, получивъ всѣ документы, рекомендательныя письма, воззванія, объясненія, отправился въ Галлію и Бургундію.

Прошло три года отъ основанія общества Иисусова; въ Римѣ о немъ почти забыли. На четвертый годъ прибылъ въ Римъ одинъ изъ будущихъ Жераровыхъ спутниковъ въ походѣ на Турокъ. Составитель общества сообщалъ кардиналу-епископу Виссаріону самыя благопріятныя вѣсти: четыре тысячи воиновъ, призванные проповѣдью Жерара, были готовы выступить въ прежнюю Греческую Имперію, для изгнанія изъ нея Оттомановъ; нужно было только, чтобы святѣйшій папа снарядилъ и благословилъ большое знамя для ополченія, чтобы онъ также разрѣшилъ отпустить нѣкоторую сумму денегъ для общихъ потребностей войны, и, кромѣ того, 200 золотыхъ для великодушнаго составителя ополченія Жерара, потому что ему нужно выкупить сына, котораго онъ отдалъ въ залогъ кредиторамъ. Виссаріонъ, въ радости отъ такихъ извѣстій, поспѣшилъ явиться къ папѣ, представилъ ему посланника общества Иисусова, показалъ письма, имъ полученныя, и просилъ верховнаго владыку Римской Церкви, чтобы онъ не упускалъ столь счастливаго случая помочь христіанамъ въ борьбѣ съ невѣрными.

«Это похоже на бредни,» сказалъ съ запальчивостію Пій II, «все это выдуманно, чтобы выманить у насъ деньги. Я намѣренъ, продолжалъ онъ, вручить знамя преемниковъ св. Петра только человѣку, всѣмъ извѣстному, испытанному. Что касается до пособія, то это дѣло не маловажное; его можно дать не всякому; да и давши одинъ разъ, можно еще полатиться: обманщики хитры, а 200 золотыхъ для выкупа Жерарова сына, конечно, сумма небольшая, но велика честь нашего племени!»

Папа, однако, дозволилъ отправить къ Жерару вѣрнаго человека, давъ ему 200 золотыхъ; онъ долженъ былъ повѣрить справедливость донесенія Жерарова и, если въ немъ нѣтъ об-

мана, отдать составителю ополченія эти деньги, а ополченцамъ объявить, что вспоможеніе для похода противъ невѣрныхъ будетъ отправлено въ непродолжительномъ времени.

Отправленъ былъ къ Жерару нѣкто Лука; этому же Лукѣ поручено видѣться и съ Филиппомъ, герцогомъ Бургундскимъ, который еще прежде обѣщалъ папѣ предпринять Крестовый походъ; приказано было напомнить герцогу объ обѣтѣ, спросить его, почему онъ его не исполнилъ, и вообще заботиться, чтобы Филиппъ обѣщанія своего не оставилъ. Лука нашелъ Жерара, по прежнему, въ окрестностяхъ Мантуи, но сосѣди его говорили, что онъ ѣздитъ въ чужія земли, и часто говоритъ о намѣреніи своемъ составить Крестовый походъ въ защиту Грековъ. Спрошенный Лукою объ успѣхахъ общества Иисуса, Жераръ объявилъ, что многіе князья, рыцари и мужи благородные объявили рѣшительное намѣреніе вступить въ воинственное братство, что герцогъ Филиппъ хочетъ послать въ походъ своего сына Шаролэ, если святѣйшій папа наименоуетъ его торжественно вождемъ Общества Иисусова.

Этотъ отзывъ нѣсколько успокоилъ Луку, и онъ отправился въ Бургундію, гдѣ, по словамъ Жерара, до четырехъ тысячъ крестоносцевъ готовы были двинуться на востокъ, и гдѣ были собраны въ значительномъ количествѣ припасы къ походу. Прибывъ въ Дижонъ, главный городъ Французской Бургундіи, Лука прилежно распрашивалъ о крестоносцахъ и припасахъ, никто ничего не зналъ; онъ воротился къ Жерару и началъ сильно обличать его въ обманъ противъ главы христіанства.

«Да ты былъ въ какой Бургундіи?» спросилъ его Жераръ. «Я былъ въ Дижонѣ», отвѣчалъ повѣренный Виссаріона. «Такъ въ этой Бургундіи нѣтъ ничего», говорилъ Жераръ, «я разумѣлъ не эту Бургундію, а Брабантъ и Фландрію, — земли, которыя составляютъ главныя владѣнія Филиппа Бургундскаго. Тебѣ, почтеннѣйшій Лука, надобно отправиться туда; тамъ ты найдешь нѣсколько тысячъ воиновъ, соединенныхъ въ общество Иисуса.» Желая доставить окончательныя свѣдѣнія кардиналу-епископу, и надѣясь, можетъ быть, и самъ войти въ сношенія съ лицами знатными, Лука направился въ Брюссель, вытерпѣвъ на пути много опасностей, и наконецъ, прибывъ въ столицу Филиппову, убѣдился, что Жераръ есть наглый обманщикъ; Епископы говорили, что они совсѣмъ не знаютъ проповѣдника Жерара; никто не слышалъ ничего объ Обществѣ Иисусовомъ. Только одинъ изъ придворныхъ герцога вспомнилъ, что при дворѣ

Карла VII, короля Французскаго, былъ какой-то Жераръ и просилъ дозволенія составить воинственное общество; оно должно быть составлено по его плану, подъ предлогомъ похода противъ Турокъ, но, что самый походъ, по политическому соображенію, долженъ направиться въ другое мѣсто и для осуществленія другой цѣли, именно: войско крестоносное должно сѣсть на корабли въ Анконѣ, но, не пускаясь далеко въ Адриатическое море, пристать опять къ берегу Италіи, въ Пиценѣ, вторгнуться въ Абруццы, и, свергнувъ Фердинанда Неаполитанскаго, утвердить на престолѣ Рената. Этотъ Ренатъ, прозванный *le bon roi René*, герцогъ Анжуйскій, графъ Прованскій и титулярный король обѣихъ Сицилій, прежде, по правамъ Анжуйскаго дома, дѣйствительно царствовалъ въ Неаполѣ около четырехъ лѣтъ (1438—1442), но, выгнанный оттуда Альфонсомъ Арагонскимъ, онъ жилъ тогда спокойно въ Провансѣ, занимаясь живописью, музыкою и стихами трубадуровъ; однако, въ Неаполѣ дѣйствовала въ пользу его Анжуйская партія, недовольная правленіемъ незаконнорожденнаго сына, преемника Альфонсова, Фердинанда I, государя жестокаго и ложнаго, который основалъ свою власть на одномъ страхѣ. Карлъ VII, однако, отвергнувъ такой политическій планъ Жерара, не потому, чтобы онъ не довѣрялъ составителю его, но потому, что это запрещала ему совѣсть и христіанская нравственность. «Предпріятіе», говорилъ онъ, «основанное на цѣли религіозной, никогда не должно быть низводимо до цѣлей житейскихъ.» На этотъ разъ Лука думалъ о мѣрахъ захватить Жерара, но хитрецъ, уже знавшій о благополучномъ прибытіи папскаго повѣреннаго въ Брюссель, постарался, чтобы его никакъ невозможно было отыскать.

Этотъ разсказъ находится, какъ сказано, въ запискахъ Гобелина, секретаря папскаго; добрый прелатъ, кончивъ повѣсть свою, сдѣлалъ только одно замѣчаніе, относящееся къ Жерару, что проповѣдь о Крестовомъ походѣ противъ Турокъ — папа не на добрую землю. Но разсказъ этотъ для читателей «Русскаго Слова» взять нами не прямо изъ сочиненія Гобелина, теперь весьма рѣдкаго, а при составленіи его служила другая книга одного ученаго XVII столѣтія, по имени Шельгорна, подъ заглавіемъ: «Красоты Исторіи Церковной» (*Amoenitates Historiæ Ecclesiasticæ*), въ которой, впрочемъ, повѣсть о Жерарѣ приведена отъ слова до слова изъ «Записокъ» Гобелина. Шельгорнъ, добрый католикъ, знавшій на опытѣ дѣла новаго Общества Іисуса, которое основано Игнатіемъ Лойолою, сдѣлавъ извлеченіе

изъ Гобеллина, присоединилъ свои два замѣчанія: *во-первыхъ*, что братія Общества Іезуитовъ, вѣрно, очень огорчились бы, если бы кто вздумалъ это первое Жерарово Общество Іисуса представить прототиномъ Общества Игнатіева; *во-вторыхъ*, что весьма сомнительно, назвалъ ли бы Игнатій свое общество именемъ Общества Іисусова, если бы онъ прочиталъ въ книгѣ Гобелиновой о первобытномъ Жераровомъ военномъ братствѣ этого имени.

М. Касторскій.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПУТЕШЕСТВІИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

ГЛАВА IV.

Трудно себѣ представить что либо живописнѣе этого хребта горъ, отдѣляющаго Австрію отъ Адриатическаго моря, такъ называемаго Зимерлинга. (*) И трудно измѣрить, оцѣнить достойно смѣлость человѣка, который прокладываетъ себѣ путь, не взирая ни на какія преграды, поставленныя ему природою, просверливаетъ гору, обвиняетъ другую, перекидываетъ смѣлый виадуктъ надъ пропастію; летитъ на всѣхъ парахъ по узкому пути, несется, какъ бы смѣясь надъ всѣми трудностями, которыя онъ преодолѣлъ своимъ разумомъ, и, словно, постоянно трюнить надъ сѣдловатыми вершинами, спокойно наблюдающими за нимъ и надъ тѣми столѣтними соснами, выросшими въ скажинахъ скалы, которыя, качая отъ вѣтра то вправо, то влево свои верхи, кажется, не довѣряютъ ему, не могутъ понять этой смѣлости, этой отваги.

Хотя изобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ, доставивъ неопровергаемыя удобства всѣмъ путешественникамъ, въ то же время отняло многое того, что составляло именно постоянную прелесть каждаго пути для настоящаго туриста, но въ это же время, въ иныхъ случаяхъ, я думаю, оно даже увеличило нѣкоторымъ образомъ это впечатлѣніе мѣстности, о которомъ мы обыкновенно такъ много сожалѣемъ, говоря о желѣзныхъ дорогахъ.

Правда, если кто одаренъ способностями — заснуть тотчасъ послѣ обѣда, даже если онъ принужденъ пообѣдать наскоро въ

*) Слово, искаженное географическими учебниками. Словено-венгерски обозначаетъ оно гору, гдѣ холодно, куда зима раньше заходитъ. Пишется собственно — мѣстными обывателями: *Зимирина* (Zimierina).

помѣхахъ и сѣсть, не успѣвъ и докончить послѣдняго блюда, въ довольно неудобно устроенную для сна карету, то весьма легко будетъ такому путешественнику проспять весь поѣздъ Зимерлинга и, заснувъ еще посреди весьма живописной однообразной природы, проснуться на отлогомъ, плоскомъ берегу Адриатическаго моря; — придется развѣ ему, если онъ совершаетъ путь въ началѣ декабря (новаго стля), удивиться въ просонкахъ чрезвычайнымъ измѣненіямъ климата: когда онъ заснулъ, было холодно, все вокругъ него было покрыто снѣгомъ; ему объясняли этотъ холодъ близостію горъ; вѣтеръ проникалъ неистово сквозь складки его пальто; онъ жался къ задней подушкѣ кареты, завертывался, какъ только могъ, въ свое пальто, окутывалъ шею шерстянымъ платкомъ, старался ужать всю свою голову, уши и глаза, носъ и даже ротъ въ теплую свою шапку, и считалъ себя счастливымъ, что у него была теплая шапка; теперь же онъ просыпается и видитъ, что пальто его растегнулось, шапка, Богъ ее знаетъ, можетъ быть, свалилась къ ногамъ, кашне развязался, а ему тепло; окно, которое онъ наглухо закрылъ передъ сномъ, открыто и въ него вѣетъ пріятный теплый вѣтерокъ. Поѣздъ останавливается; путешественникъ выходитъ изъ кареты и ему хорошенькая (можетъ быть, не хорошенькая, но въ этомъ случаѣ она ему кажется хорошенькою) цвѣточница предлагаетъ букетъ свѣжихъ фіалокъ. Онъ всего успѣлъ соснуть немножко, часика три, по обыкновенію, и готовъ былъ даже извинить этотъ сонъ холодомъ, который пронизалъ всѣ его члены. И вотъ ужъ онъ перенесенъ въ другой міръ, въ другой край.... Онъ заснулъ въ Германіи, а проснулся въ Итали.

Впечатлѣніе громадное.... Эти двѣ противоположности должны непременно поразить каждого.... Но не то еще могъ бы увидать и прочувствовать нашъ путешественникъ. Онъ не только проспалъ тутъ огромное пространство земли — онъ проспалъ одну изъ поражающихъ картинъ, которыя могутъ когда либо представиться человѣку даже въ воображеніи. Вотъ почему я и не послѣдовалъ этому способу: — истинно грѣшно тутъ спать.

Мы выѣхали изъ Вѣны часовъ въ 9 утра. Такъ-какъ со мною было довольно большое семейство, мы наняли цѣлое отдѣленіе вагона, а потому, не смотря на то, что вагоны въ Австріи далеко не такъ удобно устроены, какъ, напримѣръ, на нашей Мѣсковской желѣзной дорогѣ, мы размѣстились довольно удовлетворительно. Съ утра небо было пасмурно; вѣтеръ очень

силень и холодъ чувствителенъ. Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ кажется, холодъ въ Россіи какъ-то пріятнѣе, словно гостеприимнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Прошу извиненія, если это покажется кому либо послѣдствіемъ избытка патріотизма. Дѣло въ томъ, что погода была вовсе не привлекательная, и каждый изъ насъ, завертываясь, во что попало, старался кое-какъ согрѣться. Поѣздъ остановился на четверть часа у какой-то станціи, которой имя я не припомню, для обѣда. Мы выѣхали уже въ горы, а потому и холодъ и вѣтеръ усилился; еще къ тому же что-то въ родѣ замороженнаго дождя или полуснѣга стало падать съ облаковъ, которыя нависли сѣрою сплошною массою надъ головами.

Когда мы вернулись послѣ обѣда въ вагоны, увидѣли, что повсюду лампы освѣщены, а было еще свѣтло, не смотря на темную погоду, потому что это было въ два часа по полудни. Намъ объяснили, что мы проѣдемъ черезъ нѣсколько тоннелей, которые довольно длинны, а потому, чтобъ не оставлять путешественниковъ въ темнотѣ во время этихъ переѣздовъ, и засвѣтили эти лампы. И подлинно, черезъ полчаса не болѣе отъ станціи, поѣздъ нашъ вырнулъ въ скалу и пропалъ въ ней почти на 10 минутъ. Когда мы выѣхали изъ тоннеля, вся обстановка перемѣнилась, словно декорация на театрѣ. Холодъ былъ все тотъ же, но небо гораздо яснѣе; облака катились спокойно надъ головами и солнце ярко освѣщало всю картину, — а какая картина!

Путь, по которому бѣжалъ нашъ поѣздъ тотчасъ послѣ выхода изъ подъ горы, сворачивалъ вправо: онъ обвивалъ узкою лентою огромную массу горъ, которыхъ вершины, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, прорѣзали облака, и въ то же время влѣво отъ насъ, взглядъ терялся въ пропасти, глубину которой нельзя было измѣрять, а между нашимъ вагономъ и этою бездною ничего кромѣ колышковъ, которые, конечно, поставлены тутъ скорѣе для виду, чѣмъ для предохраненія: они не въ силахъ были бы удержать насъ и еслибъ локомотивъ наткнулся на своемъ пути на камень, или на что другое, мы всѣ превратились бы въ одно мгновеніе въ массу зубчистокъ, или чего нибудь въ этомъ родѣ, что вѣтеръ разнесъ бы тотчасъ же кругомъ.

Поѣздъ нашъ поминутно перелеталъ съ одной стороны этого оврага на другую: то пропадалъ на нѣкоторое время въ новый тоннель, и каждый разъ, какъ мы выѣзжали изъ подъ горы, открывалась новая панорама горъ со снѣжными вершинами, овра-

говъ, въ глубинѣ которыхъ текутъ рѣки и кажутся ручейками, или едва замѣтными для зрѣнія: такъ высоко мы бѣжимъ на всѣхъ парахъ

Весь переѣздъ этотъ черезъ Зимерлингъ продолжается не болѣе трехъ или четырехъ часовъ, но все это время мы всё такъ и сидѣли у окна: нельзя оторваться отъ этой картины, — до того она очаровательно хороша! Передать на бумагѣ всю красоту, всю мощность этой природы я не берусь; могу только всякому, у кого есть время и кто любитъ восхищаться красотами природы, посоветовать съѣздить изъ Вѣны въ Триестъ по желѣзной дорогѣ, и, вполне увѣренъ, что всѣ будутъ довольны моимъ совѣтомъ.

Въ прежнее время, «dans le bon vieux temps», какъ говорятъ Французы, когда нужно было употребить, по крайней мѣрѣ, трое сутокъ, чтобы совершить этотъ путь — любители-туристы, можетъ быть, имѣли случай восхищаться всѣми этими чудесами горной природы въ болѣшихъ подробностяхъ, чѣмъ я, напримеръ, теперь, но врядъ ли они въ то время могли прочувствовать то, что я прочувствовалъ при этомъ скоромъ, бѣгломъ обзорѣ, на парахъ, всей цѣпи горъ въ продолженіе трехъ часовъ. Тутъ и громадность гранитныхъ глыбъ, и утесы и обвалы, и ручьи, и водопады все промелькнуло разомъ предо мною.

Ужъ начало смеркаться. Поѣздъ нашъ снова нырнулъ въ скалу; меня предупредили, что это послѣдній тоннель и что онъ чрезвычайно длиненъ. И въ правду, мы въ немъ остались болѣе четверти часа. Когда мы выѣхали изъ него, картина вся измѣнилась: мы были уже въ Италіи.

Утесы, овраги, снѣга и различные мхи, — все пропало; отлогій скатъ горы терялся вдали. Все измѣнилось: растительность совершенно другая — уже ни сосенъ, ни ели: все дубъ, кленъ, тополи, различные листовые кусты и деревья. Въ окно пахнуло теплымъ приморскимъ воздухомъ, и черезъ нѣсколько минутъ стали мелькать вдали огоньки — то былъ Триестъ.

Триестъ ровно ничѣмъ не замѣчателенъ для туриста-путешественника. Для Австріи это — главная приморская гавань, центральный пунктъ ея торговаго общества *Млода*, и мало ли что еще... Но для меня, такъ какъ, къ счастью, я нисколько не причастенъ компаніи *Млода*, которая, между прочимъ, какъ теперь говорятъ, не въ весьма хорошемъ положеніи, потому что не могла такъ выгодно, какъ предполагали прежде, выдержать конкуренцію нашего Русскаго торговаго общества и Французской

новой компаніи, такъ для меня, повторяю, Триэсть — только чистенькій, довольно хорошій городокъ, выстроенный на берегу Адриатическаго моря и защищенный горами Зимеринга отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, а потому пользующійся довольно сноснымъ климатомъ. Мы въ немъ оставались одинъ день, ожидая отъѣзда парохода въ Венецію, и воспользовались этимъ, чтобъ отдохнуть немного и чтобъ осмотрѣть городъ. Одного дня истинно достаточно для того и другого.

Единственное, что заслуживаетъ хотя нѣкотораго вниманія — это разнаго рода мастерскія, принадлежащія компаніи *Алоуда*. Осматривая ихъ, я видѣлъ очень искусно придуманныя машины, которыя дѣйствуютъ парами, а потому имѣютъ страшную силу, такъ — что рубить, рѣжутъ желѣзо, выбиваютъ изъ толстой доски его кружки и т. п., не болѣе какъ въ нѣсколько секундъ времени. Но все это могло быть удивительнымъ гдѣ 15, 20 тому назадъ; теперь же, въ эти немногіе годы, мы совершенно, какъ кажется, окончательно потеряли способность удивляться: всё и вездѣ дѣлается уже машинами, и остается развѣ удивиться тому, какъ еще не придумали машину, чтобъ строить дома, а кстаті и жителей для нихъ?

На другой день утромъ, когда я проснулся и велѣлъ подать себѣ кофе на балконъ, я увидѣлъ, что пароходъ, который долженъ былъ насъ перевезти въ Венецію, уже двинулся, а главное, дымъ изъ трубы шелъ плавно, ровно къверху, что доказало полную тишину воздуха. Это обстоятельство меня крайне порадовало, потому что я и прежде слышалъ, какъ пріятно Адриатическое море, когда оно вздумаетъ побушевать: часто даже пароходы не могутъ докончить свой путь и должны возвращаться въ портъ, что крайне непріятно.

Почему моря, сожнутыя берегами, каковы Адриатическое море или Балтійское, напримѣръ, всегда отличаются своими бурями, вѣтрами, всегда менѣе покойны для плаванія, чѣмъ большіе океаны? Не желаютъ ли они, можетъ быть, выказать свою силу, свою мощь, свое значеніе, такъ же точно, какъ нѣкіе разбогатѣвшіе или разжившіеся господа, желаютъ во что бы ни стало, выдать себя за знатныхъ людей, и, постоянно опасаясь, чтобы не узнали въ точности ихъ происхожденіе, а иногда и настоящее положеніе, постоянно и безъ устали разыгрываютъ въ жизни роль *m-me Jourdain* въ *Bourgeois Gentilhomme* Мольера. Если такъ, это могло бы послужить совершенно законнымъ извиненіемъ этимъ господамъ, это было бы доказательство тому,

что подобное стремленіе всегда выказываться и выдавать себя выше своего уровня, — истинно естественное стремленіе, что оно живетъ не только въ насъ самихъ, но и вокругъ насъ, въ самой природѣ, а потому мы уже не имѣемъ права порицать это чувство, должны скорѣе покориться ему, какъ необходимости.

Самый переѣздъ нашъ изъ Триеста въ Венецію былъ чрезвычайно счастливъ, и вполне оправдалъ ожиданія во все время солнце ярко свѣтило съ лазореваго свода неба, не отбѣненнаго даже облачкомъ, такъ что буря Адриатическаго моря осталась мнѣ извѣстна только по описаніямъ другихъ путешественниковъ.

Въ 5-мъ часу мы выѣхали въ такъ называемыя лагуны Венеціи, и вскорѣ нашъ пароходъ остановился въ «*Canal Grande*», не далеко отъ площади «Св. Марка.»

Венеція всегда представляла для меня цѣлый міръ своеобразной поэзіи. Ребенкомъ еще я вслушивался съ тревожнымъ волненіемъ во все, что мнѣ рассказывали объ этомъ городѣ, построенномъ на водѣ.... объ этихъ мрачныхъ гондолахъ, которыя тихо, безмолвно плывутъ по каналамъ, скользятъ у подножья мраморныхъ дворцовъ. Я давно жаждалъ провѣрить на самомъ мѣстѣ все, выслушанное мною, и съ нетерпѣніемъ старался разглядѣть съ палубы парохода и *Ponte dei Sospiri*, этотъ мрачный памятникъ золотаго вѣка Венеціи, и ряды дворцовъ прежнихъ дождей, площадей, церквей.... Одинъ видъ всего этого долженъ, мнѣ казалось, воскресить въ моемъ воображеніи всю исторію того страшнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ славнаго времени. Я даже думалъ услышать, проѣзжая мимо *Ponte dei Sospiri* или, зданія государственныхъ темницъ, который онъ соединяетъ съ дворцомъ дождей, плескъ воды отъ паденія чего-то тяжелаго, чего-то плотнаго, словно парусиннаго мѣшка, наполненнаго чѣмъ-то.... цѣлая драма со всѣми таинственными ужасами Совѣта Десяти являлись предо мною.

Но пароходъ, все медленнѣе и медленнѣе, сталъ двигаться; открыли какой-то клапанъ, и пары бѣлымъ облакомъ и съ особеннымъ свистомъ вылетѣли изъ маленькой трубы. Все засуетилось вокругъ меня. Къ нашему пароходу подъѣхала бездна гондолъ, мрачныхъ, темныхъ, точно катафаки. Изъ этихъ гондолъ, тотчасъ выскочила цѣлая толпа лон-лакеевъ, присланныхъ изъ разныхъ мѣстныхъ гостинницъ, чтобъ заманивать къ себѣ господъ путешественниковъ; они, какъ стая грачей, напали на насъ и — не хуже послѣднихъ — начали каркать на всѣ товы.

Наспу я могъ отдѣлаться отъ этой излишней услужливости. Къ счастью, я уже написалъ изъ Вѣны въ одну гостинницу, а именно въ Hôtel de la ville, и насъ ожидала особая гондола, присланная изъ этого дома. Мы успѣли, конечно, воспользоваться готовой лодкой и перенести въ нее все, что только можно было захватить съ собою; остальные же вещи должны были быть туда присланы позднѣе. Hôtel de la ville, куда мы приѣхали менѣе чѣмъ черезъ 10 минутъ, устроенъ въ одномъ изъ самыхъ древнихъ palazzo на Canal Grande, не далеко отъ Ponte Rialto, — это большое зданіе, все обложенное мраморомъ, очень граціозной архитектуры, что-то похожес на византійскую древнюю архитектуру, потому что школа, такъ называемая италіанскаго возрожденія (de la renaissance Italienne), прямо происходитъ изъ византійской школы, съ примѣсью еще мавританскаго элемента. То и другое легко объясняется частыми сношеніями Венеціи и прочихъ торговыхъ республикъ и городовъ Италіи съ Левантомъ, и вообще съ востокомъ. Архитектура эта, хотя не можетъ похвалиться чистотою линій и простотою рисунка наравнѣ съ истинно классическою архитектурою, какъ греческою, такъ и римскою, но чрезвычайно граціозна, неистощимо богата въ своихъ украшеніяхъ и полна разнообразія, а потому несомнѣнно имѣетъ свои достоинства.

Я даже долженъ сознаться, что всегда былъ большимъ поклонникомъ этого рода архитектуры и всегда съ восхищеніемъ любовался всѣми памятниками этого времени, которыми такъ богата вся Италія. Но вліяніе собственно византійской архитектуры нигдѣ не проявилось столь явственно, какъ въ самой Венеціи. Здѣсь, въ Соборѣ св. Марка, еще въ Palazzo Дожей и въ нѣкоторыхъ другихъ старыхъ дворцахъ, вы встрѣчаете совершенно тѣ же рисунки, тѣ же фасады, какъ въ другихъ памятникахъ византійской архитектуры, сохранившихся у насъ въ Россіи. Такъ, напримѣръ, если церковь св. Марка можетъ напомнить намъ своею несравненною самобытносію и своею разнородностію красокъ пестротою что либо, то это несомнѣнно храмъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ: какъ та, такъ и другой отличаются разноцвѣтностію своихъ стѣнъ, разнообразностію своихъ формъ. Въ церкви св. Марка еще, въ добавокъ, находятся въ самомъ фасадѣ нѣсколько образовъ древней византійской мозаики, и образа эти совершенно сходны съ нашими православными образами.

Когда я спустился съ палубы парохода въ глубину приго-

товленной для насъ гондолы, я, право, началъ сомнѣваться въ правдивости всѣхъ писателей, которые наперерывъ мнѣ восхваляли эти гондолы и описывали всѣ прелести прогулки вдоль венеціанскихъ каналовъ въ этой оригинальной лодкѣ съ чернымъ навѣсомъ.

Мнѣ было душно въ ней, а когда я высунулъ свою голову въ узенькое окошко, продѣланное въ шерстяномъ черномъ балахнѣ, меня поразили безлюдіе, тишина, какая-то одноцвѣтная сѣрая тѣнь, которая какъ бы легла на всю Венецію и придавала мрачный характеръ всему городу.

Время прошло уже для Венеціи: ей врядъ ли возвратитъ то значеніе, которымъ она славилась нѣкогда; она теперь вся ослабла, расхлѣбла, одрхлѣбла подъ гнетомъ австрійскаго владычества, которое терпитъ по неволѣ, потому что даже не осталось у ней довольно энергіи, чтобы противустать ему.... приходится ей только молча ненавидѣть своихъ властелиновъ и все-таки покоряться имъ.

Если наружный фасадъ Hôtel de la ville меня завлекъ въ такое длинное разсужденіе о характерѣ архитектуръ венеціанскихъ дворцовъ, если я не могъ не вспомнить съ восхищеніемъ этой легкой колоннады, поддерживающей сквозныя аркады, вытесанныя изъ бѣлаго мрамора, то мнѣ никакъ нельзя не остановиться снова, не припомнить великолѣпной лѣстницы этого палаццо и первую залу, которая служила передней гостиною.

Прежде всего васъ поражаетъ непременно богатство матеріаловъ, употребленныхъ въ постройкѣ. Вездѣ мраморъ разныхъ цвѣтовъ, порфиръ, яшма; потомъ самый рисунокъ до того оригиналенъ, до того изященъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что я не возьмусь его вамъ описать, — на словахъ не выразить всего. Но главное, что поражаетъ всякого наблюдателя, это — та отчетливость, съ которой все выполнено. Каждый столбъ, отъ рѣшетки лѣстницы съ низу до верху, покрытъ рѣзбою, и все это сдѣлано по камню и съ такою тщательною отдѣлкою, что могло бы найдти себѣ мѣсто въ любомъ музеемъ, какъ отдѣльное произведеніе искусства.

Зала обставлена кругомъ дубовыми старинными шкафами, также рѣзными, между ними висятъ маленькія старинныя венеціанскія зеркала, граненныя вокругъ разными арабесками и окоймленныя широкими рѣзными дубовыми рамами. Это — дубовыя шпрокія листья, которые изгибаются двойнымъ рядомъ, а въ нихъ то прячутся, то высовываются оттуда маленькіе амуры, также

рѣзные изъ дерева, но выкрашенные бѣлой краскою, и они ловко шалютъ; — кто на флейтѣ, кто на бубнахъ; передъ каждою такою рамою можно остановиться четверть часа и восхищаться ею. Подъ зеркалами поставлены длинныя, но довольно узкіе сундуки съ рѣзною переднею доскою, представляющіе часто сцены изъ тогдашней жизни. Эти сундуки дарились, въ то время, вмѣстѣ съ приданымъ, и потому сохранялись съ большимъ почетомъ — изъ рода въ родъ.

Потолокъ залы частію съ позолотой, частію съ деревянною рѣзбою и лѣпною работою, очень богатъ рисункомъ. Съ него спускаются двѣ большія люстры изъ венеціанскаго хрустала, а у входныхъ дверей залы стоятъ рѣзные изъ дерева и раскрашенные два негра въ разноцвѣтной одеждѣ и съ настоящими ожерельями, запястьями и серьгами. Они поддерживаютъ каждый красную подушку, на которой поставленъ бронзовый канделябръ.

Входя въ эту залу, мнѣ, право, стало совѣстно моего дорожнаго костюма, и я подумалъ, даже въ первую минуту, что мы ошиблись и вошли въ какой нибудь богатый барскій домъ, а не въ гостинницу.

Въ Германіи, или въ Англіи иначе понимаютъ цѣль и удобства гостинницы, и, если правду сказать, система англійская, или германская несравненно пріятнѣе для путешественника. Впрочемъ, человѣкъ ко всему скоро привыкаетъ, и черезъ нѣсколько минутъ, каждый изъ насъ уже отыскалъ свой уголокъ, свою комнату въ гостинницѣ и, предавши себя необходимымъ занятіямъ туалета, черезъ полчаса мы всѣ уже собрались опять въ большую залу, чтобъ осмотрѣть въ подробностяхъ ее, пока накрывали намъ столъ къ завтраку.

Одно огромное неудобство было всѣмъ единогласно признано, — это страшный холодъ, который мы всѣ ощущали въ этихъ залахъ, и который вѣялъ со всѣхъ сторонъ отъ каменныхъ стѣнъ, — такъ, чтобы согрѣться — намъ надо было открыть дверь на балконъ и выйдти на воздухъ: несравненно было теплѣе на террасѣ, обогрѣтой солнцемъ, чѣмъ въ вѣчно замкнутой залѣ, — а было уже начало декабря.

Въ началѣ cadaго путешествія, какъ въ началѣ впрочемъ всякаго новаго занятія, человѣкъ съ особенною горячію кидается на все: онъ растрчиваетъ разомъ всю свою энергію, всѣ свои силы, осматриваетъ съ любопытствомъ всѣ углы перваго города, въ который онъ вѣхалъ, и съ неимовѣрною любо-

знательностию, спрашиваетъ у своего проводника названіе каждой площади, улицы, имя архитектора, выстроившаго такой-то памятникъ, храмъ или дворецъ; узнаетъ вѣкъ и, если возможно, годъ, въ которомъ начата была постройка или окончена.

Всѣ эти подробныя свѣдѣнія, если не записаны тотчасъ же въ особую книжку, какъ это дѣлаютъ очень благоразумно туристы-англичане, конечно забываются тотчасъ же, не больше какъ черезъ недѣлю, если еще память путешественника очень хороша, а самъ путешественникъ устаетъ отъ этихъ бесполезныхъ, какъ онъ впоследствии узнаетъ, розысканій. Пылъ его любопытства охладѣваетъ мало по малу и ужъ онъ съ нѣкоторою улыбкою встрѣчаетъ въ другихъ городахъ нѣкоторыхъ туристовъ: въ клѣтчатыхъ коротенькихъ сюртукахъ, съ ярко рыжими бакенбардами, обыкновенно чрезвычайно худощавыхъ, чрезвычайно высокыхъ ростомъ, съ книжкою въ рукахъ, записывающихъ по-очередно все, что имъ рассказываетъ подлѣ стоящей проводникъ — *cicerone*.

Они забываютъ конечно, что и сами пережили эту болѣзнь неистовой любознательности. Правда, она у нихъ скоро прошла: но англичане—народъ положительный. Если они пріѣхали въ Италію, чтобъ ее разсмотрѣть, они должны все увидѣть, что только есть нѣсколько любопытнаго; они готовы возвратиться изъ Лондона на другой годъ въ Венецію, если ктонибудь имъ скажетъ, что въ Венеции, напримѣръ, жилъ очень долго и пользовался протекціей венеціанскихъ дождей извѣстный живописецъ Поль Веронезъ, а они не видали его дома, т. е. дома, гдѣ онъ именно жилъ, — а домъ ничего рѣшительно не имѣетъ особеннаго: — домъ — какъ домъ, на берегу не припомню уже какого канала, — даже можно сказать менѣе богатъ и оригиналенъ своею архитектурою, чѣмъ многіе другіе дома и дворцы частныхъ лицъ Венеціи.

Что истинно замѣчательно въ Венеции—это картина Веронеза, находящаяся въ городскомъ музеумѣ. Не смѣю прямо выдавать свое мнѣніе за рѣшительное, но мнѣ кажется, что это лучшее его произведеніе. Развѣ съ нимъ можетъ поспорить извѣстная его же картина «бракъ въ Капѣ Галлейской», которая считается одной изъ рѣдкостей Дрезденской галлерей.

Какъ горячій любитель живописи, я тотчасъ же, на другой день пріѣзда, отправился въ музеумъ: предполагая наслаждаться въ немъ болѣе, чѣмъ когда либо, но, къ сожалѣнію, замѣтилъ что венеціанскій музеумъ бѣденъ въ сравненіи съ другими

картинными галереями Италіи, — за то Веронезе его выше всякихъ похвалъ. Это громадное произведеніе замѣчательнѣйшаго представителя, такъ называемой, Венеціанской школы, представляетъ тайную вечерю.

Картина занимаетъ всю стѣну отъ полу до потолка залы и поставлена прямо противъ входной двери въ послѣднюю залу, такъ что .ее видно еще издали. Такъ — какъ зала освѣщена сверху, свѣтъ падаетъ равномерно на всю картину, освѣщаетъ ее повсюду, что очень много значитъ для общаго вида картины. Веронезе всегда отличается яркостію своего колорита, который, между прочимъ, сохраняетъ извѣстную гармонію во всей картинѣ, — но въ этомъ произведеніи эта яркость, живость красокъ еще болѣе, чѣмъ гдѣ либо, замѣчательна. Двѣ собаки изъ породы гончихъ, — борзыхъ, которыхъ Поль Веронезе очень любитъ помѣщать въ свои картины, точно выступаютъ изъ самой рамы: онѣ играютъ между собою, прыгаютъ — и невольно заглядываешься на ихъ игру, такъ и ждешь, что эта что справа, прыгнетъ на свою подругу. Конечно, собаки эти вовсе неумѣстны въ картинѣ, также точно, какъ и всѣ костюмы, лица, полныя анахронизмовъ, — но таковъ ужъ былъ вѣкъ: не только Веронезе, но и всѣ живописцы этого времени въ картинахъ своихъ позволяли себѣ одѣвать по произволу своему всѣхъ дѣйствующихъ лицъ.

Я знаю замѣчательную картину Тіеполо «Похищеніе Сабинокъ», въ которой Ромулъ сидитъ на террасѣ, поддержанной мраморной колоннадой, а сами Римляне, похищающіе будущихъ своихъ женъ, одѣты въ латахъ и каскахъ. Конечно, люди, которые должны были употребить такого рода хитрость, чтобъ добыть себѣ женъ, и впоследствии основать себѣ здѣсь постоянное жилище — основать самый Римъ, — не могли еще, въ то время, жить въ мраморныхъ дворцахъ съ колоннадами; — не могли одѣваться такъ, какъ одѣвались Римляне же въ царствованіе Августа. Римъ въ то время естественно былъ ничто иное, какъ сборъ шатровъ, а Римляне — только еще шайка разбойниковъ. Теперь, конечно, никто изъ нашихъ живописцевъ не позволитъ себѣ этого анахронизма. Теперь покойный нашъ замѣчательный художникъ А. Ивановъ нарочно ѣздилъ въ Іерусалимъ, чтобъ вѣрнѣе передать природу мѣстности, по которой течетъ Іорданъ. Каждое время имѣетъ свои требованія, и, не желая нисколько, чтобъ кто либо теперь послѣдовалъ примѣру прежнихъ художниковъ въ допущеніи всякихъ анахронизмовъ, мы не смѣемъ ставить

этого въ укорѣ или Веронезу, и никому изъ живописцевъ того времени.

Еще есть довольно замѣчательная коллекція въ этомъ музее архитектурныхъ рисунковъ извѣстнаго художника *Гваренди*, который былъ родомъ изъ Венеціи, а потому завѣщаль всѣ свои рисунки и проекты своему родному городу. *Гваренди* былъ довольно долго въ Петербургѣ, въ царствованіе Екатерины II, и у насъ осталось очень много памятниковъ его таланта, какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ постройкахъ.

Онъ не столь изященъ какъ *Растрелли*, егѳ предшественникъ въ Петербургѣ, но, между прочимъ, несомнѣнно имѣетъ очень много неотъемлемыхъ достоинствъ: эта—простота формъ и линий и чрезвычайная пропорціональность во всѣхъ частяхъ его построекъ. Примѣромъ тому можетъ послужить храмикъ Цереры, выстроенный на частной дачѣ близъ Петербурга, въ срединѣ котораго стоитъ статуя Екатерины II, въ видѣ богини Цереры, съ колосомъ въ рукахъ и короною изъ зубчатыхъ башенъ, — работы тоже извѣстнаго скульптора того времени, *Раиета*. Храмъ этотъ составленъ изъ ряда дорическихъ колонъ, которыя поддерживаютъ замѣчательный по своему рисунку и легкости сводъ. Громадность размѣровъ этого памятника, поставленнаго въ честь Императрицы, въ память посѣщенія ею этой дачи, совершенно гармонируетъ съ громадностію значенія въ исторіи Россіи нашей великой Царицы и — вмѣстѣ съ тѣмъ—эта громадность размѣровъ исчезаетъ въ глазахъ простаго наблюдателя: до того правильна пропорція каждой части, каждой линіи въ этомъ произведеніи, до того простъ самыи рисунокъ его. Мнѣ было истинно пріятно встрѣтить рисунки именно этого памятника и многихъ мнѣ знакомыхъ зданій Петербурга въ коллекціи рисунковъ *Гваренди*. Вотъ почему я и остановился, можетъ быть слишкомъ долго, на описаніи его.

Когда мы вернулись въ гостинницу, то нашли въ большомъ залѣ уже совершенно прозябшаго Г. Б....., онъ негодовалъ внутренно на устройство такихъ громадныхъ залъ въ гостинницахъ, нисколько неотапливающихся, и уже собирался уѣхать, прождавши меня съ полчаса.

Г. Б..... очень милый человекъ. Онъ постоянно живетъ въ Венеціи; онъ имѣетъ банкирскій домъ здѣсь, и, хотя происхожденія нѣмецкаго, но до того свыкъ съ Венеціей, что сталъ почти Итальянцемъ. Онъ долженъ былъ пріѣхать къ намъ къ обѣду въ этотъ день, а мы невольно всѣ до того занялись

осмотрѣть картинъ и всей галлерей, что позабыли о нашемъ гостѣ.

Прежде всего я, конечно какъ могъ, извинился передъ нимъ въ моей неаккуратности, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ подшутить немного надъ хвалёнымъ климатомъ Италіи, который весьма легко можетъ проморозить даже Итальянца. Я его увѣрялъ, что у насъ въ Россіи въ комнатахъ даже самыхъ большихъ размѣровъ никогда не бываетъ холодно, — правда тоже, что въ декабрѣ мы не отогрѣваемъ ихъ, отворяя всѣ окна на солнечную сторону въ полдень.

Въ яркій день погода была какъ-то нѣсколько туманна, а потому солнце недостаточно могло исполнить своей обязанности.

Тотчасъ же я приказалъ перенести столъ въ маленькую комнату у самой спальни, занимаемой моею женой, въ которой былъ кажется единственный во всемъ домѣ каминъ. Я самъ принялся, къ удивленію всѣхъ людей, которые намъ прислуживали отъ гостинницы, топить этотъ каминъ, и наблизъ его до возможности дровами, такъ-что огромное пламя тотчасъ же заблестало, и мы усѣлись подлѣ него, чтобъ отобѣдать.

Вечеромъ мы всѣ отправились въ театръ La Fenice, — пѣвѣстная пѣвица *Бранбилла* пѣла въ оперѣ Донничети *Лукреція Борджіа*.

Кто не знаетъ Лукрецію? Ее такъ часто даютъ вездѣ и во всѣхъ городахъ; но здѣсь въ Венеціи эта опера меня заняла очень уже потому, что такъ-какъ дѣйствіе самой оперы происходитъ отчасти въ Венеціи, мѣстный колоритъ могъ быть болѣе, чѣмъ гдѣ либо выполненъ, — при томъ талантъ *Бранбилла*, какъ одинъ изъ лучшихъ *контральто*, заслуживалъ истиннаго вниманія.

По окончаніи, мы сѣли снова въ гондолу, чтобъ возвратиться въ гостинницу.

Какое странное, оригинальное впечатлѣніе производитъ то, что вы выходите изъ освѣщенной залы театра, въ которомъ вы невольно завлеклись исполненіемъ оперы, забыли на время что вы окружены повсюду водою и, выходя изъ передней, слышите однозвучные крики гондольеровъ, которые тутъ собрались для разѣзда публики, — прямо изъ выходныхъ дверей вы вступаете въ гондолу.

Небо нѣсколько прояснилось къ ночи и луна плавно вышла изъ подъ тучи и освѣтила своимъ чуднымъ серебрянымъ свѣтомъ всю Венецію. Я нарочно отыскалъ некрытую гондолу,

чтобы насладиться этой картиною. Какая тишина повсюду, какъ этотъ плескъ водъ изъ подъ длиннаго весла нашего гондольера, полонъ гармоніи тихой, спокойной. То, что мнѣ показалося въ первый разъ днемъ слишкомъ однообразно, сѣро, одноцвѣтно и пусто въ Венеціи, теперь, напротивъ, ночью, при свѣтѣ луны, превратилось въ чудную поэтическую картину. Вотъ ѣдетъ на встрѣчу къ намъ другая гондола; гребцы перекликнулись какъ то особенно и ихъ голоса чистые, звучные, оживили на время всю картину, — Одинъ изъ гондольеровъ, стоя назадъ и управляя однимъ весломъ своею лодкой, повернулъ ее въ право, другой въ лѣво и мы разъѣхались; а я все еще слѣдилъ за чужою гондолою, любовался на ея длинный узкій профиль, который обрисовывался на гладкой поверхности воды и бросалъ темную тѣнь на каналъ, тогда какъ вязанный колпакъ гондольера и верхи самой лодки ярко блестяли подъ отвѣсными лучами красавицы луны, — а съ обѣихъ сторонъ стояли, словно великаны, рѣзныя и узорчатыя стѣны венеціанскихъ палаццо.

Въ эту ночь я вполне понялъ и оцѣнилъ всю поэзію, всю красоту Венеціи.

К. Б.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Не совсѣмъ вѣрная біографія крошечныхъ артистовъ. — Искусство трехъ парижокъ и остроумное предсказаніе одного изъ нихъ. — Обще-человѣческая слабость. — Пожаръ въ Театрѣ-Циркѣ. — Авторитетъ иностранцевъ. — Нѣсколько словъ о бѣднѣйшей братіи по поводу благотвѣтельной компаніи. — Концертъ филармоническаго общества. — Слетакль любителей. — Приютъ младенцевъ и кормилицъ. — Публичныя лекціи. — Нѣчто о драматической литературѣ. — Комедія г. Чернышева. — Нѣсколько словъ о г. Мартыновѣ и другихъ артистахъ, участвовавшихъ въ новой комедіи. Новости Михайловскаго театра. — Неудачная затѣя французскаго академика. — Изданіе пер. г. Гербеля.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ тридесатомъ государствѣ, жилъ былъ директоръ, виноватъ, содержатель театра. Дѣлишки его шли весьма туго. Достопочтенная публика требовала: «новаго, чего нибудь новаго!» Содержатель метался, какъ угорѣлый; перекрашивалъ декорации, перешивалъ костюмы, женишилъ наряжалъ въ мужскіе наряды, мужики въ женскіе; — достопочтенная публика продолжала требовать: «новаго, чего нибудь новаго!» И мало того, что она требовала новаго, это она велѣла

всегда требуетъ; но она рѣшила не ходить вовсе въ театрѣ, пока содержатель не исполнитъ ея требованія. Думалъ, думалъ бѣдный содержатель, взялъ шляпу и котомку черезъ плечо и пошелъ по горамъ и по доламъ.

— Дай-ка, говорить самому себѣ злополучный содержатель, потолкаюсь по бѣлому свѣту, не подвернется ли подъ руку что нибудь новое. Хорошо бы, продолжаетъ онъ разсуждать, найти мнѣ дѣтину въ сажень ростомъ, съ голосомъ, отъ котораго бы тряслись ложи и звенѣло въ ушахъ у зрителей. Это хоть и не совсѣмъ ново, да хорошо. Слыхалъ я, что въ какомъ то царствѣ такіе трагикки дѣлають по воскресеньямъ хорошіе сборы.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; погулявъ содержатель, можетъ быть, не мало, прежде, чѣмъ нашель, наконецъ, желаемое, т. е. новое. Новость эта была ничто иное, какъ пастухъ, съ звонкимъ, дѣтскимъ голосомъ, бойкій, развязный, остроумный, двадцати пяти-лѣтній малый, въ *тридцать четыре дюйма* ростомъ. Ситцевый содержатель въ одну минуту сообразилъ, какой огромный кладъ посылаетъ ему судьба въ этомъ крошечномъ человѣчкѣ и, не долго раздумывая, заговорвалъ въ свою трубку новаго артиста.

Человѣкъ вообще такъ мило созданъ, что желанія его постоянно уможаются и растутъ по мѣрѣ ихъ удовлетворенія. Исполнилось одно желаніе, являются два новыхъ, исполнились они, явятся четыре новыхъ и т. д., цѣтъ этому и конца. Содержатель не удовольствовался однимъ чудомъ, сталъ онъ искать другаго. Нашель, — это былъ писарь какого-то судьи, — думаетъ, нельзя ли еще.... Послала судьба ему и третьяго.

Таково, или почти таково содержаніе пьесы «*Das Auffinden der Zwerge*», въ которой появились у насъ три знаменитые карлика: *Жанъ Пикколо* — 25 лѣтъ, ростомъ — 34 дюйма, *Жанъ Пети* — 24 лѣтъ, ростомъ 29 дюймовъ и *Киссъ Юши* — 18 лѣтъ, ростомъ 25 дюймовъ.

Всѣ эти три крошки рода человѣческаго напоминають русскую поговорку: «малъ золотникъ, да дорогъ и проч. *Жанъ Пикколо* — первый любовникъ, съ большимъ дарованіемъ, играетъ весьма бойко и развязно, поетъ куплеты такъ хорошо, что не мѣшало бы учиться у него нашимъ большимъ первымъ любовникамъ, особенно русскимъ. Въ дѣтскомъ голосѣ *Жана Пикколо* есть какой-то особенный, стеклянныи, немногo рѣзкій звукъ, дѣйствующій чрезвычайно сильно на нервы и оставляющій впечатлѣніе. Микроскопическій, по росту, артистъ этотъ играетъ съ большою теплою чувства и пониманіемъ своей роли. *Жанъ Пети* — комикъ, веселый и забавный, живой и смѣлый. *Гри-*

масы его уморительны; истинная, легкая и пріятная веселость такъ и брызжетъ въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ движеніи; не смотря на слабѣйшій голосокъ, онъ все таки поетъ очень ловко и мило; Киссъ *Юши* — также комикъ, менѣе, повидимому, привыкшій къ сценѣ, но чрезвычайно располагающей наружности. Въ нѣкоторыхъ роляхъ, этотъ крошечный толстякъ поразительно напоминаетъ манеру любимца посѣтителей Михайловскаго театра, г. Леменля. Маленькій драматическій триумвиратъ такъ хорошо исполняетъ свое дѣло, что даже нѣмецкіе *вицы*, эти безконечно-длинные и безконечно-тяжелые нѣмецкіе *вицы*, которые перевариваются только головами нѣмецкаго устройства, становятся довольно сносными.

Отдавая, какъ видите, полную справедливосъ даровитости и искусству артистовъ-карликовъ, я долженъ прибавить, ради точности и правды, что представленія ихъ, особенно съ участіемъ высокихъ, по росту, нѣмецкихъ артистовъ, напоминаютъ кукольную или какую нибудь другую комедію. Зритель не чувствуетъ полнаго эстетическаго наслажденія. Мысль объ уродствѣ, оно хоть и не безобразно, а все таки уродство, говорю я, сильно портитъ пріятное впечатлѣніе хорошаго исполненія. Какъ бы то ни было, однакожь, еслибъ мнѣ предложилъ на выборъ: смотрѣть представленія карликовъ или г. Ландвогта въ *Донъ Карлосъ*, а г-жу Поллертъ въ переводной пьесѣ: «*Aufforderung zum Tanze*», — я признаюсь, полагаю руку на сердце, пошелъ бы смотрѣть *Жана Пикколо* и *Комп*.

Кстати: рассказываютъ, что однажды, это случилось положитъ въ Мадридѣ, *Жанъ Пикколо* присутствовалъ при репетиціи «*Донъ-Карлоса*» *взобравшись* на стулъ съ камышевой плетенкой. Большой актеръ, занимавшій въ приготавливаемой пьесѣ главную роль, захотѣлъ погтрунить надъ карликомъ:

— Берегитесь, сказалъ онъ ему, вы можете проваливаться въ летенку стула.

— Вамъ угрожаетъ бѣлая опасность, — отвѣчалъ *Жанъ Пикколо*, — вы можете провалиться въ «*Донъ-Карлосъ*».

Говорятъ, предсказаніе карлика сбылось.

Такъ какъ лѣтопись Петербургской общественной жизни предназначается преимущественно на усладу иногороднихъ подписчиковъ, то я обязанъ сообщить еще, что Петербургская публика приняла карликовъ весьма радушно; такъ принимаетъ она, впрочемъ, всякую новость....

Нечего грѣха тантъ, Петербургъ любить новости, да и какой же это, впрочемъ, грѣхъ; новость дѣйствительно заманчива, на эту удочку

ловится много рыбки, болѣе всего золотой, и это очень естественно. И не одинъ Петербургъ падохъ на новости; я думаю и вы, многогородный читатель, не безупречны въ этомъ отношеніи. Стоитъ мнѣ, напримѣръ, сказать только, что у меня есть новость и вы, читатель, станете слушать мою болтовню внимательнѣе. Я скажу, что новость эта — неприятна. — Все равно, — подумаете вы, если не скажете, — пусть она будетъ неприятна, только говорите скорѣе.

Извольте: 25-го января, часовъ въ пять утра, загорѣлся Театръ-Циркъ; загорѣлся онъ, какъ толкуютъ, съ залы надъ люстрой, гдѣ инсались декорации. Какъ ни успѣшно дѣйствовала наша, замѣчательная по расторопности, смѣлости и самоотверженію, пожарная команда, огонь взявъ свое и, странное дѣло, пощадилъ нѣмецкій репертуаръ, истребилъ, говорятъ, бібліотеку русской оперы. Это, впрочемъ, слухи и я за нихъ не ручаюсь. Причина пожара, какъ это бываетъ почти всегда, неизвѣстна. Сгорѣло, по словамъ официальнаго извѣстія, *все внутреннее устройство* театра. Погорѣлымъ артистамъ нѣмецкой и русской оперной труппы данъ приютъ въ Александринскомъ и Михайловскомъ театрахъ.

Часу въ первомъ, въ день пожара, площадь Большаго театра покрылась толпами гуляющихъ и любопытствующихъ — любопытство свойственно всему человѣчеству вообще и жителямъ петербургскимъ въ особенности. Въ толпѣ слышались различныя сожалѣнія; чувствительныя нѣмки срединхъ лѣтъ, тяжело вздыхали и говорили:

— Ach wie Schade! ach wie Schade! wenn werden wir wieder das reizende Spiel des Herrn Orloffsky und des schönen Herrn Landvogt genießen.

Галантиные нѣмцы угѣшали своихъ дамъ, но развѣ можно угѣшить неугѣшныхъ....

Многіе ворвались во внутренность; предположенія о причинѣ пожара дѣлались самыя разнообразныя; охотинки разсказать что нибудь, ихъ всегда много, распустили даже слухъ, будто бы зритель театра-цирка застрѣлился. — Довольно, однакожь, объ этомъ; нѣтъ сомнѣнія, что театръ скоро возобновится и дѣло пойдетъ по старому.

Но старому идти у насъ многое; рутина, словно ржавчина, въѣлась въ нашу жизнь и не скоро, кажется, отчистишь ее. Сколько лѣтъ, напримѣръ, мы толкуемъ о томъ, что

Пора намъ смѣть
Свое сужденіе имѣть.

и не преклоняться предъ авторитетомъ иностранцевъ, давно толкуемъ мы, что-мы де и сами кое что смыслимъ; но напрасны эти толки: стоитъ иностранцу, особливо нѣсколько извѣстному, сказать что нибудь и слово его — законъ. Иностранцы роздаютъ нашимъ художникамъ дикломы на знаменитость; иностранцы рѣшаютъ что *такой то* — геній и за нимъ всё мы, извѣстные патриоты, повторяемъ: да, *такой-то* дѣйствительно геній! Мы его не понимали, мы не отдавали ему должной справедливости! Стоило, напримѣръ, г. Теофилю Готье сказать, что г. Зичи — высоко замѣчательный художникъ, что онъ едва ли не первый художникъ въ Россіи, что онъ великій человекъ... и съ быстротою телеграфа полетѣлъ зтотъ приговоръ по Петербургу и Петербургъ увѣровалъ, что г. Зичи дѣйствительно великій человекъ. Магазины Бегтрова навоняются *истинными почитателями* генія, открытаго г. Готье, рисунки г. Зичи покупаются на расхватъ.... Силы небесныя! какъ хороши стали вдругъ рисунки г. Зичи; нѣтъ имъ равныхъ! А давно ли, Петербургъ, отдавая справедливость даровитости г. Зичи и богатству его фантазіи, находилъ, что онъ рисуетъ очень хорошо; но не *мыслить*, — что не мало русскихъ художниковъ, которые стоятъ гораздо выше г. Зичи, что до генія ему далеко... Но собственное наше мнѣніе — мыльный пузырь; г. Теофиль Готье произнесъ приговоръ, нечего толковать. Да покроется позоромъ несчастная голова, осмѣливающаяся не преклоняться передъ авторитетомъ и усумниться въ томъ, что г. Зичи первый художникъ въ Россіи.

Все это было бы смѣшно,

Когда бы не было такъ грустно.

И убѣжденъ, что правда моя нѣсколько не огорчить г. Зичи; во первыхъ потому, что я — не Теофиль Готье; и во вторыхъ потому, что, по всеей вѣроятности, г. Зичи самъ умѣетъ отличить истину отъ излишней любезности и преувеличенія.

Къ числу наиприятнѣйшихъ новостей въ Петербургѣ должно отнести благодѣтельную мысль нѣкоторыхъ лицъ позаботиться о меньшей, т. е. обѣднѣйшей братіи и дать имъ хоть уголокъ да крышу. Можетъ ли кто нибудь представить себѣ, что среди, болѣе или менѣе, наряднаго и щеголеватаго Петербурга, гдѣ встрѣчаются дома, убранство которыхъ стоитъ иногда около милліона, гдѣ такъ развита общественная благотворительность, выражающаяся филантропическими концертами, спектаклями, лоттерейми и другими несомнѣнными признаками душевной доброты столичныхъ обитателей; можетъ ли кто нибудь, спрашиваю я, представить се-

бѣ, что въ прекраснѣйш, богатѣйш и добромѣ Петербургѣ огромное количество людей не имѣеть или почти не имѣеть угла и крыши?..

Вашу руку, милая читательница, если вы истинно добры; я поведу васъ туда, гдѣ бѣдность, это страшное, безжалостное чудовище, заѣдаетъ жизнь, убиваетъ все прекрасное въ человѣкѣ и толкаетъ его въ омутъ порока. Мы входимъ въ большую, но мрачную, грязную, сырую и холодную комнату. Вокругъ, по стѣнѣ, устроены въ нѣсколько рядовъ полки; на этихъ полкахъ проводить ночь, отдыхаетъ горемычная и голодная братія, наработавшись до сыта или напатавшись по городу въ продолженіи цѣлаго дня, съ ранняго утра до поздняго вечера. Полъ этого пріюта усыпанъ соломенными тюфяками (это роскошь), войлоками и различными незатѣйливыми подстилками, служащими постелью для такихъ, которые уже могутъ похвастаться богачами въ сравненіи съ почивающими на полкахъ. Мужчины, женщины, старики и дѣвушки, старухи и дѣти — перемѣшаны здѣсь; все это оборванное, полунагое, голодное и истомленное челоуѣчество дышетъ или, лучше сказать, задыхается невыносимымъ смрадомъ. Озлобленные, огрубѣлые и потерявшіе стыдъ члены этого соединеннаго только бѣдностію общества чужды другъ другу. Поговорки: «не клади плохо, не вводи вора во грѣхъ» здѣсь въ большомъ ходу и хоть немного такого, чтобы могло ввести вора во грѣхъ, но между этими бѣдняками установились все таки враждебныя отношенія и осторожность; каждая грязная тряпка бережливо причется, каждый обитатель этого смраданаго жилища не задумывается заподозрить въ своемъ сосѣдѣ вора и стережется. Безпрестанныя ссоры, крупная брань, а нерѣдко и потасовки — дѣло обычное — въ такомъ вертепѣ бѣдности. Отвратительный цинизмъ щеголяетъ здѣсь и въ пьяномъ и въ трезвомъ видѣ. Ребенокъ, только что начинающій понимать кое что, слушаетъ постоянно рассказы, въ которыхъ героемъ, плѣняющимъ воспримчивое, дѣтское воображеніе, является какойнибудь забулдыга, воръ, обманщикъ или чтонибудь еще хуже. Мать посылаетъ ребенка стащить гдѣнибудь дровецъ, выпросить милостыню. Старый опытный плутъ передаетъ тонкости своего искусства юношѣ. Какаянибудь отвратительная старуха рассказываетъ дѣвушкѣ свои бывлыя похождения, своимъ развратомъ хвастаетъ какъ доблестью. Даже грудной ребенокъ становится здѣсь орудіемъ плутовства и обмана; его отдають на прокатъ.... Вы, можетъ быть, не понимаете меня? Дѣло очень просто: какаянибудь оборванная старуха беретъ груднаго ребенка у матери, на цѣлый день, за известную плату, и ходить съ нимъ по улицамъ, рассчитывая такимъ образомъ сильнѣе тронуть благотворительныя

сердца прохожихъ. Каждый атомъ этой удушливой атмосферы зараженъ ядомъ порока и разврата, каждый атомъ носить въ себѣ зародышъ болѣзни и смерти. И между тѣмъ этотъ грязный адъ — единственный пріютъ многимъ бѣднякамъ; имъ некуда дѣваться, всѣ другія квартиры превышаютъ ихъ средства. И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Да рай ли еще полно бѣднякамъ и на другихъ то квартирахъ. Цѣны на квартиры растутъ въ Петербургѣ съ каждымъ годомъ, а средства бѣдной братіи едва ли не уменьшаются....

Съ цѣлю помочь этой страждущей половинѣ петербургскаго чело-вѣчества, а не съ цѣлю нажать барыши, открыта компанія на акціяхъ, которая займется устройствомъ помѣщенія для бѣдныхъ ремесленниковъ. Дай Господи успѣха такому прекрасному дѣлу; дай Господи, чтобы оно развивалось и разрасталось не по годамъ, а по днямъ; дай Господи, чтобы не были забыты и другія сословія! .

Такъ какъ рѣчь наша уже коснулась дѣлъ милосердія, то встаетъ вопросъ упомянуть о концертѣ филармоническаго общества и спектаклѣ любителей въ пользу частныхъ школъ здѣшняго женскаго патріотическаго общества.

Въ концертѣ филармоническаго общества участвовали Г-жи Бозіо, Лотти, Бернади и г. Тамберликъ, Кальцолари, Монжини, Эверарди, де-Бассини и Александръ Мауреръ. Зала Дворянскаго Собранія была, что называется, биткомъ набита, что представляло не мало затрудненій дамамъ, при ихъ необычайно-обширныхъ кринолинахъ и модныхъ, безконечно-длинныхъ, хвостахъ. Между прекраснымъ поломъ, было множество офицеровъ; они, кажется, въ настоящее время полюбили музыку далеко болѣе, чѣмъ любили ея когда-то прежде, — весьма пріятно. Рукоплесканія слышались на исполнителей, какъ горохъ и, само-собою разумѣется, что болѣе всего выпало ихъ на долю неизмѣннаго любителя и баловня петербургской публики, г. Тамберлика. Извѣстный, одолженный извѣстностію г. Тамберлику, русскій романсъ «скажите ей», пропѣтый имъ два раза, произвелъ рѣшительный *furor*; крикамъ и рукоплесканіямъ конца не было. Дарованіе и искусство всѣхъ артистовъ, участвовавшихъ въ этомъ концертѣ, такъ хорошо и давно извѣстны не только Петербуржцамъ, но и иностранцамъ, что говорить о нихъ значило повторять зады. Должно прибавить только, что Г-жа Де-Мерикъ не явилась въ концертъ, а г. Мауреръ не произвелъ на слушателей своею игрою особенно пріятнаго впечатлѣнія. Нѣкоторые присяжные меломаны находили, что у г-жи Бозіо голосъ замѣтно слабѣетъ, другіе толковали, что у г-жи

Лотти голосъ слишкомъ рѣзокъ и проч. и проч.; всего не перескажешь. Какъ бы то ни было, концертъ филармоническаго общества, какъ и всегда, принадлежитъ къ числу лучшихъ, издѣйствѣннѣхъ наслажденій Петербурга.

Къ нимъ же принадлежитъ, безспорно, и спектакль любителей, данный въ четвергъ, 22 января, въ залѣ дома князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго. Спектакль состоялъ изъ небольшой пьески графа Фредро: «На балѣ», названной имъ «картинами изъ свѣтской жизни», и извѣстной комической оперы Обера «Le domino noir». Игра любителей, тѣмъ болѣе въ спектаклѣ, съ благотворительною цѣлю, выше всякаго суда; тутъ каждая критика, паложивъ на уста палець молчанія, имѣеть право и должна только восхищаться. Не въ силу, однакожь, этого права, а въ силу истины, должно сказать, что Вѣра Васильевна Мичурина, въ пьесѣ графа Фредро, была очаровательна. Сколько теплоты, естественности и граціи въ ея игрѣ, какимъ обаяніемъ дѣйствуетъ эта игра на зрителя, какъ симпатиченъ и мягокъ звукъ ея голоса — этого разсказать почти невозможно. Какъ грустно, что русская сцена потеряла такую прекрасную артистку; какъ грустно сознаться, что изъ лишняго ряда артистокъ, появившихся послѣ Вѣры Васильевны Самойловой, нѣтъ еще ни одной, которая смогла бы замѣнить утрату. Пьеса графа Фредро принадлежитъ къ роду извѣстныхъ Французскихъ *пословиць*, пущенныхъ въ ходъ даровитымъ Октавомъ Фѣлье, къ роду тѣхъ милыхъ драматическихъ бездѣлицъ, которыми восхищаются постоянно посѣтители Михайловскаго театра и которыя, весьма часто, если не всегда, погибають, какъ не во время и не на мѣсто пересаженный цвѣтокъ, на сценѣ Александринскаго театра.

Произведеніе Скриба и Обера было разыграно лицами, извѣстными цѣлому Петербургу: г-жами Кочетовою, Лешетницкою и гг. Лаблашеиъ, Кудюра и Графомъ Фредро. Оркестромъ дирижировалъ г. Лешетницкій.

Спектакль былъ удостоенъ посѣщеніемъ Высочайшихъ особъ Императорскаго Дома, и само собою разумѣется, почти всего лучшаго Петербургскаго общества; наряды дамъ были блистательны, великолѣпны и изящны; сказать о нихъ что нибудь болѣе и опредѣленнѣе — честное слово, не умѣю.

За этимъ первымъ спектаклемъ послѣдуетъ другой; готовится «Горе отъ ума»; имена лицъ, принявшихъ на себя исполненіе ролей въ этой безсмертной комедіи, ручаются за блистательный успѣхъ.

Сколько теплыхъ, благодарныхъ молитвъ вызоветъ такой спектакль, сколько осушится горькихъ слезъ, сколько облегчится безвыходныхъ по-

ложеній; сколько бѣдныхъ дѣвочекъ получать воспитаніе, кусокъ хлѣба и пойдутъ, если не путемъ, усыпаннымъ розами, то, по крайней мѣрѣ, путемъ честнаго труда. Великъ таковой подвигъ; кто приметъ одно такое дитя во имя Мое, сказалъ нашъ божественный учитель, тотъ Мени приметъ.

Здѣсь весьма прилично бы было рассказать вамъ о благотѣтельномъ приютѣ младенцевъ и коринѣищъ, устроенномъ въ память покойнаго графа А. Г. Куселева-Безбородко, гдѣ на дняхъ праздновался день учрежденія этого заведенія — по редакція не позволяетъ. Почему — отгадать, думаю, не трудно....

Лекціи публичныя растутъ и множатся; какъ основаніе, какъ залогъ будущаго развитія просвѣщенія и какъ доказательство благороднаго направленія нашихъ передовыхъ людей — явленіе это не можетъ не радовать каждаго порядочнаго человѣка. Къ числу лекцій, о которыхъ упомянуто уже въ прошедшемъ мѣсяцѣ, прибавились еще: въ высшей степени занимательныя и полезныя чтенія профессора Вышнеградскаго о механикѣ, преимущественно въ ея практическомъ примѣненіи; профессоръ Вышнеградскій читаетъ въ Пассажѣ; затѣмъ лекціи въ здѣшнемъ университетѣ профессора Никитенко и молодаго ученаго, недавно возвратившагося изъ чужихъ краевъ, М. М. Стасюлевича. Первый читалъ о Державинѣ и читалъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ увлеченіемъ и увлекательно. Блестящая и громкая эпоха Екатерины, такъ вѣрно и ярко отразившаяся въ произведеніяхъ безсмертнаго пѣвца Фелицы, представила даровитому нашему профессору канву широкую, по которой онъ съумѣлъ раскинуть занимательнѣйшія, вѣрныя и дѣльныя подробности.

Профессоръ Стасюлевичъ предметомъ своихъ чтеній избралъ провинціальныи бытъ въ царствованіе Лудовика XIV. Взглядъ молодаго ученаго на знаменитый вѣкъ если и извѣстенъ уже опередившей насъ Европѣ, то совершенно новъ для большей части нашей публики. Профессоръ Стасюлевичъ смѣло и вѣрно разочаровываетъ тѣхъ, кто до сихъ поръ привыкъ слишкомъ сильно увлекаться блестящею внѣшностію грозной эпохи. Слушатели осыпали его рукоплесканіями.

Когда подумаешь о томъ, что было какихъ нибудь пять лѣтъ тому назадъ, когда сравнишь настоящія публичныя чтенія нашихъ ученыхъ, вотъ хоть, напримѣръ, чтенія профессора Никитенко, съ какими нибудь мнлыми и наивными лекціями графа Сюзора, Огюста *Лена* и комм., которыя приводили въ восторгъ нашихъ прекрасныхъ соотечественницъ.... *свяжо преданіе, а вьрится съ трудожъ.*

Г. Стрѣвъ, извѣстный многими дѣльными и прекрасными критическими статьями о музыкѣ, читаетъ теперь публичныя лекціи о музыкѣ; но, каюсь, мнѣ не удалось еще его послушать.

Такимъ образомъ, стоитъ только жителю Петербурга пожелать учиться — всѣ средства и косебѣя къ его услугамъ; захочетъ онъ благотворить — это легко и удобно, въ самое короткое время можно надѣлать бездну добрыхъ дѣлъ; появится желаніе веселиться и наслаждаться — Петербургъ представляетъ цѣлое море удовольствій, увеселеній и наслажденій. Въ морѣ этомъ первое и видное мѣсто занимаетъ, конечно, театр; поговоримъ о театрѣ.

Нельзя сказать, чтобы по этой части было елишкомъ много отрадныхъ новостей; какъ французская, такъ и русская драматическая литература находятся въ совершенномъ усыпленіи. Напрасно чающие движенія воды собираются то въ одной, то въ другой театры, привлекаемые новыми названіями пьесъ; напрасно ждутъ и умоляютъ, напрасно простираютъ руки, съ раздрающимъ душу крикомъ: дайте намъ хорошую пьесу!... Желанная драматическая манна не падаетъ. Театръ представляетъ печальную пустыню, публика — истомленныхъ и огорченныхъ путниковъ, которымъ рѣшительно не надъ чѣмъ остановиться. Помысли, что въ такомъ плачевномъ, въ такомъ отчаянномъ положеніи, публика готова хватиться за соломинку и маломальски порядочное драматическое произведеніе принимается всѣми съ одиодушнымъ восторгомъ.

Въ бенефисъ нашего неподражаемаго и любимѣйшаго артиста русской драматической труппы — г. Мартынова, бѣдные путники, т. е. Петербургская публика, были пріятно обрадованы, появленіемъ комедіи молодого, только что начинающаго автора — г. Чернышева. Комедія г. Чернышева «Не въ деньгахъ счастье» не принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ, исключительныхъ литературныхъ явленій; но, во всякомъ случаѣ, на ней только и можно остановиться въ настоящее время.

Деньги, эта удивительная машина, приводящая въ движеніе цѣлый міръ, потрясающая цѣлыми царствами, начало и конецъ всѣхъ благъ и золъ человѣческихъ — представляютъ безконечный, неисчерпаемый источникъ писателю. Деньги — кровь современнаго человѣка, воздухъ, которымъ онъ дышетъ, деньги — все, но не счастье, говоритъ г. Чернышевъ.

Василій Ивановичъ Боярышниковъ занялъ у своего загадочнаго друга и товарища Егора Ефимовича Щукина десять тысячъ ассигнаціями, купилъ себѣ лавку и женился на дочери богатаго купца Колесникова. Боярышниковъ взялъ за женой пятьдесятъ тысячъ; двадцать пять тысячъ

получилъ до свадьбы, а остальные потребовать у тестя на другой же день.

— А что, какъ я не дамъ тебѣ этихъ денегъ? пошутилъ было тесть.

— Ну, ужъ, тогда не взыщите, — отвѣчаетъ зять, — ваше дѣтище заплатится за васъ, я на дочери вашей вымещу вашъ обманъ.

— Будеть изъ тебя прокъ, — замѣчаетъ старикъ, — много наживешь ты денегъ! Будешь миллионщикомъ!

Страшнымъ соблазномъ отзывается это предсказаніе въ корыстной душѣ Боярышниковъ; какъ бы хотѣлось ему сдѣлаться миллионникомъ. Все готовъ онъ посвятить, все готовъ принести въ жертву золотому тельцу. Начинаетъ онъ съ того, что, заглушая совѣсть и чувство благодарности, надуваетъ Щукина. Напрасно со слезами умоляетъ его добрый другъ о возвратѣ денегъ, напрасно объясняетъ, что отъ этого зависитъ его счастье, что онъ собирается жениться на бѣдной, любимой имъ дѣвушкѣ.... Боярышниковъ съ нахальствомъ объявляетъ:

— Я у тебя денегъ никакихъ не бралъ.

— Брался!—говоритъ рыдая Щукинъ; вспомни, я тебя отъ смерти спасъ однажды; потомъ отдалъ тебѣ послѣднія деньги, ты на нихъ жить началъ; вѣдь я теперь должонъ по міру идти....

— Гдѣ документы? спрашиваетъ Боярышниковъ. Нѣтъ, стало быть не должонъ.

Покончивъ такъ съ благодѣтелемъ—другомъ, Боярышниковъ не лучше поканчивается и съ малюткою дочерью отъ пѣмки Анхень, которая брошена имъ и умираетъ въ больницѣ. Бѣдная женщина Каролина Карловна Кризе беретъ на себя воспитаніе несчастной дочери.

— Коли дочь вырастетъ, — говоритъ Боярышниковъ Каролинѣ Карловнѣ, — станетъ выходить замужъ, такъ въ тѣ поры приди, я пожалуй помогу.

А до тѣхъ поръ отецъ не хочетъ и видѣть своей дочери.

— Можетъ быть Маша мнѣ и не дочь; говоритъ онъ, чтобы успокоить свою совѣсть.

Таковы первыя движенія нашего героя; легко угадать, что предсказаніе тестя сбудется и алчный, бездушный и безсовѣстный зятекъ его дѣйствительно наживетъ деньги.

Черезъ пятнадцать лѣтъ Боярышниковъ богатъ; но *не въ деньгахъ счастье*. Жена его, сварливая, злая и больная, умерла; самъ онъ постарѣлъ и одряхлѣлъ; по прежнему алченъ и скверенъ Боярышниковъ, но уже съ недугами одолеваетъ его и бессознательный страхъ, при мысли о

будущей, загробной жизни; въ ханжествѣ уже пробивается пелское сознание всей мерзости своихъ дѣяній. Боярышниковъ раздаёт милостыню нищимъ, читаетъ священныя книги, воспитываетъ или, по крайней мѣрѣ, вскармливаетъ приемыша, попрекая его ежеминутно этимъ благодѣяніемъ. Но всего этого мало; нѣтъ душевнаго спокойствія, нѣтъ подлѣ Боярышникова роднаго сердца, которое бы согрѣло хоть на минуту остывающую жизнь. Приемышъ обманываетъ своего благодѣтеля и ждетъ не дождется еѣ смерти. Боярышниковъ не видитъ этого, но чувствуетъ. Безвравственный, подлый и корыстолюбивый старикъ съ каждымъ днемъ дѣлается недобѣрчивѣе и подозрительнѣе; вездѣ чудится ему обманъ и подлость; все окружающее, словно зеркало, отражаетъ его же собственную мерзость и Боярышниковъ черствѣетъ и ожесточается.

Въ бѣдной, грязной и мрачной квартиркѣ перебивается, между тѣмъ, кое-какъ наша старая знакомка Каролина Карловна Кризе. Добрая женщнна, не смотря на гнегущую еѣ пужду, исполнила добровольно принятую на себя священную обязанность. Бѣдная Маша выросла и воспитана; она хороша собой, трудолюбива, добра и честна. Въ эту прекрасную дѣвушку влюбленъ молодой горемыка, Петръ Сергѣевичъ Сергѣевъ, жилецъ Каролины Карловны, конторщикъ безъ мѣста; любитъ Сергѣева и Маша, можно бы и подъ вѣнецъ, да гнусная бѣдность не позволяетъ. Въ одно прекрасное утро судьба, однакожь, улыбнулась бѣднякамъ; Сергѣевъ получилъ мѣсто и деньги и предлагаетъ любимой дѣвушкѣ сердце и руку; Маша, разумѣется, принимаетъ это предложеніе съ восторгомъ. Каролина Карловна радуется, какъ радовалась бы родная мать; она напоминаетъ слова Боярышникова.

— Коли дочь выростетъ, станетъ выходить замужъ, такъ въ тѣ поры приди, я пожалуй помогу.

Но гдѣ пайти бы Боярышникова, въ пятнадцать лѣтъ Каролина Карловна совершенно потеряла его изъ виду. Только случай можетъ помочь дѣлу, и случай этотъ является въ видѣ Ильюши, приемыша Боярышникова. Ильюша этотъ, отпросившись у благодѣтеля къ заутренѣ и обѣднѣ, кутнулъ съ пріятелями и съ пьяныхъ глазъ привязался на улицѣ къ Машѣ, которая носила куда то свою работу. Отъ него узнаетъ Каролина Карловна адресъ Боярышникова и отправляется попытать счастье.

Боярышниковъ, узнавъ отъ Каролины Карловны, что у него есть дочь, сначала оживляется и радъ; въ сердцѣ его веныхиваетъ на минуту какое то порядочное чувство, но только на минуту. Едва рѣчь коснулась денегъ, Каролина Карловна упомянула о приданомъ дочери, вся мерзость

поднимается со дна испорченной души отвратительнаго старичкини. Воображеніе его въ ту же минуту создаетъ обманъ и хитрость, подлогъ, коварства и козни.

— Ничего не падо, — говоритъ испуганная Каролина Карловна, — только прѣзжайте взглянуть на вашу дочь и благословять ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, — кричатъ въ изступленіи Боярышниковъ, въ страхъ за свои проклятыя деньги, — нѣтъ, не поѣду, это все обманъ, у меня нѣтъ дочери.

Бѣдная Маша въ отчаяніи; но, дѣлать печего, все таки рѣшено совершить обрученіе. Я забылъ сказать, что въ квартиркѣ бѣдняковъ пріютился еще почтенный, добродушный и милый старичекъ—Щукинъ, тотъ самый, котораго пустилъ по міру подлый и неблагодарный Боярышниковъ. Щукинъ, Каролина Карловна и женихъ уходятъ изъ дому по разнымъ дѣламъ. Маша остается одна. Является отецъ и въ крошечной комнаткѣ разыгрывается раздражающая душу сцена свиданія отца съ дочерью. Даже очерствѣлое, каменное сердце старика потрясено, человѣческое чувство проснулось и шевелится въ его груди; онъ, накопецъ, плачетъ. Маша рыдаетъ и смѣется, осыпаетъ отца поцѣлуями, замыхается счастьемъ; она забыла все тяжелое, все горькое прошедшее; восторгу ея нѣтъ границъ.

На эту сцену являются женихъ и Каролина Карловна. Хорошая женщина не помнитъ себя отъ радости; слезы у нея на глазахъ, она смѣется; она въ какомъ то дѣтскомъ восторгѣ бѣгаетъ по комнатѣ; она видитъ въ Боярышниковѣ добраго отца Маши, она все простила ему, все забыла

— А! вотъ такъ папаша!—бормочетъ она, смѣясь и плача, — вотъ какой у насъ папаша.... Ну, ужъ, теперь, — продолжаетъ она, какъ бы завгрявая съ Боярышниковымъ, — теперь вы отъ насъ не отдѣляетесь.... Теперь мы васъ, папаша, порастормашимъ.... мы теперь порастресемъ вашу карманъ....

— Карманъ, — вскрикиваетъ старикъ, въ одно мгновеніе превращаясь изъ отца въ прежнее, бездушное чудовище, дрожащее надъ своимъ золотомъ, — карманъ... деньги! Вамъ нужны мои деньги.... Вы хотите обмануть меня.... Это не дочь моя.... Прочь! прочь! — кричитъ онъ, отталкивая отъ себя несчастную Машу....

Боярышниковъ топчетъ тѣмъ, что бросаетъ сто, двѣсти, триста рублей на полъ и бѣжитъ вонъ, повторяя:

— Обманъ, вездѣ обманъ! Господи помилуй, Господи помилуй....

Судьба, какъ бы карая его за эту обиду дочери, даетъ ему дома нѣсколько весьма чувствительныхъ толчковъ. Во первыхъ, старый слуга хочетъ оставить его; за тѣмъ, приѣмшъ, благодѣтельствованный имъ, обкрадываетъ его и хочетъ бѣжать изъ дому; наконецъ, является Щукинъ, какъ страшнѣйшій укоръ въ безсовѣстно нажитомъ богатствѣ. Щукинъ является не для себя, а приноситъ деньги, брошенные Боярышниковымъ дочери, какъ *собакъ*.

За этимъ слѣдуетъ, не совѣтъ правдоподобное, раскаяніе и переорожденіе Боярышникова, всеобщее примиреніе и союзъ любящихъ молодыхъ людей.

Вотъ содержаніе комедіи г. Чернышева, въ которой, какъ видите, очей много занимательности, много сценъ, вызывающихъ слезы; но не обошлось дѣло и безъ недостатковъ. Самый чувствительный — языкъ, невѣрный, невыдержанный и во многихъ мѣстахъ до крайности рутинный и изысканный. Боярышниковъ, напримѣръ, купецъ, который боится, не грѣшно ли будетъ поминать въ церкви иѣмку, говорить языкомъ героевъ плохихъ великосвѣтскихъ повѣстей и романовъ. Къ числу недостатковъ относится также, по моему мнѣнію, совершенно водевильное окончаніе и нѣкоторыя дикія разглагольствованія, въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчаются въ «чиновникѣ» графа Соллогуба. Сергѣевъ, напримѣръ, на общаніе Боярышникова дать приданое, совѣтуетъ ему лучше употребить деньги на пользу общую, пустить ихъ въ оборотъ; сколькимъ дадите вы хлѣбъ, говоритъ онъ, сколько рукъ займете трудомъ.... Фразы подобныя имѣютъ притязанія на современное значеніе, но приклеены совершенно ни къ селу, ни къ городу. Рамки нашей лѣтописи такъ тѣсны, что нѣтъ возможности вдаваться въ болѣе подробный критическій разборъ комедіи г. Чернышева; но считаю долгомъ сказать, что она, во всякомъ случаѣ, составляетъ пріятное явленіе на нашей сценѣ и даетъ надежду ожидать отъ даровитаго молодого писателя много хорошаго.

Розыграна комедія очень хорошо... превосходно..... если не считать кое какихъ грѣшковъ, о которыхъ скажется ниже. Г. Мартыновъ замѣчательно хорошо въ роли Боярышникова. И должно прибавить, что нашъ геніальный комикъ является здѣсь превосходнымъ драматическимъ артистомъ. Въ нѣкоторыхъ сценахъ нельзя было видѣть его равнодушно; волосы шевелились на головѣ и холодная дрожь пробѣгала по тѣлу, а между тѣмъ г. Мартыновъ ни разу не позволилъ себѣ ни малѣйшаго рутиннаго движенія, ради трагическаго эффекта и той картинности, которая обыкновенно играютъ такую важную роль у нашихъ трагиковъ. И тѣмъ

поразительнѣе, тѣмъ выше была его естественная, простая и теплая игра.

Вотъ, кстати, удачное словцо г. Марынова. Восхищаясь его игрою, я, между прочимъ, замѣтилъ ему:

— Вы до такой степени были хороши въ сценѣ колебанія ѣхать или не ѣхать къ дочери, такъ, повидимому, глубоко прочувствовали положеніе и прониклись исполняемой вами ролью, что поблѣднѣли.

Г. Мартыновъ съ легкой улыбкой отвѣтилъ мнѣ:

— Это вы сами поблѣднѣли, а не я; за слоємъ краски не видно блѣдности.

Только истинно-гениальная игра артиста можетъ ввести зрителя, болѣе или менѣе присмотрѣвшагося къ сценѣ, въ такое пріятное заблужденіе, въ какомъ обличилъ меня г. Мартыновъ. Очень хорошо была исполнена и роль Щукина г. Самойловымъ. Въ игрѣ его также поражала простота и естественность. Можно было бы сказать доброе слово и о г. Бурдинѣ, занимавшемъ роль Ильюши, если бы молодой артистъ этотъ не фарсигъ мѣстами и не погрѣшилъ сильно, увлекаясь не совсѣмъ артистическимъ побужденіемъ удивить и насмѣшить нарядомъ. Ну, и дѣйствительно удивилъ; явился въ *невыразимыхъ*, вышитыхъ гирляндами изъ розъ и зелени и въ розовой жилеткѣ — Богъ знаетъ что такое. Это называется: не мытьемъ, такъ катаньемъ: не игрою, такъ дикимъ искусствомъ портнаго. Эхъ, г. Бурдинъ, бросьте эти гирлянды и розовые жилеты, всѣ подобные фокусы смѣшать только верхи и производить непріятное впечатлѣніе на порядочную часть зрителей; какъ ласточка не дѣлаетъ весны, такъ самыя великолѣпныя гирлянды не создаютъ артиста. Г-жа Липская была очень хороша въ роли Каролины Карловны, а г-жа Свѣткова весьма мило исполнила небольшую роль Маши.

На сценѣ Михайловскаго театра особенное вниманіе петербургской публики обратили: комедія французскаго академика Эрнеста Легуве: «*Le pamphlet*», комедія Жюльа Леконта: «*Le luxe*», водевилъ г. Оноре «*Les petits péchés de la grand' maman*» и комедія Октава Фѣлье «*Le roman d'un jeune homme pauvre*». Нельзя сказать, чтобы произведеніе почтеннаго академика отличалось особенными достоинствами; оно довольно неправдоподобно, натянуто и не попадаетъ въ цѣль, которую, повидимому, избралъ г. Легуве. Възливый академикъ переноситъ дѣйствіе своей сатиры въ Мадридъ и тамъ кошку бьетъ, а невѣсткѣ намѣтку даетъ. Герой комедіи Донъ Клавиго, отъявленный памфлетистъ и личный врагъ полковника Тардова. Дѣло въ томъ, что полковникъ Тардова лишилъ, когда-то, Дона Кла-

виго мѣста и послѣдній поклялся отмстить ему. Полковникъ умеръ, оставивъ дочери, прелестной Доннѣ Изабеллѣ только свое честное заслуженное имя. Въ Донну Изабеллу влюбленъ молодой человѣкъ знатной фамилиі, Ганри де Уреацъ; онъ отъ всей души желалъ бы назвать Изабеллу своей супругой, но родные долго противятся этому союзу. Мать Гаяри, Маркиза де Уреацъ, увѣрившись въ благородствѣ бѣдной дѣвушки, принимаетъ сторону молодыхъ людей и желанный бракъ могъ бы состояться, еслибъ вдругъ не явилось новое и важное препятствіе, въ видѣ памфлета, написаннаго, какъ вы догадываетесь, Доновъ Клавиго, очернивашаго самымъ ужаснымъ образомъ доброе имя покойнаго полковника. Единственное богатство Изабеллы, единственное право ея на союзъ съ знатымъ и богатымъ молодымъ человѣкомъ отнято; благородное имя нѣжно любимаго отца опозорено и нѣтъ никакихъ средствъ опровергнуть низкую клевету.... Но успокойтесь, въ нашемъ благоустроенномъ обществѣ красота и добродѣтель всегда торжествуютъ. Повѣса, шалунъ, прокутившійся въ пухъ и прахъ, племянникъ Маркизы, является на выручку. Злодѣй раскаевается, испугался, изволите видѣть, пистолета, доброе имя полковника восстановлено и всѣ счастливы, кромѣ почтеннаго академика, написавшаго такую слабую пьесу, и убѣдившейся въ этомъ публики. Артисты нашей французской труппы исполнили свое дѣло прекрасно; всѣ, кромѣ, зачѣмъ я долженъ сказать это, всѣ, кромѣ г-жи Напталъ-Арно. Прелестная артистка эта въ роли Донны Изабеллы была какъ-то не на своемъ мѣстѣ; короткое платье и другія мелочи наряда не шли г-жѣ Напталъ и портили впечатлѣніе. Она, казалось, сама чувствовала это и дѣло вообще не клеилось. Особенно хороши были гг. Дешанъ и Поль-Бондуа.

«Les péchés de la grand'maman» — изящный пустячокъ, очень мило розыгранный г-жами Вольнисъ, Л. Мейеръ и Мальвиною.

«Le luxe», — комедія умная, но довольно сухая и безцвѣтная. О комедіи Октава Фѣлье — до слѣдующей бесѣды.

Перемѣшивая бездѣлье съ дѣломъ, вотъ краткій отчетъ о прекрасномъ изданіи Ник. Вас. Гербеля. «Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей».

До сихъ поръ вышли въ свѣтъ *первыя четыре части* этого изданія; въ непродолжительномъ же времени отпечатаются и выйдутъ въ свѣтъ *пятая, шестая и седьмая части сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей, издаваемыхъ подъ редакціею Н. В. Гербеля. Часть V. «Заговоръ Фіеско въ Генуѣ», драматическое представленіе*

въ пяти дѣйствіяхъ, въ *новомъ* переводѣ Н. В. Гербеля и «Марія-Стюартъ», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, въ старомъ переводѣ покойнаго А. А. Шишкова 2-го.

Часть VI. «Валленштейнъ», драматическая поэма, въ двухъ частяхъ. Часть первая: «Прологъ», въ *новомъ* переводѣ Л. А. Мея. «Лагерь Валленштейна», въ одномъ дѣйствіи, также въ *новомъ* переводѣ Л. А. Мея. «Пикколомиши», драматическая поэма въ пяти актахъ, въ *новомъ же* переводѣ В. А. Лялина. Часть вторая: «Смерть Валленштейна», трагедія въ пяти актахъ, въ старомъ переводѣ покойнаго А. А. Шишкова 2-го.

Часть VII. «Коварство и Любовь», мѣщанская трагедія въ пяти актахъ, въ *новомъ* переводѣ М. М. Достоевскаго. «Орлеанская Дѣва», драматическая поэма въ пяти актахъ, въ старомъ переводѣ покойнаго В. А. Жуковского.

Часть VIII. Также готовится къ печати. Въ составъ этой части войдутъ: «Димитрій Самозванецъ», неоконченная трагедія, въ *новомъ* переводѣ Л. А. Мея; «Духовидецъ», романъ, въ *новомъ же* переводѣ А. А. Григорьева; «Мизантропъ», драматическій отрывокъ, также въ *новомъ* переводѣ Н. В. Гербеля и нѣкоторыя мелкія стихотворенія, не вошедшія въ первыя двѣ части *Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей*, въ переводахъ: В. Г. Бешедиктова, Н. В. Берга, Н. В. Гербеля, М. М. Достоевскаго, Л. А. Мея, Ф. Б. Миллера, М. Л. Михайлова и другихъ.

Части IX и X, куда войдутъ большія историческія сочиненія Шиллера: «Исторія тридцатилѣтней войны», и «Исторія освобожденія Нидерландовъ изъ подъ Испанскаго владычества», первое въ *новомъ* переводѣ М. Л. Михайлова, а второе въ *новомъ же* переводѣ Л. А. Мея, также начаты. Остальныя XI и XII части будутъ заключать въ себѣ историческія, философическія и критическія статьи Шиллера. Многія изъ нихъ уже переведены, остальныя — переводятся.

I части «Шиллера» уже нѣтъ въ продажѣ. II, III и IV — продаются у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ.

Отъ всей души желаю этому предпріятію полнаго успѣха, а вамъ, терпѣливый читатель и снисходительнѣйшая читательница, добраго здоровья и покойнаго сна.

Егоръ Моллеръ.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 2.

Шахматы въ Петербургѣ.—Пріѣздъ Князя С. С. Урусова.—Шахматный вечеръ.—Характеристика игры И. С. Шумова и Князя С. С. Урусова.—Одна игра ихъ.—Матчъ Морфи съ Адорсономъ.—Нѣтъ партій этого матча.—Новѣйшія извѣстія.—Задачи.—Руководство къ изученію Шахматной игры Князя С. Урусова (статья 1-я)—Опечатки въ первомъ номерѣ Листка.—Корреспонденція.—

Грустно было мнѣ восхвалять подвиги Морфи и Паульсена, рассказывать объ игрѣ въ Нью-Йоркѣ, Лондонѣ, Парижѣ и не сказать ни слова о шахматной дѣятельности у насъ въ Петербургѣ. Причина моего молчанія была, къ сожалѣнію, слишкомъ основательна. Въ послѣдніе два года Петербургъ совершенно охладѣлъ къ умнѣйшей и благороднѣйшей изъ игоръ; шахматный клубъ, такъ блестяще начавшій свое существованіе, нутѣлъ съ каждымъ днемъ и въ настоящее время существуетъ только по имени; шахматные журналы выписывались въ столь незначительномъ количествѣ, что газетная экспедиція отказалась отъ доставки ихъ, и теперъ мы принуждены получать эти изданія чрезъ книгопродавцевъ т. е. мѣсяцъ и болѣе послѣ выхода ихъ въ свѣтъ. Даже знаменитыя наши шахматисты и тѣ покинули славное для нихъ поприще: Янишъ весь поглощенъ математическими вычисленіями и неумѣреннымъ чтеніемъ политическихъ журналовъ; Урусовыхъ — почти нѣкогда нѣтъ въ Петербургѣ. Шумовъ, увя — играетъ въ ероланъ и ѣздитъ по маскарадамъ; Конечно можно было бы рассказать что нибудь о томъ счастливомъ времени когда, по вторникамъ и пятницамъ, человекъ до пятидесяти съѣжалось въ клубъ; когда тамъ составлялись турниры, матчи, консультаціонныя партіи; когда ученый секретарь Общества, не смотря на интегралы, находилъ возможность порадовать насъ иногда классически разыгранною партією или глубокомысленнымъ анализомъ новаго дебюта; когда князь Урусовъ пріѣхалъ изъ Москвы единственно съ тѣмъ, чтобы сразится съ прибывшимъ сюда изъ Варшавы Петровомъ;—объ этомъ слав-

номъ для шахматистовъ времени, могъ бы я рассказать очень многое, но при бѣдности настоящаго, тяжело говорить о блестящемъ прошедшаго. Къ тому же я надѣялся что равнодушіе петербуржцевъ къ *царственной* игрѣ только временное, что, рано или поздно, сердца ихъ опять возгорается благородною страстью и тогда можно будетъ вспомнить прошлое безъ обиднаго сравненіе для настоящаго. Надежда моя сбылась скорѣе чѣмъ можно было думать.

Въ началѣ января пріѣхалъ сюда Кн. Сергѣй Семеновичъ Урусовъ. Игрокъ первоклассный, ровно сильный въ теоріи и практикѣ, онъ имѣетъ драгоцѣнное свойство возбуждать своимъ присутствіемъ дѣятельность нашихъ Фолидоровъ. 10-го января, вечеромъ, у одного изъ самыхъ милыхъ нашихъ шахматистовъ, собралось нѣсколько записныхъ любителей: Шумовъ, Урусовъ, бреславльскій игрокъ Эліасонъ, неоднократно состязавшійся съ знаменитыми своими соотечественниками Андерсеномъ и Гаррвитцомъ, сочинитель остроумныхъ задачъ Шмиттъ и еще члвкъ пять—шесть, всегда необходимыхъ для составленія того, что французы называютъ «la galerie». Странное дѣло, но безъ *галереи* играется какъ-то скучно, холодно; конечно мы разумѣемъ галерею благовоспитанную, всегда помнящую статью шахматнаго устава, которою ей воспрещается довать играющимъ совѣты, вслухъ обсуживать ходы и вообще, какимъ бы то ни было образомъ, вмѣшиваться въ игру. Тутъ, послѣ долгаго поста, — въ послѣдніе два года я не сыгралъ и дести партій, — мнѣ удалось довольно успѣшно сразиться съ Гг. Эліасаномъ и Шмиттомъ; но не мои жалкіе гамбиты, а безподобная игра Князя Урусова съ Шумовымъ привлекала всеобщее вниманіе. Трудно сказать кто изъ нихъ сильнѣе; оба играютъ превосходно и при томъ характеръ игры ихъ совершенно различенъ, что и придаетъ особенную занимательность ихъ партіямъ.

Глубоко изучившій теорію и сдѣлавшій въ ней весьма важныя открытія, Кн. Урусовъ особенно силенъ въ дебютахъ и концахъ игоръ. Никто лучше его не умѣетъ быстро развить свои силы, двинуть впередъ офицеровъ, образовать блестящую, мощную, смѣлую и, въ тоже время, совершенно вѣрную атаку; или, при концѣ партіи, когда уже немного шашекъ на доскѣ, съ большею точностью расчислать всѣ послѣдствія малѣйшаго движенія королемъ или пѣшкой, болѣе кстати занять оппозицію, и вѣнчать свои усилія торжественнымъ проводомъ пѣшки въ ферзя. Если вамъ случится завоевать у Князя пѣшку или даже двѣ, не счита-

тайте еще свою партію выигранную, онъ сумѣетъ привести ее къ такому положенію, при которомъ съ обѣихъ сторонъ останутся разноцвѣтные слоны—и выигрышъ будетъ не-возможенъ, или, пожертвавъ во время офицера за пѣшку, оставить изумленнаго противника съ однимъ, безсильнымъ къ производству матокъ, слономъ или конемъ. Урусовскіе дебюты—напоминаютъ итальянскихъ классиковъ, его концы—поясняютъ знаменитое изрѣченіе Филидора «пѣшка—душа шахматной игры».

Иной характеръ представляетъ игра Шумова. Вполнѣ, и не даромъ, полагаясь на тонкость своего соображенія и врожденный талантъ къ игрѣ, онъ мало изучалъ ея теорію; пробѣжалъ когда то знаменитый «Analyse» Яниша, да тѣмъ, кажется, и ограничился. Поэтому понятно, что въ дебютахъ и окончаніяхъ, въ которыхъ самый тонкій умъ нуждается въ помощи науки, Шумовъ не можетъ равняться съ могучимъ своимъ соперникомъ; но за то въ томъ періодѣ партіи, который называется *серединой*, онъ не только не уступаетъ Князю Урусову, но, можетъ быть, даже превосходить его. Чѣмъ труднѣе положеніе, чѣмъ сложнѣе комбинаціи, тѣмъ лучше играетъ Шумовъ. Почти всякій игрокъ, сдѣлавъ однажды ошибку, непремѣнно, тутъ же, впадаетъ въ другую, третью и вообще начинаетъ играть хуже обыкновеннаго; напротивъ того Шумовъ, никогда не обнаруживаетъ своего таланта, съ большимъ блескомъ какъ послѣ сдѣланной въ дебютѣ ошибки; опасность не деморализируетъ, но вдохновляетъ его. Искусство обороны доведено Шумовымъ до высокой степени совершенства; отражая удары противника онъ разставляетъ ему между тѣмъ самые хитрыя ловушки и никогда не упустилъ возможности перейти изъ оборонительнаго положенія въ наступательное.

Справедливы или ошибочны сужденія наши отъ игрѣ Гг. Шумова и Урусова читатели могутъ видѣть изъ ихъ партій, которыя мы часто будемъ помѣщать въ Листкѣ. Вотъ первая партія игранная ими послѣ двухъ—лѣтней разлуки, въ тотъ самый вечеръ, о которомъ мы говорили выше.

№ 11.

ШОТЛАНДСКІЙ ГАМБИТЬ.

Кн. С. С. Урусовъ.	И. С. Шумовъ.	4) f3—d4°	e5—d4°
(Бѣлые.)	(Черные)	5) d1—d4°	d7—d6
1) e2—e4	e7—e5	6) f1—c4	g8—f6
2) g1—f3	b8—c6	7) c1—g5	f8—e7
3) d2—d4	c6—d4°(1)	8) b1—c3	c7—c6

4*

9) 0—0	0—0	29) g2—g4	g7—g6
10) a1—d1(2)	c8—e6	30) h3—h4	a7—a8
11) c4—d3	c6—c5	31) h4—h5	a8—d8
12) d4—a4	a7—a6	32) g4—g5+	f6—f7
13) e4—e5	f6—g4	33) h5—g6°+	h7—g6°
14) g5—e7°	d8—e7°	34) e1—d1	f7—e6
15) e5—d6°	e7—d7	35) g1—g2	d7—d6°
16) h2—h3	g4—f6	36) d5—d6°+	d8—d6°
17) a4—d7°	e6—d7°	37) d1—d6°+	e6—d6°
18) c3—e4	f6—e4°	38) g2—f3	d6—e7
19) d3—e4°	a8—a7	39) f3—e4	e7—e6
20) c2—c4	d7—e6	40) a2—a4	a6—a5
21) b2—b3	f8—d8	41) f4—f5+(4)	g6—f5°+
22) f2—f4	f7—f5	42) e4—f4	e6—f7
23) e4—f3	d8—d7	43) f4—f5°	f7—g7
24) f1—e1	g8—f7	44) g5—g6	g7—h8(5)
25) f3—d5	e6—d5°(3)	45) f5—f6	h8—g8
26) d1—d5°	b7—b6	46) g6—g7	g8—h8
27) d5—f5°+	f7—g6	47) f6—f7	и черные сдаются.
28) f5—d5	g6—f6		

Примѣчанія къ партии No 11.

(1) Обыкновенно въ этомъ случаѣ пѣшка берется пѣшкой, а не конемъ.

(2) Бѣлые угрожаютъ сдвоить пѣшки, посредствомъ g5f6°.

(3) Если бы 25) $\frac{d7-d6}{d7-d6}$ то 26) $\frac{e1-e6}{d6-e6}$ 27) $\frac{d1-e1}{d6-e6}$ и чернымъ плохо.

(4) Превосходный ходъ, единственный дающій бѣлымъ несомнѣнный выигрышъ.

5) Предполагая 44) $\frac{g7-g8}{g7-g8}$ получимъ 45) $\frac{f5-f6}{g8-f8}$ 46) $\frac{g6-g7+}{f8-g8}$
47) $\frac{f6-g6}{f6-g6}$ черный долженъ ходить пѣшкой и проиграть.

Вторая игранная въ тотъ же вечеръ партія было еще интереснѣе; Шумовъ, великолѣпнымъ пожертвованіемъ ладьи за слона, приобрѣлъ сильную атаку и привелъ своего противника въ крайне опасное положеніе, но Князь Урусовъ мастерскими маврами отклонилъ грозившую бѣду и привелъ игру къ розыгрышу. Три раза игра Князя было въ такомъ положеніи, что всякій ходъ,—кромѣ именно того, который онъ сдѣлалъ,—имѣлъ послѣдствіемъ проигрышъ. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ еще у себя

этой партіи, а потому и не можемъ напечатать ее въ настоящемъ номерѣ.

Съ легкой руки этого вечера, мы, до самаго отъѣзда Князя Урусова, почти каждый день имѣли случай любоваться его игрою съ Шумовымъ. Всего сыграно ими тринадцать партій; семь—выигралъ Урусовъ, три—Шумовъ и три были ничьи. Всѣ, безъ исключенія, играны были шотландскимъ гамбитомъ, что и объясняетъ, отчасти, огромный перевѣсъ Князя; мы вовсе не хотимъ сказать этия, что при другихъ дебютахъ онъ остался бы въ проигрышѣ, но думаемъ только, что, можетъ быть, Шумовъ поступилъ бы осторожнѣе прибѣгая къ дебютамъ, поражающимъ партіи стѣсненныя, которыя, къ нашему мнѣнію, болѣе сродны характеру его игры. Впрочемъ, мы не слишкомъ сожалѣемъ о этомъ легкомъ пораженіи остроумнаго нашего шахматиста, авось, оно приведетъ его къ убѣжденію что и геніальный игрокъ не долженъ пренебрегать наукою; дай Богъ, чтобъ Шахматный листокъ содѣйствовалъ этому убѣжденію. «Ну ужъ это слишкомъ, «вправѣ замѣтитъ читатель, ужъ не думаете ли вы Г. Михайловъ, *учить* Шумова, который смѣло можетъ дать вамъ пѣшку «и ходъ». «Но, замѣчу я, позвольте мнѣ сперва объясняться: я «вовсе не имѣю смѣшной претензіи наставлять кого бы то нибы «бо *момми* разсказами и разсужденіями, но въ тоже время знаю, «что въ Листкѣ будутъ появляться иногда статьи такихъ писателей, у которыхъ и первокласснымъ игрокамъ не грѣхъ поучиться». Такъ, начиная съ нынѣшняго мѣсяца, въ Листкѣ будетъ печататься составленное Княземъ С. Урусовымъ *Руководство къ изученію шахматной игры*. сочиненіе вполне самостоятельное, заключающее множество новыхъ открытій по части дебютовъ и концовъ игоръ. Со временемъ мы выскажемъ подробно наше мнѣніе о прекрасномъ трудѣ Кн. Урусова, а теперь посмотримъ что дѣлается въ западной Европѣ.

Узнавъ о побѣдѣ Морфи надъ Гаррвитцомъ, берлинскій клубъ отправилъ въ Парижъ Андерсена, въ надеждѣ, что онъ, можетъ быть, спасетъ славу германскихъ шахматистовъ. Впрочемъ нѣмцы чувствовали, что опасность велика и Schachzeitung предупредила своихъ читателей, что каковъ бы ни былъ результатъ состязанія Морфи съ Андерсеномъ изъ него не должно выводить никакихъ заключеній; иными словами: если Андерсенъ проиграетъ даже всѣ партіи, то всетаки не думайте, пожалуйста, что онъ играетъ хуже Морфи. Это очень наивно. Когда Андерсенъ пріѣхалъ въ Парижъ, Морфи былъ тяжело боленъ холерическими припадками и не

могъ явиться въ café de la Régence; но не таковъ онъ человекъ, чтобъ заставлятъ долго ждать противника; а потому какъ только ему стало немного легче, попросилъ Андерсена къ себѣ и тотчасъ же приступилъ къ дѣлу. Условія матча—тѣже что и съ Гаррвитцомъ т. е. семь выигранныхъ партій рѣшаютъ побѣду. Первую игру начиналъ Морфи; далъ гамбитъ Эванса и на семьдесятъ второмъ принужденъ былъ сдаться; партія длилось отъ двенадцати съ половиною часовъ утра до восьми вечера. Надо замѣтить, что Андерсенъ знаменитъ, между прочимъ, анализомъ Эвансова гамбита, а потому сыграть противъ него именно этотъ дебютъ—чрезвычайно мило; не даромъ англійскіе журналы горять, что въ характерѣ Морфи есть что то рыцарски—благородное. Всего въ матчѣ было, не считая ничьихъ, девять партій: Андерсенъ выигралъ двѣ, Морфи—семь!—

№ 12.

ГАМБИТЬ ЭВАНСА.

Морфи.	Андерсенъ.		
(Бѣлые.)	(Черные.)		
		22) d5—f3	f4—h3+
		23) g1—h1	h3—g5
1) e2—e4	e7—e5	24) f3—g2	a8—d8
2) g1—f3	h8—c6	25) f1—g1	h7—h6
3) f1—c4	f8—c5	26) a1—f1	h4—h3
4) b2—b4(1)	c5—b4°	27) g2—c6	h3—d7
5) c2—c3	b4—a5	28) c6—g2	b6—d4°
6) d2—d4	e5—d4°	29) c3—d4°	d7—d4°
7) 0—0	g8—f6	30) d2—f3	d4—d5
8) e4—e5	d7—d5	31) h2—h4	g5—e6
9) c4—b5	f6—e4	32) g2—g4	d5—c6
10) c3—d4°	0—0	33) g1—g2	d8—d3
11) b5—c6°	b7—c6°	34) g4—f5	e8—d8
12) d1—a4	a5—b6	35) f5—f6	c6—d5
13) a4—c6°	c8—g4	36) f6—f5	d3—d1
14) c1—b2	g4—f3°	37) f1—d1°	d5—d1°+
15) g2—f3°	e4—g5	38) h1—h2	d8—d3
16) b1—d2	f8—e8	39) g2—f2	d3—e3
17) g1—h1	g5—h3	40) f3—d2	e3—e2
18) f3—f4	d8—h4	41) f4—f7°+	g8—h8
19) c6—d5°	h3—f2°+	42) d2—e4	e2—f2°+
20) h1—g1	f2—d3	43) e4—f2°	d1—d5
21) b2—c3	d3—f4°	44) f2—g4	d5—a2°+

45) h2—g3	a2—b3+	59) g6—g5°	h8—d4+
46) g3—h2	b3—b2+	60) g1—f1	a5—a4
47) h2—g3	b2—c3+	61) g5—f5+	d7—c6
48) g3—h2	c3—c6	62) f5—c8	c6—b5
49) h4—h5	a7—a5	63) f1—e1(3)	c7—c5
50) g4—f6(2)	h7—f6°	64) c8—b7+	b5—c4
51) f7—f6°+	h8—g8	65) b7—f7+	c4—c3
52) f6—g6+	g8—f8	66) f7—f3+	d4—d3
53) g6—h6°+	f8—e8	67) f3—f6+	c3—b3
54) h6—g6+	e8—d7	68) f6—b6+	b3—c2
55) h5—h6	c6—d5	69) b6—b7	d3—c3+
56) h6—h7	d5—e5°+	70) e1—e2	a4—a3
57) h2—g1	e6—f5	и, послѣ еще двухъ ходовъ, —	
58) h7—h8	e5—h8°	бѣлые сдаются.	

(дѣлаетъ ферзь)

Примѣчаніе къ партіи No 12.

(1) Этотъ ходъ составляетъ то что называется гамбитомъ Эванса.

(2) Это пожертвованіе рассчитано совершенно вѣрно, конь непременно будетъ возвращенъ чрезъ нѣсколько ходовъ. новсетаки партія бѣлыхъ не можетъ уже быть спасена.

(3) Бѣлые могли бы взять пѣшку, но тогда Андерсенъ вынудилъ бы мѣну ферзей посредствомъ 64) $\frac{\text{d4—c4+}}{\text{d4—c4+}}$ и, оставшись съ лишнею пѣшкою необходимо бы выигралъ;

№ 13.

ДЕБЮТЪ ЛОПЕЦА.

Морфи.	Андерсенъ.	11) g5—f6°	d8—f6°
(Бѣлые.)	(Черные.)	12) c2—c3	d7—d5
1) e2—e4	e7—e5	13) c3—d4°	c8—e6
2) g1—f3	b8—c6	14) b1—c3	a7—a6
3) f1—b5	g8—f6	15) e1—e5	a8—d8
4) d2—d4	c6—d4°	16) d1—b3	f6—e7
5) f3—d4°	e5—d4°	17) a1—e1	g7—g5
6) e4—e5	c7—c6	18) b3—d1	e7—f6
7) 0—0	c6—b5°	19) e1—e3(2)	h8—g8
8) c1—g5	f8—e7(1)	20) e5—e6°	f7—e6°
9) e5—f6°	e7—f6°	21) e3—f3	и черные сдаются.
10) f1—e1+	e8—f8		

Примѣчанія къ парти № 13.

(1) Стаунтонъ замѣтилъ, что лучше бы 8) $\frac{d8-b6}{d8-b6}$; мы прибавимъ къ этому, что 8) $\frac{d8-b6}{h7-h6}$ было бы дурно, хотя этотъ ходъ представляется съ перваго взгляда, довольно хорошимъ.

(2) Непостижимо какъ Андерсенъ незамѣтилъ, что этимъ ходомъ готовится гибель его слону.

№ 14.

ДЕБЮТЪ ЛОПЕЦА.

АНДЕРСЕНЪ.	МОРФИ.		
(Бѣлые.)	(Черные.)	26) g1—h1	d4—b2°
1) e2—e4	e7—e5	27) a1—b1	d8—d1°+
2) g1—f3	b8—c6	28) b1—d1°	f6—f2°
3) f1—b5	a7—a6	29) h7—h8+	f8—e7
4) b5—a4	g8—f6	30) h8—h7	b2—e5
5) d2—d3	f8—c5	31) e4—f3	f2—g3
6) c2—c3	b7—b5	32) h1—g1	g3—g6
7) a4—c2	d7—d5	33) b7—g6°	f7—g6°
8) e4—d5°	f6—d5°	34) f3—b7	e8—b8
9) h2—h3	0—0	35) b7—a6°	c7—c6
10) 0—0	h7—h6	36) g1—f2	e5—d6
11) d3—d4	e5—d4°	37) d1—d3	e7—d7
12) c3—d4°	c5—b6	38) f2—e2	b8—a8
13) b1—c3	d5—b4	39) a6—b7	a8—a3°
14) c2—b1	c8—e6	40) b7—c8+	d7—c7
15) a2—a3	b4—d5	41) d3—d1	a3—a2+
16) c1—e3	d5—f6	42) e2—f3	d6—c5
17) d1—d2	f8—e8	43) c8—e6	a2—f2+
18) f1—d1	e6—d5	44) f3—g3	f2—f6
19) f3—e5	d8—d6	45) d1—d7+	c7—b6
20) d2—c2	c6—d4°(1)	46) e6—g4	c5—d6+
21) e3—d4°	b6—d4°	47) g3—h4	c6—c5
22) c3—d5°	d6—e5°	48) g4—f3	c5—c4
23) d5—f6°+	e5—f6°	49) d7—g7°	f6—f4+
24) c2—h7+	g8—f8	50) f3—g4	c4—c3
25) b1—e4	a8—d8	51) g2—g3	f4—g4°+

Андерсенъ сдается.

Примѣчаніе къ парти № 14.

(1) Очень хороший ходъ.

№ 15.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

Морфи.	АНДЕРСЕНЪ.	27) g2—f1	f7—f5
(Бѣлые.)	(Черные.)	28) c2—f2	d7—e5
1) e2—e4	d7—d5	29) d4—e5°	d6—d3°+
2) e4—d5°	g8—f6	30) f2—e2	d3—e4
3) d2—d4	f6—d5°	31) e3—f2	e4—c6
4) c2—c4	d5—f6	32) e1—d1	d8—d1°+
5) b1—c3	c8—f5	33) c2—d1°	c6—c4°+
6) g1—f3	e7—e6	34) d1—d3	c4—a2°
7) c1—e3	f8—b4	35) f3—g3	a2—c4
8) d1—b3	b4—c3°+	36) d3—c4°	g4—c4°
9) b2—c3°	f5—e4	37) g3—g6	c4—c6°
10) f3—d2	e4—c6	38) c3—c4	a7—a5
11) f1—d3	b8—d7	39) f1—e2	c6—c4°
12) b3—c2	h7—h6	40) g6—e6°	c4—c2+
13) 0—0	0—0	41) e2—f3	a5—a4
14) a1—e1	b7—b6	42) e6—g6	c2—c4
15) h2—h3	d8—c8	43) g6—g1	a4—a3
16) g1—h2	g8—h8	44) e5—e6	a3—a2
17) f1—g1	f8—g8	45) g1—a1	c4—e4
18) g2—g4	g7—g5	46) a1—a2°	e4—e6°
19) f2—f4	c8—f8	47) f3—f4	e6—d6
20) g1—g3	a8—d8	48) f4—f5°	d6—d5+
21) d2—f3	c6—f3°	49) f5—g4	b6—b5
22) g3—f3°	f8—d6	50) a2—a8+	h8—h7
23) h2—g2	f6—h5	51) a8—a7	d5—d7
24) f4—g5°	h6—g5°	52) f2—g3	d7—g7+
25) g4—h5°	g5—g4	53) g4—h4	g7—f7
26) h3—g4°	g8—g4°+	54) a7—c7°	АНДЕРСЕНЪ СЛѢДСТ.

№ 16.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

АНДЕРСЕНЪ.	Морфи.	5) e2—e3	c8—e6
(Бѣлые.)	(Черные.)	6) g1—f3	f8—d6
1) a2—a3(1)	e7—e5	7) f1—e2	0—0
2) c2—c4	g8—f6	8) d2—d4	d5—c3°
3) b1—c3	d7—d5	9) b2—c3°	e5—e4
4) c4—d5°	f6—d5°	10) f3—d2	f7—f5

Отд. IV.

5

11) f2—f4	g7—g5	28) b2—f6°+	e7—f6°
12) e2—c4	e6—c4°	29) e2—b2+	f6—f7
13) d2—c4°	g5—f4°	30) b3—h3	g8—g7
14) e3—f4°	d8—e8	31) b2—d4	f7—g8
15) 0—0	e8—c6	32) h3—h6	d6—f8
16) d1—b3	c6—d5(2)	33) d5—d6	g7—f7
17) a1—b1	b7—b6	34) h6—h3	d7—a4
18) b3—a2(3)	c7—c6	35) f1—c1	c8—c5
19) a2—c2	b8—d7	36) h3—g3+	f8—g7
20) c4—c3	d5—e6	37) h2—h3	g8—h8
21) c3—c4	d7—f6	38) g3—g7°(4)	f7—g7°
22) b1—b3	g8—f7	39) c1—c3	e4—e3
23) c1—b2	a8—c8	40) c3—e3°(5)	c5—c4°
24) g1—h1	f8—g8	41) d4—f6	c4—c1+
25) d4—d5	c6—d5°	42) h1—h2	a4—f4°+
26) c4—d5°	e6—d7		
27) e3—c4	f7—e7		

АНДЕРСЕНЪ СДАЕТСЯ.

Примѣчанія къ партии No. 16.

(1) Это что такое? Я думаю въ лѣтописяхъ игры нѣтъ такого дебюта. Видно Андерсенъ совершенно деморализированъ и бросается въ область неизвѣстнаго; но и это не поможетъ.

(2) Съ этаго момента игра пріобрѣтаетъ интересъ.

(3) Это ловушка; если черные польстятся на коня и надвинутъ пѣшку, то Андерсенъ прямо возьметъ ее ладьей.

(4) Это пожертвованіе вынужденное; иначе бѣлые потеряютъ коня.

(5) Грубая ошибка.

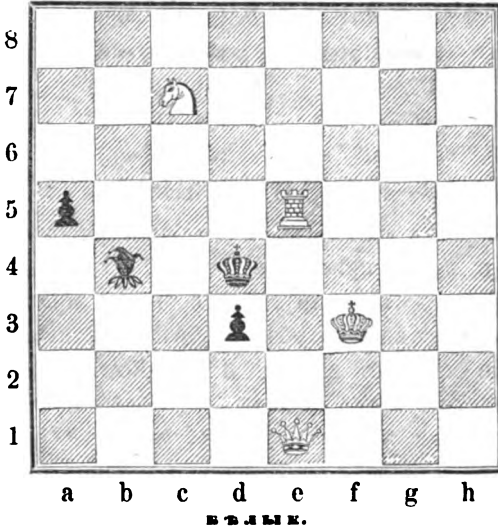
Послѣ матча Морфи,—какъ пишутъ намъ изъ Лондона,—онъ сыгралъ еще двѣ партии съ Андерсеномъ и выигралъ обѣ, а затѣмъ послалъ вызовъ Стаунтону и Гаррвитцу, предлагая имъ пѣшку и ходъ впередъ; отвѣтъ Стаунтона намъ еще неизвѣстенъ, но Гаррвитцъ, положительно отказался. Ну, послѣ этого мы совершенно согласны съ Schachzeitung, какія тутъ еще заключенія? Дѣло само за себя говоритъ.

Задачи.

№ 3.

Е. ШМИТТА (въ Санктпетербургѣ).

ЧЕРНЫЕ.

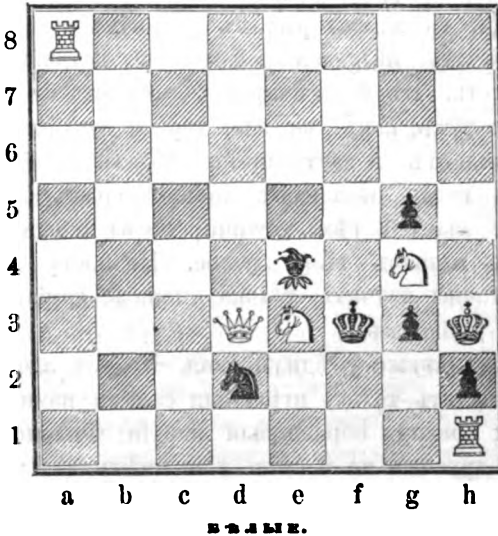


Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

№ 4.

РЕССЛЕРА (въ Санктпетербургѣ).

ЧЕРНЫЕ.



Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ дать матъ въ 5 ходовъ.

5*

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

СОЧ. КН. С. УРУСОВА.

(статья 1-я)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я задумалъ было составить подробный учебникъ шахматной игры; но трудъ этотъ пришлось мнѣ не по характеру, перебирать то, что уже сдѣлано другими, собирать правила, наставленія, историческія свѣдѣнія объ изобрѣтеніи игры, и т. п., — имѣть терпѣніе собрать все это и обработать только для того, чтобы руководство было полнѣе, — показалось мнѣ трудомъ скучнымъ и, главное, неблагодарнымъ.

Къ тому же я задалъ себѣ вопросъ: какой кратчайшій способъ изученія игры? или: какія теоретическія свѣдѣнія необходимы, чтобы съ пользой приступить къ практикѣ?

Во-первыхъ, опытъ убѣдилъ меня, что заучиванье дебютовъ, обременяя память, дѣлаетъ самый острый умъ тупымъ и неспособнымъ къ вѣрнымъ соображеніямъ въ живой игрѣ. Здѣсь, какъ и въ военномъ дѣлѣ, излишнія теоретическія занятія вредно дѣйствуютъ на характеръ; въ рѣшительную минуту, когда нужно дѣйствовать, является рой мыслей, которыя поражаютъ нерѣшительность. Въ головѣ происходитъ что-то въ родѣ военнаго совѣта и тутъ, какъ на зло, дурной совѣтъ выскакиваетъ впередъ, убѣждаетъ и заставляетъ сдѣлать ошибку. Для игры по перепискѣ, когда возможейнѣ точный анализъ, — дѣло иное; чѣмъ больше мыслей, тѣмъ лучше; но въ обыкновенной игрѣ чѣмъ меньше плановъ тѣмъ лучше. По моему мнѣнію совершенно достаточно изучить только главные варианты употребительнѣйшихъ дебютовъ.

Далѣе: опытъ также убѣдилъ меня, что изъ записанныхъ партій полезно изучать только игранныя самими нами и нашими современниками; прежнія образцовыя партіи: Филидора, Дешапеля, Лабурдоне, и другихъ не могутъ уже имѣть для насъ большаго значенія по причинѣ новѣйшихъ открытій, значительно измѣнившихъ теорію дебютовъ; эти партіи служатъ, по моему мнѣнію, только бесполезнымъ украшеніемъ руководствъ.

Но что несомнѣнно, это совершенная невозможность сдѣлаться хорошимъ игрокомъ безъ познанія концовъ игорь. Кто не твердъ въ дебютахъ, тотъ еще можетъ надѣяться посредствомъ мѣны, упрощающей игру, миновать слишкомъ сложные маневры и довести игру до конца; но конца избѣжать труднѣе. Этотъ послѣдній періодъ игры необходимо изучать уже потому, что только онъ и можетъ быть доступенъ точному анализу. Теорія дебютовъ измѣнялась и будетъ измѣняться, но концы игорь все болѣе и болѣе подводятся подъ точныя, иногда математическія выкладки, изъ коихъ можно выводить неизблемыя правила. Словомъ, по моему мнѣнію, концы игорь составляютъ предметъ шахматной науки, а изученіе ихъ составляетъ кратчайшій путь къ разумнѣнью искусства владѣть шашками.

Но подъ концами игорь я разумѣю не красивыя задачи, гдѣ дѣло идетъ о производствѣ мата во столько-то ходовъ, (какъ наприм. собраніе задачъ Александра); — я разумѣю систематическое изслѣдованіе сравнительной силы шашекъ и послѣдствій могущихъ произойти отъ столкновенія извѣстнаго числа ихъ. Выраженіе *концы игорь* надо отбросить, замѣнивъ его словомъ *Теорія шахматной игры*. Чтобы научиться владѣть 16-ю шашками, должно сперва выучиться владѣть тремя, четырьмя, а потомъ пятью и т. д. въ восходящемъ порядкѣ. Анализъ можетъ быть тогда только вѣренъ если основывается на вѣрныхъ выводахъ, а опытъ доказываетъ, что вычисленія только и могутъ быть произведены надъ малымъ числомъ шашекъ.

Все сказанное ясно опредѣляетъ программу, по которой составлено это руководство. Въ первомъ отдѣлѣ я добиваюсь правилъ: вычисляю, разсуждаю и иду отъ неизвѣстныхъ къ извѣстнымъ. Во второмъ примѣняю теорію къ практикѣ, то есть иду отъ извѣстныхъ къ неизвѣстнымъ. Неизвѣстнымъ, неуловимымъ, недоступнымъ для точнаго анализа останется на-всегда середина игры.

Я мало заимствовала изъ другихъ шахматныхъ книгъ. Обо всемъ говорится у меня сжато, и потому моя программа покажется можетъ быть многимъ неудовлетворительною; но я и не выдаю это руководство за полное; моя книга только опытъ новаго способа преподаванія теоріи шахматной игры, который состоитъ въ томъ, чтобы, не обременяя памяти, дѣйствовать наиболѣе на мыслящую способность ученика.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ТЕОРІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О СИЛѢ ШАШЕКЪ.

§ 1. Если изслѣдованіе и указаніе средствъ къ достиженію цѣли игры составляетъ предметъ теоріи шахматной игры, а средства эти заключаются въ ходахъ, которые заучить не трудно, то спрашивается, что еще надо узнать чтобы уразумѣть игру?

Во первыхъ, если у васъ и одна шашка, но такая, которая можетъ ступать по различнымъ кѣткамъ, то вы себя спросите: въ которую сторону и на какую именно кѣтку надо ея ступить?

Во вторыхъ, если у васъ нѣсколько шашекъ, къ предъидущему вопросу присоединится еще и слѣдующій: — какую шашкою должно ступить прежде и какую послѣ?

На оба эти вопроса должно дать слѣдующій отвѣтъ:

Тотъ ходъ лучшій, который скорѣе ведетъ къ цѣли. Значитъ: если должно обороняться, то лучшимъ ходомъ будетъ тотъ, который скорѣе другихъ отклонитъ угрожающій матъ; если же надо атаковать, то этимъ ходомъ будетъ тотъ, который скорѣе другихъ приведетъ въ выигрышу; я говорю скорѣе: потому что если вы опоздаете то получите матъ.

Теперь и видно чему надо учиться.

Надо умѣть узнавать сравнительную силу шашекъ и ходовъ въ каждой моментъ игры, — и не только силу своихъ, но и чужихъ шашекъ и ходовъ; это для того, чтобы узнавать кто сильнѣе.

§ 2. О силѣ шашки судятъ по числу защищаемыхъ кѣтокъ и по способности ея давать и отклонять матъ. Чтобы подвести все это подъ цифры и тѣмъ дать ученику возможность составить себѣ хотя нѣкоторое понятіе о сравнительной силѣ шашекъ, предполагаютъ доску совершенно или почти совершенно свободною, и обращаютъ исключительное вниманіе ученика на одну какую-либо шашку, потомъ постепенно увеличивая число шашекъ, изучаютъ силу двухъ, трехъ и болѣе шашекъ. При этомъ способѣ изученія почти всегда бываетъ односторонность: болѣе

обращается вниманіа на изученіе силы одной шашки чѣмъ другой, или болѣе обращается вниманіа на атаку чѣмъ на оборону; но это не избѣжно и при иномъ способѣ изученія.

§ 3. Всего легче подводится подъ цифры сила фигуръ по числу ходовъ и числу кѣтокъ, которыя каждая изъ нихъ защищаетъ въ данный моментъ игры. Для этого каждую шашку попеременно становятъ на кѣтки a1, a2, a3, b4, b3, b2, b1, c1, c2, c3, c4, d4, d3, d2, d1, или на нныя подобныя симъ 16-ти кѣткамъ, и, замѣтивъ число кѣтокъ, на которыя бьетъ шашка съ каждаго изъ перечисленныхъ выше мѣстъ, берутъ среднюю ариѣметическую пропорціональную; полученная величина и выразитъ искомую среднюю силу удара шашки. Для вычисленія же оборонительной силы шашки принимаютъ въ расчетъ и ту кѣтку, на которой она стоитъ.

Для большой ясности приводимъ вычисленіе силы ферзя, слона, коня и короля (ладья со всякаго мѣста бьетъ на 14 кѣтокъ).

- 1, Ферзь: на a1, a2, a3, a4, b1, c1, и d1 бьетъ на 21 кѣтку;
 на b2, b3, b4, c2 и d2 — на 23 кѣтку;
 на c3, c4 и d3 — на 25,
 и на d4 — на 27 кѣтокъ.

Изъ этого получаемъ:

$$7 \cdot 21 + 5 \cdot 23 + 3 \cdot 25 + 27 = 364.$$

Раздѣливъ эту сумму на 16, будетъ:

Средняя сила Ферзя = $22\frac{1}{2}$

- 2) Слонъ: на a1, a2, a3, a4, b1, d1 и c1 = 7,
 на b2, b3, b4, c2, и d2 = 9,
 на c3, c4 и d3 = 11.
 и на d4 — = 13;
 $7 \cdot 7 + 9 \cdot 5 + 11 \cdot 3 + 13 = 140.$

Средняя = $\frac{140}{16} = 8\frac{5}{8}$

- 3) Конь: на a1 = 2,
 на a2, b1 = 3,
 на a3, a4, b2, c1 и d1 = 4
 на c2, d2, b3 и b4 = 6
 на c3, d3, c4 и d4 = 8
 $2 + 6 + 20 + 24 + 32 = 84$

Средняя: $\frac{84}{16} = 5\frac{1}{4}$

4) Король: на a1 = 3
 на a2, a3 a4, b1, c1 и d1 = 5
 на прочихъ девяти клѣтк. = 8
 $3 + 30 + 72 = 105$

Средняя = $\frac{105}{18} = 6\frac{1}{2}$.

Нападательная сила Ферзя = $22\frac{1}{2}$, оборонительная = $23\frac{1}{2}$

Ладьи = 14 " " " = 15

Слона = $8\frac{1}{2}$ " " " = $9\frac{1}{2}$

Коня = $5\frac{1}{2}$ " " " = $6\frac{1}{2}$

Король = $6\frac{3}{4}$ " " " = $7\frac{1}{4}$

§ 4. Этимъ способомъ нельзя только вычислять силы пѣшки; ибо она ходитъ иначе чѣмъ беретъ. Если же вычислять ея силу только по числу ходовъ, то выйдетъ, что пѣшка на 7й линіи, то есть на шагъ отъ величины 21, слабѣе пѣшки на 2й линіи; что очевидно было бы ложно. По этому, для вычисленія силы пѣшки, необходимо употребить такой приемъ, который позволилъ бы разомъ обнять какъ нападетельную и оборонительную силу, такъ и ту силу хода, которая приближаетъ пѣшку въ величинѣ 21.

Способъ удовлетворяющій этому условію состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать пѣшку какъ силу, которая, черезъ одинъ или нѣсколько ходовъ, сдѣлается равною силѣ ферзя на крайнен линіи доски, то есть 21. Иначе сказать: я принимаю каждую пѣшку на свободной доскѣ за ферзь минусъ извѣстное число ходовъ *). Стало быть:

Пѣшка a7*) плюсъ одинъ ходъ = 21,

a6 + два хода = 21,

и т. д.

Выразивъ искомую силу хода чрезъ x, а искомыя силы пѣшекъ, наприм. на линіи a, чрезъ y, y', y'', и т. д., получимъ уравненія:

*) Понятно что тутъ говорится о бѣлыхъ пѣшкахъ; приложая тоже разсужденіе къ чернымъ мы получили бы пѣшка a2 + одинъ ходъ = 21, a3 + два хода = 21 и т. д., ибо для черныхъ пѣшекъ линія 2 имѣетъ тоже значеніе что для бѣлыхъ линія 7. Все это совершенно ясно изъ помѣщеннаго въ первомъ номерѣ листа объясненія алгебраической нотаціи.

- А) 1) $y + x = 21$
 2) $y' + 2x = 21$
 3) $y'' + 3x = 21$
 4) $y''' + 4x = 21$
 5) $y'''' + 5x = 21$
 и 6) $y'''' + 5x = 21$

Изъ двухъ послѣднихъ уравненій видимъ, что $y'''' = y''''$.

Изъ пятого уравненія слѣдуетъ $x = \frac{21 - y''''}{5}$

По смыслу игры это уравненіе принимаетъ только четыре рѣшенія: y'''' можетъ быть равенъ или 1, или 6, или 11, или 16. Въ первомъ случаѣ $x = 4$, во второмъ $x = 3$, въ третьемъ $x = 2$. и наконецъ въ послѣднемъ $x = 1$.

Но, какъ извѣстно, сила пѣшки на линіи дамки*), то есть 21, плюсъ x , то есть сила хода, можетъ быть равна или 2 (и тогда пѣшка а8 будетъ $= 23$), или 4 (и тогда а8 $= 25$), или 6 (и тогда а8 $= 27$), то слѣдовательно средняя сила хода $= 4$. Вставивъ эту величину вмѣсто x , получимъ новыя уравненіе В.

- В) $y + 4 = 21$
 $y' + 8 = 21$
 $y'' + 12 = 21$
 $y''' + 16 = 21$
 $y'''' + 20 = 21$
 и $y'''' + 20 = 21$

откуда: $y = 17$, $y' = 13$, $y'' = 9$, $y''' = 5$, $y'''' = 1$ и $y'''' = 1$.

Если предположить, что x можетъ быть ровенъ не 4, но на-
 примѣръ 1, то выйдетъ безсмыслица въ томъ, что y'''' сильнѣе
 ладьи. Если $x = 2$, то выйдетъ что y'''' сильнѣе слона. Если
 $x = 3$, то y'''' сильнѣе коня. Всѣ эти и другія подобныя без-
 смыслицы устраняются при $x = 4$.

§ 5. Очевидно, какія бы числа ни вставили мы въ уравненія
 А вмѣсто y , y' и т. д., x неизмѣнится, а измѣнится только коли-
 чество 21; и на оборотъ; съ измѣненіемъ сего послѣдняго коли-
 чества измѣняется только y , y' , и т. д.

Далѣе: законъ измѣненія силы ферзя на свободной доскѣ
 извѣстенъ; она можетъ быть равна одному изъ четырехъ коли-
 чествъ: 21, 23, 25 или 27.

Слѣдовательно, если сила пѣшки измѣняется отъ перестанов-
 ки на линіи b, c, d, то она измѣняется не иначе какъ соотвѣт-
 ственно измѣненію силы ферзя.

*) Выраженія «линія дамки» заимствовано изъ игры въ простыя шашки и означаетъ
 ту линію, на которой пѣшка дѣлается ферземъ или инымъ офицеромъ. *Прим. Ред.*

Сила пѣшки на 8-ой линіи не измѣняется ни на b8, ни на c8, и т. д., слѣдовательно для пѣшекъ на этой линіи получимъ:

$$b8 + 4 = 25, c8 + 4 = 25, \text{ и т. д.}$$

Но сила пѣшки на 7-ой линіи можетъ и даже должна измѣниться отъ передвиженія съ a7 на b7; ибо, во-первыхъ, на b7 пѣшка бьетъ на двѣ кѣтки, а на a7 только на одну, а во-вторыхъ и потому, что, какъ мы знаемъ, сила ферзя на b7 = 23, между тѣмъ какъ на a7 = только 21; поэтому для пѣшки b7 получимъ уравненіе: $17 + z + 4 = 21 + z$. Но какъ во второй части уравненія z выражаетъ разность между цифрами 21, 23, 25, 27, то есть 2, то слѣдовательно для пѣшки b7 получимъ $17 + 2 + 4 = 23$.

Вставивъ величину 2 въ другія уравненія, получимъ:

Пѣшка на b7 = 19, на b6 = 15, на b5 = 13, на b4 = 7, на b3 = 3 и на b2 = 3.

Изъ предъидущаго видно, что когда ферзь = 23, то пѣшка = 19; а когда ферзь 25, то пѣшка 21; слѣдовательно въ тѣхъ случаяхъ, когда ферзь = 27 соотвѣтственно съ симъ измѣняется и сила пѣшки. А какъ ферзь = 27 только на кѣткахъ d4, d5, e4 и e5, то въ уравненіяхъ B третье и четвертое измѣнятся въ слѣдующія:

$$d5 \text{ или } e5 + 12 = 27$$

$$\text{и } e4 \text{ « } d4 + 16 = 27$$

$$\text{откуда } d5 = 15, d4 = 11$$

$$e5 = 15, e4 = 11$$

Для каждой же пѣшки получимъ:

a2=1, a3=1, a4= 5, a5= 9, a6=13, a7=17, и тоже для линіи h.
 b2=3, b3=3, b4= 7, b5=13, b6=15, b7=19, « « g.
 c2=3, c3=5, c4= 9, c5=13, c6=17, c7=19, « « f.
 d2=3, d3=5, d4=11, d5=15, d6=17, d7=19, « « e.

§ 6. Изъ предъидущихъ вычисленій явствуютъ слѣдующіе выводы:

1, Сила всѣхъ фигуръ, за исключеніемъ ладьи, измѣняется смотря по занимаемой имъ кѣткѣ, и именно увеличивается, съ приближеніемъ ихъ къ центральнымъ кѣткамъ.

2, Для пѣшки сравнительно выгоднѣйшія кѣтки суть центральныя; и, слѣдовательно для пѣшекъ a2, b2 и c2 выгодно брать вправо, а для пѣшекъ h2, g2 и f2 выгодно брать влево.

3. Такъ какъ сила двухъ центральныхъ пѣшекъ d5 и e5=30 а сила пѣшекъ c5 + f5 = 26, то соединенныя пѣшки сильнѣе отдѣльныхъ.

4. Сила всякой пѣшки увеличивается съ приближеніемъ къ линіи дамки, но сравнительная сила центральныхъ пѣшекъ за

5-й линіей уменъшается, такъ что сила пѣшки d6 равна силѣ ея на с6. Значить преимущество центральной пѣшки надъ другою сохраняется только на клѣткахъ d4, e4, d5 и e5.

5. Сравнивая ереднюю силу пашекъ на свободной доскѣ, видимъ, что сильнѣйшая изъ нихъ есть ферзь, потомъ ладья, пѣшка, слонъ, король и конь.

§ 7. Въ игрѣ не можетъ быть менѣе трехъ пашекъ: когда остаются только одни короли, игра считается конченною; слѣдовательно, по видимому, предъидущіе выводы не могутъ имѣть примѣненія къ дѣйствительной игрѣ. На самомъ же дѣлѣ мы сейчасъ убѣдимся, что только вышеприведенные и подобные имъ приемы и выводы могутъ быть примѣнимы къ игрѣ.

Во первыхъ, неподвержено сомнѣнію, что процессъ игры, то есть стремленіе пашекъ произвести и отклонить матъ, останется на всегда неуловимымъ для точнаго анализа; ибо вычисленія не могутъ допустить возможности побѣды слабого надъ сильнымъ, на практикѣ же это часто бываетъ.

Далѣе: изъ предъидущаго слѣдуетъ, что какимъ бы вычисленіямъ ни подвергнули мы стѣсненную доску, во всякомъ случаѣ получимъ величины непримѣнимыя къ игрѣ. Если бы еще по инымъ вычисленіямъ выходило напримѣръ, что не ферзь сильнѣйшая пашка, — можно было бы усомниться въ вѣрности нашихъ выводовъ; но въ томъ-то и дѣло, что и по инымъ вычисленіямъ выходитъ, что ферзь сильнѣе ладьи, — ладья сильнѣе слона, а слонъ сильнѣе коня; то есть отношеніе цифръ, выражающихъ силу пашекъ, ни въ какомъ случаѣ не измѣняется.

Если же мы вынуждены довольствоваться лишь приблизительными выводами, то для чего будемъ искать новыхъ способовъ вычисленій, когда употребленный нами выше приводитъ кратчайшимъ путемъ къ тѣмъ же результатамъ?

Правда, по моимъ вычисленіямъ выходитъ, что средняя сила пѣшки больше таковой же силы слона; но не должно забывать, что эти вычисленія относились только до доски свободной, а на доскѣ близко подходящей къ таковой и на практикѣ выходитъ, что пѣшка сильнѣе слона ибо пѣшка можетъ дать матъ, между тѣмъ какъ одинъ слонъ, матъ не даетъ.

Примѣнивъ сдѣланныя нами вычисленія надъ пѣшкой къ практикѣ, мы увидимъ, что во многихъ случаяхъ получимъ результаты совершенно вѣрные съ понятіемъ, которое мы составляемъ себѣ о силѣ пашекъ въ живой игрѣ.

Во первыхъ, мы уже провели черту между пѣшками въ центрѣ и крайними пѣшками, — между соединенными и отдѣльными, и т. д.

Во вторыхъ, если примѣнимъ теперь одно изъ уравненій А къ стѣсенной доскѣ, то уяснимъ и другіе практическіе вопросы.

Для пѣшки а7, напримѣръ, уравненіе будетъ, какъ извѣстно, вида:

$$y + X = f.$$

Что на шахматномъ нарѣчій означаетъ:

1) Пѣшка на 7-й линіи при своемъ ходѣ равна ферзю на крайней линіи, доски; — выводъ совершенно вѣрный.

2) Если предположимъ первенство хода не на сторонѣ пѣшки; равенство нарушится и будетъ $y < f + x$; а чтобы выразить это неравенство уравненіемъ надо написать: $y - x = f - 2x$; что означаетъ:

Пѣшка на 7-й линіи не при своемъ ходѣ равна пѣшкѣ на 6-й линіи при своемъ ходѣ — выводъ весьма согласный съ практикой.

3) Если первенство хода дѣлаетъ пѣшку а7 равною или 13, или 21, то силу его можно выразить цифрою 8. И также: ежели пѣшка а7 равна одному изъ двухъ количествъ 13 или 21, то изъ этого можно заключить, что сила пѣшки на стѣсенной доскѣ никогда не можетъ быть равна тому, чему она равняется на свободной доскѣ: она непремѣнно будетъ или больше, или меньше.

4) Если выставимъ въ уравненіе $y + x = f$ количества выражающія среднюю силу другихъ шашекъ, то увидимъ, что Ферзь никогда не можетъ быть равенъ $2\frac{3}{4}$, — Ладья всегда будетъ менѣе 14, и т. д.

Что дѣйствительно безусловныхъ величинъ въ шахматахъ быть не можетъ — можно уразумѣть и изъ простаго примѣра.

Положимъ, что на доскѣ разставлено совершенно тождественно по ровну бѣлыхъ шашекъ и черныхъ: очевидно, если вы захотите опредѣлить сравнительную силу шашекъ обѣихъ сторонъ, вы спросите прежде всего: — за кѣмъ первенство хода? — Что и требовалось доказать.

Въ заключеніе объ этомъ новомъ приѣмѣ, употребленномъ мною для вычисленія силы шашекъ, считаю нужнымъ оговориться, чтобы не ввести кого либо изъ читателей въ заблужденіе относительно употребленія этого способа.

Выше сказано мною, что безусловныхъ величинъ для выраженія силы шашекъ добиваться нельзя, да и нѣтъ надобности; слѣдовательно я не выдаю способа, употребленнаго мною для вы-

численія силы пѣшки, за непогрѣшимое средство узнавать силу шашекъ. Тотъ впалъ бы въ заблужденіе, кто въ заучиваніи цифръ сталъ бы искать средства узнавать истинную силу шашекъ въ каждый моментъ игры. Ошибся бы и тотъ, кто вздумалъ бы примѣнять вычисленія къ живой игрѣ. Я хотѣлъ вычисленіями этими только доказать то, что сознаю изъ опыта. Я всегда соглашался съ мнѣніемъ Филидора относительно достоинства центральныхъ пѣшекъ; но я сознавалъ также, что мнѣнія, даже знаменитаго игрока еще недостаточно. Я сознавалъ, что пѣшка на одинъ шагъ отъ дамки сильнѣе позади стоящей; но мнѣ хотѣлось доказать это; я понималъ важность правила выводить офицеровъ съ правой линіи къ центру; но мнѣ хотѣлось обратить это мнѣніе въ законъ. Я понималъ, что, если ходами очередуются, равенство силъ быть не можетъ; но мнѣ хотѣлось это мнѣніе Филидора, будто бы начинающій долженъ, говоря теоретически, выиграть, — уяснить. Пренія безцвѣтныя наставленія, считавшіяся многими произвольными, я облекъ въ формулы, дабы обратить на нихъ вниманіе читателя. Можетъ быть въ предлагаемомъ мною способѣ вычисленія найдутся погрѣшности; но основная мысль, предполагаемая мною для оцѣнки силы шашекъ, несомнѣнно, будетъ многими принята.

Мысль моя была та, чтобы принимать за мѣрило силы шашекъ не цифру, которая въ шахматахъ ничего не можетъ выразить, но пѣшку. Многимъ вѣроятно случалось читать партіи, гдѣ съ одной стороны вмѣсто ферзя становилось на доску отъ 4-хъ до 8-ми пѣшекъ; кромѣ того и во многихъ руководствахъ говорится, на примѣръ, что слонъ равенъ тремъ пѣшкамъ, а ладья четыремъ; эту-то мысль, сравнивать силу большихъ шашекъ посредствомъ пѣшки, я взялъ за основаніе и выразилъ ея формулой.

(Продолженіе впродъ.)

Корреспонденція. *Г-ну Еремьеву*. Ваше замѣчаніе относительно возможности измѣнить задачу No 1 посредствомъ перестановленія короля съ f2 на e2 совершенно справедливо, но, по нашему мнѣнію, она будетъ тогда не столь замысловата и красива. Почему не упоминаете Вы разрѣшили ли Вы задачу въ томъ видѣ какъ она напечатана въ Листкѣ?

Опечатки въ первомъ номерѣ Листка. Печатаніе шахматныхъ партій — камень преткновенія для всѣхъ типографій. Можно смѣло утверждать, что нѣтъ ни одного шахматнаго сочиненія, въ которомъ не было бы опечатокъ; тѣмъ болѣе встрѣчается ихъ въ журналахъ, такъ какъ они печатаются съ болѣею поспѣшностью чѣмъ изданія не періодическія. Возьмите напр. Schachzeitung, журналъ издающійся съ большимъ стараніемъ, и вы убѣдитесь, что рѣдкая партія не заключаетъ въ себѣ какой нибудь опечатки. И Шахматный Листокъ остался не совсѣмъ безгрѣшенъ въ корректурномъ отношеніи; а именно въ партіи No 1 напечатано 21) h2f3°+ вмѣсто 21) g2f3°+; въ концѣ той же партіи напеч. «спасти партію черныхъ» читай: «спасти партію бѣлыхъ».

Въ партіи No 2 нап. 21) c5—e2° читай 21) c5—c2.

No 3 нап. Андерсенъ. Гаррвитцъ. чит. Андерсенъ Гаррвитцъ
(бѣлые) (черные) (черные) (бѣлые)

No 6 нап. 23) e3b5. чит. c3b5.

Въ партіи No 8 на 40-мъ и 46-мъ ходѣ черныхъ пропущенъ знакъ взятія шашки т. е. °, Въ партіи No 9 напечатано Кн. С. С. Урусовъ читай: Кн. Д. С. Урусовъ, такъ какъ она была играна не Сергѣемъ Семеновичемъ, но братомъ его Дмитриемъ Семеновичемъ Урусовымъ. Кромѣ того въ самый текстъ вкрадось нѣсколько опечатокъ изъ которыхъ считаемъ нужнымъ говорить одну: стр. 11. На первой строкѣ снизу напечатано «drawn gane» читай «drawn game».